ВОЙСКА.

ИСТОРІЯ КУБАНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

Томъ II.

Исторія войны казаковъ съ закубанскими горцами.

Съ военно-исторической картой Кубанской области за время съ 1800 по 1860 годы.

Составилъ членъ-корреспондентъ Императорской Академіи наукъ и почетный членъ Кубанскаго Областного Статистическаго Комитета

Ф. А. Щербина.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ.
Типографія Товарищества Печатнаго и Издательскаго Дѣла подъ фирмою „ПЕЧАТНИКЪ".
1913.

Отъ автора.

Въ настоящемъ изданіи излагается исторія Черноморскихъ и Линейныхъ казаковъ съ 1800 по 1860 годъ, т. е. съ начала организованной казачьей войны съ горцами на Кубани и до времени, когда Черноморцы и Линейцы были объединены въ одно Кубанское казачье войско. Исторія возникновенія мѣстнаго казачества и занятія имъ края на Кубани вошла въ I томъ моего труда. Заключительный актъ войны—покореніе Западнаго Кавказа и занятіе Закубанья казачьимъ населеніемъ составитъ III томъ Исторіи Кубанскаго казачьяго войска. Такимъ образомъ, вся исторія войска подраздѣлена на три отдѣла: на исторію края—I томъ, на исторію войны казаковъ съ закубанскими горцами—II томъ и на исторію покоренія Западнаго Кавказа—III томъ.

Этотъ планъ работъ обусловливался 1) Программой исторіи, утвержденной г. Военнымъ Министромъ, 2) руководящими указаніями того же Министра и 3) требованіями, предъявленными Начальникомъ Штаба Кубанскаго казачьяго войска. Въ послѣднемъ случаѣ автору поставлено было въ непремѣнное условіе дать обстоятельную исторію предшествующихъ въ краѣ казачеству народностей или, иначе говоря, исторію края, а г. Военный Министръ сдѣлалъ категорическое указаніе на то, что, при изложеніи исторіи, въ отношеніи состава программы, а, слѣдовательно, и объема труда, слѣдовало руководиться не столько рамками программы, сколько количествомъ матеріаловъ и связанныхъ съ ними важнѣйшихъ историческихъ явленій.

Въ этомъ отношеніи руководящія указанія г. Военнаго Министра не только оправдались съ научной стороны, но и оказались нелишенными, такъ сказать, предугадыванія. Осуществленіе первоначальнаго плана Исторіи Кубанскаго казачьяго войска въ двухъ небольшихъ томахъ встрѣтило на дѣлѣ серьезныя затрудненія именно въ объемѣ матеріаловъ. Историческихъ матеріаловъ оказалось такое обиліе, что даже важнѣйшія изъ архивныхъ данныхъ съ трудомъ можно уложить въ три тома размѣромъ въ 150 печатныхъ листовъ или въ 2400 страницъ печати.

По этой причинѣ изъ II тома исторіи автору пришлось исключить нѣкоторые отдѣлы ея и ограничиться въ большинствѣ остальныхъ главъ только частью архивныхъ матеріаловъ, не входя даже въ изложеніе критики ихъ. Какъ значительны размѣры собственно архивныхъ матеріаловъ, объ этомъ можно отчасти судить по прилагаемому въ концѣ книги перечню указаній на эти матеріалы съ сносками къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ моего труда; а между тѣмъ здѣсь отмѣчены только важнѣйшія указанія на архивные источники, не дающіе ни малѣйшаго представленія о томъ, сколько пришлось опустить подробностей.

Самые эти источники разнохарактерны и нерѣдко разнорѣчивы. Во многихъ случаяхъ подробности объ одномъ и томъ же военномъ происшествіи изложены въ офиціальныхъ документахъ различными начальствующими лицами—особо кордонными начальниками, особо командирами бывшаго въ дѣйствіи отряда или партіи, особо начальниками кордонныхъ частей, особо полковыми командирами, особо офицерами со словъ лазутчиковъ или очевидцами, особо станичными атаманами или начальниками и т. д. Само собой понятно, что при массѣ мелочей, въ такіе документы легко могли вкрасться неточности и противорѣчія. Будущему историку придется, быть можетъ, не мало еще потрудиться надъ распутываніемъ этихъ мелочей по проложенной уже предшествующими ему работниками исторической тропѣ.

Вслѣдствіе обилія архивныхъ матеріаловъ, по необходимости, пришлось ограничиться далеко не всѣми печатными источниками да и то въ очень скромномъ размѣрѣ. Я воспользовался главнымъ образомъ трудами четырехъ мѣстныхъ историковъ—Е. Д. Фелицына, И. Д. Попко, П. П. Короленко и В. Толстова. Особенно цѣнны оказались въ этомъ отношеніи труды Фелицына, представляющіе собою результаты долголѣтнихъ кропотливыхъ занятій по первоисточникамъ.

Нѣкоторыя недодѣлки въ настоящемъ изданіи, могущія показаться упущеніями, войдутъ въ III томъ исторіи, а нѣкоторыя детали не могли быть обоснованными по имѣвшимся въ распоряженіи автора матеріаламъ. Такъ, болѣе подробная характеристика дѣятельности г.-м. Я. Г. Кухаренко отнесена мною къ отдѣлу колонизаціи Закубанья, долженствующему войти въ III томъ исторіи. То же надо сказать и о характеристикѣ одного изъ главныхъ дѣятелей при покореніи Западнаго Кавказа—генерала Бабыча. Въ

настоящее изданіе вошли только единичные случаи изъ его боевой дѣятельности; важнѣйшіе же моменты ея связаны съ исторіей покоренія Западнаго Кавказа. Во II томѣ не упомянуто о подвигѣ Архипа Осипова при взятіи черкесами русскаго укрѣпленія потому, что авторъ считалъ себя не въ правѣ высказать свое мнѣніе объ этомъ фактѣ при отсутствіи необходимыхъ матеріаловъ.

Для нагляднаго ознакомленія съ казачьей колонизаціей, съ территоріями горскихъ племенъ и съ мѣстами важнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, къ настоящему тому приложена карта казачьей колонизаціи, главныхъ военныхъ укрѣпленій и мѣстонахожденія горцевъ. Расположеніе этихъ укрѣпленій, направленіе рѣкъ и орографическіе признаки помогутъ въ извѣстной мѣрѣ ознакомиться съ движеніями казачьихъ отрядовъ и черкесскихъ партій, при важнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ длительной войны казаковъ съ горцами.

Ф. Щербина.

Партія закубанцевъ, отправляющихся изъ горъ въ набѣгъ

Глава I.

ЧЕРКЕСЫ.

Съ того времени, какъ черноморцы осѣли на Кубани рядомъ съ черкесами, силою историческихъ обстоятельствъ они поставлены были въ условія взаимной вражды. Стали лицомъ къ лицу двѣ различныя по этническимъ особенностямъ и степени культуры народности, и въ связи съ этимъ глубокимъ различіемъ должны были неминуемо возникнуть недоразумѣнія изъ за земли, изъ за вольныхъ мѣстъ, изъ за скота, изъ за добычи, изъ за чужой собственности и т. п. Такъ и было.

Какъ упомянуто уже въ I томѣ „Исторіи Кубанскаго казачьяго войска“, нарушеніе мирныхъ отношеній между казаками и черкесами началось единичными случаями воровства, грабежей, пораненій, убійствъ и плѣненія со стороны черкесовъ. Съ теченіемъ времени эти мелкія столкновенія превратились въ непрерывную войну, главными дѣятелями которой были черкесы.

Племена, извѣстныя подъ общимъ наименованіемъ черкесовъ, занимали горныя части Кавказа съ незапамятныхъ временъ. Не было еще исторіи, не существовало ея документальныхъ данныхъ, а черкесы уже обитали на Кавказѣ, жили здѣсь въ доисторическія времена. Но какъ это ни странно, а черкесы, попавшіе въ кавказскую предъисторію, не имѣютъ, однако, своей исторіи. Послѣдняя никогда и никѣмъ изъ черкесовъ не писалась и не печаталась ни полностью, ни частями. Иначе не могло и быть. У черкесовъ никогда не было не только печатнаго слова, но даже письменности, родного алфавита.

И. Д. Попка, авторъ „Черноморскихъ казаковъ“, передалъ очень характерный въ этомъ отношеніи случай. У Попки былъ „кунакъ“, пріятель, Хаджи-Нотаукъ Шеретлукъ, жившій на р. Богундыръ, среди шапсуговъ. Это былъ старикъ „съ обширною и бѣлою, какъ крыло богундырскаго лебедя, бородою, съ добрымъ и задумчивымъ взглядомъ и, что всего важнѣе, съ миролюбивыми идеями, за которыя, какъ самъ онъ сознавался, не былъ онъ любимъ въ своемъ околодкѣ“. Въ ранней молодости Хаджи-Нотаукъ лишился отца, умершаго въ Меккѣ, куда отецъ и сынъ ходили на поклоненіе пророку. Осиротѣвшій молодой шапсугъ поступилъ на чужой сторонѣ въ медрессе, мусульманскую школу. Пробывши въ ней пять лѣтъ, онъ возвратился домой на Богундыръ, женился здѣсь и сдѣлался муллою въ родномъ аулѣ, погрузившись всецѣло въ книги и мусульманскую мудрость. Его не увлекали ни военная слава, ни дерзкія предпріятія сверстниковъ, дѣлавшихъ набѣги на

казачьи поселенія, ни ихъ богатая добыча. „Клянусь, говорилъ онъ своему пріятелю Попкѣ, что всю мою жизнь я не выпустилъ противъ русскихъ ни одного заряда и не похитилъ у нихъ ни одного барашка“.

Наслѣдственное ружье Нотаука ржавѣло въ чехлѣ, другіе виды оружія лежали у него безъ употребленія, почему воинственное населеніе и относилось крайне неодобрительно къ муллѣ.

Нотаукъ не обращалъ на это вниманія. Вмѣстѣ съ оружіемъ онъ забросилъ потомъ и хозяйство, посвятивши себя подъ старость исключительно обученію молодежи въ медрессе. Пытливаго горца не удовлетворяла, однако, и эта излюбленная имъ дѣятельность. Преподаваніе мусульманской науки пришлось вести на арабскомъ языкѣ. Питомцы механически научались читать на распѣвъ арабскія книжки, но не понимали чуждой имъ рѣчи и не выносили ни одной мысли изъ такого чтенія. Тогда Хаджи-Нотаукъ рѣшилъ перевести на черкесскій языкъ арабскія книги. Для этого потребовалось выработать черкесскую письменность. И вотъ въ этой предварительной работѣ Хаджи Нотаукъ встрѣтилъ непреодолимыя препятствія.

Дѣло въ томъ, что черкесскій языкъ очень бѣденъ количествомъ словъ и невѣроятно труденъ по выговору. Частыя придыханія, скудость гласныхъ и обильное употребленіе согласныхъ буквъ въ слогахъ дѣлаетъ черкесскія нарѣчія буквально таки непреодолимыми для письма и передачи буквами Это языкъ гортанный, шипящій, какъ бы приспособленный къ передачѣ словъ шопотомъ, къ подражанію молчаливой величественной природѣ Кавказа. Онъ, по выраженію Попки, созданъ только для таинственныхъ разговоровъ прикубанскаго трепещущаго листьями осокоря съ полуночнымъ вѣтромъ, да закубанскихъ джигитовъ между собою, когда они таинственно, подъ покровомъ ночи, пробираются, какъ тѣни, укромными мѣстами въ казачьи владѣнія. Создавая свой языкъ, черкесъ какъ бы до крайности экономилъ и въ числѣ словъ и въ количествѣ гласныхъ буквъ, требующихъ громкаго произношенія. Черкесы, давши, напр., одно общее имя пастуху—ахгхо, называютъ пастуха лошадей—шсш-ахгхо, овчаря—мелъ-ахгхо, скотаря—чемъ-ахгхо, свинопаса—кхгг-ахгхо и пчеловода—бсж-ахгхо. И подобныя слова и сочетанія преобладаютъ во всемъ адигскомъ языкѣ.

Долго старикъ-шапсугъ работалъ надъ созданіемъ черкесскаго букваря. Нѣсколько разъ онъ передѣлывалъ и переиначивалъ разъ созданный алфавитъ, часто приходилъ въ отчаяніе и цѣлыя ночи проводилъ въ молитвѣ, прося Аллаха помочь ему. И послѣ молитвы, разсказывалъ Нотаукъ, „мнѣ чудилось, что мнѣ пособляли и подсказывали и утреннее щебетаніе ласточки, и вечерній шумъ стараго дуба у порога моей уны (хижины), и ночное фырканье коня, увозящаго наѣздника въ набѣгъ“.

Такъ, въ поискахъ изображенiй для звуковъ родного языка, состарился Хаджи Нотаукъ, побѣлѣла его борода и согнулся станъ, но старый мулла не уставалъ надъ работой по уясненiю того, что считалъ величайшимъ благомъ для роднаго народа. Оставалось уловить одинъ только послѣднiй звукъ и придумать для него начертанiе. Но въ этотъ именно моментъ Нотаукъ, по его выраженiю, „упалъ и больше не поднимался". Вотъ что разсказалъ Попкѣ его кунакъ.

„Въ одинъ ненастный осеннiй вечеръ тоска угнетала меня. Я удалился въ свою уну, крѣпко заперъ за собою дверь и началъ молиться. Буря врывалась въ трубу очага и возмущала разложенный на немъ огонь. Я молился и плакалъ, вся душа выходила изъ меня въ молитву, молился я до послѣдняго остатка силъ, и тамъ же, на ветхомъ килимѣ (коврѣ) молитвенномъ, заснулъ. И вотъ посѣтило меня видѣнiе грозное. Духъ ли свѣта, духъ ли тьмы сталъ прямо передо мною и, вонзивъ въ меня двѣ молнiи страшныхъ очей, вѣщалъ громовымъ голосомъ: „Нотаукъ, дерзкiй сынъ праха! Кто призвалъ тебя, кто подалъ тебѣ млатъ на скованiе цѣпей вольному языку вольнаго народа адиговъ? Гдѣ твой смыслъ, о человѣкъ, возмечтавшiй уловить и удержать въ тенетахъ клокотъ горнаго потока, свистъ стрѣлы, топотъ браннаго скакуна? Вѣдай, Хаджи, что на твой трудъ нѣтъ благословенiя тамъ, гдѣ твоя молитва и твой плачъ, въ нынѣшнiй вечеръ, услышаны. Повелѣваю тебѣ— встань и предай пламени нечестивыя твои начертанiя, и пепломъ ихъ посыпь осужденную твою голову да не будешь преданъ неугасающему пламени джехеннема". Нотаукъ пробудился отъ тяжелаго сна, разжегъ костеръ на очагѣ и сжегъ на немъ свои дорогiе свитки.

Въ этомъ поэтическомъ пересказѣ происшествiя, бывшаго съ шапсугскимъ муллою, ярко обнаружились указанiя на то, почему свободолюбивыя, гордыя и воинственныя черкесскiя племена не создали своей письменной исторiи. Они не могли сдѣлать этого по естественнымъ причинамъ. Исторической судьбѣ угодно было надѣлить черкесовъ языкомъ, который, какъ дикiй горный конь, не позволялъ надѣть на себя узду условныхъ знаковъ письменности. По народному обычаю, это было святотатственно; преступно было налагать оковы на вольный языкъ вольнаго народа. Зачѣмъ рыцарю горъ нужна была грамота, когда его шипящая, звукоподражательная рѣчь свободно лилась въ народныхъ собранiяхъ, искрилась родными звуками въ сказанiяхъ черкесскихъ бардовъ и обаятельно влiяла на душу гордаго воина въ чарующихъ пѣсняхъ статныхъ черкесскихъ красавицъ? На этой фазѣ безписьменности остановилась черкесская исторiя, воплотившись въ народныя сказанiя и былины.

Но между тѣмъ какъ сами черкесы не съумѣли создать своей письменности, иноплеменные языковѣды занялись изученiемъ гор-

скихъ нарѣчій на строго научныхъ основахъ. Появилась кавказская филологія, освѣтившая тайны черкесскихъ нарѣчій. Языки послужили ключами къ разгадкѣ прошлаго. Особенно блестящія изслѣдованія далъ въ этомъ отношеніи выдающійся кавказскій языковѣдъ баронъ П. К. Усларъ. Въ своемъ изслѣдованіи „Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ“ онъ попробовалъ, на основаніи указаній филологіи, раскрыть завѣсу, висѣвшую надъ прошлымъ черкесскихъ народностей.

По мнѣнію Услара, самыя древнѣйшія сказанія застали уже черкесовъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Библейскій Рифатъ, одинъ изъ сыновей Гомера, „означалъ, говоритъ Усларъ, народъ, жившій въ ущельяхъ весьма высокихъ горъ, лежавшихъ на дальнемъ сѣверѣ“. Такъ какъ Рифатскія или Рипейскія горы, въ которыхъ обиталъ Рифатъ, находились на Сѣверномъ Кавказѣ, то, очевидно, подъ именемъ Рифата въ Библіи разумѣлись кавказскіе горцы.

Въ свою очередь то обстоятельство, что Рифатъ былъ сыномъ Гомера, а народъ Гомеръ были киммерійцы, указываетъ на родство киммерійцевъ и черкесовъ. Библейскій Гомеръ, индійское Кумеру или Куверы и греческое Киммеры—одно и то же. Во всѣхъ случаяхъ разумѣется народъ, жившій на сѣверѣ, въ темныхъ странахъ, а такими въ древности считались Кавказскія горы, Кавказское побережье и нынѣшнія мѣста Кубанской области. Стало быть, въ отдаленныя доисторическія времена въ горахъ Сѣвернаго Кавказа жили и киммеры, и черкесы, и послѣдніе происходили отъ первыхъ.

Кто, когда и почему черкесовъ назвалъ черкесами, не извѣстно. Но названіе это сохранилось съ самой глубокой древности. Около 25 столѣтій тому назадъ древнѣйшій географъ Скилаксъ Коріандскій назвалъ адиговъ керкетами, а керкетъ и черкесъ, очевидно, одно и то же, тѣмъ болѣе что для обозначенія шипящаго *ч* у грековъ былъ единственнымъ подходящимъ знакомъ буква *к*. Скилаксъ былъ не только географъ, но и мореплаватель. По порученію персидскаго царя Дарія Гистаспа, у котораго состоялъ на службѣ этотъ грекъ, онъ объѣхалъ берега Чернаго моря и помѣстилъ керкетовъ въ сѣверной части восточнаго Черноморскаго побережья, т. е. тамъ, гдѣ часть черкесовъ жила въ наши времена передъ своимъ массовымъ переселеніемъ въ Турцію въ 1864 г. Другіе древніе и позднѣйшіе писатели тѣхъ же керкетовъ называли торетами, церкетами, зикхами и зигами. О черкесахъ упоминаютъ Геродотъ, Страбонъ, Птоломей, Плиній, Амміанъ Мерцеллинъ и др. Такія названія, какъ азіаты, древніе язаматы, язы невольно роднятъ горныя народности Сѣвернаго Кавказа съ древнѣйшими керкетами, полумифическими азами и библейскими Рифатъ и Гомеръ. Всѣми этими названіями и отрывочными историческими указаніями во всякомъ случаѣ прочно устанавливается то положеніе, что черкесы были древнѣйшими, коренными обитателями Кавказа и

несомнѣнно арійцами, какъ и ихъ позднѣйшіе замѣстители и постоянные сосѣди—русскіе.

Черкесы называютъ сами себя „Адиге“. Адиге или адыхейцы —общее на ихъ языкѣ названіе того древняго народа, отъ котораго произошли всѣ черкесскія племена. Шора Ногмовъ, написавшій небольшую брошюрку „Исторія адыхейскаго народа“, пытался по созвучію связать названіе адиге съ названіемъ древней южной народности антовъ—антихе, антъ. Корень этого названія онъ нашелъ во многихъ черкесскихъ словахъ: антигишаго—антскій юноша, антигишу—антскій всадникъ, антигіуоркъ—антскій дворянинъ и пр. Даже слово нартъ, по его толкованію, представляетъ сокращенное наръ-антъ, что по русски значитъ глазъ антовъ. Но относительно антовъ есть прямыя историческія указанія, что это было славянское племя. Такимъ образомъ, если вѣрно предположеніе Шоры Ногмова, то получается новое указаніе на связь, существовавшую между прародителями черкесовъ и прародителями славянъ, принадлежавшими когда то къ одному и тому же арійскому, вѣтвившемуся на киммеровъ, скифовъ и антовъ, корню. Замѣчательно, что у черкесовъ въ древнее время встрѣчались имена, сильно напоминающія собою наши древнеславянскія. Такъ, въ VI вѣкѣ по Р. Хр. въ походѣ противъ аварскаго князя Байкана или Бакана участвовалъ черкесскій князь Лавристанъ. До послѣдняго времени у горцевъ встрѣчались также имена Астемиръ, Оздемиръ, Хастемиръ и пр.

Но это родство столь отдаленное, что слѣды его не сохранились, надо полагать, въ народныхъ сказаніяхъ и поэзіи. Къ сожалѣнію, въ отношеніи сохраненія этихъ источниковъ устной исторіи сдѣлано очень мало. Одинъ изъ знатоковъ черкесской жизни, причислявшій себя къ племени натухайцевъ—султанъ Крымъ-Гирей утверждалъ въ печати, что народная устная поэзія у черкесовъ такъ обширна и разнообразна, что, по ея многочисленнымъ источникамъ, можно было бы составить свою черкесскую Иліаду. Вѣроятно, у адиге были громадныя богатства въ этой области, но они не были ни собраны, ни записаны. Сохранилось очень немного. На основаніи сказаній горцевъ, народныхъ пѣсенъ и поговорокъ, Шора Бекъ-Мурзинъ Ногмовъ, кабардинецъ по происхожденію, пытался возсоздать „Исторію адыхейскаго народа“, но подъ этимъ громкимъ названіемъ даны лишь эпизоды изъ исторіи кабардинцевъ, въ видѣ пересказовъ со скудныхъ по количеству отрывковъ изъ народной поэзіи. Султанъ Крымъ-Гирей оставилъ лишь двѣ-три записи сказаній на страницахъ „Кубанскихъ Вѣдомостей“. Современникамъ приходится довольствоваться въ этомъ отношеніи очень малымъ.

Въ позднѣйшее время сохранились письменные источники объ отношеніяхъ черкесовъ къ русскимъ, и черкесскія племена попали на страницы печатной исторіи. Печатные источники о черкесахъ

разбросаны въ многочисленныхъ статьяхъ и замѣткахъ газетъ, журналовъ и спеціальныхъ изданій. Это или рѣдкіе случаи и эпизоды борьбы русскихъ съ черкесами, или описанія экспедицій и походовъ въ земли черкесовъ, или же этнографическіе очерки. Болѣе цѣльные обзоры и описанія черкесовъ первыми по времени дали иностранцы—англичанинъ Бель и французы Пейсонель и Дюбуа-де-Монпере. Итальянецъ Клавдіо Главани сообщилъ интересныя свѣдѣнія о религіи черкесовъ. Позже издалъ свои записки Люлье. Общій сжатый обзоръ черкесскихъ племенъ можно найти въ небольшой брошюркѣ А. Берже. Академикъ Дубровинъ болѣе или менѣе полно использовалъ разбросанные въ многочисленныхъ печатныхъ источникахъ матеріалы о черкесахъ въ своемъ обширномъ трудѣ „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ". Источники по обычному праву превосходно использованы профессоромъ Леонтовичемъ, напечатавшимъ въ 1882 г. „Сборникъ адатовъ кавказскихъ горцевъ" въ двухъ томахъ. Очень цѣнныя изслѣдованія въ области миѳологіи принадлежатъ В. Миллеру. Много труда вложилъ въ дѣло изслѣдованія черкесскихъ народностей и собиранія матеріаловъ о нихъ мѣстный изслѣдователь Кубанской области Е. Д. Фелицынъ. Онъ извлекъ изъ архивовъ записки о черкесахъ лицъ, посѣщавшихъ въ прежнія тревожныя времена черкесскія земли и близко ознакомившихся съ бытомъ горцевъ; напечаталъ нѣкоторыя изъ этихъ записокъ, какъ напр. „Топографическое описаніе" черкесскихъ земель штабсъ-капитана Новицкаго, составленное въ 1830 году; издалъ объемистое изслѣдованіе о черкесскомъ князѣ-агитаторѣ Сеферъ-беѣ Занъ, записки генерала Раевскаго и пр.; пытался возстановить черкесскія названія ауловъ, рѣкъ и урочищъ; составилъ карту по этимъ даннымъ; предпринялъ и почти закончилъ обширный словарь по географіи горцевъ и мн. др. Къ сожалѣнію, наиболѣе цѣнныя работы покойнаго изслѣдователя остались въ его портфеляхъ не напечатанными и неоконченными, вслѣдствіе его внезапной смерти.

Изъ исторіи извѣстно, что въ 1552 году царь Иванъ Грозный принялъ подъ свое покровительство пятигорскихъ черкесовъ, утѣсняемыхъ крымскими татарами, а въ 1561 году вступилъ въ бракъ съ дочерью кабардинскаго князя Темрюка, названной при крещеніи Маріей. Благодаря этому, между русскими и главнѣйшею отраслью адигскаго народа—кабардинцами, установились политическія связи. Связи эти однако поддерживались лишь до тѣхъ поръ, пока жива была Марія Темрюковна. Со смертью ея, онѣ прекратились. Только въ началѣ XVIII столѣтія, когда Петръ Великій шелъ съ русскими войсками въ Персію, къ нему явились кабардинскіе князья, какъ подданные Россіи, и кабардинцы вступили даже въ ряды русской арміи. Трактатомъ Россіи съ Турціею 18 сентября 1739 г., кабардинцы объявлены были свободными. Но съ этого времени у нихъ такъ часто возникали

междоусобія, что русскимъ по необходимости приходилось посылать войска для водворенія порядка. Въ 1769 г., при Екатеринѣ Второй, когда кабардинцы заняли явно враждебное положеніе по отношенію къ русскимъ, генералъ де-Медемъ нанесъ имъ столь чувствительное пораженіе, что они снова приняли русское подданство, а въ 1777 г. дали присягу Россіи. Такъ и продолжали они считаться съ тѣхъ поръ русскими подданными, хотя неоднократно пытались освободиться отъ этой опеки. Часть кабардинцевъ, подъ названіемъ „бѣглыхъ“, занимала мѣста и въ Закубаньѣ на западъ отъ Эльбруса. Кабардинцы эти считали себя независимыми отъ Россіи и, вмѣстѣ съ другими черкесскими племенами, вели упорную борьбу съ русскими войсками и казачествомъ.

Менѣе податливыми, чѣмъ кабардинцы, были остальные черкесы, населявшіе нынѣшнюю Кубанскую область по лѣвую сторону р. Кубани. Они не только не шли ни на какія уступки и соглашенія, но безпрестанно тревожили своими набѣгами русскія владѣнія. Результатомъ такихъ отношеній адигскихъ племенъ къ русскимъ было размѣщеніе русскихъ войскъ на пограничныхъ мѣстахъ съ Черкессіею. Въ 1776 г. устроенъ былъ рядъ крѣпостей отъ Моздока до Азова и внизъ по р. Кубани и установлена была такъ называемая Кавказская линія, представлявшая собою непрерывную цѣпь крупныхъ и мелкихъ укрѣпленій, связанныхъ военными разъѣздами, для защиты русскихъ границъ отъ горцевъ. Здѣсь, вблизи этой линіи, по эту и по ту сторону ея, и слагалась исторія взаимоотношеній между русскими и черкесами до тѣхъ поръ, пока черкесы окончательно не были покорены и ихъ земли не вошли въ составъ русскихъ владѣній.

Во время заселенія казаками Прикубанскаго Края, въ Закубаньѣ, по лѣвую сторону р. Кубани, черкесскія и горскія племена занимали приблизительно тѣ же мѣста, на которыхъ они остались потомъ въ продолженіи всей русско-черкесской распри. Возстановить въ точности мельчайшіе случаи передвиженія отдѣльныхъ частей и ауловъ нельзя, конечно, теперь, когда многое осталось незанесеннымъ въ писанные документы исторіи, тѣмъ болѣе, что лучшіе свидѣтели прошлаго—сами горцы цѣлыми племенами переселились въ Турцію еще въ 1864 году. Но эти частичныя измѣненія слабо касались общаго географическаго распредѣленія главныхъ народностей—черкесовъ, абазинцевъ, ногайцевъ и карачаевцевъ.

Существуетъ цѣлый рядъ историческихъ документовъ и матеріаловъ, по которымъ полностью можно возстановить этническую карту Закубанья со времени поселенія у Кубани черноморцевъ и старолинейцевъ. Сюда относятся: 1) военныя, сохранившіяся въ архивахъ, реляціи о сраженіяхъ и столкновеніяхъ съ горцами русскихъ войскъ, 2) топографическое описаніе черкесскихъ земель поручика генеральнаго штаба Новицкаго, посѣтившаго подъ видомъ горца въ 1830 году всѣ черкесскія племена, 3) собраніе свѣ-

дѣній о черкесахъ Черноморско-Кубанской линіи войскового старшины Черноморскаго войска Кучерова, 4) этнографическій очеркъ черкесскаго народа подполковника генеральнаго штаба барона Сталя за 1849 годъ, 5) статьи, составленныя со словъ горцевъ и напечатанныя въ „Кубанскихъ Вѣдомостяхъ“ за шестидесятые годы Н. Каменевымъ и др., 6) карта распредѣленія главныхъ черкесскихъ и горскихъ племенъ, составленная Е. Д. Фелицынымъ и т. п. Сопоставляя данныя по всѣмъ этимъ матеріаламъ, безошибочно можно установить мѣстонахожденіе горскихъ племенъ за Кубанью, особенно черкесскихъ, и нѣкоторыя частичныя перемѣщенія ихъ.

Первыми отъ Чернаго моря жили натухайцы или, правильнѣе, нетха-куадже. Начиная съ береговъ его, въ предѣлахъ между устьями Кубани и до р. Пшады за Геленджикскою бухтою, они занимали своими аулами пространство на востокъ до р. Адагума и нѣкоторыхъ притоковъ его. Въ такомъ видѣ владѣнія ихъ напоминали огромный треугольникъ, съ основаніемъ на Кубани и вершиной на Черноморскомъ побережьѣ южнѣе Геленджика. На картѣ Фелицына въ этомъ треугольникѣ обозначенъ придатокъ, между главнымъ хребтомъ и берегомъ Чернаго моря, отъ Новороссійска до р. Пшады, т. е. на пространствѣ, гдѣ, по другимъ свѣдѣніямъ, жили также и шапсуги. Надо прибавить, что въ этихъ мѣстахъ, къ югу отъ Новороссійска, обитали совмѣстно натухайцы и шапсуги, и въ военныхъ реляціяхъ встрѣчается даже выраженіе шапсугскіе натухайцы. Натухаецъ прапорщикъ Османчукъ, по предложенію начальства, въ 1853 году доставилъ свѣдѣнія о народѣ Чахъ или Хагачь, жившемъ въ треугольникѣ между Анапой, Новороссійскомъ и Псебебсомъ. Чахъ состоялъ изъ двухъ родовъ Занокъ и Бастокъ. Отъ перваго рода происходилъ извѣстный у натухайцевъ и вообще у черкесовъ Сеферъ-бей-Занъ, отъ второго Пшемафъ. Это былъ сильный народъ, державшій себя гордо съ сосѣдями. Главное пристанище народа Чахъ или Хагачь было на Абрау, гдѣ Хагачь такъ возгордился, что, по повелѣнію неба, какъ гласитъ легенда, главный аулъ его провалился въ преисподнюю и на мѣстѣ аула образовалось озеро Абрау. При этомъ осталась только одна благочестивая женщина, прародительница натухайцевъ. Другіе называютъ этотъ народъ Хейгаками.

Сосѣдями натухайцевъ далѣе къ востоку были шапсуги, дѣлившіеся на Большой и Малый Шапсугъ. По даннымъ барона Сталя, къ Большому Шапсугу принадлежали общества отъ 300 до 5000 дворовъ каждое—Шебшъ, Аерипсъ, Убынъ, Антхыръ, Богундыръ, Хабль, Абинъ, Каафу, Шефикъ, Адагумъ, Гешебшъ, Кудако и Псыфль. Всѣ эти общества находились на Сѣверномъ Кавказѣ, между рѣками Адагумомъ и Афипсомъ, обнимая громадный четыреугольникъ отъ Кубани до главнаго Кавказскаго хребта. Между Марткотхомъ у Новороссійска и Джубгскимъ переваломъ владѣнія шапсуговъ переходили на южный скатъ хребта и шли по нынѣшней Черноморской губерніи

до р. Шахе, откуда начинались уже владѣнія убыховъ. Шапсуги, жившіе по южному склону Кавказскаго хребта, составляли Малый Шапсугъ. Такимъ образомъ, Большой и Малый Шапсуги занимали почти вдвое большее пространство, чѣмъ натухайцы, но въ шапсугскія владѣнія входило очень много необитаемыхъ горныхъ пространствъ.

Еще далѣе къ востоку и глубже въ горы слѣдовала область абадзеховъ. Съ сѣвера владѣнія абадзеховъ никогда не доходили до Кубани. Начиная съ р. Афипса, нѣсколько южнѣе нынѣшней Афипской станицы, и по направленію къ р. Бѣлой, южнѣе Бжедуховской станицы и сѣвернѣе станицы Бѣлорѣченской, абадзехи соприкасались съ бжедухами и хатукаевцами. Къ западу абадзехскія владѣнія не доходили первоначально до р. Афипса, но потомъ абадзехи вытѣснили съ верховьевъ Афипскаго бассейна бжедуховъ и заняли эти мѣста. Къ юговостоку граница абадзехскихъ земель шла по р. Бѣлой до нынѣшняго Майкопа. Здѣсь по нижнему теченію р. Курджипса небольшой треугольникъ занимали мамхятовцы. Обойдя этихъ послѣднихъ у нынѣшней Курджипской станицы, абадзехская граница снова шла къ р. Бѣлой, пересѣкала нѣсколько южнѣе нынѣшней станицы Тульской эту рѣку и направлялась прямо на востокъ въ верхнія части бассейновъ Фарса и Псефира; отсюда она снова поворачивала на югъ восточнѣе нынѣшнихъ Хамкетинской и Царской станицъ и западнѣе Губской, Баракаевской, Бесленеевской и Баговской, по направленію къ горѣ Тхачъ и далѣе къ главному Кавказскому хребту, между бассейнами р. р. Бѣлой и Лабы. Южной или, правильнѣе, юговосточной границей Абадзехскаго племени служилъ главный Кавказскій хребетъ.

Такимъ образомъ, абадзехи занимали громадное пространство кавказскихъ горъ отъ бассейна р. Афипса до бассейна Лабы, превышавшее по своимъ размѣрамъ владѣнія двухъ такихъ многочисленныхъ по народонаселенію племенъ, какъ шапсуги и натухайцы. Но въ огромныя владѣнія абадзеховъ входила масса неудобныхъ горныхъ земель. Баронъ Сталь дѣлилъ абадзеховъ на нагорныхъ или дальнихъ и равнинныхъ или ближнихъ и отмѣтилъ девять слѣдующихъ отдѣльныхъ обществъ: Тубій, Темдаши, Дуаръ-Хабль, Дженгетъ-Хабль, Гатюко-Хабль или Тфишебсъ, Нежуко-Хабль, Анчоко-Хабль, Бешуко-Хабль и Едиче-Хабль. Эти общества или по абадзехски „хабль" дѣлились на общины или „псухо", независимыя другъ отъ друга, но не враждебныя между собою и тѣсно связанныя союзомъ или „блягага". Благодаря своему изолированному положенію, абадзехи, удаленные отъ русскихъ и другихъ предшествовавшихъ имъ народностей, лучше, чѣмъ другія черкесскія племена, сохранили старинный укладъ черкесской жизни. У нихъ удержался въ большей, чѣмъ у другихъ горцевъ, неприкосновенности родовой бытъ и не было даже князей. Отличаясь особенною храбростью и воинственностью, они считались самымъ демократическимъ племенемъ, и, какъ таковое, имѣли вліяніе и на другія племена

Какъ упомянуто выше, съ сѣвера владѣній абадзеховъ, между Кубанью и этими владѣніями, расположены были бжедухи, дѣлившіеся въ свою очередь на хамышеевцевъ, черченеевцевъ и жанеевцевъ. Первые—хамышеевцы, сначала осѣли на томъ мѣстѣ по р. Бѣлой, гдѣ находится нынѣ поселокъ Хамышки, т. е. среди абадзеховъ. Послѣдніе вытѣснили хамышеевцевъ сначала въ верховья р. Псекупса, гдѣ жили въ то время ихъ единоплеменники черченеевцы, а отсюда тѣ и другіе вынуждены были передвинуться еще ближе къ р. Кубани. Тогда хамышеевцы заняли пространство между р. р. Супсомъ и Псекупсомъ, а черченеевцы между Псекупсомъ и Пшишемъ. Третья же община бжедуховъ, жанеевцы, прижатые единоплеменниками къ самой Кубани, частью слились съ хамышеевцами и черченеевцами, а частью перешли въ Черноморію на островъ Каракубань. Бжедухи, слѣдовательно, были ближайшими черкесскими племенами къ г. Екатеринодару и собственно хамышеевцы осѣли рядомъ съ шапсугами, часть которыхъ также обитала западнѣе Екатеринодара.

Восточнѣе черченеевцевъ, между р.р. Пшишомъ и Бѣлой, обитали хатукаевцы или, какъ названы они у Кучерова, хатикосійское племя. Хатукаевцы также были ближайшими отъ Кубани сосѣдями черноморцевъ и, имѣя сосѣдями съ запада черченеевцевъ и съ юга абадзеховъ, на востокѣ соприкасались съ темиргоевцами.

Темиргоевцы занимали богатѣйшую по плодородію въ Россіи и Европѣ долину, заключенную между нижними теченіями р. р. Бѣлой и Лабы. Съ сѣвера земли темиргоевцевъ, слѣдовательно, упирались въ Кубань, а съ юга имѣли границу приблизительно по линіи отъ р. Бѣлой, между нынѣшними Бѣлорѣченской и Ханской станицами, и на востокъ, нѣсколько южнѣе станицы Гіагинской и Темиргоевской, до р. Лабы. Темиргоевцы принадлежали къ числу крупныхъ черкесскихъ племенъ и отдѣлившееся отъ нихъ общество адеміевцевъ, по словамъ Н. Каменева, сначала занимало нижнее теченіе р. Бѣлой, затѣмъ вытѣснено было другими черкесскими общинами на правый берегъ Кубани, а впослѣдствіи снова перешло обратно черезъ Кубань. Баронъ Сталь относитъ адеміевцевъ къ бжедухамъ и, быть можетъ, потому, что одно время этотъ странствующій аулъ Адемій находился на лѣвой сторонѣ р. Бѣлой въ сосѣдствѣ съ бжедухами.

Ближайшими сосѣдями темиргоевцевъ къ юговостоку были егерухаевцы. Послѣдніе были родовичами темиргоевцевъ, обособившимися въ отдѣльную отрасль, но осѣвшими рядомъ съ ними въ той же долинѣ, между р. р. Бѣлой и Лабой. Владѣнія егерухаевцевъ были такой же величины, какъ и у темиргоевцевъ, и граничили съ сѣверовостока землями этихъ послѣднихъ, а съ юговостока землями махошевцевъ, третьей отрасли темиргоевцевъ. Эта юговосточная граница направлялась по верхнему теченію р. Фарса отъ абадзехской границы къ среднему теченію Лабы близъ нынѣшней станицы Курганной.

Махошевцы же занимали треугольникъ, острая вершина котораго была у сліянія отмѣченной выше границы и р. Лабы, катетами служила та же граница и Лаба, а основаніемъ граница отъ абадзеховъ, съ запада отъ Фарса прямо на востокъ къ р. Лабѣ, нѣсколько сѣвернѣе нынѣшней Костромской станицы и южнѣе Засовской. Махошевцы, по словамъ Н. Каменева, какъ и егерухаевцы, отдѣлились отъ темиргоевцевъ послѣ смерти общаго ихъ князя Безруко Болотокова. А всѣ вмѣстѣ темиргоевцы, егерухаевцы и махошевцы, сплошнымъ образомъ занявшіе лучшія части долины между р. р. Бѣлой и Лабой, составляли, слѣдовательно, до того одно племя темиргоевцевъ или, какъ они назывались еще, Кемгой.

Послѣднее на востокѣ крупное звено народа Адиге представляли бесленеевцы, четвертый отпрыскъ племени Темиргой или Кемгой. Они примыкали только на незначительномъ пространствѣ съ сѣверозапада къ махошевцамъ и отсюда распространялись еще юговосточнѣе по теченіямъ р. Лабы и ея притока Ходзъ съ запада и дальше на востокъ до р. Урупъ. Нынѣшнія станицы Зассовская, Каладжинская, Отважная, Безстрашная, Подгорная, Спокойная, Надежная и Удобная находятся на земляхъ, принадлежащихъ безленеевцамъ. По границамъ этихъ земель приблизительно находились станицы Андрюковская и Передовая, съ востока Упорная и съ крайняго сѣверовостока Отрадная.

Бесленеевцами замыкалась непрерывная цѣпь черкесскихъ племенъ, тянувшаяся съ запада отъ Чернаго моря на востокъ до р. Урупа, при чемъ бесленеевцы уже жили въ перемежку съ ногайцами и бѣглыми кабардинцами. Къ народу адиге принадлежало также и упомянутое выше небольшое племя мамхятовцевъ, жившее по р. Курджипсу въ сосѣдствѣ съ егерухаевцами, и представлявшее пятый отпрыскъ все тѣхъ же Кемгой или темиргоевцевъ. Къ отмѣченнымъ значительнымъ адигскимъ племенамъ примыкали въ разныхъ мѣстахъ другія болѣе мелкія черкесскія народности.

Такъ, по Черноморскому побережью въ сосѣдствѣ съ шапсугами, между р. р. Шахе и Хоста, обитали убыхи, дикое и воинственное племя. Баронъ Сталь дѣлилъ убыховъ на пять обществъ—Убыхъ, Верданъ, Соче, Адзахъ и Ахучипси. По его мнѣнію, только убыхское дворянство представляло чистокровныхъ черкесовъ, убыхская же чернь или народъ состояла изъ черкесовъ и абхазцевъ. Убыхи даже у черкесовъ считались отчаянными головорѣзами. У нихъ существовалъ особый родъ хищниковъ, носившій ужасное названіе „унару", т. е. доморазрушители. Партія унару въ 5—6 человѣкъ ночью прокрадывалась въ чужой аулъ, проникала въ сакли, рѣзала и брала въ плѣнъ населеніе и, ограбивши имущество, безслѣдно скрывалась прежде, чѣмъ приходили на помощь къ ограбленнымъ сосѣди.

Восточнѣе по побережью, въ сосѣдствѣ съ убыхами, въ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятся Адлеръ и Гагры, длинную прибережную полосу занимали такъ называемые садзехъ или джигеты, абазин-

ская отрасль. Они, впрочемъ, имѣли мало отношенія къ Сѣверному Кавказу, тогда какъ убыхи часто появлялись въ черкесскихъ скопищахъ, нападавшихъ на казачьи укрѣпленія и станицы.

Трудно вообще судить, какъ значительны были отдѣльныя черкесскія племена по численному составу. За разные періоды кавказской исторіи сохранились данныя этого рода въ запискахъ и печати. Ихъ дали за 1830 годъ поручикъ Новицкій, за 1849 годъ боронъ Сталь и за позднѣйшее время, относившееся къ выселенію черкесовъ въ Турцію, Н. Каменевъ и др. При ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ цифръ оказывается, однако, что они очень общи, схематичны и выражены въ круглыхъ приблизительныхъ величинахъ. Нѣтъ также никакихъ указаній на тѣ пріемы, которыми руководились авторы при исчисленіяхъ. У барона Сталя на дворъ приходится 7, 8 или 9 душъ, а у Новицкаго всюду 20 душъ. Послѣдній, быть можетъ, бралъ дворъ, включая въ него прислугу, плѣнныхъ, рабовъ и пр., а первый подъ дворомъ разумѣлъ одну семью. Такая же рѣзкая разница оказывается и при опредѣленіи численности отдѣльныхъ племенъ. У барона Сталя число темиргоевцевъ, егерухаевцевъ и мамхятовцевъ опредѣлено въ 8 тысячъ душъ, а Новицкій однихъ темиргоевцевъ считалъ 80 тысячъ душъ; первый полагалъ, что абадзеховъ можно было считать не меньше 40 тысячъ душъ обоего пола, а второй далъ цифру 260 тысячъ душъ. Но Сталь собиралъ цифры опросомъ, черезъ вторыхъ и третьихъ лицъ, а Новицкій былъ въ самихъ мѣстахъ поселеній. Подъ видомъ горца, въ сопровожденіи знаменитаго въ свое время шапсугскаго старшины Аббата Бесленея, онъ, посѣтивъ всѣ земли черкесовъ, далъ въ первый разъ подробный перечень рѣкъ и рѣчушекъ, по которымъ были расположены черкесскіе аулы и хутора, составилъ подробный списокъ наиболѣе знаменитыхъ и вліятельныхъ представителей адиге—князей, дворянъ, старѣйшинъ и пр. и, наряду со всѣмъ этимъ, привелъ въ круглыхъ цифрахъ численный составъ отдѣльныхъ племенъ. При томъ же, имъ руководилъ во всѣхъ этихъ случаяхъ такой знатокъ черкесской географіи и мѣстностей, какъ Аббатъ Бесленей, бывавшій неоднократно и до того всюду въ горахъ у своихъ единоплеменниковъ. Такимъ образомъ, если бы цифры о черкесскомъ народонаселеніи г. Новицкаго и не отличались точностью подворной регистраціи, то во всякомъ случаѣ по нимъ совершенно безошибочно можно судить объ относительной численности разныхъ племенъ. А это въ свою очередь можетъ дать указанія о размѣрахъ ихъ боевыхъ силъ. Вотъ какимъ численнымъ составомъ располагали черкесскія племена по даннымъ Новицкаго за 1830 годъ.

1.	Шапсуги	15,000	дворовъ	300,000	д. об. пола
	Абадзехи	13,000	„	260,000	„ „ „
	Натухайцы	12,000	„	240,000	„ „ „
	Темиргоевцы	4,000	„	80,000	„ „ „
5.	Бесленеевцы	3,500	„	70,000	„ „ „

	Бжедухи	3,000	дворовъ	60,000 д. об. пола
	Убыхи	2,000	„	40,000 „ „ „
	Хатукаевцы . . .	1,000	„	20,000 „ „ „
	Махошевцы . . .	400	„	8,000 „ „ „
10.	Адемій	150	„	3,000 „ „ „
	Жанеевцы	60	„	1,200 „ „ „
	Итого	54,100	двор.	1,082,200 д. об. пола

Цифры, показывающія ясно, что центральную часть народа Адиге, не считая кабардинцевъ, осѣвшихъ къ востоку отъ Эльбруса, составляли шапсуги, абадзехи, натухайцы, темиргоевцы, бесленеевцы и бжедухи. Эти шесть племенъ насчитывали свыше милліона или $93^1/_2$% всего адигскаго населенія. Естественно, что они должны были играть наиболѣе выдающуюся роль какъ въ исторіи адигейскаго народа, такъ и во внѣшнихъ его отношеніяхъ къ сосѣдямъ.

Надо, впрочемъ, полагать, что черкесовъ было больше, чѣмъ сколько показано у Новицкаго. Такъ, по даннымъ его, у шапсуговъ было 15000 дворовъ, а если взять среднюю цифру (2650 дворовъ) по 13 обществамъ, поименованнымъ барономъ Сталемъ, то только у одного Большого Шапсуга ихъ окажется 34450, что, при средней семьѣ, по даннымъ Сталя, въ 8 душъ, составитъ 275600 душъ об. пола населенія. Къ нимъ надо прибавить населеніе Малаго Шапсуга также довольно многочисленное. У Новицкаго не показано количества егерухаевцевъ и мамхятовцевъ. Наконецъ, по Сталю, въ Закубаньѣ жило 4700 душъ бѣглыхъ кабардинцевъ. Внеся всѣ эти поправки, пришлось бы нѣсколько повысить общую цифру черкесовъ, жившихъ въ то время въ предѣлахъ нынѣшней Кубанской области. На то же указываютъ и военныя реляціи, изъ которыхъ видно, что одновременно собирались въ разныхъ мѣстахъ значительныя, до десяти тысячъ и свыше, партіи для набѣговъ и что при походѣ русскихъ войскъ за Кубань черкесы быстро выставляли для отпора тысячи воиновъ.

Тамъ же за Кубанью, на ряду съ черкесскими племенами, обитали и другія народности съ которыми приходилось вѣдаться казачеству и русскимъ войскамъ, а нерѣдко и черкесамъ. Въ верховьяхъ Кубани, у самаго Эльбруса, занимали цѣлую область карачаевцы, народность тюркскаго происхожденія, оставшаяся на томъ же мѣстѣ и въ наше время. На западѣ, рядомъ съ карачаевцами, укрылись въ горахъ бѣглые кабардинцы. По даннымъ барона Сталя, ихъ было 664 двора въ количествѣ 4700 душъ об. пола. Среди самыхъ карачаевцевъ жили въ небольшомъ количествѣ горные евреи.

Но особенно видную роль въ жизни и взаимоотношеніяхъ закубанскихъ горцевъ играли выходцы изъ Абхазіи. На Сѣверномъ Кавказѣ они извѣстны были подъ именемъ абазы или абазинцевъ и занимали длинную полосу по верховьямъ р. р. Теберды и Аксаута съ Марухомъ до линіи Усть Джегутинскаго укрѣпленія. Отсюда на западъ расположились развѣтвленія той же абхазской или аба-

зинской народности подъ разными названіями—башилбаевцы, тамовцы, кизилбековцы, шагиреевцы, баговцы и баракаевцы. Они осѣли въ этомъ порядкѣ сплошнымъ образомъ другъ возлѣ друга и занимали верхнія части рѣчныхъ бассейновъ. Башилбаевцы охватили пространство по верхнему теченію Большого Зеленчука, его притока Кефара, до самаго впаденія въ Зеленчукъ и по верховьямъ рѣки Урупа почти до нынѣшней станицы Передовой или до земель бесленеевцевъ. Сосѣди башилбаевцевъ тамовцы заняли верховья р. Большой Лабы тоже до земель бесленеевцевъ. Еще западнѣе по водораздѣлу между верховьями р. р. Большой и Малой Лабы осѣли кизилбековцы, соприкасаясь на сѣверѣ съ землями бесленеевцевъ. Въ верховьяхъ Малой Лабы и притока ея Урупштена до Псебайскаго укрѣпленія, сѣвернѣе котораго начинались владѣнія все тѣхъ же бесленеевцевъ, обитали шагиреевцы. На небольшомъ пространствѣ отъ изгибовъ р. Урупштена до нынѣшней Баговской станицы обитали баговцы. Наконецъ сѣвернѣе отъ баговцевъ, въ границахъ на востокѣ съ владѣніями бесленеевцевъ, на западѣ съ владѣніями абадзеховъ и на сѣверѣ съ землями махошевцевъ, жили баракаевцы. Нынѣшнія станицы Баракаевская и Губская находятся въ центрѣ бывшихъ баракаевскихъ владѣній.

Кромѣ указанныхъ мѣстъ, абазинцы жили на земляхъ шапсуговъ и натухайцевъ въ горахъ недалеко отъ Кубани и Анапы. Въ 1800 г. анапскій паша предупредилъ войскового атамана Бурсака о сборѣ абазинцевъ, которые намѣревались произвести нападеніе на Черноморію черезъ Бугазъ, Курки и Журавку. Самъ Бурсакъ въ сентябрѣ того же года прошелъ съ отрядомъ въ теченіе сутокъ съ Кубани на р. Чубу, гдѣ были расположены абазинскіе аулы. Объ этихъ же абазинцахъ упоминали въ 1825 г. натухайцы изъ фамиліи Супако, а въ 1828 г. князь Пшекуй съ 200 арбъ и абазинцами переселилъ свои аулы съ Кубани въ горы къ абазинцамъ. Позже въ историческихъ документахъ не встрѣчается уже свѣдѣній объ этихъ абазинцахъ.

Всѣ эти народности въ концѣ XVII столѣтія вышли на сѣверные склоны Кавказскаго хребта изъ Цебельды въ Абхазіи подъ именемъ Бясхага или Алтыкисекъ, т. е. шести-родныхъ, по числу шести родоначальниковъ—Биберда, Лоу или Лоова, Дударука, Кіяша, Джантемира и Клиша.

Въ двухъ мѣстахъ по верховьямъ р. р. Псекупса и Пшиша жило въ небольшомъ количествѣ особое племя—хакучи, отрасль убыховъ. Въ средѣ самихъ черкесовъ находились также въ достаточномъ количествѣ армяне и въ меньшемъ евреи и греки. Это были торговцы, занимавшіеся своимъ дѣломъ на правахъ вольныхъ и независимыхъ людей, на собственный рискъ, подъ постояннымъ страхомъ быть обобранными.

Наконецъ, по Кубани, въ нижнихъ теченіяхъ р. р. Большаго и Малаго Зеленчуковъ, по Урупу и до Лабы, между черкесскими пле-

менами, съ одной стороны, и русскими владѣніями, съ другой, кочевали ногайскія племена, потомки грозныхъ монгольскихъ ордъ, предводимыя Батыемъ и Тамерланомъ. Незначительная часть ногайцевъ осталась близъ Чернаго моря въ сосѣдствѣ съ натухайцами. Прикубанскіе же ногайцы дѣлились на пять фамилій или родовъ и назывались по именамъ своихъ родоначальниковъ Тохтамышевцы, Мансуровцы, Кипчаковцы, Карамурзинцы и Наврузовцы. Въ каждомъ родѣ были свои князья, дворяне и народъ. Кромѣ того, на Урупѣ былъ еще одинъ ногайскій аулъ Султановскій, пользовавшійся дурною славою. Ногайцы, какъ скотоводы, вообще были склонны къ воровству, но Султановскій аулъ представлялъ пристанище самыхъ отъявленныхъ воровъ, не стѣснявшихся воровать ни у чужихъ, ни у своихъ. Аулъ этотъ служилъ какъ бы передаточною воровскою инстанціей: уворованный въ горахъ скотъ передавался отсюда въ степи, а уворованный въ степяхъ въ горы.

Основной тонъ жизни закубанскихъ народовъ давали черкесы, какъ преобладавшая по численности народность. Ихъ обычаи и нравы были господствующими, ихъ военный бытъ и постоянная жажда борьбы и военныхъ приключеній отражались и на другихъ національностяхъ. Послѣднія въ свою очередь имѣли много общаго съ черкесами какъ по хозяйственному укладу своей жизни, такъ и по степени культурной подготовки къ ней. Какъ и черкесы, они жили аулами, занимались главнымъ образомъ скотоводствомъ, въ меньшей степени земледѣліемъ и не шли дальше черкесовъ ни въ военномъ дѣлѣ, ни въ политическомъ строительствѣ. Собственно же черкесовъ, кромѣ общихъ чертъ сходства въ экономическомъ и въ бытовомъ отношеніяхъ, связывало въ единый народъ общность языка и происхожденія.

Но прежде, чѣмъ различныя черкесскія племена осѣли окончательно на своихъ мѣстахъ, въ общей массѣ адигскаго народа произошелъ цѣлый рядъ перемѣщеній. Древніе греческіе и римскіе писатели указывали на пребываніе черкесовъ, главнымъ образомъ, по восточному побережью Чернаго моря. Стало быть, эти мѣста искони считались за черкесами. Затѣмъ прошлое черкесовъ связано было съ степями Предкавказья справа отъ Кубани и до р. Дона. По свидѣтельству Георгія Интеріано, писавшаго около 1502 г., черкесы занимали весь восточный берегъ Азовскаго моря отъ р. Дона до Боспорскаго пролива. Передвиженія черкесовъ въ этихъ мѣстахъ отмѣчены исторіей. Существуютъ указанія, что кабардинцы, принявшіе въ себя часть народностей, оставшихся на Таманскомъ полуостровѣ, послѣ нашествія гунновъ, жили на этомъ полуостровѣ, были въ Крыму и занимали Черноморское побережье. Во главѣ ихъ стоялъ князь Иналъ, котораго кабардинцы считаютъ своимъ родоначальникомъ. Сначала кабардинцы, во главѣ съ этимъ княземъ, были оттѣснены изъ степей въ горы вышедшими изъ за Волги аварами. Аварскій ханъ Баканъ, по имени котораго названо Баканское ущелье, тя-

нущееся отъ ст. Тоннельной по направленію къ ст. Крымской, разгромилъ здѣсь кабардинскія войска и погналъ ихъ на востокъ по генуэзской дорогѣ. Но у р. Абинъ кабардинцы въ союзѣ съ темиргоевцами (кемгой) въ свою очередь разбили аварскія полчища, и кабардинцы стали господствующимъ племенемъ въ этихъ мѣстахъ. По смерти Инала на р. Взыби, сыновья его поссорились между собою и переселились съ Черноморскаго побережья въ нынѣшнюю Кабарду. Еще раньше кабардинцы подъ начальствомъ Кеса покорили кяхга, т. е. низовыхъ жителей. Это были натухайцы и шапсуги. Кабардинецъ Нетхъ далъ свое имя натухайцамъ—нетха-куадже, т. е. нетхово селеніе, а кабардинецъ Кобле покорилъ шапсуговъ. Обоимъ народамъ, имѣвшимъ до того чисто родовое устройство, Нетхъ и Кобле привили сословіе дворянъ. То же случилось и съ темиргоевцами, союзниками кабардинцевъ. Темиргоевцы, послѣ пораженія аваровъ, остались на жительство по р. Бѣлой.

Особенно же значительныя измѣненія произведены въ расположеніи черкесскихъ племенъ на Сѣверномъ Кавказѣ татарами. Татары заняли всѣ степныя мѣста какъ съ правой стороны Кубани, такъ и по лѣвобережнымъ ея притокамъ Лабѣ, Урупу и Зеленчукамъ. Частью они оттѣснили черкесовъ къ югу дальше въ горы, а частью слились съ ними и образовали аулы, расположенные среди черкесовъ. Въ такихъ отношеніяхъ къ черкесамъ они находились съ конца XIV столѣтія и до конца XVIII вѣка.

Такимъ образомъ, судя по историческимъ даннымъ, черкесовъ тѣснили пришлые народы къ окраинамъ тѣхъ мѣстностей, которыя они занимали, и почти не касались отдаленныхъ горныхъ ущелій Черкессіи. Въ этихъ мѣстахъ аборигены остались нетронутыми. Такое же положеніе удержали за собою аборигены и при внутреннемъ перераспредѣленіи черкесскихъ племенъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ черкесскія преданія и легенды. Вотъ одна изъ такихъ легендъ, переданная Каменевымъ.

Въ окрестностяхъ Синопа въ Анатоліи обитало неизвѣстное по происхожденію племя, поклонявшееся Тлепшу, богу огня, и Мезитху, богу лѣсовъ. Племя это не было многочисленнымъ, но отличалось богатствомъ и крѣпкою, какъ сталь, организаціей, подъ управленіемъ старѣйшинъ, которымъ доступны были всѣ тайны природы. Когда въ Анатоліи началось распространеніе ислама, пророкъ Магометъ послалъ своего полководца Хозретъ-Али къ Синопу. Здѣсь полководецъ собралъ старѣйшинъ племени и предложилъ имъ принять исламъ подъ угрозою наказанія мечемъ и огнемъ. На это предложеніе и угрозы мудрые старѣйшины отвѣтили полнымъ молчаніемъ. Хозретъ-Али повторилъ свое приказаніе. Старѣйшины молчали. Взбѣшенный полководецъ, въ порывѣ гнѣва, схватился за рукоять меча, чтобы тутъ же наказать дерзкихъ ослушниковъ. Мечъ также оказалъ молчаливое сопротивленіе и остался въ ножнахъ, не смотря на всѣ усилія могучаго воина вынуть его. Произошло нѣчто чудес-

ное. Разгнѣванный полководецъ не обратилъ на это вниманія и пришпорилъ своего, одареннаго сверхъестественными свойствами, коня Дульдуль, чтобы раздавить упорныхъ молчальниковъ. Но и всегда послушный чудесный конь не двинулся съ мѣста. Тогда и Хозретъ-Али понялъ, что это было чудо. Считая старѣйшинъ отверженными Богомъ людьми, полководецъ Магомета оставилъ край, а старѣйшины созвали народъ и воздали хвалу Мезитху, богу лѣсовъ, хранителю таинственной тишины ихъ.

Но когда черезъ нѣсколько лѣтъ мусульманская религія все таки распространилась въ окрестностяхъ Синопа въ Анатоліи и когда вмѣстѣ съ этимъ начались распри и война между мусульманами и немусульманами, тогда племя, предводимое своими старѣйшинами, рѣшило совсѣмъ оставить страну, чтобы избѣжать междоусобій. Одна часть племени отправилась на судахъ въ Крымъ и осѣла тамъ, а другая пошла сухимъ путемъ по берегу Чернаго моря, достигла Кавказа и у нынѣшней Джубги перешла черезъ хребетъ къ истоку р. Шебши, впадающей въ Афипсъ. Верховья Шебши были покрыты густымъ и могучимъ дѣвственнымъ лѣсомъ—„Тхамаха“, что въ переводѣ на русскій языкъ означало посвященная Богу роща. Здѣсь, въ этомъ священномъ лѣсу, въ урочищѣ Адыхеко, и осѣли неизвѣстные анатолійскіе выходцы. Въ переводѣ Адыхеко означало сыновья Ады, въ прямомъ смыслѣ, и колыбель Адиге, въ смыслѣ переносномъ. Отсюда, по мнѣнію шапсуговъ, произошло и самое наименованіе черкесовъ Адиге.

Объясненіе довольно натянутое. Невѣроятно, чтобы часть какого-то маленькаго, темнаго, безъ имени и званія, племени стала какъ бы прародительницей могущественнаго народа адиговъ. Безыменные пришельцы не имѣли, быть можетъ, ничего общаго съ настоящими адигами ни по языку, ни по религіи, ни по происхожденію, а если и имѣли, то, какъ гласитъ легенда, были малочисленны и должны были потонуть, какъ въ морѣ, въ массѣ другихъ адигскихъ племенъ, что и случилось на самомъ дѣлѣ. Въ шапсугскихъ родословныхъ не осталось слѣда отъ этого безыменнаго племени.

Сама по себѣ легенда, однако, очень характерна въ другомъ отношеніи. Она несомнѣнно находится въ тѣсной связи съ передвиженіями адигскихъ народностей, происходившими подъ вліяніемъ натиска на аборигеновъ пришлыхъ завоевателей, съ одной стороны, и осложненій во внутренней жизни адиговъ, съ другой. Здѣсь начинается уже настоящая исторія черкесовъ, знакомство съ которою необходимо для уясненія отличительныхъ особенностей русско-черкесской войны, длившейся 65 лѣтъ подъ рядъ.

Тотъ же Н. Каменевъ записалъ со словъ черкесовъ нѣчто аналогичное шапсугской легендѣ. Мѣсто дѣйствія опять таки оказывается въ верхнихъ частяхъ бассейна р. Псекупса. Здѣсь находилось у горцевъ урочище Чирчене, что въ буквальномъ переводѣ

значило безнаслѣдственная, выморочная земля. На Чирчене никто не жилъ и номинально оно числилось за фамиліей темиргоевскихъ князей Болотоковыхъ. И вотъ сюда направилась партія адигейцевъ съ южнаго склона Кавказскаго хребта по р. Туапсе, подъ предводительствомъ двухъ братьевъ Хамышъ и Керканъ. При посредствѣ кабардинскаго уорка Кошмезыко, переселенцы пріобрѣли у темиргоевцевъ Чирчене. Хамышъ занялъ урочище на р. Бѣлой, гдѣ теперь находится поселокъ Хамышки, а черченеевцы или керкенеевцы, подвластные его брату Керкану, осѣли на Псекупсѣ въ землѣ Чирчене. Здѣсь они получили названіе бжедуховъ по одному нелестному для нихъ случаю. Жанеевцы, сосѣди черченеевцевъ, дали имъ пиръ, на которомъ у хозяевъ гостями украдена была чаша. Отсюда и названіе бжедухъ, воръ чаши, отъ словъ „бжа"—чара, чаша и „дугъ"—воръ.

Но и хамышеевцы не долго оставались на занятомъ ими мѣстѣ. Имѣя князей и дворянъ, они являлись, такимъ образомъ, представителями аристократическаго начала во внутреннихъ распорядкахъ и управленіи, а рядомъ съ ними жили абадзехи, представители демократическаго строя. Появилась взаимная вражда, перешедшая въ борьбу и столкновенія, и хамышеевцы, какъ болѣе слабое племя, вынуждены были перейти съ р. Бѣлой на Псекупсъ къ своимъ сородичамъ черченеевцамъ. Здѣсь они заняли у шапсуговъ то же самое урочище Адыхеко, о которомъ упомянуто выше. Слившись съ своими родичами, они образовали одно племя бжедуховъ.

Но абадзехи, какъ истые демократы, не могли помириться съ такимъ исходомъ ихъ борьбы съ бжедухами. Завязалась между обѣими племенами, на почвѣ чисто политическихъ идеаловъ, война, длившаяся 8 лѣтъ съ 1631 по 1639 годъ. Въ концѣ концовъ бжедухи были вытѣснены съ верхней части Псекупскаго бассейна и заняли нижнія части рѣкъ Псекупса и Пшиша, а жившіе рядомъ съ ними жанеевцы частью слились съ бжедухами, а частью перешли на островъ Каракубань.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ произошло дѣйствительное и въ высшей степени характерное, съ исторической точки зрѣнія, событіе. Два адигскихъ племени вступили въ борьбу изъ за двухъ различныхъ строевъ жизни—демократическаго и аристократическаго, и демократы оказались побѣдителями.

Примѣръ заразителенъ. Абадзехи не остановились на борьбѣ съ одними бжедухами, а перенесли ее и на другія черкесскія племена, и всюду народъ сталъ на сторону абадзеховъ и пропагандируемаго ими народнаго выборнаго управленія. Кромѣ бжедуховъ, демократическія идеи абадзеховъ охватили шапсуговъ и натухайцевъ, у которыхъ особенно сильны и вліятельны были высшіе дворянскіе классы. При дѣятельномъ участіи абадзеховъ здѣсь вспыхнуло въ концѣ XVIII столѣтія поголовное возстаніе низшихъ классовъ. Народныя собранія постановили лишить дворянъ права вла-

дѣнія приморскими пристанями и права суда и расправы. Натухайскіе дворяне не стали противиться народу, вошли съ нимъ въ соглашеніе и подчинились всѣмъ тѣмъ требованіямъ, какія имъ были предъявлены. Но шапсугское дворянство, руководимое Али-Султаномъ-Шеретлуковымъ, заключило союзъ съ бжедухами и при содѣйствіи ихъ вступило въ борьбу съ шапсугскимъ народомъ, который въ свою очередь поддерживался псекупскими абадзехами. Эта длительная распря окончилась знаменитой въ исторіи адыхейскаго народа Біюкской битвой на берегахъ Афипса и Шебши. Дворяне побѣдили; въ битвѣ шапсуги потеряли до 4 тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными, но народъ не успокоился. Шапсуги получили свободу, установили выборное народное управленіе и изгнали дворянъ. Впослѣдствіи шапсуги разрѣшили дворянамъ возвратиться на свои пепелища, за исключеніемъ одного Али-Султана-Шеретлукова, какъ главнаго виновника междоусобной войны.

Но и русское правительство при этомъ сдѣлало крупную ошибку. Въ подмогу дворянамъ оно послало одну пушку и нѣсколько сотенъ казаковъ, благодаря чему дворяне и оказались побѣдителями. Шапсугскій народъ не могъ простить этого русскимъ и съ этихъ поръ сталъ въ явно враждебныя отношенія къ казакамъ. Тѣмъ изъ дворянъ, которые не могли явиться на родину, русское правительство приказало отвести земли въ предѣлахъ Черноморіи. И это также зачтено было черкесами въ число кровныхъ обидъ, причиненныхъ имъ русскими.

Въ то время, когда происходили эти знаменательныя распри между дворянами и народомъ у четырехъ важнѣйшихъ адигскихъ племенъ—абадзеховъ, шапсуговъ, натухайцевъ и бжедуховъ, черноморскіе казаки преспокойно занимали равнинныя части Прикубанья. Благодаря, быть можетъ, этой междоусобной войнѣ, такъ безпрепятственно совершилась казачья колонизація. Но впослѣдствіи внутреннія распри у черкесовъ почти всегда отражались и на отношеніяхъ ихъ къ русскимъ.

Въ чемъ же крылись причины столь ожесточенныхъ распрей въ средѣ самихъ черкесовъ?

Судя по показаніямъ черкесовъ, въ составъ адигскаго народа всюду входили двоякаго рода элементы—собственно адиге, аборигены, и иностранцы, пришлый элементъ. Соединеніе тѣхъ и другихъ въ одинъ народъ произошло, благодаря различному укладу ихъ жизни. У аборигеновъ господствовалъ родовой бытъ въ болѣе или менѣе чистой примитивной формѣ. Были племена и поколѣнія, и во главѣ ихъ стояли родовичи, старѣйшины, руководившіе народомъ, какъ уважаемыя въ родѣ лица. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и легенды, и прямыя указанія черкесовъ. Сначала старѣйшинами были лица по старшинству въ родѣ, по праву отцовъ, а впослѣдствіи, когда населеніе умножилось и взаимныя отношенія осложнились, народъ сталъ выбирать старѣйшинъ. Въ наиболѣе чистомъ

видѣ эти формы жизни сохранились у абадзеховъ, племени, считавшагося у черкесовъ демократическимъ. Этому способствовали естественныя условія края, изолированность положенія абадзеховъ, ограждавшая ихъ отъ вторженія иноплеменниковъ. Абадзехи занимали наиболѣе удаленныя въ горахъ мѣста. Между ними и сначала татарами, а потомъ русскими, жили темиргоевцы, и абадзехи долго не имѣли никакихъ соприкосновеній даже съ русскими.

Съ инымъ укладомъ общественной жизни явились къ аборигенамъ иноплеменники. Несомнѣнно, что и у этихъ послѣднихъ было много общаго съ черкесами, были еще слѣды родового быта, общность воззрѣній на землю, на имущество, на военное дѣло и т. п. Иначе не слились бы такъ крѣпко одни съ другими. Но у нихъ были и особенности, не свойственныя примитивнымъ формамъ родового быта. Во главѣ иноплеменниковъ стояли князья, которымъ безпрекословно покорялся народъ, выборное начало было упразднено сильнѣйшими классами, установлено было обязательное несеніе повинностей одного класса населенія для другого и, вмѣстѣ съ этимъ, существовала строго организованная военная система управленія. Въ народныхъ сказаніяхъ иноземцы, слившіеся съ адиге, рисуются какъ народъ, закованный въ сталь, желѣзо и броню.

И вотъ, при наличности такихъ разнохарактерныхъ формъ общественнаго уклада, надо полагать, и произошло сліяніе аборигеновъ съ иноплеменниками. Мирные родовичи нуждались въ военной защитѣ; иноплеменники, пришлые иностранцы, въ совершенствѣ владѣли оружіемъ и располагали организованною военною силою. На условіяхъ, съ одной стороны, защиты, а съ другой, подчиненія и совершилось повидимому сліяніе аборигеновъ-адиге съ иноплеменниками. Какъ это произошло—путемъ ли добровольнаго соглашенія, или же принудительнымъ путемъ—не извѣстно, но взаимныя отношенія между аборигенами и пришлою народностью должны были сложиться въ указанномъ направленіи. Шапсуги разсказываютъ, что ихъ предки добровольно подчинились иностранцамъ и приняли по отношенію къ нимъ извѣстныя обязательства, поставившія ихъ въ зависимость и подчиненіе пришельцамъ.

Съ теченіемъ времени взаимныя отношенія между кореннымъ и пришлымъ населеніемъ осложнились. Росла власть и ширились требованія господствующихъ классовъ, усиливалась зависимость народа отъ нихъ и увеличивались повинности. Такимъ путемъ князья и дворяне отвоевали себѣ у народа исключительныя права и привиллегіи, какъ напр.: право суда и расправы, присвоеніе торговыхъ выгодъ, пользованіе морскими пристанями и пр. Наиболѣе развито было сословное дѣленіе у бжедуховъ и темиргоевцевъ. Князья и дворяне разныхъ степеней играли въ жизни этихъ племенъ первенствующую роль. И вотъ, когда, въ ряду всѣхъ черкесскихъ племенъ, усилилось значеніе демократовъ абадзеховъ, съ одной стороны, и возросъ гнетъ высшихъ классовъ надъ низшими у шапсуговъ, натухайцевъ

и бжедуховъ, съ другой, тогда и начались у черкесовъ распри. Угнетенный народъ, поддерживаемый абадзехами, рѣшился возвратить себѣ старыя права на выборъ, на судъ, на пользованіе землей и пр.

И такъ, въ то время, когда черноморскіе и линейные казаки заняли степныя пространства Прикубанья, въ предгорьяхъ за Кубанью шли междоусобія и распри у черкесскихъ племенъ. Эти послѣднія, какъ составныя части одного и того же народа Адиге, не представляли собою чего-либо цѣльнаго, съорганизованнаго въ одну крѣпкую, объединенную націю. Въ общей своей массѣ черкесы состояли изъ ряда племенъ, обособленныхъ политически. Не было ни единства управленія, ни общихъ военныхъ силъ и финансовъ, ни опредѣленной территоріи, ни одного признака объединенной государственной организаціи.

Всего этого недоставало и отдѣльнымъ племенамъ. Въ соціальномъ отношеніи племена переживали разныя стадіи политическаго развитія. У однихъ вершили всѣ дѣла старѣйшины и выборные отъ народа, у другихъ князья и дворяне, господствующія сословія, у третьихъ тѣ и другіе. Отдѣльныя племена, поэтому, различались по составу сословій и присущей послѣднимъ власти и правамъ. И все это развивалось и видоизмѣнялось, шло въ извѣстномъ поступательномъ движеніи, въ теченіе шестидесятипятилѣтней войны горцевъ съ русскими.

Относительно горцевъ и въ публикѣ и даже въ печати сложилось мнѣніе, что это народъ свободолюбивый, независимый и что свободолюбіе и независимость составляли ихъ отличительныя черты не только въ ихъ борьбѣ съ русскими, но и во внутреннихъ отношеніяхъ. Въ основѣ этого мнѣнія лежитъ глубокое недоразумѣніе. Стремленіе горцевъ къ свободѣ и независимости не шло дальше стихійныхъ, примитивныхъ формъ, а политическій бытъ и управленіе у горцевъ держались на такой путанной сословности, въ которой сами горцы съ трудомъ, кажется, разбирались. Достаточно сказать, что у свободолюбивыхъ горцевъ были, съ одной стороны, князья и дворяне, а съ другой, крѣпостные и рабы, чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ политическій бытъ и особенности у опоэтизированныхъ Адиге.

Всѣ черкесскія племена дѣлились на двѣ отличныя одна отъ другой группы. Къ первой группѣ нужно отнести абадзеховъ, шапсуговъ, натухайцевъ, убыховъ и часть небольшихъ абазинскихъ племенъ. У нихъ никогда не было князей, но были дворяне, народъ и рабы. Во вторую группу входили бжедухи, темиргоевцы, бесленеевцы, егерухаевцы, махошевцы, мамхятовцы и хатукаевцы. У этихъ племенъ, кромѣ указанныхъ выше сословій, были еще и князья. Ногайцевъ и абазинцевъ съ шестью ихъ развѣтвленіями нужно отнести къ послѣдней группѣ, а карачаевцевъ къ первой. Вообще, слѣдовательно, у горскихъ народовъ Закубанья сословное дѣленіе глу-

боко проходило въ жизнь и во внутреннія взаимоотношенія племенъ. Было по крайней мѣрѣ четыре сословныхъ группы или класса: 1) князья, дѣлившіеся въ свою очередь на два ранга по происхожденію, 2) дворяне трехъ степеней или подраздѣленій, 3) свободный, въ черкесскомъ, впрочемъ, смыслѣ, народъ и 4) зависимыя сословія—крѣпостные и рабы.

Въ составъ первой группы входили князья султаны и просто князья. Къ султанамъ причислялись потомки бывшей владѣтельной династіи крымскихъ хановъ—„Гирей“. Тотъ, къ имени котораго приставлялись эпитеты султанъ и гирей, и былъ представителемъ этого сословнаго ранга князей. Князьями султанами или, какъ называли ихъ князья изъ черкесовъ, хануками были, слѣдовательно, люди совершенно чуждые черкесской народности, приставшіе къ ней, какъ пришлый элементъ, какъ князья-завоеватели, слившіеся, однако, съ черкесами нераздѣльно. Князьями черкесами были выдвинувшіяся въ это положеніе изъ среды самаго народа личности, какъ защитники его и начальники военныхъ дружинъ. Такъ, Иналъ, объединившій кабардинцевъ и съумѣвшій отстоять ихъ независимость отъ аваровъ, былъ возведенъ въ князья самимъ народомъ, и его дѣти и потомки считались потомственными князьями. Вообще же княжеское достоинство связывалось съ предводительствомъ въ войскѣ.

Казалось бы, что князья султаны, какъ принцы крови, должны были если не имѣть преимущество передъ князьями черкесами, то во всякомъ случаѣ пользоваться особымъ почетомъ у черкесовъ. Крымскіе гиреи дѣйствительно ставились высоко по рангу, но прежде всего среди своей народности—у ногайцевъ. Они жили, породнившись съ черкесскими князьями, также у бжедуховъ, егерухаевцевъ, хатукаевцевъ, кизилбековцевъ и пр. и пользовались должнымъ почетомъ. Но князья-черкесы называли ихъ „хануками“ и съ высокомѣріемъ отзывались „у насъ хануковъ много“, давая тѣмъ понять, что собственно князья черкесскаго происхожденія были болѣе крупными величинами. Въ этомъ отношеніи на княжеское достоинство претендовали и дворяне 1-й степени, такъ называемые „тлехотлежи“, дворяне владѣльцы ауловъ. „Принадлежащіе къ высшему дворянству, говоритъ въ своемъ сборникѣ черкесскихъ адатовъ или обычаевъ г. Кучеровъ, именуются у хамышейцевъ, хатикосійцевъ, темиргойцевъ, махошевцевъ и бесленеевцевъ князьями; у абадзеховъ же, шапсуговъ, натухайцевъ и убыховъ—первостепенными дворянами, которые почти равняются въ правахъ своихъ съ князьями“.

Политическое положеніе князей у черкесовъ характеризовалось слѣдующими признаками. Князья пользовались землею совершенно свободно и ни отъ кого не зависѣли. Надъ дворянами, духовенствомъ и простымъ свободнымъ народомъ они не имѣли никакой власти, но надъ крѣпостными людьми и ихъ имуществомъ имъ принадлежало неограниченное право. Князь—„пши“, считался главою наро-

да—„чиле“, и начальникомъ его вооруженныхъ силъ. Народъ обязанъ былъ уважать его, какъ высшаго по происхожденію и старшаго между владѣтельными дворянами. Лицо, покушавшееся на жизнь князя, подлежало истребленію съ семействомъ. На народномъ собраніи—„зауча“, князь занималъ первое мѣсто и имѣлъ рѣшающій голосъ, но для этого требовалось, чтобы онъ былъ „тлехупсъ“, князь-рыцарь, и „тлегубзыгъ“, т. е. „языкъ народа“, имѣлъ даръ слова. Кабардинскіе князья брали съ народа „ясакъ“, дань хлѣбомъ, медомъ, дровами и бараниной. У закубанскихъ же черкесовъ князь не бралъ никакой подати съ народа, а жилъ войною и тѣмъ, что добывалось работами собственныхъ его крестьянъ. Для вспашки земли, жатвы хлѣба, сѣнокоса и рѣже для рубки и вывоза лѣса князья закубанскихъ черкесовъ пользовались услугами населенія въ покровительствуемыхъ ими аулахъ, но эти услуги носили характеръ общественныхъ помочей. Народъ выходилъ на княжескія работы съ собственными волами, арбами и орудіями, а князь давалъ продовольствіе, выставлялъ угощеніе и чѣмъ обильнѣе оно было, тѣмъ охотнѣе на княжескія работы шелъ народъ. Такія работы-помочи производились день, два и не болѣе трехъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, наконецъ, князья пользовались правомъ выпаса скота на лучшихъ угодьяхъ своего аула и еще рѣже правомъ выбора лучшихъ полянъ и сѣнокосовъ, прилегавшихъ къ тому аулу, покровителемъ котораго былъ князь. Таково было положеніе князей у черкесовъ.

Черкесскіе дворяне представляли запутанную лѣстницу сословныхъ различій. У разныхъ племенъ было различной численности сословіе дворянъ. У нѣкоторыхъ племенъ было ихъ такъ много, что за ними какъ бы стушевывались остальныя сословія. По словамъ барона Сталя, у народовъ Закубанскаго края и Черноморскаго побережья считалось болѣе 100 тысячъ дворянъ. Вообще у тѣхъ племенъ, у которыхъ были князья, больше было и дворянъ, и наименьше ихъ было у абадзеховъ, искони считавшихся самымъ демократическимъ племенемъ. Черкесскіе дворяне дѣлились на три класса или степени—„узденей“ 1-й степени, 2-й и 3-й. Къ первому классу относились дворяне изъ туземныхъ старшинъ, руководившихъ народомъ, бывшихъ во главѣ его. Это были такъ называемые „тлекотлежи“, посредники, ходатаи отъ словъ „тлеко“, ходатай, и „тлежъ“ твердый, крѣпкій. Ко второму классу были отнесены княжескіе дворяне—„пши-уорки“, потомки иностранныхъ дружинъ, соединившихся когда-то съ адигами. Наконецъ, третій классъ составляли дворяне-воины, дружинники изъ среды черкесскаго народа. Они носили довольно характерное названіе „уоркъ шаутле гуссе“, т. е. молодцы, взятые мужами въ товарищи, въ соратники отъ словъ „сшау“ юноша, молодецъ „тле“—мужъ и „гуссе“—товарищъ. Вообще же дворяне, вмѣстѣ съ князьями, составляли военный элементъ, были защитниками народа и края отъ военныхъ насилій и нашествій внѣшняго врага.

Сообразно съ дѣленіемъ дворянъ на три степени, мѣнялись права дворянъ и ихъ политическое значеніе. Дворяне 1-й степени— главари ауловъ и самостоятельные владѣльцы, имѣвшіе своихъ крестьянъ, которые работали на нихъ или связаны были съ ними опредѣленными условіями въ этомъ отношеніи. „Тлекотлежей" вообще было мало у черкесскихъ племенъ, не болѣе двухъ-трехъ семействъ на цѣлую народность. Въ аулахъ „тлекотлежей" жили и другіе дворяне низшихъ степеней. Они считали тлекотлежа своимъ главой и могли также имѣть крестьянъ. По зову „тлекотлежа", они обязаны были идти на войну и въ походы. Въ случаѣ недоразумѣній между тлекотлежемъ и дворянами второй и третьей степеней, послѣдніе уходили къ другимъ владѣльцамъ. Различіе между дворянами второй и третьей степеней обусловливалось имущественнымъ положеніемъ. Нѣкоторые дворяне не имѣли крестьянъ. Вообще же владѣлецъ аула снабжалъ тѣхъ и другихъ дворянъ скотомъ и хлѣбными запасами, и это называлось „уоркъ тынъ", который однако возвращался владѣльцу, если дворяне оставляли его. Дворянство было только наслѣдственнымъ.

Третью сословную группу составлялъ черкесскій народъ. Это было самое многочисленное сословіе, состоявшее изъ аборигеновъ, ядро адигскаго народа и вмѣстѣ съ тѣмъ производительный классъ. На немъ главнымъ образомъ держалось хозяйство и благосостояніе края, какъ на главной массѣ представителей племени. Кромѣ естественнаго своего состава, народъ пополнялся вольноотпущенниками, „азатами", свободными людьми. У черкесовъ существовало слово „тльфокотль", что означало свободный народъ, и это слово прилагалось иногда къ черкесской народной массѣ, но „тльфокотлями" назывались и тѣ изъ низшихъ дворянъ, которые находились въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ „тлекотлежу". Положеніе народа не у всѣхъ, однако, племенъ было одинаковое. По словамъ Кучерова, „простой свободный народъ пользовался по своему произволу землею, лѣсомъ и другими произведеніями въ мѣстахъ своего жительства", а также свободою „наравнѣ съ сословіями дворянъ и духовенства, особенно въ тѣхъ племенахъ, въ которыхъ не имѣлось князей. Тамъ же, гдѣ были князья, положеніе народа было тяжелѣе, зависимѣе.

Далѣе, за чертою понятія о „тльфокотлѣ", не было свободныхъ сословій. Четвертый классъ черкесскаго населенія состоялъ изъ крѣпостныхъ и рабовъ, занимавшихъ различное положеніе. Крѣпостные, „пшитли", пользовались движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, хотя и съ ограниченіями, несли опредѣленныя натуральныя повинности въ пользу владѣльцевъ, вообще имѣли свои права и у карачаевцевъ такъ и назывались „имѣющіе права крестьяне"— джоллу-кулъ; но этихъ крестьянъ съ правами тѣмъ не менѣе позволялось покупать и продавать. Рабы же, „унауты", лишены были всякихъ правъ и у тѣхъ же карачаевцевъ назывались „джозъ-

сызъ-кулъ“—безправный рабъ. Съ рабами можно было совсѣмъ не церемониться и эксплоатировать ихъ, какъ кому вздумается. Ихъ можно было продать, но можно было и уничтожить, какъ вещь, а не людей. Но тамъ же въ горахъ, рабы у армянъ, зависимой отъ черкесовъ народности, пользовались нѣкоторыми правами. Армянскій рабъ, „ясверъ“, былъ половинщикомъ у хозяина, давалъ ему только половину урожая и работалъ на хозяина только въ опредѣленное урочное время. На работахъ въ полѣ хозяинъ долженъ былъ защищать раба съ оружіемъ въ рукахъ. Каждый „ясверъ“, кромѣ того, имѣлъ своего покровителя, и если права ясвера нарушались, то онъ обращался къ покровителю, который и защищалъ его.

Къ числу зависимыхъ сословій принадлежали еще такъ называемые „оги“. Они составляли какъ бы переходную ступень отъ „пшитлей“, крестьянъ съ правами, къ вольноотпущенникамъ, къ свободнымъ людямъ. Но оговъ было очень мало у черкесовъ.

Былъ у черкесовъ еще одинъ классъ или сословіе, привитый извнѣ, втиснутый въ жизнь вмѣстѣ съ религіей. Это духовенство. Духовенство было свое и пришлое, и въ обоихъ случаяхъ вербовалось по установившемуся въ исламѣ шаблону. Главную роль играли муллы, священники. Мулла пользовался правами дворянина, долженъ былъ имѣть только одну жену, могъ жить и отправлять духовную службу, гдѣ желалъ, но непремѣнно долженъ былъ участвовать въ сраженіяхъ и въ важныхъ случаяхъ быть впереди. Въ этомъ заключались основныя требованія пропаганды ислама. Мусульманское духовенство было вообще фанатично и это тѣсно совпадало съ воинственными наклонностями черкесовъ. Въ этомъ обстоятельствѣ, быть можетъ, крылись и успѣхи ислама въ горахъ.

Въ концѣ XVIII вѣка черкесы считались уже мусульманами, но это были мусульмане не столько по религіознымъ, сколько по политическимъ побужденіямъ, такъ какъ ту же мусульманскую вѣру исповѣдывали могущественные турки, ставшіе на ихъ сторону. Собственно же религіозный культъ у черкесовъ состоялъ изъ наслоеній отъ трехъ религій—язычества, христіанства и магометанства. Такъ какъ послѣднимъ наслоеніемъ было магометанство, поддерживаемое силою политическихъ связей съ единовѣрцами-турками и татарами, то оно прикрывало собою остальныя два наслоенія и было господствующимъ.

Первоначально черкесы были язычниками, какъ и многіе другіе народы, самостоятельно существовавшіе за долго до Р. Хр. Съ христіанскою религіею познакомили черкесовъ „урумы“, греки, и повидимому не раньше начала VI вѣка по Р. Хр. По крайней мѣрѣ имя Юстука сохранилось въ преданіяхъ горцевъ и свято чтилось ими, а Юстукъ, т. е. Юстиніанъ, царствовалъ съ 527 по 565 годъ по Р. Х. Судя по преданіямъ о „шехникѣ“, жившемъ близъ Нальчика, Юстиніанъ не только насаждалъ христіанство между горцами, но и образовалъ особую Кавказскую епархію. Съ тѣхъ поръ въ

языкѣ у черкесовъ сохранились названія „шехникъ“—епископъ, „шогенъ“—священникъ, „Тха“—христіанскій Богъ, „чутыфъ“—явленіе Бога, пасха, „Тха-мафе“—Богъ день, воскресенье, „Маріамъ“—Марія Богородица, покровительница пчелъ, праздновавшаяся въ августѣ, одновременно съ днемъ Успенія Пресвятой Богородицы, и т. п. У кабардинцевъ существовала цѣлая фамилія Шогеновыхъ, т. е. Поповыхъ, поставлявшая „шогеновъ“, христіанскихъ священниковъ. Въ сороковыхъ годахъ у Шогеновыхъ было обнаружено Евангеліе на греческомъ языкѣ, хранившееся, какъ святыня, вмѣстѣ съ воспоминаніями о христіанской религіи. Во времена Юстиніана и позже, надо полагать, греки построили рядъ церквей на р. р. Кяфарѣ, Зеленчукѣ, Тебердѣ и Шоанѣ, и развалины отъ этихъ церквей сохранились до нашего времени. Съ XIII столѣтія христіанство между черкесами распространяли и поддерживали генуэзцы, устроившіе рядъ торговыхъ колоній и факторій по восточному берегу Чернаго моря.

Кромѣ старинныхъ храмовъ, слѣды отъ христіанства остались у черкесовъ въ видѣ каменныхъ крестовъ, начертаній креста на разныхъ предметахъ, желѣзныхъ крестовъ, найденныхъ въ гробницахъ, христіанскихъ кладбищъ. Кресту вообще черкесы придавали большое значеніе всегда и даже въ наше время. Когда появлялась эпидемія, то черкесы ставили деревянные кресты на границахъ своихъ земель, чтобы тѣмъ оградить себя отъ эпидеміи. Еще въ 1848 г. горцы фанатики уничтожали эти кресты. Когда черкесъ оставлялъ въ полѣ какой-либо цѣнный предметъ, напр. плугъ, то ставилъ крестъ на немъ или рядомъ на землѣ. Это былъ знакъ неприкосновенности вещи.

Въ 1717 году турецкій султанъ Мурадъ IV приказалъ крымскимъ ханамъ — Девлетъ-Гирею и Казы-Гирею, непремѣнно распространить исламъ между кавказскими горцами. Въ это время татары уже были омусульманены и достаточно фанатизированы. Ханы двинулись изъ Крыма съ многочисленными полчищами татаръ насаждать магометанство у черкесовъ. Они прошли чрезъ земли натухайцевъ, шапсуговъ и бжедуховъ, дошли до р. Бѣлой и разбили свой станъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь Ханская станица, получившая впослѣдствіи это названіе. Въ лицѣ натухаевскихъ и шапсугскихъ князей съ дворянами татары нашли ревностныхъ сторонниковъ ислама, но бжедухскіе, темиргоевскіе и кабардинскіе князья и дворяне отнеслись враждебно къ новой религіи, такъ какъ не желали подчиняться вліянію муллъ. Народъ же „тльфокотль“ у шапсуговъ и натухайцевъ отнесся болѣе индифферентно, чѣмъ у остальныхъ племенъ, видѣвшихъ въ мусульманскомъ духовенствѣ защитниковъ ихъ правъ.

Расположившись на р. Бѣлой станомъ, татары отсюда начали распространять исламизмъ по всему Сѣверному Кавказу вплоть до самого Дагестана. Партіями и мелкими отрядами, съ пламенными рѣчами духовенства о прелестяхъ магометанскаго рая и съ ме-

чами въ рукахъ у фанатизированныхъ татаръ, шло всюду въ горахъ насажденіе новой вѣры. Самый станъ обратился въ сборище веселья и разгула. Въ ханскій станъ татары гнали въ большомъ количествѣ скотъ и лошадей, приводили женщинъ и мальчиковъ и вели разгульную жизнь. Поэтому, и ближайшее къ ханскому становищу мѣсто татары назвали „майкопъ“, что въ буквальномъ переводѣ означало „много масла“, а въ вольномъ, иносказательномъ, „какъ коту масляница“. Такимъ образомъ, видимый магометанскій рай начинался для черкесъ какъ бы съ урочища Майкопъ, на которомъ возникъ потомъ городъ того же имени. И вотъ въ это-то веселое для татаръ время и были разрушены лучшіе памятники христіанства на Кавказѣ—храмы. Насажденіе ислама у черкесскаго народа продолжалось потомъ 147 лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока не былъ покоренъ Сѣверный Кавказъ.

Но на ряду съ религіей Магомета и христіанствомъ, черкесы продолжали приносить религіозную дань и язычеству. У нихъ до послѣдняго времени сохранились свои языческія божества, обряды и моленія. Былъ Зейгутъ, покровитель наѣздниковъ, свой черкесскій Марсъ, Кодесъ—богъ водъ или свой Нептунъ, Тлепсъ—богъ огня, покровитель кузнецовъ, свой Вулканъ, Мезитху, богъ лѣсовъ и др. Въ числѣ этихъ боговъ наибольшимъ уваженіемъ пользовался Созерисъ, покровитель хлѣбопашества. Празднованіе этого бога совпадало съ днями Рождества Христова. Въ день праздника въ домъ вносился сукъ о семи вѣтвяхъ, къ которымъ прикрѣплялись свѣчи изъ желтаго воска, пирожки и кусочки сыра. Это были жертвы богу.

Съ особеннымъ религіознымъ уваженіемъ черкесы относились къ своимъ священнымъ лѣсамъ и рощамъ. Это были святилища, въ которыя собирались черкесы для моленій. У шапсуговъ особою славою пользовалась Тхамахинская священная роща, названіе (тха—богъ и „ханыръ“—подносить) означавшее, поднесенная, посвященная богу роща. Здѣсь шапсуги собирались въ ожиданіи врага, при свирѣпствовавшихъ эпидеміяхъ, при появленіи падежей скота, эпизоотій) и пр., совершали общую молитву и приносили въ жертву животныхъ, чѣмъ особенно возмущалось магометанское духовенство. Кромѣ такой общей языческой молитвы, каждый горецъ молился особо какому-либо языческому божеству, послѣ чего привѣшивали къ деревьямъ въ старину мечи, кольчуги, шлемы, а позже разноцвѣтные лоскутки и тряпочки Это также были жертвы богамъ.

И все это—и христіанскій Богъ „Тха“, и пророкъ Магометъ, и какой-нибудь Мезитху или Зейгутъ, мѣшалось или чередовалось въ религіозныхъ моленіяхъ и обрядахъ черкесовъ. Вмѣсто христіанскаго „ей Богу“, черкесъ произносилъ одно лишь слово „Тлепшъ,“ что равносильно было христіанской клятвѣ. Устраивая общественныя моленія своимъ языческимъ богамъ въ священной рощѣ, черкесы тутъ же прислоняли къ дереву деревянный крестъ, символъ моленія.

Совершая процессии вокругъ священныхъ деревьевъ съ зажженными факелами по христіанскому обычаю, здѣсь же они приносили въ жертву барановъ, козъ, быковъ и пр. Черкесы обнаруживали вообще религіозность въ той формѣ, которая имъ нравилась, и тому Богу, который былъ болѣе по душѣ. За такимъ смѣшеніемъ религіозныхъ вѣрованій, несомнѣнно проглядывалъ и своего рода индифферентизмъ. Только впослѣдствіи, когда основы ислама были отождествлены духовенствомъ съ идеями независимости и безконечными военными распрями, черкесы стали проявлять сильный религіозный фанатизмъ.

Мусульманская религія совпала также и съ основными воззрѣніями черкесовъ на землю. По мусульманскому закону, земля считается божьей и принадлежитъ всѣмъ людямъ. Это обычное воззрѣніе на землю у народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культурнаго развитія, преимущественно у номадовъ. Таковы же воззрѣнія на землю были и у черкесовъ, когда пропаганду ислама между ними дѣятельно повели номады татары.

„По понятіямъ черкесъ, говоритъ баронъ Сталь, земля принадлежитъ не лицу, а цѣлому обществу. Вода и лѣсъ принадлежатъ всѣмъ безъ исключенія. Если сосѣднее общество займетъ подъ посѣвъ или пастьбу участокъ, ему не принадлежащій, то возникаютъ споры между обществами. Рубка лѣса на топливо и постройки въ чужомъ обществѣ не воспрещаются. Каждое семейство беретъ земли, сколько ему нужно для запашки. О продажѣ земли, передачѣ ее въ наслѣдство, уступкѣ въ калымъ, не было никогда и рѣчи, и русскіе впервые познакомили черкесъ съ мыслью, что землю можно превратить въ деньги“.

Такимъ образомъ, у черкесскихъ племенъ, если земля и не считалась уже такимъ даромъ божьимъ, какъ воздухъ или вода, то народные воззрѣнія и обычаи на этотъ счетъ не вышли еще изъ рамокъ вольнаго пользованія землей и вольныхъ заимокъ въ предѣлахъ общинъ. Свободныхъ земель было еще много, а завзятые воины черкесы были плохими хозяевами. Военное ремесло слабо уживалось съ мирнымъ хозяйственнымъ строительствомъ. Черкесъ бралъ у природы только то, что она давала безъ особаго труда и затратъ капитала. Земледѣліе, долженствовавшее давать горцу насущный хлѣбъ, не составляло еще главнаго промысла у населенія, и черкесовъ ни въ коемъ случаѣ нельзя было назвать народомъ земледѣльческимъ. Горецъ скорѣе былъ скотоводомъ, и въ этой отрасли хозяйства сохранилъ еще слѣды примитивныхъ формъ его, тѣсно соединенныхъ съ родовымъ бытомъ — перекочевки скота и „тебеневанье“, т. е. содержаніе скота и въ зимнюю пору на подножномъ корму. Обработывающая промышленность также была слабо развита. Кустари и ремесленники были малочисленны и ихъ искусство не шло дальше умѣнья сдѣлать уздечку, смастерить сѣдло, свалять войлокъ или бурку, сладить неуклюжую арбу и т. п.

даже кузнецовъ и ружейныхъ мастеровъ было мало. Такой же слабо развитый характеръ носила и черкесская торговля. Она производилась въ формѣ главнымъ образомъ мѣны натурою, съ слабыми зачатками денежныхъ операцій. Торговать было нечѣмъ и чернымъ пятномъ въ торговыхъ операціяхъ черкесовъ выступала торговля людьми. Однимъ словомъ, въ экономической жизни черкесскаго народа преобладали примитивныя, зачаточныя формы.

Такова была и обстановка, среди которой жилъ черкесъ. У черкесовъ не было ни городовъ, ни даже крупныхъ торговыхъ или промышленныхъ центровъ. Преобладающую форму поселеній представлялъ аулъ, селеніе. Но и аулы рѣзко отличались между собою по формѣ расположенія хозяйствъ. Въ гористыхъ мѣстахъ отдѣльные дворы ауловъ тянулись длинною лентою, иногда на значительномъ разстояніи одинъ отъ другого, и въ такомъ видѣ представляли собственно рядъ разбросанныхъ хуторовъ. Горные аулы, по условіямъ мѣстности, вообще были малы и не превышали нѣсколькихъ дворовъ. Въ рѣчныхъ долинахъ и на открытыхъ ровныхъ мѣстахъ аулы были болѣе многочисленны по количеству жителей и скучены. Этого требовали условія черкесской жизни, наполненной постоянными тревогами и опасеніями военныхъ реквизицій. Такіе аулы нерѣдко укрѣплялись завалами и окопами. Были, впрочемъ, и въ горахъ скученные и укрѣпленные аулы, расположенные къ тому же въ трудно доступныхъ мѣстахъ. Ихъ устраивали наиболѣе воинственные горцы, какъ напр. абадзехи. Вообще черкесскіе аулы не отличались никакими удобствами совмѣстной общественной жизни. Не было въ нихъ ни народныхъ общественныхъ учрежденій, ни сносныхъ дорогъ, ни площадей, ни даже увеселительныхъ мѣстъ. Лѣпились лишь дворы возлѣ дворовъ—и только. Ни лавки, находившіяся въ сакляхъ, ни мечети не нарушали этого однообразія.

Черкесскіе дворы также поразительно были похожи одинъ на другой. Обыкновенно во дворѣ стояла сакля, главное зданіе и жилое помѣщеніе. Сакля представляла лишь отдаленное подобіе дома и даже русской избы. Сакли дѣлались обыкновенно изъ турлука, обмазывались глиною и имѣли соломенную крышу. Печей въ сакляхъ не было, а по срединѣ ея устраивался очагъ съ отверстіемъ въ крышѣ. Окна были безъ стеколъ, но оконныя отверстія закрывались ставнями. Дверь дѣлалась маленькою, низенькою и изнутри заколачивалась клиньями. Близъ сакли находились амбаръ для хлѣба и хлѣвъ для скота. Въ такомъ видѣ дворъ огораживался заборомъ и снаружи къ этому забору пристраивалась кунацкая, съ небольшимъ дворикомъ и помѣщеніемъ для лошадей. Вотъ и все, изъ чего состоялъ черкесскій дворъ, тѣ ячейки, изъ которыхъ слагался цѣлый сотъ—аулъ.

При такой убогой обстановкѣ домашней жизни, черкесы не могли похвалиться ни богатствомъ и разнообразіемъ мебели, ни изысканными костюмами. Обыкновенный костюмъ черкеса состоялъ,

кромѣ нижней рубахи, изъ бешмета, черкески, штановъ, наговицъ съ чевяками, папахи, а при непогодѣ изъ башлыка и бурки. Весь костюмъ былъ приспособленъ къ удобствамъ верховой ѣзды и свободныхъ движеній въ горахъ, и, надо отдать черкесамъ справедливость, приспособленъ былъ превосходно. Женскій костюмъ очень похожъ былъ на мужской, но отличался большимъ изяществомъ и украшеніями. Женщины обыкновенно надѣвали на шаровары длинную рубаху, сверху нея бешметъ и чевяки, а на головѣ носили или круглую шапочку или же кисейную чалму и обязательно закрывали лицо чадрой. Чевяки, бешметъ, шапочки онѣ украшали позументами, вышивками и пр. Украшеніемъ служилъ и у женщинъ и у мужчинъ поясъ, большею частью серебряный.

Но если черкешенка заботилась объ украшеніяхъ костюма, то черкесъ всѣ заботы сводилъ на украшеніе оружія. Оружіе для черкеса, особенно изъ высшихъ сословій, обязанныхъ нести военную службу, было все. Онъ обходился часто безъ нѣкоторыхъ частей костюма, напр. безъ рубашки, но безъ оружія не могъ жить. Князья и выдающіеся джигиты не щеголяли костюмами, были оборваны и грязны, но оружіе блестѣло у нихъ, какъ солнце. Обычное оружіе, которымъ владѣлъ каждый черкесъ, состояло изъ шашки, винтовки, кинжала и пистолета одного или двухъ. Особенно цѣнились хорошія шашки и крѣпкіе дамаскіе клинки покупались на вѣсъ золота. Черкесы не жалѣли средствъ ни на оружіе, ни на украшеніе его. Золото и серебро у нихъ шло главнымъ образомъ на отдѣлку оружія. Только хорошій боевой конь цѣнился въ этомъ отношеніи выше оружія. И тѣмъ не менѣе, многіе черкесы не имѣли не только лошадей, но часто необходимаго оружія, даже такого, какъ винтовка, которую замѣняли они въ такихъ случаяхъ лукомъ и стрѣлами. А недостатокъ у воинственнаго народа оружія несомнѣнно свидѣтельствовалъ о бѣдности экономической.

И на самомъ дѣлѣ, черкесы были бѣдны и нуждались въ самыхъ необходимыхъ предметахъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ у нихъ не хватало хлѣба. Запашки были незначительны и работниковъ по отношенію ко всему населенію мало. За дворомъ въ полѣ работали лишь крѣпостные и рабы, а дома во дворѣ исключительно женщины. Черкесъ же былъ лѣнивъ и безпеченъ. Цѣлые дни бравые черкесскіе молодцы засѣдали гдѣ-нибудь въ тѣни деревъ и, безцѣльно строгая ножичками палочки, вели безконечные разговоры о своихъ дѣлахъ, о текущихъ событіяхъ, чрезвычайныхъ, происшествіяхъ и т. п. Черкесъ, при мирной обстановкѣ и условіяхъ всю свою жизнь работалъ только языкомъ; руки же, мускулатуру, силу, ловкость—все это онъ берегъ для войны, для борьбы съ непріятелемъ. Съ этой точки зрѣнія онъ считалъ даже предосудительнымъ заниматься тяжелымъ чернымъ трудомъ.

Естественно, что, при черкесской бѣдности и своеобразныхъ взглядахъ на черный трудъ, хозяйственные недочеты приходилось

горцу пополнять военною добычею. Горецъ воевалъ всегда изъ за добычи. Ему нужны были „ясыри“, плѣнные, чтобы обращать ихъ въ рабовъ или продавать, чужой скотъ и разные виды имущества, которыми онъ могъ бы пополнять свое убогое хозяйство и обстановку. И черкесъ изъ за всего этого дѣлалъ набѣги на русскія владѣнія и даже на обособленныхъ единоплеменниковъ. Такимъ образомъ, первою и самою побудительною причиною военнаго настроенія и доблестей были у черкесовъ чисто экономическія побужденія.

Въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ черкесы продолжали производить военные грабежи, именуемые войнами и завоеваніями номадовъ, которые служили одной изъ главныхъ побудительныхъ причинъ передвиженія монгольскихъ ордъ и татарскихъ полчищъ.

Такія воззрѣнія на войну крылись глубоко въ укладѣ черкесскаго быта и связанныхъ съ нимъ понятій—въ семейномъ институтѣ, въ понятіяхъ о собственности, въ юридическихъ обычаяхъ и въ общественныхъ учрежденіяхъ.

Семья и семейныя отношенія у черкесовъ покоились на строго деспотическомъ началѣ. Власть главы семьи—отца, была неограничена, положеніе женщины въ семьѣ рабское, а дѣтей приниженное. Отецъ былъ воленъ во всемъ—и въ имуществѣ, и въ повседневномъ поведеніи членовъ семьи, и даже въ жизни. Отцу присваивалось право на жизнь не только рабовъ, но жены и дѣтей. Какъ рабовъ, онъ могъ продать ихъ. Отецъ былъ все, члены семьи —ничто. Женщина была въ сущности рабой, невольницей мужчины. Она должна была удовлетворять всѣ прихоти мужа; на ней лежали всѣ домашнія работы—и стряпня на кухнѣ, и хлопоты о домашнемъ хозяйствѣ, и уходъ за птицей и скотомъ, и ремесленныя занятія, и многія другія хозяйственныя заботы, и, на ряду со всѣмъ этимъ, она не имѣла никакихъ правъ ни на общественную дѣятельность, ни на внутренніе распорядки въ семьѣ.

Суровыми обычаями были предусмотрѣны важнѣйшіе моменты семейнаго быта. Въ замужество женщину покупали, и калымъ часто служилъ лишь ширмой, за которой скрывались низменныя побужденія родителей. Мать, по своему естественному положенію въ семьѣ, имѣла право и должна была выкормить ребенка мальчика, но ни въ какомъ случаѣ ей не разрѣшалось воспитывать его. Мальчика отдавали на воспитаніе „аталыку“, въ чужую семью и какъ можно дальше отъ дома, чтобы такимъ путемъ воспитать суроваго воина и безжалостнаго человѣка. Обнаруживать любовь къ дѣтямъ считалось стыдомъ, и лучшія побужденія человѣческой души въ этой области прятались подальше отъ людей и свѣта. Дѣвочка оставалась на попеченіи матери и родной семьи, но ей варварски зашивали грудь въ корсетъ и готовили, какъ товаръ, на рынокъ. Въ лучшихъ случаяхъ ее продавали на мѣстѣ за хорошій калымъ въ жены, въ худшихъ—отправляли въ отдаленные гаремы Турціи,

Персіи и Аравіи. Если, такимъ образомъ, у черкесовъ дозволялось казнить жену и дѣтей и продавать ихъ на сторону, то какъ же должны были относиться эти безжалостные люди къ представителямъ чуждой имъ народности, съ которыми они вели войну?

По отношенію къ врагу черкесу дозволялось все—убійство, насиліе, грабежъ, поруганіе личности, самая злостная месть и т. п., а врагомъ могъ быть всякій, кто находился внѣ черкесской околицы. На войнѣ рамки этихъ разрушительныхъ дѣяній расширялись до безпредѣльности. Черкесская этика по этой части была проста и сурова: надо убить, ограбить и снасильничать ловко, умѣючи, но нельзя при этомъ обнаруживать ни глупости, ни трусости. Убійство врага коварно изъ засады создавало славу убійцѣ, а сдаться въ плѣнъ врагу изъ за сохраненія собственной жизни считалось не смываемымъ позоромъ. Это раздвоеніе этическихъ понятій начиналось у черкеса съ семейнаго быта и экономическаго строя. Женщина была дѣйствительной хозяйкой дома, и своею неутомимою дѣятельностью поддерживала и создавала въ домѣ матеріальное довольство, а наслѣдницею даже части своего же добра она не считалась. По черкесскому наслѣдственному праву, имущество принадлежало одному мужскому полу, а женщинъ наслѣдникъ обязанъ былъ только содержать и кормить, если раньше ничего на ихъ долю не выдѣлялось. Дѣйствительная хозяйка была въ сущности рабой.

Такимъ примитивнымъ характеромъ отличались вообще черкесскіе юридическіе обычаи. У черкесовъ не было суда, какъ учрежденія постояннаго, регулярно ведущаго дѣла, не существовало и писаннаго законодательства, но былъ лишь адатъ, неписанный кодексъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. Однако, рѣшенія по адату не были обязательны для тяжущихся. Въ практикѣ не было ни судебныхъ обязательствъ, ни штрафовъ, ни какихъ-либо принудительныхъ мѣръ, которыми обезпечивалось бы исполненіе рѣшеній; совсѣмъ не было даже исполнительной судебной власти. Отъ доброй воли тяжущихся зависѣло подчиняться или не подчиняться рѣшеніямъ суда, заплатить или не заплатить штрафъ. И тотъ, кто уклонялся отъ рѣшенія по адату, заранѣе зналъ, какимъ случайностямъ потомъ онъ подвергался. Отъ суда онъ шелъ къ произволу, и этотъ произволъ въ важнѣйшихъ случаяхъ уголовнаго права, каковы убійства пораненія, ссоры и пр., освящался ужаснымъ обычаемъ, оставшимся въ наслѣдство отъ родового быта—„канлы“, обычаемъ кровомщенія.

По адату убійство и вообще преступленія уголовнаго характера квалифицировались, какъ имущественныя правонарушенія. Убійца и уголовный преступникъ могли откупиться, внеся положенную по адату пеню потерпѣвшей сторонѣ. Такъ, у натухайцевъ за убитаго рядового горца полагалась плата въ 200 коровъ или 1000 рублей, и за раненаго 50 коровъ или 250 рублей; за убійство дворянина плата повышалась до 800 коровъ или 4000 р., а за убій-

ство князя до 3200 коровъ или 16000 рублей. Платилъ не одинъ убійца, а всѣ родственники его. Но плата за убитаго князя была такъ высока, что она могла быть погашена только или всѣмъ имуществомъ аула, къ которому принадлежалъ убійца, или же рабствомъ всѣхъ его жителей. Если же убійца не подчинялся адату по уплатѣ пени за убитаго, тогда тотъ же адатъ представлялъ потерпѣвшему право „канлы", мщенія кровью за кровь. Начиналась взаимная рѣзня двухъ родственныхъ группъ или ауловъ. Въ отмщеніе шла жертва за жертву, обѣ стороны ожесточались и въ результатѣ всегда оказывалось вмѣсто одного нѣсколько убитыхъ. Былъ случай, когда поспорившая молодежь вступила въ драку, въ которой убитъ былъ одинъ молодой человѣкъ. Мужчины бросились другъ на друга и, глядя на нихъ, то же сдѣлали женщины, старики и даже дѣти. Убивали другъ друга, а дѣтей душили. Убійства продолжались нѣсколько дней подъ рядъ и изъ всего аула осталось въ живыхъ только четыре человѣка. Часто переселялись цѣлые аулы въ отдаленныя мѣста, чтобы избѣжать ужасныхъ послѣдствій канлы.

Другая область правонарушеній—воровство, охватывала всю жизнь горца. Черкеса не вора не было. Черкесъ, если не былъ воромъ у единоплеменниковъ, то непремѣнно воровалъ у чужеземцевъ. Украсть у русскихъ считалось подвигомъ, удалью, и такое воровство воспѣвалось въ пѣсняхъ. Для однихъ это былъ своего рода источникъ наживы, а для другихъ своеобразный спортъ. Черкесы воровали преимущественно скотъ, но скотъ былъ самою доходною статьею въ тогдашнемъ хозяйствѣ. На ночныхъ похожденіяхъ этого рода создавалась слава джигитовъ и отчаянныхъ наѣздниковъ. Это была школа для горца, подготовлявшая его къ набѣгамъ и военнымъ дѣйствіямъ. Въ своей собственной средѣ украсть невѣсту считалось у черкесовъ благороднымъ удальствомъ. И если, такимъ образомъ, въ народныхъ воззрѣніяхъ понятія о воровствѣ отождествлялись съ понятіями объ удали и геройствѣ, то, очевидно, въ сферѣ международныхъ отношеній воровство считалось только болѣе гуманною мѣрою воздѣйствія на врага и соперника сравнительно съ грабежами и войною.

У черкесовъ, поэтому, въ высшей степени шатки и условны были понятія о собственности. На ряду съ полнымъ отсутствіемъ понятія о земельной собственности, рабы считались, однако, собственностью тѣхъ лицъ, которымъ они принадлежали. Тотъ же взглядъ въ болѣе замаскированномъ видѣ распространялся на женщину и даже на дѣтей. Главные виды черкесской собственности заключались въ движимомъ имуществѣ, которое легко было потерять, но легко и достать. Воровство считалось лучшимъ средствомъ въ этомъ случаѣ и вотъ почему оно пользовалось одобреніемъ и популярностью, когда производилось у чужихъ и сопровождалось ловкостью и находчивостью. „Черкесъ, говоритъ баронъ Стал го-

товъ жизнь отдать за свою собственность; къ чужой же собственности не имѣетъ никакого уваженія и съ опасеніемъ жизни, гдѣ можетъ, готовъ присвоить себѣ чужое. Воровство и хищничество—послѣдствія (правильнѣе, спутники) этого неуваженія къ праву собственности, считаются занятіемъ почетнымъ; они уважаются горцами, потому что питаютъ воинственный духъ народа и развиваютъ въ немъ всѣ качества, необходимыя для того, чтобы сохранитъ его независимость. На всѣ увѣщанія прекратить хищничество горцы отвѣчаютъ: „а что же станется съ нами, когда мы перестанемъ хищничать? Мы сдѣлаемся изъ воиновъ пастухами". Хищничество для черкеса представляетъ „единственное средство сдѣлать себѣ состояніе, вѣсъ и доброе имя". Воровство у черкесовъ, слѣдовательно, было неразлучно съ хищничествомъ и разбоемъ. Простой актъ кражи легко переходилъ въ насиліе и нерѣдко заканчивался убійствомъ. Ловкій воръ, отчаянный грабитель и удалый головорѣзъ составляли отличительныя черты джигита, черкесскаго героя. Если такой джигитъ умѣлъ еще и красиво произносить въ собраніяхъ горячія рѣчи, тогда онъ считался совершенствомъ. И эти взгляды таились глубоко въ черкесской жизни. „Молодость мужчины, говоритъ баронъ Сталь, его красота и богатство ничего не значатъ въ глазахъ черкешенки, если ищущій ея руки не имѣетъ храбрости, краснорѣчія и громкаго имени. Черкешенка при выборѣ жениха всегда предпочитаетъ сѣдого удальца юношѣ богатому и красивому". Аталыки, воспитатели, умѣли прививать эти воззрѣнія юношамъ.

Воспитанный на такихъ понятіяхъ о воровствѣ, грабежахъ и убійствахъ, горецъ въ сущности ничѣмъ не сдерживался въ своихъ враждебныхъ отношеніяхъ къ казаку, кромѣ страха передъ военной реквизиціей и силою противника. У горцевъ не было никакихъ установленій, которыми регулировались бы международныя отношенія въ области военной. Больше того. Совсѣмъ не было постоянныхъ общественныхъ учрежденій. Были лишь зародыши ихъ.

Къ числу такихъ зародышевыхъ учрежденій нужно отнести прежде всего судъ. Судьями были старѣйшины, закономъ—адатъ, а мѣстами судьбищъ тѣ же священные лѣса и рощи, въ которыхъ черкесы совершали общественныя моленія. Такимъ образомъ, судебныя учрежденія составлялись и функціонировали лишь тогда, когда собирался народъ и старѣйшины. Расходилось сборище, распадалось и судебное учрежденіе. И само собою разумѣется, что такими временными учрежденіями меньше всего могли улаживаться и регулироваться даже обычно-правовыя отношенія, возникавшія между смежными народностями и племенами. Напрасно люди серьезные и дальновидные заботились о томъ, чтобы ослабить воровство въ средѣ самихъ черкесовъ. Оно пустило глубокіе корни въ жизни. Бывали случаи, когда князья и владѣльцы ауловъ воровали скотъ у своихъ же одно-аульцевъ, интересы которыхъ они должны были защищать. Когда жизнь осложнилась и сами черкесы уразумѣли необходимость

въ организованномъ судѣ, исполненіе приговоровъ которыхъ было бы обезпечено какими-либо мѣрами, то учредили особые суды, какъ это было у абадзеховъ въ 1841 году. За воровство, хищничество и измѣну были назначены огромные штрафы. Было учреждено верховное судилище—мегкеме. Приведеніе приговоровъ въ исполненіе возложено было на наибовъ со стражей изъ муртазиковъ, составлявшихъ постоянную военную силу. Въ первое время послѣ учрежденія мегкеме абадзехи строго придерживались установленныхъ порядковъ. Старшины—судьи съ муртазиками, объѣзжали поочереди каждую общину—„псухо", производили судъ, опредѣляли наказаніе и нещадно штрафовали виновныхъ. Но потомъ рвеніе это ослабѣло. Нѣкоторые мегкеме почти перестали дѣйствовать и были закрыты. Въ 1847 году, когда появился въ Закубаньѣ Магометъ Аминъ, абадзехи съ новою энергіею взялись за укорененіе судебныхъ порядковъ. Пять отдѣльныхъ мегкеме, существовавшихъ до того, были соединены въ одно общее абадзехское мегкеме, были вновь избраны предсѣдатель, судьи и муртазики. Но и на этотъ разъ многимъ пришелся не по душѣ новый судебный институтъ. Между осужденными, приговоренными къ извѣстному штрафу или наказанію, и муртазиками, исполнителями судебныхъ приговоровъ, не разъ происходили схватки и побоища. То же повторилось и у другихъ племенъ—у шапсуговъ и натухайцевъ. Постоянныя судебныя учрежденія, съ обезпеченіемъ судебныхъ приговоровъ, не привились. Идея обычнаго примирительнаго суда отошла въ вѣчность, а новый организованный судъ не удался.

Большею устойчивостью отличалась другая форма примитивныхъ общественныхъ учрежденій у черкесовъ—союзъ фамилій или родовичей. Въ извѣстной мѣрѣ это было постоянное учрежденіе. И это понятно. Во первыхъ, это была только видоизмѣненная форма родового быта; а во вторыхъ, союзъ фамилій, какъ органъ охраны и защиты опредѣленной группы населенія, долженъ былъ дѣйствовать во всякую минуту. Таковы были условія тогдашней жизни. Но и союзы родовичей проявляли свою дѣятельность въ узкихъ относительно рамкахъ. Они сводили, главнымъ образомъ, личные счеты на почвѣ кровомщенія. Защищая своихъ членовъ и ихъ семьи отъ покушеній со стороны и ограждая общественную безопасность только одного своего союза, учрежденія эти были далеки отъ того, чтобы вліять на дѣла международнаго характера или даже на взаимоотношенія между отдѣльными племенами. Но въ нихъ уже крылись въ зародышѣ эти начала, и часто они умѣряли обостренныя отношенія сторонъ при кровомщеніи пенями и добровольными соглашеніями.

Единственными искони жившими и удержавшимися общественными учрежденіями у черкесовъ были мірскія сходки или собранія—„зауча". Они были у абадзеховъ, шапсуговъ, натухайцевъ и убыховъ, т. е. у тѣхъ племенъ, у которыхъ не было князей, и народное уп-

равленіе имѣло силу. Племена эти дѣлились на общества—„хабль“, а каждое общество въ свою очередь подраздѣлялось на общины—„псухо“. Въ каждую такую общину входило отъ 4 до 10 ауловъ или деревень. Общины были независимы другъ отъ друга, но связаны между собою союзами, дружбою, экономическими интересами и семейнымъ родствомъ. Каждое псухо жило своею самостоятельною жизнью и управлялось мірскою сходкою—„за-уча“, на которой обсуждались и рѣшались всѣ вопросы мѣстной общинной жизни. Это были, слѣдовательно, чисто естественныя организаціи, вытекавшія изъ условій самой жизни. На сходкѣ участвовали дворяне и вообще лица свободныхъ сословій. Дворяне главари—„тлехотлежъ“, не имѣли никакой силы на „за-уча“. Мірская сходка отняла у нихъ власть. На сходки допускались даже зависимыя сословія, но представители ихъ не имѣли права голоса. Въ большинствѣ случаевъ на такихъ сходкахъ рѣшались споры о землѣ и вопросы о войнѣ или мирѣ. Но этими вопросами выдвигалась и болѣе широкая постановка народныхъ собраній.

По коренному черкесскому обычаю, каждый народъ или племя—„чилле“, каждое общество—„хабль“, и каждая отдѣльная община—„псухо“, были самостоятельны, никому не подчинялись и управлялись своими сходками или собраніями, рѣшая судебныя дѣла на народномъ судѣ по обычаю—„адату“ или по шаріату, духовному суду. Въ старину наиболѣе дѣятельными были сходки „псухо“, общинныя. Судъ тогда также вершился по адатамъ и носилъ характеръ третейскихъ примирительныхъ органовъ, для которыхъ достаточно было одного обычая, свято чтившагося всѣмъ населеніемъ. Съ теченіемъ времени, когда стали наростать жизненныя осложненія какъ въ средѣ общинъ, такъ и въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу и къ внѣшнимъ условіямъ на международной почвѣ, естественно явилась нужда въ болѣе широкой постановкѣ народныхъ собраній.

Для рѣшенія вопросовъ международнаго права, для организаціи военныхъ предпріятій и вообще для уясненія дѣлъ, имѣвшихъ широкое общественное значеніе, у черкесовъ созывались народныя собранія изъ представителей не только отъ общинъ и обществъ, но и отъ разныхъ племенныхъ группъ. Одною изъ побудительныхъ причинъ такого объединенія была борьба съ русскими. Особенно это замѣтно стало, когда русскія войска участили походы за Кубань и когда началась колонизація Новой Линіи по р. Лабѣ. Чуждыя до того другъ другу общины, даже враждебныя общества и представители различныхъ племенъ стали сближаться между собою, собираться на общія совѣщанія, заключать союзы—„блягага“, и устанавливать договоры—„маслахатъ“. Междоусобная вражда слабѣла и объединенія начались путемъ совѣщаній на общихъ собраніяхъ.

Собранія эти не имѣли ни опредѣленныхъ мѣстъ для сборищъ, ни установленнаго времени, и возникали каждый разъ, какъ явля-

лась въ нихъ нужда. Въ такомъ видѣ они напоминали русское вѣче. Какъ на вѣче, на народное собраніе шли всѣ свободные горцы, всѣ пользовались правомъ голоса и всѣ участвовали въ преніяхъ и въ рѣшеніи вопросовъ. Но русскія вѣча были все-таки болѣе постоянными, пріуроченными къ городамъ органами народнаго самоуправленія. Черкесскія же собранія перемѣщались, дробились и увеличивались въ составѣ. Смотря по важности и характеру рѣшавшихся на нихъ вопросовъ, собранія у черкесовъ охватывали то цѣлыя племена или части ихъ, то рядъ смежныхъ или союзныхъ племенъ. Народныя собранія черкесовъ вѣдали вопросы войны и мира съ русскими, и по мѣрѣ того какъ русскіе заселяли смежныя земли, увеличивали число укрѣпленныхъ пунктовъ и усиливали боевой составъ войскъ, у черкесовъ являлась все чаще и чаще нужда въ народныхъ собраніяхъ и самыя собранія становились все многочисленнѣе и многочисленнѣе по составу. Народныя собранія черкесовъ были, слѣдовательно, самымъ высшимъ общественнымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ важнѣйшіе вопросы въ жизни адигскаго народа. И тѣмъ не менѣе дѣятельность этого учрежденія не шла дальше сговора сторонъ, соглашенія между участниками собранія. Въ этой дѣятельности отсутствовало самое главное—опредѣленная система, широко задуманный планъ, который бы систематически проводился въ теченіе по крайней мѣрѣ нѣкотораго количества лѣтъ. Взамѣнъ этого царилъ лишь случай.

На большее черкесы не были способны, не доросли политически, не развились соціально, не вышли изъ пеленокъ родового быта и связанныхъ съ нимъ воззрѣній на войну, грабежи и воровство, какъ на промыселъ, на убійство, какъ на законное возмездіе, и на рабство, какъ на нормальный порядокъ вещей. Горецъ, окруженный ореоломъ храбраго воина и свободолюбиваго героя, далекъ былъ отъ общечеловѣческихъ идеаловъ. Въ беззавѣтной любви къ отечеству, въ лучшемъ своемъ обычаѣ—„куначествѣ“, онъ близокъ былъ къ такимъ идеаламъ. Но—и только. Во всѣхъ остальныхъ видахъ дѣятельности горца къ обычному добру примѣшивалось обычное зло. Въ защитѣ гостя горецъ, хотя бы этотъ гость былъ чуждымъ ему человѣкомъ, иноземцемъ, онъ жертвовалъ своею жизнью. Но тотъ же обычай разрѣшалъ ему пустить пулю въ спину гостю, разъ послѣдній окажется за чертой его владѣній. И такую пулю любой горецъ готовъ былъ пустить въ спину всему казачеству. Этою мѣрою можно измѣрить сотни и тысячи случаевъ во враждебныхъ дѣйствіяхъ черкесовъ къ казакамъ.

Вотъ почему столь горькую чашу пришлось испить казачеству, осѣвшему по Кубани отъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей и до отроговъ Эльбруса. Отдѣльныя части или звенья этой казачьей цѣпи подвергались нападеніямъ представителей различныхъ черкесскихъ племенъ. Черноморцы, жившіе въ нижней части Кубани, отъ Екатеринодара до впаденія ея въ Черное и Азовское моря, имѣли

дѣло главнымъ образомъ съ шапсугами, натухайцами и бжедухами. Изрѣдка въ военныхъ столкновеніяхъ попадались абадзехъ и чаще убыхъ. Отъ Екатеринодара до крѣпости Устьлабы на казачьи границы, черноморскія и старолинейныя, насѣдали тѣ же бжедухи и особенно абадзехи, хатукаевцы, темиргоевцы, егерукаевцы, махошевцы и мамхятовцы. Въ качествѣ пособниковъ и сторонних союзниковъ сюда попадали, съ одной стороны, тѣ же шапсуги и даже натухайцы, а съ другой, ногайцы и абазины разныхъ развѣтвленій. Отъ Устьлабы и до Прочноокопа казакамъ приходилось имѣть дѣло съ темиргоевцами, бесленеевцами, хатукаевцами, егерукаевцами, махошевцами, абадзехами, ногайцами и абазинами. Наконецъ, отъ Прочноокопа и до Баталпашинска на русскія войска и казачьи земли производили набѣги бесленеевцы, бѣглые кабардинцы, абазинцы, абадзехи, рѣже карачаевцы и ногайцы. Такимъ образомъ, у Черноморскаго войска были свои враги въ горахъ Кавказа, а у Старолинейнаго свои. Но по мѣрѣ того, какъ росла борьба казаковъ съ черкесами, послѣдніе, въ свою очередь, объединялись, приноравливались къ новымъ условіямъ и отчасти мѣняли и пріемы борьбы.

Партія закубанцевъ въ бѣгствѣ послѣ пораженія казаками

Глава II.

НАСЕЛЕНІЕ ЧЕРНОМОРІИ.

Съ переходомъ черноморцевъ на Кубань сразу же обнаружилась малочисленность войска какъ для заселенія мѣстности, такъ и для охраны ея границъ со стороны черкесовъ. Обширный край и значительное протяженіе сторожевой линіи требовали больше населенія, чѣмъ сколько перешло его изъ за Буга.

Въ 1801 г. въ Черноморіи было всего два города, 42 селенія или куреня, 30 церквей, 2763 двора съ 23474 д. м. п. 9135 д. ж. пола. На каждый населенный пунктъ, слѣдовательно, приходилось 65 дворовъ, считая въ томъ числѣ два города, и 740 д. об. пола населенія, а женскій полъ составлялъ только 28% или немногимъ болѣе четверти всѣхъ жителей. На населеніи лежала еще печать того случайнаго состава его, какой сложился при спѣшномъ формированіи бывшихъ запорожцевъ въ новое войско. Большинство войска состояло изъ одиночекъ-запорожцевъ, меньшинство изъ семейныхъ казаковъ.

Войско, поэтому, продолжало пополняться всевозможными элементами и различными способами—небольшими организованными партіями, осѣвшими уже на Кавказѣ переселенцами, отставшими отъ войска одиночками и т. п. Въ февралѣ 1802 г. малороссійская казенная палата увѣдомила Черноморское войсковое правленіе о желаніи переселиться въ Екатеринодаръ 57 д. муж. и 56 д. жен. пола крестьянъ Конотопскаго уѣзда. Въ апрѣлѣ того же года войсковая канцелярія постановила принять въ войско 150 д. м. и 134 д. ж. п. жителей села Спасскаго и деревни Лебитиной, Черниговской губ. Въ маѣ 1803 г. черниговское губернское правленіе отправило 48 д. м. и 49 д. ж. пола крестьянъ, пожелавшихъ переселиться къ казакамъ на Черноморію, а въ августѣ зачислено было въ курень Джереліевскій нѣсколько семей пришлаго люда, и этимъ переселенцамъ даны были двухлѣтнія льготы по отбыванію повинностей. Въ іюлѣ 1804 г. сынъ еврея Авелейда, цезарскій подданный, бѣжавшій изъ Австріи, просилъ зачислить его, какъ принявшаго православіе, въ черноморскіе казаки подъ именемъ Василія Лавровскаго, а „за усердіе" наградить какимъ-либо чиномъ. И Авелейда попалъ въ казаки. Въ августѣ 1808 г. одесскій комендантъ г.-м. Кобле отправилъ въ Черноморію для водворенія въ войско казака Федора Щербину, взятаго администраціей съ рыбныхъ ловель князя Прозоровскаго, и такихъ, отставшихъ отъ войска одиночекъ, переслано было на Кубань много. Въ декабрѣ 1808 года 74 д. м. и 38 д. ж. п. черниговскихъ выходцевъ, переселившихся въ Черноморію еще въ

1804 г., просили войсковую канцелярію не высылать ихъ обратно на родину, а причислить съ вновь переселившимися черниговскими казаками въ войско.

Очень много зачислялось также въ войско всевозможныхъ разночинцевъ. Въ архивныхъ документахъ за 1810 г. встрѣчается цѣлый рядъ случаевъ зачисленія въ войско вольноотпущенниковъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ, лицъ уволенныхъ изъ духовнаго званія, дѣтей бывшихъ черноморскихъ старшинъ, переселившихся по преклонному возрасту изъ войска въ Россію, свободныхъ выходцевъ изъ Слободской Украины и т. п.

Но особенно обиленъ былъ притокъ въ войско всякаго рода бѣглецовъ. Бѣглецы являлись въ Черноморію изъ разныхъ мѣстъ—изъ Украйны, Великороссіи, Литвы, Польши, уходили отъ помѣщиковъ, бѣгали отъ суда и наказанія, шли къ казакамъ евреи, румыны, греки, турки, татары и др. народности. Однимъ словомъ, бѣжали сюда всѣ, кто искалъ воли, свободнаго труда, самостоятельнаго хозяйства, и тѣмъ болѣе тѣ, кто имѣлъ хоть малѣйшія связи съ черноморцами—родня, знакомые, однокашники по службѣ и пр.

Чаще другихъ стремились зачислиться въ казаки бѣглые помѣщичьи крестьяне, но они больше другихъ причиняли хлопотъ войску. За бѣглецами всегда слѣдовала погоня, грозныя предписанія, принудительные циркуляры и пр. На казачью администрацію производили давленіе таврическіе губернаторы, въ вѣдѣніи которыхъ находилось войско. Высшая войсковая администрація въ свою очередь налегала на низшую и на жителей. Для обнаруженія бѣглецовъ наряжались особыя команды, командировались опытные офицеры. Въ августѣ 1800 г., по распоряженію атамана Бурсака, въ поиски за бѣглецами по Черноморіи посланъ былъ полковникъ Кузьма Бѣлый, изловившій 107 душъ безпаспортныхъ обоего пола, и такіе розыски производились въ войскѣ довольно часто.

Помѣщики бѣжавшихъ крестьянъ съ своей стороны принимали мѣры и не давали покоя властямъ. Въ 1803 г., въ собраніи дворянъ Бахмутскаго уѣзда постановлено было просить начальство, чтобы Черноморскому войску строжайше было приказано не принимать бѣглецовъ. По свидѣтельству дворянъ, черноморцы пріѣзжали на мѣстныя ярмарки партіями и подговаривали помѣщичьихъ крестьянъ къ побѣгу на Кубань, выдавая имъ заранѣе заготовленныя свидѣтельства на проходъ въ Черноморію. У арестованнаго 10 іюля черноморца Герасима Плохого найдено было три такихъ запасныхъ свидѣтельства. Полковникъ Булыщевъ увѣрялъ, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, вся его „слобода Николаевка, по разсѣяннымъ отъ черноморцевъ внушеніямъ, готова къ побѣгу“. Крестьяне ожидали только Луганской ярмарки 1 сентября, на которую черноморцы собирались толпами, чтобы уйти съ ними на Кубань.

Войсковая канцелярія признавала притязанія помѣщиковъ преувеличенными, такъ какъ войско принимало мѣры къ поимкѣ бѣг-

лецовъ. Въ 1803 г. Бурсакъ выслалъ 463 человѣкъ бѣглыхъ, а о бѣглецахъ, препровождаемыхъ на родину, войсковая администрація посылала въ Министерство юстиціи ежемѣсячныя вѣдомости. Тѣмъ не менѣе 12 декабря 1803 года войсковая канцелярія постановила оповѣстить жителей, что за передержаніе бѣглыхъ они будутъ подвергаться „самому строгому законному сужденію“, и „учредить розыскныя команды для наблюденія за бѣглецами по границамъ войска“.

Не смотря на эти мѣры, черноморцы съ неохотою уступали тѣхъ бѣглецовъ, которые были уже въ краѣ и сжились съ казачьимъ населеніемъ. Генералъ Розенбергъ 10 февраля 1804 года писалъ Бурсаку, что управляющій помѣщика генерала Депрерадовича Степановскій, посланный для розыска 40 душъ бѣглыхъ крестьянъ, нашелъ четырехъ бѣглецовъ въ куренѣ Мышастовскомъ; но Степановскаго почему-то взяли безъ вины подъ стражу въ Екатеринодарской полиціи и полицейскіе служители били его плетьми. Екатеринодарское-же начальство, у котораго просилъ содѣйствія Степановскій, „вмѣсто удовлетворенія дѣлало бѣглымъ понаровку и по дѣламъ медленность“.

Въ другомъ случаѣ бѣглецы, захваченные при помощи казачьяго офицера, всетаки ускользнули изъ рукъ преслѣдователей. Въ письмѣ какого-то помѣщика упоминается, что въ іюнѣ 1804 года его повѣренный, въ сопровожденіи казачьяго офицера, забравши бѣглыхъ крестьянъ, остановился на ночлегъ въ степи, а не въ селеніи, какъ совѣтовалъ ему офицеръ. Ночью на повѣреннаго напали какіе-то люди, избили его и освободили бѣжавшихъ крестьянъ. Очевидно, это были или пріятели бѣжавшихъ, или просто казаки, считавшіе несправедливымъ поимку бѣглыхъ въ Черноморіи.

Такіе случаи повторялись изъ года въ годъ. Крестьяне уходили отъ помѣщиковъ въ Черноморію, власти и помѣщичьи агенты ловили бѣглецовъ и снова водворяли ихъ на земляхъ помѣщиковъ. Но не всѣ помѣщики и не всегда находили бѣглецовъ. Часть послѣднихъ ежегодно сливалась съ казачьимъ населеніемъ. Въ 1810 году крѣпостные крестьяне цѣлыми партіями уходили отъ разныхъ помѣщиковъ въ Черноморію изъ земли Войска Донского, Харьковской губерніи, Новороссіи и пр.; были крестьяне графа Разумовскаго, помѣщицы Гриневой, помѣщика Любецкаго, у котораго изъ Бахмута бѣжало 40 душъ, помѣщика Перича изъ Екатеринославской губерніи и т. п. Атаманъ Войска Донского извѣстный Платовъ просилъ Бурсака разыскать казака Строкача, подговорившаго крестьянъ генерала Кутейникова бѣжать съ Дона на Черноморію и представить его для допроса въ Маріупольское сыскное начальство. Ришелье, въ вѣдѣніи котораго находилось Черноморское войско, требовалъ самыхъ строгихъ мѣръ для розыска бѣглыхъ, въ числѣ которыхъ находились и военные дезертиры изъ регулярныхъ полковъ. Бурсакъ и войсковая канцелярія принимали эти мѣры, но онѣ не всегда

давали надлежащіе результаты. Черноморское населеніе было на сторонѣ бѣглецовъ.

Очень интересный въ бытовомъ отношеніи случай занесенъ въ историческіе матеріалы за 1810 годъ. Екатеринославское губернское правленіе, по сообщенію помѣщика корнета Полѣтка, просило войсковую администрацію задержать крестьянина Марка Стародуба съ двумя взрослыми сыновьями, бѣжавшими отъ помѣщика въ Черноморію. Стародубъ былъ довѣреннымъ у помѣщика лицомъ. Уѣзжая изъ дому, Полѣтко оставлялъ домъ и малолѣтнихъ дѣтей на попеченіе пожилого человѣка Стародуба, и вотъ, въ одну изъ такихъ отлучекъ помѣщика, Стародубъ, знавшій, гдѣ были спрятаны помѣщикомъ 600 рублей, забралъ эти деньги, подобралъ свое имущество, какое было, и ушелъ съ сыновьями отъ помѣщика. Другой помѣщикъ, корнетъ Бородинъ, встрѣтилъ Стародуба съ сыновьями въ селеніи Гуляй-Поле, Донской области, въ 40 верстахъ отъ Черноморіи. Бѣглецы, по словамъ Бородина, были „въ новомъ и добромъ одѣяніи, при большихъ ножахъ и пикахъ, подбрились на обрядъ черноморцевъ въ чуприны“. Когда Бородинъ спросилъ ихъ: „куда идете, Стародубы? Чи не обворовали вы поміщика свого, а бо не убили ли его?“ то Стародубы отвѣчали ему: „ізжай, куда ідешъ!!“ Тогда Бородинъ поѣхалъ въ Азовъ, взялъ здѣсь четырехъ человѣкъ и погнался съ ними за Стародубами, но не могъ найти ихъ, такъ какъ они скрылись въ камышахъ.

У крестьянъ и казаковъ велись въ этомъ отношеніи свои счеты съ помѣщиками. Послѣдніе часто силою обращали въ крѣпостныхъ свободное населеніе, и у казаковъ было много родни, попавшей въ такое положеніе. Черноморскій казакъ Разумовскій передалъ въ прошеніи графу Ришелье трогательный случай о томъ, какъ, послѣ тридцатилѣтней тяжелой разлуки, онъ отыскалъ близъ Кіева въ селѣ Березнякахъ жену и двухъ дочерей. Жену помѣщикъ ему отдалъ, а дочерей, какъ вышедшихъ замужъ за его крѣпостныхъ людей, онъ удержалъ въ имѣніи. Вскорѣ потомъ Разумовскій отыскалъ близъ Одессы еще двухъ своихъ сыновей и племянника. Зачисляя жену и сыновей въ Черноморское войско, въ которомъ онъ самъ состоялъ, Разумовскій просилъ Ришелье возвратить ему двухъ дочерей. Такими прошеніями изобилуютъ дѣла Кубанскаго войскового архива.

Вообще въ громадномъ большинствѣ случаевъ между бѣглецами изъ помѣщичьихъ крестьянъ и черноморскими казаками существовали тѣ или другія родственныя или земляческія связи, и этими связями объяснялись какъ значительный притокъ бѣглыхъ крѣпостныхъ крестьянъ въ Черноморію, такъ и заботы казаковъ о нихъ. Въ другихъ случаяхъ черноморцы были болѣе разборчивы въ пріемѣ нужныхъ имъ людей въ казаки и умѣли дѣлать въ этомъ отношеніи выборъ. Арестъ и высылка изъ Черноморіи большого количества бродягъ объяснялись тѣмъ, что неселеніе относилось

индифферентно къ нимъ. Однихъ они принимали въ свою среду, другихъ считали неподходящими для войска.

Въ то время при формированіи военныхъ частей къ бѣглецамъ относились довольно благосклонно и правительственные агенты. Такъ, 17 мая 1810 года комендантъ Фанагорійской крѣпости полковникъ Каламара писалъ Бурсаку, что съ крѣпостныхъ работъ бѣжало 9 человѣкъ „невольниковъ", По слухамъ, бѣжавшіе приписались въ казаки въ Темрюкѣ и отсюда отосланы были въ Екатеринодаръ для зачисленія въ охотники въ команду капитана Свиты Его Императорскаго Величества графа Рошшуара. Графъ вообще охотно бралъ въ отрядъ бѣглецовъ. Каламара просилъ войскового атамана разыскать бѣглецовъ и прислалъ списокъ съ описаніемъ примѣтъ ихъ, въ которомъ упоминаются между прочимъ татаринъ Мустафа Шмуратовъ и еврей Шиманъ Лейзеровичъ. Тогда же былъ окрещенъ мусульманинъ Магметъ Хивеле, по его желанію, и принятъ въ казаки. Но когда въ маѣ 1807 года Ришелье просилъ Бурсака высказаться, какъ отнесется войско къ его предложенію о зачисленіи въ казаки преступниковъ, отбывшихъ пятилѣтніе сроки крѣпостныхъ работъ и исправившихся,—Бурсакъ деликатно отклонилъ это предложеніе, ссылаясь на то, что войско принимаетъ въ казаки только нужныхъ и завѣдомо извѣстныхъ ему людей.

Но самую большую группу переселенцевъ въ Черноморію составляли бывшіе запорожцы, уходившіе изъ Турціи или прямо въ Черноморію, или же въ Буджакское и Бугское войска, изъ которыхъ переходили потомъ въ Черноморское войско.

Устьдунайское Буджакское войско служило какъ бы передаточною инстанціей для другихъ казачьихъ войскъ. Оно находилось близъ турецкой Запорожской Сичи, казаками которой преимущественно и пополнялось. Турецкіе запорожцы жили въ устьяхъ Дуная на правомъ берегу этой рѣки, а буджакскіе казаки осѣдали на лѣвой сторонѣ той-же рѣки. Самое свое названіе они получили по имени мѣстности, въ которой обитали раньше буджакскія татарскія орды. Буджакская орда кочевала въ нынѣшней Бессарабіи и Херсонской губерніи, занимая теперешніе уѣзды Аккерманскій, Бендерскій, часть Кагульскаго, Измаильскаго и Тираспольскаго уѣздовъ. Турецкіе-же запорожцы, переходившіе въ Россію, устраивались большею частью въ Аккерманскомъ уѣздѣ, вблизи русскихъ войскъ и отсюда уже переходили въ другія мѣста Россіи—на Днѣпръ, Бугъ, Донъ и, главнымъ образомъ, на Кубань.

Болѣе старое и организованное войско представляли бугскіе казаки.

Начало Бугскому войску положено въ 1769 году. Въ то время Россія вела войну съ Турціей, и турки, желая въ своихъ интересахъ поссорить христіанъ, образовали для борьбы съ русскими цѣлый казачій полкъ изъ христіанскихъ народностей—молдаванъ, волоховъ, бѣглыхъ малорусскихъ казаковъ и пр. Но разсчеты ту-

рокъ не оправдались. Бугскіе казаки, бросившіе родину и имущество, перешли въ полномъ составѣ въ ряды русскихъ войскъ.

Въ теченіи всей румянцевской войны, съ 1769 по 1774 годъ, бугскіе казаки усердно дрались съ бывшими своими утѣснителями, выказали чудеса храбрости и самоотверженія, неся службу все время на собственномъ иждивеніи. Въ награду за это бужане получили земли и льготу отъ всѣхъ повинностей. Это въ свою очередь привлекло въ Бугскій полкъ новыхъ выходцевъ изъ подвластныхъ Турціи христіанскихъ народностей.

Такимъ-то образомъ появилось въ Россіи Бугское войско, поселенное на лѣвомъ берегу р. Буга и основавшее здѣсь цѣлый рядъ крупныхъ селъ. Когда въ 1783 году, изъ однодворцевъ, чугуевскихъ казаковъ и раскольниковъ было образовано Екатеринославское казачье войско, въ него вошелъ и Бугскій полкъ. Въ 1788 году, при новой войнѣ Россіи съ Турціей, былъ съорганизованъ, по распоряженію Потемкина, Бугскій полкъ въ 1500 человѣкъ, несшій казачью службу въ теченіи всей войны и участвовавшій подъ начальствомъ своего полковника Скаржинскаго, въ осадѣ и штурмѣ Очакова. Съ упраздненіемъ Екатеринославскаго войска и переходомъ въ 1801 году части его на Кубань, бугскіе казаки снова, по собственному желанію, составили самостоятельную казачью часть.

Изъ дѣлъ Одесскаго архива о Бугскомъ казачьемъ войскѣ за 1807 годъ видно, что въ 1804 году наказнымъ атаманомъ войска былъ полковникъ князь Кантакузенъ и что онъ имѣлъ адъютанта. Въ войскѣ была своя войсковая канцелярія, сносившаяся съ херсонскимъ военнымъ губернаторомъ Дюкомъ-де-Ришелье, какъ съ главнымъ начальникомъ, и въ составъ войска входило два бугскихъ полка, а потомъ прибавленъ былъ и третій. Населеніе дѣлилось на станицы, которыя управлялись станичнымъ атаманомъ. Въ основѣ вообще казачьихъ порядковъ лежало самоуправленіе. Въ августѣ 1806 года де-Ришелье предписалъ войску, чтобы станичныя общества выбирали сами атамановъ и старшинъ и представляли ему на утвержденіе постановленія объ этомъ, вмѣстѣ съ формулярными списками избранныхъ. Такъ, въ 1807 г. были избраны атаманы въ станицахъ Щербаковской, Димовской, Новогригорьевской, Новопетровской, Арнаутовской и Константиновской.

Въ это время Бугское войско продолжало еще пополняться самыми разнообразными представителями русской, славянской и инородческой вольницы. Изъ просьбъ о зачисленіи въ войско, подаваемыхъ войсковому атаману и въ войсковую канцелярію, видно, что въ казаки шли и молдаванинъ, и турецкій запорожецъ, и бѣглый малороссъ, и пономарь, и т. п. Въ 1806 году въ казаки просились дворяне Крживецкій, Булецескуловъ и цезарскій подданный венгерецъ Иванъ Чайковскій. Въ 1807 г. въ составъ войска пожелали войти 4 бѣглыхъ крестьянина и одинъ солдатъ. Крестьяне были зачислены въ казаки, а добровольно явившійся солдатъ былъ

представленъ по начальству. Повидимому бугская администрацiя не безразлично относилась къ лицамъ, желавшимъ перейти въ составъ войска. Такъ, наказный атаманъ князь Кантакузенъ въ рапортѣ адмиралу маркизу де-Траверсе отказалъ въ зачисленiи въ войско коллежскаго регистратора Писнощенкова, котораго самъ маркизъ просилъ „зачислить на офицерскую вакансiю", и отказалъ за отсутствiемъ вакансiй и по распутному его (Писнощенкова) состоянiю.

Какъ болѣе устроенное и обжившееся войско бугскихъ казаковъ, разъ принявши въ свою среду турецкихъ запорожцевъ, удерживало ихъ потомъ у себя и только въ незначительномъ количествѣ передавало ихъ Черноморскому войску.

Главная же масса турецкихъ запорожцевъ переходила прямо въ Черноморское войско, какъ наиболѣе близкое имъ по составу, и шла на Кубань черезъ Аккерманъ.

Сама военная администрацiя, особенно черноморская, всячески старалась привлечь въ Черноморiю турецкихъ запорожцевъ. Въ iюлѣ 1804 г. генералъ Рибопьеръ, посылая изъ Херсона Бурсаку турецкаго запорожца Бѣлицкаго, совѣтовалъ казачьему атаману обласкать и уговорить его написать брату въ Турцiю письмо съ приглашенiемъ турецкихъ запорожцевъ перейти въ Россiю подъ условiемъ прощенiя и льготъ.

„И другiе турецкiе запорожцы, писалъ Рибопьеръ Бурсаку, желаютъ возвратиться въ свое отечество и ждутъ только обнадежденiя въ прощенiи и прiемѣ". Бурсакъ, вслѣдствiе этого, обратилъ особое вниманiе на Бѣлицкаго. Секретно поручилъ онъ хорунжему Федоренко слѣдить за Бѣлицкимъ и всячески подчеркивать преимущества положенiя казаковъ въ Черноморiи сравнительно съ положенiемъ въ Турцiи. Нужно, писалъ онъ Федоренкѣ, проявить къ Бѣлицкому „благорасположенiе и всяческое попеченiе", указать, что раньше онъ былъ въ отдаленныхъ мѣстахъ, „неприносящихъ въ жизни никакого удовольствiя", а потомъ попалъ въ отечество и въ родную ему казачью среду. Все это Бѣлицкiй долженъ былъ въ письмѣ сообщить товарищамъ въ Турцiю, совѣтуя имъ возвратиться „отъ гнуснаго азiатскаго порабощенiя".

Въ августѣ того же 1804 г. Бурсакъ сообщилъ Ришелье, что онъ склонилъ Бѣлицкаго написать его брату Игнату Ковалю письмо о превосходствѣ жизненныхъ условiй въ Черноморiи. Бѣлицкiй писалъ брату, что онъ живетъ въ Ачуевѣ, занимается рыболовствомъ и хорошо устроился послѣ „коловратности его Всемилостивѣйшимъ прощенiемъ", Онъ увѣрялъ также, что Государь проститъ всѣхъ, кто возвратится изъ Турцiи. И не одинъ запорожецъ явился въ Черноморiю по этому письму.

Въ iюлѣ 1806 года вице-адмиралъ Алексiано писалъ начальнику флота маркизу де-Траверсе о прибытiи въ Севастополь на лодкѣ пяти турецкихъ запорожцевъ, направлявшихся въ Тамань

для поступленія въ Черноморское войско. Ришелье распорядился объ отправкѣ ихъ въ Черноморію.

Въ декабрѣ 1806 г. Государь одобрилъ дѣйствія де-Ришелье по пріему турецкихъ запорожцевъ въ Черноморское войско, разрѣшилъ также дѣйствовать и впредь и выдавать по 100 и 150 рублей денежнаго пособія на семью. Благодаря этому распоряженію, въ 1807 году усилился притокъ въ войско турецкихъ запорожцевъ и др. представителей казачьей вольницы.

Такъ, въ этомъ году, по приказанію Ришелье, въ Черноморское войско зачислены были военные дезертиры и бѣжавшіе изъ Турціи запорожцы. Дезертиры освобождены были отъ суда, снабжены паспортами и деньгами и отправлены въ Черноморію. Въ войско принято было 25 дезертировъ и въ томъ числѣ нѣсколько семейныхъ. Тогда же было зачислено 48 бѣглыхъ турецкихъ запорожцевъ.

Одесскій комендантъ генералъ Кобле отправилъ въ Черноморское войско доставленную въ Одессу партію бѣжавшихъ изъ Турціи запорожцевъ подъ начальствомъ опытнаго атамана Якова Яцька. Бѣглецы получили денежное пособіе отъ 25 до 50 р. на семейнаго казака и отъ 15 до 25 р. на одиночку-казака. Тѣмъ изъ нихъ, которые потомъ женятся въ Черноморіи и обзаведутся хозяйствомъ, обѣщано было еще сверхъ того денежное пособіе.

Полковникъ Трескинъ, при рапортѣ отъ 7 сентября 1807 г., препроводилъ Ришелье „Списокъ Устьдунайскаго Буджакскаго войска“, въ которомъ значилось 3 атамана, писарь, пріемщикъ провіанта и 25 казаковъ изъ Киліи, 4 атамана и 6 казаковъ изъ Сулина. При отправкѣ ихъ въ Черноморію двумъ атаманамъ было выдано на продовольствіе по 50 рублей, одному женатому 50 р., писарю 25, пріемщику съ женой 30 р., двумъ многосемейнымъ казакамъ по 30 р., двумъ съ женами по 25 р. и 27 холостымъ казакамъ по 15 р. каждому. Тѣмъ казакамъ, которые пожелали бы завестись хозяйствомъ и купить скотъ, назначено было выдать отъ 50 до 100 рублей на покупку сѣмянъ и пр. изъ войсковыхъ суммъ, съ погашеніемъ выданнаго новороссійской опекунской конторой для иностранныхъ переселенцевъ.

Изъ списка переселенцевъ видно, что 8 казаковъ были родомъ Черниговской губерніи, отлучившихся изъ нея въ Молдавію 20 лѣтъ тому назадъ, одинъ ушелъ изъ Кіевской губерніи 13 лѣтъ, одинъ изъ Польши—19 лѣтъ назадъ, одинъ изъ Екатеринославской и одинъ изъ Волынской губерній бѣжали въ Молдавію 20 л. тому назадъ и, наконецъ, двое великороссовъ изъ Владимірской и Тамбовской губерніи были бѣглые солдаты, находившіеся въ бѣгахъ одинъ 7 лѣтъ, а другой 12.

Письмомъ 17 октября 1807 г. графъ Ланжеронъ извѣстилъ де Ришелье, что онъ перевелъ часть устьдунайскихъ буджакскихъ казаковъ изъ Киліи въ Аккерманъ, „чтобы избавить Килію и ея ок-

ружность отъ ихъ грабительства, воровства и зажигательства", и просилъ зачислить и немедленно препроводить ихъ въ Черноморское войско, а 9 ноября 1807 г. генералъ фельдмаршалъ Прозоровскій изъявилъ согласіе на перечисленіе въ Черноморское войско турецкихъ запорожцевъ, бывшихъ въ Аккерманѣ.

Въ декабрѣ томъ же Прозоровскій извѣстилъ Ришелье, что онъ велѣлъ препровождать къ нему запорожцевъ, убѣгавшихъ изъ Браилова въ Галацъ. Ришелье направилъ и этихъ бѣглецовъ на Кубань и въ числѣ ихъ запорожца, значившагося въ спискѣ „Онофрій Бунипарте".

Одесскій комендантъ г. м. Кобле 20 октября, 1807 года сообщилъ Бурсаку, что, по распоряженію г.-л. Ришелье, 8 человѣкъ бывшихъ буджакскихъ устьдунайскихъ казаковъ снабжены были 15 рублями каждый и подорожными до Екатеринодара и что, по прибытіи ихъ на мѣсто, они должны быть зачислены въ Черноморское войско.

Въ январѣ 1808 г. Ришелье писалъ Бурсаку, что онъ поручилъ одесскому коменданту Кобле препроводить въ Черноморію для зачисленія въ войско вышедшихъ изъ Браилова турецкихъ запорожцевъ. Тогда же въ январѣ 1808 г. поручикъ Юматовъ донесъ Бурсаку, что, по распоряженію херсонскаго военнаго губернатора Ришелье, онъ принялъ 406 человѣкъ бывшаго Устьдунайскаго Буджакскаго войска, 13 человѣкъ тяжело больныхъ онъ оставилъ въ одесскомъ госпиталѣ, а съ остальными 393 онъ направился въ Черноморію для водворенія ихъ въ этомъ краѣ. Въ февралѣ того же года Ришелье писалъ Бурсаку, чтобы четырехъ человѣкъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, опознанныхъ еще въ Одессѣ и находящихся въ партіи запорожскихъ казаковъ, препровождаемыхъ въ Черноморію поручикомъ Юматовымъ, онъ арестовалъ и препроводилъ подъ крѣпкимъ карауломъ въ херсонское губернское правленіе.

Переселеніе цѣлою войсковою частью запорожцевъ бывшаго Устьдунайскаго Буджакскаго войска не обошлось безъ осложненій. Въ январѣ 1808 г. одесскому коменданту г.-м. Кобле было сообщено, что буджакскіе запорожцы, назначенные къ переселенію въ Черноморію, стали убѣгать и скрываться, такъ какъ у нихъ были отобраны знамя и перначи, въ чемъ они увидѣли намѣреніе правительства обратить ихъ въ крѣпостныхъ крестьянъ. Кобле поручено было немедленно отослать знамя и перначи въ Маріуполь поручику Юматову для врученія казакамъ, съ наказомъ, чтобы регаліи эти переданы были въ Екатеринодарѣ для храненія въ войсковой соборъ. О томъ же донесъ комендантъ Херсона г.-м. Ганжа г.-л. Пущину 1-му. Ганжа поручилъ полковнику Казулеву успокоить казаковъ. И казаки успокоились, какъ только получили свое знамя и перначи.

Въ 1809 году генералъ Кобле отправилъ въ Черноморію изъ упраздненнаго Устьдунайскаго Буджакскаго войска хорунжаго Губу

и казаковъ Желѣзняка, Петра Абдуллу и 5 др. Губа въ свое время собралъ 90 запорожцевъ и служилъ съ ними въ рядахъ русской арміи во все время войны съ турками. Въ томъ же году князь Прозоровскій принялъ въ армію 14 турецкихъ запорожцевъ и 12 изъ нихъ препроводилъ въ 9-й черноморскій полкъ во флотилію, приказавши размѣстить ихъ порознь между старыми казаками для надзора за ними, какъ „людьми шаткими и весьма ненадежными". Изъ показаній этихъ запорожцевъ выяснилось, что всѣ они попали случайно въ Турцію, какъ рабочіе и рыболовы, и что большинство ихъ были поляки, принявшіе православіе, живя между запорожцами.

Въ апрѣлѣ 1810 года, по распоряженію де-Ришелье, въ Черноморское войско были зачислены молдованы, служившіе въ упраздненномъ Буджакскомъ войскѣ. Ихъ было 55 человѣкъ, 13 умерло и зачислено было въ войско только 42. Послѣ въ Черноморію приписалось еще 45 м. и 22 ж. пола молдованскаго населенія. Этой партіи предоставлено было поселиться на Таманскомъ полуостровѣ, въ селеніяхъ, какія они найдутъ подходящими для нихъ.

Главнокомандующій молдавской арміей князь Багратіонъ въ письмѣ къ Ришелье изъ Бухареста 20 января 1810 г. сообщилъ, что онъ послалъ 55 запорожцевъ, ушедшихъ изъ Турціи и пожелавшихъ вступить въ Черноморское казачье войско. Запорожцы эти были препровождены въ Одессу, а отсюда на Кубань. Позже, въ апрѣлѣ было зачислено въ войско еще 34 запорожскихъ казаковъ. Въ томъ-же году 21 сентября, войсковая канцелярія рапортомъ донесло Ришелье, что изъ 55 человѣкъ запорожцевъ въ Черноморію прибыло только 28, а 27 чел. или остались въ военномъ госпиталѣ въ Одессѣ, какъ больные, или же умерли по дорогѣ изъ Турціи въ Черноморію.

Какъ видно изъ архивныхъ матеріаловъ, переселенія съ Дуная въ Черноморію не легко давались турецкимъ запорожцамъ. Въ самой турецкой Запорожской Сичи за ними зорко слѣдили турки и, при малѣйшемъ обнаруженіи попытокъ къ побѣгу, они жестоко расправлялись съ заподозрѣнными. По дорогѣ на Кубань запорожцы умирали отъ болѣзней, гибли въ морскихъ волнахъ во время бурь и терпѣли крайнюю нужду во всемъ.

Такъ формировалось Черноморское казачье войско въ первое десятилѣтіе XIX вѣка. Въ немъ продолжали совершаться обычные процессы, при которыхъ возникали и образовывались вообще казачьи общины. Основу такихъ общинъ составляла главнымъ образомъ вольница—люди энергичные и рѣшительные. какими были турецкіе запорожцы и разнаго рода бѣглецы. За вольницей группами и въ одиночку шли рядовые представители народной массы, искавшіе свободныхъ земель и лучшей жизни. Но всѣхъ этихъ переселенцевъ было недостаточно для заселенія края. Войско нуждалось въ большемъ количествѣ военныхъ силъ и мирнаго населенія. Нужны были организованныя массовыя переселенія.

Подъ вліяніемъ такой нужды въ массовомъ притокѣ населенія, естественно назрѣла мысль о новомъ заселеніи Черноморіи переселенцами-казаками изъ Малороссіи. Необходимость въ этомъ чувствовалась всѣми—и самимъ населеніемъ, и войсковою администраціей, и высшими властями, начиная съ херсонскаго губернатора и оканчивая министрами. Первую мысль о массовомъ переселеніи въ Черноморію выходцевъ изъ другихъ мѣстъ подалъ войсковой атаманъ Бурсакъ. Отклонивъ предложеніе херсонскаго губернатора Ришелье о поселеніи въ Черноморіи отбывшихъ наказаніе преступниковъ, Бурсакъ просилъ генерала Ришелье исходатайствовать разрѣшеніе на переселеніе въ Черноморію изъ внутреннихъ губерній „казенныхъ поселянъ“, нуждавшихся въ свободной землѣ, которой было много у черноморцевъ. Ришелье нашелъ практичнымъ предложеніе казачьяго атамана и немедленно началъ хлопотать о переселеніи въ Черноморію 25 тысячъ душъ одного муж. населенія и о необходимости, въ виду этого, размежеванія земель въ Черноморіи. Соображенія херсонскаго губернатора были поддержаны министромъ внутреннихъ дѣлъ княземъ Куракинымъ, и въ результатѣ послѣдовало соотвѣтственное Высочайшее повелѣніе 17 марта 1808 года.

Куракинъ посмотрѣлъ на дѣло чисто съ практической точки зрѣнія. Зная, что Черноморское войско „тайно“ принимало разнаго рода бѣглецовъ и что оно „по необходимости поступало на сію непозволительность“, министръ рѣшилъ парализовать это зло переселеніемъ въ Черноморію казаковъ изъ малороссійскихъ губерній. Казаки эти „вели уже нѣкогда родъ жизни“, близкій для черноморца, и они-то и назначены были къ переселенію въ Черноморію.

Переселеніе было вольное. Каждый шелъ въ новый край по доброй волѣ, но мѣстному начальству поручено было позаботиться о переселеніи преимущественно тѣхъ семей, въ которыхъ „было болѣе дѣвокъ и вдовъ, могущихъ еще вступать въ бракъ“. Организація переселенія на мѣстѣ поручена была малороссійскому генералъ-губернатору. Онъ долженъ былъ оповѣстить волостныя правленія, а послѣднія обязаны были представить списки желающихъ выселиться. Доброй волѣ переселенцевъ предоставлено было послать предварительно ходоковъ или, какъ значатся они въ историческихъ документахъ, комиссіонеровъ для осмотра мѣстъ поселенія, или же идти прямо въ новый край. Самый переходъ переселенцевъ долженъ былъ производиться партіями не болѣе 30 семей въ каждой, во главѣ съ избраннымъ партіей старѣйшиной.

Въ іюлѣ 1808 года Ришелье писалъ Бурсаку, что изъ малороссійскихъ губерній, по выбору казачьихъ обществъ, въ Черноморію посланы были „комиссіонеры“ для ознакомленія съ мѣстами переселенія и что этимъ комиссіонерамъ необходимо оказать содѣйствіе и выдать пособіе. Въ отвѣтъ на это Бурсакъ сообщилъ Ришелье, что комиссіонеры изъ Полтавской губерніи были уже, осмотрѣли земли и получили изъ войсковой канцеляріи свидѣтельство

о годности этихъ земель для переселенія. Войско оказало комиссіонерамъ широкое содѣйствіе и „выдано пособіе, о чемъ впредь будетъ заботиться“.

Тогда же, 17 августа 1808 года, Бурсакъ сообщилъ Ришелье, что, при водвореніи 25 тысячъ казаковъ изъ Малороссіи, имъ предоставлено будетъ право селиться и пользоваться войсковыми землями на общихъ со всѣми казаками основаніяхъ. Земли, мѣста для мельницъ, пашни, рыбныя ловли, соляныя озера и пр. угодья и „выгоды“ будутъ общимъ ихъ достояніемъ на равнѣ съ черноморскимъ казачествомъ.

Переселенія начались только въ слѣдующемъ 1809 году. Съ ранней весны войсковое начальство и херсонскій губернаторъ приняли рядъ мѣръ для обезпеченія переселенцевъ продовольствіемъ и строительными матеріалами. Въ рапортѣ 22 февраля 1809 года Бурсакъ сообщалъ Ришелье, что войско можетъ оказать помощь переселенцамъ: 1) ссудой хлѣба по двѣ четверти муки на мужскую душу и по одной четверти зерна на семью для посѣва, 2) необходимымъ количествомъ лѣса для построекъ и 3) трехлѣтнею льготою отъ службы для обзаведенія хозяйствомъ. Войсковыя средства позволяютъ оказать пособіе переселенцамъ въ количествѣ не болѣе 5 тысячъ душъ въ годъ; при большомъ же притокѣ переселенцевъ для увеличенія войсковыхъ средствъ придется повысить налоги на водку и рыбу.

Въ отвѣтъ на это Ришелье писалъ Бурсаку, что ожидается не 5 тысячъ переселенцевъ, а какъ извѣстилъ его малороссійскій генералъ-губернаторъ Лобановъ-Ростовскій, 10795 д. муж. пола и 8682 д. жен. Въ этихъ видахъ Ришелье совѣтовалъ Бурсаку размѣстить первоначально переселенцевъ по старымъ куренямъ, приготовивши заранѣе имъ лѣсъ и выдавши продовольственную и сѣменную ссуды. Ришелье вошелъ уже съ ходатайствомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ о выдачѣ войску займа въ 50,000 рублей изъ колонистской суммы, съ разсрочкою погашенія на 5 лѣтъ по 10,000 р. въ годъ. На эти деньги и должна быть оказана помощь переселенцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ришелье просилъ „ласково обращаться съ переселенцами, направлять ихъ въ тѣ курени, въ которые они пожелаютъ, не принуждать селиться противъ воли и не дробить партій“, въ составѣ которыхъ они явятся въ войско.

Для погашенія ссудъ изъ колонистскаго капитала Ришелье предложилъ атаману повысить налоги на водку и обложить ее пошлиной въ Екатеринодарѣ, Щербиновкѣ, Гривенной и Темрюкѣ, которые не были на откупу. „Вообще, писалъ Ришелье, прошу васъ обо всемъ почаще увѣдомлять меня, по мѣрѣ прихода переселенцевъ и водворенія ихъ: имѣютъ ли они земледѣльческія орудія; будетъ ли у нихъ хлѣбъ, какой и сколько; какія пособія нужны имъ и будутъ оказаны; какой успѣхъ будетъ въ построеніи домовъ; словомъ, о всѣхъ подробностяхъ, до переселенцевъ касающихся.“.

Въ половинѣ апрѣля Бурсакъ устроилъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, особое совѣщаніе, на которомъ постановлено было выдать есаулу Золотаревскому 5 тысячъ рублей для покупки хлѣба и лѣса. Послѣдняго поручено было купить на Дону: 250 брусьевъ длиною въ три сажени, 1000 досокъ длиною въ 5 саж. и толщиною въ два вершка. Лѣсъ этотъ рѣшено было доставить или водою на Ейскую косу, или сухимъ путемъ въ курень Кущовскій. Донской лѣсъ обходился здѣсь дешевле закубанскаго и удобнѣе было его доставлять. У черкесовъ же на Кубани приказано было вымѣнять на соль возможно больше хлѣба и лѣса.

У войска было на лицо всего 10,000 четвертей хлѣбныхъ запасовъ, почему, кромѣ закупки хлѣба и мѣны его на соль у горцевъ, совѣщаніе распорядилось о пополненіи куренными селеніями продовольственныхъ запасовъ въ магазинахъ. Для пріема переселенцевъ на границѣ Черноморіи командированъ былъ ассесоръ полковникъ Кухаренко, а по Екатеринодарской дорогѣ подполковникъ Бурносъ. Въ каждомъ селеніи назначенъ изъ офицеровъ смотритель по переселенію. Для приращенія же войсковыхъ доходовъ отдана была въ откупъ продажа питей въ Тамани, Темрюкѣ, на Ейской и Долгой косахъ; въ Щербиновкѣ и Гривенной оставлены были откупные доходы, установленные обществами этихъ куреней, но половина этихъ доходовъ была отчислена на устройство 40 куреней въ Екатеринодарѣ, въ которомъ также обложена была вольная продажа питей по 55 к. съ ведра, при розничной продажѣ, и по 5 коп. съ ведра, при продажѣ оптовой.

Переселенцы появились въ Черноморіи въ іюнѣ. Они шли партіями. Такъ, 25 іюня первая партія переселенцевъ размѣстилась въ Уманскомъ и Сергіевскомъ куреняхъ, а вторая партія до 1000 душъ шла на Щербиновку. Часть переселенцевъ пожелала поселиться въ куреняхъ Кущевскомъ, Кисляковскомъ, Брюховецкомъ, Переясловскомъ и Васюринскомъ. Новыя партіи переселенцевъ, прибывшія въ началѣ іюля, размѣстились въ куреняхъ Щербиновскомъ, Минскомъ, Каневскомъ, Березанскомъ, Леушковскомъ, Переясловскомъ, Деревянковскомъ, Уманскомъ, Кущевскомъ и Батуринскомъ.

Какъ доносилъ Бурсакъ Ришелье, до 8 ноября въ Черноморію прибыло изъ Полтавской губерніи 6963 д. муж. и 6280 д. жен. пола и изъ Черниговской губерніи 3575 д. муж. и 3022 жен. пола, а всего, слѣдовательно, 10538 д. муж. и 9302 жен. пола. Одни изъ нихъ сразу же построили хаты изъ заготовленнаго войскомъ лѣса, другіе купили готовые дома, а третьи, пришедшіе осенью, остались зимовать въ чужихъ помѣщеніяхъ. Большинство переселенцевъ не пожелало брать въ ссуду хлѣбъ и посѣвныя сѣмена, покупая ихъ на наличныя. Бѣдняки же взяли продовольственную и сѣменную ссуды. Болѣзней, за исключеніемъ обычныхъ, малозначительныхъ заболѣваній, между переселенцами не было. Главная масса переселенцевъ осѣла въ сѣверныхъ, центральныхъ и отчасти южныхъ

прикубанскихъ частяхъ Черноморіи. За позднимъ временемъ, они не успѣли передвинуться въ югозападныя части края и на Таманскій полуостровъ.

Въ общемъ, размѣщеніе вновь прибывшихъ казаковъ въ краѣ произведено было болѣе или менѣе удовлетворительно, безъ серьезныхъ затрудненій и неурядицъ, соединенныхъ съ передвиженіями населенія массами на новыя мѣста. Были лишь незначительныя затрудненія. Въ августѣ полковникъ Кухаренко жаловался атаману Бурсаку, что порученные ему переселенцы не остаются на разъ избранныхъ ими мѣстахъ, а переходятъ изъ однихъ селеній въ другія и тѣмъ вносятъ безпорядокъ въ общій ходъ дѣлъ. Бурсакъ посовѣтовалъ дѣйствовать на переселенцевъ убѣжденіемъ, указывая имъ на то, что земли всюду по Черноморіи одинаковы и условія поселенія сходственны.

Сами переселенцы представляли далеко не однообразную массу по степени экономической обезпеченности и по семейному составу. Были богачи и бѣдняки, сильныя по рабочему составу семьи и семьи слабосильныя. Въ началѣ іюля Кухаренко писалъ Бурсаку, что нѣкоторые переселенцы не имѣли ни хлѣба, ни земледѣльческихъ орудій, ни средствъ для пріобрѣтенія того и другого. Часть переселенцевъ, по бѣдности и слабосилію, не могла дойти сразу до Черноморіи. Въ сентябрѣ 1909 года екатеринославскій гражданскій губернаторъ Глазенапъ сообщилъ Бурсаку, что онъ оставилъ на зиму въ селѣ Ясиноватомъ 4 семьи переселенцевъ изъ Новозыбковскаго уѣзда, такъ какъ у нихъ оказались больные и скотъ отощалъ. Мѣсяцъ спустя, въ октябрѣ тотъ же губернаторъ писалъ Бурсаку, что, по его распоряженію, бахмутскій исправникъ оставилъ на зимовку въ селеніи Скотоватомъ 83 д. муж. и 63 д. жен. пола переселенцевъ изъ Нѣжинскаго уѣзда до весны, такъ какъ скотъ у нихъ до того отощалъ, что они не могли дальше двигаться.

Часть, наконецъ, переселенцевъ осталась на мѣстѣ, изъявляя однако желаніе выселиться въ Черноморію. Объ этомъ неоднократно писалъ Ришелье Бурсаку. Въ іюнѣ 1811 г. онъ прислалъ списки этихъ оставшихся на мѣстѣ переселенцевъ. Въ Полтавской губерніи, по этимъ спискамъ, числилось 1891 д. муж. и 1473 д. жен. пола и въ Черниговской 304 д. м. и 196 д. жен. пола, а всего, слѣдовательно, 3864 д. населенія.

Нѣкоторые изъ переселенцевъ, оставшихся на мѣстѣ, такъ и не явились потомъ въ Черноморію.

Въ вѣдомости за октябрь 1811 года приведены подробныя цифровыя данныя о ходѣ переселенія за три года—съ 1809 по 1811 годъ включительно. По этимъ даннымъ оказывается, что въ 1809 году прибыло на Кубань изъ Полтавской и Черниговской губерній 20 партій въ количествѣ 11128 д. муж. и 9782 д. женскаго пола,—цифры нѣсколько отличныя отъ приведенныхъ выше. Въ частности

Полтавская губернія дала 13324 д. населенія об. пола, а Черниговская 7586 д. Въ слѣдующемъ 1810 году, изъ тѣхъ же губерній въ Черноморію перешло еще 24 партіи въ составѣ 7237 д. м. пола и 6144 д. женскаго. Партіи были менѣе значительныя по численному составу, чѣмъ въ 1809 году, и Полтавская губернія дала 9770 д., а Черниговская лишь 3611 д. об. пола. Наконецъ, въ 1811 г. въ Черноморію явилось только 9 партій въ количествѣ 1417 д. м. и 1199 д. ж. пола. Послѣднія партіи переселенцевъ были самыми слабыми. На этотъ разъ Полтавская губернія дала 1267 д. переселенцевъ, а Черниговская лишь 359 д. об. пола. По другимъ свѣдѣніямъ, въ этомъ году пришло въ Черноморію 3941 д. м. п. и 3402 ж. пола.

Въ 1811 г. поступилъ также цѣлый рядъ прошеній отъ дворянъ, военныхъ, казенныхъ крестьянъ, вольноотпущенниковъ, выкупившихся на волю крѣпостныхъ крестьянъ и др. о зачисленіи ихъ въ войско. Войсковая канцелярія производила по этому поводу свои „опредѣленія“ и просители, послѣ приведенія ихъ къ присягѣ, поступали въ составъ войска.

Такимъ образомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, изъ Полтавской и Черниговской губерній перешло на Кубань 53 партіи въ 19722 души мужскаго и 17125 душъ женскаго пола или всего 36847 душъ, а если принять въ расчетъ послѣднія за 1911 годъ цифры, то за три года въ Черноморію явилось 22206 муж. и 19328 жен. пола или 41534 д. об. пола. Цифры эти точнѣе первыхъ, такъ какъ такое же количество переселенцевъ значится и по 43 куренямъ.

Въ первые два года передвиженіе переселенческихъ партій начиналось лѣтомъ и оканчивалось зимою, а за послѣдній годъ оно началось весной и окончилось лѣтомъ. Вообще притокъ переселенцевъ съ каждымъ годомъ слабѣлъ. Сначала вышли болѣе сильные экономически переселенцы, потомъ перешли слабосильные и бѣдняки.

Такъ какъ для размежеванія земель у войска не было ни средствъ, ни людей и самое размежеваніе могло затянуться на многіе годы, то рѣшено было размѣстить переселенцевъ по старымъ куренямъ, гдѣ они могли въ избыткѣ найти земли. Какъ видно изъ общей сводной вѣдомости о переселенцахъ, они распредѣлялись далеко неравномѣрно по куренямъ. Въ 7 куреняхъ—Каневскомъ, Минскомъ, Уманскомъ, Роговскомъ, Кисляковскомъ, Щербиновскомъ и Переясловскомъ, размѣстилось 16203 д. об. пола, отъ 2026 до 2724 души въ каждомъ, въ 10 куреняхъ—Поповичевскомъ, Брюховецкомъ, Конеловскомъ, Шкуринскомъ, Тимошевскомъ, Староджереліевскомъ, Кущевскомъ, Екатериновскомъ, Мышастовскомъ и Деревянковскомъ, 13715 д. об. пола отъ 1013 до 1785 д. об. пола въ каждомъ, въ 11 куреняхъ 8214 душъ и въ 15 куреняхъ остальныя 3402 д. об. пола.

Такимъ образомъ, только въ 17 куреняхъ, составившихъ двѣ первыя группы, поселилось 29218 душъ об. пола. т. е. 72% всего

прибывшаго въ край населенія. Всѣ эти курени находились вдали отъ Кубани и нѣкоторые расположены были почти у самыхъ сѣверныхъ границъ Черноморіи. Переселенцы, которымъ была дана полная свобода въ выборѣ мѣстъ для поселенія, естественно предпочли тѣ изъ куреней, которые были наиболѣе застрахованы, благодаря своей отдаленности отъ Кубани, отъ набѣговъ черкесовъ. Въ тѣхъ же куреняхъ, которые были на виду у черкесовъ, поселилось ничтожное количество новоселовъ. Такъ, въ куренѣ Динскомъ осѣло только 101 д., въ Платнировскомъ 72 д., въ Вышестебліевскомъ 86 д. и въ Старотитаровскомъ 51 д. Явленіе вполнѣ естественное и совершенно понятное.

Къ тому же большинство тѣхъ куреней, въ которыхъ оказался наибольшій притокъ переселенцевъ, принадлежало къ числу наиболѣе крупныхъ и богатыхъ пунктовъ. Переселенцы могли устроиться здѣсь лучше, чѣмъ въ мелкихъ селеніяхъ, могли найти работу, легче добыть продовольствіе и т. п. Новыхъ поселеній совсѣмъ не было образовано.

Такимъ образомъ, Черноморское войско пополнялось въ разное время и самыми разнообразными искателями казачьихъ земель и вольностей. „Въ казаки на Черноморію“ шли эти искатели одиночками, группами и организованными партіями. Въ теченіи многихъ лѣтъ это былъ непрерывный потокъ новоселовъ, то слабый, едва замѣтный, то мощный и разнообразный, въ видѣ массовыхъ передвиженій цѣлыми селеніями и деревнями. Къ сожалѣнію, въ историческихъ матеріалахъ не сохранилось достаточно статистическихъ данныхъ, по которымъ можно было бы нарисовать полную картину этого постепеннаго разростанія войска и осѣданія на Кубани пришлыхъ элементовъ. Численное соотношеніе между новоселами и первыми засельщиками края замѣтно мѣнялось если не по годамъ, то по десятилѣтіямъ. Еще рѣзче мѣнялся половой и повозрастный составъ населенія. Было мало женщинъ и дѣтей, а увеличивалось взрослое мужское населеніе. Но обо всемъ этомъ можно судить лишь по немногимъ цифровымъ матеріаламъ.

Какъ извѣстно, при заселеніи Черноморіи съ 1792 года, въ три пріема, на Кубань перешло 7308 д. мужскаго и 5975 д. женскаго пола. На первое время засельщики, въ количествѣ 2727 дворовъ, осѣли только въ 24 пунктахъ, главнымъ образомъ, по окраинѣ близъ Кубани. Когда же, для размѣщенія этого населенія, брошенъ былъ жребій, какому куреню и гдѣ селиться, то получились крайне мелкія и слабо населенныя куренныя поселенія. Въ среднемъ на курень пришлось по 68 дворовъ и 332 д. населенія обоего пола. Обширный край оказался до чрезмѣрности слабо населеннымъ.

По даннымъ переписи за августъ мѣсяцъ 1800 года, дополненными свѣдѣніями объ измѣненіяхъ въ составѣ населенія за послѣдующее время, къ 1 іюня 1801 года въ 40 куренныхъ селеніяхъ

значилось 23474 д. мужскаго и 9135 д. женскаго пола. Это были наиболѣе точныя цифры населенія, взятыя изъ ревизскихъ сказокъ. За 8 лѣтъ существованія войска, населеніе его увеличилось значительно. Общій составъ войска съ 13283 д. повысился до 32609 д., т. е. увеличился на 19326 д. или на 145%. Еще рѣзче произошли за это время измѣненія въ половомъ составѣ войска. Такъ, количество мужскаго пола съ 7308 д. повысилось до 23474 д., т. е. увеличилось на 16166 д. или на 221%, а 5975 д. женскаго пола возросло только до 9135 д. или на 53%. На Кубань, слѣдовательно, въ этотъ періодъ существованія войска перешло много мужчинъ и очень мало женщинъ, и отношеніе между обоими полами выразились очень рѣзко. Въ 1792 году женскій полъ составлялъ 45% всего населенія, а въ 1801 году только 28%.

Такъ именно шла колонизація края. Какъ видно изъ приведенныхъ выше указаній о ходѣ ея, въ первые годы существованія Черноморскаго войска, въ составъ его шли большею частью сичевики и бездомовая сирома—турецкіе запорожцы и бѣглецы-одиночки. Это были буйныя военныя головы, не имѣвшія ни женъ, ни дѣтей, ни хозяйства, чѣмъ объясняется и малое количество дворовъ, значащихся въ статистическихъ матеріалахъ. Въ 1792 году дворовъ показано 2727, а въ 1801 году 2763, только на 36 больше. Въ среднихъ цифрахъ дворовъ, причитающихся на селеніе, получилось, поэтому, явное несоотвѣтствіе. Въ 1792 году на одно куренное селеніе приходилось 68 дворовъ, а въ 1801 году только 65.

Такъ оно и было въ дѣйствительности. За это время прибавилось еще два селенія. Бездомовые же казаки по прежнему продолжали жить бобылями. Часть сичевиковъ находилась въ куреняхъ въ Екатеринодарѣ, еще больше ихъ жило на рыболовныхъ заводахъ, очень многіе жили въ батракахъ, по хуторамъ и селеніямъ Черноморіи, и не мало этихъ безпріютныхъ казаковъ уходило даже за предѣлы Черноморіи на заработки. Отдѣльные дворы или хозяйства не могли образоваться при такихъ условіяхъ и „семейственное житіе“ слабо насаждалось въ эти годы. Но населеніе тѣмъ не менѣе значительно возросло въ своей численности. Раньше на одно куренное селеніе приходилось только 332 д. обоего пола, а въ 1801 году среднее количество населенія на курень возросло до 815 д. обоего пола. Въ 1802 году войско состояло изъ 556 офицеровъ, 10 монаховъ, 92 бѣлаго духовенства и 22925 рядовыхъ казаковъ при 9144 д. жен. пола.

Рѣзкія измѣненія въ половомъ составѣ войска произошли послѣ водворенія въ Черноморіи семейныхъ выходцевъ изъ Полтавской и Черниговской губерній въ 1809—1811 годахъ. На этотъ разъ въ казаки шли не одиночки и бездомовые люди, а цѣлыя семьи, селенія и деревни въ томъ составѣ, въ которомъ они находились на мѣстѣ стараго жительства. Какъ показываютъ цифровыя данныя

цитированной выше вѣдомости о переселенцахъ за три года, у вновь прибывшихъ казаковъ на 54% мужскаго населенія приходилось 46% женскаго, и это численное соотношеніе между полами не мѣнялось какъ у полтавскихъ выходцевъ, такъ и у черниговскихъ.

Очевидно, на новыя мѣста шло осѣдлое населеніе изъ давно заселенныхъ мѣстностей. Нѣкоторое преобладаніе мужскаго населенія надъ женскимъ было обычнымъ явленіемъ въ такихъ случаяхъ. На новыя мѣста въ Россіи до сихъ поръ идутъ семьи съ преобладаніемъ мужчинъ, какъ главныхъ работниковъ въ семьѣ. Но и при этомъ условіи, полтавскіе и черниговскіе переселенцы все таки повысили относительную численность женскаго населенія, а главное дали населеніе въ такомъ составѣ, при которомъ казаку можно было обзаводиться хозяйствомъ и устраивать семейный очагъ.

Осѣдая въ старыхъ куренныхъ поселеніяхъ, переселенцы сразу были поставлены въ тѣ неудовлетворительныя условія, на какія жаловались первые засельщики края.

Неудачное распредѣленіе куренныхъ селеній по территоріи Черноморскаго войска, при занятіи края, одинаково давало себя чувствовать и старожиламъ и новоселамъ. Казаки то и дѣло жаловались то на неудобства занятаго мѣста въ хозяйственномъ отношеніи, то на близость къ черкесамъ, недававшимъ имъ покоя, то на плохія земли и тому подобное. Особенно серьезною побудительною причиною для перенесенія куреней на новыя мѣста служила близость ихъ къ черкесамъ. Марта 23-го 1800 г. войсковое правительсто донесло генералу Михельсону, что всѣ вообще куренныя селенія, расположенныя по р. Кубани, начиная съ Устьлабинской крѣпости и до Тамани, „имѣли желаніе переселиться во внутрь земли“. Близость черкесовъ стѣсняла ихъ постоянными тревогами и разоряла безпрерывною борьбою съ неспокойными сосѣдями.

Въ апрѣлѣ 1800 года войсковая администрація послала подполковника Чепигу въ сел. Васюринское и Переясловское, чтобы онъ выяснилъ вмѣстѣ съ обществами этихъ селеній, въ какія мѣста они желали переселиться. Въ 1701 году войсковая канцелярія воспретила жителямъ сел. Калниболотскаго перенести селеніе на новое мѣсто. Калниболотцы указывали на то, что вблизи ихъ селенія земли были неурожайныя, дававшія самые плохіе сборы хлѣба три года подъ рядъ, что вода въ р. Еѣ и въ колодцахъ была горькая, что вблизи негдѣ было достать топлива, такъ какъ не было ни камышей, ни бурьяна, и что селеніе было удалено отъ почтоваго тракта. Войсковая канцелярія нашла невозможнымъ удовлетворить эту просьбу калниболотцевъ, такъ какъ раньше сами они не заботились объ этомъ. Но въ дѣлахъ проскальзываетъ намекъ на то, что калниболотцы избрали новое мѣсто подъ поселеніе близъ хутора наслѣдниковъ Котляревскаго, которые были бы стѣснены новымъ поселеніемъ. Нужды цѣлаго селенія принесены были въ жерт-

ву интересамъ наслѣдниковъ того самаго атамана, который такъ рѣзко протестовалъ противъ хуторскихъ завладѣній.

Нужда въ перенесенiи селеній на новыя мѣста, однако, росла. Требовалось такъ или иначе рѣшить вопросъ, волновавшій населеніе и безпокоившій администрацію. Рѣшено было удовлетворить желаніе жителей, и въ 1803 году былъ сдѣланъ цѣлый рядъ распоряженій на этотъ счетъ. Такъ, курень Переясловскій, поселенный въ 1794 году въ вершинѣ р. Сасыкъ, перенесенъ былъ на р. Бейсугъ, къ плотинѣ Екатерино-Лебяженскаго монастыря. На Сасыкѣ у переясловцевъ не было ни хорошей воды, ни достаточно сѣнокосовъ и земли не давали хорошихъ урожаевъ хлѣба.

Жители куреня Медвѣдовскаго указывали на то, что курень ихъ, поселенный въ 1794 году на Куркахъ по границѣ съ Фонагорійскою округою и рядомъ съ черкесскими аулами, былъ разоренъ неоднократно горцами, безпрерывно безпокоившими населеніе. Медвѣдовцы, поэтому, просили разрѣшенія перенести курень на р. Кирпили, гдѣ нынѣ находится станица Медвѣдовская.

Курень Брюховецкій, находившійся въ вершинѣ р. Малаго Бейсужка, вслѣдствіе недородовъ хлѣба, недостатка въ хорошей водѣ и сѣнокосахъ, перенесенъ былъ къ устью р. Бейсужка къ Великому кургану, близъ куреня Переясловскаго.

Курень Деревянковскій, по тѣмъ же причинамъ, перенесенъ былъ съ р. Еи на р. Челбасы. О томъ же просили жители куреня Незамаевскаго, но при осмотрѣ новой мѣстности, отказались отъ переселенія.

Селеніе Титаровское перенесено было съ Дубоваго Рынка на Ахтанизовскій лиманъ. Нѣкоторымъ куреннымъ обществамъ было отказано въ перенесенiи куреней на новыя мѣста. Такой отказъ получили калниболотцы, просившіе во второй разъ разрѣшенія на переселеніе съ р. Еи на р. Кочети. Не перенесенъ былъ на новое мѣсто и курень Васюринскій, атаманъ котораго просилъ о переселенiи на р. Бейсужокъ, такъ какъ курень находился на низкомъ и топкомъ мѣстѣ, не имѣлъ удобнаго водопоя и подверженъ былъ частымъ набѣгамъ черкесовъ.

Порядокъ перенесенія куреней на новыя мѣста былъ таковъ: общество куреня или, по его порученію, куренный атаманъ просили войсковую канцелярію о переселенiи на новое мѣсто, указывая на тѣ или другіе недостатки стараго. Администрація посылала чиновника для осмотра мѣстоположенія куреня и опроса его жителей. Если жители изъявляли чиновнику желаніе о переселенiи и если старое мѣсто было неудобное, а новое не имѣло этихъ неудобсгвъ, то войсковая канцелярія давала разрѣшеніе на переселеніе куреня, и курень переселялся.

Чаще всего курени переносились на новыя мѣста, чтобы избавиться отъ близости черкесовъ. Ришелье 9 ноября 1807 года разрѣшилъ жителямъ куреней Пластуновскаго и Динскаго перейти на новыя мѣста, а также и тѣмъ вообще селеніямъ, которыя были поселены при Кубани и терпѣли частые набѣги отъ черкесовъ.

Однако, оба селенія продолжали оставаться на мѣстѣ до 1810 года, когда они снова возбудили ходатайство о перенесеніи на новыя мѣста. Жители Пластуновки жаловались исключительно на черкесовъ, не дававшихъ возможности жить спокойно. Жители сел. Динскаго, жившіе въ количествѣ 20 дворовъ у самой Кубани, на виду постоянно тревожившихъ ихъ черкесовъ, жаловались на топкое мѣсто, не позволявшее даже рыть колодцевъ. Впослѣдствіи оба селенія были перемѣщены внутрь Черноморіи.

Подъ вліяніемъ настоятельной нужды въ перемѣщеніи куренныхъ селеній на новыя мѣста, Бурсакъ частію предназначилъ и частію перенесъ цѣлый рядъ куреней съ р. Кубани на степныя рѣки въ глубь Черноморіи. Такъ, курени Динской, Пластуновскій и Мышастовскій предназначены были къ переносу на р. Кочети, Поповичевскій, Новотитаровскій и Величковскій на р. Конуру, Рогивскій, Тимошевскій и Джереліевскій на р. Кирпили, Нижестебліевскій на р. Ангелинку и т. п. Перенесенные курени размѣщались по рѣчкамъ отъ вершинъ ихъ къ устьямъ, въ мѣстахъ наиболѣе удобныхъ и облюбованныхъ казаками.

Многія селенія перемѣщались на новыя мѣста съ дальнихъ разстояній. Курени Каневскій, Джереліевскій и Медвѣдовскій съ р. Курки перешли на р. Челбасы и Кирпили, курени Брюховецкій и Ирклієвскій расположены были рядомъ въ вершинѣ незначительной рѣки Албаши, а перемѣщены были на Бейсужекъ и т. п. Судя по списку селеній за 1807 годъ съ обозначеніемъ разстояній ихъ отъ Екатеринодара, курень Величковскій отстоялъ въ 7 верстахъ отъ Екатеринодара, а нынѣ станица Старо-Величковская находится въ 50 верстахъ отъ него, Тимошевскій былъ въ 14 верстахъ отъ Екатеринодара, а послѣ переселился на 60 верстъ сѣвернѣе въ степи, курень Динской былъ въ 11 верстахъ и перешелъ на 28 верстъ сѣвернѣе и т. д. Къ концу перваго десятилѣтія XIX вѣка далеко не закончились еще случаи такихъ передвиженій куреней. Послѣдующими массовыми переселеніями изъ малороссійскихъ губерній были внесены въ край новыя измѣненія въ этомъ отношеніи.

Съ 1812 г. по 1820 г. было мало зачисленій въ Черноморскомъ войскѣ, по крайней мѣрѣ въ архивныхъ матеріалахъ встрѣчаются лишь единичныя указанія на этотъ счетъ. Въ 1817 г. подали прошеніе о зачисленіи въ войско 27 человѣкъ, въ числѣ которыхъ значились дворянинъ Моренко, унтеръ-офицеръ Коржевскій, канцеляристъ Хохуля и еще 9 дворянъ, 7 крестьянъ, 1 вахмистръ, 2 канцеляриста, 2 мѣщанина и 3 малороссійскихъ казака. Въ маѣ 1818 г. въ войско были приняты 2 крестьянина, отпущенные на волю помѣщиками. Въ январѣ 1818 г. черкесскій дворянинъ Иванъ Боранъ просилъ зачислить его въ войско. Въ 1820 г. просили и были приняты въ казаки поселяне Екатеринославской губ., два казака изъ Миргорода, оберъ-офицерскій сынъ, отставной рядовой, сынъ губернскаго секретаря, дворянинъ изъ Миргорода и дворянинъ изъ Херсо-

на. Въ томъ-же 1820 г. четыре семьи армянъ, ушедшія изъ за Кубани, поселены были временно въ Черноморіи у войскового старшины Ханука. Въ 1822 г. явился въ Черноморію, бѣжавшій изъ Турціи запорожецъ Жеребецъ, родившійся въ Хотинѣ и много лѣтъ служившій у разныхъ пашей. Запорожецъ просилъ зачислить его въ Черноморское войско и былъ принятъ въ составъ его въ 1825 г. Все это были единичные случаи, не имѣвшіе никакого вліянія на составъ войска.

Но въ 1820 г. вновь возникъ вопросъ о заселеніи Черноморіи 25 тысячами мужского населенія изъ Полтавской и Черниговской губ. Въ это время Черноморское казачье войско было изъято изъ вѣдѣнія херсонскихъ губернаторовъ и подчинено командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, которымъ былъ генералъ Ермоловъ. Этотъ умный и способный, но самонадѣянный генералъ принялъ живое участіе во второмъ переселеніи казаковъ въ Черноморію, внеся въ дѣло, на ряду съ полезными предпріятіями, не мало путаницы.

Ермоловъ, какъ извѣстно, довольно недружелюбно относился къ черноморскимъ казакамъ, не желая считаться съ особенностями ихъ быта. Не довѣряя казачьей администраціи, онъ, во все время своего командованія корпусомъ, отдавалъ войско въ опеку стороннимъ генераламъ. Той-же системы посредничества между нимъ и войсковой администраціей держался онъ и при переселеніи малороссійскихъ казаковъ въ Черноморію.

Самая мысль о новомъ пополненіи Черноморскаго войска, разработка вопроса о переселеніи, организаціи и мѣрахъ осуществленія его принадлежали, однако, не Ермолову, а другому болѣе крупному историческому дѣятелю—графу Киселеву. Въ то время Киселевъ, въ чинѣ ген.-маіора, былъ начальникомъ Главнаго Штаба второй арміи. Обозрѣвая Черноморское войско, онъ, со свойственными ему объективизмомъ и проницательностью государственнаго дѣятеля, отмѣтилъ слѣдующія особенности въ положеніи войска.

При обиліи земли Черноморія была слабо населена.

Казаки хорошо освоились съ военной службой, но не могли, при безпрерывныхъ отлучкахъ отъ хозяйства, поднять благосостояніе края и были бѣдны.

Рыбный промыселъ и скотоводство давали хорошія средства казаку, но заниматься ими, какъ слѣдуетъ, черноморцу за военной службой было некогда.

По той же причинѣ было слабо развито земледѣліе и войско покупало хлѣбъ.

Вообще же оскуденіе войска не позволяло ему надлежащимъ образомъ охранять границы Черноморіи и правительство вынуждено было затрачивать на эту охрану значительныя средства, привлекая къ дѣлу, вмѣсто казаковъ регулярныя войска.

Чтобы устранить эти недостатки въ казачьемъ строѣ, Киселевъ находилъ необходимымъ увеличить населеніе Черноморіи и тѣмъ усилить его экономическую и боевую правоспособность. Въ этихъ ви-

дахъ онъ проэктировалъ переселить въ Черноморію еще 25 тыс. казаковъ изъ малороссійскихъ губерній. Раздѣляя эти соображенія Киселева, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей нашелъ необходимымъ произвести новое переселеніе въ Черноморію малороссійскихъ казаковъ, на основаніи правилъ 17-го марта 1808 г.

И на этотъ разъ организація переселенія на старыхъ мѣстахъ была поручена малороссійскому военному губернатору. Желающіе переселиться въ Черноморію должны были заявить о томъ начальству въ теченіе года. Ближайшій надзоръ за переселенцами былъ порученъ гражданскимъ губернаторамъ полтавскому и черниговскому. Какъ и въ первый разъ, къ переселенію допускались только малороссійскіе казаки. Срокъ для переселенія назначенъ былъ трехлѣтній.

Но на этотъ разъ переселеніе сошло далеко не такъ удовлетворительно, какъ въ 1809—1811 г. Въ дѣлѣ оказалось много хозяевъ и, благодаря этому, получалась путаница. Самое существенное неудобство заключалось въ томъ, что мѣстная казачья администрація, наиболѣе близкая къ дѣлу, компетентная и заинтересованная въ немъ сторона, лишена была надлежащей самостоятельности и дѣйствовала по указкѣ, выполняя часто совершенно противорѣчивыя и несогласныя между собой распоряженія высшихъ властей.

Далеко раньше, чѣмъ выяснены были условія предположенныхъ переселеній, въ октябрѣ 1820 г., Ермоловъ писалъ атаману Матвѣеву, чтобы онъ предложилъ войсковой канцеляріи заранѣе позаботиться объ отводѣ земель переселенцамъ и чтобы эти земли были удалены отъ военной границы. Въ декабрѣ Ермоловъ выѣхалъ въ Петербургъ, поручивши командованіе корпусомъ ген.-лейт. Вельяминову, а наблюденіе за управленіемъ въ Черноморскомъ войскѣ г.-м. Власову. Изъ Петербурга онъ писалъ атаману, чтобы новые переселенцы были или поселены особыми селеніями, или же присоединены къ старымъ куренямъ. Новыя селенія непремѣнно слѣдовало устраивать вдали отъ Кубани и военной границы, а въ старыхъ селеніяхъ переселенцамъ надо отводить земли не особенно удаленныя отъ куреней. Если окажутся близъ куреней хутора чиновныхъ казаковъ, имѣвшихъ обыкновеніе захватывать лишнія земли, то часть этихъ земель должна быть отведена переселенцамъ, „ибо польза частная не должна быть предпочитаема пользѣ общей“. Предположенія объ устройствѣ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ войсковой атаманъ обязанъ былъ представить предварительно на разсмотрѣніе Ермолова.

Все это носило характеръ заботливости командующаго корпусомъ, было, казалось, разумно и планомѣрно. Войсковая канцелярія, въ свою очередь, выказала рвеніе при осуществленіи этихъ предначертаній командующаго корпусомъ. Журнальнымъ постановленіемъ 6 мая 1821 г. она рѣшила поселить 9080 д. мужск. пола въ старыхъ селеніяхъ—Канеловскомъ, Шкуринскомъ, Кущевскомъ,

Екатериновскомъ, Незамаевскомъ, Калниболотскомъ, Леушковскомъ, Крыловскомъ, Ирклiевскомъ, Березанскомъ, Батуринскомъ, Дядьковскомъ и Кореновскомъ, и завести новыя селенiя въ шести мѣстахъ при рѣчкахъ Ясеняхъ, Албашахъ, Сасыкѣ, Кугоеѣ и Челбасахъ.

Оставалось только поблагодарить за исполнительность казачью администрацiю, но генералу Ермолову, бывшему въ то время въ Вѣнѣ, показалось почему-то изъ прекраснаго далека ненужнымъ устройство новыхъ поселенiй, а необходимымъ размѣщенiе всѣхъ переселенцевъ непремѣнно по старымъ куренямъ. Въ такомъ смыслѣ и послѣдовало отъ него распоряженiе изъ Вѣны.

Тогда войсковая канцелярiя распорядилась произвести иное расчисленiе переселенцевъ по старымъ малолюднымъ селенiямъ. Ассесору есаулу Вербицкому поручено было осмотрѣть всѣ эти селенiя и хутора и выяснить, гдѣ будутъ стѣснены переселенцы или старожители взаимнымъ сожительствомъ. По новому распредѣленiю войсковой канцелярiи, 25 тысячъ переселенцевъ предположено было распредѣлить по 30 крупнымъ куренямъ, оставивши остальные 13 куреней съ однимъ старымъ населенiемъ.

Но и этимъ предположенiямъ, сдѣланнымъ по заказу Ермолова, не суждено было осуществиться. Ермоловъ раздумалъ и рѣшилъ снова поселить переселенцевъ не только по старымъ куренямъ, но и вновь образуемыми изъ нихъ селенiями. Вообще въ этомъ отношенiи господствовала большая путаница. Изъ Вѣны Ермоловъ дѣлалъ одни распоряженiя, на мѣстѣ другiя, изъ Петербурга третьи, мѣняя каждый разъ систему предположенныхъ разселенiй малороссiйскихъ выходцевъ въ Черноморiи. Ермолову вторили его посредники—генералы Власовъ и Вельяминовъ. Нерѣдко войсковая канцелярiя одновременно получала распоряженiя изъ Петербурга отъ Ермолова, изъ Тифлиса отъ Вельяминова и съ кордонной линiи отъ Власова. Нужно было всѣхъ слушаться и съ каждымъ считаться въ отдѣльности.

Когда Ермоловъ окончательно рѣшилъ водворять переселенцевъ какъ по старымъ куренямъ, такъ и во вновь заводимыхъ селенiяхъ, генералъ Власовъ, желая отличиться передъ командующимъ, сообщилъ ему, что кромѣ избранныхъ войсковою администрацiею мѣстъ для новыхъ селенiй, онъ нашелъ на р.р. Понурѣ, Журавкѣ и Великомъ Бейсугѣ, еще „три весьма выгодныя мѣста“. Вельяминовъ потребовалъ подробной описи этихъ мѣстъ, и войсковая канцелярiя донесла, что первое мѣсто на р. Понурѣ находится тамъ, гдѣ земля уже предназначена одному изъ вновь образуемыхъ селенiй, второе на р. Журавкѣ расположено въ близкомъ разстоянiи отъ трехъ куреней Ново-Корсунскаго, Кореновскаго и Батуринскаго, совершенно лишено сѣнокосныхъ угодiй, а лѣтомъ не имѣетъ даже воды; наконецъ, третье на р. Бейсугѣ, помимо топографическихъ неудобствъ, отстоитъ всего въ 12 верстахъ отъ Новоджерелiевскаго селенiя, въ которое зачислена масса переселенцевъ и слѣдовательно, образова-

ніе здѣсь новаго селенія могло бы стѣснить и, новоджереліевскій курень и водворяемыхъ въ немъ новоселовъ.

Въ замѣнъ этихъ неудачно намѣченныхъ мѣстъ для поселеній, войсковая канцелярія предложила образовать новыя селенія въ пяти мѣстахъ—на р.р. Ясени, Албаши, Сасыкѣ, Кугоея и Челбасы. Замѣчательно, что эти же мѣста раньше были одобрены и генераломъ Власовымъ.

Не смотря на все это, переселенія шли своимъ чередомъ, такъ какъ указывала жизнь, а не чертили на бумагѣ генералы Ермоловъ и Власовъ. Первая партія переселенцевъ прибыла въ Кущевку 30 августа 1821 г. Затѣмъ переселенческія партіи послѣдовательно появлялись въ Черноморіи въ сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ, по 23 декабря включительно. Всего по вѣдомостямъ отмѣчено за это время прибывшихъ въ Черноморію переселенцевъ 5300 семействъ, въ количествѣ 16239 д. м. п. и 14119 ж. п. Переселенцы прибыли на 10875 подводахъ съ 22393 головами гулевого скота. Совсѣмъ ничего не имѣвшихъ семействъ было 42.

Въ слѣдующемъ 1822 г. переселенцы начали пребывать въ Черноморію съ апрѣля; затѣмъ послѣдовательно шли въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ, августѣ, сентябрѣ, октябрѣ и до 8-го ноября. Всего ихъ прибыло 3150 семействъ съ 8847 д. м. п. и 8214 д. ж. п., на 4670 подводахъ съ 6805 головами гулевого скота, а ничего не имѣвшихъ семействъ было уже 58.

Въ 1823 г. въ маѣ и августѣ прибыло только 37 семействъ съ 97 д. м. п. и 82 д. ж. п.; въ 1824 г. въ маѣ и іюнѣ 74 семьи съ 261 д. м. п. и 215 д. ж. п.; наконецъ, въ 1825 г. въ іюлѣ и августѣ—54 семьи съ 183 д. м. п. и 135 д. ж. пола.

Такимъ образомъ въ теченіе 5 лѣтъ, въ Черноморію перешло изъ Малороссіи 8623 семьи съ 25627 д. м. п. и 22765 д. ж. п. Переселенцы пришли на 15770 подводахъ и пригнали съ собой, кромѣ упряжного, 29577 головъ гулевого скота. Семействъ ничего не имѣвшихъ было 102. Въ частности изъ Полтавской губ. перешло 24679 д. обоего пола, а изъ Черниговской—23713 д., всего, слѣдовательно, 48392 д. обоего пола.

Переселенцы были размѣщены въ 37 старыхъ куреняхъ и въ 18 пунктахъ, изъ которыхъ большая часть предназначена была подъ новыя селенія. Изъ общаго числа переселенцевъ въ старыхъ селеніяхъ было распредѣлено 80%, а въ новыхъ 20%. Такъ какъ въ первый годъ переселенія, въ 1821 г., въ Черноморіи было 64143 д. обоего пола населенія, то вновь прибывшіе переселенцы составили 43% въ общей массѣ населенія. Цифра для того времени внушительная.

Несомнѣнно, что столь значительный притокъ переселенцевъ могъ впослѣдствіи облегчить военныя тяготы Черноморскаго войска и поднять экономическое благосостояніе края. Возникли новыя селенія, усилились старыя—должны были народиться и новыя хозяй-

ственныя теченія. Но это были очень трудные роды, главнымъ образомъ, для переселенцевъ. Переселеніе 1820 г. прошло при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ.

Плохо съорганизовано было переселеніе на мѣстѣ въ Полтавской и Черниговской губ., плохо велись передвиженія переселенцевъ съ родины на Кубань, при плохихъ неурожайныхъ годахъ водворялись переселенцы на новыхъ мѣстахъ и очень плохо приходилось имъ отъ неурядицъ, вытекавшихъ изъ многовластія въ Черноріи и мѣнявшихся распоряженій высшаго начальства. Естественно, что все это легло тяжелымъ гнетомъ на выходцевъ изъ Малороссіи,

Въ самомъ началѣ переселеній, когда въ ноябрѣ 1821 г. Ермоловъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Черноморію и когда появились первые и, надо прибавить, самые сильные экономически переселенцы, положеніе ихъ поразило Ермолова. Переселенцы, по его словамъ, „находились въ ужаснѣйшей бѣдности". Войско не въ состояніи было оказать имъ помощь, а между тѣмъ, ихъ переселено было вдвое больше противъ предположеннаго на этотъ годъ числа. „На прежнихъ жилищахъ своихъ, говоритъ Ермоловъ, продавали они имущество за безцѣнокъ, отправлены были земской полиціей въ путь въ самое позднее осеннее время и весьма многіе, лишившись въ дорогѣ скота, безъ средствъ идти далѣе, остались зимовать по разнымъ губерніямъ".

Ермоловъ обратился съ воззваніемъ къ старымъ жителямъ Черноморіи и открылъ подписку въ пользу бѣдствующихъ переселенцевъ. Къ концу декабря 1812 г. собрано было 10 тыс. рублей ассигнаціями, 64 четверти хлѣба, 317 шт. рогатаго скота, 16 лошадей и 1044 овцы.

Нужно замѣтить, что послѣдніе годы—1819, 1820 и 1821 были неурожайными. Сообщая объ этомъ 29 іюля 1821 г. генералу Вельяминову, заступавшему временно мѣсто Ермолова, войсковая канцелярія прибавила, что въ 1821 году въ Черноморію налетѣла, въ несмѣтномъ количествѣ, саранча и истребила не только хлѣбъ, но и травы, и что войско, вслѣдствіе уменьшенія войсковыхъ доходовъ, не въ состояніи было продовольствовать голодавшихъ переселенцевъ.

Тѣмъ не менѣе, требовалось оказать помощь нуждавшимся, изъ которыхъ многіе умирали, а подавляющее большинство терпѣло крайнюю нужду въ насущномъ кускѣ хлѣба. Въ февралѣ 1822 г. войсковая канцелярія командировала есаула Звягинцева для закупки провіанта для переселенцевъ. На эти нужды ему переслано было въ Кавказскую губ. въ два пріема 60 тыс. рубл., на которые онъ купилъ 1000 четвертей ржаной муки и 200 четвертей пшена.

Затѣмъ, по распоряженію Вельяминова, эта часть переселенческаго дѣла возложена была на комитетъ по водворенію переселенцевъ. Самый комитетъ образованъ былъ изъ непремѣннаго чле-

на войсковой канцеляріи, трехъ ассесоровъ, секретаря, четырехъ чиновниковъ особыхъ порученій и состоялъ подъ предсѣдательствомъ войскового атамана. Этимъ путемъ Вельяминовъ хотѣлъ облегчить дѣятельность войсковой канцеляріи, заваленной письменными работами; но, въ сущности, отъ этого дѣло мало мѣнялось—въ комитетѣ были тѣ-же лица, которыя состояли и въ войсковой канцеляріи и, также, какъ канцелярія, онъ былъ мало самостоятеленъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, часто очень мелочныхъ, зависѣлъ и отъ Ермолова, и отъ Вельяминова, и отъ Власова.

Положеніе переселенцевъ мало улучшалось. Объѣзжая Черноморію ген. Власовъ констатировалъ уже голодъ между переселенцами. По его словамъ, переселенцы „болѣли, измѣнили цвѣтъ лица, выглядѣли отощавшими и нуждались, главнымъ образомъ, въ пищѣ, потому что многимъ нечего было ѣсть". Комитетъ по водворенію переселенцевъ просилъ поэтому войсковую канцелярію доставить въ Кущевку 500 четвертей хлѣба и еще въ какое либо центральное мѣсто 300 четвертей. Такая помощь переселенцамъ была оказана и въ другихъ мѣстахъ.

Такъ велось дѣло и въ слѣдующіе годы. Въ 1824 г. было зарегистровано, по порученію ген. Власова, 102 бѣднѣйшихъ переселенческихъ семействъ, которыя, въ силу крайней нужды, продали послѣднихъ быковъ или лошадь и прибыли въ войско на чужихъ подводахъ или пѣшкомъ. Кромѣ того, записано было 55 вдовъ съ малолѣтними дѣтьми и 345 сиротъ, скитавшихся по чужимъ людямъ. Такъ какъ къ 6 мая 1824 г. въ распоряженіи Власова было 114 шт. рогатаго скота, 515 овецъ, 11846 руб. пожертвованій деньгами и 544 четверти хлѣба, то генералъ просилъ у Ермолова разрѣшенія улучшить на эти средства положеніе бѣдныхъ переселенцевъ.

Въ статистическихъ матеріалахъ казачьяго архива сохранились очень яркія указанія на то тяжелое положеніе, которое пережили переселенцы въ теченіи 4 лѣтъ. По вѣдомости на 1 января 1825 значилось, что съ 1821 г. по 1824 г. включительно переселенцевъ должно было прибыть въ Черноморію 55659 д. обоего пола, что за это время родилось въ пути и въ Черноморіи 13376 д. и что за то же время умерло въ пути 3355 д. и въ Черноморіи 13913, а всего 17268 д. Слѣдовательно, во все это время умирало больше, чѣмъ рождалось, и въ Черноморіи въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ пути. Судя по приведеннымъ цифрамъ, въ пути переселенцевъ умирало свыше одной тысячи въ годъ, а въ Черноморіи до четырехъ тысячъ въ годъ. Это объясняется тѣмъ, что изнуренные въ пути переселенцы, во первыхъ, попали на новыя мѣста и въ непривычную обстановку, а во вторыхъ, не нашли здѣсь достаточной поддержки, нуждаясь во всемъ.

Въ 1826 г. были окончательно ликвидированы переселенческія дѣла. Въ январѣ этого года истекъ трехлѣтній льготный срокъ переселенцевъ и они должны были нести военную службу на кордонной

линіи и въ строю. Но Власовъ распорядился, чтобы переселенцы, обзаведшіеся хозяйствомъ, назначались на одну внутреннюю службу и ни въ коемъ случаѣ не на кордонную и въ отрядъ для военныхъ дѣйствій. Этимъ путемъ имѣлось въ виду поддержать хозяйство новоселовъ. Сироты были избавлены отъ всякихъ повинностей и малолѣтнія изъ нихъ отдавались на воспитаніе опекунамъ, на что ассигновано было 6000 руб. Къ этому времени переселенцами было построено и куплено 6263 дома и, кромѣ того, 411 домовъ въ мѣстахъ, гдѣ поселеніе не было разрѣшено переселенцамъ. Всего, слѣдовательно, обзавелось хозяйствомъ 6674 семьи, а 2011 семействъ не смогли построить или купить домовъ. Это были или одиночки, или осиротѣвшія семьи.

По мнѣнію ген. Власова, въ это время слѣдовало уже упразднить комитетъ по водворенію переселенцевъ, передать въ войсковую канцелярію всѣ его дѣла, сельскіе лазареты также закрыть, предоставивъ всѣмъ лѣчиться у окружныхъ врачей, а оставшійся неизрасходованнымъ хлѣбъ передать въ войсковые магазины; деньги же, въ суммѣ 10701 р. 31 к. зачислить въ средства приказа общественнаго призрѣнія. Власову, однако, не пришлось окончить переселенческія дѣла. Онъ былъ устраненъ отъ должности и его замѣститель ген. Сысоевъ закрылъ 25 сентября 1826 г. комитетъ по водворенію переселенцевъ, согласно распоряженію Ермолова.

Съ закрытіемъ переселенческаго комитета начались внутренніе процессы перераспредѣленія населенія и поселочныхъ формъ. И на этотъ разъ, какъ при первомъ массовомъ переселеніи малороссійскихъ казаковъ въ Черноморію, переселенцы замѣтно повліяли на половой составъ казачьяго населенія, хотя и не въ такой степени, какъ въ 1809—1811 годахъ. До переселенія, по спискамъ за 1821 г., числилось 37070 д. м. населенія и 27053 д. женскаго, т. е. первыя составляли 58%, а вторыя—42%. Съ водвореніемъ переселенцевъ, количество мужскаго пола повысилось до 62717 д., а женскаго до 49818 д., т. е. первыя составляли 53%, а вторыя—47%. Другими словами, съ водвореніемъ переселенцевъ относительное количество женскаго пола увеличилось на 5%.

Обстоятельство, которому придавали особое значеніе, какъ войсковая администрація, такъ и само населеніе. Тѣ и другія одинаково заботились объ увеличеніи женскаго пола въ войскѣ, путемъ привлеченія женщинъ со стороны. По прежнему продолжалось насажденіе „семейственнаго бытія" между черноморцами, въ средѣ которыхъ было достаточно еще бурлаковъ, одиночекъ. Даже высшіе петербургскіе чиновники заботились о томъ, чтобы на мѣстахъ выселеній предпочтеніе отдавалось тѣмъ семействамъ, въ которыхъ было „болѣе дѣвокъ и бабъ". Мѣстное начальство также энергично оберегало женщинъ, попавшихъ въ войско.

Очень своеобразныя распоряженія на этотъ счетъ сдѣлалъ генералъ Власовъ. Въ своемъ предписаніи войсковому атаману Матвѣеву отъ 20 февраля 1822 г. онъ, опираясь на сообщеніе смотри-

теля селенія Иркліевскаго, сотеннаго есаула Хмары, о томъ, что „переселенцы не перестаютъ выдавать дочерей своихъ, дѣвокъ и вдовъ въ замужество за границу въ Кавказскую губернію“, распорядился не пропускать никого безъ письменныхъ видовъ въ эту мѣстность. Дѣло въ томъ, что когда Хмара обратился къ переселенцамъ съ предложеніемъ не выдавать замужъ женщинъ „заграницу“, то переселенцы категорически заявили, что они это дѣлаютъ и будутъ дѣлать, т. к. голодаютъ безъ хлѣба, а, отдавая дочерей въ замужество въ Кавказскую губернію, они получаютъ оттуда взамѣнъ хлѣбъ, поэтому, ночью они сами будутъ вывозить дочерей въ Кавказскую губ.

Тогда то именно Власовъ и распорядился „не пропускать за границу безъ письменныхъ видовъ“, а войсковая администрація наряжала команды и патрули, которымъ поручено было не пропускать ночью никого по границѣ Черноморіи изъ нынѣшней Ставропольской губерніи.

Въ другомъ случаѣ изъ за „старожилой“ дѣвицы чуть не разыгралась цѣлая драма. Въ 1824 году поручикъ Навагинскаго полка Потаповъ, бывшій съ солдатами на постоѣ, въ ст. Пластуновской, сманилъ здѣсь дѣвицу, съ которой и началъ жить. Такъ какъ рота Потапова должна была уйти изъ Черноморіи, то смотритель селенія, войсковой старшина Похитоновъ, приказалъ взять у офицера „старожилую дѣвицу“ и водворить ее на мѣстожительство ея. Но Потаповъ заявилъ, что этого онъ не допуститъ и скорѣе самъ себя лишитъ жизни, а дѣвицу отдастъ только мертвую. Объ этомъ было сообщено командиру Навагинскаго полка и войсковому атаману Матвѣеву, но энергичный поручикъ и „старожилая дѣвица“ отстояли свое право на совмѣстное жительство.

Бѣжавшихъ изъ войска женщинъ власти также тщательно возвращали назадъ. Въ іюнѣ 1826 г., по распоряженію малороссійскаго военнаго губернатора, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, казачка Анна Косинцова съ малолѣтнимъ сыномъ, „возвратившись съ пути переселенія“, была препровождена въ Черноморію „за надлежащимъ карауломъ и наблюденіемъ, дабы съ пути или ночлега побѣга учинитъ не могла“.

Впрочемъ, случаи этого рода были единичны и носили исключительный характеръ. Уменьшился также притокъ въ войско одиночекъ и мелкихъ партій. Временами производились зачисленія въ казаки иногороднихъ, жившихъ въ Черноморіи. Случаи же зачисленія пришлыхъ лицъ въ войско были рѣдки. Въ 1828 г. сынъ Головатаго рекомендовалъ принять въ войско поручика Зряхова, „который упражняется въ сочиненіи книгъ, а люди бѣглаго ума намъ нужны“. Самъ Зряховъ, вмѣстѣ съ прошеніемъ, послалъ наказному атаману витіеватое письмо и приложилъ „слабое произведеніе своего пера—Амалія или Хижина среди горъ“, книгу въ четырехъ частяхъ. Другихъ случаевъ зачисленія въ войско, даже въ этомъ родѣ, не встрѣчается въ матеріалахъ.

Но, какъ и при первомъ массовомъ переселеніи, въ самомъ войскѣ происходили перемѣщенія поселеній и хуторовъ. Въ августѣ 1826 г. войсковая канцелярія распорядилась, чтобы жители поселка Фонталовскаго были переселены въ курень Ахтанизовскій „для удобства исчисленія и гражданской службы", такъ какъ они имѣли только 11 землянокъ и небольшое количество скота и, значить, могли переселиться на новое мѣсто, не нанося ущерба хозяйству.

Въ мартѣ 1829 г. генералъ Еммануель распорядился, чтобы для переселенія куреней Ольгинскаго, Александровскаго и Чернопротоцкаго были избраны другія мѣста. Вслѣдствіе этого войсковая канцелярія постановила размѣстить жителей Ольгинскаго куреня по куренямъ Ивановскому, Полтавскому и Старонижестебліевскому, жителей Новоалександровскаго куреня разселить по куренямъ Пашковскому и Старокорсунскому, а жителямъ Петровскаго или Черносриковскаго поселка предоставить поселиться вблизи на избранномъ ими мѣстѣ—въ урочищѣ Королишино Кишло.

Ольгинскій курень былъ основанъ въ 1823 г. казаками выходцами изъ разныхъ куреней, осѣвшими вблизи Ольгинскаго поста. Всѣ три предназначенныя къ снесенію селенія образовались самовольно и не принадлежали къ числу крупныхъ, фундаментально устроенныхъ. Впрочемъ жители поселка Ольгинскаго нашли для себя неудобнымъ и невыгоднымъ разселеніе ихъ по поселкамъ по тремъ различнымъ куренямъ. Они просили или дать имъ новое мѣсто подъ курень или, же переселить ихъ въ другой курень цѣлымъ обществомъ, а не частями, такъ какъ они всѣмъ обществомъ обзавелись церковными предметами для молитвеннаго дома или храма, имѣли общій хлѣбозапасный магазинъ, двѣ тройки для почты, двѣ лошади для летучекъ и двѣ пары куренныхъ воловъ.

Болѣе значительныя измѣненія въ селеніяхъ произведены были въ февралѣ 1828 г., влѣдствіе распоряженія, въ силу котораго изъ двухъ смежныхъ куреней было образовано по одному, а именно: изъ Динского и Пластуновскаго куреней образованъ одинъ Пластуновскій, изъ Сергіевскаго и Платнировскаго—Платнировскій, изъ Леушковскаго и Крыловскаго—Леушковскій, изъ Дядьковскаго и Кореновскаго—Кореновскій, изъ Березанскаго и Батуринскаго—Березанскій; другія-же званія куреней—Динской, Сергіевскій, Крыловскій, Дядьковскій и Батуринскій остались за существовавшими уже селеніями. Тогда-же были даны и званія вновь образованнымъ селеніямъ изъ переселенцевъ 1821—1825 г., а именно: Петровское, и Павловское и пяти селеніямъ по именамъ смежныхъ куреній—Нововеличковское, Новолеушковское, Новоминское, Нprovidedеревянковское и Новощербиновское.

Вопросъ о новомъ заселеніи Черноморіи возникъ, при новомъ командующемъ кавказскимъ корпусомъ—графѣ Паскевичѣ. Разсматривая проэктъ объ улучшеніи Черноморскаго войска, въ военномъ отношеніи, составленный особымъ комитетомъ, Паскевичъ высказалъ

слѣдующія соображенія по этому поводу. Изъ личнаго знакомства съ краемъ онъ вынесъ крайне тяжелыя впечатлѣнія. „Поля, говоритъ въ своемъ отношеніи военному министру гр. Паскевичъ, лежатъ необработаны, въ домахъ остались однѣ жены и дѣти, казаки безъ лошадей, безъ порядочнаго оружія и почти безъ одежды и безъ хлѣба, словомъ, бѣдность въ высочайшей степени. Я видѣлъ, что Черноморіе день ото дня истаиваетъ; народонаселеніе, вмѣсто умноженія, уменьшается въ пропорціи ужасной“. Одной изъ основныхъ причинъ такого положенія Черноморскаго казачьяго войска Паскевичъ считалъ „несоразмѣрность отправляемой войскомъ службы съ народонаселеніемъ и способами Черноморіи“. Намѣтивши рядъ измѣненій въ военной организаціи войска, Паскевичъ считалъ существенно необходимымъ „пересилить въ Черноморію еще достаточное число народа, не менѣе 25 тыс. душъ мужскаго пола, а до того времени никуда не командировать полковъ изъ войска, кромѣ охраненія границъ и экспедицій за Кубанью“.

Осуществленіе новаго массоваго переселенія малороссійскихъ казаковъ въ Черноморію встрѣтило, однако, серьезныя затрудненія. Въ 1831 году былъ неурожай; 1833 годъ былъ „чернымъ“, голоднымъ годомъ въ Черноморіи, какъ и вообще въ Россіи. Около того же времени свирѣпствовала холера. Затѣмъ вспыхнуло возстаніе въ Польшѣ, куда была отвлечена часть Черноморскаго войска и самъ графъ Паскевичъ. И только въ 1848 году было осуществлено третье и послѣднее массовое переселеніе въ Черноморію.

Въ это время главнокомандующимъ на Кавказѣ былъ сначала графъ, а потомъ князь М. С. Воронцовъ. Военный министръ извѣстилъ Воронцова, что проэктъ Паскевича о переселеніи въ Черноморію 25 тысячъ малороссійскихъ казаковъ получилъ движеніе. Государь Императоръ 24 января 1848 года приказалъ:

Направить на Кавказъ изъ Молороссіи 2000 семействъ охотниковъ, пожелавшихъ переселиться въ Черноморское войско, и распредѣлить ихъ въ Черноморіи по усмотрѣнію главнокомандующаго.

Поручить веденіе переселенія съ мѣста родины до предѣловъ Ставропольской губ. министру государственныхъ имуществъ, а въ предѣлахъ Кубанской обл. комадующему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи.

Самое переселеніе разсчитать такимъ образомъ, чтобы переселенцы прибыли на мѣста до жатвы яроваго хлѣба и успѣли сдѣлать продовольственные запасы на зиму.

По примѣру кавказскихъ переселенцевъ, черноморскимъ предоставить: а) денежное путевое пособіе для найма проводниковъ, подводъ и для продовольствія въ пути; б) то количество хлѣба, какое причиталось имъ на мѣстѣ въ запасныхъ сельскихъ магазинахъ; в) сложеніе всѣхъ личныхъ недоимокъ по податямъ, сельскимъ повинностямъ и хлѣбному сбору; г) трехгодичную льготу отъ всѣхъ

повинностей и службы, кромѣ защиты своихъ станицъ, д) и поземельное довольствіе наравнѣ съ казаками. Самымъ бѣднѣйшимъ изъ нихъ, кромѣ того, приказано было выдать на первый годъ необходимое для продовольствія количество хлѣба изъ станичныхъ запасныхъ магазиновъ, съ условіемъ возврата ссуды впослѣдствіи.

Всѣ издержки на путевое передвиженіе переселенцевъ и на водвореніе ихъ на мѣстахъ отнести на счетъ войсковыхъ суммъ, но, чтобы не тормозить дѣла, взять предварительно эти средства изъ министерства государственныхъ имуществъ и возвратить ихъ потомъ въ казну изъ войсковыхъ источниковъ, когда окончено будетъ переселеніе.

Для пріема и водворенія переселенцевъ на мѣстѣ образованы были временные комитеты—главный въ г. Екатеринодарѣ, подъ предсѣдательствомъ исполнявшаго должность наказнаго атамана г.-м. Рашпиля, изъ трехъ членовъ и письмоводителя, и два окружные комитета—Таманскій и Ейскій изъ окружныхъ судей и сыскныхъ начальниковъ, подъ предсѣдательствомъ подполковниковъ Могукорова и Кухаренко. Мѣстопребываніе Таманскаго комитета было назначено въ станицѣ Полтавской, а Ейскаго—въ Уманской.

Прежде, чѣмъ явились на мѣста переселенцы, они были распредѣлены по 14 старымъ куренямъ и двумъ новымъ станицамъ. Семь куреней—Таманскій, Вышестебліевскій, Старотитаровскій, Ахтанизовскій, Темрюкскій, Марьинскій и Елисаветинскій, находились въ Таманскомъ округѣ и семь—Крыловскій, Уманскій, Павловскій, Кущевскій, Новолеушковскій, Калниболотскій и Екатериновскій, въ Ейскомъ округѣ. Въ первую группу куреней назначено было 750 семействъ съ 2252 д. м. п., а во вторую—850, съ 2550 д. м. п. Новыя поселенія были основаны на двухъ косахъ Азовскаго моря—Долгой и Камышеватской, и эти станицы названы были по именамъ косъ. Здѣсь до того времени находились уже поселки, изъ которыхъ одинъ—Должанскій, былъ основанъ выходцами изъ куреня Щербиновскаго и Деревянковскаго. Въ Должанскую и Камышеватскую станицы назначено было 400 семействъ съ 1200 д. м. п.

Окружнымъ комитетамъ въ руководство даны были особыя инструкціи, по которымъ возложено было на нихъ: 1) отводъ плановыхъ мѣстъ въ станицахъ и наблюденіе за постройками, 2) пріемъ и повѣрка переселенцевъ и ихъ имущества, а также отправленіе въ назначенныя мѣста, 3) подробное и точное ознакомленіе съ положеніемъ нуждающихся семействъ, 4) составленіе списковъ этихъ семействъ, 5) принятіе мѣръ по охранѣ здоровья переселенцевъ и 6) наблюденіе за тѣмъ, чтобы переселенцы въ теченіе льготныхъ трехъ лѣтъ, непремѣнно устроили дома и обзавелись хозяйствомъ. На комитеты-же возложена была вся переписка и денежная отчетность.

Сборнымъ пунктомъ для пріема переселенцевъ была станица Старощербиновская. Главный комитетъ по водворенію переселенцевъ

открылъ свои дѣйствія въ Екатеринодарѣ 17 іюня, а первая партія переселенцевъ, въ числѣ 35 семействъ, прибыла изъ Харьковской губ. въ станицу Старощербиновскую 14 іюня 1848 г.

На бѣду переселенцевъ въ Черноморіи въ это время началась холера. Уже 19 іюня полковникъ Могукоровъ донесъ, что въ станицѣ Полтавской заболѣло холерой 18 числа 5 переселенцевъ и того-же дня умерли, а 27 іюня отъ холеры умерло еще въ Тамани 10 переселенцевъ. Между тѣмъ, комитеты, за отсутствіемъ медицинскаго персонала, не могли оказать помощи заболѣвающимъ холерой переселенцамъ. Холера, начавшаяся въ краѣ 1 іюня, еще до прихода первой партіи переселенцевъ, быстро распространилась сначала въ станицахъ Екатериновской, Кущевской и Кисляковской, а отсюда перешла во всѣ остальныя станицы Ейскаго отдѣла; затѣмъ перенесена была въ станицы Екатеринодарскаго округа и по всей Черноморіи.

Для огражденія переселенцевъ отъ холеры, командующій войсками на Сѣверномъ Кавказѣ г.-л. Заводовскій распорядился, чтобы переселенцы были направлены на мѣста окольными, отдаленными отъ станицъ, путями и дѣлали остановки на возвышенныхъ мѣстахъ, довольствовались только доброкачественными водами, не заходили въ селенія и станицы, снабжены были достаточнымъ медицинскимъ персоналомъ и, при сильномъ развитіи эпидеміи, останавливаемы были на мѣстахъ впредь до прекращенія болѣзни. Нѣкоторыя изъ этихъ распоряженій, однако, не могли быть осуществлены. Не было медицинскаго персонала, нельзя было изолировать переселенцевъ отъ сообщеній съ жилыми мѣстами. Обыкновенно комитеты, для сношенія съ населенными пунктами, назначали по 10 человѣкъ изъ партіи, но такъ какъ всѣ переселенцы нуждались въ заработкѣ и продовольственныхъ средствахъ, то понятно что и другихъ нельзя было удержать отъ посѣщеній селеній. И холера дѣлала свое дѣло.

Переселенія велись въ теченіи двухъ лѣтъ. Въ 1848 г. въ Черноморію прибыло изъ Харьковской губ. 189 семействъ, въ количествѣ 736 д. м. п. и 620 д. ж. п., Изъ Черниговской—830 семействъ съ 3648 д. м. п. и 3015 жен. п., изъ Полтавской—591 семейство съ 2162 д. м. п. и 1828 ж. п., а всего, слѣдовательно, въ этомъ году прибыло 1610 семействъ съ 6546 д. м. п. и 5463 д. ж. п. Остальные переселенцы—270 семействъ, въ количествѣ 1221 д. м. п. 997 д. ж. п., явились въ Черноморію въ 1849 г. Фактически-же, судя по статистической вѣдомости о народонаселеніи, въ Черноморіи осѣло 1980 семействъ и 5030 д. м. п. Разница въ количествѣ семействъ по первымъ и вторымъ даннымъ зависѣло отъ того, что во второмъ случаѣ вошли хозяйства старожителей по станицамъ Должанской и Камышеватской, а разница въ 1516 д. мужскаго населенія объясняется смертностью отъ холеры.

Нужно полагать, что сложеніе платежей и недоимокъ съ переселенцевъ на старыхъ мѣстахъ способствовало выселенію бѣднѣй-

шихъ жителей, въ чемъ была заинтересована мѣстная администрація, имѣвшая возможность сразу отдѣлаться отъ безнадежныхъ недоимщиковъ. На самомъ дѣлѣ, многіе изъ переселенцевъ были до того бѣдны, что имъ не на что было подняться и двинуться въ Черноморію,—не было ни скота, ни средствъ для покупки его. Для такихъ бѣдняковъ, по распоряженію мѣстныхъ губернскихъ палатъ, куплено было 859 лошадей и 179 телѣгъ, а израсходованные на это 13526 руб. были возвращены потомъ изъ войсковыхъ средствъ. Все-же переселеніе обошлось войску въ 34839 руб. 69 к., т. е. по 17 р. на семейство.

На новыхъ мѣстахъ переселенцы устраивали дома и заводили хозяйства очень медленно. По вѣдомости за сентябрь 1851 г. изъ общаго числа переселенцевъ купили дома 264 сем., построили сами 1301 сем., начали и строили 293 сем. и совсѣмъ не имѣли домовъ 122 семьи. За это время у переселенцевъ не было и прироста населенія, а убыль равнялась 900 д. По отдѣльнымъ станицамъ смертность была особенно высокая. Такъ, въ станицѣ Ахтанизовской она равнялась 204 д на тысячу, въ станицѣ Елизаветинской 107 д. и въ станицѣ Калниболотской 126 д. Такъ негостепріимно принялъ новый край переселенцевъ.

Но общее движеніе населенія въ краѣ съ каждымъ годомъ входило въ нормальную колею, благодаря массовымъ переселеніямъ въ Черноморію. Съ 1825 по 1850 годъ сохранились метрическія данныя, извлеченныя изъ архива П. П. Короленко. По этимъ даннымъ видно, что убыль населенія въ Черноморіи была въ 1831 г., когда число умершихъ превысило число родившихся на 78%, въ 1848 г.—на 35,5% и въ 1849 г.—на 5,6%, но это были холерные годы, годы эпидемій. Затѣмъ въ 1826, 1828, 1829 и 1830 годахъ была убыль населенія въ одномъ мужскомъ полѣ, на ряду съ приростомъ населенія женскаго пола. Въ остальныя же 18 лѣтъ количествомъ рождающихся превышалось количество умершихъ. Четыре года дали превышеніе свыше 50%—въ 1845 году 59,9%, въ 1837 г. 54,8%, въ 1846 г. 53,5% и въ 1839 г. 50%. Наибольшее превышеніе родившихся надъ умершими въ мужскомъ полѣ (отъ 49,5 до 64,4%) было въ 1844, 1845 и 1846 годахъ, а въ женскомъ полѣ (отъ 50,7 до 68,8%), въ 1835, 1836, 1837, 1838, 1839, 1843, 1845 и 1846 годахъ. Все это показываетъ, что благодаря только массовымъ переселеніямъ, въ движеніи черноморскаго народонаселенія начали болѣе или менѣе правильно слагаться естественныя условія прироста.

Послѣдующее заселеніе края сводилось главнымъ образомъ къ внутреннему перераспредѣленію населенія. Случаи пріема новыхъ членовъ въ войско были незначительны и имѣли мѣсто въ отдѣльныхъ станицахъ. Но въ это время были произведены двѣ колонизаціонныя мѣры, направленныя на подъемъ торговли и хозяйственныхъ улучшеній въ краѣ. Въ 1849 году былъ основанъ портовый

гордъ Ейскъ. Виновникъ возникновенія его, графъ Воронцовъ, имѣлъ въ виду дать войску мѣсто для морскихъ торговыхъ сношеній. Засельщикамъ города были даны широкія права и преимущества. Селиться въ новомъ городѣ могъ всякій, кто имѣлъ желаніе, и, на ряду съ полноправными гражданами, въ горожане допущены были всевозможные элементы, въ томъ числѣ даже бѣглецы. Кто являлся въ Ейскъ, тотъ и становился его гражданиномъ.

Другою важною въ экономическомъ отношеніи мѣрою, осуществленною Воронцовымъ, было привлеченіе въ край нѣмцевъ, какъ представителей культуры. Въ 17 верстахъ отъ г. Ейска, 20 марта 1852 года, была основана колонія Михельсталь выходцами изъ Германіи. Нѣмцы надѣлены были 30 дес. земли на семейство и освобождены отъ воинской и др. повинностей. Къ 1 января 1859 года въ колоніи было уже 118 д. м. п. 117 д. ж. пола, которыя имѣли 31 домъ, 2 землянки, 208 лошадей, 310 шт. рогатаго скота и 1700 овецъ.

Въ 1855 году наказный атаманъ Филипсонъ приказалъ временно переселить поселокъ Ольгинскій въ станицу Новомышастовскую на квартиры. Поселокъ этотъ образовался рядомъ съ бывшимъ Ольгинскимъ постомъ. Съ уничтоженіемъ поста, поселокъ остался безъ защиты. Для охраны его приходилось высылать команды, держать секреты и караулы, что обременяло казаковъ. Поэтому, Филипсонъ и распорядился о временномъ выселеніи поселка, съ предоставленіемъ его жителямъ права избрать потомъ мѣстожительство, гдѣ они пожелаютъ.

Въ сущности поселокъ этотъ представлялъ своего рода случайное селеніе. Изъ списка его жителей видно, что въ немъ было всего 11 семействъ, что въ числѣ ихъ было только три мужчины-хозяева, а остальные 8 дворовъ принадлежали одинъ вдовѣ штабсъ-капитана, два вдовамъ рядовыхъ и 5 женамъ рядовыхъ солдатъ. Эти вдовы и жены рядовыхъ солдатъ съ неохотою оставляли свое мѣстожительство. Новомышастовскій станичный атаманъ донесъ 29 ноября 1855 года Филипсону, что подводы для перевозки жителей Ольгинскаго поселка посылались нѣсколько разъ, но жители перевозили на нихъ свои вещи, дрова и пр., а сами оставались въ поселкѣ, „такъ что люди эти, прибавляетъ атаманъ, почти насильно переселены въ станицу“. Причины такого пассивнаго сопротивленія ольгинцевъ скоро выяснились: какъ иногороднимъ жителямъ, имъ запрещено было вновь возводить дома и строенія, а предоставлялось лишь право проживательства въ войскѣ въ положеніи находившихся на заработкахъ лицъ; въ Ольгинскомъ же поселкѣ они были полными хозяевами.

Въ 1858 году 40 семей саратовскихъ нѣмцевъ изъявили желаніе поселиться особою колоніею возлѣ Темрюка; но командующій войсками праваго крыла Кавказской линіи г.-л. Филипсонъ, находя невозможнымъ отдавать нѣмцамъ земли, принадлежавшія Черно-

морскому войску, позволилъ имъ поселиться въ Темрюкѣ, отчего нѣмцы отказались. Казаки вообще не желали поступаться своими землями въ пользу переселенцевъ, не пополнявшихъ ихъ ряды и не несшихъ наравнѣ съ ними военной службы. Была даже попытка выдворить нѣмцевъ, поселенныхъ двумя колоніями возлѣ Ейска, въ виду того соображенія, что нѣмцы заняли жалованныя казачьи земли и что сами казаки начали ощущать нужду въ свободныхъ земляхъ; но намѣстникъ Кавказа князь Барятинскій утвердилъ положеніе объ управленіи колоніями Михельсталь и Александровской въ 1858 году, „въ видѣ опыта на два года", и колоніи остались потомъ на всегда въ войскѣ.

Такой характеръ носила колонизація Черноморіи въ тотъ періодъ времени, въ теченіе котораго Черноморія существовала, какъ совершенно самостоятельная провинція. Чтобы закончить историческій обзоръ этого рода явленій, остается въ заключеніе остановиться нѣсколько на статистическихъ данныхъ о составѣ и движеніи населенія послѣ того, какъ оно пополнено было въ послѣдній разъ въ 1848 году выходцами изъ Малороссіи.

За послѣдніе десять лѣтъ, съ 1851 по 1860 годъ, населеніе замѣтно увеличилось на счетъ своего естественнаго прироста. Притокъ населенія въ войско извнѣ былъ слабъ, но естественный приростъ шелъ непрерывно изъ года въ годъ, за исключеніемъ 1855 года, когда населеніе уменьшилось на 144 души, что составляло 0,09%. Но это былъ годъ Крымской войны, исключительный по своимъ тяжелымъ условіямъ. Въ 1851 году было 153.444 д. войсковаго населенія, а въ 1860 году 177.424 д. об. пола. Слѣдовательно за 10 лѣтъ населеніе увеличилось на 23,980 душъ или на 15,6% и средній годичный приростъ населенія былъ около $1^1/_2$%. По отдѣльнымъ годамъ этотъ процентъ колебался. Наименьшій +0,7% былъ въ 1856 году, т. е. послѣ года убыли населенія, и наибольшій—+2,5%, въ 1860 году. Впрочемъ, цифры эти обоснованы на метрическихъ записяхъ о родившихся и умершихъ. Въ записи объ умершихъ могли не войти и навѣрное не вошли данныя объ убыли населенія во время военныхъ дѣйствій на кордонной линіи за Кубанью, и особенно внѣ войска. Съ введеніемъ поправки по этимъ даннымъ процентъ прироста населенія навѣрное оказался бы ниже

Въ теченіе того же десятилѣтія замѣтно измѣнилось и количественное соотношеніе между полами. Въ 1851 года мужской полъ въ общей массѣ населенія составлялъ $53^1/_2$%, а женскій $46^1/_2$%; въ 1860 году мужскаго пола было 50,9%, а женскаго 49,1%, т. е., по численности оба пола почти сравнялись, и количественное соотношеніе между ними стало нормальнымъ. Потребовалось со времени занятія Черноморіи казаками цѣлыхъ 68 лѣтъ для того, чтобы осуществленъ былъ идеалъ черноморцевъ—„насажденіе семейственнаго бытія".

Глава III.

УПРАВЛЕНІЕ и САМОУПРАВЛЕНІЕ.

Императоръ Павелъ 22 декабря 1799 г. подписалъ слѣдующій рескриптъ на имя Бурсака:

„Господинъ подполковникъ Бурсакъ! получивъ увольненіе отъ службы генералъ-маіора Котляревскаго, назначаю я васъ на мѣсто его быть атаманомъ войска Черноморскихъ казаковъ, въ каковую должность повелѣваю вамъ вступить“.

Бурсакъ былъ вторымъ атаманомъ, назначеннымъ Высочайшею властью, а не по выбору отъ войска. Преданіе гласитъ, что предшественникъ Бурсака одряхлѣвшій Котляревскій, уходя на покой, колебался, кого изъ трехъ намѣченныхъ имъ старшинъ оставить своимъ замѣстителемъ по войску, какъ желалъ того Императоръ Павелъ. Что бы выдти изъ затрудненія, Котляревскій написалъ на бумажкѣ фамиліи трехъ кандидатовъ въ атаманы и, зажмуривъ глаза, черкнулъ перомъ по написанному. Незачеркнутымъ остался Бурсакъ и старый атаманъ представилъ его на утвержденіе Государю. Но Федоръ Яковлевичъ Бурсакъ былъ не случайнымъ въ войскѣ лицомъ. Это былъ запорожецъ, знавшій лучшія времена сичеваго казачества, пережившій разрушеніе Запорожскаго коша и участвовавшій въ возникновеніи войска, названнаго Черноморскимъ.

Въ какомъ году родился Бурсакъ, неизвѣстно, но фамилія его происходитъ отъ слова бурса, означающаго названіе духовнаго заведенія. Полагаютъ, что Бурсакъ былъ сыномъ священника и попалъ изъ бурсы въ Сичь. Въ послѣднюю онъ поступилъ въ 1764 г., пробылъ въ ней до ея разрушенія въ 1775 г. и сталъ въ ряды черноморцевъ испытаннымъ уже запорожцемъ. Военную службу началъ Бурсакъ въ Запорожьѣ. Съ 1769 по 1774 г. онъ участвовалъ въ дѣлахъ запорожцевъ подъ Очаковомъ, Гаджибеемъ и при усмиреніи запорожцами взбунтовавшихся татаръ. Въ составѣ Черноморскаго войска Бурсакъ провелъ всю войну Россіи съ Турціей, сражаясь въ 1788 г. при Аджиголѣ и Очаковѣ, въ 1789 г.—при Каушанахъ, Аккерманѣ и Бендерахъ, въ 1790 г.—подъ Киліей и при штурмѣ Измаила и въ 1791 г.—при Бабадагѣ и Мачинѣ.

Такимъ образомъ, новый атаманъ прошелъ довольно серьезную военную школу. Повидимому самъ Котляревскій смотрѣлъ на Бурсака, какъ на отличнаго боевого офицера, способнаго положить конецъ дерзкимъ набѣгамъ горцевъ на Черноморію.

Съ назначеніемъ Бурсака атаманомъ начались серьезныя дѣла съ горцами. До Бурсака не было еще войны у черноморцевъ съ черкесами. Бурсакъ первымъ сталъ ходить съ отрядомъ въ горы и

Г.-м. Федоръ Яковлевичъ Бурсакъ,
Войсковой Атаманъ Черноморскаго казачьяго войска
съ 1799 по 1816 годъ

громить черкесовъ въ ихъ аулахъ. Въ то время русское правительство, придерживаясь мирной политики съ горцами, строго приказало казакамъ не переходить Кубани для преслѣдованія разбойничавшихъ горцевъ. Благодаря этому, горцы безнаказанно совершали набѣги на Черноморію, а казачьи войска были связаны по рукамъ и ногамъ запрещеніемъ преслѣдованія ихъ за Кубанью. Къ тому же, Котляревскій, не принимая лично никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, какъ бы открывалъ горцамъ двери въ Черноморію. Нуженъ былъ энергичный и опытный военный начальникъ. Имъ былъ Бурсакъ.

Съ первыхъ же шаговъ атаманской дѣятельности Бурсакъ сталъ домогаться разрѣшенія походовъ къ черкесамъ съ карательными цѣлями. Когда правительствомъ дано было войску это право, Бурсакъ предпринялъ рядъ походовъ за Кубань въ 1800, 1802, 1807, 1809, 1810 и 1811 г.г. Въ разное время казаки, подъ личнымъ начальствомъ Бурсака, побывали въ земляхъ бжедуховъ, натухайцевъ, шапсуговъ и абадзеховъ. Каждый разъ горцы терпѣли пораженія, а ихъ аулы подвергались уничтоженію, хлѣбъ и сѣно — огню, скотъ—угону, какъ военная добыча. Самъ Бурсакъ произведенъ былъ за эти дѣйствія въ генералъ-маіора въ 1807 г.

Такія наказанія горцевъ, конечно, меньше всего способствовали миру и спокойствію между ними и казаками. Казаки мстили горцамъ за ихъ набѣги, а горцы еще болѣе ожесточались. Бурсакъ своими походами за Кубань разъ на всегда намѣтилъ какъ характеръ войны казаковъ съ горцами, такъ и тѣ отношенія, въ которыя обѣ стороны стали съ тѣхъ поръ другъ къ другу.

Какъ администраторъ, Бурсакъ не заявилъ себя ни чѣмъ, что свидѣтельствовало бы о его творческой дѣятельности въ краѣ, гдѣ населеніе продолжало еще устраиваться. Въ свое время онъ несъ нѣсколько гражданскихъ должностей—былъ войсковымъ казначеемъ, депутатомъ отъ войска при коронаціи Императора Павла, ассесоромъ въ коммиссіи военнаго суда и находился въ командировкѣ въ Петербургъ по дѣламъ войска въ 1796 году. Все это указываетъ, что до своего атаманства, Бурсакъ былъ на счету у войска, какъ исполнительный чиновникъ и дѣйствительно онъ отличался распорядительностью, что отражалось главнымъ образомъ на удачномъ формированіи отрядовъ и вообще на военно-служебной части.

Но—и только. Дѣла земельныя, самоуправленіе куренныхъ общинъ, судебные порядки и т. п. находились внѣ какого-то ни было воздѣйствія на нихъ со стороны атамана. Бурсакъ былъ болѣе склоненъ къ порядкамъ личной патріархальной расправы, какъ это водилось въ Запорожьѣ. Въ архивныхъ документахъ сохранились нѣсколько распоряженій его о наказаніи кіями или палками провинившихся на военной службѣ казаковъ, которымъ грозили, по тогдашнимъ военнымъ законамъ, судовыя наказанія до смертной казни включительно.

Самое крупное мѣропріятіе, осуществленное въ Черноморіи при Бурсакѣ, состояло въ первомъ переселеніи малороссійскихъ казаковъ на Кубань, но оно сложилось какъ-то стихійно и прошло далеко не гладко.

При Бурсакѣ въ 1803 г. было открыто первое въ войскѣ училище для казачьихъ дѣтей. При немъ же возникли войсковые заводы—конскій и овчарный и войсковой суконный заводъ, но все это было дѣломъ высшей администраціи и кромѣ убытковъ, ничего не дало войску.

Такимъ образомъ, Ф. Я. Бурсакъ былъ по преимуществу военнымъ дѣятелемъ въ краѣ. Лишь только онъ почувствовалъ, что лѣта не позволяли ему водить отряды за Кубань противъ горцевъ, какъ сложилъ съ себя атаманскія обязанности, прослуживши въ казачьихъ войскахъ 56 лѣтъ, начиная съ поступленія въ Сичь въ 1764 году и оканчивая 1816 годомъ, когда онъ вышелъ въ отставку.

Какимъ же образомъ слагалось въ это время управленіе у черноморскихъ казаковъ?

Съ 1794 г. войсковое правительство, какъ извѣстно, состояло изъ войскового атамана, судьи и писаря. Черноморія была раздѣлена на 5 округовъ съ окружнымъ управленіемъ, подчиненнымъ войсковому правительству, въ каждомъ. „Однако, все же власть сего правительства говорится въ „Описаніи Черноморскаго войска съ его поселенія и до 1828 года“, не только ни была ограничена, но даже само оно осталось безъ всякаго сравненія съ присутственными мѣстами въ имперіи, поелику ни объ открытіи онаго, ни объ утвержденіи сдѣланнаго въ ономъ распоряженія нѣтъ болѣе, кромѣ Высочайшей грамоты“. Такъ понимали свои права на управленіе и самоуправленіе сами черноморцы, входившіе въ составъ высшаго учрежденія въ войскѣ—войсковой канцеляріи.

Но войсковое правительство существовало при Бурсакѣ только годъ и два мѣсяца. Въ 1800 году умерли 18 февраля генералъ Котляревскій, а 19-го войсковой протопопъ Порохня, старые сподвижники, стоявшіе во главѣ войскового управленія. Бурсаку какъ бы развязаны были руки для новой самостоятельной дѣятельности. И, казалось, Бурсакъ склоненъ былъ поддерживать существующіе порядки управленія войскомъ въ запорожскомъ духѣ. Но грамотою Императора Павла 18 февраля 1801 года была установлена новая форма управленія въ войскѣ. Войсковое правительство было замѣнено войсковою канцеляріей, которая въ свою очередь подраздѣлялась на 6 экспедицій: 1) криминальную, 2) гражданскую и тяжебную, 3) по казеннымъ дѣламъ, 4) межевую, 5) полицейскую и 6) по дѣламъ сыскныхъ начальствъ. При крайней спутанности понятій о дѣлахъ криминальныхъ и тяжебныхъ, полицейскихъ и сыскныхъ и т. п., общая задача, возложенная на войсковую канцелярію, носила неопредѣленный характеръ. Вѣдѣніи канцелярію подлежали

„благоустройство, правосудіе и рѣшеніе всѣхъ дѣлъ“. Но ни границъ между военными и гражданскими дѣлами не было положено, ни даже военной экспедиціи не было учреждено. Тѣмъ не менѣе дѣла военныя должны были направляться въ военную коллегію, а дѣла гражданскія въ правительствующій сенатъ.

Самый составъ правящихъ лицъ былъ измѣненъ. Войсковая канцелярія состояла изъ предсѣдателя—войскового атамана, двухъ членовъ отъ войска и одного „особаго члена“ по назначенію Государя, а для охраненія правосудія опредѣленъ былъ при войскѣ прокуроръ. Являлись, слѣдовательно, два сторонних для войска лица,—особый членъ и прокуроръ, какъ представители центральнаго правительства. Мало того. Черноморское войско по прежнему было подчинено таврическому губернатору и губернскому правленію. Въ общемъ, такимъ образомъ, было нагромождено столько властей и инстанцій, что самое живое дѣло могло быть похоронено въ ворохахъ канцелярскихъ бумагъ, при чемъ между властями и инстанціями неминуемо должны были возникать недоразумѣнія.

Такъ и случилось. Первые же шаги новаго управленія ознаменованы были сильнѣйшею распрею между главнымъ хозяиномъ войска—атаманомъ Бурсакомъ, и особымъ членомъ канцеляріи генераломъ Кираевымъ. На сторонѣ атамана былъ и прокуроръ.

Благодаря неопредѣленности узаконеній, Кираевъ неправильно понялъ свое положеніе въ войскѣ и будучи только особымъ членомъ войсковой канцеляріи, взялъ на себя главную руководящую роль, какъ военный генералъ и представитель отъ высшаго правительства. Почтенный генералъ, задавшись самыми благими намѣреніями, началъ распоряжаться по своему усмотрѣнію.

Въ войскѣ было еще много казаковъ-одиночекъ, „безпріютной сиромы“. По послѣдней переписи, Кираевъ насчиталъ болѣе 10,000 одиночекъ. Цифра несомнѣнно сильно преувеличенная, но одиночекъ было все таки много, а пользы отъ нихъ для куренныхъ обществъ было очень мало. Одиночки не несли никакихъ повинностей. такъ какъ не жили въ куреняхъ, а пропадали „въ забродѣ“, т. е. на рыболовныхъ промыслахъ, и въ отлучкѣ. Генералъ Кираевъ придумалъ двѣ мѣры, которыми можно было помочь горю.

Во первыхъ, онъ пожелалъ дать добрый примѣръ семейнаго счастья безпріютнымъ одиночкамъ. Въ этихъ видахъ генералъ Кираевъ приказалъ, по случаю восшествія на престолъ Александра 1-го, „выбрать отъ одного куреня по одному добраго поведенія здоровому изъ холостыхъ казаку и по одной дѣвкѣ изъ самобѣднѣйшаго или сиротскаго состоянія и женить“. Куреней было 40 и брачныхъ паръ требовалось выбрать 40, а для обзаведенія новоженовъ хозяйствомъ Кираевъ распорядился выдать по 100 рублей на пару изъ 8000 рублей, которые, по словамъ генерала, „могли пропасть беззаконно“, но которые онъ „востребовалъ изъ рукъ извѣстнаго человѣка“. Раскрыто было, очевидно, какое то злоупотребленіе и свое

дѣяніе генералъ пожелалъ закрѣпить добрымъ мѣропріятіемъ. Къ сожалѣнью, дѣйствительность посмѣялась надъ доброжелательными намѣреніями генерала. Многіе новожены, типичные представители запорожской голытьбы, начали и кончили тѣмъ, что, получивши, 100 рублей на обзаведеніе хозяйствомъ, пропили ихъ до копѣйки. И это было еще полъ-горя. Не было хозяйства, но насаждено было „семейственное житіе". Но другіе сиромы пошли дальше. Они оказались плохими мужьями и побросали женъ. Не осталось ни хозяйства, ни семьи, ни добраго примѣра для неженатыхъ одиночекъ.

Такъ какъ, благодаря отсутствію тѣхъ же одиночекъ, на курени ложились тяжелымъ бременемъ натуральныя повинности и важнѣйшая изъ нихъ поставка куренями правіанта на кордонную линію служащимъ казакамъ; то, чтобы облегчить тяжелое положеніе наличнаго куреннаго населенія, генералъ Кираевъ распорядился прекратить совсѣмъ поставку хлѣба на кордонную линію куренями, а покупать и поставлять служащимъ казакамъ провіантъ на счетъ войсковыхъ средствъ. Мѣра безусловно разумная и справедливая, но, къ сожалѣнію, не зависѣвшая отъ власти Кираева.

Въ тѣхъ же видахъ ослабленія тяжелыхъ повинностей куреннаго населенія, Кираевъ нашелъ необходимымъ привлечъ къ несенію этихъ повинностей часть казачьей старшины. По учету генерала, 600 казачьихъ старшинъ получали жалованье, но не служили на линіи, а сидѣли дома и, притомъ, на лучшихъ земляхъ. На этихъ чиновниковъ Кираевъ предложилъ возложить обязанность поставки по 15 лошадей на каждую почтовую станцію и содержанія ихъ на свой счетъ. Мѣра опять таки справедливая, но не зависѣвшая отъ воли одного Кираева.

Наконецъ, Кираевъ потребовалъ, чтобы куренные атаманы, бывшіе при своихъ войсковыхъ частяхъ, были распущены по домамъ, въ видахъ поддержки хозяйства и получали бы вмѣсто 40 только 20 рублей жалованья, но занимались бы мѣстными дѣлами и нуждами въ куреняхъ.

Все это, конечно, свидѣтельствовало о томъ, что генералъ Кираевъ принималъ близко къ сердцу интересы войска и рядового казачества. И пока генералъ стоялъ на этой почвѣ, за нимъ чувствовалась сила. Но съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности Кираевъ поставилъ себя по отношеніи къ войсковой администраціи не только во враждебное, но и въ фальшивое положеніе требованіями, превышавшими его полномочія. Такъ, считая себя главнымъ лицомъ въ войскѣ, онъ 11 мая сдѣлалъ выговоръ членамъ войсковой канцеляріи и атаману Бурсаку за то, что они не явились къ нему изъ церкви для поздравленія съ праздникомъ, какъ требовала того, по его мнѣнію, вѣжливость въ отношеніяхъ какъ подполковника Бурсака къ генералъ-лейтенанту Кираеву. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указалъ на плохое состояніе постовъ и строеній въ нихъ, мѣшая личные свои счеты съ дѣлами общегосударственнаго значенія. Нѣс-

колькими днями раньше, 6 мая, Кираевъ настоялъ на томъ, чтобы войсковая канцелярія послала капитану Ляху бумагу, въ которой говорилось, что „генералъ-лейтенатъ Кираевъ замѣтилъ нерадѣніе къ службѣ войскового атамана Бурсака“ и приказалъ привести въ порядокъ пограничную службу и укрѣпленія“.

Но главный промахъ рьянаго генерала заключался въ его отношеніяхъ къ войсковому прокурору, который находилъ незаконными единоличныя и самовластныя распоряженія генерала. Какъ видно „изъ рапорта войсковой канцеляріи отъ 24 апрѣля 1801 г. генералъ-лейтенанту Ивану Павловичу Кираеву“, послѣдній приказалъ канцеляріи извѣстить циркулярно всѣ учрежденія и начальствующихъ въ войскѣ лицъ, и „дабы каждому въ войскѣ извѣстно было, что прибывшаго на сихъ дняхъ въ канцелярію прокурора Овцына, по развратнымъ правиламъ, не повиновавшагося его превосходительству, неуважавшаго воинскихъ и гражданскихъ законовъ и дерзко поступавшаго, за все сіе (Кираевъ) арестовалъ и Всеподданѣйше донесъ Его Императорскому Величеству о томъ и о неблагомыслящемъ расположеніи войскового атамана подполковника Бурсака, безъ всякаго основанія приставшаго къ прокурору и обще съ нимъ превратно толковавшаго о должности его превосходительства“.

Войсковая канцелярія съ своей стороны поусердствовала и разослала это постановленіе всѣмъ экспедиціямъ, земскимъ начальствамъ, начальникамъ пограничныхъ карауловъ, начальнику гребной флотиліи, Екатеринодарскому городничему и куреннымъ атаманамъ. Арестъ прокурора и опороченіе войскового атамана вызвало громкій скандалъ въ войскѣ. Самонадѣянный генералъ не разсчиталъ удара и самъ палъ отъ него. Какъ только дошли вѣсти объ его управленіи казаками до Петербурга, Кираевъ немедленно былъ отрѣшенъ отъ должности и для водворенія порядка въ войскѣ былъ посланъ генералъ-отъ-инфантеріи Дашковъ.

Въ іюлѣ Дашковъ былъ уже въ Черноморіи. „Съ удивленіемъ, писалъ онъ 16 іюля войсковой канцеляріи, увидѣлъ я предложеніе генерала Кираева и разсылку войсковой канцеляріи указовъ“ о прокурорѣ и войсковомъ атаманѣ. За этотъ проступокъ Кираевъ былъ отстраненъ, по Высочайшему повелѣнію, отъ должности, какъ „за присвоеніе себѣ не принадлежащей власти“. Поэтому, Дашковъ приказалъ тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которымъ были разосланы циркуляры войсковой канцеляріи, немедленно возвратить въ подлинникѣ эти скандальныя бумаги, такъ какъ „отъ сего нелѣпаго обнародованія“ могло произойти ослушаніе и разстройство по военной части и неповиновеніе подчиненныхъ.

Такимъ образомъ, были возстановлены честь и авторитетъ войскового атамана и войскового прокурора. Но самъ по себѣ этотъ фактъ показалъ вмѣстѣ съ тѣмъ на крайнее несовершенство порядковъ, заведенныхъ въ Черноморскомъ войскѣ, на основаніи гра-

моты Императора Павла 16 февраля 1801 года. Необходимо было позаботиться о лучшей постановкѣ управленія въ войскѣ.

Высочайшимъ указомъ 20 марта 1802 года, войсковое правительство въ Черноморскомъ войскѣ было организовано по образцу Войска Донского. Въ составъ его вошли войсковой атаманъ, два непремѣнныхъ члена и шесть ассесоровъ. По воинскимъ дѣламъ войско было подчинено Крымской инспекціи, а по гражданскимъ Таврическому губернатору. Присутствіе особаго генерала въ войскѣ по назначенію Правительства было отмѣнено. Войсковой прокуроръ былъ подчиненъ Таврическому губернскому прокурору. Преобразованіе управленія въ Черноморскомъ казачьемъ войскѣ на такихъ основаніяхъ поручено было генералу Дашкову.

Исполняя это порученіе, онъ 12 мая 1802 года разослалъ приглашеніе черноморской старшинѣ на съѣздъ въ Екатеринодарѣ, для избранія 2 непремѣнныхъ членовъ и 4 ассесоровъ. Сюда должны были съѣхаться всѣ офицеры, кромѣ служившихъ на кордонной линіи, которую нельзя было оставить безъ присмотра. Не прибывшіе къ назначенному числу лишались права голоса. Каждый явившійся въ Екатеринодаръ офицеръ или старшина представлялся войсковому атаману, у котораго и записывался въ книгу. Самая же баллотировка непремѣнныхъ членовъ и ассесоровъ назначена была на 22 мая. Актомъ этого числа, въ присутствіи ген. отъ инф. Дашкова и войскового прокурора Тарновскаго, были избраны большинствомъ голосовъ въ непремѣнные члены подполковники Чепига и Кордовскій, въ ассесоры капитаны Кухаренко, Животовскій, Кифа и поручикъ Порывай. Въ выборахъ участвовало 159 офицеровъ.

Такимъ образомъ, къ высшему учрежденію въ войскѣ было примѣнено выборное начало. Подобнымъ же образомъ и раньше выбирались по два члена въ каждую изъ шести экспедицій войсковой канцеляріи. Но тогда и теперь выборное начало оставлено было только для старшинъ, сословной корпораціи въ войскѣ, народъ же, рядовые казаки не имѣли никакого отношенія къ выборамъ. И въ этихъ рамкахъ выборное начало допускалось съ ограниченіями. Когда одинъ изъ непремѣнныхъ членовъ—Чепига, вышелъ въ отставку, то 2 Сентября 1806 года офицеры выбрали замѣстителя не по своему усмотрѣнію, а одного изъ трехъ кандидатовъ, заранѣе намѣченныхъ атаманомъ Бурсакомъ, непремѣннымъ членомъ Кордовскимъ и прокуроромъ Тимофеевымъ.

На основаніи штатовъ, выработанныхъ генераломъ Дашковымъ, Черноморія была раздѣлена на четыре земскихъ сыскныхъ начальства. Существовавшее до того пятое—Григорьевское, было уничтожено, а 8 іюля, по канцелярскому выраженію, „эти начальства и чиновниками наполнены".

Съ преобразованіемъ войсковой канцеляріи, въ ней были уничтожены всѣ экспедиціи и оставлена одна полицейская, на которую возложены были дѣла: 1) „о сохраненіи въ точной силѣ Высочай-

шихъ указовъ, 2) о передачѣ войсковыхъ строеній Екатеринодарскому полицмейстеру, 3) о наблюденіи за порядкомъ, тишиною и благочиніемъ, 4) о надсмотрѣ за тѣмъ, чтобы не производилась торговля товарами, неоплаченными таможенными пошлинами, 5) сообщенія о торговыхъ цѣнахъ черезъ каждыя двѣ недѣли, 6) надсмотръ за мѣрами и вѣсами, 7) надзоръ за бѣглыми и безпаспортными, 8) за дорогами, улицами и мостами, 9) за пожарной частью, 10) „пріохочиваніе къ умноженію хлѣбопашества“, 11) забота о хлѣбозапасныхъ магазинахъ и 12) раздѣленіе города на кварталы и учрежденіе сторожей и десятниковъ.

Такъ были преобразованы важнѣйшія учрежденія въ войскѣ, въ вѣдѣніи которыхъ находилось управленіе, судъ и хозяйственный бытъ населенія.

Но съ введеніемъ новыхъ учрежденій не измѣнились ни старые практически сложившіеся порядки, ни обычные пріемы управленія войскомъ. Между правителями и управляемыми все глубже и глубже становилась та пропасть, которая образовалась отъ классоваго дѣленія войска на привиллегированную старшину, пользовавшуюся лучшими угодьями и выгодами служебнаго положенія, и на рядовое казачество, бѣдное и бѣдствовавшее отъ тяжелой службы и зависимаго положенія. Казаковъ эксплоатировали на службѣ и дома; войсковые интересы приносились въ жертву личнымъ выгодамъ, администрація не брезгала ни поборами, ни насиліемъ и закабаленіемъ на работы подчиненнаго ей населенія.

Въ декабрѣ 1805 года Ришелье писалъ Бурсаку, что до него дошли свѣдѣнія объ употребленіи въ Таманской округѣ на работы казаковъ съ женами безъ всякаго вознагражденія за трудъ, отчего казаки бѣднѣли и что ему сообщено объ отдачѣ виннаго откупа есаулу Чумаковскому за 12000 р. съ продажей водки по 6 рублей за ведро, тогда какъ повѣренный екатеринодарской питейной конторы Ермоловъ предлагалъ 20000 рублей откупа при продажѣ вина по 4 р. за ведро и 30000 рублей при продажной цѣнѣ въ 5 р. за ведро. Ришелье донесли, что Ермолова устранили отъ откупа служившіе въ канцеляріи чиновники, находившіеся въ товариществѣ съ Чумаковскимъ и сдѣлали это будто бы по распоряженію Бурсака и его секретаря Мудраго. Ришелье просилъ Бурсака дать объясненія по всѣмъ этимъ обстоятельствамъ.

Такія объясненія были даны, но онѣ отличались голословностью. Войсковая канцелярія просто „отписалась“, что въ Тамани никто не утѣснялъ и не утѣсняетъ жителей работами, Чумаковскому же отданъ откупъ потому, что при 12,000 р. платы въ войско, онъ продаетъ водку по 3 рубля 50 коп. за ведро. Между тѣмъ Ермоловъ долго списывался съ своимъ хозяиномъ, не захотѣлъ ничѣмъ гарантировать 12,000 р., предложенныхъ за откупъ Чумаковымъ и, при 20 и 30 тысячахъ платы въ войско, расчитывалъ продавать вино по 4 и 6 р. за ведро, чего въ войскѣ никогда не водилось.

Ришелье могъ еще получить свѣдѣнія неправильно освѣщенныя, но то, что происходило почти на глазахъ Бурсака, было безспорно и удручающе тяжело. Какъ видно изъ донесенія въ 1806 г. есауловъ Плохого и Котляревскаго Бурсаку, командиръ полка Ляхъ утаилъ 2301 р. фуражныхъ, путевыхъ и др. денегъ, принадлежавшихъ казакамъ. Въ февралѣ 1809 г. полковникъ Вербецъ донесъ Бурсаку, что, по сообщенію хорунжаго Бѣлаго и заурядъ-хорунжаго Величковскаго, сотникъ Калантаевскій употреблялъ на свои работы кордонныхъ казаковъ безъ всякаго вознагражденія за трудъ. Въ 1810 году полковые артельщики просили атамана Бурсака взыскать съ наслѣдниковъ полковника Гелдиша удержанныя покойнымъ у казаковъ деньги. Тогда же Бурсакъ распорядился, чтобы въ другомъ полку войсковой старшина Бурносъ 2-й возвратилъ казакамъ 1500 рублей, принадлежавшихъ имъ денегъ, и за взятки не давалъ отпуска служащимъ на линіи казакамъ. На того же Бурноса послѣдовало рядъ жалобъ отъ казаковъ за отягощеніе ихъ работами, за нераздачу провіанта на 350 рублей и т. п. Въ іюнѣ 1810 года Ришелье приказалъ Бурсаку отрѣшить Бурноса отъ должности полкового командира, отдать за злоупотребленіе подъ судъ и назначить слѣдствіе.

Такими фактами можно было бы испещрить цѣлыя страницы исторіи. Они были обычнымъ явленіемъ, глубоко внѣдрившимся въ жизнь казачества со временъ персидскаго похода. Но старыя язвы только растравлялись новыми нагноеніями, а жалобы на поборы и закабаленіе работами не шли дальше бумаги, и такіе случаи, какъ распоряженіе Ришелье, были рѣдки. Да и этотъ случай всемогущая канцелярія и войсковыя воротилы съумѣли представить въ такомъ видѣ, что впослѣдствіи самъ Ришелье приказалъ Бурсаку возвратить полкъ Бурносу, подъ предлогомъ того, что онъ достаточно былъ наказанъ долгимъ отрѣшеніемъ отъ команды полкомъ.

Еще глубже таились злоупотребленія по внутреннему управленію куреннымъ населеніемъ въ сыскныхъ начальствахъ. Тутъ для правонарушенія было болѣе обширное поле и злоупотребленія могли возникать чаще и безнаказаннѣе. Натуральныя повинности, снаряженіе на службу, мелкія ссоры и драки, имущественныя дѣла и претензіи, земельные споры, случаи воровства и насилій, и многое другое давало массу поводовъ для придирокъ къ населенію со стороны безконтрольно дѣйствовавшихъ сыскныхъ начальниковъ и сыскныхъ начальствъ. Обирали правыхъ и виновныхъ мелкими взятками, но въ широкихъ размѣрахъ. Многое было въ обычаѣ, многое признавалось въ порядкѣ вещей. Подарокъ не считался взяткой, хотя бы онъ и былъ вынужденъ, работы на начальство приравнивались къ помочамъ, не смотря на явную эксплоатацію работавшихъ. Защитниковъ у казаковъ не было, жаловаться было опасно и невыгодно.

И только въ тѣсной области куреннаго самоуправленія казакъ являлся если не господиномъ сложившихся порядковъ, то во вся-

комъ случаѣ полноправнымъ членомъ общины, могущимъ постоять за свои права. Куренная община дѣйствовала на основанiи обычнаго права и въ основѣ этихъ обычаѣвъ лежало выборное начало. Главное лицо въ общинномъ самоуправленiи былъ выборный атаманъ, а сходы или куренныя рады выборными и контрольными органами. Въ архивныхъ дѣлахъ сохранились приговоры куренныхъ обществъ, характеризующiе отношенiе куреней къ выборнымъ куреннымъ атаманамъ. Въ приговорѣ общества куреня Нижестеблiевскаго за 1815 г. говорится, что избранный — „человѣкъ честнаго состоянiя и поведенiя добраго, не пьяница, не бiйца, не клеветникъ, въ штрафахъ и подозрѣнiяхъ ни въ какихъ никогда не бывалъ". Обязывая атамана, чтобъ онъ и впредь былъ хорошимъ человѣкомъ и „усердно правилъ свою должность", общество въ заключенiе постановило: немедленно отрѣшить отъ должности и избрать другого, если избранный атаманъ „польстится на просьбы и подарки".

Въ 1816 г. мѣсто войскового атамана Бурсака, ушедшаго по старости на покой, занялъ подполковникъ Матвѣевъ.

Въ жизни войскового атамана Матвѣева было много случайнаго, но характернаго для казака. По разсказамъ старожиловъ, Григорiй Кондратьевичъ Матвѣевъ былъ крѣпостнымъ лакеемъ у графа Разумовскаго, бѣжавшимъ къ черноморцамъ во время формированiя войска. Старый черноморскiй офицеръ, хорошо знавшiй Матвѣева, передалъ П. П. Короленко, что во время имянинъ Матвѣева, командовавшаго уже тогда полкомъ, одинъ изъ черноморскихъ офицеровъ, въ видѣ сюрприза, ввелъ въ собранiе унтеръ-офицера, служившаго въ сосѣднемъ эскадронѣ, и обратился къ Матвѣеву со словами; „цiлуй, батьку Грицьку, цего молодця, бо це твiй братъ!" Это дѣйствительно былъ братъ Матвѣева, отданный Разумовскимъ въ солдаты. Когда Матвѣевъ былъ уже войсковымъ атаманомъ его мать продолжала оставаться крѣпостной графини Разумовской, которая ни за что не захотѣла отпустить ее на волю, не смотря на крупный выкупъ, предложенный ей Матвѣевымъ.

И вотъ этого бывшаго крѣпостного человѣка Бурсакъ рекомендовалъ въ атаманы. По разсказамъ, Матвѣевъ былъ утвержденъ имъ, благодаря содѣйствiю гр. Ланжерона, котораго онъ спасъ отъ смерти въ одномъ изъ сраженiй во время турецкой войны. Черноморская старшина, объединенная уже въ особую группу, отнеслась недружелюбно къ новому атаману. Онъ былъ моложе многихъ по службѣ и не стоялъ въ ряду главарей Черноморскаго панства.

А между тѣмъ Матвѣевъ былъ не рядовымъ офицеромъ. Участвуя въ цѣломъ рядѣ сраженiй во время войны съ турками до переселенiя черноморцевъ на Кубань, въ походѣ въ Персiю, затѣмъ снова въ турецкой войнѣ 1807 г., онъ получилъ послѣдовательно всѣ офицерскiе чины до полковника включительно и нѣсколько орденовъ за храбрость, въ томъ числѣ орденъ св. Георгiя IV степени. Какъ боевой офицеръ, Матвѣевъ, кромѣ личной храбрости, несомнѣнно отличался умѣньемъ руководить казаками.

Но попавши въ положеніе войскового атамана, Матвѣевъ лично не принималъ никакого участія въ борьбѣ съ горцами, и это поставлено было ему въ вину. Сосредоточившись исключительно на канцелярскихъ дѣлахъ, Матвѣевъ оказался плохимъ военнымъ администраторомъ. Горцы грабили и раззоряли Черноморію, а Матвѣевъ не предпринималъ ничего рѣшительнаго и лишь просилъ гр. Ланжерона о посылкѣ въ Черноморію регулярныхъ войскъ. Дѣло окончилось тѣмъ, что когда Черноморское войско было изъято изъ вѣдѣнія херсонскаго военнаго губернатора гр. Ланжерона и подчинено было командующему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ генералу Ермолову, то Ермоловъ совсѣмъ лишилъ Матвѣева военной власти и назначилъ начальникомъ Черноморской кордонной линіи генерала Власова, подчинивши ему въ военномъ отношеніи и Матвѣева.

Причиною такого поведенія Матвѣева служили мягкій характеръ атамана и недружелюбное отношеніе къ нему старшины. По натурѣ онъ былъ очень добрымъ человѣкомъ. Походы его въ Персію, на Дунай и пр. не наложили на него клейма утѣснителя казаковъ. Онъ былъ чутокъ къ чужой бѣдѣ, что ярко выразилось въ его горячемъ отношеніи и заботахъ о переселенцахъ въ Черноморію въ 1820 г. Но у Матвѣева не хватало ни характера, ни рѣшимости, чтобы самому дѣйствовать болѣе энергично и вліять на другихъ въ такомъ же духѣ.

Поэтому, Ермоловъ сразу же отстранилъ его отъ военныхъ операцій и въ ноябрѣ 1820 г. извѣстилъ его изъ Тифлиса о назначеніи г.-м. Власова, которому поручилъ осмотрѣть снаряженіе черноморскихъ казаковъ, ихъ оружіе, расположеніе полковъ по границѣ и способы защиты ея, состояніе войсковыхъ заведеній и хозяйства у казаковъ, отправленіе чиновниками своихъ обязанностей и особенно случаи нарушенія субъординаціи. Ермоловъ находилъ, что на линію войско выслало слабые полки и что изъ этихъ ослабленныхъ полковъ много казаковъ отвлекалось несеніемъ другихъ служебныхъ обязанностей и вообще отлучками съ линіи. Это поощряло черкесовъ къ набѣгамъ, дѣлало ихъ дерзкими и самонадѣянными. Поэтому, Ермоловъ распорядился, чтобы, кромѣ общихъ его указаній, г.-м. Власовъ подробно осмотрѣлъ все въ войскѣ и привелъ его въ порядокъ.

Генералу Власову, однако, поручена была ревизія одной только военной части. „Пребываніе его въ Черноморскомъ войскѣ, писалъ Ермоловъ, не должно препятствовать вамъ, г. атаманъ, въ отправленіи должности вашей со всею по мѣсту вамъ принадлежащей властью. Власовъ, имѣя порученіе во всѣхъ частяхъ осмотрѣть войско, не имѣетъ права входить ни въ какія внутреннія и хозяйственныя по оному распоряженія, также и вы, съ своей стороны, не можете дѣлать никакихъ перемѣнъ въ оборонѣ границы и въ войскахъ, на кордонной стражѣ состоящихъ“.

Судя по этому распоряженію, Ермоловъ началъ свою дѣятельность по войску осторожно и осмотрительно. Но энергичный и рѣ-

шительный генералъ упустилъ изъ виду, что въ Черноморскомъ войскѣ военная жизнь была такъ тѣсно связана и переплетена съ гражданской, что, касаясь одной изъ нихъ, нельзя было не затронуть и другой. Генералъ Власовъ, распоряжаясь войсками и военной службой казаковъ, производилъ давленіе на гражданскій и экономическій бытъ казачества. Нельзя было, положимъ, усилить наряды казаковъ на кордонную службу или вызвать новыя части войскъ для снаряженія военныхъ экспедицій за Кубань въ горы,— и не тронуть при этомъ экономической жизни, не ослабить, хотя бы временно, хозяйства казака. Естественно, что на этой почвѣ должно было происходить столкновеніе гражданскихъ распоряженій съ военными, стѣсненія казаковъ и появленіе разнаго рода непредвидѣнныхъ случайностей, а значить и взаимное недовольство начальствующихъ.

Въ дѣйствительности такъ и было. Невыгоды двоевластія влекли къ разнаго рода недоразумѣніямъ. Да и самъ Ермоловъ фактически часто вводилъ генерала Власова въ кругъ гражданскихъ обязанностей. Въ 1822 году онъ препроводилъ черезъ Власова „Правила по управленію Черноморскимъ войскомъ" войсковой канцеляріи съ тѣмъ, чтобы послѣдняя дала свои заключенія по поводу этихъ правилъ. Канцелярія возвратила ихъ обратно Власову „съ своими мнѣніями", но казаки прекрасно понимали, что Власовъ, безъ ихъ вѣдома и желаній, могъ дать съ своей стороны совершенно нежелательныя для войска замѣчанія и ему, какъ близко стоящему къ войску лицу, могло быть оказано довѣріе, хотя бы онъ и ошибался.

Цѣлыхъ 6 лѣтъ генералъ Власовъ завѣдывалъ Черноморскою кордонною линіею по р. Кубани и былъ посредствующимъ лицомъ между Ермоловымъ и войскомъ. Въ іюлѣ 1826 года генералъ-адъютантъ Стрекаловъ извѣстилъ войсковаго атамана Матвѣева, что, по Высочайшему повелѣнію, г.-м. Власовъ отстраненъ былъ отъ командованія Черноморскимъ войскомъ, за противозаконные поступки— разореніе мирнаго черкесскаго племени князя Сагатъ-Гирея. На мѣсто устраненнаго Власова назначенъ былъ г.-м. Сысоевъ, также, какъ и Власовъ, донской казакъ. Въ томъ же году 29 сентября, по ходатайству Ермолова, Черноморское войско подчинено было г.-л. Емануелю, командующему войсками на Сѣверномъ Кавказѣ и Кавказскою кордонною линіею.

Такимъ образомъ, между генераломъ Ермоловымъ и войскомъ оказались два посредствующіе генералы—ближайшій Сысоевъ и главный начальникъ всей кордонной Черноморской и Кавказской линіи Емануель. Генералъ Власовъ не только былъ отстраненъ отъ военной службы, но и преданъ суду.

Въ 7 часовъ по полудни 9 января 1827 г. скончался отъ апоплексіи Матвѣевъ. Внезапная смерть Матвѣева вызвала на первое мѣсто въ войскѣ Алексѣя Даниловича Безкровнаго, назначеннаго

атамномъ 30 сентября 1827 г. Это былъ замѣчательный представитель Черноморскаго казачества по уму, мужеству, беззавѣтной храбрости и геройскимъ поступкамъ. Его бурная, полная военныхъ треволненій и отваги жизнь, прошла въ самыхъ разнообразныхъ приключеніяхъ, начиная съ мелочныхъ, житейскихъ и оканчивая возвышенными, геройскими.

На военную службу онъ поступилъ казакомъ въ 1800 г., а черезъ два года потомъ началась его военная дѣятельность, не обычная даже для того времени всеобщаго милитаризма. Въ теченіе 28 лѣтъ, съ 1802 по 1830 г. Безкровный участвовалъ въ 100 сраженіяхъ, имѣлъ въ разныя времена дѣло съ черкесами, турками, французами, поляками и др. народностями, сражался при Можайскѣ и Бородинѣ, отстаивалъ Москву, преслѣдовалъ французовъ при отступленіи изъ Россіи великой арміи, сражался при Юрсбургѣ, подъ Бауценомъ, при Хемницѣ, подъ Лейпцигомъ, при Эпиналѣ, Сансѣ, Арсисѣ, Седанѣ и др., участвовалъ въ осадѣ Анапы въ 1828 г., а сколько разъ сражался съ горцами и какое количество мелкихъ стычекъ съ ними выдержалъ—трудно даже перечесть. Въ разное время Безкровный получилъ нѣсколько серьезныхъ ранъ—въ 1810 г. на р. Ильдерекъ черкесская пуля раздробила ему плечо съ поврежденіемъ кости, въ 1812 г. подъ Бородиномъ контузили его картечью въ лѣвую ногу, въ 1813 г., въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, пуля попала ему въ грудь съ поврежденіемъ реберъ, въ 1828 г. при осадѣ Анапы картечь изуродовала ему кисть лѣвой руки и т. п. Особенно же серьезныя пораненія Безкровному нанесли шапсуги въ 1830 г., когда подъ нимъ была убита лошадь, а его самого серьезно ранили въ грудь, раскроили шашкою голову, повредили черепъ и нанесли глубокую рану въ правое плечо, и когда онъ вынесенъ былъ на рукахъ, безъ чувствъ, изъ боя. Старикъ урядникъ Рѣдька, поступившій изъ станицы Новодеревянковской на службу въ 1825 г. и лично знавшій Безкровнаго, съ восторгомъ отзывался о немъ, какъ о героѣ, который во время битвы всегда защищалъ рядовыхъ казаковъ своею грудью. Безкровный имѣлъ столько ранъ и столько разъ былъ на волосокъ отъ смерти, что Государь Александръ I-й, утвержалъ старый урядникъ, велѣлъ казакамъ называть его не Безкровнымъ, а Безсмертнымъ.

И такимъ Безкровный былъ вездѣ и при всевозможныхъ условіяхъ. Онъ не могъ смотрѣть безъучастно на чужую бѣду и спасая при мирной обстановкѣ жизнь другихъ, также жертвовалъ собою, какъ и на войнѣ. Такимъ показалъ онъ себя въ Анапѣ въ 1828 г.

Анапа была уже въ рукахъ русскихъ. Наступилъ суровый, изобиловавшій бурями октябрь. Дулъ сильнѣйшій морякъ, перешедшій въ свирѣпый штормъ у Анапы. Море ревѣло, клокотало и бросало, какъ щепки, огромныя суда. Буря сорвала съ якорей стоявшій у Анапы на брантъ-вахтѣ люгеръ и понесла его къ берегу. Судно и люди были на краю гибели.

Чтобы лучше обезпечить судно отъ крушенія и команду отъ явной смерти, моряки срубили на немъ мачты и сняли съ палубы все, отъ чего парусило судно. Но близъ берега оно неминуемо должно было погибнуть отъ огромныхъ волнъ и сильнаго прибоя на скалистомъ берегу у обрыва. Напрасно моряки употребляли всѣ усилія, чтобы удержать отъ крушенія судно. Штормъ, какъ игрушкой, вертѣлъ судномъ, заливая его волнами.

На берегу толпились солдаты, моряки, офицеры. Въ толпѣ шелъ говоръ, строились предположенія о томъ, какъ помочь морякамъ, но всѣ безпомощно опускали руки и не знали, что дѣлать, что бы спасти гибнувшихъ людей.

Въ это время къ мѣсту происшествія верхомъ на конѣ подъѣхалъ генералъ Безкровный, въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ. Лишь только казачій атаманъ увидѣлъ, какой опасности подверглись моряки, какъ немедленно же стегнулъ нагайкою по лошади и заставилъ ее броситься въ волны. Вплавь на лошади, окатываемый волнами и пѣной, Безкровный приблизился къ люгеру. За атаманомъ поплыли верхами на лошадяхъ войсковой старшина Могукоровъ, сотникъ Калери и урядникъ Чайтамировъ. Борясь съ волнами, они ухитрились снять съ люгера командира судна, матросовъ и доставить ихъ на берегъ.

Судно было оставлено въ жертву бурѣ, а моряки спасены всадниками.

Безкровный былъ не только храбрымъ боевымъ генераломъ, но и умѣлымъ, заботливымъ вождемъ. Его военные приказы отличались оригинальностью и удивительно практичными указаніями. Онъ училъ, какъ сражаться съ врагомъ группами и въ одиночку, какъ вести себя въ строю и стычкахъ; онъ заботился о томъ, чтобы военныя дѣйствія вели не столько къ побѣдѣ, сколько къ защитѣ родины и сбереженью людей; онъ зналъ войну и ея обстановку, какъ родную стихію, и не переносилъ ни трусости, ни уклоненій отъ службы. Суровый въ обращеніи съ нечистой на руку старшиной, взыскательный съ людьми провинившимися въ этомъ отношеніи, онъ имѣлъ въ положеніи атамана массу недоброжелателей и недруговъ, искавшихъ только случая, чтобы отомстить ему. На этой почвѣ объединилась казачья старшина и повела противъ него атаку. На бѣду генералъ былъ красивымъ, статнымъ мужчиной и пользовался успѣхомъ среди женскаго пола. Это только усилило къ нему вражду черноморскихъ пановъ. И старшина по своему отомстила выдающемуся генералу и несдержанному атаману. Она оклеветала его въ томъ, за что онъ преслѣдовалъ своихъ противниковъ.

Одновременно съ назначеніемъ Безкровнаго войсковымъ атаманомъ, въ войско назначены были два ревизора. Изъ Петербурга былъ присланъ флигель-адъютантъ полковникъ Перовскій, а на мѣстѣ въ Черноморіи командующій войсками на Сѣверномъ Кавказѣ Емануель назначилъ г.-м. Сысоева. Оба ревизора дѣйствовали независи-

симо одинъ отъ другого, но не съ одинаковымъ безпристрастіемъ. Перовскій относился къ дѣлу объективно и справедливо; Сысоевъ же, съ первыхъ шаговъ своей ревизіи, выказалъ явное пристрастіе.

Дѣло въ томъ, что, послѣ преданія суду генерала Власова, о дѣйствіяхъ котораго дали далеко нелестныя показанія казачьи власти, генералъ Сысоевъ повидимому задался цѣлью прижать въ свою очередь черноморскую администрацію, быть можетъ, не безгрѣшную во многихъ отношеніяхъ. Ему поручена была ревизія дѣлъ Черноморской войсковой канцеляріи и другихъ учрежденіи, „вслѣдствіе дошедшихъ до высшаго правительства безпорядковъ". Ревизіи подлежали: 1) доходы и расходы войска съ 1811 по 1827 годъ, 2) расходы по выдачѣ жалованья, по нарядамъ казаковъ на службу и по довольствію ихъ и 3) вообще дѣйствія канцеляріи „по уголовной, тяжебной, хозяйственной, полицейской и опекунской частямъ, а также дѣятельность земскихъ сыскныхъ начальствъ и станичныхъ смотрителей".

Кругъ дѣйствій для ревизіи былъ такъ обширенъ и полномочія ревизора на столько значительны, что Сысоевъ могъ нажать войсковую канцелярію по какому угодно дѣлу. И Сысоевъ дѣйствительно сразу же повелъ такъ круто ревизію, что войсковая канцелярія въ полномъ своемъ составѣ заявила самый энергичный протестъ. Казаки жаловались Емануелю, что Сысоевъ запечаталъ всѣ дѣла, въ томъ числѣ текущія по уголовной части, продовольствію и пр., пріостановивши, такимъ образомъ, дѣятельность канцеляріи, и что ревизоръ перевезъ къ себѣ на квартиру всѣ опечатанныя дѣла и приставилъ къ нимъ часового съ ружьемъ. Такое недовѣрчивое отношеніе Сысоева къ войсковой канцеляріи, члены ея считали личнымъ оскорбленіемъ. Никто изъ нихъ ни въ чемъ не обвинялся, а между тѣмъ всѣ они поставлены были въ положеніе подсудимыхъ. Этимъ были нарушены права членовъ канцеляріи, какъ правительственнаго учрежденія и какъ представителей, „избранныхъ законно голосами благороднаго черноморскаго дворянства", и подрывался въ населеніи авторитетъ войсковой администраціи. Войсковая канцелярія просила Емануеля передать ревизію войска другому лицу.

Генералъ Емануель не внялъ, однако, просьбѣ казачьихъ властей, въ дѣйствіяхъ генерала Сысоева не нашелъ ничего оскорбительнаго и распорядился, чтобы войсковая канцелярія исполняла всѣ распоряженія г-ла Сысоева.

Тогда 26 ноября 1827 года войсковая канцелярія сообщила Емануелю о неправильныхъ дѣйствіяхъ ревизора Сысоева, который вмѣшался въ дѣйствія полицмейстера и, явившись лично на рынокъ, произносилъ слова, позорящія властей, поставленныхъ войскомъ, и побуждалъ торговцевъ подавать ему на этихъ властей жалобы.

Протестъ войсковой канцеляріи противъ дѣйствій генерала Сысоева дошелъ до Петербурга. Тамъ, повидимому, на дѣло посмотрѣ-

ли иначе и, по Высочайшему повелѣнію, г.-л. Емануель лично отправился въ Черноморію для выясненія недоразумѣній.

Обѣ стороны дали объясненія командующему войсками, не скупясь на обвиненія. Сысоевъ просилъ „взыскать съ виновныхъ за дерзость и непочтительность". Канцелярія отстаивала свое оффиціальное положеніе.

Самъ Емануель повидимому запутался во взаимныхъ препирательствахъ казачьихъ властей и ревизора-генерала, понявши, что Сысоевъ хватилъ черезъ край, а казачьи власти, если и злоупотребляли своимъ положеніемъ, то умѣючи. Въ приказѣ 27 декабря 1827 года онъ извѣстилъ войско, что генералъ Сысоевъ, по собственному желанію, отбылъ въ Донское войско, и что командующимъ Черноморскою линіею назначается полковникъ Безкровный, которому приказано принять дѣла отъ Сысоева.

Иначе слѣдствіе велъ Перовскій, бывшій впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ. Ему поручена была между прочимъ ревизія казачьихъ полковъ и разслѣдованіе нѣкоторыхъ злоупотребленій въ этой области. Какъ видно изъ дѣлъ за 1828 годъ, онъ раскрылъ злоупотребленія въ полкахъ 1, 6, 7 и 8 пѣхотныхъ и въ 5-мъ конномъ и обнаружилъ невыдачу провіанта 247 человѣкамъ. Особое вниманіе онъ обратилъ на положеніе казачьихъ полковъ и затребовалъ по этому вопросу и по вопросу о гражданскомъ управленіи въ войскѣ подробныя статистическія свѣдѣнія. Перовскому же пришлось закончить и бумажную распрю между черноморскою войсковою канцеляріею и генераломъ Сысоевымъ. Разслѣдовавши подробно дѣло, Перовскій сталъ на сторону казаковъ. Онъ вообще остался доволенъ дѣйствіями казачьихъ властей и, уѣзжая изъ Черноморіи въ Петербургъ, въ особой бумагѣ отъ 12 апрѣля 1828 года выразилъ войсковой канцеляріи „признательность за дѣятельность и исправность" по исполненію его требованій.

Иначе Перовскій отнесся къ другому болѣе заурядному, но сенсаціонному въ свое время дѣлу о войсковомъ прокурорѣ Савловскомъ, который обязанъ былъ подпиской о невыѣздѣ изъ Екатеринодара и подвергнутъ домашнему аресту. Чтобы не держать лишняго караула, Перовскій распорядился о переводѣ арестованнаго въ Екатеринодарскую крѣпость, а отсюда въ мартѣ 1828 г. онъ былъ отправленъ въ городъ Ставрополь „за политическимъ карауломъ".

Изъ объемистаго слѣдственнаго дѣла о прокурорѣ Савловскомъ видно, что вся вина его заключалась въ томъ, что онъ былъ, какъ говорится, на ножахъ съ генераломъ Сысоевымъ, защищая казачьи власти. Это онъ обязанъ былъ дѣлать по своему положенію въ войскѣ. Въ донесеніяхъ сенату прокуроръ обвинялъ Сысоева въ томъ, что онъ предвзято относился къ казачьей администраціи и всячески старался очернить войсковую канцелярію, какъ бы въ отместку за то, что черноморскіе чиновники своими показаніями скомпрометировали его земляка генерала Власова, преданнаго суду за

раззореніе ауловъ мирныхъ черкесовъ. Савловскій указывалъ также на превышеніе Сысоевымъ его полномочій и на вторженіе во внутреннія распоряженія войска.

Наконецъ Савловскій, безъ достаточныхъ доказательствъ, обвинялъ Сысоева въ полученіи взятки въ 20.000 рублей съ торговцевъ.

Что касается генерала Сысоева, то онъ жаловался на оклеветаніе его Савловскимъ и въ свою очередь обвинялъ его во взяткѣ въ 600 р. съ торговцевъ.

Сенатъ нашелъ совершенно недоказаннымъ обвиненіе во взяточничествѣ какъ Сысоева, такъ и Савловскаго, но сталъ всецѣло на сторону генерала Сысоева.

Не довѣряя показаніямъ старшинъ Дубоноса, Ляшенка, Голуба, Чернаго, Мазуренка, Сулича, Кравцова, Курганскаго и Федота Бѣлаго, какъ сторонниковъ Савловскаго, сенатъ лишилъ послѣдняго права на службу и выборы.

Нѣсколькими мѣсяцами раньше назначенія Безкровнаго войсковымъ атаманомъ было введено въ войскѣ положеніе 26 апрѣля 1827 г. По новому закону, управленіе краемъ поручено было войсковой канцеляріи, которой подчинены были 4 земскія начальства и полиція г. Екатеринодара. Канцелярія состояла изъ предсѣдателя—войсковаго атамана, двухъ непремѣнныхъ членовъ, трехъ ассесоровъ, двухъ секретарей, семи столоначальниковъ, журналиста, казначея и экзекутора, съ штатомъ канцелярскихъ чиновъ; по предметамъ вѣдѣнія она дѣлилась на двѣ экспедиціи: воинскую и экономическую. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ воинская экспедиція выдѣляла особое присутствіе, которое, въ видахъ быстроты веденія дѣла, сосредоточивало свои силы исключительно на немъ. Воинской экспедиціи подлежали: 1) строевой составъ войска и его служебныя обязанности, а также паспорты и наряды на службу, 2) жалованье отъ казны, типографія и 3) дѣла полицейскія. Въ вѣдѣніи экономической экспедиціи были: 1) финансы, повинности, продовольствіе и войсковое хозяйство, 2) медицинское дѣло и переселенія, 3) казначейскія дѣла и 4) счетное дѣлопроизводство—составленіе смѣтъ, отчетовъ и ревизіонныхъ актовъ.

Войсковая канцелярія подчинена была командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, но кавказское областное правленіе, бывшее по положенію 1827 г. посредствующимъ органомъ между войскомъ и командиромъ корпуса, „не имѣло начальства надъ войсковой канцеляріей“ и лишь сносилось съ нею въ случаѣ надобности.

При войсковомъ атаманѣ особая канцелярія, завѣдывавшая пограничными, секретными, карантинными и мѣновыми дѣлами и находившаяся въ непосредственномъ сношеніи съ командиромъ корпуса.

Войсковой атаманъ назначался Государемъ, непремѣнные члены и полицемейстеръ Екатеринодара—командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, а ассесоры, начальники и засѣдатели сыскныхъ начальствъ и полицейскіе пристава выбирались чиновниками че-

резъ каждые три года. Такимъ же порядкомъ выбирался и войсковой казначей, но непремѣнно „изъ людей достаточнаго состоянія, дабы, въ случаѣ ущерба войсковой или казенной суммы, можно было взыскать оный съ его имѣнія“.

Для судебныхъ дѣлъ учреждены были «особый военный судъ» и «войска Черноморскаго гражданскій судъ».

Земскія сыскныя начальства приравнивались „къ земской полиціи“ въ Россіи. Имъ и екатеринодарскій городской полиціи подлежали также и незначительныя судебныя дѣла. Въ полицейскомъ отношеніи сыскныя начальства располагали розыскными командами.

Совершенно преобразовано было управленіе и въ куреняхъ. „Въ отвращеніе безпорядковъ“, происходившихъ отъ совмѣстнаго пребыванія въ куреняхъ трехъ властей—сельскаго смотрителя, сельскаго атамана и куреннаго атамана, параграфомъ 83 положенія полагался одинъ куренный атаманъ, на котораго возлагались обязанности и остальныхъ двухъ начальниковъ. Куренный атаманъ ежегодно избирался 1 января баллотировкою изъ трехъ кандидатовъ, намѣченныхъ общимъ собраніеиъ чиновниковъ и казаковъ. Утверждался въ должности атаманъ войсковой канцеляріей.

Ежегодно на общихъ собраніяхъ или радахъ баллотировкою выбирались два помощника атамана подъ названіемъ куренныхъ судей. Помогая атаману въ административныхъ дѣлахъ и заступая его мѣсто при отсутствіи, куренные судьи вѣдали и мелкія судебныя дѣла, а на куренномъ атаманѣ, кромѣ того, лежали обязанности по завѣдыванію куренной полиціей и казначейскими дѣлами.

Но перемѣны въ управленіи мало повліяли на экономическое положеніе казака. Казаки были бѣдны и во всемъ терпѣли нужду. Въ 1830 году самъ графъ Паскевичъ констатировалъ, что черноморскіе казаки отличались непомѣрною бѣдностью, что многіе изъ нихъ не имѣли ни хлѣба, ни одежды и жили подаяніями и что непорядки въ войскѣ зависѣли отъ злоупотребленій и взяточничества въ земскихъ сыскныхъ начальствахъ, на мѣновыхъ дворахъ, почтовыхъ станціяхъ и проч.

И, въ самомъ дѣлѣ, хищенія, взятки, подарки и всевозможные виды обиранія казаковъ, вошли какъ бы въ повседневный обиходъ. Всѣ брали и всѣ давали, и между вымогательствомъ и такъ называемыми „подарунками“, добровольными даяніями, во многихъ случаяхъ нельзя было провести границу.

Въ 1829 году были возведены обвиненія въ этомъ родѣ на самого наказнаго атамана генерала Безкровнаго. Въ августѣ этого года войсковой прокуроръ Погуляй писалъ генералу Емануелю, что наказный атаманъ Безкровный получалъ двойное жалованье—какъ атаманъ 2338 р. и по чину генерала 2293 рубля; что казаки очень бѣдны и многіе живутъ подаяніемъ, а между тѣмъ ихъ ставятъ на работы казачьей старшины и ничего за это не платятъ имъ; что самъ Безкровный пользуется даровыми работами отъ 50 до 60 ка-

заковъ, устраиваетъ съ помощью ихъ даромъ плотины, исправляетъ водяныя мельницы, рубитъ лѣсъ и пр. Лично прокуроръ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ казакъ, со слезами на глазахъ, просилъ наказнаго атамана дать ему за его работы хлѣба для голодающей семьи, для прокормленія которой онъ продалъ уже двѣ лошади.

Прокуроръ подалъ какъ бы сигналъ къ нападенію на наказнаго атамана. Со всѣхъ сторонъ посыпались доносы и сообщенія высшему начальству. Особенно энергично выступилъ съ обвиненіями противъ Безкровнаго войсковой старшина Барабашъ, имѣвшій личные счеты съ атаманомъ. Въ жалобѣ Паскевичу отъ 12 октября 1829 года онъ обвинялъ Безкровнаго въ цѣломъ рядѣ преступленій и между прочимъ въ такихъ, какъ жадность Безкровнаго къ богатству, выразившуюся въ устройствѣ двухъ хуторовъ, четырехъ водяныхъ мельницъ, въ разведеніи большого количества скота, выпрошеннаго въ подарокъ или купленнаго за безцѣнокъ, въ самовольной рубкѣ лѣса, въ неустановленной мѣнѣ его у черкесовъ и пр.

По доносу Барабаша надъ Безкровнымъ назначено было слѣдствіе. Во время веденія слѣдствія отъ Барабаша и прокурора поступили новые доносы. Дѣло приняло огромные размѣры. Безкровный съ своей стороны предъявилъ отводъ противъ слѣдователя генерала Прянишникова, который вмѣстѣ съ своими чиновниками пристрастно относился къ Безкровному, и просилъ назначить другого слѣдователя. Вмѣсто заболѣвшаго Прянишникова слѣдователемъ назначенъ былъ ген.-м. Берхманъ. Въ это время послѣдовало 13 новыхъ доносовъ, въ которыхъ Безкровный обвинялся въ томъ, что въ екатеринодарскомъ госпиталѣ показана большая смертность, чѣмъ какая была въ дѣйствительности, что 6000 р. прогоновъ выдавались куреннымъ атаманамъ, а они расходовали эти деньги по произволу и безъ контроля; что смотрителя мѣновыхъ дворовъ злоупотребляли и не давали никакой отчетности; что земскіе начальники за взятки въ 60 руб. съ бѣдныхъ и въ 200 и 300 руб съ богатыхъ казаковъ освобождали ихъ отъ очередной службы и т. п.

Большинство этихъ обвиненій не столько падало на Безкровнаго, сколько свидѣтельствовало объ упадкѣ нравственныхъ началъ въ дѣлахъ общественнаго служенія. Это былъ лишь точный фотографическій снимокъ съ неприглядной дѣйствительности, въ которой виновны были прежде всего услужливые доносчики.

Общими усиліями этихъ доносчиковъ генералъ Безкровный былъ облитъ цѣлыми потоками грязи. Въ 1830 году, по распоряженію графа Паскевича, онъ былъ отрѣшенъ отъ должности. Тогда противники генерала стали дѣйствовать еще рѣшительнѣе. Судя по дѣлу, и отдѣльные слѣдователи и цѣлая слѣдственная коммиссія дѣйствовали съ пристрастіемъ и явнымъ недоброжелательствомъ къ Безкровному. Послѣдняя собрала обширный матеріалъ и возвела по 78 пунктамъ обвиненія противъ Безкровнаго. Въ немногихъ случаяхъ она оправдала злосчастнаго атамана, но и подавляющее боль

Г. отъ-кав. Николай Степановичъ Заводовскій,
Наказный Атаманъ Черноморскаго казачьяго войска съ 1830 по 1853 г.
и Командующій войсками Кавказской линіи и въ Черноморіи

шинство пунктовъ, по которымъ была признана вина Безкровнаго, носило крайне мелочный, придирчивый и условный характеръ. Въ своемъ заключеніи коммиссія, не безъ натяжекъ обвиняя Безкровнаго въ покупкѣ коровъ у жителей по принужденію, въ полученіи подарковъ, въ пользованіи даровымъ трудомъ, въ полученіи двойного жалованья и т. п., нашла необходимымъ предать генерала Безкровнаго суду.

Но это былъ въ сущности судъ коммиссіи надъ войскомъ и собой. Безкровному въ вину ставили то, въ чемъ въ нѣсколько разъ виновнѣе его были сами доносчики и свидѣтели. Въ сущности это была травля крупнаго представителя казачьей администраціи. Вина его была несомнѣнна, но вина по тому времени ничтожная, обычная, такъ сказать. Многое изъ того, что дѣлалъ Безкровный, считалось въ порядкѣ вещей, какъ напримѣръ полученіе подарковъ, имѣвшее характеръ мѣстнаго обычая, несоблюденіе котораго считалось оскорбленіемъ.

Слѣдствіемъ надъ Безкровнымъ были лишній разъ извлечены на свѣтъ Божій тѣ ужасныя условія, въ которыхъ находились черноморскіе казаки. Генералъ Прянишниковъ, осмотрѣвшій въ концѣ октября шесть казачьихъ полковъ въ закубанскихъ укрѣпленіяхъ, донесъ графу Паскевичу, что казаки не имѣли не только установленной формы, но и сколько нибудь сносной одежды; оружіе же у нихъ найдено въ отличномъ состояніи. Тогда же Прянишниковъ донесъ начальнику штаба при главнокомандующемъ, что онъ нашелъ въ невозможномъ положеніи фурщиковъ, находившихся въ отрядѣ Безкровнаго. Имъ положительно нечего было ѣсть. Лишь по просьбѣ и по приказанію Прянишникова имъ давали иногда сухари. Фурщики были почти голы и покрыты ужасными рубищами. Во время обѣда они ходили между солдатами и просили у нихъ подаянія. Безкровному совершенно справедливо поставлена была въ вину его попытка удалить фурщиковъ изъ отряда на время пріѣзда графа Паскевича. Это некрасивое, но мелочное и понятное дѣяніе, какъ и нѣкоторыя другія въ такомъ же родѣ, не могли служить достаточнымъ основаніемъ для позорнаго удаленія отъ дѣлъ человѣка способнаго и неоднократно жертвовавшаго своей жизнью. Безкровный оставилъ постъ наказнаго атамана съ чувствомъ кровной обиды и незаслуженнаго наказанія.

Народная молва гласила, что въ паденіи генерала Безкровнаго не послѣднюю роль игралъ его замѣститель генералъ Заводовскій. Онъ былъ почти ровесникомъ Безкровнаго, поступилъ на службу 12-ти лѣтъ въ 1800 году, т. е. двумя годами раньше Безкровнаго, но одновременно съ нимъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры въ 1828 году.

Николай Степановичъ Заводовскій въ своей военной дѣятельности не выказалъ той личной отваги и мужества, какими характеризовался почти каждый шагъ Безкровнаго, но это былъ несом-

нѣнно талантливый генералъ. За время боевой службы съ 1800 по 1852 г., онъ только два раза былъ слегка раненъ ружейными пулями въ лѣвую руку, но прошелъ всѣ выдающіяся ступени казачьяго чинопроизводства до генерала-отъ-кавалеріи включительно, былъ наказнымъ атаманомъ Черноморскаго казачьяго войска и, продолжая состоять въ этомъ званіи, назначенъ былъ сперва начальникомъ Черноморской кордонной линіи, а затѣмъ и командующимъ войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи. Трудно было бы достичь такого положенія казаку самоучкѣ, безъ всякаго образованія и родственныхъ связей, если бы Заводовскій не отличался умомъ и незаурядными военными способностями.

Но Заводовскій былъ не только талантливымъ военнымъ генераломъ, но тонкимъ политикомъ и умѣлымъ администраторомъ. Онъ съумѣлъ быть нужнымъ помощникомъ у всѣхъ главноначальствующихъ лицъ на Кавказѣ, привлекъ къ себѣ, по разсказамъ, недоброжелательно относившагося къ нему графа Чернышева, пользовался огромнымъ авторитетомъ у князя Воронцова и личнымъ расположеніемъ Государя Николая I. Для всего этого требовалась видная дѣятельность и политическій тактъ. Заводовскій обнаружилъ то и другое.

Какъ администраторъ, Заводовскій оставилъ замѣтные слѣды въ роли управляющаго гражданскою частью въ Ставропольской губерніи на посту, считавшемся въ свое время самымъ скользкимъ, на которомъ Заводовскій, по словамъ И. Д. Попки, удержался долѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Особенно же много сдѣлалъ Заводовскій, какъ наказный атаманъ Черноморскаго войска, не упустивши ни одного случая, чтобы улучшить положеніе черноморскихъ казаковъ и отстоять ихъ интересы. При Заводовскомъ и при его участіи выработано было положеніе 1842 г. о Черноморскомъ казачьемъ войскѣ, одинъ изъ наиболѣе полныхъ актовъ казачьяго законодательства.

Но, по разсказамъ, которые до сихъ поръ обращаются среди казачества, этотъ талантливый военный генералъ, тонкій политикъ и способный администраторъ отличался большими странностями и чудачествомъ. Такъ, при производствѣ въ чины и представленіи къ наградамъ, Заводовскій руководился не аттестаціями начальниковъ, дѣлавшихъ ему представленія, а прибѣгалъ къ странному пріему. Обыкновенно онъ бралъ списки, зажмуривалъ глаза и, приговаривая „везе не везе", „везе не везе", черкалъ перомъ по фамиліямъ. Тѣ, которые оказывались не зачеркнутыми представлялись къ наградамъ. Благодаря этому курьезному пріему, лучшіе кандидаты часто исключались изъ наградныхъ списковъ. Тогда представлявшіе наградные списки начальники стали помѣщать лучшихъ кандидатовъ въ концѣ списка, такъ какъ послѣднія въ спискѣ фамиліи чаще всего оставались не тронутыми, благодаря чудачеству генерала.

Въ небольшой біографіи Заводовскаго, Г. Н. Прозрителевъ передаетъ разсказъ о Заводовскомъ, какъ о взяточникѣ и человѣкѣ,

отличавшемся самодурствомъ и грубостью. Объ этомъ было много ходячихъ разсказовъ. По разсказамъ, подрядчикамъ онъ говорилъ, просматривая поданныя ими заявленія, что не можетъ по неразборчивости почерка прочитать эти заявленія до тѣхъ поръ, пока подрядчикъ не вкладывалъ внутрь заявленія извѣстное количество ассигнацій. Тогда генералъ быстро осваивался съ почеркомъ заявленія. Быть можетъ, въ этомъ есть своя доля правды, но это не исключаетъ ни ума, ни военнаго таланта въ самоучкѣ генералѣ.

Еще при жизни Заводовскаго написана была на него цѣлая сатира въ стихахъ въ формѣ исповѣди пана Твардовскаго. Въ сатирѣ генералъ названъ „палачемъ Кавказа“, изображенъ атеистомъ, продавшимъ душу черту, и человѣкомъ, не признававшимъ ничего святого—ни совѣсти, ни чести, ни родителей, ни семьи. Молва приписывала составленіе сатиры или историку генералу И. Д. Попкѣ, или же кропотливому труженику въ той же области І. В. Бентковскому. Но сатира такъ плохо написана, отличается такимъ шаржемъ, такъ убога юморомъ, на который видимо разсчитывалъ ея авторъ, мѣстами такъ грѣшитъ противъ малороссійскаго языка, на которомъ она написана, и такъ близко граничитъ съ малограмотностью, что не можетъ быть и рѣчи о составленіи ея И. Д. Попкой.

Къ Заводовскому вообще относились крайне недружелюбно. Его всѣ не любили. Болѣе того. Заводовскаго не просто не любили, а завидовали ему, ненавидѣли, злословили и въ то же время боялись. Разсказывали, что онъ человѣкъ крайне невѣжественный, безграмотный, которому даже резолюціи на бумагахъ писали адъютанты его. „Приходится теперь, говоритъ Прозрителевъ, крайне удивляться такой несправедливости“. Въ архивныхъ дѣлахъ остались собственноручныя резолюціи и замѣтки Заводовскаго, „написанныя грамотно, умно, съ полнымъ знаніемъ дѣла“. Къ этому надо прибавить, что въ этихъ резолюціяхъ и замѣткахъ всегда сквозили правильный взглядъ на дѣло и пониманіе сложныхъ общественныхъ явленій.

Если вѣрить генералу Попкѣ, а не вѣрить ему нѣтъ никакихъ основаній, то Заводовскій своею смертью доказалъ, что онъ былъ человѣкъ большого нравственнаго закала, принесшій въ послѣднія минуты своей жизни личные интересы въ жертву государственному дѣлу. Въ ноябрѣ 1853 г. онъ отправился больнымъ въ походъ за Кубань. Ни просьбы семьи, ни требованія врача не поколебали его рѣшенія. При общемъ разстройствѣ организма, онъ захватилъ въ походѣ желчную лихорадку и умеръ на своемъ посту въ походной каретѣ при обратномъ движеніи войска.

Другіе факты свидѣтельствуютъ о томъ, что Заводовскій любилъ Черноморію и съ разумною заботливостью относился къ нуждамъ ея населенія. Когда онъ назначенъ былъ въ 1830 г. наказнымъ атаманомъ, то началъ атаманскую дѣятельность съ знаком-

ства съ положенiемъ края и съ ревизiи управленiя имъ на мѣстахъ. По куренямъ онъ послалъ подполковника Табанца и войсковыхъ старшинъ Журавля и Порохню, поручивши имъ обревизовать куренныя управленiя и выяснить по опредѣленной программѣ положенiе казачьяго населенiя въ куреняхъ. Ревизоры должны были сообщить Заводовскому о дѣятельности сыскныхъ начальниковъ и куренныхъ атамановъ, провѣрить движенiе куренныхъ суммъ, выяснить, кто и какъ контролируетъ ихъ, учесть источники доходовъ, установить, ведутся ли очередные списки, какъ снаряжаются казаки на службу, размѣръ и характеръ повинностей и вообще произвести самую широкую ревизiю по всѣмъ статьямъ хозяйственной жизни населенiя. Одновременно съ этимъ ревизорамъ поручено было выяснить примѣненiе на дѣлѣ положенiя 1827 года и степень соотвѣтствiя его требованiй съ дѣятельностью сыскныхъ начальниковъ, куренныхъ атамановъ и пр.

Въ это время уже обнаружена была недостаточность новаго закона примѣнительно къ осложнившимся условiямъ казачьей жизни. Требовались болѣе глубокiя измѣненiя въ управленiи войскомъ.

Вопросъ о преобразованiи Черноморскаго войска былъ возбужденъ еще въ 1829 году, при наказномъ атаманѣ Безкровномъ. Съ этою цѣлью была образована въ городѣ Ставрополѣ коммиссiя, въ которую отъ войска Безкровный назначилъ подполковника Зинченка. Коммиссiя, однако, не заявила себя чѣмъ-либо заслуживающимъ вниманiя. Спустя три года, въ 1832 году, по Высочайшему повелѣнiю, образованъ былъ комитетъ о преобразованiи Черноморскаго казачьяго войска, подъ предсѣдательствомъ генерала Заводовскаго. По распоряженiю главнокомандующаго Грузiей и на Кавказѣ барона Розена, въ составъ комитета вошли надворные совѣтники Арнаутовъ и Подпалый, а со стороны войска Заводовскiй назначилъ подполковника Зинченка, войскового старшину Журавля и секретаремъ комитета сотника Николаенка. Новый комитетъ проявилъ больше дѣятельности, чѣмъ первая коммиссiя, занимаясь подготовкою матерiаловъ для составленiя новаго положенiя о Черноморскомъ войскѣ. Было выяснено состоянiе войска и намѣчены примѣнительно къ нему пункты новаго положенiя. Въ 1839 году на содержанiе комитета уже было издержано 22 тыс. рублей. Сумма для того времени довольно значительная, но работы комитета проходили черезъ рядъ инстанцiй, изъ которыхъ каждая внесла поправки и замѣчанiя. Особенно сильной критикѣ и передѣлкѣ эти работы подвергнуты были командующимъ войсками на Кавказской линiи и въ Черноморiи г.-л. Вельяминовымъ. Вмѣсто обычнаго заключенiя Вельяминовъ составилъ объемистую записку, наполнивши ее огромнымъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ соображенiй.

Записка эта очень характерна въ томъ отношенiи, что даетъ яркiй образчикъ того смѣлаго и безцеремоннаго перекраиванiя казачьихъ порядковъ, которыми желали облагодѣтельствовать черно-

морцевъ разнаго рода начальники. По своимъ основнымъ положеніямъ, записка Вельяминова не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, но она наполнена огромнымъ количествомъ соображеній и указаній, часто противорѣчивыхъ и несостоятельныхъ и тѣмъ не менѣе хорошо освѣщающихъ состояніе управленія и дѣлъ въ Черноморіи. Существенный недостатокъ записки заключался въ томъ, что самонадѣянный генералъ не захотѣлъ знать ни особенностей казачьяго быта, ни тѣхъ Высочайше пожалованныхъ казакамъ грамотъ, которыми закрѣплялись эти особенности въ жизни. Вопреки этимъ грамотамъ, Вельяминовъ прежде всего лишилъ черноморскихъ казаковъ правъ на принадлежавшія имъ по закону земли, создавши цѣлую систему сложной разверстки земель, не соотвѣтствующей требованіямъ дѣйствительности. Надѣляя казаковъ за службу ихъ собственными же землями, Вельяминовъ назначилъ полный пай земли только казакамъ, состоявшимъ на дѣйствительной службѣ, казакамъ же внутренно-служащимъ и малолѣткамъ съ 10 лѣтъ считалъ достаточнымъ дать треть пая, а отставныхъ казаковъ, затратившихъ всю жизнь на военную службу, онъ совсѣмъ лишалъ земли, поручая сыновьямъ кормить ихъ. Исключеніе было сдѣлало лишь для казаковъ, вышедшихъ въ отставку изъ за ранъ, полученныхъ въ бояхъ, и вслѣдствіе тяжкой болѣзни. Первымъ полагалось земли полъ пая, а вторымъ треть его. Дѣвушкамъ съ 10 лѣтъ до замужества и вдовамъ также полагалось $^1/_4$ пая, а если у вдовы были дѣти или зятья, состоявшіе на дѣйствительной службѣ, то она лишалась пая и содержать ее должны были эти сыновья и зятья. Однимъ словомъ, выходило такъ, что служащій на линіи казакъ, фактически совершенно лишенный возможности заниматься хозяйствомъ, надѣлялся полнымъ паемъ земли и закономъ обязывался кормить отставныхъ казаковъ и матерей съ тещами.

Черноморскихъ дворянъ Вельяминовъ проэктировалъ надѣлить участками въ пожизненное пользованіе. Мѣра несомнѣнно очень разумная и практичная. Но нормы надѣленія землей и въ этомъ случаѣ оказались крайне произвольными и гадательными. Такъ, полковые командиры непремѣнно должны были засѣвать 100 десятинъ земли и, кромѣ того, изъ 120 десятинъ причитавшейся имъ степной земли пускать двѣ трети подъ сѣнокосы и треть подъ выгонъ. Штабъ-офицерамъ вмѣнялось въ обязанность запахивать 70 дес. земли, есауламъ 50, капитанамъ 40 и хорунжимъ 30 дес. Соотвѣтственно съ такими нормами пахотной земли опредѣлены были и нормы степныхъ угодій—90, 70, 60 и 50 дес., изъ которыхъ двѣ трети полагалось для сѣнокосовъ и треть для выгона.

Распредѣливши, такимъ образомъ, часть земли на паи и участки, всѣ остальныя казачьи земли Вельяминовъ находилъ нужнымъ изъять у казаковъ и передать казенной палатѣ.

Казалось бы, что, при отвлеченіи рабочихъ рукъ на кордонную и внутреннюю по войску службу, казакамъ было крайне за-

труднительно обрабатывать полный пай земли, а офицерамъ совсѣмъ невозможно. Но сообразительный генералъ разрѣшилъ втораго рода затрудненіе очень просто. Земли офицеровъ запахивать и засѣвать должны были даромъ казаки; они же должны были снять, свезти и обмолотить хлѣбъ съ офицерскихъ земель, а сѣно скосить, сложить въ стога и затѣмъ перевезти въ офицерскіе дворы.

Всѣ остальныя стороны казачьей жизни Вельяминовъ опуталъ самою сложною сѣтью регламентаціи. Во многихъ случаяхъ правила этой регламентанціи переходили въ курень. Такъ, между прочимъ, казакамъ воспрещалось „воздѣлыванье сахарныхъ плантацій, виноградниковъ, шелковичныхъ насажденій и аптекарскихъ травъ“. Женщинамъ дозволялось наниматься на работы во всякомъ возрастѣ, а мужчинамъ только съ 15 до 25 лѣтъ, такъ какъ до 15 лѣтъ малолѣтокъ долженъ подготовляться къ службѣ, „чтобы сдѣлаться ловкимъ кавалеристомъ“, а съ 25 лѣтъ казакъ обязанъ нести дѣйствительную службу. Выходило, что казакамъ нельзя было нанять даже пастуховъ мальчиковъ. Дача векселей казакамъ строго воспрещалась, займы денегъ офицерами у казаковъ приравнивались къ уголовнымъ преступленіямъ и т. п.

Въ военномъ отношеніи все Черноморское войско Вельяминовъ предполагалъ передѣлать въ полки по образцу линейныхъ казаковъ, хотя у черноморцевъ существовали также полки. Но у черноморцевъ, при единомъ войскѣ, все высшее управленіе сосредоточивалось въ войсковой канцеляріи, съ одной стороны, и въ четырехъ земскихъ сыскныхъ начальствахъ съ полицеймейстеромъ г. Екатеринодара, съ другой. А по проэкту Вельяминова, слѣдовало завести, кромѣ цѣлаго ряда учрежденій—войскового управленія, казенной палаты, войскового суда, совѣстнаго суда, окружного суда, окружной опеки, окружныхъ управленій, управленій городскихъ и пр., еще 21 полковое управленіе. Дѣленіе казаковъ на конные и пѣшіе полки Вельяминовъ ни въ коемъ случаѣ не допускалъ. Пѣшіе казаки должны находиться въ составѣ конныхъ и получаться какъ бы естественнымъ путемъ. Потеряетъ казакъ на службѣ лошадь—вотъ онъ и станетъ пѣшимъ; нельзя пустить въ разъѣздъ по топкимъ мѣстамъ коннаго казака, тогда пусть онъ превратится въ пѣшаго, неудобно посылать въ секретъ казака съ лошадью—и опять надо спѣшить казака и т. д. Ружей съ штыками генералъ совсѣмъ не признавалъ, а за пики стоялъ, хотя впослѣдствіи онѣ совсѣмъ были отмѣнены.

Однимъ словомъ, въ проэктѣ Вельяминова можно было найти все, что только значилось въ существующихъ узаконеніяхъ по управленію Россіей плюсъ собственныя изобрѣтенія. Главное же условіе хорошаго управленія у казаковъ, по мнѣнію Вельяминова, должно было состоять въ радикальномъ искорененіи выборнаго начала. Даже въ куренныхъ управленіяхъ отмѣнялись выборы и во главѣ управленія должны стоять два лица по назначенію—станичный начальникъ и станичный атаманъ.

Г.-л. Григорій Антоновичъ Рашпиль,
исп. д. Наказнаго Атамана Черноморскаго казачьяго войска
съ 1844 по 1852 годъ

Была, однако, одна сторона въ запискѣ г.-л. Вельяминова, имѣющая историческое значеніе. Это критика того, что дѣйствительно было несовершенно у казаковъ. Въ роли ближайшаго начальника казачества, генералъ констатировалъ злоупотребленія администраціи, какъ главное зло въ управленіи; отмѣтилъ поразительную бѣдность казаковъ и тяжелыя условія ихъ службы, растлѣвающее вліяніе сыскныхъ начальствъ на экономическое положеніе казака и безцеремонную эксплоатацію начальниками служилыхъ казаковъ; установилъ бездоходность нѣкоторыхъ войсковыхъ предпріятій, чрезмѣрный гнетъ натуральныхъ повинностей, сильное развитіе скотокрадства, чѣмъ, по свидѣтельству Вельяминова, занимались не только казаки, но и офицеры, находившіеся въ воровскихъ связяхъ съ горцами и т. п. Но при наличности всего этого, Вельяминовъ предлагалъ такую ломку исторически сложившейся жизни казака и такую сложную сѣть мелочной и ненужной регламентаціи, отъ которыхъ казаку несомнѣнно во много разъ было бы хуже.

Къ счастью для черноморскихъ казаковъ во главѣ войска, на стражѣ его интересовъ, въ это время были два такихъ умныхъ дѣятеля, какъ генералы Заводовскій и Рашпиль. Благодаря имъ, въ проэктируемое для Черноморскаго войска узаконеніе попало очень мало вельяминовскихъ несообразностей.

Генералъ Григорій Антоновичъ Рашпиль считался правою рукою Заводовскаго по Черноморскому войску. Въ теченіи десяти лѣтъ, съ 1842 г. по 1852 г. онъ числился начальникомъ войскового штаба, исполнявшимъ должность наказнаго атамана. Въ дѣйствительности онъ и былъ наказнымъ атаманомъ, а Заводовскій лишь числился имъ, оставляя за собою руководящую роль.

Какъ и Заводовскій, Рашпиль не получилъ никакого образованія, но развилъ свои богатыя способности путемъ самообразованія. Въ этомъ отношеніи онъ пошелъ дальше Заводовскаго. Рашпиль былъ передовымъ человѣкомъ своего времени, съ широкими гуманными взглядами на отношенія людей, съ жаждою свѣта и знанія и честнаго, безукоризненнаго поведенія въ своей служебной дѣятельности. Рашпиля никто не смѣлъ упрекнуть ни въ самодурствѣ, ни во взяточничествѣ, ни даже въ малѣйшей податливости изъ за личныхъ интересовъ и карьеры.

Рашпиль родился 26 сентября 1801 г., на службу поступилъ въ 1814 г., тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, въ 1821 г. произведенъ въ первый офицерскій чинъ и черезъ 20 лѣтъ въ 1841 г. въ чинъ генералъ-маіора. Боевую службу онъ началъ въ 1827 г. въ Персіи, гдѣ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ сраженій и при взятіи крѣпостей Абасъ-Абада и Эривани. Въ 1831 г. онъ дѣйствовалъ противъ польскихъ мятежниковъ, а въ 1841 г. и съ 1844 г. по 1852 г. командовалъ самостоятельно отрядами при ежегодныхъ походахъ въ горы противъ черкесовъ.

Но Рашпиль былъ не столько военнымъ дѣятелемъ, сколько превосходнымъ администраторомъ. „На первомъ планѣ своей общественной дѣятельности, говоритъ современникъ Рашпиля историкъ Попка, онъ поставилъ три задачи: образованіе служебное, благоустройство земельное, просвѣщеніе умственное". Въ этихъ трехъ областяхъ онъ оставилъ неизгладимые слѣды своей дѣятельности.

Будучи самоучкой, жадно стремившимся къ знанію, онъ требовалъ отъ офицеровъ извѣстной подготовки. Въ этихъ видахъ онъ учредилъ въ Екатеринодарѣ конную учебную часть и лично обучалъ урядниковъ, подготовляя ихъ въ офицеры. Въ походахъ въ горы онъ всегда бралъ съ собою гвардейскій эскадронъ, какъ наглядный образецъ хорошо подготовленной и дисциплинированной части. Слѣдя за исправнымъ отбываніемъ службы, онъ не давалъ потачки уклонявшимся отъ нея подъ благовидными предлогами. Заглянулъ какъ-то Рашпиль въ мужской Лебяженскій монастырь и, увидѣвши тамъ рослыхъ, видныхъ, хорошо упитанныхъ и грамотныхъ послушниковъ, онъ немедленно пополнилъ ими гвардейскій эскадронъ. Съ начальниками кордоновъ и частей, обиравшими, по сложившейся среди Черноморскаго панства привычкѣ, казаковъ, онъ велъ упорную борьбу. Когда до свѣдѣнія его дошло, что кордонные начальники не пропускаютъ льготныхъ казаковъ за Кубань на охоты за дикими кабанами и за пропускъ требуютъ „билетовъ съ завязкой", т. е. мѣшковъ съ ячменемъ или пшеномъ, то атаманъ лично поскакалъ на кордоны, далъ нагоняй кордоннымъ начальникамъ и приказалъ изъ своей канцеляріи выдавать охотничьи билеты, чтобы способствовать тѣмъ образованію опытныхъ пластуновъ изъ охотниковъ. А „давалъ нагоняй" Рашпиль способомъ, который практиковался когда-то въ Запорожьѣ куренными атаманами. Войсковой старшина И. Н. Курганскій, служившій молодымъ офицеромъ во времена атаманства Рашпиля, передавалъ, что въ кабинетѣ у Рашпиля на стѣнѣ всегда висѣла казачья нагайка. Она предназначена была для взяточниковъ и воровъ, и всѣ это знали. Рашпиль принималъ обыкновенно посѣтителей и начальниковъ частей съ докладами въ пріемной и тутъ же дѣлалъ тѣ или другія распоряженія. Но если атаманъ любезно подходилъ къ кому-либо изъ служащихъ, пожималъ руку и приглашалъ къ себѣ въ кабинетъ, тогда остальные чиновники выразительно переглядывались. Это означало, что батько атаманъ уводилъ къ себѣ въ кабинетъ провинившагося, чтобы „дать ему нагоняй". Въ кабинетѣ атаманъ приказывалъ виновному стать къ нему спиной, и, перечисляя случаи взяточничества, отсчитывалъ на виновной спинѣ удары нагайкою. Рашпиль былъ вообще человѣкъ гуманный и деликатный, но для воровъ и взяточниковъ онъ дѣлалъ исключеніе.

Замѣчательно, что ни провинившіеся, ни та среда, въ которой они вращались, не питали никакой вражды противъ Рашпиля за его отеческую расправу. За взятки строго преслѣдовалъ и Заво-

довскій, но онъ предавалъ взяточниковъ суду, за которымъ слѣдовали лишеніе чиновъ, ссылка въ Сибирь и т. п. Рашпиль иначе смотрѣлъ на преступленія, которыя были повальными. Предать всѣхъ суду нельзя было и жестоко могли пострадать отъ суровой кары по военнымъ законамъ, быть можетъ, наименѣе виновные. Между тѣмъ страхъ атаманской плети и насмѣшки товарищей удерживали не одну преступную руку отъ взяточничества.

Болѣе упорное противодѣйствіе казачья старшина оказывала мѣрамъ урегулированія казачьяго землепользованія. Попка характеризуетъ то время, какъ періодъ безправія рядового казачества и полнаго произвола богачей-хуторянъ, пановъ. Чтобы поставить въ лучшія земельныя условія трудящееся казачье населеніе, Рашпиль считалъ крайне необходимымъ размежеваніе земель. Но „войсковые патриціи“ убѣдили Заводовскаго во вредѣ этой мѣры, грозившей процвѣтанію скотоводства, и только послѣ 1844 г., когда Заводовскій назначенъ былъ командующимъ войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, Рашпиль сталъ дѣйствовать самостоятельно и приступилъ къ межеванію земель.

Одновременно съ назначеніемъ Рашпиля исполняющимъ обязанности атамана Черноморскаго войска было утверждено положеніе 1842 г. и „совпаденіе свѣтлой личности Рашпиля съ преобразованіемъ войска по этому положенію“ находилъ особенно благопріятнымъ для войска И. Д. Попка. Рашпиль не только способствовалъ предварительной выработкѣ новаго положенія, но и первый примѣнилъ его. Но особенно заботливо онъ относился къ народному образованію.

Рашпиль засталъ народное образованіе въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Войсковая гимназія была закрыта, школъ почти не существовало. Помѣщая по недостатку мѣстныхъ учебныхъ заведеній казачьихъ дѣтей въ кадетскіе корпуса, Рашпиль вновь открылъ закрытую высшей администраціей гимназію, ѣздилъ по станицамъ и убѣждалъ родителей заводить школы, давалъ деньги на одежду и учебники дѣтямъ, учившимся грамотѣ, и всячески поощрялъ учителей, особенно „старыхъ дьячковъ, брившихъ бороды и носившихъ усы по казацки“. Для насажденія женскаго образованія, сторонникомъ котораго былъ генералъ, онъ учредилъ Маріинскую женскую пустынь и впослѣдствіи при ней училище для обученія дѣвочекъ грамотѣ, письму, рукодѣліямъ и домоводству.

Наконецъ, атаманъ Рашпиль, считавшій горцевъ неисправимыми мародерами, которымъ чужды были мирныя отношенія, съумѣлъ тѣмъ не менѣе, осуществить рядъ гуманныхъ и практически полезныхъ мѣръ, для культурнаго сближенія съ горцами. По его мысли, черкесы допущены были на ярмарки въ Екатеринодаръ, гдѣ они воочію знакомились съ благами мирной культуры. Благодаря Рашпилю, были произведены опыты найма мирныхъ черкесовъ на работы къ казакамъ. При немъ вообще расширились экономическія сноше-

нія съ горцами на мѣновыхъ дворахъ и пунктахъ. Мирные бжедухи добровольно шли на судъ къ Рашпилю и охотно подчинялись его справедливымъ рѣшеніямъ. Чтобы лучше ознакомиться съ особенностями черкесскаго быта, Рашпиль собиралъ свѣдѣнія о черкесскихъ обычаяхъ и составилъ свой сборникъ адатовъ, которымъ руководился при разборѣ споровъ между черкесами.

Однимъ словомъ, просвѣщенная дѣятельность Г. А. Рашпиля ставила его въ ряды самыхъ выдающихся атамановъ Черноморскаго войска. Къ крайнему сожалѣнію, этого крупнаго казачьяго дѣятеля постигло несчастье. Лишенный, благодаря противодѣйствію высшей администраціи, возможности проявлять свою благородную и благотворную дѣятельность, Г. А. Рашпиль, по словамъ Попки, „неожиданно для друзей и недруговъ и наперекоръ своей трезвой природѣ, сталъ искать утѣшенія въ мутномъ фіалѣ, отравившемъ не одно дарованіе, подорвавшимъ не одну силу на Руси съ тѣхъ поръ, какъ сказано: „Руси есть веселіе пити“. Генералъ Попка совершенно правильно предполагалъ, что этотъ недугъ, постигшій лучшаго изъ наказныхъ атамановъ Черноморскаго войска, былъ слѣдствіемъ утраты атаманомъ вѣры въ возможность осуществленія въ жизни казачества тѣхъ идеаловъ, которымъ служилъ этотъ благородный дѣятель.

Положеніе 1842 г. о Черноморскомъ казачьемъ войскѣ, опираясь на которое, Рашпиль стремился обновить Черноморію, представляетъ наиболѣе полный и юридически обоснованный актъ по казачьему законодательству, въ которомъ остались слѣды старинныхъ условій казачьяго быта и скомбинированы новѣйшія измѣненія въ этомъ духѣ.

Положеніе 1842 года подраздѣлено на четыре части. „Первая часть опредѣляетъ общій составъ Черноморскаго казачьяго войска, его обязанности и преимущества; вторая заключаетъ военное и гражданское управленіе въ совокупности; третья содержитъ военное управленіе въ особенности и четвертая—гражданское управленіе въ особенности“.

Въ основу положенія легли права казачества на землю. „Войско, гласитъ 2-й параграфъ положенія, владѣетъ принадлежащими ему землями по грамотамъ, въ разныя времена пожалованнымъ“. Въ составъ войска входили исключительно казаки, но положеніемъ допущены были дворовые люди, принадлежавшіе войсковымъ чиновникамъ, и инородцы. Такимъ образомъ, въ положеніи 1842 года закономъ въ первый разъ былъ нарушенъ основной принципъ казачьяго быта—внѣдреніе въ свободное казачье населеніе населенія зависимаго.

Въ военномъ отношеніи войско состояло изъ одного дивизіона лейбъ-гвардіи, 12 конныхъ полковъ, 10 пѣшихъ баталіоновъ и одной конно-артиллерійской бригады. Кромѣ того, въ войскѣ числилась войсковая сотня мастеровыхъ казаковъ служилаго состава. При

такой численности Черноморцы охраняли границы войска и поставляли полки, баталіоны и артиллерію на службу внѣ войска. Для службы на кордонной линіи посылалась треть наличнаго служащаго состава по очередямъ черезъ два года на третій, а двѣ трети оставались дома; въ случаяхъ же чрезвычайныхъ, когда военныя силы требовались на линію или командировались за предѣлы края, двѣ трети полковъ были на службѣ и одна по домамъ. Въ военномъ и гражданскомъ отношеніяхъ Черноморское войско было подчинено военному министру по департаменту военныхъ поселеній, а на мѣстѣ, на Кавказѣ, находилось въ вѣдѣніи командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, какъ главнокомандующаго и его посредника, командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, какъ мѣстнаго корпуснаго начальника.

Ближайшимъ начальникомъ войска былъ наказный атаманъ, пользовавшійся по военной части правами начальника дивизіи, а по гражданской—правами губернатора. Наказный атаманъ назначался и увольнялся по Высочайшему повелѣнію Правительствующимъ Сенатомъ. Помощникомъ атамана былъ начальникъ штаба, назначаемый и увольняемый также по Высочайшему повелѣнію Сенатомъ.

Штабъ носилъ названіе войскового дежурства и состоялъ изъ начальника штаба, дежурнаго штабъ-офицера, старшаго адъютанта и оберъ-офицера. Вѣдѣнію войскового дежурства подлежали „всѣ предметы военнаго управленія въ войскѣ"—по первому отдѣленію инспекторскіе и по второму военносудные.

Кромѣ войскового дежурства, къ военному управленію принадлежали еще три органа: комиссія военнаго суда, окружныя начальства и станичныя начальства.

Комиссія военнаго суда состояла изъ презуса, назначаемаго наказнымъ атаманомъ изъ штаба офицеровъ, четырехъ ассесоровъ, по назначенію атамана, и аудитора отъ центральнаго правительства. Непосредственное наблюденіе за безостановочнымъ дѣлопроизводствомъ лежало на начальникѣ штаба. А сама комиссія вела какъ слѣдственную, такъ и судебную части.

Черноморія была подраздѣлена на три округа и въ каждомъ округѣ было окружное дежурство, состоявшее изъ начальника округа, носившаго названіе окружнаго штабъ-офицера, изъ окружного адъютанта, его помощника, и аудитора. Первые три назначались наказнымъ атаманомъ, послѣдній—Правительствомъ.

Наконецъ, въ каждомъ округѣ числилось опредѣленное количество станицъ или куреней-въ Таманскомъ 21, въ Екатеринодарскомъ 20 и въ Ейскомъ 19. Такимъ образомъ, въ войскѣ было 60 станицъ, но станичныхъ правленій полагалось только 59, такъ какъ Тамань и станица Ахтанизовская имѣли одно станичное правленіе. Станичныя правленія составлялись изъ станичнаго атамана и двухъ судей и вѣдали военную и гражданскую части. Атаманъ и судьи избира-

лись обществомъ станицы, и станичное правленіе представляло мѣстную исполнительную власть, дѣйствовавшую на пространствѣ юрта своей станицы.

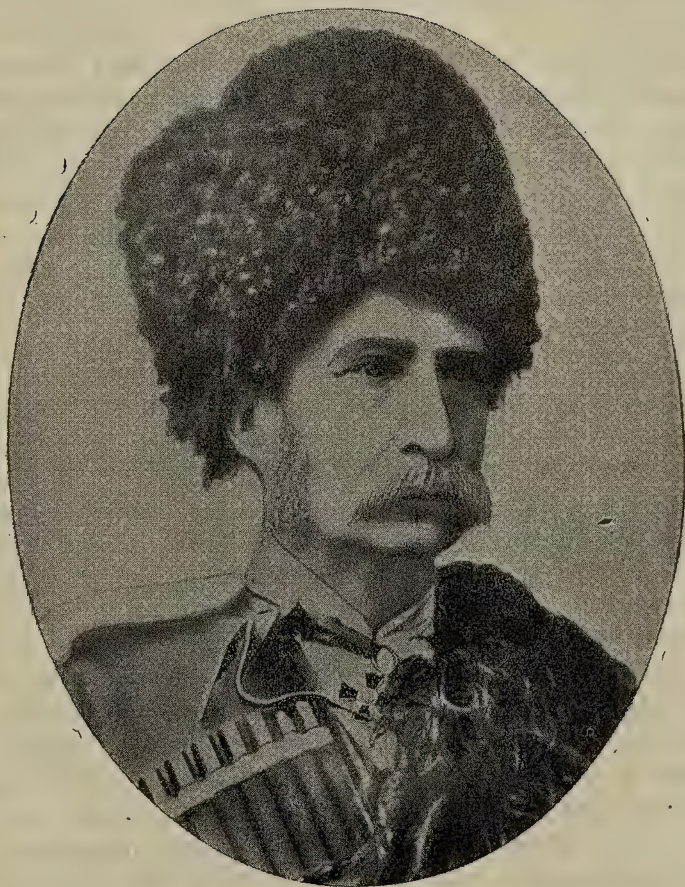
Войсковое гражданское управленіе составляли войсковое правленіе, войсковая врачебная управа, войсковая почтовая контора, войсковой прокуроръ, торговый словесный судъ и полиція г. Екатеринодара. Всѣ эти органы совершенно не касались военной части.

Войсковое правленіе состояло изъ предсѣдателя—наказнаго атамана, старшаго члена и четырехъ ассесоровъ. Въ правленіи присутствовалъ также начальникъ штаба. Старшій членъ и ассесоры назначались по представленіямъ наказнаго атамана, и войсковое правленіе вѣдало дѣла исполнительныя, войсковое хозяйство, поземельныя дѣла, дѣла гражданскаго судопроизводства и контрольныя или ревизію войсковыхъ отчетовъ. Сообразно съ этимъ, правленіе подраздѣлялось на пять экспедицій, при чемъ гражданская экспедиція вѣдала тѣ же дѣла, что и палата гражданскаго суда въ губерніяхъ.

Остальныя учрежденія—врачебная управа, прокуроръ, почтовая контора и полиція г. Екатеринодара, не играли видной роли въ общемъ управленіи войскомъ, а словесный судъ учрежденъ былъ исключительно для казаковъ торговаго сословія.

Центръ тяжести гражданскаго управленія находился въ окружныхъ учрежденіяхъ—въ окружномъ судѣ, сыскномъ начальствѣ, словесномъ мировомъ судѣ и окружномъ стряпчемъ, точнѣе, въ двухъ первыхъ учрежденіяхъ. Въ каждомъ окружномъ судѣ были судья и два засѣдателя—одинъ отъ чиновниковъ и одинъ отъ казаковъ. Судью назначалъ наказный атаманъ, а засѣдатели избирались чиновниками и казаками. Засѣдатели отъ казаковъ участвовали только въ дѣлахъ, касавшихся казаковъ и станицъ, а самые суды были тѣмъ же, чѣмъ уѣздные суды губернскаго правленія.

Наконецъ, послѣднюю самую низшую гражданскую инстанцію представляли станичныя правленія, состоявшія изъ станичнаго атамана и станичныхъ судей и вѣдавшія мѣстныя дѣла въ предѣлахъ станичнаго юрта. Въ этомъ отношеніи, кромѣ станичнаго атамана и судей, существенное значеніе имѣли станичное общество и станичный судъ. Первое было высшей инстанціей, вѣдавшей всѣ станичныя дѣла. Оно выбирало станичнаго атамана, станичныхъ судей и засѣдателя въ окружный судъ, обсуждало и рѣшало всѣ хозяйственно-общественныя дѣла и утверждало или отмѣняло приговоры станичнаго суда. Ему предоставлена была власть тѣлеснаго наказанія, „не причинявшаго ни увѣчья, ни поврежденія". Собственно же станичный судъ вѣдалъ какъ мелкія уголовныя дѣла—драки, буйства, оскорбленія словомъ, неповиновеніе станичнымъ властямъ и т. п., такъ и дѣла имущественныя по искамъ, не превышавшимъ 50 руб. Кромѣ станичнаго суда, оставленъ былъ, согласно казачьимъ обычаямъ, судъ посредниковъ или третейскій.

Г.-м. Яковъ Герасимовичъ Кухаренко,
исп. д. Наказнаго Атамана Черноморскаго Казачьяго войска
съ 1852 по 1856 годъ

Такой характеръ носило управленіе по положенію 1842 года. Закономъ этимъ несомнѣнно были упорядочены разныя отрасли управленія. Существенно важнымъ было строгое разграниченіе между военною и гражданскою частями, при условіи совершеннаго изолированія гражданской власти отъ дѣлъ чисто военныхъ. Съузилась область зависимости для военно-служащаго казака, усилилась отвѣтственность военныхъ властей, улучшился контроль за ихъ дѣйствіями и военными порядками и меньше, въ силу всего этого, стало злоупотребленій. Слабѣе это отразилось на судебныхъ дѣлахъ и гражданскомъ управленіи. Но все это было достигнуто, благодаря лишь тому обстоятельству, что положеніе 1842 г. выработано было мѣстными дѣятелями.

Сверстникъ Рашпиля и его замѣститель, какъ начальникъ штаба и исполняющій обязанности наказнаго атамана, Яковъ Герасимовичъ Кухаренко нашелъ совершенно сложившіеся порядки и налаженныя войсковыя дѣла. Казачье управленіе было образовано по положенію 1842 г. Кухаренко былъ послѣднимъ наказнымъ атаманомъ изъ черноморскихъ казаковъ, съ 1852 г. по 1855 г. Онъ занялъ это мѣсто при неблагопріятныхъ для него уловіяхъ. Со сцены только-что сошли такіе крупные казачьи дѣятели, какъ Заводовскій и Рашпиль, два года Черноморія переживала тревоги восточной войны, въ правительственной атмосферѣ носились признаки переустройства казачьихъ войскъ, борьба съ горцами принимала характеръ послѣдняго и самаго ожесточеннаго акта кавказской войны. Все это какъ бы затѣняло дѣятельность новаго атамана.

Кухаренко родился въ 1799 г., а на службу поступилъ въ 1814 г. Въ теченіе 9 лѣтъ онъ числился сотеннымъ есауломъ, т. е. урядникомъ, и въ офицеры произведенъ въ 1823 г., въ генералъ-маіоры въ 1853 г. Боевая служба Кухаренка прошла исключительно въ борьбѣ съ горцами. Въ большинствѣ случаевъ ему приходилось дѣйствовать, какъ зависимому отъ другихъ офицеру, и рѣже въ роли командира отряда. Только съ 1852 по 1856 г. Кухаренко, какъ самостоятельный начальникъ отряда, совершилъ нѣсколько походовъ противъ черкесовъ и эти выступленія были умѣлыми и очень удачными. Онъ же отчасти руководилъ и защитою Таманскаго полуострова и Азовскаго побережья во время восточной войны.

Въ разное время Я. Г. Кухаренко несъ обязанности по администраціи и гражданской службѣ. Съ 1833 по 1836 г. онъ былъ ассесоромъ войсковой канцеляріи по выбору отъ дворянства и временно несъ обязанности прокурора; съ 1838 по 1840 г. состоялъ непремѣннымъ членомъ войсковой канцеляріи по экономической экспедиціи; а въ 1842 г. назначенъ былъ окружнымъ штабъ-офицеромъ Ейскаго военнаго округа. Въ 1851 г., вскорѣ послѣ вступленія въ департаментъ военныхъ поселеній членомъ общаго присутствія по дѣламъ казачьихъ войскъ, Кухаренко назначенъ былъ исправляющимъ должность наказнаго атамана Азовскаго казачьяго

войска, а годъ спустя переведенъ былъ на такую же должность въ родное Черноморское войско.

Такимъ образомъ, до назначенія наказнымъ атаманомъ Черноморскаго войска Кухаренко прошелъ, въ теченіе 38 лѣтъ, всѣ важнѣйшія ступени казачьей военной и гражданской службы. Это дало ему возможность стать сразу же въ положеніе близко знакомаго съ дѣломъ лица въ роли атамана на родинѣ. Такимъ и былъ генералъ Кухаренко, но его дѣятельность не выходила изъ узкихъ рамокъ ординарныхъ распоряженій и обычнаго соблюденія благоустройства и порядка. Болѣе крупную роль пришлось ему выполнить позже, когда возникъ вопросъ о заселеніи Закубанья черноморцами, но объ этомъ будетъ рѣчь уже въ III томѣ „Исторіи Кубанскаго казачьяго войска“. Тогда же будутъ переданы и подробности трагической кончины этого генерала.

Въ іюлѣ 1855 г. казачій атаманъ Кухаренко былъ замѣненъ генераломъ Григоріемъ Ивановичемъ Филипсономъ, числившимся по генеральному штабу. Послѣднее обстоятельство несомнѣнно служило причиною замѣны казака-генерала генераломъ регулярныхъ войскъ. Въ то время восточная война была въ разгарѣ. На обязанности наказнаго атамана Черноморскаго войска лежала отвѣтственная задача по защитѣ отъ непріятеля Черноморскаго и Азовскаго побережій. Нуженъ былъ опытный спеціалистъ военнаго дѣла, чтобы успѣшно бороться съ европейскими войсками. Такимъ былъ представитель генеральнаго штаба Г. И. Филипсонъ.

Нѣмецкая фамилія Филипсона значилась въ дворянскихъ книгахъ Казанской губерніи, гдѣ онъ родился въ 1805 г. На военную службу онъ поступилъ подпрапорщикомъ въ Олонецкій пѣхотный полкъ въ 1823 г. Военная дѣятельность Филипсона началась въ 1831 г. участіемъ въ цѣломъ рядѣ мелкихъ стычекъ и въ трехъ генеральныхъ сраженіяхъ съ поляками подъ Прагою, Остроленкою и у Варшавы. Но большая часть боевой службы Филипсона проведена въ борьбѣ съ кавказскими горцами и преимущественно на восточномъ побережьѣ Чернаго моря. Здѣсь онъ участвовалъ въ экспедиціи г.-л. Вельяминова въ 1837 г., а затѣмъ съ 1838 по 1842 г. въ такихъ же экспедиціяхъ г.-л. Раевскаго и г.-а. Анрепа. Въ журналахъ военныхъ дѣйствій по Черноморскому побережью за это время осталось не мало указаній на исправную и разностороннюю дѣятельность Филипсона, какъ образцоваго офицера генеральнаго штаба. Въ 1856, 1857 и въ 1858 г.г. Филипсонъ дѣйствовалъ противъ горцевъ, какъ самостоятельный начальникъ Черноморскаго побережья и Черноморской кордонной линіи.

Филипсонъ считался однимъ изъ образованнѣйшихъ офицеровъ своего времени. Въ академію генеральнаго штаба онъ поступилъ въ 1833 г. и блестяще, съ чиномъ капитана и большой серебряной медалью, окончилъ курсъ академіи въ 1835 г. Въ 1845 г. онъ былъ начальникомъ штаба войскъ Сѣвернаго Кавказа, но въ 1850 г.

Г.-л Григорій Ивановичъ Филипсонъ,
Наказный Атаманъ Черноморскаго казачьяго войска
съ 1855 по 1860 годъ

болѣзнь заставила его выйти въ отставку. Въ 1855 г. онъ снова поступилъ въ ряды арміи и сначала былъ назначенъ въ распоряженіе г.-а. Хомутова, а затѣмъ вскорѣ въ томъ же году и наказнымъ атаманомъ Черноморскаго казачьяго войска. Впослѣдствіи генералъ Филипсонъ былъ попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа во время студенческихъ волненій въ 1860 г.

Какъ наказный атаманъ Черноморскаго войска, Филипсонъ не выходилъ изъ роли охранителя сложившихся въ войскѣ порядковъ казачьяго управленія и оставилъ въ войскѣ о себѣ добрую память просвѣщеннаго и заботливаго начальника.

Въ 1857 г. начальникомъ штаба Черноморскаго войска и главнымъ помощникомъ Филипсона назначенъ былъ г.-м. Левъ Ивановичъ Кусаковъ.

Кусаковъ родился въ 1803 г., на военную службу поступилъ унтеръ-офицеромъ во 2-й карабинерскій полкъ въ 1818 г., а въ слѣдующемъ 1819 г. произведенъ былъ въ чинъ прапорщика. Но молодому офицеру долго потомъ пришлось тянуть лямку въ офицерскихъ чинахъ и только черезъ 35 лѣтъ въ 1854 г. онъ получилъ чинъ генералъ-маіора.

Боевая дѣятельность Кусакова не отличалась ни разнообразіемъ, ни особенно блестящими эпизодами. Въ 1831 году онъ участвовалъ рядовымъ офицеромъ въ борьбѣ русскихъ войскъ съ польскими повстанцами. Затѣмъ вся остальная служба Кусакова протекла на Кавказѣ въ сраженіяхъ русскихъ войскъ съ кавказскими горцами. Кусаковъ несъ эту службу исправно и всегда пользовался репутаціей исполнительнаго офицера.

Съ такою репутаціей онъ назначенъ былъ сначала начальникомъ штаба Черноморскаго войска, а затѣмъ на короткое время и наказнымъ атаманомъ того же войска. Порученія высшаго начальства этотъ атаманъ исполнялъ въ точности и своевременно. Съ казаками жилъ въ ладахъ и согласіи. Отличаясь непомѣрною тучностью, онъ не участвовалъ въ походахъ и относился къ служащимъ добродушно и доброжелательно. Единственную мѣру, намѣченную имъ въ видѣ выдѣленія части войсковыхъ земель въ частную собственность, онъ самъ же и отмѣнилъ, убѣдившись въ невозможности осуществленія ея.

Черноморскіе казаки узнали дѣйствительную цѣну Л. И. Кусакова лишь впослѣдствіи, когда онъ не стоялъ уже въ рядахъ казачества, но когда онъ сталъ на сторону казаковъ въ вопросѣ о переселеніи ихъ за Кубань. Это уже относится къ послѣдующимъ событіямъ, обзоръ которыхъ войдетъ въ III томъ „Исторіи Кубанскаго Казачьяго войска“, когда не существовало самостоятельной Черноморіи.

Такимъ образомъ, генералъ Кусаковъ короткое время, въ 1860 г. и въ началѣ 1861 г., былъ послѣднимъ наказнымъ атаманомъ Черноморскаго казачьяго войска.

Во времена управленія войскомъ генералами Филипсономъ и Кусаковымъ, въ средѣ высшей кавказской военной администраціи возникли предположенія о преобразованіи Кавказскаго и Черноморскаго казачьихъ войскъ. Въ это время шли подготовительныя работы и вырабатывался проэктъ преобразованія этихъ войскъ въ Кубанское и Терское. Къ Черноморскому войску присоединена была довольно значительная территорія Кавказскаго войска въ предѣлахъ такъ называемыхъ Старой и Новой линій. Съ этого времени собственно начался періодъ существованія Кубанскаго казачьяго войска.

Глава IV.

ОХРАНА ГРАНИЦЫ и ВОЕННАЯ СЛУЖБА.

Черноморцы были поселены на Кубани, какъ военная боевая сила; имъ поручены были „бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ". Поэтому, охрана границъ и военная служба сразу же охватили всю жизнь черноморца на Кубани.

Казакъ занималъ край не какъ хозяинъ и производитель, а какъ воинъ и защитникъ окраинъ Россіи. Главный городъ войска Екатеринодаръ былъ заложенъ не въ центрѣ края или у моря, а на черкесской границѣ, на самой чертѣ ея. Большинство куренныхъ селеній первоначально было вытянуто вдоль Кубани близъ границы. Укрѣпленія—кордоны или посты, батарейки и пикеты, окаймляли край по границѣ съ одной южной ея стороны. Все пріурочено было къ границѣ.

Что же такое представляла собою эта граница?

Одну лишь горную рѣку. Точно огромной блестящей змѣей извивалась Кубань на всемъ протяженіи заселяемаго казаками края. Это и была пограничная черта.

Къ границѣ были приноровлены главнѣйшіе моменты въ жизни казака. Большую часть военной службы черноморецъ былъ на границѣ, жилъ на кордонѣ и отсюда поочередно ходилъ и ѣздилъ то на пикеты, то въ разъѣзды, то въ ночные залоги. Днемъ и ночью онъ привязанъ былъ этой службой къ пограничной линіи, точно къ какой то невидимой нити, которая тянулась отъ береговъ Чернаго моря далеко на востокъ сначала по Кубани, а отсюда по Тереку до моря Каспійскаго. Благодаря этой таинственной нити, постоянно чувствовалась живая связь между разрозненными группами казаковъ по кордонамъ и пикетамъ. Когда дозорный, стоявшій на вышкѣ Бугазскаго пикета у самаго берега Чернаго моря, затягивалъ громогласное: „Слу-у-шай!", а дозорный на сосѣдней вышкѣ

Общій видъ Черноморской Кордонной линіи

подхватывалъ это „слушай“ и передавалъ дозорному слѣдующей вышки, то этотъ предостерегающій окрикъ бодрствующаго на границѣ казака, точно перекатною волною, доходилъ въ два-три часа отъ моря до Екатеринодара и дальше его и затѣмъ отдаленнымъ эхомъ возвращался обратно къ морю. Это былъ своего рода казачій телефонъ, которымъ можно было хорошо пользоваться въ тихую погоду.

Размѣщенные по кордонамъ казаки несли собственно гарнизонную службу. Укрѣпленный постъ или кордонъ былъ маленькою крѣпостью, а находившіеся въ немъ казаки гарнизономъ. Но это былъ особый казачій гарнизонъ, форма подвижная, мѣняющаяся по роду дѣятельности. Въ кордонѣ находилось лишь ядро казачьей боевой дружины, изъ котораго днемъ и ночью выдѣлялись отдѣльныя части—караулы на пикетахъ, „разъѣзды“ для подвижного осмотра мѣстности и „залоги“ въ секретныхъ пунктахъ дозора. Казаки назначались въ эти подвижныя части гарнизона по очереди, а иногда и „по способностямъ“, кто къ чему имѣлъ больше склонности и навыка. Такимъ образомъ, при несеніи кордонной службы, мѣнялось гарнизонное ядро, мѣнялись и его части.

И вотъ, когда раздавался выстрѣлъ на залогѣ въ камышахъ, когда въ темную ночь ярко вспыхивала на пикетѣ „фигура“, т. е. зажженная смоляная бочка или просто пукъ горючаго матеріала, когда во весь опоръ мчался нарочный съ крикомъ: „черкесы!“ тогда гарнизонъ, его части и всѣ, кто находился вблизи, приходили въ усиленное движеніе. Съ пикетовъ, разъѣздовъ и залогъ во всѣ стороны, гдѣ можно было расчитывать на присутствіе военной силы или кому грозила опасность черкесскаго набѣга, мчались нарочные; мелкія части спѣшили соединиться и усилиться; одиночки и безсильные прятались гдѣ нибудь. Поднималась „тревога“. Горнисты и барабанщики, гдѣ они были, играли въ рожки и били въ барабаны „на тревогу“. На дальнія разстоянія вѣсть о тревогѣ подавали выстрѣлами изъ пушки. И туда, гдѣ была тревога, изъ разныхъ кордоновъ и мѣстъ мчались вооруженныя казачьи команды. Плохо приходилось непріятелю, когда объединенныя силы казаковъ заставали его на мѣстѣ преступленія.

Такъ велась казаками защита границъ. Чтобы держать ее на должной высотѣ, требовалось постоянное напряженіе силъ. Особенно трудно было это черноморцамъ на первыхъ порахъ, когда заселялся ими край и они не успѣли еще освоиться съ особенностями его.

Хотя черноморцамъ по наслѣдству достался готовый уже планъ укрѣпленій, но къ нему нужно было приспособиться. Граница, отдѣлявшая земли казаковъ отъ земель черкесовъ, укрѣплена была почти исключительно кордонами или постами. Крѣпости были только въ Екатеринодарѣ да въ Фанагоріи, но послѣдняя даже не входила въ общую систему охранныхъ пограничныхъ укрѣпленій. Между кордонами на небольшихъ разстояніяхъ устроены были пикеты или, какъ называли ихъ казаки, „бикеты“, еще болѣе мелкіе пункты

для наблюденія за непріятелемъ. Въ немногихъ мѣстахъ поставлены были батарейки, что-то среднее между постомъ и пикетомъ. Всѣ эти укрѣпленные пункты связывались уже живыми людьми, главнымъ образомъ разъѣздами.

Кордонъ имѣлъ видъ крѣпости. Онъ былъ обнесенъ рвомъ и плетнемъ, имѣлъ помѣщенія для войска, лошадей и боевыхъ запасовъ, располагалъ пушками и достаточнымъ по тому времени количествомъ людей.

Батарейка назначалась исключительно для пушечной пальбы. Она была опорнымъ пунктомъ при военныхъ операціяхъ на случай наступленій на непріятеля или отступленій отъ него.

Пикетъ представлялъ собою простой шалашъ съ вышкой для наблюденія, обнесенный двойнымъ, засыпаннымъ землей, плетнемъ, за которымъ укрывались казаки.

Разъѣздъ составлялся изъ небольшой партіи конныхъ казаковъ подъ командой офицера, урядника или просто опытнаго казака. Были разъѣзды дневные и ночные. Тѣ и другіе обязаны были по глухимъ тропамъ и укромнымъ мѣстамъ выслѣживать непріятеля и, открывъ его, немедленно давать знать о томъ въ кордоны, селенія и разнымъ частямъ войска.

Наконецъ, „залогами“ назывались небольшія команды изъ пѣшихъ казаковъ. Они „залегали“ обыкновенно ночью въ камышахъ, въ кустарникахъ, въ лѣсу по главнымъ ходовымъ мѣстамъ, по которымъ черкесы пробирались изъ-за Кубани, и назывались также „секретами“.

Чтобы обслуживать границу, при такихъ скромныхъ условіяхъ военной техники, требовалось извѣстное количество боевыхъ силъ. Нужны были офицеры, артиллеристы и, главное, расторопные казаки. Силами этими снабжали кордонную линію куренныя селенія. Каждый курень былъ приписанъ къ извѣстному кордону и съ нимъ однимъ только и вѣдался. Такъ расписаны были по кордонамъ всѣ черноморскія поселенія съ принадлежавшими имъ хуторами. Это, что называется, была поставка казака на кордоны натурою, казака готоваго, вооруженнаго и снабженнаго даже продовольствіемъ. Все это давалось самимъ населеніемъ и куренными обществами.

Но въ первые годы существованія войска, силъ у него было мало и самое войско неустроено. Тяжелая и безъ того кордонная служба еще болѣе отягощалась этими двумя обстоятельствами.

Въ августѣ 1797 года одинъ изъ казачьихъ полковниковъ доносилъ войсковому есаулу Гулику, что казаки, бывшіе подъ его командою на девяти кордонныхъ дистанціяхъ, такъ ослабѣли и отощали отъ напряженной службы, что многіе даже заболѣли. Сторожить границу приходилось неусыпно днемъ и ночью. Полковникъ просилъ войскового есаула дать небольшую передышку, „хоть малое послабленіе“ его казакамъ. Это были обычныя жалобы казаковъ въ то переходное время.

Тревога на линіи при набѣгѣ горцевъ

Тяжелое положеніе казаковъ въ отдѣльныхъ случаяхъ усугублялось неправильнымъ распредѣленіемъ куренныхъ селеній по кордонамъ. Нѣкоторые курени были приписаны не къ ближайшимъ къ нимъ кордонамъ, а къ отдаленнымъ. Самые курени переходили съ мѣста на мѣсто и часто за десятки и сотню верстъ отъ стараго „кишлища" и ближайшаго кордона. Такъ какъ казаки содержались по кордонамъ на собственный счетъ, то доставлять хлѣбъ и др. предметы домашняго обихода такимъ удаленнымъ отъ кордоновъ куренямъ было тяжело и убыточно. Въ апрѣлѣ 1810 года жители куреня Деревянковскаго просили отчислить ихъ отъ Староредутскаго кардона, какъ очень далеко отстоявшаго отъ ихъ куреня, и приписать къ какому-либо другому, ближайшему кордону. За четыре года службы на Староредутскомъ кордонѣ, писали деревянковцы, „они пришли въ крайнее отягощеніе", такъ какъ приходилось привозить провіантъ на кордонъ издалека и терпѣть большія стѣсненія отъ невозможности сообщенія съ куренемъ.

Кромѣ того, на казачье населеніе сразу были наложены нѣкоторыя непосильныя повинности. Казаковъ было мало, не хватало для надлежащей охраны границы, а ихъ требовали иногда еще на службу за предѣлы войска. Такъ, въ маѣ 1800 года генералъ-инженеръ фонъ-Дервельде просилъ Бурсака выслать 25 казаковъ съ старшиною для конвоя 50 невольниковъ, которымъ поручено было заготовить для топлива камышъ въ Темрюкскомъ лиманѣ, а также 26 казаковъ къ урочищу Бѣлая гора и въ Тамань для надзора за другими 50 невольниками, ломавшими камень. Невольники эти содержались въ Керченской крѣпости и посылались на казенныя работы.

Наконецъ, тяжесть кордонной службы обусловливалась и собственнымъ неустройствомъ военныхъ частей у казаковъ. До 1800 года въ Черноморіи не было другихъ войскъ, кромѣ своихъ казачьихъ. Нужно было усилить кордонныя команды, посылались по куренямъ распоряженія—и изъ куреней являлись необходимыя силы. Требовалось собрать цѣлый полкъ, писался приказъ отъ наказнаго атамана—и полкъ собирался. Въ мартѣ 1800 года Бурсакъ приказалъ сформировать пятисотенный полкъ для усиленія охраны границы—и полкъ былъ немедленно составленъ. Однимъ словомъ, каждый разъ, когда обнаруживалась нужда въ войскѣ, приказами начальства формировались команды, партіи и цѣлые полки. А при такомъ порядкѣ дѣлъ были недоборы, замедленія, одни казаки скрывались, другіе попадали въ формируемую часть сверхъ очереди. Вообще же и въ войскѣ и на кордонной линіи ощущался явный недостатокъ въ военныхъ силахъ. Казаковъ было мало, а службою они были обременены чрезмѣрно.

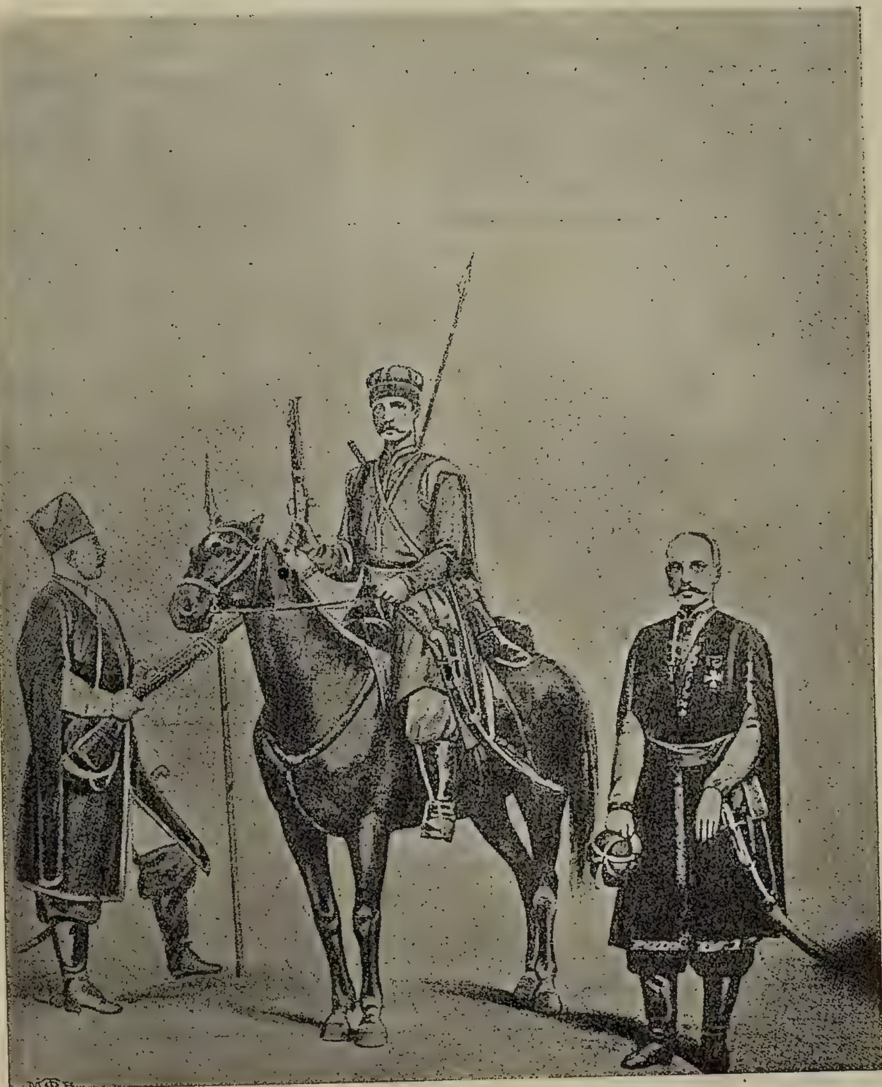
Чтобы облегчить казаковъ по кордонной службѣ и лучше обезпечить войсками границу, въ апрѣлѣ 1800 года, по Высочайшему повелѣнію, были направлены въ Черноморію два егерскихъ полка

генерала Драшковича и полковника Лейхнера. Оба полка были расположены частями на всемъ протяженіи Черноморской пограничной линіи, начиная отъ Тамани и до Усть-лабы, преимущественно по казачьимъ куренямъ. На черноморцевъ, которыхъ должны были защищать эти полки, возложены были, однако, тяжкія по тому времени натуральныя повинности—подводная, постойная и по снабженію егерей топливомъ. Черноморцы не успѣли еще устроить, какъ слѣдуетъ, для себя жилищъ, а съ нихъ потребовали помѣщеній для двухъ полковъ; черноморцамъ некогда и нечѣмъ было перевозить свое имущество, а они должны были нести подводную повинность и для егерскихъ полковъ. Но особенно тяжелою повинностью оказалось заготовленіе топлива для егерей. Такъ, для отопленія только одной Фонагорійской крѣпости, гдѣ находилась часть егерей, посылались изъ разныхъ мѣстъ Черноморіи казаки съ подводами за 200 и 300 верстъ съ мѣста жительства и, выражаясь словами рапорта Государю, „по 40 паръ воловъ почти безпрерывно упражнялись въ перевозкѣ топлива“.

Казаки находили несправедливыми эти повинности и жаловались на ихъ тяжесть. Такъ же относилась къ расквартированію егерей въ Черноморіи и войсковая администрація. Когда въ 1803 году, войсковой администраціи предложено было построить казармы для егерскихъ полковъ и тѣмъ снять съ казаковъ тяжелую постойную повинность, то она категорически отказалась исполнить это предложеніе. Войсковая канцелярія указала на то, что войско не обязано было производить такія затраты, да и средствъ для этого не имѣло, и что въ дѣйствительности не было никакой надобности въ присутствіи егерскихъ полковъ въ Черноморіи.

На самомъ дѣлѣ, егеря, какъ пѣхотинцы, были совершенно безполезны при быстрыхъ и неожиданныхъ набѣгахъ черкесскихъ всадниковъ. Они не въ состояніи были ихъ преслѣдовать. Къ тому же они совсѣмъ не несли той военной тяготы, которая ложилась на казаковъ. Между тѣмъ какъ казаки сторожили черкесовъ на самой линіи, несли напряженную службу на кордонахъ и пикетахъ, выставляя дневные и ночные разъѣзды и посылая казаковъ на ночь въ „залоги“ по секретнымъ мѣстамъ, егеря находились въ казачьихъ селеніяхъ и населенныхъ пунктахъ, какъ Екатеринодаръ или Фонагорійская крѣпость. Если прибавить къ этому претензіи егерскихъ командировъ и офицеровъ, неоднократно пытавшихся подчинить казаковъ и заправлять кордонными командами, то неудивительно, что сами казаки и ихъ начальство, видѣли въ егеряхъ не защитниковъ края, а обузу. Казачье начальство, поэтому, неоднократно просило перевести изъ Черноморіи егерей въ другія мѣста, какъ ничего не сдѣлавшихъ для защиты края, обѣщая съ своей стороны справляться съ черкесами при помощи однѣхъ собственныхъ казачьихъ силъ.

Сначала казачьи просьбы были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Но въ 1803 году на помощь черноморцамъ пришелъ графъ

Костюмы и боевое снаряженіе Черноморскихъ казаковъ
въ 1787—1803 г.

Ланжеронъ. Въ своемъ рапортѣ Государю отъ 8 августа 1803 года онъ говоритъ, что прежде онъ былъ сильно предубѣжденъ противъ черноморскихъ казаковъ, но, присмотрѣвшись ближе къ этому войску, онъ нашелъ нелѣпыми слухи о его неблагоустройствѣ. Ланжеронъ называетъ Черноморію „благоустроенною колоніею", которая создала рядъ „хорошихъ и обширныхъ селеній", завела хозяйство, соорудила 29 храмовъ и 1 монастырь, развила промыслы, увеличила до 84000 рублей войсковые доходы и, что особенно важно, успѣла „пріучить къ себѣ дикіе народы Кавказа". Располагая 20 полками, войско выставляло ежегодно 7 изъ нихъ для охраны границъ въ кордоны. На этомъ основаніи, Ланжеронъ просилъ Государя уважить ходатайство казаковъ и перевести изъ предѣловъ Черноморіи оба егерскихъ полка. Одинъ полкъ Ланжеронъ просилъ перевести въ Крымъ, а другой помѣстить въ Фанагорійской крѣпости, расширивши новыми пристройками казармы и принявши на счетъ казны отопленіе ихъ.

Ходатайство графа Ланжерона уважено было лишь по одному пункту. Указомъ военной коллегіи 21 сентября 1803 года приказано было, въ облегченіе Черноморскаго войска, принять на казенный счетъ отопленіе егерскихъ казармъ и жилищъ. Войска же оставлены были въ казачьихъ поселеніяхъ.

Между тѣмъ, при крайней неопредѣленности порядковъ по формированію частей для кордоновъ и въ полки, страдало прежде всего само населеніе, незнавшее заранѣе, когда и сколько изъ его рядовъ потребуется силъ. Ставилось въ затрудненіе и военное начальство, такъ какъ въ однихъ случаяхъ получались недоборы, въ другихъ на службу попадали не тѣ лица, которыя должны были отбывать ее, въ третьихъ оказывались лица непригодныя для службы и т. п. Требовался, однимъ словомъ, постоянный штатъ казачьихъ кадровъ. Центральное правительство ввело его. Высочайшимъ повелѣніемъ 16 апрѣля 1801 года было утверждено мнѣніе военной коллегіи о сформированіи въ Черноморскомъ войскѣ постоянныхъ 10 конныхъ и 10 пѣшихъ казачьихъ полковъ. Въ слѣдующемъ 1802 г. были сформированы и самые полки. Высочайшимъ указомъ 13 ноября этого года повелѣно было:

Образовать въ Черноморскомъ войскѣ 10 конныхъ и 10 пѣшихъ пятисотенныхъ полковъ, изъ состава которыхъ брать офицеровъ и нижнихъ чиновъ на службу во флотилію и при орудіяхъ.

Въ составъ каждаго полка ввести 1 полковника, 5 полковыхъ есауловъ, 5 сотниковъ, 5 хорунжихъ, 1 квартирмейстера, 1 писаря и 483 казака.

Казачьи чины приравнять: полковничій и войскового старшины къ маіору, полкового есаула къ ротмистру, сотника къ поручику, хорунжаго къ корнету, а квартирмейстера, какъ въ регулярныхъ войскахъ.

Всѣхъ старшинъ, служившихъ въ войскѣ, приказано возвести въ соотвѣтствующіе чины, и „впредь ни въ какіе офицерскіе чи-

ны по войску не производить“, а [illegible]тво представлять на усмотрѣніе Государя Императора.

Въ казачьихъ конныхъ полка[illegible]щихся на службѣ далѣе 100 верстъ отъ мѣста ихъ в[illegible] опредѣлено выдавать жалованье и содержаніе офицера[illegible] гусарскихъ полкахъ, писарю—30 р. въ годъ и провіан[illegible] 12 р. въ годъ, провіантъ и фуражъ на двѣ лошади- [illegible] натурою и на одну деньгами. Жалованье и содержані[illegible] полковъ приравнено къ полкамъ регулярной арміи.

Въ случаѣ общей войны та[illegible]жаніе должно производиться казачьимъ войскамъ, р[illegible]утъ двинуты на войну, посажены на суда, отряжены по [illegible]значенію и пр.

Къ концу года полки оконч[illegible]были сформированы и 15 мая было назначено днемъ еже[illegible]ны по очередямъ полковъ, посылаемыхъ для кордон[illegible]

Полковымъ устройствомъ д[illegible] степени было урегулировано правильное отбываніе ка[illegible]еленіемъ очередной службы на линіи и въ кордонахъ. Но [illegible] себѣ кордонная служба, кромѣ внутреннихъ по каждом[illegible]порядковъ, требовала извѣстнаго надзора и общаго ру[illegible]о всей пограничной линіи.

Первоначально на всю [illegible] линію назначался одинъ главный начальникъ. Таким[illegible]мъ состоялъ въ первое время заселенія края извѣс[illegible]на Мокій Гуликъ. Позже фактически имъ былъ наказ[illegible]таманъ Бурсакъ, человѣкъ энергичный, дѣятельный и [illegible]ъ 1806 года вся кордонная линія была раздѣлена [illegible] группы и въ каждую часть назначался особый начал[illegible] вѣдѣніи котораго находились кордоны его части. [illegible]й было четыре и распредѣленіе по нимъ кордон[illegible]ведено въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ часть 1-ю входили кордоны Редутскій, Изрядный, Воронежскій, Подмогильный, Константиновскій, Александринъ, Павловскій, Великомарьинскій, Екатеринодарскій и Александровскій. Къ этой же части были причислены два кордона, расположенные внутри Черноморіи—Кочатинскій и Кирпильскій.

Къ части 2-й отнесено было только четыре кордона: Елизаветинскій, Лагерный, Елинскій и Марьинскій.

Къ части 3-й причислено столько же: Новоекатериненскій, Ольгинскій, Славянскій и Протоцкій.

Наконецъ, часть 4-ю составили семь кордоновъ, находившихся на Таманскомъ полуостровѣ: Копыльскій, Петровскій, Старередутскій, Андреевскій, Смоленскій, Новогригорьевскій, Бугазскій.

Такое распредѣленіе кордоновъ на части произведено было сообразно съ особенностями мѣстностей. Въ первой части кордоны были расположены близко одинъ возлѣ другого, мѣстность была большею частью открытая и съ высокимъ берегомъ Кубани. Слѣдить за движеніями черкесовъ за Кубанью и предупреждать напа-

денія ихъ на край здѣсь было легче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Притомъ же въ Екатеринодарѣ жилъ самъ наказный атаманъ. Вторая и третья части находились въ иныхъ условіяхъ. Здѣсь и по лѣвую и по правую сторону Кубани было много плавней и мѣстъ удобныхъ для скрытаго прохода черкесовъ большими партіями. Части составлены изъ четырехъ кордоновъ каждая, такъ чтобы начальникъ части могъ во всякое время скорѣе объединять дѣйствія всѣхъ кордоновъ и быстрѣе передвигать, въ случаѣ нужды, казачьи команды въ мѣста появленія черкесскихъ партій. Въ такихъ же условіяхъ находился и Таманскій полуостровъ.

Сообразно съ этимъ, по кордонамъ распредѣлялись и боевыя силы, о чемъ можно судить по двумъ вѣдомостямъ о числѣ конныхъ и пѣшихъ казаковъ за два года

Части	Въ 1806 году:			Въ 1807 году:		
	Конныхъ	Пѣшихъ	Итого	Конныхъ	Пѣшихъ	Итого
Первая	565	150	715	717	633	1350
Вторая	525	140	665	890	374	1264
Третья	540	161	701	613	247	860
Четвертая	540	190	730	510	323	833
Итого . .	2170	641	2811	2730	1577	4307

Такимъ образомъ, по этимъ цифрамъ видно, что, независимо отъ количества кордоновъ, каждая часть ихъ обслуживалась приблизительно одинаковыми по количеству силами. При большемъ количествѣ кордоновъ въ первой части, приходилось на кордонъ въ среднемъ меньше, чѣмъ во второй и въ третьей частяхъ. Такъ, въ 1807 году въ первой части на кордонъ приходилось 135 казаковъ, въ третьей 215, а во второй 313 человѣкъ. Очевидно, распредѣленіе казаковъ по кордонамъ и частямъ сообразовалось съ условіями охранной службы и борьбы съ черкесами. Въ кордонахъ второй и третьей частей было наибольшее количество казаковъ, потому что имъ приходилось охранять большія пространства и требовался болѣе усиленный дозоръ.

Вообще кордонная служба сопровождалась частыми перемѣнами во всемъ—и въ общемъ составѣ охранныхъ силъ, и въ размѣщеніи ихъ по кордонамъ, и даже въ назначеніи укрѣпленій. Въ 1806 году по вѣдомостямъ значилось на кордонной линіи 2170 конныхъ казаковъ и 641 пѣшихъ, въ 1807 году 2730 первыхъ и 1597 вторыхъ, при 108 офицерахъ, а въ 1808 году 2586 конныхъ казаковъ и 1022 пѣшихъ, при 99 офицерахъ. Чѣмъ спокойнѣе было въ горахъ, тѣмъ меньше требовалось охранной стражи, и наоборотъ.

Въ 1806 году во второй части приходилось 166 казаковъ, на кордонъ, а въ третьей 175, т. е. на 9 человѣкъ больше; въ 1807 году, наоборотъ, во второй части на кордонъ приходилось 313 казаковъ, а въ третьей 215, т. е. не больше, а меньше почти на

цѣлую сотню. Иначе говоря, въ 1806 году обѣ части находились, повидимому, въ условіяхъ одинаковой охраны и равной борьбы съ горцами, а въ 1807 году центръ тяжести въ этомъ отношеніи перемѣстился во вторую часть.

Когда же проносилась военная гроза и выяснялись тѣ или другія выгоды и невыгоды борьбы съ горцами въ мѣстахъ самыхъ укрѣпленій, тогда вносились измѣненія и въ эту область военнаго дѣла. Такъ, въ 1808 году, по соображеніямъ Бурсака, Ришелье разрѣшилъ ему перенести Александровскій кордонъ въ батарею, расположенную возлѣ селенія Величковскаго, а на мѣстѣ кордона устроить новую батарею. Кордоны Кочатинскій и Кирпильскій, находившіеся внутри края, какъ-то сами собою упразднились, по мѣрѣ того, какъ для нихъ требовалось все меньше и меньше охранныхъ силъ.

Тѣ же военныя условія и требованія жизни имѣли рѣшающее вліяніе и на измѣненія въ разныхъ военныхъ частяхъ. Съ первыхъ же шаговъ борьбы казака съ горцемъ выяснилось, что для дозора за черкесами требовались въ одномъ мѣстѣ зоркій глазъ и боевая выдержка казака-наѣздника, а въ другомъ хитрость и терпѣніе пѣшаго казака, впослѣдствіи пластуна. Лучшимъ оружіемъ въ обоихъ случаяхъ было хорошее ружье, а способомъ борьбы—мѣткій выстрѣлъ. Точно также первыя боевыя стычки казаковъ съ черкесами въ массѣ показали, что пушка и артиллерійскій бой всегда имѣли рѣшающее значеніе на благопріятный исходъ сраженія для казаковъ. Такимъ образомъ, казачья кавалерія, пѣхота и артиллерія сразу же стали основными формами казачьяго войска. Особенно важное значеніе имѣла артиллерія, сливавшаяся первоначально съ остальными двумя частями.

На ряду съ этимъ, сразу же выяснилась полная непригодность казачьей флотиліи. Казачьи суда стояли безъ дѣла и лучшее, что они дали войску, были почтовыя и другія сношенія при помощи ихъ. На судахъ казачьей флотиліи переправлялись черезъ Таманскій проливъ и черезъ Бугазское гирло. Но—и только. Первый же опытъ плаванія казачьяго байдака по Кубани окончился тѣмъ, что черкесы, засѣвшіе въ скрытомъ мѣстѣ кубанскихъ плавней, перебили, переранили и забрали въ плѣнъ казачью команду и захватили до 200 пудовъ пороха и свинца, бывшаго на байдакѣ. Значеніе казачьей флотиліи въ дѣлѣ охраны границы было ничтожно, сводилось почти къ нулю. Иначе не могло и быть. Казачья флотилія, когда-то грозная и непобѣдимая на морѣ въ борьбѣ съ турками, оказалась непригодной на Кубани, гдѣ сосредоточена была вся казачья служба по охранѣ границы.

Казачья флотилія, стоя на водѣ безъ дѣла, неоднократно подвергалась аваріямъ. Въ январѣ 1800 года начальникъ флотиліи войсковой старшина Помело сообщилъ черноморскому войсковому правительству, что бурею 23 декабря 1799 года были повреждены

часть флотиліи, строеній и гавани. Вѣтромъ поломаны были зданія, попорчены приспособленія въ гавани и затоплена часть судовъ, въ томъ числѣ и стоявшее въ гавани флагманское судно. Суда эти оставлены были въ такомъ положеніи до весны, когда можно было поднять ихъ изъ воды. Тотъ же Помело писалъ 25 октября 1800 года, что 20 судовъ, затопленныхъ въ гавани декабрскою бурею, оказались мало пригодными для плаванія, а остальныя суда, уцѣлѣвшія отъ бури, также ветхи, и износились уже настолько, что ихъ приходится передѣлать заново.

Въ такомъ видѣ флотилія просуществовала и въ 1801 г. Но въ слѣдующемъ 1802 году адмиралу Мордвинову, по Высочайшему повелѣнію, приказано было передать Черноморскому войску выстроенныя на р. Хопрѣ 10 новыхъ лодокъ, вооруживши ихъ въ Таганрогѣ. Лодки эти, подъ названіемъ канонерскихъ, обслуживали берега Чернаго моря отъ Анапы до Одессы, имѣли по двѣ трехфунтовыхъ пушки по бокамъ и одно 18-ти фунтовое мѣдное орудіе на носу, разсчитаны были на 50 человѣкъ команды и мѣсячный провіантъ для нихъ, но въ дальній путь могли ходить только при большихъ судахъ.

Между тѣмъ обветшалыя суда казачьей флотиліи продолжали быть въ дѣлѣ. Въ октябрѣ 1804 года командиръ гребной флотиліи войсковой полковникъ Васюринцевъ донесъ Бурсаку, что, при перевозкѣ черезъ Босфорскій заливъ Троицкаго мушкатерскаго полка, лодки оказались такъ стары и обветшалы, что „чинить на нихъ разъѣды при Бугазѣ ни какъ дальше нельзя". Въ маѣ 1806 года новый командиръ флотиліи войсковой полковникъ Животовскій призналъ совершенно непригодными для плаванія ветхія лодки казачьей гребной флотиліи и предлагалъ перевезти изъ Керчи въ Тамань Херсонскій гренадерскій полкъ, слѣдовавшій на Кавказъ, на рыбачьихъ лодкахъ. Такъ онъ и поступилъ потомъ, прибавивши къ лучшимъ войсковымъ лодкамъ 4 рыбачьихъ баркаса изъ Темрюка, на которыхъ и былъ перевезенъ полкъ. Въ іюнѣ того же года, на предложеніе Бурсака починить 10 яликовъ, Животовскій отвѣтилъ, что сдѣлать этого нельзя, а нужно построить новые ялики, на что и представилъ смѣту.

Тѣмъ не менѣе, въ февралѣ 1807 года адмиралъ маркизъ де-Траверсе предписалъ Бурсаку ускорить исправленіе баркасовъ Черноморской гребной флотиліи, въ виду объявленной Турціи войны. Лодки были исправлены. Но 7 января 1808 года полковникъ Борзикъ, командовавшій казачьей гребной флотиліей, донесъ Бурсаку, что во время слѣдованія флотиліи на зимовку въ Темрюкъ, она захвачена была въ Керчи сильнѣйшимъ штормомъ, свирѣпствовавшимъ съ 30 сентября по 3-е октября. Во время этого шторма многія суда были сильно повреждены, нѣкоторыя мелкія лодки разбиты, у нѣкоторыхъ утеряны такелажъ, якоря и пр.

Наконецъ, въ мартѣ 1809 года Ришелье приказалъ Бурсаку сдать казачьи гребныя лодки [въ адмиралтейство, какъ никуда не

годныя, и построить новыя изъ собственнаго лѣса и на собственныя войсковыя средства. Такъ была похоронена когда-то грозная казачья флотилія, громившая турецкій флотъ и бравшая неприступныя крѣпости.

По лодкамъ была и команда. Лучшія силы казаковъ были отвлечены на Дунай на мелкія суда въ дѣйствующую русскую армію. Морской практики не было и новые кадры моряковъ не подготовлялись въ войскѣ. Дослуживали во флотиліи дряхлые старики. Въ маѣ 1807 года войсковой полковникъ Варавва просилъ назначить ему во флотилію трехъ офицеровъ, разумѣющихъ морское дѣло, такъ какъ наличные три старика-офицера были больны и до того дряхлы, что физически не могли нести военно-морской службы.

Не доставало людей и въ черноморскомъ полку, отправленномъ на Дунай для морской службы. Въ сентябрѣ 1808 года командиръ полка Матвѣевъ извѣстилъ Бурсака, что, въ виду недостатка людей въ казачьей флотиліи, онъ просилъ фельдмаршала князя Прозоровскаго пополнить казачью команду буджакскими запорожцами. А самъ Бурсакъ 30 ноября 1808 года донесъ Ришелье, что войско не могло дать 71 человѣка на пополненіе Дунайской команды, находившейся подъ начальствомъ войскового старшины Матвѣева, такъ какъ сверхкомплектныхъ казаковъ совсѣмъ нѣтъ въ наличности, и во всѣхъ казачьихъ полкахъ не оказывается полнаго состава служащихъ.

Вообще военная служба во флотиліи въ предѣлахъ войска не пользовалась популярностью, считалась тяжелою и безцѣльною. По свидѣтельству Бурсака, на Дунаѣ казаки-моряки находились въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ на мѣстѣ въ войскѣ въ гребной флотиліи, такъ какъ получали отъ казны жалованье, провіантъ и порціонныя, а въ войскѣ казакамъ полагалось лишь одно жалованье.

Къ тому же и служебные порядки во флотиліи отличались крупными недостатками. Офицеры находились въ бездѣйствіи и ссорились другъ съ другомъ. Когда вмѣсто Вараввы командиромъ гребной флотиліи назначенъ былъ полковой есаулъ Борзикъ, то съ нимъ завели ссору два другихъ есаула, служившихъ во флотиліи— Лубяный и Лашковъ. Они не захотѣли подчиняться Борзику. Особенно ревниво относился къ этому обстоятельству есаулъ Лубяный. Онъ, по отзыву Борзика, часто пьянствовалъ съ казаками и игралъ съ ними въ карты, въ пьяномъ видѣ ругалъ его, Борзика, и убѣждалъ офицеровъ и казаковъ не подчиняться ему, какъ командиру.

Короче, отживала свой вѣкъ Черноморская гребная флотилія, отживали его и служившіе безъ живаго дѣла моряки.

Такъ-то слагались боевыя части Черноморскаго казачьяго войска, вырабатывались способы и пріемы борьбы для веденія войны съ горцами и для обезпеченія мирнаго существованія Черноморіи. У казаковъ было все свое—свое войско, свой военный строй, свои пріемы службы и, что всего важнѣе, всю военную службу казакъ

несъ на собственный счетъ, особенно въ первые годы существованія войска.

Казалось бы, что, при такой самобытности, казаки должны были быть если не полными хозяевами въ своемъ военномъ дѣлѣ, то во всякомъ случаѣ настолько самостоятельными, чтобы имѣть право защищать край и себя, какъ требовали того военныя обстоятельства. Бьютъ казака, надо же ему во время защищаться; но именно этого черноморскій казакъ не могъ дѣлать по двумъ причинамъ.

Во первыхъ, охраняя границу, казаки лишены были права переходить ее, настигать и карать непріятеля на его сторонѣ. Высочайшимъ повелѣніемъ 22 декабря 1798 г. Императоръ Павелъ строго-на-строго приказалъ ни въ какомъ случаѣ не переходить Кубани при преслѣдованіи горцевъ, нападавшихъ на границу. Такіе приказы повторялись и впослѣдствіи при Александрѣ 1-мъ. Это ставило въ фальшивое положеніе казаковъ и ихъ начальство. Въ апрѣлѣ 1800 г. Бурсакъ жаловался на полную невозможность вести войну съ непріятелемъ, трогать котораго было не приказано за предѣлами кордонной линіи. Черкесы собирались огромными скопищами, открыто грабили край, убивали и уводили въ плѣнъ казачье населеніе, угоняли его скотъ, жгли и захватывали его имущество; но казакамъ позволялось ловить непріятеля только на мѣстѣ преступленія, по эту казачью сторону Кубани.

Во вторыхъ, главное военное начальство находилось внѣ войска. Вели военное дѣло на свой счетъ и за свой рискъ казаки и ихъ атаманы, а распоряжались всѣмъ таврическіе военные губернаторы и инспекторы Крымской инспекціи, жившіе за сотни верстъ отъ Черноморіи. Самыя неотложныя дѣла рѣшались путемъ бумажной переписки. Получалось нѣчто неестественное. Войско было въ одномъ мѣстѣ, а главные его военачальники—въ другомъ. Особенно тяжело приходилось казакамъ при внезапныхъ набѣгахъ черкесовъ на Черноморію.

Когда, подъ вліяніемъ суровой необходимости, было снято запрещеніе переходить Кубань въ погонѣ за непріятелемъ и снаряжать экспедиціи противъ него, у казака все таки были связаны руки канцелярскою волокитой по сношенію съ военачальниками. Генералы, жившіе большею частью въ Одессѣ или Херсонѣ и считавшіе себя большими знатоками военнаго дѣла, ухитрялись вести войну съ черкесами изъ прекраснаго далека, заранѣе опредѣляя на бумагѣ всѣ частности военнаго дѣла. Въ сентябрѣ 1814 г. генералъ Розенбергъ, жившій въ Херсонѣ, приказалъ привести въ исполненіе цѣлый планъ экспедицій противъ черкесовъ знающему военное дѣло и талантливому казачьему атаману Бурсаку, въ видѣ слѣдующихъ, выработанныхъ имъ предначертаній.

Розенбергъ приказалъ Бурсаку собрать 10 конныхъ и пѣшихъ полковъ для экспедиціи въ горы, близъ Александровскаго или Ольгинскаго кордона.

Извѣстить пріязненныя Россіи племена о намѣреніи наказать шапсуговъ.

Переправу черезъ Кубань отряда произвести не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

По волѣ Государя, шапсуговъ наказать примѣрно, но щадить стариковъ, женщинъ и дѣтей.

При наказаніи шапсуговъ не трогать другихъ черкесскихъ племенъ.

Одинъ батальонъ егерей отдѣлить отъ отряда въ резервъ.

Беречь людей.

Не трогать тѣхъ шапсуговъ, которые держали нейтралитетъ при набѣгахъ ихъ единоплеменниковъ.

Не касаться вещей „хищниковъ" въ аулахъ, чтобы не захватить заразы.

Дѣйствовать одновременно съ войсками Кавказской линіи, совмѣстно съ генераломъ Глазенапомъ.

Въ этомъ распоряженіи на ряду съ совершенно правильными указаніями было много невыполнимаго. Всѣ экспедиціи велись обыкновенно въ строжайшемъ секретѣ, который не открывался даже войску. Генералъ приказалъ извѣстить объ этомъ пріязненныя черкесскія племена, у которыхъ съ другими племенами не было никакихъ секретовъ. Переправу требовалъ генералъ произвести у Ольгинскаго кордона въ разныхъ мѣстахъ, а именно здѣсь переправа производилась въ одномъ только мѣстѣ и настолко удобнымъ, что впослѣдствіи здѣсь устроенъ былъ такъ называемый Тэтъ-де-Понтъ и направлена самая удобная дорога въ горы. Генералъ посылалъ казаковъ громить черкесовъ и уничтожать ихъ имущество и въ тоже время воспрещалъ дотрогиваться до этого имущества и т. д., и т. д. Можно представить себѣ положеніе Бурсака, который прекрасно понималъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать въ походахъ противъ горцевъ.

Стремленіе держать въ опекѣ казака и его начальство со стороны военныхъ сферъ было явное и всеобщее. Особенно генералы никакъ не могли понять, что казачья старшина и казаки, какъ военная сила, способны были дѣйствовать самостоятельно. Казачьи войска казались имъ чѣмъ-то особымъ.

И, дѣйствительно, на Черноморскомъ войскѣ продолжала еще лежать печать примитивныхъ запорожскихъ порядковъ, былъ еще силенъ духъ товариства и той простоты нравовъ, какая господствовала въ Запорожьѣ. Между старшиною и казаками замѣчалась рознь скорѣе экономическая, чѣмъ бытовая. У тѣхъ и другихъ были одинаковые нравы и обычаи, казаки имѣли еще если не выборный, то во всякомъ случаѣ назначенный своимъ же казачьимъ начальствомъ классъ старшинъ—офицеровъ. Указомъ 13 января 1802 г. было приказано разъ навсегда не производить впредь никого и ни въ какіе чины, такъ какъ это было прерогатива Верховной Власти.

Но сами казаки продолжали еще считать себя равноправными со старшиною если не по чинамъ, то по казачьему „звычаю“—вмѣстѣ жили, вмѣстѣ пили, ѣли и вмѣстѣ кутили. Въ историческихъ матеріалахъ находится масса указаній на этотъ счетъ.

Какъ на характерный примѣръ въ этомъ отношеніи можно указать на отеческія мѣры атамана Бурсака по служебнымъ упущеніямъ казаковъ и старшины. Бурсакъ держался запорожскихъ взглядовъ и пріемовъ въ этой области, онъ не придавалъ суду ослушниковъ и своевольниковъ по нарушенію военныхъ порядковъ, дисциплины и приличій, не подводилъ ихъ ни подъ каторгу, ни подъ разстрѣлъ, а каралъ по старинному, какъ батько атаманъ. Когда въ 1807 году, замѣчено было нѣсколько казаковъ, бѣжавшихъ съ поля сраженія, то Бурсакъ распорядился, чтобы они отданы были въ команду на байдаки въ сверхсрочную службу взамѣнъ наказанія шпицрутенами. Въ томъ же 1807 году онъ приказалъ наказать по сто ударовъ палками двухъ казаковъ, самовольно отлучившихся за Кубань на охоту за кабанами, и 14 пикетныхъ казаковъ за то, что они знали объ этомъ и не сообщили начальству. Въ 1814 году Бурсакъ сдѣлалъ строгій выговоръ полковнику Бѣлошапкѣ за слабость у него охранной службы, послѣдствіемъ чего было плѣненіе двухъ казаковъ, а казака, бывшаго въ разъѣздѣ и по небрежности не замѣтившаго черкесовъ, приказалъ наказать 50 ударами палокъ.

Карая такъ казаковъ, Бурсакъ не исключалъ изъ числа ихъ и старшины. Въ іюнѣ 1801 года онъ приказалъ хорунжему Орлу, служившему въ Новогригорьевскомъ кордонѣ, употребить на кардонную службу, наравнѣ съ рядовыми казаками безъ всякаго послабленія, есаула Помазана и сотника Стороженко въ наказаніе за пьянство и безобразія. Помазанъ, отлучившись съ поста съ тремя казаками, шатался съ ними по шинкамъ въ Екатеринодарѣ и „во всю скачь бѣгалъ по городу на лошадяхъ“, а къ нему, наказному атаману, былъ доставленъ настолько пьянымъ, что „отвѣчать не возмогъ“. Стороженко скандалилъ въ городѣ и явился къ атаману также пьянымъ. Черезъ нѣкоторое время Орелъ рапортовалъ Бурсаку, что, согласно его распоряженію, онъ поступилъ съ есауломъ Помазаномъ и сотникомъ Стороженкомъ, какъ съ рядовыми казаками, и черезъ каждые три дня читалъ имъ военный артикулъ въ назиданіе, какъ надо служить Государю.

Но въ числѣ старинныхъ обыкновеній, въ Черноморскомъ войскѣ остались и порядки, явно вредившіе служебному положенію казаковъ. Какъ извѣстно, на первыхъ порахъ заселенія края, состоятельные казаки, въ замѣнъ себя, посылали на кардонную службу нанятыхъ ими батраковъ, не принадлежавшихъ къ составу казачьяго войска. Батраки по батрачьи и относились къ службѣ и часто допускали совершенно невинныя или маловажныя, съ ихъ точки зрѣнія, упущенія, за которыя, однако, по военнымъ артикуламъ того времени, полагалась смертная казнь. Съ введеніемъ

полкового устройства батраковъ уже нельзя было посылать на службу противъ непріятеля.

Но богатые казаки не оставили выгоднаго для нихъ пріема подставлять подъ черкесскія шашки и пули вмѣсто себя наемныхъ лицъ. Наемныхъ батраковъ стали замѣнять наемными товарищами казаками. Это вошло въ обыкновеніе и стало своего рода правиломъ. Въ февралѣ 1809 года есаулъ Борзикъ донесъ Бурсаку, что изъ его команды четыре казака неизвѣстно куда скрылись, такъ какъ они прослужили положенный срокъ и на смѣну имъ никто не явился. То же хотѣли сдѣлать и остальные казаки, отбывшіе очередную службу на кордонѣ. Чтобы удержать ихъ на службѣ въ кордонѣ, Борзикъ обѣщалъ имъ оштрафовать неявившагося во время на службу есаула Барабаша въ такомъ размѣрѣ, чтобы штрафными деньгами можно было оплатить ихъ сверхсрочную службу „по цѣнамъ наемныхъ казаковъ". Существовалъ, слѣдовательно, не только наемъ казаковъ на службу, но и были опредѣленныя цѣны по этимъ сдѣлкамъ. Въ іюнѣ 1814 года Бурсакъ сдѣлалъ выговоръ полковнику Бѣлошапкѣ за то, что, по слухамъ Бѣлошапка принималъ въ полкъ не настоящихъ казаковъ, а „наемныхъ малолѣтковъ". Въ января 1813 года есаулъ Тарановскій донесъ Бурсаку, что въ его отрядѣ оказались „малолѣтніе наемщики" не болѣе 13 или 15 лѣтъ, такіе, которые непригодны не только для военной службы, но и для домашнихъ услугъ. Тарановскій сообщилъ объ этомъ своему полковому командиру Кобиняку, но не получилъ отъ него никакого отвѣта. Опасаясь за худыя послѣдствія отъ такого состава отряда, Тарановскій просилъ войскового атамана замѣнить малолѣтнихъ казаковъ „ихъ хозяевами или наемщиками совершенныхъ лѣтъ и къ службѣ способныхъ".

Болѣе печальную страницу въ исторіи военной службы черноморскаго казака представляли злоупотребленія какъ по наряду на службу казаковъ, такъ и по содержанію ихъ на кордонахъ. Въ апрѣлѣ 1815 года отставной солдатъ, зачисленный въ казаки куреня Щербиновскаго, просилъ Бурсака, въ уваженіе къ старости и слабости, отпустить со службы одного изъ сыновей для прокормленія семьи, такъ какъ Щербиновскій станичный атаманъ послѣдовательно отдалъ на службу его старшаго сына, второго за нимъ и третьяго младшаго 16 лѣтъ, а старикъ остался съ малолѣтними дѣтьми женскаго пола и „не могъ пропитать семьи". Въ іюлѣ того же года казакъ куреня Каневскаго Фатѣй просилъ атамана отпустить на годъ изъ полка его сына, который, какъ больной, нанялъ за себя одностаничника Тупала, давши ему лошадь въ 130 руб., сѣдло въ 25 руб. и деньгами 60 руб. Сына его тѣмъ не менѣе зачислили въ другой полкъ, и онъ вынужденъ былъ войти въ долги, чтобы купить лошадь и сѣдло и, уходя на службу, оставить больного старика отца при старости, а жену безъ средствъ съ ребенкомъ. Въ 1816 году казакъ Афанасій Кочевскій жаловался войско-

вому атаману, что полицмейстеръ Екатеринодара Долинскій назначилъ его въ походъ за Кубань, несмотря на то, что онъ былъ въ отставкѣ и признанъ комиссіею негоднымъ къ службѣ. Въ походѣ старикъ серьезно заболѣлъ и когда его привезли на подводѣ изъ за Кубани домой, то Долинскій назначилъ его въ караулъ при полиціи, гдѣ онъ пробылъ двѣ недѣли подъ ружьемъ, а затѣмъ сталъ посылать его въ „ночныя залоги“ противъ черкесовъ. Кочевскій просилъ защиты у атамана.

Такими случаями испещрены страницы архивныхъ матеріаловъ и если въ жалобахъ, быть можетъ, было нѣкоторое преувеличеніе, то за общей массой ихъ во всякомъ случаѣ стоялъ фактъ безпорядочности и злоупотребленій при назначеніи казаковъ на службу.

Однихъ казаковъ власти назначали на службу, а другихъ просто эксплоатировали. Въ августѣ 1802 года командиръ 2-го пѣшаго полка есаулъ Герко донесъ Бурсаку, что начальникъ Таманскаго округа Бѣлый и секретарь Барышъ-Тыщенко заставляли казаковъ его полка работать на нихъ безъ всякой платы за работу. Герко приказалъ есаулу Знаку отобрать у нихъ казаковъ, но Бѣлый и Барышъ-Тыщенко не отдали ихъ ему.

Еще въ худшее положеніе казаки попадали въ тѣхъ случаяхъ, когда черноморскіе полки были внѣ родины, гдѣ нибудь вдали отъ нея въ Польшѣ или Бессарабіи. Въ такихъ случаяхъ командиръ полка становился безконтрольнымъ властелиномъ казаковъ. Есаулы Асауленко и Калантаевскій просили 21 января 1813 года атамана Бурсака назначить слѣдствіе надъ командиромъ ихъ полка Плохимъ, котораго они обвиняли въ злоупотребленіяхъ по расходамъ фуражныхъ суммъ во время нахожденія полка въ Польшѣ. Прошло два года, и только въ январѣ 1815 года войсковая канцелярія сообщила войсковому атаману, что она нашла документы и книги полковника Плохого „не достаточными и неправильными“. Такъ полку слѣдовало за все время похода 12,000 руб. на фуражъ, а дѣйствительный расходъ показанъ былъ въ 26129 руб. и откуда получилось превышеніе на 14129 руб. не извѣстно. Въ расходной книгѣ не было показано, сколько и кому денегъ отпущено, а проставлены лишь общіе итоги расходовъ. Двѣ сотни въ полку совсѣмъ не получали жалованья до ревизіи книги канцеляріей и т. п,

Еще черезъ четыре мѣсяца въ апрѣлѣ 1814 года войсковая канцелярія донесла Бурсаку, что въ документахъ полковника Плохого не оказалось свѣдѣній о деньгахъ, полученныхъ имъ съ казны за убитыхъ лошадей; 55 номеровъ или листовъ, гдѣ значились эти суммы, изъ книги вырѣзаны, а оставшіяся въ книгѣ цифры по этой статьѣ „свѣжо помараны чернилами такъ сильно, что по нимъ ничего нельзя разобрать“.

По этому поводу служившіе въ полку есаулы Асауленко и Калантаевскій показали, что казаки часто не получали ни провіанта, ни фуража, совсѣмъ не получали платы за убитыхъ лошадей и

порціонныхъ денегъ. Если что отпускалось казакамъ, то непремѣнно въ недостаточномъ количествѣ. Самъ Плохой былъ покупщикомъ для полка и дѣйствовалъ по произволу. Есаулы 13 апрѣля 1813 года докладывали полковнику, что казаки требовали съ сотенныхъ командировъ „достаточнаго продовольствія“. Плохой, не смотря на полную справедливость этой претензіи, приказалъ отыскать жалобщиковъ и бить ихъ до полусмерти въ страхъ другимъ, чтобы впредь никто не отваживался жаловаться. Черезъ нѣсколько дней Асауленко и Калантаевскій вновь повторили жалобу казаковъ, но Плохой кричалъ на нихъ: „не ваше дѣло“, и велѣлъ имъ уйти съ глазъ. Черезъ мѣсяцъ есаулы доложили командиру, что казаки, не получая ни денегъ, ни провіанта, вынуждены питаться на собственныя средства, и вновь были прогнаны командиромъ. Офицеры не видѣли ни одного документа, по которымъ производились ассигновки, и не знали, что, сколько, кому и за что слѣдовало получать. Оправдательные документы на деньги сочинялъ самъ Плохой.

Чѣмъ окончилось это скандальное дѣло, въ архивныхъ матеріалахъ не нашлось свѣдѣній. Извѣстно лишь, что 15 января 1815 года войсковая канцелярія, подъ угрозою штрафа въ 10 рублей, требовала, чтобы Асауленко и Калантаевскій „расписались“, сколько и кому слѣдовало изъ казны денегъ, а Асауленко и Калантаевскій не могли этого сдѣлать, такъ какъ ничего этого не знали.

Не смотря на тяжелую службу черноморскихъ казаковъ на Кубани, не успѣвшихъ ни осѣсть, какъ слѣдуетъ, въ новомъ краѣ, ни укрѣпиться по границѣ, не смотря на явный недостатокъ боевыхъ силъ при частыхъ массовыхъ нападеніяхъ черкесовъ на Черноморію, центральное правительство неоднократно брало изъ Черноморскаго войска цѣлые полки для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ внѣ Черноморіи. Таковы были „походы“ черноморскихъ казаковъ— персидскій съ Головатымъ во главѣ и польскій подъ командою Кошевого Чепиги. Въ 1806 году атаману Бурсаку приказано было высшимъ начальствомъ откомандировать одинъ конный казачій полкъ въ Крымъ въ Карасу-Базаръ и одинъ пѣшій казачій полкъ въ гребную флотилію маркиза де-Траверсе. Полковнику Паливодѣ было разрѣшено выбрать для гребной флотиліи лучшихъ казаковъ изъ своего полка и всѣхъ другихъ черноморскихъ. Въ полкъ зачислено также было 48 пушкарей или канонеровъ. Въ августѣ слѣдующаго 1807 года Ришелье писалъ Бурсаку, что командиръ 3-го пѣшаго полка Паливода 12 мая былъ убитъ въ сраженіи на Дунаѣ, одинъ есаулъ умеръ отъ ранъ и одинъ отъ болѣзни. Вслѣдствіе этого Бурсаку предписано было отправить на пополненіе полка на Дунай одного старшину для командованія полкомъ, трехъ сотниковъ, трехъ хорунжихъ и одного сотеннаго есаула или урядника. Къ убыли боевыхъ силъ Черноморскаго войска на Кубани прибавлялась убыль ихъ на Дунаѣ, и это происходило въ то время, когда войско особенно нуждалось въ защитникахъ родного края.

Въ 1815 году вновь потребовались казачьи полки и на этотъ разъ въ Польшу. Высочайшимъ указомъ 3 марта этого года установлена была необходимость въ пяти полкахъ Черноморскаго войска, но при этомъ атаману Бурсаку предоставлено было право выяснить, можетъ ли войско, безъ ущерба кордонной службы, отдѣлить въ русскую армію пять полковъ; въ противномъ же случаѣ оно должно было выслать столько, сколько окажется возможнымъ. Во Всеподданнѣйшемъ рапортѣ Бурсакъ сообщилъ, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Польшу, въ Радзивиловъ, будетъ отправлено войскомъ 4 полка; отвлеченіе же казаковъ въ большемъ количествѣ могло бы нанести явный ущербъ кордонной службѣ и охранѣ границъ отъ черкесовъ. Общее командованіе полками было поручено полковнику Дубоносу.

Чтобы окончить общую характеристику служебнаго положенія черноморскихъ казаковъ, остается упомянуть еще о внутренней службѣ ихъ. Кромѣ кордонной службы, службы во флотиліи и внѣ войска, извѣстная часть служилаго состава войска находилась въ Екатеринодарѣ при различныхъ учрежденіяхъ, затѣмъ на карантинныхъ и мѣновыхъ дворахъ, въ конвойныхъ командахъ, въ летучей почтѣ, въ 4-хъ сыскныхъ начальствахъ, на соляныхъ озерахъ, на рыболовныхъ заводахъ и пр. Все это были небольшія команды, но онѣ выдѣлялись изъ боевого состава войска, ослабляли его. Отвлеченіе казаковъ какъ этого рода службою, такъ и командировки полковъ за предѣлы войска, тяжелымъ гнетомъ ложились на населеніе. Населеніе неохотно несло службу, какъ непосильное бремя, и часть казаковъ или не во время являлась въ полки, игнорируя службу, или просто убѣгала отъ нея. Въ маѣ 1810 года командиръ 7-го пѣшаго полка донесъ Бурсаку, что онъ собралъ 250 человѣкъ своего полка. Остальные 250 человѣкъ или самовольно записались въ команду нѣкоего авантюриста графа Рошшуара, или же совсѣмъ не были розысканы. Тоже и тогда же случилось и съ 8 пѣшимъ полкомъ. И строго обвинять въ этомъ казаковъ въ то время нельзя было. Само начальство сознавало это и смотрѣло сквозь пальцы на недочеты. Многіе казаки не были на лицо потому, что, вслѣдствіе крайней нужды, должны были уходить на дальніе заработки.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ заселялся край, формировалась въ немъ экономическая жизнь и укрѣплялся новый казачій бытъ, на началахъ „семейственнаго бытія“, развивались и военныя формы. Подвижные полки были обращены въ постоянные, кордонная служба приняла характеръ планомѣрной охраны границъ, получились строго опредѣленные виды боевыхъ силъ—казакъ всадникъ, пѣхотинецъ-пластунъ и артиллеристъ-пушкарь. На всемъ этомъ лежала еще печать прежнихъ примитивныхъ нравовъ и обыкновеній, но надъ ними царили уже чисто военная дисциплина и начала военной субординаціи. Вольный казакъ понемногу превращался въ шлифованнаго воина.

Трудно давалась эта шлифовка черноморцу. Во 1-хъ, казаку не на что было шлифоваться, благодаря бѣдности и невозможности заниматься хозяйствомъ и добывать средства къ жизни; во 2-хъ у черноморца были свои военныя традиціи и обыкновенія, отъ которыхъ трудно было ему отвыкать; въ 3-хъ, онъ не понималъ и не могъ помириться съ обезличеніемъ людей, какъ механической силы; въ 4-хъ, наконецъ, предъявленныя казакамъ требованія не согласовались съ дѣйствительностью. Со времени учрежденія полковъ и до появленія на Кавказѣ Ермолова, т. е. съ 1801 по 1820 годъ, шла переработка казака и его военнаго уклада при такихъ условіяхъ. Много циркуляровъ и распоряженій было издано при полномъ непониманіи, незнаніи и нежеланіи знать эти условія, чѣмъ только усугублялось тяжелое положеніе черноморскаго казака въ новомъ краѣ. Въ 1804 г. генералъ Розенбергъ поставилъ на видъ войскому атаману Бурсаку, какъ оплошность, отсутствіе караула у одного изъ мостовъ, и распорядился, чтобы на всѣхъ мѣстахъ, удобныхъ для переправы, были учреждены пикеты. Между тѣмъ Черноморское войско было въ это время такъ малочисленно, что физически не могло нести службы на большомъ числѣ сторожевыхъ пунктовъ. Казаковъ едва хватало на главные пункты охраны границы.

Въ 1810 году на пограничной службѣ по р. Кубани находились 5-й, 6-й и 7-й конные полки и 1-й, 6-й и 8-й пѣшіе съ канонерами, подъ командою полковниковъ Кобиняка, Бурсака 2-го и Вараввы и полковыхъ есауловъ Курочки, Порохни и Барабаша. Полки были въ полномъ пятисотенномъ составѣ, съ положеннымъ числомъ артиллеристовъ, и общее количество ихъ равнялось 3129 чел. Но въ тоже время на пикеты со стороны Кавказской губерніи потребовались 1, 2, 3, 4 и 9 конные и 2, 3, 4, 7, 9 и 10 пѣшіе полки въ количествѣ 4487 человѣкъ.

Такимъ образомъ, сторожевой службой были поглощены всѣ наличныя силы, за исключеніемъ трехъ отсутствовавшихъ полковъ, и въ 11 полкахъ не было полнаго состава, а только по 408 человѣкъ. Не доставало также офицеровъ, и наличныя силы по черкесской границы были очень слабы. Между тѣмъ въ томъ же году Ришелье предложилъ Бурсаку составить отрядъ въ 20 полковъ для экспедиціи за Кубань съ графомъ Рошшуаромъ. Выходило, что нужно было снять со всей линіи войска, чтобы доставить удовольствіе авантюристу Рошшуару побывать за Кубанью.

Въ это время неспокойно вели себя по отношенію къ казакамъ не только черкесы, но и сосѣднее русское населеніе. Въ октябрѣ 1814 года хорунжій Малюкъ донесъ полковнику Кондруцкому, что 12 октября ночью 44 однодворца изъ села Архангельскаго, Ставропольскаго уѣзда, перешли границу, не смотря на предупрежденіе пикета. Когда хорунжій съ 8 казаками прибылъ къ ихъ обозу и пытался унять напившихся однодворцовъ, то „они начали го-

няться съ дрючьями за казаками". Чтобы смирить буяновъ, Малюкъ велѣлъ казакамъ угнатъ у нихъ часть скота. Казаки захватили 20 воловъ. Тогда однодворцы напали на казаковъ, двухъ поймали и, поколотивши изрядно, заковали въ цѣпи, а хорунжій едва избѣжалъ плѣна, ускакавши на лошади безъ узды, за которую вцѣпились буяны, но которую догадливый хорунжій въ тотъ же моментъ снялъ съ головы своего коня. Взявши потомъ другую команду казаковъ, Малюкъ арестовалъ 5 однодворцевъ и освободилъ казаковъ отъ цѣпей.

Въ 1815 г. корпусный командиръ генералъ Рудзевичъ выразилъ недовольствіе Бурсаку, объясняя набѣги черкесовъ на Черноморское побережье слабостью кордонной охраны. Бурсакъ на это отвѣтилъ, что охрана границъ казаками всюду ведется исправно, но что, при значительномъ протяженіи кордонной линіи, есть много мѣстъ для скрытыхъ переходовъ черкесовъ. Именно въ той части побережья, гдѣ были произведены набѣги черкесовъ, охрана границы велась не казаками, а солдатами. Послѣдніе были на Таманскомъ полуостровѣ и двѣ роты солдатъ находились въ куренѣ Старотитаровскомъ. Туда же генералъ-маіоръ Бухольцъ, начальникъ регулярныхъ войскъ, требовалъ доставить пушку. Бурсакъ воспользовался этою помощью регулярныхъ войскъ для усиленія линіи казаками въ другихъ мѣстахъ. Въ то же время онъ распорядился, чтобы были освобождены отъ повинностей семьи казаковъ, находившихся на службѣ внѣ войска.

Казаки были такъ обременены кордонною службою, что, въ силу необходимости, приходилось допускать для нихъ служебныя послабленія. Въ 1817 г. приказано было освободить отъ службы казака Дегтяря для прокомленія его престарѣлой матери. Въ томъ же году хорунжій Бугайло, находившійся въ болѣзни, объяснилъ, что онъ былъ назначенъ въ конный полкъ, отправленный въ Радзиволовъ, и въ замѣнъ этого поставилъ двухъ офицеровъ, уплативши имъ—153 р. за лошадь, 170 р. за оружіе и 200 р. деньгами, хорунжему Волкодаву, 155 р. за лошадь, 153 р. за три пистоля и 500 рублей деньгами есаулу Михайловскому. Оказывается, что даже больные откупались отъ службы,

Въ то время формировка полковъ производилась еще по старому порядку. Только 19 ноября 1818 года военной коллегіей были установлены общія основанія наряда казаковъ на службу. По каждому куреню выставлялось количество казаковъ, соотвѣтственно числу лицъ годныхъ къ службѣ. Куренные атаманы командировали казаковъ на службу, и изъ послѣднихъ составлялись команды, а изъ командъ сотни и изъ сотенъ полкъ, при чемъ сотниковъ и полковниковъ назначалъ войсковой атаманъ, руководившійся правилами установленными на этотъ счетъ въ Донскомъ войскѣ. Тогда же, циркуляромъ военной коллегіи 28 августа объявлено было, чтобы казаки, пробывшіе 25 и 30 лѣтъ на службѣ, увольнялись въ

отставку. Но и отставку получали казаки съ условіемъ явки на службу въ случаѣ нужды. Нужда была такъ назойлива, что на кордонную линію выходили нерѣдко „престарѣлые казаки“. Начинали службу обыкновенно съ 18 лѣтъ. Совершенно освобождались отъ службы только лица, раненыя на войнѣ, и неспособные физически къ несенію службы.

Съ казаками и ихъ имуществомъ начальство не церемонилось. Въ 1817 году войсковая канцелярія распорядилась, чтобы хозяева рыболовныхъ заводовъ не выдавали на руки казакамъ заработанныхъ ими денегъ, а отсылали бы послѣднія полковымъ командирамъ для обмундировки этихъ казаковъ. За проступки наказывали тѣлесно казаковъ и высшіе и низшіе начальники. Есаулъ Колантаевскій донесъ 11 мая 1818 года, что, согласно распоряженію войсковаго атамана, онъ наказалъ сотеннаго есаула Козьму Бѣлаго палками передъ фронтомъ. Въ прошеніи отъ 2 іюля 1818 г. сотенный есаулъ Комисаренко жаловался войсковому атаману, что командиръ полка полковникъ Бурсакъ 3-й, за троекратную просьбу просителя объ отпускѣ его на домъ на нѣсколько дней для хозяйственныхъ надобностей, приказалъ содержать его подъ карауломъ три дня и поручилъ есаулу Ляшенку наказать его жестоко розгами. Крамаренко просилъ атамана о разслѣдованіи дѣла и переводѣ въ другой полкъ.

Для улучшенія служиваго состава въ артиллеріи, еще въ октябрѣ 1811 года Ришелье распорядился, чтобы были посланы 2 офицера, 2 урядника и 5 казаковъ въ Севастополь для обученія артиллерійскому дѣлу, а также 12 мастеровъ по два для изученія ремеслъ—токарнаго, колеснаго, кузнечнаго, слесарнаго, столярнаго и приготовленія лафетовъ. Въ 1816 году 11 февраля были Высочайше утверждены формы черноморскаго артиллерійскаго мундира. Высочайшимъ указомъ 1 марта 1817 года повелѣно было сформировать въ Черноморскомъ казачьемъ войскѣ одну конно-артиллерійскую роту по образцу войска Донского. При сформированіи роты была уничтожена полурота. Штатъ роты опредѣленъ изъ 1 штабъ-офицера, 7 оберъ-офицеровъ, 27 урядниковъ, 72 бомбардировъ, 170 канонировъ, 1 костоправа, 2 цырульниковъ, 2 лазаретныхъ служителей, 1 ротнаго писаря, 13 мастеровыхъ съ сѣдельниками, 1 коновала и 24 фурлейтовъ, а всего 320 челосѣкъ на 6 шестифунтовыхъ мѣдныхъ орудій и 6 единороговъ.

Вооруженіе казаковъ и мундиръ были утверждены 11 февраля 1816 года, У войска существовала также сотня казачьей лейбъ-гвардіи, въ которой урядники назывались унтеръ-офицерами.

Несмотря на эти нововведенія, казаки предпочитали порядки старинной казачьей службы. Имъ все казалось несправедливымъ производство въ чины по назначенію, а не по выбору, и часто рядовые казаки, помимо начальства, сами посылали высшей военной администраціи прошенія о производствѣ. Власти въ свою очередь

Формы лейбъ-гвардіи Черноморскаго казачьяго дивизіона 1840—1850 годовъ

смотрѣли на такія домогательства, какъ на преступленія по службѣ. Въ 1814 году на имя войскового атамана Бурсака поступилъ цѣлый рядъ прошеній отъ казаковъ о производствѣ въ сотенные есаулы, т. е. въ урядники, за отличія по службѣ въ походахъ и канцеляріяхъ. И все это сошло благополучно просителямъ, благодаря, быть можетъ, тому обстоятельству, что въ этомъ же году награждены были всѣ казаки 9 пѣшаго полка серебряными медалями за участіе въ войнѣ 12-го года съ французами. Но 10 октября 1819 года войсковой канцеляріей приказано было, согласно распоряженію графа Ланжерона, „наказать въ страхъ другимъ", тюремнымъ заключеніемъ казака за то, что онъ просилъ наградить его чиномъ.

Назначенныя въ офицеры лица держали себя „не соотвѣтственно своему званію" и нерѣдко переходили границы благоразумія и законовъ въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ офицерамъ и къ рядовымъ казакамъ. Въ іюнѣ 1815 года г.-м. Бухольцъ сообщилъ Бурсаку, что, послѣ троекратнаго вызова есаула Татаренка, послѣдній явился къ нему „въ самомъ развратномъ и пьяномъ видѣ", и отвѣчалъ ему „самыми грубыми словами", утверждая, что „не его долгъ отражать хищниковъ". Генералъ просилъ Бурсака наложить на Татаренка „приличное взысканіе" за его недостойное поведеніе. Дѣло было въ томъ, что Бухольцъ былъ начальникомъ регулярныхъ войскъ и Татаренко, какъ казачій офицеръ, не подчинялся ему. Въ январѣ 1817 года полковникъ Порохня донесъ войсковому атаману Матвѣеву, что служащій въ Славянскомъ кордонѣ есаулъ Малышенко, въ пьяномъ видѣ, привязалъ на Новый Годъ хорунжаго Бѣлобабу къ пушкѣ за ноги такъ крѣпко, что искалѣченному Бѣлобабѣ требуется отпускъ для лѣченія, почему полковникъ и просилъ у атамана разрѣшенія отпустить Бѣлобабу на 10 дней въ Екатеринодаръ или въ Полтавское селеніе, гдѣ находилась больница. Въ томъ же 1817 году войсковой старшина Муковецъ былъ назначенъ на шестимѣсячную не въ очередь службу за побои казака, отъ которыхъ умеръ послѣдній. Грубая расправа съ подчиненными въ то время была явленіемъ обычнымъ, и отношеніе къ ней со стороны высшихъ властей, какъ въ послѣднемъ случаѣ, было явнымъ нарушеніемъ основъ справедливости.

Въ апрѣлѣ 1819 года графъ Ланжеронъ на запросъ военнаго министерства: нельзя ли послать одинъ полкъ Черноморскаго войска на границу Царства Польскаго взамѣнъ Оренбургскаго полка, отвѣтилъ, что одна часть войска на постоянной службѣ въ безпрерывной борьбѣ съ горцами, а другая должна быть всегда готова къ встрѣчѣ съ черкесами. Но такой полкъ можно было бы составить изъ бездомовныхъ и безсемейныхъ казаковъ. Мнѣніе это было одобрено Государемъ и начальникъ главнаго штаба предписалъ сорганизовать полкъ. Ланжеронъ распорядился, чтобы войсковой атаманъ Матвѣевъ выбралъ въ составъ полка изъ 2037 числившихся по войску бездомовыхъ и безсемейныхъ казаковъ, „способныхъ къ службѣ

и хорошаго поведенія“, и снабдилъ ихъ на войсковой счетъ всѣмъ необходимымъ для служилаго казака, особенно хорошими лошадьми.

При образованіи полка оказалось, что многіе казаки не имѣли ни сапогъ, ни приличной одежды, кромѣ выданныхъ войскомъ нарядныхъ мундировъ, и что у казаковъ не было денегъ на содержаніе лошадей во время передвиженія. Войсковая канцелярія, по предложенію войскового атамана, постановила выдать командиру полка полковнику Стринскому 5000 рублей на эти нужды, подъ строгую отчетность. Послѣ Стринскій просилъ прибавить еще 500 руб., въ виду того обстоятельства, что полку придется двигаться къ Царству Польскому въ осеннее время, и это требованіе было также удовлетворено. При сформированіи полка графъ Ланжеронъ распорядился, чтобы въ полкъ было назначено по 30 человѣкъ изъ каждаго бывшаго уже въ войскѣ полка. Для слѣдованія полка въ Польшу гр. Ланжерономъ составлены были правила. Полкъ названъ былъ № 11-мъ и назначенъ въ г. Млаву. За невозможностью добыть на мѣстѣ сѣраго сукна на шинели, бѣлыхъ ремней для перевѣсовъ и форменныхъ карабиновъ, приказано было пріобрѣсти все это по пути.

Казаки обмундировывались вообще хозяйственнымъ способомъ. Все покупалось, шилось, выдавалось казакамъ начальствомъ и расходы затѣмъ взыскивались съ нихъ. Въ 1818 году командиру 10-го пѣхотнаго полка войсковому старшинѣ Вербицкому отпущено было сукна и другихъ вещей на обмундировку казаковъ на 5689 руб. 72 коп.; но онъ собралъ съ казаковъ только 3245 руб. 63 коп. и оставалось въ недоимкѣ 2444 руб. 9 коп. Вербицкій ссылался на то, что деньги эти съ казаковъ были получены сотенными командирами, которые не передали ихъ ему; но войсковая канцелярія постановила взыскать недоимку съ его имущества, которое и было оцѣнено для продажи. Въ томъ же 1818 году израсходовано было на обмундированіе 1-го Черноморскаго казачьяго полка 3700 руб., причемъ синее сукно оцѣнено по 5 руб. аршинъ, алое 13 руб. и т. п. Въ 1919 году возвращено было натурою 1699 руб. 96 коп. и деньгами 1536 руб., всего 3255 руб., а остальные 168 руб. 50 коп. числились въ долгу за войсковымъ старшиною Снѣжковымъ, получившимъ деньги за мундиры съ казаковъ. Снѣжковъ въ 1827 году умеръ и жена его отказалась платить. Тогда же умеръ и командиръ полка Головинскій, жена котораго также отказалась платить за мужа. Манифестомъ 19 августа 1831 года личные долги казаковъ въ суммѣ 295 руб. 78 коп. были сложены, а на погашеніе долга Снѣжкова была продана въ 1836 году съ аукціона мельница его наслѣдниковъ, но 100 рублей изъ вырученной суммы неизвѣстно куда дѣлись и о нихъ велось разслѣдованіе.

До 1820 года Черноморское войско въ военномъ отношеніи было подчинено Херсонскимъ губернаторамъ и инспекторамъ Крымской инспекціи. Послѣднимъ Херсонскимъ губернаторомъ, въ вѣдѣніи котораго находилось Черноморское войско, былъ графъ Ланжеронъ.

Высочайшимъ приказомъ 11 апрѣлѣ 1820 года Черноморское казачье войско присоединено было по управленію къ остальнымъ кавказскимъ войскамъ, во главѣ которыхъ находился командующій отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ. Этимъ командующимъ былъ генералъ Ермоловъ, отнесшійся къ черноморцамъ съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности очень сурово и не совсѣмъ справедливо.

Періодъ Ермоловщины по охранѣ границъ и по военной службѣ въ Черноморіи имѣетъ свою особую, поучительную исторію. Строгій, честный и справедливый генералъ Ермоловъ дѣйствовалъ во многихъ случаяхъ слишкомъ самодѣянно и прямолинейно, благодаря чему получались ошибки и ненужныя стѣсненія казачества. Существенная ошибка главнокомандующаго состояла въ томъ, что онъ отдалъ войско въ опеку стороннему генералу. Подчинивши ему военную часть и оставивши хозяиномъ войска наказнаго атамана, Ермоловъ ввелъ, такимъ образомъ, двоевластіе и неизбѣжныя съ нимъ осложненія. Опекуномъ войска былъ назначенъ донской генералъ Власовъ, человѣкъ также стремительный и рѣшительный, но крайне честолюбивый и не всегда разбиравшійся въ условіяхъ и не пренебрегавшій никакими средствами, а батькомъ-атаманомъ войска былъ полковникъ Матвѣевъ, добродушный и слабохарактерный канцеляристъ. И вотъ, при условіи такого двоевластія, и сложились послѣдующія страницы исторіи Черноморскаго войска по охранѣ границъ и военной службѣ.

Генералъ Власовъ началъ свою дѣятельность на Черноморіи съ осмотра укрѣпленій и военныхъ частей на мѣстахъ. Результатомъ этого осмотра явились слѣдующія распоряженія:

Генералъ требовалъ прежде всего строго соблюдать чинопочитаніе, „ибо военная дисциплина есть душа военной службы".

Въ отношеніи обмундировки слѣдовало довести казаковъ „до лучшаго вида".

Необходимо держать въ чистотѣ и исправности оружіе и имѣть полный комплектъ патроновъ.

Ночные разъѣзды непремѣнно надлежало производить четыре раза въ ночь, причемъ каждый разъѣздъ для контроля обязанъ оставлять деревянный ярлыкъ въ крайнемъ пунктѣ разъѣзда.

Секреты или залоги слѣдовало располагать въ мѣстахъ перехода черкесами Кубани и др. рѣкъ, посылая залогу поздно ночью и возвращая ее рано утромъ.

На возвышенныхъ мѣстахъ надлежитъ поставить „маяки", т. е. высокіе шесты съ пучками сѣна, зажигая послѣднее при появленіи непріятеля, чтобы извѣстить объ этомъ другія воинскія части.

Командующій полкомъ обязанъ разъ въ недѣлю объѣхать и осмотрѣть укрѣпленія и части войскъ, въ вѣдѣніи его находящихся, и доносить ежедневно о военныхъ происшествіяхъ.

Назначеніе дневныхъ разъѣздовъ предоставляется усмотрѣнію командировъ полковъ.

Дневные пикеты надо на ночь снимать.

Слѣдуетъ замѣнить вышки по пикетамъ болѣе высокими.

Камыши необходимо выжигать.

Ни одинъ офицеръ не имѣетъ права отлучаться съ мѣста служенія безъ разрѣшенія Власова.

Пекари и кухари должны имѣть оружіе.

Ни одинъ казакъ не долженъ уходить безъ оружія съ кордона.

За непочитаніе низшими начальниками высшихъ Власовъ грозилъ строгими наказаніями.

Строго воспрещалось командирамъ отпускать на домъ со службы подчиненныхъ имъ казаковъ.

Всѣ эти распоряженія въ сущности были лишь повтореніемъ той азбуки по охранѣ границъ, которая существовала на Черноморской кордонной линіи со времени ея занятія казаками и Власовъ своей инструкціей не далъ ничего новаго.

Мало того. Онъ не понялъ, какъ увидимъ далѣе, особенностей своеобразной дисциплины казака-малоросса, не зналъ экономическихъ условій и быта черноморца и пр. Черноморецъ-пластунъ ходилъ оборваннымъ, но такимъ и слѣдовало ему быть, чтобы не отличаться отъ черкесовъ. Казакъ былъ въ худомъ мундирѣ или совсѣмъ безъ мундира, но иначе не могло быть, такъ какъ у него, всецѣло занятаго службой, не было средствъ не только для подновленія мундира, но и для поддержанія голодающей семьи.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности на Черноморской линіи были крупные непорядки и злоупотребленія, подрывавшіе правильную охрану границъ, какъ напримѣръ своевольство офицеровъ и особенно отпускъ по домамъ за подарки служившихъ на кордонѣ казаковъ; но эти крупные непорядки генералъ Власовъ смѣшивалъ съ такими мелочными, какъ отсутствіе оружія у пекарей и кухарей.

Тѣмъ не менѣе спеціальнымъ назначеніемъ генерала Власова и его энергичною дѣятельностью были обнаружены довольно существенныя нарушенія порядковъ по охранѣ границы и несенію казаками военной службы.

Прежде всего получилъ выговоръ самъ батько атаманъ. Ему сдѣлано было 24 марта замѣчаніе, что онъ взамѣнъ преданія суду, приказалъ наказать палками 4 казаковъ, отлучившихся ночью съ караула, благодаря чему черкесы проникли за линію и угнали 14 штукъ рогатаго скота.

Получая замѣчанія отъ Власова, Матвѣевъ въ свою очередь ставилъ ихъ на видъ виновникамъ непорядковъ. Такъ, полковнику Вербицкому онъ писалъ, что, при осмотрѣ его полка генераломъ Власовымъ, у казаковъ оказались ружья заржавленными, сабли не отточенными, желѣзки у дротиковъ истонченными, не доставало 25985 патроновъ, на кордонахъ не было ни упряжи для лошадей, ни даже самихъ лошадей, у 124 казаковъ не было пистолетовъ, 92 пѣшихъ и 80 конныхъ казаковъ были неспособны къ службѣ,

а 30 казаковъ отпущены по домамъ.

Оказывается, однако, что казаки отпускались съ линіи по домамъ не только за взятки, но и въ интересахъ полка. Тотъ же полковникъ Вербицкій просилъ 24 мая 1820 года разрѣшенія отпустить по домамъ 12 казаковъ, изъявившихъ желаніе внести 2475 руб., отъ 180 до 230 руб. съ человѣка, на пріобрѣтеніе пропавшихъ воловъ и на др. нужды полка.

О замѣченныхъ упущеніяхъ, непорядкахъ и злоупотребленіяхъ Власовъ сообщилъ Ермолову, и послѣдній, на основаніи этого донесенія, въ приказѣ на имя войскового атамана Матвѣева отъ 15 января 1821 года разразился громами противъ войска. Черноморское войско оказалось никуда негоднымъ, „казаки", по выраженію Ермолова, „не нюхали пороху", оружія у нихъ или не было, или же было заржавлено, генералъ Власовъ не нашелъ ни одного офицера порядочно одѣтаго, а, главное, у казаковъ совсѣмъ отсутствовала дисциплина. „Чинопочитаніе, писалъ Ермоловъ, первое о которомъ чиновники Черноморскаго войска не только понятія не имѣютъ, но и въ таковомъ о семъ предметѣ невѣжествѣ, которому вѣрить трудно".

Обвиненія эти, однако, плохо вязались съ наличными обстоятельствами. Не за долго предъ тѣмъ въ 1820 году инспекторъ кавалеріи Цесаревичъ Константинъ нашелъ Черноморскій 11-й, бывшій въ Польшѣ, полкъ въ порядкѣ—„лошади были сбережены хорошо, люди не изнурены и не было заморозившихся", несмотря на суровую зиму при слѣдованіи полка. При Ермоловѣ и Власовѣ, 19 февраля 1821 года за храбрость были вознаграждены золотыми саблями сотники Козенко и Загинайко, а золотыми медалями сотникъ Шагинъ Гирей Гусаровъ, дворяне Баштанъ Шеретлуковъ и Урусбій Могукоровъ. И, конечно, въ дѣйствительности по войску было не мало и такихъ случаевъ храбрости и самоотверженія, за которые, быть можетъ, совсѣмъ не были вознаграждены отличившіеся храбрецы, въ силу частой повторяемости этихъ явленій. А, главное, самъ Власовъ обнаружилъ среди черноморцевъ такихъ отличныхъ и оригинальныхъ представителей войска, какъ пластуны. Да, наконецъ, у того же Власова не оказалось бы и столь блестящихъ побѣдъ надъ горцами, какою была Калаусская битва, если бы черноморцы были плохими воинами.

Но громы Ермолова все же имѣли свои послѣдствія—несомнѣнное улучшеніе условій охраны границы. Войсковой атаманъ Матвѣевъ, сообщая 25 января 1821 года полковымъ командирамъ о неудовольствіи, вызванномъ у главнокомандующаго Ермолова докладомъ Власова о плохомъ состояніи полковъ, потребовалъ исправить замѣченные недостатки.

Въ дѣйствительности ничего радикальнаго не понадобилось произвести въ войскѣ, чтобы осуществить пожеланія Ермолова и Власова. То, на что указывали эти генералы, неоднократно повторялось до нихъ въ требованіяхъ войскового начальства. Новинкой бы-

ло лишь требованіе Ермолова замѣнить товарищескія отношенія между офицерами и казаками отношеніями служебно-механическими, во имя дисциплины. Грозный генералъ не понималъ характера казачьихъ взаимоотношеній, вытекавшихъ изъ ихъ исторически сложившагося быта. Казаки въ дѣлѣ всегда были прекрасно дисциплинированы, но казачья дисциплина держалась не на приказахъ и понужденіи, а на сознаніи превосходства извѣстныхъ лицъ, одобряемыхъ всѣми товарищами. Это было историческое наслѣдіе черноморцевъ, слѣды котораго еще не стерлись при Ермоловѣ.

Такимъ образомъ, громы Ермолова, свелись къ простому „подтягиванію“ казаковъ и ихъ начальства. И въ этомъ отношеніи были примѣнены раньше практиковавшіяся мѣры и наказанія. Такъ, въ январѣ 1821 года, основываясь на томъ, что посланный Власовымъ есаулъ Красновъ нашелъ въ одномъ мѣстѣ ночью казаковъ, бывшихъ въ секретѣ, спящими, а въ другомъ безпечно сидѣвшими у огня въ шалашѣ, Матвѣевъ приказалъ наказать ихъ плетьми передъ фронтомъ, а командировъ полковъ арестовать на 4 дня.

Въ февралѣ, по распоряженію генерала Власова, хорунжій Красовскій былъ посаженъ на недѣлю подъ арестъ за неисполненіе словесныхъ приказаній командира и. Въ маѣ того же года, по распоряженію Власова, былъ отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду есаулъ Бѣлый за упущеніе по службѣ—захватъ черкесами въ плѣнъ одного казака и, двухъ убитыхъ казаковъ. Въ ноябрѣ все того же года три казака ловившіе рыбу, неосмотрительно переѣхали на лѣвую сторону Кубани, гдѣ и были захвачены черкесами. Въ тотъ же день они возвратились изъ плѣна, благодаря знакомому черкесу, но ихъ немедленно наказали плетьми въ присутствіи другихъ казаковъ, а командиру Косовичу былъ сдѣланъ строгій выговоръ за непорядокъ.

Обнаруженные Власовымъ безпорядки показали прежде всего недостатокъ въ дѣльныхъ и исправныхъ офицерахъ. Для командованія полками не оказалось подходящихъ штабъ-офицеровъ, и войсковой атаманъ въ своемъ объясненіи по этому поводу сообщилъ Власову, что командиры 2-го и 3-го полковъ находились въ Млавѣ на границѣ, командиръ 1-го полка Миленькій находился подъ слѣдствіемъ за употребленіе на собственныя работы всего полка, за взятки и задержаніе жалованья. За то же попалъ подъ слѣдствіе и командиръ 4-го пѣшаго полка Борзиковъ. За неимѣніемъ подходящихъ штабъ-офицеровъ командирами нѣкоторыхъ полковъ, поэтому, назначены были есаулы.

Тогда же было обращено вниманіе и на состояніе кордонныхъ укрѣпленій. Инженеръ Парокья, осматривавшій въ 1821 году кордоны, нашелъ ихъ въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Одни посты были не на мѣстѣ, другіе въ болотѣ, третьи удалены на значительныя разстоянія отъ Кубани, четвертые не расчитаны на защиту станицъ, пятые оставались въ нездоровомъ мѣстѣ и т. п. Строенія и защитныя части въ кордонахъ находились также въ очень

плохомъ состоянiи—въ однихъ постройки валились, въ другихъ валы были плохи, въ третьихъ мѣста подъ пушками покаты и пр. Плохо защищены были и ближайшiя къ Кубани селенiя Платнировское, Динское, Васюринское, Корсунское, Пашковское, Новотитаровское, Новоивановское, Нижестеблiевское, Ивановское, Полтавское, Староджерелiевское, Темрюкъ, Титаровское и Стеблiевское. Находясь на границѣ, они были не огорожены. Поэтому, какъ эти курени, такъ и Величковскiй, Поповичевскiй, Новоивановскiй и городъ Екатеринодаръ требовалось, по мнѣнiю инженера Парокья, обнести плетнями и окопать рвами въ двѣ сажени шириною и въ сажень глубиною.

Между тѣмъ и казаки инженерной команды, на которыхъ лежали обязанности по орудованiю укрѣпленiй, находились въ столь тяжеломъ положенiи, что вслѣдствiе отягощенiя и обнищанiя, при отсутствiи смѣны, убѣгали со службы. Войсковой атаманъ просилъ генерала Вельяминова раздѣлить инженерную команду на три смѣны и посылать отдѣльныя смѣны поочередно на частныя работы, на которыхъ они могли бы достать деньги для обмундировки.

Въ инженерную команду выбирались обыкновенно отборные офицеры и казаки для выполненiя работъ въ укрѣпленiяхъ и на переправахъ. Между тѣмъ начальникъ этой команды инженеръ Парокья жаловался на непригодность офицеровъ—Кривошеи, Лукьяненка, Рыженка, Цѣленка, Сытникова, Волкорѣза, Задню-Улицу и Гелюха. Благодаря небрежности Кривошеи, у него утонули 4 казака, за что онъ былъ посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ, по распоряженiю Ермолова; къ тому же этотъ офицеръ за взятки пускалъ казаковъ на собственныя работы. Лукьяненко, тихiй и слабый по характеру, былъ малограмотенъ и такъ бѣденъ, что Парокья временно командировалъ его въ Екатеринодаръ для прокормленiя семьи. Парокья отпустилъ его на домъ для поправленiя хозяйства, но онъ такъ долго не являлся на службу, „ссылась на болѣзнь ноги", что пришлось вытребовать его въ команду при посредствѣ администрацiи. Цѣленко былъ „столь смиренъ и мало чувствовалъ себя", что казаки не могли питать къ нему должнаго уваженiя да и „весьма малограмотенъ". Волкорѣза, какъ дряхлаго, пришлось уволить въ оставку. Задня-Улица, по аттестацiи Парокья, „безъ всякаго понятiя о должности своей, съ трудомъ свое имя только подписываетъ и столь безпечный", что изъ 100 человѣкъ его команды 68 человѣкъ заболѣло „отъ объяденiя сомятиной". Гелюхъ велъ себя хорошо, но былъ бѣденъ и боленъ. Отзывы въ такомъ родѣ объ инженерной командѣ давалъ Парокья и впослѣдствiи.

Но особенно тяжело было положенiе главной массы казаковъ—служилаго состава. Ихъ было мало и не хватало въ самыхъ нужныхъ случаяхъ. Были случаи уклоненiя отъ службы. Въ 1822 году былъ наказанъ плетьми казакъ, прятавшiйся отъ службы, и это былъ не единичный случай. Чтобы увеличить численный составъ войска на кордонахъ, генералъ Власовъ хотѣлъ замѣнить въ нѣко-

торыхъ случаяхъ, какъ напр. въ караулахъ при острогахъ, служилыхъ казаковъ отставными; но войсковая канцелярія считала невозможною эту мѣру. Къ тому же и самъ Власовъ въ 1822 году нашелъ необходимымъ подраздѣлить, послѣ надлежащаго освидѣтельствованія, отставныхъ казаковъ на годныхъ и негодныхъ къ службѣ и послѣднихъ совершенно освободить отъ нея, такъ какъ многіе за старостью, увѣчьями, ранами и пр. положительно ни къ чему не были способны. Требовательность Власова переходила всякіе предѣлы. Такъ напр., онъ приказалъ не только вырубить весь лѣсъ между кордонами, но и скосить траву по обѣимъ сторонамъ дороги, чтобы лишить черкесовъ возможности прятаться.

Такія требованія не всегда были исполнимы и порождали недоразумѣнія между Власовымъ и войсковою администраціею. Въ 1823 году Власовъ жаловался Ермолову, что войсковой атаманъ и его канцелярія не собрали въ назначенное время всѣхъ отставныхъ казаковъ на 4-хъ пунктахъ—въ Екатеринодарѣ, Темрюкѣ, на Бейсугѣ и на Еѣ, объясняя это нерадѣніемъ по службѣ. Въ дѣйствительности же оказалось, что Власовъ пріѣхалъ на пункты не въ назначенное время, когда казаки уже разбрелись; что его требованіе представить для 8 тысячъ казаковъ формулярные списки съ отмѣтками было неисполнимо въ краткій срокъ, такъ какъ такіе списки не велись; что отставные казаки были разбросаны по всей Черноморіи на дальнія разстоянія отъ пунктовъ сбора, а иные находились внѣ войска; что тѣ же отставные казаки должны были выставить до 2000 подводъ подъ переселенцевъ и выполняли многія другія натуральныя повинности, требовавшія неотложности; что, наконецъ, вообще сборъ только въ 4 пунктахъ старыхъ, больныхъ и бѣдныхъ людей былъ крайне обременителенъ для войска. Нѣсколько позже въ томъ жа году Власову удалось, однако, осмотрѣть отставныхъ казаковъ изъ 44 куреней. Въ результатѣ оказалось 426 человѣкъ годныхъ въ полки, 3660 годныхъ на внутреннюю службу по войску, 3493 могущихь нести куренную службу и 230 человѣкъ никуда негодныхъ.

Болѣе дѣйствительную мѣру, практически полезную для казачества, предложила Власову сама казачья администрація. Въ январѣ 1823 года войсковой атаманъ Матвѣевъ просилъ Власова измѣнить порядки комплектованія полковъ. Съ 1802 года въ полки входили казаки изъ разныхъ, иногда изъ 20 и болѣе куреней, разбросанныхъ и зачастую отстоявшихъ за сто и болѣе верстъ одинъ отъ другого. Это непомѣрно осложняло дѣло комплектованія полковъ и сильно отягощало казаковъ. Матвѣевъ предложилъ формировать полки по ближайшимъ станицамъ, такъ чтобы въ каждый полкъ входили казаки не болѣе 6 сосѣднихъ между собою станицъ. Этотъ удобный порядокъ комплектованія полковъ былъ принятъ, но въ полкахъ оказались недочеты, и на вопросъ Власова о причинахъ ихъ войсковая канцелярія объяснила, что недостача произошла отъ

смертности, малаго числа малолѣтковъ и отвлеченія въ Польшу цѣлаго полка, набраннаго изъ другихъ полковъ сверхъ положеннаго числа ихъ.

Въ это время для полнаго служилаго состава Черноморскаго войска не было еще достаточнаго числа малолѣтковъ у населенія. По спискамъ за 1820 годъ всѣхъ казаковъ строевыхъ и нестроевыхъ было въ войскѣ: 1 генералъ, 46 штабъ-офицеровъ, 472 оберъ офицера, 387 урядниковъ и 37077 казаковъ. Въ 1823 году исполнявшій обязанности войскового атамана подполковникъ Дубоносъ представилъ Власову вѣдомость на 1-е августа, по которой значились въ 11 конныхъ и 10 пѣшихъ полкахъ казаковъ одного строевого состава: 15 штабъ-офицеровъ, 230 оберъ-офицеровъ, 309 урядниковъ и 11759 казаковъ, при чемъ въ кавалеріи было 6538 человѣкъ, а въ пѣхотѣ 5575 человѣкъ. Такимъ образомъ, тяжелую пограничную и внѣ войска службу несли 33% штабъ-офицеровъ, 44% оберъ-офицеровъ и до 32% рядовыхъ казаковъ. Одна треть рабочихъ рукъ всегда была внѣ хозяйства. Главныя работы по хозяйству выполнялись женщинами и подростками.

Въ ноябрѣ 1824 года, когда Ермоловъ утвердилъ предположенія Власова о сформированіи особаго отряда изъ тысячи пѣхоты и пяти сотъ конныхъ казаковъ на случай отраженія шапсуговъ и абадзеховъ при рубкѣ казаками лѣса за Кубанью, въ первый разъ появляются на сценѣ черноморскіе пластуны, какъ самостоятельная организованная часть войска. Въ первый разъ въ бумагахъ генералъ Власовъ употребилъ слово „пластунъ" 7 января 1824 года, а съ 12 января онъ началъ вызывать охотниковъ изъ льготныхъ казаковъ для пополненія кадра „лучшихъ стрѣлковъ или пластуновъ". Къ 14 января въ канцелярію Власова уже явились 64 казака изъ трехъ селеній и къ войсковому атаману 70 казаковъ изъ 10 селеній. Такъ изъ охотниковъ и составились первыя пластунскія команды. Это были не только лучшіе стрѣлки, но и наиболѣе храбрые и умѣлые развѣдчики.

Положеніе дѣлъ на Черноморской линіи улучшилось, но подтягиваніе казачьяго начальства Ермоловымъ продолжалось. Въ маѣ 1827 года Ермоловъ приказалъ войсковому атаману Матвѣеву внести собственныя деньги въ возмѣщеніе израсходованныхъ изъ войсковыхъ капиталовъ на провіантъ, потребленный казаками вмѣсто своихъ харчей. Ермоловъ полагалъ, что только благодаря нераспорядительности Матвѣева и полковыхъ командировъ, казаки были вызваны изъ домовъ „не съ полнымъ положеннымъ запасомъ провіанта" и нѣкоторое время ихъ пришлось кормить на войсковой счетъ. Поэтому, Ермоловъ и приказалъ Матвѣеву внести собственныя деньги на погашеніе войсковыхъ расходовъ, а самому вѣдаться потомъ съ полковыми командирами. И, дѣйствительно, 3 іюля 1824 г. Матвѣевъ внесъ въ войско 2500 р. ассигнаціями за сто четв. потребленной казаками муки, купленной на войсковыя средства.

Что же касается генерала Власова, который былъ главнымъ виновникомъ раззоренія казаковъ, то самъ онъ, въ своихъ донесеніяхъ начальству, пріукрашивалъ всѣ тѣ стороны мѣстной жизни, которыя выставляли его дѣятельность въ выгодномъ свѣтѣ. Служебныя силы казаковъ почти всѣ были исчерпаны постоянными походами противъ черкесовъ, отъ чего населеніе крайне обнищало, а Власовъ, въ угоду начальству, находилъ настолько удовлетворительнымъ состояніе края, что съ 1825 г., съ его согласія, за предѣлы войска былъ командированъ цѣлый полкъ черноморцевъ въ станицу Кавказскую для подкрѣпленія Кавказской кордонной линіи. Чтобы оттѣнить свою дѣятельность на Черноморской кордонной линіи, приказомъ 18 іюня 1825 г. на имя войскового атамана онъ выразилъ благодарность полковымъ командирамъ за хорошее состояніе кордонныхъ укрѣпленій и построекъ.

И всѣ эти дѣйствія Власовъ закончилъ позорнымъ истребленіемъ ауловъ мирныхъ натухайцевъ, за что онъ былъ удаленъ съ Черноморской линіи. Тогда картина дѣяній рьянаго генерала нѣсколько измѣнилась. Прежде всего обнаружилась настолько громадная убыль въ строевомъ составѣ войска, что на это обстоятельство обратилъ вниманіе самъ Государь. Другой донской генералъ Сысоевъ, назначенный на мѣсто Власова и сильно поддерживавшій его, далъ 20 октября 1826 г. Емануелю по этому вопросу очень неутѣшительныя свѣдѣнія. Оказалось, что съ 1821 г. по 29 іюля 1826 года, т. е. за время командованія Власова, умерло въ госпиталяхъ 773 человѣка и на домахъ 849 чел. Столь ужасная смертность въ служиломъ составѣ, равнявшаяся по количеству цѣлымъ тремъ полкамъ зависѣла, по объясненію Сысоева, отъ безпрерывнаго утомительнаго передвиженія Власовымъ казаковъ, отъ скуднаго продовольствія и отъ зимовки отрядовъ на открытомъ воздухѣ установленной этимъ генераломъ. Казаки были плохо одѣты и отсутствіе одежды у нихъ было хроническимъ зломъ.

Въ то же время ихъ семьи и хозяйство находились въ крайне тяжелыхъ условіяхъ. Неурожай и саранча лишили казаковъ хлѣба и они голодали, „пухли отъ голода", по выраженію объяснительной записки, продавали за безцѣнокъ имущество, просили подаянія. Между тѣмъ казаки, будучи въ строю, обязаны были продовольствоваться на собственныя средства. Представленія же о выдачѣ казакамъ продовольственныхъ ссудъ или залеживались у Власова по мѣсяцамъ, или же отклонялись.

Казаки не только „пухли", голодали, болѣли и умирали, но и несли на линіи непосильную службу. Самонадѣянность Власова обнаружилась въ полной наготѣ. Съ линіи нельзя было отвлечь ни одного казака, безъ ущерба защиты ея. Тотъ же Сысоевъ 9 октября 1826 года донесъ генералу Емануелю, что. за отвлеченіемъ двухъ казачьихъ полковъ въ Польшу, двухъ полковъ въ Тифлисъ и одного полка въ станицу Кавказскую, наличныя силы войска не-

достаточны ни для образованія резервовъ, ни для защиты границы отъ горцевъ.

Въ это время закончено было переселеніе въ Черноморію малороссійскихъ казаковъ, и наличныя силы войска рѣшено было пополнить переселенцами. Матвѣевъ донесъ Сысоеву, что при переписи переселенцевъ, было зарегистровано 7082 человѣка годныхъ къ военной службѣ и что въ полной готовности къ походу съ мѣсячнымъ провіантомъ было 638 конныхъ и 3274 пѣшихъ казаковъ. Сысоевъ ограничился только 800 переселенцевъ, взятыхъ на пополненіе полковъ въ количествѣ 350 человѣкъ изъ Екатеринодарскаго округа, 150—изъ Бейсугскаго и 300 изъ Ейскаго округа.

Съ пополненіемъ полковъ къ февралю 1827 года по войску снова числилось въ 11 конныхъ и 10 пѣшихъ полкахъ 17 штабъ-офицеровъ, 288 оберъ-офицеровъ, 510 сотенныхъ есауловъ или урядниковъ и 10984 казаковъ, съ 6450 строевыми лошадьми и 810 подъемными. Но въ мартѣ того же года генералъ Емануель приказалъ отправить 6-й пѣхотный полкъ для военныхъ дѣйствій противъ персовъ.

Наступилъ тяжелый 1828 годъ. Война съ Турціей и въ Закавказьѣ, усиленіе военныхъ дѣйствій противъ черкесовъ заставили напречь силы Черноморскаго войска до послѣдней степени. Кромѣ бывшихъ уже внѣ войска въ Польшѣ и на Дунаѣ казачьихъ полковъ, сначала отправленъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, одинъ пѣшій полкъ черноморцевъ на Дунай въ Измаилъ „для пополненія прислуги на Дунайской флотиліи“, а затѣмъ туда же приказано отправить два конныхъ полка. Войсковой атаманъ Безкровный поручилъ подполковникамъ Зинченку и Кондруцкому набрать людей изъ шести полковъ, расположенныхъ по кордонной линіи по 100 человѣкъ изъ каждаго полка—„видныхъ собою, хорошаго поведенія, на лучшихъ лошадяхъ и въ совершенной исправности“. Въ сентябрѣ опять послѣдовало приказаніе сформировать два конныхъ полка 5-й и 6-й и отправить ихъ на Крымскую сторону.

Въ то же время, по распоряженію Емануеля, въ Устьлабу было командировано 400 пластуновъ, 3-й конный полкъ съ однимъ орудіемъ для подкрѣпленія Кавказской кордонной линіи. Въ виду столь значительнаго отвлеченія силъ изъ Черноморіи, чувствовалась настоятельная нужда въ усиленіи Черноморской кордонной линіи. Съ этою цѣлью распоряженіемъ войсковаго начальства 20 мая 1828 г. приказано было собрать 1500 „престарѣлыхъ казаковъ“ для борьбы съ горцами. Собственную линію посланы были охранять казаки-ветераны, одряхлѣвшіе и больные.

На бѣду казаки, посланные въ Устьлабу, оказались въ невозможномъ матеріальномъ положеніи. Такъ, изъ лагеря при Устьлабѣ есаулъ Щербина просилъ 15 іюля подполковника Кондруцкаго о замѣнѣ казаковъ другими, такъ какъ казаки, лишенные одежды, крайне нуждались, бродя по грудь въ водѣ. Тогда же въ іюлѣ под-

полковникъ Навагинскаго полка Широковъ просилъ подполковника Кондруцкаго замѣнить въ его отрядѣ черноморскихъ казаковъ другими, такъ какъ его казаки совсѣмъ не имѣли ни одежды, ни обуви. Но на смѣну ему командировано было 28 іюля только 200 казаковъ.

Со стороны казаковъ была послана войсковому атаману жалоба, что ихъ изнуряли работами, били и угнетали начальники регулярныхъ войскъ, а офицеръ графъ Юръ чуть не засѣкъ казака до смерти, приказавши дать ему 400 ударовъ палками за то, что онъ не пожелалъ ударить по лицу своего оскорбителя-солдата. Подполковникъ Кондруцкій въ свою очередь рапортовалъ Емануелю, что, за отвлеченіемъ изъ войска 1100 человѣкъ, онъ заранѣе послалъ въ отрядъ Широкова самыхъ лучшихъ казаковъ и что куренные атаманы извѣстили его о невозможности дѣлать дальнѣйшіе наряды казаковъ по войску, такъ какъ все мужское населеніе уже послано было въ строевыя части.

Въ сентябрѣ Кондруцкій получилъ изъ лагеря на Псенафѣ отъ есаула Сербина просьбу о замѣнѣ казаковъ „свѣжими", такъ какъ съ 25 іюня казаки его не имѣютъ сапогъ, ходятъ босы и совершенно безъ портокъ"; лошади также пришли въ негодность и многія пали. Самъ Кондруцкій просилъ войсковое начальство прислать ему хотя бы 1000 отставныхъ казаковъ, въ виду крайне враждебнаго настроенія горцевъ, и для смѣны 400 казаковъ, находившихся въ отрядѣ Широкова. Распоряженіе объ этомъ изъ войсковой канцеляріи послѣдовало 28 сентября.

Въ довершеніе всего войско много теряло отъ установившагося порядка военныхъ распоряженій. Командующій войсками на Кавказской кордонной линіи и въ Черноморіи генералъ Емануель находился въ Ставрополѣ и отсюда посылалъ свои распоряженія войсковому атаману Безкровному, бывшему въ отрядѣ при Анапѣ, при чемъ терялось время и получались недоразумѣнія.

Въ октябрѣ 1828 года войсковой старшина Гавришъ просилъ войсковое начальство освидѣтельствовать служившихъ у него въ полку дряхлыхъ, слабыхъ здоровьемъ и увѣчныхъ стариковъ для освобожденія отъ военной службы, которую они положительно не въ состояніи были нести. Къ счастію черноморцевъ, была прекращена война съ турками, и въ началѣ ноября 1828 года были распущены по домамъ престарѣлые казаки и малолѣтки.

Послѣ неудачнаго распредѣленія полномочій между командующимъ Черноморскою кордонною линіею и войсковымъ атаманомъ Черноморскаго казачьяго войска, съ 1828 года военная и гражданская власть снова была сосредоточена въ рукахъ казачьяго атамана. Въ это время наказнымъ атаманомъ войска былъ талантливый и энергичный генералъ Безкровный. Занятый преимущественно борьбою съ черкесами, Безкровный велъ эту борьбу весьма удачно. Это былъ боевой генералъ, за которымъ казаки смѣло шли въ

огонь и воду. Подъ его командой казаки всегда были хорошо сорганизованы и дисциплинированы. Объявляя въ приказѣ 18 сентября 1829 года о походѣ противъ горцевъ, Безкровный заранѣ преподаетъ отряду правила, которымъ казаки должны были слѣдовать въ бою съ черкесами. Въ пунктѣ 7 правилъ онъ рекомендуетъ при сраженіи не бросаться въ разсыпную на непріятеля, а дѣйствовать тѣсно сплоченными группами въ 20 или 15 человѣкъ и непремѣнно съ офицеромъ или урядникомъ во главѣ; въ пунктѣ 9 предписывалось не умерщвлять беззащитныхъ, а брать въ плѣнъ и подобнымъ же образомъ поступать и со сложившими оружіе.

Военныя дѣла шли у Безкровнаго весьма успѣшно, не смотря на то, что высшее начальство по прежнему продолжало посылать полки Черноморскаго войска за предѣлы Черноморіи. Такъ 2-й конный полкъ былъ оставленъ на границѣ въ Польшѣ сверхъ срока, который истекалъ въ февралѣ, но 19 марта былъ командированъ другой полкъ на смѣну его. Конные полки 5-й и 6-й остались въ дѣйствующей Дунайской арміи. Полку 5-му приказано было слѣдовать въ г. Яссы. А изъ 6 полка двѣ сотни 2-я и 5-я назначены были для конвоированія плѣнныхъ турокъ въ г. Житоміръ; затѣмъ 1, 3 и 4-я сотни, расположенныя около г. Балты, направлены были въ Скуляны Бессарабской губерніи. Здѣсь они заняли кордонную линію по р. Пруту. Впослѣдствіи 5 и 6 конные полки, а также 1-й пѣшій полкъ, были награждены знаменами съ надписью; „за отличіе въ турецкую войну въ 1829 году“. Въ началѣ 1829 года выданы были прогоны офицерамъ Черноморскаго войска, командированнымъ въ Одессу для формированія двухъ полковъ Усть-Дунайскаго войска.

Въ 1830 году, по распоряженію графа Паскевича, Кавказская линія была раздѣлена на 4 части: правый флангъ, центръ, лѣвый флангъ и управленіе Владикавказскаго коменданта. Правый флангъ простирался отъ Анапы до границы Черноморіи по Кубани съ востока. Командованіе кардонною линіею въ этой части поручено было г.-м. Берхману 1-му. Центръ линіи шелъ отъ границы Черноморіи по р.р. Кубани и Малкѣ до поста Ардонскаго, а по Тереку до г. Моздока, и находился въ вѣдѣніи г.-м. Фролова. Лѣвый флангъ простирался отъ г. Моздока до Каспійскаго моря подъ начальствомъ генерала Вельяминова. Наконецъ, въ управленіе Владикавказскаго коменданта входило пространство отъ Ардона и поста Назрановскаго до поста Коби. Начальникомъ здѣсь былъ г.-м. Алхазовъ. А общее командованіе всѣми четырьмя частями Кавказской линіи поручено было генералу Емануелю.

Въ частности на правомъ флангѣ, по распоряженію Паскевича, было возведено нѣсколько укрѣпленій среди владѣній враждебныхъ Россіи горцевъ—Мостовое-Алексѣевское на Кубани, Ивановово-Шебское на р. Шебшъ и Афипское на р. Афипсъ. Возведеніе укрѣпленій было дѣломъ особаго отряда, подъ командой генерала

Безкровнаго. Въ августѣ 1830 года Емануель объявилъ Безкровному благодарность за приведеніе въ порядокъ укрѣпленнаго лагеря при Шебшѣ, заготовку сѣна и постройку помѣщеній. Въ сентябрѣ Паскевичъ извѣстилъ Безкровнаго, что онъ назначилъ генералъ-лейтенанта Панкратьева командиромъ войскъ, расположенныхъ въ урочищѣ „Длинный лѣсъ", при впаденіи Шебши въ Афипсъ, а также у крѣпости Анапы. Безкровному вмѣнено въ обязанность исполнять всѣ распоряженія Панкратьева и доносить о ходѣ военныхъ дѣлъ ему и начальнику Кавказской линіи и Черноморіи генералу отъ кавалеріи Емануелю. Тогда же одинъ черноморскій полкъ былъ отправленъ въ отрядъ на р. Бѣлую.

Въ 1830 году графъ Паскевичъ возбудилъ ходатайство объ улучшеніи положенія казачьихъ офицеровъ въ Черноморскомъ войскѣ, но, къ сожалѣнію, ограничился крайне примитивною мѣрою, обременительною въ то же время для рядовыхъ казаковъ. По ходатайству Паскевича, черноморскимъ офицерамъ разрѣшено было удержать деньщиковъ и на дому, по выходѣ съ очереди на льготу. Особенно необходимою эту мѣру Паскевичъ находилъ для офицеровъ-одиночекъ, не имѣвшихъ ни домовъ, ни семействъ.

Съ 1831 года Черноморское войско перешло въ вѣдѣніе генерала Заводовскаго, назначеннаго на мѣсто Безкровнаго. Заводовскій началъ усиленно хлопотать объ улучшеніи положенія Черноморскаго войска, просилъ графа Паскевича отпускать изъ казны фуражъ черноморскимъ казакамъ, возвратить войску расходы по содержанію казаковъ на линіи за 12 лѣтъ и увеличить содержаніе офицеровъ. Заводовскій былъ самовластнымъ дѣятелемъ и, поэтому, не могъ помириться съ присутствіемъ на ряду съ нимъ въ войскѣ особаго начальника Черноморской кордонной линіи. Онъ жаловался Емануелю, что начальникъ линіи г.-м. Берхманъ дѣлалъ распоряженія, касающіяся внутреннихъ распорядковъ въ войскѣ; а Берхманъ указывалъ на распоряженія Заводовскаго, шедшія въ разрѣзъ съ его планами охраны Черноморской кордонной линіи. Генералы вмѣшивались въ распоряженія другъ друга, осложняя дѣло.

Въ 1831 году снова былъ отправленъ въ Польшу для усмиренія мятежниковъ 2-й конный полкъ. Но послѣ того, какъ войско было два раза усилено переселеніями малороссійскихъ казаковъ, наличный его составъ позволялъ отпускать на стороны отдѣльныя части.

При Заводовскомъ обратило вниманіе на тяжелое экономическое положеніе казаковъ и высшее начальство. Въ 1833 году съ поразительною яркостью было выяснено тяжелое экономическое положеніе черноморцевъ и тѣ причины, которыя имѣли рѣшающее значеніе въ этомъ отношеніи. При осмотрѣ черноморскихъ полковъ въ 1832 году, генералъ-маіоръ Гессе былъ пораженъ тою непосильною ношею, какая навалена была на черноморцевъ. Съ самаго поселенія войска на Кубани, говоритъ онъ, казаки должны были сто-

рожить линію по году въ трехлѣтній срокъ, смѣняясь по очередямъ и оставаясь остальные два года дома, чтобы поддержать хозяйство и добыть средства для несенія службы на собственный счетъ. На дѣлѣ же оказалась, что, съ теченіемъ времени, казакъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, былъ годъ дома и два года на службѣ. Особенно сильно задавлены были службою черноморцы въ 1821 г., когда генералъ Власовъ, не знавшій удержу въ своемъ стремленіи отличиться, почти все войско держалъ подъ ружьемъ. Между тѣмъ казаки отъ казны получали лишь ничтожное жалованье по 12 рублей ассигнаціями въ годъ да и то за время, пока они были на линіи; все же остальное—снаряженіе на службу и содержаніе на ней, казаки несли на собственный счетъ. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, черноморцы впали въ крайнюю бѣдность.

Наказный атаманъ Черноморскаго казачьяго войска Заводовскій, спрошенный генераломъ Вельяминовымъ о причинахъ обѣдненія черноморскихъ казаковъ, отвѣтилъ, что до тѣхъ поръ, пока правильно соблюдались очереди по смѣнѣ на службу, казаки имѣли хорошихъ лошадей и приличное одѣяніе. У казаковъ было время для того, чтобы вести хозяйство и добывать средства. По этому, для устраненія причинъ обѣдненія казаковъ, генералъ Заводовскій предложилъ слѣдующія мѣры.

Согласно издавна заведенному порядку, казаки должны сторожить пограничную линію по году въ трехлѣтній періодъ, такъ чтобы изъ 21 полка, изъ которыхъ состоитъ войско, 7 полковъ было на очереди, а остальные 14 на дому.

Въ зимнее время, когда, съ появленіемъ льда на Кубани, горцы усиливаютъ набѣги, изъ льготныхъ казаковъ, не обремененныхъ зимою хозяйственными работами, могутъ быть составляемы, по усмотрѣнію наказнаго атамана, особые отряды для подкрѣпленія очередныхъ полковъ, служащихъ на границѣ.

Въ вознагражденіе за зимнее отвлеченіе льготныхъ казаковъ отъ хозяйства, черноморцамъ должны выдаваться изъ казны ремонтныя деньги, какъ это ведется у всѣхъ остальныхъ казачьихъ войскъ.

Командированный въ Анапу Черноморскій полкъ и части артиллерійскихъ ротъ должны быть возвращены въ Черноморію, такъ какъ иначе нельзя будетъ вести правильную смѣну очередей.

Этотъ простой и практичный планъ не понравился генералу Вельяминову, и онъ нашелъ объясненія Заводовскимъ причинъ обѣдненія казаковъ неправильными. Указывая на примѣръ линейныхъ казаковъ, несшихъ пограничную службу и находившихся въ лучшемъ экономическомъ положеніи сравнительно съ черноморцами, Вельяминовъ видѣлъ главную причину бѣдности черноморцевъ въ „безчисленныхъ злоупотребленіяхъ, кои позволяютъ себѣ черноморскіе чиновники“. Изъ числа многихъ злоупотребленій Вельяминовъ указалъ на два главнѣйшихъ. Первое зло заключалось въ томъ,

что на пограничную службу высылались бѣднѣйшіе люди, а богатые откупались у мѣстныхъ властей. Бѣдные казаки являлись на худыхъ лошадяхъ, плохо служили, терпѣли нужду во всемъ и въ конецъ раззорялись, увеличивая кадры бѣдняковъ.

Вторымъ зломъ войска Вельяминовъ считалъ неблаговидные поступки полковыхъ командировъ, которые изъ бѣднѣйшихъ казаковъ, являвшихся на кордонную линію, отпускали по домамъ наименѣе бѣдныхъ, получая съ нихъ за это или деньги, или лошадей, или рогатый скотъ, или натурою—работами на полковничьихъ хуторахъ. На пограничной линіи оставались самые бѣдные казаки, которыхъ командиры, чувствуя за собой вину, не рѣшались подвергать взысканіямъ за упущенія по службѣ.

Чтобы уничтожить причины обѣдненія черноморскихъ казаковъ и поднять благосостояніе войска, Вельяминовъ считалъ нужнымъ замѣнить наказнаго атамана, членовъ войсковой канцеляріи, всѣхъ полковыхъ командировъ и часть офицеровъ офицерами регулярныхъ войскъ. Тогда, утверждалъ Вельяминовъ, злоупотребленія уменьшатся и казаки станутъ богаче.

Графа Паскевича, по иниціативѣ котораго все это дѣлалось, не удовлетворили разъясненія Вельяминова и онъ приказалъ сдѣлать болѣе серьезныя изслѣдованія вопроса объ обѣдненіи казаковъ. Тогда оказалось, что начиная съ 1821 года, при Ермоловѣ находившіеся на кордонной линіи казаки каждую зиму буквально таки голодали, такъ какъ, за истощеніемъ средствъ у войска, не на-что было пріобрѣтать провіантъ, а Ермоловъ требовалъ, чтобы казаки продовольствовались на собственныя средства. Между тѣмъ въ Черноморіи часто бывали неурожаи и саранча выѣдала хлѣба и травы. Съ того времени и началось на столько сильное обѣдненіе черноморскихъ казаковъ, что въ Петербургѣ, по Высочайшему повелѣнію, образованъ былъ особый комитетъ для изысканія способовъ по улучшенію состоянія Черноморскаго войска.

Нужно имѣть въ виду, что истекшее пятилѣтіе съ 1821 по 1826 года было періодомъ господства на Кубани генерала Власова, раззорившаго не только мирныхъ черкесовъ, но и черноморцевъ. Лично графъ Паскевичъ обѣдненіе черноморскихъ казаковъ объяснилъ цѣлымъ рядомъ причинъ. Главнѣйшую изъ нихъ онъ видѣлъ въ томъ, что у войска не хватало населенія для несенія военной службы.

Поэтому, графъ Паскевичъ въ интересахъ войска находилъ настоятельно необходимымъ двѣ мѣры: 1) переселеніе въ Черноморію 25 тысячъ душъ мужскаго пола, съ прекращеніемъ командировокъ черноморскихъ полковъ за границы войска, до тѣхъ поръ, пока не осядутъ прочно въ войскѣ переселенцы; и 2) выдачу въ теченіе 10 лѣтъ денежнаго пособія войску въ размѣрѣ 50 р. на коннаго и 35 рублей на пѣшаго казака. Къ такому же заключенію пришелъ и образованный въ Петербургѣ комитетъ о причинахъ обѣдненія

черноморскихъ казаковъ. Только послѣднею мѣрою Черноморское войско могло быть поставлено на равнѣ съ другими казачьими войсками. Всѣ эти соображенія были одобрены Государемъ.

Въ подробной мотивировкѣ о необходимости этихъ мѣропріятій выяснено было, что въ положеніи черноморскихъ и линейныхъ казаковъ была большая разница. Линейные казаки жили на самой линіи и несли военную службу, находясь у себя дома, въ станицахъ, а черноморцы для несенія той же службы вынуждены были оставлять хозяйства, уходя на долгое время за 100, 200 и даже 300 вер. изъ своихъ поселеній. Линейные казаки, неся службу, близъ своихъ хозяйствъ, получали вмѣстѣ съ тѣмъ ремонтныя и фуражныя деньги; черноморцы, уходя изъ дому на далекія разстоянія, не получали ни ремонтныхъ, ни фуражныхъ денегъ и даже лошадей должны были содержать на собственный счетъ. Благодаря послѣднему обстоятельству, казаки льготныхъ полковъ лѣтомъ отрывались отъ хозяйства для заготовленія на зиму сѣна лошадямъ.

При недостаточной численности черноморскіе казаки отвлекались въ то же время на внѣшнюю, за предѣлами войска, службу—черноморскіе полки были и въ Польшѣ, и въ Анапѣ, и на Кавказской линіи, для подкрѣпленія линейныхъ казаковъ, и за Кубанью въ укрѣпленіяхъ, и на Черноморскомъ побережьѣ.

Между тѣмъ служебныя обязанности черноморскаго казака были очень сложны и разнообразны. Съ 19 лѣтъ черноморецъ поступалъ въ строевую службу и несъ ее въ продолженіи 25 лѣтъ. Послѣ 25 лѣтъ черноморца подвергали освидѣтельствованію, и если онъ оказывался годнымъ къ полковой службѣ, то его оставляли еще въ полку, и тогда онъ снова попадалъ въ военную службу при формированіи экспедицій и отрядовъ въ походы за Кубань. Въ противномъ случаѣ, при негодности къ полковой службѣ, казакъ назначался на внутреннюю по войску службу въ присутственныхъ войсковыхъ мѣстахъ, на мѣновыхъ дворахъ, при войсковыхъ магазинахъ, при госпиталяхъ и лазаретахъ, въ конныхъ разъѣздныхъ командахъ при земскихъ начальствахъ и куренныхъ управленіяхъ, въ ямщикахъ на почтовыхъ станціяхъ, въ летучкахъ для возки бумагъ, въ пожарныхъ командахъ, на кордонной „цѣпи отъ кавказской области", при 40 чугунныхъ крѣпостныхъ орудіяхъ въ пограничныхъ селеніяхъ и при 80 орудіяхъ стараго калибра по кордоннымъ укрѣпленіямъ. На все это требовалось до 4000 внутренно-служащихъ казаковъ.

Затѣмъ остальные внутренно-служащіе казаки, въ качествѣ инвалидной команды, назначались на внутреннюю по куренямъ службу—въ сторожа къ куреннымъ управленіямъ, къ церквямъ, къ хлѣбо-запаснымъ магазинамъ, къ войсковымъ солянымъ озерамъ, въ пожарныя куренныя команды и на многіе другіе наряды, на что также требовалось не менѣе 4000 человѣкъ. Но такъ какъ, при трехлѣтней смѣнѣ, не хватало отставныхъ казаковъ для несенія

внутренней по войску и куренямъ службы, то въ пополненіе этого недостатка назначались малолѣтки до 19 лѣтъ и, слѣдовательно, часть казаковъ несла уже службу прежде, чѣмъ поступала въ полки.

Наконецъ, на отставныхъ и льготныхъ казакахъ лежалъ цѣлый рядъ натуральныхъ повинностей и расходы по содержанію общественныхъ учрежденій. Требовались деньги на возведеніе и ремонтъ общественныхъ зданій, на пожарные снаряды, на повозки и упряжь для почтовыхъ станцій, на жалованье служащимъ и наемъ писарей, на канцелярскіе по куреннымъ управленіямъ расходы и т. п. Особенно тяжело ложились на населеніе расходы по почтовой повинности, которую съ 1826 года Ермоловъ приказалъ снять съ войска для увеличенія войсковыхъ доходовъ и переложить на курени. За неимѣніемъ доходовъ, куренныя управленія освобождали часть внутреннослужащихъ казаковъ отъ службы за деньги, которыя шли въ общественный доходъ на указанныя выше нужды. Наибольшимъ же гнетомъ на населеніе ложились натуральныя повинности— исправленіе дорогъ, мостовъ и гатей, препровожденіе арестантовъ и воинскихъ частей, перевозка провіанта и другихъ тяжестей. За все это населеніе не получало никакого вознагражденія ни отъ казны, ни отъ войска; а между тѣмъ выполненіе этаго рода повинностей носило крайне принудительный, обязательный характеръ и казаки часто отрывались отъ хозяйства и работъ въ самую горячую пору.

„Такимъ образомъ, говорится въ заключительной части записки комитета, всѣ безъ изъятія казаки какъ состоящіе въ полкахъ и артиллерійскихъ ротахъ, такъ и отставные и престарѣлые находятся одни на военной, а другіе на внутренней службѣ“; дома же хозяйствомъ заниматься некому. Этимъ и обусловливались бѣдность въ войскѣ, недостача у казаковъ хорошихъ лошадей и одежды, голоданіе даже служащихъ на линіи казаковъ, нужда въ продовольствіи и пр., и пр. Правы были, слѣдовательно, генералы Гессе и Заводовскій, указывавшіе на обременительность службы въ Черноморскомъ войскѣ, къ которому предъявлялись требованія, несоразмѣрныя съ количествомъ населенія. Злоупотребленія властей, неблагопріятныя климатическія условія, засухи, неурожаи. саранча, падежи скота, повальныя болѣзни и т. п.—все это только усиливало обѣдненіе населенія, поставленнаго въ невозможность нести возложенную на него службу.

Самъ Вельяминовъ, такъ недружелюбно отнесшійся къ черноморской администраціи, обратилъ вниманіе на то, что фурщиками у черноморцевъ были люди престарѣлые, увѣчные и малолѣтніе, и запросилъ Заводовскаго, чѣмъ это объяснялось. Заводовскій указалъ на то, что фактически у черноморцевъ служба была безсрочная; въ чистую отставку увольнялись только больные, увѣчные и совершенно одряхлѣвшіе старики; полки пополнялись также подростками 17, 18 и 19 лѣтъ. Гражданская служба лежала на старикахъ и подросткахъ, изъ которыхъ комплектовались и фурщики. Другихъ фурщиковъ войску негдѣ было взять.

И казачьи власти и сами казаки прибѣгали ко всевозможнымъ пріемамъ, чтобы хоть нѣсколько ослабить тяжелое положеніе населенія. Послѣднимъ даже некогда было жениться и справлять свадьбы. Такъ, въ 1832 году лишь по особому ходатайству былъ отпущенъ съ кордонной линіи казакъ на 6 дней домой для того, чтобы обвѣнчаться и сыграть свадьбу. Въ трудныхъ случаяхъ казаки помогали другъ другу, какъ могли. При командированіи въ 1831 году казаковъ за Дунай, у многихъ казаковъ не было ни лошадей, ни сбруи. Одностаничники снабдили ихъ тѣмъ и другимъ, а войсковая канцелярія обѣщала этимъ благодѣтелямъ или дать льготу по отбыванію войсковой повинности, или же вознаградить ихъ деньгами по стоимости лошадей и сбруи. Впослѣдствіи, однако, канцелярія не исполнила своего обѣщанія, ссылаясь на то, что не было спеціальнаго постановленія на этотъ счетъ, и казаки должны были сами вѣдаться другъ съ другомъ, и только по настоянію наказнаго атамана они получили денежное вознагражденіе за своихъ лошадей и сбрую.

Въ 1832 г. Заводовскій приказалъ сформировать особую пластунскую команду изъ 1 офицера, 3-хъ урядниковъ и 18 казаковъ, подъ начальствомъ сотника Бардака для преслѣдованія черкесскихъ шаекъ. Въ команду должны были войти отъ 8, 9 и 10 конныхъ, и 2, 5 и 8 пѣшихъ полковъ по три человѣка, „знающихъ совершенно пластунское искусство, опытныхъ и храбрыхъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ“. Но этотъ первоначальный разсчетъ пришлось затѣмъ значительно измѣнить. Сотникъ Бардакъ образовалъ болѣе многочисленную пластунскую команду, раздѣливши ее на двѣ части: хорунжій Мищенко, урядникъ и 8 пластуновъ оставлены были на Елизаветинскомъ посту, а 90 казаковъ съ 2-мя орудіями были отправлены на Марьинскій постъ. Въ это время черноморскіе пластуны пользовались уже широкой извѣстностью и, неся многотрудную и отвѣтственную службу, выказывали чудеса храбрости, находчивости и и военнаго искусства. Приказомъ 19 марта 1833 г. Заводовскій распорядился о роспускѣ пластуновъ по тѣмъ полкамъ, въ которыхъ они служили, а начальнику пластунской команды сотнику Бардаку далъ 20 дневный отпускъ.

Въ это время продолжались еще репрессіи со стороны высшаго казачьяго начальства, и за оплошности казаки часто платились довольно чувствительно. Такъ, 24 мая 1833 года генералъ Вельяминовъ предписалъ генералу Малиновскому вызвать въ Екатеринодаръ куреннаго атамана станицы Марьинской и наказать его при собраніи казаковъ 200 ударами розогъ за допущеніе жителей оставаться на ночь въ полѣ по одиночкѣ.

Въ іюлѣ 1833 года наказный атаманъ Черноморскаго войска вступилъ во временное командованіе Черноморской линіей. И съ этого же времени начинается нѣкоторое облегченіе въ служебныхъ тягостяхъ казаковъ. Такъ, въ 1833 году послѣдовало распоряженіе командующаго особымъ Кавказскимъ корпусомъ, чтобы ка-

заки, бѣжавшіе изъ плѣна отъ горцевъ, были совершенно освобождаемы отъ службы при неспособности къ ней, а годные къ службѣ получали 2 года льготы. Въ февралѣ 1836 года Заводовскому поручено было окончательно принять управленіе Черноморскою кордонною линіей отъ г.-м. Штейнбе, и облегченіе служебной тяготы черноморцевъ продолжалось. Въ этомъ году офицеры и казаки, участвовавшіе въ эспедиціи за Кубань въ 1834 и 1835 г.г., награждены были, по Высочайшему повелѣнію, первые третнымъ жалованьемъ, а вторые—двумя парами сапогъ на человѣка, взамѣнъ которыхъ было выдано по 4 рубля 90 коп. За участіе въ польскомъ походѣ 240 казакамъ 2-го и 5-го конныхъ полковъ было выдано въ награду 200 червонцевъ за отличіе при взятіи Маціержицы, а 15 казакамъ 7-го коннаго полка Высочайше пожаловано 73 руб. 50 коп. за взятіе Варшавы. Въ 1837 г. по Высочайшему повелѣнію, признано было считать военную службу на Кавказской линіи и за Кубанью „внѣшнею", чѣмъ обезпечивались служащимъ повышенные оклады, приравненные къ окладамъ при войнахъ съ внѣшними врагами.

Между тѣмъ проэктированныя въ 1833 году облегченія Черноморскому войску, несмотря на Высочайшее одобреніе, не были осуществлены, и казаки по прежнему несли непосильную службу. Въ 1838 году приказано было составить команду изъ черноморцевъ— изъ 1 офицера, 2 урядниковъ и 16 казаковъ, для управленія грузовыми лодками при экспедиціяхъ по Черноморскому побережью. Тогда же, по распоряженію корпуснаго командира, назначено было по 100 черноморскихъ казаковъ въ укрѣпленія побережья—на р. Шапсухо, на Цемесъ, въ фортъ Вельяминовскій и въ укрѣпленія Новотроицкое и Михайловское. Казаки назначены были временно, на 6 мѣсяцевъ, но потомъ ихъ стали удерживать на болѣе продолжительное время. Когда командиръ казачьяго полка заявилъ, что у казаковъ нѣтъ одежды, которой имъ приказано было запастись только на 6 мѣсяцевъ, то начальникъ береговой линіи приказалъ, чтобы одежда была доставлена казакамъ изъ дому. Заводовскій нашелъ невозможною такую мѣру, какъ вмѣшательство сторонняго генерала во внутренніе распорядки и дѣла казачьяго войска, прося корпуснаго командира Граббе освободить черноморскихъ казаковъ, оборванныхъ и обѣднѣвшихъ отъ службы въ Черноморскихъ укрѣпленіяхъ, тѣмъ болѣе что это нарушаетъ очередныя смѣны въ Черноморіи и обезсиливаетъ войско.

Такимъ образомъ до 1838 г. высшее начальство продолжало какъ посылать черноморскіе полки за предѣлы войска, такъ и нарушать правильную смѣну полковъ. Заводовскій просилъ, поэтому, Граббе облегчить хоть немного служебныя тягости казаковъ. Если нельзя было установить правильную смѣну полковъ на пограничной линіи, то слѣдовало бы, по проэкту Заводовскаго, дать возможность казакамъ посѣщать хотя бы временно дома и хозяйства, полковымъ ко-

мандирамъ дать по 1000 руб. столовыхъ, а казакамъ отпустить ремонтныя деньги въ размѣрѣ 75 рублей въ годъ на коннаго и 35 руб. 50 коп. на пѣшаго казака. Казакамъ же, производящимъ во время походовъ за Кубань рубку лѣса и др. работы, выдавать по три казенныхъ рубахи, такъ какъ, благодаря этимъ работамъ, они остаются часто оборванными и безъ одежды.

И снова казачья служба была нѣсколько облегчена. Въ сентябрѣ 1838 года корпусный командиръ Граббе распорядился усилить крѣпостные гарнизоны на Черноморскомъ побережьѣ и за Кубанью регулярными войсками изъ дѣйствующаго отряда и отпустить изъ укрѣпленія черноморскихъ казаковъ, въ видахъ облегченія ихъ службы. Въ 1839 году Государь Императоръ праказалъ выдавать денежное пособіе изъ войсковыхъ суммъ черноморскимъ казакамъ, служившимъ на побережьѣ, предоставивъ опредѣлить размѣръ пособія мѣстному начальству. Заводовскій, вслѣдствіе этого, распорядился о выдачѣ пособія по 25 руб. ассигнаціями каждому казаку, несшему службу на Черноморскомъ побережьѣ. Въ томъ же 1839 году казаки 4, 5, 6 и 7 пѣшихъ полковъ получили въ первый разъ пособіе изъ войсковыхъ капиталовъ въ размѣрѣ 44425 р.

Въ тоже время казачьи генералы Заводовскій и его правая рука Рашпиль старались упорядочить внутреннее состояніе войска и его боевую организацію. Приказомъ 18 мая 1841 года Заводовскій учредилъ въ г. Екатеринодарѣ учебную команду, назначивши начальникомъ ея сотника гвардіи Решетька. Лица, нарушившія интересы рядоваго казачества, также преслѣдовались и карались. Въ 1841 году разжалованъ былъ урядникъ Запорожченко въ рядовые за употребленіе на собственныя работы подчиненныхъ ему казаковъ. При этомъ судъ постановилъ уплатить изъ имущества Запорожченко вознагражденіе казакамъ за работу, а также войску за войсковыя деревья и угли, проданные Запорожченкомъ въ свою пользу. Тогда же разжалованъ былъ въ рядовые и лишенъ орденовъ капитанъ Витторфъ за нетрезвое поведеніе, убійство одного казака и пораненіе другого, будучи признанъ судомъ, какъ дѣйствовавшій „неумышленно и непроизвольно“.

А служебное положеніе казаковъ отъ этихъ мелкихъ и частичныхъ мѣропріятій мало улучшалось. Черноморцы по прежнему отвлекались за предѣлы войска и находились часто, при этихъ условіяхъ, въ ужасномъ положеніи. Въ рапортѣ лекаря Кедрина отъ 25 января 1841 года сообщено было, что весь абинскій гарнизонъ, особенно же пѣшій Черноморскій 9-й полкъ, сильно страдалъ отъ цынги. Госпиталь былъ заваленъ сотнею цынготныхъ больныхъ и 150 болѣло цынгою внѣ госпиталя. Причиною цынги были изнуреніе отъ непосильныхъ работъ, худыя жилища, недостатокъ продовольствія и нездоровый мѣстный климатъ.

Двумя днями позже Заводовскій писалъ П. Хр. Зассу, что съ 17 по 25 января, почти на всемъ протяженіи Черноморской кор-

донной линіи горцы произвели цѣлый рядъ вторженій. Опасность была велика, а войска недостаточно для защиты края. Пришлось двинуть къ Кубани все, что было, и всѣхъ, кто только могъ носить оружіе. Въ Екатеринодарѣ были вооружены всѣ канцелярскіе служителя, пѣвчіе, музыканты, мастеровые и частная прислуга.

Въ январѣ 1842 года Заводовскій донесъ командующему войсками на Сѣверномъ Кавказѣ, что не смотря на то, что всѣ полки и служащіе казаки были стянуты къ Кубанской границѣ, онъ все-же считаетъ недостаточно обезпеченною границу отъ вторженія горцевъ. Въ виду слуховъ о сборищахъ ихъ въ 1500 и до 6000 человѣкъ, можно опасаться, что, при стремительномъ натискѣ такихъ сборищъ, черкесы прорвутся черезъ границу въ Черноморію. Войско обезсилено отвлеченіемъ его силъ на сторону.

Въ іюлѣ 1842 г. въ Петергофѣ Высочайше утвержденъ былъ проэктъ объ учрежденіи въ крѣпости Анапѣ горскаго полуэскадрона. Въ составъ его входили, по собственному желанію, натухайцы, шапсуги и абадзехи. Учрежденіе эскадрона мотивировалось „цѣлью доставить горцамъ средства доказать свою готовность и преданность нашему правительству полезною службою“ и ознакомиться съ военнымъ дѣломъ. Въ эскадронъ были зачислены и жители черноморскаго аула Адды, противъ чего возражалъ генералъ Рашпиль, такъ какъ это были войсковые обыватели.

Послѣдующіе годы не принесли черноморцамъ новыхъ облеченій въ служебномъ отношеніи, но и не были столь тяжелыми, какъ предшествующіе. Судьбами войска распоряжались два своихъ же казачьихъ генерала—Заводовскій и Рашпиль. Оба генерала, люди талантливые и преданные войску, энергично отстаивали интересы войска и умѣли это дѣлать. Заботы ихъ о казакахъ выразились въ ограниченіи произвола низшей казачьей администраціи и полковыхъ командировъ, особенно по снаряженію казаковъ на сверхъочередную службу. Рашпиль, какъ ближе стоявшій къ войску, слѣдилъ за общимъ теченіемъ казачьей жизни и заботливо входилъ во всѣ подробности казачьей службы и быта.

Въ декабрѣ того же года приказано было принимать на службу бѣглыхъ нижнихъ чиновъ, если побѣгъ ихъ къ горцамъ не сопровождался убійствомъ или уходомъ съ часовъ. Нужда въ людяхъ была велика, а бѣглецы всегда были храбрыми и способными людьми. Въ 1846 году Заводовскій объявилъ по войску, что, на основаніи свода военныхъ постановленій, казаковъ нельзя и не слѣдуетъ наказывать плетьми. Суровый генералъ считалъ позорнымъ такое наказаніе для казака.

Не проходили безслѣдно злоупотребленія властью и служебнымъ положеніемъ. Въ 1851 году казаки жаловались Рашпилю на жестокое обращеніе полкого командира Заводовскаго, сотника Подоляка и хорунжаго Кузьки. Рашпиль командировалъ для разслѣдованія дѣла генерала Зинченку. Жалоба подтвердилась и Заводовскій

былъ переведенъ въ другой полкъ, а остальные получили строгія внушенія и умѣрили свои необузданныя замашки.

Въ 1853 году въ Черноморскомъ войскѣ были отмѣнены пики на кордонной линіи, какъ громоздкое и неудобное въ борьбѣ съ горцами оружіе. Въ горахъ же, въ дѣлахъ за Кубанью и по линіи приказано было особенно старательно оттачивать сабельные клинки. Въ томъ же году, 29 августа было Высочайше утверждено положеніе объ образцовомъ дивизіонѣ, сформированномъ изъ отборныхъ казаковъ войскъ Донского, Черноморскаго, Кавказскаго, Астраханскаго, Оренбургскаго и Сибирскаго. Черноморцы дали въ дивизіонъ своихъ лучшихъ представителей. Но 1853 годъ былъ годомъ большой утраты для войска. Въ особомъ приказѣ 10 ноября 1853 года главнокомандующій на Кавказѣ князь Воронцовъ извѣстилъ о смерти доблестнаго генерала отъ кавалеріи Николая Степановича Заводовскаго, командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи.

Въ 1854 г. по распоряженію главнокомандующаго, было уничтожено Абинское укрѣпленіе, какъ ненужное болѣе для военныхъ цѣлей. Горцы всячески старались воспрепятствовать этому, но понесли лишь потери, въ особенности при движеніи русскаго отряда къ Кубани. Казалось, что Кавказская война понемногу затихала и локализировалась на меньшихъ пространствахъ. Но именно 1854 и 1855 годы, были самою тяжелою порою въ жизни Черноморскаго казачества. Въ это время война велась не съ одними горцами. Турція и ея союзники англичане, французы и итальянцы осаждали берега Крыма, Черноморскаго побережья и Азовскаго моря. Укрѣпленія по восточному берегу Чернаго моря были оставлены русскими войсками; часть военныхъ силъ, гордость войска пластуны были отвлечены къ Севастополю; для защиты Азовскаго побережья оставлены были незначительныя силы. Главное вниманіе было обращено на пограничныя съ горцами мѣста, военныя силы казаковъ были напряжены до послѣдней степени и всѣ усилія были направлены на то, чтобы омрачить и сдержать дикіе порывы горцевъ. Въ этомъ и заключалась двухлѣтняя служба Черноморскаго казачества.

Съ прекращеніемъ Крымской кампаніи, казачья служба и охрана границъ вошли какъ въ свою обычную колею. Сколько нибудь крупныхъ перемѣнъ въ служебномъ положеніи казаковъ за это время не произошло. Въ 1860 г. было сдѣлано распоряженіе объ отмѣнѣ назначенія казаковъ на внутреннюю службу въ два срока—1-го апрѣля и 1-го октября, и о замѣнѣ ихъ однимъ въ половинѣ мая, когда происходили наряды и на кордонную службу. Но въ 1860 г. произошло самое крупное событіе въ жизни Кубанскаго казачества. Изъ бывшаго Черноморскаго войска и части бывшаго Кавказскаго войска было образовано одно Кубанское казачье войско, завершившее покореніе Западнаго Кавказа и положившее новыя начала въ основу казачьей жизни. Но это составляетъ уже цѣлую казачью исторію, не смотря на короткій десятилѣтній періодъ ея.

Глава V.

БОРЬБА ЧЕРНОМОРЦЕВЪ СЪ ГОРЦАМИ СЪ 1800 ПО 1820 ГОДЪ.

XIX вѣкъ на Кубани начался организованною борьбою между казаками и черкесами. Черкесы стали собираться въ скопища и нападать на укрѣпленія казаковъ и населенныя мѣста. Казаки вмѣстѣ съ русскими войсками, цѣлыми отрядами, ходили на черкесовъ и громили ихъ владѣнія и жилища. Началась русско-черкесская война, длившаяся 65 лѣтъ подъ рядъ, съ 1800 по 1864 годъ, включительно, когда былъ покоренъ Западный Кавказъ.

Въ 1800 году между казаками и горцами, какъ между сосѣдями, существовали еще дружественныя отношенія, но въ единичныхъ случаяхъ обнаруживались уже взаимное недовѣріе и непріязнь. Еще въ маѣ, передъ тѣмъ, какъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе „учинить онымъ горскимъ народамъ репресалій въ наказаніе ихъ дерзости", подполковникъ Еремѣевъ донесъ войсковому атаману Бурсаку, что близь Екатериновскаго кордона онъ встрѣтилъ небольшой отрядъ черкесовъ, подъ предводительствомъ Закубанскаго князя Арсланъ Гирея. Послѣдній жаловался Еремѣеву, что казаки похитили у черкесовъ 40 лошадей, и требовалъ возвращенія ихъ, грозя въ противномъ случаѣ нападеніемъ на казачьи жилища. Испортившіяся уже отношенія между казаками и черкесами были всетаки таковы, что черкесы свободно разъѣзжали въ Черноморіи и, не прибѣгая къ оружію, разыскивали здѣсь свой скотъ. Войсковой атаманъ, съ своей стороны, послалъ тремъ казачьимъ офицерамъ, оберегавшимъ съ казаками пограничныя мѣста Черноморіи, ордеръ, чтобы никто не смѣлъ воспрещать черкесамъ водопой въ Кубани. Въ казачьихъ документахъ явно сквозили доброжелательныя намѣренія по отношенію къ черкесамъ, какъ сосѣдямъ. Казалось, были лишь обычныя въ жизни правонарушенія съ обѣихъ сторонъ. Воровали лошадей и скотъ черкесы у казаковъ и казаки у черкесовъ, были грабежи, случались пораненія и даже убійства. Но все это, согласно обычному праву первобытныхъ народовъ, не выходило еще изъ рамокъ имущественныхъ правонарушеній. Украденное черкесы возвращали, а за убитыхъ платили деньгами.

Въ историческихъ матеріалахъ казачества сохранилась интересная переписка по этой части между войсковымъ атаманомъ и турецкимъ уполномоченнымъ въ Анапѣ. Въ то время Анапою правилъ Османъ паша. Его письма къ Бурсаку, изобиловавшія витіеватыми любезностями въ восточномъ духѣ, проникнуты были добро-

желательствомъ. Представитель казаковъ Бурсакъ и представитель Турціи Османъ паша не только любезно переписывались другъ съ другомъ, но и оказывали взаимныя услуги. Паша заранѣе предупреждалъ войскового атамана о готовившихся набѣгахъ черкесовъ на Черноморію. Въ одномъ письмѣ изъ Анапы онъ извѣстилъ атамана, что абазинцы намѣревались произвести нападеніе на Черноморію черезъ Бугазъ, Курки, Журавлевку и по всей Кубани. Османъ паша старался всячески повліять на черкесовъ, чтобы они воздержались отъ набѣговъ, грабежей и воровства, но безуспѣшно. Въ своихъ письмахъ къ Бурсаку онъ неоднократно обѣщалъ обязать круговою порукою черкесовъ возвратить казакамъ заграбленное у нихъ имущество, но черкесы плохо слушались его. Въ одномъ письмѣ онъ писалъ, что 23 аула абазинцевъ подъ клятвою обязались возвратить казакамъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, все наворованное у нихъ, но тутъ же прибавилъ, что трудно положиться на абазинцевъ, ибо они очень коварны.

Османъ паша имѣлъ основаніе утверждать это. Черкесы, воруя у казаковъ, не оставляли въ покоѣ и турецкую Анапу, а иногда черкесы и казаки вмѣстѣ воровали у турокъ. Такъ, 7 іюня 1800 г. Османъ паша писалъ Бурсаку, что казаки и натухайцы увели 150 анапскихъ лошадей и просилъ возвратить украденное. Въ другой разъ, когда вещи были украдены у самого паши, онъ просилъ атамана о розыскѣ этихъ вещей. Въ письмѣ 16 іюля Бурсакъ увѣдомилъ пашу, что его вещи уворованы не татариномъ, какъ предполагалъ агентъ паши Кьягья-бей, а бѣглымъ малороссомъ Гаврилой Брагинченкомъ вмѣстѣ съ двумя русскими бѣглецами, жившими въ Анапѣ. Войсковой атаманъ приказалъ поймать главнаго вора Брагинченку. У послѣдняго отобраны были украденныя вещи и въ числѣ ихъ зеленое знамя, потеря котораго компрометировала пашу. Вещи эти вмѣстѣ съ письмомъ отправлены были въ Анапу Осману. При этомъ казачій атаманъ сообщилъ своему превосходительному пріятелю, на основаніи добытыхъ на допросѣ сознавшагося Брагинченка данныхъ, что въ 1798 году Брагинченко сманилъ къ горцамъ за Кубань нѣсколько казаковъ и тогда же, въ другой разъ, 8 служившихъ въ русскихъ войскахъ солдатъ. Тѣ и другіе были препровождены русскимъ перебѣжчикомъ къ черкесу Мурадину, который и продалъ ихъ въ горы. Бурсакъ просилъ отыскать и возвратить ему этихъ блудныхъ сыновъ, такъ жестоко наказавшихъ самихъ себя. Анапскій пріятель оказался въ большомъ долгу у Екатеринодарскаго пріятеля. Но услуга за услугу. Въ свою очередь и Бурсакъ, 6 сентября 1800 г., просилъ Османа пашу посодѣйствовать возвращенію изъ плѣна отъ черкесовъ его родственницы Варвары Жолобихи, предлагая взамѣнъ ея узденя Арзамата.

Тотъ же характеръ обязательности и взаимныхъ одолженій лежалъ и въ основѣ дѣйствій второстепенныхъ агентовъ Россіи и Турціи. Уполномоченнымъ по переговорамъ о взаимныхъ претензі-

яхъ казаковъ и черкесовъ со стороны Черноморскаго войска былъ назначенъ полковой есаулъ Гаджановъ, а со стороны Османа паши Кьягья-бей. О послѣднемъ паша былъ очень высокаго мнѣнія. Въ письмѣ отъ 2 іюля 1800 г., переданномъ Бурсаку отъ паши самимъ Кьягья-беемъ, Османъ увѣрялъ атамана, что Кьягья-бей съумѣетъ ввести черкесовъ въ границы мирнаго сожительства съ казаками и что больше набѣговъ со стороны черкесовъ не будетъ.

Въ дѣйствительности и Кьягья-бей съ Гаджановымъ мало принесли пользы дѣлу соглашенія казаковъ съ черкесами. Они ѣздили по ауламъ горцевъ, участвовали въ съѣздахъ князей, собиравшихся въ Анапѣ, для выясненія вопроса о размѣрѣ вознагражденія казакамъ, побывали не только у натухайцевъ, но и у шапсуговъ. Но при переговорахъ князья медлили и нарочито затягивали переговоры, чтобы выиграть время, а черкесы или возвращали только часть награбленнаго, или же совершенно отказывались возвращать. Годжановъ былъ замѣненъ поручикомъ Лозинскимъ, а Кьягья-бей Годжи-Мугаметъ-Мурадинъ-беемъ, но дѣло мирныхъ соглашеній не двигались впередъ, и 16 сентября Лозинскій былъ отозванъ обратно изъ Анапы.

Такимъ образомъ, постепенно запутывались отношенія между черкесами и казаками. Мелочами за прежніе годы набралось уже достаточно случаевъ неуважительнаго, а порою и звѣрскаго отношенія горцевъ къ казакамъ и ихъ имуществу. Какъ видно изъ переписки Бурсака съ Османомъ пашею отъ 25 іюня 1800 года, черкесы, въ теченіи трехъ лѣтъ съ 1797 по 1800 г., возвратили казакамъ 77 лошадей, 47 штукъ рогатаго скота и 10 человѣкъ плѣнныхъ, но они должны были еще возвратить 362 лошади, 200 головъ рогатаго скота, 25 душъ плѣнныхъ и заплатить за 25 человѣкъ убитыхъ и 10 раненыхъ. Все это вмѣстѣ—и лошади и рогатый скотъ, и люди, оцѣнено было круглою суммою въ 25 тысячъ рублей. Бурсакъ требовалъ уплаты войску этой суммы. Османъ паша признавалъ долгъ и готовъ былъ погасить его, но сдѣлать этого былъ не въ состояніи.

Иначе не могло и быть. Черкесамъ были не по душѣ мирные переговоры и ни къ тому они стремились. Ихъ основныя понятія о человѣческихъ отношеніяхъ, весь укладъ ихъ быта, предшествующая ихъ жизнь и окружающія условія—все это требовало отъ неукротимаго горца военныхъ дѣяній и молодечества, и черкесы ждали только случая, чтобы проявить то и другое. Мирные переговоры велись, поэтому, сами по себѣ, а военныя предпріятія горцевъ зрѣли и выполнялись сами по себѣ—тѣ и другія часто совершались одновременно и какъ бы одни другимъ сопутствовали. Рапортомъ 29 февраля 1800 г. полковникъ Мазанъ донесъ войсковому атаману, что 400 человѣкъ закубанцевъ пытались было произвести нападеніе на Медвѣдовскій курень, но безуспѣшно. Черезъ 18 дней послѣ этого обнаружились болѣе зловѣщіе признаки. Этого числа войсковой ата-

манъ Бурсакъ донесъ Государю Императору, что черкесы собирались большими скопищами въ горахъ и, переправившись по льду черезъ Кубань, напали на кордоны Славянскій, въ числѣ 1000 человѣкъ, на Копылъ до 5000 человѣкъ и на Медвѣдовскій кордонъ въ количествѣ 500 конницы. Уходя послѣ набѣга обратно въ горы, черкесы увели съ собою въ плѣнъ 9 душъ мужскаго пола и 4 души женскаго, убили двухъ казаковъ и угнали нѣкоторое количество разнаго рода скота. По слухамъ, горцы намѣрены были въ томъ же году снова произвести нападеніе на казачью флотилію, на курени Медвѣдовскій, Тимошевскій и Вышестебліевскій и на кордоны Ольгинскій и Копыльскій.

Такимъ образомъ, черкесы приняли по отношенію къ черноморскому войску такое положеніе, которое не позволяло казакамъ довольствоваться дальше полумѣрами и безплодными переговорами. Войсковой атаманъ Бурсакъ, человѣкъ энергичный и воинственный, вошелъ съ представленіемъ о разрѣшеніи ему двинуться съ войсками въ горы и усмирить своихъ неспокойныхъ сосѣдей. И 17 апрѣля 1800 года на его имя послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, которымъ указана была какъ организація эспедиціи, такъ и дальнѣйшее назначеніе регулярныхъ войскъ, долженствовавшихъ участвовать въ походѣ въ горы. Извѣстному побѣдителю Пугачева генералу-отъ кавалеріи Михельсону приказано было откомандировать 14-й и 15-й егерскіе полки Драшкевича и Лейхнера съ пушками въ Черноморію сначала для участія въ эспедиціи противъ горцевъ, а затѣмъ для расположенія ихъ по Кубанской границѣ отъ Тамани до Усть-Лабинской крѣпости.

Михельсонъ, которому въ военномъ отношеніи подчинено было Черноморское войско, потребовалъ 2-го мая отъ Бурсака свѣдѣній о намѣреніяхъ горцевъ и о наиболѣе удобныхъ переправахъ черезъ Кубань войскъ для направленія ихъ въ горы. Бурсакъ немедленно отвѣтилъ, что горцы собираются многочисленными партіями и, на глазахъ оберегающихъ границу Черноморіи казаковъ, разыскиваютъ мѣста, на которыхъ удобно было бы переправиться черезъ Кубань и сдѣлать нападеніе на казачьи поселенія. Было уже нѣсколько мелкихъ набѣговъ, окончившихся угономъ скота, двумя убитыми, плѣненіемъ одного человѣка. Къ мѣстамъ, удобнымъ для перехода русскихъ войскъ за Кубань, Бурсакъ отнесъ: 1) бродъ въ 8 верстахъ выше Курокъ, 2) у Гудовичевой переправы, 3) близъ селенія Тимошевки, 4) у кордона Александринскаго и 5) въ 4 верстахъ отъ кордона Воронежскаго.

Пока шла переписка, горцы не дремали. Изъ донесенія Бурсака отъ 11 мая Михельсону видно, что партія черкесовъ въ 500 человѣкъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго Явбукъ-бея, сначала сторонника русскихъ, а потомъ отъявленнаго ихъ врага, показалась противъ Павловскаго кордона, но была встрѣчена казаками и скрылась обратно въ горы. Въ это время уже почти была съоргани-

зована экспедиція русскихъ войскъ за Кубань. Войска должны были двинуться тремя отрядами. Шефъ егерскаго полка генералъ-маіоръ Драшкевичъ, которому поручено было командованіе всей экспедиціей, извѣщалъ Бурсака, что 16 мая онъ выступилъ съ своимъ отрядомъ въ походъ противъ черкесовъ черезъ Темрюкскіе броды, а артиллерію переправилъ черезъ Черную Протоку и Черный ерикъ. Бурсакъ 28 мая писалъ Драшкевичу, что для похода за Кубань противъ горцевъ имъ собрано уже 1500 казаковъ, а 2 іюня съ отрядомъ въ 2005 человѣкъ онъ переправился у Екатериновскаго поста черезъ Кубань и началъ преслѣдовать показавшіяся партіи горцевъ. Третьимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ двухъ полковъ—казачьяго и егерскаго Лейхнера, командовалъ Черноморскій подполковникъ Еремѣевъ.

Начались военныя дѣйствія. Бурсакъ сообщилъ 5 іюня Драшкевичу, что казаки на первыхъ порахъ встрѣтили за Кубанью лишь мелкія партіи черкесовъ, у которыхъ и захватили двухъ плѣнниковъ. Но потомъ казакамъ пришлось вступить въ болѣе серьезную борьбу, вытѣсняя черкесовъ изъ ауловъ, принадлежащихъ Арсланъ Гирею и Давлетъ Гирею при рѣчкѣ Аушедъ. Здѣсь казаки захватили болѣе $1^1/_2$ тысячи головъ скота.

На другой день отрядъ до 500 черкесовъ старался заманить казаковъ въ лѣсъ и, когда казаки показались въ лѣсу, то спрятавшіеся въ немъ черкесы открыли усиленную перестрѣлку и ранили одного казака. Сами они не выдержали, однако, дружнаго натиска казаковъ и бѣжали въ горы. Отрядъ Бурсака, преслѣдуя ихъ, прошелъ еще 30 верстъ по направленію къ горамъ, но не встрѣтилъ болѣе непріятеля. Отряду подъ командою подполковника Еремѣева удалось захватить у черкесовъ 2542 головы разнаго рода скота. Былъ захваченъ скотъ войсками у черкесовъ и въ другихъ мѣстахъ. Императоръ Павелъ, объявивши войскамъ, участвовавшимъ въ погромѣ закубанцевъ, Высочайшее благоволеніе, приказалъ раздѣлить всю добычу между казаками и регулярными войсками. На долю черноморцевъ досталось 660 головъ рогатаго скота и 2684 штуки овецъ.

Мѣсяцъ спустя, 4 іюля партія Явбукъ-бея въ 500 человѣкъ напала врасплохъ на казаковъ, рубившихъ лѣсъ въ Головатомъ кутѣ и плѣнила пять человѣкъ. Капитанъ Кобинякъ съ 200 казаковъ погнался по слѣдамъ горцевъ и догналъ ихъ у селенія Султана Магметъ-Паки. Произошла жаркая стычка. Благодаря дѣйствію трехъфунтоваго орудія и своей храбрости, казаки сломили черкесовъ и заставили ихъ бѣжать. Черкесы много потеряли убитыми и ранеными пушечной картечью, а казаки отняли пять плѣнниковъ у черкесовъ, поплатившись только двумя ранеными. За одно съ черкесами Явбукъ-бея, подъ которымъ самъ Кобинякъ убилъ лошадь и который едва спасся отъ плѣна, казаки наказали и аулъ султана Магметъ-Паки. Хотя жители этого аула и разбѣжались,

но казаки „пошарпали“ аулъ и захватили 500 головъ рогатаго скота, до 2000 овецъ, три лошади и много всякаго имущества. Но отряду пришлось воспользоваться немногимъ. Въ это время былъ большой разливъ Кубани, и казаки, переправляясь обратно черезъ Кубань вплавь на лошадяхъ, мало-что смогли захватить съ собою.

Этимъ собственно и закончился 1800 годъ въ военномъ отношеніи. Русско-черкесская война началась на почвѣ военной поживы. Казаки и черкесы одинаково пользовались военною добычею, отнимая другъ у друга скотъ и имущество. Старый принципъ войны, какъ военнаго промысла, былъ живъ еще и одобрялся свыше. А въ этой именно добычѣ и крылся секретъ отваги и молодечества для черкеса и грѣшной поживы для казака.

Въ началѣ 1801 г. черкесы произвели нападенія на два пункта—на селеніе Стебліевское и на Бугазъ. По сообщенію Стебліевскаго писаря, черкесами взяты въ плѣнъ почти всѣ жители Стебліевскаго куреня. Вслѣдствіе этого, адмиралъ маркизъ де-Траверсе 28 марта 1801 года приказалъ Бурсаку, чтобы онъ усилилъ вообще кордонную линію по Кубани. Надо полагать, что нападеніями на Стебліевку и на Бугазъ черкесы не ограничились въ этомъ году. Высочайшимъ повелѣніемъ Императора Алаксандра I приказано было послать анапскому пашѣ требованіе о возвратѣ черкесами плѣнныхъ Черноморскаго войска и о наказаніи виновныхъ горцевъ, подъ угрозою строгой реквизиціи, въ случаѣ неисполненія требованія. Мѣра эта мотивировалась усиленіемъ грабежей со стороны горцевъ.

Первые два мѣсяца 1802 г. прошли для казаковъ благополучно. Черкесы не тревожили границы. Но въ началѣ марта сами казаки по неосторожности попали въ ловушку. Изъ Бугазской пристани водою по Кубани направлено было въ Екатеринодаръ на байдакѣ 200 пудовъ пороху и 200 пудовъ свинца. На суднѣ были артиллерійскій офицеръ хорунжій Венгеръ, начальникъ байдака прапорщикъ Жвачка, четыре канонира и 21 человѣкъ команды. Такимъ образомъ, только маленькій отрядъ сопровождалъ очень соблазнительную для горцевъ добычу. Горцы заранѣе, въ числѣ до 300 человѣкъ, засѣли въ камышахъ Каракубани по обѣимъ берегамъ рѣки. Когда появился здѣсь байдакъ, залпами изъ ружей съ одного берега они заставили казаковъ близко подойти къ противоположному берегу. Отсюда черкесы бросились къ судну вплавь и завладѣли имъ. Хорунжій Венгеръ, прапорщикъ Жвачка, 2 канонира и 9 казаковъ были убиты, остальные изранены. Вмѣстѣ съ порохомъ и свинцомъ, черкесы взяли въ плѣнъ канонира и 10 казаковъ, а двухъ казаковъ и канонира, особенно тяжело раненыхъ, оставили на берегу Каракубани. Двое—казакъ и канониръ, коекакъ доползли до Кубани и дали знать казакамъ о несчастьѣ, постигшемъ команду и судно.

Потеря судна, пороха, свинца и цѣлаго отряда казаковъ встревожила начальство. Первоприсутствующій въ войсковой канцеляріи

генералъ Дашковъ, донося о гибели байдака инспектору Крымской инспекціи генералу Михельсону, указалъ, какъ на главную причину потери казаковъ и судна, на безнаказанность черкесовъ, происходившую отъ того, что казакамъ строжайше приказано было не только не преслѣдовать черкесовъ за Кубанью, но даже приближаться къ берегамъ Кубани, тѣмъ болѣе. что у черкесовъ свирѣпствовала въ то время чума. Дашковъ просилъ Михельсона исходатайствовать разрѣшеніе на новую экспедицію за Кубань, по примѣру экспедиціи 1800 года.

Рескриптомъ 10 апрѣля 1802 года Императоръ Александръ вторично поручилъ генералу Дашкову потребовать у анапскаго паши возврата взятыхъ въ плѣнъ казаковъ и строгаго наказанія виновныхъ черкесовъ подъ угрозою „репресаля“. Турецкій генералъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ ничего сдѣлать. Черкесы не повинуются ему и тайно производятъ набѣги. У самого паши, по сообщенію убѣжавшаго изъ плѣна черноморца, они украли жеребца и лафетъ отъ пушки.

Тогда рѣшено было наказать черкесовъ на мѣстахъ ихъ жительства. Черкесы, съ своей стороны держали себя вызывающе и, при встрѣчѣ съ казаками, заявляли, что они ничьей власти надъ собою не признаютъ и будутъ бить русскихъ и турокъ, разъ представится къ тому случай.

Карательный отрядъ былъ составленъ изъ 336 казачьихъ офицеровъ, 2245 пѣшихъ и 3858 конныхъ казаковъ, и 29 мая атаманъ Бурсакъ переправился черезъ Кубань у Ольгинскаго кордона, присоединивши здѣсь 14-й егерскій полкъ. Ночью того же числа самъ Бурсакъ съ частью войскъ пробрался по топкимъ мѣстамъ къ ауламъ князя Буджука. Здѣсь 30 мая, при солнечномъ восходѣ, произошло упорное сраженіе между казаками и черкесами. Черкесы, прикрывая отступавшія за рѣку Пшицъ семейства съ имуществомъ, не позволяли казакамъ подойти къ ауламъ, но часть казаковъ зашла лѣсомъ въ тылъ черкесамъ и, отрѣзавши ихъ отъ рѣки, бросилась въ рукопашную и разгромила черкесовъ. У черкесовъ оказалось до 200 убитыхъ и до 300 раненыхъ. Потери казаковъ, благодаря пушкамъ и умѣлой атакѣ, были незначительны: убито 4 казака и ранены двое старшинъ и 13 казаковъ.

Казаки овладѣли всѣми четырьмя аулами, взяли въ плѣнъ 532 души и самого князя Буджука съ семействомъ. Въ добычу отряду досталось 1158 головъ рогатаго скота, 1396 овецъ и 2432 штуки козъ. Въ аулѣ было найдено до 30 пудовъ пороха, до 40 пудовъ свинца и часть такелажа съ байдака. На другой день, 31 мая, Бурсакъ съ казаками былъ уже на правой сторонѣ Кубани. Государь приказалъ произвести Бурсака въ полковники и не отпускать плѣнныхъ черкесовъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ возвращены всѣ русскіе плѣнники. Часть черкесовъ не была, однако, обмѣнена, осталась у казаковъ и въ 1808 году была причислена къ Черноморскому войску.

Горцы снова притихли. Генералъ Михельсонъ 30 іюня сообщилъ Бурсаку, что чума въ Анапѣ прекратилась и можно было возобновить съ горцами торговыя отношенія на мѣновыхъ дворахъ. Но горцы иначе понимали свои отношенія къ русскимъ.

Въ первыхъ числахъ января 1803 года черкесы переправлялись по льду черезъ Кубань мелкими партіями, грабили казачьи хутора, жгли, угоняли скотъ и уводили въ плѣнъ населеніе.

Февраля 4-го капитанъ Ерько извѣстилъ Бурсака, что по сообщенію ногайскаго мурзы Магометъ-Кирея, въ урочищѣ Чернаго ерика собралось до 1000 чел. горцевъ, а въ урочищѣ Куркуляхъ даже до 8000 чел. Черкесы намѣревались напасть на Титаровку, Темрюкъ и ближайшіе къ нимъ кордоны.

Хотя Бурсакъ и принялъ мѣры противъ нападенія горцевъ, но 16 февраля до 4000 черкесовъ напали на Петровскій постъ. Встрѣченные пушечными выстрѣлами, они принуждены были отступить отъ кордона, причемъ потеряли 23 чел. убитыми и много ранеными. При отступленіи они успѣли сжечь почтовый дворъ, увели лошадей, угнали скотъ и взяли въ плѣнъ казачку съ семьей, ограбивши ея хуторъ.

Ночью съ 18 на 19 февраля черкесы, въ значительномъ количествѣ переправились черезъ Кубань у Александровскаго кордона. Здѣсь встрѣтили непріятеля ночные казачьи разъѣзды. Черкесы немедленно бросились на кордонъ и окружили его со всѣхъ сторонъ. Въ кордонѣ было всего 40 человѣкъ команды съ хорунжимъ Коротнякомъ. Казаки мужественно встрѣтили враговъ, успѣли убить до 45 черкесовъ и въ томъ числѣ черкесскаго князя, но и сами скоро были задавлены массою непріятеля. Кордонъ былъ взятъ, начальникъ его Коротнякъ убитъ вмѣстѣ съ двумя казаками, три казака ранены. Черкесы захватили въ плѣнъ 8 казаковъ, жену и сестру Коротняка и оставили кордонъ, который продолжали защищать остальные казаки, укрывавшіеся за кордонными строеніями.

Въ ту же ночь огромная партія черкесовъ направилась на Копылъ. Пѣхота ихъ осталась на лѣвомъ берегу Кубани, а до 3000 конницы пытались взять кордонъ. Нѣсколько разъ черкесы бросались на приступъ кордона, но каждый разъ были отражаемы пушечной пальбой и ружейными выстрѣлами казаковъ и егерей, защищавшихъ кордонъ. Когда же на помощь защитникамъ кордона прискакала казачья команда съ Протоцкаго поста, то черкесы, послѣ трехъчасоваго боя, отступили. Масса убитыхъ и цѣлые потоки крови, оставленной на мѣстѣ битвы, свидѣтельствовали о томъ, что попытка горцевъ взять приступомъ Копыльскій кордонъ, дорого имъ обошлась.

Тогда черкесы бросились на Протоцкій постъ, изъ котораго большая часть казаковъ ушла на помощь въ Копылъ, но казаки эти, подъ командой черноморскаго капитана Ерька, успѣли прискакать во время къ своему кордону, и черкесы и здѣсь были отражены.

Февраля 24-го черезъ Кубань переправились еще 2000 черкесовъ и напали на рыбные заводы по Курчанскому лиману, но всюду встрѣтили вооруженныя команды казаковъ и были отражены, потерявши двухъ черкесовъ убитыми и одного раненымъ. Въ февралѣ на пикетѣ Марьинскаго кордона черкесы убили 1 офицера, 2 казаковъ, 4 казаковъ ранили и 1 взяли въ плѣнъ; въ апрѣлѣ на пикетѣ Новоекатерининскаго кордона убили 2 казаковъ и 1 взяли въ плѣнъ; въ маѣ на пикетѣ Марьинскаго кордона 1 убили и 1 взяли въ плѣнъ.

Въ теченіи 1803 года черкесы неоднократно давали казачьему начальству обѣщанія прекратить набѣги на линію. Такъ, 25 апрѣля черкесскій князь Калабатъ-оглу съ 25 узденями дали присягу, что они будутъ удерживать отъ набѣговъ какъ своихъ единоплеменниковъ, такъ и другихъ горцевъ, въ предѣлахъ между Бугазомъ и Копыломъ. Шапсугское общество 8 іюня обязалось также удерживать хищниковъ отъ набѣговъ и возвращать обратно казакамъ награбленное у нихъ добро. Наконецъ, натухайцы дали клятву о прекращеніи враждебныхъ отношеній къ казачьему населенію, но просили вмѣстѣ съ тѣмъ оказать имъ помощь для совершеннаго уничтоженія шапсуговъ, производившихъ грабежи и убійства не только у русскихъ, но и у натухайцевъ.

Но ни клятвы, ни другія обѣщанія горцевъ не ограждали казаковъ отъ военныхъ столкновеній съ ними. По сообщенію Бурсака генералу Розенбергу, въ теченіе 1803 г. черкесы партіями отъ 100 до 2000 человѣкъ нападали на кордоны Александринъ, Марьинскій, Протоцкій и Копыльскій и убили двухъ офицеровъ и 70 казаковъ.

1804 годъ начался мирными отношеніями казаковъ къ горцамъ и окончился ожесточенной борьбой. Въ апрѣлѣ Бурсакъ приказалъ возвратить черкесскому владѣльцу Акметуку неправильно нарубленный въ его владѣніяхъ лѣсъ. Но уже въ концѣ этого мѣсяца были произведены незначительныя нападенія на кордоны Елинскій и Елизаветинскій, причемъ было убито и плѣнено нѣсколько казаковъ. Въ этихъ видахъ наказный атаманъ находилъ необходимымъ усиленіе кордонной линіи до 4000 человѣкъ. Султану Али-Шеретлукуоглы 11 мая назначено было 450 руб. жалованья за его развѣдочную службу. Въ маѣ же носились слухи, что 1000 конныхъ и 1000 пѣшихъ черкесовъ собрались на мѣстѣ прошлогодняго пораженія Бурсакомъ горцевъ, чтобы двинуться въ Черноморію. А 28 іюля закубанцы напали на Петровскій кордонъ, взяли здѣсь въ плѣнъ 9 казаковъ и захватили съ пастбища 28 казачьихъ лошадей.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, Бурсакъ всячески старался не раздражать и не вызывать на борьбу горцевъ. Когда инспекторъ Кавказской инспекціи генералъ Глазенапъ предложилъ Бурсаку выступить противъ горцевъ, онъ отказался отъ этого и въ объясненіи по этому поводу инспектору Крымской инспекціи генералу Розенбергу, онъ указалъ, что не слѣдовало раздражать черкесовъ, которые и

безъ того считаютъ несправедливыми отношенія къ нимъ русскихъ. Розенбергъ, однако, совѣтовалъ Бурсаку принять мѣры предосторожности. Самъ Бурсакъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, что происходило за Кубанью.

Въ сентябрѣ начались серьезныя столкновенія казаковъ съ горцами: 11 сентября Бурсакъ получилъ отъ генерала Розенберга приказъ приготовиться къ походу за Кубань, 16 сентября черкесы произвели нападеніе на Черноморію. Въ 8 часовъ утра противъ Ольгинскаго кордона собралось на черкесской сторонѣ Кубани четыре партіи горцевъ до 2000 человѣкъ, съ явнымъ намѣреніемъ напасть на ближайшій пикетъ. Сотникъ Похитоновъ распорядился распредѣлить команду кордона на русскомъ берегу Кубани, такъ чтобы воспрепятствовать переправѣ непріятеля. Тѣмъ не менѣе до 500 человѣкъ черкесской конницы переправились черезъ Кубань вплавь на лошадяхъ. Завязалась битва. Казаки дали дружный артиллерійскій отпоръ, стрѣляя изъ пушекъ и ружей. Горцы не выдержали пушечнаго огня и, потерявши до 20 человѣкъ убитыми и много ранеными, ушли въ горы.

Черезъ 9 дней произошло новое столкновеніе съ горцами. Извѣщенный о движеніи черкесовъ на казачьи границы Бурсакъ распорядился о принятіи предупредительныхъ мѣръ на укрѣпленныхъ пунктахъ, и 25 сентября самъ поѣхалъ осматривать кордоны съ командою въ 100 человѣкъ. Въ 8 часовъ по полуночи двухтысячная черкесская конница направлялась къ подгороднимъ хуторамъ. При переправѣ черезъ Кубань, команда изъ 180 казаковъ подняла тревогу, не позволяя черкесамъ перейти Кубань. Бурсакъ со своей сотнею бросился на помощь къ командѣ. Въ это время успѣли уже переправиться до 1000 человѣкъ черкесовъ и продолжали переправляться остальные. Изъ Екатеринодара прискакало еще 150 казаковъ. Съ этими силами Бурсакъ напалъ на черкесовъ и три раза заставлялъ ихъ ретироваться за Кубань. На другой сторонѣ Кубани около 500 человѣкъ черкесовъ, обстрѣливая казаковъ, помогали своимъ товарищамъ совершать обратную переправу. Когда же изъ Екатеринодара были привезены двѣ пушки и изъ нихъ была открыта стрѣльба, то въ резервномъ пятисотенномъ черкесскомъ отрядѣ было убито 40 человѣкъ и еще больше въ главномъ отрядѣ. Съ русской стороны было убито 4 казака и ранены одинъ сотникъ и 4 казака.

Натухайцы, однако, не унимались, стараясь успокоить русскихъ ложными обѣщаніями. Въ ноябрѣ 1804 г. Бурсакъ въ письмѣ къ натухайскимъ владѣльцамъ обвинялъ ихъ въ нарушеніи присяги, такъ какъ натухайцы, давшіе присягу, совершили тѣмъ не менѣе два набѣга на Черноморію, взяли въ плѣнъ нѣсколько казаковъ и захватили нѣсколько лошадей. Какъ бы въ подтвержденіе справедливости претензій Бурсака, 17 октября черкесы напали на конный казачій разъѣздъ и взяли въ плѣнъ 8 человѣкъ.

Особенно чувствительную кару горцы понесли отъ карательной экспедиціи Бурсака. Отрядъ подъ командою Бурсака, изъ 8 кон-

ныхъ, 5 пѣшихъ черноморскихъ полковъ, баталіона 12-го егерскаго полка и 6 орудій 30 ноября и 1 декабря переправился черезъ Кубань. Предположено было наказать шапсуговъ, и войска тремя колоннами были направлены по р.р. Шебшъ и Афипсу въ горы. Разбившись затѣмъ не четыре части, 4 декабря на разсвѣтѣ русскія войска съ четырехъ сторонъ начали громить шапсугскія владѣнія. Произошелъ въ разныхъ мѣстахъ цѣлый рядъ стычекъ и сраженій. Шапсуги всюду терпѣли пораженія. Потерявши до 150 чел. убитыми, они соединились въ отрядъ въ 1000 чел. и пытались опрокинуть русскія колонны, но не могли устоять противъ дѣйствія пушечнаго огня. Бой продолжался до 5 часовъ вечера. Шапсуги были окончательно разбиты и разсѣяны по горамъ и трущобамъ, потерявши болѣе 250 чел. убитыми и массу ранеными. Войска раззорили всѣ попадавшіеся имъ по пути аулы, стянули къ отряду до 1300 головъ рогатаго скота и до 6000 овецъ и расположились на ночь при р. Шебшѣ. Цѣлый день 5 декабря русскій отрядъ простоялъ на мѣстѣ. Только отдѣльныя части его были посланы для рекогносцировки тѣхъ мѣстъ въ шапсугскихъ владѣніяхъ, въ которыхъ не былъ еще отрядъ. Разливъ горныхъ рѣчекъ пріостановилъ дальнѣйшія дѣйствія экспедиціи и отрядъ двинулся обратно въ Черноморію.

Такъ какъ наказана была одна часть виновныхъ шапсуговъ, а другая, жившая по р. Обунъ, осталась не наказанною, то 12 декабря, когда отъ сильныхъ морозовъ стали рѣки, Бурсакъ снова двинулся противъ шапсуговъ. Отрядъ переправился черезъ рѣку Обунъ ночью этого числа и укрывался весь день до слѣдующей ночи въ лѣсахъ и камышахъ. Въ слѣдующую ночь шелъ сильный снѣгъ и свирѣпствовала настолько жестокая буря, что проводники нѣсколько разъ теряли дорогу. Въ 8 часовъ утра 14 декабря отрядъ приблизился къ жилищамъ шапсуговъ. Послѣдніе будучи на сторожѣ, бросились въ лѣсъ, но казачья конница погнала ихъ и завязалось сраженіе. Черкесы были разбиты и потеряли болѣе 500 чел. убитыми и 4-хъ плѣнными. Русскій отрядъ захватилъ до 50 гол. рогатаго скота и 2000 овецъ, сжегъ строенія, хлѣбъ и сѣно. При уходѣ отряда шапсуги стянули до 1000 чел. и вступили въ бой, но опять были разбиты, оставивши только на мѣстѣ сраженія до 100 чел. убитыми.

Вообще въ обѣ экспедиціи было убито до 650 чел. и столько же ранено, сожжено было болѣе 2000 дворовъ и убито до 20 лошадей.

Черезъ три дня, 15 октября отрядъ Бурсака перешелъ на правый берегъ Кубани. Въ обѣ экспедиціи въ русскихъ войскахъ выбыло изъ строя убитыми 5 офицеровъ и 57 казаковъ, ранеными 1 офицеръ, 40 казаковъ и 2 черкеса милиціонера.

Опустошенія, произведенныя отрядомъ Бурсака, и масса убитыхъ и раненыхъ подѣйствовали такъ подавляюще не только на шапсуговъ, но и на остальныхъ горцевъ, что 1805 годъ прошелъ

почти спокойно. Только одиночки и мелкія воровскія шайки черкесовъ тревожили казачьи границы и владѣнія.

1806 годъ прошелъ также безъ всякихъ осложненій во внѣшней пограничной жизни. Черкесы держали себя спокойно и даже прибѣгали къ помощи русскихъ властей въ вопросахъ внутренней жизни. Въ маѣ этого года анапскій паша писалъ Бурсаку, что Савъ-оглу-Асланъ-Гирей похитилъ дочь у родного брата, дѣвицу, уже помолвленную въ замужество, и укрылъ ее въ Черноморіи у казаковъ. Херсонскій генералъ-губернаторъ Дюкъ де-Ришелье распорядился, чтобы была розыскана похищенная дѣвушка и были выяснены причины ея похищенія.

1807 годъ былъ особенно обиленъ военными тревогами. Въ это время велась война съ турками, и черкесамъ была она на руку. Казалось, они хотѣли наверстать время потерянное за два года бездѣйствія. Архивныя дѣла за этотъ годъ переполнены донесеніями о нападеніяхъ черкесовъ на пикеты, посты, хутора, поселенія и жителей. Нападенія производились небольшими партіями въ 5 или 6 чел. и сопровождались грабежами, угономъ скота, сожженіемъ сѣна, пораненіями и убійствами.

Особенно много набѣговъ было произведено горцами въ мартѣ мѣсяцѣ. Въ началѣ этого мѣсяца 8 черкесовъ напали на казаковъ близъ Копыла и, смертельно ранивши одного изъ нихъ, угнали казачьихъ лошадей. Тогда же около 500 черкесовъ разгромили хутора близъ Андреевскаго кордона, причемъ отрубили казаку Шанькѣ и его женѣ головы, а двухъ дѣтей взяли въ плѣнъ. Пользуясь ослабленіемъ военныхъ силъ въ этой части кордонной линіи, горцы 20 марта ограбили Курчанскіе хутора, многихъ жителей убили, а нѣкоторыхъ увели въ плѣнъ; 22 марта, ночью на лодкахъ черезъ Кизилташскій лиманъ, черкесы пробрались въ Стебліевскій курень и взяли въ плѣнъ до 20 душъ жителей; 24 марта около 700 горцевъ напали на Староредутскій кордонъ, но были отражены съ потерями 10 убитыхъ. Наконецъ, 28 марта около 2000 пѣшихъ горцевъ пытались взять Новогригорьевскій кордонъ, но успѣли захватить въ плѣнъ только двухъ казаковъ. Въ тоже время 2000 конныхъ черкесовъ громили курень Титаровскій, сожгли 9 казачьихъ хатъ, разграбили хлѣбозапасный магазинъ, угнали почти весь скотъ и лошадей, но зарубили только одного старика.

Обезпокоенный такимъ усиленнымъ натискомъ черкесовъ на казачье населеніе войсковой атаманъ Бурсакъ просилъ адмирала маркиза де-Траверсе, которому онъ былъ подчиненъ по мѣсту военныхъ дѣйствій, разрѣшить казакамъ экспедицію за Кубань для наказанія горцевъ. Траверсе 30 марта извѣстилъ Бурсака, что противъ горцевъ будетъ посланъ особый отрядъ, подъ командою генерала Гангеблова, и что въ составъ этого отряда должны войти и казачьи войска. Бурсакъ, однако, нашелъ неудобнымъ такое совмѣстное выступленіе за Кубань казачьихъ войскъ съ регулярными,

такъ какъ этимъ какъ бы обнаруживалось для горцевъ безсиліе Черноморскаго войска, чего въ дѣйствительности не было. Несомнѣнно, однако, что казачій атаманъ, на опытѣ извѣдавшій всѣ тонкости борьбы съ горцами, боялся быть связаннымъ, находясь подъ командою неизвѣстнаго генерала. Соображенія Бурсака были уважены и оба отряда—регулярный и казачій, выступили за Кубань самостоятельно и съ различныхъ мѣстъ.

Предположенія Бурсака сразу же оправдались фактически. Едва горцы узнали, что казачій атаманъ собирается съ казаками въ походъ за Кубань, какъ многіе изъ нихъ явились къ Бурсаку просить пощады. Князья и дворяне ближайшихъ къ Кубани ауловъ пріѣхали по приказанію Бурсака въ Екатеринодаръ и дали здѣсь присягу въ покорности русскому правительству, а заложниками оставили князей Алкаса и Ахмета. Черкесскіе владѣльцы боялись за цѣлость своихъ ауловъ и имущества.

Между тѣмъ пока шли подготовленія къ экспедиціи за Кубань, горцы не переставали тревожить казаковъ. Возлѣ куреня Елизаветинскаго 30 горцевъ напали на казачій разъѣздъ, ранили одного казака и двухъ казаковъ съ лошадьми взяли въ плѣнъ. Въ другихъ мѣстахъ, на глазахъ казаковъ, черкесы демонстративно передвигались партіями съ мѣсто на мѣсто. На Марьинскій кордонъ напало до 300 чел. черкесовъ, но были отражены артиллерійскимъ огнемъ. Тогда они бросились на курень Поповичевскій, но, получивши и здѣсь сильный отпоръ отъ сотни казаковъ, направились къ Кубани и переправились черезъ нее вплавь, потерявши 4 чел. убитыми и 10 ранеными,

Генералъ Гангебловъ съ отядомъ изъ 10 ротъ 12-го егерскаго полка и двухъ гарнизонныхъ баталіоновъ, съ 6 орудіями легкой артиллеріи, переправился 2 мая за Кубань. Шесть конныхъ и четыре пѣшихъ черноморскихъ полковъ, съ 8-ю орудіями двинулись подъ командою Бурсака 4 мая отъ Староредутскаго поста для соединенія съ отрядомъ Гангеблова. На другой день оба отряда соединились противъ Курокъ и дальше дѣйствовали вмѣстѣ. И въ этомъ случаѣ оправдались опасенія казачьяго атамана. Находясь подъ командою генерала Гангеблова, какъ старшаго по чину, Бурсакъ вынужденъ былъ, то убѣждать нерѣшительнаго генерала въ неотложности сраженія, то исправлять его тактическія ошибки и упущенія. Такъ, 7 мая генералъ Гангебловъ направилъ войска къ Анапѣ, а на другой день приказалъ имъ двигаться обратно къ Екатеринодару. Въ первомъ же серьезномъ столкновеніи съ горцами на р. Псебепсѣ, Гангебловъ послалъ казачій полкъ Кухаренка противъ черкесовъ въ мѣстности очень тѣсной и неудобной для кавалеріи. Бурсакъ, замѣтивши это, немедленно направилъ въ тылъ черкесамъ другой отрядъ казаковъ и самъ поскакалъ на мѣсто боя. Только благодаря этому маневру, казаки не понесли значительныхъ потерь и горцы были разбиты и бѣжали, потерявши 30 человѣкъ убитыми

и 40 ранеными. Ранены также были полковникъ Кухаренко саблей въ лицо, сотникъ Воропай въ голову и бокъ, 8 казаковъ ранены и 5 казаковъ убиты.

Весь слѣдующій день, 9 мая русскія войска жгли и раззоряли аулы по р.р. Кудако, Агильтхъ, Гайтухъ, Гичипсинъ и Земесъ. Отрядъ ночевалъ на р. Корванди. Когда на другой день, съ противоположной стороны рѣчки, показались огромныя толпы непріятелей, и джигиты стали вызывать охотниковъ на бой, то Гангебловъ, въ виду многочисленности горцевъ, не рѣшился вступить въ сраженіе съ ними и намѣренъ былъ направиться прямо къ Ольгинской переправѣ, чтобы перейти тамъ въ Черноморію. Но Бурсакъ хорошо зналъ, что это не избавляло отрядъ отъ опасности и что черкесы станутъ преслѣдовать русскія войска на обратномъ пути, поражая ихъ въ тылъ. Онъ убѣдилъ, поэтому, струсившаго генерала дать сраженіе черкесамъ. Завязался ожесточенный бой. Горцы были разбиты и потеряли до 70 человѣкъ убитыми и до 80 ранеными. Въ русскихъ войскахъ были убиты сотенный есаулъ, 9 казаковъ и 23 казака ранены. Бурсакъ считалъ необходимымъ дальнѣйшее наступленіе на горцевъ, но Гангебловъ не согласился на это. Оба отряда двинулись къ Кубани и 10 мая переправились на правый берегъ ея у Ольгинскаго поста.

Такимъ образомъ, экспедиція оставалась какъ бы незаконченной. Горцы не захотѣли подчиниться силѣ русскаго оружія и не прекратили набѣговъ на мирное населеніе и укрѣпленные пункты казаковъ. Въ началѣ іюля лазутчикъ армянинъ Толмачевъ донесъ казачьему начальству, что сборище горцевъ, подстрекаемое турецкими агентами, намѣревается произвести нападеніе на Черноморію. Скоро потомъ значительная партія горцевъ, переправившись черезъ Кубань, захватила изъ казачьяго разъѣзда подъ Давидовкой 4 казаковъ, 5 лошадей и ранила казака, успѣвшаго, однако, вмѣстѣ съ другими казаками избѣжать плѣна. Полковникъ Рахмановскій, при осмотрѣ мѣстности, нашелъ 12 іюня возлѣ рѣки Давидовки двухъ убитыхъ казаковъ.

Набѣги черкесовъ мелкими партіями продолжались и въ іюлѣ. Возлѣ пикета у самаго Темрюка 8 іюля былъ взятъ въ плѣнъ есаулъ Дейнега съ сыномъ. Въ столкновеніи съ черкесами при Воронежскомъ кордонѣ 15 іюля казаками было убито 10 и ранено 15 человѣкъ изъ партіи черкесовъ въ 40 человѣкъ. Того же 15 іюля есаулъ Кобинякъ донесъ Бурсаку, что онъ съ казаками отбилъ у черкесовъ захваченный ими на р. Кочети скотъ и разбилъ черкесскую партію. Бѣдствія казачьяго населенія были такъ тяжелы, что Херсонскій военный губернаторъ де-Ришелье въ письмѣ отъ 3 іюля предложилъ атаману Бурсаку употребить на помощь семьямъ, пострадавшимъ отъ черкесовъ, 11 тысячъ рублей пожертвованій, собранныхъ казачьимъ населеніемъ.

Несмотря на то, что въ концѣ іюля 11 натухайскихъ ауловъ просили казачье начальство открыть у Бугаза „сатовку“, т. е. мѣну,

торгъ, и обѣщали жить въ мирѣ съ казаками, въ другихъ мѣстахъ Закубанья черкесы продолжали тревожить русское населеніе набѣгами. Такъ, 2 августа горцами были убиты два казака, ночевавшіе въ степи, и ранена дѣвушка Блакитная, отнятая у горцевъ казачьимъ разъѣздомъ. У Андреевскаго поста черкесы угнали съ водопоя цѣлый табунъ казачьихъ лошадей. На второй пикетъ Константиновскаго кордона 26 августа напали 6 горцевъ, но всѣ были убиты казаками.

Въ началѣ сентября, при нападеніяхъ черкесовъ на курени Пластуновскій и Корсунскій, произошло два жаркихъ сраженія. Отъ Пластуновки 500 горцевъ съ турецкимъ знаменемъ были отброшены казаками за Кубань и бѣжавшіе горцы оставили на мѣстѣ 30 человѣкъ убитыми и 5 лошадей. Другая партія черкесовъ, также до 500 человѣкъ, напала на Корсунскій курень. Но сюда быстро явились на помощь казачьи команды изъ кордоновъ Константиновскаго, Подмогильнаго и Воронежскаго, съ пушками. Въ лѣсу, подъ прикрытіе котораго скрылись горцы, произошло упорное сраженіе, котораго черкесы не выдержали и бѣжали къ Кубани. При переправѣ черезъ рѣку, масса горцевъ утонула и еще больше было убито и изранено. На мѣстѣ сраженія казаки подобрали много ружей, сабель и др. оружіе. Съ нашей стороны было ранено 9 казаковъ и 3 казачки, взято въ плѣнъ мальчикъ и дѣвочка и угнано 49 штукъ скота.

Черезъ нѣсколько дней, 23 сентября, черкесы, въ количествѣ до 4000 человѣкъ, пытались снова напасть на Пластуновскій и Корсунскій курени, но были во время замѣчены и отражены казачьей артиллеріей, съ большими потерями со стороны черкесовъ и малыми со стороны казаковъ, прикрытыхъ пушками.

Наконецъ, 26 сентября было отражено еще одно скопище черкесовъ до 2500 человѣкъ, застигнутое казаками въ моментъ переправы черезъ Кубань. Подъ убійственнымъ артиллерійскимъ огнемъ, горцы бросились обратно за Кубань, не исполнивши своего намѣренія и потерявши 10 человѣкъ убитыми.

1807 годъ окончился новою экспедиціею за Кубань, но на этотъ разъ инниціатива предпріятія исходила отъ самихъ черкесовъ. Еще 11 іюля черкесскіе князья Ахметукъ, Бейзрукъ, Ханукъ и Алкасъ просили Бурсака оказать имъ помощь въ борьбѣ съ анапскимъ пашею, которому они отказали въ содѣйствіи отряду, собранному имъ противъ русскихъ. Херсонскій военный губернаторъ де-Ришелье 31 іюля разрѣшилъ Бурсаку командировать, въ случаѣ надобности, три казачьихъ полка съ тремя орудіями въ помощь черкесскимъ князьямъ. Рѣшеніе это было Высочайше одобрено. Но въ дѣйствительности помощь мирнымъ черкесамъ была оказана въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда они съорганизовали отрядъ для похода въ землю абадзеховъ.

Во главѣ казачьяго отряда, назначеннаго въ помощь черкесамъ, былъ поставленъ подполковникъ Еремѣевъ. Съ 1150 казаками онъ переправился 12 октября черезъ Кубань. Съ своей стороны, князья

Бейзрукъ и Ахметукъ собрали къ 15 октября до 10000 черкесовъ. Передъ выступленіемъ соединенныхъ силъ въ походъ съ р. Бѣлой неожиданно явились ногайцы съ изъявленіемъ покорности русскому правительству. Чтобы доказать свою приверженность Россіи ногайскій владѣлецъ Батерша предложилъ еще 1000 ногайцевъ въ помощь соединеннымъ силамъ казаковъ и горцевъ. Рѣшено было идти на р. Бѣлую, и 19 октября отрядъ изъ 12000 человѣкъ, подъ общею командою подполковника Еремѣева, двинулся въ абадзехскія владѣнія. Черкесской конницей командовалъ Асланъ-Гирей, а пѣхотой Бейзрукъ и Ахметукъ. Первой же стычкой съ абедзехами была покончена экспедиція.

Абадзехи очистили аулы, но на границахъ своихъ владѣній собрали значительныя силы. Въ первой же стычкѣ, на опушкѣ у лѣса, гдѣ они скрывались, абадзехи стремительно бросились на черкесскую пѣхоту, предводимую Бейзрукомъ, и начали тѣснить ее и разстраивать. Черкесамъ плохо приходилось отъ храбрыхъ абадзеховъ. Но въ это время Еремѣевъ послалъ въ помощь бейзруковцамъ полковника Порывая съ сотнею казачьей конницы и однимъ орудіемъ. Пушечные выстрѣлы остановили натискъ абадзеховъ. На мѣсто боя подоспѣлъ самъ Еремѣевъ. Подъ дѣйствіемъ артиллеріи абадзехи показали тылъ. Черкесская конница немилосердно рубила ихъ шашками, самъ Бейзрукъ въ увлеченіи вмѣшался въ толпу преслѣдователей, но опытные въ рукопашномъ бою абадзехи стянули свои силы въ укромномъ мѣстѣ и когда появился здѣсь Бейзрукъ съ всадниками, то абадзехи встрѣтили ихъ градомъ пуль и въ числѣ первыхъ жертвъ палъ Бейзрукъ, пораженный пулей въ лобъ. Легли подъ убійственнымъ огнемъ абадзеховъ и многіе изъ его сподвижниковъ, но главная потеря заключалась въ Бейзрукѣ, который былъ душею черкесскаго войска. Черкесы пали духомъ и бейзруковцы начали первыми расходиться по домамъ. Нѣсколько дней Еремѣевъ съ казаками простоялъ въ аулѣ Ахметука и, видя нежеланіе черкесовъ вести далѣе борьбу съ абадзехами, 21 октября переправился около Редутскаго поста съ казачьими силами обратно въ Черноморію.

Черкесскіе князья и дворяне пріѣзжали потомъ въ Екатеринодаръ благодарить атамана Бурсака за оказанную черкесамъ помощь. Представители черкесской аристократіи проявили въ этомъ случаѣ несомнѣнную искренность. Русскіе отчасти помогли имъ свести хоть нѣкоторые счеты съ заклятыми врагами демократами-абадзехами. По свѣдѣніимъ черкесовъ, абадзехи потеряли 10 знатныхъ дворянъ, до 150 убитыхъ и до 200 раненыхъ рядовыхъ воиновъ. Все это сдѣлали пушки, передъ которыми и самые храбрые изъ черкесовъ—абадзехи, невольно отступали и укрывались въ свои неприступные лѣса.

Въ декабрѣ 1807 г., послѣ перемирія русскихъ съ турками, черкесы прекратили на время военныя дѣйствія. Слѣдующій 1808 г.

прошелъ относительно спокойно, хотя черкесы и не переставали тревожить казаковъ мелкими набѣгами и воровскими продѣлками. Въ 1809 году черкесы снова съ настойчивостью начали нападать на казачьи владѣнія. Еще въ началѣ года черкесскій владѣлецъ Мурадинъ-бей сообщилъ, что отъ 10 до 15 тысячъ горцевъ готовились къ набѣгамъ.

Въ маѣ Заводовскій донесъ Бурсаку, что, по сообщенію Ахметука, между горскими племенами возникли несогласія и что возможны нападенія горцевъ на казачьи поселенія. Такое нападеніе было произведено черкесами на Титаровскій курень и Новогригорьевскій кордонъ.

До 6000 человѣкъ горцевъ переправились 11 мая черезъ Кубань и укрылись въ камышахъ. Изъ разъѣзда въ 30 человѣкъ, подъ командой сотника Цѣленко, было послано 9 казаковъ для развѣдокъ. Казаки услышали шумъ въ плавняхъ. Старшій изъ нихъ Черный отправился туда и увидѣлъ, что шумѣли черкесы, которыхъ было очень много. Черный съ своей командой поскакалъ въ ближайшій кордонъ и, распорядившись, чтобы туда же были вызваны и другіе разъѣзды, самъ направился къ Новогригорьевскому кардону. Но непріятель успѣлъ подойти къ кордону и Черный, пославши нарочнаго въ курень Титаровскій съ предупрежденіемъ о появленіи многочисленнаго непріятеля, самъ съ командой поскакалъ въ Широкобалковскій кордонъ. Партія черкесовъ около 1500 человѣкъ, замѣтивши казаковъ, послала погоню за ними. Въ это время къ Черному присоединился другой разъѣздъ въ 12 человѣкъ подъ командою Кумпана. Отстрѣливаясь, казаки продолжали скакать къ Широкобалковскому кордону, а Черный направился въ Вышестебліевскій курень, гдѣ и задержанъ былъ капитаномъ Горой. Только вечеромъ, когда черкесы зажгли плавни, Черный возвратился въ Широкобалковскій кордонъ къ своей командѣ.

Между тѣмъ, Новогригорьевскій кордонъ въ это время осаждали до 2000 черкесовъ. Начальникъ кордона сотникъ Похитоновъ удачно отразилъ непріятеля. Выстрѣлами изъ пушекъ и ружей было убито до 100 человѣкъ, и черкесы стали отступать. Но въ это время сотникъ Касьянъ, начальникъ брандъ-вахты, бывшій случайно въ кордонѣ, уговорилъ Похитонова и штабсъ-капитана Фетисова выйти съ пушкою изъ кордона и преслѣдовать черкесовъ. Сначала черкесы, подъ дружнымъ напоромъ казаковъ и выстрѣлами изъ пушки, стали быстро отступать; но, увидѣвши, что новыя толпы горцевъ шли на встрѣчу имъ и что казаки ведутъ наступленіе съ очень ограниченными силами, черкесы повернули назадъ и быстро окружили крошечный отрядъ казаковъ. Прячась за буграми и малѣйшими возвышеніями ползкомъ по рвамъ и ямамъ, горцы придвинулись близко къ казакамъ. Отсюда они стали буквально таки разстрѣливать казаковъ и перебили почти всю артиллерійскую прислугу. Осталось только два канонера, но выстрѣломъ изъ ружья

черкесы зажгли сумку съ зарядами у одного изъ нихъ; отъ взрыва зарядовъ канонеръ былъ убитъ на поваль, а обоженный его товарищъ палъ безъ чувствъ. Стрѣлятъ было некому, и черкесы овладѣли пушкой, которую и направили противъ гарнизона.

Началось безпорядочное отступленіе къ кордону казаковъ. Хотя казаки дротиками и солдаты штыками и убили до 200 человѣкъ горцевъ, но были сломлены, и кордонъ взятъ. Черкесы сожгли кордонъ и изъ всего гарнизона спаслось только три человѣка, укрывшихся въ камышахъ. Сотникъ Похитоновъ былъ убитъ и съ нимъ 13 казаковъ и три солдата; сотникъ Касьянъ, штабсъ-капитанъ Фетисовъ, 42 казака, большею частію изранены, и 35 солдатъ взяты въ плѣнъ. Черкесы съ торжествомъ направились за Кубань.

Въ это время часть горцевъ ограбила Титаровскій курень. Мая 29 черкесы многочисленной партіей пробовали переправиться черезъ Кубань у Александринаго кордона, но были отражены и вернулись обратно въ аулы. Мелкими шайками они не переставали безпокоить край во всякое время.

На очередь снова самъ собою сталъ вопросъ о возмездіи. По распоряженію командира черноморскаго флота маркиза де-Траверсе, былъ образованъ отрядъ численностью свыше 5 тысячъ человѣкъ, въ который вошли со стороны казаковъ 122 офицера, 110 урядниковъ и 4500 казаковъ, а со стороны регулярныхъ войскъ одна рота и одинъ батальонъ солдатъ, при 6 орудіяхъ. Начальникъ отряда, войсковой атаманъ Бурсакъ, въ свою очередь раздѣлилъ отрядъ на двѣ колоны—одну подъ собственной командой изъ двухъ конныхъ и двухъ пѣшихъ казачьихъ полковъ и роты Дмитріевскаго гарнизоннаго батальона, при трехъ орудіяхъ, и другую изъ трехъ конныхъ, двухъ пѣшихъ казачьихъ полковъ и батальона 22 егерскаго полка также при трехъ орудіяхъ, подъ командой командира егерскаго полка подполковника Черкасова.

Въ это время русскія войска взяли Анапу. Бурсакъ съ своимъ отрядомъ двинулся 18 іюня, ночью прошелъ до р. Псекупса, а оттуда 19-го перешелъ на рѣчки Шедукъ и Матте. По пути казаки сожгли нѣсколько ауловъ Батъ-Мурзы, который то принималъ присягу на подданство Россіи, то измѣнялъ ей. Черкесское населеніе скрылось въ горы и лѣса, но партіи вооруженныхъ горцевъ старались заградить путь русскому отряду. Всюду происходили стычки, пылали аулы, лилась кровь. За все время пребыванія экспедиціи въ этихъ мѣстахъ было сожжено 18 ауловъ, много хуторовъ, пасѣкъ и пр., истреблены запасы хлѣба и сѣна и черкесы потеряли до 300 человѣкъ убитыми и до 520 человѣкъ тяжело ранеными. Въ русскомъ отрядѣ убито было 12 человѣкъ и ранено 56 человѣкъ. Край былъ раззоренъ и экспедиція двинулась обратно въ Черноморію.

Послѣ всѣхъ этихъ происшествій маркизъ де-Траверсе обратился съ прокламаціей „Къ народамъ Закубанскимъ“. Маркизъ при-

глашалъ черкесовъ добровольно покориться русской власти. „Въ противномъ случаѣ, грозилъ онъ, раздадутся громы для пораженія васъ". Плохо составленная прокламація на русскомъ и турецкомъ языкахъ въ обиліи распространена была между горцами, но не произвела никакого дѣйствія. Горцы отвѣтили на нее молчаніемъ.

Затѣмъ въ Екатеринодаръ пріѣхалъ генералъ де-Ришелье, осматривавшій Черноморію. Ришелье вызвалъ въ Екатеринодаръ знатнѣйшихъ черкесскихъ владѣльцевъ и старшинъ, уговаривалъ ихъ быть мирными, угощалъ и щедро осыпалъ ихъ подарками. Черкесы принимали угощенія и подарки и уѣхали съ намѣреніемъ ничего не исполнить изъ обѣщаннаго. Въ видѣ же благодарности щедрому генералу они подговорили до 300 отборныхъ джигитовъ взять въ плѣнъ генерала на обратномъ пути изъ Екатеринодара въ Тамань: Черкесская партія засѣла въ камышахъ возлѣ Петровскаго поста, близъ дороги, по которой долженъ былъ ѣхать генералъ. Къ счастью его, начальникъ Петровскаго поста есаулъ Иваненко узналъ о намѣреніяхъ черкесовъ и въ свою очередь, подкравшись къ нимъ незамѣтными путями съ пушками и казаками, нагрянулъ внезапно на партію и заставилъ черкесовъ бѣжать за Кубань. Ришелье былъ спасенъ, о чемъ было донесено Государю. Иваненко получилъ орденъ, а всѣ казаки по рублю награды.

Послѣднимъ крупнымъ дѣломъ горцевъ въ 1809 году была аттака казачьяго отряда съ обозомъ подъ командою полкового есаула Кривошеи. По дорогѣ на Анапу казаки, будучи окружены значительными толпами горцевъ, спѣшились и, укрываясь за обозомъ, не подпускали къ себѣ непріятеля выстрѣлами изъ пушки и ружей. Такъ держались они, пока не подоспѣлъ къ нимъ на помощь маіоръ Витязь съ егерями, но и при такомъ усиленіи отряда казаки не могли двинуться впередъ. Два часа длился бой, у казаковъ вышли уже всѣ пушечные заряды, положеніе было критическимъ; но въ это время показалась резервная команда, посланная на помощь изъ Анапы. Черкесы отступили передъ соединенными силами, а казаки потеряли 13 человѣкъ убитыми, 27 ранеными и 8 безъ вѣсти пропавшими; самъ Кривошея раненъ былъ стрѣлою въ ногу. Черкесы захватили, кромѣ того, шесть паръ артельныхъ воловъ и одну фуру съ казачьимъ имуществомъ. Впослѣдствіи изъ 8 пропавшихъ казаковъ четверо было найдено убитыми на мѣстѣ сраженія и одинъ израненый пробрался къ Бугазу.

1810 годъ начался мелкими стычками казаковъ съ горцами и перешелъ въ крупныя дѣла, памятныя въ казачьей исторіи. Ночью 10 января, 20 горцевъ перешли Кубань по льду съ воровскими цѣлями, но казаки во время замѣтили непріятеля и 5 горцевъ убили, а остальные бѣжали. Съ 11 на 12 января черезъ Кубань у Ольгинскаго кордона перебралось около 100 горцевъ. Поднялась тревога. Полковникъ Тиховскій съ казаками завязалъ бой съ черкесами на льду. Въ это время ему дали знать, что появилась другая

партія черкесовъ до 500 человѣкъ, что противъ нея выступилъ казачій отрядъ съ сотникомъ Виташевскимъ и хорунжимъ Сиротой и что на лѣвомъ берегу Кубани находилось еще до 2000 человѣкъ непріятеля. Тиховскій послалъ въ помощь Виташевскому казаковъ съ хорунжимъ Кривоногимъ, затѣмъ и самъ направился туда же. Оставивши до 400 человѣкъ, сражавшихся подъ командой Тиховскаго, черкесы всей массой свыше 2000 человѣкъ двинулись къ Круглику и куреню Ивановскому. Тамъ уже подготовились къ пріему непріятеля. Маіоръ Бахманъ, собравши егерей и казаковъ, приказалъ бить въ барабаны и играть въ рожки тревогу, какъ только показались горцы. Озадаченные черкесы повернули назадъ. На обратномъ пути они напали на хуторъ казака Головка, взяли въ плѣнъ его съ шуриномъ, казака Гусара съ женою и тремя дѣтьми, убили казака Зинченко, угнали 50 штукъ рогатаго скота и снова подошли къ мѣсту боя черкесовъ съ Тиховскимъ. Послѣдній бросился на выручку плѣнныхъ, но черкесы тутъ же изрубили шашками жену Головка, оказавшую сопротивленіе, увели въ плѣнъ остальныхъ 6 душъ и угнали скотъ. Сраженіе длилось 5 часовъ. У горцевъ было убито 8 человѣкъ и масса изранено.

На другой день, 13 января, есаулъ Порохня донесъ Бурсаку, что черкесъ Хамышъ сообщилъ ему о готовящемся нападеніи черкесовъ на Елизаветинскій и Павловскій кордоны. Извѣстіе это однадо сразу не подтвердилось. Но черезъ 5 дней черкесы повторили набѣгъ къ Ольгинскому кордону. На этотъ разъ на берегахъ Кубани разыгралась потрясающая душу драма, главнымъ героемъ которой былъ полковникъ Тиховскій, заплатившій съ 146 сподвижниками жизнью за спасеніе родины,

Въ 9 часовъ утра 18 января возлѣ Ольгинскаго кордона разъѣздомъ казаковъ была обнаружена переправа черкесовъ по льду черезъ Кубань. Партія была многочисленная и имѣла два красныхъ и два бѣлыхъ знамени. Начальникъ разъѣзда хорунжій Жировой немедленно далъ знать объ этомъ полковнику Тиховскому въ Ольгинскій кордонъ. Въ это время переправилось уже черезъ Кубань до 3000 чел., а черкесская пѣхота продолжала еще переправляться. Часть черкесской конницы бросилась на грабежъ къ куренямъ Стебліевскому и Ивановскому, а часть заняла дорогу на Славянскій кордонъ и отрѣзала всѣ сообщенія съ кордономъ Ольгинскимъ. Общее количество непріятеля было до 4000 чел.

Тиховскій съ 200 казаковъ и съ трехфунтовой пушкой вышелъ изъ кордона, спѣшилъ казаковъ, отослалъ лошадей обратно въ кордонъ, а самъ съ отрядомъ пошелъ къ Кубани и завязалъ бой съ многочисленнымъ непріятелемъ. Неравенство силъ ясно сознавали казаки—на каждаго казака приходилось отъ 10 до 15 противниковъ. Но еще яснѣе сознавали казаки и Тиховскій необходимость этой неравной борьбы. Только этотъ неравный бой могъ отвлечь отъ нападенія на край, если не всѣ силы непріятеля, то зна-

чительную его часть. Въ это время селенія могли приготовиться къ отпору, а войска изъ другихъ кордоновъ прійти на помощь къ сражающимся. И казаки смѣло вступали въ борьбу. Пушка давала имъ несомнѣнное преимущество. Первыми картечными выстрѣлами изъ нея были поражены цѣлые ряды непріятеля. Черкесы пришли въ замѣшательство, но, по принятому обыкновенію, старались подобрать трупы убитыхъ.

Въ это время къ мѣсту сраженія подоспѣла черкесская пѣхота. Начавшіе отступать горцы снова плотными массами надвинулись на казаковъ. Но пушка и казачьи ружья не позволили имъ вступить въ рукопашную борьбу. Казаки не уступали своей позиціи и не упускали ни одного момента, чтобы держать въ почтительномъ отдаленіи многочисленнаго непріятеля. Черкесы заметались въ безсильной злобѣ, не имѣя возможности вредить казакамъ однимъ ружейнымъ огнемъ. Такъ сраженіе продолжалось цѣлыхъ четыре часа. Это былъ выдающійся примѣръ борьбы немногихъ самоотверженныхъ храбрецовъ съ огромной толпой отчаянныхъ горцевъ. Казалось, малочисленный казачій отрядъ такъ и останется до конца господиномъ положенія. Но въ это время въ тылу казачьяго отряда показалась огромная толпа черкесской конницы. Это скакали черкесы, ограбившіе Стебліевское и Ивановское селенія и спѣшившіе на выстрѣлы къ своимъ единоплеменникамъ. На бѣду казаковъ, именно въ это время у нихъ не хватило ни пушечныхъ, ни ружейныхъ зарядовъ. Когда перестала дѣйствовать пушка, черкесы своей массой задавили малочисленный казачій отрядъ. Конецъ этой печальной драмы былъ коротокъ: весь израненый Тиховскій бросился съ казаками въ ратища, чтобы пробиться черезъ густые ряды непріятеля въ кордонъ, но самъ онъ и большинство его сподвижниковъ полегли подъ ударами враговъ. Убиты были, кромѣ Тиховскаго, хорунжій Кривошея, заурядъ хорунжій Жировой, 4 урядника и 140 казаковъ. Есаулъ Гаджановъ, 1 урядникъ и 16 казаковъ, изъ которыхъ большинство было раненыхъ, успѣли уйти съ мѣста боя, благодаря наступившей темнотѣ, но многіе изъ нихъ тутъ же умерли отъ ранъ, а 40 человѣкъ, также большею частью израненыхъ, были взяты въ плѣнъ. Пушка была захвачена черкесами. Черкесы праздновали побѣду, но эта побѣда дорого стоила имъ—на мѣстѣ боя они оставили 500 труповъ. И въ то время, когда въ казачьихъ селеніяхъ раздавался плачъ въ одиночныхъ семьяхъ, сплошные вопли слышались по ауламъ, отдавшимъ въ жертву кровавой борьбы лучшую часть мужскаго населенія.

Впослѣдствіи казачество нѣсколько разъ пыталось увѣковѣчить историческимъ памятникомъ геройскій подвигъ Тиховскаго и его сподвижниковъ. Въ 1848 г. такое ходатайство возбудилъ полковникъ Барышъ-Тыщенко, но высшая военная администрація воспретила открыть подписку на памятникъ между казаками. Нѣсколько лѣтъ спустя наказный атаманъ генералъ Филипсонъ разрѣшилъ

подписку, но главнокомандующій войсками не призналъ возможнымъ чествованіе казачьихъ героевъ памятникомъ „на томъ основаніи, что всѣ они были или убиты, или изранены“. Разрѣшено было только поставить на мѣстѣ битвы каменный столбъ съ надписями. И только въ 1869 г., благодаря ходатайству войскового старшины Вареника, поставленъ былъ скромный памятникъ, свидѣтельствующій о замѣчательномъ геройскомъ подвигѣ казаковъ.

Расчеты павшаго Тиховскаго до извѣстной степени оправдались. Въ куренѣ Ивановскомъ маіоръ Бахманъ съ 80 егерями и казаками успѣли подготовиться къ отпору непріятеля и отразили его послѣ нѣкоторой борьбы. Тѣмъ не менѣе въ двухъ селеніяхъ черкесы захватити въ плѣнъ 33 казака, 5 казачекъ и 22 рядовыхъ егерскаго полка, сожгли нѣсколько строеній и угнали до 100 лошадей, до 2000 головъ рогатаго скота и до 1500 овецъ.

Въ 11 часовъ утра 26 января вновь появилась огромная толпа черкесовъ до 5000 человѣкъ. На этотъ разъ черкесы намѣрены были ограбить селеніе Мышастовку. Но въ селеніи было 200 казаковъ и 250 солдатъ. Съ этими силами полковникъ Бурносъ, а потомъ, послѣ пораненія его, капитанъ Трубицынъ отстояли селеніе. Сраженіе длилось четыре часа, и за часъ до его окончанія, въ два часа дня, прибылъ съ казаками самъ наказный атаманъ Бурсакъ. Черкесы были отражены и оставили на мѣстѣ боя 8 человѣкъ убитыми и до 50 раненыхъ.

Атаманъ Бурсакъ горѣлъ нетерпѣніемъ отомстить черкесамъ за ихъ набѣги, но посылкѣ экспедиціи за Кубань помѣшала чума и отсутствіе на то полномочій. Положеніе казаковъ и ихъ начальства было невозможное. Защищаться они имѣли право, но только до береговъ Кубани. Преслѣдовать врага и переносить борьбу на лѣвый берегъ Кубани позволялось лишь съ разрѣшенія высшаго начальства, находившагося въ Херсонѣ, а для этого требовалась переписка, на что уходило не мало времени, въ теченіе котораго черкесы не только успѣвали уйти въ горы и замести свои слѣды, но и продать въ рабство плѣнныхъ. На этотъ разъ Ришелье, едва самъ не попавшій въ плѣнъ, охотно далъ полномочіе наказному атаману на снаряженіе экспедиціи за Кубань. Полковнику Рудзевичу также было предписано помогать казакамъ, по требованію Бурсака.

Отрядъ Черноморскаго войска 17 февраля направленъ былъ въ земли черченеевцевъ и абадзеховъ на р. Супъ. Черкесы были застигнуты въ расплохъ и не успѣли даже вооружиться. На этотъ разъ и казаки выказали чрезвычайную жестокость. Они жгли все и убивали всѣхъ безъ различія пола и возраста—мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Самъ Бурсакъ долженъ былъ вмѣшаться въ дѣло и успѣлъ спасти въ нѣсколькихъ аулахъ отъ смерти 14 мужчинъ и 24 женщины. Казаки произвели полное опустошеніе, сожгли аулы, хлѣбъ, сѣно и имущество. Часть имущества—мѣдную посуду, ткани, разныя подѣлки, оружіе, они захватили съ собою и угнали до

100 лошадей, до 3000 головъ рогатаго скота и столько же овецъ. Казалось, на этотъ разъ сами стихіи стали на защиту безъ мѣры пострадавшихъ горцевъ. Разлились рѣки, помѣшавшія преслѣдовать черкесовъ, и Бурсакъ съ войсками двинулся обратно въ Черноморію.

Во второй разъ Бурсакъ съ войсками выступилъ за Кубань 10 марта. Отрядъ состоялъ изъ 12 казачьихъ полковъ, одного гарнизоннаго батальона и двухъ ротъ егерей, при 6 орудіяхъ, и переправился черезъ Кубань, близъ Елизаветинскаго кордона. Заболѣвшій внезапно Бурсакъ приказалъ раздѣлить весь отрядъ на двѣ колоны и одну изъ нихъ поручилъ полковнику Кобиняку, а другую войсковому старшинѣ Дубоносу. На протяженіи пятидесяти верстъ отъ Кубани казаки шли вмѣстѣ, но затѣмъ колона Дубоноса направилась по р. Зерки, а колона Кобиняка по р. Иль. Они шли, впрочемъ, не въ далекомъ разстояніи одна отъ другой и постоянно сообщались. Утромъ 11 марта казаки напали на аулы и черезъ нѣсколько часовъ все было разрушено и уничтожено. Казаки не давали пощады черкесамъ. Однихъ убитыхъ преимущественно пушечнымъ огнемъ черкесы считали до 500 человѣкъ. Войска забрали много оружія и домашнихъ вещей, взяли въ плѣнъ 45 черкесовъ и угнали 40 штукъ лошадей и 80 головъ рогатаго скота. Съ этою добычею карательный отрядъ 12 марта былъ уже дома, по правую сторону Кубани.

Въ мартѣ Бурсакъ донесъ Ришелье о сношеніяхъ съ шапсугами и черченеевцами, которые, послѣ произведенныхъ у нихъ русскими войсками опустошеній, сами стали просить объ установленіи мирныхъ отношеній съ казаками. По этому поводу черкесскіе князья и дворяне были въ Екатеринодарѣ 28 марта у Бурсака и завязали переговоры. Рѣшено было хранить миръ съ обѣихъ сторонъ, и черкесы должны были присягнуть на коранѣ. Ришелье утвердилъ эти условія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ Бурсаку, что единственною мѣрою умиротворенія горцевъ онъ считалъ выселеніе ихъ съ горъ на равнины въ предѣлы русскихъ владѣній, гдѣ они жили бы на виду и всегда находились бы подъ контролемъ русскихъ властей и населенія.

Несмотря на присягу, горцы недолго соблюдали миръ. Они сразу же поддались пропагандѣ турецкихъ агентовъ и готовились произвести набѣгъ на Черноморію, разрушивши предварительно аулы у преданныхъ Россіи князей Ахметука и Алкаса. Сами горцы враждовали между собою и не довѣряли другъ другу, а друзья и благодѣтели турки преспокойно увозили своихъ единовѣрцевъ въ рабство въ Турцію. Ришелье 16 іюля сообщилъ Бурсаку, что корветъ „Кримъ“ захватилъ на Черномъ морѣ турецкое судно, переполненное абазинцами, абазинками и русскими плѣнными. Послѣднихъ онъ распорядился отправить, куда они укажутъ, а абазинцевъ и абазинокъ приказалъ направить въ Тамань для обмѣна на

русскихъ плѣнныхъ. Но 20 августа Ришелье спѣшно увѣдоилъ Бурсака, что абазинцы и абазинки „вопіютъ" при одной мысли о возвращеніи ихъ за Кубань къ горцамъ, просятъ оставить ихъ въ русскомъ подданствѣ и поселить на Таманскомъ полуостровѣ въ аулѣ Бекъ-Мурзы. Ришелье приказалъ удовлетворить ихъ желаніе.

Въ концѣ лѣта начали учащаться мелкія продѣлки горскихъ джигитовъ, и въ то время, какъ Бурсакъ во главѣ новой экспедиціи направлялся за Кубань для наказанія вѣроломныхъ сосѣдей, измѣнившихъ даже присягѣ на коранѣ, черкесы значительными скопищами стали нападать на казачьи владѣнія. Такъ, 12 сентября, въ день выступленія экспедиціи за Кубань, партія черкесовъ до 200 человѣкъ переправилась черезъ Кубань въ районѣ Александринскаго и Елизаветинскаго кордоновъ. Партія эта пробралась потомъ на хутора, взяла въ плѣнъ 5 мужчинъ и женщину съ мальчиками, убила казака съ женою и тремя дѣтьми, захватила 20 лошадей и до 250 головъ рогатаго скота. На переправѣ черезъ Кубань черкесовъ настигли казаки, но успѣли отнять у нихъ только 11 штукъ скота. По донесенію Бурсака отъ 17 сентября до 2000 черкесовъ прошли у Елизаветинскаго поста, но захватили только 9 плѣнныхъ, 99 головъ рогатаго скота и 22 лошади.

Между тѣмъ самъ Бурсакъ съ отрядомъ изъ 12 конныхъ и пѣшихъ черноморскихъ полковъ, двухъ полковъ регулярнаго войска и трехъ батальоновъ 22 егерскаго полка, при 10 орудіяхъ, также 12 сентября выступилъ за Кубань. Цѣлую ночь шли войска. Къ утру они наткнулись на абазинскіе аулы и начали ихъ раззорять, какъ противниковъ приверженнаго Россіи князя Алкаса. На другой день войска перешли на р. Чубу и продолжали разрушеніе абазинскихъ ауловъ. Аулы были разрушены, хлѣбъ и сѣно сожжены. Сами абазинцы скрылись въ горы и лѣса, и 20 октября Бурсакъ съ отрядомъ былъ уже въ Черноморіи на правомъ берегу Кубани.

Въ промежуткахъ между экспедиціями мелкіе набѣги горцевъ на Черноморію не прекращались. Бурсакъ 14 октября донесъ Ришелье, что казаки отразили партію горцевъ, захватившую 400 штукъ рогатаго скота у темрюкскихъ рыболовныхъ заводовъ. Ночью того же 14 октября 30 человѣкъ черкесовъ пробрались въ Екатеринодаръ и захватили въ плѣнъ 8 человѣкъ жителей, изъ которыхъ двухъ они зарубили, а одинъ бѣжалъ.

Въ послѣдній разъ въ 1810 году русскія войска ходили за Кубань въ декабрѣ мѣсяцѣ. Коменданту Анапы полковнику Рудзевичу поручено было Ришелье взять съ находившимися въ его распоряженіи войсками Суджукъ-Кале, а Бурсакъ долженъ былъ отвлечь вниманіе горцевъ со стороны Черноморской кордонной линіи. Послѣдній въ этихъ цѣляхъ двинулъ 16 декабря значительный отрядъ отъ Копыла на Суджукъ-Кале, т. е. на нынѣшній Новороссійскъ. По дорогѣ онъ остановился лагеремъ на р. Адагумѣ и простоялъ здѣсь до 26 декабря.

Между тѣмъ часть казаковъ начала военныя дѣйствія раньше, чѣмъ двинулся отъ Копыла къ Суджуку отрядъ Рудзевича. Въ рапортѣ Бурсаку командующій 1-ю колоною войскъ подполковникъ Еремѣевъ сообщилъ, что 14 декабря 1810 года колона его имѣла дѣло съ шапсугами, при чемъ отбито у черкесовъ до 400 головъ рогатаго скота и болѣе 3000 овецъ. Въ новомъ сраженіи съ шапсугами 20 декабря, кромѣ убитыхъ, были взяты въ плѣнъ два шапсуга; 21 декабря былъ сожженъ казаками аулъ и вытѣснены изъ него черкесы; 22 декабря отрядъ, преслѣдуя черкесовъ, сжегъ по пути „немалое количество жилищъ и имущества"; 23 декабря также было предано огню „множество жилищъ, имѣній, хлѣба и сѣна"; наконецъ, 24 декабря колона напала на большіе непріятельскіе аулы. Походъ былъ законченъ значительными пораженіями шапсуговъ, потерявшихъ много убитыми и ранеными.

Съ меньшимъ успѣхомъ дѣйствовала другая часть казачьяго отряда. Между казаками и черкесами произошло сраженіе, при неблагопріятныхъ для русскихъ условіяхъ. Подъ прикрытіемъ гористой и лѣсистой мѣстности, черкесы нанесли чувствительный ударъ передовой колонѣ подполковника Малаго, у котораго убиты были офицеръ и 4 нижнихъ чина, ранены 4 офицера и 50 рядовыхъ и захвачены въ плѣнъ 5 человѣкъ.

Но на другой день въ лагерь къ Бурсаку явились знатные натухайцы и принесли повинную, принявши присягу на вѣрность Россіи и обязавшись поставить фуражъ для лошадей русскаго отряда.

Въ это время близъ Анапы потерпѣло крушеніе судно съ хлѣбомъ для Суджукъ-кале. Ришелье отозвалъ оба отряда—казачій Бурсака и регулярный Рудзевича. Рудзевичъ съ своимъ отрядомъ успѣлъ, однако, взять Суджукъ-кале. Въ январѣ слѣдующаго года Ришелье выразилъ въ особомъ приказѣ благодарность ему за удачную экспедицію въ землю черкесовъ и взятіе Суджукъ-кале.

Январь 1811 года начался новою экспедиціею русскихъ войскъ за Кубань. Два отряда—одинъ казачій подъ командой Бурсака и другой смѣшанный изъ егерей и казаковъ, подъ начальствомъ полковника Рудзевича, были направлены въ земли шапсуговъ и натухайцевъ. Въ началѣ оба отряда находились въ различныхъ мѣстахъ. Бурсакъ съ казаками, стоявшими близъ Кубани, 12 января двинулся въ горы; того же числа Рудзевичъ съ егерями и казаками извѣстилъ Бурсака, что онъ перешелъ уже р. Адагумъ и находился въ земляхъ шапсуговъ. На другой день отрядъ Бурсака имѣлъ дѣло съ горцами, и казаки успѣли захватить до 100 головъ рогатаго скота, поступившаго на продовольствіе войскъ, а 14 января оба отряда соединились и расположились лагеремъ у рѣки Шипсъ.

На этотъ разъ дѣло не дошло до серьезнаго столкновенія между русскими войсками и черкесами. Черкесы сразу приняли покорный видъ. Только казаки изъ отряда Бурсака имѣли нѣсколько стычекъ съ горцами. Особенно отличился при этомъ полкъ войско-

вого полковника Лысенко, разбившій нѣсколько разъ шапсуговъ и сжегшій нѣсколько ауловъ. Шапсуги рѣшили идти на мировую. Нѣсколько разъ они посылали старшинъ къ Рудзевичу съ мирными предложеніями. Рудзевичъ требовалъ возврата русскихъ плѣнныхъ и орудія, взятаго у Ольгинскаго поста, а также выдачи аманатовъ. Черкесы отдѣлывались отговорками. Только изъ ауловъ по р. Антхыръ шапсуги дали въ обезпеченіе мира четырехъ аманатовъ. Послѣдующіе же переговоры не привели ни къ какому результату.

Простоявъ три дня у р. Шипсъ, оба отряда двинулись обратно въ Черноморію. Пока они шли по землямъ ауловъ, выдавшихъ аманатовъ, горцы не трогали ихъ но лишь только войска, переправившись черезъ р. Антхыръ, появились на земляхъ враждебныхъ шапсуговъ, какъ послѣдніе начали нападать на русскія войска. Дѣло дошло до сраженій. Казаки и егеря сожгли и раззорили нѣсколько ауловъ. Съ обѣихъ сторонъ были убитые и раненые.

Въ то же время черкесы не прекращали мелкихъ набѣговъ и воровства. Графъ Ланжеронъ писалъ 11 января 1811 г., что, по сообщенію начальника пограничнаго караула Кондруцкаго и полкового есаула Бѣлаго, черкесы сдѣлали нападеніе на Копанскую почтовую станцію, взяли здѣсь въ плѣнъ двухъ человѣкъ и двухъ ранили. Извѣщенный объ этомъ Кондруцкій съ отрядомъ казаковъ перерѣзалъ путь горцамъ къ Кубани и въ стычкѣ съ ними казаки убили и ранили до 35 человѣкъ, потерявши съ своей стороны 5 казаковъ убитыми и 7 ранеными. Другая стычка съ черкесами произошла между Ольгинскимъ и Славянскимъ кордонами, при чемъ было убито черкесовъ 30 и плѣнено 7, а потери казаковъ ограничились 7 ранеными. Въ апрѣлѣ Ришелье предписалъ Бурсаку удалить со службы начальника 2-й части кордонной линіи войскового старшину Бурноса 2-го и произвести слѣдствіе о его дѣйствіяхъ. Благодаря безпечности этого офицера и не соблюденію установленныхъ для охраны границы правилъ, во 2-й части, съ 13 августа 1810 года по 18 февраля 1811 года, черкесы увели въ плѣнъ 29 душъ населенія, убили одного казака и угнали 45 лошадей и 369 головъ рогатаго скота.

Лѣто прошло спокойно, безъ военныхъ тревогъ по линіи и серьезныхъ столкновеній съ черкесами. Но въ сентябрѣ Ришелье предписалъ Бурсаку собрать къ 10 октября въ Екатеринодарѣ 2 конныхъ и 6 пѣшихъ казачьихъ полковъ, приготовить къ походу всю наличную въ войскѣ артиллерію и заготовить на два мѣсяца сухарей для четырехъ тысячъ человѣкъ. Обо всемъ этомъ слѣдовало тщательно позаботиться, чтобы быть готовыми къ походу во всякую минуту. Повидимому, самъ Ришелье предполагалъ принять участіе въ экспедиціи за Кубань, но дѣло ограничилось одними лишь приготовленіями къ походу.

Въ ноябрѣ стало извѣстнымъ, что за Кубанью собралось до 10.000 шапсуговъ, натухайцевъ и абадзеховъ. Во главѣ ихъ сто-

ялъ бывшій анапскій паша, который приглашалъ всѣхъ горцевъ, мирныхъ и враждебныхъ Россіи, принять участіе въ войнѣ съ русскими. Сторонники Россіи князья Алкасъ, Ханукъ, Ахметукъ и Мишеостъ отказались присоединить свои силы къ черкесскому ополченію и сообщили о готовящемся набѣгѣ черкесовъ на Черноморію Бурсаку, прося его прислать войска для отраженія враждебныхъ имъ горцевъ. Бурсакъ отправилъ въ помощь имъ отрядъ въ 1000 человѣкъ казаковъ, при трехъ пушкахъ, подъ командою полковника Дубоноса. Къ этому отряду черкесскіе князья присоединили 8000 горцевъ. Образовалось два ополченія горцевъ, между которыми завязались мирные переговоры, длившіеся безрезультатно до 7 декабря, послѣ чего оба ополченія разошлись по домамъ.

Въ 1812 году, въ тяжелую годину нашествія французовъ на Россію, когда значительная часть военныхъ силъ была отвлечена отъ Черноморскаго войска для борьбы съ арміей Наполеона, черкесы не переставали тревожить Черноморію. Къ счастью казаковъ, наши сосѣди или не понимали или не могли учесть выгодъ того положенія, которое давала имъ русско-французская война, и военныя дѣйствія на Кубани не приняли напряженнаго характера, а велись въ обычныхъ рамкахъ незначительныхъ, хотя и назойливыхъ набѣговъ черкесовъ на казачьи хутора и селенія.

Первый набѣгъ былъ произведенъ черкесами 1 февраля. Около 100 черкесскихъ всадниковъ напали сначала на казачій пикетъ, а потомъ на селеніе Ивановское, захвативши по пути въ плѣнъ двухъ казаковъ Полтавской станицы, дѣвочку и нѣсколько штукъ рогатаго скота. Охранявшіе Ивановку солдаты подняли тревогу и усиленнымъ ружейнымъ огнемъ заставили бѣжать непріятеля. По значительнымъ слѣдамъ крови на снѣгу видно было, что черкесы отступили съ потерями; съ русской же стороны не было ни убитыхъ, ни раненыхъ.

Мая 31 казаки, рубившіе лѣсъ около Новоекатериновскаго кордона, остались въ лѣсу на ночлегъ. Была туманная и темная ночь. Пользуясь этимъ, черкесы, въ количествѣ 300 человѣкъ, незамѣтно переправились черезъ Кубань, напали на рубившихъ лѣсъ и успѣли захватить въ плѣнъ часть людей и скота; другая часть людей и скота была отбита у черкесовъ казаками, поспѣшившими на тревогу изъ кордона.

Наконецъ, съ 7 на 8 іюля черкесы произвели второе нападеніе на сел. Ивановское. И на этотъ разъ непріятеля было около 100 человѣкъ. Въ схваткѣ черкесовъ съ жителями одинъ казакъ былъ зарубленъ и одинъ раненъ. Черкесы захватили уже нѣсколько головъ скота. Но въ это время въ Ивановку прискакали казаки подъ командой есаула Камянченка. Завязалась борьба, въ которой убито было 18 человѣкъ черкесовъ. Остальные черкесы бѣжали, но у Кубани встрѣтила ихъ новая команда казаковъ. Ружейными выстрѣлами при переправѣ черкесовъ черезъ Кубань было убито у нихъ

еще 20 человѣкъ и 15 лошадей и два черкеса взяты казаками въ плѣнъ. Такимъ образомъ, черкесы потеряли въ двухъ стычкахъ 40 человѣкъ изъ 100 человѣкъ отряда и вынуждены были спасаться бѣгствомъ. Къ потери казаковъ въ селеніи прибавился еще только одинъ раненый казакъ.

При полномъ спокойствіи на границѣ и въ казачьихъ селеніяхъ прошелъ 1813 годъ. Только 24 мая этого года четыре черкеса захватили въ Красномъ лѣсу казака и истязали его, при чемъ одинъ изъ черкесовъ оказался прекрасно говорящимъ по русски.

Прекращеніе черкесскихъ набѣговъ въ 1813 г. объяснялось двумя причинами. Во первыхъ, въ этомъ году турки, получившіе обратно отъ русскихъ крѣпость Анапу, обязались не допускать черкесовъ до враждебныхъ дѣйствій съ русскими, и назначенный комендантомъ въ Анапу Гусейнъ-паша тщательно выполнялъ это обязательство. А во вторыхъ, въ концѣ года у черкесовъ появилась моровая язва, удерживавшая ихъ по необходимости на мѣстахъ.

Спокойно прошелъ и 1814 годъ. За это время въ архивныхъ документахъ отмѣчено только два случая столкновеній казаковъ съ горцами. Въ апрѣлѣ былъ убитъ въ лѣсу казакъ села Корсунскаго Шведъ и взята въ плѣнъ бывшая съ нимъ дочь дѣвушка. Въ концѣ декабря, въ нижнемъ теченіи Кубани, около Темрюка, было произведено нападеніе на казачьи хутора тремя партіями горцевъ. Одна партія была отбита казаками безъ урону, а двѣ другія прокрались въ самый Темрюкъ и угнали нѣсколько головъ скота, изъ котораго казаки отняли только одну пару воловъ.

Въ этомъ году и отношеніе властей къ собственнымъ войскамъ и къ черкесамъ за нарушеніе границъ было строже. Распоряженіемъ 8 апрѣля Ришелье приказалъ оштрафовать въ пользу войсковыхъ суммъ полкового есаула Гавриша, хорунжаго Носенка и сельскаго смотрителя Дубину—первыхъ двухъ по 100 рублей каждаго, а третьяго 50 р., за оплошность, благодаря которой черкесы угнали 7 воловъ. А 22 іюля тотъ же Ришелье предписалъ Бурсаку, черкеса, пойманнаго въ Черноморіи на грабежахъ, прогнать сквозь строй шпицрутенами черезъ батальонъ 6 разъ. Обнаружено было, что главными ворами и нарушителями спокойствія на линіи были шапсуги. Въ виду этого, указомъ Александра I-го рѣшено было сдѣлать „сильную репресаль“ въ земляхъ шапсуговъ, какъ наиболѣе враждебныхъ Россіи горцевъ. Но прежде, чѣмъ привести въ исполненіе эту мѣру, приказано было опросить другіе горскіе народы, какъ они отнесутся къ карательной экспедиціи русскихъ противъ шапсуговъ. Болѣе миролюбиво настроенные къ Россіи черкесы довольно недвусмысленно отвѣтили: пусть русскія войска потреплютъ шапсуговъ, а остальное докончимъ мы, горцы. Это собственно, значило, что черкесы хотѣли ограбить обезсиленныхъ шапсуговъ.

Съ слѣдующаго 1815 года начался переворотъ въ отношеніяхъ горцевъ къ казакамъ. Горцы перестали скрывать таившуюся вражду къ русскимъ. Въ это время миролюбивый Гуссейнъ-паша былъ замѣненъ въ Анапѣ Сеидъ-Ахмедъ-пашею, открытымъ врагомъ Россіи и сторонникомъ горцевъ, жаждавшихъ борьбы съ русскими. Свое нерасположеніе новый анапскій комендантъ выказалъ прежде всего къ натухайцамъ за ихъ мирныя отношенія къ русскимъ. Чтобы наказать миролюбивыхъ натухайцевъ, онъ рѣшилъ поселить на ихъ земляхъ 12000 ногайцевъ, но натухайцы рѣшили съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свои земли. Тогда паша предложилъ шапсугамъ отнять у натухайцевъ всѣ ихъ земли. Однако, и эта мѣра осталась пустою угрозою. Сеидъ перемѣнилъ тактику. Онъ началъ возбуждать всѣхъ горцевъ къ войнѣ съ русскими. Объ этомъ было сообщено нашему посланнику при Константинопольскомъ дворѣ тайному совѣтнику Италинскому. Послѣдній узналъ, что анапскій паша имѣлъ секретное отъ Порты порученіе возмущать горскіе народы противъ Россіи.

Такимъ образомъ, обнаруженіе враждебныхъ дѣйствій горцевъ противъ русскихъ началось подъ вліяніемъ Турціи. Горцы начали съ цѣлаго ряда мелкихъ набѣговъ, грабежей и воровскихъ продѣлокъ. Уже въ январѣ, по сообщенію полковника Бѣлошапки, горцы внезапно напали на сел. Ивановское и взяли въ плѣнъ 6 душъ. Случай этотъ Бѣлошапка приписалъ нерадѣнію смотрителя Ивановскаго селенія, но онъ былъ не единственнымъ въ массѣ другихъ. Въ апрѣлѣ черкесы взяли 24 вола и двухъ мальчиковъ; въ іюлѣ трое горцевъ схватили и увели казака, отставшаго отъ разъѣзда и т. д., и т. д. Въ первомъ случаѣ виновные въ недосмотрѣ казаки были наказаны, по распоряженію Бурсака, палками (кіями). Но набѣги не прекращались. Убѣгали съ обѣихъ сторонъ—изъ Черноморіи молодые солдаты тяготившіеся службою, а отъ черкесовъ ихъ крѣпостные. Такъ, въ этомъ году у князя Чупаго убѣжало къ казакамъ въ Черноморію 11 крѣпостныхъ крестьянъ. Князь предложилъ отдать взамѣнъ ихъ трехъ молодыхъ дезертировъ-солдатъ съ ружьями и амуниціею. На этомъ условіи и былъ произведенъ взаимный обмѣнъ бѣглецовъ.

Въ 1816 году высшія военныя власти рѣшили ослабить непріязненныя дѣйствія горцевъ противъ казаковъ путемъ мирныхъ торговыхъ сношеній. Съ этою цѣлью въ Черноморію былъ присланъ чиновникъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ де-Скасси, хорошо знакомый съ бытомъ и потребностями горскаго населенія. Скасси совѣтовалъ увеличить количество мѣновыхъ дворовъ и обратить преимущественное вниманіе на мѣну соли на лѣсъ, а также разрѣшить черкесамъ селиться у самой Кубани на лѣвой ея сторонѣ для сближенія съ казаками. Горцы охотно расширили торговыя сношенія, привозя на мѣновые дворы лѣсъ и сырье и получая въ замѣнъ соль и мануфактурные товары. Но войсковая администрація воспротивилась поселенію черкесскихъ ауловъ близъ Кубани, опасаясь усиленія разбоевъ, грабежей и воровства.

Тогда сами черкесскіе владѣльцы стали просить о перенесеніи ауловъ къ Кубани, обѣщая предупреждать вторженія черкесовъ въ Черноморію. Просьбу эту передалъ де-Скасси Ланжерону, а послѣдній довелъ до свѣдѣнія Государя. Результатомъ было постановленіе комитета министровъ 10 апрѣля 1817 года, которымъ разрѣшалось горцамъ селиться у Кубани. Послѣдствія, однако, не оправдали надеждъ де-Скасси. Мирные по названію черкесы всегда были сторонниками немирныхъ единоплеменниковъ и поддерживали ихъ при набѣгахъ. Роль самаго де-Скасси свелась къ тому, что онъ, раздавши массу подарковъ горцамъ и истративши на это значительныя суммы казенныхъ денегъ, въ замѣнъ не получилъ ничего реальнаго, кромѣ обѣщаній горцевъ жить въ мирѣ съ Черноморскимъ войскомъ, которыя они забывали, какъ только переходили черезъ Кубань.

Единственное, что де-Скасси сдѣлалъ для казаковъ—это выкупъ и обмѣнъ плѣнныхъ, но это черноморцы умѣло устраивали и безъ де-Скасси. Въ то время, когда послѣдній всячески старался умиротворить горцевъ, склоняя ихъ къ мирнымъ сношеніямъ и торговлѣ, сторонники Турціи въ горахъ продолжали возбуждать черкесовъ противъ Россіи. Турція тоже намѣревалась начать войну съ русскими. Въ мартѣ графъ Ланжеронъ предупредилъ Бурсака, чтобы онъ внимательно слѣдилъ за движеніями горцевъ, такъ какъ турки подготовлялись къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи со стороны Грузіи и Мингреліи и побуждали и черкесовъ къ совмѣстнымъ съ ними дѣйствіямъ.

Мирный 1816 г. не обошелся безъ приключеній. Въ сентябрѣ произошла кровавая стычка между 60 казаками подъ командой Ніякого и партіей черкесовъ въ 200 человѣкъ. Горцы убили Ніякого, двухъ казаковъ и шестерыхъ ранили. Но въ это время на поле сраженія прискакали казаки подъ командой полкового есаула Гавриша. Черкесы были разбиты и понесли большой уронъ. Въ этомъ же году Ланжеронъ утвердилъ распоряженіе войскового атамана Матвѣева о мѣсячномъ арестѣ начальника Новогригорьевскаго кордона есаула Мороза за плохую бдительность и недосмотръ. Въ вину Морозу было поставлено то обстоятельство, что въ его раіонѣ черкесы перебрались черезъ Кубань и угнали 11 лошадей. Кромѣ ареста съ Мороза приказано было взыскать деньги и за стоимость 11 лошадей. Деньги эти по резолюціи Ланжерона, должны были поступить въ суммы войскового госпиталя и ни въ коемъ случаѣ не хозяину лошадей есаулу Шолудько, такъ какъ послѣдній пустилъ ихъ на пастьбу вопреки правиламъ объ осторожности.

Послѣ 1817 года, въ теченіе котораго черкесы держали себя сравнительно миролюбиво, горцы энергично повели нападенія на линію въ слѣдующемъ 1818 году. Января 4-го горцы ограбили Копанскую почтовую станцію. Въ февралѣ черкесы стали дѣйствовать большими партіями. Такъ, 6 февраля шапсуги, въ количествѣ 700 человѣкъ,

подошли къ Кубани и пробовали переправиться на правый ея берегъ, но казаки во время замѣтили непріятелей и отразили ихъ. Это были шапсуги-демократы, изгнавшіе князей и отправившіеся въ походъ противъ русскихъ по постановленію народнаго собранія.

Полковникъ Кондруцкій 14 февраля донесъ атаману Матвѣеву, что, по сообщенію черкесскаго владѣльца Амчерея, сильная партія горцевъ переправилась у Тимошевскаго кута черезъ Кубань и двинулась къ Великомарьинскому кордону. Кондруцкій съ казаками направился вслѣдъ за партіей. Черкесы не ушли еще далеко отъ Кубани и близъ переправы завязался ожесточенный бой. Пользуясь численнымъ превосходствомъ, они начали сильно тѣснить казаковъ и бросились въ шашки на нихъ, но казаки отразили непріятеля дротиками. Казаки дрались храбро, но на каждаго казака приходилось по 20 черкесовъ, такъ какъ казаковъ было 200 человѣкъ, а черкесовъ до четырехъ тысячъ. Въ общей свалкѣ черкесы захватили въ плѣнъ 8 казаковъ, 2 ранили и 4 умерло отъ ранъ, но и черкесы потяряли до 60 человѣкъ ранеными и убитыми.

Случаи эти встревожили черкесовъ мирно настроенныхъ. Князья и старѣйшины черкесовъ, жившихъ между Анапою и р. Иль, 25 марта писали наказному атаману Матвѣеву, что они, натухайцы, не участвовали въ нападеніи черкесовъ на Черноморію. Это было дѣло шапсуговъ, жившихъ по правую сторону р. Иль. Писавшіе же письмо предлагали принять новую присягу и приглашали русскихъ совершенно истребить горцевъ, нападавшихъ на Черноморію.

Въ послѣдующіе три мѣсяца на кордонной линіи и въ мѣстахъ ближайшихъ отъ нея въ Черноморіи было спокойно. Но ночью подъ 13 іюля, когда утренній разъѣздъ изъ 12 казаковъ слѣдовалъ въ кордонъ, 40 человѣкъ черкесовъ, скрывавшихся въ лѣсу, внезапно напали на казаковъ, убили двухъ лошадей, а казаковъ захватили въ плѣнъ. Поспѣвшая изъ кордона команда разсѣяла горцевъ. Черезъ 8 дней, 21 іюля, повторилось тоже. Когда утромъ разъѣзды казаковъ возвратились въ свои кордоны, 35 черкесовъ внезапно напали на казачій пикетъ, убили одного казака и захватили у него ружье и лошадь, но въ это время успѣла прискакать изъ Ольгинскаго кордона команда изъ 70 казаковъ, и черкесы бросились бѣжать, причемъ одинъ изъ нихъ былъ убитъ и одинъ раненъ. На представленія атамана анапскому пашѣ Сеидъ-Ахмету объ удержаніи горцевъ отъ набѣговъ, послѣдній 9 декабря отвѣтилъ, что черкесы не повинуются ему, особенно разбойники-абазинцы, и что онъ совѣтуетъ не оставлять въ живыхъ этихъ воровъ, а ловить ихъ всѣхъ, привязывать камень къ шеѣ и бросать въ Кубань, оставляя лишь одного, чтобы знать, откуда и кто были его товарищи.

Въ декабрѣ черкесы произвели три нападенія на черноморцевъ. Партія въ 100 человѣкъ переправилась 18 декабря черезъ Кубань, напала на резервъ изъ 8 казаковъ, изъ которыхъ два было взято въ плѣнъ, а остальные 6 не дались черкесамъ въ руки. Тогда же

плѣнные казаки обмѣнены были на плѣннаго черкеса. Другая партія черкесовъ въ 400 человѣкъ безуспѣшно пыталась перебраться въ Черноморію и была отражена казаками. Наконецъ, 24 декабря утромъ сильная партія горцевъ, переправившись черезъ Кубань, двинулась двумя частями, по 1000 человѣкъ въ каждой, на два кордона Елинскій и Марьинскій. Черкесы шли съ двумя значками, однимъ бунчукомъ и барабаномъ, подъ общимъ начальствомъ шапсугскаго владѣльца Шеретлукъ-оглы. Нападеніе ихъ на кордоны не удалось. Тогда они, соединившись вмѣстѣ, бросились на отрядъ войскового старшины Стринскаго. Три раза черкесы стремительною аттакою пытались сломить отрядъ, и всѣ три раза не могли вынести артиллерійскаго огня казаковъ и отступали. Дѣйствуя пушками и ружейнымъ огнемъ, казаки совершенно разсѣяли черкесское скопище, причемъ самъ предводитель черкесовъ Шеретлукъ-оглы былъ убитъ. Три часа продолжалось сраженіе и стоило казакамъ 12 убитыхъ и 12 взятыхъ въ плѣнъ. Черкесы потеряли 31 убитыми и 83 ранеными, изъ которыхъ большая часть потомъ умерла.

Совершенно спокойно прошелъ 1819 г., но это былъ годъ усиленной агитаціи сторонниковъ Турціи о необходимости войны съ русскими. Объ этомъ неоднократно доносили лазутчики казачьимъ властямъ. Особенно усердствовалъ анапскій паша, понуждая горцевъ къ набѣгамъ въ Черноморію и дѣйствуя на нихъ то угрозами, то подарками, то ласкою, то религіозными мотивами и другими способами. Въ сентябрѣ графъ Ланжеронъ сообщилъ атаману Матвѣеву, что, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ ему армяниномъ Минасомъ Косокоро, имѣвшимъ большія связи съ горцами, черкесы, побуждаемые анапскимъ пашею и турецкими чиновниками, намѣрены напасть одновременно на Екатеринодаръ и на Черноморію. Ланжеронъ требовалъ принять мѣры для отраженія непріятеля. По всему видно было, что черкесы готовились къ чему-то большому и серьезному. Военная гроза разразилась, однако, въ слѣдующемъ 1820 г., но съ этого года начались и новые военные порядки въ Черноморіи и на Черноморской кордонной линіи.

Такъ велась борьба черкесовъ съ казаками въ теченіи 20 лѣтъ. Здѣсь нельзя, конечно, провести границу, которою рѣзко отдѣлялись бы первыя два десятилѣтія XIX вѣка отъ послѣдующихъ. Военныя дѣйствія казачества и русскихъ войскъ съ горцами велись непрерывно и въ послѣдующее время. Но сами по себѣ первыя два десятилѣтія даютъ совершенно достаточно матеріала для общей характеристики русско-черкесской войны. За это время успѣли вполнѣ опредѣлиться противники казаковъ, ихъ военные пріемы, способы борьбы и особенности ихъ военнаго строя.

Что представляли собою черкесы въ военномъ отношеніи? Не дисциплинированныхъ, плохо вооруженныхъ, но храбрыхъ и отчаянныхъ воиновъ.

Черкесы любили военное дѣло, съ увлеченіемъ производили набѣги и высоко цѣнили храбрость и самоотверженіе, но не имѣли

ни опредѣленнаго плана военныхъ дѣйствій, ни правильной военной организаціи. Имъ чуждо было понятіе объ арміи, какъ организованной силѣ народа или государства; у нихъ не существовало ни постоянныхъ военачальниковъ, ни ранговыхъ дѣленій и должностей, ни военныхъ частей по численному составу и по роду оружія. Правда, черкесы имѣли конницу и пѣхоту, но пѣхотинцами были бѣдняки, которымъ негдѣ было взять лошадей. Идеаломъ черкеса служилъ конный воинъ, а идеальной формой борьбы—скрытный и стремительный набѣгъ. Военный строй черкесовъ былъ, слѣдовательно, очень примитивенъ.

Примитивно было и вооруженіе у черкесовъ. У нихъ не было ни пушекъ, ни артиллеріи. Они не имѣли также ни собственнаго пороха, ни свинца, и во всякомъ случаѣ сильно нуждались въ томъ и другомъ. Мало было и мелкаго огнестрѣльнаго оружія. Хорошіе ружья и пистолеты встрѣчались только у князей, дворянъ и джигитовъ. Масса воиновъ не имѣла ни того, ни другого. Многіе вмѣсто ружья употребляли лукъ. Въ архивныхъ документахъ упоминается о ранахъ, причиненныхъ стрѣлами, и о стрѣлахъ, находимыхъ казаками послѣ сраженія. Послѣ одного изъ сраженій Бурсакъ послалъ въ подарокъ Ришелье „богатый лукъ со стрѣлами въ колчанѣ", отнятый у черкесовъ. Самое любимое у черкесовъ оружіе—кинжалъ и шашка—было не у всѣхъ. Бѣдняки не имѣли его, и когда черкесы собирались въ большія толпы, часть воиновъ вооружена была только топорами и короткими пиками. Наконецъ, у черкесовъ не было и укрѣпленій или если и были мѣстами, то въ зачаточной лишь формѣ.

При такомъ военномъ строѣ и вооруженіи, горцы не могли расчитывать на успѣхъ въ открытомъ бою и крупныхъ предпріятіяхъ. Пока горцы дѣйствовали мелкими партіями, за ними чувствовалась сила; но разъ дѣло ставилось въ условія организованной войны, недостатки военной организаціи и отсутствіе дисциплины обнаруживались ярко и неизмѣнно. Большія толпы черкесовъ не пригодны были для большихъ военныхъ дѣлъ. За немногими исключеніями, они не могли овладѣть не только кордономъ, но даже пикетомъ, при наличности у казаковъ пушки. При одной пушкѣ, горсть казаковъ держала въ почтительномъ отдаленіи тысячную толпу, и часто два-три удачныхъ выстрѣла картечью вызывали безпорядочное бѣгство многочисленныхъ черкесскихъ отрядовъ.

Но черкесы, однако, время отъ времени собирались въ тысячныя скопища для борьбы съ казаками. Это былъ военный пріемъ, унаслѣдованный отъ прошлаго, своего рода историческій пережитокъ. Перейдя огромною толпою черезъ Кубань, черкесское скопище дѣлилось потомъ на части и каждая часть дѣйствовала особо, дробясь въ свою очередь еще на болѣе мелкія дѣленія. При обратномъ движеніи мелкія части соединялись въ болѣе крупныя, а крупныя въ одну толпу, которая могла дать отпоръ противникамъ при отступле-

ніи. Это былъ татарскій пріемъ набѣговъ, но татары примѣняли его въ слабо заселенныхъ степяхъ и мало защищенныхъ укрѣпленіями мѣстностяхъ. Между тѣмъ Черноморія, хотя представляла степную мѣстность, но она была опоясана рядомъ крупныхъ и мелкихъ укрѣпленій, имѣла организованный дозоръ въ видѣ казачьихъ разъѣздовъ, и рядъ селеній, до извѣстной степени приспособленныхъ къ отраженію непріятелей. Результатомъ несоотвѣтствія между татарскими пріемами набѣговъ у горцевъ и организованной защитой мѣстности русскими были частыя пораженія черкесскихъ скопищъ.

Но черкесы не могли не воевать, потому что, по своимъ обычныхъ возрѣніямъ, они смотрѣли на военные грабежи и воровство, какъ на благородный промыселъ джигита, какъ на добычу, которою горцы пополняли недочеты въ своемъ убогомъ хозяйствѣ и обстановкѣ. Получался какой-то заколдованный кругъ. Горцы шли за добычей, подрывая экономическую жизнь казака, а казакъ мстилъ за это, раззоряя горца. Столкновенія начинались съ мелкихъ набѣговъ и хищеній горцевъ. За мелкими свалками слѣдовали крупныя дѣла. Стычки переходили въ войну, собирались многочисленныя скопища, посылались русскими грозныя экспедиціи въ горы. И чѣмъ чаще и строже карали русскіе черкесовъ, тѣмъ ожесточеннѣе черкесы производили набѣги. Война то тлѣла чуть замѣтно, то разгоралась въ крупное зарево. Пылали черкесскіе аулы, хлѣбъ и сѣно, угонялся скотъ и приносились въ жертву военному Молоху человѣческія жизни. И не смотря на это, черкесъ не складывалъ оружія, не переставалъ производить грабежи и набѣги, не стремился замѣнить прелести войны довольствомъ мирныхъ отношеній.

Глава VI.

СТАРАЯ ЛИНІЯ и ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЕ ВОЙСКО.

XIX вѣкъ засталъ Старую Линію съ 6 станицами Кубанскаго казачьяго полка, основанными здѣсь въ 1794 г. Сравнительно съ Черноморіей, также слабо заселенной, но представлявшей собою опредѣленную территорію казачьяго войска. Старая Линія была пустующимъ краемъ. Станицъ было мало и онѣ были такъ разбросаны и удалены одна отъ другой, что, казалось, тонули въ обширныхъ пространствахъ, тянувшихся по Кубани на сѣверъ и востокъ отъ нея. Это были только слабые намеки на Старую Линію, богатый и цвѣтущій въ настоящее время край.

Но въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Кубани появились уже крупныя поселенія. Тутъ осѣли крестьяне, обращенные въ тридцатыхъ годахъ въ казаковъ Кавказскаго линейнаго войска.

Первымъ по времени поселеніемъ было Новомарьинское, возникшее въ 1794 году, одновременно съ казачьими станицами Кубанскаго полка. Въ слѣдующемъ 1795 году появилось селеніе Старомарьинское. Черезъ годъ, въ 1797 году, были основаны три селенія: Рождественское, Каменнобродское и Новотроицкое. Въ 1798 году основано было цѣлыхъ пять селеній—Расшеватское, Дмитріевское, Ильинское, Архангельское и слобода Малороссійская или Бирючья.

Такимъ образомъ, къ началу XIX столѣтія, въ предѣлахъ нынѣшней Старой Линіи, существовало уже 11 крестьянскихъ селеній, въ которыхъ числилось въ 1801 году 9724 ревизскихъ и 1226 вновь народившихся душъ или 10,950 мужского пола и 10.387 душъ женскаго, а всего, слѣдовательно, населенія 21.337 душъ. Цыфры значительно превышавшія наличность казачьяго населенія Черноморіи. Крестьянская колонизація края велась болѣе успѣшно, чѣмъ казачья.

Заселеніе края крестьянами шло отъ нынѣшняго Ставрополя на сѣверо-западъ, по направленію къ землямъ Черноморскаго войска. Того требовали военныя условія. Ставрополь былъ уже тогда значительнымъ военнымъ центромъ. Въ немъ и близъ него былъ поселенъ Хоперскій полкъ. На югъ и юго-востокъ отъ Кубани расположены были станицы Кубанскаго полка. А къ западу отъ земли Донского войска и до р. Кубани тянулась граница Черноморіи. Слѣдовательно, крестьянскія селенія со всѣхъ сторонъ ограждены были въ извѣстной мѣрѣ отъ набѣговъ черкесовъ рядомъ военныхъ поселеній. Крестьяне селились подъ защитою казаковъ.

Священникъ Успенскій записалъ въ 1901 году со словъ трехъ столѣтнихъ стариковъ станицы Дмитріевской—Бесѣдина, Назарова и

Лахина, интересныя показанія объ основаніи въ 1801 году Дмитріевки. Старики родились около того времени, когда заселялось вновь основаное селеніе, и были живыми памятниками прошедшаго.

Основателями станицы Дмитріевской были, по ихъ словамъ, великороссы, вышедшіе изъ селъ Завершья и Богословки, Бирюченскаго уѣзда, Воронежской губерніи. Бросили они родину вслѣдствіе малоземелья. Наслышавшись разсказовъ о вольныхъ земляхъ на Кубани, они продали строенія и имущество и, по собственному почину и волѣ, двинулись нѣсколькими партіями на Кавказъ. Дорогою къ нимъ пристало до 10 семей помѣщичьихъ крестьянъ, бѣжавшихъ отъ панщины. Бѣглецы бросили дома, весь домашній скарбъ и, въ чемъ были, присоединились къ переселенцамъ. Переодѣвшись и измѣнивши имена и фамиліи, они пробрались на Кавказъ вмѣстѣ съ вольными крестьянами.

По приходѣ на Старую Линію, новоселы набрели на поселокъ Ильинскій, возникшій также въ 1801 году и только-что начавшій обстраиваться. Здѣсь остановились они на отдыхъ съ развѣдочными цѣлями о новомъ краѣ. Тревожныя условія жизни въ прикубанскихъ станицахъ, благодаря сосѣдству черкесовъ, заставили одну часть переселенцевъ сразу же остаться въ селѣ Ильинскомъ. Другая часть воронежскихъ выходцевъ рѣшила отыскать свое собственное мѣсто для поселенія, и остановилась въ урочищѣ, расположенномъ у Жирнаго кургана на р. Бейсугъ. Здѣсь поселенцы осѣли временнымъ станомъ. На бѣду новоселовъ Жирный курганъ былъ сторожевымъ пикетомъ и, притомъ, очень важнымъ. Съ высокаго кургана прекрасно была видна окружающая мѣстность во всѣ стороны—вблизи въ 6 верстахъ Ильинскій поселокъ, вдали на Кубани станица Кавказская и укрѣпленіе Темишбекское, а на западъ, на востокъ и сѣверъ обширныя степи. Военнымъ властямъ почему то не понравилось присутствіе у пикета переселенцевъ. Начальникъ пикета велѣлъ переселенцамъ очистить занятое ими мѣсто и поселиться нѣсколько далѣе по р. Калалы. Сначала переселенцы приняли это за придирку и приступили къ возведенію построекъ. Но въ станъ къ нимъ пріѣхавъ казачій офицеръ, потребовалъ къ себѣ всѣхъ мужчинъ, начиная съ стариковъ и оканчивая молодежью, выстроилъ ихъ по военному во фронтъ и сначала разнесъ за неповиновеніе, а потомъ велѣлъ выпороть черезъ одного. Мужики опѣшили, а казачій панъ сѣлъ на коня, пригрозилъ имъ еще разъ плетью и скрылся изъ глазъ. Но розга сдѣлала свое дѣло. Переселенцы разобрали свой временный станъ, запрягли лошадей въ телѣги и двинулись къ тому мѣсту, гдѣ расположена теперь Дмитріевская станица.

Такъ подъ свистъ розгъ и удары нагайки, нашли основатели Дмитріевской станицы подходящее для себя въ новомъ краѣ мѣсто. Здѣсь они съ энергіей взялись за устройство селенія. Одни подготовляли мѣста для построекъ и рыли ямы, другіе возили съ Кубани лѣсъ, третьи плотничали и возводили зданія, а бабы и ребята

обмазывали хаты, подносили матеріалы и помогали всѣмъ. Селеніе окопали они потомъ глубокою канавою на случай нападенія черкесовъ. Съ тѣми же военными цѣлями мирные поселяне расположили поселокъ близъ камышей, въ которыхъ впослѣдствіи они не разъ скрывались отъ горцевъ.

Въ то время природа была еще не тронута человѣкомъ; не прикосновенны еще были камыши, степи, земли и воды. При отсутствіи людей, всюду въ этихъ мѣстахъ водились въ обиліи дикіе звѣри. Были здѣсь волки, лисицы, козы, джайраны, кабаны, даже дикія лошади (турпаны) и масса птицы. Растительность была также обильная и разнообразная, земля тучная и пастбищъ сколько угодно. Недоставало только людей, у которыхъ можно было бы заработать что нибудь нуждающимся переселенцамъ. Чтобы добыть средства заработкомъ приходилось уходить на сторону далеко на Донъ или въ Черноморію. И попавшіе на Старую Линію ни съ чѣмъ или на легкѣ переселенцы вынуждены были батрачить и добывать заработками деньги и скотъ. Такъ мало по малу переселенцы обзавелись хозяйствомъ и стали водить преимущественно скотъ. Въ то время тутъ не было уже кочевниковъ ногайцевъ, занимавшихъ всѣ степныя пространства. Хлѣбъ сѣяли крестьяне въ небольшомъ количествѣ, главнымъ образомъ для собственнаго продовольствія. Но благодаря дѣвственной почвѣ, зажиточные хозяева уже тогда добывали столько хлѣба, что избытки его возили на продажу въ Ростовъ. Однимъ словомъ, если не всѣ, то значительная часть переселенцевъ очень скоро стала на ноги въ новомъ краѣ. Уже въ 1803 году у нихъ былъ молитвенный домъ, свой самостоятельный причтъ и 90 дворовъ обстроившихся переселенцевъ.

Подобнымъ же образомъ и при подобныхъ условіяхъ осѣли на Старой Линіи и другія крестьянскія селенія въ 1794—1801 г.г. Въ 1802 г. на р. Бейсугъ, въ предѣлахъ Старой Линіи, было поселено 350 ревизскихъ душъ малороссовъ, Бирюченскаго уѣзда, Воронежской губерніи, и 41 душа изъ Гадячскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Это, надо полагать, были поселенцы тѣхъ крестьянскихъ селеній, которыя были включены потомъ въ предѣлы Старой Линіи и населеніе которыхъ было перечислено въ казаки.

Крестьяне селились вообще на собственный страхъ и средства. Правительство не мѣшалось въ это дѣло и матеріальной помощи имъ никто не оказывалъ. Переселенцы пользовались лишь общими для всѣхъ новоселовъ льготами временнаго освобожденія отъ податей и повинностей.

И чѣмъ болѣе являлось на Кавказъ мирныхъ переселенцевъ, желавшихъ вести здѣсь хозяйство, тѣмъ настоятельнѣе была нужда въ усиленіи военныхъ силъ для охраны ихъ. А между тѣмъ Кубанская кордонная линія была слаба въ верхнихъ частяхъ Кубани и по количеству казачьихъ станицъ и по качеству пограничныхъ укрѣпленій. Въ 1801 году Кавказская кордонная линія шла отъ Киз-

ляра на Моздокъ и отсюда вверхъ по р. Малкѣ до Бѣломечетскаго поста, далѣе позади Пятигорья на Кубань къ урочищу, называемому также Бѣлая мечеть, а потомъ по Кубани до Усть-лабы и Черноморіи.

Въ ту пору отъ Малки до Кубани по этой линіи не было еще ни одного селенія, а по Кубани на протяженіи 360 верстъ до земель Черноморскаго войска, по границѣ было расположено только шесть станицъ, съ разстояніями между ними въ среднемъ до 60 верстъ. Такимъ образомъ, отъ Малки до Кубани было совершенно открытое пространство для черкесскихъ набѣговъ, а по Кубани до Черноморіи значительные промежутки между станицами давали также полный доступъ черкесамъ къ вторженію въ русскіе предѣлы.

Эти недостатки кордонной линіи еще болѣе осложнялись плохимъ состояніемъ пограничнихъ укрѣпленій. Какъ видно изъ рапорта г.-м. Глазенапа отъ 8 января 1802 года г.-л. Кноррингу, Кавказская линія, по защитѣ разными видами войскъ, дѣлилась на двѣ части. Отъ Кизляра до Георгіевска, въ 12 крѣпостяхъ и укрѣпленіяхъ, были расположены кавалерійскіе и пѣхотные полки регулярной арміи, а въ остальныхъ 12 пунктахъ, отъ Георгіевска до Усть-Лабы, кордонную линію охраняли одни казаки. Всѣ укрѣпленія состояли или изъ плохихъ земляныхъ мазанокъ, или изъ столь же невзрачныхъ и ветхихъ деревяныхъ строеній. Да и строеній было недостаточно. Конюшни, напримѣръ, для лошадей находились только въ трехъ изъ 24 пунктахъ, но и онѣ были плетневыя, полуразрушенныя. Глазенапъ просилъ сдѣлать распоряженіе о ремонтѣ старыхъ строеній и указать, гдѣ и сколько новыхъ укрѣпленій, а также сколько и какихъ строеній предположено построить.

Воевать съ горцами и защищать отъ нихъ границы, при такихъ условяхъ, было дѣломъ въ высшей степени труднымъ и рискованнымъ. Горцы всегда могли натворить не мало бѣдъ въ плохо охраняемыхъ мѣстахъ, что и было въ дѣйствительности. Нужно было или прибавить регулярныхъ войскъ, или усилить казачьи кадры. Собственно немногія станицы Кубанскаго полка продолжали еще заселяться. Донскіе казаки, поднявшіе возстаніе изъ за переселенія ихъ на Кубань, охотно, безъ всякаго принужденія, шли на прикубанскія земли, какъ только осѣли ихъ предшественники по Кубанской границѣ. Были вольныя и тайныя переселенія. Край былъ богатъ свободными землями и угодьями для посѣвовъ и скотоводства. Для людей, державшихся старой вѣры, не существовало никакихъ стѣсненій на новыхъ мѣстахъ, и казаки-старовѣры охотно шли къ своимъ единовѣрцамъ на Кубань. Неспокойныя головы, любившія военную жизнь и приключенія и жаждавшія борьбы съ горцами, также покидали Донъ и уходили на Кубань. Шла родня къ роднѣ и одностаничники къ одностаничникамъ. Но все это совершалось въ малыхъ размѣрахъ, слабыми колонизаціонными теченіями. Для обезпеченія Кавказской пограничной линіи требовался болѣе широкій притокъ поселенцевъ.

Особенно заинтересованы были въ такой постановкѣ колонизаціи лица, руководившія военными дѣйствіями на Кавказѣ. По самому скромному расчету, для заселенія границы по Кубани на Старой Линіи графъ Гудовичъ потребовалъ переселенія съ Дона на Кубань 3000 казачьихъ семей. Между тѣмъ поселена была только одна тысяча семей. Нужны были еще переселенцы. И на встрѣчу этой нуждѣ пошли казаки бывшаго Екатеринославскаго войска. Донцовъ правительство силою гнало на Кубанскую линію, екатеринославцы пошли туда по своей охотѣ.

Бывшее Екатеринославское казачье войско имѣетъ свою исторію. Оно возникло одновременно съ Черноморскимъ войскомъ и подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ, какъ это послѣднее. Казаки потребовались для войны съ турками. Въ то время, когда Черноморское войско формировалось исключительно изъ бывшихъ запорожскихъ казаковъ, Екатеринославское войско составилось изъ всевозможной вольницы. Въ него вошли вольные искатели приключеній— малороссійскіе казаки, бѣглые крестьяне, однодворцы, старообрядцы, мѣщане и вообще разные выходцы на югъ Россіи. Добровольцы эти въ 1788 году, въ началѣ войны съ турками, соединены были съ Бугскимъ казачьимъ войскомъ и всѣ вмѣстѣ получили названіе сначала Бугскаго, а потомъ Екатеринославскаго казачьяго войска. Екатеринославское войско выставляло десять полковъ, тысячнаго состава каждый, и насчитывало до 50562 д. об. пола населенія.

Благодаря разнообразному составу и массѣ неказачьихъ элементовъ, въ рядахъ Екатеринославскаго войска почти не оказалось своей старшины. Не изъ кого было выбирать офицеровъ. Такъ какъ Екатеринославское войско оказалось смежнымъ съ Донскимъ, то оно подчинено было этому послѣднему и называлось Екатеринославскимъ или Новодонскимъ войскомъ. Донскіе старшины, по назначенію правительства, управляли екатеринослацами и, какъ съ пасынками, не стѣснялись съ чуждымъ имъ казачествомъ. Появились поборы, утѣсненія, назначенія на службу не въ очередь и т. п. Въ теченіе 8 лѣтъ этого зависимаго положенія, екатеринославцамъ показались настолько тяжелымъ донское иго, что они начали ходатайствовать о возвращеніи ихъ „въ первобытное состояніе". Казаками пожелали остаться только бывшіе бугскіе запорожцы. Тогда Екатеринославское войско снова было подраздѣлено на двѣ части: на Бугское войско и на пришлые элементы, составившіе Екатеринославское войско. Первые, бугскіе запорожцы, были оставлены, согласно ихъ желанію, въ казачьемъ званіи, а вторые, собственно екатеринославцы, переведены на казенный окладъ на правахъ однодворцевъ. За прежнюю военную службу имъ дана была только двухлѣтняя льгота отъ подушнаго оклада.

Но и среди обращенныхъ въ податное состояніе екатеринославцевъ произошелъ расколъ. Часть ихъ, преимущественно тѣ, которые входили въ полкъ знаменитаго Платова, участвовавшій въ

дѣлахъ подъ Измаиломъ, Киліей, Аккерманомъ и пр., нашли, что имъ дали мало земли, и не захотѣли быть однодворцами. Начались новыя хлопоты о возвращеніи въ казачество. Въ это время заселялись Черноморія и Старая Линія. Слухи объ обиліи земель и привольѣ въ этихъ мѣстахъ дошли и до екатеринославцевъ, и они твердо порѣшили переселиться на Кавказъ въ казаки. Во главѣ движенія сталъ казакъ Козьма Рудовъ. По довѣренности отъ общества, сначала онъ обратился въ Сенатъ съ прошеніемъ объ обращеніи екатеринославцевъ въ казаки, но Сенатъ не рѣшился удовлетворить эту просьбу беза Высочайшаго соизволенія. Тогда въ августѣ 1800 г. Рудовъ подалъ прошеніе на Высочайшее имя. Опираясь на то, что екатеринославцы несли, во время турецкой войны, „службу на собственномъ иждивеніи", и что, при обращеніи ихъ въ однодворцевъ имъ дали мало земли, онъ просилъ переселить екатеринославцевъ, въ количествѣ 3300 душъ муж. пола, „на Кавказскую линію казаками". Екатеринославцы, говорилось въ прошеніи, привыкли къ военной службѣ и не пожелали записаться ни въ купечество. ни въ мѣщанство. Сенату поручено было удовлетворить просьбу екатеринославцевъ, по выясненіи обстоятельствъ дѣла.

Съ этою цѣлью сенатъ предварительно собралъ свѣдѣнія о просителяхъ через Слободского-Украинскаго губернатора и объ условіяхъ поселенія казаковъ на Кавказѣ черезъ губернатора Астраханскаго. Первый отвѣтилъ условно, что переселить ихъ можно столько, сколько окажется въ излишкѣ, за надѣленіемъ всѣхъ однодворцевъ 15-ти десятиннымъ надѣломъ. Второй, астраханскій губернаторъ Повалишинъ, донесъ о запросѣ сената астраханскому военному губернатору и инспектору Кавказской дивизіи г.-л. Кноррингу. Генералъ Кноррингъ воспользовался удобнымъ случаемъ. Давши краткій очеркъ объ условіяхъ заселенія Кавказа отъ Кизляра до Усть-Лабы казаками Кизлярскаго, Терскаго и Гребенскаго войскъ и Моздокскаго, Волгскаго, Хоперскаго и Кубанскаго полковъ, располагавшихъ 248 старшинами и 4246 казаками служилаго состава, онъ призналъ, что отъ перелесенія на Кавказъ казаковъ бывшаго Екатеринославскаго войса „важныя произойдутъ пользы для границы". Самымъ расположеніемъ новыхъ станицъ по Кубани, между Кавказской и Усть-Лабинской крѣпостями, можно было уже загородить черкесамъ проходъ въ русскія владѣнія на протяженіи 90 верстъ. Затѣмъ новоселы могли образовать цѣлый казачій полкъ пятисотеннаго состава и часть полка могла быть назначена въ другія мѣста для защиты границы. Мнѣніе генерала Кнорринга имѣло рѣшающее значеніе для екатеринославскихъ казаковъ.

Послѣ того какъ сенатъ собралъ всѣ справки о переселенцахъ и докладъ его по этому предмету представленъ былъ Государю, 16 октября 1801 года Александръ 1-й утвердилъ мнѣніе сената, и вопросъ о переселеніи бывшихъ казаковъ Екатеринославскаго войска на Старую Линію былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Желающихъ переселиться на Кавказскую кордонную линію изъ пяти селъ Изюмскаго уѣзда—Сухаревки, Терской, Ямполовки, Краснянской и Дериловой, записалось 770 душъ муж. пола, и изъ шести селъ уѣзда Старобѣльскаго—Новоайдарскаго, Спѣваковки, Бахмутовки, Райгородской, Староайдарской и Трехъизбенской—2530 д., а всего 3300 д. м. пола. Но когда Старобѣльскій нижній земскій судъ „сочинилъ" свои списки переселенцевъ, то въ нихъ попали однодворцы изъ другихъ селеній и даже изъ другого Зміевскаго уѣзда. Такихъ добавочныхъ селеній оказалось 7 по Зміевскому уѣзду и 4 по уѣзду Изюмскому, съ 479 душами м. п. въ обоихъ. Права на переселеніе Слободско-украинскимъ губернскимъ правленіемъ были признаны лишь за 3300 д. м, п., изъ числа ихъ приказано было выбрать надежныхъ довѣренныхъ лицъ для осмотра мѣстъ поселенія на Старой Линіи.

Довѣренными были есаулъ Гречишкинъ и сотникъ Фарафоновъ „со многими стариками". Ими осмотрѣны были какъ весь, подлежавшій заселенію, районъ, такъ и мѣста, предназначенныя подъ станицы. Станицы должны были находиться на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга и непремѣнно близъ существовавшихъ уже укрѣпленій. Екатеринославцамъ указаны были 4 редута: Ладожскій, Тифлискій, Казанскій и Темишбекскій, при которыхъ предполагалось расположить станицы. Довѣренные съ своей стороны нашли мѣста эти подходящими для этой цѣли. Оставалось только переселить населеніе бывшаго Екатеринославскаго войска, находившееся еще на старомъ мѣстожительствѣ. Осмотръ мѣстъ новоселами производился въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, а въ сентябрѣ и октябрѣ 1802 г., какъ донесъ объ этомъ въ Тифлисъ генералъ Кноррингъ, на Кавказскую линію прибыли бывшіе екатеринославскіе казаки и основали при 4 редутахъ 4 станицы, безъ всякой помощи казны, на собственныя средства.

Но выборъ мѣстъ подъ станцы не обошелся безъ затрудненій. Г.-м. Шеншинъ въ рапортѣ 13 августа изъ Устьлабы сообщилъ Кноррингу, что мѣсто подъ станицу Тифлисскую, разрѣшенное имъ для заселенія, согласно желанію переселенцевъ, внизу у берега Кубани, онъ считалъ неудобнымъ и полагалъ бы расположить станицу выше и ближе къ редуту, подъ защиту его. То же писалъ Кноррингу о расположеніи станицы Темишбекской полковникъ Діяковъ. Мѣсто, первоначально избранное для этой станицы, онъ нашелъ низкимъ, сырымъ и нездоровымъ. Въ низинахъ и впадинахъ, при дождѣ и грязи, могли образоваться топи и лужи, грозившія людямъ „тяжкими болѣзнями". Къ тому же мѣстоположеніе это неудобно было и съ точки зрѣнія охраны его отъ горцевъ, какъ удаленное отъ укрѣпленій и требовавшее особого охраннаго отряда. Сообразно съ такими указаніями Шеншина и Діякова и было измѣнено расположеніе станицъ Тифлиской и Темишбекской.

Екатеринославскіе казаки переселились въ количествѣ 3277 д. м. п. и были распредѣлены по станицамъ слѣдующимъ образомъ:

въ станицѣ Ладожской осѣло 232 семьи, въ Тифлисской 181, въ Казанской 223 и въ Темишбекской 226 семей. Годныхъ къ службѣ оказалось 1106 человѣкъ, престарѣлыхъ 586 и малолѣтнихъ 1505. Четыре сотни полка были распредѣлены каждая въ особой станицѣ, а пятая сотня въ станицахъ Казанской и Темишбекской. При организаціи изъ нихъ Кавказскаго полка, въ составъ администраціи его вошли 4 лица изъ старшинъ бывшаго Екатеринославскаго войска, 4 изъ Хоперскаго полка и 1 изъ Волгскаго. Военная коллегія предписала генералу Шеншину выбрать изъ трехъ кандидатовъ одного войскового старшину и другихъ недостающихъ въ полку чиновъ. Старинные казачьи порядки, хотя и въ измѣненномъ уже видѣ, были примѣнены къ новому казачьему полку. Инспекторъ Кавказской кавалеріи г.-л. Шепелевъ рапортомъ 12 августа донесъ командующему войсками въ Грузіи князю Циціанову, что, согласно указу государственной военной коллегіи отъ 11 іюня 1803 года объ образованіи Кавказскаго, по образцу Кубанскаго, полка, онъ поручилъ г.-м. Шеншину произвести, въ его присутствіи, выборы офицеровъ. Казачій обычай выбора офицеровъ былъ осуществленъ подъ надзоромъ генерала.

Въ октябрѣ генералъ Шепелевъ сообщилъ кн. Циціанову, что съ 14 октября 1803 года Кавказскій полкъ „принялъ свое существованіе“ т. е. были произведены выборы офицеровъ, и исправлявшій должность полковаго командира есаулъ Гречишкинъ, снабженъ „общими правилами“ по кордонной линіи.

Того же 14 октября особымъ предписаніемъ по Кавказскому полку генералъ Шепелевъ установилъ временные порядки во вновь возникшей военной части.

До утвержденія полковымъ старшиною выбраннаго на эту должность, соединенную съ командованіемъ полкомъ, есаула Гречишкина, на него были возложены обязанности полкового командира.

При пятисотенномъ составѣ полка въ каждую сотню были назначены одинъ сотникъ, два квартирмейстера и два хорунжихъ.

Каждый казакъ обязанъ былъ имѣть одну верховую и одну вьючную лошадь, ружье, пику, пистолетъ и шашку или саблю. Изъ пятисотеннаго состава полка не имѣли вьючныхъ лошадей 450 казаковъ, а 50 казаковъ, кромѣ того, и оружія. Всѣмъ имъ вмѣнено было въ обязанность обзавестись лошадьми и оружіемъ.

Порохомъ и свинцомъ казаки снабжались изъ арсенала въ гор. Георгіевскѣ, куда и посланы были пріемщики для полученія зарядовъ.

Штабъ-квартира назначена была въ ст. Тифлисской.

Нормы для мелкихъ передвижныхъ частей полка были установлены для резерва въ станицѣ и на разъѣзды 40 казаковъ и для конвоированія 20 казаковъ.

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ бывшіе екатеринославскіе казаки успѣли прочно осѣсть и оборудовать, какъ слѣдуетъ, жили-

ща и хозяйственную обстановку, они уже были вооружены для борьбы съ своими сосѣдями—черкесами.

Наконецъ, 14 октября 1803 года генералъ Шепелевъ донесъ въ государственную военную коллегію о сформированіи полка и о результатахъ выбора офицеровъ. Считая есаула Гречишкина достойнымъ быть войсковымъ старшиною по тому глубокому уваженію, какимъ онъ пользовался въ средѣ казаковъ, Шепелевъ тѣмъ не менѣе находилъ невозможнымъ назначить его полковымъ командиромъ, такъ какъ онъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Точно также квартирмейстеръ Макѣевъ былъ вполнѣ достойный офицеръ, но ему нельзя было поручить квартирмейстерскихъ обязанностей, по незнанію грамоты. Поэтому, Шепелевъ назначилъ Макѣева сотникомъ, а квартирмейстеромъ, по одобренію всего полка, былъ избранъ рядовой казакъ Антонъ Леденевъ. Шепелевъ вообще жаловался на отсутствіе грамотныхъ людей въ средѣ казачьей старшины.

Очень характерныя указанія въ этомъ отношеніи даетъ оффиціальный документъ—„Списокъ Кавказскаго полка старшинамъ, пятидесятникамъ и казакамъ, удостоеннымъ по выбору общества къ производству въ чиновники“. Въ списокъ внесены избранные уже въ офицеры лица, бывшія въ дѣйствительности одинъ есауломъ, одинъ сотникомъ, два квартирмейстерами, три хорунжими, два пятидесятниками и семь казаками. При баллотировкѣ, изъ 5 кандидатовъ, избранныхъ есаулами, оказалось только двое грамотныхъ, избранныхъ въ сотники—четыре грамотныхъ и одинъ неграмотный и избранныхъ въ хорунжіе—три грамотныхъ и два неграмотныхъ, а всего, слѣдовательно, изъ 15 лицъ, избранныхъ въ офицеры, оказалось 9 грамотныхъ и 6 неграмотныхъ. Замѣчательно, что изъ 10 нижнихъ чиновъ, избранныхъ въ офицеры, только трое было неграмотныхъ и семь грамотныхъ, а изъ пяти лицъ, уже бывшихъ офицерами, только два грамотныхъ и три неграмотныхъ. Другими словами, рядовое казачество въ лицѣ своихъ избранниковъ дало только 30% неграмотныхъ, а офицеры 60%, вдвое болѣе, чѣмъ нижніе чины. Самъ будущій командиръ полка былъ тоже неграмотный.

Указомъ 25 января 1804 года военная коллегія утвердила штатъ Кавказскаго казачьяго полка въ 500 нижнихъ чиновъ, при 1 полковомъ командирѣ, 5 есаулахъ, 5 сотникахъ, 5 хорунжихъ, 1 квартирмейстерѣ и 1 писарѣ. Избранный въ полковые командиры Гречишкинъ, какъ неграмотный, былъ назначенъ есауломъ, а полковымъ командиромъ былъ утвержденъ, согласно представленію генерала Шепелева, войсковой старшина Волгскаго полка Усковъ. Въ такомъ видѣ Кавказскій полкъ представлялъ точную копію Кубанскаго казачьяго полка, существовавшаго съ 1794 г. Денежное жалованье, провіантъ и фуражъ кавказцы получали въ томъ же размѣрѣ, какъ и кубанцы.

Между тѣмъ, однодворцы Зміевскаго и Изюмскаго уѣздовъ, въ количествѣ 479 душъ, исключенные изъ списковъ переселенцевъ,

образовавшихъ Кавказскій полкъ, не успокоились и продолжали въ свою очередь хлопотать о переселеніи на Кавказскую линію въ казаки. Получивши на это разрѣшеніе, они, по примѣру своихъ предшественниковъ, послали также довѣренныхъ лицъ на Кубань для выбора мѣста подъ станицу. Харьковскій губернаторъ 30 іюля 1803 года сообщилъ кн. Циціанову, что, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, однодворцы Зміевскаго и Изюмскаго уѣздовъ, изъявившіе желаніе переселиться на Кавказъ въ числѣ 479 д. м. п., послали выборныхъ для осмотра мѣстъ. Выборные эти выбрали особое мѣсто для расположенія станицы близъ рѣки Кубани и Лихачева Кута. Здѣсь, въ 1804 году, была основана пятая станица, вошедшая въ составъ Кавказскаго полка—Воронежская. Для перехода на Кубань записалось 311 однодворцевъ Зміевскаго уѣзда изъ селеній Шебилинки, Лозовенки, Верхняго и Нижняго Бишкина, Охогей, Верхней Береки и Алексѣевской и 168 душъ Изюмскаго уѣзда изъ селеній Веревкиной, Протопоповки, Волобуевки и Чепелинки. Въ дѣйствительности же на мѣсто переселенія въ маѣ 1804 года пришло только 378 д. м. пола, которыя вмѣстѣ съ ранѣе пришедшими на Кубань 3277 душами составили 3655 д. муж. п. Воронежцы составили пятую сотню Кавказскаго полка.

Но это увеличеніе Кавказскаго полка навело военную коллегію на мысль объ образованіи не одного, а двухъ пятисотенныхъ полковъ изъ казаковъ бывшаго Екатеринославскаго войска. Мнѣніе коллегіи по этому вопросу было сообщено 13 октября 1804 года кн. Циціанову. Послѣдній въ свою очередь предложилъ высказаться по этому вопросу инспектору кавалеріи по Кавказской инспекціи г.-л. Глазенапу, какъ близко стоявшему къ переселенцамъ лицу. Глазенапъ, при наличности даже 3655 д. м. п. въ Кавказскомъ полку, не нашелъ все таки возможнымъ учредить два казачьихъ полка по чисто экономическимъ соображеніямъ. Переселенцы въ это время еще не устроились и не обзавелись, какъ слѣдуетъ, хозяйствомъ, терпя крайнюю нужду во всемъ на новыхъ и къ тому же неспокойныхъ мѣстахъ. Практичнѣе было бы, по мнѣнію Глазенапа, причислить къ Кавказскому полку станицу Устьлабинскую, какъ входившую въ него территоріально, а въ замѣнъ ея включить въ Кубанскій полкъ станицу Темишбекскую, связанную также территоріально съ этимъ полкомъ. Тогда образовалось бы два обособленныхъ полка и по каждому полку можно было бы увеличить строевой пятисотенный составъ еще на 150 казаковъ.

Въ сущности и съ пополненіемъ Кавказскаго полка станицей Воронежской, полкъ нуждался еще въ переселенцахъ. Мужское населеніе не увеличивалось. Приростъ былъ слабъ, убыль значительна, пополненія новыми силами со стороны также были рѣдки. Только въ 1807 году генералъ Булгаковъ 27 апрѣля сообщилъ графу Гудовичу, что отставной есаулъ Черноморскаго войска Перекрестъ, происходившій, какъ показываетъ его произвище, вѣроятно изъ та-

таръ или горцевъ, и 20 абазинцевъ горскаго владѣльца Атажука Клычева просили зачислить ихъ въ Кубанскій полкъ. На запросъ Булгаковымъ казаковъ: согласны ли принять просителей въ свою среду, казаки рѣшительно отказались отъ пріема есаула Перекреста, какъ уволеннаго со службы въ Черноморскомъ войскѣ за свой „неспокойный характеръ". Что же касается „абазинскихъ черкесовъ", то присоединеніе ихъ къ полку кубанцы считали полезнымъ и желательнымъ. Но это былъ рѣдкій исключительный случай.

Между тѣмъ, размѣщеніе станицъ Кубанскаго и Кавказскаго полковъ въ перемежку представляло большія неудобства какъ въ административномъ, такъ и въ хозяйственно-земельномъ отношеніяхъ. Но предположенію генерала Глазенапа о перечисленіи по полкамъ двухъ станицъ не суждено было скоро осуществиться, и неудобства эти продолжали существовать 16 лѣтъ. Только въ 1819 году перечислены были станица Устьлабинская въ Кавказскій полкъ, а станица Темишбекская въ Кубанскій. Благодаря этому, оба полка были обособлены одинъ отъ другого территоріально и могли иначе, съ большими удобствами, распредѣлить свои строевыя части по мѣстожительству. Кавказскій полкъ тянулся полосою отъ Устьлабы до Казанской станицы, а Кубанскій съ станицы Кавказской до Воровсколѣсской. Въ послѣднемъ въ 1819 году числилось два штабъ-офицера, 21 оберъ-офицеръ и 800 казаковъ. Въ теченіе 16 лѣтъ полкъ, конечно, долженъ былъ увеличиться.

Съ водвореніемъ 11 станицъ Кавказскаго и Кубанскаго полковъ замѣтно измѣнились условія защиты пограничной линіи войсками. Каждая станица уже сама по себѣ представляла внушительную военную силу, а станицы съ укрѣпленіями тѣмъ болѣе. Нѣкоторыя старыя укрѣпленія очутились внѣ кордонной линіи и утратили свое прежнее значеніе. Въ 1809 году генералъ Булгаковъ донесъ командующему войсками на Кавказѣ генералу Тормасову, что построенная на высокой, крутой и малодоступной горѣ крѣпость Темнолѣсская, послѣ того какъ впереди ея была установлена новая кордонная линія, была не нужна и ни для какихъ военныхъ цѣлей не пригодна. Отъ поселеній она находилась вдали. Самое близкое къ ней селеніе Темнолѣсское лежало въ 10 верстахъ. Держать въ такой крѣпости войска, провіантъ и всякіе запасы было неудобно. Оставалось одно—совершенно упразднить эту крѣпость.

Такимъ образомъ, въ короткое время казачьи станицы какъ опорные въ военномъ отношеніи пункты по кордонной линіи, пріобрѣли на столько важное значеніе, что даже прежнія укрѣпленія оказались излишними. Но основная сила станицъ или вѣрнѣе ихъ населенія крылась въ экономическихъ условіяхъ, въ хозяйственномъ бытѣ казаковъ и связанныхъ съ нимъ земельныхъ порядкахъ. Хотя казаку сразу при заселеніи края, пришлось, что называется „стать на военную ногу", но было гдѣ и чѣмъ жить; его окружалъ земельный просторъ—условіе, при которомъ онъ могъ практиковать

исконные порядки вольнаго пользованія землей. Послѣднее обстоятельство представляло своего рода идеалъ для земледѣльца тѣхъ временъ, и не даромъ даже крестьяне уходили въ казаки.

На Старой Линіи сложились первоначально порядки полкового, а не войскового землевладѣнія и землепользованія, какъ это велось въ обособленныхъ казачьихъ войскахъ—Донскомъ, Уральскомъ, Черноморскомъ и др. И это понятно. Старолинейцы составляли не казачье войско, а только полки. Полками поселились кубанцы и кавказцы, полками они и пользовались землей, каждый особо. Каждый полкъ имѣлъ свою территорію, и въ видахъ большихъ удобствъ въ земельномъ отношеніи, было произведено даже перечисленіе станицъ Усть-Лабинской и Темишбекской изъ одного полка въ другой. При этомъ условіи терялась черезполосность владѣнія и каждый полкъ располагалъ своими землями въ одной смежности.

Въ архивныхъ матеріалахъ не сохранилось подробныхъ свѣдѣній о томъ, какъ, когда и въ какихъ количествахъ нарѣзывались земли для Кубанскаго и Кавказскаго полковъ, но есть указаніе на это. Ставропольскій уѣздный землемѣръ Пичуговъ доносилъ въ 1802 году генералу Кноррингу, что, по просьбѣ казаковъ, ввиду наступленія полевыхъ работъ, онъ отложилъ на время „отмежеваніе земель“ для Кубанскаго полка и, вѣроятно, для вновь прибывшихъ казаковъ Кавказскаго полка. Работы начаты были съ Усть-Лабинской станицы, но еще въ 1826 г. не были закончены. Дебу въ своей „Исторіи Кавказской линіи“, обнимавшей періодъ съ 1816 по 1826 годъ, говоритъ, что „казаки Кавказскаго полка, во избѣжаніе разныхъ неудобностей, и для лучшаго хозяйственнаго распоряженія, пользуются по повелѣнію начальства, съ самого ихъ водворенія, отведеннымъ для нихъ немалымъ пространствомъ земли, занимающей отъ 20 до 40 верстъ отъ рѣки Кубани“. Земли могли нарѣзаться, понятно, только на сѣверъ отъ Кубани, а станицы находились на южной окраинѣ своихъ юртовъ. Каждый полкъ владѣлъ, такимъ образомъ, длинною и широкою полосою земель, тянувшихся вдоль Кубани. По свѣдѣніямъ Дебу, основаннымъ, какъ онъ выразился „на объявленіи казаковъ и невѣрнымъ“, такъ какъ „общее размежеваніе“ было только начато еще,—въ Кубанскомъ полку приблизительно считалось удобной и неудобной земли 163.258 дес., а Кавказскомъ 244.739 дес. Такъ какъ это количество земли распредѣлено было особо по каждой станицѣ, то, очевидно, земли были приблизительно исчислены по фактическому землепользованію казаковъ и составляли лишь часть пустующихъ смежныхъ пространствъ.

Въ свою очередь каждая станица въ полку имѣла свой юртъ или общино-земельную территорію. При вольномъ пользованіи землей, границы юрта устанавливались казаками фактически, по живымъ урочищамъ, какъ это водилось въ старину. Юртъ прилегалъ къ станицѣ и тѣ предѣлы земель, до которыхъ казаки сѣяли хлѣбъ

или водили скотъ, была границами юрта. На дальность этихъ растояній отъ станицы вліяли троякаго рода обстоятельства: 1) опасности, соединенныя съ набѣгами и грабежами черкесовъ, 2) естественныя удобства мѣстности и 3) близость или отдаленность сосѣднихъ станицъ. Юртъ несомнѣнно округлялся въ зависимости отъ этихъ трехъ условій. Но земельный просторъ, при слабой населенности края, былъ на столько великъ, что недостатка въ землѣ тогда не ощущалось еще. Только по границѣ съ однодворческими селеніями возникали споры изъ за принадлежности земли тѣмъ или другимъ владѣльцамъ. Такой споръ возникъ въ 1801 году между казаками станицы Темнолѣсской и однодворцами Надеждинскаго и Николаевскаго селеній. Казаки жаловались 1 апрѣля 1801 г. въ Ставропольскій нижній земскій судъ, что однодворцы названныхъ селеній перешли границу и запахали казачьи земли. Ставропольскій уѣздный судъ постановленіемъ 19 марта 1802 г. предписалъ нижнему земскому суду воспретить однодворцамъ запахивать казачьи земли. Но въ этомъ именно и сказалось вліяніе понятія о полковомъ казачьемъ землевладѣніи.

Въ одномъ отношеніи казаки пошли далѣе и къ пользованію рыболовными водами примѣнили порядки войскового владѣнія. Когда состоялось перечисленіе станицъ Усть-Лабинской и Темишбекской въ соотвѣтствующіе полки, командиры полковъ Кубанскаго подполковникъ Потаповъ и Кавказскаго маіоръ Дыдымовъ постановили, съ согласія казачества, чтобы рыболовныя мѣста по Кубани отъ Изряднаго Источника и до станицы Казанской были общими для обоихъ полковъ и чтобы, при занятіяхъ рыболовствомъ на Кубани, казаки однихъ станицъ не дѣлали никакихъ препятствій казакамъ другихъ. На этомъ протяженіи Кубани водились въ изобиліи цѣнныя породы рыбы—осетръ, севрюга, шамая, рыбецъ, карпъ и пр. Чтобы не лишить выгодъ рыболовства по Кубани, всего населенія, и былъ установленъ порядокъ общаго пользованія рыболовными водами для казаковъ обѣихъ полковъ, какъ донесли по начальству полковые командиры.

Запашки казаки производили длинными нивами и первоначально пользовались землями на правахъ первой заимки. Кто гдѣ хотѣлъ и сколько хотѣлъ, тѣмъ и пользовался. Но, съ первыхъ же шаговъ водворенія казаковъ на кордонной линіи, военное начальство заботилось о томъ, чтобы какъ пашни, такъ и сѣнокосы у казаковъ были повозможности смежные, въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ или въ клину. Того требовали чисто военныя условія казачьей жизни. При скученности работавшаго въ полѣ населенія, легче было давать отпоръ черкесамъ, вторгавшимся на казачьи земли. Да и самыя работы производились, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, подъ прикрытіемъ военной силы, а приставлять охрану ко всякому казаку или къ каждой небольшой группѣ ихъ въ отдѣльности было не возможно.

Разные виды скота выпасывались на подножномъ корму въ общественныхъ стадахъ. Это вытекало уже изъ условій общежитія

и выгодъ по совмѣстной охранѣ животныхъ. При алчныхъ стремленіяхъ горцевъ къ поживѣ казачьимъ скотомъ, этотъ порядокъ землепользованія имѣлъ свои невыгоды. Разъ черкесы удачно нападали на общественныя стада, они угоняли весь скотъ за Кубань и обездоливали, такимъ образомъ, поголовно всю станицу. Чтобы лучше охранить скотъ отъ хищеній воинственныхъ сосѣдей, казаки увеличивали количество пастуховъ, выгоняли въ поле и пригоняли домой стада утромъ и вечеромъ только въ опредѣленные часы, а часто, сверхъ-того, ставили и скотъ подъ военную охрану. Оберегать скотъ приходилось не столько отъ звѣрей, сколько отъ полудикихъ сосѣдей—закубанцевъ.

Свободныхъ поступающихъ пространствъ было много, и это способствовало, конечно, развитію хуторскихъ формъ хозяйства. Казаки были склонны къ тому. Но хуторское хозяйство подвергалось еще большему риску, чѣмъ станичное. Здѣсь ужъ пронырливые черкесы могли живиться казачьимъ добромъ часто совершенно свободно и безнаказанно. Тѣмъ не менѣе обстоятельство это не останавливало казаковъ въ устройствѣ хуторовъ, Такъ, г.-м. Шеншинъ сдѣлалъ инспектору Кавказской кавалеріи г.-л. Шепелеву, а послѣдній главнокомандующему князю Циціанову представленіе о томъ, что новодонскіе или екатеринославскіе казаки станицы Ладожской просили въ 1803 году завести хутора на р. Бейсугѣ и на Бузиновой балкѣ. Циціановъ разрѣшилъ устройство хуторовъ, но при непремѣнномъ условіи, чтобы мѣста подъ хутора предварительно были осмотрѣны и признаны по мѣстоположенію безопасными. По словамъ А. Ламанова, казакамъ Кубанскаго полка „предписано было завести хутора и устроить мукомольныя мельницы“. Къ хуторамъ высылались постоянное прикрытіе и казачьи разъѣзды, а хуторъ Лосевъ, существующій въ настоящее время съ самостоятельнымъ управленіемъ, былъ устроенъ однимъ изъ первыхъ. По свидѣтельству Дебу, казаки Кавказскаго полка имѣли свои хутора и мельницы по болотистымъ запольнымъ рѣчкамъ. Вообще же хуторское хозяйство было слабѣе развито у старолинейцевъ, чѣмъ у черноморцевъ. На это, помимо военныхъ условій, несомнѣнно вліяли и національныя особенности населенія—большая склонность къ хуторскому хозяйству малороссовъ сравнительно съ великоросами, а на Старой Линіи преобладающій элементъ составляли эти послѣдніе.

Въ числѣ другихъ угодій старолинейцы имѣли въ своемъ распоряженіи достаточное количество лѣса. Въ Кавказскомъ полку, по словамъ Дебу, въ лѣсѣ не было недостатка, а въ Кубанскомъ лѣса было „достаточно, даже изобильно“, если бы лѣсъ „былъ предоставленъ въ пользу полка“. Лѣсъ хищнически истреблялся казаками. Въ августѣ 1802 г. подполковникъ Діяковъ донесъ генералу Кноррингу, что, по сообщенію постовыхъ начальниковъ, лѣсу строеваго на правой сторонѣ Кубани было „весьма мало“. Его истребили переселенцы ближайшихъ крестьянскихъ селеній, частью увез-

шіе уже лѣсъ въ селенія, а частью оставившіе громадные запасы нарѣзанныхъ бревенъ на мѣстѣ. Они продолжали также выѣзжать большими партіями для рубки и вывозки строевыхъ матеріаловъ. Въ виду такого нехозяйственнаго пользованія лѣсами, подполковникъ Діяковъ воспретилъ вывозку лѣса за исключеніемъ одного валежника.

Въ такихъ то условіяхъ вело свое хозяйство казачье населеніе Кубанскаго и Кавказскаго полковъ. Здѣсь, какъ въ Черноморіи, не было ни морскихъ, ни лиманныхъ рыболовныхъ угодій, ни соляныхъ озеръ и промысловъ, ни даже винной монополіи. Казакъ долженъ былъ довольствоваться почти исключительно тѣмъ, что давала ему и его скоту земля.

И несмотря на это, старолинейные казаки въ хозяйственномъ отношеніи стояли въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ черноморцы. Причины этого крылись въ самой системѣ заселенія Кубанской линіи. Черноморцы занявши куренями всю свою обширную территорію, посылали казаковъ на кордонную линію, отрывая рабочія руки отъ хозяйства и семьи. Дома на долго оставались совершенно безпомощные члены семьи. Старолинейцы жили въ станицахъ на самой кордонной линіи, покидая хозяйство и семьи только въ дни тревоги, походовъ и очередныхъ нарядовъ по службѣ. Конечно, и это было, довольно серьезное неудобство, но не въ такой мѣрѣ, какъ у черноморцевъ. Важно было, чтобы за хозяйствомъ наблюдалъ хозяйскій глазъ.

Изъ общественныхъ бѣдствій наибольшимъ зломъ для казачества Старой Линіи были эпизоотіи скота. Скотъ часто болѣлъ и падалъ. Особенно опустошительно дѣйствовала чума. Въ 1808 году чума на рогатомъ скотѣ появилась въ Усть-Лабинской станицѣ. Потребовалось изолировать станицу и запретить въѣздъ въ нее на быкахъ. Чума была локализована и не распространялась дальше. Еще большее зло представляла чума на людяхъ. Ее переносили на правый берегъ Кубани черкесы и русскіе войска, совершавшія экспедиціи за Кубань. Особенно сильная чума свирѣпствовала на Старой Линіи въ 1812 году. Началась она въ селеніяхъ нынѣшняго Георгіевскаго уѣзда и отсюда перешла на Старую Линію. Обычные пріемы борьбы съ чумой—карантины, сжиганіе вещей, окуриваніе ихъ и т. п., не столько задерживали чуму, сколько ложились тяжелымъ гнетомъ на населеніе. Въ 1813 году нарядами въ карантины изъ одного только Кавказскаго полка было занято 235 казаковъ, при 12 пятидесятникахъ и 5 офицерахъ. Эпидеміи и эпизоотіи были конечно временными бѣдствіями, но тяжело ложились на экономическій бытъ казака.

Тѣмъ не менѣе казаки Кубанскаго и Кавказскаго полковъ, устроившись на стражѣ по границѣ Старой Линіи, съумѣли болѣе или менѣе удачно разрѣшить сложную задачу веденія казачьяго хозяйства на ряду съ казачьими обязанностями по охранѣ границъ

отъ черкесовъ. Бывали дни тяжелой годины, терпѣли казаки отъ общественныхъ бѣдствій, но это не останавливало поступательнаго роста экономической жизни. Современники рисуютъ старолинейнаго казака болѣе обезпеченнымъ матеріально, чѣмъ черноморца. По словамъ Дебу, у населенія Кубанскаго полка хлѣбопашество составляло главную статью дохода. Кубанцы снабжали хлѣбомъ Черноморію, а ободьями почти всѣ окружныя селенія и Черноморское войско. О казакахъ Кавказскаго полка тотъ же Дебу отзывается, что „трудолюбіе и радѣніе къ домоводству“ выгодно выдѣляло ихъ изъ всѣхъ прочихъ казаковъ, что скотоводство у нихъ было „въ изобиліи“, а хлѣбопашество находилось „въ цвѣтущемъ состояніи“ и что, пользуясь наравнѣ съ казаками Кубанскаго полка выгодами отъ этого промысла, они имѣли подъ рукой еще и отличныя рыболовныя мѣста по Кубани. У кубанскихъ казаковъ были прекрасные сады по р. Егорлыку и мельницы, а также водился въ изобиліи скотъ, хотя для этого и не доставало запольныхъ рѣчекъ. Быть можетъ, генералъ Дебу придалъ слишкомъ яркую окраску положительнымъ сторонамъ экономическаго быта казака старо-линейца, но онъ былъ очевидцемъ того положенія, въ которомъ находились Кубанскій и Кавказскій полки въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, и самъ служилъ на кордонной линіи. По собраннымъ самимъ же Дебу, статистическимъ свѣдѣніямъ, 1816 году въ Кубанскомъ полку числилось на 904 двора и 7756 д. обоего пола, 6206 лошадей, 24034 головъ рогатаго скота и 35994 овецъ, а въ Кавказскомъ полку на 984 двора и 7418 душъ обоего пола—3131 лошадь, 10209 головъ рогатаго скота и 9727 овецъ. Другими словами, на каждый дворъ въ Кубанскомъ полку приходилось около 7 лошадей, 27 головъ рогатаго скота и 40 овецъ, а въ полку Кавказскомъ только по три лошади, по 10 головъ рогатаго скота и по 10 овецъ. Слѣдовательно, у казаковъ Кубанскаго полка, какъ раньше занявшихъ край, было въ два слишкомъ раза больше скота, чѣмъ у казаковъ Кавказскаго полка. Но и эти послѣдніе не могли также пожаловаться на особую бѣдность, тѣмъ болѣе, что у нихъ, какъ у населенія съ преобладаніемъ малорусскаго элемента, и семья была меньше, чѣмъ у кубанцевъ, да и жили они обезпеченнѣе черноморцевъ.

Было одно преимущество у старолинейцевъ сравнительно съ черноморцами и крестьянами, заселившими Старую Линію. Они несли натуральныя повинности не въ такихъ значительныхъ размѣрахъ, какъ черноморцы и крестьяне. А натуральныя повинности были тяжелы въ то время, особенно подводная и постойная. Объ этомъ можно отчасти судить по даннымъ о нѣкоторыхъ повинностяхъ въ двухъ крестьянскихъ селеніяхъ Старой Линіи, обращенныхъ впослѣдствіи въ казачьи станицы. За трехлѣтіе, въ 1808, 1809 и 1810 годахъ, на подводы по почтовой дорогѣ, по обыкновенному тракту и въ отдаленныя мѣста, затѣмъ на мосты, на ночныхъ караульныхъ и на содержаніе писарей и старостъ по село-

нію Рождественскому израсходовано было 16313 руб. или 5438 руб. въ среднемъ за годъ, и по Новотроицкому селенію 15886 руб. или 5295 руб. за годъ въ среднемъ. Такимъ образомъ, это падало приблизительно отъ 15 р. до 50 р. ассигнаціями на ревизскую душу и ложилось тяжелымъ бременемъ на хозяйство. А между тѣмъ, въ учетъ вошли далеко не всѣ натуральныя повинности. О постойной повинности и помину нѣтъ. О поставкѣ топлива войскамъ, о подводахъ подъ команды и т. п. также не упоминается. Всѣ эти повинности несли и казаки Кубанскаго и Кавказскаго полковъ, но въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ черноморцы и крестьяне.

Старолинейцы представляли собою настоящій боевой матеріалъ чисто кавказской пробы. Они жили постоянно войною и тревогами. Въ рядахъ ихъ не было въ строгомъ смыслѣ ни сословій, ни какихъ-либо учрежденій, за исключеніемъ штабъ-квартиры и станичныхъ правленій. Все населеніе представляло какъ бы однородную боевую массу. Кубанцы въ свое время, при переселеніи на Кавказскую линію, просили у начальства себя старшинъ съ Дона, а кавказцы взяли часть старшинъ изъ Хоперскаго и Волгскаго полковъ и часть выбрали изъ сѣрой толпы—изъ своихъ рядовыхъ казаковъ. У послѣднихъ не нашлось даже грамотнаго полкового командира. Не было также у нихъ ни школъ, ни своего выборнаго духовенства, а у казаковъ-старовѣровъ духовенство и духовныя потребности были спрятаны гдѣ-то далеко въ тайникахъ народной жизни. Чтенію учились казаки у начетчиковъ и въ станичныхъ правленіяхъ. Въ то время, по выраженію А. Ламанова, грамотныхъ въ станицѣ было всего нѣсколько человѣкъ и они были всѣмъ извѣстны.

Какъ носители казачьихъ идеаловъ и традицій, бывшіе донцы и екатеринославцы должны были имѣть, на первыхъ порахъ заселенія Старой Линіи, станичное самоуправленіе на выборномъ началѣ. Въ станицѣ Кавказской населеніе „управлялось выборнымъ начальникомъ и двумя судьями“. Былъ и станичный кругъ, рѣшавшій общественныя дѣла и постановлявшій приговоры по разнообразнымъ вопросамъ мѣстной жизни. Судъ рѣшалъ тяжебныя дѣла преимущественно на основаніи обычнаго права и писаннаго закона. Но выборные станичные атаманы скоро были замѣнены назначенными станичными начальниками. Тоже произошло и въ остальныхъ станицахъ Кубанскаго полка. Такимъ образомъ, очень рано въ самомъ корнѣ былъ подрѣзанъ принципъ станичнаго управленія на Старой Линіи. Судя по тому, что высшая военная администрація предоставила казакамъ бывшаго Екатеринославскаго войска право выбора въ полкъ даже офицеровъ, казалось бы, что и въ станицахъ Кавказскаго полка должно было существовать станичное самоуправленіе на выборномъ началѣ. По обычаю казаковъ станичный атаманъ и судьи были избираемы; несомнѣнно существовали также станичные сходы, круги или рады, вершившіе станичныя дѣла. И г.-м. Шеншинъ рапортомъ 14 октября 1802 года сообщилъ

генералу Кнеррингу, что во вновь устраивающихся станицахъ „не оказалось начальниковъ, почему, онъ впредь до распоряженія начальства и приказалъ переселенцамъ выбрать надежныхъ и честнаго поведенія казаковъ и вручить имъ управленіе станицами“. Слѣдовательно, и тутъ, хотя по приказанію, но примѣнено было выборное начало. Однако, какъ, только сформированъ былъ полкъ и появились сотники,—эти же сотники большею частію были назначены и начальниками станицъ. Съ тѣхъ поръ назначенные станичные начальники начали верховодить всѣми станичными дѣлами. Ни на какія другія учрежденія, и въ томъ числѣ на судебныя, нѣтъ указаній въ историческихъ матеріалахъ. Даже случаи чрезвычайной преступности сводились какъ бы къ домашнему улаживанію недоразумѣній. Въ 1808 г. казакъ станицы Кавказской Сустовъ былъ пойманъ у однодворца селенія Дмитріевскаго и представленъ по начальству, какъ дезертиръ; но Сустовъ объяснилъ, что онъ не думалъ быть въ бѣгахъ, а просто отправился въ Черноморію въ монастырь на богомолье и нѣсколько замѣшкался тамъ. На томъ и покончилось дѣло.

Фактически и управленіе и судъ какъ-то сами собою постепенно перешли въ руки военныхъ властей. Сотникъ, стоящій во главѣ казачьей сотни и охраны станицы, въ силу естественнаго хода вещей, сталъ высшимъ и главнымъ начальникомъ въ ней, а надъ сотникомъ стоялъ полковой командиръ. Послѣдній былъ богомъ и царемъ на кордонной линіи и въ станицахъ. Только начальникъ кордонной линіи или командующій войсками могли дать то или другое приказаніе полковнику, а полковникъ всетаки не обходился безъ сотника. Когда, поэтому, появлялись черкесы или былъ обнаруженъ случай грабежа, или по неосторожности попадался кто-либо въ плѣнъ къ горцамъ, или нарушались установленные полковыми правилами порядки охраны станицы. или не во время и безъ охраны выѣзжали и въѣзжали въ станицу станичники, и т. п., сотникъ являлся главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и распоряжался всѣми и всѣмъ властно и безконтрольно. Таковы ужъ были требованія военной дисциплины и условія военной жизни и обстановки. Необходимы были быстрота, распорядительность и неуклонное поддержаніе извѣстныхъ порядковъ. Все, подъ вліяніемъ исключительныхъ военныхъ обстоятельствъ и непрерывной борьбы съ черкесами, блѣднѣло и какъ-то стушевывалось передъ однимъ общимъ для всѣхъ призракомъ нашествія воинственныхъ горцевъ. Такъ мало по малу и сосредоточивалась фактически власть въ рукахъ тѣхъ, кто держалъ шашку, какъ начальникъ мѣстной боевой силы, призванной охранять границы, а съ ними и казачій очагъ.

Въ матеріалахъ кавказскихъ архивовъ не сохранилось подробныхъ свѣдѣній о тѣхъ семейныхъ драмахъ и матеріальныхъ лишеніяхъ, которыя выпали на долю старолинейныхъ казаковъ, въ началѣ первой четверти XIX столѣтія. Какъ на ближайшихъ сосѣдей,

сидѣвшихъ у самой Кубани, на казаковъ Кубанскаго и Кавказскаго полковъ, казалось-бы, должны были обрушиваться первые удары горцевъ, производившихъ набѣги на русскія владѣнія. Но нѣкоторые боевые эпизоды даютъ нѣсколько иную окраску происшествіямъ, имѣвшимъ мѣсто въ предѣлахъ Старой Линіи и примыкавшимъ къ ней мѣстностямъ. Черкесы большей частію перебирались черезъ кордонную линію и казачьи земли, чтобы грабить мирное населеніе за спинами казаковъ.

До 1809 года, когда было произведено первое массовое нападеніе горцевъ на Каменнобродку, они пробирались мелкими партіями въ русскія владѣнія и старались по возможности не имѣть дѣла съ казаками, какъ военнымъ населеніемъ. Особенно усиленно черкесы тревожили границу и русскія поселенія въ 1804 году. Въ іюлѣ этого года они пробрались на р. Калаусъ и пытались увлечь съ собою въ горы часть мирныхъ ногайцевъ и абазинцевъ за Кубань. Но казаки и драгуны, подъ командою полковника Давидова, настигли черкесскую партію близъ Барсукловъ, разбили ее и возвратили часть ногайцевъ назадъ.

Чтобы наказать ушедшихъ еще раньше съ кабардинцами ногайцевъ и увлекшихъ ихъ черкесовъ, генералъ Лихачевъ съ значительнымъ отрядомъ направился за Кубань. Отрядъ переправился черезъ Кубань у нынѣшней Красногорской станицы. Но здѣсь преградила ему дорогу сильная въ нѣсколько тысячъ всадниковъ, партія горцевъ. Казаки Кубанскаго, Хоперскаго и Волгскаго полковъ первыми вступили въ бой съ горцами. Горцы изрубили и изранили много казаковъ, въ томъ числѣ сотника Хоперскаго полка Гречкина и 10 хоперцевъ. Но когда къ мѣсту боя явилась артиллерія, отъ пушечныхъ выстрѣловъ и усиленной аттаки казаковъ и пѣхоты горцы смѣшались и ушли въ горы, а русскій отрядъ возвратился обратно на линію.

Съ цѣлью возвращенія изъ горъ ногайцевъ на прежнія мѣста въ началѣ декабря былъ сформированъ изъ казаковъ тѣхъ же трехъ полковъ и регулярныхъ войскъ съ артиллеріей новый отрядъ. Войска перешли Кубань у Невиннаго мыса и двинулись вверхъ по Зеленчукамъ, чтобы отрѣзать отъ горъ этимъ обходнымъ маневромъ ногайцевъ, находившихся въ нижнихъ частяхъ Зеленчука. На р. Урупѣ русскій отрядъ 6 декабря былъ встрѣченъ сильною партіею бесленеевцевъ, абазинцевъ и башилбаевъ. Послѣ быстрой и рѣшительной аттаки въ пики и шашки, хоперцы, кубанцы и волжцы оттѣснили горцевъ въ сторону нашей пѣхоты и артиллеріи. Сильный огонь изъ пушекъ и штыковая аттака опрокинули горцевъ и заставили ихъ отступить. Русскія войска шли по пятамъ горцевъ и нѣсколько разъ вступали въ бой. Горцы засѣли за каменнымъ заваломъ въ ущельи р. Малаго Зеленчука, но черезъ два дня завалъ былъ взятъ и горцы, съ большими потерями, ушли въ свои, аулы. Русскій отрядъ также возвратился на линію, не вернувши, однако, ногайцевъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ въ мелкихъ стычкахъ съ горцами.

Въ 1807 и 1808 гг. черкесы разгромили Сенгилѣевку и станицу Воровсколѣсскую. Отдѣльныя партіи ихъ появлялись даже у Ставрополя и Моздока. И всюду—на хуторахъ, по дорогамъ въ степяхъ, они оставляли слѣды своихъ разрушительныхъ набѣговъ—убивали людей, жгли сѣно и имущество, брали въ плѣнъ населеніе и угоняли скотъ.

Въ октябрѣ 1809 г. около 5000 бесленеевцевъ, темиргоевцевъ, наурузовцевъ, абадзеховъ, махошевцевъ, малой абазы, бжедуховъ, шапсуговъ, убыховъ, баракаевцевъ и хатукаевцевъ ночью 2 ноября переправились черезъ Кубань ниже Прочноокопской крѣпости и станицы и напали на селеніе Каменнобродское. Селеніе было захвачено ими въ расплохъ и разгромлено. Черкесы сожгли въ немъ 35 домовъ съ надворными постройками, перерѣзали въ церкви массу населенія, взяли въ плѣнъ до 200 душъ об. пола и угнали до 5000 головъ разнаго рода скота. Желая обмануть русскія войска, обратно горцы двинулись другимъ путемъ—не на Прочноокопъ, а ниже Григориполиской крѣпости на Терновый редутъ. Здѣсь они предполагали переправиться черезъ Кубань на свою сторону.

Но русскія войска были на сторожѣ. Какъ только обнаруженъ былъ набѣгъ горцевъ, защитниками границы немедленно были заняты тѣ мѣста, черезъ которыя должны были возвращаться черкесы. У Терноваго редута горцевъ ожидалъ уже отрядъ изъ четырехъ эскадроновъ Владимирскаго драгунскаго полка, одной роты Суздальскаго мушкатерскаго полка и 100 казаковъ, при двухъ орудіяхъ, подъ общею командою маіора Данилевскаго. Генералъ Булгаковъ съ тремя ротами егерей, тремя эскадронами драгунъ, 300 казаковъ и шестью орудіями двинулся въ томъ же направленіи, прошелъ въ теченіе ночи и части дня почти стоверстное разстояніе и поспѣлъ ко времени обратнаго движенія горцевъ. Къ самому бою подоспѣли также и нѣкоторыя мелкія казачьи команды съ ближайшихъ кордоновъ. Прежде, чѣмъ показались черкесы, двигавшіеся изъ Каменнобродки къ Кубани, всѣ эти военныя части соединились и приготовились къ бою по заранѣе намѣченному плану.

Противники сблизились и завязалось сраженіе. Подъ убійственнымъ дѣйствіемъ артиллерійскаго и ружейнаго огня, горцы не могли устоять, но лишь только они дрогнули, на нихъ налетѣла конница, а за нею двинулась пѣхота въ штыки. Этимъ дружнымъ натискомъ, подъ прикрытіемъ артиллеріи, была сломлена пятитысячная толпа горцевъ. Черкесы показали тылъ и бросились бѣжать вдоль Кубани. На протяженіи 14 верстъ преслѣдовали ихъ русскія войска. Во многихъ мѣстахъ горцы, ища спасенія, бросались верхомъ на лошадяхъ съ крутого берега Кубани и увѣчили себя и лошадей. Но большинство ихъ погибло отъ пушечной картечи и русской кавалеріи. Черкесы въ этомъ сраженіи потеряли до 500 убитыми и утонувшими и очень много ранеными. Однихъ только знат-

ныхъ черкесскихъ князей и дворянъ было убито до 55 человѣкъ. Русскія войска отбили почти весь скотъ, захваченный черкесами въ Каменнобродскомъ селеніи, и большинство плѣннаго населенія. Только нѣсколько лошадей и плѣнныхъ черкесы успѣли переправить черезъ Кубань въ первый моментъ боя и этимъ ограничились трофеи погубнаго для нихъ набѣга. Въ рядахъ русскихъ войскъ уронъ былъ не великъ—11 убитыхъ и 18 раненыхъ. Сильно былъ контуженъ въ грудь маіоръ Данилевскій. Но это были результаты лишь первый стычки, когда горцы вступили въ бой съ русскими, будучи увѣрены въ своемъ численномъ превосходствѣ. Когда же черкесы были смяты русскими и бѣжали въ паническомъ страхѣ, они не сражались уже и потому почти не нанесли никакого вреда преслѣдовавшимъ ихъ войскамъ.

Въ другой разъ Кавказскій полкъ участвовалъ въ 1809 г. въ дѣлѣ съ горцами на Большомъ Зеленчукѣ, гдѣ и отбилъ у черкесовъ 200 лошадей.

Чтобы наказать горцевъ за ихъ набѣгъ на Каменнобродское селеніе, генералъ Булгаковъ 21 января 1810 г. двинулся съ сильнымъ отрядомъ за Кубань. Отрядъ прошелъ по землямъ абадзеховъ, егерухаевцевъ и выдержалъ цѣлый рядъ сраженій, окончившихся пораженіемъ горцевъ, при рѣчкахъ Боксюкъ, Сараль, Бѣлой и Курджипсѣ. Казаки, особенно хоперцы, всюду дѣйствовали въ авангардѣ и первые наносили чувствительный уронъ горцамъ въ рукопашныхъ стычкахъ. Въ походѣ участвовали кубанцы и кавказцы.

Въ слѣдующіе 1811, 1812 и особенно 1813 годы продолжали прорываться мелкими партіями на Старую Линію и въ Ставропольскую губернію, нападали на хутора, караулы и разъѣзды, на работавшихъ въ полѣ жителей, воровали и угоняли скотъ и всюду сѣяли тревогу. Это заставило командующихъ войсками подумать объ усиленіи боевыхъ силъ по границѣ. Въ этихъ цѣляхъ были усилены полки Кубанскій, Кавказскій и Хоперскій отставными и неслужившими въ строю казаками съ такимъ расчетомъ, чтобы на каждыя 12 верстъ кордонной линіи приходилось по 20 конныхъ и 4 пѣшихъ казака. Въ 1813 году казачьи полки были доведены до восьмисотеннаго состава. Мѣра эта была вызвана особенно тревожнымъ настроеніемъ черкесскихъ племенъ. Въ горахъ появился турецкій агентъ Сеидъ-Ахметъ-Эфендій и мутилъ горцевъ, побуждая ихъ къ войнѣ съ русскими. Сеидъ съумѣлъ проникнуть даже въ предѣлы русскихъ владѣній и фанатизировать ногайцевъ, обитавшихъ въ верховьяхъ Калауса и Янкулей.

На помощь къ Сеиду-Ахмету двинулась сильная партія горцевъ. Въ 3 верстахъ выше Невинномысскаго укрѣпленія она переправилась въ 4 часа утра 6 сентября черезъ Кубань и двинулась къ р. Калаусу въ кочевья ногайцевъ. Здѣсь на р. Янкуль они собрали до 2000 ногайскихъ семействъ и двинулись съ ними, ихъ

скотомъ и имуществомъ за Кубань. Это было грандіозное шествіе соединенныхъ силъ горцевъ и ногайцевъ, противъ котораго были двинуты всѣ наличныя русскія силы, расположенныя по линіи.

Отрядъ подъ начальствомъ самого командующаго Кавказскою линіею г.-м. Портнягина бросился въ погоню за горцами и ногайцами. Казаки 8 сентября нагнали черкесскій арьергардъ, прикрывавшій переселявшихся ногайцевъ. Завязалось сраженіе главнымъ образомъ между казаками и частью черкесовъ, прекратившееся къ ночи. На другой день произошелъ серъезный бой, длившійся 6 часовъ и закончившійся пораженіемъ черкесовъ. Горцы удержали за собою переселявшихся ногайцевъ, но потеряли весь ногайскій скотъ. До милліона головъ разнаго рода скота, толпившагося на пространствѣ между рр. Янкуль и Кубанью, досталось въ добычу русскимъ. Скотъ частями забирали войска и захватывали мѣстные жители. Ревъ животныхъ, грохотъ орудій, учащенная трескотня ружей, крики и стоны оглашали огромное пространство, на протяженіи котораго отступали разбитые черкесы и насѣдали на нихъ русскія войска. При переправѣ черезъ Кубань у Невиннаго мыса снова возгорѣлась ожесточенная борьба между русскими войсками и черкесами, подкрѣпляемыми ногайцами. Сраженіе велось еще упорнѣе, чѣмъ раньше. Обѣ стороны напрягали всѣ усилія. Подъ разрушительнымъ дѣйствіемъ орудій и благодаря отчаянной храбрости казаковъ, горцы несли чувствительныя потери, но и на этотъ разъ они не позволили отнять у нихъ ногайцевъ. Защищаемые горцами ногайцы съ семьями, но безъ скота и съ жалкими остатками имущества укрылись по глухимъ ущельямъ въ верховьяхъ р.р. Урупа, Большаго и Малаго Зеленчуковъ. Тамъ обитали абазинцы.

Отстоявши ногайцевъ, горцы почувствовали свою силу. Въ горахъ быстро распространилась соблазнительная мысль о второмъ усиленномъ набѣгѣ черкесскихъ джигитовъ на русскія владѣнія. Горцы стали готовиться къ новому походу. Встревоженныя русскія войска и населеніе начали принимать мѣры осторожности и усиливать слабо охраняемые пункты. Чтобы предупредить новое нашествіе черкесскихъ полчищъ на Старую Линію, генералъ Портнягинъ рѣшилъ начать наступленіе. Сильный отрядъ подъ его командой 24 октября перешелъ Кубань и двинулся къ Лабѣ. Темиргоевцы и абадзехи встрѣтили русскій отрядъ на Лабѣ и Бѣлой и два раза были разбиты, понеся значительныя потери убитыми и ранеными. Послѣ этого отрядъ направился обратно на линію осторожно передвигаясь, чтобы во время открыть засады горцевъ. Но горцы предупредили русскихъ, окруживши ихъ огромнымъ полчищемъ въ 12 тысячъ человѣкъ. На этотъ разъ горцы повели аттаку противъ русскихъ. Цѣлый день длилось упорное и кровопролитное сраженіе. Горцы употребляли невѣроятныя усилія, чтобы, пользуясь подавляющимъ количествомъ силъ, разбить русскій отрядъ; но разрушительное дѣйствіе артиллеріи, солдатскихъ штыковъ и казачихъ ша-

шекъ, не позволяло имъ овладѣть сраженіемъ. Всадники и лошади десятками падали отъ пушечной картечи и ружейныхъ выстрѣловъ, а тѣ изъ джигитовъ, которые имѣли мужество подлетѣть на лихихъ скакунахъ къ казакамъ и солдатамъ, натыкались на шашки и штыки. Сконцентрированный въ одно крѣпкое цѣлое, отрядъ по выбору разстрѣливалъ, рубилъ или кололъ разрозненныя части огромной толпы. Горцы понесли невѣроятныя потери. До 1800 убитыхъ и раненыхъ черкесовъ поплатились жизнью за неудавшуюся попытку овладѣть русскимъ отрядомъ. Потеря за день сраженія была такъ велика и чувствительна, что на другой день сами горцы отступили и ушли съ дороги. Отрядъ безпрепятственно вернулся на линію. Ногайцы остались въ горахъ у своихъ воинственныхъ покровителей, но покровители потеряли энергію и вѣру въ побѣдоносное дѣйствіе многочисленныхъ полчищъ противъ убійственной артиллеріи и организованной выдержки русскихъ войскъ. И на этотъ разъ казаки Кубанскаго, Кавказскаго и Хоперскаго полковъ принимали дѣятельное участіе въ сраженіяхъ съ горцами, занимая самыя опасныя и отвѣтственныя мѣста на передовыхъ позиціяхъ.

Въ 1813 году пятисотенные, казачьи полки были обращены въ восьмисотенные и измѣнена общая организація военныхъ частей. Всѣ войска Кавказской линіи были раздѣлены на двѣ бригады. Первою бригадою былъ занятъ правый флангъ Кавказской линіи отъ Устьлабы до Константиногорской крѣпости и сюда вошли, вмѣстѣ съ 4 донскими конными полками и двумя полками солдатской пѣхоты, Кубанскій, Кавказскій и Хоперскій казачьи полки.

Черкесы долго не могли забыть проиграннаго ими крупнаго сраженія, за которое они заплатили 1800 убитыми и ранеными. На нѣкоторое время у нихъ совсѣмъ пропала охота дѣйствовать большими партіями противъ русскихъ войскъ. На смѣну явились мелкіе набѣги. Но казаки зорко слѣдили и за мелкими партіями и не давали имъ пощады. Такъ, 23 іюля 1815 года партія изъ 9 черкесовъ подъ предводительствомъ отчаяннаго коновода князя Хопача, причинившаго не мало бѣдъ русскому населенію, перебралась въ русскія владѣнія близъ Малоянкульскаго поста. Казаки во время замѣтили горцевъ и рѣшили не пропустить ихъ обратно черезъ Кубань. Команда изъ 15 хоперцевъ, подъ начальствомъ заурядъ-есаула Старжинскаго, бросилась въ погоню за горцами по направленію къ воровсколѣсскимъ балкамъ и, догнавши ихъ, съ налета вступила въ бой. Хопачъ и 7 горцевъ были убиты, но два горца успѣли скрыться въ лѣсу. Казаки потеряли 2 убитыми и 3 ранеными.

Въ концѣ 1822 года горцы снова подверглись военнымъ реквизиціямъ карательнаго русскаго отряда. Какъ видно изъ донесенія отъ 31 декабря этого года подполковника Тихоцкаго командующему войсками генералу Сталю, карательный отрядъ, состоявшій изъ 733 человѣкъ пѣхоты и 553 человѣкъ казачьей конницы, при двухъ двадцатифунтовыхъ единорогахъ, посланъ былъ для раззоренія аула

Дударукова. Аулъ былъ обложенъ русскими войсками и сожженъ 24 декабря, при чемъ отрядомъ было взято въ плѣнъ 66 душъ населенія. На обратномъ пути партія горцевъ 509 человѣкъ пыталась атаковать русскій отрядъ и отнять плѣнныхъ, но безуспѣшно.

Въ другихъ случаяхъ мѣнялось положеніе сторонъ. Горцы налетали, какъ вихрь, на мирное населеніе, грабили, убивали, разрушали и уходили снова въ горы ненаказанными. Такъ было 14 мая 1823 г. въ селеніи Круглолѣсскомъ, расположенномъ за предѣлами Старой Линіи, между станицами Темнолѣсской и Воровсколѣсской. Во время этого набѣга, черкесы буквально таки разгромили это селеніе. Огромная партія ихъ, въ которой участвовали и ногайцы, находившіеся въ русскомъ подданствѣ, напали врасплохъ на мирныхъ жителей. Послѣ непродолжительнаго сраженія, въ которомъ горцы задавили своей численностью защитниковъ селенія, они взяли въ плѣнъ 146 д. муж. и 199 д. жен. пола, убивши 41 мужчину и 9 женщинъ и ранивши 24 д. муж. и 17 душъ женскаго пола. Такимъ образомъ, 436 душъ населенія пала и попала въ руки горцевъ. Черкесы при этомъ ограбили имущества по приблизительной оцѣнкѣ на 46.665 рублей и угнали 868 головъ рогатаго скота и 522 штуки лошадей.

Но это былъ не первый случай въ селеніи Круглолѣсскомъ. Основанное еще въ 1797 году, оно неоднократно подвергалось набѣгамъ горцевъ. Какъ видно изъ прошенія жителей о правительственной помощи, поданнаго круглолѣсцами послѣ черкесскаго погрома 1823 года, въ сентябрѣ 1821 года черкесы одного человѣка убили, двухъ ранили и шесть увели въ плѣнъ, а въ мартѣ 1822 года горцами было убито 6, раненъ 1 и въ плѣнъ взято 13 душъ.

Командующій войсками генералъ Вельяминовъ рѣшилъ наказать прежде всего считавшихся подвластными Россіи ногайцевъ, участвовавшихъ въ набѣгѣ черкесовъ на селеніе Круглолѣсское. По собраннымъ свѣдѣніямъ, часть ногайцевъ неоднократно принимала участіе въ набѣгахъ черкесовъ на русскія владѣнія, а при разгромѣ селенія Круглолѣсскаго ихъ было до 500 человѣкъ. Составивши отрядъ изъ 49 офицеровъ, 177 урядниковъ и унтеръ-офицеровъ, 1558 солдатъ и 823 казаковъ, при 25 орудіяхъ, Вельяминовъ двинулся въ ногайскіе аулы. Ночью, подъ строжайшимъ секретомъ, отрядъ былъ переправленъ черезъ Кубань у Баталпашинска. Съ такою же осторожностью войска направились къ ногайскимъ ауламъ и успѣли захватить врасплохъ три изъ нихъ. Почти всѣ жители ауловъ были взяты въ плѣнъ и въ томъ числѣ нѣсколько князей и 1467 душъ об. пола остальнаго ногайскаго населенія. Захвачено было также 5500 головъ рогатаго скота и 2000 штукъ овецъ, одежда, 182 ружья, 245 шашекъ и др. оружіе. На обратномъ пути отряда, горцы пытались отбить у русскихъ плѣнныхъ и скотъ, но безуспѣшно. Потерявши нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными, они не рѣшались подвергаться губительному дѣйствію

русскихъ пушекъ и ружей. Изъ взятыхъ въ плѣнъ ногайцевъ 316 мужчинъ были приставлены къ работамъ на Минеральныхъ водахъ, а остальное населенiе было распредѣлено по казачьимъ семьямъ.

Въ iюнѣ 1824 года съ такими же карательными цѣлями былъ направленъ русскiй отрядъ противъ черкесскихъ ауловъ, расположенныхъ по рр. Зеленчукамъ. Какъ видно изъ донесенiя полковника Коцарева, командовавшаго карательнымъ отрядомъ, генералъ-маiору Сталю, командиру 22-й пѣхотной дивизiи, отрядъ изъ казаковъ и солдатъ 18 и 19 iюня передвигался по направленiю къ Зеленчукамъ, а 20 iюня передъ разсвѣтомъ было внезапно произведено нападенiе на черкесскiе аулы Клычева и Дудаpуковыхъ. Аулы были окружены русскими войсками со всѣхъ сторонъ. Выстрѣлы и крики нападавшихъ на аулы казаковъ и солдатъ разбудили населенiе. Полураздѣтые и забывшiе впопыхахъ оружiе черкесы выскакивали изъ саклей и бѣжали изъ ауловъ въ окружающiе ихъ кустарники и лѣсъ. Женщины и дѣти, объятыя паническимъ ужасомъ, не знали, что дѣлать и у кого искать защиты. Ревъ встревоженныхъ животныхъ и лай собакъ усиливали общую сумятицу. Казаки и солдаты, окружившiе тѣснымъ кольцомъ аулы, посылали отдѣльныя части для овладѣнiя саклями и населенiемъ. Настоящаго сраженiя, въ которомъ противники боролись бы грудь съ грудью, не было. Побѣжденные бѣжали, побѣдители препятствовали бѣгству, и хотя войскамъ строго приказано было щадить жизнь населенiя, но небольшiя стычки и сопротивленiе наиболѣе воинственныхъ горцевъ не обходились безъ смертей и увѣчiй. Русскiе, пользуясь выгодами своего положенiя, могли свободно разстрѣливать бѣжавшихъ черкесовъ. На мѣстѣ осталось до 200 труповъ. Много населенiя, особенно малолѣтнихъ и дѣтей, утонуло въ Зеленчукѣ, при попыткахъ перебраться на другую сторону рѣки. Въ плѣнъ было взято 370 душъ об. пола. Отрядъ захватилъ также огромное количество скота—600 лошадей, 1200 головъ рогатаго скота и около 7000 овецъ. Разгромъ ауловъ былъ полный и не менѣе жестокiй, чѣмъ раззоренiе черкесами Круглолѣсскаго селенiя.

Этими немногими боевыми эпизодами въ достаточной мѣрѣ характеризуются тѣ условiя, въ которыхъ протекла первая четверть XIX столѣтiя у Кубанскаго и Кавказскаго полковъ, заселившихъ Старую Линiю. На линейныхъ казакахъ лежала двойная служба и обязанности. Нужно было и охранять родныя станицы, и защищать мирныхъ жителей сосѣдней губернiи. Но если казаковъ затрудняли карательные походы въ горы противъ черкесовъ, то еще большею тяжестью ложились на экономическое благосостоянiе казака набѣги горцевъ.

Въ мартѣ 1822 года общество станицы Воровсколѣсской обратилось къ командующему войсками на Кавказской линiи съ очень характернымъ прошенiемъ. Съ самаго своего поселенiя, жаловались казаки, станица была неоднократно раззоряема. Въ 1804 г. черке-

сы угнали скотъ и лошадей, раззоривши жителей; въ 1807 г. они разграбили станицу, сожгли дома и имущество, взяли много плѣнныхъ. Поэтому, командиръ Кубанскаго полка подполковникъ Потаповъ просилъ начальство или разселить обезсиленную станицу, или же увеличить наличный составъ жителей. Но Потаповъ умеръ, а станица продолжала приходить все въ большій и большій упадокъ. Одинъ военный постой совсѣмъ обезсиливалъ жителей. Въ 72 домахъ были размѣщены двѣ роты солдатъ, такъ что на каждую хату приходилось не менѣе 5 постояльцевъ. Тяжела была и подводная повинность, такъ какъ ближайшіе отъ ст. Воровсколѣсской населенные пункты отстояли не ближе 45 и 76 верстъ отъ нея. Землю пахать и сѣно косить было затруднительно или, правильнѣе, невозможно за отсутствіемъ времени и средствъ. Выѣхать на полевыя работы нельзя было по условіямъ военной жизни раньше 12 часовъ, а къ заходу солнца требовалось уже быть дома. Жители просили переселить ихъ цѣлой станицей въ какую-либо другую станицу. Это былъ жгучій вопросъ не для одной Воровсколѣсской станицы, а для всей Старой Линіи. Нужно было увеличить казачье населеніе, усилить его боевой составъ, обезпечить болѣе нормальное теченіе мирной жизни. Въ этихъ видахъ рѣшено было передвинуть къ Кубанской границѣ нѣсколько станицъ, входившихъ въ составъ Хоперскаго полка. Мѣра эта была осуществлена въ 1825 году, и съ этого времени для Старой Линіи начинается новый періодъ ея существованія.

Глава VII.

Хоперцы.

Хоперцы—собирательное имя разнаго казачества, за разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ. Хоперцы никогда не составляли казачьяго войска, съ войсковою организаціей и управленіемъ. Но они создали „Хоперскій полкъ“, боевую казачью дружину, и нигдѣ, ни въ одномъ казачьемъ войскѣ, не было осуществлено такъ прочно полковое устройство, какъ у хоперцевъ. Хоперскій полкъ замѣчателенъ своею исторической устойчивостью.

Въ Кубанскомъ войскѣ Хоперскій полкъ старѣйшій. Въ указѣ Сената 2 іюня 1724 года сказано, что новохоперскіе казаки вмѣстѣ „съ донскими казаками были въ походѣ подъ Азовомъ“. Это происходило въ 1696 году, и съ этого года считается старшинство полка, а по немъ и Кубанскаго казачьяго войска.

По этому поводу г.-м. Кравцовъ, самъ хоперецъ и превосходный знатокъ старинной хоперской жизни, высказалъ ту мысль, что основаніе хоперскому казачеству положили запорожцы. Такъ какъ хоперцы вышли на р. Хоперъ раньше, чѣмъ были разрушены двѣ Запорожскія Сичи—одна въ 1709 и другая, послѣдняя, въ 1775 году; то, на этомъ основаніи, хоперцевъ надо считать старшею вѣтвью запорожцевъ, а черноморцевъ младшею. Но это едва ли такъ. Черноморцы въ полномъ составѣ были раньше и запорожцами—одно войско стало другимъ съ измѣненіемъ наименованія. Во время же зарожденія хоперскаго войска, запорожцы были въ меньшинствѣ въ рядахъ выходцевъ изъ Слободской Украины, а хоперскіе выходцы въ свою очередь составляли только незначительную часть донского казачества. Но несомнѣнно, что запорожскіе порядки, обычаи и духъ должны были лечь въ основу организаціи Хоперскаго войска.

Исторія возникновенія Хоперскаго полка тѣсно связана съ извѣстнымъ бунтомъ Булавина на Дону. Къ Булавину, поднявшему казачье возстаніе изъ за правъ казаковъ принимать въ свою среду вольныхъ людей и въ томъ числѣ бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ, сразу присоединились, главнымъ образомъ, казаки „верховыхъ городковъ“, сѣверной части Донщины. Случилось это, быть можетъ, потому, что здѣсь казаки жили ближе къ крѣпостной Россіи, имѣли въ своей средѣ больше, чѣмъ „на низахъ“, бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ и острѣе чувствовали тяжелыя цѣпи крѣпостничества. Къ числу самыхъ усердныхъ сторонниковъ Булавина принадлежали хоперскіе казаки, жившіе въ городкахъ по верхнему теченію р. Хопра—въ Пристанскомъ, Бѣляевскомъ и Григорьевскомъ.

Петръ Великій, съ которымъ тѣ же хоперскіе казаки два раза ходили подъ Азовъ, сильно разгнѣвался на своихъ бывшихъ сподвижниковъ. „Ходить, грозно приказывалъ онъ въ своемъ указѣ, по тѣмъ городкамъ и деревнямъ, которые пристали къ воровству, и оные жечь безъ остатку, а людей рубить, а заводчиковъ—на колеса и колья, дабы тѣмъ оторвать охоту къ приставанью къ воровству людей, ибо сія сарынь, кромѣ жесточи, не можетъ унята быть“. Съ тѣми, кто приносилъ повинную, суровый Царь велѣлъ „поступать ласково“. Когда подавленъ былъ Булавинскій бунтъ, Петръ перемѣнилъ гнѣвъ на милость, смерть на изгнаніе, а жилища велѣлъ уничтожить. Указомъ 14 мая 1711 года онъ приказалъ „городки верховые съ Хопра... за воровство, за принятіе Булавина къ себѣ и за то, что ходили противъ государевыхъ войскъ и жителей... свести въ низовыя станицы, чтобы впредь на то смотря, такъ воровать и бунтовщиковъ и шпіоновъ принимать было не повадно“. Въ іюлѣ 1712 года Пристанскій, Бѣляевскій и Григорьевскій хоперскіе городки, послѣ выселенія изъ нихъ жителей, были раззорены, а принадлежавшія имъ земли присоединены къ Воронежской провинціи. Это былъ урокъ хоперцамъ.

Чтобы еще сильнѣе запечатлѣть въ вольнолюбивыхъ казачьихъ головахъ этотъ наглядный урокъ или, какъ сказано въ указѣ 1816 г., „чтобы впредь бунтовъ не заводили и бунтовщиковъ отъ себя не держали и не принимали“, на мѣстѣ раззореннаго Пристанскаго городка была построена крѣпость для гарнизона отъ 1000 до 1500 человѣкъ. По имени рѣки Хопра и по новизнѣ постройки, крѣпость была названа Новохоперскомъ. Пока строилась крѣпость, въ Воронежъ къ губернатору стали наѣзжать казаки изъ бузулуцкихъ, медвѣдицкихъ и хоперскихъ городковъ съ просьбами о поселеніи ихъ въ Новохоперскѣ. Обѣщаясь больше не бунтовать, казаки домогались, чтобы имъ отданы были въ пользованіе прежнія ихъ земли и угодья, а взамѣнъ этого они обязывались нести станичную конную службу. Для Воронежской окраины это были подходящія предложенія. Воронежскій губернаторъ былъ одного мнѣнія съ казаками и самъ просилъ у Азовскаго генералъ-губернатора, графа Апраксина, въ вѣдѣніи котораго была Воронежская губернія, разрѣшенія на вызовъ въ крѣпость охотниковъ черкасовъ, т. е. малороссійскихъ казаковъ, такъ какъ черкасы „для разъѣздовъ и къ осадному времени зѣло были удобны“. Для несенія гарнизонной службы въ крѣпости была только одна рота солдатъ. А такого количества ихъ, по тогдашнему неспокойному времени и по неостывшимъ еще стремленіямъ татаръ и закубанцевъ къ набѣгамъ, было очень мало.

Графъ Апраксинъ призналъ все это основательнымъ и велѣлъ сдѣлать публикацію о вызовѣ къ Новохоперску вольныхъ черкасъ, посадскихъ людей и вообще казаковъ и начать ихъ пріемъ съ 1717 года. Это было на руку изгнаннымъ на низы хоперцамъ. Въ Но-

вохоперскъ явилось 94 семейства хоперцевъ. Къ нимъ примкнуло 125 семействъ казаковъ изъ Харьковскаго, Острогожскаго, Сумскаго и др. малороссійскихъ слободскихъ полковъ и другихъ мѣстъ. И вотъ эти 219 казаковъ-охотниковъ и положили заново начало хоперскому полку, подъ именемъ „новохоперскихъ казаковъ".

Въ слѣдъ за казаками на правительственный кличъ пошли вольные черкасы, посадскіе люди, торговцы, ремесленники и пр. Новохоперцы не замедлили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Присоединивъ къ себѣ вольныхъ черкасъ, они предоставили крѣпость купцамъ и ремесленникамъ, а сами основали въ округѣ четыре слободы: Градскую, Алферовку, Пыховку и Красную. Малороссіяне-черкасы осѣли въ Алферовкѣ и Пыховкѣ, а казаки-великороссы въ Градской и Красной. Съ тѣхъ поръ, приблизительно съ двадцатыхъ годовъ XVIII столѣтія, слободы эти существовали подъ этими именами и существуютъ до нашихъ дней въ нынѣшнемъ Новохоперскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи. Указомъ Воронежской губернской канцеляріи отъ 20 мая 1720 года земли, принадлежавшія раньше тремъ раззореннымъ городкамъ, отданы были хоперскимъ казакамъ взамѣнъ денежнаго жалованья и провіанта. Въ формѣ межевыхъ записей и чертежей казаки постарались закрѣпить за собой какъ земли, такъ и звѣриныя и рыбныя угодья раззоренныхъ городковъ Пристанскаго, Бѣляевскаго и Григорьевскаго.

Такъ укрѣплялись сами и укрѣпляли за собою земли хоперцы. Чтобы не быть въ долгу у правительства, они несли на собственный счетъ „конную службу", т. е. ѣздили въ разъѣзды, становились въ крѣпостные караулы и на форпосты, скакали курьерами, возили почту, конвоировали государевыхъ лошадей и подводы съ фруктами и пр., держали по двѣ лошади на казака, покупали на свои деньги оружіе, даже свинецъ и порохъ. Но все это не помогло устроиться хоперцамъ, какъ имъ хотѣлось, на своихъ же земляхъ. У нихъ не было ни штата, ни жалованья, ни обычныхъ казачьихъ привиллегій. При первомъ же подходящемъ случаѣ, у нихъ отнятъ былъ цѣлый Григорьевскій юртъ и переданъ настоящимъ донскимъ казакамъ станицы Михайловской. Стѣсненные въ земельномъ довольствіи, хоперцы просили назначить имъ денежное жалованье, которое и было опредѣлено сенатомъ съ 1731 года. Въ 1736 году жалованье это было увеличено, а съ 1738 года хоперскіе казаки стали получать и провіантъ. Въ 1731 году учрежденъ штатъ хоперской казачьей команды изъ 2 ротмистровъ, 2 хорунжихъ, 2 писарей и 216 казаковъ, а еще раньше въ 1721 году, по представленію коменданта крѣпости, военная коллегія утвердила начальникомъ хоперцевъ казака Неклюдова, который былъ единогласно избранъ въ старшины всѣми атаманами и казаками, какъ человѣкъ, пользовавшійся широкою популярностью въ казачьей средѣ.

Такимъ образомъ, въ основѣ организаціи первоначальной общины хоперцевъ лежали два начала—народное, выборное, и прави-

тельственное, регламентирующее. На военномъ строѣ лежала уже правительственная печать, въ обычной же повседневной жизни несомнѣнно царили еще казачьи обычаи и порядки. Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что въ этотъ періодъ времени станичное управленіе и порядки у хоперцевъ ни чѣмъ существенно не отличались отъ такихъ же порядковъ и управленія у донскихъ казаковъ и черкасовъ. Одна часть хоперцевъ и раньше была донцами и продолжала быть ими, а другая являлась представительницею Слободскаго и Запорожскаго казачества. Семейное начало связывало тѣ и другіе элементы. Кругъ или „рада“ въ станицѣ или въ слободѣ являлся главнымъ органомъ казачьяго самоуправленія, а атаманъ съ есауломъ или судьей—его исполнительными агентами. То обстоятельство, что хоперскіе казаки несли военно-конную службу на свой счетъ, только укрѣпляло за казаками эти обычныя формы ихъ жизни и взаимоотношеній.

Описывая казачьи городки, есаулъ Толстовъ, историкъ хоперскаго полка, говоритъ: „Для выбора должностныхъ лицъ всѣ казаки городка составляли общественный станичный кругъ или сходъ, который выбиралъ изъ среды своей на годичный срокъ, изъ числа людей благоразумныхъ и храбрыхъ, станичнаго атамана и въ помощники къ нему есаула. Эти выборные начальники вѣдали всѣ военные и гражданскіе порядки, представляя собою исполнительную власть рѣшеній круга. Для рѣшенія общественныхъ дѣлъ кругъ собирался на площади около станичной избы. Мѣсто это называлось майданомъ, и здѣсь же творились судъ и расправа. Главными пороками между казаками считались измѣна, трусость, убійство и воровство. За такія преступленія виновные обыкновенно приговаривались къ смерти; „въ куль да въ воду“ рѣшалъ кругъ.

Историкъ хоперцевъ судилъ объ этомъ по аналогіи съ порядками у донскихъ казаковъ. Подобные же порядки существовали и у запорожцевъ и у слободскихъ черкасъ. Несомнѣнно, что хоперское казачество въ области своихъ внутреннихъ взаимоотношеній, довольствовалось въ то время казачьимъ самоуправленіемъ мелкихъ общественныхъ единицъ, какими были городокъ, станица, курень и т. п. Тотъ же историкъ хоперцевъ, безъ указанія на источники, утверждаетъ, что управленіе въ 4 хоперскихъ слободахъ, установлено было по казацкому обычаю: во главѣ каждой слободы стоялъ слободской атаманъ и два есаула—его помощники; всѣ трое избирались слободскими жителями на 2—3 года; по окончаніи этихъ сроковъ атаманъ и есаулы обращались въ разрядъ рядовыхъ казаковъ.

Все это было возможно и во всякомъ случаѣ было близко къ дѣйствительности. Но хоперцы, въ эту первую пору существованія общины, были далеки еще отъ полковаго устройства. Самый штатный составъ ихъ былъ расчитанъ только на 219 человѣкъ, менѣе половины обычнаго 5-ти сотеннаго состава полка. Въ 1754 году

былъ, однако, измѣненъ и этотъ штатъ. По распоряженію военной коллегіи, одинъ ротмистръ и 100 хоперцевъ казаковъ перечислены были въ Азовскій полкъ. На лицо осталось 2 ротмистра, 2 хорунжихъ, два писаря и лишь 116 казаковъ. Эта слабая команда не могла выполнять всѣхъ лежавшихъ на ней обязанностей, и для пополненія ея къ службѣ были привлечены казачьи дѣти и родственники въ возрастѣ отъ 20 до 45 лѣтъ, жившіе въ казачьихъ слободахъ. По правительственной переписи 1763 года хоперцевъ мужскаго пола оказалось 1205 человѣкъ, а по переписи 1771 года, на 247 человѣкъ штатной команды въ 4 слободахъ проживало 1215 душъ мужскаго пола дѣтей и родственниковъ. Переписи эти встревожили хоперцевъ, которые, опасаясь, какъ бы часть ихъ не была зачислена въ подушный окладъ, рѣшили просить начальство объ образованіи изъ нихъ цѣлаго пятисотеннаго полка, съ соотвѣтственнымъ обезпеченіемъ ихъ содержаніемъ и служебными правами.

Собравшіеся съ этою цѣлью для совѣщанія хоперцы всѣхъ четырехъ слободъ выбрали своимъ довѣреннымъ казака слободы Пыховки Петра Падцвирова съ 4 товарищами и отправили ихъ съ ходатайствомъ объ образованіи Хоперскаго полка сначала въ г. Воронежъ къ губернатору, а потомъ, съ разрѣшенія послѣдняго, въ Петербургъ. Осенью 1772 года Подцвировъ съ товарищами подали въ Петербургѣ въ военную коллегію прошеніе на Высочайшее имя. Въ прошеніи этомъ указаны, какимъ урѣзкамъ подверглись казачьи права новохоперцевъ. Изъ пожалованныхъ, „вмѣсто половиннаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья", земельныхъ угодій, цѣлый Григорьевскій юртъ былъ отданъ донскимъ казакамъ Михайловской станицы. Казакамъ же отмежевано было только по 15 десятинъ на душу, какъ разночинцамъ, а остальныя ихъ земли, признанныя „дикопорожними", сдавались въ аренду купцамъ и промышленникамъ, и казаки по малоземелью вынуждены были снимать въ аренду свои прежнія земли. При такихъ условіяхъ, подъ вліяніемъ служебной тяготы, хоперскіе казаки окончательно обѣднѣли, нѣкоторые „едва дневное пропитаніе имѣли, а другіе дошли до того, что отъ найма у разныхъ людей довольствовались". Часто не только одинъ или два, но даже три, четыре или пять дворовъ съ большими затрудненіями могли выставить одну строевую лошадь. Къ тому же ихъ всячески тѣснилъ комендантъ крѣпости Подлецкій и посылалъ на свои работы безплатно. Казаки просили учредить изъ нихъ пятисотенный полкъ и возвратить имъ по прежнему во владѣніе всѣ причисленныя къ дикопорожнимъ земли, за исключеніемъ уже отмежеванныхъ изъ нихъ купцамъ и другимъ лицамъ, со всѣми угодьями, рыбными ловлями, „тонными и заморными озерами", а также „указать" имъ службу только „конную казацкую" и не наряжать на крѣпостныя работы и въ крѣпостные караулы, какъ не относящіяся къ обязанностямъ казаковъ занятія.

Личность казака Петра Подцвирова и порученное ему казаками дѣло представляютъ интересную страничку изъ исторіи народ-

ныхъ движеній. Подцвировъ дѣйствовалъ по уполномочію общества казаковъ, былъ у начальства въ Воронежѣ и Петербургѣ по дѣлу объ образованіи Хоперскаго полка, ходатайствовалъ объ этомъ на законномъ основаніи и на строго формальной почвѣ,—и тѣмъ не менѣе едва не попалъ въ обычное для народныхъ представителей положеніе смутьяна и бунтовщика.

Противникомъ Подцвирова оказался комендантъ Новохоперской крѣпости полковникъ Подлецкій, не безгрѣшный въ незаконномъ назначеніи казаковъ на чуждую имъ службу и въ пользованіи ихъ трудомъ даромъ. Когда, благодаря прошенію Подцвирова на Высочайшее имя были обнаружены эти обстоятельства, полковникъ Подлецкій забилъ тревогу. Въ своемъ объясненіи въ военную коллегію онъ аттестовалъ Подцвирова, какъ убѣжавшаго „со службы безъ даннаго ему отъ главной команды паспорта", увлекшаго съ собою другихъ казаковъ, которые „прокрались мимо потаенно глухими дорогами" въ Воронежъ и Петербургъ, и просилъ у военной коллегіи „милостивой защиты отъ напраснаго безславія отъ казака Подцвирова съ товарищами". Болѣе серьезнаго обвиненія Подлецкій не могъ выдвинуть. Но на помощь къ нему пришли и, вѣроятно, не безъ его вѣдома, старшины хоперскихъ казаковъ—ротмистръ Капустинъ, хорунжіе Куревлевъ и Григоренковъ и писарь Пономаревъ. Признавши основательнымъ по существу ходатайство Подцвирова объ образованіи Хоперскаго полка, они подали въ комендантскую канцелярію жалобу „объ обидѣ ихъ казакомъ Подцвировымъ" подачей безъ ихъ согласія прошенія, самовольною отлучкою и „возбужденіемъ команды къ той просьбѣ", которая и безъ него, Подцвирова, предложена была старшинами казакамъ. За этою курьезной придиркой явно скрывался злой умыселъ „привлечь къ дѣлу" Подцвирова.

Тогда и полковникъ Подлецкій повелъ атаку противъ Подцвирова съ этой стороны. Казачья старшина писала „доношеніе" 13 марта, а рапортъ по этому поводу въ военную коллегію Подлецкій послалъ 31 марта, послѣ ряда происшествій, случившихся въ этотъ 18-ти дневный промежутокъ времени. Заявляя о поступившей къ нему жалобѣ на Подцвирова отъ старшины, Подлецкій выставилъ новыя обвиненія противъ него. Такъ какъ Подцвировъ собралъ съ 1462 человѣкъ по 25 коп. съ души на расходы по хлопотамъ и устраивалъ „потаенные безъ вѣдома команды сборы и сходбища", то „дабы чего худаго послѣдовать не могло", Подлецкій нашелъ нужнымъ послать ротмистру Капустину приказъ объ арестѣ Подцвирова и его товарища атамана Рыбасова „впредь до резолюціи Государственной военной коллегіи". Для приведенія въ исполненіе приказа Капустинъ въ свою очередь послалъ хорунжаго Григоренкова. Послѣдній нашелъ Подцвирова дома, но Григоренкову Подцвировъ сказалъ, что онъ не пойдетъ подъ арестъ, да и народъ не отдастъ его. И дѣйствительно у воротъ двора Подцвирова „множественно" собра-

лась „вся громада“—служащіе и отставные казаки, казачьи дѣти и родственники, подъ предводительствомъ атамана села Пыховки Тарасенкова. Атаманъ велѣлъ громадѣ войти во дворъ Подцвирова, а самъ потребовалъ у хорунжаго приказъ объ арестѣ. При этомъ вся громада единогласно заявила, что Подцвирова они не отдадутъ, если бы даже полковникъ прислалъ для того роту солдатъ. Такъ хорунжій Григоренковъ и не могъ взять Подцвирова подъ арестъ. Товарища Подцвирова, атамана слободы Красной Рыбасова, хорунжій не нашелъ ни въ слободѣ Красной, ни на мельницѣ и гдѣ онъ находился, ему объ этомъ никто не сказалъ. Подлецкій и Капустинъ ограничились тѣмъ, что посадили „подъ крѣпкій караулъ“ атамана Тарасенкова, не позволившаго Григоренкову арестовать Подцвирова. Все это Подлецкій сообщилъ въ военную коллегію, явно выставляя въ невыгодномъ свѣтѣ Подцвирова и хоперцевъ.

По этому поводу военной коллегіей было назначено слѣдствіе, и воронежскій губернаторъ, по выясненіи обстоятельствъ дѣла, сообщилъ въ военную коллегію, что просьбу объ образованіи хоперскаго полка Подцвировъ подалъ съ общаго согласія и по уполномочію положительно всѣхъ хоперскихъ казаковъ, за исключеніемъ старшинъ, и что указанныя Подцвировымъ неправильности по нарядамъ хоперцевъ на работы подтвердились, и эти порядки имъ уже отмѣнены. Въ свою очередь и казаки слободъ Пыховки и Красной, узнавши о проискахъ полковника Подлецкаго и казачьей старшины, подали по начальству заявленіе, что Подцвировъ имѣлъ полномочіе на ходатайство объ образованіи Хоперскаго полка отъ всѣхъ хоперскихъ казаковъ и что они, казаки, просятъ начальство изъять ихъ отъ подчиненія ротмистру Капустину и хорунжимъ Куревлеву и Григоренкову.

Такъ и не удалось коменданту Новохоперской крѣпости Подлецкому и казачьей старшинѣ ни превратить дѣлового народнаго представителя въ бунтовщика, ни вызвать бунтъ въ рядахъ хоперскаго казачества. А отъ бунта было не далеко. Скоро потомъ полковникъ Подлецкій былъ отстраненъ отъ должности коменданта, а въ спискахъ хоперскихъ казаковъ, переселившихся на Кавказъ, не значились также ротмистръ Капустинъ и хорунжіе Куревлевъ и Григоренковъ.

Согласно прошенію Подцвирова, 6 октября 1774 года военная коллегія представила Императрицѣ Екатеринѣ докладъ по вопросу объ образованіи Хоперскаго казачьяго полка. Императрица утвердила только два пункта въ докладѣ: о сформированіи Хоперскаго пятисотеннаго полка, съ надлежащимъ числомъ старшинъ, и о возвращеніи казакамъ, взамѣнъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, прежнихъ земель и угодій.

Для преведенія въ исполненіе указа Екатерины былъ посланъ капитанъ Фаминцынъ. Указомъ 27 марта 1775 года повелѣвалось отмежевать Хоперскому полку по 15 десятинъ на каждую душу

мужского пола и возвратить всѣ прежнія земли взамѣнъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья. Тому же капитану Фаминцыну военная коллегія поручила также присоединить къ хоперцамъ жившихъ въ селѣ Бобрахъ, Битюцкой волости, крещенныхъ азіатовъ. Это были персіяне, калмыки и другія азіатскія народности, попавшія разновременно въ Хиву въ качествѣ военноплѣнныхъ и проданныя киргизамъ, отъ которыхъ они бѣжали въ Саратовскую и Воронежскую губерніи. На запросъ правительства объ избраніи рода жизни и занятій, они пожелали поступить въ казаки и были зачислены въ Хоперскій полкъ. Потомки калмыкъ и персіянъ, по свидѣтельству Кравцова и Толстова, и теперь живутъ въ Суворовской и Баталпашинской станицахъ подъ фамиліями Есауловыхъ, Михайловыхъ, Ильиныхъ, Асановыхъ, Абдуловыхъ, Шамайскихъ и другихъ. Іюля 21, 1775 года казакамъ нарѣзано было 188359 десятинъ земли, а переписью опредѣлено слѣдующее количество мужскаго населенія: 116 служившихъ казаковъ, 419 годныхъ къ строевой службѣ, 94 отставныхъ и 884 стариковъ и малолѣтнихъ, а всего, слѣдовательно, 1513 душъ мужского пола. Сюда вошло 208 персіянъ, 80 калмыковъ, 6 другихъ инородцевъ и 775 душъ казаковъ-черкасовъ, выключенныхъ, по ихъ желанію, изъ подушнаго оклада.

Въ такомъ составѣ Хоперскій полкъ поступилъ въ вѣдѣніе президента военной коллегіи генералъ-аншефа Петемкина, назначеннаго Новороссійскимъ, Астраханскимъ и Азовскимъ губернаторомъ и начальникомъ легкой кавалеріи и казачьихъ войскъ. Ордеромъ 24 сентября 1775 года, графъ Потемкинъ утвердилъ полковымъ командиромъ полковника войска Донского Устинова. Первому командиру Хоперскаго полка знаменитый временщикъ приказалъ принять полкъ отъ коменданта Новохоперской крѣпости Аршиневскаго, переписать и осмотрѣть всѣхъ казаковъ и выбрать по штату лучшихъ и способныхъ къ службѣ молодыхъ людей. Строевой составъ полка былъ сформированъ изъ 15 старшинъ и 500 лучшихъ казаковъ. По преданіямъ стариковъ, выборъ полковой старшины былъ произведенъ Устиновымъ изъ всѣхъ наличныхъ казаковъ, по указаніямъ ихъ и офицеровъ. Въ число старшинъ были прежде всего избраны казачьи ходатаи, казаки Петръ Подцвировъ и Павелъ Ткачевъ. Перваго Потемкинъ назначилъ есауломъ съ чиномъ армейскаго поручика, а второго сотникомъ съ чиномъ подпоручика.

Такъ сформировался окончательно Хоперскій полкъ, живая исторія о которомъ сохранилась какъ въ устныхъ преданіяхъ стариковъ, такъ въ пѣсняхъ народнаго эпоса. Въ составъ полка вошли въ наибольшемъ количествѣ малороссы или черкасы, въ меньшемъ великороссы, и еще въ меньшемъ инородцы, большею частію персіяне и калмыки. По казачьимъ обыкновеніямъ, сами хоперцы прихватывали при случаѣ въ свои ряды всѣхъ, кто казался подходящимъ для нихъ. Учавствуя въ войнѣ со шведами при Петрѣ Великомъ, хоперцы взяли въ плѣнъ шведскаго офицера, оставшагося

потомъ у казаковъ подъ фамиліею Шведова. Одно семейство этихъ оказачившихся шведовъ и понынѣ живетъ въ станицѣ Григориполисской. Воюя съ тѣмъ же Петромъ Великимъ противъ турокъ на Прутѣ, старые хоперцы составили пѣсню объ этомъ событіи. Ихъ потомки и теперь еще поютъ о томъ, какъ „Царь Петръ Алексѣевичъ много силъ копилъ для войны съ недругами" и „походъ объявилъ подъ землю турецкую" и какъ онъ потомъ „дарилъ жаловалъ бояръ селами, подселками, а еще подарилъ ихъ городомъ Бендерами". Послѣ этого „онъ вскричалъ, возгласилъ своимъ громкимъ голосомъ": „кто у васъ за старшаго? кто царь?" и всѣ отвѣтили: „православный у насъ царь Петръ Алексѣевичъ!". Народъ умѣетъ запечатлѣвать крупныя историческія событія со всѣми ихъ характерными особенностями въ своей устной поэзіи—въ пѣсняхъ.

Тѣ же хоперцы въ другой пѣснѣ поэтическими красками описали переходъ свой съ Хопра на Кавказъ. „Ни свѣтъ бѣлая заря занималася, ни красное то солнце изъ за горъ выкатилось". То заиграло золотистыми лучами знамя Петра Великаго, на которомъ „золотымъ словомъ было напечатано" о походѣ изъ всѣхъ полковъ одному полку Хоперскому, „какъ идти ему подъ лѣса дремучіе, и подъ тѣ высокія горы снѣжныя, подъ тѣ снѣжныя горы Кавказскія".

Это историческое событіе совершилось лѣтомъ 1777 года, когда Хоперскій полкъ былъ пересселенъ на Кавказъ. Тогда не было уже Петра Перваго, а царствовала Екатерина Вторая, но на знамени Петра было „такъ приказомъ назначено". Не даромъ, въ самомъ дѣлѣ, ходилъ Петръ Великій подъ Азовъ, и на Терекъ, и въ Персію, и на Кавказъ. Туда онъ проложилъ путь казачьей колонизаціи. Такъ думали старые хоперцы.

Въ дѣйствительности переходъ хоперцевъ на Кавказъ совпадаетъ съ очень характернымъ по своей неопредѣленности періодомъ русской колонизаціи на крайнемъ югѣ. Въ послѣднюю четверть XVIII столѣтія какъ бы окончательно догорало и гасло то историческое зарево, которое 5 вѣковъ тому назадъ образовалось отъ набѣговъ и грабежей монголовъ и татаръ, наводнявшихъ въ XIII столѣтія югъ нынѣшней Россіи. Постепенно угасли Золотая Орда, Кипчаки, Казань.... Уже сочтены были суровой исторической судьбой дни Крымскаго царства. На Кавказѣ, тамъ именно, гдѣ осѣли хоперцы, и вблизи тѣхъ мѣстъ, рядомъ съ абазинцами, кочевали еще жалкіе остатки когда-то грозныхъ татарскихъ ордъ. То были татарскія поколѣнія съ громкими именами родоначальниковъ Тохтамыша, Науруза, Мансура, Карамурзы и Кипчака. Такъ какъ по Кучукъ-кайнарджинскому трактату съ Турціей русскія границы отъ Моздока до Азова были отмѣчены крайне неопредѣленно и въ предѣлахъ этихъ мѣстъ кочевали татары, то здѣсь и надлежало провести рѣзкую черту разграниченія владѣній между независимыми, по тому же трактату, татарами и русскими поселенцами. Задача трудная. Русскій поселенецъ жилъ осѣдло, а ногаецъ кочевалъ. Это

значило, что татары сами переходили съ мѣста на мѣсто, перегоняли свой скотъ и нерѣдко передвигали даже границы, такъ какъ скотъ не признавалъ ни Кучукъ-кайнарджинскаго, ни другихъ трактовъ въ поискахъ кормовъ, а за скотомъ покорно шли татары. И вотъ разрѣшеніе этой задачи по урегулированію пограничныхъ отношеній съ татарами предстояло между прочимъ и хоперцамъ.

Граница была крайне неопредѣленная. Съ сѣвера у донскихъ казаковъ была своя граница, съ юга у терскаго казачества шла также на протяженіи 200 слишкомъ верстъ по Тереку, отъ Каспійскаго моря до устья р. Малки, опредѣленная граница въ видѣ живой изгороди станицъ, населенныхъ кизлярскими, гребинскими, терскими и моздокскими казаками. А дальше отъ Малки и до Азова на Дону граница какъ бы продолжала еще кочевать вмѣстѣ съ татарами и татарскимъ скотомъ. Но въ этомъ было еще полъ бѣды. Настоящая бѣда заключалась въ томъ, что черезъ эту передвижную, кочующую границу легко проскальзывали черкесы, отъ которыхъ плохо жилось и русскимъ поселенцамъ, и татарамъ. Благодаря неопредѣленности границы и отсутствію на ней достаточнаго количества войскъ и укрѣпленій, партіи черкесскихъ наѣздниковъ свободно и безнаказанно могли производить нападенія на русскія владѣнія, грабить, убивать, уводить плѣнниковъ и угонять скотъ въ горы. Жить хоперцамъ предстояло на этихъ мѣстахъ, а для защиты своихъ жилищъ они должны были ходить „въ лѣса дремучіе и подъ тѣ снѣжныя горы Кавказскія“.

Прежде, чѣмъ переселить казаковъ на Кавказъ, Потемкинъ приказалъ Астраханскому губернатору генералъ-маіору Якоби осмотрѣть старую границу и сдѣлать описаніе предполагаемой новой. Добытые Якоби вмѣстѣ съ подполковникомъ Германомъ матеріалы по этому предмету легли въ основу доклада Потемкина Императрицѣ о заселеніи хоперскими и волжскими казаками новой Азовско-Моздокской линіи. Екатерина Вторая утвердила докладъ 24 апрѣля 1777 г. Потемкинъ 16 мая приказалъ Астраханскому губернатору Якоби принять мѣры по водворенію Хоперскаго и Волгскаго полковъ на мѣстахъ, а 19 мая предписалъ командиру Хоперскаго полка Устинову слѣдовать съ полкомъ, въ количествѣ 520 казаковъ и старшинъ, на Кавказъ. Переселенцамъ обѣщано необходимое количество земли въ надѣлъ и пособіе отъ казны по 20 руб. на дворъ. Полкъ на новомъ мѣстѣ поступалъ въ распоряженіе генерала Якоби, которому поручено было заселить Азовско-Моздокскую линію, устроить переселенцевъ, выдать имъ денежное пособіе и отвести земли.

Самая Азовско-Моздокская линія была намѣчена по картѣ отъ Моздока черезъ рѣки Целугу, Куму, по вершинамъ Карамыка, Тумузлова, Байбалы, Калауса, подлѣ чернолѣсья по Егорлыкамъ, при соединеніи ихъ вершинъ и внизъ по Большому Егорлыку до Маныча, а отсюда по Манычу до Черкаска къ Дону. На этомъ про-

тяженіи предположено было устроить 9 крѣпостей. 1) Екатерининскую на р. Малкѣ, обращенную потомъ въ Екатериноградскую станицу, 2) Павловскую въ вершинѣ р. Куры, 3) Марьинскую на р. Золкѣ, 4) Георгіевскую на р. Подкумкѣ, переименованную впослѣдствіи въ городъ Георгіевскъ. 5) Андреевскую на р. Карамыкъ или Саблѣ, перенесенную въ слѣдующемъ году на р. Тумузловку, 6) Александровскую на притокѣ р. Калауса, переименованную потомъ въ Сѣверную, 7) Ставропольскую, обращенную въ городъ Ставрополь, 8) Московскую сѣвернѣе Ставрополя въ степяхъ и 9) Донецкую еще сѣвернѣе въ направленіи къ Черкаску. Первыя 5 крѣпостей находились въ раіонѣ расположенія Волгскаго полка, а послѣднія четыре полка Хоперскаго.

Мѣстомъ сбора переселенцевъ Якоби назначилъ урочище Маджары на р. Кумѣ. Для устройства укрѣпленій и домовъ въ станицахъ онъ заранѣе распорядился отправить 700 казаковъ Волгскаго полка и 500 Хоперскаго.

Съ Хопра на Кавказъ хоперцы перешли нѣсколькими партіями. Первая партія ихъ прибыла въ 1778 году и заняла станицы при Сѣверной и Ставропольской крѣпостяхъ. Жилища къ этому времени были уже приготовлены казаками. Въ 1779 году пришла вторая партія переселенцевъ для образованія Московской и Донской станицъ, но такъ какъ строенія въ этихъ станицахъ не были еще подготовлены, то переселенцы кое какъ перезимовали у казаковъ станицъ Сѣверной и Ставропольской. Лѣтомъ 1780 года явились на Кавказъ остальные казаки, старики, женщины и малолѣтніе, и только съ февраля 1781 года можно считать Хоперскій полкъ окончательно устроившимся и осѣвшимъ по станицамъ, въ количествѣ 140 семей въ каждой. Поселились лишь одни казаки и въ небольшомъ числѣ ремесленники и торговцы. Служащихъ было 16 старшинъ, 500 казаковъ и 160 канонеровъ, по 40 канонеровъ въ каждой станицѣ. Штабъ-квартира полка была въ Ставрополѣ.

Такимъ образомъ, хоперцы первоначально, по приходѣ на Кавказъ, были поселены въ Ставропольской губерніи и основали здѣсь при крѣпостяхъ 4 станицы: Сѣверную, Ставропольскую, Московскую и Донскую. Сюда переселилось до 3000 душъ обоего пола. Преобладающую національность составляли малороссы, меньше было великороссовъ и еще меньше инородцевъ—персіянъ и калмыковъ. Несмотря на это хоперцы уже тогда представляли одну, прочно сплоченную массу. Инородцы были крещены и слились съ русскими элементами. Всѣ казаки были равноправными въ сословномъ отношеніи. Въ Хоперскомъ полку, по свидѣтельству Толстова, не было особаго класса, господствующаго сословія. Офицеры и чиновники вышли изъ общеказачьей семьи и близость связей на этой почвѣ не разрывались между офицеромъ и рядовымъ казакомъ ни на службѣ, ни дома, ни на льготѣ. Офицеръ былъ лишь лучшій изъ казаковъ и въ повседневной жизни ни чѣмъ—ни обстановкой, ни привычками, ни отношеніемъ къ труду, отъ нихъ не отличался.

Самыя условія станичной жизни болѣе или менѣе равняли всѣхъ. Станица была укрѣпленнымъ лагеремъ одинаково для всѣхъ— и для старшины, и для рядовыхъ казаковъ. Казачьи станицы въ тѣ времена обносились внѣшнею оградою. Это былъ земляной валъ съ изгородью изъ терновника и колючки, большею частью въ два плетня, между которыми набивалась земля. Снаружи за этимъ валомъ и плетнями, выкапывалась широкая и глубокая канава. Станицамъ придавалась форма четыреугольниковъ съ 4 пушками по угламъ и съ 4 воротами для входа и выхода изъ станицы. У воротъ всегда находилась стража въ устроенныхъ для того при нихъ караулкахъ. Все это было однообразно, сѣро и примитивно, но при наличности пушекъ, представляло для горцевъ трудно доступныя укрѣпленія.

Дворы въ станицѣ располагались по однообразному шаблону. Вся станица разбивалась на четыреугольники, между которыми шли улицы и проулки. Четыреугольники дробились на дворы одинаковаго размѣра, а дворы распредѣлялись по жребію между казаками. Въ центрѣ станицы оставлялось мѣсто для площади, на которой сооружалась церковь. Тутъ же, вблизи церкви, возводились и общественныя зданія—станичное правленіе съ дворомъ и надворными постройками и станичная конюшня для лошадей постояннаго резерва отъ 30 до 40 казаковъ, которые каждую минуту должны быть готовы для встрѣчи горцевъ и отраженія ихъ. Все, однимъ словомъ, приспособлено было къ нуждамъ военнаго дѣла. Станица была подобіемъ незатѣйливаго укрѣпленія, а ея жители защитниками станицы и края.

„Хоперскіе казаки какъ на Хопрѣ, такъ и по переселеніи на Кавказъ, по свидѣтельству С. Кравцова, не имѣли форменнаго обмундированія и вооруженія, а носили одежду нарядную, подобную одеждѣ донскихъ казаковъ, т. е. короткій кафтанъ, застегнутый на крючки, широкіе шаровары поверхъ сапогъ и высокую черную шапку съ длиннымъ краснымъ верхомъ, выпущеннымъ на бокъ. Лѣтомъ хоперцы выходили на службу въ простыхъ холщевыхъ рубахахъ домашняго издѣлія, которыя запускались въ широкіе, холщевые же шаровары и на поясѣ завязывались очкуромъ; шапка оставалась та же. Вооружены были хоперскіе казаки саблями въ желѣзныхъ ножнахъ, ружьями и пиками. „Офицерское снаряженіе, вооруженіе и одежда были такія же, какъ у казаковъ, только офицеры не имѣли пики и носили на саблѣ офицерскій темлякъ“.

По штату, утвержденному въ 1731 году, въ хоперской командѣ числилось 2 ротмистра, 2 хорунжихъ, 2 писаря и 216 казаковъ. На Кавказъ хоперцы перешли, съ полковымъ командиромъ и 15-ю старшинами, въ составѣ 500 казаковъ, по штату, утвержденному въ 1775 году. По переходѣ полка на мѣсто, въ 1779 году, былъ нѣсколько измѣненъ штатъ полка, сообразно съ мѣстными условіями, Кромѣ командира, въ полку числилось 5 есауловъ, 5 сотниковъ, 5 хорунжихъ, 1 писарь, 1 квартирмейстеръ,

20 пятидесятниковъ и 500 казаковъ. Этотъ составъ удержанъ былъ до 1813 года, когда казачьи полки Старой Линіи были переформированы въ восьмисотенные. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе 38 лѣтъ, у хоперцевъ оставался одинъ и тотъ же строевой составъ полка, одна и та же организація военныхъ силъ. Полкъ дѣлился на 5 сотенъ, въ каждой сотни былъ свой сотникъ, а во главѣ всѣхъ командиръ полка. Казаки и казачье населеніе такъ сжились съ этимъ строемъ, что въ извѣстной мѣрѣ подчинили ему и свои обычныя формы самоуправленія и гражданскаго быта.

Полковой командиръ, отъ котораго исходили всѣ приказанія и распоряженія, фактически вѣдалъ буквально всѣ полковыя дѣла, какъ военныя, такъ и гражданскія. Наряды по службѣ въ строю, мѣры охраны и защиты границы, повседневные порядки въ строевыхъ частяхъ, распоряженіе въ моментъ военныхъ дѣйствій и т. п. составляли область его военной компетенціи; хозяйственный же бытъ казаковъ, время запашекъ подъ хлѣба, посѣва ихъ и уборки, порядки пастьбы разныхъ видовъ скота, заготовка сѣна для постовъ, содержаніе въ исправности огражденій вокругъ станицы, общественныхъ зданій, мостовъ и дорогъ, общественныя запашки, обезпеченіе зерномъ продовольственныхъ магазиновъ и пр. и пр. относились къ области гражданской дѣятельности командира полка, даже вопросы домашняго быта, какъ исполненіе казачьимъ населеніемъ христіанскихъ обязанностей во время великаго поста, брачные случаи и дѣла, воспитаніе дѣтей, уваженіе къ старшимъ и т. п. вѣдали также полковые командиры.

Но командиръ жилъ только въ одной станицѣ и не могъ справиться со всею массою дѣловыхъ отношеній казака и лежавшихъ на немъ обязанностей по военной и общественной службѣ. Въ зависимости отъ военной организаціи полка, власть командира передавалась его помощникамъ, офицерамъ и начальникамъ станицъ. Особенно важную роль играли эти послѣдніе. По свидѣтельству г. Толстова, „станицами управляли станичные начальники изъ своихъ же полковыхъ офицеровъ, которые избирались и назначались на должности военною властью, а не обществомъ казаковъ“. Начальникъ станицы былъ царь и богъ въ обыденной жизни. Онъ вѣдалъ всѣ общественныя дѣла или, правильнѣе, слѣдилъ за выполненіемъ установленныхъ военныхъ порядковъ, начиная съ защиты станицы отъ горцевъ и оканчивая запоромъ воротъ въ станицу, распоряжался общественными зданіями, имуществомъ, нарядами по внутренней службѣ, по выполненію работъ, по охранѣ работающихъ въ полѣ или пасущихъ скотъ и т. п., входилъ во всѣ мелочи общественной и даже частной жизни, слѣдилъ за общественною безопасностью и благочиніемъ въ станицѣ, приводилъ въ исполненіе распоряженія высшаго начальства и т. п. Короче, въ станицѣ дѣлалось все, какъ предписывали военныя правила и хотѣлъ начальникъ станицы. Роль станичныхъ сходовъ сводилась къ разрѣшенію самыхъ маловажныхъ

дѣлъ и начинаній преимущественно въ области обычно-правовой. Казачьяго станичнаго или общиннаго самоуправленія не существовало. Надъ всѣмъ царила сила военныхъ условій и обстоятельствъ, всему придавали характеръ военной дисциплины и строго установленныхъ военныхъ порядковъ постоянныя опасенія и заботы о защитѣ края и его населенія. Тѣ, кто стоялъ во главѣ военныхъ защитниковъ, распоряжались, въ силу своего положенія, и жизнью казачьяго населенія. И такіе порядки существовали во все время борьбы линейнаго казачества съ горцами.

Такимъ образомъ, большую часть дѣятельности казака и самую военную его обязанность составляла военная служба и выполненіе связанныхъ съ нею военныхъ порядковъ. Воинскую повинность отбывало все мирное населеніе, за исключеніемъ калѣкъ и физически-неспособныхъ къ службѣ. На дѣйствительную службу или въ строй поступали по достиженіи 20 лѣтъ. Это были уже казаки, которые зачислялись въ строй и или сразу шли на службу, или же оставались дома въ ожиданіи своей очереди, въ зависимости отъ комплектованія полка.

„Самый порядокъ опредѣленія на службу молодыхъ казаковъ, говоритъ А. Толстовъ со словъ И. С. Кравцова, обставлялся нѣкоторыми торжественными обрядами. Поступившіе на службу молодые казаки являлись въ станичное правленіе одѣтыми по обыкновенію въ домашняго издѣлія длинныя свитки—зипуны, въ высокихъ черныхъ шапкахъ, неся въ рукахъ сабли. Тамъ старые казаки снимали съ нихъ свитки и на дровосѣкѣ обрубали топоромъ до положенной длины своихъ короткихъ кафтановъ приговаривая: „отакъ добре буде“, а затѣмъ надѣвали на „хлопцивъ“ укороченныя свитки, подпоясывали саблю и вели въ церковь принимать присягу на вѣрность службы.—„Гей, хлопче! не забудь свою мазницу!“ въ шутку говорили старые казаки молодымъ, когда тѣ, смущаясь непривычною обстановкою, забывали взять шапки, съ виду похожія на „мазницу“, т. е. ведерко съ дегтемъ для смазыванія осей въ повозкахъ. Со дня принятія присяги, въ теченіе 25 лѣтъ, до 45-ти лѣтняго возраста, казакъ несъ службу какъ военно-полевую, такъ и станичную. Черезъ 5 лѣтъ нестроевой или внутренней службы на 50 году отъ роду онъ получалъ отставку.

Въ теченіе 25 лѣтъ строевой службы казакъ всегда долженъ быть готовымъ къ военному дѣлу, т. е. имѣть лошадь, обмундированіе и оружіе, и все это снаряжать на собственный счетъ. Хоперцы всѣ были конными казаками, но съ переходомъ на Кавказъ, съ 1779 по 1800 годъ, они выставляли 128 пѣшихъ канонеровъ къ орудіямъ при крѣпостяхъ и редутахъ. Въ 1800 г. были упразднены казачьи канонеры, а съ 1803 г. былъ установенъ постоянный штатъ казачьихъ артиллеристовъ въ 25 человѣкъ съ офицеромъ. Тогда же выдѣлено было 42 казака въ составъ конно-артиллерійской роты или позже конно-артиллерійской казачьей батареи. Офи-

церы пополнялись изъ рядовъ собственнаго полка. Намѣчались обыкновенно самые выдающiеся и непремѣнно грамотные кандидаты, которые, по представленiю командира полка, и утверждались въ своихъ званiяхъ военною коллегiею. До 1800 года всѣ офицеры именовались въ полку старшинами, съ указанiемъ на обязанности—есаулъ, сотникъ, хорунжiй, а съ 1800 г. военная коллегiя сдѣлала распоряженiе о приравниванiи казачьихъ старшинъ къ армейскимъ чинамъ: хорунжаго къ корнету или прапорщику, сотника къ поручику и есаула къ капитану. На полевой службѣ всѣ числившiеся въ штатѣ офицеры и казаки получали отъ казны жалованье, провiантъ для себя и фуражъ для лошадей, а также порохъ и свинецъ.

Таковъ былъ военный строй у хоперскихъ казаковъ съ водворенiя ихъ на Кавказѣ и до перехода на Кубанскую линiю въ 1825 году, когда они, такъ сказать, слились съ казаками Кубанскаго и Кавказскаго полковъ, занявши вмѣстѣ съ ними Старую Линiю.

Составъ населенiя въ Хоперскомъ полку долго не пополнялся притокомъ переселенцевъ извнѣ. Только въ 1816 году въ Хоперскiй полкъ зачислено было 109 военноплѣнныхъ поляковъ и абазинцевъ. Съ водворенiемъ на Кавказѣ, хоперцы обходились собственными силами и въ первые годы своего пребыванiя на новомъ мѣстѣ перенесли не мало лишенiй и бѣдъ. При переселенiи хоперцамъ обѣщано было пособiе по 20 рублей на дворъ, но они не получили его. Разрѣшено было только пользоваться лучшими землями и лѣсами въ неограниченномъ количествѣ. Провiантъ хоперцы получали также только въ дорогѣ съ Хопра на Кавказъ. Передвиженiе было совершено вообще съ большими затрудненiями, и пока хоперцы дошли до Кавказа, они лишились половины лошадей. Въ началѣ 80-хъ годовъ хоперцамъ было опредѣлено жалованье, провiантъ и фуражъ для лошадей за службу. Въ походахъ они пользовались всѣмъ этимъ наравнѣ съ армейскими чинами. Но порцiонныхъ не полагалось, и только при столкновенiяхъ съ горцами они получали часть скота натурою, если удавалось отбить его у сосѣдей. Никакими привиллегiями хоперцы не пользовались. Временно съ 1781 года, съ разрѣшенiя генерала Фабрицiана, у нихъ существовала винная монополiя, но въ 1785 году ее отмѣнилъ командующiй войсками на Кавказѣ П. С. Потемкинъ. Такимъ образомъ, единственными источниками матерiальнаго обезпеченiя казаковъ служили земля да собственное казачье хозяйство.

Но именно съ землей у хоперцевъ и не ладилось дѣло. Около того времени, какъ осѣли они въ нынѣшней Ставропольской губернiи, сюда переселялись также и крестьяне. Рядомъ съ казачьими станицами и близъ нихъ основаны были крестьянскiя селенiя—Сергiевское, Пелагiада, Надежда и Михайловка, населенныя преимущественно однодворцами. Съ этими сосѣдями и происходили у казаковъ недоразумѣнiя изъ за земли. Такъ, въ 1786 г. въ ста-

ницѣ Ставропольской земля не была еще отмежевана и казаки производили распашки на разстояніи 8 верстъ отъ станицы. Но тутъ же пахали и крестьяне. Полковой командиръ Устиновъ просилъ 3 марта того же года воспретить ставропольскимъ однодворцамъ пахать земли, занятыя хоперскими казаками. На этой подкладкѣ возникъ земельный споръ казаковъ съ гражданскою администраціей. Администрація, защищая интересы однодворцевъ, донесла высшему начальству, что казаки перепахали засѣянныя уже однодворцами нивы. Наряжено было слѣдствіе. Казаки шли на мировую и предложили однодворцамъ убрать хлѣбъ и раздѣлить зерно пополамъ— одну часть казакамъ и одну однодворцамъ, но послѣдніе на это не согласились. Дѣло перешло къ генералу Потемкину, который принялъ сторону казаковъ. Основываясь на томъ, что однодворцы запахали уже бывшую раньше у казаковъ подъ распашкой землю, что земля эта находилась всего въ 1/4 версты отъ казачьей станицы и въ 15 верстахъ отъ однодворческаго селенія, лежавшаго въ устьѣ р. Мамайки,—Потемкинъ приказалъ намежевать однодворческую землю по указаннымъ границамъ, а посѣянный казаками хлѣбъ велѣлъ однодворцамъ убрать исполу у казаковъ.

Тѣмъ не менѣе казаки не были еще обезпечены землей и имъ грозила бѣда еще съ другой стороны. Въ томъ же 1786 году правительство начало щедрою рукою раздавать земли помѣщикамъ въ собственность. Только за годъ было роздано 83350 дес. 16 владѣльцамъ—одному 18000 дес,, тремъ по 12000 дес., двумъ по 6000 дес. и остальнымъ въ меньшихъ размѣрахъ до 600 дес. наименьше. Земли раздавались помѣщикамъ здѣсь и раньше, и Устиновъ, опасаясь, что казаки останутся безъ достаточнаго количества земли, еще въ 1782 году просилъ Потемкина Таврическаго объ отводѣ Хоперскому полку необходимаго количества земель. Великій гетманъ казачьихъ войскъ въ слѣдующемъ же году приказалъ своему родственнику генералу Потемкину удовлетворить нужду хоперскихъ казаковъ въ землѣ.

Дѣло, однако, не двигалось впередъ. И только въ 1786 году правленіе Кавказскаго намѣстничества предложило отмежевать хоперцамъ земли въ размѣрѣ 300 дес. командиру полка, по 60 дес. на каждаго офицера и по 30 дес. на каждую душу муж. пола рядового казачества. Но и это распоряженіе заглохло. Гражданская администрація не охотно шла на размежеваніе земель и всячески тормазила дѣло, разъ оно касалось интересовъ казака. Такъ, 26 іюня 1800 г. подполковникъ Голеховскій жаловался г.-л. Кноррингу, что губернскій землемѣръ Пичугинъ потребовалъ отъ хоперцевъ представленія свѣдѣній о служащихъ и отставныхъ казакахъ для отмежеванія земель станицѣ Ставропольской по 60 дес. на офицера и по 15 дес. на рядового казака. Такъ какъ во всѣхъ другихъ войскахъ казаки пользовались не соизмѣримо большимъ количествомъ земли, чѣмъ хоперцы, да и при переселеніи Хоперскаго полка на Кавказъ ка-

закамъ обѣщаны были земли въ неограниченномъ размѣрѣ, то Голеховскій просилъ обезпечить землей хоперскихъ казаковъ покрайней мѣрѣ по нормѣ, назначенной свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ, т. е. по 30 дес. на казака.

И опять дѣло намежеванія хоперскимъ казакамъ земли заглохло на многіе годы. Только въ 1820 году, на основаніи Высочайшаго указа отъ 6 марта 1819 г., отмежеваны земли хоперцамъ по каждой станицѣ особо и въ пяти мѣстахъ отдѣльными участками 1934 дес. лѣса.

Земельныя неурядицы и тяжелая военная служба долго держали казаковъ въ невыгодныхъ экономическихъ условіяхъ. Казаки жили исключительно тѣмъ, что давало имъ земледѣліе и скотоводство. Работали всѣ, кто только могъ, и на ряду съ казаками офицеры и ихъ семьи. У всѣхъ царили порядки старинной патріархальной семьи. Во главѣ семьи стоялъ отецъ, - „большакъ“, который и распоряжался всѣмъ хозяйствомъ и семьей властно и безконтрольно. Такъ было у казаковъ и офицеровъ. Отеческій режимъ былъ суровъ и не допускалъ ни лѣни, ни послабленій. Дома и на полѣ работали матери и дѣти, рядомъ съ казачками жены и дочери офицеровъ. Черной работой никто не гнушался. Нужно было ѣсть, пить, одѣваться и снаряжаться на службу. Положеніе офицеровъ въ этомъ отношеніи было не лучше, чѣмъ казаковъ. Расходы у офицера, особенно на форменную одежду, были больше, чѣмъ у казака, а доходы отъ хозяйства одни и тѣ же у обоихъ. Офицеры по необходимости обращались къ помощи казаковъ. Въ этомъ отношеніи у хоперцевъ практиковался обычай помочей. Офицеръ просилъ на сходѣ казаковъ помочь ему убрать хлѣбъ, и казаки, кто только могъ, шли къ офицеру на работу. Въ вознагражденіе за это офицеръ обильно кормилъ участвовавшее въ помочи населеніе и угощалъ непремѣнно водкой. Обѣ стороны оставались довольны.

Такъ просто и незатѣйливо жили хоперскіе казаки въ первое время переселенія на Кавказъ. Естественно, что многіе не могли, какъ слѣдуетъ вести хозяйство, да и не съ чѣмъ было. А между тѣмъ и бѣднякъ, на ряду съ богачемъ, долженъ былъ нести военную службу, требовавшую денежныхъ расходовъ. И вотъ при этихъ условіяхъ у хоперцевъ сложился и другой оригинальный обычай. Для исправнаго несенія службы два бѣдныхъ казака отправляли эту повинность въ складчину. На общій счетъ справляли они лошадь и вооруженіе, и затѣмъ каждый несъ службу поочередно: одинъ былъ дома на хозяйствѣ, а другой въ строю, на службѣ; приходила очередь другого, и тогда онъ замѣнялъ служившаго товарища, который отправлялся домой на хозяйство. Казачье начальчальство знало этотъ обычай и, сообразно съ нимъ, наряжало казаковъ на службу.

Съ теченіемъ времени экономическое положеніе хоперскаго казачества значительно улучшилось. По статистическимъ даннымъ ге-

нерала Дебу за 1816 годъ, въ Хоперскомъ полку на 1265 дворовъ и 7946 д. об. пола считалось 4502 лошади, 16036 головъ рогатаго скота и 35347 овецъ, т. е. на дворъ въ среднемъ приходилось по $3^{1}/_{2}$ лошади, до 13 головъ рогатаго скота и до 28 овецъ. Это было на 39 году выселенія, и въ это же время у казаковъ Кубанскаго полка, на 22 году послѣ переселенія, приходилось по 7 лошадей, 27 головъ рогатаго скота и 40 овецъ на дворъ. Слѣдовательно, казаки Кубанскаго полка, переселившіеся на Кубань 17 годами позже хоперцевъ были обезпечены вдвое бельшимъ количествомъ скота, чѣмъ хоперцы. Но у послѣднихъ, съ теченіемъ времени увеличилось количество скота и, надо полагать, случаевъ отбыванія воинской службы въ складчину въ это время уже не было или во всякомъ случаѣ были рѣдкимъ исключеніемъ.

Съ поселеніемъ хоперцевъ на Кавказѣ на нихъ сразу была возложена тяжелая и трудно выполнимая служба—охрана границы, снабженной малымъ числомъ укрѣпленій и войскъ. На протяженіи 300 верстъ было устроено только 9 укрѣпленій. Слѣдовательно, при промежуткахъ между ними въ среднемъ до 33 верстъ, получался цѣлый рядъ проходовъ, черезъ которые горцы свободно могли проникать въ русскія владѣнія. Когда же въ 1785 году, по распоряженію Екатерины Второй, былъ открытъ, отъ Царицына до Кизляра и отъ Кизляра черезъ Моздокъ и Ставрополь до Черкасска, почтовый трактъ, то по всему этому пути возведенъ былъ рядъ редутовъ для защиты почтовыхъ станцій и селеній.

Съ 1783 года русскою границею стала р. Кубань. Тогда, впереди Азовско-Моздокской линіи, началъ возводиться рядъ новыхъ укрѣпленій по правому берегу Кубани.

Въ 1784 году были заложены двѣ крѣпости—Прочный Окопъ противъ устья р. Урупа, и Преградный станъ нѣсколько выше станицы Барсуковской, основанной впослѣдствіи. Между ними и отъ нихъ по направленію къ старымъ укрѣпленіямъ возведены были редуты и укрѣпленные посты—Темишбекъ, Григориполисъ, Убѣженскій, Невинномысскій и пр.

Сообразно съ этою системою укрѣпленій, отправляли службу хоперцы. Они несли военную службу или на мѣстѣ въ станицахъ, или въ укрѣпленіяхъ—на постахъ, редутахъ и въ крѣпостяхъ, или же принимали участіе въ походахъ противъ горцевъ. Но во всѣхъ случаяхъ прежде всего и главнѣе всего была сторожевая служба, заключавшаяся въ умѣньи во время открыть, выслѣдить непріятеля, дать знать объ этомъ въ ближайшія укрѣпленія и, смотря по силамъ собственнымъ и непріятельскимъ, или задержать горцевъ, или же разбить ихъ и въ послѣднемъ случаѣ преслѣдовать. Въ этой обстановкѣ и выработался типъ того зоркаго, неудержимо храбраго и неутомимаго наѣздника, какимъ былъ хоперскій казакъ. Хоперцы, можно сказать, пришли на Кавказъ неучами въ военномъ дѣлѣ и затѣмъ живая кавказская школа превратила ихъ въ образцовую

кавалерію. Горцы встрѣтили въ нихъ опасныхъ противниковъ, съумѣвшихъ очень скоро усвоить всѣ пріемы кавказскаго наѣздничества и черкесской удали.

Съ 1777 года, когда хоперцы, занимая станицами Азовско-Моздокскую линію, въ первый разъ участвовали въ походѣ отряда генерала Фабриціана противъ кабардинцевъ, и до 1825 года, когда они вновь были переселены изъ станицъ Сѣверной, Ставропольской, Московской и Донской на р. Кубань, они участвовали въ цѣломъ рядѣ сраженій съ горцами и др. народностями, каковы были персы, турки, дагестанцы и т. п. За это время они успѣли побывать и за Кубанью на Зеленчукахъ, Урупѣ, Бѣлой, Курджипсѣ и пр., и подъ Анапой, которую приходилось отнимать у турокъ, и подъ Дербентомъ, и подъ Эриванью, и у Ахалцыха и т. д.

Чаще всего, въ этотъ періодъ существованія Хоперскаго полка, его казакамъ приходилось имѣть дѣло или съ горцами Терской области—чеченцами, лезгинами, кабардинцами и пр., или же съ закубанскими черкесами—бѣглыми кабардинцами, абадзехами, беслеnеевцами, темиргоевцами, махошевцами и др., а также съ абазинцами, карачаевцами и ногайцами. Послѣдніе—черкесы, абазинцы, карачаевцы и ногайцы, были сосѣдями хоперцевъ и ближайшими врагами. На нихъ и противъ нихъ тратилось наибольше казачьихъ силъ и энергіи. Они собственно и были тѣми коварными и неутомимыми нарушителями границы и русскихъ владѣній, противъ которыхъ направлена была постоянная сторожевая служба хоперскаго казака. Въ предыдущей главѣ и въ послѣдующихъ описанъ длинный рядъ тѣхъ сраженій, въ которыхъ вмѣстѣ съ другими казаками и войсками участвовали хоперцы. Но на ряду съ сравнительно крупными военными дѣлами въ исторіи старолинейнаго казачества не сохранилось, за утерей матеріаловъ, свѣдѣній о цѣлой массѣ мелкихъ случаевъ стычекъ и борьбы хоперцевъ съ горцами. Этими кровавыми эпизодами и геройскими подвигами была переполнена жизнь казака. Дома у очага, когда горецъ прокрадывался къ семьѣ и имуществу казака, въ сторожкѣ, у воротъ ограды, когда черкесы пытались проникнуть въ станицу, на редутахъ и постахъ, въ разъѣздахъ и въ секретахъ, въ полѣ на работѣ и при тревогахъ, въ одиночку и партіями хоперцы, какъ и другіе казаки Старолинейнаго и Черноморскаго войска, прошли суровую школу кавказскаго казака-колонизатора. И эта мелочная борьба, полная невидимаго самоотверженія и геройства, ложилась наиболѣе тяжелымъ гнетомъ на казачій бытъ и обстановку хоперца и, какъ червь, подтачивала его благосостояніе и мирную семейную жизнь.

Глава VIII.

БОРЬБА ЧЕРНОМОРЦЕВЪ СЪ ГОРЦАМИ СЪ 1820 ПО 1831 ГОДЪ.

Высочайшимъ указомъ 11 апрѣля 1820 года Черноморское войско,подчиненное до того времени Таврическому губернатору и инспектору Крымской инспекціи, передано было въ вѣдѣніе командующему войсками Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, которымъ былъ въ то время генералъ Ермоловъ. Новое начальство завело новые порядки, получивши въ наслѣдство старую распрю казаковъ съ черкесами, которая съ особою силою возгорѣлась въ 1820 году.

Еще въ концѣ 1819 г. носились упорные слухи о томъ, что черкесы собирались напасть во многихъ мѣстахъ на Черноморію, что будто бы бывшій анапскій комендантъ Али-паша и черкесскій князь Ханукъ, жившіе въ Константинополѣ съ агитаціонными цѣлями, оставили столицу и двинулись на судахъ съ войсками въ Крымъ и на Кавказъ. Рѣшено было овладѣть Крымомъ и побудить черкесовъ къ войнѣ съ русскими на Кавказѣ.

Черкесы вѣрили этимъ слухамъ и горѣли желаніемъ сразиться съ казаками. Въ виду этого, атаманъ Войска Донского Денисовъ еще въ январѣ мѣсяцѣ двинулъ, по распоряженію высшаго военнаго начальства, два полка донскихъ казаковъ въ Черноморію для подкрѣпленія черноморцевъ на границѣ. Тогда же союзные черкесы нѣсколько разъ предупреждали войсковую администрацію, что единоплеменники ихъ въ горахъ готовились напасть на Черноморію.

И дѣйствительно, 23 января черкесы многочисленною толпою переправились черезъ Кубань въ урочище Савинъ кутъ близъ Воронежскаго кордона. Извѣщенный объ этомъ есаулъ Косовичъ потребовалъ помощи изъ другихъ кордоновъ, а самъ съ 100 казаками и орудіемъ двинулся на разсвѣтѣ къ Васюринскому кордону и завязалъ здѣсь бой, встрѣтившись съ черкесами. Черкесы подавляли маленькій казачій отрядъ своею многочисленностью, и казаки вынуждены были отступить въ Васюринскій кордонъ. Въ этотъ моментъ на мѣсто битвы прибылъ съ командою казаковъ войсковой старшина Гавришъ. Соединенными силами казаки снова двинулись на черкесовъ, не устоявшихъ противъ артиллерійскаго огня и отступившихъ за Кубань. У черкесовъ было убито 10 человѣкъ и смертельно ранено два князя, а русскихъ 4 убито и 7 ранено.

Ночью 24 января значительная толпа горцевъ пыталась пробраться въ Черноморію близъ Новогригорьевскаго кордона, но была отражена, причемъ взяты въ плѣнъ черкесъ Бей-Мурза и казакъ перебѣжчикъ Потепа.

Ночью 31 января черкесы переправились черезъ Кубань въ раіонъ Елизаветинскаго кордона и отдѣлившаяся отъ нихъ толпа въ 500 человѣкъ направилась на хутора, но прискакавшіе изъ разныхъ мѣстъ казачьи команды дружными усиліями разбили и принудили ихъ бѣжать за Кубань.

Утромъ 1 февраля черкесы были отражены въ раіонѣ Александровскаго кордона.

На разсвѣтѣ 2 февраля до 4000 черкесовъ, переправившись черезъ Кубань около Павловскаго кордона, двинулись къ куреню Пашковскому. Казаки во время замѣтили непріятеля и приняли мѣры, чтобы не пустить врага внутрь края. Перерѣзавши путь главнымъ силамъ черкесскаго ополченія, они удачными артиллерійскими выстрѣлами отбросили ихъ обратно къ Кубани. Черкесы перешли Кубань и скрылись на своей сторонѣ, потерявши 15 человѣкъ убитыми и ранеными. У казаковъ ранено было только двое. Сраженіе не приняло болѣе кровопролитнаго характера потому, что черкесы могли свободно перейти Кубань по льду.

Передъ разсвѣтомъ 3 февраля до 10,000 горцевъ, переправившись близъ Ольгинскаго кордона въ трехъ мѣстахъ, обложили этотъ кордонъ. Часть горцевъ тогда же двинулась къ Полтавскому куреню. Начальникъ Ольгинскаго кордона есаулъ Животовскій въ свою очередь успѣлъ послать гонцовъ къ полковнику Стороженкѣ, находившемуся съ своею частью въ 10 верстахъ, въ куренѣ Ивановскомъ, полковнику Педенко въ курень Стебліевскій и въ курень Полтавскій, отстоявшій въ 18 верстахъ отъ Ольгинскаго кордона. Въ Полтавскомъ кордонѣ также стояла часть полка Педенка. Животовскій съ казачьимъ гарнизономъ не только, не допустилъ черкесовъ взять Ольгинскій кордонъ, но, благодаря удачной пушечной стрѣльбѣ, заставилъ непріятеля отступить отъ кордона въ ближайшій лѣсъ. Здѣсь засѣли черкесы, съ намѣреніемъ не допустить соединенія разрозненныхъ казачьихъ силъ. Но полковникъ Стороженко, соединившись съ казаками Животовскаго, двинулся къ Полтавскому куреню.

Здѣсь казаки, подъ командою есаула Сиромахи, и вооруженные жители сражались уже съ 11 часовъ утра съ двумя тысячами черкесовъ. Борьба велась по окраинамъ куреня. Казаки забаррикадировали улицы и разъединили такимъ образомъ на отдѣльныя части черкесовъ, поражая ихъ изъ дворовъ. Особенно удачно казаки отражали непріятеля пушечнымъ огнемъ и черкесы напрасно пытались нѣсколько разъ взять пушку. Сраженіе длилось $1^1/_2$ часа. Казаки не допустили черкесовъ взять курень и черкесамъ удалось проникнуть только въ нѣкоторые дворы на окраинахъ куреня. Въ результатѣ сраженія у черкесовъ оказалось 30 убитыхъ и до 50 раненыхъ. Казаки отняли также у черкесовъ два значка. Въ свою очередь черкесы убили одного казака, ранили хорунжаго Синьговскаго, умершаго потомъ отъ ранъ, и 5 казаковъ. На окраинныхъ дворахъ имъ удалось взять въ плѣнъ 5 мужскаго и 10 душъ жен-

скаго населенія и 3 казаковъ, а также захватили 80 головъ рогатаго скота, 70 овецъ, 2 лошади и немного имущества.

На обратномъ пути черкесы налетѣли на казаковъ Стороженки и Животовскаго. Казаки отбили весь скотъ у черкесовъ и гнали ихъ до самой Кубани. Здѣсь преслѣдуемые черкесы соединились съ резервомъ, засѣвшимъ въ лѣсу. Соединенныя силы горцевъ раздѣлились на три части и начали переправляться черезъ Кубань, сражаясь съ наступавшими казаками, у которыхъ раненъ былъ одинъ казакъ изъ команды Животовскаго. Благодаря подавляющему численному превосходству, горцы съумѣли благополучно, безъ особыхъ потерь, перебраться на лѣвый берегъ Кубани, и разошлись по своимъ ауламъ.

Ночью 15 февраля были отражены черкесы, пытавшіеся перейти Кубань ниже г. Екатеринодара.

Наконецъ, 17 февраля, въ два часа дня, около 3000 черкесовъ перешли по льду черезъ Кубань близъ Петровскаго кордона и раздѣлились здѣсь на двѣ части. Одна часть ихъ осталась на мѣстѣ, въ видѣ резерва, долженствовавшаго препятствовать объединенію казачьихъ командъ, а другая двинулась къ Черноериковскимъ хуторамъ. Войсковой старшина Головинскій съ казаками своего полка и начальникъ Петровскаго кордона есаулъ Кумпанъ два раза вступали въ бой съ черкесами, но оба раза не могли остановить движенія черкесовъ и вынуждены были отступить, вслѣдствіе своей малочисленности. Черкесы нагрянули на совершенно беззащитные хутора и начали грабить ихъ. Они убили двухъ казаковъ и одного ранили, взяли въ плѣнъ 9 душъ мужского и 1 женскаго пола, угнали 873 штуки рогатаго скота и 474 лошади. Впослѣдствіи Головинскій жаловался наказному атаману, что его не послушали офицеры-хуторяне, когда онъ предложилъ имъ, въ видахъ возможности черкесскаго набѣга, выселиться съ хуторовъ въ курени; вошли лишь рядовые казаки. Офицеры пострадали наиболѣе. Два хутора были сожжены. Бывшихъ же на линіи офицеровъ, у которыхъ секреты ушли раньше времени, приказано было, по Высочайшему повелѣнію, придать военному суду.

Такимъ образомъ, въ теченіи февраля черкесы произвели пять нападеній на Черноморію, благодаря тому обстоятельству, что все это время стоялъ ледъ на Кубани, давшій свободный доступъ черкесамъ на правый ея берегъ. Мартъ и апрѣль прошли спокойно. Но 27 мая передъ разсвѣтомъ около 100 человѣкъ пѣшихъ черкесовъ, переправились на плотикахъ черезъ Кубань, залегли въ скрытыхъ мѣстахъ, съ расчетомъ нападенія на конные казачьи разъѣзды. Казачьи секреты въ свою очередь прослѣдили черкесовъ, высмотрѣли тѣ мѣста, гдѣ они залегли и дали знать объ этомъ на кордонъ. Посланные изъ кордона казаки ружейнымъ огнемъ заставили черкесовъ оставить занятыя ими мѣста, нѣсколько человѣкъ ранили и произвели такой переполохъ, что многіе изъ горцевъ, оставивши пло-

тики, одежду и даже оружіе, принуждены были бѣжать на ту сторону Кубани.

Въ іюнѣ и августѣ черкесы произвели рядъ мелкихъ набѣговъ на Черноморію. Такъ, 19 и 20 іюня, черкесы прорвались черезъ Кубань въ двухъ мѣстахъ—въ одномъ двое и въ другомъ 25 человѣкъ. Первые были прогнаны за Кубань, а вторые, подкарауливши казачій свѣтовой разъѣздъ, одного казака ранили и одного взяли въ плѣнъ. Іюня 21 на казачій разъѣздъ изъ шести казаковъ напала партія горцевъ въ 35 человѣкъ и захватила въ плѣнъ одного казака, упавшаго съ перепуганной лошади. Ночью 25 іюня 4 черкеса перебрались черезъ Кубань близъ Екатеринодара, но казаки, стоя на часахъ у Екатеринодара, замѣтили ихъ и одного убили, а остальные бѣжали за Кубань. Того же числа на партію изъ 25 казаковъ напала партія изъ 30 черкесовъ. У казаковъ было орудіе, при первыхъ же встрѣлахъ изъ котораго черкесы бѣжали. Послѣ этого въ августѣ произведено было черкесами еще нѣсколько мелкихъ набѣговъ, окончившихся незначительными грабежами. Ночью 16 сентября партія около 400 черкесовъ, переправилась черезъ Кубань, укрылась въ Панскомъ кутѣ близъ Великолагернаго кордона. Казаки, однако, замѣтили во время непріятеля и ночью же напали на него. Сраженіе продолжалось до 8 часовъ утра. Казаки, заняли выгодную позицію, дѣйствовали орудіемъ и усиленнымъ ружейнымъ огнемъ, благодаря чему не понесли большой потери, а у черкесовъ выбыло изъ строя 20 убитыхъ и 40 человѣкъ раненыхъ. Казаки захватили также немного оружія, брошенаго въ замѣшательствѣ черкесами.

Этимъ рядомъ столковеній казаковъ съ черкесами и закончился 1820 годъ. Но въ этомъ году черноморцамъ пришлось имѣть дѣло не только съ горцами-черкесами, а и съ степняками-калмыками. Такъ, 12 ноября 1820 г. сотникъ Камянскій, начальникъ казачьяго караула на границѣ съ Кавказскою губерніею, донесъ войсковому атаману, что у двухъ казаковъ, находившихся въ разъѣздѣ, калмыки угнали двѣ лошади. А 27 ноября, по сообщенію того же Камянскаго, скопище калмыковъ захватило есаула Ганжу, осматривавшаго пикеты, ограбило его и безчеловѣчно избивши, бросило связаннымъ въ балкѣ; затѣмъ, подкравшись къ Тихенькому пикету, угнали здѣсь у казаковъ 6 лошадей и, завязавши перестрѣлку съ казаками, скрылись въ степяхъ. Этимъ и окончились столкновенія казаковъ съ калмыками. Казачьи власти, кажется, благоразумно умолчали о продѣлкахъ калмыковъ, въ виду надвинувшейся грозы въ лицѣ Ермолова.

Подчиненные въ военномъ отношеніи генералу Ермолову черноморцы съ половины года почувствовали на себѣ желѣзную руку этого генерала. Для начальствованія надъ казаками на линіи онъ послалъ донского генерала Власова, подчинивши ему всю Черноморію въ военномъ отношеніи. Новыя власти стали строго преслѣдо-

вать за вольные и невольные промахи стороживших границу казаков и офицеров. Плѣнныхъ, взятыхъ въ бою, Ермоловъ приказалъ совсѣмъ не выкупать, „чтобы черкесы не льстились на выкупъ". Три казака были преданы военному суду за небрежность по службѣ, такъ какъ казаки эти, бывшіе 28 мая въ ночной залогѣ, не замѣтили, какъ 20 пѣшихъ черкесовъ перебрались ночью черезъ Кубань и въ самомъ Екатеринодарѣ напали на окраинѣ на дворъ казака, взяли у него двѣ души въ плѣнъ и захватили лошадь и часть имущества. Въ августѣ отлучившіеся казаки были преданы военному суду, а офицеры были оштрафованы на сумму награбленнаго черкесами у казачьяго населенія имущества. Въ тоже время и генералъ Власовъ, прибывшій на линію, старался подтянуть казаковъ и офицеровъ, издавши нѣчто въ родѣ правилъ по охранѣ границы, съ которыми казаки давнымъ давно были знакомы.

Слухи о томъ, что турецкіе агенты волновали горцевъ, побуждая ихъ къ войнѣ съ русскими, носились въ теченіе 1820 и 1821 годовъ. Объ этомъ извѣщалъ русскій посолъ въ Константинополѣ и сообщали русскіе лазутчики изъ за Кубани. Анапскій паша открыто возмущалъ горцевъ противъ русскихъ. Между горцами циркулировали самые невѣроятные разсказы. Въ 1821 году была распространена среди горцевъ нелѣпая прокламація на турецкомъ языкѣ о томъ, какъ будто бы великій визирь и Шейхъ-уль-исламъ, на помощь которыхъ въ борьбѣ съ русскими черкесы разсчитывали, продали русскому посланнику Константинополь, какъ предполагалось ввести русскія войска въ столицу Оттоманской имперіи, какъ взяты были бумаги объ этой продажѣ Константинополя на кораблѣ, шедшимъ изъ Константинополя въ Россію и другія маловѣроятныя измышленія. Въ заключеніе, въ виду наличности всѣхъ этихъ провокаціонныхъ слуховъ, черкесы приглашались къ дружной войнѣ съ враждебными исламу русскими.

Черкесы слѣпо вѣрили всему этому и охотно подготовлялись къ войнѣ съ русскими. Іюня 8 закубанскій владѣлецъ Дударукъ, жившій вблизи подгородней батареи у Екатеринодара, сообщилъ командиру 4-го пѣшаго полка есаулу Долинскому, что черкесскій наѣздникъ Казбичъ, славившійся своимъ удальствомъ среди горцевъ, составилъ партію въ 100 человѣкъ отчаянныхъ джигитовъ и засѣлъ съ нею въ вербахъ противъ Александрійскаго кордона. Одѣвши черкеса, умѣвшаго говорить по русски, въ женское платье, онъ послалъ его къ берегу Кубани подъ видомъ бѣжавшей изъ черкесскаго плѣна женщины, разсчитывая перебить и захватить въ плѣнъ казаковъ, которые должны были переѣхать Кубань за плѣнницею. Но, должно быть, мнимая плѣнница плохо говорила по русски и казаки не переѣхали черезъ Кубань на ея зовъ. Казбичъ ушелъ изъ лѣсу, намѣреваясь произвести набѣгъ на казачье населеніе въ будущую ночь.

Въ началѣ октября армянинъ Аксенъ Огановъ, прибывшій изъ за Кубани, сообщилъ, что на р. Богундыръ собралось около трехъ

тысячъ натухайцевъ, шапсуговъ, абадзеховъ и черченеевцевъ. Подъ предводительствомъ Калабатоко Хадчъ они собирались произвести нападеніе на Черноморію, почему-то отложили это намѣреніе. Нашествіе ихъ во всякомъ случаѣ надо было ожидать очень скоро.

Съ вечера 2 октября стало извѣстнымъ, что къ Кубани, въ районѣ Петровскаго кордона, подошла огромная толпа горцевъ. Вѣсть объ этомъ была сообщена въ кордонъ начальнику 4 кордонной части Журавлю въ то время, когда тамъ находился самъ генералъ Власовъ, объѣзжавшій линію съ летучимъ отрядомъ. Генералъ рѣшилъ лично руководить отраженіемъ непріятеля. Сами черкесы избрали тотъ путь, который оказался потомъ очень выгоднымъ казакамъ при нападеніи на непріятеля. Послѣдующія обстоятельства способствовали осуществленію слѣдующаго плана.

Немедленно были посланы вправо и влѣво по кордонной линіи гонцы съ приказаніемъ усилить кордонную цѣпь новыми подкрѣпленіями. Для наблюденія за движеніями черкесскаго ополченія посланы были мелкіе патрули, обязанные доносить о малѣйшихъ измѣненіяхъ въ направленіи, принятомъ черкесами и о всемъ, что происходило у нихъ въ отрядѣ. Вслѣдъ за этимъ всѣ наличныя силы, находившіяся въ Петровскомъ кордонѣ, въ составѣ 611 человѣкъ конницы и 65 пѣшихъ казаковъ, при двухъ орудіяхъ, были двинуты въ девятомъ часу вечера, подъ начальствомъ самого Власова, къ р. Давыдовкѣ, чтобы заградить путь черкесамъ при обратномъ движеніи. Наконецъ, снята была казачья цѣпь изъ патрулей, расположенныхъ въ мѣстѣ вѣроятной переправы горцевъ черезъ Кубань. Горцы дѣйствительно, послѣ переправы на правый берегъ Кубани, прошли въ двухъ верстахъ отъ Петровскаго поста и въ верстѣ отъ казачьяго отряда. Отрядъ немедленно зашелъ въ тылъ непріятелю и занялъ удобную позицію на р. Давыдовкѣ.

Между тѣмъ выяснилось, что черкесы направлялись къ Черноериковскимъ хуторамъ. Тогда Власовъ приказалъ Журавлю отрядить вслѣдъ за непріятелемъ небольшую партію казаковъ, подъ командою есаула Залѣсскаго, а вскорѣ послѣ того туда же была направлена и другая, болѣе многочисленная партія казаковъ. Обѣимъ партіямъ поручено было на извѣстномъ разстояніи соединиться вмѣстѣ и дать замѣтить себя непріятелю. Если же непріятель бросился бы на казаковъ, то партіи должны были отступать въ такомъ направленіи, чтобы непріятель попалъ на главный отрядъ. Казаки выполнили мастерски этотъ маневръ. Открывши по черкесамъ дружный ружейный огонь, они тѣмъ привлекли къ себѣ всю массу черкесовъ, предположившихъ, что здѣсь были всѣ наличныя силы казаковъ изъ ближайшихъ мѣстъ. Черкесы двинулись въ бой, казаки начали отступать по направленію къ отряду Власова. По звукамъ ружейныхъ выстрѣловъ и усиленію перестрѣлки Власовъ сообразилъ, что черкесы были уже недалеко отъ него и что завязавшія съ нимъ перестрѣлку двѣ партіи казаковъ нуждаются въ помощи.

Въ этихъ видахъ генералъ послалъ къ нимъ еще сто казаковъ съ орудіемъ, прискакавшихъ изъ Славянскаго кордона на мѣсто битвы.

Вдругъ, въ это время, по условному приказанію Власова, на всѣхъ укрѣпленіяхъ кордонной линіи открылась пушечная пальба, а на кордонахъ и многочисленныхъ пикетахъ вспыхнули яркіе „маяки“ или „фигуры“, приготовленныя изъ смоляныхъ бочекъ и осмоленной соломы. Точно по волшебному мановенію, мрачная ночь превратилась въ торжественную феерическую картину. Справа и слѣва по Кубани, на сколько могъ окинуть взглядъ, яркимъ заревомъ пылали десятки „фигуръ“, посылавшихъ высоко въ небо цѣлые снопы ослѣпительнаго свѣта во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ казаки сторожили черкескіе проходы. Несущіеся по кордонной линіи пушечные выстрѣлы говорили черкесамъ на своемъ грозномъ языкѣ, что присутствіе ихъ на казачьихъ земляхъ открыто, а ходы на родину закрыты. Только тамъ, гдѣ они перешли Кубань, точно ворота, зіяла темная полоса. Горцы оторопѣли, смѣшались и поняли, что имъ предстояло идти не на Черноериковскіе хутора и мирныя селенія казаковъ, а быстрѣе уходить черезъ эти темныя ворота домой за Кубань. И черкесское ополченіе, пока еще сильное и могучее своею численностью, двинулось въ этомъ направленіи. Но лишь только толпа сгрудилась и стала приближаться къ Петровскому кордону, какъ поставленная предупредительнымъ генераломъ пушка открыла ужасную пальбу картечью. Горцы всей массой бросились въ правую сторону и не успѣли они еще уйти отъ пушечной картечи, какъ наткнулись на главный отрядъ казаковъ, предводимый генераломъ Власовымъ. Усиленный огонь изъ двухъ пушекъ и сотенъ ружей отбросилъ еще правѣе въ сторону черкесское ополченіе. Отрядъ Власова началъ тѣснить сбоку бѣгущихъ черкесовъ. Горцы отходили все правѣе и правѣе. А въ другомъ мѣстѣ ревѣла уже пушка, привезенная съ Славянскаго кордона, и на черкесовъ насѣдали казаки, подъ командой есаула Залѣсскаго, и Славянская сотня. Сбитые съ толку и съ позиціи черкесы всей толпой хлынули прямо въ камыши. Но то былъ ужасный Калаусскій лиманъ, съ топкою невылазною грязью, не обильный водою, но положительно непроходимый для конницы по его трясинамъ.

Началась ужасная свалка. Всѣ казачьи части очутились въ тылу горцевъ, пушки громили ихъ, казаки сзади наскакивали на нихъ рубили шашками, кололи пиками и гнали впередъ на вѣрную смерть, а горцы въ страхѣ лѣзли все дальше и дальше въ лиманъ. И въ то время, когда кордонная линія пылала своими мощными факелами, черкесы гибли въ Калаусскомъ лиманѣ, захлебываясь водой и уходя съ лошадьми въ засасывающую грязь. Ловкимъ наѣздникамъ и отчаяннымъ джигитамъ не могли помочь здѣсь ни чудные кони, ни остро отточенныя шашки, ни беззавѣтная храбрость и отвага. Грязь, черная и вонючая, хоронила ихъ на вѣки въ своихъ трясинахъ.

Такъ печально для черкесовъ окончилось долго готовившееся нападеніе ихъ на Черноморію. Болѣе трети трехтысячнаго черкесскаго ополченія осталось на мѣстѣ битвы и въ объятіяхъ грознаго Калауса. Казаки взяли въ плѣнъ одного князя, 42 черкесовъ и нашли у лимана убитыми 20 человѣкъ, потерявши съ своей стороны одного казака убитаго, 4 потонувшихъ и 14 раненыхъ. Въ схваткѣ съ черкесами русскіе отняли два значка и взяли 518 лошадей и массу ружей, сабель, пистолетовъ и др. оружіе. Но главную массу людей и военной добычи поглотилъ Калаусскій лиманъ. По показаніямъ самихъ черкесовъ, въ трясинахъ Калаусскаго лимана утонуло болѣе 1000 человѣкъ. Спустя 18 дней послѣ битвы, 21 октября генералъ-маіоръ Власовъ писалъ наказному атаману Матвѣеву, что осматривая лично Калаусскій лиманъ, онъ нашелъ, по крайней мѣрѣ на протяженіи 20 верстъ, оставшіеся всюду трупы черкесовъ. Тѣла гнили и распространяли сильнѣйшій смрадъ, а доступные съ суши трупы были полусъѣдены и обглоданы дикими звѣрями. Ужасъ наводило на живыхъ людей это необычайное кладбище лучшихъ сыновъ Черкессіи. Вмѣстѣ съ людьми разлагались и гнили здѣсь утонувшія лошади. Власовъ предписалъ Матвѣеву очистить лиманъ отъ труповъ людей и лошадей, во избѣжаніе заразы. Атаманъ въ свою очередь распорядился, чтобы войсковой старшина Журавелъ назначилъ отставныхъ и престарѣлыхъ казаковъ, съ подводами, лодками и лопатами, на лиманъ для очистки его отъ гніющихъ труповъ, а 31 октября распоряженіе это было разослано по ближайшимъ куренямъ. И долго потомъ казаки вылавливали трупы горцевъ и лошадей и предавали ихъ землѣ. Это была удручающая работа.

Калаусское побоище пронеслось грозною вѣстью въ горахъ. Всѣ черкесскія племена взволнованы были этимъ исходомъ послѣдняго набѣга на Черноморію горцевъ. Тотъ самый натухайскій владѣлецъ Калаботокъ Кадчъ, который намѣревался сдѣлать набѣгъ на Черноморію, собиралъ теперь натухайцевъ и приглашалъ шапсуговъ идти совмѣстно съ новыми силами туда, гдѣ такъ безславно погибли герои Черкессіи, и отомстить за нихъ казакамъ. Волновались и другіе черкесскіе владѣльцы. князья, уздени и джигиты. Но урокъ былъ такъ внушителенъ, горе обездоленныхъ семей такъ велико, плачъ и вопли женъ, матерей и сестеръ погибшихъ джигитовъ такъ удручающи, что черкесовъ невольно все это обезкураживало. Казалось, что нужно было идти или на навѣрную смерть или на явную неудачу, подъ грозныя пушки и несокрушимыя укрѣпленія.

Опасенія эти были тѣмъ серьезнѣе, что первая же попытка въ этомъ родѣ, произведенная черкесами 5 октября на третій день послѣ Калаусскаго побоища, окончилась полной неудачей. Въ этотъ день наблюдательными командами казаковъ была обнаружена толпа горцевъ между р.р. Кубанью и Давыдовкой. Горцы рискнули дви-

нуться на мѣсто Калаусскаго побоища, съ цѣлью забрать домой въ аулы погибшихъ товарищей. Посланный съ командой на развѣдки есаулъ Кеда опредѣлилъ скопище черкесовъ въ тысячу человѣкъ и просилъ дать ему подкрѣпленіе. Въ помощь Кедѣ посланъ былъ есаулъ Залѣсскій съ конными казаками и оружіемъ. Составился казачій отрядъ въ 250 человѣкъ съ пушкою. Но черкесовъ все таки было значительно больше, чѣмъ казаковъ. Послѣднимъ послана была въ подкрѣпленіе еще одна сотня съ пушкой. Тогда Кеда и Залѣсскій, располагая двумя пушками, двинулись на непріятеля и, благодаря артиллерійскому огню разбили, партію черкесовъ на двѣ части, изъ которыхъ одна бѣжала за Кубань, а другая скрылась въ камышахъ. При отступленіи казачьяго отряда къ кордону, засѣвшіе въ камышахъ черкесы бросились въ шашки на казаковъ и „сдѣлали имъ, по выраженію оффиціальнаго донесенія, жестокій ударъ“. При этомъ два казака было убито и шесть ранено. Но это была ничтожная потеря сравнительно съ тѣмъ, что оставили на мѣстѣ боя черкесы. Сколько было увезено черкесами послѣ битвы убитыхъ и раненыхъ, неизвѣстно, но на мѣстѣ сраженія осталось 50 убитыхъ и 4 человѣка взято въ плѣнъ. Явный признакъ отчаяннаго положенія черкесовъ, которые, несмотря на обычай, вынуждены были оставить въ чужихъ рукахъ убитыхъ сотоварищей.

Такъ какъ черкесы долго еще продолжали волноваться слухами о Калаусскомъ побоищѣ, въ народѣ кипѣла злоба и мѣстами устраивались сборища, то, на случай новаго массоваго нападенія горцевъ на Черноморію, Власовъ распорядился объ усиленіи кадровъ кордонной линіи. Численность защитниковъ границы въ 4-й части кордонной линіи, наиболѣе подвергавшейся набѣгамъ горцевъ, была доведена до 2000 человѣкъ. На линію были потребованы Власовымъ лучшіе офицеры—полковникъ арміи Безкровный и войсковые полковники Гавришъ, Вербицкій и Бѣлый. Носились слухи, что Казбичъ съ партіями черкессовъ до 500 человѣкъ неоднократно пробовалъ прорваться въ Черноморію, но каждый разъ, натолкнувшись на бдительность казаковъ по линіи, возвращался обратно въ горы. Были лишь случаи мелкихъ грабежей, произведенныхъ черкесами, которыми и закончился 1821 годъ.

Власовъ рѣшилъ не щадить черкесовъ и за мелкіе набѣги. Съ этою цѣлью онъ организовалъ легкій отрядъ и 3 февраля 1822 г. двинулся съ нимъ въ горы. При появленіи казаковъ за Кубанью черкесы разбѣжались, оставивши аулы. Отрядъ Власова прошелъ по р.р. Пшецизъ, Кунъ и Богундыръ, въ земляхъ главнымъ образомъ шапсуговъ, захватилъ до 700 головъ рогатаго скота, до 400 овецъ и возвратился обратно, тѣснимый горцами при отступленіи.

Въ этомъ году комендантъ Анапы, двуличный Сеидъ-Ахметъ-паша, изъявилъ готовность посѣтить Екатеринодаръ и лично переговорить съ Власовымъ и Матвѣевымъ объ отношеніяхъ горцевъ къ казакамъ. Въ началѣ января Сеидъ торжественно двинулся по раз-

нымъ ауламъ, побывалъ во многихъ мѣстахъ и 20 января прислалъ узнать на Екатеринодарскій мѣновой дворъ, будетъ ли онъ принятъ въ Екатеринодарѣ. Ему отвѣтили, что его, какъ представителя союзной державы, примутъ съ подобающими почестями, но безъ черкесовъ въ свитѣ, за исключеніемъ немногихъ почетныхъ князей. Черезъ день паша, въ сопровожденіи свиты въ 100 человѣкъ, просилъ Власова и Матвѣева увидѣться съ нимъ для переговоровъ. Власовъ назначилъ мѣновой дворъ на прежнихъ условіяхъ объ отсутствіи въ свитѣ черкесовъ. Тогда Сеидъ-Ахмедъ-паша отправился въ ближайшій черкесскій аулъ Дударука, откуда и прислалъ посланнаго съ извѣщеніемъ, что онъ не будетъ переѣзжать на русскую сторону и будетъ вести переговоры черезъ своего повѣреннаго и что онъ взялъ уже присягу съ натухайцевъ и шапсуговъ, чтобы они не дѣлали набѣговъ на Черноморію. Такъ какъ Власовъ выѣхалъ въ это время изъ Екатеринодара, а Матвѣевъ не рѣшился вести безъ него переговоры, то этимъ все и ограничилось. Паша снова отправился въ горы къ черкесамъ и съ дороги прислалъ двухъ чиновниковъ и муллу съ извѣщеніемъ, что для веденія переговоровъ онъ пришлетъ уполномоченнаго на Бугазскую карантинную заставу. Но и здѣсь переговоры не привели ни къ чему.

Между тѣмъ, среди черкесовъ продолжали циркулировать всевозможные слухи. Въ маѣ преданный Россіи закубанецъ Бей-Султанъ-Петисовъ сообщилъ, что турецкій султанъ прислалъ анапскому пашѣ довѣренное лицо на двухъ карабляхъ съ денежными суммами и подарками для черкесовъ, въ цѣляхъ привлеченія ихъ на сторону Турціи въ войнѣ съ русскими. Анапскій паша назначилъ уже мѣсто собранія черкесскихъ представителей. Въ августѣ, по слухамъ, въ Анапу прибыло цѣлыхъ пять турецкихъ караблей съ 1000 янычаръ, но князья Дударукъ и братъ его Алкавъ утверждали, что янычаръ было только 150 человѣкъ. По другимъ слухамъ анапскій паша выдалъ черкесамъ девять пушекъ, но потомъ, когда появилась вѣсть о назначеніи новаго паши, отобралъ отъ нихъ эти пушки. По тѣмъ же слухамъ въ маѣ привезено было въ Анапу на турецкомъ суднѣ 30 пушекъ, снаряды и жалованье горскимъ князьямъ, причемъ пушки и снаряды уже розданы различнымъ племенамъ. Но Сеидъ-паша напрасно ждалъ объявленія Турціей войны съ Россіей и, недождавшись того, приказалъ черкесамъ, подъ угрозою смертной казни, не возить на Бугазскій мѣновой дворъ продуктовъ для мѣны.

Съ начала 1823 г. черкесы снова начали тревожитъ Черноморію. Въ январѣ были направлены двѣ небольшія команды казаковъ, по 14 человѣкъ въ каждой, для осмотра острова Каракубань. На нихъ внезапно напали до 400 человѣкъ горцевъ и двухъ плѣнили, а остальные, отстрѣливаясь, ушли. Въ мартѣ начальникъ Елизаветинскаго кордона есаулъ Борзикъ послалъ въ лѣсъ собственную подводу за дровами подъ прикрытіемъ пяти пластуновъ.

Партія до 300 черкесовъ, замѣтившая подводу съ пластунами, сдѣлала засаду и, послѣ отчаяннаго сопротивленія пластуновъ, забрала ихъ въ плѣнъ, благодаря оплошности есаула Борзика. Атаманъ распорядился возложить выкупъ плѣненныхъ черкесами казаковъ и снабженіе послѣднихъ оружіемъ на счетъ Борзика, а самого его посадить на мѣсяцъ подъ арестъ на гаупвахту. Ермоловъ утвердилъ это распоряженіе, но сложилъ съ Борзика выкупъ за плѣнныхъ, такъ какъ они были уже обмѣнены на плѣнныхъ черкесовъ. Въ мартѣ же генералъ Власовъ былъ съ отрядомъ за Кубанью и разорялъ черкесскіе аулы, при чемъ 4 марта было взято въ плѣнъ 141 д. черкесскаго населенія, изъ которыхъ къ 23 мая умерло 16 душъ. Наконецъ, 12 марта многочисленная толпа горцевъ, предводимая Казбичемъ, переправилась черезъ Кубань въ Тимошевскомъ кутѣ и намѣревалась взять селеніе, строившееся близъ Елизаветинскаго кордона. Подполковникъ Ляшенко, стоявшій при селеніи съ казаками, встрѣтилъ непріятеля у самаго селенія выстрѣлами изъ пушки и ружейнымъ огнемъ; но у Ляшенки было только 200 казаковъ, которымъ непосильно было вести борьбу, съ полуторатысячнымъ скопищемъ черкесовъ. Въ это время съ Александровскаго поста прискакали 200 казаковъ съ двумя пушками, подъ командой полковника Табанца. Соединенные казачьи отряды дружно повели артиллерійскій бой; пушки удерживали горцевъ въ почтительномъ отдаленіи отъ казаковъ. Въ это время генералъ Власовъ, бывшій вблизи, направилъ казаковъ на перерѣзъ горцамъ. Казбичъ, получившій объ этомъ извѣстіе въ тотъ моментъ, когда готовился атаковать отрядъ Ляшенко и Табанца, быстро перестроилъ ряды горцевъ и направилъ ихъ къ Кубани. Увлеченные казаки бросились въ погоню за черкесами и нѣкоторые изъ нихъ врѣзались такъ далеко въ черкесскую толпу, что Казбичъ успѣлъ захватить въ плѣнъ урядника и двухъ казаковъ. Но сами черкесы попали при этомъ въ ужасное положеніе. Подоспѣвшими къ переправѣ пушками было убито очень много горцевъ, въ томъ числѣ сынъ Казбича, тѣломъ котораго овладѣли казаки. Самъ Казбичъ былъ раненъ и едва успѣлъ уйти изъ плѣна. Въ рядахъ казаковъ было убитъ 1 и ранено 18 человѣкъ.

Власовъ распорядился о вызовѣ всѣхъ льготныхъ казаковъ на кордонную линію, численностью до 2500 человѣкъ, а самъ съ отрядомъ въ половинѣ ноября двинулся въ горы. Карательный отрядъ прошелъ по р.р. Цахъ, Супъ и Иликъ, 22 ноября истребилъ нѣсколько абадзехскихъ ауловъ, захватилъ много скота и отнялъ у горцевъ одну мѣдную пушку. Во второй разъ Власовъ съ казаками громилъ въ декабрѣ аулы шапсуговъ, сжигая всюду вмѣстѣ съ аулами сѣно и хлѣбные запасы. Изъ сообщенія Власова Матвѣеву 21 декабря видно, что, при истребленіи ауловъ по рѣчкамъ Азыпсу, Хаблю и др. и при отступленіи отряда въ Черноморію, ранено было 4 офицера, 2 урядника и 23 казака.

Въ 1824 г., съ 28 января, Власовъ съ отрядомъ ходилъ на абадзеховъ. Хотя черкесы держали себя сдержаннѣе и тише, но Власовъ продолжалъ ихъ карать за прошлое или за малѣйшее непріязненное движеніе въ текущій моментъ. Казакамъ отъ этого было, впрочемъ, не лучше. Усиленный составъ кадровъ по границѣ поглощалъ большую часть рабочихъ казачьихъ рукъ. Казакамъ не легко жилось на кордонахъ. Они гибли отъ черкесскихъ шашекъ не менѣе, чѣмъ отъ болѣзней и нужды. Въ январѣ командиръ 4-го пѣхотнаго полка полковникъ Долинскій писалъ Матвѣеву, что въ отрядѣ полкового есаула Орлова убыло отъ болѣзней и нападенія черкесовъ 59 человѣкъ и что остальные казаки не имѣли провіанта, терпѣли голодъ, сильное изнуреніе и болѣзни. Поэтому, онъ просилъ ихъ распустить по домамъ, какъ прослужившихъ на кордонной линіи болѣе положеннаго срока. То же происходило и въ другихъ мѣстахъ. Генералъ Власовъ свои тріумфальныя шествія по черкесскимъ ауламъ въ горахъ окупалъ цѣною напряженной службы Черноморскаго войска и усиленной охраны казаками границъ. Въ историческихъ актахъ за 1824 годъ нѣтъ указаній на набѣги черкесовъ на Черноморію. Отмѣченъ всего лишь одинъ случай столкновенія казаковъ съ черкесами при рубкѣ казаками лѣса подъ военной охраной. Самъ Власовъ ограничился лишь весенними своими походами. Въ февралѣ онъ громилъ аулы Джамбора, Асланъ-мурзы и Цапъ-Дедека. На разсвѣтѣ 5-го числа онъ осторожно подошелъ къ ауламъ, поджегъ ихъ и началъ истреблять населеніе. Охватившій черкесовъ паническій страхъ былъ такъ великъ, что они не пробовали даже сопротивляться, а всячески старались уйти изъ ауловъ. Благодаря этому, въ отрядѣ не было потерь, казаки взяли 143 души въ плѣнъ, захватили 700 головъ рогатаго скота, до 100 лошадей, около 1000 овецъ и не мало имущества. И только при обратномъ движеніи отряда пришедшіе въ себя горцы стали яростно нападать на казаковъ. Около 200 панцырниковъ проскочили въ самый отрядъ; часть ихъ была престрѣлена пластунами почти въ упоръ, а часть попала живыми въ руки казаковъ, до того отважно и неосторожно черкесы нападали на отрядъ. Дорогою, по приказанію Власова, разорены были два аула, принадлежавшіе хамышеевцамъ, и отрядъ перешелъ въ Черноморію. Больше въ этомъ году ни русскіе на черкесовъ, ни черкесы на русскихъ не нападали.

Въ 1825 г. черкесы пробовали отплатить русскимъ за ихъ карательные походы. Въ 9 часовъ утра 23 января до 2000 черкесской конницы, подъ начальствомъ Казбича, перешли по льду черезъ Кубань близъ Александровскаго кордона, и направились по дорогѣ къ Елизаветинскому селенію. Изъ кордона двинулся къ переправѣ отрядъ казаковъ съ двумя орудіями, подъ начальствомъ войскового старшины Кривошеи. Завязалась жаркая перестрѣлка. Черкесы употребляли невѣроятныя усилія, чтобы сломить небольшой казачій отрядъ, прикрываемый пушками. Скоро на мѣсто битвы при-

скакали изъ Елизаветинскаго селенія отрядъ подполковника Дубоноса съ двумя орудіями и изъ Великолагерскаго кордона войсковой старшина Табанецъ съ конными казаками и двумя орудіями. Сюда же явился и самъ Власовъ. Принявъ общее начальство надъ казаками, Власовъ перешелъ въ наступленіе. Черкесы были разбиты, преслѣдуемы на разстояніи 10 верстъ отъ Кубани и понесли значительныя потери убитыми и ранеными.

Вслѣдъ за этимъ отраженіемъ горцевъ, Власовъ перенесъ военныя дѣйствія за Кубань. Отрядъ, подъ его личною командою, былъ двинутъ на р. Иль. На 15 верстѣ отъ Кубани черкесскими секретами было открыто движеніе нашего отряда. Вѣсть объ этомъ съ быстротою молніи охватила весь Ильскій районъ. Отъ аула къ аулу неслись ружейные выстрѣлы, предупреждавшіе объ опасности сосѣдей. Къ удивленію казаковъ, гдѣ-то въ горахъ прогремѣли раскаты пушечныхъ выстрѣловъ. Черкесы приготовились къ встрѣчѣ враговъ. Когда Власовъ, выдѣливши изъ отряда партію въ 459 человѣкъ, послалъ ее, подъ начальствомъ войскового полковника Перекреста, сжечь сѣно, то черкесы напали на казаковъ въ такомъ громадномъ количествѣ, что казаки, спасаясь отъ непріятеля, вынуждены были въ карьеръ мчаться обратно къ отряду. Тѣмъ не менѣе, пока команда Перекреста не успѣла соединиться съ главными силами отряда Власова, черкесы успѣли настичь отставшихъ на слабыхъ и усталыхъ лошадяхъ казаковъ и 28 изъ нихъ убить, а 20 ранить. Предпріятіе Власова не удалось и онъ вынужденъ былъ направиться обратно въ Черноморію.

Но въ февралѣ Власовъ снова двинулся въ горы. Въ сраженіи 15 февраля съ абадзехами и шапсугами въ отрядѣ у него было ранено два офицера и 68 нижнихъ чиновъ. Черкесы же, благодаря артиллерійскому огню, понесли болѣе чувствительныя потери. Къ 24 февраля былъ сформированъ заново отрядъ, выступившій подъ командой Власова въ земли шапсуговъ и натухайцевъ. Отрядъ, составленный изъ 1, 2, 4, 8 и 9 конныхъ полковъ и 2, 3, 4, 5 и 10 пѣшихъ, съ присоединеніемъ къ нимъ стоявшихъ на кордонной линіи 5 и 7 конныхъ полковъ и 6, 7 и 8 пѣшихъ, былъ раздѣленъ на три части: двѣ дѣйствующія колоны были подъ командою войсковыхъ полковниковъ Стороженка и Табанца, а третьею резервною, при которой находился и Власовъ, командовалъ есаулъ Ольховой. Цѣлую ночь, въ тишинѣ и съ большими предосторожностями, отрядъ въ полномъ составѣ двигался впередъ, пока не достигъ р. Псебебсъ, у которой и остановился для отдыха. Отсюда колона Табанца была направлена на шапсугскіе аулы, а колона Стороженко на аулы натухайцевъ; резервъ остался на мѣстѣ. На разсвѣтѣ 25 февраля казаки первой колоны атаковали два шапсугскіе аула. Захваченные врасплохъ жители бросились бѣжать въ лѣсъ, но казаки успѣли захватить въ плѣнъ 35 человѣкъ, освободили изъ плѣна одного русскаго и убили на мѣстѣ 27 сопротивлявшихся чер-

кесовъ, ранившихъ двухъ казаковъ. Аулъ, запасы сѣна и хлѣба были сожжены, болѣе цѣнное имущество и оружіе взято отрядомъ, а скотъ и баранта угнаны казаками. Съ этою добычею колона Табанца двинулась прямо въ Черноморію, легко, почти безъ всякихъ потерь, справившись съ черкесами. Колона Стороженки употребила цѣлыя сутки, пока добралась по трудной дорогѣ къ двумъ натухайскимъ ауламъ. Натухайцы встрѣтили казаковъ выстрѣлами. Тогда Стороженко приказалъ атаковать оба аула. Черкесы оказали при этомъ самое слабое сопротивленіе. Аулы были разорены, а имущество и скотъ забраны отрядомъ. Казаки взяли въ плѣнъ 44 натухайца и нѣсколькихъ убили. Затѣмъ и колона Стороженко направилась въ Черноморію, куда и прибыла безъ всякихъ препятствій. Туда же передвинулся и резервъ съ генераломъ Власовымъ. Это былъ послѣдній походъ Власова на Кубань.

Разоренные аулы оказались принадлежащими натухайскому князю Сагатъ-Гирею-Калабатъ-оглы, находившемуся въ мирныхъ отношеніяхъ съ русскими. Князь запротестовалъ противъ враждебныхъ дѣйствій генерала Власова. Его поддержалъ попечитель горскихъ народовъ де-Скасси. Назначено было слѣдствіе. Въ концѣ концовъ генералъ Власовъ признанъ былъ виновнымъ въ нарушеніи мирныхъ отношеній съ натухайцами, удаленъ отъ командованія Черноморскою кордонною линіею и долженъ былъ возмѣстить убытки, понесенные натухайцами въ двухъ аулахъ, разоренныхъ казаками.

Финалъ, достойный тщеславнаго генерала, который, въ погонѣ за военной славой, съ одной стороны, забывалъ интересы населенія, которое онъ призванъ былъ защищать, а съ другой, съ ненужной суровостью такъ же жестоко каралъ черкесовъ за мелкія продѣлки, какъ и за крупныя нападенія, а иногда и просто безъ всякаго повода. Первыхъ, казаковъ, онъ экономически обезсиливалъ, вторыхъ разорялъ и доводилъ до крайняго озлобленія. Правда, Власовъ, захвативши черкесскій скотъ, распредѣлялъ его потомъ между казаками, служившими на кордонной линіи и ихъ семьями лишившимися своихъ кормильцевъ. Но это дѣлали и другіе начальники казаковъ, а самая помощь всетаки была случайною и мало значительною сравнительно съ тѣми потерями, которыя несло населеніе отъ поголовнаго привлеченія на линію и отъ напряженной военной службы, благодаря которой въ огромномъ количествѣ гибли казаки и лошади. Несомнѣнно, что этимъ генераломъ руководили, кромѣ слѣпой служебной ревности, военное тщеславіе и жажда къ наградамъ. Императоръ Николай, судья строгій и безпристрастный, по поводу дѣйствій генерала Власова писалъ 29 іюля 1829 г. въ рескриптѣ на имя Ермолова: „ясно видно, что не только лишь одно презрительное желаніе пріобрѣсти для себя и подчиненныхъ знаки военныхъ отличій легкими трудами при разореніи жилищъ несчастныхъ жертвъ, но непростительное тщеславіе и постыднѣй-

шіе виды корысти служили имъ основаніемъ“. Справедливость требуетъ прибавить, что Власовъ дѣйствовалъ такимъ образомъ изъ угожденія Ермолову, который былъ рьянымъ приверженцемъ опустошительной войны съ горцами и щедро награждалъ исполнителей его карательныхъ плановъ.

Раздраженные и доведенные до отчаянія карательными экспедиціями Власова черкесы продолжали волноваться и искать защиты у Турціи. Въ августѣ армяне лазутчики, прожившіе 7 дней въ Анапѣ, привезли свѣдѣнія о козняхъ, готовившихся для Черноморскаго войска въ Анапѣ. Анапскій комендантъ Абдулъ-паша вызвалъ въ крѣпость до 400 представителей отъ различныхъ черкесскихъ племенъ для выясненія ихъ отношеній къ русскимъ. Черкесы эти расположились лагеремъ около Анапы и ежедневно собирались на совѣщанія. Они просили анапскаго пашу довести до свѣдѣнія султана турецкаго, что, въ теченіе 25 лѣтъ, по Кубани и Тереку у черкесскихъ племенъ было убито русскими 25.225 душъ черкесовъ, захвачено 50,000 лошадей, 60,000 рогатаго скота и 100,000 овецъ. Представители черкесовъ предложили пашѣ послать къ Падишаху 11 депутатовъ, которые выяснили бы чрезмѣрность убытковъ, причиненныхъ русскими горцамъ, и ходатайствовали бы предъ султаномъ о покрытіи хотя бы части этихъ убытковъ. Депутаты были избраны и немедленно отправлены въ Турцію.

Скоро потомъ анапскій паша снабдилъ натухайцевъ порохомъ и свинцомъ, что видѣли армяне лазутчики. Почти одновременно онъ отправилъ къ абазинцамъ порохъ, ядра для пушекъ и 4 канонировъ изъ Анапы. Сами абазинцы наняли также двухъ турокъ, умѣвшихъ обращаться съ орудіемъ и опытныхъ въ стрѣльбѣ изъ нихъ. Изъ Турціи прибыли 8 судовъ съ товарами и провіантомъ для 1000 человѣкъ войска, которому предстояло высадиться въ Анапѣ.

Между тѣмъ, посланные горцами депутаты не были приняты султаномъ. Султанъ отослалъ ихъ въ Трапезундъ къ Хаджи-Гасану-пашѣ, назначенному комендантомъ въ Анапу. Гасанъ разобралъ жалобу депутатовъ и нашелъ, что они не правы, такъ какъ сами начали войну съ русскими. Въ особомъ обращеніи къ закубанскимъ народамъ, онъ совѣтовалъ черкесамъ „жить смирно и воровства въ Россіи не дѣлать“, обѣщая, что, при этомъ условіи, и Россія не станетъ разорять черкесовъ.

Мысль о мирныхъ взаимоотношеніяхъ не чужда была и нѣкоторымъ черкесамъ. Въ концѣ 1825 года представители извѣстной у натухайцевъ фамиліи Супако ѣздили къ абазинцамъ и убѣждали ихъ прекратить войну съ русскими, рисуя преимущества мирныхъ торговыхъ отношеній съ русскими и невыгоды военныхъ дѣйствій.

Въ разнаго рода переговорахъ и заботахъ о мирныхъ отношеніяхъ прошелъ и 1826 годъ. Приготовленія къ набѣгамъ черкесовъ на Черноморію были пріостановлены сторонниками мира. Находившіеся съ 23 января по 11 февраля этого года въ Черкессіи русскіе коммисары Таушъ и Люлье сообщили слѣдующіе факты.

Черкесскій князь Калабатъ-оглу-Смаилъ-Гирей, узнавши о сборищѣ шапсуговъ, намѣревавшихся идти на Черноморію, явился 18 января на это собраніе съ младшимъ сыномъ Индаръ-оглу, родственниками и друзьями. Изобразивши въ яркихъ краскахъ опасность и рискъ готовившагося предпріятія, Калабатъ частью доводами, а частью угрозами заставилъ шапсуговъ отказаться отъ набѣга на казачьи поселенія.

Другой князь Абатъ Убыхъ, не успѣвшій сдѣлать того же въ аналогичномъ случаѣ, отправился въ Анапу и просилъ анапскаго пашу понудить шапсуговъ отказаться отъ набѣга на Черноморію. И паша послалъ съ такимъ порученіемъ къ шапсугамъ чиновника.

Третій князь Наврузъ-оглу Девлетъ-Мурза, получивши извѣстіе, что часть натухайцевъ подговорена шапсугами къ совмѣстному съ ними нападенію на казачьи поселенія, собралъ значительное количество друзей и отправился съ ними къ сборищу шапсуговъ и натухайцевъ. Здѣсь, въ собраніи горцевъ, силою своего краснорѣчія онъ такъ подѣйствовалъ на воинственныхъ черкесовъ, что одни изъ нихъ немедленно оставили военный станъ и отправились по домамъ, а другіе остались и дали торжественную клятву не нарушать мира съ русскими. Самъ Наврузъ тоже присягнулъ въ томъ, что онъ всегда будетъ отклонять горцевъ отъ набѣговъ и извѣщать русскихъ о враждебныхъ намѣреніяхъ шапсуговъ, хотя бы это и стоило ему жизни.

Съ другой стороны, въ томъ же направленіи дѣйствовалъ новый комендантъ Анапы Хаджи-Гасанъ-паша. Турецкіе муллы и чиновники ѣздили, по его приказанію, по ауламъ черкесовъ и передавали его распоряженія о строжайшемъ соблюденіи мира съ русскими. Чиновникамъ приказано также было приводить населеніе къ присягѣ и брать аманатовъ и подати хлѣбомъ и баранами на содержаніе анапскаго гарнизона. Но шапсуги и натухайцы не пустили чиновниковъ на свои земли и когда послѣдніе хотѣли силою привести къ присягѣ черкесовъ, то они схватили ихъ, двухъ убили, а остальныхъ отослали въ Анапу. Гаджи-Гасанъ-паша, съ присущею ему тактичностью, повелъ переговоры съ строптивыми горцами. По его приглашенію, 26 августа огромная толпа черкесовъ явилась въ Анапу для окончательныхъ переговоровъ. Здѣсь, въ числѣ условій, черкесамъ предложено было, кромѣ присяги, строго соблюдать мусульманскую вѣру и судиться по военнымъ законамъ, отказавшись отъ обычныхъ формъ третейскаго суда. На это шапсугскіе и натухайскіе старшины отвѣтили, что черкесы охотно будутъ слушаться совѣтовъ и приказаній паши, но останутся свободнымъ, независимымъ народомъ и будутъ свободно, по совѣсти, а не по принужденію исповѣдывать исламъ. О присягѣ же и соблюденіи турецкихъ законовъ они посовѣтуются на мѣстахъ. Послѣ взаимныхъ споровъ и пререканій, шапсуги и натухайцы отказались отъ присяги турецкому султану и категорически заявили, что они

будутъ защищать свою свободу съ оружіемъ въ рукахъ до послѣдней капли крови и скорѣе покорятся Россіи, чѣмъ станутъ подданными Турціи на предложенныхъ имъ условіяхъ.

Такъ неудачно закончившееся совѣщаніе горцевъ съ турецкими властями взволновало и другія черкесскія племена. Всюду горцы стали отказываться отъ повиновенія туркамъ, а простой народъ роптал на дворянъ, присягнувшихъ Турціи изъ за своихъ личныхъ выгодъ, а не въ интересахъ отечества.

Мирному теченію жизни въ 1826 г. у казаковъ на Черноморіи и у черкесовъ за Кубанью способствовало то обстоятельство, что незнавшій удержу въ военныхъ дѣйствіяхъ начальникъ Черноморской кордонной линіи генералъ-маіоръ Власовъ былъ замѣненъ болѣе миролюбивымъ генераломъ Сысоевымъ. Послѣдній письменно спрашивалъ Гассанъ-пашу, какое дѣйствіе на горцевъ оказало его распоряженіе о необходимости сохраненія ими мира съ русскими, и получилъ отвѣтъ, что одни шапсуги не слушались его и готовились къ набѣгу на Черноморію.

Мирно, безъ столкновеній казаковъ съ черкесами прошелъ и 1827 годъ. Казаки при осторожномъ начальникѣ кордонной линіи, какимъ былъ генералъ Сысоевъ, отдохнули немного отъ военныхъ тревогъ; горцы поглощены были внутренними дѣлами и циркулировавшими между ними слухами. Изъ Пшады 27 сентября коммисаръ Таушъ сообщалъ Сысоеву, что еще въ началѣ 1825 года между черкесами обращалось сказаніе о томъ, что будто бы по корану настало уже время появленія пророка, именуемаго Исмаилъ Гарисъ. Пророкъ этотъ долженъ отвоевать у русскихъ всѣ отнятыя ими у Оттоманской имперіи провинціи. Черкесы вѣрили этимъ слухамъ и хотя не ладили съ турками, но и къ русскимъ относились враждебно. Тотъ же Таушъ, извѣщая 20 октября Сысоева о ходѣ присяги черкесовъ Турціи, сообщалъ, что ночью 16 октября черкесы разбили въ Суджукъ Кале соляной магазинъ, принадлежавшій анатоліевскому турку, и забрали изъ него соль. Гаджи-Гасанъ-паша сдѣлалъ ошибку, запретивши продавать соль черкесамъ, не присягнувшимъ Турціи. Такъ какъ неприсягнувшихъ было подавляющее большинство, то они и показали свою силу.

Въ 1827 году Высочайшимъ указомъ 30 сентября на мѣсто умершаго войскового атамана Матвѣева былъ назначенъ полковникъ Безкровный. Въ декабрѣ, по собственному желанію, оставилъ мѣсто начальникъ Черноморской кордонной линіи генералъ Сысоевъ и кордонная линія подчинена была Безкровному. Произошло сліяніе въ одномъ лицѣ двухъ очень важныхъ для войска обязанностей, сліяніе въ высшей степени желательное для казаковъ.

Насталъ страдный для черноморцевъ 1828 годъ. Апрѣля 3 была объявлена война Россіей Турціи. Въ Черноморіи были поставлены на военную ногу всѣ наличныя силы—льготные и даже „престарѣлые и дряхлые“ казаки. Два конныхъ и два пѣшихъ

полка съ артиллерійской ротой поступили въ отрядъ, находившійся при Фанагорійской крѣпости; два конныхъ и два пѣшихъ полка съ частью артиллеріи, подъ командой Безкровнаго, направлены были къ Анапѣ, гдѣ и пробыли съ 3 мая по 12 іюня, день взятія Анапы русскими войсками. Остальные полки въ усиленномъ составѣ были расположены по кордонной линіи. Сначала одинъ пѣшій, а затѣмъ два конныхъ полка отправлены были въ Дунайскую армію. Въ маѣ приказано было собрать 1500 престарѣлыхъ казаковъ для борьбы съ горцами на Кавказскую линію, въ Усть-Лабу были откомандированы 400 пластуновъ, 3-й конный полкъ при одномъ орудіи. Въ сентябрѣ приказано было сформировать 5-й и 6-й конные полки и отправить ихъ на Крымскую сторону. Словомъ всѣ силы Черноморскаго войска были напряжены до крайней степени. Дома остались лишь женщины и дѣти: на войну угнали даже стариковъ и малолѣтковъ.

Апрѣля 3 главный штабъ послалъ извѣщеніе командующему войсками на Кавказской линіи генералу Емануелю, что война съ Турціей будетъ начата 25 Апрѣля. Часть войскъ, находившихся въ распоряженіи Емануеля, назначалась для взятія Анапы. Съ горцами же, предупреждалъ штабъ, Государь „желалъ бы имѣть обращеніе самое дружелюбное“. Въ то же время изъ за Кубани были получены слухи, что въ Анапу уже перевезено изъ Турціи 12000 войска и что Анапскій паша рѣшилъ раздѣлить эти войска на три части и вмѣстѣ съ черкесами тревожить русское населеніе. Передавали также, что въ Крымъ направлено 40000 турецкихъ солдатъ. Армянинъ Авадимъ, собиравшій долги съ черкесовъ, видѣлъ, какъ въ Анапу прибыло три турецкихъ корабля: на двухъ было до 1000 человѣкъ войска, а на одномъ провіантъ. Четвертое судно было занесено въ Суджукъ-Кале. Ожидали еще 9 кораблей. Приверженные къ Россіи черкесы 26 апрѣля извѣстили казаковъ, что они будутъ дѣйствовать противъ Турціи. Приказомъ 28 апрѣля Безкровный распорядился направить къ кордонной линіи два полка для подкрѣпленія наличныхъ силъ войска въ виду намѣренія Анапскаго паши перенести военныя дѣйствія въ Черноморію; а 30 апрѣля получено было приказаніе Емануеля объ укрѣпленіи Каракубанскаго острова для обезпеченія отъ опасности Славянскаго мѣнового двора. Того-же числа изъ за Кубани было получено извѣстіе, что султанъ отдалъ подъ команду Пшекую 1000 ч. войска, а Пшекуй совѣтовалъ коменданту Анапы заранѣе сдѣлать подкопы въ крѣпости и заложить мины на случай бѣгства. Самъ Пшекуй разсказывалъ о томъ, что за нимъ ухаживалъ султанъ, просилъ помощи отъ русскихъ, чтобы удержать въ повиновеніи своихъ подданныхъ. Въ противномъ случаѣ онъ грозилъ перебраться въ горы къ враждебнымъ Россіи племенамъ. Впослѣдствіи Пшекуй ушелъ въ горы и дѣйствовалъ съ турками противъ русскихъ. Въ маѣ онъ явился съ 200 арбъ и абазинцами въ аулъ сторонника Россіи Магмета и силою заставилъ его выселиться въ горы.

Точно также хамышейскіе владѣльцы Алкасъ и Магметъ просили дать имъ одинъ полкъ солдатъ для охраны при переселеніи ближе къ Кубани четырехъ подвластныхъ имъ ауловъ. Подданные ихъ вошли въ соглашеніе съ абадзехами, къ которымъ они рѣшились выселиться, не желая подчиняться власти Алкаса и Магмета. Безкровный былъ расположенъ оказать имъ эту помощь и 24 апрѣля далъ имъ отвѣтъ въ этомъ духѣ. Но Емануель нашелъ невозможнымъ осуществить обѣщаніе Безкровнаго, чтобы не озлобить другихъ горцевъ.

Между тѣмъ Безкровный 30 апрѣля перебрался уже съ казаками черезъ Кубань у Чернаго моря и выступилъ по направленію къ Анапѣ. Съ горы Джеметэ онъ замѣтилъ три партіи горцевъ около ста человѣкъ, бросившихся стремительно къ селенію Джеметэй, которое скоро было охвачено огнемъ. Въ 7 часовъ вечера Русскія войска заняли это селеніе, въ которомъ часть домовъ сгорѣла и гдѣ совсѣмъ не было жителей; тогда же вечеромъ былъ занятъ и полуразрушенный Джеметейскій редутъ. На другой день черкесы сдѣлали слабую попытку нападенія на редутъ, окончившуюся полной неудачей. Полагая, что горцы непремѣнно будутъ вести военныя дѣйствія противъ русскихъ войскъ съ турками, Безкровный предложилъ направить войска прежде всего противъ черкесовъ и заранѣе отбить у нихъ охоту къ войнѣ.

Съ мая черкесы начали производить нападенія на Черноморію мелкими партіями. Три партіи перешли Кубань въ разныхъ мѣстахъ— одна у Берестоваго Кута, другая у Подмогильнаго поста и третья у поста Павловскаго. Со всѣми тремя партіями казаки имѣли дѣло; были убитые, раненые и взятые въ плѣнъ съ обѣихъ сторонъ. Начавши воевать съ русскими, горцы одновременно стали тѣснить и сторонниковъ ихъ за Кубанью. Такъ, 18 мая владѣльцу четырехъ ауловъ Ахметуку черкесы предложили переселиться къ нимъ въ горы, подъ угрозой смерти и разоренія ауловъ. Ахметукъ бѣжалъ въ Черноморію, оставивши въ аулахъ своихъ подданныхъ.

Съ мая было начато обложеніе Анапы. Четыре фрегата, пять корветовъ и четыре мелкихъ судна 7 мая блокировали Анапу. Съ этихъ судовъ и съ береговыхъ батарей открытъ былъ въ теченіе трехъ часовъ сильный огонь Одновременно возлѣ Суджукъ-Кале русскими крейсерами были задержаны 4 турецкихъ судна, изъ которыхъ одно успѣло уже высадить на берегъ 186 человѣкъ турокъ и было затоплено, а остальныя три съ 858 вооруженными солдатами, предназначенными для анапскаго гарнизона, взяты въ плѣнъ. На этихъ же судахъ были захвачены депеши, извѣщавшія анапскаго пашу о посылкѣ ему еще 10.000 войска. Съ 15 по 18 мая русскіе заняли самую высшую точку на господствовавшихъ надъ Анапою высотахъ и возвели здѣсь сильную батарею, заперши такимъ образомъ Анапу съ суши и отрѣзавши ее отъ сношеній съ черкесами и отъ водныхъ источниковъ. И въ то время, когда рус-

скія войска громили Анапу, турки дѣлали лишь слабыя вылазки изъ нея противъ казаковъ и солдатъ.

По свѣдѣніямъ Екатеринодарской карантинной конторы, войсковой старшина Черный 28 мая сообщилъ Безкровному, что Пшекуй собралъ черченеевцевъ, темиргоевцевъ, абадзеховъ и шапсуговъ въ урочищѣ Хохой и намѣревался напасть на русскія войска, расположенныя у Анапы, и на Черноморію, чтобы отвлечь этимъ часть русскихъ военныхъ силъ отъ крѣпости. 28 мая произошелъ жаркій бой у Анапы. Турки сдѣлали вылазку и, по свѣдѣніямъ лазутчиковъ, въ вылазкѣ участвовали темиргоевцы, черченеевцы, абадзехи, шапсуги и натухайцы, подъ предводительствомъ Пшекуя и натухайца Даше Накука, бывшаго вмѣстѣ съ Пшекуемъ въ Константинополѣ и пожалованнаго чиномъ полковника. Какія потери у горцевъ были послѣ этого дѣла, неизвѣстно, но въ одни шапсугскія владѣнія было отвезено 60 тѣлъ. Въ это время, 12 іюня 1828 г., была взята приступомъ турецкая крѣпость Анапа.

Но уже приказомъ 24 іюня Емануель поручилъ Безкровному производить движенія съ отрядомъ на земляхъ черкесовъ прианапскаго района и препятствовать уборкѣ хлѣбовъ въ тѣхъ аулахъ, которые не дадутъ аманатовъ въ обезпеченіе мирныхъ отношеній къ русскимъ. Въ виду невозможности воспрепятствовать уборкѣ хлѣба, разбросаннаго въ разныхъ мѣстахъ и на большомъ пространствѣ, Безкровный просилъ Емануеля разрѣшенія жечь хлѣбъ и вообще карать тѣхъ, которые не пожелаютъ дать аманатовъ. Емануель медлилъ, и только 21 іюля разрѣшилъ Безкровному рѣшительныя дѣйствія противъ горцевъ и даже усилить отрядъ пѣхотою при Анапѣ, если шапсуги и натухайцы откажутся принять присягу въ покорности Россіи. Но было уже поздно.

Какъ и слѣдовало ожидать, натухайцы обманули Безкровнаго. Выпросивши отсрочку для дачи отвѣта объ аманатахъ, они убрали въ то время хлѣбъ и увезли зерно, отказавшись присягнуть Россіи, подъ предлогомъ мести со стороны шапсуговъ и абадзеховъ. Безкровный просилъ, поэтому, Емануеля разрѣшить карательную экспедицію противъ натухайцевъ. Анапа была взята русскими войсками уже два мѣсяца тому назадъ и экспедиція противъ натухайцевъ была разрѣшена Безкровному во второй разъ. Казаки быстро справились съ натухайцами: натухайскій народъ изъявилъ желаніе принять присягу на подданство Россіи, а дворяне ушли въ горы къ непріязненнымъ Россіи черкесамъ. Но присяга не была еще совершена и Безкровный просилъ Емануеля разрѣшить продажу соли на мѣновыхъ дворахъ только тѣмъ изъ черкесовъ, которые примутъ присягу на подданство Россіи и не болѣе 1 пуда на человѣка, для предотвращенія торговли солью съ немирными горцами.

Пока тянулись переговоры съ натухайцами, другія черкесскія племена также пробовали вступить въ мирныя соглашенія съ Россіей. Въ іюлѣ темиргоевскій почетный дворянинъ Пшемафъ Ахмету-

ковъ вмѣстѣ съ другими дворянами и народомъ изъявили желаніе присягнуть на подданство Россіи и выдать аманатовъ. Надо замѣтить, что въ началѣ войны съ Турціей темиргоевцы первыми изъявили покорность Россіи, обѣщая дѣйствовать противъ враждебныхъ племенъ, но впослѣдствіи увлекаемые воюющими горцами перешли на ихъ сторону, за что 20 мая и наказаны были разгромленіемъ ихъ ауловъ по р. Бѣлой.

Въ августѣ собраніе до 1000 человѣкъ представителей изъ шапсуговъ, абадзеховъ и др. племенъ просило открыть мѣновые дворы для свободной торговли между горцами и казаками, чтобы удержать этимъ черкесскую чернь въ спокойномъ состояніи. Но Емануель разрѣшилъ это сдѣлать только для тѣхъ горцевъ, которые выдали аманатовъ.

Отрядъ Безкровнаго двинулся въ земли натухайцевъ 1 августа, въ составѣ 1267 казаковъ и 350 солдатъ. Во время движенія отряда было истреблено 4 аула въ урочищѣ Унепохорай, а 16 сентября два аула въ урочищѣ Уташъ и на балкѣ Ханъ-Чокракъ. Въ сентябрѣ отрядъ состоялъ изъ 1316 казаковъ и 350 мирныхъ черкесовъ. Отрядомъ этимъ взято въ плѣнъ 23 черкеса и захвачено много рогатаго скота и овецъ.

Только 7 ноября натухайцы, жившіе по р.р. Сукко, Мезкаго, Китламичъ, Копесагъ, Гостагай, Шумай, Чоканъ, Шуго и Псебебсъ заключили окончательный договоръ съ Безкровнымъ. Натухайцы жаловались, что русскія войска сожгли ихъ жилища, хлѣбъ и сѣно, плѣнили населеніе и взяли скотъ, и просили возвратить имъ людей и скотъ. Безкровный принялъ эти условія, и натухайцы, въ количествѣ 56 ауловъ, присягнули, выдавши ему 6 аманатовъ и обязавшись удерживать отъ набѣговъ на Черноморію и другихъ горцевъ или во всякомъ случаѣ предупреждать русскихъ о готовящихся на нихъ нападеніяхъ. Если Анапа навсегда останется за Россіей, натухайцы должны заключить новый договоръ. Вслѣдъ за принятіемъ присяги Безкровному были доставлены русскіе плѣнные и бѣглецы, какіе были у натухайцевъ. Позже Безкровный донесъ Емануелю, что присягу приняли лишь до 5000 дворовъ натухайскаго народа, а дворяне отказались дать присягу. Безкровный испрашивалъ разрѣшенія отдать натухайцамъ ихъ скотъ. Онъ ходатайствовалъ также 9 ноября о денежныхъ наградахъ дворянину Супако, старѣйшинамъ Ганту и Кочажоко и генеральшѣ Бухольцъ, родомъ черкешенкѣ, склонившихъ натухайцевъ принять присягу на подданство Россіи. Обѣщая удовлетворить ходатайство Безкровнаго, Емануель отвѣтилъ ему, что въ договорѣ съ натухайцами допущены такія преимущества, какія не даны ни одному черкесскому племени. При дальнѣйшемъ веденіи переговоровъ Безкровный долженъ былъ вмѣнить натухайцамъ въ обязанность возвратить русскимъ не только плѣнныхъ и бѣглецовъ. но и весь скотъ и имущество награбленные у русскихъ.

Пока главныя военныя дѣйствія происходили у Анапы, по Черноморской кордонной линіи не было крупныхъ дѣлъ съ горцами. Были лишь случаи мелкихъ столкновеній. Въ іюнѣ съ кордонной линіи Безкровному было сообщено, что когда черезъ Кубань попробовали перебраться на большомъ каюкѣ съ враждебными намѣреніями 10 горцевъ, то часть ихъ убили казаки, а рулевого и двухъ черкесовъ застрѣлилъ хорунжій Бѣлый, командовавшій отрядомъ. Подстрѣленные горцы падая въ каюкѣ, опрокинули его и всѣ утонули, за исключеніемъ одного, убѣжавшаго на противоположную сторону Кубани. Въ декабрѣ черкесы зарубили казака, ѣхавшаго за сѣномъ въ Красный лѣсъ, а воловъ угнали. Даже неблагопріятный исходъ для турокъ войны не повліялъ на горцевъ, жившихъ мелкими грабежами и кражами.

Въ 1829 году война съ турками продолжалась и горцы не думали слагать оружія. Въ январѣ Екатеринодарскій полицмейстеръ донесъ Безкровному, что въ ночь на 13 января одна шайка черкесовъ переправилась ниже Екатеринодара по льду черезъ Кубань, а другая изъ 50 человѣкъ быстро бросилась въ городъ, гдѣ въ караулѣ были одни престарѣлые казаки. Въ четверть часа черкесы успѣли захватить старика, кобылицу и нѣсколько домашнихъ вещей, выдержать перестрѣлку съ городскимъ карауломъ и быстро скрыться за Кубань. По слѣдамъ крови, найденнымъ утромъ на мѣстѣ происшествія, можно было думать, что у черкесовъ были раненые. Тогда же по льду черезъ Кубань черкесы сдѣлали два нападенія— одно на село Старотитаровское, а другое на Курчанскіе хутора. Въ первомъ случаѣ партія до 300 человѣкъ перешла по льду Кубань Широчанскаго поста. Своевременно встрѣченная казачьими командами, она, потерявши 5 человѣкъ убитыми и 14 ранеными, ретировалась за Кубань. У казаковъ ранена была только лошадь.

На другой день, въ 10 часовъ ночи, другая партія, въ количествѣ 800 человѣкъ, перешла Кубань около Смоляного поста. Вступившіе съ ней въ борьбу казаки, подъ командой есаула Кравченко, были окружены горцами. Спѣшившись съ лошадей, казаки упорно защищались, пока къ нимъ не подоспѣла помощь. Черкесы, по слухамъ, потеряли 18 убитыми и 40 ранеными. У казаковъ было убито 5 человѣкъ и ранено 4, а пятый раненый взятъ въ плѣнъ.

Въ обоихъ случаяхъ партіями предводительствовали натухайскіе дворяне изъ родовъ Супако и Каламбатъ.

Въ полночь подъ 21 февраля черкесы, перебравшись по льду черезъ Кубань въ районѣ Марьинскаго поста, напали на первую залогу изъ 4 пластуновъ, изъ которыхъ одного убили, одного ранили и 2 взяли въ плѣнъ. Въ 50 шагахъ отъ первой была вторая залога изъ 4 человѣкъ, въ 100 шагахъ новая залога изъ 5 казаковъ и 240 шагахъ пикетъ, на которомъ находился хорунжій Высочинъ съ 35 казаками. Но никто не подалъ помощи первой залогѣ. Черкесы дѣйствовали безъ шума и выстрѣловъ.

По донесенію командира 10 коннаго полка есаула Коваленко, 12 іюня въ 12 часовъ ночи, около 200 конныхъ и пѣшихъ черкесовъ переправились черезъ Кубань къ Великолагерному мѣновому двору. Бывшіе въ залогѣ три пластуна во время замѣтили это и дали знать въ Великолагерный кордонъ есаулу Коваленко, который раздѣливши 150 казаковъ на три части, поставилъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ—50 казаковъ у зданія мѣноваго двора, 60 человѣкъ у Кубани, а съ остальными и съ орудіями есаулъ занялъ центръ укрѣпленія. Горцы также раздѣлились на части—одна часть бросилась на мѣновой дворъ, а другая обстрѣливала казаковъ издали. Черкесы дѣлали натискъ на мѣновой дворъ съ явною цѣлью разграбить его; они начали разбирать частоколъ, чтобы пробраться во дворъ. Произошла рукопашная схватка съ казаками, стоявшими у Кубани, и нападавшимъ черкесамъ казаки дали настолько сильный отпоръ, что подъ ударами ихъ сразу же пало 6 черкесовъ. Когда бывшіе въ резервѣ черкесы направили выстрѣлы въ казачью команду, больной есаулъ Коваленко распорядился, чтобы урядникъ Гречаный выдвинулъ къ строеніямъ два орудія и направилъ выстрѣлы на черкесскій резервъ. Опытный канониръ такъ удачно навелъ на непріятеля пушки, что черкесы послѣ перваго же выстрѣла, съ крикомъ бросились къ Кубани. Началась безпорядочная переправа черкесовъ на другую сторону рѣки. Казаки выстрѣлами изъ ружей убивали плывшихъ по Кубани горцевъ. Пораженіе произошло полное. Было убито до 30 горцевъ, оставлено на мѣстѣ 8 тѣлъ и до 40 человѣкъ ранено. Замѣчательно, что у казаковъ не оказалось ни убитыхъ ни раненыхъ,

Для наказанія черкесовъ за набѣги на казачье населеніе и Великолагерный мѣновой дворъ, Безкровный, съ разрѣшенія Емануеля, снарядилъ экспедицію на р. Иль. Въ отрядъ вошло 3 штабъ-офицера, 24 оберъ-офицера, 20 урядниковъ, 930 конныхъ и 560 пѣшихъ казаковъ, съ двумя взводами артиллеріи. Въ 8 часовъ вечера 21 іюля отрядъ переправился черезъ Кубань, а въ $2^{1}/_{2}$ часа ночи достигъ урочища Берко, находившагося въ центрѣ натухайскихъ жилищъ, окруженныхъ пашнями и сѣнокосами, принадлежавшими не только мѣстнымъ жителямъ, но и отдаленнымъ отсюда черкесамъ, жившимъ въ горахъ. Отсюда были посланы отряды для розысканія черкесовъ и скота въ поляхъ. Утромъ черкесы, ѣхавшіе изъ хуторовъ и ауловъ на поля, открыли команды казаковъ и атаковали ихъ, завязавъ перестрѣлку. Команды успѣли однако отбить 1900 овецъ и нашли 4 пасѣки пчелъ въ 1000 колодъ, которыя и сожгли. Между тѣмъ собралось до 500 горцевъ. Казаки жгли хлѣба и сѣно. Горцы бросились на главный отрядъ, но были отражены, оставивши на мѣстѣ 5 тѣлъ и 8 лошадей. На выстрѣлы поспѣшили черкесы изъ другихъ мѣстъ. Толпа возросла до 1000 человѣкъ. Завязалось жаркое двухчасовое сраженіе. Нѣсколько атакъ черкесовъ были отбиты казаками. На этотъ разъ горцы оставили на мѣстѣ боя 9 тѣлъ и 14 лошадей.

При обратномъ отступленіи отряда, число горцевъ росло и они продолжали нападать на отрядъ съ фланговъ, занявши и мѣста у переправы черезъ Кубань. Здѣсь произошло новое сраженіе, длившееся съ 4 часовъ по полуночи до $3^1/_2$ часовъ дня. Сначала артиллерійскимъ огнемъ горцы оттѣснены были отъ Кубани у переправы, но они продолжали нападать со всѣхъ сторонъ на отрядъ. Послѣ напрасныхъ усилій одолѣть русскихъ, они оставили на мѣстѣ 13 тѣлъ и 17 лошадей.

По собраннымъ лазутчиками свѣдѣніямъ, черкесы, кромѣ оставленныхъ на мѣстахъ сраженій 27 тѣлъ и 39 лошадей, увезли съ собою не менѣе 35 убитыхъ и 70 раненыхъ. Отрядъ сжегъ 17 хуторовъ, до 300 стоговъ хлѣба, 500 стоговъ сѣна и 4 пасѣки. Но въ плѣнъ казаки взяли только двухъ черкесовъ и одного мальчика при овцахъ.

Въ отрядѣ убитъ 1 казакъ и ранены 1 офицеръ, 3 урядника и 9 казаковъ. Лошадей убито 13 и ранено 26. При движеніи отряда погибло 295 овецъ и 1605 переправлено черезъ Кубань.

Вторая экспедиція генерала Безкровнаго, начатая 18 сентября, состояла изъ 5 штабъ-офицеровъ, 29 оберъ-офицеровъ, 38 урядниковъ, 928 конныхъ и 772 пѣшихъ казаковъ, при 5 орудіяхъ. О движеніи отряда извѣстили бывшихъ въ сборѣ абадзеховъ и шапсуговъ хамышейцы. Черкесы разошлись по ауламъ, удалили женъ, дѣтей и стариковъ со скотомъ въ горы, а сами остались при аулахъ. Отрядъ Безкровнаго былъ направленъ къ абадзехамъ и прошелъ по р.р. Супъ, Иликъ и Уніобатъ. Здѣсь сходились границы абадзехскихъ и шапсугскихъ владѣній. Здѣсь же было и сборище обѣихъ племенъ. Утромъ на другой день былъ сильнѣйшій туманъ и только съ 8 часовъ утра, когда туманъ разсѣялся, отрядъ узналъ, что онъ открытъ черкесами. Сжегши до 200 стоговъ хлѣба, 350 стоговъ сѣна и взявши 259 овецъ и 1 черкеса, отрядъ оставилъ въ покоѣ аулы и направился обратно къ Кубани. Не было ни сраженій съ горцами, ни отдѣльныхъ значительныхъ стычекъ. Отрядъ вернулся домой безъ потерь и за все время былъ убитъ только одинъ черкесъ.

Годъ завершился нападеніемъ черкесовъ на казачьи курени, окончившимся полною неудачею горцевъ. Партія абадзеховъ, шапсуговъ и натухайцевъ, переправившись 12 декабря по льду черезъ Кубань въ районѣ Новогригорьевскаго поста, двинулась на Старотитаровскій курень. Извѣщенный объ этомъ войсковой старшина Ольховой 2-й, съ отрядомъ казаковъ и взводомъ артиллеріи, бросился по слѣдамъ горцевъ къ Старотитаровкѣ. Здѣсь уже завязалось дѣло. Старотитаровцы встрѣтили черкесовъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Черкесы не могли проникнуть въ курень. Въ то же время отрядъ Ольховаго началъ тѣснить непріятеля съ тыла. Черкесы въ свою очередь раздѣлились на двѣ части—одна съ шашками въ рукахъ пыталась разбить отрядъ Ольховаго, а другая старалась ворваться въ курень. Дружный отпоръ казаковъ и усиленный огонь

изъ пушекъ и ружей заставилъ, однако, горцевъ отступить. Тогда казаки Ольховаго, соединившись съ старотитаровцами, начали наступать на черкесовъ, преслѣдуя ихъ до переправы черезъ Кубань. Горцы, не успѣвши даже ворваться въ Старотитаровскій курень, оставили на мѣстѣ боя 8 тѣлъ, а до 30 убитыхъ и 70 раненыхъ захватили съ собой. Съ русской стороны былъ легко раненъ только одинъ казакъ. Пушки не дозволяли черкесамъ приблизиться къ казакамъ на ружейный выстрѣлъ, чѣмъ объясняется отсутствіе потерь у казаковъ.

1830 годъ начался набѣгами горцевъ на Черноморію. Казбичъ, собравши до 5000 горцевъ, перешелъ съ ними 3 января Кубань и направился на станицу Елизаветинскую съ намѣреніемъ разграбить станицу. Но въ послѣдней оказались наготовѣ 278 человѣкъ конницы и 200 человѣкъ пѣхоты со взводомъ артиллеріи. Пушечными выстрѣлами былъ удержанъ натискъ черкесовъ на станицу. Получивши неожиданный отпоръ, Казбичъ повернулъ черкесовъ къ Кубани, такъ какъ узналъ, что въ тылу у него уже былъ самъ Безкровный съ отрядомъ казаковъ. По плану Безкровнаго, былъ посланъ въ обходъ съ тыла отрядъ казаковъ съ Могукоровымъ во главѣ. Хотя отрядъ этотъ и не успѣлъ занять надлежащаго мѣста во время, но при движеніи черкесовъ къ Кубани онъ, какъ и защитники Елизаветинской станицы, попалъ въ выгодное положеніе преслѣдующихъ отступавшаго непріятеля. Между тѣмъ генералъ Безкровный, съ главными силами, очутился лицомъ къ лицу съ огромнымъ скопищемъ черкесовъ. Несмотря на малочисленность отряда, Безкровный храбро вступилъ въ бой съ горцами. Сраженіе длилось съ 6 часовъ утра до 2 часовъ по полудни. Къ Казбичу, водившему черкесовъ къ Елизаветинской станицѣ, присоединилось до 2000 человѣкъ подкрѣпленія, направлявшагося по первоначальному плану Казбича на Екатеринодаръ. Благодаря, однако, усиленному дѣйствію казачьей артиллеріи, казакамъ удалось сломить черкесовъ и обратить ихъ въ бѣгство. Напрасно Казбичъ пытался остановить бѣгущихъ горцевъ. Его не слушали. Безкровный успѣлъ придвинуть артиллерію къ самой Кубани и выстрѣлами картечью поражалъ ряды уходившихъ съ мѣста боя черкесовъ. Казаки съ Безкровнымъ перешли Кубань и гнали бѣглецовъ на протяженіи 18 верстъ отъ Кубани. Подъ защитою пушекъ русскій отрядъ потерялъ только 8 раненыхъ. Потери горцевъ были болѣе значительны. Въ трехъ стычкахъ горцы не успѣли захватить 27 тѣлъ. Другіе убитые и раненые были увезены черкесами въ горы и, судя по обилію крови, оставшейся въ разныхъ мѣстахъ, убитыхъ и раненыхъ было много.

Въ виду враждебнаго настроенія горцевъ, командующій войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ Емануель предложилъ Безкровному собрать 28 января два отряда—одинъ у Екатеринодара, а другой у Елизаветинскаго куреня. Оба отряда предназначались для дѣйствіи противъ шапсуговъ и др. горцевъ. Въ одинъ

отрядъ, подъ начальствомъ Безкровнаго, вошло 1436 человѣкъ пѣхоты, 1003 человѣка конницы, при 42 офицерахъ, 116 урядникахъ и унтеръ-офицерахъ, 11 музыкантахъ и трехъ взводахъ артиллеріи; въ другой, подъ командою полковника Флиге,—1023 человѣка пѣхоты и 979 человѣкъ конницы, при 35 офицерахъ, 98 урядникахъ и унтеръ-офицерахъ и 10 музыкантахъ.

Пока шли распоряженія и формировались отряды, черкесы произвели цѣлый рядъ нападеній на Черноморію. До 9000 человѣкъ шапсуговъ, натухайцевъ и абадзеховъ раздѣлились на слѣдующія части: около 3000 конницы и 1000 пѣхоты, подъ начальствомъ шапсугскаго дворянина Абата Бесленея, и 1000 человѣкъ подъ начальствомъ другого шапсугскаго дворянина Хозмеко, напали въ январѣ на Марьинскій курень. До 500 человѣкъ, подъ командою абадзехскаго дворянина Эдигея, появились у Ольгинскаго поста. Затѣмъ 3000 человѣкъ, предводимыхъ Казбичемъ и братомъ его Батгиреемъ, дѣйствовали у Елизаветинскаго куреня. Наконецъ, съ 1000 человѣкъ двинулся въ Великолагерный кутъ абадзехскій дворянинъ Неджуль. Погода благопріятствовала черкесамъ. Все время шелъ сильный снѣгъ, непозволявшій слѣдить за непріятелемъ. Черкесы, дробясь на части, имѣли въ виду разъединить русскія силы и разгромить тотъ изъ пунктовъ, какимъ окажется легче овладѣть. Такъ, пользуясь сильнымъ снѣгомъ, мѣшавшимъ что-либо видѣть и различать въ нѣсколькихъ шагахъ, они незамѣтно пробрались къ двумъ пикетамъ Ольгинскаго поста и, разломавши огорожу, взяли въ плѣнъ 11 казаковъ.

Но этимъ и ограничился ихъ успѣхъ. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ они появлялись, нападавшимъ черкесамъ былъ данъ казаками сильнѣйшій отпоръ. Особенно удачно дѣйствовалъ съ своимъ отрядомъ войсковой старшина Могукоровъ, всюду поспѣвавшій на помощь осажденнымъ командамъ казаковъ. Въ общемъ, набѣгъ 23 января окончился для горцевъ полною неудачею. По свѣдѣніямъ лазутчиковъ, черкесы понесли потери до 100 человѣкъ убитыми и 180 ранеными. Съ нашей стороны изрубленъ шашками казакъ, 11 казаковъ взято въ плѣнъ и 8 ранено.

Между тѣмъ отряды были сформированы, и 29 января въ 10 часовъ вечера Безкровный двинулся съ своимъ отрядомъ въ горы, противъ шапсуговъ, а другой отрядъ поступилъ въ непосредственное распоряженіе Емануеля и былъ направленъ командующимъ войсками въ земли абадзеховъ. Еще ночью отрядъ Безкровнаго занялъ лѣса, принадлежавшіе шапсугамъ, и расположился на возвышенности. Здѣсь войска стояли до утра, когда обнаружилось, что черкесы также приготовились къ борьбѣ. Вся опушка лѣса была занята воруженными горцами, а дальше за ними въ ущельѣ по р. Дехачъ находились аулы. Отрядъ придвинулся къ черкесамъ. Началась ружейная пальба. Когда же было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ гранатами и картечью изъ пушекъ, горцы бросили опушку лѣса и за-

няли самый лѣсъ. Бой завязался въ лѣсу, но лѣсъ былъ такъ густъ, что въ немъ нельзя было ни дѣйствовать пушками, ни развернуть, какъ слѣдуетъ, кавалерію и пѣхоту. Условія эти очень благопріятствовали черкесамъ. Съ невѣроятною храбростью и ожесточеніемъ они набросились на отрядъ, перемѣшались съ стрѣлками, бывшими на флангахъ, и ворвались въ самый отрядъ; главныя же усилія направили на центральную колону отряда, обстрѣливая ее учащеннымъ убійственнымъ огнемъ. Горцами предводительствовалъ шапсугскій дворянинъ Маамкирей Цоко-Моко, необыкновенно энергичный и находчивый горецъ. Всюду, гдѣ онъ появлялся, горцы шли за нимъ въ шашки густыми рядами.

Отражая эти нападенія, отрядъ продолжалъ двигаться впередъ и началъ занимать черкесскія сакли, разбросанныя по лѣсу. Казаки немедленно зажгли сакли, сѣно и запасы хлѣба въ передовыхъ аулахъ и, выдерживая натиски черкесовъ, проникли въ главный аулъ. Но этотъ способъ наступленія былъ не выгоденъ для русскаго отряда. Отрядъ растянулся на большомъ протяженіи, лѣсная чаща мѣшала правильнымъ движеніямъ войскъ, дымъ горѣвшаго сѣна, хлѣба и построекъ застилалъ мѣстность и не позволялъ видѣть расположеніе непріятельскихъ силъ. И горцы постарались воспользоваться этими выгодами. Они нападали всюду на разрозненныя части отряда. Бой кипѣлъ на всѣхъ пунктахъ и достигъ крайней степени напряженія.

Въ это время Маамкирей съ отборными всадниками, подъ прикрытіемъ лѣса и кустарника, приблизился къ одному изъ взводовъ артиллеріи. Черкесы стремительно оттѣснили команду, защищавшую артиллерію, бросились къ пушкамъ, ранили двухъ артиллеристовъ, убили двухъ лошадей, ранили остальныхъ лошадей и схватились за орудіе. Но сюда же прискакалъ Безкровный съ казаками, отбросилъ горцевъ въ сторону и отнялъ у нихъ пушки. Черкесы дали тылъ, а казаки погнались за ними. Въ порывѣ преслѣдованія Безкровный съ казаками отдалился отъ отряда, а къ бѣгущимъ горцамъ подоспѣла значительная помощь. Въ подавляющемъ количествѣ они окружили небольшую группу казаковъ вмѣстѣ съ Безкровнымъ. Казаки начали отступленіе, отбиваясь отъ наступающаго непріятеля пиками. Самъ Безкровный сражался въ переднихъ рядахъ. Горцы застрѣлили подъ нимъ лошадь. Пѣшій генералъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ черкесами, намѣревавшимися взять въ плѣнъ казачьяго атамана. Но храбрый атаманъ рѣшилъ защищаться до послѣдней степени. На предводителя казаковъ Безкровнаго наскочилъ предводитель горцевъ Цоко-Моко, но раздался выстрѣлъ, произведенный Безкровнымъ, и Цоко-Моко свалился съ лошади мертвымъ. Тогда къ Безкровному разомъ бросилось два горца. Безкровный обоихъ ихъ закололъ пикою. На него надвинулась цѣлая толпа черкесовъ. Пика моментально изрублена была саблями. Атаманъ вынулъ шашку изъ ноженъ и ранилъ ею нѣсколько гор-

цевъ. Но и горцы перестали щадить казачьяго генерала. Его ранили серьезно въ грудь, раскроили ему шашкою голову, повредили черепъ и нанесли глубокую рану въ правое плечо. Раненый атаманъ все еще владѣлъ шашкою и отражалъ ею удары горцевъ. Въ это время, на выручку атамана, прискакало нѣсколько казаковъ и два офицера Могукоровъ и Золотаревскій. Могукоровъ, самъ родомъ черкесъ, и казакъ, разжалованный изъ офицеровъ, Сотниченко врѣзались въ толпу горцевъ и, поражая ихъ шашками, схватили на руки обезсилѣвшаго отъ борьбы и лишившагося сознанія отъ потери крови атамана, и защищаемые другими казаками укрылись въ отрядъ.

Между тѣмъ черкесы напрягали всѣ свои силы, чтобы не выпустить казачьяго отряда изъ лѣса. Тутъ имъ выгодно было драться, тѣмъ болѣе что наступала ночь, когда шансы ихъ могли болѣе увеличиться. Но и израненый генералъ понималъ положеніе своего отряда. Съ трудомъ онъ продолжалъ отдавать распоряженія и велѣлъ отряду начать отступленіе. Въ 4 часа вечера отрядъ началъ отступать, подъ сильнымъ напоромъ горцевъ со всѣхъ сторонъ, и когда, наконецъ, русскія войска вышли изъ лѣса, артиллерія заставила горцевъ скрыться въ томъ же лѣсу.

Такъ закончился 10-ти часовый бой, продолжавшійся съ 7 часовъ утра до 5 часовъ вечера. Благодаря артиллеріи и превосходству оружія у казаковъ и регулярной пѣхоты, съ одной стороны, и отчаяннымъ нападеніямъ горцевъ, не щадившихъ своей жизни, съ другой, они понесли чувствительныя потери. Изъ 4000 горцевъ, участвовавшихъ въ сраженіи, 45 тѣлъ горцы не успѣли подобрать, болѣе сотни убитыхъ и двухъ сотъ раненыхъ черкесы унесли съ собою. Было также убито и ранено до 300 лошадей, сожженъ аулъ и 35 хуторовъ, до 650 стоговъ сѣна и хлѣба и взято 18 головъ рогатаго скота. Въ русскомъ отрядѣ было убито три казака и три лошади, ранены генералъ Безкровный, 2 офицера 2 унтеръ офицера и 29 казаковъ и солдатъ.

Прошло три слишкомъ мѣсяца. Безкровный нѣсколько оправился отъ ранъ и продолжалъ руководить защитою кордонной линіи. Ночью на 25 мая онъ нарядилъ 170 казаковъ, 150 егерей для занятія скрытаго мѣста по р. Шебши. Отсюда черкесы имѣли обыкновеніе обстрѣливать русскихъ изъ пушки, бывшей у нихъ. Черкесы, однако, открыли эту засаду и не позволили овладѣть пушкою, но въ свою очередь они также рѣшили напасть на русскій отрядъ. Съ наступленіемъ дня они толпами начали показываться въ виду русскихъ войскъ. По приблизительному счисленію, ихъ собралось до 6000 конницы и 1000 пѣхоты. Съ $3^1/_2$ часовъ дня горцы завязали сраженіе. Отрядъ Безкровнаго состоялъ изъ 903 казаковъ и 376 егерей, при 18 офицерахъ и 48 урядникахъ и унтеръ-офицерахъ, т. е. въ 5 разъ меньше, чѣмъ горцевъ; но казакамъ давала громадныя преимущества артиллерія. Нѣсколько разъ и съ

разныхъ сторонъ горцы съ ожесточеніемъ бросались на отрядъ и каждый разъ, послѣ жаркой стычки, отступали передъ убійственнымъ дѣйствіемъ пушекъ и ружей. Сраженіе окончилось потерей у черкесовъ до 150 человѣкъ убитыми и до 200 человѣкъ ранеными, а у русскихъ 27 убитыми, 4 безъ вѣсти пропавшими и 11 ранеными.

Замѣчательный случай храбрости, стойкости и самоотверженія дали въ іюнѣ мѣсяцѣ такъ называемые „пластуны". Въ это время уже выработался интересный типъ этихъ воиновъ стрѣлковъ и развѣдчиковъ. Для выслѣживанія и наблюденія за горцами, доносилъ Безкровный Емануелю, я организовалъ партію въ 40 пѣшихъ казаковъ, „отличныхъ стрѣлковъ, храбрѣйшихъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ и расторопнѣйшихъ, называемыхъ пластунами". Пять пластуновъ—Якимъ Шкара, Антонъ Шереметъ, Степанъ Ермоленко, Грицько Семакъ и Федоръ Шринскій, направились по порученію Безкровнаго 22 іюня на разсвѣтѣ по большой дорогѣ за Кубанью къ укрѣпленію Афипскому, но ихъ замѣтили горцы, партія которыхъ въ 60 человѣкъ бросилась на 5 храбрецовъ. Пластуны быстро сошли съ дороги и залегли въ большомъ бурьянѣ. Черкесы, не разъ испытавшіе мѣткость пластунскихъ выстрѣловъ, окружили ихъ со всѣхъ сторонъ и криками требовали сдаться. „Гайда! гайда"! кричали они издали, что въ переводѣ на русскій языкъ означало: выходите! сдавайтесь! Пластуны молчали и ждали удобнаго момента. Лишь только нѣкоторые горцы подъѣхали къ нимъ на выстрѣлъ, какъ раздались выстрѣлы изъ бурьяна—и два горца пали мертвыми. Товарищи бросились подбирать убитыхъ, но изъ нихъ пластуны убили еще двухъ. На выручку убитыхъ явилось еще нѣсколько горцевъ, пластуны убили трехъ человѣкъ по выбору. Потерявши 7 человѣкъ убитыми, черкесы благоразумно вышли изъ линіи дѣйствія пластунскаго огня. Въ это время уже скакалъ на выстрѣлы самъ Безкровный съ казаками. Черкесы бросились убѣгать, но Безкровный успѣлъ взять въ плѣнъ шапсугскаго дворянина Ногая Шеретлука, служившаго раньше лазутчикомъ у русскихъ, и двухъ черкесовъ. Безкровный просилъ Емануеля наградить пятерыхъ храбрецовъ, изъ которыхъ двое уже были георгіевскими кавалерами.

По распоряженію Емануеля, генералу Безкровному поручено было въ іюлѣ занять удобное мѣсто на р. Шебшъ для возведенія укрѣпленія. Съ этой цѣлью былъ составленъ отрядъ изъ 694 казаковъ и 391 егерей при соотвѣтственномъ числѣ офицеровъ, урядниковъ, унтеръ-офицеровъ и артиллеріи. Горцы съ своей стороны собрались въ количествѣ до 2500 конницы и до 1500 пѣхоты, подъ предводительствомъ Казбича съ братомъ, и всячески старались воспрепятствовать осуществленію намѣренія русскихъ. Близъ будущаго укрѣпленія произошло главное сраженіе, длившееся съ 10 часовъ дня до $4^1/_2$ ч. вечера, пока отрядъ Безкровнаго не овладѣлъ высотами у рѣки Шебшъ, извѣстными у горцевъ подъ именемъ Сатрукъ. Здѣсь, на Сатрукѣ, и утвердились русскіе, потерявшіе 4 человѣка

убитыми и 17 человѣкъ ранеными. Потери же горцевъ оказались болѣе значительными. На мѣстѣ боя они оставили 9 тѣлъ, но общее число убитыхъ у нихъ было не менѣе 75 человѣкъ и раненныхъ до 200 человѣкъ.

Съ этого времени черкесы не переставали тревожить русскій отрядъ, пока не возведено было окончательно укрѣпленіе на р. Шебшъ. Въ короткое время, помимо массы мелкихъ случаевъ тревоги, вызываемой горцами, произошелъ рядъ слѣдующихъ сраженій отряда Безкровнаго съ горцами.

При восходѣ солнца 4 іюля на отрядъ напало до 700 черкесовъ. Сраженіе длилось съ 6 часовъ утра до 11 часовъ ночи. Горцы не вступали въ рукопашную, но все время тревожили русскихъ. Эти мелкія столкновенія, однако, не остались безъ жертвъ съ обѣихъ сторонъ. Черкесы не смогли подобрать 4 тѣлъ и увезли съ собой до 25 убитыхъ и до 70 раненыхъ, а у казаковъ было контужено 3 и ранено 13.

Черезъ три дня, 7 іюля также при восходѣ солнца на виду у русскаго отряда показалось до 2000 горцевъ. И на этотъ разъ черкесы всячески старались тревожить русскій отрядъ, не вступая въ правильный бой. Сраженіе длилось съ $7^{1}/_{2}$ часовъ утра до 11 часовъ ночи. На этотъ разъ въ русскомъ отрядѣ былъ тяжело раненъ одинъ казакъ и контужено 3, а горцы оставили 3 тѣла на мѣстѣ и увезли въ аулы 23 убитыхъ и около 40 раненыхъ.

Въ это же время получено было извѣстіе, что въ Цемесскую бухту прибыли 4 турецкихъ судна съ товарами для обмѣна на плѣнныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ. На тѣхъ же судахъ привезены были для черкесовъ порохъ, свинецъ и сталь. Рѣшивши производить дальнѣйшія нападенія на шебшинскій отрядъ, черкесы просили турецкаго агу Беккеръ-бея дать имъ помощь и получили отъ него три орудія.

И, дѣйствительно, утромъ 24 іюля до 4000 черкесской конницы и до 2000 пѣхоты съ пушками показались у русскаго лагеря на р. Шебшъ. Сраженіе началось съ $7^{1}/_{2}$ часовъ утра и продолжалось до 6 часовъ вечера. Въ отрядѣ Безкровнаго было въ это время 814 казаковъ и 617 солдатъ съ надлежащимъ количествомъ высшихъ чиновъ. Дѣло, однако, ограничилось взаимною перестрѣлкою. Черкесы на этотъ разъ дѣйствовали одною пушкою и двумя фальконетами. Несмотря на это и на свое подавляющее численное превосходство, они разошлись по ауламъ, не нанеся никакого вреда русскимъ.

Урочище Сатрукъ на р. Шебшъ, гдѣ возводилось русское укрѣпленіе, находилось почти на общей границѣ трехъ племенъ абадзеховъ, шапсуговъ и натухайцевъ. Близъ этого урочища расположены были удобныя мѣста для хлѣбопашества и сѣнокошенія. Такимъ образомъ, всѣ три племени были заинтересованы въ томъ, чтобы помѣшать казакамъ укрѣпиться на Сатрукѣ и усиленно трево-

жили отрядъ русскихъ, поставленный дѣйствительно въ крайне невыгодное положеніе. Казаки не могли, при непрерывныхъ тревогахъ, въ одно и тоже время и строить укрѣпленіе и заготовлять фуражъ, безъ чего немыслимо было существованіе конницы. Безкровный, поэтому, просилъ Емануеля усилить шебшинскій отрядъ однимъ пѣхотнымъ регулярнымъ полкомъ и двумя черноморскими полками, находившимися на р. Бѣлой.

Днемъ 26 іюля горцы снова обстрѣливали лагерь на р. Шебшъ двумя горными орудіями, но безуспѣшно. На слѣдующій день, 27 іюля, до 8000 горцевъ внезапно атаковали шебшинскій отрядъ. Готовые всегда къ бою казаки и солдаты дали надлежащій отпоръ. Сраженіе длилось всего около $1^1/_2$ часа, и за это время горцы оставили на мѣстѣ боя 23 тѣла съ одной стороны русскаго лагеря и 11 тѣлъ съ другой, а въ аулы увезли до 75 убитыхъ и до 130 раненыхъ. Убыль въ русскомъ отрядѣ выразилась въ 7 убитыхъ и 9 раненыхъ.

Несмотря на всѣ попытки горцевъ не дать русскимъ укрѣпиться на р. Шебшъ, укрѣпленіе въ урочищѣ Сатрукъ по этой рѣкѣ все таки было возведено и въ немъ оставленъ былъ постоянный горнизонъ. Тогда же, въ 1830 г., на р. Афипсѣ было устроено Георгіе-Афипское укрѣпленіе и близъ Кубани Алексѣевское. Это сильно безпокоило горцевъ и они рѣшили противопоставить русскимъ болѣе значительныя силы, Въ этихъ видахъ шапсуги, натухайцы и абадзехи пригласили принять участіе въ борьбѣ съ русскими еще убыховъ, у которыхъ считалась самая лучшая въ горахъ пѣхота.

Наступательныя дѣйствія черкесы повели прежде всего противъ черкесовъ же, жившихъ въ мирѣ съ русскими. Безкровный въ августѣ донесъ Емануелю, что до 4000 шапсуговъ двинулись съ горъ въ долину Кубани. Шапсуги рѣшили предварительно убить дворянина Аббата Бесленея съ семьей и братомъ его Убыхомъ. Оба брата принадлежали къ знатному горскому роду и не разъ водили горцевъ противъ русскихъ, пользуясь громадною популярностью между черкесами. Но одинъ изъ нихъ, Аббатъ Бесленей, провелъ по всѣмъ черкесскимъ владѣніямъ подъ видомъ горца штабсъ-капитана Новицкаго, давшаго подробное описаніе Черкессіи. За это шапсуги и хотѣли истребить родъ Бесленеевъ, но оба брата успѣли во время уйти въ Черноморію.

Въ ноябрѣ есаулъ Бѣльчанскій донесъ генералу Заводовскому, занявшему мѣсто наказнаго атамана въ Черноморскомъ войскѣ, что 12 ноября до 300 шапсуговъ и абадзеховъ напали на аулъ хамышеевцевъ, въ которомъ было лишь 70 человѣкъ, владѣвшихъ оружіемъ. Эти 70 хамишеевцевъ дали мужественный отпоръ. Произошла ужасная рѣзня между горцами. Хамышеевцы, въ порывѣ отчаянной храбрости, сторицею отплатили врагу. Потерявши 6 убитыми, 3 ранеными, 3 взрослыми плѣнными и 6 плѣнными подростками и дѣтьми, мужественные хамышеевцы убили 50 человѣкъ шапсуговъ

и абадзеховъ и ранили 17 человѣкъ, изъ которыхъ 6 потомъ умерло. Мало того. Хамышеевцы отняли у шапсуговъ и абадзеховъ до 100 лошадей съ сѣдлами, а противникамъ позволили отбить только двѣ лошади.

Позже, 23 ноября, въ Екатеринодарскую карантинную контору явился хамышеевскій дворянинъ Пшемафъ и сообщилъ, что 800 черкесовъ, во главѣ съ Казбичемъ, намѣрены ночью напасть на хамышеевцевъ, жившихъ близъ Екатеринодара. Пшемафъ просилъ оказать ему помощь.

Генералъ Берхманъ, въ вѣдѣніи котораго находилась въ это время Черноморская кордонная линія, далъ въ защиту хамышеевцамъ батальонъ пѣхоты съ двумя орудіями. Батальонъ этотъ былъ данъ хамышеевцамъ подъ условіемъ доставленія ими провіанта отряду въ пути слѣдованія, и пребываніе его въ аулѣ разстроило планы противниковъ.

Этими главными эпизодами и ограничились враждебныя дѣйствія горцевъ противъ русскихъ въ 1830 году. Въ декабрѣ посѣтилъ Черноморію командующій отдѣльнымъ корпусомъ войскъ на Кавказѣ графъ Паскевичъ. Къ его пріѣзду всѣ наличныя силы Черноморскаго войска были сосредоточены въ Екатеринодарѣ. Образовался многочисленный отрядъ, съ которымъ Паскевичъ 12 декабря и двинулся за Кубань въ земли шапсуговъ. Въ виду массы войскъ, черкесы бросили аулы и сами попрятались. Грозный отрядъ графа Паскевича, разоривши нѣсколько пустыхъ ауловъ, возвратился обратно изъ за Кубани.

Глава IX.

БОРЬБА ЧЕРНОМОРЦЕВЪ СЪ ГОРЦАМИ СЪ 1831 ПО 1842 ГОДЪ.

Удобнымъ временемъ для переправы черкесовъ черезъ Кубань считался періодъ съ сентября по ноябрь. Въ это время въ Кубани было наибольшее мелководье и вода была не особенно холодна. Еще удобнѣе считалась переправа по льду, когда замерзала Кубань. А наилучшими пунктами переправы были мѣста по Кубани у Александровскаго, Елисаветинскаго, Марьинскаго, Ольгинскаго, Копыльского, Калаусскаго, Андреевскаго и Новогригорьевскаго кордоновъ. Особенно заманчивыя мѣста для переправы были у Елисаветинскаго и Марьинскаго кордоновъ, какъ ближайшія къ двумъ казачьимъ станицамъ. У Копыльского и Калаусскаго постовъ была масса камышей и близко къ нимъ находился Каракубанскій островъ, въ камышахъ котораго могли скрываться по нѣскольку дней огромныя партіи горцевъ.

1831 годъ былъ особенно благопріятенъ для переправы горцевъ черезъ Кубань по необычайному мелководью Кубани въ жаркія времена года. Набѣги въ этомъ году были часты. Этому же способствовала и политическая атмосфера у черкесовъ. Всюду въ горахъ носились слухи, что черкесы могли расчитывать на помощь Турціи въ борьбѣ съ русскими. По свѣдѣніямъ чиновника Тауша, имѣвшаго сношенія съ горцами, на р. Адагумѣ собирались шапсуги и натухайцы для выясненія вопроса объ отношеніяхъ горцевъ къ русскимъ. До этого времени многіе горцы не вѣрили въ возможность карательныхъ мѣръ Россіи противъ нихъ и возлагали чрезмѣрныя надежды на Турцію, какъ защитницу ихъ интересовъ. Когда же извѣстный натухайскій князь Сеферъ-бей Занъ, подъ присягой передъ народомъ, заявилъ, что Турція, гдѣ онъ провелъ долгіе годы въ хлопотахъ о черкесахъ, отказала въ покровительствѣ имъ, когда то же подтвердилъ другой авторитетный горецъ Юсуфъ-Эффенди, то собравшіеся на совѣщаніе горцы раздѣлились на двѣ части: одна часть желала подчиниться Россіи, а другая настаивала на полной независимости горцевъ. Послѣднихъ было большинство и они одержали верхъ.

Результатомъ такого рѣшенія вопроса объ отношеніи черкесовъ къ Россіи было нападеніе черкесовъ 16 февраля на Ивано-Шебское укрѣпленіе въ урочищѣ Сатрукъ. Черкесы двинулись большими массами на укрѣпленіе и были отражены съ чувствительными потерями. Замѣчательно, что въ этомъ дѣлѣ участвовалъ одинъ черкесскій народъ—„тфокотль“ и не принимали участія дворяне—

„уоркъ“. Нападеніе снова повторилось 28 марта. Въ 8 часовъ утра, когда были выведены изъ укрѣпленія лошади на водопой, до 100 человѣкъ шапсуговъ, засѣвшихъ еще ночью въ укромномъ мѣстѣ, подпустили къ себѣ на близкое разстояніе казаковъ и стрѣлковую цѣпь и, сдѣлавши залпъ, бросились на нихъ въ шашки. Казаки и стрѣлки въ свою очередь встрѣтили непріятеля ружейнымъ огнемъ, а изъ укрѣпленія была открыта пальба изъ орудій. Горцы смѣшались и бросились назадъ, понеся чувствительную потерю. Съ русской стороны былъ убитъ одинъ казакъ. Въ началѣ апрѣля горцы пробовали поджечь Ивано-Шебское укрѣпленіе и съ этою цѣлью бросили за стѣны его нѣсколько „стрѣлъ съ зажигательнымъ составомъ“, но пожара однако не произвели. Войсковой старшина Гелюхъ донесъ атаману Заводовскому, что 2 апрѣля съ 3 часовъ ночи до 6 часовъ утра 600 черкесовъ нѣсколько разъ бросались на Ивано-Шебское укрѣпленіе и каждый разъ были отражены съ большимъ урономъ. Объ этомъ можно было судить по значительному количеству убитыхъ и раненыхъ черкесовъ, которыхъ живые товарищи ихъ поднимали съ земли и увозили въ аулы. Еще большій уронъ понесли черкесы 4 апрѣля, когда они во второй разъ пробовали приступомъ взять укрѣпленіе. Послѣ отраженія горцы пріѣхали съ выкупомъ за тѣла какого-то знаменитаго муллы и почетнаго узденя, но этихъ тѣлъ у русскихъ не оказалось.

Въ апрѣлѣ же, какъ донесъ 8 числа Заводовскій Емануелю, черкесы напали на аулъ Энемъ приверженныхъ къ Россіи хамышеевцевъ и захватили у нихъ 275 головъ рогатаго скота. Ночью 15 мая партія около 70 черкесовъ пробралась черезъ Каракубанскій островъ къ Петровскому посту и, когда возвращался въ кордонъ казачій разъѣздъ, напала на него съ тыла, взяла въ плѣнъ одного казака и захватила двѣ лошади. Скорая погоня за горцами ни къ чему не привела. Горцы ушли и найденъ былъ лишь утерянный черкесами сабельный клинокъ. Другая партія черкесовъ въ 30 человѣкъ прорвалась въ іюнѣ черезъ Кубань къ Новоекатериновскому посту и также внезапно изъ засады напала на казачій разъѣздъ, одного казака убила и трехъ захватила въ плѣнъ. Въ іюлѣ около 100 горцевъ переправились черезъ Кубань у Славянскаго поста, но вовремя были замѣчены и отражены казаками этого поста.

Въ августѣ черкесы произвели цѣлый рядъ нападеній. Въ одномъ мѣстѣ черкесы ранили казака; въ другомъ партія до 100 человѣкъ сожгла казенное сѣно; 10 августа черкесы безуспѣшно пытались перебраться черезъ Кубань. Въ этомъ же мѣстѣ, спустя два дня, 12 августа черкесы перешли Кубань въ количествѣ отъ 400 до 500 чел., по однимъ свѣдѣніямъ, и отъ 1000 до 1500 чел., по другимъ. Черкесы переправились черезъ Кубань днемъ, пользуясь туманомъ.

Съ вышки Марьинскаго поста часовой далъ знать о нашествіи горцевъ лишь тогда, когда горцы, переправившись черезъ Кубань,

раздѣлились на двѣ партіи. Одна партія успѣла захватить казачій табунъ лошадей и взять въ плѣнъ 8 мальчиковъ и 3 женщины. Но въ это время двѣ команды казаковъ—одна изъ Марьинскаго поста во главѣ съ есауломъ Кривцовымъ, а другая дежурная команда съ сотникомъ Посполитаки, соединившись вмѣстѣ, бросились на перерѣзъ горцамъ. Тревога въ Марьинскомъ куренѣ и на Марьинской батарейкѣ, выстрѣлы, барабанный бой и скакавшіе казаки привели въ замѣшательство горцевъ. Бросивши табунъ лошадей, захваченный ими въ Марьинской станицѣ, они спѣшили уйти къ Кубани. Въ тотъ моментъ къ Кравцову присоединилась еще одна команда изъ куреня Елизаветинскаго съ есауломъ Чернымъ во главѣ. Казаки схватились съ черкесами у самой переправы черезъ Кубань, отняли 3 раненыхъ женщинъ и взяли въ плѣнъ 4 черкесовъ, потопивши въ Кубани и убивши до 50 человѣкъ.

Около 600 черкесовъ пытались 13 августа взять приступомъ Ивано-Шебское укрѣпленіе, но потерпѣли пораженіе. На другой день около 3000 горцевъ атаковали развѣдочный отрядъ майора Лоскаго, но были разсѣяны пушечными выстрѣлами. Въ тоже время Казбичъ, собравшій большую партію шапсуговъ, рѣшилъ не пропускать русскихъ отрядовъ, проходившихъ къ Алексѣевскому укрѣпленію и обратно. Утромъ 22 августа одинъ изъ приверженныхъ Россіи князей условнымъ выстрѣломъ изъ ружья далъ знать русскимъ о приближеніи горцевъ. Въ 10 часовъ утра, дѣйствительно показалась огромная толпа конныхъ горцевъ и направилась къ Ивано-Шебскому укрѣпленію, но картечью и гранатами были разсѣяна и, уходя, зажгла лишь траву.

Въ сентябрѣ горцы продолжали учащенные набѣги. При нападеніи на Марьинскій курень 10 сентября черкесы захватили въ плѣнъ двухъ мальчиковъ. Того же числа другая партія горцевъ взяла въ плѣнъ возлѣ Елисаветинскаго куреня 6 человѣкъ съ дрогами и лошадьми, седьмой рядовой бѣжалъ. Въ 10 час. утра 22 сентября партія черкесовъ, переправившись черезъ Кубань между Марьинскимъ постомъ и Марьинской батарейкой, захватила въ плѣнъ женщину, мальчика и пару воловъ. Этимъ дѣло и ограничилось. Горцы были отражены подоспѣвшими на мѣсто дѣйствія казаками.

Къ 26 сентября Казбичъ снова приготовился къ набѣгу на Черноморію. Въ ночь на 27 сентября, съ партіей въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, онъ намѣтилъ для переправы черезъ Кубань мѣсто Тимошевскаго кута. Казаки предприняли съ своей стороны мѣры, расположивши въ разныхъ пунктахъ готовыя къ бою команды. Когда въ 10 часовъ утра черкесы начали переправу черезъ Кубань, то казаки нарочито пропустили на правую сторону Кубани около 2000 горцевъ. Въ то же время изъ станицы Елизаветинской были даны тревожные условные выстрѣлы о помощи и отсутствіи военныхъ силъ. Черкесы смѣло двинулись на Елизаветинскую станицу, а двѣ команды казаковъ заняли мѣста у переправы, чтобы отрѣзать имъ отступленіе. Въ свою очередь войска, заранѣе помѣщенныя въ

Елизаветинской станицѣ и состоявшія изъ роты Крымскаго полка и 1-го коннаго казачьяго полка, при 4 орудіяхъ, двинулись изъ станицы на встрѣчу горцамъ. Лишь только казаки увидѣли черкесовъ, какъ открыли усиленную стрѣльбу изъ пушекъ. Горцы оторопѣли и двинулись обратно къ Кубани. Но отряды, стоявшіе у переправы, встрѣтили такимъ дружнымъ и сильнымъ огнемъ изъ пушекъ и ружей отступавшихъ черкесовъ, что они окончательно растерялись. Началась безпорядочная паническая переправа горцевъ обратно черезъ Кубань. Казаки поражали бѣгущихъ черкесовъ изъ ружей и пушекъ, и потери горцевъ были очень значительны; но, по своему обыкновенію, они поднимали убитыхъ и раненыхъ. На мѣстѣ боя осталось только 9 тѣлъ и только одинъ черкесъ былъ плѣненъ казаками. Изъ строя казаковъ выбыли одинъ убитый и 5 раненыхъ.

Въ октябрѣ черкесы напали на Петровскую станицу, убили казака и захватили лошадь, но были отражены и бѣжали за Кубань.

Въ ноябрѣ мирные горцы, приверженные Россіи, просили разрѣшенія сдѣлать набѣгъ на шапсуговъ и, получивши его, собрали партію въ 300 панцырниковъ. Шапсуги узнали объ этомъ и выставили съ своей стороны 400 человѣкъ. При столкновеніи, побѣдителями, однако, оказались мирные черкесы, убившіе 15 шапсуговъ и взявшіе въ плѣнъ 4 горцевъ и 80 лошадей.

Наконецъ, 1 декабря, Казбичъ въ послѣдній разъ въ 1831 году послалъ нѣсколько партій черкесовъ, чтобы онѣ разновременно и въ разныхъ мѣстахъ переправились черезъ Кубань и тѣмъ отвлекли русскія войска, а самъ съ 700 чел. пѣхоты и 500 всадниковъ перешелъ Кубань у Марьинской станицы. Часть черкесовъ бросилась на станицу, а часть направилась въ степь и стала жечь казачье сѣно. Въ это время генералъ Заводовскій, отрѣзавши непріятеля отъ мѣста переправы, завязалъ съ ними сраженіе при помощи нѣсколькихъ казачьихъ командъ, дѣйствовавшихъ съ разныхъ сторонъ. По мѣрѣ того, какъ на мѣсто дѣйствія прибывали новыя казачьи команды, черкесы теряли выгодныя позиціи и разстраивали свои ряды. Въ концѣ концовъ они вынуждены были смѣшаться съ казаками. Но казаки такъ дружно и стойко дѣйствовали, что горцы не выдержали ихъ натиска и въ разстройствѣ стали искать спасенія въ бѣгствѣ. Бѣжалъ съ ними и Казбичъ. На мѣстѣ битвы черкесы оставили убитыми 15 тѣлъ и 40 лошадей. Всего же они, по свѣдѣніямъ лазутчиковъ, потеряли до 80 человѣкъ убитыми и до 200 человѣкъ ранеными. Казаковъ было убито 2, ранено 6 и въ плѣнъ взято 3. Генералъ Берхманъ, донося объ этомъ командующему войсками генералъ-лейтенанту Вельяминову, отозвался, что „особенно благоразумными распоряженіями и мужествомъ отличился генералъ-маіоръ Заводовскій“.

Меньше энергіи горцы проявили въ 1832 г. Въ февралѣ этого года приказано было уничтожить Ивано-Шебское укрѣпленіе, не имѣвшее значенія, какъ опорный пунктъ за Кубанью, но вызвав-

шее цѣлый рядъ нападеній горцевъ, державшихъ все время въ напряженномъ состояніи русскій гарнизонъ. Горцы успокоились и столкновеній съ ними стало меньше.

Въ томъ же мѣсяцѣ черкесы, огромнымъ скопищемъ до 5000 человѣкъ, перешли по льду р. Джигу и направились на Титаровскую станицу. Командиръ 5 пѣшаго полка войсковой старшина Стояновскій, заранѣе узнавшій намѣренія черкесовъ о нападеніи на Титаровскую станицу, раздѣлилъ военныя силы на два отряда, оставивши одинъ изъ нихъ съ фронта противъ наступившаго непріятеля, а другой скрывши у него въ тылу, въ камышахъ возлѣ Джиги. Черкесы, перейдя Кубань и Джигу и не встрѣтивши нигдѣ сопротивленія, двинулись къ Титаровкѣ. Не подозрѣвая ничего, они вдругъ были остановлены не вдалекѣ отъ Титаровки сильнымъ залпомъ изъ пушекъ и ружей. Это открылъ огонь отрядъ командира 4 пѣшаго полка есаула Бойко. Черкесы смѣшались, опѣшили и быстро направились назадъ. Казаки, дѣйствуя имъ въ тылъ артиллерійскимъ огнемъ, старались сбить черкесовъ съ прежняго пути. Когда же отступавшіе горцы приблизились къ Джигѣ, на нихъ посыпались пушечные и ружейные выстрѣлы изъ отряда есаула Сокола, бывшаго въ засадѣ. Такимъ образомъ, очутившись между двухъ огней, черкесы вынуждены были измѣнить мѣсто переправы и попали въ ту часть Джиги, гдѣ, благодаря быстрому теченію, былъ тонкій и не крѣпкій ледъ. Началась переправа, подъ убійственнымъ пушечнымъ огнемъ. Ледъ не выдержалъ тяжести всадниковъ и треснулъ. Часть черкесовъ попала въ образовавшуюся полынью и 7 всадниковъ тутъ же утонуло, вмѣстѣ съ лошадьми, при чемъ два тѣла и три лошади были подхвачены казаками, а остальные унесены водою Джиги. Съ большими затрудненіями горцы переправились черезъ Кубань, потерявши кромѣ утонувшихъ до 40 человѣкъ убитыми и ранеными.

Въ февралѣ же горцы, перейдя по льду Кубань, пытались взять и ограбить Марьинскій курень, но были отражены съ урономъ до 50 человѣкъ убитыми и ранеными. По дорогѣ къ Марьинскому куреню они захватили въ плѣнъ казака и мальчика и въ перестрѣлкѣ ранили 3 казаковъ.

Утромъ 3 марта шапсуги и абадзехи напали, подъ предводительствомъ Казбича, на мирные аулы хамышеевцевъ, съ цѣлью истребленія ихъ за приверженность къ Россіи. Но хамышеевцы, подкрѣпленные казаками, отразили непріятеля. Въ этомъ столкновеніи участвовало до 4 тысячъ шапсуговъ и др. противниковъ хамышеевцевъ и черченеевцевъ, имѣвшихъ въ своихъ рядахъ до 3 тысячъ воиновъ. Сраженіе произошло въ 2 верстахъ отъ аула Гатьхабль, при чемъ нападающіе потеряли до 90 человѣкъ убитыми и до 30 ранеными, а со стороны мирныхъ черкесовъ, находившихся въ очень благопріятныхъ условіяхъ для защиты, вся потеря выразилась въ 3 убитыхъ и 4 раненыхъ.

Вообще, благодаря льду, черкесы нѣсколько разъ пытались переходить Кубань съ цѣлью грабежей. Тогда же, въ мартѣ, они въ количествѣ до 1000 человѣкъ, сражались, въ теченіе трехъ часовъ, съ казаками въ районѣ Староредутскаго поста, потерявши въ этомъ дѣлѣ 15 человѣкъ одними убитыми, при чемъ въ русскомъ отрядѣ они убили только одного казака и одного ранили.

Ночью, 24 ноября около 700 конныхъ черкесовъ и до 300 пѣшихъ, подъ предводительствомъ Казбича, начали переправляться черезъ Кубань у Великолагернаго кута. Часовые замѣтили непріятеля въ то время, когда онъ былъ уже у Кубани. Черкесы успѣли переправиться черезъ рѣку прежде, чѣмъ появились казаки, и начали жечь казачье сѣно. Командующій Черноморскою кордонною линіей генералъ-маіоръ Берхманъ распорядился, чтобы часть войска незамѣтно заняла мѣсто у переправы въ тылу черкесовъ. Черкесы, однако, замѣтили это движеніе, и когда показались отряды, скакавшіе отъ Елизаветинскаго поста и Елизаветинской станицы, то, не выдержавши натиска казаковъ, они стремительно бросились къ переправѣ. Благодаря быстротѣ отступленія, горцы успѣли переправиться черезъ Кубань прежде, чѣмъ подоспѣли сюда пушки и главныя силы казаковъ. Поэтому, и потери съ обѣихъ сторонъ были незначительны: у казаковъ 1 умершій отъ ранъ и 1 раненый, а у черкесовъ 5 убитыхъ и 4 раненыхъ.

На разсвѣтѣ 11 декабря до 3 тысячъ черкесской конницы и пѣхоты показались въ 3 верстахъ отъ Андреевскаго поста. Начальникъ поста холостыми выстрѣлами изъ орудія далъ знать сосѣднимъ укрѣпленіямъ о приближеніи непріятеля и, кромѣ того, послалъ съ этою вѣстью туда же конныхъ гонцовъ. Первымъ двинулся противъ горцевъ начальникъ резерва есаулъ Борзикъ, съ 45 конными и 25 пѣшими казаками при одномъ полевомъ орудіи. Когда черкесы приблизились къ нему на выстрѣлъ, онъ встрѣтилъ ихъ пушечною картечью; но и черкесы стали стрѣлять изъ орудія, бывшаго у нихъ, окруживши со всѣхъ сторонъ казаковъ. Казаки, однако, не допускали горцевъ близко къ себѣ и вели упорную борьбу съ значительными силами черкесскаго скопища въ теченіе 4 часовъ.

Въ то время, когда происходила это борьба у Кубани, до 500 черкесской конницы бросились на Курчанскіе хутора. Черкесы сожгли уже крайній пустой домъ на хуторахъ, когда 50 конныхъ и 40 пѣшихъ казаковъ подъ командою войсковаго старшины Долинскаго, соединились съ 15 хуторскими казаками и общими силами повели борьбу съ горцами. Казаки дѣйствовали такъ умѣло и дружно, что успѣли отразить черкесовъ, оставившихъ на мѣстѣ битвы 4 убитыхъ и 6 лошадей. Отдѣлившаяся здѣсь партія черкесовъ въ 15 человѣкъ направилась прямымъ путемъ къ Кубани, но почти вся была истреблена казачьимъ резервомъ, скрывавшимся въ камышахъ.

Между тѣмъ къ горцамъ, сражавшимся съ Долинскимъ, подоспѣли новыя подкрѣпленія и они снова бросились на команду До-

линскаго. Завязалась жаркая схватка, въ которой казаки не подавались ни на шагъ назадъ. Благодаря численному превосходству, черкесы окружили со всѣхъ сторонъ малочисленный отрядъ Долинскаго и подошли къ нему почти вплотную. Восемъ горцевъ разомъ рванулись къ Долинскому съ обнаженными шашками. Долинскій храбро защищался. Двухъ горцевъ онъ зарубилъ шашкою, а третьяго сильно изранилъ, но четвертый въ свою очередь нанесъ храброму офицеру обоюдоострою саблею опасную рану въ плечо. Черкеса этого тутъ же зарубили урядники Олещенко и Степанъ Нордега. Вмѣсто Долинскаго команду принялъ войсковой старшина Стояновскій, продолжавшій съ казаками сражаться противъ многочисленной толпы непріятелей, пока къ мѣсту сраженія не подоспѣла команда изъ Смоляного поста. Благодаря этой помощи, черкесы были разбиты и казаки гнали ихъ до Кубани. Въ этомъ дѣлѣ 4 казака было убито, одинъ офицеръ и 7 казаковъ ранены и 6 казаковъ взяты въ плѣнъ. Потери черкесовъ были болѣе значительны, судя по числу оставленныхъ на мѣстѣ битвы тѣлъ.

Въ декабрѣ горскій владѣлецъ Шумафъ Ахметуковъ передалъ русскимъ властямъ двухъ горцевъ—Шеретлука Цикуниба и Ногая Савцакова, какъ виновныхъ въ набѣгахъ на русскія границы и поселенія. Генералъ Вельяминовъ приказалъ отдать этихъ джигитовъ въ солдаты.

Въ декабрѣ же Казбичъ съ 700 конницы и 300 пѣхоты перешелъ Кубань между Елизаветинскою и Марьинскою станицами, съ намѣреніемъ ограбить эти поселенія. Однако, полною неудачею окончились какъ набѣгъ горцевъ, такъ и намѣренія русскихъ военачальниковъ вовлечь въ засаду черкесовъ. Генералъ-маіоръ Малиновскій расположилъ такъ отдѣльныя части войска, что, при обратномъ движеніи, горцы должны были попасть въ ловушку. О намѣреніяхъ этихъ горцы догадались, благодаря неосторожности коннаго казака, ведшаго другую лошадь въ поводу. Черкесы погнались за этимъ казакомъ, а Малиновскій, не желая отдавать его черкесамъ, приказалъ защищать его. Непріятель, замѣтивши значительное количество войска вблизи, быстро двинулся обратно за Кубань. Произошло раньше предположеннаго времени сраженіе, въ которомъ не могли участвовать всѣ части русскихъ войскъ. Черкесы, ранивши двухъ казаковъ и потерявши 4 человѣка убитыми и 5 ранеными, быстро скрылись на лѣвой сторонѣ Кубани.

Но наиболѣе характерная кровавая драма разыгралась въ концѣ декабря 1832 года.

Въ январѣ 1833 года командующій Черноморскою кордонною линіею генералъ-лейтенантъ Малиновскій донесъ командующему войсками Вельяминову, что лазутчики въ концѣ 1832 года нѣсколько разъ предупреждали его о готовившемся нападеніи черкесовъ на Черноморію. Одинъ изъ самыхъ испытанныхъ лазутчиковъ 26 декабря сообщилъ, что черкесы перейдутъ Кубань утромъ 27 декабря

выше или ниже Ольгинскаго кордона и двинулся на Полтавскую или Ивановскую станицы. Малиновскій заранѣе размѣстилъ части войскъ въ разныхъ мѣстахъ, но, при передвиженіи ихъ, одинъ изъ отрядовъ былъ принятъ войсками въ станицѣ Полтавской за непріятельскій и встрѣченъ орудійными выстрѣлами. Пока разъяснилась эта ошибка, горцы замѣтили, что ихъ ожидали русскія войска. Предположивши, что русскіе сдѣлали засаду, черкесы всей массой повернули обратно за Кубань, сжигая по пути сѣно.

Уже у самой переправы черезъ Кубань черкесы натолкнулись на казачій пикетъ, въ которомъ находилось 14 казаковъ подъ командою урядника 5-го коннаго полка Сура. Казаки рѣшили не сдаваться непріятелю, засѣвши въ пикетѣ за двойнымъ засыпаннымъ землей плетнемъ. Когда около 300 пѣшихъ черкесовъ бросились на пикетъ, казаки встрѣтили толпу ружейными залпами. Горцы отступили назадъ и въ свою очередь начали обстрѣливать пикетъ. Но казаки, пользуясь выгодами своего положенія подъ защитою плетня, стрѣляли по выбору, а черкесы на угадъ. Тѣмъ не менѣе шальными пулями черкесы убили двухъ казаковъ и трехъ ранили. Но Суръ съ товарищами не сдались и продолжали обстрѣливаться. Тогда черкесы, не ограничиваясь перестрѣлкою, рѣшили приступомъ взять пикетъ. Съ гикомъ и криками они бросились на это незатѣйливое укрѣпленіе и начали подрубать шашками плетень. Но казаки, стрѣляя въ упоръ въ черкесовъ и поражая ихъ пиками сквозь плетень, наносили настолько чувствительный уронъ нападающимъ, что они невольно отскакивали отъ плетня, подбирая своихъ убитыхъ и раненыхъ. Такъ, черкесы произвели нѣсколько приступовъ, но Суръ и казаки не сдавались, выдержавши осаду въ продолженіи двухъ часовъ, пока не выручили ихъ другіе казаки. Суръ произведенъ былъ въ чинъ хорунжаго, а всѣ его товарищи въ урядники и трое раненыхъ получили по георгіевскому кресту.

Другая толпа черкесовъ двинулась къ Тиховскому пикету, но была отброшена отъ него ядрами и ружейнымъ огнемъ.

Между тѣмъ подполковникъ Кравцовъ съ 200 конныхъ и пѣшихъ казаковъ, при двухъ орудіяхъ, занялъ мѣсто переправы черкесовъ. Когда послѣдніе показались у этого мѣста, то были встрѣчены картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Черкесы бросились вдоль Кубани и начали переправляться черезъ нее всюду, гдѣ была къ тому возможность.

Остальныхъ горцевъ преслѣдовалъ атаманъ Заводовскій. По собраннымъ потомъ свѣдѣніямъ, полагали, что въ этомъ набѣгѣ со стороны черкесовъ участвовало не менѣе четырехъ тысячъ конницы и пѣхоты. Потери казаковъ были незначительны. Убито было двое и ранено четверо, кромѣ убитыхъ и раненыхъ въ суровской командѣ. Судя по нѣсколькимъ стычкамъ черкесовъ, попавшихъ подъ выстрѣлы орудій, горцы понесли болѣе значительныя, чѣмъ казаки, потери.

Тогда же партія около 300 черкесовъ, зная объ отсутствіи войскъ въ Екатеринодарѣ, пыталась произвести нападеніе на городъ. И въ этомъ случаѣ русскія пушки имѣли рѣшающее значеніе. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ пушекъ, черкесы оставили свое намѣреніе не осуществленнымъ и бросились обратно черезъ Кубань по льду въ свои аулы.

Такъ закончился 1832 годъ на Черноморіи и кордонной линіи.

Въ 1833 году наиболѣе тревожнымъ мѣсяцемъ для казаковъ былъ январь. Такъ 19 января толпа въ 500 горцевъ, перешедшихъ Кубань въ районѣ Смоляного поста, пыталась ограбить Черноериковскіе хутора. Казаки, однако, во время встрѣтили непріятеля и завязали упорное сраженіе. Черкесы вынуждены были отступить и, уходя за Кубань, оставили по дорогѣ въ рукахъ казаковъ 17 убитыхъ товарищей и очень много убитыхъ и раненыхъ увезли съ собою. У казаковъ же, защищенныхъ пушками, черкесы убили только одного урядника и ранили трехъ человѣкъ.

Еще болѣе кровопролитное сраженіе, съ перемѣннымъ счастіемъ для казаковъ и черкесовъ, произошло пять дней спустя, 24 января. Скопище горцевъ до 3000 человѣкъ прошло черезъ Каракубанскій островъ мимо Петровскаго поста между Калаусскимъ и Кривымъ бродомъ. Здѣсь горцы раздѣлились на три части: одна часть направилась на Емануиловскій постъ, другая на Петровскую станицу и третья на Петровскій постъ. Есаулъ Рашпиль, бывшій на Петровскомъ посту, приказалъ выпустить три холостыхъ заряда изъ пушки, чтобы дать знать о нашествіи непріятеля другимъ укрѣпленіямъ и частямъ войска, а самъ съ 30 конными, 20 пѣшими казаками и съ однимъ трехфунтовымъ орудіемъ двинулся противъ черкесовъ. Черкесы, замѣтивши малочисленность отряда, набросились на казаковъ. Пока казаки имѣли дѣло съ одною только частью черкесской толпы, они удачно отражали нападеніе черкесовъ; но когда къ черкесамъ присоединились остальныя двѣ части и три тысячи горцевъ обрушились на отрядъ изъ 50 казаковъ, своею многочисленностью они задавили маленькій отрядъ Рашпиля и погнали неосторожнаго есаула съ казаками къ кордону. Круто пришлось казакамъ. Черкесы отняли у нихъ пушку, 6 человѣкъ убили, 4 ранили и 25 взяли въ плѣнъ. Съ остальными 15 казаками Рашпиль кое-какъ пробился въ кордонъ, который былъ окруженъ горцами со всѣхъ сторонъ. Но въ это время на помощь къ петровскому кордонному гарнизону прискакалъ командиръ 1-го коннаго полка войсковой старшина Завгородній съ двумя стами казаковъ и взводомъ артиллеріи. Пустивши въ дѣло пушки, Завгородній сразу перемѣнилъ ходъ сраженія. Пушечная картечь и ядра произвели переполохъ въ густыхъ рядахъ черкесовъ. Съ противоположной стороны прискакалъ есаулъ Давыдовъ съ командою казаковъ и пушкою. Казаки соединились и вмѣстѣ съ казаками Петровскаго кордона перешли въ наступленіе. Черкесы изъ позиціи нападающихъ попали въ положеніе защищающихся.

Между тѣмъ, артиллерійскій огонь производилъ разрушающее дѣйствіе въ рядахъ черкесовъ. Черкесы дрогнули и показали тылъ. Этого только и ожидали казаки. Всей массой, подъ прикрытіемъ пушекъ, они бросились преслѣдовать непріятеля. Поражаемые пушечною картечью черкесы въ безпорядкѣ бѣжали за Кубань. Казаки отняли у нихъ свое орудіе и 13 плѣнныхъ казаковъ изъ отряда Рашпиля. Остальныхъ 22 казаковъ горцы увели въ плѣнъ, потерявши сами не менѣе 50 человѣкъ убитыми и ранеными.

Въ февралѣ близъ Анапы произошло упорное сраженіе русскихъ войскъ съ черкесами, вызванное недальновидностью генерала Вышеславцева. Комендантъ Анапы генералъ Вышеславцевъ 28 февраля послалъ 245 солдатъ и 116 казаковъ, съ двумя орудіями, подъ командою капитана Кукушкина, въ Витязеву балку, отстоящую отъ Анапы въ 8 верстахъ, за хрѣномъ для больныхъ. Около 800 горцевъ бросились внезапно на отрядъ, но не могли подступить къ нему, вслѣдствіе усиленной пушечной и ружейной пальбы со стороны русскихъ. Завязалось сраженіе, не позволявшее отряду двинуться обратно въ Анапу. Когда же на помощь отряду изъ Анапы было прислано еще 192 человѣка пѣхоты, 32 казака и два орудія,—черкесы вынуждены были отступить. Горцы потеряли въ этомъ дѣлѣ 10 человѣкъ убитыми, а генералъ Вышеславцевъ получилъ выговоръ „за хрѣнъ“, который, какъ оффиціально гласила реляція, легко можно было достать на Таманскомъ полуостровѣ, не тратя зарядовъ и не рискуя людьми.

Въ началѣ апрѣля горцы угнали изъ Курчанскихъ хуторовъ 142 головы рогатаго скота, а 13 апрѣля четыре черкеса, пробравшись ночью на поля Марьинскаго куреня, напали на казака съ мальчикомъ, ночевавшимъ въ полѣ. Казакъ былъ израненъ горцами, но черкесы не могли его взять въ плѣнъ, такъ какъ онъ искусно „отбивался“; мальчика же по фамиліи Лата они забрали съ собой.

Ночью 5 мая 20 черкесовъ пробрались незамѣченными въ Елизаветинскій курень. Здѣсь, выломавши частоколъ изъ ограды казака Ровняго и выбивши дверь въ хатѣ, они взяли въ плѣнъ этого казака съ женой и захватили домашнихъ вещей на 40 рублей. Когда черкесы возвращались домой, то случайно наткнулись на казачью „залогу“. Казаки отбили у нихъ двѣ лошади, но плѣнныхъ черкесы успѣли увести въ горы.

Въ маѣ же мѣсяцѣ Казбичъ съ 1000 черкесовъ пытался угнать табунъ лошадей, пасшихся у Анапы; но предупрежденный объ этомъ комендантъ Анапы выслалъ къ табуну сильный отрядъ съ 4 пушками. Неожидавшіе этого Казбичъ и горцы были отражены и бѣжали въ горы. Въ іюнѣ было небольшое столкновеніе пластуновъ, подъ командою есаула Паливоды, съ черкесами близъ Марьинскаго поста.

Далеко спокойнѣе въ Черноморіи на кордонной линіи прошелъ слѣдующій 1834 годъ. Черкесы ограничивались только мел-

кими набѣгами и продѣлками. Въ полдень 20 января горцы конные и пѣшіе, въ значительномъ количествѣ, внезапно ворвались на Редутскій мѣновой дворъ и хотѣли овладѣть имъ, но казаки храбро стали отражать ихъ. Въ схваткѣ было убито 6 черкесовъ, которыхъ бѣжавшіе горцы забрали съ собою, а изъ казаковъ былъ убитъ одинъ и раненъ одинъ. Впослѣдствіи было выяснено, что до 200 горцевъ явилось въ аулъ мирнаго владѣльца Карбеча Ахметукова. Здѣсь они раздѣлились на двѣ части и одна изъ нихъ напала на мѣновой дворъ, при чемъ участниками нападенія были и мирные черкесы.

18 марта два черкеса явились на Джигитинскую батарейку и просили послать кого-нибудь на ту сторону Кубани для переговоровъ съ черкесами, желавшими перебѣжать къ русскимъ. На это предложеніе изъявилъ желаніе поѣхать съ черкесами самъ урядникъ, командовавшій казаками въ укрѣпленіи. Сѣвши съ однимъ казакомъ въ лодку, онъ отправился на ту сторону Кубани. Здѣсь, стоя въ лодкѣ, урядникъ разговаривалъ съ черкесами. Вдругъ одинъ изъ нихъ быстро выхватилъ пистолетъ и выстрѣлилъ изъ него въ урядника. Урядникъ свалился въ воду, а казакъ, оттолкнувшись каюкомъ отъ берега, быстро уплылъ на другую сторону. Посланные въ погоню казаки не успѣли настигнуть черкесовъ, которые вытащили раненаго урядника изъ воды и увезли съ собою. Урядникъ этотъ, несмотря на рану, черезъ 9 дней, 27 марта ухитрился убѣжать отъ черкесовъ въ Джеметейское укрѣпленіе.

Наконецъ, въ сентябрѣ было еще два мелкихъ случая столкновенія казаковъ съ черкесами. Партія горцевъ, переправившись ночью 11 сентября черезъ Кубань близъ Марьинскаго поста, залегла въ камышахъ. Выслѣдивъ 6 пластуновъ, посланныхъ съ вечера въ дозоръ, черкесы внезапно напали на нихъ изъ засады и забрали въ плѣнъ. Затѣмъ 16 сентября казачій отрядъ, подъ командою полковника Табанца, производилъ за Кубанью развѣдки. Посланные впереди отряда казаки замѣтили 5 черкесовъ, составлявшихъ, вѣроятно, черкесскій аванпостъ. Не имѣя возможности скрытно подойти къ горцамъ, казаки быстро бросились къ нимъ, успѣли настигнуть ихъ, одного убили, двухъ взяли въ плѣнъ, а двое убѣжало отъ казаковъ.

Спокойно прошелъ 1835 годъ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ Черноморіи и Черноморской кордонной линіи, если не считать, конечно, воровства, производившагося черкесами. Ни сраженій, ни кровавыхъ столкновеній не было. Въ этомъ году были вновь построены на земляхъ черкесовъ два укрѣпленія—Николаевское и Абинское. Русскимъ войскамъ пришлось имѣть дѣло съ горцами возлѣ этихъ укрѣпленій, особенно у Абинскаго укрѣпленія, гдѣ отрядомъ командовалъ генералъ Малиновскій, начальникъ Черноморской кордонной линіи.

Какъ видно изъ рапорта этого генерала командующему войсками Вельяминову, лазутчики увѣдомили Малиновскаго, что шапсу-

ги собрались на р. Иль и 26 іюня намѣрены были ворваться въ Черноморію для грабежа. Малиновскій собралъ къ 25 іюня къ Алексѣевской мостовой переправѣ отрядъ изъ 200 человѣкъ пѣхоты, 120 человѣкъ конницы и 2 орудій. Въ этотъ же отрядъ вошли мирные черкесы. Въ 9 часовъ утра отрядъ прибылъ въ Афипское укрѣпленіе, въ которомъ Аббатъ и Убыхъ Бесленеевы сообщили, что шапсуги гоняли скотъ для водопоя на лѣвую сторону р. Афипса. Отрядъ направился вверхъ по р. Афипсу. Въ пути къ нему присоединилось 70 человѣкъ пѣхоты изъ Афипскаго гарнизона съ однимъ коннымъ орудіемъ. Произошло нѣсколько стычекъ. Русскіе отбили около 200 головъ рогатаго скота и 400 овецъ, но потеряли Убыха Бесленея, умершаго отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи. Половина скота была отдана солдатамъ, а половина мирнымъ черкесамъ, бывшимъ въ отрядѣ. Ночью черкесы пытались овладѣть Афипскимъ укрѣпленіемъ, но безуспѣшно.

Въ 1836 году враждебныя дѣйствія горцевъ противъ казаковъ начались лѣтомъ. Передъ разсвѣтомъ 2 іюня партія до 400 черкесовъ пыталась взять приступомъ Алексѣевское-Мостовое укрѣпленіе. Съ шашками въ рукахъ нападающіе взобрались на стѣны укрѣпленія, но были сброшены оттуда и, послѣ недолгой борьбы, потерпѣли пораженіе, потерявши до 20 убитыми и ранеными.

Въ рапортѣ есаула Борзика отъ 3 іюня 1836 г. наказному атаману Заводовскому сообщены подробности тѣхъ пріемовъ, которые практиковали пластуны и горцы для выслѣживанія другъ друга. Три пластуна, находившіеся при Джигинской батарейкѣ, осматривая берега Кубани, замѣтили до 30 черкесовъ, скрывавшихся въ камышахъ при впаденіи Джиги въ Кубань. Извѣстивши объ этомъ начальниковъ окрестныхъ укрѣпленій, пластуны остались на ночь для наблюденій за горцами. Всю ночь черкесы были заняты какою-то работою. Днемъ есаулъ Борзикъ съ казаками нашелъ здѣсь, близъ Вороного ерика, 8 плотовъ для переправы. Плоты были взяты казаками, а самъ Борзикъ съ командою остался на ночь въ ожиданіи черкесовъ. Ночь прошла безрезультатно; черкесы не показывались. На день Борзикъ скрылъ команду въ камышахъ. Въ 11 часовъ дня къ тому же мѣсту черкесы пригнали на водопой овецъ, подъ присмотромъ 6-ти человѣкъ. Казаки убили трехъ черкесовъ, одного взяли въ плѣнъ, а два убѣжали. Овцы были угнаты въ плавню. Ломая камышъ узкою полосою казаки, въ теченіе двухъ часовъ, подогнали по этой дорогѣ овецъ къ Джигѣ. Здѣсь они начали перегонятъ овецъ черезъ воду вплавь. Быстротою теченія, однако, уносилась четвертая часть овецъ. Тогда Борзикъ приказалъ перевозить животныхъ на каюкахъ. Такъ переправлено было черезъ Джигу 508 овецъ, и когда дѣло подошло къ концу показались черкесы, но они не могли уже отнять у русскихъ захваченнаго стада.

Передъ разсвѣтомъ 7 іюня партія около 200 черкесовъ пыталась захватить скотъ въ станицѣ Марьинской, но казаки отбросили

черкесовъ отъ станицы и заставили ихъ переправиться на лѣвую сторону Кубани. Во время переправы казаки, обстрѣливая переправлявшихся горцевъ, сами подвергались обстрѣливанію другой партіи черкесовъ, расположившейся на противоположномъ берегу Кубани и стрѣлявшей въ казаковъ изъ ружей и фальконета. Взаимною перестрѣлкой и окончилось дѣло.

Въ 10 часовъ утра, 9 августа, толпа черкесовъ, перебравшись черезъ Кубань въ Тимошевскомъ кутѣ, раздѣлилась на три части, изъ которыхъ одна окружила 1-й и 2-й пикеты, другая двинулась на станицу Елизаветинскую, а третья заняла проѣзжую дорогу. Казаки, бывшіе на пикетахъ, удачно отразили горцевъ; взять Елизаветинскую не допустили казаки этой станицы; но на проѣзжей дорогѣ черкесы захватили двухъ мальчиковъ, раненаго казака и пару воловъ. Показавшіеся въ это время казаки погнали черкесовъ къ переправѣ, успѣли отнять у горцевъ раненаго казака, а двухъ мальчиковъ черкесы увезли въ горы.

Наканунѣ 20 августа пластуны замѣтили противъ Тимошевскаго кута на противоположной сторонѣ Кубани группу горцевъ, приготовлявшихъ плоты для переправы. Поэтому, есаулъ Майборода съ партіей казаковъ занялъ 20 августа Тимошевскій кутъ въ ожиданіи горцевъ. И, дѣйствительно, въ это время переправилась партія до 500 черкесской конницы, но въ другомъ мѣстѣ, въ Елинскомъ кутѣ, и направилась, ведя лошадей въ поводу, глубокимъ ерикомъ ко 2-му пикету. Отсюда черкесы двумя частями двинулись на Марьинскій курень и по большой дорогѣ. Первая часть была встрѣчена казаками куреня и потерпѣла полную неудачу, а вторая успѣла захватить въ плѣнъ есаула Ювженка, ѣхавшаго на одноконной подводѣ. Между тѣмъ по тревогѣ къ горцамъ бросились казачьи команды, завязали съ ними сраженіе, заставили ихъ отступить къ Кубани и отняли есаула Ювженка, получившаго пять ранъ въ борьбѣ съ горцами. У горцевъ выбыло изъ строя 5 раненыхъ и убитыхъ.

Чтобы заставить горцевъ прекратить набѣги на казачьи границы, командующій Черноморскою линіею генералъ-маіоръ Заводовскій составилъ отрядъ изъ 330 конныхъ, 750 пѣшихъ казаковъ и 130 черкесскихъ всадниковъ Гривенскаго аула, при двухъ взводахъ Черноморской артиллерійской роты. Отрядъ этотъ переправился 12 сентября съ вечера черезъ Кубань и за ночь передвинулся на 45 верстъ въ горы, а на разсвѣтѣ слѣдующаго дня онъ взялъ и сжегъ шапсугскій аулъ Хабль. Черкесы, замѣтившіе казаковъ, встрѣтили въ аулѣ отрядъ учащенными ружейными выстрѣлами, но были быстро вытѣснены изъ аула. Казаки успѣли при этомъ взять въ плѣнъ 6 душъ об. пола, захватили оружіе, 146 головъ рогатаго скота и нѣсколько лошадей. При обратномъ движеніи отряда, шапсуги съ ожесточеніемъ бросались на него, пытаясь отнять свой скотъ. На протяженіи 26 верстъ, они семь разъ

дружно атаковали отрядъ, но всякій разъ получали не менѣе дружный отпоръ отъ казаковъ, теряя товарищей убитыми и ранеными. Пораженіе горцевъ было такъ внушительно и ихъ стремительныя атаки настолько отважны, что на мѣстѣ боя, вопреки своему обычаю, они оставляли во множествѣ тѣла убитыхъ.

Въ началѣ октября, въ районѣ Марьинскаго поста, ворвалась въ предѣлы Черноморіи толпа до 500 конныхъ черкесовъ, а черкесская пѣхота осталась на другой сторонѣ Кубани въ видѣ резерва. Одна часть горцевъ двинулась на Марьинскій курень, а другая заняла проѣзжія дороги. Послѣдняя захватила до 300 овецъ и часть скота, принадлежавшаго жителямъ станицы. По даннымъ сигналамъ о тревогѣ начали появляться отовсюду казачьи команды. Соединившись вмѣстѣ, они такъ стремительно бросились на черкесовъ, что сразу же смяли ихъ и заставили бѣжать къ Кубани. Черкесы уже не отступали, а спасались въ безпорядочномъ бѣгствѣ отъ казаковъ, бросались съ обрыва въ Кубань и уходили, кто куда могъ.

Вечеромъ 14 октября изъ за Кубани отъ лазутчиковъ получено было извѣстіе, что Казбичъ съ толпою горцевъ предполагалъ прорваться въ Черноморію у Марьинскаго поста. Были предприняты предупредительныя мѣры и въ опредѣленныхъ мѣстахъ заранѣе были расположены казачьи команды. Въ 8 часовъ утра 15 октября до 700 шапсуговъ появились въ Марьинскомъ кутѣ. Черкесы, не зная о принятыхъ казаками предосторожностяхъ, осторожно двигались по направленію къ Марьинской станицѣ. Войсковой старшина Павленко, засѣвшій съ казаками въ камышахъ, подпустилъ черкесовъ на выстрѣлъ и сразу осыпалъ ихъ картечью изъ пушекъ и ружейными пулями. Черкесы сначала дрогнули и попятились назадъ, но потомъ, раздѣлившись на двѣ партіи, съ ожесточеніемъ набросились на казаковъ съ двухъ сторонъ. Въ это время къ мѣсту боя прискакали казачьи команды изъ Марьинскаго и Елинскаго постовъ. Черкесы были окружены, смяты и въ безпорядкѣ бросились къ Кубани.

Въ декабрѣ генералъ-адъютантъ баронъ Розенъ, командиръ Кавказскаго корпуса, писалъ Заводовскому, что его удивляетъ, какъ легко небольшія команды казаковъ справляются съ многочисленными толпами горцевъ, и просилъ предупредить начальниковъ частей, чтобы они не увеличивали числа враговъ и собирали бы болѣе точныя свѣдѣнія о количествѣ горцевъ. Въ дѣйствительности численное несоотвѣтствіе между казаками и черкесами всегда соизмѣрялось количествомъ артиллерійскихъ снарядовъ. Пушки и пальба изъ нихъ, особенно картечью, давали громадныя преимущества казакамъ передъ горцами. „Стара мунтукъ", какъ называли черкесы пушку, была страшилищемъ для самой многочисленной толпы горцевъ.

Небольшая колона, отправленная изъ Георгіе-Афипскаго укрѣпленія для рубки дровъ 16 декабря, была атакована 200 конницы и пѣхоты подъ начальствомъ Казбича. Черкесовъ было

больше, чѣмъ русскихъ, и во главѣ ихъ стоялъ неустрашимый вожакъ. Стремительный натискъ въ рукопашную сразу бы сдѣланъ побѣдителями черкесовъ. Но нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ изъ орудій разсѣяли сплоченную толпу черкесовъ и русская колона благополучно возвратилась въ укрѣпленіе, а у горцевъ выбыло изъ строя 3 убитыхъ и 4 раненыхъ.

Въ январѣ 1837 года Кубань стала, и горцамъ были открыты двери въ Черноморію. Были приняты, поэтому, предупредительныя мѣры противъ вторженія горцевъ, но это не останавливало ихъ.

На разсвѣтѣ 29 января, какъ доносилъ войсковой старшина Барышъ-Тыщенко атаману Заводовскому, около 400 горцевъ подошли къ Кубани и раздѣлились на двѣ части. Одна, большая часть, скрылась въ кустарникахъ противъ мирныхъ ауловъ, поселенныхъ на правой сторонѣ Кубани, и была вытѣснена оттуда артиллеріей; другая часть направилась къ пикетамъ Ольгинскаго поста и сожгла два пикета—3-й и 4-й. Но когда къ мѣсту дѣйствія начали прибывать казачьи команды, черкесы всей толпой ушли обратно въ горы. Близъ Великолагернаго поста 15 февраля перешла по льду Кубани партія изъ 100 конныхъ и 350 пѣшихъ черкесовъ. Едва она успѣла зажечь 5 стоговъ сѣна, какъ на нее налетѣли съ разныхъ сторонъ казачьи команды, и черкесы поспѣшно ретировались за Кубань. Съ 14 на 15 февраля, въ районѣ Славянскаго поста, переправились черезъ Кубань свыше 1000 черкесовъ. Извѣщенный заранѣе объ этомъ лазутчиками командиръ 3-го коннаго полка войсковой старшина Барышъ-Тыщенко съ командою казаковъ и пушкою расположился еще съ ночи въ одномъ пунктѣ, а другія казачьи команды были размѣщены въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Горцы у Кубани разбились на 5 партій и каждая партія намѣревалась дѣйствовать особо. Но когда отрядъ Барышъ-Тыщенка и другія казачьи команды подняли тревогу, то, послѣ небольшихъ стычекъ и перестрѣлки, черкесы ушли обратно за Кубань разрозненными партіями. Предпріятіе горцевъ не удалось и у казаковъ не было даже потери въ людяхъ.

По сообщенію Барышъ-Тыщенка Заводовскому, 3 марта партія изъ 150 черкесовъ, переправившись черезъ Кубань противъ 6 пикета Славянскаго поста, сожгла 6 стоговъ сѣна, 3-й пикетъ и вышку на 4-мъ пикетѣ; но, послѣ получасовой перестрѣлки съ казаками, черкесы ушли за Кубань, не причинивши казачьимъ командамъ никакого урона. Въ мартѣ же 350 черкесами было произведено внезапное ночное нападеніе на укрѣпленіе Афипское, но черкесы были отражены артиллерійскимъ огнемъ. Наконецъ, въ концѣ марта для наказанія горцевъ за ихъ набѣги былъ посланъ за Кубань карательный отрядъ. Горцы не допустили застать себя врасплохъ. Но возлѣ аула Антхыръ отряду удалось захватить трехъ плѣнниковъ, 350 овецъ и 40 головъ рогатаго скота. На обратномъ пути къ Кубани до 250 горцевъ пытались отнять скотъ у отряда, но безуспѣшно.

Въ апрѣлѣ былъ снаряженъ за Кубань более значительный отрядъ, составленный изъ 1105 пѣхотинцевъ и 510 конницы при трехъ взводахъ артиллеріи. Отрядъ этотъ направленъ былъ въ абадзехскіе аулы по р.р. Супъ и Иликъ. Въ теченіе одной ночи войска успѣли дойти до ауловъ и, быстро разоривши ихъ, двинулись обратно къ Кубани. Въ одномъ аулѣ казаки захватили немного скота, убили 9 черкесовъ и ранили 37. Но настоящее сраженіе казаковъ съ горцами произошло при обратномъ движеніи отряда въ Черноморію. На мѣсто дѣйствія быстро появился стремительный и неутомимый Казбичъ, съ группою абадзеховъ, которая, пополняясь новыми силами, скоро превратилась въ тысячную толпу. Завязалось жаркое сраженіе между казаками и абадзехами. На протяженіи 25 верстъ, которыя предстояло пройти казачьему отряду, абадзехи не давали ему ни минуты покоя, нападая на казаковъ почти на каждомъ шагу и пользуясь для атакъ всякимъ лѣскомъ или оврагомъ. Поражаемые картечью черкесы мѣстами не успѣвали подбирать своихъ убитыхъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, у нападающихъ абадзеховъ было убито 3 почетныхъ дворянъ, одинъ гость убыхъ и 35 абадзеховъ, а ранено только 5 человѣкъ. Абадзехи падали отъ пуль почти у дулъ пушекъ и ружей. Изъ русскаго отряда выбыло 14 убитыхъ и 7 раненыхъ. Судя по большому количеству убитыхъ сравнительно съ ранеными и абадзехи, очевидно, стрѣляли въ своихъ противниковъ на очень близкомъ разстояніи.

Въ районѣ Елинскаго кордона, 5 мая появилась толпа изъ 200 горцевъ. Случайно она натолкнулась на команду въ 60 солдатъ Навагинскаго полка. Черкесы успѣли захватить въ плѣнъ одного солдата и одного ранили. Но когда на помощь навагинцамъ прискакали казачьи команды, черкесы были разбиты и оттѣснены за Кубань.

Около полудня 1 іюня 50 черкесскихъ всадниковъ внезапно захватили 40 казачьихъ лошадей, выпущенныхъ на водопой изъ Елизаветинскаго поста, и погнали ихъ за Кубань. У самой переправы черкесы, однако, были настигнуты казаками, которые отняли 38 лошадей, но не могли причинить горцамъ вреда. У переправы было расположено 100 человѣкъ черкесской пѣхоты, прикрывавшей отступленіе конницы за Кубань. Толпа горцевъ въ 400 человѣкъ была отражена 5 іюня отъ Георгіе-Афипскаго укрѣпленія. Каждый разъ, когда слѣдовали колоны изъ Георгіе-Афипскаго укрѣпленія въ Мостовое или обратно, непремѣнно появлялись и горцы, которые тревожили русскія войска упорными атаками. Такихъ случаевъ отмѣчено въ историческихъ актахъ нѣсколько за 1837 годъ. Въ іюнѣ 150 горцевъ напали на 13 казаковъ, заготовлявшихъ сѣно, и взяли въ плѣнъ 2 казаковъ, а остальные 11 отстрѣливались до тѣхъ поръ, пока не подоспѣли къ нимъ другіе казаки, выручившіе ихъ изъ бѣды, прогнавши черкесовъ.

Благодаря мелководью Кубани, партія изъ 104 черкесовъ 8 октября пробралась въ Черноморію въ районѣ Петровскаго поста и

занялась воровствомъ и мелкими грабежами. Скоро, однако, замѣтили ее казаки и прогнали по направленію къ Кубани. Черкесы скрылись въ камышахъ и, возвращаясь обратно къ себѣ за Кубань, нечаянно попали на засаду казаковъ. Отъ залпа изъ казачьихъ ружей черкесы побѣжали въ разныя стороны, но, замѣтивши малочисленность казачьяго секрета, они окружили казаковъ со всѣхъ сторонъ и бросились на нихъ. Казаки дали новый залпъ и, отстрѣливаясь, продержались такъ 1/4 часа, пока не подоспѣла къ нимъ на помощь другая команда. Тогда черкесы вновь скрылись въ камышахъ и на этотъ разъ уже безвозвратно. Казаки нашли на мѣстѣ боя трехъ убитыхъ черкесовъ и одну лошадь, и, кромѣ того, на глазахъ у казаковъ черкесы подняли еще двухъ убитыхъ и увезли съ собой. У казаковъ слегка раненъ былъ лишь урядникъ. На мѣстѣ сраженія черкесы оставили также и часть тѣхъ вещей, которыми они особенно дорожили и изъ за которыхъ производили набѣги, а именно: 1 ружье, 2 пистолета, 2 шашки, 2 кинжала, 3 черкески, 1 полушубокъ, 2 шапки, 1 пару сапогъ, 1 сѣдло, 1 уздечку и 4 плети. Для горца все это были предметы первой необходимости.

Боевые эпизоды казаковъ за 1837 годъ можно закончить слѣдующимъ характернымъ случаемъ. Казакъ Никита Сержантъ везъ, по порученію начальства, казенный пакетъ въ станицу Пашковскую. Это былъ рядовой казакъ, ничѣмъ особеннымъ не выдававшійся, но онъ чувствовалъ, что на него возложена важная обязанность—доставленіе начальству казенной за печатью бумаги. Едва онъ отъѣхалъ двѣ версты отъ своей станицы, какъ на него напало 5 черкесовъ, гнавшихъ лошадей къ Кубани. Сержантъ не струсилъ и далъ выстрѣлъ изъ ружья, извѣщая тѣмъ о тревогѣ. Горцы также начали стрѣлять и ранили лошадь подъ Сержантомъ, но это послужило только на пользу казаку. Черкесы сгоряча разрядили свои ружья и не стали вновь заряжать ихъ, а бросились къ Сержанту съ холоднымъ оружіемъ. Казакъ сразу сообразилъ, какъ ему дѣйствовать. Онъ сталъ у лошади и взялъ въ руки ружье, которымъ и началъ „отмахиваться“ отъ азіатовъ. Съ ловкостью фехтовальщика онъ не допустилъ черкесовъ нанести ему ни одной шашечной раны. Долго ли продолжалась бы это неравная борьба одного съ пятью противниками, сказать трудно, но въ критическій моментъ къ Сержанту прискакали три казака-одностаничника. Горцы постыдно бѣжали, оставивши въ добычу казакамъ 12 лошадей. И Сержантъ добросовѣстно отвезъ казенный пакетъ въ Пашковку и доставилъ его „по командѣ“, будучи вполнѣ удовлетворенъ тѣмъ, что исполнилъ, какъ слѣдуетъ, возложенное на него порученіе. О наградѣ же за свой геройскій поступокъ не подумалъ ни онъ, ни начальство. Это былъ обычный случай въ жизни казака.

Враждебныя дѣйствія черкесовъ начались въ 1838 году съ набѣга противъ мирныхъ горцевъ. Отрядъ изъ 300 шапсуговъ, подъ предводительствомъ Казбича, напалъ на аулъ мирныхъ жанеевцевъ.

Свирѣпый Казбичъ и его подвижники смотрѣли на жанеевцевъ, какъ на ренегатовъ, и навѣрное жестоко расправились бы съ измѣнниками. Казбичъ успѣлъ разгромить дворъ князя Шеретлука и разграбить все его имущество. Въ слѣпой ярости онъ изрубилъ нѣсколько штукъ его рогатаго скота. Но въ это время къ жанеевцамъ прискакали казаки. Общими силами съ жанеевцами они разбили отрядъ Казбича и заставили его бѣжать за Кубань.

Въ рапортѣ войскового старшины Кухаренко отъ 1 февраля 1838 года подробно описаны обычные пріемы набѣговъ горцевъ и защиты края казаками. Услышавши ночью пушечные выстрѣлы на Марьинскомъ кордонѣ, Кухаренко немедленно послалъ изъ Великолагернаго кордона 10 казаковъ съ хорунжимъ Порохнею для подкрѣпленія команды Елинскаго кордона, состоявшей только изъ 40 человѣкъ при одномъ орудіи, а самъ съ 80 казаками и орудіемъ направился вслѣдъ за посланными казаками. Едва Кухаренко отошелъ одну версту отъ поста, какъ увидѣлъ 500 человѣкъ черкесской конницы, несшейся въ карьеръ на дорогу изъ Великолагернаго кута, съ явнымъ намѣреніемъ догнать 10 казаковъ, предводимыхъ Порохнею. Замѣтивши команду Кухаренка, горцы раздѣлились на двѣ части; большая часть изъ 400 человѣкъ двинулась противъ Кухаренка съ казаками, меньшая около сотни горцевъ бросилась въ погоню за казаками и Порохнею. Кухаренко остановилъ отрядъ, спѣшилъ казаковъ и, установивши орудіе, открылъ огонь изъ него и ружей противъ горцевъ. Горцы, при наличности пушки у русскихъ, не рѣшились идти въ атаку и издали начали обстрѣливать казаковъ. Между тѣмъ хорунжій Порохня, бывшій уже почти у Елинскаго поста, услышавши выстрѣлы въ отрядѣ Кухаренка и не видя, что онъ сражается съ массою горцевъ, повернулъ казаковъ назадъ и поскакалъ къ Кухаренкѣ. Но скоро онъ почти столкнулся съ преслѣдовавшими его горцами, въ десять разъ превышавшими силы казаковъ. Казаки въ этомъ затруднительномъ случаѣ быстро поскакали къ стогамъ сѣна, спѣшились съ лошадей и, ставши спинами къ стогу, а лицомъ къ непріятелю, начали отстрѣливаться отъ черкесовъ. Въ такомъ положеніи они продержались $^1/_4$ часа, пока не прискакалъ, на помощь къ нимъ со своимъ отрядомъ Кухаренко, успѣвшій уже разсѣять пушечными выстрѣлами наступавшихъ на него черкесовъ. Въ это время къ Кухаренкѣ присоединились 50 казаковъ, прискакавшихъ изъ Елизаветинскаго кордона съ однимъ орудіемъ. При видѣ пушекъ и казаковъ, горцы, обложившіе команду Порохни, пустились бѣжать по направленію къ Кубани.

Чтобы наказать горцевъ за ихъ набѣгъ, Заводовскій немедленно составилъ отрядъ изъ 470 человѣкъ конницы и 500 пѣхоты при трехъ взводахъ артиллеріи. Перейдя Кубань по льду, отрядъ въ теченіе ночи прошелъ 40 верстъ по дорогѣ на Абинъ и, перейдя р. Кунипсъ, повернулъ къ ауламъ Абинъ и Тчехъ. За часъ до разсвѣта аулы, находившіеся вблизи одинъ отъ другого, были

окружены съ трехъ сторонъ. Внезапно разбуженные горцы бросились защищать свое имущество и семьи, но быстро были вытѣснены изъ аула и разсѣяны, оставивши на мѣстѣ 4 убитыхъ. Отрядъ взялъ въ плѣнъ 2 черкесовъ и угналъ 930 штукъ овецъ, 180 головъ рогатаго скота и 20 лошадей. Войска захватили также много черкесскаго оружія и мѣдной посуды. „Люди, говорится въ рапортѣ Заводовскаго, шли бодры и веселы, ибо при разореніи ауловъ потери съ нашей стороны не было“. Только при обратномъ движеніи отряда къ Кубани, преслѣдовавшіе его горцы ранили одного рядового.

Судя по рапорту начальника Георгіе-Афипскаго укрѣпленія отъ 22 апрѣля генералу Заводовскому, черкесы, предводимые Казбичемъ, не давали покоя укрѣпленію и часто нападали то на кашеваровъ, то на фуражировъ, то на дроворубовъ и на охранявшія ихъ команды, и что такія нападенія производились чуть ли не ежедневно, а иногда даже по нѣсколько разъ въ день.

Позже, въ маѣ командиръ 10 коннаго полка войсковой старшина Курганскій сообщилъ Заводовскому, что конные и пѣшіе черкесы, переправившись ночью черезъ Кубань, партіей въ 70 человѣкъ конницы, на мѣстѣ переправы оставили въ засадѣ пѣхоту. При движеніи черкесовъ по почтовой дорогѣ къ Мышастовской станицѣ, на нихъ случайно наѣхали съ двухъ сторонъ два разъѣзда по 12 казаковъ въ каждомъ. Казаки завязали борьбу и храбро нападали на врага; но когда они приблизились къ мѣсту, гдѣ скрывалась черкесская пѣхота, около 50 человѣкъ послѣдней, выскочивши изъ засады, сдѣлали залпъ изъ ружей по казакамъ. Въ это же время къ мѣсту происшествія прискакали начальникъ Екатериновскаго поста сотникъ Пустоваръ съ 60 казаками и самъ Курганскій съ отрядомъ въ 80 человѣкъ. Черкесы отступили и начали быстро переправляться на лѣвую сторону Кубани, оставивши на мѣстѣ столкновенія трехъ убитыхъ и 5 лошадей. У казаковъ ранено было три человѣка, изъ которыхъ двоихъ, благодаря сильнымъ пораненіямъ, горцы взяли въ плѣнъ, а третій, несмотря на серьезную рану, продолжалъ все время сражаться въ рядахъ товарищей.

Горцы особенно настойчиво тревожили вновь возникавшія поселенія и укрѣпленія. Въ 5 часовъ дня 21 іюня болѣе 1000 черкесовъ напали на станицу Витязевскую, атаковавъ ее со всѣхъ сторонъ. Есаулъ Бабычъ, заготовлявшій сѣно для Мышастовскаго куреня, узнавши объ этомъ, скрытными путями подошелъ къ черкесамъ и открылъ по нимъ огонь изъ орудій. Горцы нѣсколько разъ бросались на отрядъ Бабыча, расчитывая на свое подавляющее численное превосходство, но каждый разъ были отбрасываемы пушечными выстрѣлами. Такъ Бабычъ преслѣдовалъ ихъ до сумерокъ.

Отбить добычи у горцевъ ему, однако, не удалось, и горцы увели съ собою 9 душъ муж. пола и 3 женскаго „поселянъ Витязевскаго села“, убили 3 человѣкъ и ранили 4. Въ свою очередь они оставили въ рукахъ казаковъ 5 тѣлъ.

Ночью 31 іюля черкесы перебрались черезъ Кубань у Елизаветинскаго поста и въ 10 часовъ утра захватили стадо скота Елизаветинскаго куреня и 4 мальчиковъ. Казаки отняли 2 мальчиковъ, а двухъ другихъ и скотъ черкесы успѣли переправить за Кубань, потерявши во время столкновенія съ казаками до 20 человѣкъ убитыми и ранеными.

Эти и другіе мелкіе набѣги черкесовъ заставили атамана Заводовскаго перенести военныя дѣйствія за Кубань. По его распоряженію, войсковой старшина Кухаренко, съ отрядомъ въ 300 человѣкъ пѣхоты и 235 конницы, при одномъ взводѣ артиллеріи прибылъ 1 октября въ Афипское укрѣпленіе. Взявши здѣсь еще 200 человѣкъ пѣхоты и взводъ артиллеріи, ночью Кухаренко съ отрядомъ направился къ р. Шебшъ. По дорогѣ казаки замѣтили черкесскій кошъ съ овцами. Овцы были захвачены и для охраны ихъ оставлено 150 казаковъ съ есауломъ Вѣнецкимъ. Не найдя сборища черкесовъ въ мѣстности указанной лазутчиками, Кухаренко направилъ отрядъ обратно, забралъ овецъ и пошелъ къ Кубани. Но дорогою отрядъ встрѣтился сначала съ 100 горцами, а потомъ съ самимъ Казбичемъ, который съ 500 конницы случайно ночевалъ на р. Афипсъ, возвращаясь отъ натухайцевъ послѣ несостоявшагося соглашенія съ ними на счетъ готовившагося набѣга на Черноморію. Горцы завязали отчаянную борьбу съ казаками, въ надеждѣ отнять у русскихъ атару овецъ. Натиски горцевъ были такъ сильны, что отряду приходилось по цѣлому часу стоять на одномъ мѣстѣ, отстрѣливаясь изъ пушекъ отъ черкесовъ. Отрядъ возвратился домой, потерявши въ бою 3 убитыхъ казаковъ и ранеными есаула Зѣкрача, 5 урядниковъ и 8 казаковъ. Горцы, по словамъ лазутчиковъ, понесли болѣе значительныя потери, при чемъ тяжелую рану пулею получилъ сынъ Казбича Али-бей.

Наконецъ, 8 октября 1838 года, отрядъ изъ 515 конницы и 1610 пѣхоты направленъ былъ во второй разъ за Кубань для наказанія горцевъ. Сильнѣйшій дождь нѣсколько задержалъ движеніе отряда. Тѣмъ не менѣе къ утру слѣдующаго дня экспедиція была уже у заранѣе намѣченнаго мѣста на р. Убинъ, находившагося въ 18 верстахъ отъ Георгіе-Афипскаго укрѣпленія, но Убинъ, благодаря проливнымъ дождямъ, былъ такъ переполненъ водою, что черезъ него нельзя были переправиться къ черкесскимъ ауламъ. Понеобходимости отрядъ пришлось двинуть назадъ въ Афипское укрѣпленіе. При обратномъ движеніи отряда, было сожжено до 4000 стоговъ сѣна и 300 стоговъ хлѣба. На полъ-пути къ укрѣпленію отрядъ былъ атакованъ горцами. Атака была отбита, но вблизи показалась новая партія въ 200 наѣздниковъ, подъ предводительствомъ Казбича. Произошла новая схватка. И на этотъ разъ горцы были отражены пушечною картечью, при чемъ самъ Казбичъ былъ тяжело раненъ пулею въ правую руку съ раздробленіемъ кости въ локтѣ.

Въ ноябрѣ 1838 года нѣсколько пластуновъ „заняли залогу“, на Подковѣ возлѣ Екатеринодара, и когда утромъ возвращались домой, то напали на слѣды горцовъ. По этимъ слѣдамъ они пошли внизъ по Кубани, но, въ свою очередь, были открыты часовымъ горцевъ, сидѣвшимъ на деревѣ. Послѣднiй съ крикомъ упалъ съ дерева. Полураздѣтые горцы, собиравшiеся переправиться черезъ Кубань, бросились подбирать одежду и оружiе. Пластуны открыли пальбу и убили одного черкеса. Завязалась перестрѣлка; на выстрѣлъ поспѣшила команда изъ 30 казаковъ и горцы, которыхъ было также не менѣе 70 чел., ретировались.

Въ 1838 г. однимъ изъ казачьихъ офицеровъ былъ допущенъ возмутительный случай обмана горцевъ, способствовавшiй усиленiю ихъ вражды къ русскимъ. Подполковникъ Табанецъ уговорилъ шапсуга Мамета Такуахо привести двухъ русскихъ плѣнниковъ въ обмѣнъ на дѣвушку черкешенку. Когда Такуахо подъѣхалъ съ плѣнниками къ Кубани, скрытые здѣсь 42 казака выскочили изъ засады, убили, согласно приказанiю Табанца, Такуахо и сопровождавшихъ его двухъ черкесовъ и завладѣли плѣнниками. По жалобамъ черкесовъ возникло дѣло. На слѣдствiи Табанецъ оправдывалъ свое распоряженiе тѣмъ, что Такуахо былъ отъявленный воръ и грабитель, водившiй шайки черкесовъ на грабежи и лично захватившiй двухъ плѣнниковъ, почему онъ и велѣлъ убить его. Табанецъ въ свое время сообщалъ начальству объ этомъ планѣ расправы съ Такуахо, но по этому поводу не было сдѣлано властями никакихъ распоряженiй. Начальство постановило предать дѣло забвенiю.

Слѣдующiй 1839 годъ прошелъ безъ передвиженiй горцевъ въ предѣлахъ Черноморской кордонной линiи. Были лишь мелкiя сраженiя и стычки, часто удававшiяся черкесамъ, благодаря ихъ умѣнью пробираться въ русскiя владѣнiя незамѣченными. Особенно искусно черкесы съумѣли овладѣть пластунами въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Между Андреевскимъ и Смолянымъ пикетами, гдѣ протекала рѣка Курки, была помѣщена ночная залога изъ трехъ, считавшихся лучшими стрѣлками и развѣдчиками, пластуновъ—Шмалька, Руденка и Коленка. Черкесы подошли такъ тихо къ залогѣ и бросились на нее такъ внезапно, что пластуны не успѣли выстрѣлить изъ ружей и были взяты въ плѣнъ, послѣ короткой рукопашной борьбы. Въ 200 саж. находилась другая залога, пластуны которой слышали трескъ въ камышѣ, происходившiй отъ рукопашной схватки пластуновъ съ черкесами; но Шмалько, Руденко и Коленко пользовались такою прочною репутацiей отличныхъ развѣдчиковъ, что товарищи ихъ не могли допустить мысли о томъ, чтобы такiе молодцы могли попасть въ руки горцевъ. Случай этотъ считался на столько рѣдкимъ и выдающимся, что само казачье начальство было смущено имъ.

Команда изъ 55 солдатъ при одномъ орудiи была послана 17 iюня изъ укрѣпленiя Николаевскаго забрать накошенное сѣно. Горцы, заранѣе засѣвшiе въ этомъ мѣстѣ, такъ стремительно бро-

сились на солдатъ, что артиллеристы не успѣли даже произвести выстрѣла изъ орудія. Съ шашками въ рукахъ черкесы въ огромномъ количествѣ окружили солдатъ. Началась рукопашная борьба. Черкесы всѣ усилія направляли на то, чтобы захватить орудіе, но начальникъ команды поручикъ Осадчій съ солдатами энергично отстаивалъ его. Горцы захватили пару дышловыхъ лошадей, 6 израненыхъ рядовыхъ съ аммуницiей и ружьями и, кромѣ того, 3 солдатъ убили и 8 ранили. Съ остальными солдатами Осадчій такъ и не допустилъ горцевъ къ орудію. Начальникъ Абинскаго укрѣпленія, донося объ этомъ высшему начальству, просилъ наградить орденомъ Георгія поручика Осадчаго, одного унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ. Всѣ эти храбрецы, не давшіе непріятелю орудія, оказались поляками.

Въ іюнѣ ополченіе изъ 1000 шапсуговъ готовилось къ нападенію на Абинское или Николаевское укрѣпленія, но замѣченное во время было отражено пушечными выстрѣлами.

Наконецъ, въ октябрѣ 8 горцевъ бросились близъ Екатерининскаго поста на залогу изъ трехъ пластуновъ, съ намѣреніемъ взять ихъ въ плѣнъ. Но пластуны встрѣтили выстрѣлами непріятелей, одного убили и двухъ тяжело ранили. Послѣ этого, замѣтивши приближеніе другихъ залогъ къ мѣсту столкновенія, черкесы бѣжали въ камыши, а оттуда за Кубань.

Въ декабрѣ было еще одно столкновеніе съ горцами, подъ командою Казбича, окончившееся тяжелымъ пораненіемъ черкесскаго предводителя.

Въ 1840 году черкесы дѣйствовали болѣе успѣшно и взяли одно укрѣпленіе за Кубанью.

Командующій Черноморскою береговою линіею контръ-адмиралъ Серебряковъ рапортомъ 31 января сообщилъ командующему войсками на Кавказѣ генералу Граббе о готовности части натухайцевъ принять русское подданство. Главнымъ лицомъ, хлопотавшимъ объ этомъ, былъ Безумъ Соупухъ Тоховъ. Другой Тоховъ Хастемиръ, проведшій $1^1/_2$ года въ Турціи, заявилъ натухайцамъ, что Турція отказалась поддержать натухайцевъ въ борьбѣ съ русскими. Сеферъ-бей, бывшій натухайскимъ представителемъ, принялъ Тохова съ депутатами сухо и не доставилъ возможности видѣть султана. Вообще весь родъ Тоховыхъ рѣшилъ перейти въ подданство Россіи и сильно настроенъ былъ противъ узденей, стоявшихъ за сопротивленіе Россіи.

Какъ видно изъ донесенія есаула Посполитаки отъ 28 февраля о происшествіяхъ на Кубани, переправившіеся 27 февраля черезъ Кубань 20 человѣкъ горцевъ пытались взять батарею, находившуюся близъ Новоекатериновскаго поста, но были отражены казаками.

Тогда же въ 11 часовъ дня 200 горцевъ переправились близъ Ольгинскаго поста, раздѣлились на двѣ части и меньшая часть ихъ окружила пикетъ № 2-й, а большая направилась въ Красный

лѣсъ. Замѣтившіе это пластуны открыли пальбу изъ ружей. Команды изъ Ольгинскаго поста, прогнавшія уже 20 черкесовъ, бросились къ осажденному горцами пикету. Черкесы, не дожидаясь прибытія казачьихъ командъ, сняли осаду съ пикета и ушли за Кубань. Самъ Посполитаки также поспѣшилъ съ казаками на мѣсто тревоги и успѣлъ догнать часть горцевъ. Послѣдніе, тѣснимые казаками, попали не на мѣсто прежней переправы, а на крутой берегъ Кубани. Бросаясь на лошадяхъ съ кручи, бѣглецы ломали тонкій ледъ и нѣкоторые изъ нихъ при этомъ утонули въ Кубани.

Въ районѣ Славянскаго поста также показалась было партія изъ 20 горцевъ, но, замѣтивши казачьи разъѣзды и команды, она ретировалась за Кубань.

Въ этихъ стычкахъ горцы лишились 13 наѣздниковъ и 17 лошадей.

Въ это время постигло ихъ крупное несчастье: 29 февраля умеръ неутомимый предводитель черкесскихъ наѣздниковъ Казбичъ отъ раны, полученной имъ при сраженіи съ русскими 1 декабря 1839 года.

Въ мартѣ Заводовскій донесъ Граббе, что укрѣпленія Абинское, Афипское, Николаевское, Ольгинскій постъ и др., находящіяся на лѣвой сторонѣ Кубани и почти всѣ посты на правомъ берегу Кубани находились въ столь плохомъ состояніи, что ихъ легко было взять черкесамъ; а между тѣмъ, за отвлеченіемъ черноморскихъ казаковъ на военную службу, у Заводовскаго не было въ распоряженіи рабочихъ рукъ для приведенія укрѣпленій въ сколько-нибудь сносное состояніе.

И, дѣйствительно, отъ лазутчиковъ 27 апрѣля получено было извѣстіе о готовящемся нападеніи горцевъ на Абинское укрѣпленіе. Слухи ходили, что собралось до 8000 черкесовъ для нападенія на Абинъ. Въ помощь Абинскому гарнизону посланъ былъ, поэтому, отрядъ подъ командою полковника Полтинина. Въ рапортѣ послѣдняго генералу Заводовскому подробно описаны затрудненія встрѣченныя отрядомъ по пути къ Абину черезъ аушецкія и тлахофитскія болота. На протяженіи 6 верстъ отрядъ шелъ по грудь въ водѣ; орудія перетаскивались солдатами на рукахъ, такъ какъ лошади спотыкались и падали; вьюки несли на себѣ люди; заряды для пушекъ точно также. Была холодная вѣтряная погода, многіе заболѣли, а часть лошадей погибла въ болотахъ. Переправа черезъ р. Кунипсъ была совершена съ большими трудностями. Въ концѣ концовъ отрядъ вошелъ въ Абинское укрѣпленіе, построенное въ 1834 году; оно осталось въ рукахъ русскихъ почти безъ всякой борьбы, и только при движеніи отряда къ Абину горцы нѣсколько разъ завязывали перестрѣлку съ казаками. Полтининъ прибылъ въ Абинъ во время. У гарнизона оставалось продовольствія только на 4 дня, и гарнизонъ ежеминутно ожидалъ штурма. Усиленный цѣлымъ отрядомъ Полтинина гарнизонъ представлялъ столь внушительную силу, что горцы не рѣшились штурмовать Абинское укрѣпленіе.

Но другое укрѣпленіе Николаевское было взято горцами еще раньше 30 марта. Выкупленный изъ плѣна 10 іюня прапорщикъ Станиславъ Неминскій, попавшій въ плѣнъ къ черкесамъ, при взятіи ими Николаевскаго укрѣпленія, подробно разсказалъ, какъ было взято это укрѣпленіе. Большая часть гарнизона заболѣла какою-то эпидемическою болѣзнью. Солдатъ, могшихъ нести службу, было мало. Несмотря на предупрежденіе лазутчиковъ, что горцы собирались взять укрѣпленіе Николаевское, комендантъ его штабсъ-капитанъ Евсеевъ, не довѣряя этимъ слухамъ, уменьшилъ ночные караулы: при пушкахъ было оставлено только по два солдата и канониръ съ зажженнымъ фитилемъ. Горцы въ громадномъ количествѣ осадили укрѣпленіе и, послѣ упорной защиты, взяли его. Всѣхъ больныхъ они перерѣзали, а оставшихся въ живыхъ здоровыхъ защитниковъ взяли въ плѣнъ, въ томъ числѣ и прапорщика Неминскаго, одѣтаго по солдатски. Изъ общаго числа находившихся въ гарнизонѣ было убито 2 офицера и 204 нижнихъ чина. Другой свидѣтель происшествія, старикъ черкесъ Кара-Оглу-Цыгмысъ, которому какъ участвовавшему во взятіи укрѣпленія, досталось при дѣлежѣ 1 орудіе, лично передалъ такія же подробности вице-адмиралу Серебрякову.

По сообщенію войскового старшины Барышъ-Тыщенка, 8 іюля горцы захватили 45 лошадей у 2-й сотни Донского полка, близъ р. Свинной. Донцы отправились на рыбную ловлю, безпечно оставивши лошадей при одномъ урядникѣ. При появленіи черкесовъ послѣдній бѣжалъ въ селеніе и горцы безпрепятственно забрали лошадей. Но по дорогѣ налетѣли на нихъ черноморскіе казаки и отняли 16 лошадей. При стычкѣ съ казаками, разсвирѣпѣвшіе горцы изрубили шашками двухъ уставшихъ отъ усиленной гонки лошадей, а 27 штукъ угнали за Кубань. Барышъ-Тыщенко, въ районѣ котораго случилось это происшествіе, получилъ строгій выговоръ за недостаточную бдительность донскихъ казаковъ.

Въ 1841 г. горцы обрушились на Черноморію цѣлымъ рядомъ набѣговъ. Особенно богатъ ими былъ январь. Въ 7 часовъ вечера 16 января партія до 4000 конныхъ и пѣшихъ черкесовъ рѣшила разорить Ольгинскій и Славянскій посты. Передъ разсвѣтомъ 17 января черкесы переправились черезъ Кубань и раздѣлились на двѣ части. Одна часть двинулась на Ольгинскій постъ, а другая пыталась взять батарейку въ районѣ Новоекатериновскаго поста. Въ батарейкѣ было всего 25 казаковъ, подъ командой урядника Дижечки. Подпустивши толпу на самое близкое разстояніе, казаки встрѣтили ее картечными выстрѣлами изъ пушки и учащенной ружейной пальбой. Горцы смѣшались и отступили. Три раза они бросались на батарейку и три раза отступали подъ выстрѣлами казаковъ. Понеся значительную потерю людьми, горцы совсѣмъ оставили батарейку.

То же случилось и съ Ольгинскимъ постомъ, который горцы хотѣли взять. Вмѣстѣ съ черкесами сюда прибыли отряды войсковыхъ старшинъ Заводовскаго и Косолапа. Горцы бросились на

казаковъ, но дѣйствіемъ артиллеріи были не допущены до казачьихъ командъ. Когда же въ свою очередь казаки пошли въ атаку на горцевъ, то послѣдніе не устояли и бѣжали къ Кубани. Повидимому, отъ артиллерійскаго огня выбыло много горцевъ изъ строя, при незначительныхъ потеряхъ казаковъ.

Того же 17 января соединенныя партіи шапсуговъ, абадзеховъ, убыховъ и натухайцевъ переправились черезъ Кубань въ другой части Черноморской кордонной линіи, въ районѣ Великолагернаго поста, и напали на Елинскій постъ и Марьинское селеніе. Но всюду на ближайшихъ укрѣпленіяхъ была поднята тревога и казачьи команды немедленно поскакали къ Марьинской станицѣ и Елинскому посту. Горцы, замѣтивши это, удалились, послѣ небольшой перестрѣлки, за Кубань.

Черезъ два дня, 19 января, повторился набѣгъ горцевъ также окончившійся полной неудачей. До 2000 горцевъ, переправившись выше Павловскаго поста, намѣрены были ограбить Пашковскій курень или Армянскій поселокъ, близъ него расположенный, но, встрѣтивши мужественный отпоръ со стороны казаковъ, ушли обратно за Кубань безъ всякой добычи.

Еще черезъ два дня, 21 января, горцы нѣсколько разъ нападали на обозъ, шедшій подъ прикрытіемъ войкъ въ Афипское укрѣпленіе, но были отбиты.

А 22 января въ Черноморію двинулось скопище черкесовъ въ 5000 человѣкъ. Переправившись черезъ Кубань близъ Изряднаго поста, черкесы напали на Васюринскую станицу. Встрѣченные пушечными и ружейными выстрѣлами съ южной и юговосточной стороны станицы, горцы прекратили приступъ съ этой стороны, а, подъ прикрытіемъ обрыва, пробрались съ другой стороны, успѣли ворваться въ станицу и зажгли нѣсколько хатъ. Другая часть скопища проникла въ станицу съ востока. Здѣсь стояло орудіе 3-й батареи. Артиллеристы выстрѣлами изъ орудія старались не пропустить черкесовъ. Однако, послѣдніе своею массою задавили ничтожное количество казаковъ и солдатъ. Бросившись съ шашками на приступъ, они перерубили всю прислугу при орудіи, убили командира прапорщика Коноплянскаго, испортили артиллерійскій ящикъ и передокъ, забрали заряды и 10 артиллерійскихъ лошадей. Въ станицѣ было всего 400 человѣкъ защитниковъ. Они не въ силахъ были сопротивляться пятитысячной разъяренной толпѣ. Но въ это время снизу и сверху Кубани показались команды, спѣшившія на помощь Васюринской станицѣ. Черкесы, замѣтивши это, поспѣшно отступили, сжегши 35 казачьихъ хатъ и оставивши на полѣ битвы 25 тѣлъ, которыхъ они не имѣли возможности захватить съ собой.

Между тѣмъ полковникъ Зинченко съ командами изъ Константиновскаго, Воронежскаго, Подмогильнаго, Изряднаго и Редутскаго кордоновъ и съ двумя орудіями бросился въ погоню за черкесами и настигъ ихъ у переправы. Завязался артиллерійскій бой. Пока

черкесы переправлялись черезъ Кубань, выстрѣлами изъ орудій было убито много горцевъ, какъ объ этомъ можно было судить по большому количеству подобранныхъ на виду у казаковъ тѣлъ.

Немного спустя, сюда же прибылъ съ отрядомъ и 3 орудіями генералъ Зассъ. Принявши начальство надъ всѣми войсками, онъ переправился съ ними черезъ Кубань, но не догналъ горцевъ; аулъ же прапорщика Шумафа Деукозіона, участвовавшаго въ набѣгѣ съ горцами, нашелъ совершенно пустымъ и велѣлъ сжечь.

Еще въ большомъ количествѣ горцы напали на Черноморію 24 января. На этотъ разъ общее количество ихъ было не менѣе 6000 человѣкъ. Часть этого ополченія пыталась взять и ограбить Ивановскую станицу, но командиръ Тенгинскаго полка съ солдатами и 2 орудіями, послѣ упорной борьбы, отразилъ непріятеля. Тѣмъ не менѣе горцы взяли въ плѣнъ 3 солдатъ и 11 пастуховъ съ 244 штуками рогатаго скота и 340 овцами.

Другая часть тѣхъ же черкесовъ дѣйствовала у Екатериновскаго и Ольгинскаго кордоновъ и въ направленіи къ Мышастовской станицѣ, но всюду потерпѣла неудачу отъ быстро собиравшихся къ мѣсту дѣйствія казачьихъ командъ.

Когда черкесы уходили уже за Кубань, казаки отбили 50 головъ рогатаго скота, захваченнаго въ Ивановской станицѣ, а 50 головъ черкесы изрубили шашками, чтобы они не достались русскимъ.

Тогда же, по сообщенію начальника Новогригорьевскаго поста есаула Луценка, 150 горцевъ обложили еще съ ночи Речинскій пикетъ и на разсвѣтѣ бросились въ атаку съ криками и выстрѣлами; но находившіеся въ пикетѣ 20 казаковъ выстрѣлами изъ ружей и фальконета нѣсколько разъ отбивали приступы горцевъ и не дали взять пикета. Есаулъ Луценко съ командою поспѣшилъ къ нимъ на помощь. Къ нему присоединился есаулъ Майгуръ съ другою командою и 20 казаками 9 коннаго полка. Казаки въ это время увидѣли, что, кромѣ черкесовъ обложившихъ Речинскій пикетъ, черезъ Кубань переправлялось еще до 500 человѣкъ непріятеля, а по ту сторону Кубани виднѣлась еще большая толпа. Луценко далъ знать объ этомъ въ станицу Старотитаровскую. Горцы, замѣтивши, что на пути въ станицу, куда они хотѣли направиться, расположены уже были казачьи команды, отступили за Кубань.

Обилію черкесскихъ вторженій способствовала несомнѣнно холодная зима, сковавшая воды Кубани. Въ отвѣтъ на дѣйствія черкесовъ снаряженъ былъ цѣлый рядъ экспедицій за Кубань. Съ 27 на 28 января наказный атаманъ Заводовскій поручилъ войсковому старшинѣ Косолапу составить отрядъ изъ 200 конницы и 350 пѣхоты, при двухъ орудіяхъ 10-й конной батареи, и двинуться съ ними по рѣчкамъ, впадавшимъ въ р. Абинъ. Здѣсь были расположены шапсугскіе аулы, въ которыхъ, по сообщенію лазутчиковъ, собралось значительное количество черкесовъ, намѣревавшихся напасть на Черноморію. Движеніемъ карательнаго отряда имѣлось въ

виду разрушить этотъ планъ горцевъ. По пути отрядъ нашелъ шапсугскiе коши, захвативъ здѣсь 6 черкесовъ въ плѣнъ и угнавъ 500 головъ рогатаго скота. Коши же и сѣно были сожжены. На возвратномъ пути около 300 горцевъ пытались атаковать отрядъ и отнять скотъ, но безуспѣшно. Казаки возвратились обратно почти безъ всякихъ потерь. Были убиты лишь двѣ казачьи лошади и двѣ лошади ранены.

Вторая экспедицiя была снаряжена, по распоряженiю Заводовскаго, 22 марта, подъ начальствомъ войскового старшины Борзика. Отрядъ въ 700 пѣшихъ и 300 конныхъ нижнихъ чиновъ, при 3 взводахъ артиллерiи, былъ составленъ изъ гарнизоновъ Алексѣевскаго и Афипскаго и дежурной команды. Съ 23 на 24 марта отрядъ двинулся изъ Афипскаго укрѣпленiя въ аулъ Пшихоръ. По этому пути отряду пришлось идти въ первый разъ. Чтобы лучше орiентироваться, Борзикъ послалъ впередъ на развѣдку пластуновъ. На протяженiи 19 верстъ пластуны дали подробное описанiе мѣстности, по которой долженъ былъ пройти отрядъ. Конечною цѣлью былъ укрѣпленный аулъ. Онъ оказался окруженнымъ крѣпкимъ плетнемъ и завалами, а дорога къ нему неудобна и трудно проходима. Тѣмъ не менѣе къ 11 часамъ ночи русскiй отрядъ придвинулся къ самому аулу. До разсвѣта было еще далеко, и отрядъ могъ быть открытъ черкесами. Поэтому, рѣшено было напасть на аулъ ночью.

Оставивши у забитыхъ воротъ аула артиллерiю, подъ прикрытiемъ 200 человѣкъ пѣхоты, Борзикъ направилъ на аулъ справа и слѣва двѣ равныя по силѣ части войска, а самъ съ 200 человѣкъ сталъ противъ фронта аула. Безъ выстрѣловъ въ условленный моментъ русскiе съ криками бросились на аулъ. Пробудившiеся отъ сна горцы частiю бѣжали въ лѣсъ, а частiю стали отстрѣливаться въ сакляхъ. Захвативши въ плѣнъ 13 душъ черкесовъ об. пола, 20 штукъ рогатаго скота и 115 овецъ, Борзикъ приказалъ сжечь аулъ. Казаки вели такъ удачно нападенiе, что раненъ былъ только одинъ изъ нихъ.

При обратномъ движенiи отряда до 500 горцевъ, въ теченiе двухъ часовъ, преслѣдовали русскихъ, пытаясь атаковать ихъ, но отрядъ благополучно прошелъ въ Афипское укрѣпленiе. Въ рядахъ отряда оказались одинъ убитый и трое тяжело раненыхъ. Потери горцевъ были болѣе значительны, такъ какъ они попадали нѣсколько разъ подъ дѣйствiе артиллерiйскаго огня.

По донесенiю войскового старшины Быстраго-Лазоренки, отрядъ изъ 300 конныхъ казаковъ, при трехъ орудiяхъ, сопровождалъ 1 мая транспортъ съ провiантомъ и багажемъ въ Мостовое Алексѣевское укрѣпленiе. Едва колона отошла съ мѣста 4 версты, какъ вблизи ея показались до 2500 конныхъ и пѣшихъ горцевъ. Горцы стремительно бросились на колону, но начальникъ ея есаулъ Шкуропатскiй съ неменьшею быстротою построилъ колону въ каре и удач-

ными выстрѣлами изъ орудій остановилъ атаку горцевъ. Горцы при этомъ понесли значительную потерю убитыми и ранеными и остановили атаку въ ожиданіи подкрѣпленія изъ 500 пѣхоты. Въ то же время воинскій начальникъ Георгіе-Афипскаго укрѣпленія Быстрый-Лазоренко послалъ 200 казаковъ съ есауломъ Кравчиной и однимъ орудіемъ въ помощь колонѣ. Замѣтившіе это горцы раздѣлились на двѣ части, направивши одну противъ колоны, а другую противъ отряда есаула Кравчины. Несмотря на отчаянныя попытки черкесовъ не допустить соединенія отряда Кравчины съ колоною, обѣ эти части, послѣ трехчасовой упорной борьбы, соединились вмѣстѣ и тѣмъ принудили черкесовъ къ отступленію.

Въ маѣ же мѣсяцѣ командиръ 4-го пѣшаго полка въ рапортѣ описалъ случай быстрой и жестокой расправы черкесовъ съ казакомъ. Подкравшіеся ночью къ часовому черкесы смертельно ранили его выстрѣломъ изъ пистолета и разсѣкли саблей. Изнемогавшій казакъ попробовалъ крикнуть и движеніемъ проявилъ признаки жизни. Это замѣтили черкесскіе мальчики и начали колоть его кинжалами, нанеся ему болѣе 20 ранъ. Ночью 30 мая 1841 г. черкесы переправились у Могильной пристани и напали на Редутскій мѣновой дворъ. Здѣсь они убили двухъ караульныхъ и, взломивши войсковой сундукъ съ товарами, забрали послѣдніе на сумму 605 руб. ассигнаціями и безслѣдно скрылись.

Въ іюнѣ войсковой старшина Гавришъ узналъ отъ мирныхъ черкесовъ, что горцы готовились захватить гарнизонный скотъ, находившійся при Абинскомъ укрѣпленіи. Чтобы предупредить нападеніе на скотъ и наказать черкесовъ, Гавришъ, по распоряженію наказнаго атамана Заводовскаго, съ 20 на 21 іюня составилъ отрядъ изъ 250 конныхъ казаковъ и 150 линейныхъ солдатъ, подъ начальствомъ есаула Дейнеги. Отряду этому поручено было напасть на аулъ при р. Афъ, населенный черкесами, готовившимися отбить скотъ у Абинскаго гарнизона. Выступивъ въ походъ въ 9 часовъ утра, въ 4 часа дня отрядъ доставилъ уже захваченныхъ въ плѣнъ 1 д. мужскаго, 9 д. ж. пола населенія и 30 штукъ овецъ. Горцы сражались отчаянно и оставили на мѣстѣ боя въ аулѣ до 20 тѣлъ и еще больше забрали съ собою убитыхъ и раненыхъ. При обратномъ движеніи русскаго отряда, они также нападали на него, убили 1 казака и 8 ранили.

Въ іюнѣ же мѣсяцѣ получено было изъ за Кубани извѣстіе, что абадзехи въ значительномъ количествѣ собрались на р. Уніабатъ, съ намѣреніемъ прорваться черезъ границы и произвести нападеніе на самый Екатеринодаръ. Въ этихъ видахъ Заводовскій поручилъ командиру 6-го коннаго полка войсковому старшинѣ Борзику составить отрядъ и пробраться съ нимъ на р. Уніабатъ для разсѣянія скопища горцевъ. Въ отрядъ вошли 232 пѣхотинца, 323 конныхъ казаковъ и 30 горцевъ, при одномъ взводѣ артиллеріи. Въ 8 часовъ вечера была произведена переправа этихъ силъ че-

резъ Кубань. Ночью на 16 верстѣ слѣдованія Борзику сообщили казаки, что недалеко отъ дороги находилось стадо черкесскихъ овецъ. Борзикъ послалъ 20 пластуновъ и 10 горцевъ развѣдать, гдѣ и сколько было овецъ. Пластуны разузнали все съ точностью. Прибавивши къ нимъ и къ 30 черкесамъ еще 30 казаковъ, Борзикъ распорядился, чтобы отрядъ этотъ, подъ командой сотника Гребенника, захватилъ овецъ и отогналъ ихъ въ Екатеринодаръ. За $1^1/_2$ часа до разсвѣта, отрядъ подошелъ къ лѣсу на р. Уніабатъ, извѣстному у черкесовъ подъ именемъ Явкъ. Но лѣсъ былъ такъ густъ и малодоступенъ, что не было возможности атаковать черкесовъ ночью. Отрядъ вынужденъ былъ ждать дня, но, съ наступленіемъ его, горцы открыли присутствіе русскихъ. Значительными силами пѣхоты и конницы они атаковали отрядъ, заставивши его повернуть назадъ къ Кубани. На протяженіи 16 верстъ, при обратномъ движеніи, отрядъ почти на каждомъ шагу принужденъ былъ выдерживать бой съ черкесами. Нѣсколько разъ горцы бросались въ шашки, но удачными выстрѣлами артиллеріи и ружейнымъ огнемъ были отбрасываемы съ мѣста боя. Къ 4 часамъ дня отрядъ подошелъ къ Кубани. Къ этому времени сотникъ Гребенникъ успѣлъ уже съ своими казаками пригнать 507 штукъ овецъ и переправить ихъ черезъ Кубань въ Екатеринодаръ. Въ виду Екатеринодара черкесы перекратили дѣйствія противъ отряда и на время отложили свое намѣреніе сдѣлать набѣгъ на Черноморію.

Въ декабрѣ 1841 года былъ направленъ за Кубань съ карательными цѣлями отрядъ, подъ начальствомъ командира 8 пѣшаго полка Косолапа. Отряду этому поручено было разорить одинъ враждебный аулъ на р. Абинъ. Косолапъ съ частью отряда напалъ на аулъ и взялъ въ плѣнъ 7 душъ населенія. При обратномъ движеніи отряда къ Кубани, шапсуги преслѣдовали его до р. Кунипсъ. Въ 11 часовъ дня отрядъ прибылъ однако благополучно въ Ольгинское укрѣпленіе, имѣя одного лишь раненаго казака и потерявши одну убитую лошадь.

Въ концѣ декабря абадзехи напали на хамышеевцевъ, изъ мести за приверженность ихъ къ Россіи. До 400 горцевъ 31 декабря внезапно ворвались въ небольшой аулъ поручика Тугуза Инемокова Эдиге, находившійся при Кубани. Замѣтивши это, начальникъ Великолагерскаго кордона далъ тревогу и послалъ казаковъ въ помощь хамышеевцамъ. Жители аула оказали отчаянное сопротивленіе. Но абадзехи, замѣтивши скакавшихъ къ аулу казаковъ, бросили его и стали поспѣшно удаляться, преслѣдуемые хамышеевцами. Хотя абадзехи и понесли значительный уронъ людьми, но все таки успѣли взять въ плѣнъ 8 женщинъ и ранить двухъ. Оставивши на мѣстѣ одного убитаго, они захватили 12 головъ рогатаго скота и 120 овецъ.

Такъ закончился 1841 годъ, послѣдній передъ преобразованіемъ Черноморскаго войска.

Глава X.

ЧЕРНОМОРСКАЯ БЕРЕГОВАЯ ЛИНІЯ.

Учрежденіе Черноморской береговой линіи и занятіе Черноморскаго побережья русскими укрѣпленіями было логическимъ слѣдствіемъ тѣхъ задачъ, которыя преслѣдовала Россія въ своихъ отношеніяхъ къ Турціи и Кавказу. Каждый шагъ русскихъ впередъ по Кавказу велъ къ сокращенію владѣній Турціи и ея вліянія на мѣстныя народности. Занимая восточные берега Чернаго моря укрѣпленіями и крейсируя вдоль тѣхъ же береговъ военными судами, русскіе старались поставить въ изолированное положеніе горцевъ, помѣшать снабженію ихъ изъ Турціи оружіемъ и военными припасами, подорвать торговыя сношенія черкесовъ съ турками. Вступивши въ роль хозяевъ, русскіе стали неуклонно приводить въ исполненіе этотъ планъ. Фактически завладѣніе Черноморскимъ побережьемъ со стороны русскихъ началось въ 1828 году, когда русскими войсками были взяты Анапа и Поти, двѣ крѣпости, потеря которыхъ турками повлекла за собою роковыя послѣдствія и для всего Черноморскаго побережья. Особенно чувствительный ударъ туркамъ и черкесамъ нанесенъ былъ взятіемъ русскими войсками первоклассной по тому времени крѣпости Анапы.

Анапа была построена въ 1781 году, по повелѣнію турецкаго султана Абдулъ Гамида, французскими инженерами по всѣмъ правиламъ тогдашней фортификаціонной техники. Построеніе крѣпости было вызвано побужденіями двоякаго рода. Съ одной стороны, крѣпость строилась для защиты татаръ, занимавшихъ Таманскій полуостровъ и ближайшія къ Анапѣ мѣста; а съ другой, имѣя въ Анапѣ гарнизонъ и уполномоченныхъ лицъ, Турція могла черезъ нихъ оказывать постоянное вліяніе на черкесскія племена, находившіяся подъ ея покровительствомъ. Послѣдствія показали, что обѣ эти цѣли достигались Турціей вполнѣ. Крѣпость Анапа являлась очень внушительнымъ оплотомъ турецкаго владычества на Кавказѣ. При такомъ значеніи, она служила постоянною приманкою для русскихъ генераловъ, жаждавшихъ попасть въ число великихъ полководцевъ. Въ 1788 году Анапой пытался овладѣть самонадѣянный, но бездарный генералъ-аншефъ Текеллій, безцѣльно и безрезультатно измучившій огромный отрядъ войскъ въ походѣ за Кубань. Анапа оказалась для Текеллія неприступной. Въ 1790 году на Анапу двинулся легкомысленный генералъ-поручикъ Бибиковъ, не только не взявшій Анапы, но едва спасшійся отъ голода и холода съ отрядомъ. Годомъ позже, однако, въ 1791 году, Анапа приступомъ была взята небольшимъ отрядомъ русскихъ войскъ, подъ командой

талантливаго генералъ-поручика Гудовича. Но по ясскому договору Россія уступила эту крѣпость Турціи.

Въ 1807 году Анапа снова была взята эскадрою контръ-адмирала Пустошкина. Во время бомбардировки 23 апрѣля крѣпости, въ ней зажжены были бранскугелями строенія, и скоро охватившій Анапу пожаръ сталъ столь ужасенъ, что 300 артиллеристовъ турецкаго гарнизона бросили пушки и бѣжали въ горы; за ними послѣдовали гарнизонъ, самъ командующій турецкими войсками анапскій паша, жители и комендантъ крѣпости. Паника была невѣроятная. Въ крѣпости числилось 4000 жителей, но русскіе моряки нашли въ Анапѣ только 18 турокъ и 2 турецкихъ запорожцевъ. Остальные жители частью бѣжали къ черкесамъ въ горы, а частью погибли въ пламени. Несмотря на пожаръ, русскія войска успѣли, однако, захватить въ крѣпости 86 мѣдныхъ и 12 чугунныхъ пушекъ и значительное количество боевыхъ припасовъ. Брошенную турками на произволъ крѣпость рѣшено было совершенно уничтожить. Въ пять дней разрушительной работы солдаты и моряки превратили крѣпость въ развалины.

Одновременно съ осадою русскимъ флотомъ Анапы, для острастки жившихъ въ окрестностяхъ Анапы черкесовъ, посланы были въ ихъ земли два отряда—одинъ съ Таманскаго полуострова черезъ Бугазъ изъ регулярныхъ войскъ, подъ командою генерала Панчулидзева, а другой изъ Черноморіи черезъ Кубань казачій, подъ начальствомъ войскового атамана Бурсака. Въ то же время гребной флотиліи Черноморскаго войска, подъ командой есаула Борзика, приказано было дѣйствовать на земляхъ черкесовъ, прилегавшихъ къ Кизилташскому лиману. Здѣсь казаки 17 и 18 іюня разорили 6 черкескихъ ауловъ и взяли нѣсколько непріятельскихъ лодокъ. Отряды же Бурсака и Панчулидзева проникли въ горы къ черкесамъ и удержали ихъ отъ участія въ оборонѣ Анапы. Впослѣдствіи сначала черкесы, а потомъ и турки снова возобновили Анапскую крѣпость. Поэтому, когда вспыхнула въ 1828 году война русскихъ съ турками, заранѣе было рѣшено еще разъ взять Анапу и оставить ее въ числѣ русскихъ владѣній навсегда.

Для осады Анапы въ 1828 г. назначена была Черноморская эскадра, подъ начальствомъ вице-адмирала Грейга, съ десантными войсками, и небольшой отрядъ пѣхоты съ полуострова Тамани. Эскадра прибыла къ Анапѣ 2 мая, а на другой день пришелъ изъ Тамани черезъ Бугазъ отрядъ изъ 4 полковъ черноморскихъ казаковъ, 6 ротъ Таманскаго гарнизоннаго полка и 20 легкихъ орудій черноморской казачьей артиллеріи, подъ командою флигель-адъютанта полковника Перовскаго. На предложеніе Грейга сдать Анапу безъ боя, анапскій паша отвѣтилъ вѣжливымъ отказомъ, прибавивши, что „судьба рѣшитъ, кому владѣть Анапой“.

Три дня сильный вѣтеръ препятствовалъ высадкѣ десанта съ судовъ и бомбардировкѣ Анапы съ моря. Въ это время на незна-

чительный, въ 900 человѣкъ, отрядъ Перовскаго, находившійся въ 2 верстахъ отъ Анапы въ узкомъ пространствѣ, между моремъ, болотомъ и рѣкою Бугуръ, обрушились цѣлыя толпы черкесовъ, союзниковъ Турціи. Три дня отрядъ выдерживалъ бѣшенную атаку горцевъ съ фронта и тыла по Бугурской дорогѣ, выказывая необычайную стойкость и чудеса храбрости. Съ утра 6 мая вѣтеръ нѣсколько утихъ; этимъ воспользовался Грейгъ и высадилъ десантъ на берегъ. Въ составъ десанта входили 13-й и 14-й егерскіе полки съ 8 орудіями, подъ начальствомъ князя Меньшикова. Принявши общее начальство надъ сухопутными войсками, князь Меньшиковъ немедленно приступилъ къ осадѣ крѣпости.

Осаду Анапы пришлось вести на два фронта—со стороны крѣпости дѣлали вылазки турки, а съ тыла насѣдали на русскій отрядъ огромныя толпы черкесовъ. На первое время, благодаря неопытности солдатъ десанта, не имѣвшихъ еще дѣла съ горцами, солдаты платились жизнью при малѣйшей оплошности. Такъ, 12 мая 20 застрѣльщиковъ 13 егерскаго полка, преслѣдуя горцевъ, слишкомъ далеко удалились отъ своего батальона—и немедленно были окружены горцами и изрублены всѣ до одного. Казаки же, наоборотъ, сами умѣли завлекать горцевъ въ невыгодныя для нихъ стычки. На первыхъ же порахъ, при такихъ стычкахъ, у черкесовъ пали два видныхъ предводителя—владѣтельный князь Ханашъ-Ибинъ-Цако и князь Темрюкъ. Раннимъ утромъ 26 мая убѣжавшій изъ плѣна, послѣ 8 лѣтъ неволи, солдатъ извѣстилъ, что въ ближайшихъ горахъ скрывалось отъ 2 до 3 тысячъ черкесовъ, выжидавшихъ удобнаго момента для нападенія на русскій отрядъ. Черезъ день черкесы, дѣйствительно, произвели стремительную атаку на русскія войска и сразу разстроили каре Таманскаго гарнизоннаго полка, нанеся солдатамъ значительный уронъ; но несмотря на одновременную атаку русскихъ войскъ турками и черкесами, послѣдніе въ концѣ концовъ были опрокинуты на всѣхъ пунктахъ пушечнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, отступили и не рѣшились больше атаковать русскія войска.

Въ другомъ сраженіи солдаты отрѣзали до 300 турокъ отъ отряда, дѣйствовавшаго за стѣнами крѣпости, и, окруживши ихъ со всѣхъ сторонъ, уничтожили ихъ—однихъ перекололи штыками, а другіе, притиснутые русскими къ крутому обрыву у моря, бросались въ отчаяніи съ крутизны обрыва и разбивались на смерть о камни. Солдаты при этомъ выказали необычайное самоотверженіе при защитѣ одного изъ офицеровъ. Штабсъ-капитанъ Томиловскій схватился съ турецкимъ офицеромъ въ рукопашную, поборолъ его и сбросилъ въ пропасть, но и самъ полетѣлъ туда же и лишь случайно повисъ на одномъ изъ уступовъ обрыва. Посланные изъ крѣпости турки открыли съ берега огонь по висѣвшему надъ пропастью офицеру. Увидѣвши это, два солдата, съ рискомъ свалиться въ пропасть, пытались подать конецъ ружья Томиловскому, который отъ ранъ не могъ

стать на ноги и воспользоваться помощью солдатъ. Одинъ изъ солдатъ, отъ чрезмѣрнаго усилія поднять офицера, самъ потерялъ равновѣсіе и упалъ въ пропасть. Оставшійся товарищъ сталъ звать на помощь другихъ солдатъ. Подбѣжавшіе солдаты сняли съ убитыхъ турокъ пояса, связали ихъ и успѣли при помощи этого импровизированнаго каната, втащить на верхъ офицера. Въ теченіе всего этого времени раненый Томиловскій и герои солдаты были осыпаемы снизу турками градомъ пуль и многіе оказались ранеными, но офицеръ былъ спасенъ, хотя вскорѣ и умеръ отъ ранъ.

Турки, однако, продолжали отстаивать крѣпость, и Меньшиковъ рѣшилъ взять ее приступомъ. Въ свое время Гудовичъ, взявшій Анапу, началъ приступъ крѣпости съ полевой стороны. Князь Меньшиковъ избралъ для приступа уголъ съ сѣвера крѣпости, между валомъ ея и морскимъ берегомъ, и началъ готовиться къ приступу съ этой стороны, сдѣлавъ послѣднія приготовленія къ штурму 10 іюня. Увидѣвши серьезныя подготовленія къ приступу со стороны русскихъ войскъ и потерявши надежду на помощь черкесовъ, переставшихъ тревожить русскій отрядъ послѣ битвы 28 мая, когда они понесли огромный уронъ, турки, по предложенію Грейга, вступили въ переговоры съ русскими. Два дня длились переговоры. Всѣ чрезмѣрныя требованія турокъ были отвергнуты русскими, и 12 іюня турецкій гарнизонъ сдался русскимъ. Въ крѣпости оказалось 4 тысячи человѣкъ войска и найдено 85 орудій, 29 знаменъ, 2000 пудовъ пороха, 25000 снарядовъ, 3000 ружей и много другого оружія, а въ число плѣнныхъ попалъ извѣстный у черкесовъ и турокъ Сеферъ-бей, душа анапскаго гарнизона. Собственность жителей осталась неприкосновенною, но съ этого времени крѣпость Анапа стала русскою.

Въ рядахъ войскъ, осаждавшихъ Анапу и взявшихъ эту крѣпость, были и казаки Черноморскаго войска съ своимъ атаманомъ во главѣ. По общему отзыву участниковъ въ войнѣ, черноморцы при Анапѣ выказали особое мужество и стойкость, за что и получили знамя съ надписью: „за отличіе при взятіи крѣпости Анапы 12 іюня 1828 года“. Самъ батько-атаманъ Безкровный получилъ за Анапу чинъ генералъ-майора. И было за что наградить эту крупную въ исторіи черноморскихъ казаковъ личность. На ряду съ знаніемъ дѣла, быстрымъ соображеніемъ, находчивостью и распорядительностью въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, Безкровный всегда выказывалъ необычайную личную храбрость, доходившую до героизма. Поддерживаемый казаками, онъ лично, въ жаркой схваткѣ съ непріятелемъ, отнялъ у одного изъ турокъ богатую турецкую саблю и послалъ ее въ подарокъ отъ войска атаману всѣхъ казачьихъ войскъ Цесаревичу Александру, будущему Царю-Реформатору. При стычкахъ съ горцами, казачій атаманъ дрался рядомъ съ казаками и личною своею храбростью всегда воодушевлялъ другихъ. При малѣйшей опасности, грозившей кому-либо изъ казаковъ, онъ первымъ спѣшилъ

на выручку. И такимъ онъ былъ всегда—и въ крупныхъ дѣлахъ, и въ мелкихъ повседневныхъ случаяхъ.

Особенно высокимъ подвигомъ личнаго самоотверженія, совершеннаго подъ Анапой, генералъ Безкровный оставилъ по себѣ память въ русскихъ войскахъ. Его подвигу одинаково удивлялись и казаки и солдаты, и генералы, и офицеры. Вотъ подробности случая, при которыхъ обнаружилась благородная душа казачьяго атамана.

Анапа была уже въ рукахъ русскихъ. Наступили суровые, изобиловавшіе бурями дни. На морѣ дулъ сильнѣйшій морякъ, юго-западный вѣтеръ, превратившійся у береговъ Анапы въ свирѣпый ураганъ. Море ревѣло и клокотало, волнами необычайной величины и силы бросало, какъ щепки, огромныя суда. Стоявшій на брантъвахтѣ у Анапы люгеръ буря сорвала съ якорей и понесла къ берегу. Судно и люди были на краю гибели. Чтобы лучше обезопасить отъ бури судно и команду, моряки срубили мачту и сняли съ палубы все, отъ чего парусило судно. Но близъ берега судну неминуемо грозила опасность погибнуть отъ громадныхъ волнъ и сильнаго прибоя. Напрасно моряки употребляли усилія, чтобы удержать отъ крушенія судно и тѣмъ спасти собственную жизнь. Бушующій вѣтеръ, какъ игрушкой, вертѣлъ судномъ, море заливало его волнами, судно кренило и бросало во всѣ стороны....

Въ это время къ мѣсту происшествія подъѣхалъ верхомъ на конѣ генералъ Безкровный въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ. Замѣтивши опасность, которой подвергались моряки на полуразбитомъ люгерѣ, казачій атаманъ стегнулъ нагайкою по лошади и заставилъ ее броситься въ волны. Вплавь на лошади, окатываемый волнами и пѣной, Безкровный приблизился къ люгеру. За атаманомъ послѣдовали войсковой старшина Могукоровъ, сотникъ Калери и урядникъ Чайтамировъ. Борясь съ волнами, общими усиліями они ухитрились снять съ гибнувшаго судна командира его, мичмана и матросовъ и доставить ихъ на берегъ. Судно было оставлено въ жертву волнамъ, а люди спасены всадниками.

При осадѣ и взятіи Анапы не было вообще недостатка въ случаяхъ самоотверженія, храбрости и геройства. Геройски вели себя представители всѣхъ видовъ оружія. Шесть тысячъ русскихъ войскъ овладѣвшихъ Анапою, выказали необычайное мужество и стойкость, рѣдкія въ лѣтописяхъ военной исторіи. Защищая свою позицію на протяженіи 5 верстъ и выдерживая съ двухъ сторонъ почти одновременный натискъ четырехтысячнаго турецкаго гарнизона и еще большаго количества горцевъ, русскія войска, съ 3 мая по 12 іюня почти лишены были покоя. Днемъ стояла ужасная жара и не было, за исключеніемъ палатки князя Меньшикова и лазаретнаго намета, сооруженнаго изъ судовыхъ парусовъ, никакого убѣжища отъ солнца, не было даже ни одного деревца въ окрестности, тѣнью котораго могли бы воспользоваться измученные люди. Флотъ, благодаря мелководью Анапскаго берега, бездѣйствовалъ и почти не принималъ

участія въ осадѣ крѣпости. У войска не было ни свѣжей говядины, ни сколько-нибудь сносной провизіи. Особенно чувствителенъ былъ недостатокъ въ прѣсной водѣ. Въ р. Бугуръ была негодная болотная вода, а въ колодцахъ, вырытыхъ солдатами, соленая. Отъ недостатка воды и скудной пищи войска болѣли цынгою и около 200 солдатъ, наиболѣе больныхъ, было отправлено во время осады Анапы въ Севастополь. Не доставало даже дровъ для варки пищи, такъ какъ близъ лагеря не было деревьевъ, а скудный лѣсъ въ окрестныхъ горахъ можно было добывать лишь съ рискомъ быть убитымъ или изрубленнымъ черкесами, все время кишѣвшими въ ближайшихъ горахъ. Но всѣ эти лишенія не помѣшали русскимъ войскамъ взять когда-то грозную крѣпость Анапу, которую турецкій султанъ назвалъ „ключемъ азіатскихъ береговъ Чернаго моря“.

Одновременно со взятіемъ Анапы, русскія войска, подъ начальствомъ графа Паскевича Эриванскаго, овладѣли другою крѣпостью Черноморскаго побережья—Поти. Этими двумя завладѣніями положено было начало завоеванію и всего побережья восточной стороны Чернаго моря.

Адріанопольскимъ трактатомъ 1829 г. Турція уступила Россіи свои права на восточное побережье Чернаго моря отъ Анапы до свободной Абхазіи. Такимъ образомъ, всѣ черкесскія земли номинально стали достояніемъ Россіи. Но черкесы не хотѣли съ этимъ мириться. Они не признавали чужой власти надъ собою и терпѣли турокъ, какъ единовѣрцевъ, а не властителей. Вольные горцы ни какъ не могли понять, почему русскіе посягали на ихъ земли, и когда генералъ Раевскій, желая нагляднѣе уяснить имъ это обстоятельство, выразился, что турецкій султанъ отдалъ въ подарокъ Русскому Царю всѣхъ черкесовъ, то одинъ изъ шапсуговъ замѣтилъ на это: „теперь я понимаю!“ и указывая на птичку, сидѣвшую высоко на деревѣ, иронически прибавилъ: „генералъ! я дарю тебѣ эту птичку—возьми ее!“ Черкесы были также свободны, какъ птицы небесныя, и не могли допустить даже мысли о своемъ подчиненіи кому бы то ни было. Россіи предстояло еще завоевать уступленныя ей Турціей черкесскія земли и ихъ вольныхъ обитателей и, начиная съ 1830 года и до 1864, шло это завоеваніе.

Въ 1830 году заняты были русскимъ отрядомъ Гагры, а въ слѣдующемъ 1831 году русскія войска овладѣли Геленджикомъ, съ котораго собственно и началось систематическое покореніе черкесскихъ племенъ, населявшихъ восточные берега Чернаго моря.

Въ первоначальномъ планѣ завоеванія побережья Геленджику выпала очень важная роль. Онъ послужилъ той конечной базой, которая намѣчена была въ вершинѣ громаднаго треугольника съ основаніемъ по Кубани и съ боковыми линіями вдоль береговъ Чернаго моря на югъ, съ одной стороны, и по дорогѣ отъ Ольгинскаго укрѣпленія у Кубани на Абинъ и Геленджикъ, съ другой. Предполагалось не только занять, въ этихъ предѣлахъ, частъ

черкесскихъ владѣній, но и связать занятое пространство съ Черноморіею. Замѣчательно, что эту мысль, подсказали русскимъ сами горцы—Аббатъ Убыхъ и Сеферъ-бей.

Первыя распоряженія по занятію русскими войсками Геленджика послѣдовали въ іюлѣ 1831 г. Въ это время начальникомъ Геленджикскаго отряда назначенъ былъ г.-м. Берхманъ 1-й, который и началъ дѣлать предварительныя распоряженія въ ожиданіи согласія Государя на устройство укрѣпленія въ Геленджикѣ. Такъ 15 іюля онъ снесся съ графомъ Паленомъ относительно безпрепятственнаго обратнаго слѣдованія отряда черезъ Бугазскій карантинъ, если не окажется заразной болѣзни, заранѣе назначилъ винную и мясную порціи солдатамъ Геленджикскаго отряда и увѣдомилъ коменданта Анапы объ отправкѣ въ Джеметей строевыхъ, обозныхъ и др. лошадей. Затѣмъ 21 іюля, при рапортѣ Государю, Берхманъ представилъ вѣдомость о Геленджикскомъ отрядѣ, въ составъ котораго входило 13 штабъ-офицеровъ, 103 оберъ-офицеровъ, 413 унтеръ-офицеровъ, 142 музыканта, 3253 рядовыхъ, 147 нестроевыхъ и 67 деньщиковъ, а всего, слѣдовательно, 4138 человѣкъ. Того же числа онъ сообщилъ генералу Емануелю свои предположенія о выступленіи на судахъ Геленджикскаго отряда и предупредилъ коменданта Анапской крѣпости г.-л. Вышеславцева о желаніи чиновника коллегіи иностранныхъ дѣлъ Люлье слѣдовать съ отрядомъ въ Геленджикъ для выкупа плѣнныхъ у горцевъ. Всѣ эти распоряженія были сдѣланы изъ лагеря отряда при Анапѣ. Отрядъ былъ уже готовъ къ выступленію.

На другой день, 22 іюля, генералу Берхману было передано сообщеніе графа Паскевича отъ 19 мая о томъ, что, по волѣ Государя, окончательно рѣшено устроить укрѣпленіе въ Геленджикскомъ заливѣ и Мостовое укрѣпленіе противъ Ольгинскаго редута. Въ виду этого, генералъ Емануель предложилъ Берхману сдать дѣла по управленію кордонною линіею Черноморскаго войска генералу Заводовскому, приступить къ постройкѣ крѣпости въ Геленджикѣ, для чего въ распоряженіе Берхмана былъ командированъ инженеръ Даниловъ, взять въ Геленджикъ изъ 57 вольныхъ работниковъ 37 человѣкъ, а 20 отправить къ Ольгинскому редуту, нагрузить на суда купленные для Геленджикскаго укрѣпленія матеріалы и заготовить дрова для парохода „Молнія", назначеннаго для сообщеній съ Геленджикомъ. Въ іюлѣ же на инженера Данилова возложено было:

1. Осмотрѣть мѣстоположеніе Геленджика; составить проэктъ крѣпосги и тотчасъ же приступить къ постройкѣ ея. Такъ какъ не было свѣдѣній о количествѣ гарнизона для крѣпости, то Берхманъ находилъ возможнымъ проектировать крѣпость на 1000 человѣкъ, 18 орудій и 6 бастіоновъ по фронту.

2. Казармы и лазаретъ строить деревянные изъ лѣсу, изготовленнаго въ Анапѣ.

3. Имѣя въ виду, что Геленджикъ портъ, профиль укрѣпленія сдѣлать противъ пушечныхъ выстрѣловъ и рвы устроить съ каменной

одеждой. Если позволитъ мѣстность, то устроить и передовыя укрѣпленія.

4. Крѣпость должна командовать надъ окрестнымъ мѣстоположеніемъ и кустарникъ уничтоженъ на разстояніи версты кругомъ.

5. Если позволитъ мѣстность, то устроить водяной ровъ.

6. Матеріалы и инструменты, сколько требуется, поставлять изъ Екатеринодара и Анапы.

Данилову разрѣшено было взять топографа Мануилова, писаря, артиллерійскаго офицера и инженерныхъ чиновниковъ.

Предположенія, часть которыхъ поручено было осуществить инженеру Данилову, окончательно сложились въ мѣстныхъ правящихъ кругахъ военнаго начальства въ началѣ 1831 года. Въ это время особенно агитировали въ пользу постройки укрѣпленія въ Геленджикѣ или въ Новороссійскѣ видные представители черкесовъ Сеферъ-бей-Занъ и Аббатъ Убыхъ. Убѣдившись въ томъ, что отъ Турціи нельзя было ожидать помощи черкесамъ, они рѣшили связать судьбы черкесской народности съ Россіей. Укрѣпленіе въ Геленджикѣ или въ Новороссійскѣ, соединенное военною дорогою съ укрѣпленіемъ Ольгинскимъ у Кубани, поставило бы, по ихъ мысли, натухайцевъ въ полную зависимость отъ Россіи и успокоило бы край.

Около того же времени вновь ожила давно возникшая мысль о заселеніи казаками сѣверной части Черноморскаго побережья. Какъ извѣстно, эту мѣстность расчитывали занять турецкіе запорожцы, образовавшіе Азовское казачье войско и поселившіеся у Маріуполя. На этотъ разъ правительство имѣло въ виду заселить край не Азовскимъ войскомъ, а малороссійскими казаками. Предполагалось направить къ Анапѣ 1300 семействъ изъ Малороссіи, и когда поставленъ былъ вопросъ, гдѣ удобнѣе поселить казаковъ—у Анапы или у Геленджика, то мѣстныя власти дали отзывъ въ пользу первой, какъ ближайшей къ Черноморіи и изобилующей въ окрестностяхъ удобными для хозяйства землями.

Это обстоятельство также вліяло на занятіе Геленджикской бухты русскими войсками. Если не у Геленджика, то въ сѣверозападной части громаднаго треугольника, населеннаго натухайцами, должно было осѣсть чисто русское населеніе. Требовалось поставить переселенцевъ въ благопріятныя условія, и укрѣпленная линія отъ Ольгинскаго на Геленджикъ или на Новороссійскъ являлась дѣломъ настоятельной необходимости.

Въ концѣ іюля, Геленджикская бухта была занята русскими судами. Генералъ-майоръ Берхманъ 1-й рапортомъ 28 іюля 1831 года сообщилъ командующему войсками на Кавказской линіи, въ Черноморіи и Астрахани г.—отъ—к. Емануелю, что онъ прибылъ съ отрядомъ въ Геленджикскую бухту 23 іюля. Послѣ тщательнаго осмотра береговъ на лодкахъ, Берхманъ рѣшилъ сдѣлать на другой день высадку войскъ въ сѣверной части бухты, гдѣ на отлогомъ мѣстѣ, извѣстномъ въ настоящее время подъ именемъ Тонкаго мыса, казалось самымъ удобнымъ расположить укрѣпленіе. Сильный вѣтеръ

воспрепятствовалъ 24 іюля высадить войска, и только 25 іюля произведена была высадка войскъ на берегъ. Мѣсто на Тонкомъ мысу оказалось дѣйствительно очень удобнымъ для расположенія крѣпости, но ни на самомъ мысу, ни вблизи не нашлось воды. Къ тому же у самаго мыса найдено было болото, которое могло вредно вліять на здоровье солдатъ. Войска снова были посажены на суда.

Въ это время къ Берхману явились два туземца. Желая успокоить ихъ, онъ сказалъ, что войска не тронутъ мѣстныхъ жителей, если они будутъ вести себя миролюбиво. Туземцы съ своей стороны старались уговорить Берхмана, чтобы онъ повременилъ съ занятіемъ бухты до тѣхъ поръ, пока не соберутся старшины изъ окрестныхъ мѣстъ. Черкесы обѣщали полную покорность, если земли у Геленджика дѣйствительно уступлены Турціей Россіи, и просили 3 дня срока для сбора старшинъ. Берхманъ согласился на это и, оставляя войска на судахъ 25 и 26 іюля, на третій—день 27 іюля высадилъ 4 батальона при 8 орудіяхъ и произвелъ рекогносцировку окрестностей. Не успѣли высаженные солдаты расположить цѣпь, какъ черкесы начали стрѣлять по войскамъ и контузили одного рядового. Русскіе въ свою очередь открыли артиллерійскій огонь, и горцы были разсѣяны. При дальнѣйшемъ осмотрѣ мѣстности рекогносцировочнымъ отрядомъ, горцы снова открыли ружейную пальбу, ранили одного солдата и нѣсколькихъ контузили. И снова пушки заставили горцевъ бѣжать отъ русскихъ. Черкесовъ было до 300 человѣкъ и замѣтно было, что они неоднократно подбирали при перестрѣлкахъ убитыхъ и раненыхъ, но сколько неизвѣстно.

Осмотръ южной части бухты показалъ, что и южный мысъ, называемый нынѣ Толстымъ, былъ не пригоденъ для укрѣпленія. Здѣсь также не было воды и недалеко были горныя возвышенія, позволявшія обстрѣливать крѣпость съ близкаго разстоянія. Тогда войска заняли то мѣсто, на которомъ находится нынѣшній Геленджикъ. Здѣсь оказалось обиліе превосходной воды, протекалъ горный ручей Геленджикъ и находились мощные родники. Такимъ образомъ, найдено было главное условіе для возведенія укрѣпленія.

Войскамъ было приказано очистить подъ крѣпость мѣсто отъ лѣсной растительности. При работахъ въ зарosляхъ было найдено одно орудіе. Перестрѣлка русскихъ войскъ съ черкесами повторялась по нѣскольку разъ въ день. Двое турокъ, оставшихся въ ближайшемъ черкесскомъ аулѣ и перешедшихъ къ русскимъ, сообщили, что геленджикскіе черкесы послали гонцовъ къ шапсугамъ за помощью. Войска, съ своей стороны, сдѣлали огромныя засѣки изъ лѣса и усилили караулы.

Но занятіе Геленджикской бухты русскими войсками не составляло конечной цѣли, преслѣдуемой тогдашними руководителями военнаго дѣла на Кавказѣ. Геленджикъ нуженъ былъ только какъ опорный пунктъ въ болѣе обширномъ планѣ укрѣпленій. Графъ Паскевичъ считалъ дѣломъ настоятельной необходимости соедине-

ніе Черноморскаго побережья съ Черноморіей. Одновременно съ сооруженіемъ крѣпости въ Геледжикской бухтѣ должна была проводиться къ тому-же Геленджику военная дорога отъ Кубани черезъ главный хребетъ Кавказскихъ горъ. Исходнымъ пунктомъ въ Черноморіи намѣченъ былъ Ольгинскій кордонъ. Возлѣ него была устроена переправа черезъ Кубань—такъ называемый Ольгинскій Тетъ-де-понтъ, защищаемый 250 чел. гарнизона. Отсюда намѣчена была дорога черезъ Абинское укрѣпленіе и Адербіевскій перевалъ къ Геленджикской бухтѣ. На этомъ пути предположено было устроить еще 5 укрѣпленій—два по 700 чел. гарнизона въ каждомъ, одно съ гарнизономъ въ 250 чел., еще одно на 700 чел. гарнизона и послѣднее съ гарнизономъ въ 500 чел., а въ самомъ Геленджикѣ необходимо было помѣстить не менѣе 1000 чел. гарнизона. Въ іюлѣ 1831 г., какъ это видно изъ сообщенія наказнаго атамана Заводовскаго генералу Вельяминову, къ осуществленію этого плана со стороны Кубани не приступали еще.

Въ рапортѣ 3 августа 1831 г. инженеръ Даниловъ донесъ начальнику Геленджикскаго отряда г-м. Берхману, что, при осмотрѣ мѣстности около Геленджикской бухты съ южной стороны, онъ нашелъ возможнымъ устроить крѣпость „для обороны, но только не противъ орудій, а противъ ружейнаго огня“. Къ бухтѣ съ разныхъ сторонъ настолько близко прилегали возвышенности и горы, что намѣченная мѣстность вседа будетъ находиться подъ выстрѣлами изъ орудій и останется недоступной для ружейнаго огня. Необходимо было, поэтому, очистить отъ лѣса и кустарника мѣста, прилегавшія къ крѣпости, чтобы лишить горцевъ возможности скрываться у самой крѣпости. По недостатку въ равнинной мѣстности, придется также сократить размѣры укрѣпленія и выстроить крѣпость не на 1000 человѣкъ и о шести бастіонахъ, а только на четыре бастіона—два къ морю и два снаружи къ горамъ.

Но инженеръ Даниловъ заболѣлъ и на мѣсто его назначенъ былъ полевой инженеръ подполковникъ Ждановъ. Какъ видно изъ рапорта Жданова отъ 3 сентября командующему Геленджикскимъ отрядомъ полковнику Боровскому, онъ выработалъ свой планъ Геленджикской крѣпости, примѣнительно къ предположеніямъ генерала Берхмана 1-го. Въ сущности, ему пришлось имѣть дѣло съ укрѣпленіемъ мѣста, занятаго уже войсками. Августа 18 Ждановъ разбилъ въ натурѣ площадь подъ крѣпость о шести бастіонахъ и обозначилъ линію огня вѣхами и ровиками. Строенія предположено было возводить на каменномъ фундаментѣ и съ цоколемъ. Устройство канавы для воды съ шлюзомъ вокругъ крѣпости Ждановъ нашелъ также возможнымъ. Но этимъ только и ограничилось дѣло. Предположенія не ушли дальше бумаги, и 3 сентября Ждановъ донесъ Боровскому, что, разбивши въ натурѣ крѣпость и сдѣлавши необходимыя указанія, онъ долженъ былъ отправиться къ мѣсту своего служенія—въ Анапу, и такъ какъ инженеръ Даниловъ былъ бо-

ленъ, то Ждановъ просилъ указать, кому онъ долженъ сдать „разбивку крѣпости". Тѣмъ не менѣе, несмотря на отсутствіе инженеровъ, работы по возведенію временныхъ укрѣпленій шли, видимо, своимъ чередомъ. Сообщая генералу Вельяминову о передачѣ крѣпостныхъ работъ инженеру Жданову, Берхманъ 1-й писалъ, что, предвидя „большое замедленіе въ работахъ, онъ принялъ мѣры для временнаго укрѣпленія лагеря", чтобы обезпечить его отъ вторженія горцевъ. Носились слухи о намѣреніи горцевъ напасть значительными силами на Геленджикъ, какъ только будутъ окончены полевыя работы. Поэтому, уже въ августѣ временныя укрѣпленія были приведены въ такой видъ, что можно было свободно противостоять 10000 горцевъ. Какъ видно по вѣдомости на 15 сентября 1831 г., въ Геленджикское укрѣпленіе передано было съ судовъ четыре 25 фунтовыя чугунныя пушки, восемь 8 фунтоваго калибра и десять 6 фунтоваго, съ разнаго рода снарядами.

Все это было крайне необходимо, такъ какъ черкесы не переставали тревожить русскія войска. По сообщенію полковника Боровскаго 19 октября 1831 г., послѣ вечерней зари черкесы подползли къ укрѣпленію и открыли огонь по Козловскому полку. Послѣ получасовой перестрѣлки горцы ушли и скрылись. На другой день, въ 11 ч. утра, когда солдаты рубили лѣсъ подъ прикрытіемъ отряда изъ пѣхоты и одного орудія, вдругъ показалась толпа горцевъ, стремительно бросившаяся на правый флангъ стрѣлковъ, прикрывавшихъ работавшихъ солдатъ. Черкесы намѣрены были овладѣть орудіемъ, но выстрѣломъ изъ того-же орудія, при дружномъ ружейномъ огнѣ, горцы были остановлены въ своемъ наступленіи. Въ то же время артиллерійская пальба изъ пушекъ, расположенныхъ въ самомъ Геленджикѣ, окончательно разстроила ряды горцевъ. Потерявши до 100 чел. убитыми и ранеными, они бѣжали въ горы. Съ русской стороны было ранено только 4 солдата. Пушки не позволяли горцамъ подступить на ружейный выстрѣлъ къ солдатской колонѣ. Такіе крупные случаи тревогъ были рѣдки, но мелкіе повторялись почти ежедневно.

Одновременно съ постройкой укрѣпленія въ Геленджикѣ возникла мысль о крѣпости въ Новороссійской бухтѣ. Въ рапортѣ 8 ноября 1831 г. генералъ Вельяминовъ изложилъ рядъ соображеній по этому поводу главнокомандующему барону Розену. Онъ находилъ необходимимъ утсройство крѣпостей какъ въ Геленджикской, такъ и въ Суджукской бухтахъ и не только въ военныхъ цѣляхъ, но и въ видахъ торговой конкуренціи съ турецкими судами. Черезъ обѣ бухты турки снабжали черкесовъ солью и желѣзомъ. Необходимо было вытѣснитъ турокъ и овладѣть торговлей. Турки и черкесы, кромѣ того, торговали невольниками. Съ устройствомъ крѣпостей можно было прекратить этотъ позорный торгъ людьми.

У Суджука при обширной и глубокой бухтѣ должна быть устроена болѣе значительная по размѣрамъ и силѣ крѣпость, чѣмъ

въ Геленджикѣ. Здѣсь можно было расчитывать на 10000 чел. гарнизона, 500 кавалеріи и достаточную по количеству артиллерію. Нужно было также устроить въ ней сильнѣйшія батареи, въ числѣ которыхъ особыя береговыя, снабженныя калительными печами и пушками наибольшаго калибра. Самое построеніе крѣпости слѣдовало расчитать на 3 года—въ первый годъ, въ теченіе 5 мѣсяцевъ, предполагалось сдѣлать, подъ прикрытіемъ отряда въ 6000 чел., съемку и нивеллировку мѣстности подъ крѣпость, во второй годъ—соорудить внѣшній валъ и нѣкоторыя строенія, а въ третій—окончить все остальное.

Въ Геленджикѣ, по мнѣнію Вельяминова, слѣдовало соорудить менѣе значительную, чѣмъ въ Новороссійскѣ, крѣпость, съ расчетомъ на 6000 чел. гарнизона.

Такъ какъ въ Новороссійской бухтѣ легче было содержать для наблюденія достаточное количество судовъ, чѣмъ въ Геленджикѣ, то въ Новороссійскѣ можно было пока не строить крѣпости, ограничившись на первое время надзоромъ, при посредствѣ военныхъ судовъ; въ Геленджикѣ же слѣдовало немедленно приступить къ устройству крѣпости.

При осуществленіи этихъ военныхъ мѣропріятій, Вельяминовъ считалъ нужнымъ съузить роль Анапы, какъ крѣпости. „По неудобству рейда, Анапа, по словамъ этого генерала, никогда не могла быть пристанищемъ для судовъ и мѣстомъ значительнаго торга“. Поэтому, въ ней слѣдовало уменьшить гарнизонъ, сократить военные штаты и пр.

Наконецъ, такъ какъ сооруженіе, по мысли графа Паскевича, пути между Ольгинскимъ укрѣпленіемъ на Кубани и Геленджикомъ не могло быть скоро осуществлено, въ виду устройства по этой дорогѣ большого количества значительныхъ укрѣпленій, то являлась необходимость въ проложеніи дороги изъ Суджука къ Геленджику.

Въ предписаніи 26 ноября 1831 г. главнокомандующій баронъ Розенъ сообщилъ генералу Вельяминову, что Государь велѣлъ оставить во всей силѣ прежнее свое распоряженіе объ устройствѣ укрѣпленія въ Геледжикской бухтѣ. Такъ работы, по случаю осени и зимы, въ Геленджикѣ, были пріостановлены, то Розенъ приказалъ принять мѣры къ подготовленію матеріаловъ для постройки крѣпости съ весны. Необходимо было заготовить камень и известь. Но въ то же время у высшихъ властей, и въ томъ числѣ у главноначальствующаго, были довольно смутныя представленія о Геленджикской и Суджукской бухтахъ. Баронъ Розенъ откровенно писалъ, что у него не было „никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній для рѣшенія, какой изъ двухъ избираемыхъ пунктовъ заслуживаетъ болѣе важности—Геленджикъ или Суджукъ“.

Большимъ сторонникомъ Геленджика былъ генералъ Берхманъ 1-й, который занялъ Геленджикскую бухту своимъ отрядомъ. Въ

1831 г. онъ писалъ 14 декабря барону Розену, почему онъ занялъ Геленджикскую бухту и почему онъ предпочелъ ее Суджуку.

Геленджикская бухта, если и не такъ обширна, какъ Суджукская, за то она не подвержена такимъ свирѣпымъ вѣтрамъ, какіе бываютъ въ Суджукѣ. Недавно нордъ-остомъ были выброшены въ послѣднемъ на берегъ два турецкихъ судна. Преимущества Геленджика въ этомъ отношеніи признаны и графомъ Паскевичемъ.

Предположенное переселеніе на побережье малороссійскихъ казаковъ было бы удобнѣе осуществить у Геленджика, а не у Суджука. Возлѣ Геленджика было больше строевого лѣса, превосходныя и здоровыя воды и „благораствореннѣе климатъ“, чѣмъ у Суджука.

Съ точки зрѣнія стратегической Геленджикъ также имѣлъ свои преимущества передъ Суджукомъ. Самый удобный и кратчайшій путь для соединенія Черноморіи съ побережьемъ лежалъ отъ Геленджика черезъ Адербіевское ущелье на Ольгинское укрѣпленіе у Кубани. Эта линія крайне необходима въ видахъ политическихъ и военныхъ, такъ какъ ею были бы разъединены два самыхъ многочисленныхъ и враждебныхъ Россіи черкесскихъ племени—натухайцы отъ шапсуговъ. Натухайцы очутились бы въ зависимомъ положеніи отъ Россіи, и ихъ непремѣнно нужно поскорѣе покорить, какъ въ интересахъ чисто военныхъ цѣлей, такъ и въ видахъ возможности колонизаціи казаками побережья.

Въ заключеніе генералъ Берхманъ сообщалъ, что „аулы, прилегавшіе къ Геленджикской бухтѣ, оставлены были черкесами. и цѣлые деревянные дома были разобраны и поставлены въ Геленджикѣ“. Тогда же въ Геленджикѣ установлены были 32 пушки и 2 мортиры.

Въ то-же время послѣдовали дальнѣйшія распоряженія по занятію русскимъ отрядомъ Геленджикской бухты. Генералъ Вельяминовъ 18 декабря 1831 г. писалъ изъ крѣпости Грозной г.-м. Берхману 1, чтобы мѣсто подъ крѣпость и окружающееее пространство, по протяженіи двухъ съ половиной верстъ, было очищено отъ лѣса. Работы эти должны были вестись въ теченіе зимы, и въ этихъ видахъ слѣдовало раздѣлить пѣхоту на три части—одну для рубки лѣса, другую для прикрытія работавшихъ и третью для охраны лагеря. Это было крайне необходимо, такъ какъ черкесы всячески препятствовали постройкѣ Геленджикскаго укрѣпленія. Ночью и днемъ они не давали покоя солдатамъ, производя ложныя тревоги. Въ 1832 г, 1 февраля горцы, въ теченіе $1^1/_2$ часа тревожили стрѣлковую цѣпь при очисткѣ мѣстности отъ лѣса съ лѣваго фаса Геленджика и, потерявши 15 чел. убитыми и ранеными, ретировались въ горы, не причинивъ никакого урона геленджикскому гарнизону. Тогда же, 13 февраля 1832 г., сдѣлано было генераломъ Вельяминовымъ изъ крѣпости Грозной второе и окончательное распоряженіе о постройкѣ крѣпости въ Геленджикѣ.

Предварительныя работы по устройству укрѣпленія въ Геленджикѣ страшно возмущали горцевъ. Рапортомъ 24 апрѣля 1832 г.

полковникъ Свѣнховскій донесъ генералу Берхману, что горцы не захотѣли имѣть сношеній съ русскими, подъ присягой рѣшили ничего и ни за какія деньги не уступать русскимъ, категорически отказались продать скотъ за самыя высокія цѣны и не дали скота для говядины даже туркамъ, захваченнымъ русскими на судахъ въ Геленджикской бухтѣ, опираясь на то, что эти турки могли передать говядину русскимъ.

Между тѣмъ, и русскому отряду приходилось очень плохо при изолированномъ положеніи, въ плохихъ гигіеническихъ условіяхъ. Зима прошла для солдатъ среди невозможныхъ лишеній. Многіе умирали и почти всѣ повально болѣли. Въ сильнѣйшей степени ощущалось отсутствіе медицинской помощи. Въ маѣ 1832 г. командующій Геленджикскимъ отрядомъ просилъ командующаго Черноморской береговой линіей исходатайствовать мясную порцію для отряда. Солдаты были крайне изнурены непосильными работами при тяжелой обстановкѣ и скудной пищѣ, „послѣдствіемъ чего было непомѣрное число больныхъ и умершихъ, несмотря на то, что полки прибыли въ Геленджикъ въ цвѣтущемъ состояніи здоровья“. Тогда же, въ маѣ, полковникъ Свѣнховскій просилъ генерала Берхмана исходатайствовать устройство госпиталя въ Геленджикѣ хотя бы на 100 коекъ. Больныхъ приходится отправлять моремъ въ Анапскій госпиталь и отъ качки они умираютъ преждевременно. Изъ 52 больныхъ, отправленныхъ въ Анапу, 20 человѣкъ умерли въ пути, а отправлены больные въ Анапу единственно потому, что въ Геленджикѣ не было свѣжей говядины.

Необходимо было также подчинить начальнику Геленджикскаго отряда, въ отношеніи посылки, суда, командированныя въ Геленджикскую бухту. Въ противномъ случаѣ, начальникъ отряда просилъ снять съ него всякую отвѣтственность, какъ за задержку срочныхъ бумагъ, такъ и за несвоевременную перевозку грузовъ для Геленджика.

Съ наступленіемъ лѣта работы по возведенію Геленджикскаго укрѣпленія начались, однако, не сразу. Некому было работать. Въ Геленджикъ ожидались войска. Полковникъ Свѣнховскій писалъ 6 іюля 1832 г. генералу Берхману, что высадившіеся въ укрѣпленіе полки занялись только съ 28 іюня вырубкой и очисткой лѣса для крѣпости и эспланадъ. Солдатамъ нѣкогда было работать. Зимой требовалось особенно много дровъ для отопленія солдатскихъ помѣщеній, крайне сырыхъ отъ постоянной течи, и на добываніе дровъ уходила масса времени. Въ такихъ помѣщеніяхъ солдаты повально болѣли лихорадкой и цынгой отъ сырости и плохого питанія. За работы солдатамъ выдавалось по 10 коп. ассигнаціями въ сутки, но этихъ денегъ было такъ мало, что они не могли даже подновлять истрепанной одежды. Плохо было не только солдатамъ, но и офицерамъ. Самъ комендантъ полковникъ Чайковскій 22 іюня 1832 г. просилъ у начальства разрѣшенія построить ему, какъ тяжело раненому и обремененному семьей, комендантскій домъ въ крѣпости, съ обязательствомъ перенесенія и перестройки его на свой счетъ, если

перенесена будетъ крѣпость. Какъ видно изъ донесенія того-же Чайковскаго отъ 1 іюля барону Розену, постройка крѣпости въ Геленджикѣ велась съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ ней могло помѣститься 1000 чел. пѣхоты и 18 орудій; чтобы профиль былъ расчитанъ на пушечные выстрѣлы; рвы одѣты камнемъ и устроены были, если можно, передовыя укрѣпленія; чтобы по отношенію къ окрестностямъ крѣпость занимала командующее положеніе и чтобы рвы были наполнены водой и снабжены шлюзами. Условія эти, однако, не удалось осуществить на практикѣ. Укрѣпленіе было расположено на единственномъ мѣстѣ, изобиловавшемъ превосходными прѣсными водами, но это было не господствующее надъ окрестностями мѣсто. Поэтому, инженеръ Ждановъ, планировавшій крѣпость, чтобы закрыть ее отъ выстрѣловъ, поднялъ выше крѣпостной валъ и брустверъ. построилъ кавальеры для наблюденія за непріятелемъ и траверсъ до 35 футовъ, высотой, которымъ защищались бы тыльныя части крѣпости.

Съ постройкой Геленджика, окрестные горцы переселились въ болѣе отдаленныя мѣста и приняли крайне враждебное положеніе по отношенію къ русскимъ, по прежнему не выказывая ни малѣйшаго желанія къ сближенію съ ними и запрещая что-либо поставлять въ укрѣпленіе подъ угрозой жестокаго наказанія и разоренія провинившихся. Между тѣмъ, при занятіи Геленджика, лѣса, годнаго для постройки, не было ближе двухъ верстъ отъ крѣпости. Окрестности были покрыты кустарникомъ, терномъ и держидеревомъ. Сѣно трудно было добывать. Только въ іюлѣ солдаты, большею частью подъ перестрѣлкой съ горцами, успѣли выкосить, на разстояніи до трехъ верстъ около крѣпости, и сложить внутрь укрѣпленія до 4000 пудовъ сѣна; а съѣстныхъ продуктовъ совсѣмъ не откуда было достать. Такимъ образомъ, солдаты, терпя нужду во всемъ, плохо справлялись и съ работами.

Наконецъ, въ декабрѣ 1832 г. Вельяминову было отпущено на постройку Геленджикскаго укрѣпленія 40 тыс. ассигнаціями. Строить укрѣпленіе назначено было 16 ротъ пѣхоты и одна артиллерійская Козловскаго и Нашенбургскаго полковъ. Зимой работы были пріостановлены до весны, Это было на руку Вельяминову, таившему въ глубинѣ души надежду на постройку крѣпости въ Новороссійскѣ, а не въ Геленджикѣ.

Вообще Геленджикскій отрядъ не былъ поставленъ въ надлежащее положеніе и въ военномъ отношеніи. Какъ видно изъ рапорта коменданта Геленджикской крѣпости полковника Чайковскаго отъ 23 августа 1832 г., ему, какъ коменданту, не хотѣлъ подчиняться командиръ Геленджикскаго отряда судовъ капитанъ-лейтенантъ Аркасъ, отославшій ему назадъ пакетъ съ приказомъ о вступленіи въ должность коменданта нераспечатаннымъ и заявившій, что приказъ этотъ адресованъ на его имя по ошибкѣ. Чайковскій просилъ командующаго войсками Вельяминова установить, въ видахъ

единства власти, правильныя отношенія, при которыхъ онъ могъ бы распорядиться, въ случаѣ нападенія черкесовъ на крѣпость, своевременнымъ обстрѣливаніемъ судами непріятеля съ фланговъ крѣпости.

Въ этомъ году капитанъ 2-го ранга Нѣмчиновъ распорядился, чтобы до тѣхъ поръ, пока не будетъ построено укрѣпленіе въ Геленджикѣ, въ бухтѣ стояли бы два военныхъ брига для прикрытія фланговъ лагеря, а по окончаніи постройки одно судно для сношенія между Геленджикомъ и Анапой. Для крейсированія дальше отъ Геленджика предполагалось назначить также одно судно, которое должно помѣсячно смѣняться стоящими въ Геленджиской бухтѣ судами. Въ октябрѣ 1832 г. командиръ Черноморскаго флота адмиралъ Грейгъ увѣдомилъ командира Геленджикскаго отряда судовъ, что согласно волѣ Государя, для крейсерства вдоль Черноморскаго побережья назначаются два отряда военныхъ судовъ— одинъ отъ Анапы до Гагръ, а другой отъ Гагръ до Редутъ-Кале, и что каждый отрядъ будетъ подчиняться мѣстному начальнику сухопутныхъ войскъ. Такимъ образомъ, претензія полковника Чайковскаго была этимъ распоряженіемъ устранена, но предварительно и капитанъ-лейтенантъ Аркасъ получилъ выговоръ и должное разъясненіе относительно нетактичности его поведенія. Вообще же командующій отдѣльнымъ корпусомъ баронъ Розенъ считалъ необходимымъ не вызывать никакихъ столкновеній съ горцами и обходиться на первое время съ ними возможно дружественнѣе. Онъ выразилъ даже порицаніе полковнику Боровскому, пославшему отрядъ для фуражировки въ окрестности Геленджика, при чемъ пришлось вступить въ перестрѣлку съ горцами и потерять въ отрядѣ одного убитымъ и четырехъ ранеными.

Къ концу 1833 г. Геленджикское укрѣпленіе приняло уже характеръ постояннаго селенія. Но такъ какъ въ это время продолжало еще существовать сомнѣніе на счетъ преимуществъ сѣверной стороны бухты передъ южной, то баронъ Розенъ поручилъ выяснить этотъ вопросъ генералу Малиновскому, стороннику южной стороны. Въ декабрѣ 1833 г., по порученію Малиновскаго, инженеръ полковникъ Баумеръ осмотрѣлъ вмѣстѣ съ полковникомъ Чайковскимъ „весь бассейнъ залива“ и снабдилъ подробными наставленіями инженеръ-поручика Агафоновскаго о нанесеніи тригонометрической сѣти вокругъ бухты. Въ это время вся сѣверная сторона бухты обитаема была еще черкесами, и для снятія ея потребовалось сильное военное прикрытіе. Организовавши съемку Геленджикской бухты, инженеръ Баумеръ представилъ слѣдующія соображенія барону Розену.

Геленджикское укрѣпленіе было расположено въ той части бухты, которая изобиловала наиболѣе богатыми источниками хорошей прѣсной воды. Офицеры Геленджикскаго отряда „единогласно увѣряли, что на сѣверѣ бухты въ прошломъ году водные источники совершенно изсякли“. Баумеръ поручилъ Агафоновскому провѣрить этотъ фактъ. Ближайшія къ крѣпости сухія и каменистыя крутизны, по

мнѣнію Баумера, могли имѣть вредное вліяніе на людей въ жаркую пору, при уклонѣ этихъ мѣстъ къ полудню. Между тѣмъ, „долина, занимаемая укрѣпленіемъ, обращена къ сѣверо-западу и оказалась здоровой для жительства, а также обитаема была издавна“.

На сѣверѣ бухты пришлось бы вновь перевозить строительные матеріалы, въ случаѣ переноса туда крѣпости. Тамъ не было также достаточно сѣнокосовъ, чтобы можно было прокормить необходимое количество порціоннаго и упряжного скота.

Самое укрѣпленіе Геленджикъ инженеръ считалъ достаточно сильнымъ, особенно если привести его въ надлежащій видъ.

Въ это время въ Геленджикѣ, кромѣ отряда, находились уже частныя лица и заведенія. Изъ рапорта коменданта крѣпости Чайковскаго генералъ-майору Малиновскому отъ 12 декабря 1833 г. видно, что въ Геленджикѣ чрезвычайно размножились вольные продавцы чарочной продажи вина. Такихъ продавцовъ Чайковскій допустилъ въ Геленджикъ, чтобы понизить цѣну на вино у маркитантовъ, но когда ихъ стало слишкомъ много, онъ началъ выселять ихъ изъ Геленджика. Въ 1835 г. купецъ Самойловъ просилъ разрѣшить ему монопольную продажу вина въ Геленджикѣ и Анапѣ; но генералъ Вельяминовъ отмѣнилъ распоряженіе по этому поводу генерала Малиновскаго и дозволилъ торговать виномъ всѣмъ мѣстнымъ жителямъ.

Несмотря на постоянный притокъ въ Геленджикъ сторонних жителей, онъ представлялъ по внѣшнему виду довольно невзрачное поселеніе. Солдаты жили въ сырыхъ и холодныхъ землянкахъ; у офицеровъ жилища были немногимъ лучше. Не было подъ рукой ни лѣса, ни другихъ строительныхъ матеріаловъ. Въ декабрѣ 1833 г. полковникъ Свѣнховскій просилъ прислать въ Геленджикъ досокъ на крыши для геледжикскихъ строеній, такъ какъ земляныя крыши пропускали воду и сносились вѣтрами, а солдаты отъ сырости и холода сильно болѣли.

Благодаря такому внѣшне неустроенному виду Геленджика, нѣкоторые изъ начальствующихъ лицъ продолжали считать его временнымъ укрѣпленіемъ. Какъ видно изъ рапорта инженера полковника Баумера отъ 15 марта 1834 г., начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи г.-л. Малиновскій предполагалъ перевести крѣпость въ Геленджикѣ съ южной стороны на сѣверную. Съ этой цѣлью снова, уже въ третій разъ, посланъ былъ Баумеръ осмотрѣть сѣверную часть бухты. Баумеръ явился къ Малиновскому въ Екатеринодаръ и здѣсь получилъ отъ него указанія, какъ и гдѣ слѣдовало избрать новый пунктъ для крѣпости, при чемъ Малиновскій снабдилъ его описаніемъ всего берега отъ Геленджикской бухты до Анапы.

Къ этому времени, казалось, нѣсколько улучшились и отношенія горцевъ къ населенію Геленджика. Они перестали дѣлать набѣги на крѣпость, помирившись, повидимому, съ неизбѣжностью ея существованія, но продолжали держать себя въ сторонѣ отъ сношеній съ русскими. Хоть въ это время и былъ уже открытъ въ

Геленджикѣ мѣновой дворъ для торговли съ горцами, но послѣдніе неохотно посѣщали его. Такъ обстояло дѣло съ ближайшими къ Геленджику горцами; другіе же черкесы смотрѣли на Геленджикъ, какъ на враждебный пунктъ. Геленджикскій комендантъ полковникъ Воецкій, 23 апрѣля 1835 г., донесъ генералу Малиновскому, что 12 апрѣля горцы, которыхъ приняли за ѣдущихъ на мѣновой дворъ, бросились, въ количествѣ 30 чел., на скотъ, пасшійся у Геленджика, окружили стадо, убили одного рядового и ранили другого. Командующій прикрытіемъ штабсъ-капитанъ Кирпотенко не только не далъ помощи солдатамъ, охранявшимъ стадо, но даже не сдѣлалъ ни одного выстрѣла, и горцы безпрепятственно угнали скотъ. Комендантъ немедленно послалъ команду, подъ начальствомъ маіора Середина, которая догнала черкесовъ и отняла часть скота, а остальной скотъ, въ количествѣ 47 штукъ, черкесы погнали къ Фальшивому Геленджику. Въ продолженіе четырехлѣтняго существованія Геленджика это былъ первый случай грабежа горцами скота. Черкесскій скотъ, попадавшій къ русскимъ, послѣдніе возвращали черкесамъ. Сосѣдніе горцы воевали съ русскими только изъ за мѣста, которое русскіе заняли, и были непричастны къ угону скота. Какъ выяснилось впослѣдствіи, геленджикскій скотъ угнали шапсуги, явившіеся съ этой цѣлью къ Геленджику изъ отдаленной мѣстности—окрестностей Екатеринодара.

Въ 1837 г. съ парохода, застигнутаго сильнѣйшимъ штормомъ въ морѣ, высадился въ Геленджикъ Императоръ Николай I. Преданіе гласитъ, что этотъ съ желѣзнымъ характеромъ Государь не могъ удержаться отъ слезъ, при видѣ выстроенныхъ передъ нимъ фронтомъ оборванныхъ, изможденныхъ и больныхъ солдатъ. Въ этотъ же день, 21 сентября Геленджикъ постигло особенно тяжелое несчастье: при сильномъ нордъ-остѣ его охватилъ пожаръ. Сгорѣло все, что было въ немъ цѣннаго. По офиціальнымъ даннымъ, одного провіанта, фуража и другихъ казенныхъ матеріаловъ погибло въ огнѣ на 207171 руб., разнаго рода казенныхъ вещей на 10890 руб., имущества у частныхъ лицъ на 79446 р. А весь убытокъ равнялся 297517 р., при чемъ изъ частныхъ лицъ купецъ Медвѣдевъ потерялъ имущества на 25710 р., переводчикъ Богазъ Рафаиловъ на 17583 р., купеческій сынъ Аверкіевъ на 13042 р. и т. д. У нѣкоторыхъ солдатъ сгорѣли скромныя ихъ сбереженія, у одного, напримѣръ, 30 руб. деньгами.

По вѣдомости о сгорѣвшемъ имуществѣ можно судить, какъ жили и чѣмъ занимались въ Геленджикѣ посторонніе жители. Потерпѣвшими оказались купцы, мѣщане, инородцы и пр. Уничтожены пожаромъ дома, лавки, мебель, галеты, медъ, табакъ, вина красныя, крѣпкія, бѣлыя и сантуринскія, сахаръ, чай, яблоки, мука, рыба, масло и пр. Все это указываетъ на то, что въ Геленджикѣ, несмотря на его военный характеръ, было достаточно потребителей у частныхъ торговцевъ и что обороты у этихъ послѣднихъ были довольно значительные.

Какъ показало слѣдствіе, пожаръ въ Геленджикѣ произошелъ отъ стрѣльбы изъ орудій по случаю встрѣчи Государя. Въ два часа дня загорѣлся сначала одинъ стогъ сѣна, а затѣмъ отъ сильнаго вѣтра другіе, съ нихъ пожаръ перешелъ на провіантскій магазинъ и частныя строенія. При стогахъ были часовые, но они не замѣтили поджога. Во время пожара сгорѣло между прочимъ у нижнихъ чиновъ Азовскаго казачьяго войска вещей на 1573 рубля ассигнаціями, но эту сумму, по Высочайшему повелѣнію, приказано было возвратить казакамъ изъ казны.

Послѣ посѣщенія Геленджика Государь, подъ живымъ впечатлѣніемъ отъ пожара и отъ тѣхъ тяжелыхъ лишеній, которыя несли здѣсь войска въ плохихъ помѣщеніяхъ, рѣшилъ устроить крѣпость въ другомъ мѣстѣ Геленджикской бухты и остановилъ свое вниманіе на сѣверозападномъ (Тонкомъ) мысѣ, какъ наиболѣе удаленномъ отъ горъ пунктѣ. Третье подробное обслѣдованіе всей мѣстности по берегамъ Геленджикской бухты показало, однако, что лучшаго мѣста для постройки Геленджикской крѣпости сравнительно съ занятымъ не было. Самъ Вельяминовъ, неодобрительно вообще относившійся къ устройству укрѣпленія въ Геленджикѣ, нашелъ основательными соображенія объ оставленіи крѣпости на занятомъ мѣстѣ. Представленіе Вельяминова по этому поводу были одобрены Государемъ, который отказался отъ своего прежняго мнѣнія и велѣлъ разъ на всегда въ 1838 году выстроить крѣпость на южномъ берегу Геленджикской бухты.

Улучшенія и измѣненія въ устройствѣ Геленджикской крѣпости сначала поручены были Вельяминову, а потомъ Раевскому. Оба генерала пришли къ мысли объ устройствѣ крѣпости въ южной части бухты, на что далъ уже согласіе Императоръ Николай, лично осмотрѣвшій Геленджикъ. Но генералъ Раевскій поставилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вопросъ, какой бухтѣ отдать предпочтеніе при устройствѣ фундаментальной крѣпости—Геленджикской или Суджукской, и остановился на послѣдней. „Суджукской бухтѣ, писалъ онъ, природой опредѣлено быть портомъ Кавказской области и Черноморіи, а дорогамъ по Цемесу и Бакану—внутреннимъ сообщеніемъ для торговли". Слова пророческія. Новороссійская бухта имѣла, въ самомъ дѣлѣ, громаднѣйшія преимущества передъ Геленджикской, что и подтвердилось впослѣдствіи проведеніемъ къ ней Владикавказской желѣзной дороги. Рапортомъ 13 сентября 1838 г., генералъ Раевскій донесъ Государю, что эскадра изъ 3 кораблей, 5 фрегатовъ и 3 пароходовъ прибыла 12 сентября, подъ его командой, въ Суджукскую бухту и благополучно, безъ всякихъ потерь убитыми и ранеными, подъ прикрытіемъ сильнаго огня, заняты были войсками берега и окрестности при устьѣ рѣки Цемесъ. Вновь занятую бухту приказано было осмотрѣть генералъ-адъютанту Лазареву, который также призналъ ея преимущества. Представляя свои соображенія Государю о Цемесскомъ военномъ портѣ, Раевскій высказалъ мысль о необходимости заселенія Черноморскаго побережья закубанскими

казаками, какъ назвалъ онъ азовскихъ казаковъ. По его расчету слѣдовало поселить 160 казачьихъ семействъ въ Суджукской бухтѣ, 40 сем. съ другой, южной стороны бухты въ Александрійскомъ укрѣпленіи и 40 сем. въ Геленджикѣ.

Съ этого времени Геленджикъ пересталъ играть ту выдающуюся роль, какая ему предназначалась, и вошелъ въ число другихъ военныхъ пунктовъ Черноморскаго побережья, какъ рядовое укрѣпленіе.

До 1836 года собственно два пункта на Черноморскомъ побережьѣ—Анапа и Геленджикъ, считались наиболѣе важными укрѣпленными мѣстами. Они лежали въ районѣ наибольшаго воздѣйствія русскихъ войскъ на черкесское населеніе. Къ нимъ близка была Черноморская кордонная линія и на нихъ, какъ на мѣстахъ пригодныхъ для русской колонизаціи, неоднократно останавливала свое вниманіе высшая военная администрація. Но южнѣе отъ нихъ лежала длинная полоса Черноморскаго побережья, съ жителями которой предстояла упорная борьба. Натухайцы также не были покорены и на земляхъ ихъ требовалось возведеніе новыхъ укрѣпленій въ связи съ устроенными раньше. Въ зависимости отъ этихъ условій, по этому, въ разное время былъ устроенъ цѣлый рядъ укрѣпленій, охватившихъ натухайскія владѣнія и Черноморское побережье. Такъ, въ 1836 году, между Суджукской бухтой и Геленджикомъ у подошвы горы Дообъ построенъ былъ фортъ Александрійскій, переименованный впослѣдствіи въ Кабардинское укрѣпленіе; а сѣвернѣе Анапы поселены были укрѣпленныя казачьи станицы Благовѣщенская и Николаевская—первая на мѣстѣ нынѣшней Благовѣщенки, а вторая близъ Анапы, гдѣ расположена теперь Анапская станица. Въ 1837 году возникли возлѣ Витязевскаго редута станица Витязевская, въ промежуткѣ между станицами Благовѣщенской и Николаевской, близъ Витязевскаго лимана, и три укрѣпленія южнѣе Геленджика—Новотроицкое въ устьяхъ р. Пшады, Михайловское въ устьяхъ р. Вулана и Св. Духа у нынѣшняго Адлера. Слѣдующій 1838 годъ далъ еще пять укрѣпленій: Новороссійское въ Суджукской бухтѣ, Тенгинское на р. Шапсухо, южнѣе Вуланскаго, фортъ Вельяминовскій, въ устьяхъ р. Туапсе, Навагинское укрѣпленіе близъ нынѣшняго Сочи, южнѣе котораго находилось укрѣпленіе Гагры, построенное еще въ 1830 году. Въ 1839 году заполненъ былъ длинный промежутокъ между Туапсе и Сочи двумя фортами—Лазаревскимъ на р. Псезуапе и Головинскимъ на р. Шахе, а внутри владѣній натухайцевъ, между Анапой и Новороссійскомъ, построенъ фортъ Раевскій. Затѣмъ три года спустя возведено было въ самомъ серединѣ натухайскихъ владѣній укрѣпленіе Гостагаевское.

Такимъ образомъ, съ 1830 по 1842 годъ на Черноморскомъ побережьѣ было возведено 17 укрѣпленій. Они-то и образовали собою Черноморскую береговую линію. Возлѣ нихъ и при посредствѣ ихъ, въ теченіи тридцатипяти лѣтъ, велась Россіей кровопролитная война, направленная на покореніе горцевъ съ восточной стороны Чернаго моря.

Глава XI.

ОБЩІЯ ЖИЗНЕННЫЯ УСЛОВІЯ НА ЧЕРНОМОРСКОМЪ ПОБЕРЕЖЬѢ.

Первоначально жизненныя условія на Черноморскомъ побережьѣ были столь неестественны и ужасны, что, казалось, ими совершенно исключалось самое скромное человѣческое существованіе при мирной обстановкѣ. Мирные люди не могли здѣсь жить и мирной жизни не существовало для русскаго человѣка. Не было ни семейнаго быта, ни хозяйства, ни промышленности, ни какой бы то ни было гражданственности. Имѣлись на лицо лишь военныя укрѣпленія и войска—и на нихъ покоился весь укладъ домашняго быта. Все было изолировано, разъединено и всюду каждый шагъ, каждое движеніе—днемъ, ночью, во всякое время года—сопровождались или пораненіями, или плѣномъ, или смертью. Однимъ словомъ, на побережьѣ между представителями русской народности и черкесскими племенами велась упорная, безчеловѣчная война, со всѣми ея ужасами, жестокостью, звѣрствомъ, и не было мирной жизни и гражданственности.

Чтобы создать культурныя условія жизни, требовалась колонизація края мирнымъ населеніемъ. Это, конечно, понимали и тѣ представители русской власти, на долю которыхъ выпала руководящая роль при занятіи русскими войсками Черноморскаго побережья. Комитетъ министровъ 22 марта и 15 апрѣля 1832 г. оповѣстилъ кавказскую военную администрацію, что предположеніе о переселеніи въ Анапу 100 семействъ маллороссійскихъ казаковъ Высочайше утверждено и въ Анапу уже присланы 69 семействъ мастеровыхъ, которые должны построить жилища для малороссійскихъ переселенцевъ. Такимъ образомъ, для водворенія въ крѣпости переселенцевъ требовалось послать туда предварительно плотниковъ, печниковъ и маляровъ, которые могли бы подготовить жилища. О поселеніи мирныхъ обывателей внѣ крѣпости нечего было и думать.

Что касается вообще заселенія Черноморскаго морскаго побережья, то комитетъ министровъ считалъ возможнымъ допустить въ краѣ только поселеніе добровольцевъ, съ полнымъ освобожденіемъ ихъ отъ податей и повинностей. Такихъ добровольцевъ, по мнѣнію комитета министровъ, могли дать черноморскіе и донскіе казаки. Для привлеченія на побережье торговаго класса необходимо освободить добровольцевъ отъ всѣхъ налоговъ на право торговли и разрѣшить торговлю безъ всякихъ свидѣтельствъ. Комитетъ мини-

стровъ полагалъ также необходимымъ не требовать розысканій о паспортахъ и личности у переселенцевъ хотя бы это были бѣглые изъ Сибири преступники. Слѣдовательно сами министры предлагали водворять на Черноморскомъ побережьѣ всѣхъ—и мирныхъ обывателей, и казаковъ, и даже каторжниковъ, лишь бы они не боялись жить въ этомъ невозможномъ для мирной жизни краѣ.

Рабочій людъ во вновь устраиваемыхъ и въ старыхъ укрѣпленіяхъ замѣнялся арестантами. Въ январѣ 1834 года для крѣпостныхъ работъ въ Геленджикѣ содержалось 111 арестантовъ. Были они и въ другихъ укрѣпленіяхъ и не переставали посылаться туда и впослѣдствіи. Въ 1843 г. велось особое дѣло о побѣгѣ арестантовъ изъ укрѣпленій, въ связи съ злоупотребленіями анапскаго плацъ-майора—арестантамъ давались потачки, позволявшія имъ свободно уходить къ черкесамъ, а черкесамъ продавались казенное желѣзо и др. запрещенные при мѣнѣ съ горцами предметы. Надо, впрочемъ, прибавить, что, какъ съ колонизаціонной точки зрѣнія, такъ и со стороны утилизаціи арестантскаго труда, содержаніе арестантовъ въ укрѣпленіяхъ не представляло никакихъ выгодъ. Для поселеній въ качествѣ мирнаго культурнаго населенія арестанты не годились, да и селить ихъ было негдѣ; а надзоръ за ними былъ обузой для солдатъ и безъ того обремененныхъ массою обязанностей и работъ.

До чего трудно было водворять переселенцевъ на побережьѣ показываетъ опытъ колонизаціи казаками земель, прилегавшихъ къ Анапѣ и къ Таманскому полуострову. По всему Закубанью и тѣмъ болѣе на Черноморскомъ побережьѣ это была самая спокойная и превосходно охраняемая ближайшими укрѣпленіями мѣстность. Тѣмъ не менѣе поселенныя здѣсь въ 1836 и 1837 годахъ три казачьихъ станицы представляли собою, по характеристикѣ контръ-адмирала Серебрякова въ 1839 году, укрѣпленные военные лагери. Станица Николаевская, населенная 101 семьей малороссійскихъ казаковъ и находившаяся близъ крѣпости Анапы, вооружена была 9-ю орудіями и охранялась гарнизономъ изъ одной роты 2-го линейнаго баталіона, 2 пѣшихъ сотенъ казаковъ и 25 конныхъ казаковъ. Въ станицѣ Витязевой на 200 дворовъ населенія содержалось 400 человѣкъ гарнизона при 14 орудіяхъ. Выѣздъ въ поле, пастьба скота, сѣнокошеніе и т. п. хозяйственныя операціи производились во всѣхъ станицахъ подъ прикрытіемъ военной силы. Такъ, при работахъ на Анапскомъ сѣнокосѣ, ближайшемъ къ станицѣ Николаевской и крѣпости Анапѣ, покосъ охранялся 150 казаками при двухъ орудіяхъ и всѣ косцы были вооружены.

При такихъ условіяхъ, негдѣ было найти не только людей, но даже и мѣстъ для поселеній. Въ 1837 г. военные инженеры не могли найти между Геленджикомъ и р. Джубгой удобнаго мѣста для постройки укрѣпленія. Рѣшено было построить два укрѣпленія на 200 человѣкъ гарнизона каждое на р.р. Пшадѣ и Вуланѣ, а

третье на 300 человѣкъ гарнизона на Джубгѣ или южнѣе ея. Послѣдствія показали, что эти расчеты были ошибочны. Одно изъ двухъ укрѣпленій было взято горцами приступомъ.

Не было возможности и жить въ этихъ слабыхъ по оборудованію и изолированныхъ по сообщенію укрѣпленіяхъ. Солдаты болѣли почти повально. Съ 10 октября 1837 и по 25 февраля 1838 года отъ цынги умерло 195 нижнихъ чиновъ и 1 офицеръ въ одномъ Михайловскомъ укрѣпленіи, а къ 19 марта того же года, по сообщенію полковника Левковича, въ томъ же укрѣпленіи состояло 56 больныхъ и 135 слабыхъ, неспособныхъ нести службу. Въ гарнизонѣ не доставало людей для ночного караула. Изъ 386 человѣкъ гарнизона набралось только 90 человѣкъ такихъ, которыхъ можно было ставить подъ ружье, но въ укрѣпленіи однихъ только амбразуръ было 22. Геленджикъ принадлежалъ къ числу старѣйшихъ укрѣпленій, на которое къ тому же обращали особое вниманіе всѣ кавказскіе генералы, имѣвшіе отношеніе къ нему; а между тѣмъ начальникъ Черноморской береговой линіи г.-л. Раевскій, въ своемъ обозрѣніи укрѣпленій Черноморскаго побережья за 1839 годъ, свидѣтельствуетъ, что при постройкѣ Геленджика „былъ недостатокъ въ знающемъ инженерѣ". Внутри укрѣпленія не было ни одного порядочнаго строенія. Вездѣ бросались въ глаза тѣснота и грязь. Все устроено было такъ, что не допускало возможности держать въ порядкѣ укрѣпленія. На исправленіе укрѣпленія, по мнѣнію Раевскаго, требовалось столько же средствъ, какъ и на постройку его заново.

Въ слѣдующемъ 1840 году болѣе яркую характеристику строительства въ Геленджикѣ далъ другой авторитетный свидѣтель контръ-адмиралъ Серебряковъ. Въ своемъ рапортѣ отъ 15 января этого года онъ говоритъ, что „Геленджикъ—не крѣпость, а лагерь бригады, которая была расположена тамъ нѣсколько лѣтъ". При занятіи Геленджика въ 1831 г. лагерь войскъ окруженъ былъ канавою, защищенною засѣками, а потомъ дерновою стѣнкою въ аршинъ шириною и два аршина высотой. Крѣпость не предполагалось даже строить. Каждый командиръ роты или его фельдфебель возводилъ противъ мѣста расположенія своей роты стѣнку по своему усмотрѣнію. Солдаты размѣщены были въ построенныхъ на скорую руку мазанкахъ, землянкахъ и балаганахъ. Заболѣваемость была невѣроятная и смертность значительная. Въ слѣдующемъ 1832 году строенія эти пришлось поддерживать подпорками и присыпкою земли. Такъ какъ бригада съ каждымъ годомъ уменьшалась и на лицо осталось только двѣ роты, то солдаты были доведены до изнеможенія караулами и безпрерывною починкою строеній и валовъ. Зданія пришли тѣмъ не менѣе въ негодность и многія разрушились. Во время посѣщенія Серебряковымъ Геленджика строенія въ немъ при дождѣ такъ текли, что было не мыслимо устранить течь никакою починкою. Чтобы придать обвалившемуся брустверу „хотя нѣкоторый видъ недоступности", Серебряковъ приказалъ обложить его

колючкой. Но и это было трудно достижимо. Работать было некому. Гарнизонъ былъ слабъ по количеству и у него не хватало времени на выполненіе самыхъ неотложныхъ работъ, къ числу которыхъ относились содержаніе въ порядкѣ строеній и валовъ, частая погрузка и выгрузка съ судовъ каменнаго угля, провіанта, снарядовъ и пр., пастьба скота, заготовка дровъ и т. п.

Не въ лучшемъ положеніи были и другія укрѣпленія. Относительно укрѣпленій 2-го отдѣла Черноморской побережной линіи начальникъ ея г.-м. Ольшевскій, въ томъ же 1840 году, далъ Раевскому такой же отзывъ, какъ и Серебряковъ, начальникъ 1-го отдѣла Черноморской линіи. „Я не ручаюсь, писалъ въ своемъ рапортѣ отъ 4 марта 1840 г. генералъ Ольшевскій, ни за одно укрѣпленіе, начиная отъ форта Головинскаго до Гагръ включительно“. Въ южной части побережья укрѣпленія были расположены въ такихъ неудобныхъ мѣстахъ и построены были такъ неудачно, что, находясь въ нихъ, трудно было замѣтить, какъ подползали горцы подъ самыя стѣны укрѣпленій. Поэтому, гарнизоны стояли день и ночь подъ ружьемъ въ ожиданіи непріятеля, котораго трудно было замѣтить во время.

Но главное зло, гнѣздившееся въ укрѣпленіяхъ, составляли чрезмѣрная заболѣваемость и смертность въ гарнизонахъ. Много причинъ способствовало этому. Край былъ новый, непривычный для русскаго человѣка. Малярія господствовала почти повсемѣстно; цынга являлась неизбѣжнымъ спутникомъ плохого питанія и сырости въ помѣщеніяхъ; простуды и тифозныя заболѣванія сопровождались недостаткомъ въ одеждѣ и отсутствіемъ теплыхъ жилищъ; неудовлетворительная постановка дѣла только усиливала затрудненія по лѣченію больныхъ, уходу за ними и поддержкѣ бодрости въ войскахъ. Русскаго человѣка давило тутъ все—и природа, и тяжелая обстановка, и недостатокъ во всемъ. Не удивительно, что, при такихъ условіяхъ, заболѣваемость и смертность были прямо невѣроятны. Въ обзорѣ Черноморской береговой линіи за 1837 г. г.-м. Раевскаго приведены поразительныя статистическія данныя относительно этого. По этимъ даннымъ оказывается, что за четыре мѣсяца—декабрь, январь, февраль и мартъ, въ 8 укрѣпленіяхъ—Новороссійскѣ, Кабардинкѣ, Геленджикѣ, Новотроицкомъ, Тенгинскомъ, Вельяминовскомъ, Сочи и въ укрѣпленіи Св. Духа, на 10313 душъ гарнизона заболѣло 1930 душъ или 18,7% и умерло 415 душъ или 4,2%. Если перевести эти цифры на годичный періодъ, то окажется, слѣдовательно, что въ годъ заболѣвало 56% населенія и умирало 125 человѣкъ на тысячу. Но по отдѣльнымъ укрѣпленіямъ получаются уже совсѣмъ чудовищныя цифры. Въ укрѣпленіи Тенгинскомъ, напр., больныхъ было 92%, а умершихъ 250 душъ на тысячу, въ фортѣ Вельяминовскомъ 170% больныхъ, т. е. 70% заболѣвало 2 раза въ году, а все остальное населеніе 1 разъ, и 355 душъ умершихъ на тысячу. Дальше этого идти было некуда.

И такъ, судя по приведеннымъ выше даннымъ, существенный недостатокъ военной колонизаціи Черноморскаго побережья заключался въ полномъ отсутствіи системы, правильнаго расчета и согласованія средствъ съ наличными требованіями при занятіи мѣстъ, принадлежавшихъ воинственнымъ и враждебно настроеннымъ противъ русскихъ горцамъ. Все дѣлалось на авось и какъ-нибудь. Вмѣсто хорошо оборудованныхъ крѣпостей возводились жалкіе форты и укрѣпленія. Недостатокъ войскъ, артиллерійскаго вооруженія и часто самыхъ необходимыхъ боевыхъ припасовъ былъ хроническою болѣзнью укрѣпленій. Невозможная гигіеническая обстановка, плохая пища и часто даже недостатокъ ея, изнурительная служба и особенно смертельныя болѣзни, уносившія въ могилу несравненно больше людей, чѣмъ сраженія съ горцами, превращали жизнь войскъ на побережьѣ въ каторгу. Въ 1840 году горцы взяли приступомъ три укрѣпленія и навели буквально таки панику на всѣ гарнизоны, малочисленные, слабые по составу и находившіеся подъ плохою защитою въ полуразрушенныхъ укрѣпленіяхъ. Это заставило высшихъ военныхъ заправилъ на Кавказѣ и въ Петербургѣ обратить вниманіе на положеніе войскъ на Черноморскомъ побережьѣ. Было произведено нѣсколько осмотровъ укрѣпленій. Изъ Петербурга военнымъ министромъ былъ посланъ въ 1841 году флигель-адъютантъ Астафьевъ, подробно ознакомившійся съ укрѣпленіями на Черноморскомъ побережьѣ. Сообщенныя имъ въ отчетѣ свѣдѣнія очень характерны и даютъ нѣкоторыя указанія на общую постановку военной колонизаціи. Вотъ что нашелъ этотъ ревизоръ въ отдѣльныхъ укрѣпленіяхъ.

Джеметей, самое сѣверное на побережьѣ укрѣпленіе, построенное въ 1828 году, не имѣло ни верковъ, ни бруствера. Изъ песка, на которомъ оно было расположено, ничего нельзя было сдѣлать. Но на узкой полосѣ отъ Чернаго моря до Кизилташскаго лимана устроенъ былъ плетень съ тремя амбразурами для пушекъ на разстояніи 250 саж. одна отъ другой. Внутри укрѣпленія ревизіей найдено „все въ болѣе или менѣе исправномъ видѣ“.

Въ Анапѣ, когда-то первокласной крѣпости, не было питьевой воды. Солдаты потребляли нездоровую воду изъ грязной и заплесневѣлой рѣчужки Анапки или Бугуръ. Плохая вода служила причиной сильно развитой цынги въ гарнизонѣ. Казармы у солдатъ были сыры, а у казаковъ пришли въ разрушеніе. Лазареты также отличались сыростью. Благодаря прошлому, унаслѣдованному отъ турокъ, мѣновая торговля въ Анапѣ была достаточно развита. Для мѣны ежедневно пріѣзжали въ крѣпость горцы на 2 или 3 арбахъ. Мѣняли горцы лѣсъ и продукты на русскіе товары или деньги—и эта мѣна приносила больше выгодъ русскимъ, чѣмъ черкесамъ. Такъ, стоимость 1 сажени дровъ, при мѣнѣ съ черкесами, обходилась въ 12 или 13 рублей ассигнаціями, а подрядчики и маркитанты поставляли представителямъ казны дрова по 120 руб. ассигнаціями за сажень.

Въ фортѣ Раевскомъ казармы для семейныхъ были очень сыры и мѣна съ горцами была слабо развита, благодаря сосѣдству Анапы.

Въ Новороссійскѣ казармы были сухи, сооруженія и строенія находились въ исправности, лазаретъ былъ сухъ и тепелъ, но очень тѣсенъ для 88 больныхъ. Новороссійскъ уже въ это время (1841 г.) былъ колыбелью мѣновой торговли и сюда пріѣзжали въ большомъ количествѣ натухайцы, особенно если была соль для мѣны.

Въ Кабардинскомъ укрѣпленіи все обстояло болѣе или менѣе въ исправности, но мѣновой торговли съ горцами совсѣмъ не было.

Геленджикъ, подновленный и защищенный 24 пушками, производилъ впечатлѣніе исправнаго укрѣпленія. Люди были просторно размѣщены. Деревянныя зданія для припасовъ находились въ хорошемъ состояніи. Лазареты оказались сухи и удобны; больные были размѣщены въ нихъ хорошо. Болѣзненность незначительная; было немного лишь цынготныхъ Питьевая вода оказалась здѣсь превосходнаго качества и климатъ здоровый. Мѣновая торговля началась недавно, но велась очень успѣшно, хотя и не могла пока удовлетворить всѣхъ потребностей гарнизона. Горцы относились съ недовѣріемъ къ русскимъ. Не прошло еще враждебное настроеніе, посѣянное между черкесами занятіемъ войсками Геленджикской бухты и разореніемъ ауловъ.

Въ Новотроицкомъ укрѣпленіи зданія сооружены были изъ сырцоваго кирпича, но были удовлетворительны. Пороховой погребъ былъ весьма сырымъ и приходилъ въ разрушеніе. Мѣновая торговля была сильно развита. Горцы питали полное довѣріе къ русскимъ. Стада ихъ паслись у самаго укрѣпленія. Тутъ же, съ разрѣшенія капитана Мамонтова, горцы и пахали.

Въ Тенгинскомъ укрѣпленіи, во время посѣщенія его Астафьевымъ, совсѣмъ не оказалось больныхъ. Былъ лишь одинъ цынготный да и тотъ прибылъ сюда изъ Тамани. Гарнизонъ ждалъ со дня на день нападенія горцевъ. По слухамъ, ихъ собралось до 8000 человѣкъ съ 6-ю орудіями. Мѣновой торговли здѣсь не было и горцы совсѣмъ не ѣздили въ крѣпость,

Фортъ Вельяминовскій на Туапсе построенъ былъ въ мѣстности съ плохимъ грунтомъ. Земляныя насыпи здѣсь не держались, а расплывались, „какъ бы стекали“, по выраженію Астафьева. Казармы были теплы и сухи. Больныхъ оказалось достаточно и съ каждымъ днемъ количество ихъ росло; содержались больные плохо. Чтобы не подвергать опасности вторичнаго нападенія и взятія этого форта черкесами, онъ вооруженъ былъ 28 пушками.

Въ фортѣ Лазарева, какъ и въ Вельяминовскомъ, послѣ того, какъ оба эти форта, взятые въ предшествующемъ году черкесами, снова были заняты русскими войсками, были возведены вполнѣ удовлетворительныя строенія. Но больныхъ было много и свирѣпствовала преимущественно цынга. Мѣновой торговли здѣсь не было

и сосѣдніе горцы были настроены крайне враждебно противъ русскихъ. Нѣсколько тысячъ черкесской пѣхоты и конницы пытались даже 15 февраля осадить фортъ и снова взять его. Изъ своихъ 3-хъ самодѣльныхъ пушекъ они сдѣлали 17 выстрѣловъ, но выстрѣлы эти не причинили никакого вреда форту и сами горцы вынуждены были отступить отъ укрѣпленія, не выдержавши сильнаго огня изъ 20 пушекъ, которыми заново вооруженъ былъ фортъ Лазарева.

Фортъ Головинскій находился въ изолированномъ и едва ли не самомъ худшемъ положеніи въ ряду другихъ укрѣпленій побережья. Въ немъ нечѣмъ даже было топить помѣщеній. Солдаты съ большимъ рискомъ и потерями въ людяхъ добывали дрова въ окрестности форта. Сосѣдніе убыхи были очень злы и враждебно настроены противъ русскихъ. Ни мѣны, ни какихъ-либо знакомствъ или сношеній съ горцами здѣсь не существовало.

Въ такомъ же положеніи находилось и укрѣпленіе Навагинское, но къ этому надо прибавить неудобства его топографическаго положенія. Укрѣпленіе было построено въ котловинѣ и со всѣхъ сторонъ было окружено возвышеніями, съ которыхъ горцы стрѣляли по укрѣпленію изъ ружей какъ днемъ, такъ и ночью, и часто ранили людей. Кругомъ въ окрестностяхъ жили убыхи. Мѣновой торговли и сношеній съ этимъ племенемъ не было и безъ перестрѣлки нельзя было добыть даже дровъ.

Въ укрѣпленіи Св. Духа строенія и внутренній видъ укрѣпленія были сносны. Но мѣновой торговли не было и изъ за дровъ велись перестрѣлки гарнизона съ горцами.

Наконецъ, укрѣпленіе Гагры не представляло особыхъ неудобствъ и недостатковъ въ помѣщеніяхъ. Мѣновой торговли здѣсь не было и какія бы то ни было мирныя сношенія русскихъ съ горцами отсутствовали. Во время посѣщенія Гагръ Астафьевымъ здѣсь совсѣмъ не было соли.

Это сухое описаніе отдѣльныхъ укрѣпленій флигель-адъютантомъ Астафьевымъ какъ бы скрашиваетъ общій недостатокъ ихъ, заключавшійся въ полномъ отсутствіи солидныхъ крѣпостныхъ сооруженій и соотвѣтствующей имъ артиллеріи. Всѣ укрѣпленія были расчитаны на защиту ихъ отъ ружейнаго огня, а мѣстами, какъ въ Навагинскомъ, даже въ этомъ отношеніи укрѣпленія были крайне неудовлетворительны. Съ горцами, принесшими столько зла русскимъ войскамъ и столько хлопотъ ихъ начальству, какъ бы не считались серьезно. Но частностями другого рода—развитіемъ мѣновой торговли съ горцами и мирными сношеніями съ ними, въ достаточной степени характеризуются нѣкоторыя общія жизненныя условія, успѣвшія сложиться въ теченіе десятилѣтней военной колонизаціи. Оказывается, что чѣмъ сѣвернѣе на побережьѣ лежало укрѣпленіе, тѣмъ сильнѣе были развиты въ немъ торговыя сношенія съ горцами. Это результатъ, конечно, исторической послѣдова-

тельности, болѣе раннихъ взаимоотношеній русскихъ съ горцами въ сѣверныхъ частяхъ побережья сравнительно съ южными. Но этого не достаточно еще, чтобы судить о внутренней жизни военнаго населенія въ укрѣпленіяхъ Черноморскаго побережья. Два года спустя, военному министру представлена была другая записка о положеніи дѣлъ на Черноморскомъ побережьѣ, характеризующая общія жизненныя условія на немъ.

Къ 1843 году, по даннымъ этой записки, всюду въ укрѣпленіяхъ были уже женатые солдаты и солдатскія семьи. Раньше появились онѣ и больше ихъ было въ Анапѣ, Новороссійскѣ и Геленджикѣ, но чѣмъ южнѣе лежало укрѣпленіе, тѣмъ болѣе рѣдкимъ явленіемъ былъ въ немъ семейный очагъ.

Въ укрѣпленіяхъ не было достаточно церквей и духовенства. Церковь, и притомъ передѣланная изъ турецкой мечети, была только въ Анапѣ, въ Джеметеѣ былъ молитвенный домъ, и при обоихъ состояли священники изъ бѣлаго духовенства. Въ Новороссійскѣ, Геленджикѣ, Бомборахъ и Сухумѣ службу въ молитвенныхъ домахъ отправляли іеромонахи. Дома эти были построены усердіемъ гарнизоновъ, но имѣли „неблагообразную и не соотвѣтствующую своему назначенію“ наружность. „Великолѣпіе христіанскихъ храмовъ, говорится въ запискѣ, можетъ произвести хорошее впечатлѣніе на горцевъ, изъ которыхъ иные христіане, другіе сохранили преданія и нѣкоторые обряды сей вѣры, всѣ худые мусульмане, а большая часть не имѣетъ никакой вѣры“. Въ укрѣпленіяхъ Тенгинскомъ, Лазаревскомъ, Головинскомъ и Св. Духа богослуженіе совершалось въ отдѣленіяхъ солдатскихъ казармъ, а въ фортѣ Вельяминовскомъ —въ цейхгаузѣ. Въ Пицундѣ сохранился древній храмъ VI столѣтія, временъ Юстиніана, очень почитаемый горцами, въ Гаграхъ строилась деревянная церковь. Наконецъ, въ Навагинскомъ, Новотроицкомъ, Кабардинскомъ укрѣпленіяхъ и въ фортѣ Раевскомъ богослуженіе совершалось въ помѣщеніяхъ весьма неудобныхъ и не соотвѣтствующихъ святости ихъ назначенія.

Такимъ образомъ, если исключить Пицунду, Сухумъ и Бомборы, какъ лежавшіе въ предѣлахъ Абхазіи, то на остальномъ побережьѣ религіозныя потребности войскъ не удовлетворялись, какъ слѣдуетъ.

Всѣ укрѣпленія на побережьѣ снабжались продовольственными средствами три раза въ годъ, который исчислялся здѣсь отъ 1 до 1 іюля. Въ отношеніи продовольственныхъ нормъ укрѣпленія довольствовались различно—„одни по морскому положенію, другія по крымскому, а третьи по заграничному“, т. е. по нормамъ, установленнымъ для войскъ при войнѣ съ иностранными государствами. Морская провизія доставлялась изъ Феодосіи, а провіантъ изъ Керчи и Ростова. Солонина постепенно замѣнялась свѣжимъ мясомъ, такъ какъ по отдѣльнымъ укрѣпленіямъ стало возможнымъ добывать порціонный скотъ. Чиновники, командированные для завѣды-

ванія продовольственною частью изъ Тифлиса и особенно изъ Ставрополя, „были большею частью совсѣмъ не надежны, дурного поведенія и преданы пьянству“. Часто продукты портились, нерѣдко ихъ недоставало и солдаты голодали. Семьи нижнихъ чиновъ получали муку и крупу на дѣтей до 7 лѣтъ въ половинной порціи, а съ 7-ми лѣтъ полную дачу порцій.

Госпиталей было мало. Госпитали 2-го класса находились только въ Новороссійскѣ и Анапѣ, но Новороссійскій госпиталь былъ открытъ въ 1842 году, а анапскій могъ простоять не далѣе 1843 года. Больныхъ было много и смертность во многихъ мѣстахъ значительная.

Въ видахъ усиленія мирной колонизаціи края предполагалось основать новыя станицы между Анапою и Варениковскою пристанью, но въ 1843 году былъ построенъ одинъ Суворовскій редутъ на этомъ пространствѣ.

Дорогъ по побережью почти не существовало. Былъ лишь водный путь и дорога изъ Тамани черезъ Бугазъ и на Анапу. Отъ послѣдней дорога шла черезъ фортъ Раевскій на Новороссійскъ и на Вареникову пристань. Отъ Новороссійска до Кабардинки можно было пройти по главному хребту и по подножію его, но не было даже слабыхъ намековъ на дорогу по вершинамъ горъ. Отъ Кабардинки до Геленджика проложена была колесная дорога.

Съ остальными укрѣпленіями на побережьѣ сообщенія производились моремъ на судахъ. Во многихъ мѣстахъ войска ни разу не проходили сухопутьемъ. Для сообщеній моремъ, кромѣ судовъ Черноморской эскадры, служили лодки Азовскаго казачьяго войска и ими главнымъ образомъ поддерживались сообщенія на побережьѣ. Всѣхъ казачьихъ ладей на побережьѣ было 30. На каждую ладью полагалась команда изъ 15 казаковъ, остальные гребцы набирались изъ солдатъ. Лодки очень часто повреждались у береговъ отъ прибоя волнъ. Многія изъ нихъ обветшали, были худы и негодны къ употребленію. Но всѣми—и войсками, и ихъ начальствомъ, казачьи лодки и служба азовскихъ казаковъ считались очень полезными. Благодаря только гребной флотиліи азовскихъ казаковъ, возможны были частыя сообщенія между укрѣпленіями, перевозка грузовъ, почты и людей, разгрузка и погрузка судовъ. Азовскіе казаки служили во флотиліи по очередямъ, смѣняясь черезъ два года партіями поочередно.

Въ 1842 году во всѣхъ укрѣпленіяхъ безъ исключенія были уже торговцы и лавки. Въ Анапѣ, Новороссійскѣ и Геленджикѣ тѣхъ и другихъ было много. Торговлю вели большею частью турки, греки и армяне. Но мѣновая торговля съ черкесами была довольно развита и дѣятельно велась только въ сѣверныхъ частяхъ побережья. Въ Геленджикъ, въ Новороссійскъ и особенно въ Анапу горцы пріѣзжали для мѣновой торговли довольно значительными партіями, привозили лѣсъ, дрова, дикіе плоды, ягоды, птицу, скотъ,

медъ, воскъ, сало и кожи, а также кустарныя черкесскія издѣлія. Въ замѣнъ этого они увозили въ аулы большею частью бумажныя и полушелковыя матеріи, сафьянъ и холстъ. Но главный предметъ мѣны составляла соль, которой не было у горцевъ и которую они цѣнили на вѣсъ золота.

Въ остальныхъ укрѣпленіяхъ, особенно въ крайнихъ южныхъ, мѣновая торговля и мирныя сношенія русскихъ съ горцами продолжали отсутствовать.

Главнымъ препятствіемъ въ этомъ отношеніи служило то обстоятельство, что русскіе являлись завоевателями на Черноморскомъ побережьѣ и, въ качествѣ таковыхъ, сразу должны были прекратить существовавшую здѣсь до того черкесско-турецкую торговлю невольниками, невольницами, оружіемъ и боевыми припасами. Какъ только былъ занятъ Геленджикъ въ 1831 году, русское правительство заявило Турціи и другимъ державамъ, что „всѣ корабли, которые будутъ приставать къ тѣмъ пунктамъ черноморскихъ береговъ, гдѣ не существуетъ таможенныхъ и карантинныхъ учрежденій, будутъ признаны за контрабандные и яко съ таковыми будетъ поступлено по всей строгости законовъ". Съ этого времени и началась погоня моряковъ за турецкими контрабандными судами на судахъ русской эскадры и на ладьяхъ азовскихъ казаковъ. Морская торговля превратилась въ морскую войну или, правильнѣе, въ уничтоженіе контрабандныхъ судовъ и часто товаровъ и людей.

Неудивительно, поэтому, что на первыхъ порахъ занятія русскими войсками побережья отношенія между русскими и черкесами были такъ враждебны и остры, что не могло быть и рѣчи о какомъ бы то ни было сближеніи сторонъ. Черкесы рѣшили не вступать ни въ какія связи съ русскими, ничего не давать имъ, не продавать, не мѣнять, а дѣйствовать лишь оружіемъ и огнемъ. Такимъ образомъ, самого главнаго, съ чего могло бы начаться сближеніе враждующихъ сторонъ—торговли, первоначально совсѣмъ не было на Черноморскомъ побережьѣ. Разумѣется, отъ этого страдали черкесы болѣе, чѣмъ русскіе. Ни черкесы, ни побережье не могли существовать безъ торговли, которая, помимо своей непосредственной пользы, была историческимъ достояніемъ края.

Торговля на Черноморскомъ побережьѣ имѣла за собою длинную исторію вѣковъ, со временъ плаванія сюда въ глубокой древности финикіянъ и грековъ, въ періодъ ихъ колонизаціи Черноморскаго побережья въ IV вѣкѣ до Р. Хр. Въ XIX столѣтіи торговлею на восточныхъ берегахъ Чернаго моря снабжалась невольниками вся Турецкая имперія, работниками—трапезондскіе мѣдные рудники и женами—восточные гаремы. Для черкесъ она не прекратилась и тогда, когда русскіе стали занимать побережье и укрѣпленія на немъ, но изъ свободнаго промысла она обратилась въ запретную контрабанду. Контрабандная торговля давала невѣроятные барыши и доводила рискъ до крайней степени напряженія. Чѣмъ сильнѣе

стѣсняли этотъ видъ торговли русскіе, тѣмъ, при большемъ рискѣ, она давала и большіе барыши. Турецкіе контрабандисты утверждали, что если изъ 10 судовъ они теряли 9, то десятымъ судномъ окупались всѣ ихъ потери. Обычный путь контрабанды шелъ въ такомъ направленіи. Пробравшись къ Козлову (Евпаторіи), Феодосіи или Керчи, контрабандисты направлялись отсюда къ восточному берегу Чернаго моря. Ночью, при благопріятномъ вѣтрѣ, контрабандныя суда совершали путь вдоль берега по огнямъ, которые зажигали и поддерживали въ горахъ черкесы. Подойдя къ берегу, контрабандисты выстрѣлами давали знать о себѣ окрестнымъ горцамъ. На выстрѣлы черкесы сбѣгались къ берегу и быстро разгружали судно, потомъ стаскивали его на берегъ и прикрывали вѣтвями или, втянувши судно въ устье рѣки, просверливали въ немъ дыры и потопляли, чтобы скрыть корпусъ суда и тѣмъ защитить его отъ выстрѣловъ съ русскихъ военныхъ кораблей. Когда контрабандисты оканчивали свои дѣла съ горцами, судно поднималось со дна рѣки, задѣлывались въ немъ дыры и выкачивалась вода. Быстро нагрузивши черкесскими продуктами и товарами приведенное въ исправный видъ судно,контрабандисты ночью, при попутномъ вѣтрѣ, выходили въ море и скрывались отъ русскихъ крейсеровъ.

Русскіе энергично преслѣдовали контрабандистовъ на побережьѣ, такъ какъ главнымъ предметомъ торговли были невольники и невольницы. Турецкіе султаны, подъ давленіемъ русской дипломатіи, издавали строгіе фирманы для прекращенія контрабандной торговли. Но это мало вліяло на контрабандныя предпріятія. Трапезондскій паша и другіе высшіе чиновники исполняли турецкіе фирманы, но болѣе мелкіе чиновники, какъ напр. Синопскій паша, покровительствовали контрабандистамъ и сами участвовали въ контрабандной торговлѣ, какъ въ выгодномъ предпріятіи. Къ тому же главнымъ потребителемъ предметовъ черноморско-черкесской торговли и наиболѣе заинтересованнымъ въ этомъ учрежденіемъ былъ турецкій генералъ. Горцы и контрабандисты имѣли прочныя связи во всѣхъ гаремахъ Турціи.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ контрабандисты возили еще съ береговъ Чернаго моря русскихъ плѣнныхъ для продажи въ Турцію. Бывали случаи, что русскіе военные крейсеры настигали контрабандистовъ съ русскими плѣнными. Тогда шкипера, привязавши плѣнникамъ камни на шею, спускали ихъ на дно моря, чтобы скрыть слѣды преступной торговли. Цѣлыя суда, нагруженныя русскими плѣнными, возвращались, послѣ встрѣчи съ русскими крейсерами, обратно въ Турцію пустыми. Русскіе моряки, захватывая контрабандныя суда, брали разные товары и черкешенокъ, но никогда не находили на нихъ русскихъ плѣнныхъ. Въ 1839 г. русскія власти подозрѣвали грековъ и армянъ, торговавшихъ въ русскихъ укрѣпленіяхъ, въ организаціи вывоза невольниковъ и невольницъ турками съ побережья.

Только съ теченіемъ времени, когда прошелъ острый періодъ расправы русскихъ съ турецкими контрабандными судами и когда сами горцы, нуждавшіеся въ мѣнѣ своихъ продуктовъ и издѣлій, пошли на встрѣчу русскимъ въ области товарообмѣна,—начали постепенно зарождаться и расширяться натуральномѣновыя формы торговли на Черноморскомъ побережьѣ. Изъ приказа по линіи 22 апрѣля 1839 года видно, что во многихъ укрѣпленіяхъ были уже случаи мѣновой торговли съ горцами, что главнымъ предметомъ мѣны была соль, что мѣста для мѣны отводились близъ укрѣпленій, ограждались веревками или рѣшетинами и постепенно вырабатывались и другія правила торговли примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ.

Рапортомъ 19 ноября 1840 года начальникъ Черноморской береговой линіи сообщилъ графу Воронцову соображенія о расширеніи торговли съ горцами. Горцы всюду просили доставлять имъ холстъ, сафьянъ, шелковыя и бумажныя ткани. Были случаи, когда горцы вырывали изъ могилъ тѣла солдатъ, чтобы снять съ нихъ саванъ и рубашку, такъ велика была у нихъ нужда въ мануфактурныхъ товарахъ. Къ числу торговыхъ пунктовъ, на которые должно быть обращено особое вниманіе, относились Анапа, Новороссійкъ, Геленджикъ, Новотроицкое и укрѣпленіе св. Духа. Русскіе товары предполагалось развозить на судахъ по побережью и мѣновымъ операціямъ придать однообразный характеръ, примѣнивши къ нимъ опредѣленныя правила.

Воронцовъ съ своей стороны считалъ кореннымъ условіемъ наилучшей постановки мѣновой торговли частную предпріимчивость. Въ этихъ видахъ, письмомъ 28 ноября 1840 года, онъ предложилъ взять на себя иниціативу извѣстному въ то время капиталисту Ставро-Вальяно и просилъ его представить свои соображенія по этому поводу. Вальяно потребовалъ, однако, очень большихъ гарантій и льготъ. По его проэкту, ему одному должна быть предоставлена вся торговля на черкесскихъ берегахъ въ теченіе 10 лѣтъ. Русское правительство должно дозволить ему получать безпошлинно всѣ товары изъ заграницы, разрѣшить ему торговлю солью, предоставить продовольствовать гарнизоны и жителей. Перевозить товары Вальяно просилъ на военныхъ судахъ и, въ случаѣ уничтоженія горцами складовъ, правительство обязано было выдать ему вознагражденіе по стоимости уничтоженныхъ товаровъ. Проэктъ Вальяно не былъ одобренъ и принятъ. Хитрому торговцу не удалось поживиться выгодами монопольнаго предпріятія.

Тогда же Воронцову представленъ былъ другой проэктъ, выработанный генераломъ Головинымъ. Торговля по этому проэкту вручалась частной компаніи, и въ основу торговыхъ операцій должна была лечь главнымъ образомъ торговля лѣсомъ, которымъ изобиловали черкесскія земли и который могли поставлять въ торговые пункты горцы. О судьбѣ этого проэкта ничего неизвѣстно и серьезнаго практическаго значенія онъ, повидимому, не имѣлъ.

Такъ вопросъ объ общей организаціи торговли правительствомъ на Черноморскомъ побережьѣ остался потомъ открытымъ. Распоряженіемъ 31 августа 1845 года, до особаго разрѣшенія этого вопроса правительствомъ, постановлено открыть въ Новороссійскѣ торговый портъ и установить временные таможенные порядки.

Между тѣмъ мѣновая торговля горцевъ съ русскими сама собою складывалась и развивалась по отдѣльнымъ укрѣпленіямъ и пунктамъ. Одновременно же начали появляться и единичные случаи мирныхъ отношеній черкесскаго населенія къ русскому. Въ 1837 году генералъ-адъютантъ баронъ Будбергъ донесъ главнокомандующему на Кавказѣ, что горцы въ этомъ году косили по найму траву для гарнизона форта Лазарева, а въ 1848 году ставили бутовый камень для двухъ фортовъ—Лазаревскаго и Головинскаго. Тогда же преданными Россіи горцами былъ пойманъ жившій между убыхами и побуждавшій горцевъ къ войнѣ съ русскими дервишъ, подъ громкимъ именемъ имама, и приведенъ въ Геленджикъ, гдѣ онъ потомъ и содержался. Но на ряду съ этимъ, Будбергъ доносилъ также объ усиленіи въ горахъ мутазиговъ, черкесскихъ ополченцевъ, особенно враждебно настроенныхъ противъ русскихъ. Наиболѣе упорные изъ горцевъ всегда настаивали на прекращеніи всякихъ торговыхъ сношеній съ русскими; но съ каждымъ годомъ среди горцевъ появлялось все болѣе и болѣе противниковъ этого направленія. Въ 1850 году горцы, жившіе близъ Тенгинскаго укрѣпленія, продали въ укрѣпленіе до 2000 бревенъ, несмотря на запрещенія черкесскими народными собраніями такихъ сдѣлокъ.

Въ архивныхъ документахъ сохранился рядъ трогательныхъ случаевъ обращенія мирнаго черкесскаго населенія за помощью къ русскимъ. Въ 1839 году одна черкешенка, по примѣру горцевъ мужчинъ, нѣсколько разъ приходила въ госпиталь въ Геленджикъ для лѣченія своей болѣзни. Объ этомъ узналъ Императоръ Николай и приказалъ вручить ей, при торжественной обстановкѣ, въ видѣ подарка отъ него, золотую цѣпочку, какъ поощреніе за довѣрчивое отношеніе къ русскимъ. Когда черкешенка пришла однажды въ геленджикскій госпиталь, то ей торжественно, въ присутствіи всего гарнизона, офицеровъ, брата черкешенки, съ которымъ она пришла, и бывшихъ въ лазаретѣ горцевъ, вручена была царская цѣпочка для ношенія на шеѣ. Братъ и сестра трогательно благодарили русскихъ за оказанную имъ честь.

Госпиталь и медицина послужили хорошимъ средствомъ для мирныхъ сношеній горцевъ съ русскими. Въ 1840 г. въ воскресенье 22 сентября къ русскому лагерю на р. Псезуапе пришли два горца съ просьбою возвратить имъ двухъ больныхъ соплеменниковъ, отправившихся 19 сентября въ госпиталь для лѣченія, и сообщить имъ, не умерли ли они. Примѣръ обращенія къ русскимъ этихъ больныхъ повліялъ видимо и на другихъ горцевъ. Такъ, 4 октября въ лагерь явилась женщина изъ племени бесленеевцевъ, похищенная

натухайцами и проданная шапсугамъ. Она принесла съ собою дочь трехъ лѣтъ и просила русскихъ отправить ее на родину къ беслеевцамъ. Утромъ 9 октября явились въ лагерь два горца и просили русскихъ возвратить имъ бѣжавшую отъ нихъ женщину или покрайней мѣрѣ дѣвочку, ея дочь. Разумѣется, имъ было отказано въ этомъ. Наконецъ, въ сумерки 16 октября въ лагерь пришелъ 17-ти лѣтній мальчикъ Исламъ, бывшій нѣкоторое время слугою у полковника Филипсона, и спрашивалъ, нѣтъ ли въ лагерѣ его прежняго хозяина. По порученію какого-то убыхскаго князя, онъ передалъ русскимъ, что горцы, по окончаніи праздника Ураза, намѣрены сдѣлать нападеніе на возобновлявшійся Лазаревскій фортъ или на фортъ Тенгинскій. Подробности о готовившемся нападеніи онъ обѣщалъ узнать и сообщить самъ имъ черезъ князя, которому потребуется тогда дать вознагражденіе. Самъ же Исламъ не желалъ никакого вознагражденія, такъ какъ былъ доволенъ прежними подарками Филипсона.

Къ чести горцевъ Черноморскаго побережья надо прибавить, что между ними было менѣе случаевъ предательства, чѣмъ на Черноморской и Кавказкой кордонныхъ линіяхъ, и что они были менѣе падки на подарки, чѣмъ горцы Закубанья. Въ архивныхъ дѣлахъ встрѣтился намъ лишь одинъ документъ, свидѣтельствующій о подкупѣ горцевъ побережья съ военными цѣлями. Въ іюлѣ 1839 года контръ-адмиралъ Серебряковъ просилъ высшее начальство увеличить экстраординарныя суммы до 2200 рублей, въ виду необходимости дѣлать значительные подарки горцамъ; но, во 1-хъ, эти суммы назначались не на одни подкупы черкесовъ а во вторыхъ, подарки давались горцамъ не за одно предательство, а и въ силу обычая; да и горцы не всегда руководились корыстными побужденіями, обращаясь къ русскимъ съ мирными цѣлями. Нѣкоторыя указанія на причины появленія мирныхъ отношеній горцевъ съ русскими далъ одинъ изъ бѣжавшихъ отъ черкесовъ русскій солдатъ.

Въ апрѣлѣ 1839 года въ укрѣпленіе Тенгинское явился рядовой Антонъ Девяткинъ, взятый горцами въ плѣнъ въ 1830 году и убѣжавшій оттуда спустя 10 лѣтъ. Въ теченіе этого времени онъ прекрасно ознакомился съ бытомъ черкесовъ и научился черкесскому языку. По его словамъ, почти всѣ безъ исключенія черкесы живутъ въ бѣдности. Дворяне проводятъ время въ праздности, простолюдины работаютъ и отъ того чаще живутъ въ нѣкоторомъ довольствѣ. Населенія достаточно, но большихъ ауловъ нѣтъ. Сакли разбросаны по нѣскольку вмѣстѣ, хлѣбопашествомъ черкесы слабо занимаются за отсутствіемъ полей, но хлѣба хватаетъ у нихъ для годичнаго продовольствія. Скотоводство не велико. Хозяинъ, имѣющій 30 головъ рогатаго скота и сотню овецъ, считается богатымъ. Лошадей недостаточно. Въ послѣднее время, благодаря ослабленію торговли съ Турціей и сокращенію контрабанды, горцы стали сильно нуждаться въ предметахъ ввоза, особенно въ соли. Вмѣстѣ съ упадкомъ торговли

увеличилась бѣдность, а увеличеніе бѣдности породило между ними безпорядки, воровство, разбои, ссоры, кончавшіеся убійствами и переходившіе въ кровомщеніе. Все это, въ связи съ усиленіемъ укрѣпленій и увеличеніемъ военныхъ силъ, дѣлало положеніе горца крайне тяжелымъ, безъисходнымъ. Многіе горцы желали бы покориться Россіи, но боялись открыто заявить это, такъ какъ имущество ихъ было бы разграблено противниками сближенія съ русскими и сами они рисковали бы жизнью. Въ горахъ находилось много русскихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ, особенно вторыхъ. Они жили большею частью въ нищетѣ и нуждѣ, сожалѣя объ уходѣ изъ войска. По мѣрѣ того какъ увеличивалось количество русскихъ укрѣпленій и росли военныя силы русскихъ на побережьѣ, участились также побѣги плѣнныхъ и даже раскаявшихся дезертировъ. Мало того. Уходили изъ горъ не одни русскіе, плѣнные, арестанты и дезертиры, но и горцы. Въ 1840 году „выбѣжали" съ горъ мальчикъ и дѣвочка. Малыши ни слова не знали по русски, но черезъ переводчика заявили, что они русскіе, хотя и забыли русскій языкъ, но хорошо знаютъ, что ихъ плѣнили черкесы и увезли въ горы. Изъ аула, находившагося въ Адербіевскомъ ущельѣ близъ Геленджика, ушла молодая пара—юноша и дѣвушка. Красавица полюбила молодого джигита и такъ какъ джигитъ былъ бѣднякъ, а его возлюбленную родители рѣшили отдать за богатаго старика, то молодые бѣжали къ русскимъ, разсказали, чѣмъ былъ вызванъ ихъ побѣгъ, и просили отправить ихъ подальше отъ горъ въ русское поселеніе. Бѣглецы были препровождены въ станицу Старотитаровскую. Здѣсь они крестились, обвѣнчались и потомство ихъ до сихъ поръ числится въ составѣ казачьяго населенія этой станицы.

Затѣмъ на ослабленіе воинственнаго настроенія горцевъ въ частности повліяло то обстоятельство, что имъ сталъ извѣстнымъ отказъ турецкаго султана отъ защиты горцевъ. Въ декабрѣ 1844 года, послѣ двухъ мелкихъ стычекъ горцевъ съ русскими, натухайцы окончательно присмирѣли. На то повліяло взятіе русскими турецкаго судна съ 160 пассажирами и посланіе Сеферъ-бея Занъ, который извѣщалъ горцевъ о томъ, чтобы они не ждали помощи отъ турокъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ миролюбиво вели себя горцы и съ 1 января по 1-е марта 1841 года. Воинскій начальникъ Кабардинскаго укрѣпленія въ отчетѣ за 1852 г. упоминаетъ, что сосѣдніе натухайцы были очень миролюбиво настроены къ русскимъ. Къ укрѣпленію были причислены два аула натухайцевъ—Адуао въ 60 дворовъ и Хабады въ 50 дворовъ. Горцы вели постоянныя сношенія съ укрѣпленіемъ. Въ теченіе года 12 изъ нихъ лѣчились въ кабардинскомъ лазаретѣ. Уголовныхъ преступленій у нихъ не было. Мелкіе споры и недоразумѣнія разрѣшались аульнымъ старшиною или по шаріату особымъ духовнымъ судилищемъ. Въ важныхъ случаяхъ они обращались къ начальнику 1-го отдѣленія побережной линіи г.-м. Дебу. Военныхъ дезертировъ горцы ловили и приводили

въ укрѣпленіе. Земледѣліемъ они занимались слабо, получая средства главнымъ образомъ отъ скотоводства и пчеловодства. На мѣновой дворъ они поставляли рогатый скотъ, птицу, яйца, масло, медъ и фрукты.

Чѣмъ ближе горцы жили къ русскимъ укрѣпленіямъ, тѣмъ скорѣе они осваивались съ русскими и тѣмъ прочнѣе устанавливались мирныя отношенія между обѣими народностями Въ этомъ отношеніи одно и то же племя дѣлилось часто на партіи—на сторонниковъ русскихъ и на противниковъ ихъ. Въ 1848 году старшины натухайскаго народа постановили преслѣдовать и штрафовать всѣхъ приверженцевъ Россіи. Натухайцы подозрѣвали, что соплеменники ихъ, продававшіе скотъ русскимъ, воровали этотъ скотъ у своихъ же и затѣмъ сбывали его русскимъ на мѣновыхъ дворахъ. Для наказанія сторонниковъ Россіи было собрано ополченіе по одному всаднику съ каждыхъ 60-ти дворовъ. Ополченіе это разъѣзжало съ старшинами по ауламъ и штрафовало виновныхъ въ сношеніяхъ съ русскими. Особенно возбуждены были натухайцы, узнавши объ отпаденіи отъ народа и о присягѣ Россіи дворянъ, и съ яростью стали преслѣдовать измѣнниковъ. Но въ то же время старшины ближайшихъ къ Гостагаевскому укрѣпленію ауловъ обѣщали не участвовать въ военныхъ предпріятіяхъ противъ русскихъ, извѣщать о движеніи горцевъ въ русскія земли, даже препятствовать имъ и выдавать плѣнныхъ и дезертировъ. И, въ самомъ дѣлѣ, ими были доставлены въ укрѣпленіе три плѣнныхъ казака, одна женщина и нѣсколько бѣглыхъ солдатъ.

Горцы шли еще дальше. Разъ ставши на почву мирныхъ отношеній, они давали примѣры заботливости и самоотверженія, помогая русскимъ въ несчастныхъ случаяхъ. Въ 1848 году свирѣпствовали на Черномъ морѣ ужасныя бури и въ одну изъ такихъ бурь была сильно повреждена русская лодка, находившаяся у мыса Дообъ между Кабардинкой и Геленджикомъ. Шкиперъ отрубилъ канатъ отъ якоря и направилъ лодку къ черкесскому берегу. Судно прибыло къ ущелью Чусхабъ. При морозѣ прибой волнъ былъ такъ силенъ, что не было никакой возможности выйти изъ судна на берегъ. Одинъ матросъ попробовалъ сойти на берегъ—и утонулъ. Увидѣвши это горцы аула Чусхабъ дали знать о несчастіи съ русскимъ судномъ въ Новороссійскъ. Оттуда было прислано 40 донскихъ казаковъ, а за ними рота пѣхоты. Казаки рѣшили спасти погибающихъ моряковъ вплавь на лошадяхъ, и 15 охотниковъ вызвались совершить этотъ подвигъ. Долго они не могли ничего сдѣлать. Волны сшибали всадниковъ съ лошадей и остальнымъ казакамъ приходилось спасать своихъ же. Но казаки не опускали рукъ и все снова и снова гнали впередъ въ волны лошадей. Потерпѣвши рядъ неудачъ, они связали, наконецъ, уздечки съ подпругами и, держась за нихъ, послѣ трехчасовыхъ непомѣрныхъ усилій, успѣли снять съ лодки шкипера, матроса и гвардіона, но шкипера волны вырвали изъ рукъ спасителей и онъ погибъ.

И вотъ въ этомъ случаѣ горцы выказали себя благородными союзниками. Они не только дали знать о крушеніи лодки новороссійскому гарнизону, но принимали дѣятельное участіе въ спасеніи погибающихъ, охраняли потомъ тѣла выброшенныхъ на берегъ жертвъ и стерегли самое судно. Мало того. Чусхабцы охраняли все это отъ другихъ горцевъ, которые не прочь были поживиться чужимъ добромъ. Въ виду невозможности спасти судно. контръ-адмиралъ Серебряковъ отдалъ его въ полное распоряженіе чусхабцевъ и предложилъ имъ взять съ него все.

Такъ слагалась своеобразная жизнь русскихъ войскъ на Черноморскомъ побережьѣ. Общія условія этой жизни опредѣлялись исключительными требованіями военной оккупаціи. Вмѣсто мирныхъ поселочныхъ формъ были построены крѣпости, форты и укрѣпленія. Въ замѣнъ оживотворяющей край промышленности—земледѣльческой, скотоводческой, мануфактурной и пр., господствовала война, со всѣми ея ужасными проявленіями. На побережьѣ не было мѣста ни культурѣ, ни гражданственности. Здѣсь не существовало ни суда, ни общественныхъ учрежденій, ни даже гражданскихъ властей. Механизмъ управленія краемъ былъ до нельзя простъ и несложенъ. Длинная полоса побережья отъ Таманскаго полуострова и до Абхазіи, занятая военными укрѣпленіями, названа была Черноморской береговой линіей и состояла изъ ряда береговыхъ укрѣпленіи. Въ каждомъ укрѣпленіи былъ гарнизонъ и во главѣ гарнизона стояли особые начальники, носившіе въ разное время различныя названія—командировъ, воинскихъ начальниковъ и пр. Затѣмъ шло обычное дѣленіе войскъ на полки, баталіоны, роты, сотни, батареи и т. п. Впослѣдствіи были тѣ же начальники, но размѣры Черноморской береговой линіи были нѣсколько расширены.

Въ 1839 году, съ Высочайшаго соизволенія, было утверждено положеніе, по которому начальнику Черноморской береговой линіи были подчинены всѣ укрѣпленія на восточномъ берегу Чернаго моря—отъ устья Кубани до Мингреліи, и также Абхазія и Цебельда, Черноморская береговая линія была подраздѣлена на двѣ части—на 1-е отдѣленіе отъ устья Кубани и до форта Александріи у Сочи и на 2-е отдѣленіе отъ Сочи до границъ Мингреліи. Начальникомъ 1-го отдѣленія назначенъ былъ контръ-адмиралъ Серебряковъ, начальникомъ 2-го отдѣленія генералъ-майоръ Ольшевскій, а начальникомъ всей береговой линіи генералъ-лейтенантъ Раевскій. Генералъ Раевскій въ свою очередь пытался ввести штаты для болѣе мелкихъ воинскихъ частей. Проэктируя эти штаты въ томъ же 1839 г., онъ считалъ необходимымъ поставить во главѣ каждаго учрежденія спеціалиста. На этомъ основаніи онъ просилъ ввести въ штаты Черноморской береговой линіи: штабъ-офицера генеральнаго штаба, оберъ-офицера генеральнаго штаба или корпуса топографовъ, инженера, артиллерійскаго штабъ-офицера, дежурнаго штабъ-офицера, старшаго доктора, провіантскаго чиновника, оберъ-аудитора и трехъ

переводчиковъ. Всѣ эти спеціалисты, разумѣется, были настоятельно нужны, но болѣе существенное значеніе имѣла организація управленія въ укрѣпленіяхъ. Такъ, въ Геленджикѣ числился сначала начальникъ Геленджикскаго отряда. Затѣмъ начальникъ отряда былъ замѣненъ комендантомъ крѣпости, а приказомъ 26 декабря 1839 года уничтожена была должность коменданта и оставлены только двѣ роты гарнизона и штабъ-квартира линейнаго баталіона, командиръ котораго назначенъ воинскимъ начальникомъ укрѣпленія.

При такомъ характерѣ управленія, обыденная жизнь въ войскахъ текла по обычному шаблону военной службы. Начальствующіе дѣлали распоряженія, приказы и наряды, подчиненные выполняли ихъ. Въ особыхъ случаяхъ составлялись для опредѣленнаго рода дѣятельности инструкціи, какъ напр. напечатанная на 1839 годъ „инструкція командамъ Азовскихъ казаковъ, расположенныхъ въ укрѣпленіяхъ Черноморской береговой линіи". Но обыкновенно все велось по приказу—общему ли для цѣлаго ряда случаевъ или частному для непредвидѣнныхъ, особыхъ обстоятельствъ. Взаимоотношенія между начальствующими на линіи и завѣдующими частями войскъ держались на перепискѣ и личныхъ сношеніяхъ. Одни письменно приказывали и запрашивали, другіе письменно же отвѣчали, доносили и просили разрѣшеній въ случаяхъ личной иниціативы и усмотрѣнія. За исключеніемъ военныхъ совѣщаній, не было никакихъ органовъ коллегіальнаго характера, и слабъ былъ даже фактическій контроль такихъ операцій, какъ денежныя. Только послѣ смерти подполковника Лико установлено было въ апрѣлѣ 1847 года, что онъ присвоилъ себѣ 20 тысячъ рублей ассигнаціями солдатскихъ суммъ, принадлежавшихъ 1-й и 2-й линейнымъ ротамъ, погибшимъ въ фортѣ Вельяминовскомъ при взятіи его горцами въ 1840 году.

Военнымъ властямъ какъ бы не было дѣла до гражданскихъ правонарушеній, да и некогда было заниматься ими. Преступниковъ въ мелкихъ случаяхъ наказывали въ административномъ порядкѣ, а въ важныхъ отсылали на судъ внѣ линіи. За отсутствіемъ гражданскихъ установленій и хозяйственно-экономическихъ предпріятій, не требовалось и негдѣ даже было вести какія-либо общественныя предпріятія или дѣла муниципальнаго характера. Только въ одномъ Новороссійкѣ, когда онъ изъ укрѣпленія началъ понемногу превращаться въ торговый пунктъ и въ наиболѣе крупный центръ военной администраціи, были осуществлены два предпріятія въ такомъ родѣ.

Въ 1839 г. командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса Головинъ одобрилъ предположенія контръ-адмирала Серебрякова объ устройствѣ водопровода въ Новороссійскѣ, на что и приказалъ внести въ смѣту 1800 рублей ассигнаціями; но коснувшись тутъ же вопроса о лучшей постановкѣ торговли въ Новороссійскѣ, почтенный генералъ зашелъ такъ далеко въ этомъ отношеніи, что полагалъ даже возможнымъ дозволить турецкимъ торговцамъ вывозить изъ Новороссійска женщинъ для продажи ихъ въ Турцію. Къ счастью или несчастью корпуснаго

командира, подчиненный ему начальникъ 1-го отдѣленія Черноморской береговой линіи контръ-адміралъ Серебряковъ оказался человѣкомъ съ умной головой и менѣе коммерческимъ, но болѣе гуманными взглядами, чѣмъ Головинъ.

Болѣе интереснымъ и живымъ оказалось другое общественное предпріятіе—учрежденіе общественной библіотеки въ Новороссійскѣ. Библіотека учреждена была по иниціативѣ контръ-адмирала Серебрякова, человѣка настойчиваго и горячаго. Въ рапортѣ 3 іюля 1840 г. онъ писалъ начальнику Черноморской береговой линіи г.-м. Анрепу, что почти всѣ офицеры охотно приняли его предложеніе объ учрежденіи общественной библіотеки. Немногіе отказались отъ участія въ этомъ дѣлѣ, но это были тѣ, которые „безъ понужденія и внушенія не имѣютъ наклонности ни къ чему порядочному“. Серебряковъ, поэтому, просто предписалъ, чтобы начальники частей включили этихъ немногихъ офицеровъ въ число подписчиковъ библіотеки. По поводу учрежденія библіотеки Серебряковъ обратился къ офицерамъ съ длиннымъ возваніемъ, считая чтеніе книгъ „необходимою потребностью всякаго сколько-нибудь образованнаго человѣка“, тѣмъ болѣе что въ Новороссійскѣ не существовало никакихъ общественныхъ учрежденій для развлеченія.—Серебряковъ изложилъ въ своемъ возваніи общія основанія по учрежденію библіотеки и даже нѣкоторыя правила. Но онъ наложилъ на офицеровъ довольно чувствительный взносъ на библіотеку—по 2 коп. съ рубля жалованья въ треть года или по 6% жалованья. Заранѣе можно было ожидать, что это вызоветъ неудовольствіе не у нѣкоторыхъ, а у многихъ офицеровъ. Дѣло, однако, получило движеніе и направлено было въ Петербургъ.

Предписаніемъ 2 мая 1842 г. генералъ-адъютантъ Клейнмихель извѣстилъ генерала Анрепа, что по ходатайству командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, Государь Императоръ Всемилостивѣйше пожаловалъ 1430 рублей на особое зданіе для благороднаго собранія и библіотеки въ Новороссійскѣ, но предварительно требуетъ представить на Его, Государя, усмотрѣніе каталогъ книгъ будущей библіотеки. Каталогъ былъ отосланъ, и 21 іюля 1842 года графъ Клейнмихель сообщилъ начальнику Черноморской береговой линіи, что Государь Императоръ, „желая доставить пріятное и полезное препровожденіе времени офицерамъ“, повелѣлъ учредить библіотеку по каталогу, Высочайше утвержденному для всѣхъ 20 укрѣпленій Черноморской береговой линіи, въ числѣ которыхъ значились Новороссійскъ, Геленджикъ, Анапа, Кабардинка, Тенгинка, Гагры и др. Въ апрѣлѣ 1843 г. Серебряковъ жаловался Анрепу, что многіе офицеры не желали участвовать въ учрежденіи общественной библіотеки въ Новороссійскѣ и отказывались платить даже по 1 копѣйкѣ съ рубля жалованья. Серебряковъ просилъ обязать всѣхъ офицеровъ вносить эту копѣйку, такъ какъ иначе могло разстроиться все дѣло. Но такое рѣшительное ходатайство со стороны контръ-адмирала Свиты Его Величества Серебрякова не понравилось просвѣщенному

Нейдгарту и онъ написалъ письмо начальнику отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, прося его отобрать объявленіе о подпискѣ на библіотеку, составленное контръ-адмираломъ Серебряковымъ и дать дѣлу законное движеніе, такъ какъ будто бы дѣйствія Серебрякова не согласны были съ Высочайшимъ соизволеніемъ и Серебряковъ дѣйствовалъ лично отъ себя, не спросивши согласія офицеровъ.

На сторону Серебрякова сталъ другой свитскій генералъ баронъ Будбергъ, исправлявшій должность начальника Черноморской береговой линіи, и просилъ корпуснаго командира непремѣнно утвердить обложеніе офицерскаго жалованья копѣйкой съ рубля, съ условіемъ возврата офицерамъ этихъ денегъ, если бы впослѣдствіи не согласилось на то высшее начальство. Самъ Серебряковъ не угомонился, однако. Его не только волновалъ индеферентизмъ офицеровъ къ полезному дѣлу, но не удовлетворилъ каталогъ книгъ Высочайше утвержденный. По его мнѣнію, въ каталогъ было внесено очень мало книгъ и всѣ они носили слишкомъ спеціальный характеръ; книгъ общеобразовательнаго характера не было. Поэтому, энергичный контръ-адмиралъ просилъ начальника отдѣльнаго Кавказскаго корпуса возбудить ходатайство, чтобы хоть въ одномъ Новороссійскѣ, гдѣ постоянно находится не менѣе 100 офицеровъ, каталогъ библіотечныхъ книгъ былъ расширенъ, и съ своей стороны представилъ два каталога на утвержденіе высшаго начальства.

Чѣмъ окончились хлопоты Серебрякова, указаній въ архивныхъ дѣлахъ не оказалось, но самый фактъ возведенія такого простого и насущнаго дѣянія, какъ открытіе библіотеки, въ вопросъ государственной регламентаціи и вмѣшательства представляетъ собою характерный признакъ того времени. Общія условія жизни на Черноморскомъ побережьѣ, тѣсно переплетенныя съ кровавыми событіями войны, невѣроятной заболѣваемостью и сильнѣйшимъ вымираніемъ войскъ, очень далеки были еще отъ культурныхъ начинаній и разумнаго удовлетворенія людьми своихъ высшихъ духовныхъ потребностей.

Охватывая общимъ взглядомъ всѣ отмѣченные выше признаки жизненныхъ условій на Черноморскомъ побережьѣ, легко замѣтить, что единственное здоровое зерно въ отношеніяхъ русской народности съ черкесской крылось въ экономическомъ факторѣ—въ зарожденіи примитивныхъ формъ торговли. Съ торговли начались миръ и гражданственность на восточныхъ берегахъ Чернаго моря, завладѣніе которыми было соединено съ такимъ обиліемъ пролитой крови и куплено столь цѣнными жертвами русскихъ войскъ. На общемъ же фонѣ жизненныхъ условій все время продолжалась борьба русскихъ съ горцами, борьба упорная, длительная и обильная всѣми ужасами взаимнаго истребленія людей.

Глава XII.

АЗОВСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО И АНАПСКІЕ ПОСЕЛЕНЦЫ.

Когда трактатомъ 1829 года турки уступили русскимъ восточные берега Чернаго моря, то самъ собой возникъ вопросъ о будущности этого края. Русскимъ нужно было занять его фактически. Но на побережьѣ жили черкесы, и о нихъ заранѣе можно было сказать, что они не захотятъ добровольно подчиниться русской власти. Оставалось—или вытѣснить ихъ совсѣмъ съ занимаемыхъ ими земель и занять послѣднія сплошнымъ русскимъ населеніемъ, или же брать побережье частями, начиная колонизацію съ сѣвера.

Первая попытка осуществленія этой цѣли была сдѣлана азовскими казаками или, правильнѣе ихъ вожакомъ и атаманомъ Гладкимъ. Когда въ 1828 году была окончена война съ Турціей и образовано было Азовское казачье войско изъ вышедшихъ изъ Турціи запорожцевъ, то естественно возникла мысль о мѣстожительствѣ и земляхъ для вновь образовавшейся казачьей общины, по образцу другихъ казачьихъ войскъ. Такою мѣстностью признанъ былъ анапскій районъ, т. е. прилегающія къ Анапѣ между Чернымъ моремъ и главнымъ Кавказскимъ хребтомъ земли. Анапское или Азовское войско такимъ образомъ примыкало бы съ сѣвера къ Черноморскому войску, а съ востока и юга граничило бы съ владѣніями черкесовъ. Въ краѣ утвердился бы новый стражъ русской границы отъ турокъ и черкесовъ.

Турецкимъ запорожцамъ и ихъ атаману Гладкому пришлась по сердцу эта мысль. Казачество, при осуществленіи ея, не утрачивало ни своего военнаго строя, ни излюбленныхъ казачьихъ порядковъ во внутренной жизни и отношеніяхъ. Охраняя границу, оно могло, по древнему казачьему обычаю, „нести Государеву службу изъ за земли и воды". И хотя первыми засельщиками анапскаго края были не азовскіе казаки, а малороссійскіе выходцы, но эти земли достались впослѣдствіи Азовскому войску, когда оно въ полномъ составѣ перешло изъ Екатеринославской губерніи на Кубань.

Азовское войско возникло во время русско-турецкой войны 1828 года. Въ этомъ году 9 мая запорожцы перешли изъ Турціи въ Россію подъ начальствомъ Гладкаго, а 27 мая имъ присвоено было названіе Азовскаго войска. Въ маѣ же изъ казаковъ этого войска и изъ другихъ выходцевъ образованы было два дунайскіе полка, участвовавшіе въ русско-турецкой войнѣ. Въ декабрѣ 1828 г., по Высочайшему повелѣнію, были посланы изъ Черноморскаго войска 32 офицера для сформированія Дунайскихъ полковъ.

Съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности Гладкій задался вполнѣ опредѣленными цѣлями. Образовавши особое казачество, онъ стремился перейти съ нимъ на Кубань, въ сосѣдство съ близкими ему по духу Черноморцами, или въ крайнемъ случаѣ даже на ихъ земляхъ. Главный штабъ изъ лагеря при Базарджикѣ сообщилъ 25 іюля 1828 г. Новороссійскому генералъ-губернатору, что кошевой турецкихъ запорожцевъ полковникъ Гладкій намѣревался отправиться изъ арміи, въ которой онъ съ своими казаками „служилъ усердно и дѣятельно“, черезъ Одессу на лѣвый берегъ Кубани или на островъ Кара Кубань для водворенія здѣсь запорожскихъ выходцевъ подъ именемъ Закубанскаго казачьяго войска. Штабъ извѣщалъ, что Государю Императору благоугодно было, чтобы Гладкому и его спутникамъ оказано было властями самое широкое содѣйствіе по пути слѣдованія ихъ на Кубань и обратно.

Собираясь для осмотра земель у Анапы на Кубани, Гладкій всячески старался увеличить составъ войска и всюду розыскивалъ ушедшихъ изъ Турціи запорожцевъ. Почти на канунѣ отъѣзда въ Анапу, въ августѣ 1828 г. онъ писалъ наказному атаману Безкровному, что въ Черноморіи находится на заработкахъ много запорожцевъ, вышедшихъ съ Дуная, и просилъ собрать ихъ 4 сентября въ Керчи, гдѣ онъ, Гладкій, осмотритъ ихъ, какъ это поручено ему, согласно волѣ Государя, новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ Воронцовымъ. По сообщенію Херсонскаго губернатора графу Воронцову, въ томъ же году въ херсонской губерніи находилось запорожцевъ и некрасовцевъ, вышедшихъ изъ Турціи до общаго прихода турецкихъ Запорожцевъ въ Россію, подъ предводительствомъ Гладкаго, 67 душъ муж. и 11 д. жен. пола и, кромѣ того, 74 д. м. 11 жен. пола было такихъ, которые пожелали поселиться не въ Херсонской, а въ Таврической губерніи. Изъ тѣхъ и другихъ изъявили согласіе зачислиться въ Дунайскій полкъ 60 д. м., 6 д. ж. и 6 некрасовцевъ. Турецкіе запорожцы, кромѣ Черноморіи, жили въ разныхъ мѣстахъ Бессарабской области, въ Таврической и Херсонской губерніяхъ, а значительными группами въ Новопокровской колоніи и въ Керчъ-Еникольскомъ градоначальствѣ. Всѣхъ этихъ разсѣянныхъ запорожцевъ Государь разрѣшилъ Гладкому принимать въ Дунайское войско.

По этому поводу Новороссійскій генералъ-губернаторъ Воронцовъ писалъ въ августѣ 1828 г. Гладкому, что депутаты запорожцевъ, живущихъ въ Керчъ-Ениколѣ, Тимофей и Степанъ Сербины, Онуфрій Коссовскій и Федоръ Бойченко подали Государю прошенія о зачисленіи ихъ въ составъ запорожской команды, дѣйствовавшей противъ турокъ. Казаковъ набралось до 150, и Гладкому поручено было собрать, при проѣздѣ его черезъ Керчъ, свѣдѣнія о нихъ и составить списки. Гладкій исполнилъ это порученіе, и въ ноябрѣ 1828 г. дежурный въ главномъ штабѣ генералъ Потаповъ сообщилъ генералъ-губернатору, что Гладкій представилъ въ штабъ два списка проживавшихъ въ Керчъ-Ениколѣ семейныхъ и холостыхъ запорожцевъ,

желавшихъ поступить въ составъ запорожскихъ казаковъ“, т. е. въ формируемое Гладкимъ казачье войско.

Въ томъ же 1828 г. Гладкій 16 августа посѣтилъ Керчъ, переѣхалъ черезъ Тамань въ Анапу, 3 сентября отправился изъ Анапы въ Екатеринодаръ и 21 сентября выѣхалъ изъ Екатеринодара обратно въ Одессу. Какъ результатъ осмотра всѣхъ этихъ мѣстъ, была посылка прошенія на имя Государя объ организаціи запорожскихъ казаковъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Изъ запорожцевъ, вышедшихъ изъ за Дуная, долженъ былъ сформированъ пятисотенный полкъ.

2. Въ случаѣ недостачи наличнаго числа казаковъ до пятисотеннаго состава, полкъ могъ быть пополненъ запорожцами ушедшими изъ Турціи и жившими въ Бессарабіи, колоніи Новопокровской и въ Керчъ-Еникольскомъ градоначальствѣ.

3. Обмундировка полка, снабженіе его оружіемъ, жалованьемъ и пр. должны производиться на равнѣ съ пѣшими полками Черноморскаго казачьяго войска, съ назначеніемъ жалованья и полковому священнику.

4. Гладкому предоставляется право „избрать изъ почтеннѣйшихъ казаковъ“ есауловъ, сотниковъ и хорунжихъ.

5. Въ полкъ полагалось опредѣлить свѣдущаго по письменной части чиновника.

6. На разъѣзды по командировкѣ по дѣламъ службы Гладкому назначается особая сумма.

7. Полкъ снабжается медикомъ и фельдшеромъ, а больные казаки имѣютъ право поступать для пользованія въ военные госпитали.

8. „Неспособныхъ къ службѣ“ казаковъ Гладкій просилъ оставить за Дунаемъ до переселенія и устройства казаковъ служиваго состава близъ Анапы. Снабдивши оставшихся одеждою и обувью, которой они лишились во время войны съ турками, выдать 160 семействамъ и 50 холостымъ или сколько ихъ окажется за сформированіемъ полка по 25 р. на пропитаніе, а священнику 150 р. и двумъ діаконамъ по 50 рублей ассигнаціями каждому.

Гладкій лично былъ въ Петербургѣ и Государь утвердилъ всѣ его предположенія.

Изъ Петербурга Гладкій отправился въ Измаилъ къ формировавшемуся тамъ полку.

Между тѣмъ, обстоятельства слагались крайне неблагопріятно для осуществленія намѣченнаго Гладкимъ плана. Прилегавшія къ Анапѣ земли были заняты черкесами-натухайцами, и чтобы поселить на этихъ земляхъ запорожцевъ, пришлось бы силою согнать черкесовъ съ принадлежавшихъ имъ земель. Предположеніе о заселеніи анапскаго района запорожцами оказалось не осуществимымъ и Дунайскій полкъ не могъ двинуться съ мѣста. Повидимому, неудачу эту заранѣе предвидѣли нѣкоторые представители высшей власти. Еще постановленіемъ 28 сентября 1828 года комитетъ мини-

species стровъ рѣшилъ назначить для поселенія Дунайскаго полка особый участокъ земли гдѣ-либо на югѣ, по усмотрѣнію Новороссійскаго и Бесарабскаго генералъ-губернатора, но на этомъ постановленіи Императоръ Николай написалъ: „запорожцамъ слѣдуетъ тогда только отвести тутъ земли, ежели не будутъ поселены при Анапѣ.

Въ числѣ другихъ къ дѣлу о заселеніи запорожцами прианапскаго края былъ привлеченъ извѣстный поручикъ Новицкій, которому поручено составить описаніе мѣстности, предположенной къ заселеніи Усть дунайскимъ запорожскимъ полкомъ. Новицкій, съ свойственною ему энергіею, принялся за дѣло, велъ переписку съ наказнымъ атаманомъ Черноморскаго войска Безкровнымъ, собиралъ свѣдѣнія о населеніи сосѣднихъ мѣстностей, о климатическихъ условіяхъ и т. п. Но и изслѣдованія не помогли запорожцамъ. Свободной земли не было. При поселеніи казаковъ пришлось бы согнать съ насиженныхъ земель ихъ владѣльцевъ—натухайскихъ черкесовъ.

Но этого не удалось сдѣлать казакамъ и мѣстнымъ властямъ. Тогда возникло предположеніе о поселеніи запорожцевъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ. И это предположеніе также не могло быть осуществлено. По этому поводу графъ Воронцовъ писалъ 16 мая 1830 года, что пустопорожней земли при Днѣстровскомъ лиманѣ въ Бессарабіи нѣтъ ни одной десятины. Да запорожцевъ и нельзя было поселить здѣсь потому, что, въ силу карантинныхъ правилъ, по правую сторону р. Днѣстра и лимана казакамъ нельзя было бы ловить рыбу. Въ Аккерманскомъ уѣздѣ было много земель, но всѣ онѣ были безъ воды и для заселенія запорожцами непригодны. Воронцовъ склонялся къ той мысли, что удобнѣе и полезнѣе было бы поселить запорожцевъ при Анапѣ, при малѣйшей къ этому возможности. Временно же, пока не былъ разрѣшенъ этотъ вопросъ практически, ихъ можно было бы помѣстить у Керчи, гдѣ они найдутъ и рыбные промыслы. Но если бы у Керчи нельзя было временно устроить запорожцевъ, тогда слѣдовало отвести имъ квартиры въ Бессарабіи и отпускать провіантъ. Вообще, въ искупленіе тѣхъ неудобствъ, которыя терпѣли запорожскіе казаки, благодаря неопредѣленности своего положенія, имъ слѣдовало бы, по мнѣнію Воронцова, даровать семи или даже десятилѣтнюю льготу по отбыванію повинностей, выдавать провіантъ въ теченіе двухъ лѣтъ, отпустить деньги на постройку домовъ, на покупку воловъ и земледѣльческихъ орудій и даровыя сѣмена на посѣвъ. Если бы удалось поселить запорожцевъ при Анапѣ, то управленіе ихъ необходимо принаровить къ казачьему; а въ случаѣ временнаго оставленія ихъ въ Бессарабіи слѣдовало подчинить ихъ гражданскому управленію на правахъ мѣстныхъ обывателей. Рогатый скотъ, лошадей и овецъ Воронцовъ находилъ возможнымъ пропустить черезъ Дунай въ Бессарабію на пастбища, при соблюденіи карантинныхъ условій.

Такимъ образомъ, вмѣсто переселенія запорожцевъ въ Анапу явилась необходимость во временномъ поселеніи ихъ у Керчи, от-

куда уже предстояло передвинуться на анапскія земли. Поэтому, согласно волѣ Государя, Гладкому съ запорожцами приказано было временно размѣститься по квартирамъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ и отсюда послать депутатовъ для осмотра мѣстности возлѣ Керчи.

Но тутъ запротестовалъ уже самъ Гладкій. Узнавши о замедленіи въ дѣлѣ заселенія казаками Дунайскаго полка какой-либо опредѣленной мѣстности, онъ писалъ генералъ-губернатору Воронцову, что запорожцы будутъ поставлены въ крайне неудобное положеніе временнымъ пребываніемъ въ Бессарабіи. Хотя они и будутъ получать провіантъ для продовольствія, но у нихъ не окажется ни средствъ для жизни, ни продуктовъ, такъ какъ съ весны, въ ожиданіи скораго переселенія, они ничего не сѣяли. Лучше всего было бы идти имъ прямо въ Керчъ на мѣста, чтобы подготовиться къ веденію хозяйства съ слѣдующей весны. При томъ же часть запорожцевъ отправилась уже въ Керчъ на четырехъ лодкахъ по Черному морю еще до полученія распоряженія о зимовкѣ полка въ Бессарабіи. Послать же раньше депутатовъ для осмотра мѣстъ въ Керчи запорожцы считали безполезнымъ какъ вслѣдствіе проволочки въ времени, такъ и отсутствія такихъ свѣдущихъ между ними людей, на которыхъ спокойно могло бы положиться войско. Въ этихъ видахъ Гладкій просилъ распоряженія о свободномъ пропускѣ войска, въ количествѣ 275 семействъ, прямо въ Керчъ.

Съ доводами Гладкаго согласился графъ Воронцовъ. Сдѣлавши соотвѣтственныя распоряженія, онъ послалъ Гладкому подробный маршрутъ отъ Парканъ до Керчи, на протяженіи 757 верстъ, черезъ Николаевъ, Херсонъ, Бериславъ, Перекопъ, Симферополь и Феодосію. Дунайскому казачьему полку былъ открытъ свободный путь къ г. Керчи.

Переселеніе въ Керчъ турецкихъ запорожцевъ встревожило, однако, мѣстныя керченскія власти. Керчъ-Еникольскій градоначальникъ полковникъ Стемпковскій, узнавши объ этомъ, поспѣшилъ 1 сентября 1830 года извѣстить графа Воронцова, что въ Керчи, Еникоде и въ окрестныхъ хуторахъ не найдется квартиръ не только для запорожцевъ, но и для ста семей отставныхъ матросовъ, переселенныхъ сюда по Высочайшему повелѣнію изъ Севастополя; что для скота переселенцевъ негдѣ отвести пастбищъ; что въ текущемъ году, благодаря засухѣ, не уродились ни хлѣба, ни трава, и сѣна или соломы уже въ сентябрѣ трудно было достать даже по высокимъ цѣнамъ; что зимою, при этомъ условіи, запорожцамъ придется голодать, а скоту дохнуть отъ безкормицы; и что вообще такое переселеніе запорожцевъ на зиму къ Керчи будетъ крайне обременительно и для нихъ и для мѣстныхъ жителей. Въ виду этого, Стемпковскій предлагалъ перевести на зиму запорожцевъ въ казенныя селенія Херсонскй губерніи, гдѣ населеніе зажиточно и запорожцы найдутъ—и квартиры для войска, и кормъ для скота, и заработокъ для себя.

Стемпковскій сомнѣвался также, чтобы можно было найти возлѣ Керчи пустопорожнія земли для поселенія на нихъ запорожцевъ. Городу было отведено всего 13 тысячъ десятинъ земли, но изъ нихъ 9 тысячъ десятинъ было Высочайше пожаловано въ 1777 г. греческому обществу, а 4 тысячи десятинъ, съ солончаками и каменистыми мѣстами, отошло подъ городскіе выгоны. Свободной же земли совсѣмъ не было.

Между тѣмъ и выступленіе запорожцевъ изъ селенія Раи, гдѣ они находились, тормозилось. Чтобы перейти Дунай, требовалось выдержать карантинъ и пока выполнялись карантинныя требованія, наступилъ сентябрь, и 7 сентября Гладкій писалъ Воронцову, что достичь Керчи нынѣшнею осенью не удастся Дунайскому полку „по причинѣ холодовъ и неимѣнія у большей части запорожцевъ теплаго одѣянія“. Гладкій просилъ разрѣшить войску перезимовать на лѣвой сторонѣ Днѣстра въ казенныхъ селеніяхъ—Большой и Малой Лепатихахъ, въ Каирахъ, Михайловкѣ и др. Въ это время въ составъ войска входило уже 364 семействъ и 316 казаковъ-одиночекъ или всего 1048 д. м. и 668 д. женскаго пола, съ 1410 штуками крупнаго скота.

Въ октябрѣ 1830 г. Гладкій рапортовалъ г.-л. Красовскому, исправлявшему обязанности Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, что онъ прибылъ съ полкомъ на зимнія квартиры въ Днѣпровскій уѣздъ, размѣстилъ полкъ временно въ селеніяхъ Каиры, Любоміровкѣ, Рубановкѣ и др. и просилъ оставить полкъ на зимовку въ этихъ селеніяхъ, расположенныхъ по Днѣпру, такъ какъ многіе запорожцы люди семейные и нуждаются въ устройствѣ семьи на зимнее время, въ топливѣ и въ кормѣ для скота, который могли дать днѣпровскіе камыши.

Въ то же время 20 октября Стемпковскій донесъ генералъ-губернатору, что изъ запорожцевъ, отправлявшихся въ Керчъ моремъ, прибыло только 18 человѣкъ и 20 человѣкъ осталось изъ прежнихъ партій, не успѣвшихъ явиться въ полкъ, при его формированіи. Послѣдніе имѣли дома и хозяйственное обзаведеніе въ Керчи, Ростовѣ и въ Черноморіи, а вновь прибывшіе размѣстились по рыбнымъ заводамъ. Ни тѣ, ни другіе запорожцы не нуждаются въ казенномъ провіантѣ, но если потребуютъ его, то имъ будетъ отпущенъ немедленно хлѣбъ.

Пока все это происходило, Гладкій не терялъ времени и разъѣзжалъ по разнымъ мѣстамъ, отыскивая удобныя земли подъ поселеніе войска. Какъ видно изъ рапорта его отъ 19 декабря 1830 г. онъ побывалъ въ Маріуполѣ, въ Таганрогѣ и Одессѣ, издержалъ, кромѣ полученныхъ отъ казны денегъ, еще своихъ 647 р. на прогоны „при осмотрѣ земель къ поселенію запорожцевъ“. Поѣздки эти казачій атаманъ совершалъ по личному распоряженію графа Воронцова и его поиски свободныхъ земель увѣнчались успѣхомъ. Въ Маріупольскомъ округѣ оказалась Бердянская пустошь въ 43141

дес., удобная для поселенія на ней запорожцевъ. Гладкій составилъ по этому поводу записку, въ которой просилъ поселить на отысканной имъ землѣ запорожцевъ, даровавши имъ рядъ льготъ, и въ томъ числѣ право свободной продажи вина. Воронцовъ призналъ всѣ льготы, испрашиваемыя Гладкимъ для войска, полезными, но вольную продажу вина находилъ неподходящею для казаковъ. Взамѣнъ того, онъ предполагалъ отдавать въ откупъ виноторговлю на земляхъ Дунайскаго полка, а получаемыя съ откупа деньги отдавать, по расчету на каждое селеніе войска, „въ общественный запорожцевъ доходъ".

Все это были, такъ сказать, только предварительныя соображенія о будощности войска, которое, зимуя въ чужомъ краю, находилось въ неопредѣленномъ положеніи. Гладкій тѣмъ не менѣе зорко слѣдилъ за интересами своего полка и въ тѣхъ случаяхъ, когда они нарушались, энергично отстаивалъ ихъ. Когда Херсонское рекрутское присутствіе отдало въ солдаты запорожца Пономаренка, бывшаго раньше мѣщаниномъ г. Бериславля, Гладкій потребовалъ немедленнаго возвращенія его въ войско. Иронизируя на счетъ „дружескаго соглашенія херсонскаго рекрутскаго присутствія съ бериславскими мѣщанами", пожелавшими отправить запорожца въ солдаты, въ зачетъ своихъ рекрутовъ, онъ удивлялся, какъ это мѣстные начальники не знали, что Пономаренко запорожецъ, когда самъ Гладкій извѣстилъ ихъ объ этомъ. Основываясь на томъ, что всѣ запорожцы, бѣжавшіе въ Турцію, прощены были Государемъ, Гладкій требовалъ, чтобы „воля Государя не перемѣнялась" чиновниками.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Пономаренко не былъ возращенъ въ войско. Въ мартѣ 1831 года Гладкій вновь напомнилъ Новороссійскому и Таврическому генералъ-губернатору о случаѣ съ запорожцемъ Пономаренкомъ. Подъ вліяніемъ этого случая, писалъ казачій полковникъ, запорожцы снова начали убѣгать въ Турцію, опасаясь, какъ бы и имъ не выпала участь Пономаренка. Побѣги могли участиться именно благодаря наглядному примѣру безцеремоннаго обращенія съ казаками Дунайскаго полка. Въ маѣ того же года Гладкій жаловался графу Палену, исполнявшему обязанности генералъ-губернатора, что его предмѣстникъ по замѣщенію генералъ-губернаторской должности не отвѣтилъ даже на его представленія по этому предмету, сдѣланныя пять мѣсяцевъ тому назадъ. Неправильно взятый въ рекруты запорожецъ Пономаренко оставался въ солдатахъ. Другой запорожецъ Чалый, прослужившій 30 лѣтъ въ войскѣ, былъ взятъ и отправленъ противъ его желанія на родину для водворенія. Гладкій просилъ ускорить движеніе обоихъ дѣлъ и добился впослѣдствіи возвращенія въ войско Чалаго и Пономаренка. Когда Чалый, взявшій въ Кіевской губерніи свидѣтельство на три мѣсяца, явился въ войско, то Гладкій, оставивши его у себя, сообщилъ объ этомъ генералъ-губернатору и просилъ его

взыскать съ херсонскаго губернскаго правленія за убытки, причиненные Чалому, по 2 рубля ассигнаціями въ день, какъ суточный его заработокъ, за все время съ 28 октября 1830 г. по 18 марта 1831 г. Пономаренко же былъ возвращенъ на счетъ виновныхъ.

Въ „докладной запискѣ полковника Гладкаго о водвореніи запорожскихъ казаковъ при Маріуполѣ“, помѣченный 21 декабря 1831 г., бывшій кошевой Турецкой Запорожской Сичи подробно изложилъ тѣ условія, которыя были необходимы, по его мнѣнію, для существованія предводимыхъ имъ запорожскихъ казаковъ.

По мнѣнію Гладкаго, запорожцамъ слѣдовало отдать подъ поселеніе всю Бердянскую пустошь, по расчету на 1648 душъ муж. пола. Но одной Бердянской пустоши было недостаточно для казаковъ. Ее не хватало на надѣленіе землей 17 казачьихъ оберъ-офицеровъ и, кромѣ того, въ войско могли явиться изъ Константинополя новые запорожцы. Нужно было обезпечить землей тѣхъ и другихъ.

Такъ какъ на всей Бердянской пустоши было только два, „съ текучею водою и рудниками“, удобныхъ мѣста подъ селенія, то запорожцамъ слѣдовало отдать 4 изъ 12 дес. земли, предназначенной для селенія израильскихъ христіанъ и примыкавшей къ границѣ Бердянской пустоши.

На сооруженіе церкви, постройку домовъ, покупку воловъ, возовъ, плуговъ и пр. Гладкій просилъ выдать изъ казны 81260 р.

Войску должны быть предоставлены—или вольная продажа вина или соотвѣтственныя поступленія въ пользу казаковъ отъ откупной продажи вина.

Для вырубки сохъ, перекладинъ и хвороста на строенія войску слѣдовало разрѣшить въ теченіе трехъ лѣтъ свободный въѣздъ въ казенные лѣса Бахмутскаго уѣзда.

Безусловно необходимо также разрѣшить казакамъ постройку рыболовныхъ избъ и сараевъ на берегу Азовскаго моря, между рѣкою Бердою и землями Маріупольскихъ грековъ, и ловить безпошлинно рыбу.

Для нуждъ семьи и хозяйства требовался безпошлинный отпускъ соли изъ Крымскихъ соляныхъ озеръ или изъ Черноморіи по три пуда на душу.

„Для улучшенія имущественнаго состоянія“ казакамъ должны быть дарованы десятилѣтнія льготы отъ всѣхъ земскихъ повинностей.

Обмундировка Дунайскаго пѣшаго пятисотеннаго полка должна производиться за счетъ казны, а если потребуются лошади, то и онѣ пріобрѣтаются на казенный счетъ.

Полкъ получаетъ отъ казны провіантъ до снятія казаками перваго посѣва хлѣбовъ.

Дунайскій полкъ долженъ получить названіе войска, а его командиръ переименовывается въ наказные атаманы.

Въ отношеніи управленія войско подчиняется Новороссійскому генералъ-губернатору и подлежащимъ судебнымъ учрежденіямъ, но всѣ распоряженія по войску и судебныя опредѣленія предварительно должны быть сообщены наказному атаману.

Должностныя мѣста по войску предоставляются исключительно казачьимъ чиновникамъ; но войску разрѣшается также принять на службу въ канцелярію нѣсколько лицъ опытныхъ въ письмоводствѣ не изъ казачьяго сословія.

На чрезвычайные расходы и столовые наказному атаману должны быть ассигнованы казенныя суммы, а также назначены для войска медикъ и два фельдшера.

Такими въ сущности скромными требованіями Гладкій хотѣлъ обезпечить самостоятельное существованіе войска, образованнаго имъ запорожцевъ, вышедшихъ изъ Турецкой Запорожской Сичи, гдѣ тотъ же Гладкій былъ и кошевымъ атаманомъ. Завѣтною мечтою турецкаго кошевого было остаться въ той-же роли и съ переходомъ казаковъ въ Россію. Для этого требовалось образовать изъ запорожцевъ самостоятельное войско.

Въ маѣ 1831 г. Высочайше было разрѣшено перевести Дунайскій полкъ изъ Днѣпровскаго уѣзда къ г. Маріуполю, гдѣ находилась Бердянская пустошь, и 25 мая исполнявшій обязанности генералъ-губернатора графъ Паленъ просилъ военнаго министра графа Чернышева ускорить переселеніе запорожцевъ изъ Днѣпровскаго уѣзда на дарованную имъ землю въ Екатеринославскую губернію. Самый же проектъ о водвореніи запорожцевъ въ Новороссійскомъ краѣ былъ Высочайше утвержденъ 5 августа 1831 г.

Запорожцы, однако, не сразу были двинуты на свои мѣста. Въ іюлѣ Гладкій просилъ Палена ускорить передвиженіе Дунайскаго полка къ Маріуполю, чтобы тѣмъ дать возможность казакамъ приступить къ устройству хозяйства и запашкамъ на зиму съ сентября мѣсяца. Казаки, жаловался Гладкій, окончательно обезсилѣли экономически и измотались нравственно за три года ожиданій. Такимъ положеніемъ запорожцевъ Гладкій объяснялъ и значительную убыль населенія въ войскѣ. Изъ 168 душъ, которыя убыли въ служиломъ составѣ полка, только нѣсколько человѣкъ умерло. Остальные же бѣжали въ Турцію, гдѣ осталось у нихъ имущество и давались имъ денежныя пособія для обзаведенія хозяйствомъ у крѣпости Варны. Чтобы прекратить дальнѣйшіе побѣги казаковъ изъ полка Гладкій считалъ настоятельно необходимымъ скорѣйшее передвиженіе запорожцевъ къ Маріуполю, подальше отъ турецкой границы. Особенно велика убыль была въ той части запорожскихъ казаковъ, которые находились сначала на Гирсовой переправѣ въ княжествѣ Валахіи, а потомъ перешли въ Измаилъ. Исправлявшій обязанности полковаго командира есаулъ Дьяченко доносилъ Гладкому, что убыль казаковъ шла непрерывно. Въ іюлѣ мѣсяцѣ умерло 10 человѣкъ и бѣжали въ Турцію 27 человѣкъ, а всего убыло

206 человѣкъ и осталось на лицо 324 казака. Гладкій просилъ начальство передвинуть полкъ въ русскія владѣнія подальше отъ турецкой границы.

И не смотря на все это, главныя силы запорожцевъ продолжали оставаться въ Днѣпровскомъ уѣздѣ на временныхъ квартирахъ, а остальная часть служилыхъ казаковъ на Дунаѣ. Гладкій употреблялъ всевозможныя условія, чтобы скорѣе занять найденныя имъ пустующія земли. Въ началѣ сентября онъ отправился въ Екатеринославъ для совѣщаній съ мѣстнымъ вице-губернаторомъ по этому вопросу. Избраны были мѣста и селенія для зимнихъ квартиръ подъ Дунайскій полкъ. Выступить изъ Днѣпровскаго уѣзда предположено пятью отдѣльными партіями, на которыя были раздѣлены 395 семействъ и 317 одиночекъ-казаковъ. Рѣшено было выдать провіантъ казакамъ на два мѣсяца впередъ и назначать для перевозки тяжестей по 60 подводъ отъ обывателей на всемъ пути слѣдованія. Наконецъ, 20 декабря 1831 г. Гладкій донесъ графу Палену, что Дунайскій полкъ прибылъ этого числа къ мѣсту поселенія его и расквартированъ на зиму по селеніямъ.

Одновременно съ этимъ выяснялись тѣ практическія условія и внѣшняя обстановка, при наличности которыхъ должно было начать свое существованіе новое казачье войско. Правительствомъ были положены въ основу организаціи войска и утверждены съ нѣкоторыми измѣненіями всѣ тѣ условія, которыя были намѣчены Гладкимъ въ его запискѣ отъ 21 декабря 1831 г. Отведено было требуемое количество земли, утверждена денежная субсидія, но въ размѣрѣ лишь 50000 р., а не 81260 р., какъ исчислялъ Гладкій, принято было большинство остальныхъ условій, но понижена норма безпошлинной соли съ 3 пудовъ на 2 пуда на душу. Войско было названо Азовскимъ казачьимъ войскомъ, а его начальникъ—наказнымъ атаманомъ.

Водвореніе запорожцевъ на мѣстѣ поручено было графу Палену, на котораго возложено было подробное установленіе распорядковъ въ войскѣ по внутреннему управленію и судопроизводству, а также по обезпеченію казаковъ аммуниціею отъ казны на первое время. Личное участіе въ дѣлѣ графа Палена было очень ограничено. Извѣщая Гладкаго о невозможности назначить деньги на непредвидѣнные расходы, въ виду полной неопредѣленности ихъ, и объ отказѣ министра финансовъ войску въ вольной продажѣ вина, графъ Паленъ предложилъ Гладкому „войти въ соглашеніе“ съ Екатеринославскимъ вице-губернаторомъ какъ по вопросу о переходѣ казаковъ на пожалованную землю, такъ и о временномъ водвореніи ихъ въ ближайшихъ казенныхъ селеніяхъ.

Въ декабрѣ 1831 г. Государь приказалъ освободить Дунайскій полкъ отъ службы во флотиліи и водворить его на войсковыхъ земляхъ близъ г. Маріуполя. Вскорѣ затѣмъ выработаны были штаты Азовскаго войска съ расходами на нихъ въ 9000 р., изъ кото-

рыхъ въ частности 3100 р. предназначалось на войсковой штабъ, 1800 р. на войсковое правленіе, 1600 р. на полицію и 2500 р. на канцелярію при наказномъ атаманѣ. Штаты были установлены примѣнительно къ проекту, выработанному вице-губернаторомъ Ивановымъ и одобренному наказнымъ атаманомъ Гладкимъ.

По этому проекту, управленіе Азовскимъ войскомъ дѣлилось на военную и гражданскую части. Военною частью вѣдалъ штабъ, а гражданскою—войсковое правленіе, судъ и полиція.

Въ составъ войсковаго правленія входили президентъ, два выборныхъ отъ чиновниковъ члена, секретарь и писцы.

Войсковой судъ составлялся изъ трехъ членовъ, избираемыхъ обществомъ войсковыхъ чиновниковъ на три года и утверждаемыхъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Получившій наибольшее число голосовъ при выборахъ членъ считался предсѣдателемъ суда. Суду подлежали уголовныя и гражданскія дѣла въ объемѣ компетенціи уѣзднаго суда.

Наконецъ, полиція состояла изъ двухъ есауловъ—старшаго или полицмейстера и младшаго или заступающаго мѣсто полицмейстера, и находилась въ распоряженіи наказнаго атамана.

Наказный атаманъ былъ главою войска и предсѣдательствовалъ во всѣхъ казачьихъ учрежденіяхъ. По суду же онъ наблюдалъ затѣмъ, чтобы не задерживались судебныя дѣла. При равенствѣ голосовъ въ коллегіальныхъ засѣданіяхъ, рѣшающей признавалась та сторона, на которой былъ наказный атаманъ. Если же атаманъ оставался въ меньшинствѣ, но свое мнѣніе доводилъ до свѣдѣнія Государя, то рѣшеніе приводилось въ исполненіе въ томъ видѣ, какой придавалъ ему атаманъ.

Проектъ о штатахъ по управленію Азовскимъ войскомъ былъ препровожденъ въ Петербургъ въ военное министерство. Въ февралѣ 1832 г. управляющій главнымъ военнымъ штабомъ сообщилъ новороссійскому генералъ-губернатору, что проектъ положенія о водвореніи запорожскихъ казаковъ онъ доложилъ Государю, который приказалъ, взамѣнъ штаба, войсковаго правленія и полиціи, учредить одну войсковую канцелярію, какъ это ведется въ Астраханскомъ войскѣ, на основаніи положенія отъ 17 мая 1817 года. Вслѣдствіе этого, дѣла гражданскія и уголовныя подлежали вѣдѣнію ближайшаго Александровскаго уѣзднаго суда, и только дѣла по воинской дисциплинѣ и право нарушеніямъ разрѣшались военносудною комиссіей. Вообще въ вѣдѣніи этой комиссіи находились всѣ дѣла и проступки военно-служащихъ казаковъ. По штату же Астраханскаго казачьяго войска, въ составъ войсковой канцеляріи входили предсѣдатель—наказный атаманъ, одинъ непремѣнный членъ, три ассесора, секретарь и канцелярскіе служителя, при общемъ расходѣ на канцелярію 4000 рублей въ годъ.

Примѣнительно къ отмѣченному выше указанію Государя, выработано было потомъ „положеніе о водвореніи запорожскихъ

казаковъ въ Новороссійскомъ краѣ“, Высочайше утвержденное 27 мая 1832 г. Въ іюнѣ того же года положеніе это было препровождено къ Гладкому и ему приказано было организовать войсковую канцелярію, принять отъ гражданскаго вѣдомства посадъ Петровскій, мѣщане котораго были обращены въ казаковъ, и приступить къ устройству двухъ селеній для казаковъ. Въ проэктъ вошли всѣ прежнія положенія объ устройствѣ запорожскихъ казаковъ, съ очень немногими измѣненіями. Важнѣйшимъ нововведеніемъ въ проэктѣ было обращеніе 238 душъ мѣщанъ посада Петровскаго въ казаковъ. Вмѣстѣ съ посадомъ въ войско перешли 4000 десятинъ принадлежавшей посаду земли, рыбные заводы и камышевыя плавни. Благодаря этому, казаки имѣли свободный доступъ къ морю и рыболовнымъ водамъ и были обезпечены камышемъ, какъ топливомъ и строительнымъ матеріаломъ. Обмундированіе казаковъ, покупка лошадей, въ случаѣ нужды, и фуражъ для нихъ на счетъ казны обезпечены были войску по новому положенію на цѣлое десятилѣтіе. Точно также, взамѣнъ вольной продажи вина, войску предоставлено было право получать вырученные съ откуповъ доходы.

Такимъ образомъ, послѣднимъ законодательнымъ актомъ— положеніемъ объ Азовскомъ войскѣ 27 мая 1832 г., казаки поставлены были въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ положеніями предшествующими. Войско получило больше земли, свободный доступъ къ Азовскому морю, болѣе продолжительный срокъ на полученіе отъ казны обмундированія. Но, при всемъ этомъ, закономъ безповоротно были погребены казачьи обычаи по выбору кошевого атамана, войсковой старшины и по самоуправленію. Азовское казачье войско сразу же было превращено въ военно-административную единицу.

У войска начались работы по устройству селеній и хозяйственныхъ обзаведеній. Кромѣ посада Петровскаго, долженствовавшаго перейти въ войско, казаки намѣтили два пункта для поселеній— на р. Кальчикъ основано было селеніе подъ названіемъ Никольска и на р. Солоной селеніе Покровское. Въ Никольскѣ рѣшено было учредить и войсковое управленіе. При возведеніи строеній казаки сильно нуждались въ камышѣ для крышъ и огорожи. Поэтому, Гладкій просилъ генералъ-губернатора ускорить передачу войску посада Петровскаго, которому принадлежали камыши. Но мѣстная администрація медлила съ передачей. Въ томъ же году 17 октября Гладкій донесъ генералъ-губернатору, что посадъ Петровскій все еще не былъ переданъ войску и что на его представленія по этому предмету губернаторъ и губернское правленіе даже ничего не отвѣтили. Такъ какъ у казаковъ не были покрыты хаты, а рыбаки-казаки лишены были возможности ловить рыбу, то наказный атаманъ послалъ въ посадъ казачью команду, съ офицеромъ во главѣ, и распорядился, чтобы казаки приступили къ снятію камыша, а рыбаки къ рыболовнымъ занятіямъ, подъ надзоромъ офицера и команды. И снова казачій атаманъ просилъ генералъ-губернатора

побудить гражданское начальство къ скорѣйшей передачѣ войску посада Петровскаго.

Въ октябрѣ 1832 г. была открыта войсковая канцелярія. Въ началѣ декабря того же года Гладкій донесъ генералъ-губернатору, что въ войско прибылъ переведенный изъ Брянскаго пѣхотнаго полка протоіерей Чичкевичъ. И наказный атаманъ, и азовскіе казаки заботились о привлеченіи въ войско своего духовенства. Въ Азовскомъ войскѣ было три іеромонаха, пришедшіе съ запорожцами изъ Турціи. Одинъ изъ нихъ находился при служиломъ составѣ войска, а двое другихъ жили съ семьями казаковъ и были до нельзя дряхлы и слабы здоровьемъ. Взамѣнъ ихъ Гладкій просилъ генералъ-губернатора прислать имъ священника. Когда въ войско прибылъ протоіерей Чичкевичъ, Гладкій снова просилъ начальство назначить, кромѣ него, еще одного священника и перечислить въ войско церковный причтъ посада Петровскаго, а стариковъ монаховъ помѣстить, согласно ихъ желанію, на покой въ монастыри Черноморскій Екатерино-Лебяженскій или въ Каменецъ-Подольскій.

Въ февралѣ 1833 г., изъ Тираспольскаго военнаго госпиталя переведены были въ войско штабъ-лѣкарь Голицинскій и два фельдшера. А въ сентябрѣ того же года въ войско было перечислено еще одно селеніе—Новопокровское.

Такъ осѣдало и съорганизовывалось Азовское казачье войско.

Но прежде, чѣмъ описывать внутреннее состояніе войска, необходимо остановиться на заселеніи Анапы и прелегающихъ къ ней земель, т. е. на задачѣ, которую предстояло разрѣшить запорожскимъ казакамъ, ушедшимъ изъ Турціи, но которую разрѣшили вмѣсто нихъ другіе поселенцы, хотя, быть можетъ, и не безъ участія запорожцевъ.

Усиленіе Анапы и заселеніе ея окрестностей русскими элементами составляло предметъ особыхъ заботъ военнаго начальства. Въ историческихъ матеріалахъ не сохранилось достаточно данныхъ, по которымъ можно было бы прослѣдить постепенный ходъ заселенія анапскаго района, но есть отрывочныя указанія объ отдѣльныхъ моментахъ этой полувоенной колонизаціи.

На поселеніе къ Анапѣ шли, повидимому, отдѣльныя партіи вольныхъ переселенцевъ. Въ 1830 г. графъ Паскевичъ предложилъ заранѣе выстроить 100 домовъ для переселенцевъ. Нѣсколько ранѣе по распоряженію графа Паскевича, въ виду предположеннаго поселенія между Кубанью и Анапой 2000 душъ бывшихъ запорожцевъ изъ Устьдунайскаго казачьяго войска, приказано было снабдить конвоемъ поручика Новицкаго для осмотра мѣстности. Въ 1832 г. назначено было къ переселенію въ Анапу 150 семействъ малорусскихъ казаковъ. Переселенцы должны были слѣдовать изъ Кременчуга черезъ Керчь и Тамань въ Анапу. Имъ разрѣшена была выдача казеннаго провіанта на всемъ пути слѣдованія и ассигнованы были даже деньги на подмазку подводъ. Эти ли переселенцы

или другіе явились въ Анапу двумя партіями— одна состояла изъ 134 семей и другая изъ 66 семей, но въ Анапѣ не оказалось достаточно помѣщеній для прибывшихъ переселенцевъ. Наказный атаманъ Черноморскаго войска Заводовскій распорядился о размѣщеніи анапскихъ переселенцевъ въ Черноморскихъ куреняхъ или станицахъ. Одна часть переселенцевъ временно помѣстилась въ куреняхъ Вышестебліевскомъ, Старотитаровскомъ и Ахтанизовскомъ, въ ожиданіи постройки помѣщеній для нихъ въ Анапѣ, а другая часть отправилась въ Черноморію на заработки. Въ перепискѣ по этому поводу анапскіе переселенцы именуются „мастеровыми казаками".

Въ мартѣ 1834 г. капитанъ Новиковъ, плацъ-майоръ Анапы, просилъ командующаго Черноморскою линіею г.-л. Малиновскаго объ отводѣ на Джеметеѣ мѣста подъ огороды переселенцамъ изъ Малороссіи въ Анапу, крайне нуждающимся въ этомъ. Въ слѣдующемъ 1835 г. согласно Высочайшему повелѣнію, приказано купить для анапскихъ переселенцевъ, не имѣющихъ скота, 19 паръ воловъ. По одной изъ бумагъ значится, что къ февралю 1835 г. прибыло въ Анапу 119 семействъ малорусскихъ переселенцевъ, зачисленныхъ въ казаки. Въ 1836 г, по распоряженію барона Розена, для облегченія затруднительнаго положенія анапскихъ переселенцевъ, жившихъ въ Анапѣ и въ Джеметейскомъ укрѣпленіи, приказано продлить срокъ выдачи паспортовъ для заработковъ въ Черноморіи. Въ этомъ году анапскіе переселенцы жили главнымъ образомъ въ Ахтанизовскомъ, Старотитаровскомъ, Петровскомъ, Темрюкскомъ и Полтавскомъ куреняхъ, и тотъ же баронъ Розенъ распорядился, чтобы престарѣлые анапскіе переселенцы были возвращены на родину. Февраля 2-го 1837 г. баронъ Розенъ приказалъ поселить станицею близъ Витязевой балки, между Анапой и Джиметейскимъ укрѣпленіемъ, 200 семействъ переселенцевъ. Станицу эту рѣшено укрѣпить, а разсѣянныхъ по Черноморіи переселенцевъ постепенно собрать и водворить. А въ апрѣлѣ того же 1837 г. исполнявшій обязанности коменданта Анапы полковникъ Конифолоцкій сообщилъ наказному атаману Черноморскаго войска Заводовскому имена и фамиліи тѣхъ лицъ, которыхъ онъ назначилъ станичными атаманами въ станицы Николаевскую, Благовѣщенскую и Витязеву.

Такимъ образомъ, въ 1837 г. появились первыя анапскія станицы. Витязевская станица основана была въ этомъ году и для заселенія ея требовалось собрать 150 семействъ анапскихъ переселенцевъ. Станица Николаевская находилась на мѣстѣ нынѣшней Анапской станицы и станица Благовѣщенская тамъ, гдѣ расположена и нынѣ станица того названія. Что касается переселенцевъ, то они находились въ очень тяжелыхъ условіяхъ и жили внѣ своего района заработками въ черноморскихъ станицахъ. Въ 1836 г. были розданы черноморскимъ казакамъ на воспитаніе сироты анапскихъ переселенцевъ, а относительно самихъ переселенцевъ былъ принятъ рядъ мѣръ по водворенію ихъ на мѣста, назначенныя для поселенія.

Въ 1837 г. Императоръ Николай 1-й запретилъ переселенцамъ отлучаться изъ Анапы. Въ 1838 г. генералъ Заводовскій строжайше предписывалъ розыскать анапскихъ переселенцевъ по Черноморскимъ куренямъ и водворить ихъ во вновь заведенныя близъ Анапы станицы. Очевидно, переселенцы съ неохотою шли въ эти станицы, разъ требовалось розыскивать и силою водворять этихъ людей. Чтобы найти сюда подходящихъ поселенцевъ, самъ Императоръ Николай подалъ мысль въ 1837 г. о привлеченіи въ Анапскій районъ черноморскихъ казаковъ, назначивши имъ 100 рублей единовременнаго пособія на дворъ и трехлѣтнюю льготу отъ военной службы. Тѣмъ не менѣе, Анапа притягивала все таки вольныхъ поселенцевъ и въ числѣ ея жителей были бѣглые помѣщичьи крестьяне и разнаго рода искатели приключеній. Въ 1837 г. Императоръ Николай приказалъ отыскать межъ анапскими переселенцами бѣглыхъ изъ слободы Мамоновки, Павловскаго уѣзда, дьячка и бѣжавшихъ съ нимъ крестьянъ.

Наконецъ, въ 1844 г. Новороссійскій и Бессарабскій генералъ-губернаторъ извѣстилъ 4 апрѣля начальника Черноморской береговой линіи, что, въ виду усилившихся стѣсненій въ земельныхъ угодьяхъ у населенія Азовскаго войска, Государь Императоръ приказалъ позаботиться о переселеніи азовскихъ казаковъ въ окрестности Анапы къ поселеннымъ уже тамъ казачьимъ станицамъ. Новороссійскому генералъ-губернатору поручено было узнать у азовскихъ казаковъ, пожелаютъ ли они воспользоваться этимъ переселеніемъ. Многіе изъ казаковъ, узнавши объ этомъ, изъявили желаніе перейти къ Анапѣ. Вслѣдствіе этого генералъ-губернаторъ приказалъ наказному атаману Азовскаго войска генералъ-майору Гладкому избрать изъ среды казаковъ 8 депутатовъ и послать ихъ, согласно воли Государя, въ окрестности Анапы для ознакомленія съ мѣстностью и землями. Депутаты должны были явиться въ Керчъ къ начальнику Черноморской береговой линіи, которому въ свою очередь поручено было оказать имъ всякое содѣйствіе. Подъ поселеніе предполагалось взять земли у натухайцевъ, ближайшія къ Анапѣ и казачьимъ станицамъ. Азовское казачье войско въ это время прожило болѣе 10 лѣтъ въ роли самостоятельной военной общины. И, однако, и на этотъ разъ переселеніе Азовскаго войска за Кубань не состоялось. Прошло еще два десятилѣтія прежде чѣмъ оно перешло на прикубанскія земли въ полномъ своемъ составѣ.

Къ времени заселенія Анапы и ея района малороссійскими выходцами, Азовское войско успѣло сформироваться окончательно. Въ августѣ 1832 г. въ немъ числилось 516 семействъ съ 835 душами муж. и 784 д. женскаго пола; служилый же составъ войска состоялъ изъ 5 сотенъ, въ которыхъ числилось 10 оберъ-офицеровъ, 9 урядниковъ и 311 казаковъ. Черезъ два года, когда къ Азовскому войску присоединено было село Новоспасское, въ войскѣ было уже 971 семейство, 2661 д. муж. и 2284 д. жен. пола. Въ

войскѣ существовали свои учрежденія, власти и слагалась казачья жизнь, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ.

Первые шаги войска въ этомъ направленіи не обошлись безъ осложненій въ отношеніяхъ казаковъ къ сосѣднимъ жителямъ и къ мѣстнымъ гражданскимъ властямъ. Послѣднія, по очень понятной причинѣ, отнеслись къ бывшимъ запорожцамъ, какъ къ чуждымъ пришельцамъ, огражденнымъ къ тому же нѣкоторыми военными привиллегіями. Еще 5 марта 1832 г. Новороссійскій генералъ-губернаторъ писалъ Гладкому, что, со времени прибытія въ Александровскій уѣздъ Азовскаго казачьяго войска, здѣсь появилось много бродягъ. Земская полиція задержала ихъ до 200 душъ. Такъ какъ войско не устроилось еще, какъ слѣдуетъ, то генералъ-губернаторъ разрѣшилъ уѣздной полиціи розыскивать бродягъ и въ мѣстахъ расположенія азовскихъ казаковъ, о чемъ онъ и извѣщалъ войско. На это черезъ нѣсколько дней Гладкій отвѣтилъ генералъ-губернатору, что бродяги дѣйствительно пойманы, но не земскою полиціею, а казаками. Раньше здѣсь свободно проживали бродяги и полиція не задержала ни одного. Задержанные же въ войскѣ бродяги переданы были казаками земской полиціи, которая, скрывая это обстоятельство, явно желала навлечь подозрѣніе на войско, не совершившее ни одного проступка въ этомъ отношеніи. Наѣздамъ земской полиціи въ казачьи поселенія и розыску бѣглыхъ никто не препятствовалъ. Гладкій просилъ генералъ-губернатора, чтобы онъ запретилъ земской полиціи самовольно распоряжаться на казачьихъ земляхъ и чтобы каждый разъ полиція, посѣщая войско, являлась къ наказному атаману и сообщала о цѣляхъ своего пріѣзда, а разслѣдованія производила вмѣстѣ съ чиновникомъ, командируемымъ отъ войска.

Отвѣтъ этотъ казачьяго атамана не исключалъ самого факта побѣговъ къ казакамъ помѣщичьихъ крестьянъ. Еще въ октябрѣ 1832 г. было выяснено гражданскими властями, что, съ прибытіемъ въ край Дунайскаго казачьяго войска, между мѣстными помѣщичьими крестьянами быстро разнесся слухъ, что всѣ, кто съумѣетъ пристать къ запорожцамъ, получатъ свободу и будутъ зачислены въ казаки. Побѣги помѣщичьихъ крестьянъ, поэтому, участились, и весьма возможно, что нѣкоторые изъ бѣглецовъ успѣли попасть въ составъ войска. Но здѣсь такіе случаи носили характеръ единичныхъ и исключительныхъ явленій, и бѣглецы не находили той поддержки, какую въ свое время оказывали имъ Запорожская Сичь и въ первое время Черноморское войско. Азовское казачье войско нельзя было упрекнуть въ попустительствѣ бѣглецамъ. Но въ самомъ войскѣ крылись причины недовольства казаковъ занятымъ ими положеніемъ. Недовольство это могло повести къ бѣгству казаковъ изъ войска и выразилось въ осложненіяхъ его внутренней жизни, едва не перешедшихъ въ форменный казачій бунтъ.

Въ 1833 г. казаки занесли жалобу на Гладкаго генералъ-губернатору о томъ, что они нуждаются въ землѣ, а между тѣмъ, лучшія земли сданы Гладкимъ въ аренду для приращенія войсковыхъ доходовъ. Гладкій въ своихъ объясненіяхъ генералъ-губернатору указалъ на то, что въ 1833 г. былъ общій недородъ хлѣба и травъ и что сдача въ аренду земли тутъ не причемъ. Казаки, добавлялъ онъ, привыкшіе къ своевольству въ Турціи, и здѣсь бунтуютъ. Ими руководитъ священникъ Чернявскій, писавшій прошеніе ген.-губернатору. Неспокойные казаки подговариваютъ и другихъ казаковъ бросить землю на Бердѣ и идти въ Анапу. Надо, убѣждалъ начальство Гладкій, усмирить казаковъ и заставить ихъ прочно обзаводиться осѣдлостью на пожалованной землѣ.

Но казаки думали по своему, возлагая надежды на начальство и законъ. Въ іюнѣ и августѣ они подали два прошенія. Первое подписано 138 чел.. а второе 190. Одно это уже указывало на то, что дѣло было не такъ просто, какъ объяснялъ Гладкій. Казаки, въ сущности, не жаловались на Гладкаго. Только въ двухъ мѣстахъ прошенія есть указанія на то, что однажды Гладкій запретилъ казакамъ обращаться за помощью къ высшему начальству, а въ другой разъ даже побилъ нѣкоторыхъ казаковъ за то-же. Въ обоихъ прошеніяхъ проглядывало болѣе широкое недовольство своимъ положеніемъ, чѣмъ претензіи на Гладкаго. Казаки были недовольны тѣмъ, что, послѣ массы перенесенныхъ ими лишеній и пятилѣтней волокиты, ихъ, неизвѣстно почему, поселили не у Анапы, а при Маріуполѣ. Между тѣмъ, они шли изъ Турціи въ Анапу. Отведенныя земли въ Бердянской пустоши оказались неудобными, каменистыми и маловодными. Они осѣли на эти земли, по ихъ выраженію, „безъ лѣса, травы и воды“. Поэтому, казаки просили „снабдить ихъ обѣщанной анапской землею“.

Когда, такимъ образомъ, Азовское войско почти осѣло на земляхъ Бердянской пустоши и когда, казалось, долженъ былъ наступить періодъ установленія внутреннихъ распорядковъ и общественнаго строительства,—сами собой начали обнаруживаться въ войскѣ теченія совершенно противоположнаго характера. Петровскіе казаки, т. е. все общество посада Петровскаго, причисленнаго къ Азовскому войску, указывая на то, что „неизвѣстно отчего присоединили ихъ къ казакамъ безъ желанія ихъ,“ просили начальство снова обратить ихъ въ купцовъ и мѣщанъ. Въ этомъ положеніи они исправно несли всѣ повинности, отбывали рекрутчину и были во всемъ покорны начальству.

Гладкій, однако, поддерживалъ свою первоначальную мысль о бунтѣ казаковъ, какъ о противозаконномъ возмущеніи. Въ своемъ рапортѣ отъ 21 октября 1833 г. онъ доносилъ графу Воронцову, что казаки продолжаютъ роптать на неудобства земельныя и не оставляютъ мысли о переселеніи въ Анапу, „производятъ между собою разные толки, пишутъ прошенія“ для отсылки въ Петер-

бургъ и вообще сами волнуются и другихъ волнуютъ. Казаковъ, желающихъ остаться на мѣстѣ. они называютъ „полковничьей громадой“ и упрекаютъ ихъ въ отступничествѣ. Волнующихся казаковъ большинство; они вышли изъ повиновенія начальству и когда однажды послали къ нимъ десятника, то казакъ Назаръ Волынченко прибилъ посланнаго и сказалъ, чтобы онъ „загадывалъ полковничьей громадѣ“, а не имъ, казакамъ, желающимъ идти въ Анапу. Вслѣдствіе этого Гладкій просилъ ген.-губернатора наказать при войскѣ 12 коноводовъ, чтобы остановить дальнѣйшее развитіе бунта. Гладкій прислалъ списокъ этихъ лицъ и просилъ вразумить ихъ, „заставивши ихъ забыть Анапу“. Безъ этого, говорилъ въ заключеніе своего рапорта Гладкій, „нельзя возстановить спокойствія между тѣми людьми, которые привыкли въ Турціи къ вольностямъ и не знали повиновенія къ начальству“.

Воронцовъ отнесся серьезно къ этому сообщенію, командировалъ на мѣсто, въ войско, своего адъютанта, который отправилъ въ Херсонъ главныхъ зачинщиковъ, подъ предлогомъ личныхъ объясненій съ ген.-губернаторомъ. Здѣсь на нихъ, разумѣется, произведено было надлежащее давленіе. Въ декабрѣ 1833 г. мнимые зачинщики, въ числѣ 8 человѣкъ, дали подписку въ томъ, что будто бы они сознаютъ свою вину и „не имѣютъ болѣе никакого желанія переселиться въ г. Анапу и совершенно оставляютъ сіе намѣреніе“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они обязались отговаривать и другихъ отъ переселенія, добровольно подвергая себя строгому военному суду, въ томъ случаѣ, если они снова вздумаютъ домогаться переселенія въ Анапу. Когда, такимъ образомъ, въ силу необходимости, сдались вожаки казаковъ, желавшихъ переселиться въ Анапу, то успокоилось и остальное населеніе, убѣдившись въ невозможности осуществить свои домогательства.

Около того-же времени произошло волненіе и въ другой части населенія, сосѣдняго съ Азовскимъ войскомъ—между татарами ногайской орды. Мелитопольскій исправникъ донесъ въ 1833 г. ген.-губернатору, что титулярный совѣтникъ изъ ногайцевъ Кара-Мурза, неизвѣстно почему, сталъ распространять между ногайцами слухи, что ногайцевъ приравняютъ къ крестьянамъ, обложатъ подушнымъ окладомъ и будутъ брать въ рекруты. Чтобы избѣжать этого Кара-Мурза совѣтовалъ ногайцамъ записываться въ казаки Азовскаго войска. Волненія эти, какъ и волненія азовскихъ казаковъ, окончились, однако, благополучно, безъ всякихъ репрессій со стороны начальства. Къ татарамъ посланы были чиновники для уясненія ихъ положенія, которые и убѣдили ихъ въ неосновательности слуховъ объ обращеніи ихъ въ крестьянъ. И татары успокоились.

За исключеніемъ этихъ двухъ случаевъ, носившихъ характеръ мѣстныхъ неурядицъ, жизнь казачьяго населенія въ Азовскомъ войскѣ шла обычнымъ путемъ. Были организованы войсковыя учрежденія, избраны и назначены лица, несшія службу по управ-

ленію войскомъ; правонарушеній въ первое время не было почти никакихъ; само населеніе дѣятельно занялось устройствомъ жилья и хозяйства.

Но, какъ и во всякой вновь слагающейся жизни, внутреннія отношенія въ войскѣ не обошлись безъ непредвидѣнныхъ случайностей. Очень интересный документъ въ этомъ отношеніи представляетъ собою слѣдующій рапортъ войсковой канцеляріи графу Воронцову отъ 18 октября 1833 г. Азовскій казакъ Иванъ Андрейченко былъ отпущенъ изъ войска для заработковъ на родину, въ Константиноградскій уѣздъ. Здѣсь мѣстныя власти обнаружили, что подъ именемъ Андрейченка значился въ войскѣ однодворецъ села Лебяжьяго Спиридонъ Губановъ. Отданный въ 1820 г. въ рекруты, онъ бѣжалъ со службы, оставивши дома жену; затѣмъ онъ бѣжалъ въ Турцію, поступилъ здѣсь въ запорожскіе казаки и снова женился. Константиноградскій земскій судъ препроводилъ, поэтому, Андрейченка-Губанова въ войсковую канцелярію, съ тѣмъ чтобы она сдѣлала свое заключеніе о побѣгѣ его съ военной службы, о перемѣнѣ имени и фамиліи и о женитьбѣ во второй разъ при живой женѣ. Войсковая канцелярія, основываясь на томъ, что всѣ запорожцы, вернувшіеся изъ Турціи въ Россію, были прощены Государемъ, признала Андрейченка по первымъ двумъ пунктамъ „не отчуждаемымъ отъ войска". Но какъ поступить съ Андрейченкомъ относительно женитьбы при живой женѣ, канцелярія не знала, но полагала „предать забвенію" и этотъ проступокъ, въ силу того же Всемилостивѣйшаго прощенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ войсковая канцелярія спрашивала ген.-губернатора, какъ быть войску съ тѣми казаками, которые, поступивши въ Запорожское войско, оставили женъ своихъ на родинѣ въ Россіи подъ властью помѣщиковъ, а въ Турціи вновь женились по церковному обряду. Получалось двоеженство и войсковая канцелярія находила невозможнымъ свести въ одну семью обоихъ женъ. Какъ разрѣшенъ былъ этотъ вопросъ, въ архивныхъ документахъ не осталось указаній, но по другому вопросу семейнаго быта военный министръ гр. Чернышевъ 17 мая 1834 г. далъ слѣдующее объясненіе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда азовскіе казаки женились на вдовахъ казенныхъ поселянъ, Государь приказалъ дѣтей вдовъ отъ перваго брака зачислить въ Азовское войско. Вообще, семейный бытъ у азовскихъ казаковъ складывался подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ. Съ одной стороны, въ рядахъ войска были еще тѣ изъ запорожцевъ, которые безбрачіе считали необходимымъ условіемъ настоящей казачьей службы, а съ другой, у многихъ казаковъ, помимо наличной семьи, находились въ разныхъ мѣстахъ Россіи члены прежней семьи, изъ которыхъ многіе были крѣпостными у помѣщиковъ. Политическія обстоятельства мѣшали сліянію въ одну семью всѣхъ членовъ ея и семейный бытъ являлся какъ бы раздвоеннымъ.

Что касается политическаго состоянія самого Азовскаго войска, то оно также находилось въ нѣсколько неопредѣленномъ положеніи. Казаки должны были нести военную службу, но жили среди обстановки, исключающей военныя занятія по охраненію границы. Со всѣхъ сторонъ казаки были окружены мирнымъ населеніемъ. Такое положеніе было одной изъ главныхъ причинъ стремленія казаковъ переселиться въ Анапу. Ненормальность положенія Азовскаго войска, какъ военной общины, прекрасно сознавало и само правительство. Чтобы дать, поэтому, возможность казачеству нести военную службу, правительство остановилось на слѣдующей комбинаціи: рѣшено было послать азовцевъ на мѣста военныхъ дѣйствій частями по очередямъ, подобно тому, какъ это водилось у донскихъ казаковъ.

На самомъ дѣлѣ, азовскіе казаки представляли собой типичную военную казачью дружину. Они имѣли жалованную грамоту на знамя за „храбрость и усердіе, оказанныя при переправѣ череъ Дунай 27 мая 1828 года.“ Это былъ тотъ военный символъ, который требовалъ отъ казака военной службы. И правительство нашло имъ эту службу на Черноморскомъ побережьѣ,

Какъ сообщилъ военный министръ 14 февраля 1837 г., Государь Императоръ, согласно представленію Новороссійскаго и Бессарабскаго ген.-губернатора, приказалъ сформировать изъ азовскихъ казаковъ 10 командъ на слѣдющихъ основаніяхъ,

1). Составъ каждой команды опредѣлялся въ 20 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находились 1 хорунжій и 1 урядникъ.

2. Команды назначались на морскую службу по Черноморскому побережью.

3. Общее начальство надъ всѣми командами ввѣрялось есаулу Дьяченкѣ, а во время совмѣстнаго крейсерства командъ предполагались особыя назначенія командировъ.

4. Для плаванія командъ приказано было построить въ Одессѣ 3 судна, по образцу мальтійскихъ лодокъ.

5. Лодки эти предположено было вооружить фальконетами и небольшими пушками.

6. Команды снабжались амуниціей и другими вещами на казенный счетъ.

7. Жалованье командамъ полагалось по такъ называемому грузинскому положенію.

8. Продовольствіе во время крейсированья выдавалось по морскому положенію.

9, Все войско было раздѣлено на сотни, а сотни смѣнялись на Черноморскомъ побережьѣ по очередямъ, при чемъ каждая сотня служила безсмѣнно два года.

Организованныя такимъ образомъ команды азовскихъ казаковъ въ іюнѣ 1837 г. были отправлены изъ Севастополя въ Геленджикъ и въ Сухумъ Кале. Здѣсь они поступили въ вѣдѣніе командующаго военными судами у абхазскихъ береговъ капитана 1 ранга

Юрьева. Съ этого времени азовскіе казаки несли военную службу на Черноморскомъ побережьѣ до того времени, когда они были переселены въ шестидесятыхъ годахъ цѣлымъ войскомъ и заняли мѣста за Кубанью отъ Анапы и до Екатеринодара. Въ теченіе четверти вѣка слишкомъ они неоднократно ознаменовывали свою службу военными подвигами, но объ этихъ послѣднихъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Въ служебномъ отношеніи азовскіе казаки были подчинены начальнику Черноморской береговой линіи, а наряды по очередямъ производило само войско, точнѣе, его наказный атаманъ Гладкій. Въ ноябрѣ 1844 г. баронъ Будбергъ предложилъ раздѣлить Азовскую команду на два отдѣленія—на 1-е отдѣленіе отъ Анапы до Навагинскаго укрѣпленія и на 2-е—отъ укрѣпленія Св. Духа и до укрѣпленія Св. Николая. Высочайшимъ приказомъ 14 января 1845 г. дѣленіе это было утверждено и часть команды была поручена войсковому старшинѣ Бараховичу, а другая подполковнику Дьяченкѣ. Тогда же Высочайшимъ повелѣніемъ 11 марта жалованье офицерамъ Азовскаго войска приказано было выдавать наравнѣ съ офицерами Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, т. е. въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ офицерамъ флота.

Глава XIII.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ НА ЧЕРНОМОРСКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНІИ.

Военныя дѣйствія съ горцами Черноморскаго побережья велись двумя способами—съ помощью сухопутныхъ войскъ и при посредствѣ морскихъ силъ. Сухопутныя войска были расположены въ въ укрѣпленіяхъ, время отъ времени мѣнялись и замѣнялись новыми силами; въ важныхъ же случаяхъ изъ нихъ и другихъ военныхъ частей, дѣйствовавшихъ въ предѣлахъ Черноморской береговой линіи, составлялись особые отряды, которыми и предпринимались наступательныя дѣйствія въ горы. Морскія силы состояли изъ судовъ Черноморской эскадры, гребной флотиліи азовскихъ казаковъ и такой же флотиліи Черноморскаго казачьяго войска. Главную роль выполняли суда эскадры и въ особенности ладьи азовскихъ казаковъ.

Систематическія военныя дѣйствія на Черноморскомъ побережьѣ начались, собственно, съ 1833 г. Онѣ исходили съ русской стороны и носили свой особый характеръ. Устраивая Черноморскую

береговую линію, русскія военныя власти обратили исключительное вниманіе на морскія сообщенія горцевъ съ турками. Необходимо было порвать связи между обѣими народностями, такъ какъ связи эти покоились главнымъ образомъ на торговлѣ невольниками и невольницами, съ одной стороны, и на поставкѣ турками горцамъ пороха и военныхъ припасовъ, съ другой. Въ этихъ видахъ морскимъ судамъ и сухопутнымъ войскамъ поручено было употребить всѣ усилія на преслѣдованіе судовъ, производившихъ контрабандную торговлю съ горцами. Съ этого и начались военныя дѣйствія 1833 года.

Такъ, посланнымъ изъ Геленджика на судахъ десантомъ были сожжены 15 апрѣля 1833 г. на р. Чебсинъ два турецкихъ двухмачтовыхъ судна вмѣстѣ съ частью товаровъ, бывшихъ на судахъ, а третье трехмачтовое судно, зажженное русскими, черкесы спасли отъ пожара, погрузивши его въ воду, по уходѣ русскихъ. На судахъ были воскъ, сало и кожи. Въ защитѣ судовъ отъ русскаго десанта участвовало болѣе 400 горцевъ. Черезъ десять дней, 26 августа, на р. Пшадѣ были еще сожжены русскимъ отрядомъ два судна и два аула, въ которыхъ сложены были товары и зарытъ порохъ. На этихъ судахъ турки привезли черкесамъ свинецъ и 20 пудовъ пороха, который черкесы вымѣнивали на медъ и воскъ, получая за око, т. е. за 3 фунта, того или другого по 10 патроновъ. Впрочемъ, значительная часть привезеннаго турками пороха была выкрадена черкесами у турокъ. Часть пороха выброшена была изъ судовъ еще въ то время, когда они преслѣдовались русскими войсками, а остальной порохъ, зарытый въ землю, взорвало при пожарѣ. Затѣмъ 24 мая сожжены были русскимъ десантнымъ отрядомъ изъ Геленджика два турецкихъ судна у Кодоса. Надо, однако, полагать, что въ это время контрабандныхъ судовъ было захвачено и сожжено русскими войсками болѣе шести показанныхъ выше. Въ сообщеніи полковника Чайковскаго отъ 3 іюня упоминается, что съ весны 1833 г., десантъ для уничтоженія контрабандныхъ судовъ высылался 5 разъ и за это время было истреблено не 6, а 10 судовъ, и есть краткія указанія на то, что турецкія суда были уничтожены позже въ іюлѣ на р.р. Вуланѣ и Джубгѣ. На этомъ основаніи, Чайковскій просилъ начальника Севастопольскаго порта вице-адмирала Татанити усилить геленджикскій отрядъ судовъ, такъ какъ, для успѣшной борьбы съ контрабандистами, четырехъ судовъ, находившихся въ Геленджикѣ, было недостаточно. Въ началѣ іюня былъ образованъ новый десантный отрядъ въ Геленджикѣ, которымъ 9 іюня на р. Вуланъ были сожжены два купеческихъ судна—одномачтовое, нагруженное пшеницей, коровьимъ масломъ и пр., и двухмачтовое. Тогда же были изрублены и сожжены одинъ баркасъ и два ялика.

Въ свою очередь и черкесы не оставляли въ покоѣ русскихъ войскъ тамъ, гдѣ представлялась хоть малѣйшая возможность къ тому. Какъ видно изъ донесенія подполковника Нашебургскаго полка

отъ 26 іюня 1833 г., между русскимъ отрядомъ изъ 280 человѣкъ съ двумя орудіями, охранявшимъ рабочихъ, рубившихъ лѣсъ близъ Анапы, и черкесами произошло цѣлое сраженіе. Горцы были отражены, а со стороны русскихъ выказалъ особую храбрость рядовой Парфеновъ.

Отставши отъ русскаго отряда при преслѣдованіи отступавшихъ горцевъ, Парфеновъ былъ окруженъ тремя черкесами. Съ обнаженными шашками въ рукахъ горцы бросились на солдата и пытались зарубить его, но Парфеновъ искусно отражалъ шашечные удары ружьемъ. Борьба продолжалась до тѣхъ поръ, пока не замѣтили ее въ русскомъ отрядѣ. На помощь къ Парфенову бросились поручики Рышковскій и Черниковъ съ стрѣлками. Черкесы бѣжали и имъ такъ и не удалось нанести ни одной раны Парфенову. Ловкій солдатъ отдѣлался только тѣмъ, что получилъ ударъ въ зубы камнемъ, брошеннымъ въ него однимъ изъ нападавшихъ горцевъ.

Черкесы тщательно слѣдили за выходами изъ укрѣпленій русскихъ войскъ и заранѣе готовились къ нападенію на нихъ. По сообщенію полковника Чайковскаго отъ 3 іюля, съ этою цѣлью на р. Пшадѣ собралось до 1000 горцевъ, расчитывавшихъ произвести нападеніе на команды изъ Геленджика, посланныя для сѣнокошенія или рубки лѣса. Три дня черкесское ополченіе провело безрезультатно на Пшадѣ въ ожиданіи русскихъ командъ. Съ 19 на 20 іюля вновь собралось 800 горцевъ, въ распоряженіи которыхъ оказалось 4 или 5 пушекъ. Это были самодѣльныя орудія, изготовленныя черкесами изъ желѣза. Черкесскіе артиллеристы переносили эти орудія на плечахъ, а при выстрѣлахъ клали ихъ на деревянныя подставки. Но и орудія собственнаго издѣлія мало способствовали предпріятіямъ горцевъ.

Въ половинѣ іюля на Пшадѣ вновь были уничтожены русскими два турецкихъ судна, которыя для предохраненія отъ русскихъ были затоплены въ рѣкѣ. Лейтенантъ Барладянъ, неоднократно уничтожавшій турецкія суда, поднялъ со дна затопленныя суда, изрубилъ и распилилъ ихъ по частямъ, сдѣлавши ихъ такимъ образомъ негодными къ употребленію. Въ этотъ разъ командовалъ отрядомъ и распоряжался самъ начальникъ Черноморской кордонной линіи г.-л. Малиновскій. Горцевъ, защищавшихъ турецкія суда, сначала было до 500 человѣкъ, а потомъ количество ихъ возросло до 1000 человѣкъ. При защитѣ судовъ горцы понесли большую потерю въ людяхъ и оставили на мѣстѣ неубранными до 20 тѣлъ.

Но особенно упорно боролись черкесы съ русскими на р. Джубгѣ. Сюда прибыла русская экспедиція 19 іюля и расположилась противъ устья этой рѣки. До двухъ тысячъ черкесовъ заняли центральную рощу, впереди которой на самомъ берегу моря устроенъ былъ сильный шанецъ. Высоты ущелій примыкавшихъ къ рѣкѣ, съ обѣихъ сторонъ заняты также были большими толпами черкесовъ. Такъ какъ былъ уже вечеръ, то генералъ Малиновскій приказалъ

очистить мѣстность отъ непріятеля артиллерійскимъ огнемъ. Но къ утру слѣдующаго дня число черкесовъ удвоилось и шанецъ былъ возстановленъ ими. Чтобы вытѣснить отсюда горцевъ на берегъ, подъ укрѣпленіемъ артиллерійскаго огня, былъ высаженъ десантъ съ единорогомъ и двумя мортирками, подъ командой подполковника Полтинина. Черкесы каждый шагъ отступленія давали съ бою, не разъ бросались въ шашки и схватывались въ рукопашную. Только при занятіи русскими берега горцы оставили на мѣстѣ до 100 тѣлъ. Русскій отрядъ двинулся затѣмъ дальше въ рощи по ущелью. Черкесы и здѣсь дрались съ необычайнымъ упорствомъ и храбростью, при чемъ и здѣсь, при аттакѣ ихъ русскими штыками, они оставили на мѣстѣ до 80 тѣлъ. Дойдя до затопленнаго турецкаго судна, русскій отрядъ остановился и лейтенантъ Барладянъ, не смотря на ужасный ружейный огонь со стороны черкесовъ, изрубилъ палубу, скрѣпы и бока затопленнаго судна въ куски. Послѣ этого руссскій отрядъ отступилъ къ берегу и перешелъ на суда. Все время отрядомъ командовалъ подполковникъ Полтининъ, который, не смотря на полученную имъ серьезную рану въ лѣвую ногу пулей на вылетъ, не подалъ вида другимъ, что онъ раненъ и, истекая кровью, оставался при отрядѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ посаженъ на суда.

Комендантъ Геленджикской крѣпости полковникъ Чайковскій донесъ г.-л. Малиновскому, что 5 января 1834 г. капитанъ-лейтенантъ Броневскій захватилъ близъ Геленджика два турецкихъ судна, изъ которыхъ меньшее, при слѣдованіи въ Геленджикъ, затонуло съ грузомъ, безъ людей, а на большемъ оказались воскъ, сало, коровье масло, воловьи кожи и пр. На судахъ взято 32 д. муж. пола, 11 женскаго, 6 мальчиковъ и 5 младенцевъ, а всего 54 души и между ними 18 черкесскаго населенія. Въ 5 часовъ пополудни 9 мая была потоплена выстрѣлами изъ орудій небольшая турецкая галера близъ Геленджика, на другой день въ 8 часовъ утра показалась далеко въ морѣ большая турецкая галера, шедшая по направленію къ Суджуку. Русскіе моряки долго преслѣдовали ее и сильно повредили артиллерійскимъ огнемъ, такъ что она бросилась къ берегу у Дообскаго мыса подъ защиту черкесовъ, находившихся на берегу. Окруженная полукругомъ русскихъ судовъ, галера была разгромлена артиллеріей и потоплена. Утромъ 11 мая недалеко отъ Геленджика была замѣчена малая турецкая галера. Она была также потоплена русскими баркасами. Іюня 28 лейтенантъ Шпаковскій взялъ галеру съ 25 душами людей и 17 четвертями кукурузы. Въ числѣ взятыхъ съ галеры людей оказалось 10 черкесовъ и 8 женщинъ, предназначенныхъ къ продажѣ—4 взрослыхъ и 4 малолѣтнихъ. Въ ноябрѣ 1834 г. въ самой Геленджикской бухтѣ русскими моряками было взято турецкое купеческое судно, но турецкій экипажъ вмѣстѣ съ черкесами успѣлъ захватить и унести съ собою въ горы часть груза, состоявшаго изъ соли, матерій, пороха и свинца. Капитанъ

2-го ранга Броневскій сообщилъ 3 марта 1835 г. съ корвета „Месемврія“ коменданту Геленджикской крѣпости, что 28 февраля въ рѣчкѣ Цемесъ у Суджукской бухты были сожжены два турецкихъ судна и стоявшій на берегу магазинъ. Горцы пытались не допустить до этого русскій отрядъ, но безуспѣшно.

Такимъ образомъ, наиболѣе характерные эпизоды въ исторіи Черноморскаго побережья за 1834 и 1835 годы состояли въ уничтоженіи и захватѣ русскими моряками турецкихъ контрабандныхъ судовъ. Горцы оставались какъ бы въ сторонѣ. Въ этомъ году сами черкесы очистили ближайшія къ Геленджику съ юга и востока мѣста, но сѣверная часть бухты была занята еще черкесами и ихъ требовалось силою выдворить оттуда. Въ это время было еще мало укрѣпленій на побережьѣ и черкесское населеніе относилось спокойнѣе къ русскимъ. Нападенія чаще всего производились на русскихъ близъ Анапы. Такъ, 18 сентября 1838 г. комендантъ Анапы графъ Цукато донесъ Вельяминову, что черкесы напали на анапскихъ поселянъ, находившихся на большомъ Зеленомъ мысу, но были вовремя отражены гарнизонными солдатами. Во время столкновенія съ горцами произошелъ удивительный случай. Черкесъ пытался отнять вола у поселянина. Послѣдній, отстаивая вола съ коломъ въ рукахъ, выбралъ моментъ и ударомъ кола по головѣ убилъ на повалъ черкеса, но и черкесъ, падая отъ удара на землю, выстрѣлилъ изъ пистолета и убилъ поселянина.

Но съ 1837 г., когда на восточныхъ берегахъ Чернаго моря, возникло нѣсколько русскихъ укрѣпленій, картина военныхъ дѣйствій мѣняется: горцы начинаютъ все активнѣе и активнѣе дѣйствовать противъ русскихъ войскъ. Къ тому же въ русскихъ правящихъ сферахъ все чаще и чаще раздавались требованія о покореніи горцевъ. Самъ Императоръ Николай приказалъ въ 1837 г. непремѣнно покорить натухайцевъ отъ Геленджика и до Кубани. Такія распоряженія не представляли секрета для горцевъ, и они стали болѣе вызывающимъ образомъ относиться къ русскимъ. „Въ веселый праздникъ байрама, говорится въ рапортѣ генерала Раевскаго за 1837 годъ командующему кавказскимъ корпусомъ г.-л. Головину, черкесы Вуланскаго ущелья толпами разъѣзжали по ауламъ. Имѣя досугъ и лишній порохъ, доставленный имъ англичанами, черкесы рѣшили пустить нѣсколько ядеръ въ Михайловское укрѣпленіе“. Первый день имъ не отвѣчали на это русскіе, но когда на другой день пѣшіе черкесы подошли къ самому укрѣпленію, то гарнизонъ началъ обстрѣливать непріятеля. Артиллерійскимъ огнемъ съ обѣихъ сторонъ было убито у русскихъ 1 и у черкесовъ 4.

Когда же въ свою очередь выходили изъ укрѣпленій русскія войска, то каждый шагъ ихъ по черкесскимъ владѣніямъ сопровождался военными стычками и пролитою кровью. Въ 1837 г. генералъ Вельяминовъ, организовавши отрядъ, рѣшилъ пройти съ нимъ сухимъ путемъ отъ Геленджика къ другимъ укрѣпленіямъ. Но для

того, чтобы передвинуться на разстоянии 48 верстъ отъ Геленджика до Новотроицкаго укрѣпленія, находившагося въ устьяхъ р. Пшады, потребовалось цѣлыхъ 4 сутокъ, и отрядъ за это время потерялъ 108 человѣкъ убитыми ранеными. Слѣдующій переходъ отъ Новотроицкаго до укрѣпленія Михайловскаго къ устью р. Вулана потребовалъ 5 сутокъ и потеря въ отрядѣ убитыми и ранеными выразилась въ 128 чел., не считая офицеровъ. Двигаться далѣе отрядъ не имѣлъ уже возможности. Весь путь густо былъ усѣянъ черкесами и они не давали русскимъ ни минуты покоя, тревожа выстрѣлами и внезапными аттаками на каждомъ шагу. Оказать содѣйствіе диверсіями изъ укрѣпленій гарнизоны не могли. Войска сидѣли въ укрѣпленіяхъ, какъ въ ловушкахъ. Укрѣпленія были отрѣзаны одно отъ другого, и гарнизоны располагали столь малыми силами, что съ трудомъ могли добывать даже дрова, не смотря на обиліе лѣса—такъ враждебно относились къ нимъ горцы. По той же причинѣ, гарнизоны не имѣли возможности заводить огороды, пользоваться сѣнокосами и даже имѣть пастбища. Это ставило солдатъ въ невозможныя гигіеническія условія. Всюду въ укрѣпленіяхъ ощущался недостатокъ въ свѣжей пищѣ, говядинѣ и овощахъ. Съ первыхъ же дней своего пребыванія въ укрѣпленіяхъ при такихъ условіяхъ, солдаты заболѣвали цынгой. Въ 1837 г. цынга была въ гарнизонахъ Геленджика, Михайловскаго и Новотроицкаго укрѣпленій и въ слабой степени у солдатъ Александрійскаго форта.

Чтобы выйти изъ столь затруднительнаго положенія, русскимъ предстояло сдѣлать еще очень много. Нужно было увеличить число укрѣпленій, чтобы сблизить разстояніе между ними. Требовались гарнизоны въ существовавшихъ уже укрѣпленіяхъ. Слѣдовало, однимъ словомъ, показать свою силу горцамъ. Подъ вліяніемъ этихъ условій, былъ составленъ цѣлый рядъ военныхъ предположеній на 1838 годъ.

Согласно рапорту флигель-адъютанта полковника Траскина отъ 21 марта 1838 г. генералу Раевскому, предполагалось для постройки новыхъ укрѣпленій и поддержки старыхъ снарядить экспедиціи на морскихъ судахъ и направить ее вдоль морского берега. Возводить новыя укрѣпленія необходимо въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они могли бы препятствовать приставанію къ берегамъ контрабандныхъ судовъ, т. е. въ естественныхъ бухточкахъ и въ устьяхъ рѣкъ.

Войска экспедиціи должны быть посажены на суда въ Керченскомъ проливѣ у Фанагоріи, въ составѣ четырехъ линейныхъ кораблей и нѣсколькихъ фрегатовъ съ легкими лодками, съ такимъ расчетомъ, чтобы можно было перевезти войска на побережье въ два рейса.

Въ составъ экспедиціи для перваго рейса назначалось 9 батальоновъ пѣхоты, 4 пѣшихъ полка Черноморскаго казачьяго войска, 1 рота гарнизонной артиллеріи, 2 саперныхъ роты, 1 военно-рабочая рота инженернаго вѣдомства, 2 легкихъ батареи пѣшей артиллеріи, 10 единороговъ и 10 ручныхъ мортиръ.

Первую высадку войскъ надлежало произвести прежде всего въ устьѣ р. Туапсе, гдѣ слѣдовало немедленно приступить къ устройству укрѣпленія. Во вторую очередь должно пойти устройство укрѣпленія на р. Шапсухо.

По окончаніи укрѣпленія на Шапсухо, экспедиціонный отрядъ направлялся въ Геленджикъ, чтобы окончить здѣсь устройство укрѣпленія въ южной части Геленджикской бухты.

Экспедиціонный отрядъ для второго рейса предполагалось съорганизовать изъ 4 баталіоновъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, 4 баталіоновъ Кавказскаго пѣхотнаго полка, Черноморскаго линейнаго № 4 баталіона, 2-й саперной роты Кавказскаго сапернаго баталіона, 8 легкихъ орудій, 10 горныхъ единороговъ, 10 ручныхъ мортирокъ 20-й артиллерійской бригады, 8-ми крѣпостныхъ орудій, 1 военно рабочей роты, 4-хъ пѣшихъ полковъ Черноморскаго казачьяго войска, 10-ти казаковъ Кавказскаго казачьяго полка и дежурной команды.

Для обезпеченія артиллеріей вновь устроенныхъ укрѣпленій на р.р. Туапсе и Шапсухо назначено было 12 орудій, по 6-ти на каждое и по 4 двадцатифунтовыхъ мортирокъ. Въ Геленджикѣ, кромѣ имѣвшихся пушекъ, надлежало прибавить еще 8 орудій.

Для организаціи медицинской помощи надлежало сохранить существующіе госпитали въ ближайшихъ пунктахъ, въ томъ числѣ Фанагорійскій госпиталь,—на 300 больныхъ каждый. Особаго госпиталя въ Геленджикѣ можно не учреждать, но въ каждомъ баталіонѣ слѣдуетъ имѣть одну госпитальную палатку на 20 больныхъ. Лазареты же должны находиться только при Тенгинскомъ и Навагинскомъ пѣхотныхъ полкахъ. Если всѣ эти больничныя учрежденія будутъ переполнены, то излишекъ больныхъ слѣдуетъ отправлять въ Екатеринодарскій госпиталь.

Что касается продовольствія войскъ, то вмѣсто трехъ мясныхъ порцій нижнимъ чинамъ можно давать двѣ въ недѣлю порціи—одну изъ свѣжаго мяса и одну изъ солонины, чтобы, съ помощью этого сокращенія въ мясѣ, вдвое уменьшить количество скота, содержимаго при укрѣпленіяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ увеличить порцію выдаваемой солдатамъ крупы.

Наконецъ, для обезпеченія разныхъ укрѣпленій войсками, необходимо расположить: 4-ю роту баталіона № 1-го въ Александрійскомъ фортѣ, 1-ю и 2-ю роты баталіона № 2-й въ Джеметейскомъ укрѣпленіи и въ трехъ близъ лежащихъ казачьихъ станицахъ, 4-ю 5-ю роты того же баталіона въ Анапѣ, 1-ю и 2-ю роты баталіона № 3-й въ Геленджикѣ, 3-ю роту того же баталіона въ Новотроицкомъ укрѣпленіи на Пшадѣ и 4-ю роту баталіона № 3-й въ Михайловскомъ укрѣпленіи на Вуланѣ. Въ укрѣпленіяхъ на Туапсе и Шапсухо предполагалось размѣстить баталіонъ № 4-й по двѣ роты въ каждомъ.

Предположеніямъ этимъ не суждено было осуществиться въ очерченномъ выше видѣ, но въ общемъ военныя распоряженія и

дѣйствія велись въ такомъ именно направленіи. Вмѣсто возведенія двухъ новыхъ укрѣпленій было построено четыре. Войска были заняты главнымъ образомъ оборудованіемъ укрѣпленій. Такъ, съ утра 17 марта 1838 г. скотъ изъ Геленджика былъ направленъ для пастьбы на Толстый мысъ, подъ прикрытіемъ отряда изъ 132 нижнихъ чиновъ, 2 музыкантовъ и одного полевого орудія. Отрядомъ командовалъ прапорщикъ Цакни. Когда въ 12 часовъ дня Цакни поднялъ скотъ на гору, то черкесы, замѣтивши это, появились сначала въ небольшомъ количествѣ, а потомъ значительной толпой. Превосходя численностью солдатскую команду, они направились на Толстый мысъ, съ явной цѣлью завладѣть скотомъ. При перестрѣлкѣ они успѣли ранить солдата, наблюдавшаго за работами арестантовъ внѣ крѣпости, и взять въ плѣнъ одного арестанта; но на помощь къ Цакни была послана команда изъ Геленджика. Началось жаркое сраженіе. Нѣсколько разъ, съ шашками въ рукахъ, черкесы бросались на прикрытіе и каждый разъ солдаты опрокидывали ихъ штыками. Когда же на помощь къ Цакни прибыла команда 4-го черноморскаго линейнаго баталіона изъ 175 человѣкъ и одного орудія, подъ начальствомъ маіора Сербина, то черкесы отступили и скрылись въ сосновомъ ущельи. Туда же двинулся съ отрядомъ и маіоръ Сербинъ. Нагнавши въ сосновомъ ущельѣ черкесовъ, отрядъ отнялъ у нихъ захваченный ими скотъ. Послѣ этого горцы скрылись въ лѣсу, а отрядъ Сербина возвратился въ крѣпость, въ виду наступившихъ сумерокъ.

Но особенно отличились въ этомъ году азовскіе казаки. По отзыву генерала Раевскаго, „ободренные блистательнымъ подвигомъ въ 1838 г. въ Сочи, азовскіе казаки сдѣлались предпріимчивыми и страшными для контрабандистскихъ и черкесскихъ галеръ“. Кромѣ сочинскаго подвига, азовскіе казаки имѣли въ этомъ году дѣло съ черкесами близъ р. Джубги. Начальникъ казачьихъ командъ Азовскаго войска есаулъ Дьяченко въ рапортѣ отъ 24 ноября 1838 г. г.-л. Раевскому подробно описалъ, какъ происходило это дѣло.

Лодка съ 8-ю азовскими казаками и 4-ю солдатами Черноморскаго линейнаго № 4-й баталіона возвращалась 31 октября, подъ командою урядника Азовскаго казачьяго войска Олейника, изъ укрѣпленія Михайловскаго на Вуланѣ въ укрѣпленіе Тенгинское на р. Шапсухо. Въ ущельѣ р. Джубги казаки замѣтили три черкесскія галеры, стоявшія на берегу. При появленіи казачьей лодки, черкесы быстро спустили въ море свои галеры, изъ которыхъ каждая имѣла вооруженную команду не менѣе 50 человѣкъ. Олейникъ, замѣтивши, что черкесскія галеры были разъединены, показалъ видъ, что казаки всячески стараются уйти отъ черкесовъ. Послѣдніе напрягли всѣ усилія, чтобы догнать казачью ладью. Азовцы, подпустивши одну изъ галеръ къ себѣ на самое близкое разстояніе, открыли по ней пальбу изъ фальконета ядрами. Горцы на другой галерѣ въ это

время удвоили усилія, чтобы догнать казачью лодку, и когда приблизились къ ней на картечный выстрѣлъ, то казаки разбили одну изъ галеръ. Двѣ другія галеры тѣмъ не менѣе продолжали наступать на казачью лодку, открывши по ней ружейную пальбу, но казаки произвели пушечными ядрами и картечью такое опустошеніе въ рядахъ черкесовъ, что всѣ три галеры вынуждены были бѣжать на берегъ. Тогда казаки стали преслѣдовать горцевъ, продолжая поражать ихъ картечью изъ фальконета. Поврежденная галера наполнилась водою и еле держалась на поверхности моря. Когда она подошла къ берегу, то находившіеся на берегу черкесы верхомъ на лошадяхъ бросались въ воду и вытаскивали на берегъ своихъ неудачливыхъ моряковъ. Такъ какъ весь берегъ былъ сплошнымъ образомъ занятъ черкесами, открывшими по казачьей лодкѣ усиленный ружейный огонь, то казаки отказались отъ дальнѣйшаго преслѣдованія непріятеля.

Въ этой морской перестрѣлкѣ казаки счастливо отдѣлались двумя слабо контуженными товарищами, но черкесы унесли на плечахъ съ галеръ много убитыхъ и раненыхъ.

Есаулъ Дьяченко просилъ произвести въ чинъ хорунжаго урядника Олейника за отличную распорядительность при командованіи лодкой, а казака Стельмаченка, наводившаго выстрѣлы фальконета на непріятельскія галеры и все время хладнокровно и неустрашимо дѣйствовавшаго, наградить военнымъ орденомъ Георгія.

Въ 1839 г. продолжалась постройка новыхъ укрѣпленій русскими войсками. Какъ видно изъ журнала, веденнаго контръ-адмираломъ Серебряковымъ, въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцѣ отрядъ его занималъ мѣсто близъ нынѣшней станицы Раевской. Земли эти принадлежали натухайцамъ и для предотвращенія ихъ набѣговъ на ближайшія закубанскія станицы и на Черноморію рѣшено было устроить фортъ Раевскій. Услышавши объ этомъ, натухайцы послали къ Серебрякову уполномоченныхъ сначала съ требованіемъ, чтобы войска были отправлены въ Анапу и не строили бы укрѣпленія, а потомъ съ просьбою о томъ же. Здѣсь и на сосѣднихъ мѣстахъ горцами широко велось земледѣліе. Сюда пріѣзжали сѣять хлѣбъ съ разныхъ сторонъ. Жители долинъ Пшады и Вулана имѣли тутъ же свои пастбища и пріѣзжали сюда изъ своихъ ауловъ, отстоящихъ въ 150 и 200 верстахъ. Просьба натухайцевъ, однако, не была уважена и 5 мая былъ заложенъ фортъ Раевскій. Прежде мѣсто подъ нимъ было занято ауломъ изъ нѣсколькихъ бѣдныхъ соломенныхъ хижинъ. Но отсюда открывался чудный видъ на окрестности. Подъ 5 мая, какъ отмѣчено въ журналѣ, совершилъ побѣгъ къ черкесамъ рядовой изъ дворянъ Вышинскій. По отзыву баталіоннаго командира, это былъ самый порочный человѣкъ въ баталіонѣ, два раза бывшій уже въ бѣгахъ, неоднократно пойманный въ воровствѣ, разжалованный изъ унтеръ-офицеровъ въ рядовые и лишенный правъ состоянія. Серебряковъ настоятельно требовалъ у черкесовъ

выдачи Вышинскаго, но горцы считали унизительною такую выдачу. При занятіи мѣста подъ фортъ Раевскій былъ лишь одинъ мелкій боевой эпизодъ. Вечеромъ 2 мая горцы изъ молодечества спускались съ горъ въ чащу лѣса къ рабочимъ и завязывали съ ними перестрѣлку. Серебряковъ велѣлъ подвинуть дальше въ горы цѣпь и въ это время устроилъ засаду изъ пластуновъ въ скрытомъ мѣстѣ. Хитрость удалась. Когда цѣпь снова придвинулась къ лагерю, лучшіе джигиты, чтобы показать свою удаль, бросились за нею; но лишь только они приблизились къ засадѣ пластуновъ, какъ отъ залпа послѣднихъ сразу свалилось 20 человѣкъ съ лошадей. Черкесы бросились назадъ, поспѣшно подбирая тѣла. Одного изъ убитыхъ, впереди всѣхъ подскакавшаго къ пластунамъ, они не смогли взять. Это былъ извѣстный у нихъ наѣздникъ, и горцы впослѣдствіи усиленно хлопотали о выдачѣ его тѣла.

Пока строились форты Раевскій, Лазаревскій и Головинскій, горцы хотя и тревожили русскія войска, но находились какъ бы въ выжидательномъ положеніи. Съ 1840 г. они, однако, открыли наступательныя дѣйствія противъ русскихъ укрѣпленій и войскъ. Такъ какъ въ этомъ году горцами былъ взятъ цѣлый рядъ русскихъ укрѣпленій, то необходимо ознакомиться съ положеніемъ этихъ послѣднихъ. Прекрасную иллюстрацію въ этомъ отношеніи далъ контръ-адмиралъ Серебряковъ въ рапортѣ 15 января 1840 г. командующему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ.

Въ Геленджикѣ Серебряковъ нашелъ верки и строенія разрушенными отъ продолжительныхъ осеннихъ дождей и ненастья. Пороховые погреба, казармы, всѣ вообще строенія, первоначально дурно возведенныя, дали сильную течь, которую можно было предотвратить только перестройкою ихъ заново. Гарнизонъ былъ чрезвычайно обремененъ службою и непосильными работами. Лазаретъ былъ въ удовлетворительномъ состояніи и число больныхъ незначительно, благодаря здоровому климату.

Новотроицкое укрѣпленіе, считавшееся поставленнымъ въ благопріятныя условія, располагало довольно исправными строеніями. Только сырцовыя бойницы сильно пропитались влагой и растрескались отъ морозовъ, такъ что къ веснѣ могли развалиться. За то въ укрѣпленіи совсѣмъ не было больныхъ и солдаты имѣли веселый и бодрый видъ.

Въ Михайловскомъ укрѣпленіи бойницы такъ обрушились, что ихъ нельзя уже было исправить. Пороховой погребъ обвалился и порохъ пришлось перенести въ артиллерійскую казарму. Наружная штукатурка строеній вездѣ обвалилась. Кухни изъ сырцоваго кирпича еле держались, углы въ нихъ уже обвалились и сами онѣ съ минуты на минуту совсѣмъ могли обрушиться. Больны были почти всѣ солдаты, а умирали исключительно рекруты.

Тенгинское укрѣпленіе было въ довольно удовлетворительномъ состояніи, за исключеніемъ бойницъ, начавшихъ разрушаться. Внут-

ренняя дерновая одежда укрѣпленія также мѣстами отстала отъ насыпи. Больные были, но смертность была незначительна.

Фортъ Вельяминовскій пришелъ въ совершенный упадокъ. Брустверъ почти на всемъ протяженіи такъ осыпался, что туры на немъ и поставленные, на мѣста разрушенныхъ туръ, порожніе боченки повалились въ ровъ, поставленные же снова на брустверъ держались лишь на подложенныхъ подъ нихъ доскахъ. Внутренняя сырцовая одежда бруствера вездѣ отстала, падала и засыпала банкеты. Пороховой погребъ разрушился, упала цѣлая стѣна въ немъ, крыша сѣла, и артиллерійскіе снаряды перенесены въ сарай для морской провизіи. Гарнизонъ былъ такъ слабъ, что не располагалъ достаточными силами даже для того, чтобы расчищать обрушившіяся части укрѣпленія. Смертность со второй половины прошлаго года была непомѣрная. Изъ сотни сводной команды Тенгинскаго и Навагинскаго полковъ, присланной для усиленія гарнизона, осталось 12 человѣкъ, 18 солдатъ находилось въ лазаретѣ, а остальные 70 умерли.

Фортъ Лазаревъ на р. Псезуапе имѣлъ такія сырыя и холодныя помѣщенія, что люди ходили согрѣваться изъ казармъ въ баню и караульню. Лазаретъ помѣщенъ былъ въ кухнѣ, въ которой не было половъ и при необычайной тѣснотѣ былъ удушливый и зараженный воздухъ. Серебряковъ нашелъ въ укрѣпленіи только 30 человѣкъ здоровыхъ, остальные были слабы, болѣзненнаго и изнеможеннаго вида. Въ лазаретѣ лежало 26 больныхъ. Со времени вступленія гарнизона въ фортъ, сооруженный въ 1839 г., умерло 86 человѣкъ и почти всѣ отъ изнурительнаго поноса. Дезертеровъ было 9 человѣкъ. Медикаменты истощены. Палительнаго фитиля, картечи для ближней дистанціи и пакли для смоленія гранатъ не было. Все это Серебряковъ пополнилъ запасами изъ другихъ укрѣпленій.

Дѣлая въ заключеніе общіе выводы изъ обзора всѣхъ укрѣпленій, контръ-адмиралъ Серебряковъ прибавилъ, что по 1-му отдѣленію Черноморской побережной линіи четыре укрѣпленія—Кабардинка, Геленджикъ, Новотроицкое и Лазаревское, остались безъ артиллерійскихъ офицеровъ.

Чтобы закончить общую характеристику того состоянія укрѣпленій, въ какомъ они находились передъ погромомъ ихъ въ 1840 г., слѣдуетъ привести еще отзывъ г.-л. Раевскаго о вооруженіи форта Лазарева. Укрѣпленіе на р. Псезаупе, писалъ 12 сентября 1839 г. Раевскій, окончено, но не вооружено; недоставлена еще была артиллерія. Чтобы сдѣлать одинъ выстрѣлъ изъ крѣпостнаго орудія, —пояснялъ генералъ Раевскій,—надо посылать въ Анапу и Тамань за пушками, а разнаго рода мелочи, необходимыя для орудія, нужно собирать частями отовсюду—изъ Георгіевска, Дмитріевска, Усть-Лабы Темнолѣсской крѣпости". Необыкновенныя жары и засухи породили всюду по побережью желчную горячку и лихорадку. Больныхъ

было много. Во второмъ отдѣленіи линіи заболѣлъ самъ начальникъ ея г.-м. Ольшевскій, у котораго умерла жена и 4 человѣка прислуги изъ пяти. Въ дѣйствующемъ отрядѣ, охранявшемъ постройку форта Лазарева, количество больныхъ доходило до 2000 человѣкъ. Въ февралѣ 1840 г. въ фортѣ Головинскомъ изъ 230 человѣкъ гарнизона было 120 человѣкъ больныхъ, а въ укрѣпленіи Навагинскомъ на 243 человѣка 134 больныхъ. Гарнизонъ форта Лазарева состоялъ изъ 230 человѣкъ, но здоровыхъ было не болѣе 90 чел., остальные лежали въ лазаретѣ. Позже Серебряковъ писалъ по этому поводу Раевскому: „всѣ укрѣпленія въ одинаковомъ положеніи и ихъ всѣхъ ожидаетъ одна участь, если не будутъ немедленно и значительно усилены гарнизоны“. Но Раевскій мѣсяцемъ раньше сообщилъ уже командующему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи г. Граббе „о беззащитномъ состояніи укрѣпленій береговой линіи“ и напрасно просилъ дать ему подкрѣпленія. Черезъ два дня онъ повторилъ свою просьбу, такъ какъ въ Михайловскомъ укрѣпленіи изъ двухъ ротъ 50 солдатъ было здоровыхъ.

Не удивительно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, съ началомъ 1840 г. послѣдовалъ крахъ въ оборонѣ Черноморскаго побережья и его укрѣпленій. Въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ этого года одно за другимъ было взято горцами 4 укрѣпленія на побережьѣ: 7 февраля фортъ Лазаревъ, 27 февраля фортъ Головинскій, 29 февраля укрѣпленіе Вельяминовское и Туапсе и 22 марта Михайловское укрѣпленіе. Въ то же время 30 марта было взято черкесами укрѣпленіе Николаевское по ту сторону горъ.

Относительно взятія форта Лазарева сохранились очень интересныя подробности. Иностранецъ Андрей Жанъ-Берменъ сообщилъ 21 февраля командующему войсками Кавказскаго корпуса Граббе, что фортъ Лазаревъ былъ взятъ при посредствѣ перебѣжчика убыха. Убыхъ Шогенъ-муса, похитившій дѣвушку, бѣжалъ съ нею, изъ опасенія мести, къ русскимъ въ фортъ Лазаревъ. Здѣсь онъ прожилъ 3 мѣсяца и вошелъ въ такое довѣріе коменданта, что свободно уходилъ ночью изъ форта, воровалъ у убыховъ скотъ и пр. Рѣшивши вернуться на родину, Шогенъ-муса, чтобы получить прощеніе отъ убыховъ, обѣщалъ имъ передать фортъ Лазаревъ. Убыхи приняли это предложеніе. Собралось болѣе 1200 чел. убыховъ, натухайцевъ, шапсуговъ и вардане, съ которыми Шогенъ-муса, пользуясь правомъ свободнаго входа, и ворвался въ фортъ Лазаревъ. Дальнѣйшія подробности передалъ генералу Зассу выкупленный изъ плѣна у горцевъ рядовой Тенгинскаго полка Комаревскій. Гарнизонъ форта Лазарева, въ составѣ котораго онъ находился, состоялъ, по его показанію, изъ 4 офицеровъ, 20 азовскихъ казаковъ и 160 солдатъ, изъ которыхъ было до 80 серьезно больныхъ. Горцы проникли въ фортъ 7 февраля на разсвѣтѣ, быстро убили часовыхъ, такъ что выбѣжавшіе на тревогу солдаты не успѣли ни одѣться, ни вооружиться, заняли фасы и открыли изъ за туръ мѣткій

огонь. Обращенными внутрь укрѣпленія орудіями было сдѣлано только 5 выстрѣловъ. Завязался рукопашный бой, длившійся не болѣе получаса. Весь гарнизонъ легъ на мѣстѣ. Отдѣльной группой 30 рядовыхъ держались нѣкоторое время, но были взяты въ плѣнъ живыми. Азовскіе казаки, бывшіе на берегу моря, сдѣлали отсюда 10 орудійныхъ выстрѣловъ. Изъ 10 здоровыхъ казаковъ 5 было убито и 5 взято въ плѣнъ. Общая схватка продолжалась 3 часа. Горцы изрубили больныхъ, ограбили укрѣпленіе и сожгли строеніе. До обѣда они дѣлили добычу и взяли въ плѣнъ 40 человѣкъ. Горцевъ, участвовавшихъ во взятіи форта Лазарева, было 1500 человѣкъ, изъ числа которыхъ они одними убитыми потеряли 150 человѣкъ.

Какъ видно, изъ рапорта отъ 3 сентября 1840 г. прапорщика Николаенко, оставшагося въ живыхъ послѣ взятія Вельяминовскаго форта горцами, гарнизонъ былъ заранѣе предупрежденъ о нападеніи черкесовъ на фортъ. Съ разсвѣтомъ 29 февраля солдаты и офицеры стояли уже въ боевомъ порядкѣ на главныхъ мѣстахъ форта. Скоро изъ сосѣдняго ущелья показались горцы и бросились на укрѣпленіе. Небольшое количество ихъ взобралось на обвалившійся брустверъ, но отсюда ихъ вытѣснили солдаты штыками. Когда показалась огромная, до 10000 человѣкъ, масса горцевъ, то начался второй приступъ, и горцы, подавляя громаднымъ количествомъ силъ крошечный гарнизонъ, скоро ворвались въ укрѣпленіе. Зажегши офицерскій домъ, они разбили этимъ на нѣсколько частей гарнизонъ. Произошелъ отчаянный бой. Прежде всего убитъ былъ воинскій начальникъ Папа Кристо, раненъ и взятъ въ плѣнъ прапорщикъ Луковскій и убито было много солдатъ. Остатокъ гарнизона, послѣ этой схватки, былъ отброшенъ непріятелемъ къ бастіону № 3. Офицеры—подпоручики Худобашевъ и Румянчиковъ, прапорщики Лико, Цакни и Николаенко, рѣшили направить орудія на непріятеля. Это нѣсколько измѣнило ходъ борьбы, такъ какъ выстрѣлами изъ орудій нанесенъ былъ большой уронъ непріятелю. Но въ тоже время и ружейная пальба горцевъ дѣлала свое дѣло. Худобашевъ и Лико были ранены, среди нижнихъ чиновъ было много убитыхъ и раненыхъ. Черкесы лѣзли въ укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ. Видя это, прапорщикъ Цакни, съ общаго совѣта и желанія офицеровъ, вручивъ подпоручику Румянчикову зажженный фитиль, сказалъ, чтобы онъ „исполнилъ свой долгъ“—взорвать пороховой погребъ. Румянчиковъ согласился на это, но былъ изрубленъ горцами прежде, чѣмъ успѣлъ выполнить данное ему порученіе. Въ то же время Худобашева взяли въ плѣнъ, а Лико убили. Горсть гарнизона отступила къ блокгаузу и заняла его, отстрѣливаясь здѣсь въ продолженіи двухъ часовъ и не сдаваясь въ плѣнъ. Въ живыхъ осталось только 20 рядовыхъ и прапорщикъ Цакни.

Такова же была участь и остальныхъ укрѣпленій, взятыхъ горцами.

Были затѣмъ попытки захватить и другія укрѣпленія. Такъ, 23 и 24 марта черкесы пытались взять Навагинское укрѣпленіе, но были отражены гарнизонными войсками. Несомнѣнно, что горцы взяли укрѣпленія, благодаря главнымъ образомъ малочисленности и слабости гарнизоновъ. „Будь въ Лазаревскомъ фортѣ, говоритъ Раевскій, вмѣсто 30 здоровыхъ человѣкъ 250, а въ Вельяминовскомъ вмѣсто 300 больныхъ 600 здоровыхъ, горцы не взяли бы сихъ укрѣпленій“. Тѣмъ не менѣе Раевскому было поставлено въ вину дробленіе войскъ на мелкіе отряды, и онъ отстраненъ былъ отъ командованія войсками Черноморской береговой линіи, а на его мѣсто назначенъ былъ генералъ Анрепъ. Въ видѣ репрессіи противъ горцевъ, взявшихъ фортъ Лазаревъ и укрѣпленіе Михайловское, военный министръ графъ Чернышевъ 12 апрѣля 1840 г. приказалъ направить военную экспедицію въ землю убыховъ, а лѣтомъ жечь и уничтожать ихъ „посѣвы, жатву и запасы“. Болѣе дѣйствительнымъ средствомъ было приведеніе въ надлежащій видъ укрѣпленій и снабженіе ихъ достаточными военными силами, оружіемъ и зарядами.

Оправдывая въ своемъ предписаніи 11 марта 1840 г. контръ-адмирала Серебрякова въ томъ, что онъ не могъ своевременно дать одкрѣпленія форту Вельяминовскому, генералъ Раевскій приказалъ усилить гарнизоны слѣдующихъ укрѣпленій.

Въ Новороссійскъ къ 700 чел. гарнизона предположено было прибавить 400 солдатъ и оставить для защиты фрегатъ Браиловъ съ 150 матросами.

Въ Кабардинкѣ къ 245 чел. гарнизона прибавлено 100 чел.

Въ Геленджикѣ гарнизонъ въ 434 человѣкъ увеличенъ былъ 200 человѣкъ.

Въ Новотроицкомъ укрѣпленіи прибавлено 100 солдатъ къ 264 чел. гарнизона.

На Михайловское укрѣпленіе назначено было 95 чел. къ 505 чел. гарнизона.

Въ Тенгинскомъ укрѣпленіи гарнизонъ изъ 288 усиленъ былъ до 350 чел.

Въ фортѣ Головинскомъ гарнизонъ въ 378 чел. оставленъ былъ безъ пополненія.

Наконецъ, въ фортѣ Навагинскомъ къ гарнизону въ 309 человѣкъ прибавлено 91.

Такимъ образомъ, общая цифра подкрѣпленія по всему побережью равнялась 1048 чел. Корветъ Пендераклія оставленъ былъ для защиты Геленджика, впредь до прибытія какого-либо другого фрегата. Для перевозки подкрѣпленій по линіи въ распоряженіе Серебрякова были отданы пароходы „Могучій“ и „Боецъ“. Кромѣ того, 222 чел. были распредѣлены поровну между укрѣпленіями Св. Духа и Гаграми.

Несмотря на эти предосторожности, можно было ждать нападенія всюду на укрѣпленія горцевъ. Воинскій начальникъ Геленд-

жика 11 марта 1840 г. писалъ контръ-адмиралу Серебрякову о тревожномъ состояніи Геленджикскаго гарнизона. На вершинахъ горъ разъѣзжали горцы, наблюдавшіе Геленджикъ и выяснявшіе численность его гарнизона; ночью виднѣлись огоньки и слышалось ржанье лошадей—черкесы, повидимому, разъѣзжали вблизи крѣпости. Въ полночь 12 января воинскій начальникъ вынужденъ былъ поставить на ноги весь гарнизонъ, въ виду тревожнаго времени. Двое рядовыхъ бѣжало къ черкесамъ. Состояніе духа у гарнизона было подавленное. Въ лазаретѣ находилось 70 больныхъ и болѣе 50 помѣщено было въ казармахъ. Воинскій начальникъ просилъ подкрѣпленія въ 300 человѣкъ.

Въ такомъ же тревожномъ состояніи находились и другія укрѣпленія. Такъ, 9 марта 1840 г. генералъ Ольшевскій сообщалъ Раевскому, что послѣ взятія форта Вельяминовскаго, горцы намѣреваются взять укрѣпленіе Св. Духа. Въ рапортѣ 14 марта Ольшевскій доносилъ Раевскому, что командиръ транспорта „Субаши" привезъ просьбу начальника укрѣпленія Св. Духа объ оказаніи ему помощи, въ виду готовившагося нападенія горцевъ на укрѣпленія. Моряки видѣли также блокаду черкесами Навагинскаго укрѣпленія. 11 того же марта комендантъ Анапы доносилъ Раевскому, что горцы, узнавши о взятіи черкесами двухъ прибережныхъ укрѣпленій, намѣреваются взять и Анапу.

Эта тревога гарнизоновъ перенесена была въ русскія укрѣпленія, расположенныя въ глубинѣ владѣній шапсуговъ и натухайцевъ. Генералу Заводовскому сообщено было 7 апрѣля, что присяжный лазутчикъ Сельменъ Пшазо увѣдомилъ о пріѣздѣ шапсуговъ съ береговъ Чернаго моря къ шапсугамъ, живущимъ около Абина, Николаевскаго и Ольгинскаго укрѣпленій. Прибывшіе съ Черноморскаго побережья черкесы просили помочь имъ взять укрѣпленіе Новотроицкое на Пшадѣ, а они, взамѣнъ того, обѣщали дать имъ помощь для взятія Абина, Николаевскаго или Ольгинскаго укрѣпленія. Заводовскій приказалъ принять предохранительныя мѣры.

Въ мартѣ того же года Серебряковъ сообщилъ Раевскому, что горцы, собираясь въ большія толпы, готовились произвести нападенія на русскія укрѣпленія. Носились слухи, что они хотѣли взять сначала Абинское и другія укрѣпленія, расположенныя внутри ихъ владѣній, но имъ помѣшала сдѣлать это непогода. Серебряковъ предлагалъ поставить ультиматумъ натухайцамъ—или покориться добровольно, или же подвергнуться дѣйствію русскаго оружія, и непремѣнно привести въ исполненіе послѣдній планъ, если натухайцы не покорятся. Въ другомъ рапортѣ отъ 31 марта Серебряковъ писалъ Раевскому, о намѣреніяхъ горцевъ взять русскія укрѣпленія, въ томъ числѣ фортъ Раевскій, Новороссійскъ и др. Горцы, жившіе на югѣ отъ р. Пшады, прислали, между прочимъ, слѣдующее воззваніе натухайцамъ, жившимъ между Пшадой и Анапой:

„Вы правовѣрны и тѣмъ тщеславитесь передъ нами, называя насъ поклонниками деревъ, но мы, идолопоклонники, дѣло свое

начали—Богъ благословилъ насъ и мы взяли три укрѣпленія. О чемъ же думаете вы, правовѣрные? И не стыдно ли оставаться въ бездѣйствіи. Теперь наша очередь величаться передъ вами".

Въ отвѣтъ на это натухайцы писали южнымъ горцамъ: „Мы—правовѣрные и это докажемъ; начинаемъ дѣло съ тѣмъ, чтобы превзойти ваши успѣхи, или самимъ лечь, а женъ своихъ оставить на поруганіе русскимъ".

Хотя горцы-убыхи, шапсуги и ихъ союзники, и взяли уже три укрѣпленія, но ихъ дальнѣйшія предположенія и прокламаціи остались невыполненными. Въ свою очередь, русскія военныя власти рѣшили снова занять укрѣпленія, взятыя горцами и потомъ ими оставленныя. Какъ видно изъ журнала военныхъ дѣйствій за 1840 г., фортъ Вельяминовскій на р. Туапсе вновь былъ занятъ русскими войсками 11 мая 1840 г. безъ сопротивленія горцевъ. Десантомъ были розысканы останки отъ 141 трупа, изъ прежняго гарнизона, и преданы землѣ. Утромъ 22 мая былъ высаженъ десантъ на р. Псезуапе, гдѣ былъ взятъ черкесами фортъ Лазаревъ. Здѣсь горцы пробовали препятствовать занятію форта, но моряки артиллерійскимъ огнемъ не допустили ихъ къ мѣсту расположенія его. Фортъ не былъ поврежденъ горцами. Здѣсь также преданы были землѣ останки убитыхъ при взятіи крѣпости солдатъ. На Псезуапе былъ не только занятъ фортъ, но и предпринятъ 28 мая поискъ по этой рѣкѣ. При незначительныхъ столкновеніяхъ съ горцами отрядъ сжегъ, на протяженіи 7 верстъ, 13 ауловъ, изъ которыхъ 11 имѣли по 6 саклей, а два по 25. При отрядѣ была команда съ топорами, которая уничтожила всѣ виноградники и фруктовыя деревья, насаженныя горцами въ долинѣ. Пока подновлялось укрѣпленіе Лазаревское, горцы все время слабо тревожили отрядъ. При поискѣ на Псезуапе въ аулахъ, занятыхъ русскими, были найдены вещи, захваченныя горцами при взятіи форта Лазаревскаго. Въ трехъ верстахъ отъ форта найдены чугунныя орудія безъ лафетовъ. Горцы не смогли втащить ихъ на горы и бросили.

Тѣмъ не менѣе къ осени 1840 г. укрѣпленія побережья снова рисковали остаться беззащитными, съ уходомъ съ береговой линіи вспомогательныхъ отрядовъ, какъ указывалъ на это 8 сентября начальникъ 2-го отдѣленія линіи полковникъ Муравьевъ, назначенный на мѣсто г.-м. Ольшевскаго.

Въ фортѣ Головинскомъ, по сообщенію Муравьева, было подъ ружьемъ 110 человѣкъ при 41 больномъ. Остальные, недостающіе по комплекту, нижніе чины частью умерли, а частью отправлены въ госпиталь другихъ укрѣпленій.

Въ фортѣ Навагинскомъ къ 1 августа было здоровыхъ 151 чел. и больныхъ 47. Остальные, недостающіе по комплекту солдаты, умерли и находились въ разныхъ госпиталяхъ.

Въ укрѣпленіи Св. Духа на 217 здоровыхъ солдатъ было 74 больныхъ.

Эти три укрѣпленія приводились въ надлежащій видъ и содержались въ исправности при помощи трехъ пѣшихъ полковъ Черноморскаго войска. Съ уходомъ ихъ и двухъ ротъ Тенгинскаго и Навагинскаго полковъ укрѣпленія должны были остаться безъ защиты.

Въ Awaiting Гаграхъ на 380 здоровыхъ было 80 больныхъ солдатъ. Гагры находились въ столь неудовлетворительномъ состояніи, что для защиты ихъ требовалось 200 или 300 человѣкъ подкрѣпленія.

Въ 1842 г. было возведено послѣднее укрѣпленіе изъ ряда предположенныхъ къ постройкѣ на Черноморскомъ побережьѣ— Гостагаевское. Оно было заложено въ самомъ сердцѣ натухайскихъ земель и для постройки его снаряженъ былъ цѣлый отрядъ войскъ подъ командой контръ-адмирала Серебрякова.

Въ началѣ 1842 г. горцы вели себя спокойно, особенно натухайцы долинъ Чусхабльской, Цемесской, Озерейской, Сукко и др. Но натухайцы, жившіе по р. Гостагаю дѣйствовали вызывающе какъ непріятели, не упускавшіе случая, чтобы завести перестрѣлку съ русскими. Это ускорило рѣшеніе о постройкѣ укрѣпленія на р. Гостагай. Встревоженные горцы въ свою очередь начали собираться. Натухайцы просили горцевъ другихъ племенъ оказать имъ помощь. На Гостагай потянулись, кромѣ натухайцевъ, шапсуги, абадзехи и даже убыхи. Между тѣмъ русскія войска, въ составѣ 3000 человѣкъ пѣхоты и 400 конницы, при 10-ти пушкахъ направились на Гостагай для возведенія укрѣпленія. Одинъ изъ лазутчиковъ 2 іюня сообщилъ, что сборище горцевъ увеличивается, что изъ разныхъ мѣстъ они перетащили 7 орудій и что, по прибытіи всѣхъ ожидаемыхъ ими силъ, они предпримутъ рѣшительныя дѣйствія. Такъ какъ горцы стали подходить близко къ цѣпи, чтобы вредить отряду, то Серебряковъ, желая отучить ихъ отъ этого, еще съ вечера приказалъ сдѣлать засаду у мѣста, гдѣ должны были производиться работы. Шапсуги въ свою очередь спѣшили засѣсть на разсвѣтѣ въ удобномъ мѣстѣ для внезапнаго нападенія на прикрытіе при работахъ, но лишь только они приблизились къ засадѣ пластуновъ, какъ залпомъ послѣднихъ былъ убитъ у нихъ одинъ всадникъ и три ранено. Схвативши убитаго и раненаго, они болѣе не повторяли уже своихъ пріемовъ скрытаго нападенія на цѣпь и прикрытіе.

Между тѣмъ, притокъ горцевъ на Гостагай все увеличивался. Однихъ шапсуговъ, по словамъ лазутчиковъ, собралось до двухъ тысячъ человѣкъ. Были абадзехи и убыхи. Горцы, достаточно усилившись, рѣшили тревожить русскій лагерь пока мелкими партіями. Горцы рѣшили, что какъ только подойдутъ къ нимъ подкрѣпленія, а русская колона двинется изъ отряда въ Анапу, откуда отрядъ получалъ скотъ, провіантъ заряды и пр., то они, раздѣлившись на двѣ части, одну изъ нихъ меньшую, направятъ на колону, чтобы отвлечь вниманіе отряда, изъ котораго непремѣнно будетъ послана на помощь колонѣ часть войскъ, а другая часть ополченія въ это время быстро обрушится на лагерь, захватитъ его, уничто-

жить возведенныя части укрѣпленія и предпишетъ миръ русскимъ. Къ 7 іюня сборище горцевъ сильно увеличилось и горцы скучали отъ бездѣйствія. Абадзехи и шапсуги упирали на то, что имъ нельзя долго оставаться здѣсь, такъ какъ русскіе, узнавши объ ихъ отсутствіи на Лабѣ и Кубани, нападутъ на ихъ аулы и разорятъ беззащитныя ихъ жилища. Горцы, пользуясь численнымъ превосходствомъ надъ русскими, должны произвести нападеніе на русскій лагерь. Серебряковъ, узнавши объ этихъ замыслахъ черкесовъ, рѣшилъ, поэтому, предупредить нападеніе горцевъ и назначилъ на 8 іюня движеніе отряда противъ нихъ. Въ 3 часа ночи этого числа русскія войска выступили изъ лагеря къ востоку, гдѣ чаще всего и въ наибольшемъ количествѣ показывались непріятельскія толпы. Поднявшись на хребетъ Сенетхъ, войска начали жечь расположенные по скатамъ его аулы. Встревоженные горцы стали толпами бросаться на встрѣчу отряду. Завязалась отчаянная борьба горцевъ съ русскими войсками. Девять часовъ подрядъ не прекращался батальный ружейный огонь съ обѣихъ сторонъ. Русскій отрядъ громилъ непріятеля пушками, посылалъ отдѣльныя части войскъ въ атаку, казаки дѣйствовали пиками, солдаты штыками, пластуны, считавшіеся лучшими стрѣлками, поражали непріятеля ружейнымъ огнемъ. Черкесы дрались отчаянно, но были разбиты на всѣхъ пунктахъ.

Въ 5 часовъ вечера отрядъ былъ въ лагерѣ, очистивъ отъ непріятеля окрестности Гостагая къ востоку на протяженіи 17 верстъ и истребивши до 150 ауловъ. Въ дѣлѣ 8 іюня участвовали всѣ натухайцы, большая часть шапсуговъ, много абадзеховъ и въ небольшомъ количествѣ убыхи. Общее число союзниковъ равнялось 5—6-ти тысячамъ. Потери ихъ были значительны—не менѣе 100 убитыми и тяжело ранеными. Особенно много было убито лошадей пушечною картечью. Были и захваченные въ плѣнъ горцы. У русскихъ выбыло изъ строя 1 убитый, 1 умершій отъ ранъ, 8 раненыхъ и нѣсколько контуженныхъ.

Утромъ 10 іюня явился въ лагерь безъ оружія натухайскій старшина Ханту и просилъ дать натухайскому народу 10-ти дневный срокъ для переговоровъ. Раевскій назначилъ только пять дней. Между тѣмъ союзники натухайцевъ, уходя домой, рѣшили грабить, гдѣ окажется возможнымъ, русскихъ, а если это не удастся, то цемескихъ и другихъ, не участвовавшихъ въ борьбѣ съ русскими натухайцевъ, за ихъ равнодушіе къ общему дѣлу. Но русскіе, предупрежденные объ этомъ, во время послали войска въ мѣста, которымъ могли угрожать уходившіе по ауламъ союзники, и не позволили мародерствовать шапсугамъ и абадзехамъ. Остальнымъ натухайцамъ волею-неволею пришлось смириться передъ русскою силою,

Послѣднія военныя дѣйствія горцевъ ярко обнаружили слабыя стороны ихъ военной тактики и пріемовъ. Горцы вдвое превосходили своею численностью русскихъ, дрались отчаянно, имѣли, по слухамъ, въ своемъ распоряженіи 7 пушекъ—и, однако, потерпѣли полное

пораженіе. Два обстоятельства способствовали этому: неумѣнье обращаться съ пушками и отсутствіе планомѣрныхъ дѣйствій. Пушекъ горцы совсѣмъ не пускали въ дѣло и самыя пушки служили какъ бы приманкою для того, чтобы вокругъ нихъ собрать побольше ополченія. Заинтересовавшись черкесскими пушками, русскіе узнали, что одна изъ нихъ, которую они пускали только разъ въ дѣло въ 1828 г., находилась въ аулѣ Мамсыра, одного изъ главныхъ и вліятельныхъ предводителей натухайскаго народа. Пушку эту подарили турки натухайцамъ, какъ „залогъ союза", и натухайцы считали ее народною собственностью. Она была такъ дорога народу, что, по словамъ Мамсыра, онъ скорѣе рѣшился бы потерять жену и дѣтей и обрить свои усы, чѣмъ лишиться орудія. Судьбѣ угодно было посмѣяться надъ натухайцами. Тайкомъ русскіе послали довольно сильный отрядъ для завладѣнія пушкою. Аулъ, въ которомъ хранилась пушка, внезапно былъ захваченъ этимъ отрядомъ, и орудіе, послѣ тщательныхъ розысковъ, было найдено въ соломенномъ сарайчикѣ. Оно оказалось бронзовою пушкою турецкаго литья и калибра близкаго къ 6-ти фунтовому. Узнавши о нападеніи русскихъ на аулъ, окрестные горцы начали собираться у послѣдняго. Не смотря на то, что ихъ собралось до 200 чел., они не посмѣли напасть на русскихъ, благодаря открытой мѣстности и своей относительной малочисленности.

Захватъ русскимъ отрядомъ 21 іюня національнаго натухайскаго орудія такъ поразилъ натухайцевъ, что, по словамъ ихъ, для нихъ было бы менѣе чувствительно взятіе въ плѣнъ жителей цѣлаго ущелья, чѣмъ потеря завѣтной пушки. „Чѣмъ мы будемъ оправдываться передъ султаномъ, говорили натухайцы, когда онъ узнаетъ, что мы не съумѣли сберечь его орудія?" Все это было дѣтски наивно и смѣшно. Пушку хранили черкесы не для военнаго дѣла, а какъ реликвію. Впрочемъ, потеря натухайцами этого единственнаго орудія имѣла другое для нихъ значеніе: они теряли престижъ и довѣріе у другихъ горцевъ.

Что касается второй причины неудачи горцевъ—отсутствія планомѣрности въ ихъ военныхъ дѣйствіяхъ, то она была тѣсно связана съ примитивностью всего строя у черкесскихъ племенъ. У нихъ не было ни учрежденій, ни правителей для объединенія дѣйствій, какъ по внутреннему управленію страной, такъ и по организаціи постоянной арміи. Въ этомъ отношеніи закубанскіе и черноморскіе горцы далеко отстали даже отъ горскихъ племенъ Дагестана. Натухайцы и шапсуги, какъ отмѣчено это въ журналѣ военныхъ дѣйствій Черноморскаго побережья за 25 іюня 1842 г., имѣли очень смутныя представленія о Шамилѣ и мало понимали значеніе его крупной реформаторской дѣятельности по объединенію разрозненныхъ племенъ. Они смѣшивали Шамиля съ Кази-Муллою и другими агитаторами кавказскихъ горцевъ. Въ послѣднее время всѣ эти народные вожаки смутно сливались у нихъ въ легендѣ о какомъ-то Имамѣ Харисѣ, пророкѣ и защитникѣ правовѣрія. Оче-

видно, черкесы Закубанья и Черноморскаго побережья политически не доросли до той стадіи исторической подготовки, на которой стояли современныя имъ племена Дагестана. Идеи мюридизма, въ видѣ учрежденія мутазиговъ, плохо прививались; народныя мегкеме существовали не долго; вожаки, за исключеніемъ самаго крупнаго изъ нихъ, Магометъ-Амина, не имѣли успѣха. Вотъ почему лишенныя постоянной организаціи и плохо дисциплинированныя толпы черкесовъ быстро разстраивались и распадались при первыхъ выстрѣлахъ изъ пушекъ организованныхъ русскихъ войскъ.

Но около этого времени и началась собственно усиленная агитаціонная дѣятельность самаго талантливаго представителя Шамиля Магометъ-Амина. Въ апрѣлѣ 1844 г. Магометъ-Аминъ волновалъ натухайцевъ и шапсуговъ. Горцы собирались толпами на виду у русскихъ. Около 19 марта собралось до 1500 шапсуговъ. Съ 20 марта толпа эта перешла въ Баканское ущелье и ночевала въ 7 верстахъ отъ форта Раевскаго. Въ 9 часовъ утра 27 марта до 50 горцевъ бросились на казаковъ станицы Николаевской, работавшихъ на огородахъ, но были отражены командою Черноморскаго линейнаго № 1-й баталіона. Въ большемъ количествѣ горцы напали на Витязеву станицу, но встрѣченные пушечною пальбою, смѣшались и направились отсюда за р. Напсухо къ станицѣ Суворовской. Изъ послѣдней двинулось на встрѣчу горцамъ 60 человѣкъ пѣхоты и 80 казаковъ при одномъ единорогѣ, подъ командою войскового старшины Донскаго войска Бирюкова. Но у р. Напсухо они столкнулись съ партіей черкесовъ, въ 10 разъ превышавшей численностью русскій отрядъ. Бирюковъ съ казаками и солдатами занялъ удобное положеніе и въ продолженіе двухъ часовъ велъ перестрѣлку, пока къ нему не было послано подкрѣпленіе изъ станицы Витязевой. Тогда горцы, безуспѣшно сдѣлавши послѣдній натискъ, бросились въ безпорядкѣ въ бѣгство. У русскихъ было убито 2 нижнихъ чина, ранено 7 и контужено 7. Горцы не успѣли захватить вмѣстѣ съ другими убитыми и ранеными двухъ раненыхъ, вскорѣ умершихъ. Одинъ изъ нихъ былъ Шеретлукъ-Ногайзы, извѣстный предводитель горцевъ. При немъ найдено было письмо Магометъ-Амина на арабскомъ языкѣ. Въ письмѣ Магометъ-Аминъ призывалъ правовѣрныхъ къ борьбѣ съ русскими и благословлялъ каждаго, кто присоединится къ Ногайзы. По свѣдѣніямъ горцевъ, они потеряли болѣе 100 человѣкъ убитыми и ранеными.

Близъ Новороссійска также показались горцы, но были отражены высланными изъ Новороссійска командами. Только одна партія черкесовъ успѣла захватить три штуки рогатаго скота, но поплатилась за нихъ нѣсколькими убитыми изъ пушекъ. У русскихъ было убито 2 и раненъ 1.

Во 2-мъ отдѣленіи Черноморской береговой линіи горцы вступили въ мѣновую торговлю съ русскими въ укрѣпленіяхъ Тенгинскомъ, Лазаревомъ и Головинскомъ. Тутъ не замѣчалось вліянія на

горцевъ Магометъ-Амина и его приверженцевъ. Въ другихъ мѣстахъ были лишь мелкія стычки. Въ это время вступили въ подданство Россіи до 500 семействъ джегетовъ.

Около 5 апрѣля Магометъ-Аминъ собралъ въ Адагумѣ до 2000 горцевъ, но всѣ они разошлись по ауламъ вслѣдствіе ненастья. Въ срединѣ апрѣля команда, доставившая благополучно порціонный скотъ въ Геленджикъ, на обратномъ пути окружена была горцами, съ которыми и вела перестрѣлку въ теченіе 10 часовъ, не потерявши ни одного человѣка. У горцевъ было убито 2 и нѣсколько ранено. Около того же времени произошелъ цѣлый рядъ мелкихъ стычекъ при рубкѣ лѣса, нападеніяхъ на скотъ, укрѣпленія и пр.

Въ маѣ были посланы изъ Лазаревскаго укрѣпленія двѣ казачьихъ лодки для поимки контрабанднаго судна. Сблизившись съ непріятелемъ, азовцы открыли стрѣльбу изъ фальконета. Турки отвѣчали имъ изъ трехъ пушекъ. При еще большемъ сближеніи судовъ завязалась перестрѣлка изъ ружей. Казаки выстрѣлами изъ фальконетовъ повредили нѣсколько снастей, убили рулевого и нѣсколько матросовъ, но зыбь помѣшала имъ захватить турецкое судно. У русскихъ было ранено трое. По разсказамъ горцевъ, на турецкомъ суднѣ находилось 16 турокъ и до 80 черкесовъ. У нихъ убиты были шкиперъ, 5 турокъ, 9 черкесовъ и ранено 11 человѣкъ.

Въ маѣ и іюнѣ былъ цѣлый рядъ стычекъ русскихъ съ горцами близъ разныхъ укрѣпленій. Начальникъ 1-го отдѣленія линіи съ отрядомъ въ 750 солдатъ и 300 конныхъ казаковъ, при 3 полевыхъ орудіяхъ и одномъ горномъ единорогѣ, прошелъ 7 мая изъ Новороссійска на Вареникову пристань для осмотра натухайскихъ земель. Горцы все время сопровождали отрядъ безъ враждебныхъ отношеній, но не хотѣли вступать въ близкія отношенія съ русскими, въ силу данной ими клятвы Магометъ-Амину. Дорогою 11 мая одинъ горецъ выстрѣлилъ въ упоръ изъ пистолета въ офицера, котораго понесла изъ отряда перепуганная лошадь, и тяжело ранилъ его. Вслѣдъ за этимъ открылась съ обѣихъ сторонъ перестрѣлка, длившаяся три часа. У русскихъ, за исключеніемъ вѣроломно раненаго офицера, урона не было, а черкесы оставили на мѣстѣ 5 тѣлъ и неизвѣстно, сколько увезли убитыхъ и раненыхъ съ собою. Истребивши 12 натухайскихъ ауловъ, 13 мая русскій отрядъ возвратился обратно.

Съ 14 по 15 іюня десантнымъ отрядомъ въ 153 человѣка истреблено было двухмачтовое контрабандное судно-бригъ, приставшее къ берегу въ бухточкѣ р. Хотецай, между укрѣпленіями Геленджикомъ и Новотроицкимъ. Въ 50 саженяхъ отъ судна найдены были балаганы, въ которыхъ были сложены товары и жили турки. Русскіе сожгли балаганъ. При сильной ружейной перестрѣлкѣ въ русскомъ отрядѣ раненъ 1 и контужены 2 рядовыхъ. Недалеко отъ берега найдено турецкое гребное шестивесельное судно и якорь въ 16 пудовъ вѣсомъ. То и другое взято было отрядомъ.

Въ первыхъ числахъ іюля, между Лазаревымъ и Головинскимъ фортами, прибыло изъ Турціи контрабандное судно большого размѣра

и хорошей постройки. Начальникъ азовскихъ командъ войсковой старшина Бараховичъ отправился изъ форта Вельяминовскаго 8 іюля вечеромъ съ 3 офицерами и 155 казаками на 8 ладьяхъ къ устью р. Мезуапсе и, пользуясь темнотою ночи, высадился на берегъ. Не смотря на сильный огонь изъ ружей и пушки со стороны черкесовъ, отрядъ изрубилъ и сжегъ контрабандное судно, отнялъ у горцевъ орудіе и взялъ черкесскую галеру на 40 человѣкъ, потерявши ранеными 3 офицеровъ и 8 казаковъ. Изъ 12 контрабандныхъ судовъ, прибывшихъ въ теченіе лѣта на Черноморское побережье, 7 было взято азовскими казаками и уничтожено.

Но особенно жаркое дѣло между русскими и черкесами произошло 16 іюля въ укрѣпленіи Головинскомъ. За два часа до разсвѣта болѣе 6 тысячъ горцевъ ворвались въ Головинское укрѣпленіе и овладѣли 3-мъ бастіономъ его. Начальникъ укрѣпленія майоръ Яншинъ сосредоточилъ наличныя силы въ 4-мъ бастіонѣ, гдѣ былъ пороховой погребъ. Разставивши здѣсь орудія, онъ, въ ожиданіи пока посвѣтлѣетъ, мѣшалъ непріятелю выйти на среднюю площадь и занять остальныя части укрѣпленія. Въ это время пѣшіе горцы грабили строенія занятой ими части укрѣпленія, а всадники увозили изъ крѣпости добычу, трупы убитыхъ и раненыхъ. Но лишь только начало свѣтать, какъ майоръ Яншинъ распорядился объ аттакѣ непріятеля. Послѣ залпа картечью изъ пушекъ, солдаты съ двухъ сторонъ двинулись въ штыки за горцевъ, которые бросились изъ укрѣпленія. Густая толпа бѣгущихъ была поражаема пушечною картечью изъ двухъ бастіоновъ. Когда совершенно разсвѣло, непріятель скрылся. Горцы оставили внутри укрѣпленія 116 тѣлъ, 5 тяжело раненыхъ и три большихъ значка. По полученнымъ впослѣдствіи свѣдѣніямъ, общая потеря горцевъ была опредѣлена въ 1000 человѣкъ. Кромѣ 116 тѣлъ, оставленныхъ въ укрѣпленіи, внѣ его въ ближайшихъ лѣсахъ найдено было еще 190 тѣлъ, полусъѣденныхъ шакалами и собаками. У русскихъ были убиты 2 офицера, 31 нижнихъ чина, и ранены 3 офицера и 53 нижнихъ чина.

Въ іюнѣ и іюлѣ, кромѣ того, произошелъ цѣлый рядъ стычекъ русскихъ войскъ съ горцами возлѣ разныхъ укрѣпленій. Такъ, когда 28 іюня была выслана изъ Геленджика команда въ 124 человѣка съ 2 орудіями для сѣнокошенія близъ урочища Фальшивый Геленджикъ, то на обратномъ пути команды въ крѣпость горцы ранили казака и лошадь. Іюля 23-го горцы безуспѣшно пытались взять Лазаревское и Головинское укрѣпленія. Въ августѣ также было нѣсколько мелкихъ стычекъ горцевъ съ русскими въ разныхъ мѣстахъ. Въ это время точно было установлено, что при нападеніи 16 іюля на Головинское укрѣпленіе было до 6000 горцевъ и что потери ихъ дѣйствительно простирались до 1000 человѣкъ.

Въ сентябрѣ горцы успокоились и начали вывозить въ большомъ количествѣ лѣсъ въ Новороссійскъ и Анапу. Но 19 ноября возлѣ

Новороссійска былъ раненъ горцемъ изъ засады рядовой, а возлѣ укрѣпленія Навагинскаго горцы убили 1 солдата и ранили 3.

Часть октября прошла спокойно и часть въ мелкихъ стычкахъ. Въ ноябрѣ азовскіе казаки открыли близъ форта Головинскаго контрабандное судно, на которомъ находились черкесы. Три казачьихъ лодки, подъ командою войскового старшины Бараховича, подняли парусъ и стали догонять судно. Съ лодокъ начали стрѣлять изъ фальконетовъ; турки отвѣчали имъ изъ пушекъ. Удачнымъ выстрѣломъ изъ фальконета казаки сбили бизань-мачту на турецкомъ суднѣ. Все оснащеніе судна и паруса упали на палубу и судно потеряло ходъ. Другимъ выстрѣломъ изъ фальконета было сбито со станка на суднѣ орудіе. Тогда горцы начали бросать оружіе въ воду, но судно продолжало удаляться. Къ 5 часамъ утра 30 ноября казаки и турки оказались въ 40 миляхъ противъ укрѣпленія Головинскаго При дневномъ свѣтѣ казаки съ двухъ сторонъ бросились на ура и овладѣли непріятельскимъ судномъ. При этомъ было взято въ плѣнъ 9 турокъ, 72 черкеса, 78 черкешенокъ и 3 русскихъ мальчика, которыхъ везли въ Турцію для продажи. На суднѣ взятъ мѣдный единорогъ Брянскаго завода. Шкиперъ турецкаго судна Ильдмаръ назвалъ себя торговцемъ невольниками. Происшествіе это произвело сильное впечатлѣніе на горцевъ по всему побережью.

Слѣдующій 1845 годъ былъ также обиленъ военными происшествіями, какъ и предыдущій. Три раза, 11, 12 и 13 января изъ Тенгинскаго укрѣпленія выходила команда для рубки лѣса, и каждый разъ на колону, охранявшую рабочихъ, нападали черкесы, получавшіе сильный отпоръ. Тоже происходило 11 и 23 января въ укрѣпленіяхъ Лазаревомъ и Навагинскомъ.

Въ мартѣ и апрѣлѣ мѣстными горцами былъ сдѣланъ цѣлый рядъ нападеній на колоны войскъ, высылавшихся изъ укрѣпленій для охраны рабочихъ. 30 марта у Тенгинскаго укрѣпленія, 3 апрѣля у Навагинки, 5 апрѣля у форта Лазарева, нѣсколько раньше, 26 марта, изъ Геленджика направленъ былъ къ югу отрядъ для воспрепятствованія выгрузкѣ товаровъ съ судна, пришедшаго изъ Турціи. Черкесы, замѣтивши движеніе русскаго отряда, ограбили и сожгли судно. Послѣ лазутчики сообщили, что судно пришло съ товарами для продажи и покупки невольницъ у прибережныхъ жителей Фальшиваго Геленджика, но, по случаю дурной погоды, пристало къ берегу въ другомъ мѣстѣ, гдѣ и случилось съ нимъ несчастье.

Около этого же времени контръ-адмиралъ Серебряковъ, желая не допустить отправки натухайцами ополченія Шамилю, составилъ отрядъ изъ 1220 чел. пѣхоты, 310 казаковъ и 20 всадниковъ Анапскаго горскаго полу-эскадрона, при 4 орудіяхъ и 2 единорогахъ, и двинулся съ нимъ изъ форта Раевскаго въ ущелье Ахосъ. Три дня русскій отрядъ простоялъ возлѣ аула Хакезъ Гастемира, ведя переговоры съ натухайцами, а до 2000 горцевъ окружили русскихъ и временами вели съ аванпостами незначительныя перестрѣлки.

Такъ какъ у отряда не хватало продовольствія, то Серебряковъ двинулъ отрядъ обратно. У форта Раевскаго онъ раздѣлилъ отрядъ на двѣ части—720 чел. пѣхоты, 60 казаковъ и 2 горныхъ орудія направлены были къ Новороссійску, а 500 чел. пѣхоты, 250 казаковъ и 20 всадниковъ съ 4 полевыми орудіями пошли къ Анапѣ. Горцы нападали только на вторую колону, ограничиваясь одной ружейной перестрѣлкой, при которой у русскихъ было ранено 5 и контужено 3 нижнихъ чина. Новороссійская же колона прошла до мѣста назначенія спокойно безъ боя. Послѣ этого партія натухайцевъ направилась на Гостагай и захватила здѣсь 94 шт. разнаго вида скота.

Мая 26-го до 600 горцевъ покушались угнать скотъ станицы Суворовской, но успѣли захватить только 40 телятъ. Затѣмъ 27 мая горцы тревожили фортъ Раевскій, а 31 мая Вареникову пристань.

Мелкія стычки русскихъ съ горцами были также 3 апрѣля у Туапсе, 6 и 7 апрѣля у форта Головинскаго, 19 апрѣля у Вельяминовскаго укрѣпленія, 7 мая у Тенгинскаго и 12 мая у Навагинскаго укрѣпленія. Въ послѣднемъ укрѣпленіи 13 мая произошелъ случай, характеризующій горскіе обычаи. Одинъ убыхъ поклялся женѣ извѣстнаго абрека Омера Чезми, убитаго 3 апрѣля при нападеніи черкесовъ на команду Навагинскаго укрѣпленія, убить въ свою очередь по обычаю кровомщенія, воинскаго начальника укрѣпленія Навагинскаго и его переводчика. Убыхъ хотѣлъ убить на мѣновомъ дворѣ переводчика кинжаломъ, спрятаннымъ подъ черкесской, но конвой не допустилъ до этого и убыхъ за свою попытку поплатился жизнью.

Преслѣдуя 19 апрѣля близъ форта Головинскаго контрабандное судно, начальникъ азовскихъ командъ подполковникъ Бараховичъ остановилъ погоню, такъ какъ, благодаря вѣтру, судно пристало къ берегу, гдѣ собралась громадная толпа горцевъ, которые выстрѣлами изъ ружей не допускали казаковъ къ судну. Въ это время сильная зыбь прибила судно къ берегу и опрокинула его. Тогда Бараховичъ, выстроивши казачьи ладьи въ линію, приказалъ открыть огонь изъ фальконетовъ, чѣмъ сильно повреждено было судно, но усилившаяся зыбь вынудила казаковъ вернуться въ фортъ Головинскій. Въ этой стычкѣ понесли значительныя потери турки и черкесы, бывшіе на берегу, у казаковъ же былъ раненъ въ лѣвую руку самъ Бараховичъ, убиты два солдата и ранены 4 казака. А 22 мая казаки двухъ вооруженныхъ баркасовъ, подъ командой сотника Голицына, обстрѣливая у р. Вулана судно, охранявшееся 200 черкесовъ и судовою командою съ пушками на суднѣ, сбили фальконетами сначала одну пушку на суднѣ, а потомъ взорвали выстрѣломъ порохъ, отчего загорѣлось судно. Продолжая стрѣлять изъ баркасовъ, казаки не дали горцамъ спасти судна.

Мелкія стычки съ черкесами были 19, 21 и 23 мая близъ укр. Гостагай, 8 іюня возлѣ ст. Николаевской, 14 іюня у Кабардинки, 5 іюня у Геленджика, 14 іюня также у Геленджика, 6 и 13 іюня возлѣ укрѣпленія Тенгинскаго.

Горцы всюду собирались въ толпы. Днемъ 25 іюня они сожгли часть сѣна, заготовленнаго гарнизономъ укр. Гостагаевскаго, а 28 іюня партія въ 300 человѣкъ напала на населеніе ст. Николаевской, работавшее въ полѣ подъ охраной 100 человѣкъ съ единорогомъ. Черкесы при этомъ убили 3 чел., ранили 8, взяли въ плѣнъ 10 чел. и захватили 21 гол. скота.

Іюня 5-го произошло значительное сраженіе между 1000 горцевъ и отрядами станицъ Суворовской и Витязевой. Въ русскомъ отрядѣ было при этомъ ранено 18 казаковъ и 4 всадника Анапскаго горскаго полуэскадрона. Черкесы не успѣли захватить съ собою 10 тѣлъ, потерявши 11 осѣдланныхъ лошадей и часть оружія. По свѣдѣніямъ лазутчиковъ, у нихъ было однихъ убитыхъ до 40 человѣкъ.

Снова мелкія стычки съ горцами происходили 10 іюля у Геленджика, 12 іюля въ укр. Новотроицкомъ, въ концѣ іюня въ Тенгинскомъ укр., 17 іюня и 9 іюля въ Вельяминовскомъ, 27 іюня въ Лазаревскомъ и 5 іюля въ Головинскомъ. Раньше, однако, въ концѣ іюня горцы начали собираться вокругъ укр. Головинскаго и на разсвѣтѣ 1 іюля пытались взять приступомъ это укрѣпленіе, но были отражены.

Въ іюлѣ отправились къ Сулейманъ-эфенди натухайскіе всадники въ ополченіе Шамиля, набираемое Сулейманомъ. У эфенди были уже всадники отъ натухайцевъ, шапсуговъ и абадзеховъ. Не имѣя возможности продовольствовать собранныхъ всадниковъ, Сулейманъ присоединилъ къ нимъ 500 абадзеховъ и попробовалъ съ этимъ отрядомъ пройти на р. Лабу, чтобы захватить скотъ у казаковъ, но потерпѣлъ пораженіе. Тогда всадники стали разъѣзжаться по домамъ.

Мелкія стычки съ черкесами происходили 9 іюля у Вельяминовскаго укрѣпленія и 17 у Навагинскаго. Въ 6 часовъ вечера 3 августа толпа горцевъ съ 6-ю разноцвѣтными значками два раза нападала на прикрытіе скота близъ Геленджика, но оба раза была отражена. Затѣмъ стычки происходили 21 августа у ф. Раевскаго, 25 сентября у Кабардинки, 29 августа и 18 сентября близъ Тенгинскаго укрѣпленія, 23 сентября у ф. Головинскаго, 10 и 28 сентября у ф. Навагинскаго. Нападенія производились большею частью съ цѣлями овладѣть порціоннымъ скотомъ. Такой же характеръ носили мелкія нападенія горцевъ 12 октября у ф. Раевскаго, 3 ноября у Новороссійска, 8 ноября близъ ст. Суворовской, 16 октября у форта Лазарева, 1 октября у ф. Головинскаго. Въ окрестностяхъ Навагинскаго укр. было три перестрѣлки 5, 11 и 15 октября, у Головинскаго одна 15 ноября и снова у Навагинскаго 28 ноября, 8 и 24 декабря.

Всѣ эти подробности, изложенныя въ журналахъ генералъ-адъютанта барона Будберга, подписаны подполковникомъ генеральнаго штаба Н. Н. Кармалинымъ, прибавившимъ въ заключеніе общій взглядъ на положеніе дѣлъ на Черноморскомъ побережьѣ. Если, съ одной стороны, говорится въ заключеніи, волненія среди горцевъ и

столкновеніе ихъ съ русскими войсками, при покушеніи горцевъ на порціонный скотъ и при рубкѣ русскими войсками лѣса, придавали краю неспокойный характеръ, то, съ другой, сильное развитіе мѣновой торговли, наемъ джегетовъ на крѣпостныя работы и вообще мирныя сношенія вели къ сближенію горцевъ съ русскими. Болѣе всего горцы были недовольны пресѣченіемъ торговли невольниками. Въ теченіе года было 67 перестрѣлокъ и военныхъ дѣлъ у русскихъ съ горцами. За это время было убито 18 рядовыхъ, ранено 5 офицеровъ, изъ которыхъ 1 умеръ, и 88 рядовыхъ, изъ которыхъ умерло 11.

Какъ видно изъ „Приказа по отдѣльному Кавказскому корпусу“ отъ 3 февраля 1847 г., предписано было внести въ формулярные списки кавказскимъ войскамъ за 1846 годъ 88 сраженій, съ горцами, происходившихъ въ районѣ 15 укрѣпленій Черноморской береговой линіи. Въ частности при Навагинскомъ укрѣпленіи было 19 сраженій, при Вельяминовскомъ и Тенгинскомъ по 18, при Головинскомъ 10 и при остальныхъ десяти отъ 1 до 7 сраженій. Часто сраженія слѣдовали непосредственно одно за другимъ въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ-рядъ. Такъ, въ теченіе августа у Вельяминовскаго укрѣпленія произошло 14 сраженій—4, 9, 14, 16, два 17, 19, два 21, 22, 23, 24, 29 и 30 августа, въ укрѣпленіи Навагинскомъ было 8 сраженій—2, 7, 8, 24, два 25 и два 30 августа. Причины, побуждавшія горцевъ къ столкновеніямъ съ русскими, крылись главнымъ образомъ въ стремленіи горцевъ къ военной поживѣ. Горцы нападали и были отражены въ 25 случаяхъ при рубкѣ дровъ, въ 15 случаяхъ при сѣнокошеніи, въ 12 случаяхъ на пастьбѣ скота и пр. Только въ 12 случаяхъ горцы дѣлали нападенія на гарнизоны въ укрѣпленіяхъ и въ 11 случаяхъ при проходѣ войскъ черезъ ихъ земли.

Несмотря на такой характеръ войны, часть натухайцевъ и убыхи общества Субаши съ 30 аулами выказали желаніе принять русское подданство, какъ донесъ въ декабрѣ начальникъ Черноморской береговой линіи князю Воронцову.

Въ 1847 г. горцы вели себя по отношенію къ русскимъ нѣсколько спокойнѣе. Въ приказѣ 27 августа 1847 г. по арміи князь Воронцовъ благодарилъ за ловкій военный подвигъ охотниковъ—16 офицеровъ, 70 рядовыхъ, 1 лейтенанта флота, 1 корнета-черкеса, 1 переводчика и 3 вольноопредѣляющихся—грузинъ. Добровольцы эти, пробравшись ночью въ аулъ убыховъ, подъ командою капитана Кириллова, унесли оттуда пушку такъ удачно, что это не было замѣчено горцами, и ночное похожденіе охотниковъ произошло безъ всякихъ столкновеній и урона.

Въ ноябрѣ горцы снова пытались взять ф. Головинскій. Въ 8 часовъ утра 27 ноября двѣ партіи ихъ, по 1000 человѣкъ каждая, напали на фортъ, полагая, что, вслѣдствіе разлитія р. Шахе, легко можно взять поврежденное водою укрѣпленіе и отмстить такимъ

образомъ за неудачу, постигшую горцевъ здѣсь въ 1844 г. Разбившись на три партіи, двѣ изъ нихъ сдѣлали упорную и стойкую атаку на фортъ, а третья обстрѣливала его извнѣ. У воротъ горцы упорно дрались съ гарнизономъ болѣе часа. Но въ концѣ концовъ наступленіе горцевъ было отражено и въ 11 часовъ дня они скрылись въ горахъ, унося съ собою убитыхъ и раненыхъ. На сколько серьезны были ихъ потери и на этотъ разъ, можно судить потому, что на гласисѣ крѣпости они оставили 60 тѣлъ, 50 штукъ оружія и до 150 убитыхъ вокругъ укрѣпленія лошадей, а также 4 значка. Русскихъ было убито 4, ранено 14 и контужено 8.

Осенью 1847 г. свирѣпствовали ужасныя бури и штормы, и 1 декабря азовская лодка съ 10 солдатами, 5 казаками и урядникомъ, подъ командой хорунжаго Фастова, пропала безъ вѣсти.

Бури продолжали свирѣпствовать и въ слѣдующемъ году, и 13 января въ Новороссійскѣ разразился необыкновенный штормъ. Бора была такъ сильна, что одиночки не могли ходить и падали съ ногъ. Въ одну минуту брызгами съ моря покрывались, какъ корой, люди и все, на что падали брызги, мгновенно превращавшіяся въ ледъ. Въ это время въ бухтѣ Новороссійска стояло нѣсколько военныхъ судовъ. Пароходъ „Боецъ", у котораго были порваны якорныя цѣпи, былъ выброшенъ на берегъ. То же случилось съ бригомъ „Паламедъ" и транспортомъ „Гостагай". Въ 2 часа пополудни былъ выброшенъ на берегъ корветъ „Пиладъ", а раньше въ 10 часовъ утра потонулъ тендеръ „Струя". Особенно печальна была участь этого послѣдняго и его экипажа. Когда тендеръ „Струя" сталъ погружаться въ воду, то оцепенѣвшій отъ стужи экипажъ, не имѣя силъ бороться съ бурей, сдѣлалъ 4 выстрѣла, и скоро послѣ того на поверхности воды осталась одна только глыба льда, а потомъ тендеръ пошелъ на дно бухты и на мѣстѣ его виднѣлся лишь возвышавшійся надъ водою топъ мачты. Струя потонула отъ тяжести нагромоздившагося сверху на него льда.

По свидѣтельству контръ-адмирала Серебрякова, экипажъ судовъ и тѣ, кто спасалъ ихъ, выказали чудеса самоотверженія. Солдаты Новороссійскаго гарнизона, спасавшіе моряковъ, и сами моряки оказались обмороженными. Приходилось одновременно бороться и съ свирѣпымъ нордъ-остомъ и со стужею—все леденѣло отъ стужи и все рвалъ и металъ нордъ-остъ. Тѣмъ не менѣе, удалось спасти экипажъ, пассажировъ и имущество съ парохода „Боецъ", имущество съ брига „Паламедъ" и часть, за исключеніемъ пяти утонувшихъ матросовъ, экипажа; съ транспорта „Гостагай" спасенъ весь экипажъ. Въ Новороссійскій госпиталь попало 9 офицеровъ, 61 матросъ и 11 человѣкъ изъ Балаклавскаго греческаго полубаталіона, особенно ревностно подававшихъ помощь морякамъ. У всѣхъ у нихъ были обморожены и у многихъ поломаны разные члены тѣла.

Одновременно съ бурею въ Новороссійскѣ, бора причинила разрушенія въ Геленджикѣ, Новотроицкомъ и Вельяминовскомъ. Осо-

бенно сильно свирѣпствовалъ нордъ-остъ въ Туапсе. Здѣсь были сорваны крыши съ строеній и башни.

Наряду съ бушевавшими стихіями, 1848 годъ былъ обиленъ военными происшествіями и очень важными событіями во внутренней жизни горскихъ племенъ.

Такъ, 11 января 1848 г. поручикъ Черноморскаго линейнаго № 1 баталіона Яроцкій, вопреки строгому запрещенію, вышелъ изъ Геленджика и удалился изъ него на 1 версту для охоты. Два горца подстерегли его и убили. Снявши съ убитаго оружіе, они скрылись безслѣдно. Января 25-го, горцы произвели нападеніе на колону, посланную изъ Геленджика для прикрытія нижнихъ чиновъ, заготовлявшихъ топливо, но были отражены, ранивъ одного рядового. Такія же мелкія стычки были 22 января у ф. Головинскаго, 13 и 30 января, 3 и 7 февраля у ф. Навагинскаго, 1 марта у Тенгинскаго и Вельяминовскаго укрѣпленій, 20, 25 и 27 февраля у ф. Навагинскаго, при чемъ каждый разъ гарнизонъ вынужденъ былъ посылать противъ горцевъ особыя части.

Въ 1848 г. началось у горцевъ и формированіе мутазиговъ— постояннаго войска. Особенно дѣятельно велась пропаганда этой идеи у натухайцевъ. По мнѣнію Серебрякова, общественное устройство натухайцевъ держалось на союзѣ фамилій. Народныя собранія имѣли только совѣщательный характеръ. Исполнительныхъ органовъ у натухайцевъ не было. Учреждая, поэтому, ополченіе изъ мутазиговъ, по 1 всаднику на 60 дворовъ, натухайцы желали этимъ обезпечить силу народныхъ собраній и ихъ постановленій. Мутазигамъ назначено было жалованье по 60 штукъ матеріи или по 60 р. сер. на каждаго. Къ мутазигамъ приставлено было для надзора 4 человѣка присяжныхъ или старшихъ мутазиговъ. Мутазиги собирались въ партіи по отдѣльнымъ мѣстностямъ, по долинамъ рѣкъ— Псебебсу, Адагуму и пр. Всѣ мутазики въ строевомъ отношеніи были раздѣлены на части по 150 человѣкъ въ каждой, и каждой части выдали особые знаки. Мутазиги сразу поняли свое значеніе и сразу же приняли повелительный тонъ по отношенію къ населенію. Серебряковъ совершенно вѣрно утверждалъ, что изъ мутазиговъ могли образоваться начальники и власти, могущіе заставить повиноваться имъ все населеніе. Народныя собранія изъ старшинъ не могли нравиться мутазигамъ, какъ учрежденія, мѣшавшія проявленію ихъ власти. Организація мутазиговъ вытекала не изъ однихъ соображеній о борьбѣ съ русскими, но изъ общихъ политическихъ потребностей государственнаго строительства.

Почувствовавъ свою силу, мутазиги стали предпринимать враждебныя дѣйствія противъ русскихъ, и 21 марта партія ихъ угнала порціонный скотъ у укрѣпленія Кабардинки. Подкрѣпленію, посланному изъ Кабардинки, удалось отнять у мутазиговъ 42 головы рогатаго скота, а 20 штукъ скота и 7 лошадей мутазиги угнали въ горы.

Въ половинѣ апрѣля 1848 г. Серебряковъ съ отрядомъ совершилъ движеніе къ ф. Раевскому, а оттуда къ укрѣп. Гостагаевскому. Серебрякову хотѣлось, чтобы мутазиги встрѣтились съ отрядомъ и были примѣрно наказаны имъ. Отрядъ направился 18 апрѣля изъ Гостагая къ Варениковой пристани. На высотахъ показались сильныя непріятельскія партіи. Въ одномъ мѣстѣ Серебрякову удалось послать донскихъ казаковъ и всадниковъ Анапскаго горскаго полуэскадрона противъ мутазиговъ, которые были разбиты и потеряли 40 человѣкъ убитыми и ранеными, тогда какъ у казаковъ ранено было только двое и контуженъ одинъ всадникъ. Убиты были также старшины и одному нанесено 7 ранъ пиками. На обратномъ пути русскихъ къ Новороссійску горцы не тревожили отрядъ.

Мелкія стычки горцевъ съ русскими продолжали происходить 22 марта при ф. Лазаревомъ, 27 марта при укрѣпленіи Тенгинскомъ, а 17 и 18 марта при ф. Головинскомъ. Въ послѣднемъ случаѣ было нѣсколько дѣлъ съ горцами, преслѣдовавшими колону, бывшую на заготовленіи топлива. Апрѣля 8-го былъ раненъ рядовой изъ ф. Навагинскаго. А 14 апрѣля русскими было получено извѣстіе изъ Керчи, что между фортами Навагинскимъ и Головинскимъ появился дервишъ въ оборванной одеждѣ, родомъ, по слухамъ, бжедухъ, проповѣдывавшій объединеніе горцевъ для борьбы съ русскими. Онъ между прочимъ увѣрялъ горцевъ, что можетъ заговорить силу пороха и навести такой туманъ, при которомъ горцы незамѣтно могутъ пробраться въ русскія укрѣпленія и безъ выстрѣла овладѣть ими. Такъ какъ кромѣ обѣщаній дервишъ не могъ ничего сдѣлать, то старшины только смѣялись надъ дервишемъ, но народъ собрался къ нему на Вардане, чтобы посмотрѣть на проповѣдника и испытать его.

Слѣдующія мелкія стычки горцевъ съ русскими происходили 18 апрѣля у Гостагаевскаго укрѣпленія, затѣмъ 24 апрѣля, 8 и 10 мая горцы обстрѣливали тоже Гостагаевское укрѣпленіе, 24 апрѣля пробовали напасть на лодку азовскихъ казаковъ между Новороссійскомъ и Геленджикомъ, 25 апрѣля и 19 мая были стычки у Кабардинки, 19 апрѣля у Геленджика, 23 апрѣля между Геленджикомъ и Кабардинкой, 16 мая снова у Геленджика, съ 16 на 17 мая у ф. Головинскаго, наконецъ, 27 апрѣля, въ началѣ мая, 8 мая, 20 мая и 26 мая при ф. Навагинскомъ. Въ послѣднемъ случаѣ горцы, замѣтивъ присутствіе парохода „Могучій" у Навагинскаго укрѣпленія, подумали, что фортъ будетъ перестраиваться и рѣшили атаковать его. Собраны были значительныя черкесскія силы, но онѣ не имѣли успѣха и были отражены гарнизономъ. То же повторилось и на другой день.

Между тѣмъ, вопросъ объ учрежденіи ополченія изъ мутазиговъ былъ нерѣшеннымъ для многихъ мѣстностей побережья. Отъ Геленджика и до земли джегетовъ черкесское населеніе несочувственно относилось къ рекомендуемому Магометъ-Аминомъ нinfoов-

веденію. Джегеты, бывшіе на собраніи убыховъ, рѣшительно отказались отъ введенія у себя мутазиговъ. Внутренніе споры и несогласія по этому поводу не мѣшали, однако, горцамъ продолжать свои набѣги на русскія укрѣпленія. Въ окрестностяхъ Геленджика 19 апрѣля партія горцевъ безуспѣшно рыскала по пастбищнымъ мѣстамъ, другая партія пыталась препятствовать 16 мая рубкѣ дровъ, но оба раза непріятель безъ труда былъ разсѣянъ. Въ первой половинѣ іюля, въ окрестностяхъ Геленджика появились горцы изъ отдаленныхъ долинъ Адагума и Абина, и 12 іюля они стали отбивать скотъ, но потерпѣли пораженіе; 18 іюля воинскій начальникъ Геленджика получилъ извѣстіе, что тѣ же пришлые горцы, усилившись новыми партіями, рѣшили завладѣть русскимъ скотомъ, во что бы то ни стало. На 19 мая воинскій начальникъ расположилъ, поэтому, такъ искусно засаду, что горцы едва ушли, оставивши на мѣстѣ 12 убитыхъ, 16 раненыхъ и 7 осѣдланныхъ лошадей, и не причинивши никакого вреда русскимъ.

Начавшаяся холера въ концѣ августа усилилась у шапсуговъ и натухайцевъ. Но и она не остановила горцевъ отъ набѣговъ. Такъ, 22 августа 16 горцевъ внезапно бросились близъ ст. Суворовской на 4 донскихъ казаковъ и угнали у нихъ лошадей, но подоспѣвшій къ мѣсту происшествія казачій разъѣздъ погнался за горцами, плѣнилъ 2 и отнялъ 2 лошади. Затѣмъ около этого времени стычки съ черкесами были 27 іюля у Анапы, 20 іюля на рубкѣ лѣса въ ущельѣ Ахосъ, 19 и 14 августа у Новороссійска, 31 августа у Новотроицкаго укрѣпленія, 28 іюля и 13 августа у укр. Тенгинскаго, 13 августа у ф. Вельяминовскаго, 31 іюля и 21 августа у ф. Лазарева, 1, 4, 9, 11, 22 и 29 августа у ф. Головинскаго, при чемъ 9 августа были угнаны 23 гол. рогатаго скота.

Къ концу августа горцы съ меньшей энергіей стали проявлять свою мародерскую дѣятельность. Мутазиги, не просуществовавъ даже года, разбрелись по домамъ. Но 14 октября партія горцевъ съ Шеретлукомъ во главѣ пыталась взять Вельяминовское укрѣпленіе, но, потерявши 20 человѣкъ убитыми и ранеными и въ томъ числѣ убитымъ самого предводителя Шеретлука, ушла въ горы.

Въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ немногіе изъ мутазиговъ участвовали въ стычкахъ съ русскими—18 и 22 октября, 7 и 19 ноября у Геленджика при рубкѣ лѣса, 28 октября у Новотроицкаго укрѣпленія также при рубкѣ лѣса, 30 октября въ Тенгинкѣ, 31 октября у ф. Головинскаго и 6 и 12 октября въ Навагинскомъ укрѣпленіи. Этими стычками черкесовъ съ русскими и закончился 1848 годъ.

Послѣдніе годы, до 1854 включительно, отличались такими же мелочными и утомительными случаями борьбы черкесовъ съ русскими, какъ и описанные выше предыдущіе. Это была не война двухъ народностей, съ ясно выраженными мотивами покоренія, съ одной стороны, и защиты, съ другой, а просто разбои и грабежи,

очень рѣдко переходившіе со стороны черкесовъ въ военныя дѣйствія. Черкесы вели себя самымъ непозволительнымъ образомъ. То выдавали себя за союзниковъ русскихъ и убивали изъ засады послѣднихъ, то просили мира и подъ покровомъ его воровали, то принимали усиленное участіе въ мѣновой торговлѣ и одновременно производили грабежи. Такъ, 5 мая 1850 г. 150 горцевъ направилось къ пастбищамъ близъ Новороссійка, съ расчетомъ захватить табунъ русскихъ лошадей, но не нашли его тамъ, гдѣ предполагали найти. Не желая уйти безъ добычи, горцы пытались взять пикетъ на Константиновской дорогѣ и овладѣть здѣсь орудіемъ. На пикетѣ, однако, были поняты намѣренія горцевъ и сильный огонь изъ орудія и ружей заставилъ ихъ отступить. Тогда же было истреблено нѣсколько черкесскихъ галеръ азовскими казакаки. Былъ также снаряженъ походъ на баркасахъ вдоль побережья и составленъ отрядъ изъ 5 офицеровъ и 84 казаковъ Азовскаго войска. Отряду пришлось ограничиться исключительно мелкими и безрезультатными стычками съ горцами.

Тѣмъ не менѣе, своими постоянными нападеніями горцы ставили гарнизоны въ укрѣпленіяхъ въ невозможное положеніе. По всему побережью войска не имѣли спокойствія. Изнемогая отъ непосильной сторожевой службы, они, по обыкновенію, были обременены массою работъ по приведенію въ надлежащій видъ укрѣпленій, по содержанію гарнизона, уходу за порціоннымъ скотомъ и т. п. Болѣли солдаты почти повально и умирали въ огромномъ количествѣ. Плохо устроенныя укрѣпленія съ каждымъ годомъ ухудшались все болѣе и болѣе. Въ своихъ запискахъ генералъ Раевскій упоминаетъ, что въ Геленджикѣ, о которомъ говорится „Геленджикъ—мѣсто здоровое“, не возможно было жить, такъ какъ строенія были ветхи и валились. Церковь угрожала паденіемъ, была заперта и въ ней не служили, а 25 декабря 1849 г. одно строеніе развалилось и задавило до смерти черноморскаго линейнаго № 5 баталіона рядового Яцентія Лолевича. Въ 1853 г. наши укрѣпленія по Черноморскому побережью находились въ такомъ ужасномъ состояніи, что Императоръ Николай 1-й на рапортѣ начальника черноморской береговой линіи написалъ: „ничего къ прежнему прибавить не могу; эти несчастные гарнизоны вѣроятно приговорены къ погибели; помочь сему мы не въ силахъ“. Предсказаніе, къ счастью, не сбылось. Въ 1854 г., въ виду предстоявшей войны съ Турціей и ея союзниками англичанами, французами и итальянцами, всѣ гарнизоны были сняты по укрѣпленіямъ, полуразрушенныя укрѣпленія были оставлены на произволъ судьбы, а мирное изъ Анапы и прианапскихъ казачьихъ станицъ населеніе было направлено въ Черноморію, по станицамъ которой и было размѣщено. При многочисленномъ и сильномъ англо-французскомъ флотѣ, рисковано было оставлять гарнизоны среди враждебныхъ черкесскихъ народностей. Сообщенія съ гарнизонами было бы не мыслимо поддерживать, и

они остались бы безъ пищи, снарядовъ и подкрѣпленій, подвергаясь блокадѣ непріятельскихъ судовъ, съ одной стороны, и набѣгамъ горцевъ, съ другой.

Съ окончаніемъ севастопольской кампаніи начала мѣняться и система войны съ кавказскими горцами. Нужно было окончательно покорить горскія племена, и эта мысль все сильнѣе и сильнѣе стала укрѣпляться въ средѣ какъ правящихъ сферъ, такъ и вообще представителей военнаго сословія. Военныя дѣйствія были предприняты въ этомъ направленіи въ послѣдующій періодъ исторіи борьбы съ горцами, который будетъ описанъ въ слѣдующемъ томѣ. Непосредственно же за событіями севастопольской кампаніи было лишь нѣсколько случаевъ серьезныхъ столкновеній русскихъ войскъ съ горцами и главнымъ образомъ у Анапы, снова занятой русскими войсками по окончаніи севастопольской войны. Въ мартѣ 1857 г. наказный атаманъ Черноморскаго казачьяго войска г.-л. Филипсонъ донесъ командующему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ о посѣщеніи Черноморскаго побережья турецкими судами, на которыхъ черкесы толпами, въ видѣ депутацій, ѣздили въ Турцію, намѣреваясь, повидимому, повести серьезную борьбу съ русскими при содѣйствіи турокъ. Въ это время въ Черноморіи готовилась экспедиція на р. Адагумъ. Начальникъ штаба Кавказскихъ войскъ генералъ Милютинъ въ письмѣ на имя Филипсона извѣстилъ послѣдняго, что главнокомандующій предоставилъ ему дѣйствовать за Кубанью по своему усмотрѣнію, согласно выработанному плану. Въ іюлѣ 1857 г. горцы въ огромномъ количествѣ, пользуясь собраніями послучаю праздника Байрама, задались цѣлью угнать табунъ лошадей и скотъ, находившійся близъ Анапы, и взять орудіе у охранявшаго скотъ отряда. Цѣлыя толпы горцевъ бросились на прикрытіе скота почти къ самымъ стѣнамъ Анапы. Изъ послѣдней произведена была усиленная пушечная пальба картечью. Одновременно воинскій начальникъ Анапы майоръ Левашевъ съ войсками гарнизона пошелъ на встрѣчу непріятелю. Горцы, пораженные картечью, смѣшались и начали безпорядочно отступать отъ крѣпости. Донскіе казаки и всадники анапскаго горскаго полуэскадрона бросились преслѣдовать непріятеля. Въ то же время появился отрядъ подъ командой капитана Маняти изъ ст. Николаевской и напалъ на горцевъ съ другой стороны. Подоспѣло также къ мѣсту боя 30 азовскихъ казаковъ съ прапорщикомъ Чудиновымъ. Бой продолжался съ 8 часовъ утра до часу по полудни. Въ концѣ концовъ горцы были разбиты на голову и не успѣли даже подобрать съ мѣста боя массы тѣлъ. Потери съ русской стороны были незначительны. Замѣчательно, что даже въ 1857 г. горцы, дѣйствуя холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, употребляли также стрѣлы и лукъ, упорно сохраняя этотъ примитивный видъ вооруженія.

Глава XIV.

БОРЬБА СЪ ГОРЦАМИ НА СТАРОЙ ЛИНІИ.

Съ 1825 г., когда хоперцы переселены были изъ Ставропольской губерніи на Кубань и заняли передовые пункты кордонной линія въ верховьяхъ этой рѣки. Старая Линія получила тѣ территоріальныя очертанія, которыя не мѣнялись до обращенія сосѣднихъ крестьянскихъ селеній въ казачьи станицы. Главная фронтовая, такъ сказать, часть Старой Линіи была намѣчена разъ на всегда. Здѣсь, по линіи у Кубани, были размѣщены казачьи укрѣпленія—крѣпости, посты и пикеты. Тутъ или происходили боевыя стычки казаковъ съ горцами, или снаряжались команды для преслѣдованія черкесовъ, прорвавшихся чрезъ казачью границу, или же организовывались отряды для походовъ за Кубань въ горы.

Въ это время по Старой Линіи осѣли уже представители разныхъ казачьихъ войскъ, были донцы, коренные поселенцы, составившіе Кавказскій полкъ, жили казаки бывшаго Екатеринославскаго войска, образовавшіе Кавказскій полкъ, и перешли изъ Ставропольской губ. на Кубань и Куму хоперцы, давно объединенные въ Хоперскій казачій полкъ. Одни изъ этихъ представителей казачества жили смежными станицами, другіе осѣли вперемежку между раньше основанными поселеніями, но полки были образованы только изъ смежныхъ населенныхъ пунктовъ, и всѣ казаки вмѣстѣ получили впослѣдствіи одно общее названіе старолинейцевъ. Несмотря на дѣленіе на самостоятельные полки, старолинейцамъ приходилось сообща вести борьбу съ горцами, и это какъ бы объединяло ихъ въ одно войско.

Съ начала двадцатыхъ годовъ старолинейнымъ казакамъ пришлось вести не только борьбу съ горцами, но и защищать тѣхъ изъ нихъ, которые жили въ сосѣдствѣ съ казаками и были въ мирныхъ отношеніяхъ съ ними. Къ числу этихъ мирныхъ горцевъ принадлежали прежде всего ногайцы, потомки татаръ завоевателей, занимавшіеся скотоводствомъ на смежныхъ съ казачьими земляхъ. Высоко въ горахъ у Эльбруса, обитало племя карачаевцевъ, исконныхъ скотоводовъ, отличавшееся мирными наклонностями. Ближайшими къ русскимъ сосѣдями были также темиргоевцы и бесленеевцы, проявлявшіе если не миролюбіе, то внѣшнюю покорность, вслѣдствіе смежности своихъ владѣній съ казачьими. Но за этими миролюбивыми и полумиролюбивыми племенами и рядомъ съ ними находились въ горахъ воинственные абадзехи и абазинцы, съ одной стороны, и вѣроломные кабардинцы, бѣжавшіе на Кубань съ другой стороны Эльбруса. Совершая набѣги на казачьи станицы, эти воинственные

предшествующемъ году. Въ количествѣ болѣе 2000 человѣкъ въ ополченіе это вошли абадзехи, шапсуги, убыхи, бесленеевцы, махошевцы, башилбаевцы и бѣглые кабардинцы. Поздно вечеромъ они перебрались черезъ Кубань, близъ станицы Убѣженской, и въ 10 часовъ вечера, окружили ее съ трехъ сторонъ, намѣреваясь вторгнуться въ нее черезъ трое воротъ. Но на всѣхъ этихъ мѣстахъ были патрули и стража. Въ это время другая часть горцевъ бросилась въ окрестности, чтобы захватить пасшійся здѣсь скотъ. Тогда начальникъ обороны подполковникъ Кушнянскій, оставивши для охраны станицы 8-ю роту, самъ съ 66 казаками, съ 7-ю ротою, съ ротою, прибывшею изъ Прочноокопа на подводахъ для подкрѣпленія, и съ 1 пушкою вышелъ изъ станицы и отрѣзалъ непріятелю путь къ отступленію. Благодаря этому маневру, солдатамъ и казакамъ удалось отнять большую часть захваченнаго горцами скота. Сами горцы, попавши въ невыгодное положеніе, стали переправляться черезъ Кубань въ разныхъ мѣстахъ. Сначала одни русскіе, а потомъ и присоединившіеся къ нимъ мирные ногайцы начали преслѣдовать уходившихъ горцевъ. Горцы на мѣстѣ у Кубани оставили 8 тѣлъ и много убитыхъ и раненыхъ захватили съ собою. Они взяли также въ плѣнъ 6 пастуховъ и угнали небольшое количество скота. У русскихъ были убиты 1 казакъ и 2 ногайца. Такимъ образомъ, этотъ послѣдній въ 1832 г. набѣгъ соединенныхъ черкесскихъ и абазинскихъ племенъ окончился неудачею.

Съ 1833 г. начинается какъ бы поворотъ въ военныхъ дѣйствіяхъ линейныхъ казаковъ. Казаки, объединенные положеніемъ 1832 года въ одно Кавказское казачье линейное войско, пополнены были новыми кадрами. Самая опасная часть Кавказской линіи по Кубани—Баталпашинскій участокъ, была поручена полковнику Зассу, который сразу заставилъ неукротимыхъ горцевъ бояться русскаго оружія и его, Засса, какъ огня.

Полковникъ баронъ Григорій Христофоровичъ Зассъ былъ типичный боевой дѣятель, не знавшій ни устали, ни препятствій и жившій одною мыслью о разнообразныхъ способахъ борьбы съ горцами.

Горцы сразу поняли и вѣрно оцѣнили Засса. Съ свойственною имъ наивностью дѣтей, вѣрующихъ въ темныя силы, они назвали его „шайтаномъ", т. е. чортомъ, и серьезно считали чародѣемъ. И не удивительно. Зассъ то неожиданно являлся съ отрядомъ тамъ, гдѣ трудно было даже предположить появленіе русскихъ, по недоступности, то устраивалъ для черкесовъ засаду, которая и въ голову не могла придти самому хитрому горцу, то заставалъ врасплохъ людей, которые всю жизнь привыкли бодрствовать и не выпускать изъ рукъ ружья и шашки, то хитростью заставлялъ горцевъ дѣлать самыя глупыя ошибки въ ихъ военныхъ предпріятіяхъ, то орломъ пролеталъ съ своимъ отрядомъ изъ края въ край по черкесскимъ землямъ и владѣніямъ.

Въ русской военной средѣ о Зассѣ ходила масса анекдотовъ, характеризовавшихъ его, какъ военнаго фокусника. Въ одномъ

случаѣ онъ превращалъ на глазахъ горцевъ порохъ въ червонцы, въ другомъ, при выстрѣлѣ въ него изъ пистолета, онъ бросалъ пулю обратно въ стрѣлявшаго, въ третьемъ онъ умиралъ на виду не только у горцевъ, но и у русскихъ, и въ ту же ночь пробирался въ горныя трущобы и громилъ черкесскіе аулы, населеніе которыхъ достовѣрно узнало о смерти шайтана Засса. Все это, если дѣйствительно происходило, то было конечно не серьезнымъ военнымъ искусствомъ, а своего рода фокусничествомъ.

Но Зассъ былъ не только фокусникомъ, но и замѣчательнымъ знатокомъ военнаго дѣла и особенно тѣхъ мѣстныхъ условій, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Въ этомъ, собственно, заключалась его сила и громадный авторитетъ. Онъ зналъ, внимательно слѣдилъ, получалъ всевозможныя свѣдѣнія и часто съ поразительною точностью предугадывалъ, гдѣ и что происходило у черкесовъ и къ чему клонились намѣренія его противниковъ. Изучивши до тонкости черкесскую тактику и пріемы, онъ часто ихъ же добромъ билъ имъ челомъ.

И вотъ съ этимъ-то боевымъ офицеромъ черкесамъ пришлось въ первый разъ серьезно считаться на Старой Линіи въ 1833 г.

Зассъ началъ свою дѣятельность въ званіи начальника Баталпашинскаго участка Кавказской линіи съ основательнаго знакомства съ мѣстностями, прилегавшими къ кардонной линіи какъ съ русской, такъ и съ черкесской сторонъ. Составивши отрядъ изъ хоперскихъ и донскихъ казаковъ, изъ двухъ ротъ пѣхоты, съ двумя конными орудіями, онъ переправился съ нимъ черезъ Кубань и двинулся къ р. Большому Зеленчуку. Черкесы, слѣдя за движеніями отряда, собрали большую партію, чтобы произвести нападеніе въ удобномъ для нихъ мѣстѣ при возвращеніи отряда. Зассъ угадалъ ихъ намѣренія и самъ выбралъ такую мѣстность. Оставивши засаду изъ всей своей пѣхоты въ лѣсистой балкѣ на р. Зеленчукъ, онъ продолжалъ движеніе съ остальнымъ отрядомъ. Горцы. выбравши удобный моментъ, ринулись сразу всей массой въ атаку на отрядъ. Зассъ быстро построилъ казаковъ въ боевой порядокъ, далъ два орудійныхъ залпа картечью по приближавшимся горцамъ и въ то время, когда они смѣшались, стремительно атаковалъ въ свою очередь противника. Черкессы не выдержали удара и бросились къ Зеленчуку въ лѣсъ, но здѣсь ихъ встрѣтили залпами изъ ружей солдаты. Черкесское ополченіе окончательно разстроилось и горцы въ одиночку и мелкими групами стали искать спасенія въ бѣгствѣ.

Послѣ этого Зассъ, чтобы предупредить нападеніе горцевъ на Линію, самъ сталъ дѣлать набѣги въ Закубанскую сторону. Узнавши о сборищѣ горцевъ на Лабѣ, онъ переправился съ отрядомъ черезъ Кубань у станицы Бѣломечетской и расположился на р. Урупѣ въ устьѣ впадающаго въ него Малаго Тегеня, съ цѣлями развѣдокъ. Здѣсь хоперскими казаками была разгромлена партія черкесовъ изъ 30 человѣкъ, изъ которыхъ 9 было убито и 2 взято въ плѣнъ.

Преслѣдуя остальныхъ черкесовъ, казаки захватили огромную атару черкесскихъ овецъ съ тремя пастухами. Тогда и горцы, собравшіеся въ верховьяхъ Лабы, сочли за лучшее беречь свои аулы и не идти въ набѣгъ на линію.

Чтобы держать въ постоянной тревогѣ горцевъ, Зассъ сосредоточилъ 800 солдатъ Навагинскаго полка и 600 казаковъ съ 6 орудіями въ укрѣпленіи Св. Георгія на р. Урупѣ, въ томъ мѣстѣ, близъ котораго построена была впослѣдствіи станица Урупская. Отсюда удобно было слѣдить за горцами и дѣлать набѣги на ихъ владѣнія.

На разсвѣтѣ 7 ноября Зассъ, перейдя дальше съ отрядомъ р. Чамлыкъ, помчался съ кавалеріей за р. Лабу, а пѣхотѣ съ орудіями приказалъ слѣдовать за нимъ. Пока подошла пѣхота, Зассъ успѣлъ захватить 68 душъ черкесскаго населенія въ аулѣ, изъ котораго горцы удалили женъ и дѣтей въ лѣсъ, а сами засѣли въ сакляхъ съ винтовками. Зассъ держалъ въ такомъ положеніи аулъ, пока не явилась пѣхота. Тогда начали громить аулъ изъ пушекъ, и когда черкесы вынуждены были оставить сакли, солдаты и спѣшенные казаки бросились на нихъ, почти всѣхъ убили штыками или шашками, а разграбленный аулъ сожгли.

При обратномъ движеніи отряда сосѣдніе черкесы успѣли собраться въ тысячную партію. Сборище ихъ росло по мѣрѣ удаленія отряда и черкесы произвели цѣлый рядъ стремительныхъ атакъ. Отрядъ, подъ прикрытіемъ пушекъ, давалъ каждый разъ настолько внушительный отпоръ, что черкесы прекратили на время свои атаки. Они задумали одолѣть русскихъ хитростью. Впереди были сухіе камыши и травы, черезъ которые нужно было пройти отряду. Оставивши поэтому отрядъ, горцы забѣжали впередъ, чтобы поджечь камыши, и пользуясь дымомъ и огнемъ, истребить русскій отрядъ.

Но Зассъ заранѣе угадалъ намѣреніе черкесовъ и лишь только они скрылись, приказалъ войскамъ стянуться въ одну сплошную колону и зажечь бурьянъ и траву сзади отряда. Пока черкесы поджигали впереди камыши, сзади была очищена пожаромъ довольно значительная площадь, на которую и передвинутъ былъ отрядъ. Камыши, зажженные со всѣхъ сторонъ, застлали всю мѣстность дымомъ, за которымъ надвигались на русскій отрядъ черкесы. Зассъ наблюдалъ за ихъ движеніями съ своей обезпеченной отъ огня позиціи и когда черкесы приблизились къ отряду на близкое разстояніе, приказалъ стрѣлять въ нихъ изъ пушекъ картечью. Черкесы, что называется, промахнулись и неожиданно для себя попали подъ выстрѣлы русскихъ пушекъ, а казаки, по приказанію Засса, бросились, подъ покровомъ дыма, съ обнаженными шашками въ атаку. Ошеломленные горцы окончательно были разстроены и бросились бѣжать, понеся значительный уронъ убитыми и ранеными. Въ то же время другая часть горцевъ скрытыми путями зашла въ

тылъ отряду, но неожиданно попала на выжженное мѣсто. Пушечный и ружейный огонь отряда заставилъ и эту партію черкесовъ бѣжать отъ русскихъ съ большими потерями въ людяхъ и лошадяхъ.

Послѣ этого горцы бросились къ Лабѣ, чтобы захватить мѣста, гдѣ должны были переправиться русскія войска. Но, подъ дѣйствіемъ пушечнаго огня они, вынуждены были очистить берегъ рѣки на которомъ и расположился русскій отрядъ. Въ полночь Зассъ приказалъ разложить большіе костры и, при свѣтѣ ихъ, въ полной тишинѣ, переправилъ отрядъ черезъ Лабу. Съ разсвѣтомъ высокій правый берегъ Лабы былъ покрытъ русскими войсками. А ополченіе горцевъ, состоявшее, по собраннымъ свѣдѣніямъ, изъ абадзеховъ, бесленеевцевъ, бѣглыхъ кабардинцевъ и разныхъ абрековъ, подъ предводительствомъ Айтека Конокова и Султана Кази-Гирея, тяжело раненаго русскими, не рѣшилось продолжать дальнѣйшее преслѣдованіе отряда. Скоро сами представители отдѣльныхъ племенъ явились къ Зассу съ просьбами принять отъ нихъ присягу на вѣрность Россіи.

Въ декабрѣ Зассъ извѣстилъ подполковника Канивальскаго, стоявшаго съ хоперцами на Маломъ Зеленчукѣ близъ Эльбургана, что партія изъ 20 черкесовъ, пробовавшая пробраться на линію, безуспѣшно вернулась назадъ и скрылась въ баранъ-кошахъ Батыръ-Гирея и Докшука Карамурзина. По приказанію Засса, Канивальскій послалъ казаковъ ночью подъ 27 декабря на баранъ-коши, что бы они захватили черкесовъ. Послѣдніе, однако, оказали упорное сопротивленіе. Изъ 20 человѣкъ 15 легли на мѣстѣ и 5 успѣли спастись бѣгствомъ. Казаки захватили вмѣсто абрековъ 1000 головъ баранты.

На самой линіи у казаковъ съ черкесами происходили только мелкія стычки, такъ какъ они могли пробраться черезъ линію лишь небольшими шайками, благодаря бдительности кордонной стражи. Одинъ изъ случаевъ такого столкновенія представляетъ собою характерный примѣръ борьбы одинокаго казака съ партіей горцевъ и честнаго выполненія служебнаго долга.

Командиръ 4 коннаго Черноморскаго полка, расположеннаго въ верховьяхъ Кубани по Кавказской линіи, есаулъ Шпилевой послалъ 3 марта 1833 г. урядника того же полка Прокофія Савченка раздать казакамъ 1-й сотни фуражныя деньги и передать такія же деньги есаулу Залѣсскому для 4-й сотни. Савченкѣ было вручено 834 р. 35 к. серебромъ и 250 рублей бумажками.

Перемѣнивши на Убѣженскомъ посту лошадь и взявши конвойнаго казака, Савченко отправился отсюда при закатѣ солнца на слѣдующій постъ. Но едва онъ, миновавши Убѣжинскую станицу, въѣхалъ съ полутора версты отъ нея въ лѣсъ; какъ на него сзади и спереди бросились 15 горцевъ. Конвойнаго казака они сразу убили, но Савченко, живо сознававшій важность возложеннаго на него порученія съ невѣроятной энергіей вступилъ въ бой одинъ

противъ 15 противниковъ. Одного черкеса онъ ранилъ въ лицо, а подъ другимъ, бывшемъ въ панцырѣ, изранилъ лошадь.

Однако, черкесы, желавшіе взять урядника живымъ, очень ловко вышибли Савченка изъ сѣдла. Упавши на землю, онъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ замѣтилъ, какъ черкесы, насѣвши на него, забрали у него казачью казну—серебряныя деньги. Связаннаго Савченку черкесы потащили съ собой за Кубань.

Но выстрѣлы Савченко были услышаны на ближайшемъ Убѣжинскомъ кордонѣ и въ 5 верстахъ отъ мѣста происшествія Савченко замѣтилъ казачью погоню, посланную по слѣдамъ убѣгавшихъ черкесовъ. Между казаками и горцами завязалась перестрѣлка. Казаки отняли у черкесовъ одну изъ двухъ захваченныхъ ими близъ станицы Убѣженской дѣвушекъ, но Савченку черкесы утащили съ поля битвы въ горы.

При дѣлежѣ плѣнныхъ и добычи, Савченко достался дворянину Джембулату, въ которомъ онъ, къ удивленію своему, узналъ горца, считавшагося самымъ усерднымъ сторонникомъ русскихъ. Наблюдательный урядникъ припомнилъ случай, когда онъ въ отрядѣ подполковника Табанца преслѣдовалъ партію черкесовъ, убившихъ урядника Дубовика и двухъ казаковъ. Тогда на р. Урупѣ была настигнута партія черкесовъ, и Табанецъ готовился вступить съ нею въ бой, но отъ партіи отдѣлился всадникъ, дававшій издали знаками понять, что онъ ѣдетъ съ мирными намѣреніями. Это былъ Джембулатъ, котораго зналъ Табанецъ и многіе казаки, какъ мирнаго горца и сторонника русскихъ. Джембулатъ заявилъ Табанцу, что онъ съ своими людьми охотится здѣсь, и Табанецъ, узнавши отъ Джембулата, что въ этихъ мѣстахъ не было партіи горцевъ, убившихъ урядника Дубовика и казаковъ, прекратилъ преслѣдованіе ускользнувшихъ разбойниковъ. Савченко хорошо при этомъ замѣтилъ, какъ Джембулатъ смотрѣлъ на часы, бывшіе въ футлярѣ краснаго цвѣта. Тѣ же часы въ красномъ футлярѣ увидѣлъ онъ снова у Джембулата будучи въ плѣну. Самъ Джембулатъ на ломаномъ русскомъ языкѣ спросилъ Савченку, знаетъ ли онъ, кто утопилъ казачьяго офицера (урядника Дубовика) и убилъ казаковъ, и когда Савченко отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно, то Джембулатъ, тыча пальцемъ себя въ грудь, самодовольно сказалъ: „это ми!"

Прокофій Савченко былъ выкупленъ впослѣдствіи изъ плѣна. Его препроводили черезъ карантинъ въ Екатеринодаръ. Здѣсь онъ явился къ начальству и, къ удивленію присутствовавшихъ, вынулъ 250 рублей ассигнаціями и представилъ ихъ по начальству, пояснивши, что это казенныя деньги, назначенныя казакамъ на фуражъ. Онъ припряталъ ихъ въ поясъ, когда его взяли въ плѣнъ.

Въ 1834 г. Зассъ продолжалъ набѣги въ горы съ цѣлями устрашенія горцевъ и отвлеченія ихъ отъ линіи. Въ этомъ году совершенъ былъ имъ цѣлый рядъ военныхъ дѣйствій, высоко под-

нявшихъ его и безъ того громкое имя Засса среди горцевъ и русскихъ войскъ.

Въ концѣ февраля 1834 г., Зассъ, составивши отрядъ изъ 800 человѣкъ конницы, 7 ротъ пѣхоты и 8 орудій, направился съ нимъ изъ станицы Убѣженской на р. Лабу къ аулу Тлабгай, населенному махошевцами. Здѣсь, по свѣдѣніямъ Засса, находилась партія горцевъ, намѣревавшихся сдѣлать набѣгъ на казачьи поселенія. Была зима и лежалъ глубокій снѣгъ. Съ трудомъ пробираясь по снѣгу, отрядъ внезапно окружилъ аулъ въ тотъ моментъ, когда горцы меньше всего ожидали этого. Аулъ былъ взятъ и въ немъ произведена была жестокая расправа. Цѣлыхъ 193 человѣка и въ томъ числѣ почти вся партія, собиравшаяся въ набѣгъ, были убиты. Отрядомъ, кромѣ того, было взято 71 д. об. пола населенія, 300 головъ рогатаго скота и 81 лошадь.

Мѣсяцъ спустя, 23 марта, Зассъ отправился вновь вверхъ по р. Лабѣ съ отрядомъ изъ 800 человѣкъ пѣхоты, 500 человѣкъ конницы и 5 орудій. Не имѣя возможности двигаться съ обозомъ по трудно проходимой мѣстности, Зассъ оставилъ тяжести подъ прикрытіемъ части отряда, а самъ съ другою частью войскъ направился въ аулы бѣглыхъ кабардинцевъ. Подходя къ одному изъ ауловъ, русскія войска захватили 80 штукъ лошадей, и такъ какъ табунщики не хотѣли сдаться въ плѣнъ, то были убиты. Оставшіеся для защиты аула 20 кабардинцевъ также всѣ были перебиты. Въ другомъ мѣстѣ, при стычкѣ съ горцами, было убито ихъ до 50 человѣкъ. Въ этомъ сраженіи русскіе потеряли 2 убитыми и 2 ранеными; кромѣ того, былъ раненъ самъ Зассъ пулею въ правую руку выше кисти съ поврежденіемъ кости. Въ концѣ концовъ горцы, потерявши до 75 человѣкъ убитыми, часть скота и имущества, попросили у Засса пощады и выдали ему аманатовъ въ обезпеченіе своихъ мирныхъ отношеній къ русскимъ.

Прошло два мѣсяца. Горцы, послѣ короткаго перерыва, начали тревожить русскихъ мелкими набѣгами. Зассъ снова организовалъ отрядъ и 15 іюня направился съ нимъ на Вознесенское укрѣпленіе и р. Лабу. Въ составъ отряда вошли 758 человѣкъ пѣхоты и 1545 человѣкъ казачьей кавалеріи, при 5 пушкахъ. По пути, 17 іюня, Зассъ узналъ, что въ 10 верстахъ отъ р. Лабы по направленію къ Георгіевскому укрѣпленію, находилась партія въ 400 человѣкъ черкесовъ. Оставивши отрядъ въ скрытомъ мѣстѣ, Зассъ съ 6-ю сотнями отборныхъ казаковъ поспѣшилъ къ мѣсту сбора горцевъ. Замѣтивши приближеніе русскаго отряда, горцы бѣжали, но въ двухъ верстахъ отъ р. Лабы казаки нагнали ихъ. Завязалась перестрѣлка, при которой горцы потеряли много ранеными и убитыми, оставивши 10 тѣлъ на мѣстѣ сраженія. У казаковъ былъ убитъ одинъ и ранено десять Въ эту же экспедицію были взяты и разграблены два аула баракаевцевъ. Казаки захватили при этомъ 56 человѣкъ плѣнныхъ и все имущество баракаевцевъ, потерявши

4 убитыми и 14 ранеными. Много убито было и ранено и баракаевцевъ, но точная цифра ихъ осталась неизвѣстной.

Чтобы разсѣять ходившіе между горцами слухи о маломъ количествѣ русскихъ войскъ, расположенныхъ по линіи, и предупредить сборище черкесовъ, намѣревавшихся двинуться на русскія владѣнія, Зассъ предпринялъ новый походъ за Кубань противъ горцевъ. Въ составѣ 500 человѣкъ пѣхоты и 1000 человѣкъ конницы при 4 пушкахъ, отрядъ направленъ былъ къ Анзоровскому аулу, населенному абреками, Ночью, во время движенія отряда, выпалъ глубокій снѣгъ. Войска подвигались впередъ съ громадными затрудненіями. Самый аулъ Анзорова находился въ неприступной и хорошо защищенной мѣстности. Поэтому, прежде, чѣмъ русскіе обложили аулъ, горцы успѣли угнать скотъ и отправить семьи въ ближайшій лѣсъ. Абреки храбро встрѣтили приступъ русскихъ войскъ, но не могли удержать аула за собою и бѣжали, оставивши на мѣстѣ неубранными 9 тѣлъ. Казаки забрали часть черкесскаго имущества, оставшагося въ сакляхъ, и сожгли аулъ, потерявши двухъ человѣкъ убитыми и двухъ ранеными. Послѣ этого отрядъ вернулся обратно на линію.

Узнавши о сборищѣ горцевъ въ 1000 человѣкъ, принуждавшихъ мирныхъ инородцевъ измѣнить Россіи, Зассъ быстро, не дождавшись пѣхоты изъ Кисловодска, поскакалъ съ 100 казаками и 2 конными орудіями на Урупъ, гдѣ находился русскій отрядъ, приказавши маіору Роту идти къ нему въ подкрѣпленіе съ войсками изъ Прочноокопа. Не дожидаясь, однако, этого подкрѣпленія, Зассъ съ 300 человѣкъ пѣхоты, 450 казаками, 200 ногайцевъ и 4 пушками перешелъ 16 октября Лабу и на разсвѣтѣ показался у самаго сборища горцевъ. Къ Зассу немедленно явились бесленеевскіе, махошевскіе и абадзехскіе мирные старшины и просили совѣта, какъ имъ быть съ враждебными горцами. Зассъ далъ имъ въ подкрѣпленіе 200 ногайцевъ и приказалъ произвести нападеніе на сборище утѣснявшихъ ихъ горцевъ, а самъ съ русскими войсками зашелъ въ тылъ непріятелю. Бесленеевцы и мирные абадзехи вмѣстѣ съ ногайцами немедленно атаковали своихъ утѣснителей. Больше двухъ часовъ длился ожесточенный бой. Когда же въ тылу показался отрядъ Засса, горцы со всею силою набросились на него. Русскіе усиленнымъ огнемъ изъ пушки и ружей сразу же привели въ полное разстройство нападавшихъ на нихъ горцевъ. Потерявши до 100 человѣкъ убитыми и ранеными, горцы бѣжали съ поля битвы и тысячное ополченіе скрылось въ горахъ. Со стороны русскихъ было убито 5 человѣкъ и ранено 12. Зассъ придавалъ громадное значеніе не столько своей побѣдѣ надъ разбѣжавшимися горцами, сколько тому обстоятельству, что посѣялъ вражду между мирными и немирными горцами. Съ этого времени русскіе имѣли союзниковъ въ лицѣ первыхъ.

„Чтобы еще больше устрашить, по выраженію Засса, горцевъ“, онъ рѣшилъ взять Тамовскій аулъ, считавшійся у горцевъ

неприступною крѣпостью. Въ этомъ аулѣ гнѣздились самые храбрые наѣздники и отчаянные грабители, опустошавшіе казачьи станицы. Тамовцы, пользуясь удачными набѣгами, награбили массу казачьяго добра, и Тамовскій аулъ считался однимъ изъ самыхъ богатыхъ въ горахъ поселеній. Нужно было разорить это гнѣздо отважныхъ наѣздниковъ. Противъ нихъ Зассъ выбралъ лучшихъ казаковъ изъ двухъ донскихъ полковъ, трехъ казачьихъ линейныхъ—Кубанскаго, Хоперскаго и Ставропольскаго, и солдатъ изъ трехъ пѣхотныхъ полковъ—Тенгинскаго, Навагинскаго и Кабардинскаго. Въ отрядъ вошло 581 человѣкъ пѣхоты, 750 человѣкъ казачьей кавалеріи и 4 орудія. Отрядъ въ порядкѣ совершилъ походъ и разрѣшилъ поставленную ему задачу. Аулъ былъ взятъ приступомъ, сожженъ и подъ его развалинами было погребено не мало джигитовъ, тѣла которыхъ не успѣли, въ числѣ многихъ другихъ, унести съ собою бѣжавшіе тамовцы. „Числа 4 сего ноября, писалъ Зассъ въ своемъ рапортѣ генералу Вельяминову, я истребилъ сей аулъ, который горцы считали крѣпостью своею. Онъ сгорѣлъ до основанія и горцы убѣдились, что ни скалы, ни даль, ни снѣга не могутъ служить препонами для войскъ нашихъ, которыя въ сей походъ явили примѣръ мужества, усердія и терпѣнія. Въ пламени аула погибли жители, не успѣвшіе скрыться въ скалахъ. Все имущество, не доставшееся въ руки наши, сгорѣло; 24 души муж. и жен. пола взяты въ плѣнъ". Правдивыя, но жестокія слова кровавой исторіи въ Закубаньѣ.

Заключительнымъ актомъ зассовскихъ экспедицій противъ горцевъ былъ походъ русскихъ за Кубань 6 декабря. Въ отрядѣ участвовало 1470 человѣкъ пѣхоты и 811 человѣкъ конницы. Русскія войска угнали 1500 штукъ овецъ и до 100 головъ рогатаго скота, сожгли много сѣна и баранъ-коши, т. е. помѣщенія для овецъ, принадлежавшія абадзехскому старшинѣ Али Харцызову, потерявши пять убитыми и 18 ранеными. У горцевъ были болѣе значительныя потери, но аулы ихъ остались нетронутыми.

Въ 1835 г. была два незначительныхъ, но характерныхъ для Кавказской войны дѣла. Въ одномъ случаѣ казаки поплатились за свою отважную службу смертью, ранами и плѣномъ: въ другомъ—горцы сложили головы, съ гордымъ вызовомъ смерти.

Партія около 70 человѣкъ горцевъ, перейдя 27 марта черезъ Кубань близъ Ямановскаго поста, напала нечаянно на разъѣздъ хоперцевъ въ 9 человѣкъ. Произошла отчаянная схватка, такъ какъ казаки рѣшили не сдаваться живыми въ плѣнъ. Пять казаковъ было убито въ этой схваткѣ и четыре сильно изранены. У горцевъ нѣсколько человѣкъ было ранено и убитъ извѣстный абрекъ узден Куденетовъ.

Еще ярче и характернѣе оказался поступокъ храбрыхъ горцевъ, попавшихъ въ безвыходное положеніе.

Партія изъ 40 черкесовъ, переправившись въ 7 часовъ вечера черезъ Кубань, осторожно двигалась по направленію къ Камы-

шеватскому посту. Но еще раньше горцы были замѣчены зоркими глазами сторожившихъ границу казаковъ, и для преслѣдованія черкесской партіи были снаряжены казаки двухъ станицъ Прочноокопской и Григориполисской. Казаки ночью настигли непріятелей и разгромили партію. На мѣстѣ боя черкесы оставили 17 тѣлъ и въ томъ числѣ двухъ своихъ вожаковъ—Султана Шахъ-Гирея и князя Пшемафа-Бей-Арсланова. Остальнымъ горцамъ съ трудомъ удалось на время спастись бѣгствомъ.

Но въ поляхъ близъ станицы Каменнобродской бѣглецы снова были настигнуты казаками. Въ это время въ подкрѣпленіе преслѣдовавшему горцевъ отряду прискакали казаки изъ другихъ постовъ и до 100 человѣкъ явилось изъ станицы Каменнобродской. Образовался довольно многочисленный казачій отрядъ. Горцы были окружены со всѣхъ сторонъ. „Черкесы, писалъ въ своемъ рапортѣ майоръ Ротъ, командовавшій казаками, полковнику Зассу, большею частію раненые, лишенные возможности спастись бѣгствомъ, закололи своихъ лошадей, разбили ружья и съ пѣснею смерти, по обычаю горцевъ, бросились съ шашками и кинжалами въ отчаянный бой". Всѣ они пали въ этомъ бою.

На другой день казаки нашли въ числѣ убитыхъ 5 тяжело раненыхъ горцевъ. Съ русской стороны оказалось 5 раненыхъ и 2 убитыхъ.

Въ 1836 г. тысячная толпа горцевъ, собравшихся въ сентябрѣ въ верховьяхъ р. Бѣлой, направилась на Лабу, съ цѣлью нападенія на линію. Переправившись черезъ Лабу, горцы остановились на р. Урупъ. На Кубанской линіи поднялась тревога, въ который принялъ участіе самъ начальникъ линіи Зассъ. Къ 22 сентября онъ собралъ при Вознесенскомъ укрѣпленіи на р. Чамлыкъ отрядъ изъ 700 казаковъ, 200 ногайцевъ и 200 человѣкъ пѣхоты съ 6 конными орудіями и двинулся съ нимъ къ горѣ Ахметъ въ верховьяхъ Лабы, мѣсто первоначальнаго сборища горцевъ, но не засталъ уже ихъ здѣсь. Тогда же ночью 22 сентября онъ направился въ погоню за горцами черезъ Зеленчуки къ Баталпашинску, но не догналъ ихъ.

Между тѣмъ горцы успѣли пробраться къ Кубани, 23 сентября вечеромъ перешли ее у Баталпашинска и двинулись отсюда къ соленымъ озерамъ. Встрѣтивши у Бекешевской станицы дружный отпоръ резерва хоперцевъ, они перешли на Кисловодскую линію. У Кисловодской станицы горцевъ встрѣтили казаки, въ сраженіи съ которыми черкесы на долго были задержаны. Сжегши кордонный постъ и захвативши 5 человѣкъ въ плѣнъ, горцы направились къ горѣ Бермамыту, а отсюда на Кубань.

Зассъ въ свою очередь поднялся въ верховья Кубани къ Каменному мосту, чтобы перерѣзать путь возвращавшемуся за Кубань черкесскому ополченію. Горцы узнавши объ этомъ, поднялись еще выше въ горы, и только на разсвѣтѣ 26 сентября зассовскій отрядъ нагналъ черкесовъ у снѣговыхъ горъ въ Хасаутскомъ ущельи и нанесъ имъ здѣсь сильнѣйшее пораженіе.

На самой Старой Линіи въ томъ же 1836 г. выказалъ примѣръ мужества и отваги казакъ хуторянинъ, отстоявшій одинъ свой хуторъ и семью отъ партіи горцевъ.

Ночью 2 ноября къ казаку Разсвѣтаеву на его хуторъ при рѣкѣ Кирпиляхъ пришли двое неизвѣстныхъ и попросили его пустить ихъ на ночлегъ. Одинъ назвался казакомъ Птухинымъ изъ Ладожской станицы. Но Разсвѣтаевъ не повѣрилъ этому. Вслѣдъ за неизвѣстными появились горцы и начали ломиться въ дверь. Разсвѣтаевъ отвѣтилъ выстрѣломъ изъ ружья. Осаждающіе домъ требовали, чтобы Разсвѣтаевъ сдался, грозя въ противномъ случаѣ поджечь домъ. Но Разсвѣтаевъ рѣшительно заявилъ, что грабители могутъ сдѣлать съ домомъ, что хотятъ, но что ни онъ самъ, ни семья его не дадутся живыми въ руки. Самъ онъ сталъ на стражу съ ружьемъ, а семью вооружилъ топорами и другими предметами, годными для защиты.

Не желая попасть подъ пули отважнаго казака, горцы оставили его въ покоѣ и отправились на сосѣдній хуторъ казака Масловца. Здѣсь имъ удалось войти обманомъ въ домъ. Убивши двухъ мальчиковъ и забравши имущество, они увели съ собой въ плѣнъ 8 душъ.

Въ то время, когда горцы грабили Масловца, жившаго въ 40 шагахъ отъ Разсвѣтаева, послѣдній, отворивши дверь своей хаты, сталъ звать со двора пастуха. На его зовъ прибѣжало 4 горца, но Разсвѣтаевъ выстрѣломъ изъ ружья не подпустилъ ихъ къ своей хатѣ. Когда же горцы совсѣмъ ушли съ сосѣдняго хутора, Разсвѣтаевъ побѣжалъ къ сосѣду, взялъ у него лошадь и помчался въ станицу, чтобы извѣстить станичнаго атамана о набѣгѣ горцевъ. Донося объ этомъ происшествіи по начальству, станичный атаманъ просилъ наградить неустрашимаго казака. Бумага пошла по инстанціямъ и когда дошла до генерала Вельяминова, то послѣдній написалъ на ней: „казакъ Тимофей Разсвѣтаевъ награжденъ уже тѣмъ, что спасъ свое семейство.“

Въ 1837 г. горцы пытались повторить тотъ же пріемъ набѣга, что и въ 1836 г., но на этотъ разъ еще менѣе успѣшно. Снова тысячная партія горцевъ собралась въ верховьяхъ р. Ходзъ, притока Б. Лабы. Самъ Зассъ двинулся съ отрядомъ къ переправѣ черезъ Лабу. Но горцы, узнавши объ этомъ, разбились на двѣ части: 400 наилучшихъ всадниковъ бросились къ русскимъ границамъ на Кубань, а 600 съ худшими лошадьми и оружіемъ направились въ противоположную сторону къ верховьямъ Ходза. Зассъ далъ знать начальникамъ Кубанской и Кисловодской линій о принятіи мѣръ предосторожности противъ черкесской партіи въ 400 человѣкъ, а самъ погнался за остальными горцами и разбилъ ихъ у баговскихъ ауловъ.

Тогда же въ 1837 г. отрядомъ Засса были усмирены волновавшіеся убыхи и абадзехи. Поводомъ къ этому послужило нарушеніе горцами присяги, данной русскому правительству. Отрядъ на-

палъ на аулъ бунтовщиковъ и потерялъ въ происшедшемъ при этомъ жаркомъ сраженіи 5 человѣкъ убитыми и 21 ранеными. Потери черкесовъ были болѣе значительными. Только однихъ неубранныхъ съ поля битвы тѣлъ осталось на мѣстѣ 32. Аулъ былъ разрушенъ и сожженъ. Волновавшіеся горцы вынуждены были покориться. Они снова присягнули на подданство Россіи и снова дали аманатовъ въ обезпеченіе своихъ мирныхъ отношеній къ русскимъ.

Въ 1838 г. было нѣсколько мелкихъ случаевъ борьбы и столкновеній казаковъ съ горцами. Вечеромъ 11 ноября казакъ Казанской станицы ѣхалъ съ поля съ сестрой и матерью домой. Черкесы, засѣвшіе въ скрытомъ мѣстѣ, ранили казака, а сестру и мать его взяли въ плѣнъ. По приказанію генерала Засса, 18 ноября штабсъ капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка Волковъ перебрался черезъ Лабу и засѣлъ скрытно въ ущельяхъ. На разсвѣтѣ онъ послалъ для развѣдокъ прапорщика Мамку-Шугурова. Послѣдній выслѣдилъ партію черкесовъ со скотомъ. Извѣстивъ объ этомъ Волкова, онъ провелъ его съ отрядомъ къ мѣсту, гдѣ находились горцы. Драгуны разбили партію черкесовъ, захватили весь рогатый скотъ, нѣсколько лошадей и часть имущества, не понеся никакого урона въ людяхъ. Какъ видно изъ рапорта генер.-майора Засса командующему войсками Граббе отъ 30 ноября 1838 г., партія черкесовъ въ 30 человѣкъ 27 октября, скрывшись въ ущельѣ возлѣ укрѣпленія Хумары, выждала, когда появились казаки и двухъ изъ нихъ убила, а одного взяла въ плѣнъ. Предводитель этой партіи Гирей Бересклановъ, успѣвшій скрыться, когда за нимъ была послана погоня, былъ убитъ черезъ 2 дня при новомъ набѣгѣ.

Въ томъ-же 1838 г. генералъ Зассъ однимъ своимъ появленіемъ съ войсками на земляхъ мирныхъ егерухаевцевъ, усмирилъ начавшіяся было тамъ волненія. Причиной этихъ волненій послужило снабженіе егерухаевцеяъ недостаточнымъ количествомъ соли. Когда отрядъ изъ 5 ротъ пѣхоты и 16 сотенъ казаковъ съ 4 орудіями появился на рѣкѣ Лабѣ, егерухаевцы сразу успокоились, тѣмъ болѣе, что имъ обѣщано было необходимое количество соли. Отрядъ, впрочемъ, имѣлъ въ виду не однихъ егерухаевцевъ. Между егерухаевцами и сосѣдями ихъ темиргоевцами жили армяне, хлопотавшіе о поселеніи ихъ на Старой Линіи. Въ теченіе послѣднихъ 4 лѣтъ было собрано до 250 семей армянъ. И вотъ этихъ-то армянъ и поручено было отряду переселить съ горъ на лѣвый берегъ Урупа между укрѣпленіемъ Георгіевскимъ и Прочноокопомъ.

Въ слѣдущемъ 1839 г. горцы, кромѣ мелкихъ случаевъ воровства и грабежей, попробовали въ третій разъ сдѣлать набѣгъ на линію крупною партіею и снова потерпѣли неудачу. Партія въ 400 человѣкъ горцевъ опять собралась въ верховьяхъ Лабы у тамовскихъ ауловъ. Зассъ далъ знать объ этомъ командиру Хоперскаго полка маіору Игельстрому, а самъ съ отрядомъ занялъ позицію въ верховьяхъ Лабы на пути вѣроятнаго движенія горцевъ обратно. Игель-

стромъ съ казаками и егерями настигъ горцевъ у Усть-Тохтамышевскаго поста и заставилъ ихъ отступить отъ Кубани. На слѣдующій день казаки не могли догнать горцевъ. Но сами горцы на третій день наткнулись на отрядъ Засса и потерпѣли здѣсь сильнѣшее пораженіе, оставивъ въ рукахъ русскихъ 65 тѣлъ, 73 лошади и много оружія.

Въ 1839 г. особенно сильно свирѣпствовалъ казакъ Барышниковъ, бѣжавшій со Старой Линіи въ горы къ черкесамъ и скоро ставшій однимъ изъ видныхъ вожаковъ черкесскихъ партій, производившихъ набѣги на Линію. Барышникову много помогало въ этомъ отношеніи знаніе мѣстности и привычекъ русскаго населенія. Поэтому, его партіи всегда дѣйствовали съ большимъ успѣхомъ. Въ одинъ изъ набѣговъ 1839 г. Барышниковъ былъ настигнутъ линейными казаками у переправы черезъ Кубань и раненъ двумя пулями. На этотъ разъ, однако, дерзкій дезертиръ успѣлъ скрыться за Кубань.

Глава XV.

СТАРАЯ И НОВАЯ ЛИНІЯ.

Существенныя измѣненія на Старой Линіи произошли въ 1825 г. съ переселеніемъ хоперцевъ на Кубань. Кубань представляла удобную естественную границу между русскими и горцами. Еще въ началѣ XIX ст. генералъ Булгаковъ предлагалъ занять ее станицами Хоперскаго полка. Но командующій отдѣльнымъ Грузинскимъ корпусомъ Тормасовъ, отъ котораго зависѣло рѣшеніе вопроса, допускалъ эту мѣру лишь подъ условіемъ добровольнаго соглашенія казачьихъ старшинъ и казаковъ на переселеніе. Спрошенные объ этомъ въ 1809 г. хоперцы, выражая дипломатично готовность исполнить волю Государя, находили, однако, крайне обременительнымъ для себя переселеніе на Кубань. Они только-что устроились и обжились на новыхъ мѣстахъ, а переселеніе опять сулило имъ ломку и разореніе. Предположенія Булгакова, поэтому, не были осуществлены.

Въ 1824 г. Ермоловъ вновь возбудилъ вопросъ о переселеніи хоперскихъ и волгскихъ казаковъ изъ нынѣшней Ставропольской губ. на Кубань, въ непосредственное сосѣдство съ горскими племенами. Чтобы не ломать сразу казачье хозяйство, Ермоловъ предполагалъ переселить казаковъ частями, съ предоставленіемъ переселенцамъ пособій и льготъ. Начальники станицъ должны были заранѣе осмотрѣть мѣста, намѣченныя для переселенія, и произвести

на нихъ запашки съ осени. Въ первую очередь предполагалось перевести къ Кубани часть зажиточныхъ казаковъ и часть казаковъ необремененныхъ большими семьями и сложнымъ хозяйствомъ. При поселеніи казаковъ въ неудобныхъ и безлѣсныхъ мѣстностяхъ положено было выдавать денежное пособіе отъ 100 до 125 руб. на дворъ. Сами хоперцы рѣшили перейти на новыя мѣста въ два пріема, о чемъ донесъ начальству командиръ Хоперскаго полка маіоръ Шаховъ. Тогда рѣшено было начать выселеніе хоперцевъ въ 1825 г. и окончить его къ осени 1826 г. Но обстоятельства сложились такъ, что хоперцы смогли осѣсть на Кубани только позднею осенью 1827 г., послѣ того какъ убрали и обмолотили хлѣбъ на старомъ мѣстожительствѣ.

Первоначально хоперцы основали 4 станицы на Кубани—Баталпашинскую, Бѣломечетскую, Невинномысскую и Барсуковскую, и и двѣ на р. Кумѣ—Бекешевскую и Карантинную, переименованную въ 1835 г. въ Суворовскую. Помимо стратегическихъ соображеній, станицы были расположены такъ, чтобы можно было обезпечить ихъ землей по расчету 30 дес. на муж. душу казакамъ, 60 дес. оберъ-офицерамъ и 300 дес. штабъ-офицерамъ. Въ пособіе казакамъ назначено было 54050 р. сер. и, кромѣ того, средства на постройку церквей.

Устраивая заново станицы, хоперцы придерживались при этомъ господствующаго типа поселеній этого рода. Казачья станица на линіи была полуукрѣпленіемъ. Къ центральной площади, гдѣ были расположены церковь и общественныя зданія, шли правильно распланированныя улицы. Вся станица была окружена землянымъ валомъ, а снаружи его глубокимъ рвомъ; по валу шла обнесенная колючимъ терновникомъ ограда; въ опредѣленныхъ мѣстахъ устроены были ворота, у воротъ вышки для наблюденія за окрестностями и помѣщенія для казачьихъ командъ. Въ такомъ видѣ станица представляла хотя и незатѣйливое, но настолько достаточно оборудованное укрѣпленіе, что черкесы, у которыхъ небыло пушекъ, могли ворваться въ станицу лишь при дружномъ натискѣ и достаточной численности нападающихъ. Станицы Баталпашинская, Бѣломечетская, Невинномысская и Барсуковская были снабжены двумя орудіями каждая, а Бекешевская и Суворовская по одному.

Съ 1790 по 1833 г. кордонная линія по Кубани охранялась двумя донскими полками, которые черезъ опредѣленное время мѣнялись по очередямъ. Благодаря этому, линейные казаки несли сторожевую службу только по внутренней охранѣ станицъ и на постахъ второй линіи, расположенныхъ за первою, а также держали въ готовности станичные резервы на случай появленія горцевъ. Линейный казакъ, слѣдовательно, являлся охранителемъ прежде всего дома и станицы. Затѣмъ онъ участвовалъ въ походахъ противъ горцевъ, замѣнялъ временно части регулярныхъ войскъ въ укрѣпленіяхъ и несъ службу внѣ войска.

Для образованія 6 новыхъ станицъ хоперцы были выдворены изъ 5 старыхъ—изъ Сѣверной въ количествѣ 188 дворовъ, изъ Ставропольской 441 дв., изъ Воровсколѣсской 86 дв., изъ Донской 291 дв. и изъ Московской 238 дв., а всего 1245 дворовъ въ числѣ 4227 д. м. пола.

Тогда же были поселены станицы Убѣженская и Николаевская. Населеніе этихъ станицъ состояло частью изъ казаковъ ст. Темнолѣсской, а частью изъ крестьянъ села Николаевки, Ставропольской губ. Обѣ станицы вошли въ составъ Кубанскаго полка, а ст. Воровсколѣсская изъ Кубанскаго полка зачислена была въ Хоперскій полкъ. Благодаря этому, каждый полкъ—Кубанскій и Хоперскій, состоялъ изъ смежныхъ станицъ и имѣлъ свою особую полковую территорію.

Въ 1828 г. въ Хоперскомъ и Кубанскомъ полкахъ числилось по 7 станицъ. Въ Кубанскомъ полку было 1 штабъ-офицеръ, 24 оберъ-офицера, 59 пятидесятниковъ или урядниковъ, 776 строевыхъ казаковъ и 3 нестроевыхъ. Составъ полковъ въ это время былъ уже восьмисотенный и всѣ три полка—Кубанскій, Кавказскій и Хоперскій, были одинаковой численности.

Въ 1829 г., Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ разрѣшено было зачислить въ линейные полки однодворцевъ и казенныхъ крестьянъ по плакатнымъ паспортамъ, безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ крестьянскихъ обществъ. Въ этомъ же году состоялось особое Высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи бродягъ, зашедшихъ въ Кавказскую область, въ работники поселеннымъ на Кавказской линіи казакамъ. Все это, конечно, способствовало безпрепятственному пополненію линейныхъ полковъ новыми переселенцами на Линію.

Но эти частныя пополненія были такъ малочисленны, что не могли существенно повліять на экономическій подъемъ края. Между тѣмъ казаки нуждались во многомъ. Въ 1830 г. два полка—Кубанскій и Хоперскій, возбудили ходатайство передъ графомъ Паскевичемъ о предоставленіи имъ тѣхъ преимуществъ, которыми пользовались др. казачьи войска. Въ теченіе 50 лѣтъ, писалъ повѣренный Хоперскаго полка хорунжій Булавинъ, хоперцы три раза переселялись съ мѣста на мѣсто—сначала съ р. Хопра на Кавказъ, затѣмъ по станицамъ Кавказской области и въ 1825 г. изъ области на Кубань. Это экономически обезсилило казаковъ. Во время послѣдняго переселенія хоперцамъ дарована была трехлѣтняя льгота, но они не могли ею воспользоваться. Война русскихъ съ персами и турками, къ которымъ примкнули горцы, заставила поголовно всѣхъ хоперцевъ взяться за оружіе одновременно съ устройствомъ станицъ и постройкою жилищъ. Въ старыхъ станицахъ до переселенія на Кубань казаки были задавлены постойною и подводною повинностями. На новыхъ мѣстахъ оказалось очень затруднительно вести хозяйство. Приходилось поздно выѣзжать изъ станицы въ

поле и рано возвращаться домой изъ опасенія столкновенія съ горцами. При такой потери времени, казаки ограничились незначительными запашками. Собственнаго хлѣба для продовольствія не хватало, а казаку, между тѣмъ, требовалось купить форменную одежду, содержать полковой лазаретъ, хлѣбозапасный магазинъ и вообще найти средства на разныя повинности. Все это покрывалось денежною раскладкою и казакъ вынужденъ былъ продавать необходимый ему скотъ. Послѣдняго и безъ того много убывало отъ повальныхъ падежей и отъ хищеній горцами, угонявшими иногда его въ горы цѣлыми стадами.

Чтобы улучшить экономическое положеніе линейныхъ казаковъ, хоперцы и кубанцы просили предоставить имъ, по примѣру Донскаго, Черноморскаго, Астраханскаго и др. казачьихъ войскъ, права на винную монополію, на безпошлинную выволочку соли на казенныхъ озерахъ, и освободить казаковъ отъ земскихъ повинностей, какъ это допущено уже для Волгскаго полка.

Паскевичъ обѣщалъ возбудить ходатайство о винной монополіи передъ правительствомъ, освободилъ отъ несенія земскихъ повинностей полки Кубанскій, Кавказскій и Хоперскій и предоставилъ населенію тѣхъ же полковъ право пользоваться солью казеннаго озера Калалы.

Въ 1833 г. изъ Кубанскаго полка въ Ставропольскій были перечислены Темнолѣсская и Николаевская станицы, а взамѣнъ ихъ въ Кубанскій полкъ вошли крестьянскія селенія, обращенныя въ казачьи станицы: Новотроицкое съ 2044 д. муж. и 2055 д. жен. пола, Новоалександровская съ 977 д. м. п. и 923 д. жен. пола, Расшеватская съ 1642 д. муж. и 1626 д. жен. пола и Успенская съ 1710 д. муж. и 1626 д. жен. пола. При такомъ составѣ въ Кубанскій полкъ входило 9 станицъ и числилось 2 штабъ-офицера, 32 оберъ-офицера, 70 урядниковъ и 1323 казака, съ дѣленіемъ полка на 8 сотенъ. Но тогда же была значительно пополнена селеніями, обращенными въ казачьи станицы, вся Старая Линія. Кромѣ четырехъ названнныхъ селеній, къ Старой Линіи съ 1 января 1833 г. причислены были станицы Новодонецкая, Новомалороссійская, Архангельская, Ильинская, Дмитріевская, Сенгилѣевская или Богоявленская, Каменнобродская, Новомарьевская, Рождественская и Старомарьевская. Всѣ эти станицы и теперь находятся въ предѣлахъ бывшей Старой Линіи. Такимъ образомъ, Старая Линія въ это время состояла изъ 32 станицъ и 4 станицы образованы были изъ крестьянскихъ поселеній много лѣтъ позже—въ 1848 г.

Кромѣ того, въ Кавказское линейное войско, образованное въ 1832 г., вошли села нынѣшней Ставропольской губерніи и станицы Терской области Сергѣевка, Калиновка, Сѣверное, Круглолѣсское, Сабля, Верхнеподгорное, Нижнеподгорное, Михайловка, Надежда, Бешпагиръ, Незлобная, Шелководская и др.

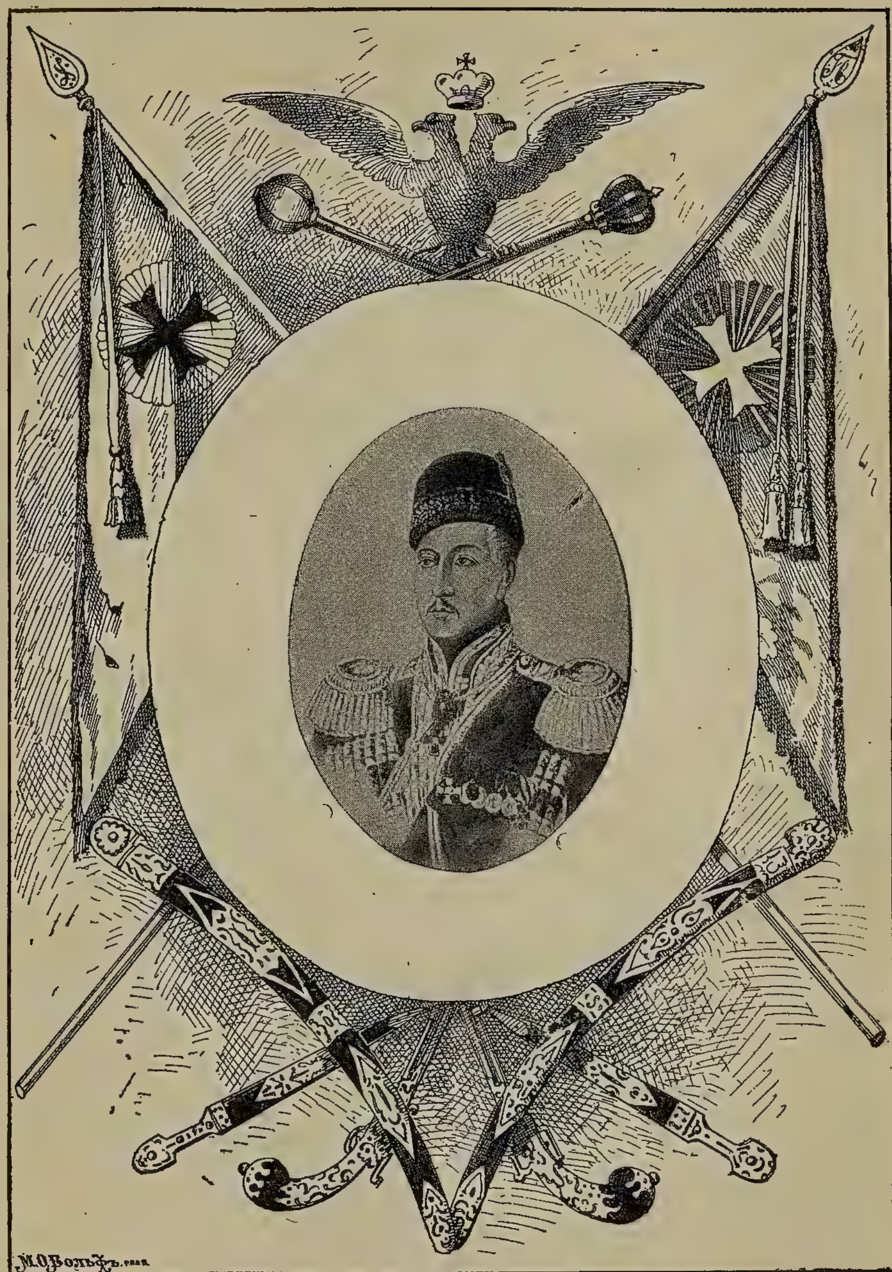
Съ увеличеніемъ населенія осложнялась и внутренняя жизнь у линейныхъ казаковъ. Раздѣленные на полки линейцы объединены

были однообразіемъ службы и тѣхъ военныхъ условій, которыми она вызывалась. Но этого было недостаточно. Жизненныя осложненія требовали измѣненій въ общей организаціи и управленіи разбитыхъ на полки казаковъ. Въ 1832 г. образовано Кавказское линейное войско, въ которое, какъ часть, вошла и Старая Линія.

До образованія Кавказскаго линейнаго войска, казачьи полки жили каждый своею самостоятельною, обособленною жизнью. Каждый полкъ имѣлъ свою опредѣленную земельную территорію, въ каждомъ полку было свое собственное полковое управленіе, на каждый полкъ ложились однообразная военная служба и наряды, каждому полку свойственны были свои полковые интересы. Связь между полками была чисто внѣшняя и дѣлилась между военнымъ и гражданскимъ управленіемъ. Въ военномъ отношеніи полки подчинялись главному начальнику Кавказской кордонной линіи и находились въ непосредственномъ вѣдѣніи подчиненнаго ему начальника праваго фланга, а въ гражданскомъ отношеніи они зависѣли отъ гражданскаго губернатора и губернскаго правленія Кавказской области. Всѣ эти власти подчинены были главнокомандующему особымъ Кавказскимъ корпусомъ. Такимъ образомъ, была цѣлая градація военныхъ и гражданскихъ властей и отсутствовало единство управленія, не было даже единой административной власти.

Съ изданіемъ закона 1832 г. мало измѣнился характеръ казачьяго управленія. Во вновь образованномъ войскѣ не было ни общихъ войсковыхъ учрежденій, ни войсковыхъ капиталовъ и статей войсковаго дохода, ни смѣтныхъ назначеній на все войско. Главное основаніе казачьяго уряда—земля и пользованіе ею, не было общимъ достояніемъ войска, а дробилась между полками. Остались совершенно нетронутыми ни полковое, ни станичное управленіе. Единственную выгоду въ этомъ отношеніи представляло то условіе, что въ лицѣ наказнаго атамана Кавказскаго линейнаго войска, поставленъ былъ одинъ хозяинъ, долженствовавшій охранять и отстаивать интересы общества въ силу уже своего положенія.

Первымъ наказнымъ атаманомъ Кавказскаго линейнаго войска былъ г.-м. П. С. Верзилинъ. Это былъ чисто боевой генералъ, воспитавшійся на военныхъ дѣлахъ съ турками и горцами. Родился онъ въ 1791 г., на службу поступилъ пятидесятникомъ въ 1807 г., въ слѣдующемъ году получилъ чинъ корнета, офицерскіе обязанности несъ въ теченіи 24 лѣтъ, въ 1832 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и, по рекомендаціи Паскевича, назначенъ наказнымъ атаманомъ вновь образованнаго Кавказскаго линейнаго войска. Въ разное время Верзилинъ служилъ въ Московской милиціи, въ Александрійскомъ гусарскомъ полку, затѣмъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ и былъ командиромъ сначала Волгскаго полка, а потомъ Горскаго казачьяго. Все это доставило Верзилину обширный опытъ въ военномъ строевомъ дѣлѣ и дало возможность неоднократно выказать отличныя боевыя качества, но не могло научить

Г.-м. Петръ Семеновичъ Верзилинъ,
Наказный Атаманъ Кавказскаго Линейнаго войска
съ 1832 по 1837 годъ.

умѣнью быть хорошимъ администраторомъ и знатокомъ хозяйственнаго быта казака. Въ этомъ отношеніи онъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ войскѣ и, имѣя на Старой Линіи такихъ выдающихся представителей военнаго дѣла, какъ начальникъ сначала Баталпашинскаго, а потомъ Прочноокопскаго участка Зассъ и командиръ Хоперскаго полка Канивальскій, могъ быть спокойнымъ за образцовую охрану границъ линіи. Къ тому же Зассъ и Канивальскій были отличные администраторы и хозяева, дѣятельно заботившіеся о благосостояніи казачьяго населенія. Въ октябрѣ 1837 г. Верзилинъ былъ освобожденъ отъ обязанностей наказнаго атамана и тогдаже, 31 октября, на его мѣсто былъ назначенъ генералъ-майоръ С. С. Николаевъ.

Новый наказный атаманъ линейнаго войска оставался во главѣ его 11 лѣтъ. Родомъ онъ былъ донецъ и прошелъ хорошую жизненную школу, родился въ 1789 г., на службу поступилъ казакомъ въ 1803 году, въ томъ же году произведенъ въ урядники, въ 1811 г.—въ корнеты и черезъ 20 лѣтъ былъ генераломъ. Большую часть своей военной службы Николаевъ провелъ въ рядахъ родного Донского войска, 6 лѣтъ командовалъ Донскимъ лейбъ-гвардейскимъ полкомъ, въ 1836 г. былъ назначенъ походнымъ атаманомъ донскихъ казачьихъ, расположенныхъ на Кавказской линіи, полковъ и въ слѣдующемъ году занялъ болѣе важный постъ наказнаго атамана Кавказскаго линейнаго войска.

Николаевъ участвовалъ въ Отечественной 1812 г. войнѣ съ французами, выдержалъ въ рядахъ русскихъ войскъ цѣлый рядъ сраженій съ непріятелемъ, былъ въ составѣ преслѣдовавшихъ его войскъ при отступленіи великой арміи изъ Москвы, прослѣдовалъ съ русскими войсками черезъ Европу во Францію и въ 1814 г. принималъ участіе въ осадѣ и взятіи Парижа. При усмиреніи мятежа въ Царствѣ Польскомъ Николаевъ командовалъ казачьимъ лейбъ-гвардейскимъ полкомъ, а на Кавказѣ много разъ имѣлъ дѣло съ горцами въ цѣломъ рядѣ стычекъ и сраженій.

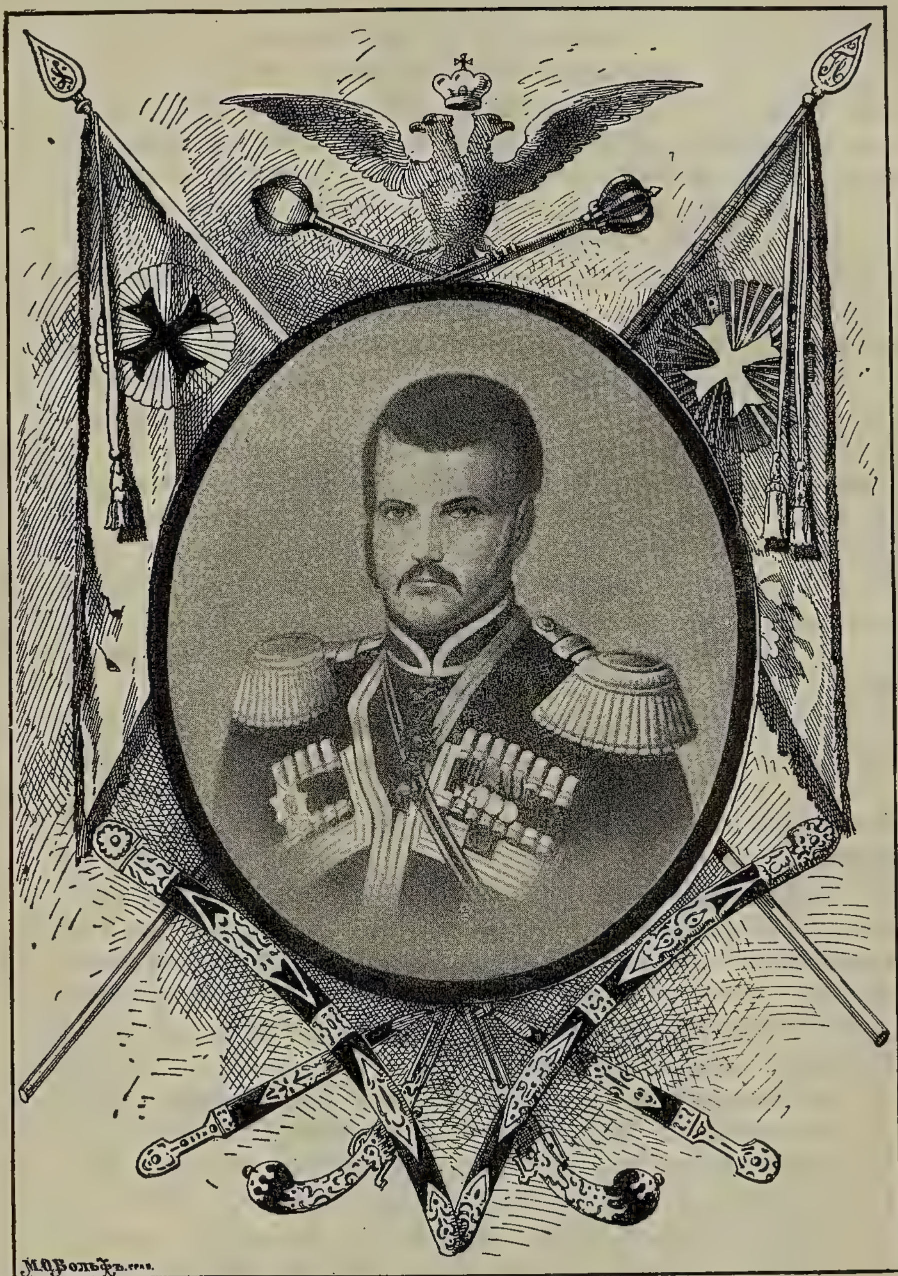
По отзыву генерала Кравцова, начавшаго свою службу въ линейномъ войскѣ при Николаевѣ, атаманъ этотъ выдавался умомъ, считался даровитымъ дѣятелемъ и отличнымъ администраторомъ. Какъ хорошему хозяину, Кавказское линейное войско многимъ ему обязано по внутреннему благоустройству и образцовому содержанію строевыхъ частей. Будучи самъ казакомъ, онъ прекрасно зналъ и понималъ особенности казачьяго быта, лично входилъ во всѣ подробности казачьихъ нуждъ, не чуждался народа и умѣлъ своимъ справедливымъ отношеніемъ къ дѣламъ, деликатнымъ обхожденіемъ и серьезною заботливостью о благосостояніи населенія расположить и привязать его къ себѣ. Онъ ближе къ сердцу принималъ требованія мирной жизни, чѣмъ заботы о военной славѣ.

На долю Николаева выпало проведеніе въ жизнь крупнаго законодательнаго акта—положенія 1845 г. о Кавказскомъ казачьемъ

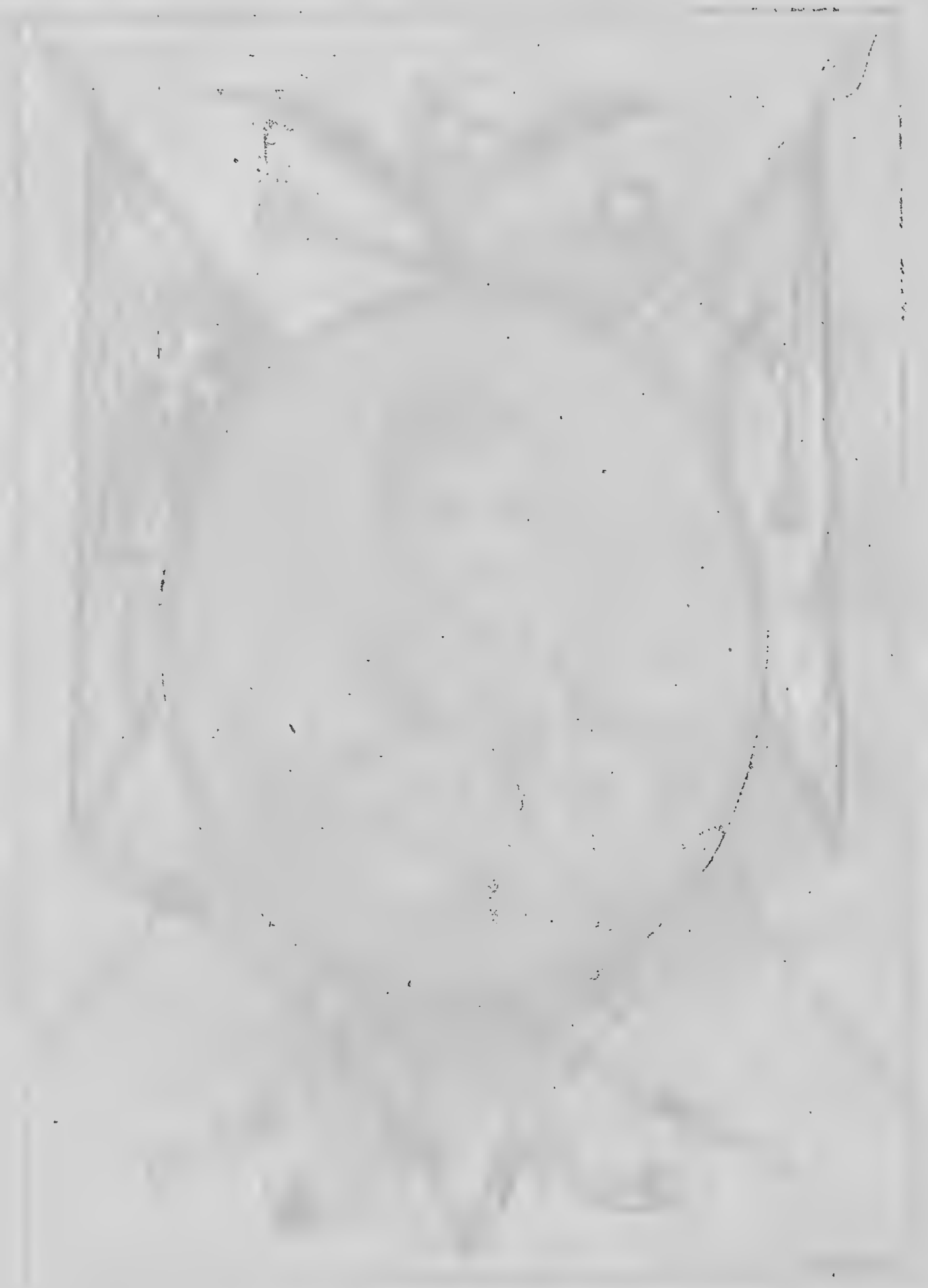
линейномъ войскѣ. Новымъ закономъ линейное войско было раздѣлено на 17 полковыхъ округовъ, а управленіе имъ разграничено было на военное и гражданское. Собственно мѣстное управленіе составляли: наказный атаманъ, войсковое дежурство, войсковое правленіе, бригадныя управленія, временныя военно-ссудныя комиссіи, полковыя и станичныя управленія и торговый словесный судъ. Въ области хозяйственныхъ нуждъ для войска имѣло большое значеніе войсковое правленіе; по отношенію собственно къ гражданскому управленію существенную роль играли, съ одной стороны, бригадныя и полковыя управленія, а съ другой, станичныя. Всѣ эти учрежденія связаны были между собою въ порядкѣ восходящихъ инстанцій; низшую инстанцію составляли станичныя управленія, а высшую—войсковыя. Посредствующія бригадныя учрежденія состояли изъ командира и его канцеляріи, которою заправлялъ бригадный адъютантъ. Въ составъ же полковыхъ управленій входили предсѣдатель—полковой командиръ, и четыре или три засѣдателя, назначавшіеся исключительно изъ отставныхъ офицеровъ. Слѣдовательно, одному изъ главныхъ органовъ казачьяго управленія—полковому, приданъ былъ коллегіальный характеръ. Но опять таки и это была чисто внѣшняя черта. Настоящему казачьему укладу, какъ сложился онъ въ другихъ войскахъ, не доставало самаго главнаго условія—выборнаго начала.

Только въ низшей инстанціи, въ станичномъ управленіи, было допущено частичное примѣненіе этого начала. Вмѣсто единоличной власти станичнаго атамана, управлявшаго станицей по собственному усмотрѣнію, учреждены были станичныя управленія изъ станичнаго начальника, двухъ судей по выбору и двухъ писарей. Суть дѣла отъ этого, однако, мало мѣнялась. Станичный атаманъ служилъ по назначенію и не зависѣлъ отъ станичнаго общества. Подавляя своимъ положеніемъ и властью остальныхъ членовъ правленія, онъ являлся не только главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, но въ большинствѣ случаевъ и самовластнымъ распорядителемъ. Установившіеся порядки, державшіеся на двухъ началахъ военнаго режима—на приказаніи и повиновеніи, были еще живы и продолжали жить, благодаря наличности суровыхъ условій войны и военной обстановки.

А условія эти были крайне тяжелы и гнетущи. Гражданская жизнь еле тлѣла. Занятія хозяйствомъ были съужены до невозможности. Все дѣлалось по военному приказу и дисциплинѣ. Малѣйшія уклоненія отъ приказа и дисциплины строго карались. По общему правилу на ночь должны были собираться всѣ жители въ станицу. Ночевать внѣ ея, особенно одиночкамъ или небольшимъ группамъ хозяевъ, не дозволялось. Рано утромъ до разсвѣта изъ станицы выѣзжали конные казачьи разъѣзды и тщательно осматривали всѣ прилегавшія къ станицѣ окрестности и укромныя мѣста, гдѣ могли прятаться горцы. Если въ юртѣ станицы было благополучно и не

Г.-л. Степанъ Степановичъ Николаевъ,
Наказный Атаманъ Кавказскаго Линейнаго войска
съ 1837 по 1848 г.

было никакихъ указаній на близкое присутствіе хищническихъ шаекъ горцевъ, то рабочему и нерабочему населенію разрѣшалось ѣхать въ поле на работы или другія станицы по своимъ нуждамъ.

Часто эти выѣзды сопровождались военнымъ прикрытіемъ. Во многихъ мѣстахъ и во многихъ случаяхъ работы въ поляхъ велись подъ прикрытіемъ военныхъ командъ. Всѣ лица мужскаго пола отъ 15 до 60 лѣтъ обязаны были работать съ оружіемъ подъ руками. Къ вечеру за свѣтло жители должны были возвращаться въ станицы. Только впослѣдствіи, когда увеличилось казачье населеніе и усилились полки, вошло въ обыкновеніе ночевать въ полѣ большими таборами, забаррикардировавши себя телѣгами и воловьими возами. Ночлегъ же одиночкамъ строго воспрещался и нарушители этого правила подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ.

Тѣмъ важнѣе, при такихъ условіяхъ, было то заботливое отношеніе къ казачьему населенію, какое выказывалъ атаманъ Николаевъ. Кавказское линейное войско стало роднымъ донскому генералу. Онъ любилъ его и привязался даже къ мѣсту своего постояннаго жительства. Близъ г. Ставрополя находится Михайловское селеніе. При Николаевѣ это была казачья станица, служившая любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ атамана. Въ случаѣ смерти, Николаевъ заранѣе распорядился, чтобы его похоронили въ этой станицѣ, и когда 18 февраля 1848 г. онъ умеръ, воля его была исполнена; его похоронили въ церкви станицы Михайловской.

При Николаевѣ была осуществлена крупная колонизаціонная мѣра—заселеніе Лабинской Линіи.

Въ рапортѣ генералъ-лейтенанту Граббе отъ 28 февраля 1839 г. г.-м. Зассъ, начальникъ Кавказской линіи по Кубани, изложилъ свои соображенія о возведеніи укрѣпленій по Бѣлорѣченской линіи и образованіи новой границы съ горцами. По мнѣнію Засса, новую кордонную линію слѣдовало образовать отъ устья р. Бѣлой и вверхъ по теченію этой рѣки до Майкопскаго ущелья, а далѣе горами до верховьевъ Большой Лабы, „какъ вѣроятно, политично прибавляетъ генералъ, Государь Императоръ изволилъ разумѣть, предполагая кордонную линію на р. Бѣлой“. Считая новую пограничную линію временною опорною сѣтью укрѣпленій въ борьбѣ съ горцами, Зассъ предлагалъ придать временный характеръ и проектируемымъ укрѣпленіямъ. Зассъ предлагалъ построить по линіи, на всемъ ея протяженіи, десять крѣпостей, а крѣпости связать пикетами. Такъ, между Кубанью и Майкопскимъ ущельемъ, по лѣвому берегу р. Бѣлой, слѣдовало возвести три укрѣпленія—одно въ устьѣ Бѣлой, другое въ промежуткѣ между первымъ и входомъ въ Майкопское ущелье и третье въ этомъ послѣднемъ. Затѣмъ на переходѣ отъ системы р. Бѣлой къ рѣчной системѣ р. Лабы надлежало расположить укрѣпленія въ такомъ порядкѣ: четвертое укрѣпленіе на р. Фарсъ, пятое на р. Псефиръ у разореннаго аула Ибрагима Докшукова, шестое на р. Кунантау на мѣстѣ аула Мисирбая Безрукова.

седьмое на рѣкѣ Губсѣ около Баракаевскихъ ауловъ, восьмое на р. Лабѣ ниже Ахметъ-горы, девятое на Лабѣ у Тамовскаго аула и десятое при впаденіи р. Малаго Тегеня въ Урупъ.

Представляя выгоды новой пограничной линіи, генералъ Зассъ утверждалъ, что, при наличности укрѣпленій по проектируемой линіи, какъ бы заперты были въ горахъ враждебныя Россіи черкесскія племена, а съ другой, упрочена была бы осѣдлость мирныхъ черкесовъ, которые оказались бы поселенными на русской сторонѣ, за чертою новой линіи. Съ одними было бы успѣшнѣе бороться, а другихъ легче держать въ покорности и защищать отъ враждебныхъ имъ племенъ. Въ сущности это былъ только военный планъ наступленія русскихъ войскъ на горныя народности. Укрѣпленія Зассъ предлагалъ не фундаментальныя, а расчитанныя только на ружейный огонь, такъ какъ у непріятеля совсѣмъ не было пушекъ. Крѣпости, писалъ Зассъ, „должны были служить сборными мѣстами для нашихъ отрядовъ, точками опоры при наступательныхъ дѣйствіяхъ и хранилищами всякаго рода военныхъ запасовъ“. Такъ, сообразно съ этими цѣлями, должны быть расположены въ нихъ и войска. Въ 1-е. 4, 6, 8 и 9 укрѣпленія, начиная съ горъ Зассъ помѣщалъ только по одной ротѣ пѣхоты, а во 2-е, 3, 5 и 7 укрѣпленія по двѣ роты, на каждое укрѣпленіе полагалось по одной сотнѣ конныхъ казаковъ для постоянныхъ разъѣздовъ между ними и по окрестностямъ. Въ каждомъ укрѣпленіи, наконецъ, должно находиться по шести крѣпостныхъ орудій средняго калибра и по два легкихъ полевыхъ съ ящиками и лошадьми. Въ десятомъ укрѣпленіи, какъ наиболѣе удаленномъ отъ враждебныхъ горцевъ, Зассъ считалъ возможнымъ поставить только два крѣпостныхъ орудія и одно легкое съ лошадьми.

„Полагаю, писалъ Зассъ, что отряды должны неослабно воевать земли непріятеля какъ въ продолженіе постройки крѣпостей, такъ и послѣ, до тѣхъ поръ пока онъ не будетъ прочно покоренъ“.

Въ декабрѣ 1839 г. военный министръ сообщилъ командующему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, что Государь Императоръ нашелъ необходимымъ „отложить до времени перенесеніе казачьихъ станицъ на новую Лабинскую Линію, а ограничиться пока возведеніемъ укрѣпленій по утвержденному проекту“. Для отвлеченія горцевъ западной части Закубанья и одновременно съ возведеніемъ укрѣпленій по Лабинской линіи предположено было заняться устройствомъ дороги черезъ земли натухайцевъ, которою обезпечивалось бы сообщеніе Черноморіи съ Анапой и Новороссійскомъ. Начальство надъ войсками Государь приказалъ поручить на Новой Линіи г.-м. Зассу, а въ Западномъ Закубаньѣ начальнику Черноморской береговой линіи г.-л. Раевскому, подъ общимъ руководствомъ ген.-адъютанта Граббе.

Въ январѣ 1840 г. Зассъ, извѣщая командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи г.-ад. Граббе о полученіи

его распоряженій по постройкѣ укрѣпленій на Лабѣ, съ своей стороны представилъ соображенія, вытекавшія непосредственно изъ самаго хода дѣлъ. Такъ какъ, разсуждалъ Зассъ, имѣлось въ виду подвинуть впередъ къ горамъ наши военныя операціи и, слѣдовательно, преодолѣть сильнѣйшій отпоръ со стороны непріятеля, то наличное число войскъ, какъ опредѣлено оно по проектнымъ соображеніямъ, недостаточно для строющихся укрѣпленій. „Гарнизоны укрѣпленій, писалъ Зассъ, должны быть довольно сильны для отпора непріятеля и имѣть кавалерію, чтобы уничтожить, путемъ развѣдокъ, замыслы его и преслѣдовать внѣ укрѣпленій“. На этомъ основаніи Зассъ считалъ очень слабыми гарнизоны въ одну роту безъ кавалеріи. Такіе гарнизоны не въ состояніи будутъ прекратить грабежей горцевъ въ окрестностяхъ укрѣпленій. Въ укрѣпленіе при Тамовскомъ аулѣ, напр., нужно послать покрайней мѣрѣ двѣ роты пѣхоты и триста конныхъ казаковъ, а въ остальныя укрѣпленія по одной ротѣ и по 250 казаковъ. Между укрѣпленіями должны быть устроены военные посты.

Недостаточнымъ считалъ Зассъ и ассигнованную на постройку укрѣпленій сумму въ 8000 р. Такія средства ниже минимальныхъ. Лѣсъ для укрѣпленій долженъ быть заготовленъ заранѣе, независимо отъ восьмитысячной ассигновки, а на заготовленіе хозяйственныхъ предметовъ и выдачу платы за работы необходимо открыть кредитъ, такъ какъ опредѣленныхъ указаній на этотъ счетъ, при новизнѣ края, дѣла и условій, никакихъ нельзя сдѣлать. Для земляныхъ работъ требовалась команда изъ 50 саперъ.

Въ сентябрѣ 1840 г. Зассъ писалъ Граббе, что, по его мнѣнію, слѣдовало бы сразу занять прочными поселеніями Новую Лабинскую линію и, поэтому, проектировалъ устроить 8 станицъ въ 300 дворовъ каждую. Такая линія преградила бы доступъ горцамъ въ наши мѣста. Такъ какъ предполагалось поселить не 8, а только 4 станицы, то станицы эти нельзя растягивать на всю линію, ибо при отдаленности одной станицы отъ другой, каждая станица, благодаря своему изолированному положенію, находилась бы при осадѣ ея горцами въ большей опасности, чѣмъ при смежности и близости станицъ. Зассъ предлагалъ устроить всѣ 4 станицы въ верхней части линіи—одну на Урупѣ при Новогригорьевскомъ укрѣпленіи, другую на Чамлыкѣ при Новодонскомъ укрѣпленіи третью на Чамлыкѣ ниже, у поста по дорогѣ изъ Махошевскаго укрѣпленія на Прочноокопъ. Станицы эти, связанныя пикетами одна съ другой, заперли бы ворота для горцевъ въ этой части линіи. Лучше всего было бы, конечно, населить станицы линейными казаками, но чтобы не ослаблять Старой Линіи, взять на переселеніе только $^2/_3$ линейцевъ, а остальную треть заселить выходцами изъ Россіи, которые, живя среди линейцевъ, скоро освоились бы съ условіями линейной жизни и пріемами борьбы.

Основаны были четыре станицы Вознесенская, Лабинская, Чамлыкская и Урупская. Приказомъ 17 января 1842 г. полковой ко-

мандиръ ротмистръ Волковъ приглашалъ явиться къ 20 января въ штабъ представителей этихъ станицъ—станичныхъ атамановъ съ почетными старшинами и съ экономомъ для полученія денегъ, Высочайше пожалованныхъ переселенцамъ по 125 р. ассигнаціями на семью. За вычетомъ по 25 р. съ семьи на общественныя зданія, остальныхъ денегъ причиталось по числу 779 семействъ 77900 р. ассигнаціями. Средства эти послужили хорошимъ рессурсомъ, при поселеніи казаковъ на новомъ мѣстожительствѣ. Устройство станицъ велось подъ звуки оружія и при военныхъ дѣйствіяхъ. Поэтому, печать военныхъ порядковъ сразу легла на всю жизнь и обстановку новолинейнаго казака. Всѣ проявленія частной и общественной жизни слагались здѣсь по приказу. Всѣ были вооружены, и хозяйственныя работы производились съ рискомъ набѣга горцевъ во всякую минуту. Въ приказѣ отъ 14 февраля 1832 г. Волковъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ отставные и неслужащіе казаки, не имѣющіе шашекъ, „пріобрѣли косы, насаженныя на ратовища, въ видѣ стариннаго бердыша“. „Каждый молодецъ, писалъ командиръ полка, въ случаѣ промоха или осѣчки ружья, снесетъ бердышемъ голову врагу, какъ кочанъ капусты“. Такимъ рѣжущимъ ухо языкомъ писались приказы въ тѣ изобиловавшія военными столкновеніями времена. Ратовища съ косами, какъ и другое оружіе, казаки должны всегда имѣть при себѣ на случай схватки съ врагомъ.

По приказу велись хозяйственныя работы. Такъ, 5 марта Волковъ предписывалъ станичнымъ начальникамъ „безъ потери времени приступить къ нарѣзкѣ земли подъ овощные огороды“. Сначала казаки должны были обозначить бороздами при помощи плуга улицы и переулки въ 4 сажени для проѣзда, а величину огородовъ опредѣлять въ зависимости отъ мѣстности и потребностей. При раздѣлѣ предписывалось отводить огороды рядомъ родственникамъ и одностаничникамъ, желающимъ пользоваться огородами совмѣстно, а въ случаѣ невозможности, давать мѣста по жребію. Такъ какъ во всѣ четыре станицы ожидалось прибытіе новыхъ переселенцевъ въ количествѣ 390 семействъ, то для нихъ приказано оставить запасныя огородныя мѣста.

По приказамъ казаки даже одѣвались. Все тотъ же Волковъ приказомъ 30 апрѣля поручилъ станичнымъ и сотеннымъ начальникамъ объявить казакамъ, чтобы они покупали черкески желтаго цвѣта и, только при неимѣніи такихъ черкесокъ въ продажѣ, черкески другихъ цвѣтовъ. Черкески предписывалось имѣть просторныя, чтобы можно было надѣвать ихъ на полушубки, и непремѣнно съ 12 газырями. Требовалось также, чтобы казаки покупали азіатскія черкески у горцевъ, а не у армянъ, у которыхъ черкески тѣсны и только съ 10 газырями. Были приказы о томъ, какъ разбивать станицу и строить строенія, гдѣ ставить столбы въ 18 аршинъ высотою, какіе слѣдовало имѣть флаги, какое назначеніе они имѣли и т. п. Все это предписывалось строго исполнять и за на-

рушеніе приказовъ, какъ за приступки, виновные подвергались наказаніямъ розгами и палками при сборахъ всего общества. Казакъ станицы Урупской былъ уволенъ по билету на старое мѣстожительство. Уходя изъ станицы, онъ укралъ у другого казака оружіе и вещи, но по дорогѣ былъ задержанъ при продажѣ пистолета и доставленъ обрато въ Урупскую станицу. Въ приказѣ отъ 30 января 1842 г. Волковъ велѣлъ урупскому станичному начальнику сотнику Склярову наказать вора-казака „строжайше розгами“при сборѣ станичнаго общества. Тогда же, по распоряженію Волкова, приказано было высѣчь двухъ братьевъ казаковъ „за нерадѣніе къ устройству хозяйства, за развратное поведеніе—пьянство и мошенничество, старшаго брата, какъ вліявшаго на меньшаго, большимъ количествомъ ударовъ, а меньшаго, въ уваженіе къ молодости, меньшимъ“.

Такъ слагалась гражданская жизнь на Новой или Лабинской Линіи. Не было ни общественныхъ учрежденій, ни суда, ни слѣдствія, ни выборныхъ лицъ, ни тѣни самоуправленія. Надъ всѣмъ царилъ приказъ командира полка, и на заднемъ планѣ за этимъ приказомъ всегда рисовалась зловѣщая фигура горца, грозившаго мирному населенію набѣгомъ и грабежами.

Въ этихъ видахъ принимались всевозможныя мѣры предосторожности. Въ приказѣ 19 октября 1842 г. Волковъ требовалъ, чтобы на станичныхъ вышкахъ Лабинскаго полка были выставлены не только днемъ, но и ночью по три часовыхъ. Эта временная мѣра усиленнаго надзора требовалась для сбереженія сѣна отъ поджога горцами. Какъ только часовыми замѣченъ былъ пожаръ, казаки немедленно должны скакать туда съ метлами для тушенія пожара. Каждый казакъ, поэтому, обязанъ былъ имѣть метлу, а станичнымъ начальникамъ вмѣнено было въ обязанность заготовить для станицы по 200 метелъ. Чтобы избѣжать вообще поджога сѣна, станичнымъ начальникамъ приказано было поскорѣе свезти сѣно въ станицу и сложить въ скирды на площади. Каждому казаку вмѣнено было также въ обязанность заранѣе заготовить и свезти въ станицу во дворъ извѣстное количество сѣна, на случай сожженія запасовъ его въ степи горцами.

Пока линейцы устраивались по Лабинской Линіи, начальство заботилось обо всемъ—и о матеріальныхъ его благахъ и о духовныхъ потребностяхъ. Военный министръ князь Голицынъ 31 марта 1843 г. извѣстилъ командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса, что Государь Императоръ повелѣлъ: немедленно назначить священниковъ во всѣ 4 станицы Лабинскаго полка; выдать имъ единовременно каждому по 285 р. 71 к. сер. изъ государственнаго казначейства на обзаведеніе; производить имъ жалованье наравнѣ съ священниками регулярныхъ войскъ; обратить особое вниманіе на то, чтобы въ средѣ казачества держалось православіе и не развивался расколъ. Послѣднее требованіе едва ли было осуществимо въ пол-

номъ объемѣ, такъ какъ часть казаковъ перешла на Лабу изъ такихъ раскольничныхъ станицъ, какъ Кавказская. Но казаки на Новой Линіи подчинялись и своему духовенству, какъ военному начальству.

Духъ военной дисциплины проникъ глубоко въ жизнь казака. Военные порядки перешли впослѣдствіи въ своего рода опеку. Казаки, подчинявшіеся военному режиму на службѣ, подчинялись ему въ дѣлахъ общественнаго характера и на дому. Въ 1844 г. назначена была охрана лѣса по р.р. Лабѣ и Урупу, и совершенно воспрещены всякія лѣсорубки по р. Чамлыку. Приказомъ 15 января 1845 г. линейнымъ казакамъ воспрещено было вывозить лѣсъ на продажу и дозволялось рубить его только по билетамъ и для собственныхъ нуждъ. До начальства дошло, что жители станицы Урупской возили въ обиліи лѣсъ въ станицу Прочноокопскую и вырученныя здѣсь деньги пропивали. Было высказано также опасеніе, что казаки, пристрастившись къ легко доступному лѣсному промыслу, поведутъ это дѣло въ ущербъ земледѣлію. Въ томъ же 1845 г. производились, подъ прикрытіемъ военной силы, большіе наряды жителей съ метлами для истребленія саранчи. Приказомъ 7 марта 1845 г. по Лабинскому полку запрещено было продавать хлѣбъ, такъ какъ на зиму залегла на поляхъ саранча и, въ случаѣ возрожденія саранчи въ слѣдующемъ году, казаки могли остаться безъ хлѣба. Приказомъ 5 декабря 1845 г. казакамъ строго было запрещено продавать соль, отпускавшуюся имъ безъ акциза изъ казны только на собственныя потребности.

Въ это время завязалась уже у новолинейныхъ казаковъ мѣновая торговля съ горцами и существовали Махошевскій и Тенгинскій мѣновые дворы, на которые горцы привозили свои произведенія въ обмѣнъ на соль и русскіе товары. Въ 1847 г. смотритель Махошевскаго мѣнового двора жаловался начальству, что горцы вели мѣновую торговлю съ казаками внѣ мѣнового двора, и выѣзжали съ этой цѣлью въ станицу Махошевскую, чѣмъ нарушали интересъ мѣнового двора, а слѣдовательно, и казны. Командующій Лабинскимъ полкомъ подполковникъ Волковъ считалъ такой порядокъ дѣлъ вполнѣ естественнымъ и желательнымъ, такъ какъ это сближало горцевъ съ казаками, а сношенія на однихъ мѣновыхъ дворахъ стѣсняли бы горцевъ. Ближайшее начальство осталось на сторонѣ Волкова и торговыя сношенія горцевъ съ казаками производились въ станицѣ Махошевской. Въ 1850 г. по Лабинской линіи существовало уже три мѣновыхъ двора— Тенгинскій Темиргоевскій и Махошевскій. Въ это время усиленно велась агитація между горцами Магометъ Аминомъ, подъ вліяніемъ котораго горцы стали обнаруживать явно враждебныя отношенія къ русскимъ. Поэтому, въ видѣ репрессіи противъ горцевъ, приказано было совсѣмъ не отпускать соли горцамъ на отмѣченныхъ выше мѣновыхъ дворахъ. За солью горцы вынуждены

были ѣздить на Кубань—въ Усть-лабу, Прочноокопъ и Баталпашинскъ, и здѣсь получали ее по сокращеннымъ нормамъ. Въ началѣ слѣдующаго 1851 г. ограниченія эти были еще болѣе усилены—на взрослыхъ приказано было отпускать соль по пуду вмѣсто двухъ, а дѣтямъ моложе 10 лѣтъ половинную дачу.

Въ теченіе 10 лѣтъ Новая Линія настолько окрѣпла и заселилась, а горныя племена были такъ сжаты и оттѣснены, что явились предположенія о дальнѣйшемъ движеніи въ горы казачьей колонизаціи. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ о занятіи линій по р. Малой Лабѣ, отъ Каладжинскаго укрѣпленія до Шахгиреевскаго ущелья, предполагалось заградить горцамъ путь отъ горъ къ Лабинской равнинѣ. Начальникъ праваго фланга Кавказской линіи г.-м. Евдокимовъ предложилъ устроить здѣсь 10 станицъ, обезпечивъ ихъ землями, лежавшими по Малой Лабѣ и между нею и Урупомъ. Самое водвореніе станицъ Евдокимовъ предполагалъ произвести въ теченіе 4 лѣтъ. Въ 1856 г. слѣдовало возвести укрѣпленія по Малой Лабѣ и поселить при нихъ три станицы—двѣ въ 300 семействъ каждую и одну въ 200 семействъ. Въ первыхъ двухъ станицахъ можно было водворить конныхъ казаковъ, а въ третьей—пѣшихъ, съ тѣмъ чтобы прибавить черезъ годъ къ нимъ еще 50 или 100 семействъ. Затѣмъ остальныя 7 станицъ предположено было распредѣлить такимъ образомъ: двѣ станицы по 300 семействъ каждую поселить въ 1857 г., двѣ станицы такого же состава въ 1858 г. и три такихъ же по численности населенія станицы въ 1859 г. Такимъ образомъ къ 1860 году вся Малолабинская линія могла быть окончательно заселена.

На бумагѣ проэктъ этотъ былъ очень простъ и планомѣренъ, но въ дѣйствительности онъ существенно нарушалъ интересы старожилыхъ казачьихъ станицъ, такъ какъ только ломкою этихъ станицъ возможно было найти подходящее населеніе для занятія проектируемой линіи. Когда въ 1858 г. водворены были шесть станицъ—Спокойная, Подгорная, Удобная, Передовая, Исправная и Сторожевая, то даже въ числѣ анапскихъ переселенцевъ, жившихъ станицами и на восточномъ побережьѣ Чернаго моря на земляхъ натухайцевъ и, слѣдовательно, привыкшихъ уже къ тревогамъ военной жизни, оказалось очень много непригодныхъ для колонизаціи Малолабинской линіи элементовъ. Довольно обширная группа такъ называемыхъ анапскихъ поселянъ образовалась, какъ извѣстно, изъ малороссійскихъ казаковъ, населявшихъ до 1854 г. Анапу и прианапскія станицы, Благовѣщенскую, Николаевскую и Суворовскую. Во время войны 1855 года поселенцы эти вынуждены были оставить станицы, расположенныя среди враждебнаго натухайскаго населенія, и перейти въ Черноморію. Здѣсь они временно были размѣщены по черноморскимъ станицамъ и когда возникъ проэктъ о заселеніи Малолабинской Линіи, то анапскіе поселяне были зачислены на эту Линію. Между тѣмъ на дѣлѣ оказалось,

что изъ 1290 анапскихъ семействъ, пригодныхъ къ поселенію на Малолабинской Линіи, было только 639, т. е. $49^1/_2$% или менѣе половины. Затѣмъ 208 семействъ состояло изъ вдовъ съ малыми дѣтьми или изъ стариковъ, обремененныхъ также дѣтьми, и 443 семьи изъ одиночекъ. Послѣднія двѣ группы анапцевъ предположено было размѣстить по старымъ станицамъ Кавказскаго линейнаго войска—въ бригадахъ 1-й Кавказской, 4-й Кубанской и 5-й Ставропольской, а первая группа въ количествѣ 639 семействъ вошла въ составъ Урупской бригады, образованной изъ 6-ти вновь поселенныхъ на Малолабинской Линіи станицъ. Кромѣ анапцевъ, въ эти станицы были зачислены 570 семействъ старолинейныхъ казаковъ, 200 донскихъ и 200 малороссійскихъ. Рапортомъ 20 декабря 1858 г. командующій войсками праваго крыла Кавказской линіи генералъ Филипсонъ донесъ главнокомандующему Кавказской арміи князю Барятинскому, что въ это время, кромѣ перестройки Майкопскаго и Псебайскаго укрѣпленій, заново было построено шесть новыхъ станицъ съ промежуточными постами.

Такъ заселялась Новая или Лабинская Линія. Колонизація эта, въ сущности, служила лишь расширеніемъ Старой Линіи. Обѣ части были тѣсно связаны между собою какъ составомъ населенія, такъ и принадлежностью къ одному войску и единствомъ плана заселенія. Станицы устраивались на Новой Линіи по тому же военному шаблону, что и на Старой Линіи; по мѣрѣ того какъ они возникали, старолинейныя станицы и укрѣпленія теряли свое прежнее стратегическое значеніе. Старолинейцы очутились за спиной казаковъ новоселовъ и, слѣдовательно, не имѣли уже нужды въ той напряженной охранѣ границы, какая существовала раньше по Кубани. Такое ослабленіе сторожевой службы слагалось само собою по мѣрѣ того, какъ русскія войска все чаще и чаще и все глубже и глубже проникали въ горы. Благодаря уже однимъ этимъ походамъ и экспедиціямъ въ горы, между Старой Линіею и непокорными горцами мѣстами образовали собою какъ бы защитный барьеръ горцы мирные, принявшіе присягу на подданство Россіи. Военная охрана собственно Кубанской линіи стала, поэтому, сама собою ослабѣвать.

Въ 1840 г. для осмотра постовъ въ предѣлахъ Баталпашинскаго участка былъ посланъ капитанъ генеральнаго штаба баронъ Вревскій, и 25 мая этого года онъ далъ объ этомъ участкѣ крайне неблагопріятный отзывъ. На каждомъ посту по вѣдомости значились команды въ 50 казаковъ, а на самомъ дѣлѣ на Сергѣевскомъ посту было лишь 9 человѣкъ, въ Калиновскомъ 7, въ Александровскомъ 3, на Саблѣ 5, на Сухопадинскомъ 4 и т. д. Вѣроятно, по старой памяти, говоритъ Вревскій, посты существуютъ скорѣе для развозки бумагъ, чѣмъ для сторожевой службы. Но это была задняя линія постовъ. На передней линіи дѣло обстояло иначе. Въ Баталпашинскомъ редутѣ было 36 человѣкъ, въ Бѣломечетскомъ 30, столько же въ Бѣломечетской станицѣ, на Невинномысскомъ посту 30

человѣкъ команды и 12 резерва, а посты Верхне и Нижне-Абазинскіе имѣли полные комплекты командъ.

Укрѣпленіе на Каменномъ мосту оказалось въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Бруствера обсыпались и изъ поставленныхъ на нихъ орудій нельзя было стрѣлять, такъ какъ послѣ каждаго выстрѣла они сползали. Казармы были сыры, крыша пропускала воду, и если бы не было подпорокъ, то зданіе давно бы рушилось.

На другихъ передовыхъ укрѣпленіяхъ—на Эшаконѣ, на р. Аликонъ и пр., не было корму для казачьихъ лошадей. Команды здѣсь были слабѣе по численности, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Въ отрядѣ при Усть-Джегутѣ по спискамъ числилось 120 человѣкъ пѣхоты, 50 казаковъ Хоперскаго полка и одно орудіе, а въ дѣйствительности было только 35 человѣкъ. Укрѣпленіе сильно нуждалось въ поправкѣ. Въ Хумаринскомъ укрѣпленіи, состоявшемъ изъ плетневой ограды, безъ рва и вала, на лицо состояло 48 солдатъ гарнизона и 8 казаковъ при двухъ чугунныхъ орудіяхъ. Въ Пятигорскѣ и въ станицѣ Горячеводской не было ни одного орудія.

Конечно, при такомъ начальникѣ Баталпашинскаго участка, какимъ былъ баронъ Зассъ, о подобныхъ безпорядкахъ не могло быть и рѣчи. Но Зассъ оставилъ этотъ участокъ благоустроеннымъ въ 1835 г., а въ 1840 г. самъ Зассъ былъ не нуженъ здѣсь и находился съ войсками далеко впереди отъ Кубанской линіи по р. Лабѣ. Ослабленіе старой сторожевой линіи шло естественнымъ путемъ. Старую Линію горцы рѣдко тревожили и казачьему населенію стало спокойно жить.

Но старинный казачій духъ, существовавшія формы управленія, способы землепользованія, господствующіе виды хозяйства и пр. оставались пока не измѣнными. Въ станицахъ еще не были отмѣнены военные порядки, установленные циркулярами генерала Вельяминова отъ 30 марта 1832 г., когда за лошадей, украденныхъ русскими, а не черкесами, матеріально отвѣчали станичный атаманъ или даже полковой командиръ и кордонный начальникъ, разъ кражи совершались въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ они находились въ то время. Но мирная жизнь надвигалась уже на эти порядки.

Въ приказѣ 31 мая 1845 г. по войску, наказный атаманъ Николаевъ напоминаетъ, что хотя бывшій командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса г.-ад. Розенъ и разрѣшилъ линейнымъ казакамъ производить скачку и стрѣльбу на площадяхъ, „дабы казаки не потеряли воинственнаго духа и честолюбія“, но стрѣльба была допущена только холостыми зарядами. Между тѣмъ до свѣдѣнія наказнаго атамана дошло, что казаки не исполняютъ распоряженія барона Розена, производятъ скачки и стрѣльбу „въ веселомъ духѣ, безъ соблюденія осторожностей“, стрѣляя иногда вмѣсто холостыхъ зарядовъ боевыми патронами. Предупреждая казаковъ, что по ст. 269, т. XIV св. зак., „кто будетъ стрѣлять въ домахъ своихъ воп-

реки воспрещенію, съ того взыскивать 1000 рублей штрафа за каждый выстрѣлъ",—г.-л. Николаевъ приказалъ воспретить совсѣмъ стрѣльбу при свадебныхъ поѣздахъ и въ станицахъ, скачки же и стрѣльбу холостыми зарядами въ торжественные дни производить только на большихъ площадяхъ, съ величайшею осторожностью и, въ предупрежденіе пожаровъ, лишь въ зимнее время. При стрѣльбѣ начальники лично должны были наблюдать, чтобы казаки стрѣляли холостыми зарядами, были въ трезвомъ видѣ и соблюдали порядокъ.

Въ 1848 г., послѣ смерти наказнаго атамана Николаева, на его мѣсто назначенъ былъ г.-м. Ф. А. Круковскій. По отзывамъ современниковъ, это былъ военный рыцарь въ полномъ смыслѣ этого слова, для котораго не существовало никакихъ военныхъ опасностей. Родомъ онъ былъ полякъ и получилъ хорошее воспитаніе подъ вліяніемъ іезуитовъ. По внѣшнему виду, высокій, стройный, съ длиннѣйшими усами Круковскій представлялъ собою типъ настоящаго кавалериста. Когда онъ былъ на линіи, то всегда держалъ въ сѣдлѣ коня и первымъ являлся на мѣсто малѣйшей тревоги, въ бою онъ не слѣзалъ съ коня, былъ спокоенъ и никогда не терялъ присутствія духа. Генералъ Попка разсказывалъ, что, при объѣздѣ постовъ, Круковскій не бралъ съ собою конвоя, а ѣздилъ всегда съ однимъ казакомъ. „Если, говорилъ И. Д. Попка, случалось ему запримѣтить хищническую партію, готовую заступить ему дорогу, а это случалось не разъ,—онъ не измѣнялъ своего направленія, не прибавлялъ и не убавлялъ поводьевъ, приказывалъ ѣхавшему за нимъ казаку держать дистанцію и, къ общему удивленію, невредимо достигалъ цѣли своего слѣдованія. По разсказамъ очевидцевъ ни одна черта въ его лицѣ не измѣнялась въ подобныя минуты".

По натурѣ, выдержкѣ и привычкамъ, Ф. А. Круковскій былъ очень замкнутымъ въ себѣ человѣкомъ. Онъ не терпѣлъ встрѣчъ и проводовъ, обставленныхъ торжественно, былъ простъ въ обращеніи, воздержанъ въ пищѣ и питьѣ и чуждъ былъ всякихъ личныхъ выгодъ. Часто онъ помогалъ бѣднякамъ и людямъ нуждающимся, но дѣлалъ это такъ, чтобы не видѣли другіе, и строго-на строго приказывалъ никому объ этомъ не разсказывать. Своею высоконравственною личностью, честными поступками и безукоризненнымъ поведеніемъ онъ обаятельно дѣйствовалъ и на своихъ подчиненныхъ, и на стоявшихъ выше его по служебному положенію начальниковъ. Когда въ 1850 г. Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, будущій Императоръ-реформаторъ, былъ на Кавказѣ, то, во все время своего пребыванія, онъ не отпускалъ отъ себя Круковскаго, а уѣзжая, снялъ съ себя шашку и подарилъ ее на память казачьему атаману.

На Кавказскую линію Круковскій былъ переведенъ изъ Рижскаго драгунскаго полка въ 1840 г. и назначенъ былъ командиромъ Горскаго казачьяго полка. Черезъ два года ему порученъ

Г.-м. Феликсъ Антоновичъ Крюковскій,
Наказный Атаманъ Кавказскаго Линейнаго войска
съ 1848 по 1852 годъ

былъ Хоперскій полкъ. Съ частью хоперцевъ и съ казаками Волгскаго полка онъ разбилъ въ 1843 г. близъ станицы Бекешевской пятитысячную толпу горцевъ, нанеся ей жестокое пораженіе. Въ званіи наказнаго атамана Круковскій принималъ неоднократно участіе въ походахъ противъ абадзеховъ и чеченцевъ и въ 1852 г., состоя въ экспедиціи князя Барятинскаго, въ званіи начальника кавалеріи, былъ убитъ въ стычкѣ съ чеченцами. На этотъ разъ судьба не пощадила храбраго генерала, небоявшагося смерти.

Когда Круковскій не былъ въ походахъ, то все время онъ занимался мирными дѣлами войска, осматривалъ станицы, казачье хозяйство, строевыхъ казаковъ и вникалъ во всѣ подробности казачьей жизни, объѣзжая войско. Свои объѣзды, по словамъ генерала Попки, наказный атаманъ „совершалъ за просто и по большей части верхомъ, не пропускалъ осмотрѣть засѣянное поле и скошеный лугъ, сворачивалъ въ сторону, чтобы взглянуть поближе на станичное стадо, и если въ станицѣ встрѣчалъ хату неприглядную, неподдержанную, то заходилъ въ нее и спрашивалъ хозяина о житьѣ-бытьѣ. Чаще, разумѣется, представлялась ему хозяйка съ ребятишками малъ-мала меньше. На вопросъ: гдѣ же хозяинъ? слѣдовалъ отвѣтъ: да въ сотнѣ, мой кормилецъ, вотъ ужъ безперемѣнно четвертый годочекъ. Атаманъ находилъ, что кормилецъ слишкомъ ужъ тамъ замѣшкался и предлагалъ станичнымъ старикамъ послать ему смѣну, что исполнялось безпрепятственно при тогдашнемъ общинномъ отбываніи военной повинности въ станицахъ“.

Народъ, съ свойственною ему чуткостью, цѣнилъ своего любимаго атамана. О подвигахъ Круковскаго и его трагической смерти остались воспоминанія въ народныхъ пѣсняхъ. Казачье населеніе пѣло эти пѣсни, а бѣдняки, слушая ихъ, живо чувствовали тяжелую утрату. По свидѣтельству одной изъ этихъ пѣсенъ, генералъ Круковскій, отправляясь въ чеченскій отрядъ, роздалъ все свое имущество въ предчувствіи смерти.

По мѣрѣ заселенія Лабинской Линіи и изолированія ея станицами и укрѣпленіями Старой Линіи отъ горцевъ, мирная жизнь на Кубани давала возможность населенію свободнѣе и спокойнѣе заниматься хозяйствомъ. На Старую Линію охотно шли выходцы изъ Россіи и поступали въ казаки нижніе чины, служившіе на Кавказѣ. Въ 1843 г. въ Кубанскій полкъ зачислено было 137 отставныхъ солдатъ Тенгинскаго полка; въ 1848 г. въ тотъ же полкъ переселились 202 муж. и 161 д. жен. пола малороссійскихъ переселенцевъ и тогда же, вмѣстѣ съ переселенцами, вошли въ составъ 849 м. и 683 д. жен. пола бывшихъ уже на Кавказѣ крестьянъ; въ 1851 г. Кубанскій полкъ пополнился 126 нижними чинами съ 111 д. жен. пола; въ 1858 г. въ полкъ зачислены были анапскіе поселяне въ количествѣ 216 душъ муж. и 94 д. ж. пола. То же въ большой или меньшей степени замѣчалось и въ другихъ старо-

линейныхъ полкахъ. Переселенцы, уходя на Кавказъ, съ большею, понятно, охотою осѣдали на Старой, чѣмъ на Новой Линіи.

Четвертымъ наказнымъ атаманомъ Кавказскаго казачьяго линейнаго войска былъ г.-м. князь Г. Р. Эристовъ. Съ 12 февраля 1852 г. онъ заступилъ мѣсто убитаго чеченцами Круковскаго. Сравнительно съ своими предшественниками это былъ молодой генералъ, родившійся въ 1812 г., поступившій на службу въ 1829 г. и произведенный въ генералы за два года до своего назначенія атаманомъ. Раньше въ 1831 г. онъ служилъ въ Польшѣ, гдѣ участвовалъ въ сраженіи при Остроленкѣ и во взятіи Варшавы, командовалъ Горскимъ казачьимъ полкомъ и занималъ мѣсто начальника центра Кавказской линіи. Большая часть его боевой службы прошла на Кавказѣ въ походахъ, противъ горцевъ восточнаго Кавказа; онъ имѣлъ много разъ дѣла съ чеченцами и съ черкесами во время агитаціи среди нихъ Магометъ Амина.

Родомъ Эристовъ былъ грузинъ и первоначальное образованіе получилъ въ благородномъ училищѣ въ Тифлисѣ, а дальнѣйшее въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ. Занявши мѣсто наказнаго атамана, онъ съ особеннымъ интересомъ занялся вопросомъ объ обводненіи и орошеніи безводныхъ мѣстностей Кавказскаго казачьяго войска. Каналъ его имени существуетъ въ Терской области до сихъ поръ. Но наказнымъ атаманомъ Эристовъ былъ не долго, до 1855 г., когда, вмѣстѣ съ повышеніемъ по службѣ, князь Эристовъ передалъ обязанности наказнаго атамана г.-м. Н. А. Рудзевичу.

Это былъ критическій моментъ въ жизни какъ всей Россіи, такъ и особенно Кавказа. Турки въ союзѣ съ англичанами, французами и итальянцами вели войну съ русскими. Всегдашніе сторонники Турціи—кавказскіе горцы, конечно, готовились воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы побывать за Лабою и Кубанью и поживиться казачьимъ добромъ. Требовалась особенная осторожность и принятіе серьезныхъ мѣръ для защиты казачьей границы и поселеній отъ горцевъ. Всюду въ Черноморіи, на Дону, на Кубанской линіи казачьи силы напряжены были до послѣдней степени. Линейные казаки по Кубани и Лабѣ, согласно общему плану военныхъ дѣйствій, намѣченному наказнымъ атаманомъ войска Донского г.-ад. Хомутовымъ, должны были принять выжидательное положеніе на случай открытія военныхъ дѣйствій горцами.

При такихъ условіяхъ началъ свою дѣятельность въ Кавказскомъ казачьемъ войскѣ генералъ Рудзевичъ. Но Рудзевичу былъ знакомъ Кавказъ, казаки и горцы восточнаго и западнаго Кавказа. Родившись въ 1810 г., онъ въ теченіе 28 лѣтъ службы, начиная съ 1828 г., успѣлъ пріобрѣсти достаточный опытъ въ военномъ дѣлѣ и управленіи. Рудзевичъ былъ сыномъ одного изъ героевъ отечественной 1812 года войны—генерала Рудзевича, взявшаго съ боя высоты Монмартра и рѣшившаго тѣмъ сдачу Парижа,—и по-

Г.-м князь Григорій Романовичъ Эристовъ,
Наказный Атаманъ Кавказскаго линейнаго войска
съ 1852 по 1855 годъ

лучилъ приличное по тому времени военное образованіе въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Свою военную службу онъ началъ во время войны съ турками въ 1828 г., участвовалъ въ усмиреніи Польши, былъ въ сраженіи при Остроленкѣ и при взятіи Варшавы, а также состоялъ затѣмъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ противъ горцевъ. Все это дало ему возможность справиться съ тою задачею, какую выдвинули военныя обстоятельства на первый планъ во время восточной войны. Кавказскимъ горцамъ не удалось использовать трудный для русскихъ моментъ. Казаки, будучи на стражѣ, не допустили этого.

Но по своимъ воззрѣніямъ и наклонностямъ генералъ Рудзевичъ былъ поклонникомъ не военнаго лагеря, а мирнаго очага и хозяйства. Какъ и его предшественникъ генералъ Николаевъ, Рудзевичъ былъ хорошимъ администраторомъ. Въ теченіе своей пятилѣтней службы Кавказскому казачьему войску, онъ дѣятельно занимался преимущественно внутренними дѣлали войска. Благодаря его ходатайству и доводамъ, съ кордонной линіи были распущены по домамъ такъ называемые резервные казачьи полки. Мѣра эта принесла двойную пользу—освободила казну отъ громадныхъ расходовъ по содержанію на кордонной линіи полковъ и улучшила экономическое положеніе линейнаго казака. Съ возвращеніемъ казаковъ по домамъ прибавилась масса рабочихъ рукъ, необходимыхъ для хозяйства. По ходатайству же Рудзевича, 25-лѣтній срокъ казачьей службы былъ сокращенъ до 15 лѣтъ, линейные казаки стали получать фуражныя суммы наравнѣ съ донскими и драгунскими полками, а казачьи офицеры уравнены въ правахъ по службѣ и содержанію съ офицерами регулярныхъ войскъ. Но особенно заботливо относился наказный атаманъ къ казакамъ-переселенцамъ, заселявшимъ Новую Линію. Онъ выхлопоталъ имъ денежныя пособія и оградилъ ихъ семьи на новыхъ мѣстахъ охранными отрядами.

Подобно генералу Круковскому, Рудзевичъ любилъ знакомиться съ нуждами населенія лично на мѣстѣ, и съ этою цѣлью ежегодно объѣзжалъ казачьи станицы. По свидѣтельству генерала Кравцова, казачье населеніе считало посѣщеніе казачьихъ станицъ популярнымъ атаманомъ своего рода праздникомъ. Благодаря простотѣ и ласковости въ обращеніи, къ наказному атаману всѣ имѣли доступъ. Съ казаками онъ бесѣдовалъ о службѣ и домашнихъ нуждахъ, съ остальнымъ населеніемъ принималъ участіе въ общественныхъ увеселеніяхъ, обѣдахъ, джигитовкѣ, охотахъ и пр. Такъ держалъ себя атаманъ не только съ казаками, но и съ другими классами населенія. Въ г. Ставрополѣ, гдѣ онъ жилъ, Рудзевичъ ходилъ въ гости къ мѣщанамъ, бывалъ на свадьбахъ, крестилъ дѣтей и пр. и входилъ во всѣ ихъ нужды. За эту простоту и сердечное отношеніе къ трудовой массѣ, народъ искренне любилъ своего атамана, населеніе при его появленіи одѣвалось въ лучшіе свои наряды и всѣ спѣшили на встрѣчу ласковому генералу.

Рудзевичъ умѣлъ не только разумно управлять краемъ, но и жить въ близкомъ единенiи съ народомъ. Это была цѣнная положительная черта для атамана, какъ хозяина войска. Рудзевичъ былъ послѣднимъ наказнымъ атаманомъ Кавказскаго линейнаго войска, которое, послѣ отчисленiя Рудзевича отъ атаманской должности, вошло въ составъ двухъ вновь образованныхъ казачьихъ войскъ—Кубанскаго и Терскаго. Можно лишь пожалѣть, что такой опытный, прямой, умный и честный администраторъ, какъ генералъ Рудзевичъ, не былъ назначенъ наказнымъ атаманомъ ни одного изъ этихъ войскъ. Этого не хотѣлъ намѣстникъ Кавказа князь Барятинскiй, которому не понравилась записка Рудзевича, направленная противъ проэкта преобразованiя казачьихъ войскъ на Кавказѣ. Прямыя и честныя убѣжденiя стойкаго въ гражданской обстановкѣ генерала считались порокомъ.

Такимъ образомъ, съ 1841 по 1860 г. Старая и Новая Линiи составляли единое цѣлое и находились въ общемъ управленiи атамановъ Кавказскаго казачьяго войска. Въ теченiе этого 20-лѣтняго перiода внутренняя жизнь казачества всецѣло подчинена была административнымъ распоряженiямъ. Землевладѣнiе и землепользованiе, существующiе виды поселенiй и хозяйства, экономическiй бытъ и торговля, управленiе и чуть замѣтные ростки самоуправленiя, казачья служба и повинности, духовныя нужды и образованiе, судъ и нравы, наконецъ, семейный бытъ и казачьи традицiи, при общихъ точкахъ соприкосновенiя, находились въ однихъ и тѣхъ же условiяхъ административнаго воздѣйствiя. А это именно и налагало печать однообразiя на весь бытъ казаковъ Старой и Новой Линiй, объединяло обѣ части въ одно цѣлое.

Такъ какъ Старая и Новая Линiя дѣлились на полки, то понятiе о полковомъ землевадѣнiи, связанномъ съ опредѣленною територiею, было обще всему казачеству. Отсутствiе межеванiя и неопредѣленность границъ полка не подрывали этого понятiя въ населенiи. Тамъ, гдѣ не было межи, казаки владѣли полковыми землями по живымъ урочищамъ. Юридически всѣ такiя земли связаны были съ понятiемъ о нераздѣльности владѣнiя, но фактически естественнымъ путемъ совершалось дѣленiе полковой территорiи по живымъ урочищамъ на юрты или станичныя владѣнiя, которыми каждая станица располагала особо. Пустующiя между станицами земли, обыкновенно наиболѣе удаленныя отъ нихъ, находились въ общемъ пользованiи всего полка.

Собрано съ такими взглядами на полковыя земли, сложились и преобладающiя формы землепользованiя. Въ первое время землепользованiе всюду было заимочнымъ или захватнымъ, но такъ какъ, подъ влiянiемъ военныхъ условiй, казаки понеобходимости должны были производить заимки возможно ближе къ станицѣ и концентрировать ихъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, то заимочные прiемы землепользованiя очень скоро были подчинены ограниченiямъ. Казаки

Г.-м. Николай Александровичъ Рудзевичъ,
Наказный Атаманъ Кавказскаго Линейнаго войска
съ 1855 по 1860 годъ

повозможности старались и сѣять хлѣбъ вмѣстѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ, и косить траву такимъ же способомъ. Естественно, что должны были возникнуть порядки, при которыхъ каждый былъ бы поставленъ въ благопріятныя условія въ этомъ отношеніи. Такимъ путемъ возникли нормы для запашекъ, на что находятся указанія въ историческихъ документахъ. Затѣмъ внѣ такихъ необходимыхъ площадей земли, заимочные пріемы землепользованія практиковались широко.

Еще въ большей зависимости отъ военныхъ условій находились поселочныя формы. Для защиты границы требовались большія, сконцентрированныя формы поселеній. Такими именно были казачьи станицы, представлявшія собою нѣчто въ родѣ полу-укрѣпленій. Мелкіе поселки и тѣмъ болѣе одиночные, разсѣянные хутора были положительно не пригодны для сторожевой линіи, особенно въ первые годы колонизаціи. Только съ теченіемъ времени и въ самыхъ отдаленныхъ отъ линіи укромныхъ уголкахъ появились немногіе хутора. Это въ свою очередь вліяло и на господствующія формы хозяйства. Въ первое время на обѣихъ Линіяхъ преобладающею формою хозяйства было скотоводство, но хуторскаго хозяйства у линейцевъ не было. Весь скотъ находился въ станицѣ. Весною, лѣтомъ и осенью онъ выпасывался, подъ хорошимъ присмотромъ, близъ нея, а на зиму заготовлялось сѣно. Запашки и посѣвы хлѣба сначала служили лишь подспорьемъ къ скотоводческому промыслу, но впослѣдствіи расширялись въ станицахъ по мѣрѣ того, какъ устранялась возможность набѣговъ горцевъ.

Такимъ образомъ, экономическій бытъ линейнаго казака въ первое время да и долго потомъ покоился на двухъ видахъ хозяйства—на скотоводствѣ и земледѣліи. Другихъ видовъ промышленности не существовало. На обѣихъ Линіяхъ не было такого простора для рыболовства и солепромышленности, какъ на Черноморіи. Рыболовствомъ въ незначительныхъ размѣрахъ занимались лишь казаки станицъ, расположенныхъ на Кубани. Соляныя озера, въ которыхъ, впрочемъ, нельзя было добыть чистой поваренной соли, благодаря обилію соли глауберовой, находились только въ одномъ мѣстѣ между станицами Баталпашинской и Бекешевской. Лѣсопромышленностью же могли заниматься только казаки Новой Линіи и не раньше прочнаго занятія ея.

Мѣстная станичная торговля была слабо развита. Въ станицахъ были лавки и странствующіе торговцы, но не было ни ярмарокъ, ни даже базаровъ, ни торговыхъ путей, съ которыми были бы связаны суда или караваны. Даже малороссійскіе чумаки были здѣсь рѣдкостью. Но какъ и въ Черноморіи, сначала на Старой, а впослѣдствіи и на Новой Линіи велась мѣновая торговля съ горцами. Въ 1812 г., въ предѣлахъ Старой Линіи существовало собственно два мѣновыхъ двора—въ Усть-Лабѣ и на Овечьемъ бродѣ. Усть-Лабинскій мѣновой дворъ служилъ мѣстомъ торговли и для Черно-

моріи и для Старой Линіи; Овечьебродскій же былъ торговымъ пунктомъ исключительно для населенія Старой Линіи и Ставропольской или Кавказской губерніи. Мѣна велась здѣсь на соль. Въ началѣ января 1812 г. управляющій Кавказской и Астраханской губерніями генералъ-лейтенантъ Ртищевъ писалъ гражданскому губернатору Кавказской губерніи, что съ Мажарскихъ озеръ на Овечій бродъ доставлено будетъ 20,000 пудовъ соли, что соль должна цѣниться въ 2 р. за пудъ и что, за неимѣніемъ денегъ у горцевъ, соль слѣдуетъ мѣнять на медъ, сало, масло и пр., по расчету за 1 пудъ меду 4 пуда соли, а за 1 пудъ воску 10 пудовъ соли, оцѣнивая медъ на деньги не менѣе 9 р. за пудъ и воскъ не ниже 25 р. за пудъ. Оцѣнка соли въ 2 р. показалась, однако, горцамъ очень высокой. Султанъ Салимъ Гирей отъ лица абазинцевъ, ногайцевъ и закубанскихъ черкесовъ просилъ понизить цѣну на соль съ 2 р. за пудъ до $1^1/_2$ рубля. Генералъ Ртищевъ уважилъ эту просьбу и сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ распоряженіе. Возбужденный по этому поводу вопросъ въ Петербургѣ былъ разрѣшенъ еще въ болѣе благопріятномъ для горцевъ направленіи. Согласно мнѣнію государственнаго совѣта, постановлено было акцизъ на соль совершенно сложить для горцевъ и соль продавать имъ по цѣнѣ не только не выше рубля за пудъ, а даже ниже. Вообще мѣновая торговля была разрѣшена только для однихъ мирныхъ горцевъ, принявшихъ подданство Россіи, и только имъ однимъ дѣлались такія уступки и пониженіе цѣнъ.

Много лѣтъ спустя, въ 1846 г. въ предѣлахъ Старой Линіи было только четыре мѣновыхъ двора—Устьлабинскій, Прочноокопскій, Невинномысскій и Баталпашинскій. Здѣсь мѣняли свои произведенія на соль и покупали на деньги русскіе товары абадзехи, темиргоевцы, хатукаевцы и др. закубанскіе черкесы, а также абазинцы, карачаевцы, ногайцы и отчасти кабардинцы. Изъ подробныхъ вѣдомостей о количествѣ произведеній, привезенныхъ горцами въ теченіе года на мѣновые дворы, видно, что на четырехъ мѣновыхъ дворахъ отъ горцевъ товарами и деньгами поступило 19813 р. Наиболѣе дѣятельно торговля велась на Невинномысскомъ мѣновомъ дворѣ, привозъ на который выразился въ суммѣ 9002 рублей, затѣмъ шелъ Прочноокопскій дворъ съ привозомъ на 7460 р. и третьимъ, съ привозомъ на 4153 р., оказался Усть-Лабинскій мѣновой дворъ, а на четвертый Баталпашинскій дворъ привезено было всего на 198 рублей. По видамъ привозимыхъ произведеній, торговля на мѣновыхъ дворахъ носила свои особенности. Главный предметъ вывоза на Невинномысскую карантинную заставу составлялъ лѣсъ, котораго было вывезено на 5694 руб., затѣмъ дубовая кора на 1120 р. и коровье масло на 980 руб. Одни эти продукты составляли $86^1/_2\%$ ввоза; остальные $13\%^1/_2$ падали на разнаго рода мелочи. На Прочноокопскомъ мѣновомъ дворѣ главный предметъ вывоза составляли кожи, доставленныя на 2708 р., и коровье масло на 2132 р. На Устьлабинскомъ мѣновомъ

дворѣ главное мѣсто занимали деньги, которыхъ горцы привезли 1184 р. и которыхъ по другимъ мѣновымъ дворамъ почти не встрѣчались въ мѣнѣ; за деньгами шли кожи на 1063 р. и черкески на 574 рубля; на Баталпашинскій мѣновой дворъ поставлены были однѣ бурки и овчины.

Черезъ два года, въ 1848 г., къ мѣновымъ дворамъ по Кубани прибавилось три двора на Лабинской Линіи—Махошевскій, Темиргоевскій и Тенгинскій. Мѣновыя операціи по этимъ новымъ дворамъ оказались незначительны. На Махошевскомъ дворѣ горцы промѣняли въ 1848 г. товаровъ на 3900 р. и въ 1849 г. на 956 р., взявши въ промѣнъ въ 1848 г. на 4828 р. и въ 1849 г. на 1037 р.; въ Темиргоевскомъ за 1828 г. привезли своихъ товаровъ на 541 р. и взяли русскихъ товаровъ на 180 р., и въ 1849 г. въ первомъ случаѣ на 392 р. и во второмъ на 32 р.; а мѣновыя операціи по Тенгинскому двору выразились всего въ нѣсколькихъ десяткахъ рублей. Но за то на старыхъ мѣновыхъ дворахъ торговые обороты приняли довольно внушительные размѣры. Такъ, на Баталпашинскомъ мѣновомъ дворѣ, въ который перешли операціи и Невинномысскаго двора, горцы продали въ 1848 г. на 65208 руб. и купили на 62483 руб., а въ 1849 г. продали на 45376 р. и купили на 35721 р. Главный предметъ сбыта горцевъ былъ скотъ, котораго въ 1848 г. было продано на 41000 руб.; затѣмъ меду было продано на 4680 р., воску на 3050 р. и масла коровьяго на 2800 руб. Что же касается предметовъ потребленія, то горцы купили ситца на 12760 р., миткалю на 12351 р., коленкору на 8120 р. и покрывалъ на 8000 р., что составило 67% общей суммы, израсходованной горцами на покупки. На Прочноокопскій мѣновой дворъ горцы больше всего поставляли кожи, медъ, воскъ и масло, а покупали главнымъ образомъ матеріи разнаго рода и преимущественно бязь. Что касается Усть-Лабинскаго мѣноваго двора, то черкесы съ каждымъ годомъ, вмѣсто сырья, привозили сюда деньги, покупая на нихъ русскіе товары и придавая, такимъ обзразомъ, мѣновымъ операціямъ денежный характеръ.

Мѣновые дворы были открыты исключительно для мирныхъ горцевъ и функціонировали лишь тогда, когда за Кубанью и Лабой въ горахъ не было эпидеміи и когда мирному теченію жизни не грозили военныя затяжныя условія. Часто также мѣновые дворы закрывались военною администраціею въ видѣ наказанія горцевъ за какія-либо провинности. Военный режимъ не уживался съ свободною торговлею, а всецѣло опирался на требованія военной политики.

По той же причинѣ и все управленіе подчинено было самой строгой военной системѣ. Все держалось на военной дисциплинѣ, а сама дисциплина покоилась на двухъ началахъ—на приказѣ и исполненіи. И бригадное, и полковое управленіе приспособлены были къ тому, чтобы наилучше осуществлялись эти начала. Въ области управленія на языкѣ военномъ не было иного термина,

какъ „приказъ“, и не признавалось иного отвѣта на этотъ терминъ, какъ „исполнено“. Велась не только военная охрана края, но и шло завоеваніе прилегавшихъ къ нему мѣстъ. Выше приведена подробная фактическая иллюстрація къ военнымъ порядкамъ управленія на Новой Линіи. Не пополняя этой иллюстраціи новыми данными, нелишне, однако, будетъ остановиться на одной, самой низшей формѣ общественнаго управленія—на управленіи станичномъ.

Въ старину казачья станица была самоуправляющейся общественной единицей. Ея главарь—атаманъ, былъ выборнымъ лицомъ, а само станичное общество, въ видѣ „рады“ или „круга“, было общественною формою управленія и высшей инстанціей. Когда Кавказкую линію заселяло казаками неказачье начальство, этотъ традиціонный казачій урядъ былъ отмѣненъ. Во главѣ станицъ ставился по назначенію станичный начальникъ—властный, безконтрольный и независимый отъ станичнаго общества. Станичное самоуправленіе было замѣнено единоличною властью станичнаго начальника. Въ положеніе 1845 года, надо полагать, по аналогіи съ положеніемъ Черноморцевъ 1842 года, было введено нѣкоторое измѣненіе этого начала. Во главѣ станицы былъ поставленъ не станичный начальникъ, а станичное управленіе, въ составъ котораго входили станичный начальникъ и двое судей, но станичный начальникъ служилъ по назначенію, а судьи выбирались станичнымъ обществомъ изъ своей среды. Такое положеніе станичнаго начальника обусловливалось тѣми обязанностями, которыя на него были возложены. Станичный начальникъ въ сущности былъ командиромъ станицы. Онъ обучалъ малолѣтковъ строевой службѣ, слѣдилъ за караулами, принималъ мѣры при нападеніи на станицу и т. п. По этой причинѣ станичными начальниками назначались офицеры. Само собою понятно, что такой начальникъ своимъ положеніемъ и обязанностями подавлялъ остальныхъ членовъ управленія и сводилъ самоуправленіе къ нулю.

Въ архивныхъ матеріалахъ не сохранилось документоръ, дающихъ подробныя указанія о дѣятельности станичныхъ управленій и о роли въ ней какъ станичнаго начальника, такъ и выборныхъ судей. Но всюду, гдѣ появляется фигура станичнаго начальника, обнаруживаются и признаки самовластія. Въ населеніи сохранились самыя тяжелыя воспоминанія о времени господства въ станицахъ станичныхъ начальниковъ по назначенію. Это былъ періодъ безправія линейнаго казака и произвола чиновнаго станичнаго начальника. Станичный начальникъ самовольно, по своему усмотрѣнію, расправлялся какъ съ казаками, такъ и съ остальнымъ населеніемъ. Ногайка и кулачная расправа были обычными способами проявленія атаманской власти. „Старики, говоритъ Толстовъ, передаютъ, что казаки больше боялись своихъ станичныхъ начальниковъ, чѣмъ набѣговъ и нападеній черкесовъ.“

Также поступали съ населеніемъ и другія лица, власть имущія, одни съ большею деликатностью, другія съ меньшей. За атаманомъ

слѣдовалъ сотенный командиръ, а за сотеннымъ полковой, и каждый въ отношеніи къ населенію пользовался почти неограниченною властью. Не стѣснялись ни съ кѣмъ—ни съ дѣтьми, ни съ стариками, ни съ мужчинами, ни съ женщинами. Въ январѣ 1842 г. наказный атаманъ Николаевъ просилъ командира Кубанскаго полка подполковника барона Фитингофа объяснить ему, зачѣмъ онъ требуетъ къ себѣ для осмотра просватанныхъ дѣвицъ. Николаевъ приказалъ заранѣе отмѣнить это распоряженіе, какъ стѣснительное для населенія. Фитингофъ отвѣтилъ, что это онъ дѣлалъ съ цѣлью удостовѣриться личнымъ осмотромъ въ лѣтахъ жениха и невѣсты. Казаки, особенно старообрядцы, часто выдаютъ замужъ и женятъ недостигшихъ узаконеннаго возраста дѣтей. Объясненіе вышло довольно натянутымъ, но къ нему Фитингофъ прибавилъ, что онъ впредь не будетъ вызывать брачущихся, разъ наказный атаманъ находилъ достаточными свѣдѣнія посемейныхъ списковъ о возрастѣ.

Казачья служба и повинности вообще давили казака. Они обезсиливали его экономически и не давали возможности развиваться духовно. Заниматься казаку хозяйствомъ за службою было некогда, а снаряженіе на службу требовало значительныхъ матеріальныхъ средствъ, неумѣреннымъ отвлеченіемъ которыхъ отъ хозяйства подрывалось это послѣднее, О храмахъ божьихъ и духовенствѣ заботилось правительство и, при колонизаціи Лабинской Линіи, на этотъ предметъ назначены были особыя средства. Но школьное дѣло почти отсутствовало на Линіяхъ. Грамотныхъ было такъ мало, что часто въ средѣ офицеровъ не оказывалось ни одного кандидата въ командиры за отсутствіемъ между ними грамотнаго. Въ 1846 г. наказный атаманъ Николаевъ сѣтовалъ на то, что, при обиліи хорошихъ боевыхъ офицеровъ у линейныхъ казаковъ, между ними крайне мало офицеровъ грамотныхъ, „свѣдущихъ въ письмоводствѣ“. Сначала на Старой Линіи совсѣмъ не было школъ для обученія грамотѣ. Въ 1833 г. были открыты двѣ школы—Новомарьевская и Сенгилѣевская. Впослѣдствіи появились такъ называемыя полковыя школы. Въ нихъ обучали дѣтей Закону Божьему, русской грамотѣ. ариѳметикѣ, чистописанію и рисованію, а также фронтовому строю. Школы эти давали, однако, мало грамотнныхъ и недостатокъ въ грамотѣяхъ и писаряхъ былъ постоянный. Очень можетъ быть, что старообрядцы имѣли свои подпольныя школы и обучали въ нихъ дѣтей грамотѣ, но вѣроятно обученіе это не шло дальше церковной грамоты и многіе не умѣли даже писать. О необходимости имѣть въ войскѣ среднее учебное заведеніе никто даже не заикался. Однимъ словомъ, населеніе коснѣло въ невѣжествѣ и никто не заботился о его просвѣщеніи свѣтомъ науки.

Интересное явленіе представляла собою слабая судимость у линейныхъ казаковъ. Это, конечно, объясняется тѣмъ, что, вмѣсто веденія исковъ и судебныхъ рѣшеній, широко практиковались административное усмотрѣніе и расправа. Чаще всего проявлялась

дѣятельность военныхъ судовъ, но сюда, очевидно, понеобходимости попадали дѣла, которыхъ не рѣшалась брать на свою отвѣтственность администрація. За 1849 годъ сохранилось дѣлопроизводство по одному изъ такихъ дѣлъ, представляющему яркій образчикъ нравовъ линейнаго казачества.

Лѣтомъ 1849 г. посланъ былъ на Лабу съ бумагами князь Мансуровъ. Въ іюлѣ тогоже года изъ станицы Вознесенской была направлена команда изъ 10 казаковъ для выслѣживанія черкесскихъ партій. Сначала казаки столкнулись съ двумя горцами, которые успѣли, однако, скрыться. Затѣмъ они увидѣли скачущаго всадника и погнались за нимъ. Всадникъ сталъ убѣгать и вынулъ ружье изъ чехла. Казаки догнали и убили его, какъ непріятеля, но замѣтивши на его шашкѣ офицерскій темлякъ и найдя бумаги, они догадались, что это былъ офицеръ инородецъ русской службы князь Мансуровъ. Сначала они въ испугѣ разбѣжались въ разныя стороны, но, потомъ одумавшись, вернулись къ мѣсту происшествія, обобрали убитаго князя и раздѣлили между собою его вещи и оружіе. Все это было обнаружено впослѣдствіи и казаки были преданы военному суду за ограбленіе убитаго по ошибкѣ князя. Военный судъ присудилъ ихъ къ высидкѣ на гауптвахтѣ; но и это слабое наказаніе, за силою манифестовъ 27 марта 1855 года и 25 августа 1856 года, было отмѣнено. Такимъ образомъ, невольные убійцы и сознательные грабители на дѣлѣ убѣдились, что суда имъ слѣдовало бояться менѣе, чѣмъ административной расправы.

Такъ заселялись Старая и Новая Линіи и протекала жизнь полная военныхъ тревогъ и подавляющаго вліянія военныхъ условій на культурное развитіе.

Глава XVI.

БОРЬБА ЧЕРНОМОРЦЕВЪ СЪ ГОРЦАМИ СЪ 1842 ПО 1860 ГОДЪ.

Военныя дѣйствія на Черноморіи въ 1842 году начались съ января мѣсяца. Вечеромъ 17 января до 800 черкесовъ переправились черезъ Кубань съ намѣреніемъ овладѣть двумя батарейками въ Марьинскомъ кутѣ. Находившіяся на батарейкахъ команды усиленнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ не допустили непріятеля подойти къ батарейкамъ и горцы ушли обратно за Кубань.

Того же числа на разсвѣтѣ около 1800 черкесовъ пытались взять Елинскій постъ, но и въ этомъ случаѣ отъ дѣйствія артиллерійскаго и ружейнаго огня горцы отступили отъ поста безуспѣшно.

Около того же времени шапсуги и абадзехи, возмущенные переходомъ мирныхъ черкесовъ подъ власть Россіи, рѣшили разрушить ихъ аулы и увести всѣхъ жителей въ неволю. Съ этою цѣлью они стали дѣлать разъѣзды, захватывали жителей и скотъ, препятствовали заниматься хлѣбопашствомъ и пр. Чтобы избавить мирныхъ черкесовъ отъ этой бѣды, генералъ Заводовскій нашелъ необходимымъ составить особый отрядъ для военныхъ дѣйствій по Псекупсу, держать въ страхѣ черкесовъ этой мѣстности и, въ случаѣ нужды, разорять абадзехскіе и шапсугскіе аулы, истреблять хлѣбъ и сѣно и т. п.

Февраля 1 Зассъ писалъ Заводовскому, что онъ составилъ отрядъ изъ 2000 конницы, 2000 пѣхоты и 10 орудій и намѣренъ идти за р. Бѣлую для наказанія горцевъ за сборища ихъ, собиравшіяся для нападенія на русскихъ. Въ этихъ видахъ онъ спрашивалъ Заводовскаго, не намѣренъ ли онъ начать совмѣстныя съ нимъ дѣйствія противъ горцевъ? На это 2 февраля Заводовскій отвѣтилъ Зассу, что, при всемъ своемъ желаніи воспользоваться случаемъ совмѣстныхъ дѣйствій, онъ не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ всѣ наличныя силы Черноморскаго войска растянуты на протяженіи 400 верстъ по пограничной линіи и укрѣпленіямъ для защиты ихъ.

Съ 7 февраля Зассъ стоялъ съ отрядомъ на р. Бѣлой и производилъ движенія вверхъ и внизъ по рѣкѣ, ставя тѣмъ въ затруднительное положеніе горцевъ. Отдѣливши двѣ роты пѣхоты, 350 линейныхъ и 100 донскихъ казаковъ, подъ командою подполковника Эндаурова, онъ направилъ эти силы къ Екатеринодару въ помощь городу, такъ какъ горцы собрали четыре партіи, чтобы двинуться совмѣстно на Екатеринодаръ. Въ этотъ-же день 7 февраля было отбито нападеніе толпы горцевъ на Полтавскій курень.

На другой день, 8 февраля, генералъ Зассъ писалъ Заводовскому, что, по его свѣдѣніямъ, горцы должны были напасть на Черноморію. Поэтому, онъ послалъ въ Екатеринодаръ на помощь 4 сотни Кубанскаго полка съ 2 орудіями, подъ командой подполковника Фитингофа, и въ станицу Васюринскую 350 казаковъ Хоперскаго полка съ 2 орудіями, подъ командой майора Рытца.

Черезъ два дня, 10 февраля Заводовскій извѣстилъ Засса, что сборища горцевъ на р.р. Шебшъ, Азипсъ и Адагумъ соединились въ одно и намѣревались прорваться черезъ границу въ 3-й части Черноморской кордонной линіи, и, дѣйствительно, горцы сдѣлали эту попытку и напали на Полтавскую станицу, но были разбиты и разсѣяны. Это такъ подѣйствовало на главное сборище черкесовъ, намѣревавшихся напасть на Екатеринодаръ, что горцы стали расходиться по домамъ. Заводовскій, поэтому, возвратилъ Зассу отрядъ Эндаурова. Февраля 11 шапсуги и натухайцы, въ количествѣ до 5000 чел., переправились выше Славянскаго поста. Отсюда они направились къ куреню Полтавскому, но наткнулись на отрядъ командира II коннаго полка полковника Могукорова, состоявшаго изъ 398 человѣкъ пѣхоты и 115 человѣкъ конницы, при 3 орудіяхъ. Замѣтивши отрядъ, черкесы повернули назадъ къ Кубани. Часть отряда бросилась въ погоню за черкесами, по пути присоединились къ нимъ другія казачьи команды. Выстрѣлами изъ пушекъ и стремительной атакой казаки заставили черкесовъ дрогнуть и бѣжать къ Кубани. На протяженіи 6 верстъ казаки преслѣдовали горцевъ; взяли въ плѣнъ одного и захатили 31 убитаго и голубой значекъ. По свѣдѣніямъ Могукорова, въ этомъ сраженіи убито было не менѣе 100 человѣкъ черкесовъ.

Но особенно чувствительно горцы были наказаны въ апрѣлѣ. Какъ видно изъ донесенія Заводовскаго отъ 4 апрѣля генералу Граббе, къ нему явились князья приверженныхъ Россіи черкесовъ и сообщили о собраніи 4000 абадзеховъ и шапсуговъ въ верховьяхъ р. Джебой. Сборище это намѣрено было напасть на ихъ аулы, какъ на сторонниковъ Россіи. Заводовскій своевременно послалъ въ горы сильный отрядъ, подъ командой полковника Борзика. Когда абадзехи и шапсуги узнали объ этомъ, то, въ свою очередь, вмѣсто того, чтобы идти на аулы мирныхъ горцевъ, направились на г. Екатеринодаръ. Мелководье Кубани и отсутствіе войскъ въ Екатеринодарѣ благопріятствовали этому, Извѣщенные объ этомъ Заводовскій и Рашпиль прискакали къ Байдачному посту, въ виду котораго собралось уже до 4000 горцевъ—впереди шла черкесская пѣхота въ колонахъ, а за нею слѣдовала конница съ 6 значками.

Въ Екатеринодарѣ всѣ способные носить оружіе были подняты на ноги. Съ Байдачнаго поста по горцамъ сдѣлано было нѣсколько удачныхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Горцы, приведенные этимъ въ замѣшательство, направились къ аулу Науруза, ограбили и сожгли его. Та же участь предстояла и аулу Дударука. Заводовскій послалъ

прапорщика Бекъ-Мурзу въ отрядъ Борзика, съ приказаніемъ занять дорогу, по которой проходили утромъ горцы, и ждать ихъ возвращенія. Хорунжій Чентамировъ поскакалъ въ постовое укрѣпленіе съ приказомъ воинскому начальнику войсковому старшинѣ Курганскому составить отрядъ изъ 250 казаковъ и взвода конной артиллеріи и поспѣшить съ нимъ на помощь къ аулу Дударука. Наконецъ черкесъ Ибрагимъ повезъ распоряженіе наказнаго атамана въ Афипское укрѣпленіе. Отсюда воинскій начальникъ Кравчина долженъ былъ, съ 4 сотнями казаковъ и 4 орудіями, двинуться между аулами Науруза и Дударука въ камыши и тамъ въ секретѣ ожидать пушечныхъ выстрѣловъ съ Кубани и отвѣчать на нихъ также пушечными выстрѣлами. Генералъ Рашпиль посланъ былъ къ подгорному посту на встрѣчу Курганскому, а самъ Заводовскій съ учебной командой и 3 орудіями двинулся къ 3 пикету, противъ котораго близъ Дударукова аула находилась абадзехская пѣхота. Къ этому времени къ аулу Дударукова прискакалъ Курганскій съ отрядомъ. Съ пронзительнымъ крикомъ горцы бросились на малочисленный отрядъ, намѣреваясь совершенно разгромить его. Курганскій нарочито подпустилъ черкесовъ на самое близкое разстояніе къ себѣ и сразу открылъ пушечный и ружейный огонь противъ черкесовъ. Горцы дрогнули, смѣшались, подбирая своихъ убитыхъ и раненыхъ. А Курганскій, построившись въ каре у самаго обрыва Кубани, отбивалъ атаку каждый разъ, когда горцы бросались на его отрядъ.

Пушечнымъ огнемъ изъ подгородней батарейки Рашпиль громилъ черкесскую конницу, грабившую аулъ и выбилъ ее оттуда. Тогда и Заводовскій, показывая видъ, что намѣренъ переправиться черезъ Кубань, сталъ поражать изъ пушекъ пѣхоту, которая смѣшалась и начала отступать. Конница, замѣтивши это и слыша въ тылу выстрѣлы, поспѣшила подобрать убитыхъ и раненыхъ и также начала отступленіе.

Въ это время открылъ огонь въ камышахъ Кравчина, черкесы не имѣя возможности пройти черезъ камыши, стали уходить по берегу Кубани прежней дорогой, увлекая съ собою мирныхъ черкесовъ и ихъ скотъ, но отрядъ Борзика успѣлъ уже занять позицію на указанномъ мѣстѣ. Между тѣмъ Курганскій продолжалъ преслѣдовать непріятеля на протяженіи 5 верстъ, пока хватило у него зарядовъ и не утомились артиллерійскія лошади. Такъ подогналъ онъ черкесовъ почти къ самому отряду Борзика.

Черкесы шли ничего не подозрѣвая. Вдругъ навстрѣчу имъ понеслась сотня хамышеевцевъ, подъ командою Сагатъ-Гирея, бывшихъ въ отрядѣ Борзика, а артиллерія открыла убійственный огонь изъ пушекъ. Въ то же время пѣхота ударила въ штыки. Шапсуги и абадзехи были окончательно разстроены этимъ тройнымъ маневромъ, бросили плѣнныхъ и добычу и вразсыпную стали искать спасенія въ камышахъ. Наступившая ночь прикрыла своимъ темнымъ покровомъ полное пораженіе горцевъ.

Всѣ жители ауловъ Науруза и Дударука были возвращены въ жилища, съ абадзехами бѣжалъ лишь одинъ мулла съ семействомъ. Борзикъ и Курганскій съ своими отрядами переночевали въ аулахъ.

Съ русской стороны были убиты 1 урядникъ, 2 казака и 4 мирныхъ горца. Потери шапсуговъ и абадзеховъ должны были быть болѣе значительными. Только на мѣстахъ боя осталось 13 тѣлъ и 53 убитыхъ лошади. Въ плѣнъ же былъ взятъ лишь одинъ абадзехъ. Кромѣ имущества у непріятеля было отбито 1500 плѣнныхъ, 100 лошадей, 1500 головъ рогатаго скота и до 4000 овецъ.

Но этимъ погромомъ черкесовъ не ограничился Заводовскій. Іюня 6-го онъ писалъ изъ Екатеринодара временно командующему на линіи войскомъ генералъ-лейтенанту Галафѣеву о необходимости скорѣйшей посылки отряда за Кубань. До ста князей, дворянъ и старѣйшинъ хамышеевскихъ и черченеевскихъ явились къ Заводовскому и сообщили, что абадзехи рѣшительно требуютъ присоединенія ихъ къ остальнымъ черкесамъ для борьбы съ русскими. Присланные Шамилемъ муллы всюду возбуждаютъ черкесскій народъ. Населеніе волнуется. Нужно возможно скорѣе направлять два отряда—одинъ для защиты мирныхъ ауловъ, а другой въ подкрѣпленіе крѣпости Абинъ, но у Заводовскаго свободныхъ войскъ хватаетъ только на одинъ отрядъ.

То же и тогда же сообщалъ Галафѣеву и Зассъ относительно Кавказской линіи.

Заводовскій сформировалъ отрядъ и съ 18 по 21 іюня двинулся по направленію къ Псекупсу и расположился лагеремъ въ урочищѣ Челипъ близъ переправы черезъ Псекупсъ, извѣстной у черкесовъ подъ именемъ Хусанафъ. Это произвело замѣтное впечатлѣніе на абадзеховъ, возбуждаемыхъ 4 муллами Шамиля, которыхъ они считали пророками. Боясь, однако за собственныя жилища и хлѣбъ, абадзехи оставили въ покоѣ мирные аулы.

Это породило маловѣроятные слухи между горцами. Начальникъ праваго фланга Кавказской линіи генералъ-лейтенантъ Зассъ писалъ Заводовскому, что подъ вліяніемъ слуховъ о дѣлѣ отряда Заводовскаго съ горцами 21 іюня и пораженія горцевъ, сильное скопище черкесовъ съ эмиссарами Шамиля, расположенное на р. Псефиръ противъ праваго фланга кордонной линіи, двинулось къ отряду Заводовскаго или, быть можетъ, генералъ-майора Анрепа, находившагося съ отрядомъ у Варениковой пристани.

Позже въ штабъ Черноморской линіи Зассъ сообщилъ, что, по свѣдѣніямъ его лазутчиковъ, черкесы перехватили эстафету Заводовскаго о недостачѣ въ его отрядѣ зарядовъ и провіанта и о необходимости подкрѣпленія. Не имѣя возможности оказать помощь Заводовскому какъ по дальности пути, такъ и въ видахъ защиты заселяемой вновь Лабинской линіи, Зассъ увѣдомлялъ штабъ о необходимости помочь отряду Заводовскаго.

Между тѣмъ, какъ видно изъ донесенія отъ 7 іюля Заводовскаго генералу Галафѣеву, движеніе отряда Заводовскаго сопровождалось нападеніями на него горцевъ. Особенно упорно они защищали Хусанафъ, переправу черезъ р. Псекупсъ, заваливъ ее и проходы къ ней бревнами. Здѣсь было жаркое дѣло, послѣ котораго отрядъ перешелъ черезъ Псекупсъ и расположился на границѣ земель абадзеховъ. Противъ отряда дѣйствовали шапсуги, убыхи и бѣжавшіе хатукаевцы съ темиргоевцами. Муллы Шамиля распускали невозможные слухи про отрядъ Заводовскаго и басни о своей силѣ. Одинъ изъ нихъ объявилъ горцамъ, что онъ можетъ остановить дѣйствіе пушекъ. Захвативши лазутчика Заводовскаго съ предписаніемъ, тѣ же муллы пустили слухъ, что въ отрядѣ Заводовскаго нѣтъ продовольствія и зарядовъ и что безъ подкрѣпленія онъ не можетъ возвратиться къ Кубани, хотя въ бумагѣ Заводовскаго обо всемъ этомъ не было ни слова.

25 іюня горцы рѣшили вступить въ сраженіе съ русскими, чтобы, какъ выражались они, „разобрать русскихъ по рукамъ". Черкесовъ въ это время было болѣе 10,000. Съ своей стороны и Заводовскій съ большей частью своего отряда двинулся противъ горцевъ, занявши ближайшую долину. Горцы, съ разноцвѣтными значками въ переднихъ рядахъ, первыми рѣшили атаковать русскихъ. Началось сраженіе. Первый натискъ черкесовъ на отрядъ былъ отбитъ пушками и ружейнымъ огнемъ. Горцы показали тылъ и Заводовскій преслѣдовалъ ихъ на протяженіи трехъ верстъ. Но когда отрядъ сталъ возвращаться обратно въ лагерь, горцы набросились на него еще съ большимъ ожесточеніемъ и поражаемые картечью и пулями изъ ружей гибли во множествѣ. Русскіе захватили при этомъ трехъ израненыхъ плѣнныхъ и 25 значковъ. Опредѣлить число убитыхъ было невозможно. Только изъ 40 тѣлохранителей князя Шеретлука убито было 32 человѣка. Послѣ Заводовскій узналъ, что въ числѣ дравшихся горцевъ были мирные черкесы, увлеченные муллами Шамиля, и что они потеряли до 20 убитыми.

Битва эта поколебала у горцевъ авторитетъ муллъ. Мирные черкесы воочію увидѣли, что горцамъ не сломить русской силы.

Въ продолженіе 26, 27, 28 и 29 іюня, горцы не предпринимали рѣшительныхъ дѣйствій, и Заводовскій передвинулъ отрядъ, состоявшій изъ 4 баталіоновъ Тенгинскаго полка, 780 черноморскихъ и 700 донскихъ казаковъ, при 14 орудіяхъ, къ Кубани, что бы быть ближе къ мирнымъ ауламъ, волнуемымъ сторонниками Шамиля. Враждебные горцы, однако, не тревожили мирные аулы.

За все время отрядъ Заводовскаго потерялъ убитыми 1 офицера и 9 нижнихъ чиновъ, а ранеными 9 офицеровъ и 127 нижнихъ чиновъ.

Въ концѣ декабря былъ еще одинъ мелкій случай борьбы съ горцами. Изъ укрѣпленія Афипскаго 30 декабря было послано 10 пластуновъ для розыска лѣса. Горцы замѣтили пластуновъ и въ

значительномъ количествѣ окружили ихъ. Засѣвши въ чащѣ лѣса и терновника, пластуны открыли огонь по черкесамъ и держались на мѣстѣ съ 8 до 9½ час. утра, пока не подоспѣла на помощь команда въ 300 человѣкъ казаковъ изъ Афипскаго гарнизона при 3-хъ пушкахъ. Тогда, въ свою очередь, и черкесы вынуждены были отступить. Пластуны остались цѣлы, а горцы потеряли до 7 человѣкъ убитыми и ранеными.

Въ 1843 г. военныя дѣйствія противъ черкесовъ открыли русскія войска. Въ январѣ мѣсяцѣ этого года былъ сформированъ такъ называемый шебскій отрядъ. Пройдя по рѣкамъ Афипсъ, Чебій, Уніабатъ, Супсъ и др., отрядъ всюду сжигалъ аулы и истреблялъ имущество. Это было опустошеніе въ полномъ смыслѣ слова. Все, что попадалось на глаза отряду, было уничтожено или сожжено и горцы были доведены до крайняго ожесточенія.

Въ отвѣтъ на это, горцы организовали набѣгъ на Черноморію и Старую Линію. Утромъ 20 февраля собравшіеся въ верховьяхъ Лабы черкесы переправились черезъ Кубань въ 5 верстахъ къ востоку отъ Изряднаго поста. Горцевъ замѣтилъ начальникъ ближайшаго редутскаго кордона еаулъ Завгородній и поскакалъ съ небольшой командой къ черкесамъ, придвинушимся къ станицѣ Воронежской. Горцы въ это время успѣли уже захватить до 80 головъ рогатаго скота. Казаки стремительно бросились на непріятеля и отбили часть захваченнаго имъ скота. Замѣтивши это, другіе горцы поспѣшили къ мѣсту битвы и окружили со всѣхъ сторонъ казаковъ. Завязалась борьба не на животъ, а на смерть. Есаулъ Завгородній и сотникъ Мазанъ были скоро изрублены шашками. Горцамъ, однако, не удалось одолѣть казаковъ. Къ послѣднимъ прискакала первою команда 6 коннаго полка, подъ начальствомъ есаула Савицкаго, а потомъ и другія части казачьихъ войскъ. Тогда и казаки, въ свою очередь, начали наступать на черкесовъ. Черкесы поспѣшили уйти къ Кубани, захвативши съ собой два зарядныхъ ящика и передокъ отъ пушки одного изъ взводовъ конной артиллерійской казачьей батареи. Казакамъ не удалось отбить этихъ трофеевъ, съ которыми горцы и ушли за Лабу, подъ командой хатукайскаго князя Темиргоя.

Чтобы отвлечь горцевъ отъ нападеній на казачьи станицы, генералъ Заводовскій направился 22 августа съ отрядомъ за Кубань. Желая наказать виновныхъ въ набѣгахъ черкесовъ, Заводовскій имѣлъ, въ то-же время, въ виду способствовать возвращенію къ Кубани хамышеевцевъ, удерживаемыхъ абадзехами.

Когда отрядъ Заводовскаго вступилъ на земли шапсуговъ, то явились ихъ старѣйшины и просили Заводовскаго не дѣлать имъ вреда. Узнавши, что отрядъ направляется въ земли абадзеховъ, шапсуги всячески помогали русскимъ, указывали имъ дороги и относились вообще дружелюбно къ казакамъ. Замѣтивши, что послѣдніе не тронули ихъ хлѣба, они сами привели въ отрядъ женщину

и мальчика, когда-то попавшихъ имъ въ плѣнъ. Но лишь только русскій отрядъ вступилъ на земли абадзеховъ, какъ закипѣла ожесточенная борьба между ними и казаками. Абадзехи неожиданно появлялись на каждомъ шагу и стрѣляли изъ ружей изъ за каждаго куста. Русскіе жгли сѣно и вытаптывали лошадьми и людьми хлѣба. Въ первой крупной стычкѣ съ казаками абадзехи не выдержали натиска послѣднихъ и бѣжали, оставивъ на мѣстѣ 7 тѣлъ и 36 убитыхъ лошадей.

При переходѣ черезъ рѣку Иликъ абадзехи, препятствовавшіе переправѣ отряда, также не захватили 5 тѣлъ. На всемъ пути отрядъ Заводовскаго оставилъ сплошные слѣды опустошеній. Только за одинъ день, 28 августа, отрядъ сжегъ до 1700 стоговъ черкесскаго сѣна и казаки вытоптали, а мѣстами даже выкосили, просо на пространствѣ 3 верстъ. За все время пребыванія отряда на абадзехскихъ земляхъ сожженно до 200 тысячъ стоговъ сѣна, а хлѣба скошено, потоптано и истреблено до 25 кв. верстъ. Казаки потеряли 1 убитаго и раненыхъ—1 офицера и 46 нижнихъ чиновъ. У горцевъ потери были болѣе значительныя, но русскіе не могли опредѣлить ихъ, такъ какъ не имѣли лазутчиковъ, которыхъ вообще трудно было добыть у абадзеховъ. Отрядъ возвратился къ Кубани 29 августа и 31 перешелъ ее.

Благодаря походу генерала Заводовскаго къ абадзехамъ, въ 1843 г. черченеевцы и хатукаевцы, увлеченные раньше абадзехами на ихъ земли, снова вернулись, въ качествѣ мирныхъ сосѣдей, въ свои аулы, расположенные близъ Кубани.

Въ это время въ западной части Закубанья волновалъ горцевъ извѣстный агитаторъ Хаджи-Магометъ, утверждавшій, что русскіе, безъ его позволенія, не осмѣлятся двинуться за Кубань. Чтобы подорвать авторитетъ Хаджи-Магомета, Заводовскій организовалъ отрядъ изъ 1500 чел. пѣхоты, 400 казачьей конницы и 120 черкесовъ изъ Гривенскаго аула и Кара-Кубанскаго острова, при 10 орудіяхъ. Переправившись 9 сентября черезъ Кубань, отрядъ двинулся къ рѣкѣ Псекупсу, на которой происходили совѣщанія горцевъ съ Хаджи-Магометомъ. Видя передвиженіе русскаго отряда, абадзехи и шапсуги первые убѣдились въ лживости Хаджи-Магомета. Убыхи, которымъ надоѣло бездѣйствіе Хаджи, также разошлись по домамъ. Магометъ былъ оставленъ всѣми и отправился на рѣку Хабль. Отсюда онъ намѣренъ былъ пробраться на Пшаду, гдѣ вѣрили еще, что онъ былъ посланникомъ Султана. Но и здѣсь потеряли въ него вѣру.

Въ виду этого, казачій отрядъ, такъ легко достигшій своей цѣли, отправился назадъ въ Черноморію и, не выпустивши ни одного заряда, 15 сентября былъ уже на Кубани.

Въ то время, когда среди натухайцевъ ходили слухи и сказанія о Хаджи-Магометѣ, у абадзеховъ жилъ Аджи-Ибрагимъ. По его увѣренію, онъ дѣйствовалъ по порученію турецкаго султана, который вступилъ будто бы въ какое то соглашеніе съ русскимъ Императо-

ромъ. Султанъ снабдилъ его, Аджи-Ибрагима, какими-то бумагами, которыхъ онъ, однако, никому не пожелалъ показать. Такъ какъ Аджи увѣрялъ, что, по его приказанію, русскими будутъ снесены такія укрѣпленія, какъ Афипское и Абинское, а укрѣпленія эти, между тѣмъ. оставались на мѣстѣ, то черкесскій народъ пересталъ придавать какое либо аначеніе хвастливымъ обѣщаніямъ Аджи. Поднявши въ горцахъ религіозный фанатизмъ однимъ своимъ появленіемъ, онъ также быстро потерялъ среди черкесовъ свой авторитетъ, когда не сбылось ни одно изъ его предсказаній.

Черкесы вообще съ каждымъ годомъ стали все болѣе и болѣе убѣждаться въ невозможности борьбы съ русскими. Военныя дѣйствія все чаще и чаще стали вестись за Кубанью у самыхъ жилищъ горцевъ. Въ 1844 г. серьезныя столкновенія черкесовъ съ казаками происходили только въ концѣ лѣта. Въ августѣ и сентябрѣ этого года шапсуги съ р. Богундырь, составивши партію въ 300 человѣкъ пѣхоты и 200 конницы, нѣсколько разъ дѣлали засады въ оврагахъ возлѣ Абинскаго укрѣпленія, чтобы захватить абинскій порціонный скотъ, но зоркіе глаза пластуновъ каждый разъ во время открывали присутствіе непріятеля. Тогда ночью 2-го сентября шапсуги выжгли всѣ корма вокругъ Абина и разошлись по ауламъ. Въ ночь на 3-с сентября начальникъ укрѣпленія войсковой старшина Мазанъ послалъ 200 пластуновъ и казаковъ на развѣдки. Въ трехъ верстахъ отъ укрѣпленія пластуны открыли присутствіе сильной толпы конныхъ и пѣшихъ шапсуговъ. Пользуясь оплошностью горцевъ, хорунжіе Шамрай и Ковтунъ напали на черкесовъ съ двухъ сторонъ. Въ схваткѣ черкесы оставили 9 тѣлъ на мѣстѣ, уходя отъ преслѣдовавшихъ ихъ казаковъ; у казаковъ же не оказалось, благодаря внезапности атаки, никакихъ потерь ни убитыми, ни даже ранеными.

Тогда же, въ концѣ сентября, произошло столкновеніе между мирными черкесами и враждебными Россіи горцами. Мирные черкесы узнали, что у шапсуговъ образовалась сильная партія, враждебно относившаяся къ нимъ за ихъ миролюбивыя отношенія къ русскимъ. Сборище шапсуговъ находилось въ урочищѣ Хабанецъ и носились слухи, что оно намѣрено было разгромить аулъ прапорщика русской службы Дударука Бжегоко. Тогда хамышеевскіе и черченеевскіе дворяне явились къ командующему Черноморскою кордонною линіею и просили у него разрѣшенія раздѣлаться съ враждебными имъ шапсугами, и, для лучшаго обезпеченія предпріятія, дать имъ въ помощь, въ видѣ резерва, небольшой отрядъ русскихъ войскъ.

Мирные черкесы получили просимое разрѣшеніе и помощь военными силами. Вечеромъ 26 сентября черченеевцы и хамышеевцы, съорганизовавшись въ отрядъ, быстро двинулись къ урочищу Хабанецъ, а войсковой старшина Могукоровъ съ конными казаками и пѣхотой, при двухъ взводахъ артиллеріи, поспѣшилъ вслѣдъ за ними. За три часа до разсвѣта мирные черкесы, предводимые прапорщикомъ Бибердою Болотоковымъ, были уже у намѣченной цѣли.

Болѣе 200 шапсуговъ, ночевавшихъ въ урочищѣ Хабанецъ, были разбиты и разсѣяны. Преслѣдуя ихъ, хамышеевцы и черченеевцы напали случайно на овчарню, изъ которой угнали 1660 штукъ овецъ. Съ этою добычею они повернули къ Кубани и соединились съ отрядомъ Могукорова. Имѣя всего 4 человѣка раненыхъ, мирные черкесы захватили въ плѣнъ 2 человѣкъ, изъ которыхъ одинъ оказался рядовымъ Тенгинскаго полка.

Въ 1844 г. извѣстный черкесскій агитаторъ Сеферъ-бей Занъ, отчаявшись въ полученіи помощи у турокъ, дѣятельно ратовалъ въ пользу мирныхъ отношеній съ русскими. Въ отвѣтъ на его призывъ, шапсуги и натухайцы, жившіе по р.р. Хабль, Антхыръ, Богундыръ, Абинъ, Афипсъ, Шебшъ, у Новороссійска, Анапы и Варениковой пристани, собрались въ декабрѣ на собраніе, на которомъ и рѣшили поддерживать миролюбивыя отношенія съ русскими. Но эффендій Шеретъ, жившій на р. Хабль, воспротивился этому. Собраніе раскололось на двѣ партіи—одна, во главѣ съ Гамиромъ Ротокомъ, стояла за миръ съ русскими, а другая, предводимая Шеретомъ, за враждебныя дѣйствія.

Расколъ этотъ не замедлилъ сказаться на положеніи дѣлъ въ Черноморіи и въ Закубаньѣ. Между 3 и 10 января 1845 г. въ „журналѣ временно командующаго Черноморскою кордонною линіею“ записано, что горцы, собравшись въ значительную толпу, намѣревались напасть на Екатеринодаръ. Толпою руководилъ какой-то армянинъ, жившій между шапсугами. По его плану, партія въ 200 человѣкъ должна переправиться у Великолагернаго поста и отвлечь сюда войска, а въ это время другая, болѣе сильная партія должна броситься на беззащитный Екатеринодаръ. Но на 6 января, день водосвятія, всегда обставлявшійся казаками особою торжественностью и церемоніями, собрано было до 1200 конницы и пѣхоты при 8 орудіяхъ. Парадъ нарочито былъ выставленъ по скату у Екатеринодара, такъ чтобы съ другой стороны Кубани черкесы могли видѣть все, что происходило при водосвятіи. Зрѣлище получилось внушительное, когда къ войскамъ присоединились тысячи народа и открыта была усиленная пальба изъ пушекъ въ крѣпости и на мѣстѣ водосвятія у Кубани. Черкесы должны были разнести по горамъ вѣсти о томъ, что Екатеринодаръ наполненъ войсками и пушками.

Такъ именно и случилось. Черкесы измѣнили планъ дѣйствій и 11 января, на протяженіи 80 верстъ по Кубани, пытались прорваться въ Черноморію шестью значительными партіями. Въ 6 часовъ утра толпа до 2 тысячъ человѣкъ пѣшихъ и конныхъ показалась между Марьинскимъ и Елинскимъ постами. Черкесы сожгли 31 стогъ казачьяго сѣна, но были прогнаны за Кубань дружными усиліями нѣсколькихъ казачьихъ командъ.

Едва скрылась за Кубанью первая толпа горцевъ. какъ загремѣли пушки на Елизаветинскомъ кордонѣ. Ближайшимъ къ этому посту былъ отрядъ, преслѣдовавшій первую партію непріятелей,

подъ начальствомъ командующаго Черноморскою кордонною линіею. Увидѣвши этотъ отрядъ, черкесы, атаковавшіе Тенгинскую батарейку близъ Елизаветинскаго поста, бросились поспѣшно за Кубань и также скрылись.

На разсвѣтѣ того же 11 января до 700 черкесской конницы прорвались черезъ Кубань въ районѣ Великомарьинскаго поста и напали на близъ лежащіе аулы мирныхъ черкесовъ, но соединенными силами этихъ послѣднихъ и казаковъ непріятель и здѣсь былъ отраженъ.

Воинскій начальникъ Георгіе-Афипскаго укрѣпленія, замѣтивши 11 января передъ разсвѣтомъ большую толпу черкесовъ, направлявшихся въ Черноморію, взялъ двѣ роты съ тремя пушками, одну роту скрылъ двумя полуротами, съ пушкой при каждой, въ удобныхъ мѣстахъ, а самъ съ другою ротою и пушкою показался горцамъ и началъ какъ бы отступать къ укрѣпленію. Горцы бросились за нимъ и попали на засаду полуротъ, которыя произвели сильное опустошеніе въ рядахъ непріятеля пушечнымъ огнемъ и разсѣяли толпу.

Еще одна толпа горцевъ была разсѣяна отрядомъ войсковаго старшины Кравчины, съ которымъ она столкнулась близъ Александровскаго кута, имѣя намѣреніе пойти на Екатеринодаръ или на Понурскіе хутора.

Наконецъ, около полудня 11 января показалась толпа горцевъ, направлявшихся съ р. Аушеца къ Ольгинскому посту, но, увидѣвши отрядъ полковника Борзика, спѣшившаго въ эти мѣста на сигналы тревоги, черкесы, не переправившись даже черезъ Кубань, повернули назадъ въ горы.

Чтобы наказать горцевъ, начальникъ кордонной линіи двинулъ 12 января по свѣжимъ слѣдамъ отрядъ за Кубань и 13 января на разсвѣтѣ былъ въ урочищѣ Хабанецъ. Здѣсь было собрано около 4000 черкесовъ. Произошелъ рядъ стычекъ между этими черкесами и русскими войсками. Во всѣхъ случаяхъ горцы терпѣли пораженія и, потерявши до 80 человѣкъ убитыми и ранеными, ушли въ горы. Въ русскомъ отрядѣ оказалось 5 чел. раненыхъ и 10 контуженыхъ.

Въ журналѣ сообщено, что черкесскіе дворяне не участвовали въ набѣгахъ горцевъ на Черноморскую линію. Враждебныя сборища и непріязненныя дѣйствія производились низшими классами населенія, преимущественно людьми, называвшими себя гаджиретами—молодежью, задавшейся религіозной цѣлью борьбы съ русскими.

Въ концѣ февраля изъ за Кубани получено извѣстіе, что къ абадзехамъ явились два посланца отъ Шамиля, имена которыхъ были неизвѣстны. Они остановились въ аулахъ по р. Бѣлой и назначили здѣсь для абадзеховъ и шапсуговъ народный съѣздъ. Впослѣдствіи русскіе лазутчики донесли, что отъ Шамиля прибыло не два, а шесть посланцевъ, во главѣ которыхъ стоялъ Хаджи Бечиръ. Къ концу мая выяснилось, что Хаджи Бечиръ былъ только помощникомъ въ миссіи Шамиля; главою же ея оказался Сальменъ

(т. е. Сулейманъ) Эффенди. Съ р. Бѣлой Сальменъ Эффенди перебрался въ западную часть Закубанья на р. Хабль. Здѣсь онъ обнародовалъ посланіе Шамиля. Во имя пророка, Шамиль просилъ шапсуговъ, абадзеховъ, натухайцевъ и бжедуховъ вооружиться и усилить его войска въ Дагестанѣ. Съ этою цѣлью каждая семья должна выставить одного всадника, а три семьи бѣдныхъ дать коня съ сбруею. Шамиль строго воспрещалъ сноситься и сближаться съ русскими, грозя небесными карами.

Ознакомленное съ требованіями Шамиля населеніе раздѣлилось на двѣ части—на сторонниковъ и противниковъ Шамиля. Особенно сильно волновалась молодежь, жаждавшая военныхъ дѣйствій и борьбы съ русскими. Въ одномъ аулѣ на р. Хабль сторонники Шамиля приготовили большое красное знамя—„бракъ“. Но большинство черкесскаго населенія было настроено миролюбиво.

Въ апрѣлѣ шапсуги и натухайцы устроили совѣщаніе, на которомъ рѣшено было поставить воиновъ въ ополченіе Шамиля, но не съ каждаго двора, какъ требовалъ имамъ, а отъ рѣки: аулы каждой рѣчки должны были поставить 15 всадниковъ подъ своимъ особымъ значкомъ—„бракъ“.

Между тѣмъ черкесы не переставали тревожить казаковъ мелкими набѣгами. Такъ, 3 апрѣля черкесами были убиты два казака, когда часть гарнизона была послана изъ Георгіе-Афипскаго укрѣпленія на рубку дровъ, гдѣ черкесы и завязали сраженіе съ казаками. Тогда же, въ апрѣлѣ, пять шапсуговъ изъ аула Сувникъ отправились на ночной грабежъ въ Черноморію, но, переправляясь черезъ Кубань, черкесы не вынесли холодной воды и всѣ пятеро утонули. Впрочемъ, даже такіе мелкіе случаи черкесскихъ враждебныхъ отношеній къ казакамъ были рѣдки. Вниманіе черкесскаго населенія было поглощено прокламаціей Шамиля и произведенными ею толками.

Въ концѣ апрѣля русскіе лазутчики сообщили, что изъ Турціи также былъ присланъ какой-то посланникъ къ черкесамъ. Онъ дѣйствительно явился на одно изъ собраній горцевъ и наобѣщалъ имъ какихъ-то милостей отъ султана. Но осторожные горцы заподозрили въ посланникѣ обманщика и вынудили у него сознаніе. Онъ показалъ, что дѣйствительно пріѣхалъ изъ Турціи и что онъ полякъ Зварковскій, задумавшій собрать поляковъ и перевести ихъ на поселеніе въ Турцію, гдѣ имъ были обѣщаны земли. Выходило, что Зварковскій явился къ черкесамъ не съ помощью, а намѣренъ былъ забрать у нихъ бѣглыхъ поляковъ и увести ихъ въ Турцію. Горцы хотѣли было задержать Зварковскаго, но онъ показалъ имъ какую-то бумагу и заявилъ, что ему непремѣнно надо видѣться съ Сальменомъ Эффенди—и черкесы пропустили его въ Чечню, гдѣ находился въ то время Сальменъ. Мнимый посланникъ былъ дѣйствительно польскій эмиссаръ Зварковскій, извѣстный подъ французскимъ именемъ Ленуаръ.

Около 23 апрѣля, по слухамъ, изъ Чечни возвратился самъ Хаджи Сальменъ. Онъ пробрался на р. Антхыръ и распускалъ здѣсь слухи о побѣдахъ Шамиля надъ русскими войсками, всячески стараясь поскорѣе собрать и двинуть въ Чечню обѣщанное черкесами ополченіе.

Въ половинѣ мая казачьи войска напомнили черкесамъ о себѣ. Въ это время былъ составленъ отрядъ для препровожденія въ Абинъ транспорта съ продовольственными и др. припасами и для смѣны гарнизона. Въ отрядъ вошли 4700 пѣхоты, 1529 конницы, 178 всадниковъ черкесской дружины и 14 орудій. Подъ прикрытіемъ этого отряда, въ Абинъ слѣдовало 2989 фуръ. Черкесы пробовали разорить по пути гати, чтобы воспрепятствовать движенію отряда, и неоднократно завязывали перестрѣлку съ нимъ, но безуспѣшно: отрядъ благополучно прослѣдовалъ въ Абинское укрѣпленіе и обратно. Командовалъ отрядомъ генералъ Рашпиль. Онъ нашелъ въ образцовомъ порядкѣ и исправности укрѣпленіе Абинъ, его строенія, брустверы и пр., несмотря на то, что главныя части укрѣпленія были возведены изъ земли. Въ Абинѣ къ Рашпилю явились старѣйшины ближайшихъ черкесскихъ ауловъ, не расположенные къ посылкѣ ополченія Шамилю, и извѣстный сторонникъ Россіи Гамирза Ротокъ. Отъ нихъ генералъ узналъ, что эмисаръ Зварковскій былъ тяжело раненъ. Зварковскому удалось собрать до 1200 разсѣянныхъ въ горахъ поляковъ, но такъ какъ многіе изъ нихъ находились въ порабощеніи у горцевъ, а Зварковскій отбиралъ ихъ въ свой отрядъ, то черкесы очень недружелюбно относились къ нему.

При Рашпилѣ въ Абинѣ имѣлъ мѣсто интересный случай изъ жизни черкесовъ съ чисто романическою подкладкою. Въ одномъ изъ черкесскихъ ауловъ 12 лѣтъ томился русскій плѣнникъ. Послѣдній сошелся съ черкешенкою Гатиче. И вотъ этотъ плѣнникъ и его подруга Гатиче съ груднымъ сыномъ Супашхо ушли тайно въ Абинъ. Энергичная черкешенка немедленно потребовала, чтобы крестили ее и ея сына, и на другой же день утромъ 19 мая генералъ Рашпиль присутствовалъ въ молитвенномъ домѣ при крещеніи Гатиче и Супашхо. Въ это время въ аулѣ Шепсхуръ волновались черкесы, узнавшіе о продѣлкѣ Гатиче и ея мужа.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ черкесамъ было разрѣшено посѣтить Екатеринодарскую ярмарку. Въ Екатеринодаръ явилось до 2000 горцевъ, въ числѣ которыхъ по крайней мѣрѣ одну четверть составляли враждебные намъ шапсуги и абадзехи, а остальные были мирными черкесами. Черкесы пріѣхали на русскую ярмарку съ своими произведеніями, оцѣненными въ 12000 рублей и доставленными на ярмарку на 4 тысячахъ черкесскихъ арбъ.

Это, естественно, повліяло на развитіе мирныхъ сношеній горцевъ съ казаками. Тогда же, 9 іюня, два шапсуга изъ фамиліи Ачмизъ привезли на мѣновой дворъ Великолагернаго кордона двѣ арбы лѣса. Едва они вышли изъ каюка на правомъ берегу Куба-

ни, оставивши на той сторонѣ свое оружіе, арбы и скотъ подъ присмотромъ небольшаго мальчика, какъ къ Кубани прискакало до 20 всадниковъ, открывшихъ пальбу изъ ружей въ сторону русскаго укрѣпленія. Къ нимъ скоро присоединились еще 250 человѣкъ. Начался грабежъ арбъ Ачмизовыхъ. Казаки изъ Великолагернаго кордона бросились къ берегу Кубани и отсюда открыли ружейную стрѣльбу по горцамъ, а пластуны сѣли на лодки и также начали обстрѣливать черкесовъ. Горцы отступили отъ Кубани, но успѣли захватить часть имущества Ачмизовъ, кромѣ арбъ, одной пары воловъ, шашки и башлыка. Ускакавшіе въ горы черкесы принадлежали къ числу приверженцовъ Сальменъ Эффенди, старавшихся всячески препятствовать торговымъ сношеніямъ горцевъ съ русскими.

Около 20 іюня получены были вѣсти съ Бѣлой, что Сальменъ Эффенди былъ еще на этой рѣкѣ, что энтузіазмъ молодежи не остылъ и всадники прибывали въ Шамилево ополченіе. Между тѣмъ, среди черкесовъ стали усиливаться слухи, что русскіе ждали только удаленія въ Чечню хаджиретовъ, чтобы сдѣлать потомъ нападеніе на ихъ плохо защищенные аулы. Это нѣсколько умѣрило воинственный пылъ молодежи и заставило задуматься болѣе зрѣлыхъ сторонниковъ Сальменъ-Эффенди. Поколебались сами всадники, снарядившіеся уже въ походъ къ Шамилю, и 19 іюня изъ за Кубани пришли вѣсти о томъ, что ополченіе начало само собою разстраиваться, такъ какъ Сальменъ не представилъ никакого обезпеченія въ успѣхѣ ихъ предпріятія, которое стало казаться имъ рискованнымъ. Среди горцевъ начало преобладать мнѣніе, что лучше охранять собственные дома и аулы, которымъ могли во всякую минуту угрожать русскіе, чѣмъ идти съ неизвѣстными цѣлями въ невѣдомый край.

Въ это время, 14 іюня, за Кубанью сама жизнь убѣдила черкесовъ въ правильности ихъ взгляда на важность охраны домашняго очага. Возлѣ Абина происходила уборка сѣна, и отрядъ изъ 300 человѣкъ гарнизона, при 4 офицерахъ и одномъ взводѣ артиллеріи, выступилъ изъ Абина для охраны работъ по уборкѣ сѣна. Между горцами нашлись въ свою очередь охотники помѣшать русскимъ въ этомъ. Черезъ два часа послѣ того, какъ начались у русскихъ работы, до 300 горцевъ, скрывшихся въ лѣсу, стремительно бросились на русскій отрядъ, желая отрѣзать его отъ крѣпости. Начальникъ отряда подполковникъ Гавришъ нарочито подпустилъ непріятеля на близкое разстояніе и встрѣтилъ нападающихъ дружнымъ залпомъ изъ пушекъ и ружей. Горцы смѣшались, а русская пѣхота бросилась въ штыки. Горцы быстро отступили, но, придя въ себя, снова бросились на отрядъ—и снова встрѣтили ихъ артиллерійскій залпъ и штыки. Послѣ этого горцы, слабо отстрѣливаясь, скрылись въ лѣсу, оставивши на мѣстѣ сраженія двухъ убитыхъ, двухъ раненыхъ, трехъ убитыхъ лошадей и нѣсколько оружія.

Когда, по окончаніи работъ, отрядъ возвращался въ крѣпость, то горцы снова окружили его, но теперь ихъ было уже до 1000

человѣкъ. Раздѣлившись на двѣ части, одни изъ нихъ бросились въ атаку на отрядъ, а другіе къ воротамъ укрѣпленія, которыя защищалъ войсковой старшина Бѣлый съ 160 казаками. Встрѣченные, съ одной стороны, залпами и штыками, а съ другой, еще болѣе усиленною артиллерійскою пальбою изъ укрѣпленія, черкесы, очутившись, по собственной винѣ, подъ перекрестнымъ огнемъ, пришли въ замѣшательство и спѣшно отступили въ лѣсъ въ совершенномъ безпорядкѣ.

Къ осени у всѣхъ черкесовъ совсѣмъ пропала охота идти на помощь къ Шамилю. Начались осеннія и зимнія непогоды, особенно свирѣпствовавшія въ 1845 г. Съ 28 ноября по 7 декабря, въ горныхъ рѣчкахъ, особенно въ Кубани и Афипсѣ, было необычайное повышеніе воды. Въ продолженіе трехъ дней—28, 29 и 30 ноября, отъ сильныхъ дождей и снѣга Афипсъ такъ наводнился, что вышелъ изъ своихъ крутыхъ береговъ. Вода затопила Афипское укрѣпленіе, перелилась черезъ гласисъ во рвы крѣпости, но гарнизонъ успѣлъ завалить ворота и водосточныя отверстія и тѣмъ воспрепятствовалъ проходу воды въ самое укрѣпленіе. Вода держалась на два фута выше контръ-эскарповъ въ продолженіе двухъ сутокъ. Гарнизонъ, отрѣзанный съ крѣпостью отъ суши, не имѣлъ возможности извѣстить о своемъ критическомъ положеніи ни Екатеринодаръ, ни ближайшіе посты и пикеты. Со 2-го декабря вода начала сбывать, но 3 числа снова пошелъ дождь и снѣгъ, къ 6 декабря вода поднялась опять до прежняго уровня и лишь 7 дебря сотникъ Волкодавъ съ тремя пластунами кое какъ пробрались къ Алексѣевскому мостовому укрѣпленію, также залитому 6 декабря водою. Афипское укрѣпленіе сильно пострадало отъ воды, размывшей его. То же было и въ другихъ мѣстахъ. Громкая батарейка, находившаяся въ Марьинскомъ кутѣ и отстоявшая отъ Кубани въ 25 саженяхъ на возвышеніи, бывшемъ на два аршина выше обычнаго уровня воды, была затоплена и разрушена; ея чугунное шести-фунтовое орудіе обрушилось въ Кубань, которая образовала на мѣстѣ батарейки русло глубиною до $3^1/_2$ саж.

Такъ, казалось, сама природа наложила къ концу 1845 года запретъ на военныя дѣйствія и столкновенія русскихъ съ горцами.

Слѣдующій 1846 годъ прошелъ въ менѣе усиленной агитаціи въ пользу Шамиля, которымъ продолжали интересоваться кубанскіе черкесы. Они чутко относились къ слухамъ о его дѣятельности и продолжали вести сношенія съ его агентами.

Въ началѣ іюня русскіе лазутчики сообщили, что натухайскій эфенди Гаджукъ Магометъ и абадзехскій Хаджи Тугузъ Смаилъ собрали 23 мая 1200 натухайцевъ и 60 шапсуговъ на сборище, продолжавшееся 10 дней, и всячески старались убѣдить ихъ прервать сношенія съ русскими и ожидать личнаго прибытія Шамиля за Кубань. Черкесскій народъ потребовалъ бумагу отъ Шамиля, о которой ему говорили раньше агитаторы. Гаджи обѣщалъ дать ее

народу, когда соберется его еще больше. Но черкесы, понявши, наконецъ, что ихъ обманывали Гаджукъ и Тугусъ, разошлись по домамъ. Въ массѣ еще болѣе поколебалась вѣра въ Шамиля, какъ избавителя горцевъ отъ русскихъ, и въ его агентовъ, какъ исполнителей его рѣшеній и намѣреній.

Въ 1847 г. одни изъ горцевъ, какъ натухайцы, вели себя миролюбиво по отношенію къ русскому населенію, а другіе были отвлечены отъ Черноморіи борьбою ихъ соплеменниковъ съ русскими въ другихъ мѣстахъ. Но съ наступленіемъ 1848 года закубанскіе черкесы снова обрушились всею тяжестью своихъ набѣговъ на Черноморію. По сообщенію начальника второй части Черноморской кордонной линіи генерала Рашпиля, въ ночь на 19 января, часа за 3 до разсвѣта, около 500 конныхъ и пѣшихъ горцевъ перешли по льду Кубань возлѣ Великомарьинскаго поста. До 300 чел. пѣхоты подкрались къ самому кордону и около 250 конницы заняли дорогу, по которой могли идти подкрѣпленія. Казачій секретъ случайно наткнулся на конницу и завязалъ съ нею перестрѣлку, направляясь къ кордону. Въ моментъ, когда секретъ сталъ входить въ ворота, туда же успѣла проникнуть и черкесская пѣхота. Завязалась схватка. Въ кордонѣ было только 2 офицера и 79 казаковъ. Они не смогли, въ виду многочисленности непріятеля, удержать черкесовъ, ворвавшихся въ кордонъ. Тѣмъ не менѣе, казаки съ невѣроятными усиліями, вытѣснили непріятеля, изломавъ пики и дѣйствуя прикладами ружей. Въ то-же время изъ главнаго Екатеринодарскаго кордона и изъ станицы Пашковской бросились подкрѣпленія къ Великомарьинскому кордону. Завязалась борьба внѣ кордона и горцы, тѣснимые казаками, ушли за Кубань. Въ обѣихъ стычкахъ убито было 2 казака и ранено 6. Какой уронъ понесли черкесы, трудно было опредѣлить, но въ стѣнахъ самаго кордона казаки замѣтили 6 тѣлъ, увозимыхъ горцами.

По дошедшимъ до войскового начальства слухамъ, между шапсугами и натухайцами назрѣлъ планъ нападенія на Лабинское укрѣпленіе и, благодаря льду на Кубани, набѣга на Черноморію. Скопище до 6000 человѣкъ было будто бы собрано уже 1 февраля. Такъ какъ у черкеса одного общества былъ украденъ пистолетъ черкесомъ другого общества, то черкесы поссорились и около 3000 чел. разошлось по домамъ. Со стороны начальства кордонной линіи были сдѣланы, въ виду всѣхъ этихъ слуховъ, соотвѣтствующія распоряженія.

На разсвѣтѣ 3 февраля толпа до 3000 горцевъ—шапсуговъ, абадзеховъ и натухайцевъ, переправилась по льду черезъ Кубань и стремительно бросилась между Редутскимъ и Андреевскимъ постами на Курчанскіе хутора. Бывшіе въ разъѣздѣ 5 казаковъ были захвачены черкесами. Подполковникъ Лавровскій, съ 110 чел. конницы, бросился на выручку разъѣзда. Но подавляющее по численности скопище черкесовъ, вступивши въ рукопашную схватку съ казаками,

принудило ихъ отступить къ посту. Въ это время начальникъ Андреевскаго поста есаулъ Гусаровъ, съ 58 чел. конницы и 80 чел. пѣхоты, поспѣшилъ на выстрѣлы, но былъ также окруженъ со всѣхъ сторонъ толпой горцевъ. Казаки, имѣя убитыхъ и раненыхъ, успѣли, однако, пробиться къ пикету, возлѣ котораго они могли свободно отражать непріятеля. Тогда непріятель, собравши всѣ свои силы, обложилъ Староредутскій кордонъ, а пѣшіе черкесы начали зажигать стога казачьяго сѣна. Но подоспѣли еще новыя казачьи войска, и черкесы оттѣснены были за Кубань.

Во всѣхъ этихъ стычкахъ русскіе потеряли убитыми 1 урядника и 5 казаковъ, ранеными 2 урядниковъ и 8 казаковъ и контужены были 1 офицеръ, 1 урядникъ и 6 казаковъ. Черкесы увели въ плѣнъ 61 казака. Горцы потеряли значительно больше русскихъ убитыми и ранеными, но на полѣ битвы осталось только 2 тѣла, а остальныя, по обычаю горцевъ, были увезены въ горы. Впослѣдствіи лазутчики сообщили, что одни шапсуги привезли въ аулъ 18 убитыхъ и 30 раненыхъ.

На нѣкоторое время горцы прекратили набѣги значительными партіями.

Но въ полдень 12 мая около 300 чел. горцевъ, быстро переправившись черезъ Кубань между пикетомъ Отчаяннымъ и батарейкой Орѣховой, раздѣлились на 3 части, изъ которыхъ одна направилась къ Марьинской станицѣ, другая къ Новомышастовскому лиману и третья къ Новоекатерининскому посту. Начальникъ Марьинскаго поста есаулъ Савицкій, по первой-же тревогѣ съ пикета Отчаяннаго и батарейки Орѣховой, поскакалъ въ поле съ командой въ 31 чел. и стремительно напалъ на первую черкесскую партію, собиравшуюся угнать стадо Марьинской станицы. Сдѣлавши нѣсколько выстрѣловъ, казаки ударили на горцевъ въ пики и опрокинули ихъ, отбивши двухъ плѣнныхъ пастуховъ и нѣсколько головъ скота.

Вынудивши, такимъ образомъ, первую партію черкесовъ искать спасенія въ разсѣянномъ бѣгствѣ, казаки бросились на перерѣзъ второй партіи, гнавшей 40 лошадей. И эта партія была разбита и разсѣяна казаками, а лошади отняты.

Не смотря на усталость лошадей, отрядъ Савицкаго бросился догонять третью партію горцевъ, гнавшихъ нѣсколько паръ воловъ. Но здѣсь подоспѣли къ храбрымъ казакамъ команды изъ Великолагернаго, Елинскаго и Новоекатерининскаго постовъ. Тутъ ужъ горцы были окончательно разбиты, разсѣяны, и едва успѣли уйти за Кубань, лишившись всей своей добычи.

Такимъ образомъ, отрядъ есаула Савицкаго разбилъ двѣ партіи горцевъ, изъ которыхъ каждая превышала его численностью почти въ 4 раза и настигъ третью такую-же партію. Кромѣ убитыхъ и раненыхъ горцевъ, увезенныхъ по обычаю въ горы на родину, на мѣстѣ осталось 4 тѣла убитыхъ, 1 раненый и 1 утонувшій въ лиманѣ. У казаковъ же ранено было 3 человѣка и 3 лошади.

Въ приказѣ 1 іюня 1848 г. наказный атаманъ генералъ Рашпиль выразилъ особую благодарность храбрымъ казакамъ Марьинскаго поста и ихъ командиру Савицкому.

Послѣдній набѣгъ черкесовъ на Черноморію былъ произведенъ въ началѣ декабря. Сначала партія изъ 300 чел. натухайцевъ прорвалась черезъ Кубань у Староредутскаго поста, но была во время замѣчена казаками и отброшена снова за Кубань. Другая, болѣе многочисленная партія, напала на Курчанскіе хутора и, захвативши здѣсь въ плѣнъ двухъ человѣкъ и 62 шт. рогатаго скота, скрылась съ ними за Кубанью. Это были также натухайцы. Въ то время, когда они отправились на р. Псебебсъ дѣлить скотъ, оставивши безъ защиты свои аулы, войсковой старшина Семеняка выслалъ, въ свою очередь, отрядъ казаковъ, поручивши имъ взять оставленные безъ защиты аулы. Казаки успѣли захватить здѣсь 1 натухайца, 1 дѣвочку, 17 головъ рогатаго скота и 425 шт. овецъ. Натухайцы, узнавши объ этомъ, пытались въ третій разъ прорваться черезъ границу, чтобы возвратить свои потери, но были разбиты, разсѣяны и еле спаслись бѣгствомъ за Кубань отъ преслѣдовавшихъ ихъ казаковъ.

Слѣдующій 1849 г. начался мелкими стычками казаковъ съ черкесами. Это были чисто случайныя стычки. Отрядъ, собранный при Ольгинскомъ укрѣпленіи, былъ направленъ для смѣны гарнизоновъ по другимъ укрѣпленіямъ. По дорогѣ отъ одного къ другому пункту на отрядъ неоднократно нападали горцы, но все это были очень незначительныя стычки. За все время было ранено только 3 казака, и 24 мая отрядъ былъ распущенъ.

Но на 22 мая произведено было нападеніе на Ольгинское укрѣпленіе и на пикетъ у Ольгинскаго моста многочисленной, до 5 тысячъ человѣкъ, толпой горцевъ. Мостъ защищали 157 чел. казаковъ съ 4 офицерами, подъ начальствомъ есаула Волкодава. По сообщенію послѣдняго, вся толпа горцевъ подраздѣлялась на 4 части, изъ которыхъ каждая имѣла свой особый значекъ—одна красный, другая зеленый, третья голубой и четвертая бѣлый. Окруживши со всѣхъ сторонъ укрѣпленіе и открывши такой усиленный огонь изъ ружей и пистолетовъ, что пулями насквозь пробивались турлучныя зданія внутри укрѣпленія, черкесы съ гикомъ бросились на плетень, защищавшій укрѣпленіе. Нападавшіе хотѣли приступомъ взять послѣднее, но открытый по нимъ изъ пушекъ огонь заставилъ ихъ отступить. Тогда горцы направили всѣ усилія на взятіе моста, чтобы перейти по нему черезъ Кубань и разграбить провіантскій магазинъ, находившійся на другой сторонѣ рѣки. Но и здѣсь штурмъ былъ отраженъ и горцы, потерявши, по предположенію казаковъ, 150 чел. убитыми, оставили на мѣстѣ 9 тѣлъ. Приверженные русскимъ шапсуги разсказывали, что неудавшійся штурмъ Ольгинскаго укрѣпленія стоилъ горцамъ до 200 чел. убитыхъ и раненыхъ. Не было рѣчки, говорили шапсуги, гдѣ бы горцы

не оплакивали убитыхъ. Обратно по дорогѣ убѣгавшими черкесами было растеряно много оружія, раненыхъ лошадей, одежды и пр.

Второе крупное столкновеніе казаковъ съ горцами произошло въ сентябрѣ. Въ началѣ этого мѣсяца изъ укрѣпленія Афипскаго была выслана команда изъ 216 казаковъ и 35 пластуновъ, при одномъ орудіи. Лишь только казаки приступили къ рубкѣ лѣса, какъ на нихъ набросилась огромная толпа черкесовъ. Казаки отразили первое нападеніе. Усилившись новыми наѣздниками, горцы произвели вторую стремительную атаку и снова были отражены пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Все это время толпа горцевъ все увеличивалась и скоро возросла до 1000 человѣкъ. Въ такомъ количествѣ горцы въ третій разъ бросились въ шашки на казаковъ, но казаки встрѣтили ихъ штыками, и на этотъ разъ такъ мужественно, что горцы вынуждены были ретироваться, оставивши на мѣстѣ боя 13 тѣлъ и 20 убитыхъ и раненыхъ лошадей. По слухамъ, они увезли съ собой еще больше раненыхъ и убитыхъ. Русскіе-же потеряли двухъ убитыми и четырехъ ранеными. Въ этихъ кровавыхъ стычкахъ особенно отличились два казака. Иванъ Черноштанъ, казакъ станицы Ивановской, сбитый съ ногъ при первомъ натискѣ непріятеля, быстро оправился и вступилъ въ борьбу съ врагомъ. Онъ убилъ главу хаджиретовъ Али-Бія Шеретлука, сына знаменитаго Казбича. Другой казакъ станицы Староеличковской, Иванъ Костенко, убилъ двухъ хаджиретовъ, но былъ такъ израненъ хаджиретами, что самъ попалъ въ плѣнъ.

Слѣдующій 1850 г. былъ болѣе или менѣе спокойнымъ для Черноморіи. Но вліяніе Магомета Амина чувствовалось еще всюду въ горахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно даже усилилось. Натухайцы были вполнѣ увѣрены, что Магометъ Аминъ установитъ у нихъ надлежащіе порядки и урегулируетъ отношенія ихъ къ Россіи, такъ какъ; подъ вліяніемъ муллъ и старшинъ, горцы часто производили набѣги на Черноморію. Шапсуги, наоборотъ, были противъ Магомета-Амина и не ожидали отъ его пропаганды никакихъ улучшеній въ своей жизни. Дѣло въ томъ, что у вліятельныхъ шапсугскихъ старшинъ были рабы, а Магометъ Аминъ проповѣдывалъ уничтоженіе рабства. Вообще же горцы были склонны къ болѣе спокойной и мирной жизни и выражали желаніе завязать торговыя сношенія съ русскими.

Но въ концѣ этого года это миролюбивое настроеніе горцевъ было нарушено русскими войсками. Русскія военныя власти нашли нужнымъ напомнить черкесамъ о силѣ русскаго оружія и послали отрядъ въ наиболѣе недоступную долину, густо заселенную черкесами. Это была Адагумская долина. Здѣсь были прекрасно обработаны земли; у населенія царило матеріальное довольство и увѣренность въ своей силѣ. Здѣсь сливались два племени адиге—натухайцы и шапсуги, стоявшіе всегда во главѣ всякихъ военныхъ предпріятій. Здѣсь же большею частью происходили сборища горцевъ,

на которыхъ рѣшались какъ вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ между горцами, такъ и планы набѣговъ на Черноморію. И вотъ въ эту, недоступную, по мнѣнію горцевъ, мѣстность и былъ посланъ русскій отрядъ изъ 2612 чел. при 4 полевыхъ и 4 горныхъ орудіяхъ. Въ отрядъ этотъ вошли, собственно, гарнизонныя войска Анапы и Новороссійска; команда надъ нимъ поручена была контръ-адмиралу Серебрякову, командиру Черноморской береговой Линіи. Въ 11 час. утра 13 декабря отрядъ двинулся изъ Новороссійска, а въ 9 час. вечера 14-го вернулся обратно въ Новороссійскъ. Лишь только русскія войска появились въ горахъ, какъ черкесы открыли по нимъ ружейный огонь. Тогда и отрядъ началъ поражать артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ горцевъ, сжигая аулы, запасы хлѣба, сѣна и пр. Это былъ урокъ самонадѣяннымъ горцамъ, но урокъ жестокій, лишившій не одну сотню населенія пристанища и имущества. Черкесы предполагали, что отрядъ двинется на рѣку Антхыръ, гдѣ они возвели укрѣпленіе и жилъ Магометъ Аминъ. Но отрядъ, переваливщій черезъ хребетъ Марткотхъ, прошелъ по р. Неберджаю до впаденія въ Адагумъ р. Бакана, и всюду, гдѣ горцы вступали въ бой съ русскими, они терпѣли пораженіе. Въ результатѣ черкесы потеряли болѣе 100 человѣкъ убитыми и ранеными; потеря-же русскаго отряда выразилась въ 2 убитыхъ, 31 раненыхъ и 22 контуженыхъ. Форсированное движеніе отряда Серебрякова на Адагумъ и обратно навело ужасъ на черкесовъ и они охотнѣе стали принимать предложенія русскихъ о присягѣ Россіи.

При такихъ условіяхъ начался 1851 г. Въ рапортѣ 12 апрѣля 1851 г. г.-л. Рашпиль сообщилъ Заводовскому, что бжедухскіе князья относились непріязненно къ Магометъ-Амину и готовы были покориться Россіи, но противъ этого были дворяне и простой народъ. Когда въ это время была прекращена торговля съ горцами на мѣновыхъ дворахъ, черкесскіе князья готовы были разорить нѣсколько ауловъ непокорныхъ горцевъ, и такъ какъ Магометъ-Аминъ грозилъ бжедухскимъ князьямъ выселеніемъ въ горы, то они были его врагами. Въ свою очередь и черкесскій народъ, лишенный торговли съ русскими и стѣсненный нѣкоторыми нововведеніями Магометъ-Амина, сталъ охладѣвать къ нему. Поэтому, предвидя близкую покорность бжедуховъ, генералъ Рашпиль находилъ какъ болѣе цѣлесообразными тѣ условія, какія предложилъ натухайцамъ контръ-адмиралъ Серебряковъ, т. е. бжедухи должны были отказаться отъ Магометъ-Амина, принять присягу на подданство Россіи, выселиться съ горъ на равнины, по мѣстамъ, указаннымъ русскимъ начальствомъ и дѣйствовать противъ непокорныхъ горцевъ за одно съ русскими войсками.

Но предположенія эти не были осуществлены мирнымъ путемъ. Какъ видно изъ сообщенія Рашпиля отъ 20 ноября 1851 г. Заводовскому, бжедухи отказались выдать аманатовъ на изложенныхъ выше условіяхъ. Вслѣдствіе этого Рашпиль сформировалъ отрядъ

изъ двухъ конныхъ полковъ и двухъ пѣшихъ батальоновъ. Съ этими силами предполагалось разгромить аулъ Энемъ, главное мѣстопребываніе бжедуховъ. Устрашенные нашествіемъ русскихъ, бжедухи волновались, но по вопросу о присягѣ раздѣлились на партіи. „Дворяне соединились съ простымъ народомъ и рѣшительно объявили, что притѣсненія князей, отсутствіе всякой справедливости въ судахъ и покровительство, оказываемое князьями ворамъ, дошли до такой степени, что народъ не хочетъ имѣть даже общихъ переговоровъ съ князьями. Тѣмъ не менѣе, подъ угрозой русскихъ разорить аулы, всѣ хамышеевцы смирились и выдали русскимъ аманатовъ.

Такъ какъ жившіе рядомъ съ бжедухами черченеевцы не желали принять присяги и выдать аманатовъ, то Рашпиль двинулъ противъ нихъ отрядъ изъ 44 офицеровъ, 2115 чел. пѣхоты, 416 чел. конницы, 8 орудій и 50 милиціонеровъ хамышеевцевъ, добровольно изъявившихъ желаніе участвовать въ экспедиціи, чтобы доказать свою вѣрноподданность Россіи. Рашпиль рѣшилъ прежде всего разгромить черченеевскій аулъ Вочапши, расположенный на р. Псекупсъ и надѣявшійся на помощь Магометъ-Амина, находившагося съ незначительными силами въ 4 верстахъ отъ него. Но лишь только передовыя колоны отряда показались у Вочапши, какъ всѣ жители безъ оружія вышли на встрѣчу русскимъ войскамъ, изъявляя готовность принять присягу и выдать аманатовъ. Рашпиль потребовалъ, чтобы сначала присягнули эффенди, муллы и гаджи, но всѣ они бѣжали частью въ лѣсъ, а частью къ абадзехамъ. Тогда присяга была принята отъ одного народа, а у родственниковъ эффенди, муллъ и гаджи были взяты заложники, которые должны были находиться у русскихъ до тѣхъ поръ, пока не явятся для присяги эффенди, муллы и гаджи. Тогда-же двинутъ былъ демонстративно отрядъ противъ Магометъ-Амина, находившагося въ трехъ верстахъ отъ мѣста дѣйствія русскихъ войскъ. Но ночью 15 декабря онъ бѣжалъ вверхъ на р. Псекупсъ. Къ 10 часамъ 15 декабря на подданство Россіи присягнули остальные близлежащіе аулы черченеевцевъ, а также возвратившіеся эффенди, муллы и гаджи. Въ 11 час. отрядъ двинулся на р. Пчасъ, гдѣ были расположены самые сильные и многолюдные черченеевскіе аулы. На другой день, 16 съ утра стали являться для принятія присяги жители ауловъ съ рѣкъ Пчаса и Мате. Къ вечеру почти всѣ черченеевцы приняли присягу. Не присягнулъ лишь самый многочисленный и богатый аулъ Псегубъ, состоявшій изъ 600 дворовъ и надѣявшійся на помощь сосѣдей абадзеховъ. Отрядъ нашелъ его пустымъ, такъ какъ населеніе бѣжало къ абадзехамъ и въ лѣса. Аулъ былъ сожженъ отрядомъ, вмѣстѣ съ запасами хлѣба и сѣна. Въ 8 ч. утра 17 декабря отрядъ направился обратно въ Черноморію. Жители Псегуба и абадзехи нѣсколько разъ пытались атаковать отрядъ, но пушечными выстрѣлами держались въ отдаленіи. Тогда горцы, собравшись въ густую толпу, бросились въ шашки на аріеръ-гардъ. Рашпиль

послалъ противъ нихъ учебную команду и хамышеевцевъ милиціонеровъ, подъ начальствомъ ротмистра гвардіи Сагатъ-Гирея. Непріятель былъ разбитъ и бѣжалъ, оставивши на мѣстѣ битвы 6 труповъ съ оружіемъ. Больше горцы не тревожили отрядъ, который въ 3 часа дня возвратился на р. Пчасъ. На другой день присягнули еще нѣкоторые аулы. Присягнули также два аула народа адемій. Въ этомъ случаѣ на присяжномъ листѣ, кромѣ народа, дали 73 подписи эффенди, муллы и гаджи. Адеміевцы выдали русскимъ 7 аманатовъ.

Благодаря отвлеченію горскихъ племенъ казаками и русскими войсками, съ одной стороны, по р.р. Лабѣ и Бѣлой, а съ другой, по всему Черноморскому побережью, гдѣ шагъ за шагомъ отнимались у черкесовъ земли и возникали мѣстами казачьи станицы и мѣстами укрѣпленія, собственно на Черноморской кордонной линіи становилось съ каждымъ годомъ все спокойнѣе и спокойнѣе. Тому же способствовало и возведеніе укрѣпленій въ Закубаньѣ на земляхъ черкесовъ, Абинскаго на р. Абинъ, Георгіе Афипскаго на р. Афипсъ и пр. Если не считать, поэтому, мелкихъ случаевъ черкесскаго воровства и мародерства, то 1852 годъ прошелъ въ предѣлахъ Черноморіи совершенно спокойно.

Въ 1853 г. это спокойствіе нарушилъ Магометъ-Аминъ. Онъ жилъ въ это время на р. Псекупсѣ и продолжалъ волновать горцевъ. Въ маѣ этого года онъ собралъ до 6000 шапсуговъ и абадзеховъ и расположился съ ними въ урочищѣ Косхапукъ и Ченипъ по р. Псекупсу. Уже одно появленіе столь значительныхъ военныхъ силъ въ горахъ произвело замѣтное впечатлѣніе на другія черкесскія племена. Бжедухи, присягнувшіе на подданство Россіи и давшіе аманатовъ въ обезпеченіе своихъ мирныхъ отношеній къ русскимъ, начали волноваться и выказывать явное намѣреніе войти въ соглашеніе съ Магометъ Аминомъ. Замѣтивши это, начальникъ отряда Кухаренко направилъ его отъ укрѣпленія Мостового вверхъ по Кубани и противъ поста Павловскаго соединился съ отрядомъ полковника Крыжановскаго. Въ теченіе ночи соединенный отрядъ, сдѣлавши значительный переходъ, утромъ 25 мая появился почти у лагеря Магометъ Амина. Часть сборища послѣдняго пришла въ замѣшательство, какъ только узнала о близости русскихъ войскъ, и въ безпорядкѣ оставила лагерь вождя, разсѣявшись по своимъ жилищамъ. Магометъ Аминъ съ абадзехами также сталъ отступать на виду русскаго отряда къ урочищу Ачгизъ. Тогда Кухаренко, въ свою очередь, двинулъ русскій отрядъ къ лѣвому берегу р. Псекупса и укрѣпился лагеремъ противъ аула Вочапши. Черкесы, замѣтивши малочисленность отряда, повернули назадъ и стали спускаться съ высотъ Косхапукъ съ явнымъ намѣреніемъ повести атаку противъ русскаго отряда съ двухъ сторонъ. Впереди горцевъ поскакали отважные мутазиги Магометъ Амина. На встрѣчу имъ были пущены изъ русскаго отряда боевыя ракеты, разстроившія мутазиговъ и причинившія имъ значительный уронъ. Когда, съ приближеніемъ горцевъ, казаки открыли пальбу по нимъ изъ ружей, му-

тазиги, сгруппировавшись, бросились во второй разъ съ шашками на русскій лагерь. Но были вновь пущены въ ряды этихъ храбрыхъ сподвижниковъ Магометъ Амина боевыя ракеты, причинившія въ этотъ разъ еще большій уронъ мутазигамъ, и вновь отступили отъ русскихъ сначала смѣшавшіеся мутазиги, а потомъ и все черкесское полчище. На виду русскаго отряда, горцы начали дѣлиться на мелкія части и направляться въ свои аулы. Военное скопище горцевъ разсѣялось и самъ Магометъ Аминъ бѣжалъ въ мегкеме, устроенное на р. Псекупсъ.

При такомъ исходѣ дѣла, бжедухи, бѣжавшіе отъ Магометъ Амина, стали открыто со всѣхъ сторонъ появляться у русскаго отряда и привѣтствовать русскія войска. Оказалось, что Магометъ Аминъ надѣялся привести къ присягѣ бжедуховъ, не встрѣтивши сопротивленія со стороны русскихъ. Его убѣдили въ этомъ абадзехи. Когда же планы Магометъ Амина не удались, онъ велѣлъ мутазигамъ схватить одного абадзехскаго дворянина и казнить его, заподозривши въ немъ измѣнника. Но всѣ знали, что этотъ дворянинъ былъ ни въ чемъ неповиненъ, и абадзехи еле успокоили раздраженнаго наиба и спасли невиннаго человѣка.

Въ этомъ же году пластуны выказали геройскую храбрость въ мелкой стычкѣ съ черкесами. Въ приказѣ 30 іюля 1853 г. генералъ-майоръ Кухаренко благодарилъ трехъ пластуновъ—Гуртового, Рогача и Чернегу за ихъ геройскій подвигъ. Темною ночью пластуны залегли секретомъ у плетня станицы Елизаветинской. Замѣтивши, какъ прокрадывались въ станицу 10 вооруженныхъ черкесовъ, пластуны рѣшили, во что бы то ни стало, не пустить ихъ въ станицу. Но силы были неравны. Сдѣлавши залпъ изъ трехъ ружей и ранивши нѣсколько черкесовъ, пластуны бросились въ погоню за уходившими къ Кубани черкесами; но черкесы, замѣтивши, что ихъ преслѣдовали только три человѣка, остановились и вступили въ рукопашный бой съ казаками. Пластуны, изъ которыхъ Гуртовый былъ раненъ въ ногу, продолжали храбро наступать на горцевъ, убили одного изъ нихъ, не дали его товарищамъ взять его тѣло съ собою и, продолжая тѣснить остальныхъ черкесовъ, заставили ихъ бѣжать за Кубань.

Въ ноябрѣ 1853 г. г.-м. Кухаренко донесъ командующему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, что Магометъ Аминъ окончательно утвердилъ свое положеніе между абадзехами. На всѣхъ значительныхъ рѣчкахъ онъ устроилъ мегкеме, укрѣпленные пункты, гдѣ содержались подъ стражей нарушители порядковъ, установленныхъ Магометъ Аминомъ. Шапсуги отнеслись съ уваженіемъ къ Магометъ Амину, но не позволили строить мегкеме на всѣхъ рѣчкахъ, а назначили для этого только два мѣста на рр. Хабль и Антхыръ. Натухайцы, считавшіеся мирными, измѣнили Россіи и обращались за помощью къ Магометъ Амину, который, однако, давалъ имъ только совѣты.

Въ августѣ изъ Константинополя черезъ Трапензундъ и Батумъ прибылъ къ абадзехамъ Ханъ-Кумыкъ, прозванный просто Хану-

комъ. Ханукъ привезъ Магометъ Амину изъ Турціи дипломъ на почетное званіе и два ордена съ брилліантами. Наибъ жилъ у абадзеховъ, а Ханукъ агитировалъ между шапсугами и натухайцами. Магометъ Аминъ намѣренъ былъ собрать ополченіе и идти съ нимъ на Черноморское побережье или на Черноморію, но шапсуги и натухайцы удержали его, въ виду близости русскихъ войскъ.

Кухаренко съ своей стороны просилъ разрѣшенія произвести рядъ военныхъ набѣговъ зимою на натухайскіе аулы, измѣнившіе Россіи. Лазутчики донесли русскимъ, что изъ Турціи прибыли два судна, выгрузившія между р.р. Вуланъ и Геленджикъ порохъ, свинецъ и желѣзо. Магометъ Аминъ велѣлъ собрать 1000 лошадей и столько же быковъ для подъема всѣхъ тяжестей. Мирные бжедухи получили изъ Константинополя отъ Сеферъ-бея письмо, извѣщавшее ихъ, что Турція объявитъ войну Россіи. Письмо Сеферъ-бея натухайцы должны были передать темиргоевцамъ, бесленеевцамъ, махошевцамъ, ногайцамъ и кабардинцамъ.

Въ 1854 г. 21 января Кухаренко извѣстилъ главнокомандующаго, что черкесскій князь Пшемафъ Кончуковъ доставилъ ему письмо Магометъ Амина, въ которомъ наибъ приглашаетъ мусульманъ поднять вмѣстѣ съ турецкимъ султаномъ оружіе противъ русскихъ, подъ угрозою разоренія ауловъ у ослушниковъ. Въ январѣ въ аулъ мирныхъ черкесовъ Бжегокай пріѣхалъ богатый и вліятельный убыхъ Зеймъ, гостившій у мѣстнаго уорка Койсоко Бенегако, подъ видомъ жениха его дочери. Зеймъ увѣрилъ бжедуховъ, что скоро явятся турецкія войска, которыя отнимутъ у казаковъ Екатеринодаръ и займутъ Черноморію. Бжедухи, какъ ближайшіе сосѣди черноморцевъ, находятся въ выгодномъ положеніи и первыми займутъ лучшія мѣста въ Черноморіи. Разсказамъ этимъ вѣрили не только рядовые черкесы, простой народъ, но уорки и князья. Кухаренко далъ порученіе приверженнымъ Россіи черкесамъ схватить Зейма и доставить его ему, но раньше, чѣмъ сдѣлано было это распоряженіе, Зеймъ уѣхалъ отъ бжедуховъ, обѣщая пріѣхать черезъ 15 дней за невѣстой. „Подобнымъ образомъ, пишетъ Кухаренко, Зеймъ обыкновенно беретъ дѣвицъ въ жены и потомъ перепродаетъ ихъ туркамъ; такихъ случаевъ было два.“

Подъ вліяніемъ агитаціи Магометъ Амина и разнаго рода слуховъ о предстоящей войнѣ и дѣятельномъ участіи въ ней турокъ и благодаря льду на Кубани, черкесы, по сообщенію Кухаренка, дѣлали ежедневныя мелкія нападенія на кордонную линію. По другому сообщенію того же Кухаренка, „вторая половина января 1854 г. прошла на Черноморской кордонной линіи въ безпрерывныхъ нападеніяхъ непріятеля огромными партіями“, но нападенія всюду были отражены. Магометъ Аминъ приказалъ дѣлать, во что бы то ни стало, набѣги, если бы они даже не достигали обычной у черкесовъ цѣли—захвата добычи скотомъ, людьми и имуществомъ.

Въ началѣ этого года черкесами былъ произведенъ съ довольно значительными силами набѣгъ на линію, окончившійся, однако,

совершенно неожиданнымъ для нихъ исходомъ, благодаря остроумному пріему отраженія, придуманному подполковникомъ Могукоровымъ, природнымъ черкесомъ, превосходно знавшимъ характеръ и привычки своихъ единоплеменниковъ. Русскіе лазутчики узнали, что до 1000 горцевъ собралось въ урочищѣ Цохо и Уніабатъ, намѣреваясь перейти ночью 19 января по льду Кубань и разгромить Кочатинскіе хутора. Чтобы заградить путь черкесамъ, подполковникъ Могукоровъ придумалъ одну изъ военныхъ хитростей, практиковавшихся на Черноморской кордонной линіи. Выбравши 45 отборныхъ казаковъ 5-го коннаго полка, 2 офицеровъ, 7 урядниковъ и 6 трубачей, Могукоровъ скрытно пробрался въ 10 часовъ вечера къ мѣсту переправы черкесовъ черезъ Кубань. Четырехъ лучшихъ пластуновъ—Задорожняго, Бѣлошапку, Фесенка и Бѣлаго, онъ поставилъ на самомъ видномъ пунктѣ переправы, а остальные въ другихъ мѣстахъ, и приказалъ имъ, чтобы они стрѣляли только въ упоръ горцамъ. Въ два часа ночи стали появляться черкесы на льду Кубани—сначала конные, а потомъ пѣшіе. Скоро толпа тѣхъ и другихъ возросла до 300 человѣкъ. Пластуны строго выполнили приказаніе Могукорова и, когда черкесы подошли къ нимъ почти вплотную, открыли ружейный огонь. Первыми же четырьмя выстрѣлами были убиты на повалъ четыре черкеса, а затѣмъ пали двѣ лошади. Черкесы подняли ужасный крикъ. Въ это время и остальная часть команды Могукорова, разставленная въ разныхъ мѣстахъ, начала поражать ружейными выстрѣлами дрогнувшую толпу черкесовъ. Черкесы и лошади возились по льду Кубани, но толпа продолжала мужественно идти черезъ Кубань по льду подъ убійственными выстрѣлами казаковъ. Могукоровъ замѣтилъ, что въ толпѣ было не менѣе 800 человѣкъ. Какъ природный черкесъ, превосходно знавшій черкесскія нарѣчія, Могукоровъ услышалъ, что черкесы замѣтили малочисленность русской команды и стали сговариваться о томъ, чтобы ударить въ шашки на русскихъ. Тогда Могукоровъ приказалъ трубачамъ громко заиграть наступленіе. Лишь только горцы услышали звуки трубъ, какъ въ паническомъ страхѣ бросились назадъ въ лѣсъ, оставивши на льду убитыхъ лошадей, оружіе и сбрую и успѣвши увезти только убитыхъ и раненыхъ товарищей. Этимъ бѣгствомъ и окончилось предпріятіе черкесовъ. Благодаря своему остроумному пріему Могукоровъ безъ всякой потери казаковъ ввелъ въ заблужденіе огромное полчище горцевъ и заставилъ ихъ уйти за Кубань, не выполнивши задуманнаго ими плана набѣга на Черноморію.

Севастопольская кампанія, начавшаяся въ 1855 г., сулила въ этомъ году серьезныя военныя столкновенія казаковъ съ горцами. Черкесы должны были воспользоваться подходящимъ моментомъ и отплатить сосѣдямъ сторицею за тѣ ужасныя опустошенія, какія производили въ черкесскихъ аулахъ и на черкесскихъ поляхъ казаки и русскія войска во время походовъ за Кубань. Съ началомъ севастопольской войны, дѣйствительно всюду между черкесами начались

волненія и строились планы набѣга на русскія владѣнія. И это было тѣмъ естественнѣе, что военными противниками Россіи были вмѣстѣ съ англичанами, французами и итальянцами, и турки. Волненія коснулись даже мирныхъ черкесовъ. Какъ видно изъ отношенія наказнаго атамана отъ 16 августа 1855 г., мирные черкесы обнаружили явное желаніе соединиться съ черкесами враждебными русскимъ и повести соединенными силами борьбу съ казаками. Сами черкесы ожидали всеобщаго возстанія черкесскихъ племенъ въ горахъ и вполнѣ расчитывали на помощь со стороны Турціи. Даже черкесы, жившіе долгое время въ Черноморіи, получавшіе отъ русскаго правительства ордена, жалованье и пенсію, бросали насиженныя въ Черноморіи мѣста и уходили за Кубань. Съ нихъ впослѣдствіи сняты были чины и ордена и рѣшено было ни въ какомъ случаѣ не возвращать имъ ни чиновъ, ни пенсій, а впредь селить мирныхъ черкесовъ только въ землѣ войска Донского. Но, во время севастопольской войны, мирные черкесы не думали объ этомъ и были увѣрены въ обезсиленіи русскихъ и въ возможности полной независимости черкесскихъ племенъ.

Въ числѣ первыхъ измѣнили русской присягѣ бжедухи, ставшіе открыто на сторону Турціи. Полковникъ Бабычъ 13 сентября донесъ наказному атаману Филипсону, что гарнизономъ укрѣпленія Варениковскаго приняты мѣры предосторожности, въ виду враждебнаго настроенія какъ мирныхъ, такъ и независимыхъ горцевъ. Русскіе лазутчики сообщили, что на полянѣ Охосъ, въ 8 верстахъ отъ форта Раевскаго, собрались въ значительномъ количествѣ конные и пѣшіе черкесы, многіе съ оружіемъ, а другіе съ топорами и даже палками. Скопище это намѣревалось сдѣлать нападеніе на Варениковское укрѣпленіе. И дѣйствительно, какъ сообщилъ полковникъ Бабычъ, на разсвѣтѣ 20 сентября до 3000 горцевъ конныхъ и пѣшихъ показались у Варениковскаго укрѣпленія. Обложивши это укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ, они небольшими партіями подскакивали къ укрѣпленію и безрезультатно стрѣляли по немъ. Ночью черкесская пѣхота съ 3 сторонъ подползла къ укрѣпленію и съ гикомъ открыла ружейный огонь. Горцы нѣсколько разъ повторяли этотъ маневръ; но готовому къ сраженію гарнизону строго приказано было не отвѣчать черкесамъ на выстрѣлы и ждать, пока они подойдутъ къ укрѣпленію на самое близкое разстояніе. Горцы, въ свою очередь, прекратили эту безрезультатную атаку и до разсвѣта ничего не предпринимали. Съ восходомъ солнца 21 сентября конные горцы съ значками стали подъѣзжать къ укрѣпленію и стрѣлять по немъ. Но и русскія войска на этотъ разъ рѣшили дѣйствовать. Пластуны сдѣлали засаду за укрѣпленіемъ и, лишь только подскакали къ укрѣпленію черкесскіе всадники, какъ пластуны сдѣлали по нимъ залпъ. Нѣсколько владниковъ и лошадей свалились отъ этихъ выстрѣловъ. Черкесы снова бросились на укрѣпленіе и снова были встрѣчены залпами пластуновъ. Потерпѣвши

такимъ образомъ, неудачу они бѣжали отъ укрѣпленія, оставивши на мѣстѣ убитыми двухъ всадниковъ и трехъ лошадей. Въ 11 час. утра все сборище горцевъ направилось обратно въ горы.

Въ самое удобное время для черкесовъ, когда союзныя войска бомбардировали въ разныхъ мѣстахъ Черноморію, горцы дѣйствовали неумѣло и нерѣшительно. Самъ Магометъ Аминъ, продолжавшій волновать горцевъ. не успѣлъ воспользоваться этимъ моментомъ, благодаря соперничеству съ Сеферъ-беемъ. По сообщенію сотника Гетманова отъ 13 сентября генералу Рашпилю, Магометъ Аминъ образовалъ большое сборище горцевъ, но не успѣлъ ничего съ ними сдѣлать;—черкесское ополченіе разстроилось, такъ какъ Омеръ-Паша, командовавшій турецкими войсками на Черноморскомъ побережьи, потребовалъ черезъ Сеферъ-бея, чтобы въ Батумскій турецкій корпусъ были посланы въ подкрѣпленіе черкесскія войска. Требованіе это было настолько нетактичнымъ и трудно выполнимымъ, что разочарованные и возмущенные горцы разбрелись по домамъ.

Насталъ 1856 г., годъ расправы русскихъ съ черкесами, измѣнившими присягѣ. Военныя власти рѣшили наказать примѣрно главнымъ образомъ бжедуховъ. Намѣченъ былъ главный центръ бжедухскихъ ауловъ—Энемъ. Для разгрома Энемскаго аула былъ образованъ отрядъ изъ 2971 чел. пѣхоты, 736 конницы, 8 орудій и 12 ракетныхъ станковъ. Командиромъ отряда назначенъ былъ полковникъ Борзикъ. Расположенный въ болотахъ, Энемъ былъ окруженъ тройной оградой изъ частокола. Русскіе, прежде чѣмъ атаковать укрѣпленный такимъ образомъ аулъ, выстрѣлами изъ орудій разрушили ограду. Этимъ временемъ воспользовались черкесы и часть ихъ успѣла скрыться за рѣку Супъ, угнавши туда-же и скотъ. Оставшіеся въ аулѣ жители, исключительно мужчины, заперлись въ сакляхъ и защищались тамъ до тѣхъ поръ, пока не погибли въ пламени подожженнаго аула. Кромѣ аула, было сожжено болѣе 2000 стоговъ сѣна и хлѣба. При обратномъ движеніи отряда разоренные горцы ожесточенно преслѣдовали русскихъ. Ихъ предводитель, главный эффенди, подававшій всѣмъ примѣръ необычайной храбрости, былъ раненъ съ 5 своими сподвижниками. Замѣтивши это, черкесская пѣхота бросилась къ своему вождю, но туда же со всѣхъ сторонъ направились и русскіе. Завязалась упорная борьба. Раненый и буквально таки изрѣшетенный пулями эффенди не сдавался въ плѣнъ. Сидя на землѣ съ заряженнымъ ружьемъ въ рукахъ, онъ никого не подпускалъ къ себѣ. Когда онъ, наконецъ, выстрѣлилъ изъ ружья, то подбѣжавшіе къ нему казаки, нашли его уже мертвымъ. Сколько вообще было убито и ранено горцевъ трудно было учесть. Въ русскомъ же отрядѣ оказалось 3 убитыхъ и раненыхъ 1 офицеръ и 10 нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, горцы, не участвовавшіе въ сраженіи, захватили въ плѣнъ офицера и урядника перешедшихъ неосторожно черезъ рѣку, гдѣ скрывались эти черкесы.

Линейные казаки пятидесятыхъ годовъ

Глава XVII.

БОРЬБА СЪ ГОРЦАМИ НА СТАРОЙ И НОВОЙ ЛИНІЯХЪ.

Въ 1841 г. рѣшено было окончательно заселить Новую Линію по рѣкѣ Лабѣ. Благодаря этому колонизаціонному плану, въ составъ русскихъ владѣній вошла огромная площадь земель между Кубанью и главнымъ ея притокомъ Лабой. На этомъ пространствѣ считались уже покоренными ногайцы, карачаевцы и нѣкоторыя другія племена, то принимавшія присягу на подданство России, то измѣнявшія ей. Необходимо было окончательно покорить какъ эти племена, такъ и другихъ горцевъ, часто тревожившихъ своими набѣгами русскія владѣнія. Рѣшеніе заселить Новую Линію казачьими станицами вытекало, такимъ образомъ, изъ естественнаго хода тѣхъ событій, изъ которыхъ слагалась длительная борьба русскихъ войскъ съ горцами. Вотъ почему русскія военныя власти, по крайней мѣрѣ за 3 года впередъ, начали приводить въ исполненіе колонизаціонный планъ Новой Линии.

Генералъ-адъютантъ Граббе 18 мая 1840 г. писалъ изъ г. Ставрополя начальнику праваго фланга Кавказской Линіи г.-м. Зассу, что, въ виду усиленныхъ военныхъ дѣйствій со стороны черкесовъ на Черноморскомъ побережьѣ и общаго возстанія ихъ въ Закубанскомъ краѣ, необходимо усилить дѣйствующія войска на Кавказѣ, чтобы нанести горцамъ одновременно рѣшительное пораженіе. Такъ какъ Зассу поручено было перенесеніе кордонной линіи съ Кубани на Лабу, то генералъ Граббе увѣдомлялъ Засса, что, по его просьбѣ, отрядъ будетъ пополненъ новыми войсками. На первое время предполагалось назначить на Новую Линію 3 батальона пѣхоты, 1 казачій Донской полкъ и конно-артиллерійскую казачью роту съ 8 орудіями; позже—еще 1 батальонъ Кабардинскаго полка, а затѣмъ предполагалось передвинуть на Новую Линію и другія мѣстныя войска, въ замѣнъ которыхъ предстояло перевести на Кавказъ новыя военныя части изъ Россіи. Предоставляя полную свободу дѣйствій Зассу, генералъ Граббе высказалъ увѣренность, что Зассъ успѣетъ произвести постройку укрѣпленій по Лабѣ еще въ нынѣшнемъ году, съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ половинѣ августа начать главныя наступательныя дѣйствія противъ абадзеховъ, шапсуговъ и другихъ горскихъ племенъ. Генералъ Граббе намѣренъ былъ принять подъ свою личную команду предназначенный для этихъ дѣйствій отрядъ.

Въ августѣ и сентябрѣ 1840 г. дѣйствительно начались уже наступательныя дѣйствія русскихъ войскъ противъ горцевъ. Генералъ Зассъ донесъ Граббе, что 2 сентября его отрядъ выступилъ изъ

лагеря у Махошевской просѣки, а 5 на разсвѣтѣ прибылъ на рѣку Бѣлую, совершивши въ трое сутокъ переходъ въ 150 верстъ. „Всѣ мѣры, писалъ Зассъ, были приняты, чтобы скрыть движеніе наше для внезапнаго нападенія на непріятеля. Мы шли ночами безъ дорогъ, и скрывались днемъ въ оврагахъ и лѣсахъ;“ но всетаки русскій отрядъ не могъ пройти незамѣченнымъ. Лишь только онъ показался у р. Бѣлой, какъ выстрѣлы изъ ружей и крики бывшихъ на караулѣ у рѣки абадзеховъ подали сигналъ къ тревогѣ. Стрѣлки успѣли занять лѣсъ, несмотря на противодѣйствіе непріятеля. Часть войскъ Зассъ выслалъ впередъ противъ абадзеховъ, чтобы отбросить непріятеля и дать возможность отдохнуть отряду и „поѣсть каши“. Въ лѣсу и на поляхъ закипѣла перестрѣлка. Егеря, линейные и донскіе казаки тѣснили горцевъ, отступавшихъ и не желавшихъ оставить нѣсколько тѣлъ и бѣгавшихъ безъ всадниковъ лошадей.

Русскимъ не было смысла дальше скрываться отъ непріятеля. Зассъ старался завязать дѣло съ абадзехами гдѣ-нибудь на открытомъ мѣстѣ, чтобы нанести имъ рѣшительное пораженіе. Зная горячность этихъ горцевъ, онъ помѣстилъ въ засаду три сотни казаковъ Кубанскаго полка и, сражаясь съ абадзехами, навелъ ихъ на эту засаду. Когда абадзехи вышли изъ лѣса и отдалились отъ него, кубанскіе казаки, бывшіе въ засадѣ, внезапно бросились на нихъ, смяли и, съ большимъ урономъ, снова прогнали въ лѣсъ. Послѣ этого сами абадзехи оставили поле дѣйствія и разошлись по auламъ. Зассъ также отступилъ къ Махошевской просѣкѣ, потерявши въ отрядѣ 1 убитымъ и 7 ранеными.

Въ половинѣ октября 1840 г. генералъ Зассъ донесъ г.-а. Граббе, что, вслѣдствіе волненій въ Чечнѣ, обнаружили враждебное настроеніе къ русскимъ и абадзехи и стали собираться въ значительныя толпы для нападенія на русскія владѣнія. Чтобы предупредить нападеніе, Зассъ составилъ отрядъ изъ 550 чел. пѣхоты и 1000 линейныхъ казаковъ при двухъ пѣшихъ и четырехъ конныхъ орудіяхъ. Отрядъ этотъ въ 2 ч. дня, 7 октября, прибылъ на рѣку Ходзъ, при впаденіи въ нее Губса, и расположился здѣсь лагеремъ. Чтобы использовать движеніе отряда въ мѣста расположенія горскаго населенія, Зассъ одновременно велъ здѣсь и съемки мѣстности. Дождь и туманъ 8 октября препятствовали съемкѣ; 9 и 10 дни были ясные и съемка велась очень успѣшно; 11 октября отрядъ двинулся къ Длинному лѣсу на рѣкѣ Псефиръ. Здѣсь горцы загородили дорогу русскимъ войскамъ. Завязалось сраженіе. Дѣйствіемъ орудій отрядъ очистилъ лѣсъ, вытѣснивши изъ него горцевъ. Съ 12 по 15 октября продолжалась съемка разныхъ мѣстъ, примыкающихъ къ Новой Линіи. Всего снято было за Лабой болѣе 1600 кв. верстъ, и отрядъ вернулся назадъ, расположившись снова легеремъ противъ возводимаго Темиргоевскаго укрѣпленія.

Къ 20 апрѣля Зассъ получилъ извѣстіе, что за р. Бѣлой, выше Бжедуховскихъ ауловъ, находилось сборище абадзеховъ. Присоеди-

нивши къ прежнему отряду еще 540 чел. пѣхоты и поручивши команду всѣми казачьими полками флигель-адъютанту князю Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, а пѣхотой полковнику Лойвису, генералъ Зассъ на разсвѣтѣ 21 октября прибылъ на рѣку Гіагу и расположился здѣсь лагеремъ въ скрытомъ мѣстѣ. Ночью отрядъ двинулся дальше къ р. Бѣлой и на разсвѣтѣ 22 октября подошелъ къ переправѣ черезъ нее. Но лишь только войска приблизились къ рѣкѣ, какъ абадзехи, бывшіе въ караулѣ, выстрѣлами изъ ружей подняли тревогу. Быстро были переправлены казаки съ конными орудіями на другой берегъ рѣки, гдѣ и завязали перестрѣлку съ непріятелемъ. Абадзехи со всѣхъ сторонъ окружили казаковъ и смѣло атаковали ихъ. Но казаки опрокинули горцевъ, захватили въ плѣнъ двухъ раненыхъ и отняли 5 убитыхъ горцевъ и 6 лошадей. Когда-же переправились къ казакамъ остальныя части кавалеріи, Зассъ, продолжая борьбу съ абадзехами, выдѣлилъ особо Кавказскій и Кубанскій казачьи полки, снабдивши каждый полкъ двумя конными орудіями, приказалъ имъ жечь въ окрестностяхъ хлѣбъ и сѣно непріятелей. Когда казаки исполнили данное имъ порученіе, Зассъ, чтобы увлечь за собой горцевъ, велѣлъ отряду быстро отступать, сосредоточивши всѣ силы въ арьергардѣ, зная привычку горцевъ нападать на эту часть арміи. Зассъ не ошибся въ своемъ разсчетѣ. Лишь только абадзехи приблизились къ отряду на ружейный выстрѣлъ, какъ были осыпаны градомъ пуль и картечи изъ ружей и пушекъ, а съ фланговъ налетѣли на нихъ линейные казаки. Это такъ смѣшало и ошеломило абадзеховъ, что они отступили и больше не отваживались уже нападать на отрядъ.

Въ то же время отрядъ Засса, въ теченіе шести мѣсяцевъ, занимался возведеніемъ четырехъ укрѣпленій и трехъ постовъ на Лабинской линіи, неоднократно дрался съ непріятелемъ и сдѣлалъ рядъ просѣкъ, снявши, при помощи военныхъ топографовъ, 8000 кв. в. между Лабой и Кубанью и 1600 кв. верстъ за Лабой.

Между тѣмъ какъ все это происходило на Новой Линіи, горцы не оставляли въ покоѣ Старую Линію.

Въ ночь подъ 15 апрѣля небольшая партія горцевъ незамѣтно подкралась къ Верхне-Барсуковскому посту. Горцы осторожно начали прорѣзать плетневую ограду поста, но часовой казакъ Семенъ Харинъ услышалъ шумъ у плетня и, замѣтивши тамъ какія-то тѣни, громко спросилъ: „кто тамъ?“ Въ отвѣтъ раздался выстрѣлъ и пистолетная пуля врѣзалась въ правый бокъ казаку. Харинъ отличался храбростью и отвагой. Не обращая вниманія на острую боль отъ раны въ боку, онъ выскочилъ за ворота и сцѣпился съ первымъ горцемъ, который подвернулся ему подъ руку. Онъ быстро смялъ его подъ себя и повалилъ на землю, но горецъ успѣлъ вынуть кинжалъ и нанесъ двѣ раны казаку—въ грудь и въ лѣвую руку. Тогда Харинъ схватилъ горца за руки и навалился на него всѣмъ тѣломъ.

Выстрѣлы и шумъ отъ происходившей между казакомъ и черкесомъ борьбы были услышаны постовой командой. Казаки вско-

чили на ноги. Первымъ побѣжалъ хоперецъ Алексѣй Лобановъ, а за нимъ остальные товарищи, освобождая на ходу винтовки отъ чехловъ. Харинъ, какъ только показались казаки, крикнулъ первому изъ нихъ Лобанову, чтобы онъ вернулся назадъ на постъ и осмотрѣлъ, цѣлы ли казачьи лошади, а остальнымъ казакамъ сказалъ, чтобы они осторожно поискали въ прилегавшей къ посту мѣстности черкесовъ.

Въ попыхахъ товарищи, не обративши вниманія на то положеніе, въ которомъ находился раненый Харинъ, быстро выполнили его порученія. Одни начали осторожно „шарить“ вокругъ поста, а Лобановъ, удостовѣрившись въ наличности лошадей, снова выбѣжалъ къ Харину. Тутъ только онъ замѣтилъ, что Харинъ держалъ подъ собою черкеса, но, не обладая ни выдержкой, ни распорядительными наклонностями своего товарища, онъ, въ порывѣ гнѣва, выстрѣлилъ изъ ружья и убилъ горца на повалъ. Тогда только сильно израненный и окровавленный Харинъ позаботился о собственной особѣ и и былъ смѣненъ другимъ часовымъ.

Остальные горцы, пользуясь темнотою ночи, успѣли уйти отъ казаковъ, а Харинъ поступилъ на излѣченіе. Когда онъ совершенно вылѣчился отъ ранъ, то получилъ Георгія IV ст.

Утромъ 3 ноября около 100 горцевъ перешли на Старую Линію между Хумарою и Усть-Джегутою, захватили съ собою ногайскихъ лошадей съ 8 табунщиками и переправились обратно черезъ Кубань. Въ полдень горцы снова перешли на правый берегъ Кубани и пытались даже атаковать Хумару, но, потерявши 4 убитыми, ушли вверхъ по Кубани. Выстрѣлы на Хумаринскомъ укрѣпленіи всполошили сторожевыя части. Тревога поднялась по всей линіи и отовсюду понеслись команды къ Хумарамъ. Въ числѣ первыхъ сюда изъ Баталпашинска прискакалъ съ 35 казаками и двумя конными орудіями самъ командиръ Хоперскаго полка майоръ Игельстромъ.

Но было уже поздно. Тутъ ужъ разыгралась ужасная кровавая драма.

Съ Хумаринскаго укрѣпленія и поста Ямановскаго казаки замѣтили на правой сторонѣ Кубани, большое стадо барановъ, которое гнало болѣе сотни всадниковъ. Эта шайка горцевъ захватила карачаевскихъ барановъ на Кисловодской линіи и гнала ихъ къ себѣ на Кубань. Урядникъ хоперскаго полка Колесниковъ, захвативши съ собою урядника Филонова съ 14 казаками Ямановскаго поста и присоединивши къ нимъ въ Хумарахъ карачаевскаго князя Саралыпъ Лоова и трехъ донскихъ казаковъ донскаго Грекова № 6 полка, помчался на перерѣзъ горцамъ къ переправѣ на Кубани.

Туда же направились и черкесы. Закипѣлъ ожесточенный бой. Неравенство силъ сразу же сказалось. На каждаго казака приходилось по крайней мѣрѣ по пяти горцевъ. Къ тому же горцы успѣли занять выгодную позицію, которая позволила имъ буквально таки разстрѣлять защитниковъ линіи. Окруживши со всѣхъ сторонъ

казачью команду, они задавили ее своею численностью. Казаки не пошли на уступку и не сдались въ плѣнъ. „Всѣ сіи храбрые, доносилъ майоръ Игельстромъ г.-ад. Граббе, пали жертвою неустрашимости“. Вмѣстѣ съ людьми были перебиты и всѣ лошади. Не было ни одного трупа между людьми и лошадьми, въ которомъ не оказалось бы, по свидѣтельству Игельстрома „менѣе шести пуль“.

Горцы успѣли переправить черезъ Кубань баранту и угнать ее въ горы значительно раньше, чѣмъ прибылъ на мѣсто происшествія полковникъ Игельстромъ съ отрядомъ.

Въ апрѣлѣ 1841 г. отрядъ Засса занимался приведеніемъ въ порядокъ дорогъ, которыя должны были связать Новую Лабинскую Линію съ казачьими станицами и укрѣпленіями по Кубани. Съ 26 апрѣля инженеръ Ровинскій велъ работы по разбивкѣ и трассировкѣ на р. Чамлыкъ Ново-Донецкаго укрѣпленія подлѣ стараго Жировскаго, подлежавшаго уничтоженію. Сюда, на усиленіе мѣстнаго гарнизона, были посланы 375 казаковъ Хоперскаго полка и 2 роты пѣхоты. Въ теченіе 27 и 28 апрѣля продолжалась разработка дорогъ. Вечеромъ 28 апрѣля прибыло еще 1125 казаковъ Кубанскаго, Кавказскаго и Ставропольскаго полковъ, при 6 конныхъ орудіяхъ. Въ это время ген. Зассъ получилъ извѣстіе, что абадзехи, увлеченные успѣхами убыховъ на Черноморскомъ побережьѣ и подкрѣпляемые шапсугами и убыхами, рѣшили разомъ напасть на Зассовское укрѣпленіе на Новой Линіи и на Абинское въ Закубаньѣ. Чтобы предупредить движеніе горцевъ на Новой Линіи, Зассъ двинулся съ 3 казачьими полками и конными орудіями за Кубань. Полки благополучно переправились вплавь черезъ Кубань, но рѣка Бѣлая, называвшаяся черкесами Шау-гнаше, т. е. бѣшеная рѣчка, была такъ полна и бурна отъ прилива горныхъ водъ, что переправа оказалась невозможной и отрядъ вынужденъ былъ возвратиться назадъ.

Съ 1 по 15 іюня г.-л. Зассъ посылалъ отдѣльныя части войскъ къ строющейся на р. Чамлыкѣ станицѣ Ставропольской, а самъ Зассъ дѣлалъ поиски по р. Тегень, гдѣ жили покорившіеся Россіи бесленеевцы. Черезъ нѣсколько дней генералъ Зассъ, желая предупредить готовившіяся на устраиваемыя станицы нападенія, перешелъ близъ Махошевскаго укрѣпленія черезъ Лабу съ 5 баталіонами пѣхоты, 1368 казаками Линейнаго и 670 Донскаго войскъ, при 6 конныхъ и 4 пѣшихъ орудіяхъ. Такъ какъ, по слухамъ, большое скопище горцевъ собралось близъ новыхъ поселеній егерухаевцевъ, то туда и направленъ былъ и отрядъ. Два аула, Себеней и Джаракай, были застигнуты врасплохъ и немедленно разорены. Въ это время собрались значительныя силы горцевъ. Завязалось жаркое дѣло, окончившееся побѣдой русскихъ. Русскіе взяли въ плѣнъ 8 душъ населенія, до 100 лошадей и 400 шт. рогатаго скота. Убитыхъ и умершихъ отъ ранъ со стороны русскихъ было 22 и легко раненыхъ 57 человѣкъ. Потери непріятеля были болѣе значительны, но точное число убитыхъ и раненыхъ осталось неизвѣстнымъ.

Позже на Линіи было лишь нѣсколько мелкихъ случаевъ столкновенія казаковъ съ горцами. Этими мелкими набѣгами руководили, главнымъ образомъ, русскіе дезертиры. Съ 1841 г. самымъ опаснымъ руководителемъ у черкесовъ въ этомъ отношеніи былъ сотникъ Лабинскаго полка Атарщиковъ, бѣжавшій въ октябрѣ къ черкесамъ и успѣвшій побывать съ шайкой въ 40 джигитовъ на Кисловодской Линіи въ октябрѣ же.

На Старую Линію горцы пробирались большею частью мелкими партіями. Но въ полдень 19 октября 1841 г. до 1000 черкесскихъ всадниковъ переправились черезъ Кубань двумя партіями и одновременно произвели атаку на станицу и крѣпость Усть-Лабинскую. Сначала горцы имѣли нѣкоторый успѣхъ и привели въ замѣшательство гарнизонъ и жителей, но потомъ гарнизонъ и казаки вытѣснили горцевъ и заставили ихъ совсѣмъ отступить. Черкесы пошли вверхъ по р. Лабѣ, а Зассъ, узнавши объ этомъ, немедленно двинулъ отрядъ, подъ командой полковника Вильде, въ верховья р. Псефиръ, предоставивъ ему дѣйствовать тамъ по усмотрѣнію. Предположенія Засса оправдались. На разсвѣтѣ 23 октября, на правомъ берегу Псефира, въ 30 верстахъ отъ укрѣпленія Махошевскаго, горцы наткнулись на отрядъ Вильде и были разбиты на голову.

Пораженіе, нанесенное абадзехамъ отрядомъ Вильде не удовлетворило Засса. Въ январѣ 1842 г. при станицѣ Ладожской былъ составленъ сильный отрядъ въ 4500 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи съ 10 орудіями, который и двинутъ былъ 4 февраля за р. Бѣлую. Отрядъ проникъ въ заповѣдные абадзехскіе лѣса, разгромилъ три непріятельскихъ аула, нанесъ сильное пораженіе абадзехамъ и вернулся обратно на Старую Линію съ черкесскимъ скотомъ и имуществомъ.

Черкесы, съ своей стороны, старались платить русскимъ тѣмъ же. Утромъ 9 октября 1842 г. около 70 черкесскихъ всадниковъ переправились черезъ Кубань въ двухъ верстахъ ниже станицы Барсуковской и быстро двинулись къ Темнолѣсской крѣпости. Резервъ станицы Барсуковской, въ составѣ 70 всадниковъ, поскакалъ въ погоню за горцами, настигъ ихъ въ балкахъ близъ Бабскаго поста и вступилъ съ ними въ перестрѣлку. Къ барсуковцамъ скоро присоединились 15 казаковъ станицы Темнолѣсской съ урядникомъ Мальчевскимъ, другія казачьи команды, рота солдатъ изъ крѣпости Темнолѣсской, маіоръ Ритцъ съ 30 казаками и др. Горцы были окружены, выдержали нѣсколько стычекъ съ отдѣльными командами, но, съ наступленіемъ ночи, съумѣли скрыться, потерявши 6 человѣкъ убитыми и 15 ранеными.

Спустя мѣсяцъ, 10 ноября въ тѣ же мѣста, пробралось скопище горцевъ болѣе 1500 человѣкъ. Черкесы напали на Темнолѣсскіе хутора и, захвативши здѣсь плѣнныхъ и скотъ, двинулись обратно за Кубань. Поднялась тревога на всей линіи. Резервъ станицы Не-

винномысской изъ 40 казаковъ поскакалъ къ р. Барсукламъ и, не имѣя представленія о размѣрахъ скопища, врѣзался въ густыя его толпы. Черкесы изрубили 18 хоперцевъ. Остальные казаки, благодаря туману, успѣли убѣжать, а горцы переправились черезъ Кубань въ 4 верстахъ ниже станицы Невинномысской и преслѣдуемые казаками ушли съ плѣнными въ горы, бросивши стѣснявшій ихъ скотъ.

Кромѣ отмѣченныхъ, въ 1842 г. было еще три особенно кровопролитныхъ стычки казаковъ съ горцами. Января 13-го близъ поста Державнаго казачьимъ патрулемъ была открыта партія изъ 6 горцевъ, которые, замѣтивши русскую стражу, бросились бѣжать. Казаки погнались за убѣгавшими черкесами истребили ихъ всѣхъ, потерявши лишь 1 казака убитымъ. Убитые горцы всѣ оказались князьями и узденями.

Изъ станицы Лабинской 3 сентября былъ высланъ разъѣздъ изъ 10 казаковъ при 1 урядникѣ. Замѣтивши слѣды горцевъ, казаки остановились, чтобы опредѣлить число всадниковъ и направленіе, по которому они ѣхали. Въ это время изъ ближайшаго лѣса раздался залпъ, которымъ были убиты 2 казака и раненъ третій, вскорѣ умершій, а затѣмъ изъ лѣса выскочило около 30 горцевъ и бросились на казаковъ. Урядникъ поспѣшно въѣхалъ въ лѣсъ, велѣлъ спѣшиться казакамъ и занялъ оборонительное положеніе. Въ то-же время стоявшій на вышкѣ часовой, услышавшій выстрѣлы, далъ знать объ этомъ начальнику станицы сотнику Асташкову, который немедленно отправился съ казаками на мѣсто выстрѣловъ. Туда же прискакали еще 2 офицера съ командами, но горцы скрылись и догнать ихъ казаки не могли.

Еще болѣе ужасный случай произошелъ ночью 6 сентября. Черезъ станицу Чамлыкскую прошелъ въ Прочноокопъ транспортъ изъ 43 конныхъ и воловьихъ подводъ. Въ двухъ верстахъ отъ станицы изъ транспорта уѣхали впередъ священникъ съ женой, маркитантъ съ работникомъ и 6 проѣзжихъ казаковъ. Когда они начали спускаться въ Синюшкину балку, то были окружены партіей черкесовъ до 50 человѣкъ. Выстрѣлами были убиты священникъ, 4 казака и работникъ армянина маркитанта, а жена священника и маркитантъ взяты были въ плѣнъ. Кромѣ того горцы захватили 9 лошадей, оружіе, бывшіе при священникѣ 3 ризы, крестъ и Евангеліе. Когда къ мѣсту происшествія прибылъ транспортъ, горцы успѣли скрыться съ добычей. Посланы были по всѣмъ направленіямъ распоряженія о преслѣдованіи черкесовъ, немедленно поскакали нѣсколько командъ на перерѣзъ къ бродамъ р. Лабы, но преслѣдователи не только не догнали горцевъ, но не нашли и слѣдовъ ихъ.

Слѣдующій 1843 г. былъ особенно богатъ военными дѣйствіями. Какъ видно изъ журнала Черноморской кордонной линіи за этотъ годъ, около 26 марта горцы начали собираться въ верховь-

яхъ рѣки Бѣлой въ лѣсу Каламазъ. Абадзехи и часть другихъ племенъ стекались сюда конными и пѣшими. Коноводы этой толпы готовились къ набѣгу на Лабинскую Линію, чтобы воспротивиться заложенію казачьихъ станицъ или даже напасть на укрѣпленія по этой Линіи. По собраннымъ свѣдѣніямъ, уже къ 23 марта количество горцевъ, собравшихся у Каламаза, исчислялось въ 10000 человѣкъ. Броженіе среди различныхъ племенъ возбуждали видные князья султаны и дворяне султанъ Капланъ Гирей, Аджи Тойсоковъ, Магометъ Салатъ Гирей и бжедуховскій князь Эльбуздукъ. Они развозили по ауламъ возбудительныя прокламаціи и всюду встрѣчали готовность идти войной противъ русскихъ.

Русскіе военачальники предполагали, что горцы сначала двинутся противъ бесленеевцевъ и кабардинцевъ, чтобы присоединить ихъ къ себѣ, а потомъ нападутъ на Махошевское укрѣпленіе и отомстятъ ногайцамъ, принявшимъ русское подданство. Сообразно съ этимъ, начальникъ праваго фланга Кавказской линіи г.-м. Безобразовъ расположилъ свои войска.

Избравъ опорнымъ пунктомъ станицу Урупскую, онъ сосредоточилъ въ ней 10 ротъ солдатъ, 400 казаковъ Кубанскаго и 600 Ставропольскаго полковъ, а также отъ 400 до 500 всадниковъ ногайской милиціи, и 10 орудій. Въ резервѣ имѣлось 2 батальона и 1 рота солдатъ, 2 сборныя сотни донскихъ казаковъ и нужное число орудій.

Усть-Лабинскій участокъ, находившійся въ распоряженіи полковника Васмунда, кромѣ казаковъ и орудій его полка, имѣлъ еще 6 ротъ пѣхоты и 2 орудія. Войска эти находились по правую сторону Кубани.

У бывшаго Эрсаконскаго укрѣпленія на Большомъ Зеленчукѣ сформированъ былъ отрядъ подъ командой полковника Адлерберга, командира Житомирскаго егерскаго полка, изъ 1 батальона его полка, 250 хоперцевъ, 250 ногайской милиціи и 2 орудій.

Въ Баталпашинскомъ участкѣ, въ распоряженіи полковника Круковскаго, остались всѣ хоперскіе казаки, за исключеніемъ 250, находившихся въ распоряженіи Адлерберга.

Въ станицѣ Невиномысской было оставлено всего 3 роты солдатъ.

При такомъ расположеніи войскъ, Безобразовъ полагалъ, что по какому пути къ Кубани не двинулись бы горцы, та или другая часть русскихъ войскъ могли бы своимъ движеніемъ вслѣдъ непріятелю отрѣзать ему путь къ отступленію.

Утромъ 21 апрѣля было получено Безобразовымъ извѣстіе, что скопище горцевъ перешло на р. Фарсъ къ устью р. Псефира. Здѣсь назначенъ былъ общій пунктъ для абадзеховъ, убыховъ, шапсуговъ, баракаевцевъ, бжедуховъ, темиргоевцевъ, егерукаевцевъ, махошеевцевъ, хатукаевцевъ, кизилбековцевъ, тамовцевъ и др. Объ этомъ сборищѣ начальникъ штаба Черноморскихъ войскъ генералъ Рашпиль 24 апрѣля извѣстилъ Безобразова, что горцевъ собралось до 10000 человѣкъ. Это же подтверждали и лазутчики Безобразова.

Движеніе горцевъ на Линію началось съ 26 апрѣля. Въ 2 часа пополудни партія ихъ до 1000 человѣкъ, переправившись черезъ Лабу, обложила Подольскій постъ. Три панцырника пытались поджечь пыжами камышевую крышу поста, и подожгли ее, но пожаръ былъ потушенъ казаками и горцы отражены. Другая партія обложила Шалоховскій постъ, а 2000 всадниковъ, переправившись черезъ Лабу, потянулись къ вершинѣ Тегеней.

Въ это время Безобразовъ, переломившій себѣ отъ паденія съ лошади плечевую кость, былъ боленъ, но распорядился, чтобы донской полковникъ Красновъ двинулся вверхъ по Урупу съ 6 ротами пѣхоты, 600 казаковъ и милиціонеровъ и съ 6 орудіями. Отрядъ Краснова расположился на Урупѣ 27 апрѣля выше Султановскихъ ауловъ. Въ 11 ч. утра этого дня Безобразову сообщили лазутчики, что сборище горцевъ двинулось лѣвымъ берегомъ Тегеней къ Урупу, гдѣ должны были находиться старшины изъ ауловъ бѣглыхъ кабардинцевъ. Узнавши объ этомъ, Безобразовъ направилъ къ Краснову еще 400 казаковъ Кубанскаго полка, 150 чел. ногайской милиціи и 2 конныхъ орудія, а полковникъ Адлербергъ, извѣщенный о движеніи черкесовъ, приблизился къ правому берегу Зеленчука и расположился противъ Султановскаго памятника.

Ногайскій разъѣздъ, посланный 28 апрѣля полковникомъ Красновымъ, донесъ, что ополченіе горцевъ снова двинулось внизъ по Тегенямъ и расположилось между Малымъ Тегенемъ и Урупомъ. Отрядъ Краснова, по распоряженію Безобразова, находился въ наблюдательномъ положеніи и нарочито не нападалъ на горцевъ. Слѣдующій день 29 апрѣля прошелъ тихо. Съ утра 30 апрѣля горцы пошли по Урупу и заняли брошенный аулъ Асламбека Тазартукова. Красновъ съ отрядомъ подвинулся къ устью Тегеня, чтобы приблизиться къ черкесскимъ силамъ. Утромъ 1 мая отрядъ Краснова, переправились черезъ Тегень и Урупъ, построился въ боевой порядокъ и двинулся противъ горцевъ; но послѣдніе уклонились отъ рѣшительнаго боя.

Тогда, 2 мая, двинулся съ другой стороны противъ горцевъ отрядъ полковника Адлерберга. Ночью лазутчики дали знать Краснову, что горцы, покинувши лагерь на лѣвомъ берегу Большого Зеленчука, двинулись къ Кубани. Красновъ послалъ по разнымъ направленіямъ ногайцевъ слѣдить за черкесами, но развѣдчикамъ мѣшалъ проливной дождь и непролазная грязь. Горцы, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, быстрыми переходами придвинулись къ Кубани и переправились черезъ нее между постами Жмуринскимъ и Яманъ-Джалгинскимъ, направляясь на станицу Бекешевскую.

Первый приступъ на станицу они произвели съ кладбищенскихъ воротъ, но усиленнымъ огнемъ роты Волынскаго полка служащихъ и неслужащихъ казаковъ и гарнизонной пушки были отражены. Нѣсколько разъ потомъ, въ продолженіи 2 часовъ, они пытались взять станицу со стороню Суворовскихъ и Кумскихъ воротъ, но безуспѣшно.

Въ это время подполковникъ Круковскій, съ 400 казаковъ, бросился отъ станицы Баталпашинской по слѣдамъ черкесовъ настигъ ихъ у Соленоозерскаго поста, казаки котораго вышли изъ поста и, укрывшись за камнями, начали обстрѣливать непріятеля. Подполковникъ же Круковской поскакалъ къ Бекешевской станицѣ, чтобы предупредить жителей, не подозрѣвая, что станица уже обложена горцами. Замѣтивши послѣднихъ, онъ приказалъ въ 4 верстахъ отъ станицы тремъ казакамъ пробиться сквозь толпу горцевъ и извѣстить бекешевцевъ о помощи съ его стороны. Изъ 3 казаковъ одинъ былъ убитъ, а остальные двое успѣли выполнить данное имъ порученіе.

Непріятель, давши отряду Круковскаго переправиться черезъ два оврага и рѣку Тамлыкъ, на половинѣ высоты Бекешевскаго кургана окружилъ казаковъ со всѣхъ сторонъ. Казаки спѣшились и неоднократно, во главѣ съ Круковскимъ, бросались въ шашки на горцевъ.

На выстрѣлы изъ орудія къ станицѣ Бекешевской поспѣшилъ начальникъ Кисловодской линіи подполковникъ Львовъ, стоявшій съ отрядомъ между рѣками Богунтой и Дарьей. Отобравши 500 казаковъ на лучшихъ лошадяхъ, посадивши на лошадей принадлежавшихъ остальнымъ казакамъ, роту Минскаго полка и взявши 2 орудія, онъ появился у непріятеля въ моментъ атаки имъ отряда Круковскаго. Непріятель, боясь быть отрѣзаннымъ отъ горъ, сталъ перемѣнять позицію, придвигаясь къ рѣкѣ Кумѣ. Воспользовавшись этимъ, отряды Круковскаго и Львова соединились вмѣстѣ. Въ то же время прискакала на подкрѣпленіе ногайская милиція. Общими силами этихъ трехъ отрядовъ горцы были отброшены въ тѣснину и обратились въ бѣгство. Казаки Хоперскаго и Волгскаго полка, преслѣдуя непріятеля по Кумскому ущелью, нанесли сильное пораженіе черкесамъ. Горцы, вопреки своему обыкновенію не успѣли захватить съ собой до 200 убитыхъ и разбросанныхъ по ущелью тѣлъ. Въ числѣ этихъ убитыхъ оказался султанъ Аханъ-Гирей, истребившій 1 февраля команду 9 роты Подольскаго полка между укрѣплленіями Курганнымъ и Родниковскимъ. Преслѣдованіе продолжалось до снѣговыхъ вершинъ рѣки Кумы и прекратилось въ сумерки. Только благодаря ночи и неприступности горъ, непріятель не былъ окончательно истребленъ.

Во время преслѣдованія горцевъ, къ казакамъ Хоперскаго и Волгскаго полковъ постепенно присоединялись другіе отряды, усиливая общій напоръ на горцевъ. Отрядъ полковника Адлерберга успѣлъ также принять участіе въ преслѣдованіи горцевъ. Выяснивши положеніе дѣлъ, полковникъ Красновъ двинулся съ своимъ отрядомъ къ Кубани—къ укрѣпленію Хумары. Проскакавъ 130 верстъ въ этотъ день, отрядъ успѣлъ послѣ переправы черезъ Кубань, занять горные проходы по Кубани и Кумѣ и заставить черкесовъ искать спасенія у самаго снѣгового хребта. Послѣ этого, 3 мая,

Пораженіе горцевъ подъ Бекешевкой въ 1843 году

Красновъ направилъ 4 сотни Кубанскаго полка выше Каменнаго моста, но отрядъ, пройдя 10 верстъ, не нашелъ непріятеля. Сюда же прибыли потомъ отряды Круковскаго и Львова. Вечеромъ было получено извѣстіе, что горцы переправились черезъ Кубань въ земли карачаевцевъ и разсѣялись въ разныя стороны, чтобы скрыться отъ преслѣдованія русскихъ войскъ.

Въ наиболѣе пострадавшемъ отрядѣ Круковскаго были убиты храбрый сотникъ Бирюковъ и 9 казаковъ; тяжело ранены—1 оберъ-офицеръ, 2 урядника и 14 казаковъ; контужено—оберъ-офицеръ и 10 казаковъ. Лошадей было убито 22 и пало отъ усиленнаго преслѣдованія 6.

Съ 7 мая казаки и войска были распущены по домамъ, но г.-м. Безобразовъ просилъ у начальника Кавказскаго корпуса разрѣшенія сдѣлать поискъ непріятеля въ горахъ. Разрѣшеніе было дано, и отрядъ, подъ начальствомъ полковника Рихтера, нанесъ еще одно пораженіе скопищу горцевъ.

Черезъ 2 мѣсяца, 30 іюля 1843 г., Зассъ писалъ Заводовскому, что горцы въ числѣ которыхъ были натухайцы и бжедухи, отправились массой на лѣвый берегъ р. Лабы, въ 20 верстахъ отъ укрѣпленія Зассовскаго, и намѣрены увлечь мирныя племена праваго фланга. Сюда же, для отраженія непріятеля, направилъ свои войска и Зассъ.

Въ 1844 г. горцы производили набѣги на Линію въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ. Около 6 іюля 1844 г. изъ отдѣльныхъ горскихъ партій составленъ былъ на р. Кеналь за Лабой отрядъ въ 7500 конницы и до 3000 пѣхоты. Горцы эти перешли 7 іюля на р. Ходзъ, чтобы переправиться черезъ Лабу близъ Шалоховскаго поста и всѣми силами броситься на станицу Вознесенскую, или на укрѣпленные пункты въ верховьяхъ р. Лабы. Своевременное движеніе главнаго отряда русскихъ войскъ черезъ станицу Вознесенскую заставило горцевъ отказаться отъ этого намѣренія. Горцы двинулись 9 іюля внизъ по Псефиру и Фарсу, чтобы до прибытія главнаго отряда, атаковать Лабинскую или Чамлыкскую станицы. Но главный отрядъ подоспѣлъ сюда вовремя. Три дня черкесы простояли затѣмъ на р. Серали и когда на четвертый день потянулись внизъ по Лабѣ къ переправѣ у бывшихъ егерукаевскихъ ауловъ, то сюда-же подоспѣлъ и главный отрядъ русскихъ войскъ. Такъ, взаимно слѣдуя другъ за другомъ, и окончились эти движенія русскихъ и горцевъ; послѣдніе, ничего не сдѣлавши, разошлись по домамъ.

Но 17 августа партія въ 700 черкесовъ сдѣлала внезапное нападеніе на прикрытіе скота близъ станицы Тенгинской. Пока изъ станицы Тенгинской явились въ помощь прикрытія войска, горцы успѣли уже захватить часть скота этой станицы. Русскія войска выбили непріятеля изъ ближайшаго лѣса и отняли 178 головъ скота, но остальной скотъ былъ переправленъ горцами черезъ Лабу. Въ этомъ дѣлѣ горцы потеряли 11 убитыми и болѣе 30 ранеными и 1

тѣло осталось на мѣстѣ битвы. У русскихъ оказалось 15 убитыхъ и 10 раненыхъ.

Ночью на 26 августа другая партія горцевъ въ 500 человѣкъ, подъ начальствомъ бесленеевскаго князя Айтека Конокова, подошла скрытно къ Зассовскому укрѣпленію и, раздѣлившись на 2 части, напала съ двухъ сторонъ на форштадтъ. Горцы успѣли разломать плетень и ворваться въ форштадтъ, но съ значительнымъ урономъ были выбиты изъ него солдатскими штыками.

Узнавши о появленіи горцевъ на Малой Лабѣ, начальникъ Лабинской Линіи полковникъ Волковъ 18 сентября съ ротой пѣхоты и 60 казаками, при одномъ орудіи, разбилъ эту партію, оставившую 3 тѣла на мѣстѣ, и отнялъ у нея 1200 барановъ.

Сентября 26 былъ убитъ старшій бесленеевскій князь Айтекъ Коноковъ, при нападеніи его партіи на казачьихъ лошадей станицы Зассовской, и тѣло его осталось въ рукахъ казаковъ.

Въ началѣ января 1845 г. жившіе въ истокахъ Большой Лабы тамовцы просили принять ихъ въ русское подданство. Полковникъ Рихтеръ согласился на это, но съ условіемъ, чтобы тамовцы вышли съ горъ и поселились на правой сторонѣ Лабы выше Ахметовскаго укрѣпленія. Тамовцы приняли это предложѣніе и въ обезпеченіе своего согласія выдали аманатовъ.

Такъ какъ жившіе на Лабѣ горцы неоднократно собирались въ декабрѣ 1844 г. и въ январѣ 1845 г. въ цѣляхъ набѣга на Лабинскую Линію и Черноморію, то генералъ Рихтеръ рѣшилъ предпринять наступленіе противъ темиргоевцевъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ этихъ сборахъ и совѣщаніяхъ. На разсвѣтѣ 23 января въ станицѣ Некрасовской собралось 17 ротъ пѣхоты и 20 сотенъ казаковъ, при 6 конныхъ и 6 пѣшихъ орудіяхъ. Но оттепель и распутица задержали отрядъ до 2 февраля. Вечеромъ этого дня отрядъ двинулся тремя эшелонами по дорогѣ къ рѣкѣ Бѣлой. Пройдя въ глубокой тишинѣ 55 верстъ, къ разсвѣту отрядъ подошелъ къ броду р. Бѣлой близъ двухъ большихъ и богатыхъ темиргоевскихъ ауловъ—Темрюкая и аула Хаджи-Эффенди. Казаки немедленно переправились черезъ рѣку и окружили эти аулы. Нѣсколько темиргоевцевъ пытались прорваться черезъ ряды казаковъ, но были изрублены. Въ аулахъ было взято 36 человѣкъ въ плѣнъ, а остальные предпочли смерть. Кромѣ населенія, отрядъ захватилъ массу оружія, красныхъ товаровъ, лошадей и скота. Аулы были сожжены.

На выстрѣлы и дымъ, окутавшіе горѣвшіе аулы, стали появляться черкесы изъ сосѣднихъ мѣстъ. Скоро образовались густыя толпы непріятеля. Русскій отрядъ началъ отступленіе. Подъ прикрытіемъ двухъ ротъ солдатъ и части казаковъ и подъ огнемъ изъ 10 орудій была перевезена на казачьихъ лошадяхъ пѣхота черезъ р. Бѣлую. Нѣсколько разъ казаки бросались въ шашки, чтобы удержать сильно насѣдавшихъ на отрядъ горцевъ. Вслѣдъ за русскимъ отрядомъ черезъ Бѣлую переправились и горцы и на протя-

женіи 15 верстъ преслѣдовали отрядъ, ведя все время перестрѣлку съ арьергардомъ и боковымъ прикрытіемъ. На лѣвую цѣпь бросались горцы въ шашки, но были отражены съ урономъ, Черезъ 38 часовъ послѣ выступленія отрядъ возвратился въ Некрасовскую станицу, потерявши убитыми офицера и 3 нижнихъ чиновъ и ранеными 4 офицеровъ и 29 нижнихъ чиновъ. Горцы, кромѣ плѣнныхъ, потеряли до 150 человѣкъ убитыми и ранеными.

Какъ видно изъ журнала о военныхъ происшествіяхъ за 1846 г., двѣ партіи горцевъ, подъ предводительствомъ Аслана-Бекъ-Безрукова и Береслана Алхасова, переправились черезъ р. Лабу. Объ этомъ заранѣе дали здать лазутчики и своевременно извѣщены были всѣ посты по Лабѣ. Партія Безрукова въ 200 человѣкъ переправилась черезъ Лабу утромъ 3 сентября, между Ахметовскимъ и Шалоховскимъ постами. Разсыпавшись здѣсь по равнинѣ, горцы сожгли 37 стоговъ гарнизоннаго сѣна и бросились затѣмъ къ Шалоховскому посту, но были отражены его гарнизономъ. Тогда черкесы направились къ Ахметовскому укрѣпленію но здѣсь они встрѣтили еще большій отпоръ и вынуждены были отступить. Поручикъ Воропаевъ съ 50 солдатами 6 линейнаго баталіона и 28 казаками донскаго № 38- полка бросились преслѣдовать непріятеля. Къ солдатамъ и казакамъ присоединились еще 60 человѣкъ конницы и 65 пѣхоты. Черкесы были разбиты и прогнаны, съ потерею 14 человѣкъ убитыми и въ томъ числѣ предводителя. У русскихъ были убиты 1 и ранено 16 человѣкъ.

Въ ожиданіи набѣга 700 горцевъ, собравшихся на р. Фарсъ въ 1847 г., начальникъ Подольскаго поста на Лабинской Линіи прапорщикъ Заусцинскій послалъ разъѣздъ изъ 20 казаковъ для развѣдокъ, а самъ, съ 35 пѣшими солдатами и 12 конными казаками, пошелъ на Грязную рѣчку по направленію къ Ахметовскому укрѣпленію. Въ $1^1/_2$ верстѣ отъ поста партія въ 700 горцевъ, переправившаяся черезъ Лабу и скрывавшаяся въ ея прибережныхъ лѣсахъ, бросилась на маленькую команду Заусцинскаго и сразу же опрокинула пѣхотинцевъ. Прапорщикъ Заусцинскій построилъ отрядъ въ каре и храбро защищался. Горцы также спѣшились и, окруживши русскихъ, стали буквально таки разстрѣливать ихъ изъ ружей. Только когда осталось нѣсколько человѣкъ, которые могли еще владѣть штыками, горцы бросились на команду, чтобы покончить съ ней. „Каре пало въ томъ же порядкѣ, въ какомъ сражалось“, сказано въ приказѣ по отдѣльному Кавказскому корпусу отъ 8 августа 1847 г.

Въ декабрѣ 1847 г. начальникъ праваго фланга Кавказской Линіи донесъ командующему войсками на Кавказѣ, что Джанъ-Гирей Керкануковъ, предводительствующій партіей 700 горцевъ ограбилъ станицу Некрасовскую, захвативши 700 шт. рогатаго скота и 40 лошадей. Начальникъ Линіи просилъ поэтому арестовать Керканукова и возвратить захваченный имъ скотъ.

Въ октябрѣ 1848 г. секретъ станицы Некрасовской замѣтилъ скрывавшихся въ лѣсу 20 черкесовъ. Въ погоню за черкесами высланы были по правому берегу р. Лабы два отряда—одинъ подъ командой подпоручика Ещенко и другой подъ командой поручика Анчеева. Отряды эти нашли и разсѣяли партію черкесовъ, потерявшихъ 7 человѣкъ убитыми. Это происходило на р. Лабѣ близъ станицы Константиновской. Въ другой разъ партія горцевъ отбила у жителей станицы Константиновской 1600 головъ скота. Казаки быстро выступили изъ станицы и отняли около 1000 штукъ. Завязался при этомъ упорный бой. Черкесовъ было втрое больше. Къ казакамъ присоединилась рота егерей. Бой, происходившій на пространствѣ 8 верстъ, продолжался до вечера. Въ это время успѣли явиться къ переправѣ черезъ Лабу подкрѣпленія изъ станицы Лабинской и другихъ пунктовъ, но, благодаря наступившей темной ночи, горцы успѣли переправиться и скрыться зъ Лабой. На другой день полковникъ Волковъ съ отрядомъ перешелъ черезъ Лабу и погнался за черкесами, но они скрылись уже безслѣдно. Съ русской стороны было убито 1 урядникъ, 10 казаковъ и ранено 17 человѣкъ. Болѣе значительныя потери горцевъ не были приведены въ извѣстность.

Въ это время уже успѣлъ развить свою дѣятельность Магометъ Аминъ, посланный Шамилемъ волновать закубанскихъ горцевъ. Явившись къ закубанскимъ племенамъ въ 1847 г., онъ на первыхъ порахъ почти не имѣлъ никакого успѣха. Но въ теченіе 1848 года у него были уже свои сторонники и послѣдователи.

Въ 1849 г. Магометъ Аминъ открыто повелъ свою пропаганду, приглашая горцевъ объединиться во имя пророка и требованій ислама для борьбы съ невѣрными русскими. Призывъ этотъ взволновалъ всѣ черкесскія племена. Наиболѣе рьяными сторонниками оказались абадзехи. Тогда же у Магометъ Амина и абадзеховъ возникъ планъ овладѣть укрѣпленіемъ у Каменнаго моста и Кубани, забрать здѣсь русскія пушки и поднять на ноги всѣ племена въ Закубаньѣ, начиная съ карачаевцевъ. Горцы не съумѣли удержать военный планъ Магометъ Амина въ секретѣ, и когда слухи о намѣреніяхъ наиба и абадзеховъ дошли до русскихъ, то были предприняты мѣры—поставлены отряды по дорогамъ въ Карачай, а у самаго Каменнаго моста расположено 700 казаковъ Хоперской бригады съ двумя конными орудіями, подъ командой полковника Васмунда. Въ іюнѣ Магометъ Аминъ попробовалъ двинуться съ значительнымъ скопищемъ горцевъ на рѣку Кефаръ, но встрѣтивъ русскіе отряды, сторожившіе его, Надежденскій и главный Лабинотрядъ, Магометъ Аминъ уклонился отъ сраженій и распустилъ горцевъ по домамъ. Только небольшую партію абрековъ хоперцы 27 іюня разбили на р. Зеленчукъ и захватили нѣсколько абрековъ въ плѣнъ.

Мелкими партіями горцы продолжали тревожить и Старую и Новую Линіи въ теченіи всего года. Въ ночь на 17 ноября 50 гор-

скихъ всадниковъ, переправившись черезъ Кубань между Преградным и Донскимъ постами, захватили, несмотря на противодѣйствіе казаковъ, сторожившихъ линію, гуртъ скота у гнавшихъ его грековъ, изъ которыхъ двухъ убили, трехъ ранили и двухъ взяли въ плѣнъ. Горцы успѣли обратно уйти за Кубань съ греками и скотомъ, но казачьи команды настигли ихъ на р. Казмѣ, отняли весь скотъ и преслѣдовали до р. Урупа, пока убѣгавшіе горцы не скрылись, благодаря оврагамъ и темной ночи.

Въ февралѣ 1850 г. урупскіе бѣглые кабардинцы и башилбаевцы изъявили желаніе переселиться съ горъ на р. Зеленчукъ подъ покровительство русскихъ. Но прошелъ мѣсяцъ и они же спѣшили осуществить свое желаніе. Оказалось, что Магометъ Аминъ обѣщалъ имъ свою помощь, если они останутся на старомъ мѣстожительствѣ, и легковѣрные горцы измѣнили свое прежнее рѣшеніе. Тогда были направлены два отряда въ верховья р.р. Урупа и Лабы. Семьсотъ казаковъ Хоперской бригады съ 2 конными орудіями, подъ командой полковника Васмунда, должны были на Урупѣ сторожить кабардинцевъ и башилбаевцевъ и не допускать ни сообщеній съ ними сосѣднихъ враждебныхъ горцевъ, ни подкрѣпленій отъ Магометъ Амина.

Чтобы показать безсиліе Магометъ Амина, рѣшено было взять укрѣпленіе и хорошо защищенный природою Херписавскій аулъ, въ которомъ формировались и скрывались партіи горцевъ, производившихъ набѣги на обѣ Линіи. Аулъ этотъ находился въ 12 верстахъ отъ р. Урупа, и весь отрядъ Васмунда, съ присоединеніемъ Ставропольскаго казачьяго полка, подъ общимъ начальствомъ полковника Войцицкаго, направленъ былъ въ мѣсто расположенія аула. Аулъ пришлось брать приступомъ и, послѣ двухъчасового боя, въ которомъ русскіе и горцы нѣсколько разъ вступали въ рукопашную борьбу, аулъ былъ взятъ и сожженъ, а горцы вынуждены были бѣжать въ ближайшія ущелья и лѣса, чтобы спастись отъ преслѣдованія русскихъ.

Херписавъ былъ взять 11 апрѣля, а 14-го съ утра огромнѣйшій обозъ изъ арбъ, съ населеніемъ, скотомъ и имуществомъ кабардинцевъ и башилбаевцевъ двинулся, подъ прикрытіемъ хоперцевъ и пушекъ, къ Большому Зеленчуку. Сильныя партіи враждебныхъ русскимъ горцевъ пробовали было задержать переселенцевъ, но полковникъ Васмундъ съ хоперцами не допустили къ обозу горцевъ. Того же 14 апрѣля кабардинцы и башилбаевцы прибыли на мѣста поселеній и пока устраивались на новомъ мѣстожительствѣ, ихъ охраняли и вѣрнѣе за ними наблюдали три сотни хоперцевъ съ однимъ орудіемъ.

Во время переговоровъ русскихъ съ урупскими кабардинцами и башилбаевцами о выселеніи ихъ на р. Зеленчукъ, былъ составленъ отрядъ, подъ командой полковника Волкова, изъ 1000 казаковъ, двухъ баталіоновъ егерей, двухъ донскихъ сборныхъ сотенъ

и 6 орудій. Отрядъ этотъ былъ направленъ въ непокорные аулы бесленеевцевъ. Два такихъ аула—Бекъ-Мурзы и Изиго, были сожжены, при чемъ взято было 17 плѣнниковъ и захвачено 250 штукъ рогатаго скота и 1000 барановъ.

Лѣто Магометъ Аминъ провелъ у шапсуговъ, а въ сентябрѣ 1850 г. прибылъ въ урочище Топкай на р. Бѣлой. Отсюда онъ разослалъ приказаніе горцамъ о сборѣ ополченія между р.р. Сераль и Уль. Всадники и пѣхота должны были запастись провіантомъ—по гарнцу жаренаго въ маслѣ пшена и по три кружка сыра. Магометъ Аминъ предполагалъ двинуть ополченіе въ Карачай, чтобы привлечь карачаевцевъ на свою сторону. Для противодѣйствія Магометъ Амину составленъ былъ сильный отрядъ подъ командой полковника князя Эристова, направленный изъ Каменнаго моста на Зеленчуки. Такъ какъ Магометъ Аминъ съ сильнымъ ополченіемъ находился въ верховьяхъ Бѣлой и Лабы, то чтобы заставить горцевъ позаботиться, о собственной защитѣ, князь Эристовъ, въ свою очередь, двинулся 8 октября съ отрядомъ въ верховья Лабы къ Тамовскому аулу. Здѣсь у тамовцевъ и кизилбековцевъ, не вошедшихъ въ составъ ополченія Магометъ Амина, но просившихъ помощи у наиба для защиты отъ русскихъ, было истреблено заготовленное въ копнахъ сѣно безъ всякихъ столкновеній съ горцами. И лишь при обратномъ движеніи отряда въ укрѣпленіе Надеждинское на р. Урупѣ, было нѣсколько стычекъ русскихъ съ горцами.

Въ свою очередь тамовцы и кизильбековцы не давали покоя переселеннымъ русскими на Урупъ кабардинцамъ и башилбаевцамъ, заставляя ихъ грабежами и насиліемъ переселиться обратно въ горы. Чтобы смирить тамовцевъ и кизилбековцевъ, въ февралѣ 1851 г. были посланы три сотни хоперцевъ, подъ командою пристава горскихъ народовъ подполковника Соколова, въ верховья Лабы. Здѣсь, въ горныхъ трущобахъ, съ 6 по 18 февраля, въ сильную стужу и по глубокимъ снѣгамъ, хоперцы разорили коши и зимовники горцевъ съ ихъ убогимъ хозяйствомъ. Тамовцы и кизилбековцы отчаянно защищались, но казаки, съ большими потерями съ обѣихъ сторонъ, выполнили сдѣланное имъ порученіе.

Въ 1851 г. особенно усиленно волновалъ горцевъ, сосѣднихъ съ Лабинскою Линіей Магометъ-Аминъ. Распустивши слухъ о своемъ отъѣздѣ въ земли шапсуговъ, онъ 15 марта возвратился тайно въ свое мехкеме на р. Пчахъ. Собраннымъ здѣсь войскамъ изъ горцевъ онъ приказалъ взять провизіи на 2 недѣли, чтобы произвести походъ на одну изъ станицъ по р. Лабѣ. Въ дѣйствительности же Магометъ-Аминъ имѣлъ въ виду совершенно другія цѣли. На р. Большомъ и Маломъ Тегеняхъ и по Урупу жили бесленеевцы, хотя и считавшіеся покорными русскимъ, но на самомъ дѣлѣ, благодаря дикимъ мѣстамъ и нахожденію вдали отъ кордонной линіи, содѣйствовавшіе во всемъ враждебнымъ Россіи горцамъ. Съ Магогометъ-Аминомъ они находились въ явныхъ сношеніяхъ и два раза

присягали ему. Магометъ-Аминъ имѣлъ въ виду этихъ бесленеевцевъ. Русское правительство полагало переселить ихъ на Урупъ, ниже устья рѣки Большого Тегеня. но не привело въ исполненіе этого плана. Русскія военныя власти предполагали, что Магометъ-Аминъ воспользуется этими горцами для возмущенія закубанскихъ кабардинцевъ и башилбаевцевъ, а самъ проникнетъ въ Карачай.

Чтобы помѣшать въ этомъ Магометъ-Амину, всѣмъ войскамъ, расположеннымъ въ верхней части Лабы, приказано было двинуться форсированнымъ маршемъ въ станицу Вознесенскую, а войскамъ, находившимся въ нижнихъ частяхъ Лабы и Кубани, собраться въ одной изъ лабинскихъ станицъ для обезпеченія хатукаевцевъ, жившихъ въ нижнихъ частяхъ р. Бѣлой. Въ то же время генералъ Евдокимовъ извѣстилъ бесленеевцевъ, что къ нимъ будутъ двинуты войска противъ Магометъ-Амина.

Съ 16 марта Магометъ-Аминъ, отдѣливши партію около 500 человѣкъ, подъ командой Кара Батыра Занова и Темиргоевскаго князя Карбека Болотокова, посланныхъ къ хатукаевцамъ, самъ съ 2000 человѣкъ направился къ бесленеевцамъ. Узнавши о движеніи русскихъ противъ него, онъ сталъ стягивать свои силы на урочище Кеналь, къ вершинѣ р. Псефира, а 400 человѣкъ конницы, подъ начальствомъ Кизилбекскаго султана, расположилъ въ вершинахъ р. Куншъ.

Евдокимовъ 18 марта, съ отрядомъ изъ трехъ батальоновъ пѣхоты, 8 сотенъ конницы и 6 орудій, двинулся къ бесленеевцамъ на Тегени. Для обороны верхнихъ лабинскихъ станицъ былъ составленъ особый отрядъ изъ 600 конницы при двухъ орудіяхъ, подъ командой полковника Волкова, и расположенъ у станицы Чамлыкской. Въ станицѣ Урупской были сосредоточены 4 сотни Кубанской бригады и 4 сотни Ставропольской, при двухъ орудіяхъ, подъ командой полковника Войцицкаго, въ 15 верстахъ возлѣ ауловъ урупскихъ султановъ для охраны ихъ. Въ Баталпашинскомъ участкѣ приготовлены были четыре сотни казаковъ 5-ой бригады, съ двумя конными орудіями и 200 человѣкъ милиціи.

Первый отрядъ выступилъ изъ станицы Вознесенской и, пройдя 60 верстъ, спустился съ Джельтемесскихъ высотъ къ бесленеевскимъ ауламъ. Надѣясь на скорое прибытіе Магометъ-Амина, бесленеевцы не вышли даже навстрѣчу русскимъ войскамъ. Сюда же явился и Евдокимовъ съ своимъ отрядомъ. Собравши бесленеевскихъ старшинъ 20 марта, онъ объявилъ имъ, что даетъ одинъ день на сборы имущества для переселенія на Урупъ. Сначала старшины пытались, подъ разнаго рода предлогами, затормозить переселеніе. Когда же Евдокимовъ приказалъ войскамъ, чтобы они показали видъ, что собираются произвести нападеніе на бесленеевцевъ,—всѣ аулы покорились и начали свозить имущество въ назначенное мѣсто. Марта 22 бесленеевцы, подъ охраной русскихъ войскъ, передвинулись съ Тегеней на Урупъ, а съ 25 по 26 марта они спустились внизъ по Урупу и размѣстились по правому берегу его на протяженіи 20

верстъ ниже Урупской станицы. Когда Магометъ-Аминъ хотѣлъ броситься съ горцами на Урупъ, чтобы захватить тѣ аулы бесленеевцевъ, которые не имѣли защиты изъ русскихъ войскъ, то встрѣтилъ здѣсь заранѣе сформированный особый отрядъ. Тогда Магометъ-Аминъ, распустивши милицію, самъ съ 3000 конницы двинулся внизъ по р. Ходзъ къ станицѣ Лабинской, но узнавши о присутствіи тамъ отряда Волкова изъ двѣнадцати казачьихъ сотенъ, онъ не рѣшился переправиться черезъ Лабу и распустилъ горцевъ по домамъ.

Такъ были переселены 18 ауловъ бесленеевцевъ съ Тегеней на Урупъ.

Но въ свое время Магометъ Аминъ съумѣлъ привлечь на свою сторону другихъ мирныхъ горцевъ. Съ 16 на 17 марта онъ успѣлъ собрать хутакаевцевъ, жившихъ въ устьяхъ р. Лабы, и переселить ихъ обратно на р. Бѣлую въ мѣста прежняго ихъ пребыванія.

Не хотѣлъ мириться Магометъ Аминъ и съ переселеніемъ бесленеевцевъ на Урупъ. Въ апрѣлѣ онъ собралъ 5000 всадниковъ и рѣшилъ при помощи ихъ силою перевести бесленеевскіе аулы съ Урупа въ горы. Начальнику Лабинской Линіи полковнику Волкову удалось вовремя узнать о намѣреніяхъ наиба и оповѣстить объ этомъ Линію. Противъ ополченія Магометъ-Амина были двинуты два сильныхъ отряда—лабинскій полковника Волкова и баталпашинскій г.-м. Эристова. Послѣдній двинулся для соединенія съ Волковымъ отъ Баталпашинска къ Зеленчукамъ. По пути хоперцы, несшіе въ этомъ отрядѣ развѣдочную службу, 3 мая разбили на голову небольшую партію горцевъ и отняли у нея транспортъ съ просомъ и имуществомъ, принадлежавшимъ ополченію Магометъ-Амина. Къ 12 мая отрядъ князя Эристова былъ уже въ Ахметовскомъ укрѣпленіи на Лабѣ.

Но на этотъ разъ Магометъ-Аминъ обманулъ бдительность русскихъ военачальниковъ. Несмотря на близость отрядовъ князя Эристова и полковника Волкова, онъ ночью съ 12 на 13 мая пробрался съ ополченіемъ на Урупъ и вечеромъ 13 мая занялъ своими силами бесленеевскіе аулы. Въ слѣдующую ночь бесленеевцы, по приказанію Магометъ-Амина, собрали свое имущество и, уложивши его на арбы, двинулись въ горы. Волковъ и Эристовъ упустили этотъ моментъ и бросились въ погоню за скопищемъ Магометъ-Амина.

Ночью 14 мая отрядъ Волкова, преслѣдуя Магометъ-Амина, остановился на ночлегъ на лѣвомъ берегу Урупа. Утромъ 14 мая обнаружилось, что на правомъ берегу Урупа находилось ополченіе Магометъ Амина и переселенческій обозъ бесленеевцевъ. На протяженіи 6 верстъ вверхъ по Урупу шли параллельно горцы по правому берегу рѣки и русскіе по лѣвому ея берегу. Но затѣмъ Магометъ Аминъ, выдѣливши 3000 всадниковъ, направилъ ихъ противъ отряда Волкова. Горцы перешли Урупъ и бросились на русскій отрядъ съ такою силою, что казалось однимъ уже этимъ натискомъ была рѣшена ихъ побѣда. Съ шашками въ рукахъ они проникли въ

отрядъ и рубили даже артиллерійскую прислугу. Началась отчаянная битва. Русскіе, оправившись, пустили въ дѣло артиллерію. Къ полудню имъ удалось задержать стремительныя атаки черкесовъ. Въ это время къ мѣсту дѣйствія подошелъ отрядъ князя Эристова.

Сраженіе приняло иной оборотъ. Князь Эристовъ всѣхъ своихъ казаковъ направилъ во флангъ непріятеля, а пѣхотѣ и артиллеріи приказалъ дѣйствовать усиленнымъ огнемъ. Атаку кавалеріи Эристова поддержалъ своей конницей Волковъ. Горцы не устояли передъ стремительной атакой казаковъ, дрогнули, смѣшались и обратились въ бѣгство. Началось преслѣдованіе бѣгущаго непріятеля. Пораженіе было полное и результаты боя небывалые въ этихъ мѣстахъ. Русскіе потеряли до 600 человѣкъ убитыми и ранеными, а горцы только на мѣстѣ боя оставили до 1500 неубранныхъ труповъ. Самъ Магометъ Аминъ ушелъ послѣ этой бойни въ Кабарду, и бесленеевцы снова были водворены на свои прежнія мѣста по Урупу.

Пораженіемъ ополченія Шамиля на Урупѣ дѣло, однако, не окончилось. Въ сентябрѣ была организована экспедиція изъ пяти сотенъ 1-го и 2-го хоперскихъ полковъ съ двумя орудіями подъ начальствомъ полковника Васмунда, для наказанія горцевъ, участвовавшихъ въ ополченіи Магометъ-Амина. Такъ какъ главную массу ополченія составляли абадзехи, то во владѣнія ихъ на р. Марухъ и направленъ былъ отрядъ. Экспедиція продолжалась до 21 октября и занята была уничтоженіемъ запасовъ хлѣба и сѣна. Эта реквизиціонная мѣра широко практиковалась русскими войсками въ предѣлахъ всей Кубанской линіи, т. е. какъ въ Черноморіи, такъ и на Старой Линіи. Дѣло не обошлось безъ сраженій. Побѣдителями оказались хоперцы.

Со второй половины ноября и по 8 декабря, подъ прикрытіемъ сильнаго отряда г.-м. Евдокимова, были произведены съ военными цѣлями топографическія съемки мѣстности по Малому и Большому Тегенямъ между ихъ вершинами и Лабой. Этимъ и законченъ былъ 1851 годъ.

Послѣ бурныхъ 1850 и 1851 годовъ слѣдующій 1852 годъ оказался относительно спокойнымъ и мирнымъ. Вліяніе Магометъ-Амина на горцевъ ослабѣло и горцы, повидимому, не хотѣли рисковать неудачами и расплачиваться за нихъ русскими реквизиціями, несмотря на то, что надъ ихъ политическою самостоятельностью былъ занесенъ дамокловъ мечъ въ видѣ дальнѣйшаго расширенія русской колонизаціи на Новой Линіи. Къ тому же военныя власти считали не оконченными еще счеты съ абадзехами.

Въ концѣ января 1852 г. подъ начальствомъ г.-м. Евдокимова былъ организованъ второй карательный отрядъ на р.р. Губсъ и Чохракъ. И въ этотъ разъ русскія войска разоряли аулы горцевъ, жгли сѣно и истребляли запасы хлѣба. Горцы по очень понятнымъ причинамъ, упорно отстаивали свое имущество, производили отчаянныя атаки на русскій отрядъ, но, слагая головы, не могли, при

помощи своихъ примитивныхъ прiемовъ борьбы устоять противъ организованной военной силы и пушекъ. Отрядъ возвратился на Кубань 15 февраля.

Въ маѣ мѣсяцѣ на разъѣздъ изъ 46 хоперцевъ, подъ командой урядника Безбородова, внезапно напали 300 человѣкъ горцевъ между р. р. Кефаромъ и Бежгономъ. Спѣшившiеся казаки выдержали три стремительныхъ атаки горцевъ и, когда на помощь разъѣзду явилась вторая полусотня хоперцевъ и рота солдатъ, горцы были оттѣснены общими силами казаковъ и солдатъ и скрылись въ прилегающихъ лѣсныхъ ущельяхъ.

Глубокою осенью въ ноябрѣ Лабинскiй отрядъ снова былъ въ походѣ за Лабою съ реквизицiонными цѣлями. Военныя дѣйствiя противъ горцевъ въ этотъ разъ продолжались до 11 декабря.

На Старой Линiи въ 1852 г., какъ и въ прежнiе годы, продолжались набѣги мелкихъ горскихъ шаекъ. Въ апрѣлѣ были убиты въ верховьяхъ р. Калауса близъ Брыковой горы шайкою бѣглаго офицера русской службы Капланъ-Гирея казаки станицы Бѣломечетской Маркинъ и Басанъ, розыскивавшiе пропавшихъ лошадей. Капланъ-Гирей бѣжалъ за Кубань и сдѣлался тамъ отчаяннымъ абрекомъ, изъ боязни суда за убiйство казака, и былъ убитъ казаками впослѣдствiи въ шестидесятыхъ годахъ во время одного изъ своихъ разбойничьихъ похожденiй.

Въ маѣ отрядомъ хоперскихъ казаковъ въ Эльбурганскомъ лѣсу въ верховьяхъ М. Зеленчука были убиты абреки башилбаевецъ Хобахъ Дебебивъ, абадзехъ Хаджи Беденоковъ и неизвѣстный махошевецъ. Два абрека князья Сидовы успѣли бѣжать, а третiй князь Зурумовъ того же дня вечеромъ захваченъ былъ казаками въ плѣнъ.

Въ августѣ хоперцы съ урядникомъ Захаромъ Салжаникинымъ и ногайскiе милицiонеры настигли партiю абрековъ въ балкѣ Псесокъ на М. Зеленчукѣ. Послѣ перестрѣлки, въ которой ранены были въ русскомъ отрядѣ князь Каспулатъ Дударуковъ и ногайскiй уздень, абреки успѣли скрыться въ лѣсной чащѣ, бросивши 11 осѣдланныхъ лошадей. Проливной дождь не позволилъ казакамъ и ногайцамъ дальше преслѣдовать абрековъ.

Такiе же случаи были и въ 1853 г. Такъ, въ октябрѣ партiей горцевъ, безслѣдно скрывшейся, близъ села Высоцкаго, Ставропольской губернiи, были убиты три мужчины, а на р. Калаусѣ и около станицы Сергiевской пять казаковъ и одна женщина. Горцы эти ограбили двухъ ногайцевъ и взяли въ плѣнъ двухъ женщинъ и двухъ мальчиковъ. Но на р. М. Зеленчукѣ отъ сильнаго утомленiя такъ крѣпко уснули, что плѣнные мальчики и женщины бѣжали и благополучно добрались до Кубани противъ Редутскаго поста, гдѣ и перевезены были на правый берегъ казаками.

Въ 1853 г. среди горцевъ появились слухи и предположенiя о возможности войны Россiи съ Турцiей. Магометъ-Аминъ съумѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и снова повелъ свою про-

паганду объ объединеніи горскихъ племенъ для борьбы съ русскими. Въ іюлѣ онъ повторилъ свою прежнюю попытку проникнуть съ отрядомъ въ Карачай и поднять возстаніе противъ русскихъ среди карачаевцевъ. Казачій разъѣздъ, высланный изъ укрѣпленія Надеждинскаго на р. Б. Зеленчукъ, открылъ огромное скопище горцевъ, двигавшееся по направленію къ укрѣпленію. Это шелъ Магометъ Аминъ въ Карачай. Отрядъ русскихъ войскъ, бывшихъ въ Надеждинскомъ укрѣпленіи, заградилъ путь горцамъ. Произошло сраженіе, рѣшенное русскими пушками и ружейнымъ огнемъ. Горцы, послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ атакъ, отступили и скрылись въ горахъ. Тѣмъ и окончилась эта попытка Магометъ-Амина проникнуть въ Карачай.

Въ февралѣ 1854 г. отрядомъ изъ 980 казаковъ, полусотни Тохтамышевской милиціи, 200 человѣкъ пѣхоты съ двумя конными орудіями, подъ начальствомъ командира 5-й Хоперской бригады полковника Султана Кази-Гирея, были уничтожены хутора и коши башилбаевцевъ. Въ апрѣлѣ подъ начальствомъ того же султана Кази-Гирея былъ образованъ такъ называемый Марухскій отрядъ. Первоначально на отрядъ этотъ возложена была рекогносцировка мѣстности на Зеленчукахъ и проложеніе дороги по р. р. Маруху и и Кефару для предполагаемыхъ новыхъ поселеній казаковъ. Мая 30 казаки марухскаго отряда имѣли перестрѣлку съ горцами, пытавшимися угнать порціонный скотъ, а 27 іюля Марухскій отрядъ имѣлъ дѣло съ 400 горцевъ на р. Бежгонѣ, окончившееся пораженіемъ горцевъ.

На Старой Линіи начались усиленные черкесскіе грабежи съ осени. Такъ, въ сентябрѣ партія горцевъ напала на Просянскіе хутора близъ села Висоцкаго, ограбила ихъ и увела въ плѣнъ 13 душъ населенія. Но резервъ изъ 45 хоперцевъ. подъ командой урядника Кислова. отнялъ всѣхъ плѣнниковъ, при схваткѣ съ горцами у р. Чечеры, а сами горцы скрылись, благодаря наступившей темнотѣ и пересѣченной оврагами мѣстности.

Такіе-же грабежи черкесовъ были произведены и осенью 1855 г. Въ началѣ октября есаулъ Лучкинъ съ резервомъ станицы Невинномысской настигъ на р. Б. Тегень 5 человѣкъ горцевъ, гнавшихъ пять захваченныхъ у русскихъ воловъ, отнялъ воловъ, а всѣхъ абрековъ истребилъ. Ночью 18 октября 34 горца, подъ предводительствомъ Каплана Эсизова и Девлетъ-Гирея Куденетова, перебравшись черезъ Кубань у Преграднаго поста, направились въ Ставропольскую губернію. Нѣсколько дней они скрывались здѣсь, а 23 октября напали на жителей сел. Константиновскаго и Кугульты, многихъ изъ нихъ, преимущественно взрослыхъ, перебили, а мальчиковъ и дѣвочекъ захватили съ собою въ плѣнъ. Изъ трехъ казачьихъ командъ, посланныхъ въ погоню за черкесами, ни одна не нашла слѣдовъ ихъ; но команда есаула Андреева случайно напала на 20 человѣкъ черкесовъ, находившихся на р. Урупѣ, и завязала съ ними перестрѣлку. Черкесы, потерявши 8 человѣкъ убитыми,

поспѣшно ушли и скрылись въ лѣсистыхъ балкахъ. Ночью 25 ноября обнаружена была третья партія горцевъ, которая, наткнувшись нѣсколько разъ на казачьи секреты и разъѣзды, бросила лошадей и скрылась, по предположеніямъ казаковъ, въ ближайшемъ аулѣ мирныхъ черкесовъ.

На Новой Линіи военныя дѣйствія съ горцами начались еще съ мая 1855 года. На этотъ разъ пришлось имѣть дѣло съ Магометъ-Аминомъ, который собралъ изъ абадзеховъ, башилбаевцевъ и убыховъ ополченіе въ 3000 отборныхъ всадниковъ и двинулся съ ними на Лабу, а отсюда выше аула Атажукина въ тебердинское ущелье. Вступая въ Карачай, Магометъ-Аминъ успѣлъ истребить на р. Эшкаконъ русскій транспортъ. Въ Карачаѣ вся молодежъ примкнула къ ополченію Магометъ Амина. Находившійся въ это время въ Надеждинскомъ укрѣпленіи начальникъ Кавказской линіи г.-л. Козловскій двинулся съ сильнымъ отрядомъ въ Карачай, приказавши г.-м. Евдокимову направиться съ отрядомъ къ Урупу, а полковнику Кази-Гирею съ пятью сотнями хоперцевъ и 8 ракетными станками—въ Тебердинское ущелье. Съ появленіемъ Козловскаго въ Карачаѣ, къ нему явились карачаевскіе старшины Магометъ-Асланбекъ и Бодра-Крымшамхаловъ, съ извѣстіемъ, что только одинъ эфенди и небольшая часть населенія присягнули Магометъ-Амину, а остальное населеніе осталось вѣрнымъ Россіи.

Отрядъ Козловскаго встрѣтился съ ополченіемъ Магометъ Амина въ урочищѣ Кадыко. Здѣсь 25 августа произошло сраженіе между русскими войсками и черкесскимъ ополченіемъ. Горцы занимали возвышенную часть урочища Кадыко и находились въ выгодномъ положеніи, но были на голову разбиты русскими войсками. Самъ Магометъ-Аминъ бѣжалъ за Кубань черезъ ущелье р. Реуту, а его подвижники ушли туда-же частями.

Въ 1856 г. войска въ предѣлахъ Новой Линіи ограничивались исправною сторожевою службою на Линіи, проведеніемъ дорогъ, устройствомъ укрѣпленія Шедокскаго и заложеніемъ укрѣпленія Псебайскаго.

На Старой Линіи были хотя и многочисленные, но мелкіе случаи столкновеній съ горцами. Такъ, въ январѣ между постами Ямановскимъ и Николаевскимъ горцами были ранены хорунжіе Есауловъ и Борисенковъ. Въ ночь на 20 августа, между станицами Баталпашинскою и Бекешевскою, три абрека убили съ лошадью казака 2-го Хоперскаго полка Степана Рябченко и взяли въ плѣнъ подпоручика Кубанскаго пѣхотнаго полка Жаворонка съ съ деньщикомъ и казакомъ-подводчикомъ. Сначала они бросили казака Вихлянцова, а затѣмъ и деньщика, мѣшавшихъ имъ быстро уходить. Поручика же Жаворонка казаки отняли, настигнувъ абрековъ на Урупѣ. Вечеромъ 8 октября два черкеса по дорогѣ изъ станицы Суворовской на Баталпашинскъ, подъ видомъ мирныхъ, напали на казака Петра Ткачева и отняли у него лошадь. Въ половинѣ сентября 40 чело-

вѣкъ горцевъ, подъ предводительствомъ бѣглаго князя Каплана, разгромили хутора около села Петровскаго на рѣчкѣ Камбулатъ и захватили нѣсколько плѣнныхъ. Но команда изъ 16 казаковъ, при перестрѣлкѣ съ горцами, отняла у нихъ всѣхъ плѣнниковъ, убила одного черкеса, 6 лошадей и ранила самого казака, который, подъ покровомъ ночи и поспѣшилъ уйти съ остальными черкесами.

Вообще по мѣрѣ колонизаціи бассейна Лабы и заселенія такъ называемой Малолабинской Линіи, верховья Кубани, въ предѣлахъ Баталпашинскаго участка, служившія раньше излюбленнымъ мѣстомъ для черкесскихъ набѣговъ, становились все менѣе и менѣе доступными для прохода горцевъ. Впереди образована была новая изгородь изъ казачьихъ станицъ, постовъ и укрѣпленій, куда были перенесены главныя военныя дѣйствія съ горцами.

Самая служба передовыхъ военныхъ отрядовъ на Новой и Новолабинской Линіяхъ была направлена въ послѣдніе годы не на борьбу съ горцами, а главнымъ образомъ на устроеніе Линій—устройство станицъ, постройку укрѣпленій, проложеніе дорогъ и пр. Весь 1857 годъ на Малолабинской Линіи прошелъ въ такихъ занятіяхъ расположенныхъ здѣсь войскъ. Въ 1858 г. велись военныя дѣйствія противъ махошевцевъ. Въ концѣ іюня того же года между казаками Хоперскихъ полковъ и партіей въ 400 человѣкъ абадзеховъ, убыховъ и шапсуговъ произошло сраженіе близъ Псебая, окончившееся пораженіемъ горцевъ. Такая же стычка русскихъ съ бекъмурзинцами окончилась полнымъ разгромомъ послѣднихъ 19 декабря на р. Кайдешъ.

Въ 1859 г. русскія войска предприняли въ послѣдній разъ, передъ образованіемъ Кубанскаго казачьяго войска, рядъ серьезныхъ военныхъ дѣйствій. Съ 15 января по 1-е марта этого года дѣйствовала экспедиція противъ горскихъ народовъ генерала Войцицкаго. Войсками этими были проложены дороги и прорублены просѣки между Майкопомъ и Лабинскою Линіею и попутно истреблены жилища и запасы непокорныхъ горцевъ. Въ февралѣ, по распоряженію Войцицкаго, особымъ отрядомъ были истреблены аулы бесленеевскихъ старшинъ Хаджи и Магомета Али Тлаходуковыхъ на р. Ходзъ. Было взято въ плѣнъ нѣсколько женщинъ и дѣтей, захваченъ скотъ, а аулы сожжены до тла. Въ маѣ въ верховьяхъ р. Ходзъ былъ истребленъ хоперцами большой Шахгиреевскій аулъ.

Съ своей стороны и горцы произвели два крупныхъ нападенія на Новую Линію. Въ ночь на 9 іюня партія около 1000 горцевъ подошла незамѣтно къ станицѣ Зассовской и скрылась въ лѣсу. Но казачій разъѣздъ открылъ утромъ эту партію. Горцы поспѣшно бросились къ переправѣ черезъ Лабу, но казаки усиленнымъ ружейнымъ огнемъ не допустили горцевъ къ переправѣ. Горцы остались на мѣстѣ въ выжидательномъ положеніи и когда изъ станицы былъ выпущенъ скотъ, то они бросились нанего и погнали его къ р. Ходзъ. Поднялась тревога по всей линіи. Соединен-

нымъ русскимъ командамъ, съ большимъ усиліемъ и значительною потерею въ людяхъ, удалось нанести горцамъ рѣшительное пораженіе.

Второе столкновеніе съ горцами происходило 19 октября у Псебая. Въ виду укрѣпленія появились двѣ партіи горцевъ въ 600 и въ 150 человѣкъ. Первая партія захватила часть порціоннаго скота, но при переправѣ черезъ Малую Лабу казаки отняли его. Вторая партія пыталась помочь первой во время ожесточеннаго боя казаковъ съ горцами, но вынуждена была отступить вмѣстѣ съ первой и скрыться въ горахъ. Нападеніе горцевъ оказалось безрезультатнымъ и соединеннымъ съ значительною потерею въ людяхъ.

Глава XVIII.

ЧЕРНОМОРСКІЕ ПЛАСТУНЫ.

Названіе пластунъ въ первый разъ встрѣчается въ офиціальной перепискѣ генерала Власова 7 января 1824 г. По странной ироніи судьбы, пластуновъ въ Черноморскомъ войскѣ открыли и офиціально признали тѣ, кто порицалъ черноморцевъ, какъ совершенно негодныхъ въ военномъ отношеніи людей. Послѣ того какъ со словъ генерала Власова, генералъ Ермоловъ публично обвинилъ черноморцевъ въ томъ, что они даже пороху не нюхали, тотъ же генералъ Ермоловъ и отъ того же генерала Власова узналъ, что у черноморцевъ есть такіе искусные стрѣлки, которымъ равныхъ нѣтъ въ мірѣ и что стрѣлки эти называются пластунами.

Такимъ образомъ, пластуны обратили на себя особое вниманіе и выдѣлены были въ спеціальный кадръ лучшихъ стрѣлковъ и развѣдчиковъ въ двадцатыхъ годахъ при Ермоловѣ. Съ тѣхъ поръ слава ихъ росла и организація крѣпла съ каждымъ годомъ.

Первоначально пластуны находились въ составѣ тѣхъ частей, на которыя дѣлилось Черноморское войско—конные въ конныхъ полкахъ и пѣшіе въ пѣшихъ. Въ послѣднихъ, впрочемъ, они встрѣчались чаще, чѣмъ въ первыхъ. Колыбелью пластуновъ была пѣхота. Этому способствовали условія пѣхотной службы. Служить казаку безъ лошади тамъ, гдѣ рыскалъ черкесъ-наѣздникъ, можно было, лишь приспособляясь къ мѣстности и вырабатывая пріемы скрытыхъ, никѣмъ не замѣченныхъ движеній. Поэтому, осторожность, зоркость, острый слухъ и сообразительность вырабатывались у пластуновъ самою службою. Чтобы не встрѣтить смерть или не попасть въ плѣнъ, нужно было найти подходящіе выходы изъ затруднительнаго положенія, а для этого требовалось думать, „раз-

мышлять“, по выраженію пластуновъ. Казакъ съ плохою головою не годился въ пластуны, и только при союзѣ хорошо думающей головы съ изощренными зрѣніемъ, слухомъ, хладнокровіемъ и выдержкой получался хорошій пластунъ.

Съ именемъ пластуна принято обыкновенно соединять представленіе одинокаго воина, дѣйствующаго на собственный рискъ и страхъ. Но этимъ только оттѣняются качества пластуна, его умѣнье дѣйствовать самостоятельно, безъ указа или понуканій тамъ, гдѣ могли встрѣтиться на каждомъ шагу западня, неожиданность и страхъ, сковывающій движенія человѣка. При такихъ отличительныхъ качествахъ, пластунъ былъ тѣмъ не менѣе самымъ артельнымъ человѣкомъ, высоко цѣнившимъ союзъ, общество себѣ подобныхъ. Чувство товарищества было развито у пластуновъ въ высшей степени. Въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ пластуны дѣйствовали въ союзѣ съ товарищами. Въ залоги или секреты, въ развѣдки въ мѣстахъ обитанія непріятеля, на охоты пластуны ходили группами и, если по условіямъ предпринятаго ими движенія, они дѣлились, попадали въ одиночное, изолированное положеніе, то каждый изъ нихъ старательно слѣдилъ за другимъ, чтобы вовремя придти къ нему на помощь. Поэтому, у старыхъ пластуновъ часто встрѣчалось побратимство. Пластуны мѣнялись шейными крестами, становились какъ бы братьями и всюду поддерживали другъ друга и стояли одинъ за другого горой.

И такъ, слѣдовательно, военное искуство и товарищество были наиболѣе отличительными свойствами черноморскихъ пластуновъ.

Само собою разумѣется, что все, что такъ поражало въ пластунахъ людей, видѣвшихъ ихъ въ дѣлѣ и оцѣнившихъ ихъ по достоинству, выработалось жизнью, путемъ практики и передачи отъ однихъ пластуновъ къ другимъ какъ пріемовъ службы, ея техники, такъ и товарищескихъ традицій, пластунской организаціи.

Въ первый разъ пластуны какъ особая часть въ войскѣ, были употреблены въ дѣло при генералѣ Власовѣ. Обративши вниманіе на рѣдкія военныя качества пластуновъ, Власовъ распорядился, чтобы изъ находившихся на льготѣ казаковъ войсковая администрація вызвала охотниковъ для пополненія состава „лучшихъ стрѣлковъ или пластуновъ“. Тогда же на призывъ войсковаго атамана явились такіе охотники и записались въ особыя пластунскія команды. Но тогда далеко еще не опредѣлилось то служебное положеніе, которое заняли черноморскіе пластуны впослѣдствіи подъ вліяніемъ военныхъ требованій, вытекавшихъ изъ сторожевой службы казаковъ и условій борьбы съ горцами. Власовъ видѣлъ въ пластунахъ только искусныхъ стрѣлковъ, а они оказались не менѣе искусными развѣдчиками.

Пластуны, по обыкновенію, несли службу каждый въ своей части, объединеніе же ихъ въ особыя команды первоначально носило характеръ временной мѣры. Вызовъ охотниковъ въ пластуны

или снаряженіе ихъ командъ производилось тогда, когда находили это нужнымъ начальники, руководившіе военными дѣйствіями и охраною линіи. Въ 1832 г. наказный атаманъ Заводовскій, не прибѣгая къ вызову охотниковъ, приказалъ образовать пластунскую команду, указавъ ея составъ. Въ команду, кромѣ рядовыхъ пластуновъ, были включены урядники и офицеръ. Наборъ производился по полкамъ, и въ пластунскую команду брали какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ казаковъ—„по три человѣка знающихъ совершенно пластунское искусство, опытныхъ и храбрыхъ въ дѣлахъ съ непріятелемъ", какъ сказано въ приказѣ Заводовскаго. Пластуны, слѣдовательно, въ это время въ глазахъ начальствующихъ лицъ были не только отличными стрѣлками, но имѣли уже свое „пластунское искусство", свою военную технику.

Въ дѣйствительности образована была не одна команда, какъ предполагалъ первоначально Заводовскій, а двѣ съ офицеромъ въ каждой или, правильнѣе, одна пластунская команда была раздѣлена на двѣ части. По мѣсту дѣйствія части эти были самостоятельными—одна команда дѣйствовала въ районѣ Елизаветинскаго кордона, а другая въ мѣстности, примыкавшей къ кордону Марьинскому. Такъ, подъ вліяніемъ чисто военныхъ требованій, шло развитіе строевой службы пластуновъ. Въ 1832 г. были образованы пластунскія команды, а 19 марта 1833 г., по миновеніи въ нихъ надобности, пластуны были распущены по тѣмъ полкамъ, въ которыхъ они служили. Пластунскія команды продолжали, слѣдовательно, носить характеръ временныхъ, вызываемыхъ къ дѣятельности періодически, военныхъ организацій.

Вызовомъ пластуновъ на военныя дѣйствія въ важныхъ случаяхъ были уже предопредѣлены тѣ виды спеціальной службы, которые потомъ навсегда остались за пластунами. Казаки всегда служили передовыми военными въ арміи, развѣдчиками и застрѣльщиками. Такая же передовая развѣдочная служба въ Черноморскомъ казачьемъ войскѣ выпала на долю пластуновъ. Когда ощущалась надобность въ опытныхъ людяхъ для цѣпи, когда требовался секретный, скрытый розыскъ, когда нужно было развѣдать силы и положеніе непріятеля, когда ходъ военныхъ дѣйствій ставилъ на очередь задачу произвести самую рискованную диверсію, когда въ бою, передъ началомъ его или концомъ, нужны были искусные стрѣлки и пр., пр.,—тогда пускался въ дѣло пластунъ. Для всего этого пластуны имѣли свою боевую технику, свой опытъ и сноровку. Особенно цѣнны были они для ружейнаго огня, какъ превосходные стрѣлки. Выработанное ими искусство въ стрѣльбѣ поражало всѣхъ. Приказомъ 5 іюня 1845 г. наказный атаманъ Рашпиль строго на строго запретилъ пластунамъ „стрѣлять на хрустъ", т. е. по звуку отъ шума или шороха, происходившаго отъ движенія животныхъ и людей въ камышахъ, кустарникѣ или въ бурьянахъ. „Часто бывали случаи, сказано въ циркулярѣ атамана, ког-

да пластуны, при невѣроятной способности этихъ стрѣлковъ попадать въ предметъ невидимый глазу съ помощю одного привычнаго слуха“, убивали вмѣсто звѣря товарищей-охотниковъ и вмѣсто непріятеля своего же казака.

На выдающіяся дѣйствія пластуновъ смотрѣли, какъ на обычныя, шаблонныя явленія. Если пластунъ что-либо сдѣлалъ, то такъ, значитъ, и надо; это въ порядкѣ вещей. А между тѣмъ пластуны очень часто выказывали не только свою ловкость, искусство, но и необычайное присутствіе духа, самоотверженіе, отвагу, храбрость и др. признаки личнаго героизма. Это были мужественные воины, смѣло смотрѣвшіе въ глаза смерти и безъ колебанія подставлявшіе свою грудь въ защиту товарища или населенія. Совершая рѣдкій по душевнымъ побужденіямъ подвигъ, пластунъ часто изъ скромности или по привычкѣ держалъ себя такъ, какъ будто съ его стороны ничего особеннаго не было сдѣлано или какъ будто бы иначе онъ не могъ поступить. Очень характерный въ этомъ отношеніи случай былъ 16 марта 1846 г., близъ нынѣшней станціи Абинской Владикавказской желѣзной дороги.

Здѣсь, приблизительно на базарной площади нынѣшней казачьей станицы, находилось Абинское укрѣпленіе. Часть гарнизона изъ укрѣпленія рубила, въ лѣсу по правую сторону р. Абинъ, дрова подъ наблюденіемъ воинскаго начальника подполковника Гавриша. Чтобы оградить тылъ работающихъ и охранявшей ихъ команды, въ кустарникѣ у рѣки былъ поставленъ пикетъ изъ 8 пластуновъ.

Вскорѣ у переправы черезъ рѣку показались три, а потомъ еще шесть конныхъ шапсуговъ. Приближаясь къ пластунамъ, черкесы не обнаруживали непріязненныхъ дѣйствій и дѣлали видъ, что ѣдутъ въ укрѣпленіе. Но, поровнявшись съ пикетомъ быстро обернулись и бросились на пластуновъ. Пластуны, выждавши хладнокровно удобный моментъ, залпомъ изъ ружей привели въ замѣшательство черкесовъ и остановили нападеніе.

Въ тоже время до 70 ти пѣшихъ шапсуговъ, подкравшихся кустарникомъ въ тылъ пикету, напали на двухъ пластуновъ 8-го баталіона Ефима Жорника и Ивана Драгана, находившихся въ секретномъ резервѣ пикета. Жорникъ убилъ изъ ружья на повалъ подбѣжавшаго къ нему шапсуга. Это былъ самъ предводитель нападавшихъ шапсуговъ Черемитъ Тугузъ. Товарищъ Жорника Иванъ Драганъ ранилъ другого наступившаго на него горца.

Тогда нѣсколько шапсуговъ сразу бросились съ ожесточеніемъ на пластуновъ и шашками нанесли имъ серьезныя пораненія. Иванъ Драганъ, находившійся у обрыва р. Абинъ, свалился отъ ранъ въ рѣку, которая понесла его внизъ по теченію къ толпѣ шапсуговъ, выловившихъ изъ воды раненаго пластуна. Жорникъ былъ также на волоскѣ отъ плѣна. Его уже схватилъ шапсугъ, чтобы увлечь съ собой, но въ это время къ нему прибѣжалъ пластунъ 3-го баталіона Герасимъ Даниленко, находившійся въ составѣ пикета. Уви-

дѣвши издали затруднительное положеніе товарищей, онъ бросился къ нимъ одинъ на помощь противъ всей толпы горцевъ въ 70 человѣкъ. Выстрѣломъ изъ ружья онъ убилъ того самаго шапсуга, который схватилъ Жорника съ цѣлью плѣненія.

Геройскій подвигъ Даниленка заражающе подѣйствовалъ на остальныхъ пластуновъ пикета. Они въ свою очередь бросились на толпу горцевъ. Туда же одновременно подоспѣла и часть команды, прикрывавшей рубившихъ лѣсъ. Когда горцы были оттѣснены Даниленко немедленно бросился къ раненому товарищу.

Пластуны поймали двухъ осѣдланныхъ лошадей, принадлежавшихъ убитымъ шапсугамъ, подняли ружье, кинжалъ, шашку и два пистолета.

Даниленко, не обращая вниманія на то, что дѣлали его товарищи, сталъ ухаживать за раненымъ Жорникомъ. Ему какъ будто и въ голову не приходило, что онъ совершилъ геройскій подвигъ.

А вотъ другой случай въ томъ же родѣ, но при другой обстановкѣ. Въ первомъ случаѣ дѣло происходило днемъ во время открытой стычки; во второмъ пластунамъ пришлось дѣйствовать въ темнотѣ во время поиска непріятеля.

Темною ночью на разсвѣтѣ 6 октября 1846 г. три пластуна 5-го коннаго полка Василій Дзюба, Фома Коваленко и Иванъ Фоменко шли дозоромъ по правому берегу р. Кубани. Согласно принятымъ у пластуновъ пріемамъ при выслѣживаніи непріятеля Василій Дзюба шелъ впереди на разстояніи выстрѣла отъ товарищей. Осторожно ступая ногами, обутыми въ легкіе и мягкіе постолы изъ кабаньей кожи, Дзюба зорко всматривался въ окружающіе его предметы.

Впереди къ берегу Кубани прилегало займище, покрытое камышемъ. Дзюба насторожился, держа ружье на готовѣ. Тутъ могли быть черкесы. Всматриваясь въ темноту онъ подошелъ къ самому камышу. Кругомъ было тихо, какъ въ гробу. Дзюба еле двигался, стараясь не нарушить жуткой тишины. Но вдругъ въ камышѣ точно выросли нѣсколько человѣческихъ фигуръ, бросившихся на пластуна.

Это были черкесы. Не успѣлъ Дзюба оглянуться, какъ цѣпкія руки нападающихъ скользнули по немъ. Дзюба не растерялся и выстрѣломъ изъ ружья ранилъ одного изъ пяти противниковъ. Съ четырьмя остальными онъ вступилъ въ рукопашную борьбу и отбивался отъ нихъ съ такою силою и ловкостью, что лишь ранивши его шашкою въ голову, черкесы схватили, наконецъ, пластуна и поволокли его камышемъ къ Кубани.

Но въ этотъ моментъ очутились уже возлѣ Дзюбы Коваленко и Фоменко. Они такъ стремительно бросились на черкесовъ, что послѣдніе, не успѣвши даже прикончить Дзюбу, какъ дѣлали это обыкновенно горцы въ такихъ случаяхъ, побѣжали къ Кубани. Добѣжавши до рѣки, черкесы ринулись въ воду, чтобы вплавь пере-

браться на ту сторону Кубани. Пластуны взялись за ружья. Двумя выстрѣлами были убиты два черкеса, сразу же поглощенные глубокою рѣкой. Пока пластуны заряжали ружья, раненый Дзюбою черкесъ, пользуясь помощью двухъ нераненыхъ товарищей, скрылся, благодаря темнотѣ, на лѣвомъ берегу Кубани.

Тогда пластуны, въ томъ числѣ и раненый Дзюба, начали обыскивать камыши. Они подобрали одно ружье, два чехла съ ружей, двѣ черкески съ шароварами, двѣ шашки, башлыкъ, рубаху, башмакъ, два аркана съ кольцами и кожаную сумку. Пошарили пластуны въ сумкѣ и нашли въ ней между разными мелкими вещами бронзовую монету временъ древней Пантикапеи.

Было уже утро. Съ трофеями побѣды и съ раненымъ Дзюбой пластуны явились на кордонъ съ докладомъ начальнику поста, который подробно записалъ всѣ вещи, найденныя пластунами въ камышѣ послѣ бѣгства черкесовъ, составилъ рапортъ о происшествіи и отправилъ его выше по начальству.

Дзюбу потребовалось свезти въ госпиталь на излѣченіе отъ ранъ, а его товарищи черезъ сутки отдыха снова отправились ночью выслѣживать черкесовъ.

Наказный атаманъ Черноморскаго войска генералъ Раппиль, ознакомившись съ подробностями дѣла, сообщилъ о подвигѣ пластуновъ командующему войсками Кавказской линіи и въ Черноморіи Заводовскому. Представляя къ наградѣ орденомъ Св. Георгія IV ст. Дзюбу, онъ писалъ: „прошу милостиваго ходатайства о награжденіи одного изъ нихъ, ибо всѣ трое равно достойны награды“.

Трудно, въ самомъ дѣлѣ, сказать, кто храбрѣе и отважнѣе дѣйствовалъ, раненый ли Дзюба, или же спасшіе его отъ плѣна товарищи. Но между пластунами—товарищами всегда такъ было. Гдѣ бы и при какихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ пластуну, какъ передовому бойцу и развѣдчику, не приходилось дѣйствовать, онъ всегда былъ крѣпокъ не только личною отвагою и умѣніемъ, но и тѣснымъ союзомъ съ товарищами. Такимъ онъ былъ не только въ сраженіи на войнѣ, но и у себя дома въ станицѣ, разъ жизнь и дѣло того требовали. Въ матеріалахъ Кубанскаго казачьяго архива остались указанія на интересный случай охраны станицы льготными пластунами въ іюнѣ 1853 г.

Въ темную іюньскую ночь, когда при новолуніи небо было покрыто мрачными тучами и когда пѣшіе черкесы имѣли обыкновеніе ползкомъ, какъ змѣи, пробираться въ станицы въ надеждѣ поживиться казачьимъ добромъ,—пластуны Гуртовый, Рогачъ и Чернега залегли залогой у плетня станицы Елизаветинской. Это была ихъ родная станица.

Пластунъ любилъ секретъ или залогу. Притаившись гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, пластунъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ окрестности, все высматривалъ, ко всему прислушивался, все узнавалъ. Въ самыя опасныя поэтому минуты пластунъ

находясь въ залогѣ не только успѣвалъ хорошо разобраться въ окружающей его обстановкѣ, но и придумать тотъ или другой наиболѣе подходящій къ данному случаю планъ дѣйствій.

У Гуртоваго, Рогача и Чернеги дѣло было проще. Они превосходно, какъ свои пять пальцевъ, знали мѣстность у станицы и близъ Кубани. Опытные пластуны были увѣрены также въ томъ, что въ эту ночь черкесы непремѣнно явятся на воровство въ станицу. Очень ужъ подходящая была для того ночь.

Размѣстившись на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, такъ чтобы можно было охватить наибольшее пространство для наблюденій и незамѣтно подать условный сигналъ другъ другу при надвигавшейся опасности, пластуны превратились цѣликомъ въ слухъ и во вниманіе. Малѣйшій шорохъ, игра тѣни, безпорядочное круженіе въ воздухѣ летучей мыши, отдаленный лай собаки, легкій топотъ животнаго, однимъ словомъ все, что дѣйствовало на слухъ и глазъ пластуна, не ускользало отъ его вниманія.

Время клонилось къ полуночи. Гуртовый, Рогачъ и Чернега точно провалились куда-то. Ни звука, ни малѣйшаго движенія не слышно было тамъ, гдѣ они сидѣли. Но навѣрное каждый изъ нихъ съ напряженіемъ слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ станицѣ и возлѣ станицы, разгадывая по звукамъ, гдѣ и что случилось. Навѣрное они слушали и соображали, въ какомъ „куткѣ“ и чьи собаки лаяли; по условному свистку узнавали, въ какую сторону станицы направлялся ночной обходъ и на сколько частей разбились ходившіе по станицѣ съ дозоромъ малолѣтки; считали удары колокола, когда отбивалъ часы на колокольнѣ церковный сторожъ; улавливали шумъ и шорохъ, гдѣ бы они ни проходили.

Но вотъ вдали по направленію къ Кубани раздался какой то звукъ, точно кто-то чихнулъ. Пластуны насторожились. Гуртовый, какъ старшій, старался первымъ выяснить, что означалъ этотъ звукъ. Раздалось снова сдержанное подавленное чиханіе. Это ясно уже разслышали пластуны. Черкесъ такимъ образомъ выдалъ пластунамъ себя и, быть можетъ, товарищей.

Гуртовый издалъ мышиный пискъ. Съ двухъ противоположныхъ сторонъ Рогачъ и Чернега отвѣтили такимъ же пискомъ и ползкомъ безшумно приблизились къ звавшему ихъ товарищу. Молча Гуртовый прицѣлился изъ ружья въ томъ направленіи откуда слышалось чиханье. Товарищи закивали головами, показывая тѣмъ, что поняли, куда надо направить вниманіе. Всѣ трое стали терпѣливо ждать, что же будетъ дальше.

Скоро для пластуновъ выяснилось, въ чемъ было дѣло. Къ станицѣ подкрадывался не одинъ черкесъ, а цѣлая партія. Она, повидимому, была близко отъ залоги. Ея движенія періодически то совершенно затихали, то снова проявлялись слабымъ шорохомъ. Горцы, очевидно, въ свою очередь слѣдили за тѣмъ, чтобы не нарваться на разъѣздъ или на залогу, и прислушивались къ тому, что происходило въ станицѣ.

Снова Гуртовый приподнялъ ружье и повелъ головою направо и налѣво къ сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ товарищамъ. Рогачъ и Чернега считали Гуртоваго старшимъ и „слушались его команды". Мгновенно они также приподняли ружья. Прошла минута. Гуртовый опустилъ ружье. Товарищи сдѣлали то же. Не пришелъ еще моментъ стрѣлять. Ночь была убійственно темна, а черкесы, въ виду близости станицы, замедлили движенія и, двигаясь осторожно, не выдавали себя.

Нѣсколько разъ Гуртовый собирался стрѣлять и все же не могъ уловить надлежащаго момента. Когда, наконецъ, въ послѣдній разъ онъ приподнялъ ружье и когда замѣтилъ, что и товарищи его утвердительно кивнули головами, то скомандовалъ: „пли".

Раздались три выстрѣла. Кто-то не то свалился, не то бросилъ что-то тяжелое на землю. Послышалась шипящая рѣчь черкесовъ и вдругъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ пластуновъ освѣтилось широкой полосой небольшое пространство. Это черкесы отвѣтили залпомъ пластунамъ по тому направленію, откуда раздались три выстрѣла. Но опытные пластуны, какъ только спустили курки, сразу залегли въ канаву у станичнаго плетня, и черкесскія пули просвистѣли надъ ними. Только Гуртовый впопыхахъ забылъ прибрать ногу и шальная пуля угодила ему въ пятку.

По выстрѣламъ черкесовъ пластуны могли уже судить о размѣрѣ черкесской партіи. Имъ почудилось не менѣе восьми отдѣльныхъ звуковъ. Черкесская партія во всякомъ случаѣ была невелика и пластуны рѣшили преслѣдовать ее. Теперь они уже не таились, а съ крикомъ „ура!" бросились къ черкесамъ. Долгое напряженное молчаніе перешло какъ бы въ энергію, которою дрожалъ каждый мускулъ у пластуновъ. Къ тому же они были дома, у себя возлѣ станицы, откуда казаки несомнѣнно дадутъ помощь, услышавши выстрѣлы.

Ночь нѣсколько спутала расчеты пластуновъ. Тремя выстрѣлами они расчитывали отдѣлаться отъ трехъ противниковъ изъ черкесской партіи, а, какъ послѣ оказалось, ранили только двухъ.

Обѣ стороны, однако, разрядили уже огнестрѣльное оружіе. Вновь заражать ружья было уже некогда. Пластуны надѣялись на привинченные къ ружьямъ штыки; черкесы полагались на шашки.

Наэлектризованные отвагой казаки настигли уходившихъ черкесовъ. Отъ Рогача и Чернеги не отставалъ и раненый въ ногу Гуртовый. Нога ныла и болѣла, постилъ изъ кожи дикаго кабана, крѣпко привязанный къ ногѣ ремешкомъ, былъ полонъ крови. Но не даромъ раненый носилъ фамилію Гуртовый, т. е. артельный, товарищескій. Онъ не могъ допустить мысли о томъ, что его вѣрные товарищи останутся въ бою одни безъ него.

Съ перваго же натиска пластуны такъ насѣли на черкесовъ, что одинъ изъ горцевъ палъ подъ ударами штыковъ, а другой былъ раненъ. Такимъ образомъ, изъ партіи у черкесовъ выбыло

четыре человѣка, но и оставалось еще шесть человѣкъ—„по два брата“, по выраженію пластуновъ, къ тому же у черкесовъ были раненые и убитый. Нужно было позаботиться о нихъ. Шансы пластуновъ отъ этого увеличивались.

Ожесточенная свалка началась у трупа убитаго черкеса. Обычай не позволялъ черкесамъ оставить убитаго товарища въ рукахъ непріятеля и они всячески старались захватить его съ собою. Казаки не давали трупа. Но тѣ и другіе были на сторожѣ другъ противъ друга и когда одни пытались нанести удары, другіе искусно отражали ихъ.

Черкесамъ, однако, нельзя было терять времени. Съ минута на минуту къ пластунамъ могла подоспѣть помощь изъ станицы, и тогда вся партія должна была или сложить головы, или же позорно сдаться въ плѣнъ. Горцы по необходимости вынуждены были оставить на мѣстѣ боя убитаго товарища и стали уходить съ ранеными по направленію къ Кубани.

Темная ночь помогала обѣимъ сторонамъ. Черкесы успѣли уйти въ заросли къ Кубани, пластуны, избавивши станицу отъ партіи хищниковъ, не рѣшились рисковать дальше при неблагопріятныхъ для нихъ условіяхъ. Въ кустахъ или въ камышахъ, подъ прикрытіемъ ночной темноты, у горцевъ могъ быть резервъ. Къ тому же раненый Гуртовый сталъ ослабѣвать отъ большой потери крови.

„Ну ихъ!“ рѣшили пластуны. Главное было сдѣлано—непріятель прогнанъ. Пластуны повернули назадъ въ станицу.

Приказомъ по войску отъ 30 іюля 1853 г. исполнявшій обязанности наказнаго атамана Черноморскаго казачьяго войска г.-м. Кухаренко благодарилъ пластуновъ Гуртоваго, Рогача и Чернегу за оказанный ими военный подвигъ по защитѣ станицы и населенія.

Такъ дѣйствовали пластуны у себя на дому при своей обычной домашней обстановкѣ. Условія жизни службы какъ бы выдѣлили ихъ въ особую группу, создали у нихъ особенный бытъ, отношенія и порядки. Въ теченіе трицатилѣтней военной практики среди черноморцевъ выработался своеобразный типъ воина-казака на Кубани. Вотъ что писалъ въ тѣхъ же пятидесятыхъ годахъ, когда „ходили на залоги“ Гуртовые, Рогачи и Чернеги, черноморецъ-офицеръ, современникъ и соучастникъ въ боевой и обыденной жизни пластуновъ.

„Пластунъ, говоритъ онъ, это обыкновенно дюжій, валкій на ходу казакъ первообразнаго малороссійскаго складу и закалу: тяжелый на подъемъ и неутомимый, незнающій удержу послѣ подъема; при хотѣньи—бѣгущій на гору, при нехотѣньи—еле плетущійся подъ гору; ничего не обѣщающій внѣ дѣла и удивляющій неистощимымъ запасомъ и разнообразіемъ, безконечной тягучестью способностей въ дѣлѣ... Сквозь сильный загаръ пластунскаго лица пробивается добродушіе, которое легко провести, и вмѣстѣ суровая сила воли и убѣжденія, которую трудно погнуть или сломать. Угрю-

Засада пластуновъ въ прикубанскихъ плавняхъ

мый взглядъ и навощенный кверху вздернутый усъ придаютъ лицу пластуна выраженіе стойкойсти и неустрашимости. Въ самомъ дѣлѣ, это лицо, окуренное порохомъ, превращенное въ бронзу непогодами, какъ бы говоритъ вамъ: не бойсь, передъ опасностью—ни назадъ ни въ сторону! Когда вы съ нимъ идете въ опасномъ мѣстѣ или въ опасное дѣло,—отъ его шага, отъ его взгляда и простого слова вѣетъ на васъ какимъ-то спокойствіемъ, какимъ-то забвеніемъ опасности. Пластуны одѣваются, какъ черкесы, и притомъ, какъ самые бѣдные черкесы. Это оттого, что каждый поискъ по тѣснинамъ и трущобамъ причиняетъ сильную аварію ихъ наряду. Черкеска, отрепанная, покрытая разноцвѣтными, нерѣдко даже,—вслѣдствіе потеряннаго терпѣнія во время починки,—кожаными заплатами, папаха вытертая, порыжѣлая, но, въ удостовѣреніе беззаботной отваги, заломленная на затылокъ, чевяки изъ кожи дикаго кабана, щетиною наружу—вотъ будничное убранство пластуна. Прибавьте къ этому: сухарную сумку за плечами, добрый штуцеръ въ рукахъ, привинтной штуцерный тесакъ съ деревяннымъ набойникомъ, спереди, около пояса и висящія съ боковъ пояса, такъ называемыя, причиндалья: пороховницу, кулечницу, отверку, жирникъ, шило изъ рога дикаго козла, иногда котелокъ, иногда балалайку или даже скрипку—и вы составите себѣ полное понятіе о походной наружности пластуна, какъ она есть“.

Такимъ былъ пластунъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, законченный типъ черноморца стрѣлка и развѣдчика. Въ печати не рѣдко можно встрѣтить мнѣніе, что пластунъ первоначально былъ созданъ въ Запорожской Сичи и перешелъ къ ея наслѣдницѣ Черноморіи въ готовомъ видѣ первообраза, какъ и многое другое, созданное своеобразнымъ строемъ Запорожья. Мнѣніе совершенно ошибочное. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя общія черты у пластуна и у запорожца всегда можно найти. Но пластунъ—произведеніе Черноморскаго казачьяго войска, родился, крестился, выросъ и исторически возмужалъ въ Черноморіи, подъ вліяніемъ тѣхъ военныхъ условій, въ которыхъ находился этотъ край. Поэтому, ему присущи своеобразныя черты мѣстнаго происхожденія и склада—военная техника и организація.

Живя товариществами и производя поиски за черкесами партіями, пластуны имѣли свои обыкновенія—право выбора молодыхъ казаковъ, и право на самостоятельныя развѣдки, производимыя на собственный рискъ и страхъ. Часто ближайшее даже начальство не было посвящено во всѣ тонкости пластунскаго предпріятія. Нѣсколькимъ человѣкамъ, зашедшимъ на земли непріятеля, да еще такого, какъ черкесы, не отъ кого было ждать помощи въ случаѣ бѣды. Тутъ требовались собственныя силы и изворотливость, иначе на каждомъ шагу пластуну грозили или смерть, или плѣнъ. И среди пластуновъ дѣйствительно вырабатывались замѣчательные воины и личности. Терпѣніе и отвага при поискахъ, стойкость и неустра-

шимость въ случаѣ встрѣчи съ врагомъ, изворотливость, хитрость, при необходимости обмануть противника, прекрасное знаніе мѣстности и умѣнье при этомъ пользоваться ея выгодами, мѣткій расчитанный выстрѣлъ, привычка щадить врага при случаѣ и держать въ то же время его въ почтительномъ отдаленіи отъ себя—все это налагало особый, весьма своеобразный отпечатокъ на дѣятельность и поступки черноморскаго пластуна, дѣлало его въ глазахъ черкеса особенно опаснымъ противникомъ. Черкесы не подозрѣвали, что своими мелкими набѣгами и борьбой они вызвали къ жизни этого противника.

Не рѣдко бывали случаи, когда пластуны пробирались ночью въ черкесскіе аулы, подмѣчали здѣсь приготовленія къ набѣгу, уводили скотъ или лошадей, подслушивали разговоры при знакомствѣ съ языкомъ и, вывѣдавши все, что требовалось, пробирались снова тайкомъ на линію. Сколько-нибудь замѣтныя движенія и сборища черкесовъ въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, поэтому, рѣдко когда ускользали отъ наблюдательности пластуновъ. Застигнутые на мѣстѣ поисковъ непріятелемъ, пластуны почти никогда не давались въ руки противникамъ, какъ бы многочисленны ни были эти послѣдніе. Выбравши позицію, что не составляло для нихъ никакого затрудненія, такъ какъ пластунъ каждый шагъ дѣлалъ, соображаясь съ характеромъ мѣстности и подъ прикрытіемъ ея,—пластуны или отстрѣливались или просто, молча, дѣлали засаду. Парализовавши такимъ образомъ первый натискъ со стороны черкесовъ, пластуны заботились о дальнѣйшемъ отступленіи. Попадалась вблизи „хмереча“, т. е. такая чаща, черезъ которую, по выраженію черноморцевъ, „гусь даже не можетъ продраться“,—пластуны прятались въ нее, и тогда черкесъ-всадникъ по необходимости долженъ былъ прекратить преслѣдованіе. Находились ли невдалекѣ плавни и болота—и тамъ были у пластуна свои „задніе ходы“, а для всадника опять таки становилось немыслимымъ дальнѣйшее преслѣдованіе. Прикрывалъ ли засѣвшихъ пластуновъ кустарникъ, камышъ или просто бурьянъ—и тутъ отступающіе находились: выставивъ шапки или башлыки на показъ, пластуны въ то же время „ползкомъ“ проходили, что называется, подъ самымъ носомъ непріятеля, занимали другую болѣе выгодную позицію, или же совсѣмъ скрывались изъ вида преслѣдующихъ, пока эти послѣдніе не догадывались объ обманѣ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ пластуны выказывали замѣчательный умъ и находчивость, и часто одни и тѣ же продѣлки безнаказанно повторялисъ на глазахъ горцевъ по нѣсколько разъ, потому что каждый разъ пуля пластуна держала горца въ почтительномъ отдаленіи отъ мѣста засады. А пластуны были замѣчательные стрѣлки, не уступавшіе въ мѣткости выстрѣла американскимъ героямъ Купера и Майнъ-Рида. Хорошимъ стрѣлкомъ пластунъ дѣлался, впрочемъ, не только отъ борьбы съ горцами, но и благодаря охотѣ за дикими звѣрями. Все свободное отъ

поисковъ за черкесами время пластуны употребляли на охоту за кабанами, козами, оленями, волками и пр. Здѣсь, добывая для себя вкусную пищу, они преимущественно и пріучались къ мѣткой стрѣльбѣ, такъ какъ и здѣсь плохой выстрѣлъ, напр., въ кабана грозилъ смертью или увѣчьемъ. Пластуны, поэтому, требовали умѣнья хорошо стрѣлять и отъ поступавшихъ къ нимъ новичковъ, при двухъ необходимыхъ при этомъ качествахъ—хладнокровіи и терпѣливости. Вообще на своеобразномъ типѣ пластуна отразилась ярче, чѣмъ на другихъ казакахъ, вся сумма тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась военная жизнь черноморца на Кубани, и само собою разумѣется, что борьба съ черкесами тутъ стояла на первомъ планѣ.

Можно сказать, что въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, т. е. ко времени Крымской кампаніи союзныхъ войскъ противъ Россіи, типъ черноморскаго пластуна вполнѣ сложился. Пластуны имѣли свою боевую организацію, свои техническіе пріемы въ военномъ дѣлѣ, свой особый военный бытъ, свою даже исторію. Но на страницы военной исторіи они попали, благодаря только участію въ военныхъ дѣйстіяхъ подъ Севастополемъ въ 1854 и 1855 г. Здѣсь черноморскіе пластуны сразу были поняты и оцѣнены по достоинству военными авторитетами. Но здѣсь они примѣняли на дѣлѣ то, что далъ имъ Кавказъ и что сложилось уже у нихъ въ систему, въ „пластунское искусство", при длительной борьбѣ съ черкесами.

При защитѣ Севастополя участвовали собственно два пластунскихъ баталіона—2-й подъ командою полковника Головинскаго и 8-й подъ командою полковника Бѣднягина. Здѣсь на долю пластуновъ выпала самая трудная аванпостная служба, которую казаки выполняли съ рѣдкимъ самоотверженіемъ и искусствомъ, очень характернымъ именно для пластунскаго строя и пріемовъ. Пластуны прибыли въ Севастополь 10 сентября 1854 г., а 11 уже участвовали въ фланговомъ движеніи нашихъ войскъ къ Бахчисараю для занятія позицій по р. Качѣ и 13 октября часть ихъ участвовала въ сраженіи при взятіи четырехъ непріятельскихъ редутовъ близъ Балаклавы. Это было первое крупное сраженіе, въ которомъ пластуны рѣзко выдѣлились изъ рядовъ русскихъ войскъ по своимъ боевымъ пріемамъ и обратили на себя всеобщее вниманіе. Мѣткіе и расчитанные выстрѣлы ихъ изъ лучшихъ по тому времени нарѣзныхъ штуцеровъ разстраивали и осаживали непріятельскихъ стрѣлковъ. Пластуны, какъ стрѣлки и застрѣльщики, не нашли себѣ равныхъ противниковъ. Тутъ же они выказали и свою кавказскую сноровку, при столкновеніи съ кавалеріей. Въ то время, какъ 120 пластуновъ, наступая противъ одной изъ батарей въ качествѣ застрѣльщиковъ впереди цѣпи Владимірскаго пѣхотнаго полка, разсыпались въ лощинѣ, покрытой мелкимъ кустарникомъ,—на нихъ былъ двинутъ полуэскадронъ лучшей французской кавалеріи. Французы съ обнаженными саблями поскакали на пластуновъ въ карьеръ,

ожидая вѣроятно встрѣтить обычный пріемъ построенія противника въ каре. Но пластуны, согласно своимъ кавказскимъ пріемамъ, не стали скучиваться и приняли непріятеля въ разсыпную. Присѣвши на одно колѣно, каждый изъ пластуновъ выстрѣломъ съ колѣна снималъ съ лошади мчавшагося на него всадника. Оставшіеся въ живыхъ французы не сдержавши лошадей, пронеслись въ промежуткахъ между пластунами, окончательно разстроились и растерялись, немногимъ изъ нихъ удалось ускакать назадъ. Тогда бросился на пластуновъ другой полуэскадронъ, но и его постигла та же участь; французы частью были истреблены, а частью взяты въ плѣнъ. И при этомъ оказалось, что оба раза пластуны не потеряли ни одного убитаго; немногіе изъ нихъ только слегка были ранены. Такъ помогла имъ кавказская военная сноровка, выработанная въ борьбѣ съ черкесами.

Но настоящее поле дѣятельности черноморскихъ пластуновъ было подъ стѣнами Севастополя. Такъ какъ при осадѣ Севастополя боролись двѣ многочисленныя арміи на очень близкомъ разстояніи одна отъ другой, то передовая аванпостная служба здѣсь была самою тяжелою и опасною. Съ каждымъ днемъ непріятельскія траншеи подвигались все ближе и ближе къ городу, возводились новыя батареи, велись мины,—и за всѣмъ этимъ приходилось слѣдить пластунамъ тамъ, гдѣ это входило въ линію ихъ расположенія.

Чтобы воспрепятствовать непріятелю въ работахъ,—изъ Севастополя на спорные пункты высылались русскія войска, выходившія за нашу артиллерійскую линію, а впереди этихъ войскъ въ свою очередь дѣйствовали пластуны. Такимъ образомъ, пластунская служба была здѣсь, такъ сказать, передовою въ передовыхъ рядахъ. Этого мало. Высылавшіяся на передовыя позиціи войска перемѣнялись и обновлялись, а пластуны безсмѣнно находились на боевыхъ позиціяхъ и служили постояннымъ авангардомъ для смѣнявшихся войскъ. „По мѣрѣ того, говоритъ генералъ Попко, какъ осаждающіе подвигались ближе и ближе къ Севастополю, какъ боевое поле между воюющими сокращалось, передовая служба пластуновъ становилась все труднѣе. Они устраивали свои ложементы менѣе, чѣмъ на половину ружейнаго выстрѣла отъ непріятельскихъ стрѣлковыхъ закрытій и батарей, такъ что смѣна, засѣвшая въ ложементы ночью, не могла выйти изъ нихъ до слѣдующей ночи, а иначе была бы мгновенно перебита. Даже подъ покровомъ ночи смѣны достигали ложементовъ не иначе, какъ ползкомъ. Зато пластуны держали въ томъ же безвыходномъ положеніи непріятельскихъ стрѣлковъ. Особенно же наловчились они мѣтить въ амбразуры, лучше сказать, во всякія отверстія непріятельскихъ батарей, и убивать артиллеристовъ, чѣмъ значительно облегчали трудное положеніе нашихъ батарей, засыпаемыхъ сильнѣйшимъ, подавляющимъ огнемъ непріятельской артиллеріи огромныхъ калибровъ.“

„Въ это тяжкое время, сражавшимся на позиціи казакамъ приходилось по цѣлымъ суткамъ довольствоваться какимъ-нибудь суха-

ремъ и нерѣдко терпѣть жажду, приходилось съ вечера обмокнуть, къ утру обмерзнуть и нескоро дождаться очереди обогрѣться и осушиться. Боевыя потери въ людяхъ происходили ожедневно; стихійныя вліянія и лишенія бивуака также подрывали силы пластуновъ. Къ концу зимы 1855 г. число людей въ обоихъ баталіонахъ сократилось на столько, что они не могли уже составить и одного полнаго баталіона. Но нравственное настроеніе было сильное, боевой духъ росъ, пластуны закалялись. Часто имъ приходилось попадать въ невозможное положеніе. Вотъ одно изъ многихъ подобныхъ же".

„Въ ночь на 5 апрѣля 1855 г., впереди 4-го бастіона, пластуны по обыкновенію занимали передовые ложементы, а за ними, во второй линіи резервныхъ ложементовъ, была расположена рота Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка. Непріятель велъ подъ 4-й бастіонъ мину, но, дойдя съ ней только до первой линіи нашихъ ложементовъ, рѣшился взорвать ее, потому что замѣтилъ съ нашей стороны контръмину. Взрывъ послѣдовалъ ночью и былъ такъ силенъ, что все пространство впереди 4-го бастіона и самый бастіонъ содрогнулись нѣсколько разъ, какъ бы отъ ударовъ самаго жестокаго землетрясенія. Взлетѣвшими на воздухъ глыбами земли и камнями обдало всѣ ложементы, а особенно досталось ближайшему ко взрыву, крайнему ложементу пластунской линіи. Въ то же мгновеніе осаждающіе распорядились по всѣмъ ближайшимъ своимъ линіямъ открыть сильнѣйшій ружейный и артиллерійскій огонь, при чемъ были пущены въ ходъ боевыя ракеты. Казалось непріятель хотѣлъ соединить всѣ ужасы боевого огня въ одну внезапную стихію, чтобы окончательно ошеломить 4-й бастіонъ. Ротѣ, бывшей въ резервныхъ ложементахъ, представились всѣ признаки наступающаго штурма, и она отступила на бастіонъ, гдѣ, вслѣдствіе этого, забили тревогу и стали готовиться къ отраженію приступа. Не видя, однако, пластуновъ и не получая отъ нихъ извѣстія, обезпокоились на счетъ ихъ участи".

„Хорунжій Макаръ Шульга, произведенный въ чинъ офицера изъ рядовыхъ пластуновъ, рѣшился добраться до ихъ ложементовъ, несмотря на мятель штуцерныхъ пуль. Возвратясь, онъ донесъ, что въ ложементахъ пластуны на своихъ мѣстахъ и шибко ведутъ перестрѣлку, а крайняго, шестого ложемента, возлѣ котораго послѣдовалъ взрывъ, онъ не могъ запримѣтить и полагаетъ, что его совсѣмъ засыпало землею отъ взрыва. Вторично сдѣланное дознаніе показало, что и въ крайнемъ ложементѣ люди цѣлы; что послѣ взрыва пластуновъ дѣйствительно присыпало землею и заставило ихъ расчищать закрытіе пригоршнями и шапками, но какъ только они немного оправились и примѣтили, что непріятельскіе стрѣлки бросились занимать воронку, то начали выбивать ихъ оттуда усиленнымъ огнемъ и до сихъ поръ еще не допустили ни одного смѣльчака прочно тамъ усѣсться; но что у нихъ патроны уже на исходѣ. Тогда послали къ тремъ молодцамъ, такъ хорошо распоряжавшимся въ своемъ потрясенномъ и засыпанномъ закрытіи подкрѣ-

пленіе изъ четырехъ пластуновъ и патроны; исходъ былъ тотъ, что непріятельскіе стрѣлки, несмотря на всѣ ихъ усилія, не были допущены занять воронку, и оставили въ ней кучу своихъ убитыхъ“.

Держась обыкновенно впереди батарей на самыхъ крайнихъ позиціяхъ и ложементахъ, участвуя въ секретахъ, дозорахъ и развѣдкахъ по осаднымъ работамъ союзниковъ, пластуны возвращались на бастіоны лишь для кратковременныхъ передышекъ. Здѣсь они находили иногда горячую пищу, которая готовилась въ городѣ и приносилась оттуда на бастіоны. Цѣлыя ночи дежурили затѣмъ казаки на самыхъ опасныхъ передовыхъ пунктахъ, зорко слѣдя за всѣмъ, что происходило на передовыхъ позиціяхъ непріятеля. По слуху, припавши ухомъ къ землѣ, они опредѣляли вновь начинавшіяся работы и направленіе, въ какомъ онѣ велись; а если слуха оказывалось недостаточно, то ухитрялись подъ покровомъ ночи пробраться къ самому мѣсту работъ, наблюдали, какъ непріятель копалъ землю, куда онъ выносилъ ее, какъ устанавливалъ пушки и пр. Такимъ образомъ, ни одна батарея не устраивалась у союзниковъ, ни одна траншея не была у нихъ выкопана, ни одно поступательное движеніе въ этомъ отношеніи не укрывалось отъ бдительныхъ пластуновъ. Ползая на развѣдки, пластуны, не стѣсняясь, захватывали съ собою все, что плохо лежало у непріятеля. Однажды они взяли въ плѣнъ передовой непріятельскій постъ какъ разъ въ то время, когда непріятели сидѣли за горячимъ супомъ. Пластуны при этомъ захватили не только весь постъ въ полномъ составѣ, но и два котла супу и потомъ дома „чужими пирогами своихъ родителей поминали“, т. е. угощали плѣнниковъ ихъ же собственнымъ супомъ. Когда въ первое время осады Севастополя передовые караулы и редуты союзниковъ не позволяли видѣть расположеніе непріятельскихъ силъ и судить о намѣреніяхъ противниковъ, то пластунамъ поручено было проникнуть въ непріятельскій станъ. Мелкими партіями пробрались они незамѣченными сквозь передовую цѣпь, затѣмъ также удачно прошли вторую линію болѣе усиленныхъ уже карауловъ, наконецъ, обошли даже резервы съ артиллеріею, и, высмотрѣвши хорошо расположеніе главныхъ силъ непріятеля, ихъ складовъ, парковъ, бараковъ, пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, пробрались затѣмъ назадъ совершенно другими путями, потерявши одного человѣка, но за то доставивши массу полезныхъ свѣдѣній.

Когда около того же времени явилась нужда въ уничтоженіи сѣна, заготовленнаго севастопольцами, но попавшаго въ руки непріятеля, то пластуны, по предложенію главнокомандующаго, взялись сжечь эти запасы сѣна. Въ первую же благопріятную ночь, при благопріятномъ вѣтрѣ, 20 казаковъ, подъ командою урядника Демьяненка, переправились черезъ рѣку Черную и устроили здѣсь засаду, пославши трехъ пластуновъ къ сѣнному складу. Пробравшись ползкомъ между непріятельскими караулами, посланные пластуны проникли внутрь склада и, зажегши изнутри сѣно, поползли

обратно и затѣмъ бросились бѣжать на глазахъ французовъ мимо засады. Французы пустились преслѣдовать бѣглецовъ, но едва убѣгавшіе миновали засаду, какъ раздался отсюда дружный залпъ, ошеломившій французовъ. Пользуясь замѣшательствомъ многочисленнаго непріятеля, пластуны вовремя успѣли отступить безъ всякихъ потерь, надѣвши на кусты свои шапки. Между тѣмъ, пока горѣло сѣно, въ французскомъ войскѣ поднялась тревога, выдвинуты были впередъ даже резервы и долго затѣмъ раздавались ружейные выстрѣлы по висѣвшимъ на кустахъ шапкамъ, пока непріятели не разобрали, въ чемъ было дѣло.

Формулярные списки офицеровъ и пластуновъ, участвовавшихъ въ Крымской кампаніи, наполнены множествомъ крупныхъ и мелкихъ военныхъ дѣяній, совершенныхъ пластунами въ теченіе всей кампаніи. Но сухой перечень разнаго рода порученій, движеній, развѣдокъ, разъѣздовъ, аванпостныхъ стычекъ, нападеній, отраженій, плѣненій, вылазокъ и т. п. не даетъ еще яснаго представленія о томъ, что и какъ исполняли пластуны на самомъ дѣлѣ. Въ живомъ освѣщеніи дѣйствительности всѣ эти формулярныя отличія характеризуются своеобразными подробностями, начиная отъ вызывающаго улыбку случая и оканчивая крупнымъ личнымъ подвигомъ, блещущимъ самоотверженіемъ и геройствомъ.

На страницы печати о севастопольскихъ событіяхъ въ свое время занесенъ былъ разительный случай трогательнаго отношенія Черноморскихъ пластуновъ къ убитому товарищу. Люди, привыкшіе съ мужествомъ глядѣть въ глаза смерти, не могли перенести издѣвательства надъ трупомъ товарища и рѣшили въ крайнемъ случаѣ пожертвовать другою жизнью, чтобы прекратить опозореніе мертвеца.

Четвертый бастіонъ, на которомъ служили пластуны, дальше другихъ укрѣпленій вдавался въ черту непріятельской осадной позиціи и, поэтому, несъ больше потерь, чѣмъ другія укрѣпленія. Особенно сильно вредила ему непріятельская мортирная батарея, устроенная въ землѣ на разстояніи штуцернаго выстрѣла отъ бастіона. Когда 28 ноября было заключено между воюющими сторонами перемиріе на нѣсколько часовъ для уборки убитыхъ, главнокомандующій князь Меньшиковъ и начальникъ Севастопольскаго гарнизона графъ Сакенъ прибыли на четвертый бастіонъ.

Возникъ вопросъ о причинахъ большихъ потерь на этомъ бастіонѣ. Вице-адмиралъ Новосельскій, какъ на главную причину, указалъ на подземную непріятельскую батарею. Началось общее обсужденіе способовъ, съ помощью которыхъ можно было бы уничтожить батарею, но никто ничего подходящаго не указалъ. Тогда присутствовавшій при этомъ совѣщаніи начальникъ пластуновъ Головинскій скромно замѣтилъ, что просто надо пойти и взять батарею.

— „А съумѣете ли вы сдѣлать это съ вашими казаками?“ спросилъ его графъ Сакель.

Головинскій отвѣтилъ утвердительно и предложеніе его было принято.

Вечеромъ того же дня составился отрядъ охотниковъ изъ 390 казаковъ, 50 моряковъ и около 100 человѣкъ солдатъ. Въ полночь пластуны, по приказанію Головинскаго, поползли по направленію къ непріятельскимъ траншеямъ и высмотрѣли расположеніе карауловъ. При глубокой тишинѣ и со всевозможными предосторожностями. освѣдомившіеся съ расположеніемъ карауловъ пластуны повели отрядъ въ обходъ непріятельскихъ карауловъ. Когда охотники подошли къ траншеѣ, то послѣ дружнаго залпа по непріятельской цѣпи, бросились въ траншею, а затѣмъ и на батарею.

Пока поднялась тревога по ближайшимъ непріятельскимъ линіямъ, были заклепаны три большихъ мѣдныхъ мортиры. Замѣтивши это, урядникъ пластунъ Иванъ Герасименко, имѣвшій болѣе аршина въ плечахъ, сказалъ: „жаль, братцы, такъ добро портить; возьмемъ лучше себѣ“ и, поднявши одну изъ трехъ незаклепанныхъ мортиръ, выбросилъ ее на верхъ. Его примѣру послѣдовали и другіе.

Такимъ образомъ, охотники, отступая на 4-й бастіонъ, захватили съ собою три мортиры. Кромѣ того, были взяты 14 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ были одинъ полковникъ и одинъ поручикъ, а также ружья, одежда, ранцы и пр. Отрядъ быстро отступилъ на бастіонъ, выдержавши ужасный ружейный огонь уже у рва 4-го бастіона. Казаки потеряли 8 человѣкъ убитыми и 5 ранеными; три пластуна были убиты въ первой свалкѣ и тамъ остались.

На другой день казаки замѣтили изъ ближайшаго къ непріятелю ложементу продѣлку цивилизованныхъ противниковъ, глубоко возмутившую пластуновъ. Къ наружной стѣнкѣ у траншеи былъ приставленъ спиною убитый наканунѣ въ свалкѣ пластунъ Ерофей Кобецъ съ такимъ расчетомъ, что казаки, стрѣляя по траншеѣ, по необходимости должны были разстрѣливать шальными пулями своего убитаго товарища. Между тѣмъ и вызволить трупъ убитаго не было никакой возможности, такъ какъ пули сыпались градомъ изъ непріятельской траншеи.

Тогда пластуны, дождавшись ночи и прикрѣпивши къ поясу молодому пластуну Порфирію Семаку длинную веревку, велѣли ему ползти къ непріятельской траншеѣ и привязать къ ногамъ убитаго одинъ конецъ веревки. Вслѣдъ за Семакомъ былъ посланъ другой пластунъ, который долженъ былъ подтаскивать веревку и замѣнить Семака, въ случаѣ еслибы былъ убитъ этотъ самоотверженный казакъ.

Къ счастью, Семакъ благополучно исполнилъ взятую на себя обязанность и, избѣжавши непріятельскихъ выстрѣловъ, буквально таки подъ дулами непріятельскихъ штуцеровъ привязалъ къ ногамъ покойнаго веревку. Далеко за полночь возвратились обратно оба посланныхъ пластуна. Затѣмъ товарищами покойнаго осторожно, хотя и не безъ затрудненій, былъ притянутъ убитый и выставленный на позоръ Кобецъ къ казачьему ложементу, откуда былъ взятъ на руки и на другой день похороненъ по христіанскому обряду.

Такъ Семакъ съ товарищемъ исполнили свои обязанности. Поступки этого рода кроются глубоко-глубоко въ нравственной

Севастопольскіе пластуны

природѣ человѣка, а такія дѣянія не мыслимы безъ мужества и самоотверженія.

А вотъ еще одинъ примѣръ пластунской выдержки и хладнокровія.

Однажды въ послѣднихъ числахъ ноября 1854 г., командиръ 2-го пластунскаго баталіона Головинскій шелъ въ сопровожденіи казака станицы Екатеринодарской Степана Назаренка по бастіонной траншеѣ въ городъ. Замѣтивши полетъ бомбы, Головинскій мгновенно остановился и нагнулся, прислонившись къ траншейной стѣнкѣ. То же, по приказанію командира, сдѣлалъ и шедшій сзади его Назаренко.

Бомба упала на откосъ траншеи, рядомъ съ Назаренкомъ, и скатилась ему на спину, не разорвавшись, такъ какъ фитиль ея не догорѣлъ еще.

— „Она уже на меня взлѣзла, ваше высокоблагородіе“, раздался вдругъ за спиною Головинскаго голосъ его ординарца въ такомъ спокойномъ и невозмутимомъ тонѣ, которымъ онъ какъ бы спрашивалъ начальника, что же прикажетъ послѣдній дальше дѣлать съ бомбой.

Головинскій, неоднократно выказывавшій чудеса храбрости и самообладанія, почувствовалъ, по его словамъ, что у него дыханіе захватило, и едва могъ проговорить: „не шевелись!“ Казакъ въ точности исполнилъ это приказаніе командира, не измѣнилъ своего положенія, не шевельнулся и не дрогнулъ передъ лежавшею на его спинѣ смертью.

А бомба, какъ бы желая поощрить пластунское мужество и присутствіе духа, пошевелившись, свалилась со спины на землю и не разорвалась, такъ какъ попала горящимъ фитилемъ въ лужу, образовавшуюся послѣ дождя въ траншеѣ.

Такъ служили и сражались подъ Севастополемъ черноморскіе пластуны. И здѣсь служебная дѣятельность пластуновъ отличалась тѣмъ же партизанскимъ характеромъ, какой она носила на родной Кубани въ борьбѣ съ черкесскими племенами. Но здѣсь, въ виду сильныхъ и хорошо вооруженныхъ союзниковъ, пластунская служба была несравненно сложнѣе и многотруднѣе, чѣмъ на родинѣ. Здѣсь пластуну приходилось совершать подъ выстрѣлами усовершенственнаго оружія и часто буквально таки подъ дулами непріятельскихъ пушекъ и ружей все то, что привыкъ онъ дѣлать на развѣдкахъ въ черкесскихъ земляхъ при болѣе благопріятныхъ, хорошо знакомыхъ и привычныхъ условіяхъ. И пластунъ стойко, исправно и мужественно несъ службу, выполняя наиболѣе рискованныя порученія начальства и съ одинаковымъ искусствомъ сражаясь какъ въ одиночку, такъ и совмѣстно съ товарищами.

Глава XIX.

КРЫМСКАЯ КАМПАНІЯ НА ЧЕРНОМОРСКОМЪ И АЗОВСКОМЪ ПОБЕРЕЖЬЯХЪ.

Война Россіи съ Турціей и ея союзными державами не ограничилась для Черноморскаго войска однимъ Крымскимъ полуостровомъ, гдѣ дѣйствовали два пластунскихъ баталіона и одинъ конный полкъ. Военныя дѣйствія были распространены союзными войсками на Черноморію и восточное побережье Черного моря.

Какъ только выяснилась неизбѣжность войны, русское правительство немедленно распорядилось вывести гарнизоны изъ всѣхъ укрѣпленій, расположенныхъ по Черноморскому побережью, а самыя укрѣпленія привести въ негодный видъ. Распоряженіе это было приведено въ исполненіе въ началѣ 1854 г. Оставить укрѣпленія значило бы заранѣе обречь на истребленіе какъ эти укрѣпленія, такъ и гарнизоны ихъ. Это были небольшія сооруженія съ земляными брустверами, расчитанными на дѣйствіе одного ружейнаго огня. Пушекъ въ нихъ было мало и большею частью не дальнобойныя, малаго калибра. Гарнизоны также были слабы по численности. Каждое укрѣпленіе было изолировано и имѣло безпрепятственный доступъ для русскихъ войскъ только съ моря. Кругомъ были черкесы и никакой точки опоры для гарнизона.

Когда стало извѣстнымъ, что весною 1854 г. у Константинополя было сосредоточено болѣе 100 большихъ и самыхъ совершенныхъ по тому времени судовъ, съ значительнымъ по численности десантомъ и превосходною дальнобойною артиллеріею; тогда стало до очевидности яснымъ, что русскимъ войскамъ дольше нельзя опираться на форты и укрѣпленія Черноморскаго побережья. Русскій малочисленный флотъ, который сразу былъ запертъ въ Севастопольской бухтѣ, не могъ защитить эти примитивныя крѣпости. Сами укрѣпленія не въ состояніи были бы дать отпоръ союзному флоту, такъ какъ дальнобойная артиллерія этого послѣдняго могла разрушить ихъ съ такого разстоянія, до котораго ни въ коемъ случаѣ не могли бы достать допотопныя орудія нашей крѣпостной артиллеріи.

Если бы союзный флотъ не разрушилъ нашихъ побережныхъ укрѣпленій или просто не обратилъ на нихъ вниманія, то ими завладѣли бы черкесы. Гарнизонамъ пришлось бы или вымереть съ голоду или отдаться въ руки черкесамъ. Провіантъ, боевые припасы доставлялись въ укрѣпленія моремъ и, стало быть, разъ укрѣпленія, за отсутствіемъ русскаго флота, были бы отрѣзаны съ моря, гарнизоны очутились бы въ совершенно безпомощномъ положеніи. А горцы на

Черноморскомъ побережьѣ были настроены далеко враждебнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Еще въ началѣ 1853 г., когда Турція заключила союзъ съ Англіей и Франціей, турецкіе агенты въ обиліи появились на побережьѣ и начали волновать горцевъ. Нападеніе 10 тысячъ шапсуговъ и натухайцевъ 26 іюля 1853 г. на одно изъ укрѣпленій—Гостагай, было уже результатомъ дѣятельности этихъ агентовъ и увѣренности горцевъ въ близкой помощи отъ турокъ. Это было указаніе на то, какъ отнесутся горцы къ укрѣпленіямъ и фортамъ побережья при открытіи военныхъ дѣйствій союзниками. Печальный опытъ 1840 г., когда черкесами въ короткое время, съ 7 февраля по 30 марта, было взято четыре укрѣпленія на побережьѣ, служилъ также достаточно внушительнымъ прецедентомъ.

Однимъ словомъ, эвакуація гарнизоновъ и приведеніе въ негодный видъ укрѣпленій Черноморскаго побережья была неизбѣжною военною мѣрою передъ началомъ Крымской кампаніи. Выведенными съ побережья войсками можно было усилить войска дѣйствующей арміи.

Такимъ образомъ, въ началѣ 1854 г. изъ всѣхъ укрѣпленій, расположенныхъ по восточному берегу Чернаго моря, остались два—Анапа и Новороссійскъ. Послѣднія находились близъ Черноморской кордонной линіи и ихъ гарнизоны всегда могли уйти сухимъ путемъ въ Черноморію, съ которою у нихъ были сообщенія. Всѣ же остальныя укрѣпленія были разрушены, превращены въ развалины. То, что солдаты не могли съ собою взять, было уничтожено или запрятано въ колодцы и ямы, засыпанные землей и мусоромъ. Разрушены были, кромѣ укрѣпленій, цѣлые форштадты, какъ наприм. въ Геленджикѣ. И когда русскія войска ушли съ побережья, горцамъ не чѣмъ было даже поживиться.

Благодаря столь рѣшительной мѣрѣ, былъ съуженъ и районъ нашихъ военныхъ операцій при защитѣ береговъ Чернаго моря. Дѣйствію непріятельскихъ судовъ было открыто небольшое пространство отъ Новороссійска до Керчи и Тамани. Защитѣ подлежали собственно Таманскій проливъ и Азовское побережье. Союзнымъ войскамъ, въ виду необходимости, предстояло имѣть дѣло съ двумя казачьими войсками—Черноморскимъ и Донскимъ, и преимущественно съ первымъ, такъ какъ большая частъ восточныхъ береговъ Азовскаго моря принадлежала ему. Но имѣть дѣло съ казаками значило бы вести партизанскую войну, какъ это и случилось впослѣдствіи. Населеніе такихъ двухъ войскъ, какъ Донское и Черноморское, могло постоять само за себя.

Защита береговъ Чернаго моря, въ предѣлахъ Новороссійска и Тамани, Азовскаго побережья и общее командованіе казачьими войсками—Донскимъ, Черноморскимъ и Азовскимъ, поручено было наказному атаману Донского войска генералъ-адъютанту Хомутову. Послѣдній донесъ 11 мая военному министру князю Долгорукову объ опасности, грозившей Новороссійску и Анапѣ, а также Азовской гребной флотиліи. Отвѣчая Хомутову на его сообщеніе о высадкѣ

непріятельскихъ войскъ въ Крыму, министръ далъ, согласно волѣ Государя, указанія о томъ, чтобы всѣ усилія были направлены на сохраненіе Анапы и чтобы въ устьяхъ Кубани было достаточное число стрѣлковъ, пластуновъ и орудій. Новороссійскъ, фортъ Раевскій и прианапскія станицы были очищены населеніемъ, ушедшимъ въ Черноморію. Предполагая, что Азовское побережье и Таманскій полуостровъ подвергнутся дѣйствіямъ непріятеля, министръ предложилъ Хомутову заградить Азовскою гребною флотиліею, если она цѣла, устье Дона и дать указанія по этому предмету наказному атаману Азовскаго казачьяго войска. Вообще же защита береговъ Азовскаго моря возлагалась на мѣстныя казачьи войска и должна была вестись на мѣстныя средства.

Но возлагая такую тяжелую и отвѣтственную службу на казаковъ, центральное правительство отвлекло часть казачьихъ военныхъ силъ въ Крымъ къ Севастополю. Черноморскому войску приказано было двинуть на Крымскій полуостровъ два батальона пластуновъ. Пластунскій № 2 батальонъ выступилъ изъ Черноморіи еще 27 іюня 1854 г. 29 онъ былъ въ Керчи, а 2 іюля въ Феодосіи, гдѣ и поступилъ въ Феодосійскій отрядъ подъ команду г.-м. Жабокрицкаго, и до 5 сентября занимался здѣсь фронтовымъ ученьемъ. Послѣ этого, согласно распоряженію Хомутова, пластуны двинулись обратно въ Черноморію, но по дорогѣ ихъ воротили въ Феодосійскій отрядъ, съ которымъ пластуны и отправились 6 сентября къ Севастополю, сдѣлавши въ теченіе четырехъ дней 175 верстъ. Съ 10 сентября пластуны присоединились къ дѣйствующей арміи на Куликовомъ полѣ съ южной стороны Севастополя, а послѣ 13 октября передвинуты были черезъ Аккерманскія высоты въ мѣстность Бельбекъ. Черезъ два дня, 15 сентября, пластуны съ 100 донскими казаками были на рекогносцировкѣ у деревни Черной и открыли тамъ присутствіе многочисленнаго непріятеля. Послѣ нѣкоторыхъ передвиженій, пластуны попали въ составъ Севастопольскаго гарнизона, заняли самый опасный 4-й бастіонъ, на которомъ и находились по 25 января 1855 г. подъ начальствомъ вице-адмирала Новосельскаго. Дѣйствія этой части пластуновъ уже описаны въ предшествующей главѣ. Тамъ шли военныя дѣйствія во всю мощь союзныхъ и русскихъ войскъ, кровь лилась рѣкой и военныя опустошенія производились съ небывалою силою

Инымъ характеромъ отличались дѣйствія союзниковъ въ предѣлахъ Черноморіи и Черноморскаго побережья.

Предписаніемъ изъ г. Керчи 24 января 1855 г. генералъ-адъютантъ Хомутовъ распорядился, чтобы наказный атаманъ Черноморскаго казачьяго войска дѣйствовалъ на Черноморской кордонной линіи свободно, не испрашивая у него никакихъ разрѣшеній, и сообразуясь единственно съ мѣстными условіями. Кромѣ того, онъ приказалъ защитить косы Тузлу и Чушку, Тамань и пос. Фанагорію. Особенно важною онъ считалъ защиту Еникальскаго пролива. Поэтому, на Чушкѣ онъ приказалъ соорудить батарею на 8 орудій 36 фунтоваго

калибра. Тогда же, въ январѣ 1855 г., начались и военныя дѣйствія непріятеля въ предѣлахъ Черноморскаго войска. По сообщенію полковника Крыжановскаго исполнявшему обязанности наказнаго атамана г.-м. Кухаренку, 31 января, когда шла изъ Керчи большая вольная лодка съ тяжелою почтою, непріятельскій пароходъ, сторожившій проливъ Чернаго моря у Тузлы, отправилъ четыре баркаса съ отрядомъ и орудіемъ, чтобы захватить лодку. Послѣдняя успѣла пристать къ берегу и сгрузить почту. Съ непріятельскихъ береговъ высадилось тоже до 40 человѣкъ, вооруженныхъ штуцерами. Въ это время появилась команда пластуновъ и заставила непріятеля уйти на свои баркасы, послѣ неудачной попытки сжечь кордонъ береговой стражи. Также на Тузлѣ непріятели сожгли нѣсколько пустыхъ, брошенныхъ забродчиками, рыбныхъ заводовъ. По сообщенію того же Крыжановскаго г.-м. Кухаренкѣ, 10 февраля изъ двухъ пароходовъ, стоявшихъ въ Таманскомъ проливѣ, одинъ фрегатъ направился къ Бугазу и открылъ по Бугазской косѣ пушечный огонь. Стоявшая тамъ сотня казаковъ, по распоряженію войскового старшины Барышъ-Тыщенка, была разсыпана цѣпью за возвышенностью. Непріятель спустилъ съ фрегата три баркаса съ войсками. Но въ это время въ подкрѣпленіе къ сотнѣ казаковъ появились наши войска. Непріятель безъ бою отступилъ на фрегатъ, который двинулся по направленію къ Анапѣ и сжегъ тамъ незначительныя постройки.

Въ среднихъ числахъ февраля непріятельскія суда въ небольшомъ количествѣ крейсировали между Таманью и Новороссійскомъ, истребляя наши приморскіе посты, а 27 февраля пять пароходовъ, вооруженныхъ 67 орудіями, вошли въ Новороссійскую бухту. Непріятель началъ бомбардировать Новороссійское укрѣпленіе. Собравшіеся въ большомъ количествѣ натухайцы явились на помощь союзнымъ войскамъ, но всѣ ихъ дѣйствія ограничились выраженіемъ одного сочувствія. Бомбардировка непріятельской артиллеріи продолжалась три дня. Сильно были повреждены укрѣпленіе, зданія, верки и пр. Особенно усиленно велась бомбардировка Новороссійска 1 марта. Въ это время со стороны Новороссійскаго укрѣпленія могла дѣйствовать одна приморская батарея, вооруженная 7 орудіями и 3 мортирами. Съ этой батареи была серьезно повреждена часть непріятельскихъ судовъ, которыя вынуждены были уйти для починки поврежденій, причиненныхъ нашими орудіями. Въ этотъ же день выведена была изъ Новороссійскаго укрѣпленія часть войскъ. Когда замѣтилъ это непріятель, то предложилъ натухайцамъ взять у него одно орудіе и произвести съ нимъ нападеніе на русскій вагенбургъ, вывезенный изъ укрѣпленія. Несмотря на настоятельныя убѣжденія союзниковъ, натухайцы, собравшіеся въ количестрѣ 3000 всадниковъ, отказались произвести эту диверсію. Курьезнѣе, всего, что причину своего отказа натухайцы мотивировали опасеніями, что русскіе непремѣнно отнимутъ у нихъ орудіе.

Въ мартѣ и апрѣлѣ непріятельскія суда въ небольшомъ составѣ продолжали крейсировать вдоль Кавказскихъ береговъ Чернаго моря.

Въ это время въ Сухумѣ, откуда также выведены были русскія войска, находился Сеферъ-бей Занъ, котораго послала Турція для возбужденія противъ Россіи кавказскихъ горцевъ, предоставивши ему права главнокомандующаго надъ ними. Сеферъ-бей, однако, отказался явиться къ натухайцамъ, когда они усиленно приглашали его къ себѣ, и ограничился разсылкою воззваній къ горцамъ, съ требованіемъ прислать ополченіе дла поддержки турецкаго корпуса у Батума. Черкесы въ отвѣтъ на это не послали въ Сухумъ ни одного всадника. Въ то же время другой болѣе видный и опасный противникъ русскихъ войскъ Магометъ-Аминъ, оскорбленный предпочтеніемъ ему Сеферъ-бея, сознательно устранился отъ подготовки горцевъ къ совмѣстной съ турками и ихъ союзниками войнѣ. Такимъ образомъ, благодаря бездарности Сеферъ-бея и выжидательному положенію Магометъ-Амина, наша Черноморская кордонная линія, побережье отъ Новороссійска до Тамани и самый Таманскій полуостровъ были ограждены отъ военныхъ дѣйствій черкесовъ, т. е. съ той стороны, откуда болѣе всего слѣдовало ожидать ихъ и откуда можно было нанести намъ самыя серьезныя затрудненія и потери.

Около этого же времени, 12 мая 1855 г. изъ Чернаго моря въ Таманскій проливъ прибыло болѣе 50 англійскихъ и французскихъ пароходовъ, кромѣ кораблей. Эскадра эта атаковала и взяла Керчь и Ениколь. Устроенныя для защиты этихъ пунктовъ 5 батарей не могли противиться непріятельскому флоту. Войска вышли изъ батарей, а пушки были заклепаны. Тоже сдѣлано было съ казачьей батареей на Чушкѣ, въ которой часть пушекъ была заклепана, а часть, оставленная для дальнѣйшихъ дѣйствій, вывезена. Къ этой батареѣ подошли до 22 непріятельскихъ пароходовъ, и когда гарнизонъ началъ отступленіе на полуостровъ по косѣ, то подвергся сильному обстрѣлу съ непріятельскихъ судовъ. При этомъ 4 пушки, взятыя гарнизономъ съ собою, пришлось закопать въ землю. Кромѣ потери батареи и пушекъ, непріятель сжегъ одинъ баркасъ казачьей гребной флотиліи, одинъ баркасъ повредилъ бомбами, а въ гарнизонѣ были ранены три казака и одинъ убитъ. Въ это время непріятельскія суда имѣли обыкновеніе приставать къ Бугазу и останавливаться здѣсь на ночлегъ. Замѣтивши это, полковникъ Крыжановскій скрытно придвинулъ возможно ближе къ мѣсту стоянки непріятельскихъ судовъ конную казачью батарею и открылъ огонь по непріятельскимъ судамъ. Казаки сильно повредили при этомъ непріятельскую канонерку, а непріятель съ этого времени вынужденъ былъ оставить удобныя мѣста ночныхъ стоянокъ при Бугазскомъ лиманѣ.

Присутствіе сильной непріятельской эскадры у береговъ Таманскаго полуострова заставило очистить станицы, находившіяся близъ этихъ береговъ. Таманскій станичный атаманъ Воевода 13 мая донесъ г.-м. Кухаренкѣ, что, вслѣдствіе занятія съ 12 мая непріятельскимъ флотомъ Таманскаго пролива и Азовскаго моря, г.-м. Лобко приказалъ жителямъ Тамани выселиться изъ станицы. При-

казаніе это было немедленно исполнено и жители Тамани остановились временно въ станицѣ Ахтанизовской. Такъ какъ непріятель не дѣлалъ высадки въ Тамани, то много жителей возвратилось въ Тамань „и эти жители, рапортовалъ атаманъ, по простотѣ своей и невниманію къ окружающей опасности, остались на мѣстѣ". Объ этомъ атаманъ сообщилъ г.-м. Лобко и полк. Крыжановскому, но никакихъ распоряженій отъ нихъ не получилъ. Поэтому, станичный атаманъ просилъ у наказнаго атамана указаній, какъ ему быть съ жителями Тамани, возвратившимися въ свои дома. Черезъ 7 дней, 20 мая, полковникъ Крыжановскій въ свою очередь донесъ г.-м. Кухаренкѣ, что, по распоряженію г.-ад. Хомутова, онъ выселилъ всѣхъ жителей съ имуществомъ изъ станицъ Таманской, Вышестебліевской, Старотитаровской и Ахтанизовской въ станицу Полтавскую. Того же 20 мая Кухаренко приказалъ Крыжановскому зарыть въ землю всѣ желѣзные матеріалы провіантскаго магазина и сжечь ту часть провіанта, которую нельзя будетъ вывезти, въ случаѣ наступленія непріятеля. Тогда же приказано было вывезти и вино изъ Тамани.

Между тѣмъ какъ непріятель оставлялъ въ покоѣ мѣстныхъ жителей, собственныя войска начали безчинствовать въ нѣкоторыхъ пунктахъ, для защиты которыхъ они были посланы. Смотритель Ахтарской и Ачуевской косъ есаулъ Чернявскій 30 мая сообщилъ Кухаренкѣ, что онъ удалилъ скотъ съ Ахтырской косы внутрь Черноморіи, на случай движенія непріятеля. Все имущество жителей сложено на фуры, которыя немедленно, при приближеніи непріятеля, будутъ двинуты во внутреннія станицы. Съ этой стороны есауломъ Чернявскимъ были приняты всѣ мѣры для огражденія интересовъ населенія. Но тѣ, кому поручена была защита отъ непріятеля жителей и ихъ имущества начали своевольничать и безчинствовать въ домахъ. Исполнявшій обязанности командира хорунжій Губа съ своимъ братомъ и казаками ночью 24 мая пошелъ по домамъ жителей Ахтарской косы, разбивалъ двери, таскалъ изъ домовъ мужей и женъ, рвалъ на нихъ рубахи, причинилъ жестокіе побои казачкѣ Варварѣ Чуприниной, мѣщанину Лекарскому и его женѣ, а жену урядника Бѣлаго взялъ въ лагерь и продержалъ ее тамъ до разсвѣта. Чернявскій просилъ наказнаго атамана заставить хорунжаго Губу и порученную ему команду прекратить безобразія и расхищеніе имущества, иначе, писалъ онъ, „имущество нашими же казаками будетъ разграблено до вторженія еще непріятеля". Очень можетъ быть, что есаулъ, попавшій въ подчиненіе къ хорунжему, и сгустилъ нѣсколько краски, но фактъ безпорядковъ въ собственныхъ войскахъ врядъ ли подлежитъ сомнѣнію.

Съ половины мая замѣтно мѣняются военныя дѣйствія на Кавказскихъ берегахъ. Въ это время русскіе лазутчики донесли изъ за Кубани, что къ натухайцамъ прибыли Сеферъ-бей и Мустафа-паша съ значительнымъ отрядомъ турецкихъ войскъ и что турки совмѣстно съ черкесами намѣреваются взять г. Екатеринодаръ. Хотя свѣдѣнія о размѣрѣ турецкаго отряда оказались впослѣдствіи сильно пре-

увеличенными, но кавказскіе военачальники придали большое значеніе появленію Сеферъ-бея и турокъ между закубанскими черкесами. Краю грозили бы серьезныя осложненія, если бы, съ одной стороны, турки съ черкесами, а съ другой, суда союзнаго флота, введенныя въ Кубань, стали одновременно дѣйствовать противъ казачьихъ войскъ. Вслѣдствіе этого рѣшено было вывести гарнизоны изъ Новороссійска и Анапы, чтобы еще болѣе съузить линію военныхъ операцій и усилить гарнизонами наличныя войска. Поэтому, 17 мая были выведены войска изъ Новороссійска, а 28 числа очищена Анапа. Сеферъ-бей немедленно занялъ Анапу съ незначительнымъ, полуторасотеннымъ отрядомъ турецкаго войска разношерстнаго состава. Это показывало, какое важное значеніе имѣло бы для войны совмѣстное дѣйствіе союзныхъ войскъ или турокъ съ черкесами. Къ счастью казачества, ни турки, ни ихъ союзники не оцѣнили надлежащимъ образомъ этого обстоятельства, а черкесы были парализованы взаимнымъ соперничествомъ двухъ черкесскихъ вождей— Сеферъ-бея и Магометъ-Амина. Это спасло прикубанскій край отъ разоренія.

Въ это время не легко жилось какъ черноморцамъ, населеніе которыхъ было сильно ослаблено напряженною военною службою, такъ и анапцамъ и жителямъ Таманскаго полуострова, бѣжавшимъ въ Черноморію. Въ предписаніи 9 іюня 1855 г. начальнику Таманскаго военнаго округа генералъ-майоръ Кухаренко, писалъ, что до него дошли слухи о неудобствахъ, испытываемыхъ жителями станицъ, ушедшихъ съ Таманскаго полуострова. Ему сообщили, что казачьи семьи стояли обозами на улицахъ и не знали, что имъ дальше предпринять. Между тѣмъ г.-ад. Хомутовъ требовалъ, чтобы эти невольные переселенцы были удалены въ наиболѣе отдаленныя отъ мѣста военныхъ дѣйствій станицы и временно устроены въ нихъ. Сообразно съ этимъ, Кухаренко издалъ особыя правила о размѣщеніи ушедшихъ съ Таманскаго полуострова семействъ по станицамъ. Въ такомъ же устроеніи нуждались и другія части населенія, пострадавшаго отъ военныхъ дѣйствій. Начальникъ г. Ейска донесъ 31 мая г.-м. Кухаренкѣ, что препровожденныя въ городъ Ейскъ 32 семейства нижнихъ чиновъ Черноморскаго линейнаго батальона для продовольствія ихъ казеннымъ провіантомъ не могутъ дальше оставаться въ Ейскѣ, вслѣдствіе перенесенія непріятелемъ военныхъ дѣйствій въ Азовское море. Для огражденія отъ непріятеля продовольственный магазинъ и его запасы перевезены въ станицу Старощербиновскую. Непріятель можетъ занять г. Ейскъ, а средствъ для перевозки солдатскихъ семействъ въ другія мѣста въ распоряженіи начальника порта не было. Поэтому, онъ просилъ наказнаго атамана дать ему указанія, какъ поступить съ солдатскими семействами, рискующими попасть еще въ болѣе тяжелыя условія въ случаѣ высадки непріятеля въ Ейскѣ.

Съ августа мѣсяца непріятельскій флотъ повелъ болѣе энергичныя наступательныя дѣйствія въ Азовскихъ водахъ. Начальнику

резерва г.-м. Дебу предписано было 16 августа поддержать отрядъ 29 Донского полка, въ случаѣ высадки непріятельскихъ войскъ въ Ачуевѣ и движенія ихъ внутрь Черноморіи. Но 8 августа командиръ 29 Донского полка донесъ наказному атаману генералу Филипсону, что въ станицѣ Новонижестебліевской, ближайшей къ Ачуеву, стало извѣстнымъ объ уничтоженіи непріятелемъ Ачуевскаго рыболовнаго завода и о направленіи отсюда непріятельскихъ судовъ къ станицѣ Камышеватской. Начальникъ Таманскаго округа полковникъ Бабычъ 12 сентября донесъ Филипсону, что отъ подполковника Крыжановскаго онъ получилъ извѣстіе о высадкѣ до 5000 непріятельской пѣхоты на Таманскій полуостровъ и о занятіи Фанагоріи. Крыжановскій истребилъ бывшіе въ Тамани продовольственные запасы и отступилъ съ войсками во внутрь Черноморіи, а оставшіеся отъ перваго выселенія жители Тамани станицъ Вышестебліевской, Старотитаровской и Ахтанизовской двинулись также въ томъ же направленіи съ войсками.

Но днемъ раньше, 11 сентября, въ 7 часовъ утра, какъ доносилъ полковникъ Бабычъ, непріятельскій пароходъ, ставши на якорь близъ Голубицкихъ хуторовъ и произведя изъ орудій нѣсколько выстрѣловъ по нимъ, спустилъ баркасъ съ вооруженными матросами на берегъ съ намѣреніемъ сжечь находившееся на берегу судно. Когда приблизились къ судну непріятельскіе солдаты, бывшіе въ засадѣ пластуны открыли ружейный огонь и трехъ матросовъ ранили, а одного убили. На помощь первому баркасу съ парохода было спущено еще три баркаса съ вооруженными людьми, пытавшимися высадиться на берегъ; но пластуны и взводъ артиллеріи, скрытый за возвышенностью, дѣйствовали такъ удачно, что непріятель не въ состояніи былъ осуществить своего плана. Испытавшій неудачу пароходъ вошелъ въ Азовское море и остановился на якорѣ. Ночью къ нему присоединился другой пароходъ, а утромъ 12 октября стало здѣсь 9 пароходовъ и вдали въ морѣ виднѣлись еще 4. Въ числѣ этихъ 15 судовъ было 9 пароходовъ и 6 кононерокъ.

Когда непріятель 12 сентября былъ у Тамани и Фанагоріи, полковникъ Крыжановскій съ кавалеріей и сотникъ Колесниковъ съ пластунами занимали аванпосты. Пластуны, дѣйствуя по скрытнымъ мѣстамъ, производили нападенія на непріятельскій лагерь въ Фанагоріи и на высылаемыя изъ него партіи. При этихъ стычкахъ пластуны всегда оставляли въ рядахъ непріятеля убитыхъ и раненыхъ. Взяты были въ плѣнъ два француза и два англичанина. Полковникъ Крыжановскій, занимавшій съ казаками ближайшія высоты отъ Фанагоріи, доносилъ, что непріятель, засѣвши въ Фанагоріи, не проявлялъ никакого движенія; но ночью пластуны не давали покоя непріятелю своими вылазками. Не ограничиваясь этими мелкими стычками, полковникъ Бабычъ привелъ въ исполненіе слѣдующій остроумный планъ. Двумъ сотнямъ казаковъ, подъ командой сотника Герко, поручено было занять высоты внѣ выстрѣловъ

непріятеля и ночью зажечь огни, чтобы показать, что пришли подкрѣпленія. Въ то же время полковникъ Крыжановскій долженъ былъ раздѣлить на три части пластуновъ и охотниковъ, съ тѣмъ чтобы они, пользуясь темнотою ночи, подползли съ разныхъ сторонъ, какъ можно ближе, къ Фанагоріи, и съ криками „ура" открыли ружейный огонь по крѣпости. Маневръ этотъ удался превосходно. Встревоженный непріятель, опасаясь штурма, открылъ непрерывный артиллерійскій огонь, продолжавшійся съ 2 часовъ ночи до утра. Въ это время пластуны поползли обратно отъ крѣпости, не потерявши ни одного человѣка, но сильно потревоживши непріятеля. Утромъ союзники сожгли зданія въ Фанагоріи,—зданія Тамани были уничтожены еще 15 сентября, и сѣвши на суда, отправились въ Керчь.

Около того же времени были ближе придвинуты къ мѣсту дѣйствія войска, находившіяся у Вареников пристани и въ другихъ мѣстахъ кордонной линіи, чтобы дать непріятелю, въ случаѣ наступленія его отпоръ на сушѣ. Въ это время серьезно заболѣлъ г.-м. Кухаренко и наказный атаманъ Филипсонъ назначилъ на его мѣсто командиромъ Екатеринодарскаго отряда и завѣдующимъ 1 и 2 участками Черноморской кордонной линіи полковника барона Сталя, поручивши ему дѣятельно наблюдать за ходомъ военныхъ дѣйствій въ его районѣ.

Непріятель однако не предпринималъ серьезныхъ движеній. Завѣдующій аванпостами сотникъ Зинченко сообщилъ, что 4 непріятельскихъ парохода остановились противъ пересыпскаго моста, произвели высадку на 8 баркасахъ и сожгли мостъ. Хотя здѣсь и были въ засадѣ 40 пластуновъ, но они, вслѣдствіе малочисленности, не могли дать отпора непріятелю, тѣмъ болѣе, что все время берегъ обстрѣливался съ судовъ артиллерійскимъ огнемъ. Вообще въ сентябрѣ непріятельскія суда сжигали рыболовные заводы по берегамъ Азовскаго моря и Курчанскаго лимана. Въ единичныхъ случаяхъ пластуны не допускали до этого непріятельскихъ матросовъ. По сообщенію полковника Бабыча изъ Темрюка отъ 23 сентября, на разсвѣтѣ 19 сентября до 4 тысячъ черкесской конницы и пѣхоты союзныхъ войскъ, съ 2 орудіями, заняли возвышенности на лѣвой сторонѣ Кубани, чтобы произвести нападеніе на уходившихъ въ глубь Черноморіи жителей, расположившихся большимъ обозомъ со скотомъ у Новогригорьевскаго поста. Но по дорогѣ на этотъ постъ была расположена казачья артиллерія и въ траншеяхъ залегли пластуны. Благодаря удачнымъ выстрѣламъ казаковъ изъ трехъ орудій и усиленному ружейному огню изъ траншей, непріятелю не только не удалось осуществить своего плана, но и пришлось поспѣшно ретироваться на суда.

Въ теченіе всего сентября непріятельскія суда крейсировали по Таманскому проливу и Азовскому морю. На это встрѣчается немало указаній въ сообщеніяхъ начальниковъ отдѣльныхъ казачьихъ частей. Въ одно время съ таманскихъ аванпостовъ было замѣчено

прибытіе къ Павловской батареѣ 30 непріятельскихъ пароходовъ, изъ которыхъ 10 остановились у Керчи, а 20 подошли къ Еникале. Къ отдѣльнымъ крупнымъ эпизодамъ крейсированія непріятельскихъ судовъ по Азовскому морю надо отнести бомбардировку города Ейска и высадку непріятеля въ этотъ городъ, который, впрочемъ, былъ оставленъ союзными войсками послѣ краткаго пребыванія въ немъ.

Подъ конецъ непріятельскихъ дѣйствій въ водахъ Азовскаго моря и его пролива, черноморцамъ пришлось имѣть дѣло съ союзными войсками и по ту сторону Таманскаго пролива у Керчи. Въ сентябрѣ команда изъ 15 человѣкъ своднаго казачьяго полка, дѣйствовавшаго въ Крыму близъ Керчи и Феодосіи, была послана къ татарскимъ деревнямъ въ мѣстности прилегавшей къ Керчи. Скоро казаки были замѣчены непріятельской кавалеріей, которая и бросилась преслѣдовать казачью команду. До 200 англичанъ гнались за казаками и успѣли захватить трехъ изъ нихъ въ плѣнъ, а казаки, изображая убѣгающихъ, увлекали за собой англичанъ на засаду. Въ то время, когда англичане съ торжествомъ брали въ плѣнъ казаковъ, двѣ сотни бывшихъ въ засадѣ казаковъ, подъ командою войскового старшины Курганскаго, внезапно атаковали растерявшагося непріятеля, обратили его въ бѣгство и гнали болѣе 14 верстъ. Казаки при этомъ успѣли отнять своихъ плѣнниковъ и взяли въ плѣнъ двухъ сержантовъ, 12 рядовыхъ и 3 мальтійцевъ, съ 14 лошадьми, 5 вьючными мулами и со всѣмъ оружіемъ. За этотъ подвигъ казаки получили благодарность главнокомандующаго, знаки отличія и были отличены предъ всѣмъ Черноморскимъ войскомъ въ особомъ приказѣ наказнаго атамана.

Во второй разъ тотъ же сводный полкъ отличился 11 декабря 1855 г. И на этотъ разъ производившій развѣдки хорунжій Черный съ 60 казаками и есаулъ Шелестъ съ сотнею подкрѣпленія отступали, отстрѣливаясь отъ кавалеріи англо-турецкаго легіона. Казаки вели за собой непріятельскій легіонъ на протяженіи 8 верстъ, пока не приблизились къ главнымъ своимъ силамъ. Тогда картина измѣнилась. Преслѣдуемые казаки быстро повернули фронтомъ къ непріятелю и перешли въ наступленіе. Турки храбро вступили въ борьбу и въ общей свалкѣ обѣ стороны смѣшались. Но въ это время на мѣсто боя явились казаки, подъ командою Жилинскаго. Когда одинъ англійскій офицеръ былъ раненъ и бѣжалъ съ поля битвы, а англійскаго офицера, командовавшаго непріятельской кавалеріей, есаулъ Черный, ранивши изъ пистолета, взялъ въ плѣнъ, турки и англичане обратились въ бѣгство, оставивши на мѣстѣ 2 убитыхъ и 42 раненыхъ. Казаки, подъ командою Жилинскаго, гнали убѣгавшаго непріятеля на протяженіе 10 верстъ отъ Керчи и успѣли захватить въ плѣнъ еще 5 турокъ. За это дѣло казачій Черноморскій полкъ и его командиръ получили въ особомъ приказѣ главнокомандующаго благодарность и 8 казаковъ были награждены знаками отличія Георгія 4-й степени.

Заканчивая общій очеркъ военныхъ дѣйствій въ Черноморіи и на Черноморскомъ побережьѣ въ 1854 и 1855 г.г., въ заключеніе умѣстно будетъ занести на страницы исторіи и изустныя показанія очевидцевъ о происшествіяхъ того времени.

Одинъ изъ мѣстныхъ бытописателей М. О. Поночевный записалъ воспоминанія старожиловъ о характерныхъ эпизодахъ борьбы черноморскихъ казаковъ съ цивилизованными непріятелями. По его свѣдѣніямъ, первымъ пунктомъ, подвергшимся нападенію флота союзныхъ войскъ, была Тамань. Здѣсь находился въ то время небольшой отрядъ пластуновъ, подъ командою сотника Дудника, съ четырехфунтовой пушкой. Нѣсколько мелкихъ военныхъ судовъ непріятеля подошли къ Тамани, послѣ взятія Керчи, и направили къ берегу на мелкихъ судахъ десантъ. Дудникъ съ пластунами подпустили суда къ самому берегу, на ружейный выстрѣлъ, и огнемъ изъ пушки и ружей помѣшали высадкѣ десанта, совершенно уничтоживши одинъ катеръ и сильно повредивши другой. Остальныя суда, провожаемыя выстрѣлами пластуновъ, отправились обратно къ фрегатамъ. Съ послѣднихъ въ свою очередь открыта была канонада по Тамани, сильно пострадавшей отъ непріятельской артиллеріи. Сотникъ Дудникъ, заранѣе удалившій изъ Тамани женщинъ, дѣтей и безпомощныхъ стариковъ со скотомъ и частью имущества, оставилъ казаковъ, способныхъ носить оружіе, въ Тамани послѣ ея бомбардировки, наказавши имъ, не пускать на берегъ непріятеля, а самъ съ пластунской командой двинулся къ Темрюку, для защиты этого послѣдняго.

Въ Темрюкѣ организована была своя охрана, состоявшая изъ мѣстныхъ жителей и нѣсколькихъ сотъ казаковъ. Съ прибытіемъ побывавшаго уже подъ непріятельскимъ огнемъ отряда Дудника въ Темрюкъ пластунамъ порученъ былъ для защиты самый важный стратегическій пунктъ—Голубицкіе хутора, гдѣ были остатки „Суворовской батарейки“. Дудникъ съ пластунами заняли ее. Черезъ сутки послѣ этого на виду у Темрюка появилось уже не нѣсколько судовъ, какъ у Тамани, а цѣлая эскадра. По мелководію, она не могла подойти близко къ Темрюку и остановилась въ открытомъ морѣ. Отсюда началась бомбардировка Темрюка и Голубицкихъ хуторовъ. Темрюкъ, благодаря дальности разстоянія, остался почти нетронутымъ, но Голубицкіе хутора, находившіеся ближе къ союзной эскадрѣ, были совершенно разрушены дальнобойными пушками непріятельскихъ судовъ. Въ траншеяхъ этихъ хуторовъ находились все время пластуны. Когда же съ эскадры былъ посланъ къ хуторамъ на мелкихъ судахъ десантъ, то казаки умышленно подпустили суда къ самому берегу. Съ этою цѣлью они употребили свой обычной въ борьбѣ съ горцами маневръ. Оставивши у хуторовъ свои шапки открыто, на виду у непріятеля, пластуны быстро направились къ мѣсту высадки десанта. По казачьимъ шапкамъ была открыта усиленная пальба, а ничего не подозрѣвавшій

десантъ присталъ къ берегу, куда уже успѣли пробраться пластуны съ пушкою. Лишь только непріятельская лодка, коснувшись песчанаго дна, остановилась на мѣстѣ и сталъ высаживаться десантъ, какъ дружный залпъ пластуновъ привелъ въ полное замѣшательство непріятеля. Въ то же время пластуны бросились къ поврежденному катеру и захватили въ плѣнъ всѣхъ до одного бывшихъ на немъ непріятелей. Плѣнники были отправлены въ Темрюкъ, остальныя десантныя лодки возвратились къ флоту, а весь берегъ у Голубицкихъ хуторовъ буквально таки былъ изрытъ непріятельскискими ядрами. Бомбардировка здѣсь продолжалась днемъ и ночью.

Но въ г. Ейскѣ, куда проникли непріятельскія суда, послѣ усиленной бомбардировки города, союзныя войска высадили десантъ. Жители отсюда успѣли во время уйти съ своими семьями и непріятель, осмотрѣвши пустой городъ, сжегъ сѣно и хлѣбъ и отправился обратно на суда.

Такимъ образомъ, показанія очевидцевъ ничѣмъ не разнятся отъ свѣдѣній, оставшихся въ оффиціальныхъ документахъ, но даютъ болѣе наглядное представленіе объ отдѣльныхъ эпизодахъ восточной войны.

Глава XX.

ПЛѢННИКИ.

Непрерывная война черноморцевъ съ черкесами сопровождалась ежегодными случаями плѣненія то черкесами русскихъ, то русскими черкесовъ. Плѣненіе обычное явленіе всякой войны. По существу плѣнъ есть лишь средство обезоруженія противника. Но у народовъ малокультурныхъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ гражданскаго развитія, плѣнъ служитъ основною задачею войны, ея конечною цѣлью, какъ добыча, какъ своего рода вознагражденіе за военное предпріятіе, рискъ. Такой характеръ плѣнъ носилъ и у черкесовъ.

Строго говоря, черкесская война слагалась изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ набѣговъ горцевъ на русскія владѣнія, а каждый такой набѣгъ расчитанъ былъ на военную добычу. Поэтому, въ общемъ своемъ теченіи эта война вызывалась не столько побужденіями идейной борьбы за свободу и независимость, сколько погонею за плѣнными и ихъ имуществомъ, которые, вмѣстѣ со скотомъ, служили самыми цѣнными предметами поживы. Высшія соображенія о свободѣ и независимости имѣли значеніе какъ бы оправдательнаго документа къ черкесскимъ военнымъ грабежамъ и разбоямъ. Черкесы почерпали этимъ путемъ часть матеріальныхъ средствъ къ жизни,

и въ этомъ обстоятельствѣ крылись причины той жажды ихъ къ набѣгамъ, которою всегда пламенѣли черкесскія племена.

Въ частности пожива плѣнными была у черкесовъ одновременно явленіемъ историческимъ и бытовымъ. Плѣнникъ, ясырь, считался тѣмъ ходкимъ на рынкѣ товаромъ, который выработала своеобразная военная экономика кочевыхъ народовъ, посѣщавшихъ Кавказъ, особенно татаръ. Плѣнника, ясыря, можно было продать, купить и обратить въ раба, въ рабочую силу. Это черкесы и дѣлали, слѣдуя историческому прошлому, тѣмъ порядкамъ внутренней жизни и внѣшнихъ отношеній съ другими народностями, которые искони царили на Кавказѣ и Предкавказьѣ. Порядки эти коренились въ самыхъ условіяхъ черкесскаго быта. У вольныхъ и свободолюбивыхъ черкесовъ были рабы и крѣпостные. Пополненіе кадровъ тѣхъ и другихъ, особенно первыхъ, производилось плѣнниками.

Русскимъ приходилось считаться съ такимъ отношеніемъ черкесовъ къ основному вопросу военной борьбы. За плѣннаго черкеса можно было взять плѣннаго русскаго. Этимъ въ извѣстной мѣрѣ предрѣшались наступательныя дѣйствія русскихъ войскъ. На ряду съ правиломъ око за око и зубъ за зубъ, сложилось правило: возьми твое и отдай мое. Обыкновенно обратно на родину русскіе и черкесы попадали тремя путями—обмѣномъ, выкупомъ и побѣгами. У русскихъ самымъ распространеннымъ способомъ былъ выкупъ, затѣмъ слѣдовали обмѣнъ и побѣги. Черкесы, наоборотъ, чаще всего шли на обмѣнъ, рѣже на выкупъ и меньше всего на побѣгъ. Они не уходили изъ плѣна какъ по тому, что трудно было бѣжать изъ тюрьмы или крѣпости, такъ и по тому, что русскій плѣнъ не былъ рабствомъ.

Но пребываніе въ плѣну у черкесовъ для русскихъ было тяжелымъ испытаніемъ. За невозможностью попасть на родину однимъ изъ вышеуказанныхъ способовъ, плѣннику грозили невольничій рынокъ или вѣчное рабство на мѣстѣ у черкесовъ. Женщинъ, здоровыхъ мужчинъ, мальчиковъ и дѣвочекъ черкесы охотно сбывали въ Турцію, Аравію, Египетъ и др. страны. На такой товаръ всегда были хорошія цѣны. Если же у черкесовъ не было возможности сбыть плѣнника на сторону, то онъ обращалъ его въ рабочую силу. Продажа плѣнныхъ, какъ рабочей силы, была довольно распространена среди самихъ черкесовъ.

Такимъ образомъ, благодаря опредѣленной цѣнности плѣнника, какъ рыночнаго товара, у черкесовъ легко было добывать плѣнныхъ этимъ путемъ. Это былъ самый распространенный способъ возвращенія русскихъ плѣнныхъ на родину. Выкупъ всегда шелъ широкимъ потокомъ и принималъ всевозможныя формы мѣны. Черкесы продавали плѣнныхъ прямо за деньги, мѣняли ихъ на скотъ, оружіе и разные товары, отдавали плѣнныхъ за соль, обмѣнивались плѣнниками на плѣнныхъ, или съ приплатой съ чей-либо стороны, брали смѣшанный выкупъ деньгами и вещами или солью,

вообще черкесы любили мѣну натурою и предпочитали деньгамъ товары.

Самый обмѣнъ плѣнныхъ производился чаще всего на мѣновыхъ дворахъ и при карантинахъ, тамъ гдѣ велась торговля, совершались всевозможные виды мѣны. Временами были спеціальные агенты, занимавшіеся дѣлами этого рода. Такимъ агентомъ въ свое время былъ чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ де-Скасси. Въ февралѣ 1815 г. комиссаръ майоръ Цыхъ просилъ войсковаго атамана Бурсака выслать ему 1200 р. на уплату выкупа за плѣнныхъ—за двухъ 200 р., за двухъ 400 р. и за шестилѣтняго сына подполковника Дубоноса 600 р. Но въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ выкупъ плѣнныхъ или мѣна ими диктовались текущими обстоятельствами. За трупы убитыхъ товарищей черкесы немедленно предлагали русскихъ плѣнныхъ. Нужда въ соли или въ матеріальныхъ средствахъ заставляла черкеса ускорять продажу плѣнныхъ.

Но мѣна была мѣной, отличалась всѣми признаками обычнаго торговаго оборота. При продажѣ и выкупѣ хитрили и нажимали одна другую обѣ торгующіяся стороны—и черкесы, и русскіе. При томъ же не всѣ плѣнные были равноцѣнны. За казачьихъ старшинъ, ихъ женъ и дѣтей черкесы дороже брали, чѣмъ за рядовыхъ казаковъ и членовъ ихъ семей. Молодыя и красивыя женщины нерѣдко цѣнились дороже мужчинъ, и черкесы нажимали русскихъ при выкупѣ русскихъ красавицъ. Въ мартѣ 1815 г. горцы привезли къ пристани Чернолѣсскаго поста русскую женщину и требовали за нее выкупъ, грозя въ противномъ случаѣ продать ее, какъ цѣнный по красотѣ товаръ въ Турцію.

Той же торговой тактики держались съ своей стороны и русскіе. Черкесскихъ князей, дворянъ и извѣстныхъ наѣздниковъ русскіе оцѣнивали по болѣе высокимъ цѣнамъ, чѣмъ рядовыхъ черкесовъ и членовъ ихъ семей. Даже ловкіе черкесскіе воры цѣнились дороже, чѣмъ честные и неворoватые горцы. Въ 1810 г. подполковникъ Рудзевичъ, командовавшій регулярными войсками въ предѣлахъ Таманско-Анапскаго района, при обмѣнѣ плѣнныхъ считалъ возможнымъ требовать за нѣкоторыхъ горцевъ по пяти русскихъ плѣнныхъ за одного. Черкесы высоко цѣнили отъявленныхъ воровъ, умѣвшихъ пробираться тайными путями къ русскимъ и хорошо знавшихъ эти пути. Вотъ такихъ молодцовъ Рудзевичъ предложилъ оцѣнивать въ 5 русскихъ головъ.

Само собою разумѣется, что коммерческими расчетами и соединенными съ ними чрезмѣрными требованіями обмѣнъ плѣнныхъ или затягивался на продолжительное время, или же оставался безрезультатнымъ. Такъ, 24 апрѣля 1829 г. старѣйшины натухайскаго народа представили двухъ казаковъ, плѣненныхъ въ февралѣ, и три лошади, прося возвратить имъ въ обмѣнъ всѣхъ плѣнныхъ натухайцевъ, которыхъ было 9, и 15 лошадей. Атаманъ Безкровный, хорошо понимавшій невыгоды содержанія черкесскихъ плѣнниковъ

на войсковой счетъ и принимая въ разсчетъ ихъ частыя заболѣванія, склоненъ былъ поскорѣе раздѣлаться съ плѣнными черкесами. Но въ то же время ясно было видно, что натухайцы хитрили, желая взять 9 черкесскихъ плѣнниковъ за 2 русскихъ и 15 превосходныхъ черкесскихъ скакуновъ за 3 хромыхъ мериновъ. На этомъ основаніи, Безкровный отказалъ натухайцамъ въ мѣнѣ и потребовалъ, чтобы они дали столько плѣнныхъ и лошадей, сколько просили въ обмѣнъ, тѣмъ болѣе что у нихъ было больше русскихъ въ плѣну, чѣмъ у русскихъ черкесовъ.

Было бы утомительно описывать годъ за годомъ сдѣлки черкесовъ съ казаками по выкупу и обмѣну плѣнныхъ; но, на ряду съ длиннымъ мартирологомъ убитыхъ черкесами и раненыхъ ими казаковъ, эти сдѣлки являются одною изъ характернѣйшихъ чертъ Кавказской войны. Въ этомъ отношеніи годъ за годомъ повторялись одни и тѣ же явленія, отдѣльные годы, какъ близнецы, походили одинъ на другой, но въ каждомъ единичномъ случаѣ явно обнаруживались чисто экономическія основы черкесско-казачьей борьбы. Въ 1807 г. по дѣламъ о выкупѣ плѣнныхъ значится 17 сдѣлокъ казачьей администраціи съ черкесами—четыре въ іюнѣ, три въ іюлѣ, по двѣ въ маѣ, августѣ и сентябрѣ и по одной въ январѣ, февралѣ, октябрѣ и ноябрѣ. Лѣтняя пора какъ бы способствовала сдѣлкамъ этого рода. Въ теченіе года было выкуплено у черкесовъ 29 казаковъ и 1 иногородній. Выкупались плѣнные въ одиночку, по два и только одинъ разъ три и одинъ разъ четыре. Это находилось въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ случаями черкесскихъ набѣговъ, производившихся періодически и въ формѣ мелкихъ столкновеній. Изъ 17 въ трехъ случаяхъ 5 казаковъ были выкуплены за 780 р. деньгами, за двухъ казаковъ черкесы взяли 138 р. деньгами и на 80 р. соли, за четырехъ—на 490 р. соли и въ восьми случаяхъ за 15 казаковъ обмѣнъ произведенъ былъ на разнаго рода товары, оцѣненные въ 1876 р.

Такимъ образомъ, выкупъ плѣнныхъ за натуральное вознагражденіе преобладалъ надъ всѣми остальными формами мѣны. Въ среднемъ каждый выкупленный плѣнный обошелся въ 132 р., при чемъ при выкупѣ на деньги обмѣнъ плѣннаго обходился въ 156 р., на разнаго рода товары 125 и на соль только 122 р. Соль у черкесовъ составляла предметъ первой необходимости.

Интересны нѣкоторые отдѣльные случаи выкупа плѣнныхъ. Такъ, 14 января 1807 г. выкупленъ былъ за 195 р. 60 к. наличными деньгами казакъ, пробывшій 4 года въ плѣну, выкупъ котораго долго не налаживался. Черкесы знали или догадывались, что за этого казака можно было получить повышенную плату. Въ другомъ случаѣ, 19 сентября того же года, черкесъ Ахметъ-бекъ просилъ 500 пудовъ соли за находившагося у него въ плѣну казака, иначе онъ грозилъ продать плѣнника въ рабство въ Анатолію. Русскіе предлагали за казака сначала 150 пудовъ соли и, послѣ про-

должительныхъ переговоровъ, сошлись на 250 пудахъ этого продукта, при чемъ казакъ—отецъ былъ выкупленъ, а его малолѣтній сынъ остался въ плѣну.

Калѣки и раненые выпускались черкесами изъ плѣна за меньшій выкупъ, чѣмъ люди здоровые. За казака Корнѣя Кубрака было заплачено 2 іюня 1807 г. товаромъ 98 р. 45 к. Казакъ этотъ былъ взятъ въ сраженіи 8 мая, благодаря сильнымъ пораненіямъ. Саблею были разсѣчены у него глубоко шея и плечи и отрублены два пальца. Искалѣченный казакъ не нуженъ былъ горцамъ; послѣ выкупа онъ былъ признанъ негоднымъ для дѣйствительной службы и зачисленъ въ разрядъ инвалидовъ. А 6 сентября черкесы выпустили изъ плѣна „человѣка польской породы", пробывшаго 12 лѣтъ въ плѣну, и удовлетворились уплатой солью на 75 р. Большаго, повидимому, плѣнникъ не стоилъ.

Иногда, наконецъ, выкупъ оканчивался неблагополучно для самихъ выкупленныхъ плѣнныхъ. Въ августѣ 1807 г. изъ черкесскаго плѣна были выкуплены казаки Полторацкій и Завыйборода за 195 р. деньгами. Оба казака препровождены были въ полкъ, въ которомъ они служили. По этому, казалось бы, торжественному случаю полковой командиръ полковникъ Кобинякъ приказалъ собрать весь полкъ, но только съ тою цѣлью, чтобы наказать палками выкупленныхъ плѣнниковъ передъ фронтомъ полка. Каждому счастливо возвратившемуся на родину казаку было дано по сто ударовъ, „въ страхъ другимъ и за злой поступокъ", какъ сказано въ оффиціальномъ распоряженіи. Злой же поступокъ состоялъ въ томъ, что казаки самовольно, не спросясь начальства, отправились за Кубань, гдѣ и были случайно захвачены въ плѣнъ черкесами. Эта родительская мѣра отцовъ командировъ практиковалась часто.

Выкупъ и обмѣнъ плѣнными производился ежегодно при всякомъ удобномъ случаѣ, чаще всего послѣ серьезной битвы съ черкесами, когда тѣла ихъ убитыхъ товарищей оставались въ рукахъ русскихъ. Въ такихъ случаяхъ черкесы за убитаго товарища предлагали живого казака, а иногда и больше того, такъ какъ нахожденіе убитаго черкеса въ рукахъ непріятеля считалось позорнымъ и родные убитаго всегда могли требовать доставленія имъ трупа у оставшихся живыми послѣ битвы черкесовъ. Такъ, 7 февраля 1810 г. къ Кубани явились черкесы и предложили въ обмѣнъ за 14 убитыхъ въ сраженіи черкесовъ, при нападеніи на Полтавскій курень, столько же живыхъ русскихъ плѣнниковъ.

Что касается средствъ, на которыя выкупались плѣнники у черкесовъ, то они черпались изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Выкупы производились и на счетъ войсковыхъ средствъ или казны, и въ рѣдкихъ случаяхъ изъ полковыхъ источниковъ, и при помощи сборовъ, но чаще всего въ выкупѣ принимали участіе родные плѣнныхъ и ихъ семьи. Послѣдніе были наиболѣе заинтересованы въ возвращеніи на родину близкихъ имъ людей, и по этой понятной причинѣ несли наибольшіе расходы по выкупу.

Иногда выкупъ плѣнныхъ изъ неволи брали на себя частныя лица, какъ дѣла благотворительности или какъ пожертвованія, за которыя, въ видахъ поощренія, начальство жаловало жертвователей наградами. Одинъ изъ откупщиковъ войсковыхъ доходныхъ статей Антиномовъ неоднократно выкупалъ въ этихъ цѣляхъ плѣнныхъ. Такъ, въ 1814 г. онъ выкупилъ изъ плѣна у черкесовъ 11 душъ плѣнныхъ, заплативши за нихъ деньгами 4631 р., и просилъ выдать ему за это аттестатъ. Въ апрѣлѣ 1830 г. ростовскій 3-й гильдіи купеческій сынъ Андрей Ященковъ просилъ выкупить двухъ или трехъ человѣкъ плѣнныхъ на его счетъ, чего бы это не стоило, лишь бы, по его откровенному заявленію, „получить за сіе Высочайшую награду". Въ іюлѣ того же года войсковая канцелярія донесла атаману Безкровному, что, по духовному завѣщанію полковника Порывая, на полученные съ капитала въ 62,000 р., вложеннаго на 10 лѣтъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, проценты въ количествѣ 4000 р. выкуплено нѣсколько плѣнныхъ, согласно волѣ завѣщателя. Даже черкесы, падкіе вообще на награды, прибѣгали въ этихъ цѣляхъ къ выкупу плѣнныхъ. Такъ, въ 1828 г. черкесскій князь Индаръ-оглу принялъ на себя обязанности выкупить русскихъ плѣнныхъ, попавшихъ къ черкесамъ Черноморскаго побережья послѣ крушенія судна, и затратилъ на выкупъ не только представленныя въ его распоряженіе казенныя деньги, но и часть своихъ собственныхъ средствъ, за что и представленъ былъ къ наградѣ. Индаръ-оглу жилъ на р. Пшадѣ, былъ сторонникомъ русскихъ и оказывалъ русскимъ услуги по военнымъ дѣламъ, за что и получалъ жалованье.

Въ рѣдкихъ случаяхъ къ русскимъ плѣннымъ относились съ участіемъ даже черкесы, помогая ихъ освобожденію. Въ одномъ случаѣ—черкесъ хозяинъ предложилъ русскому плѣннику, долго жившему у него и ставшему малосильнымъ, идти куда онъ захочетъ. Въ другомъ черкесы помогли бѣжавшему плѣннику уйти безъ задержки на родину, подъ вліяніемъ чувства жалости или какихъ-то религіозныхъ побужденій. На допросѣ 5 октября 1839 г. казакъ Азовскаго войска Дудникъ показалъ, что онъ служилъ въ казачьей командѣ въ Геленджикѣ и, будучи посланъ въ іюлѣ въ лѣсъ за дровами, былъ взятъ въ плѣнъ черкесами. Нѣсколько разъ черкесы продавали его одинъ другому, такъ какъ онъ былъ боленъ,—сначала за 5 козъ, потомъ за 4 козы, затѣмъ за 3 и въ послѣдній разъ за 20 аршинъ холста. Черкесы старались поскорѣе развязаться съ больнымъ плѣнникомъ.

Но когда Дудникъ выздоровѣлъ, то немедленно самъ бѣжалъ изъ плѣна. Вблизи Новороссійска онъ прилегъ къ копнѣ сѣна и заснулъ отъ усталости и истощенія. Утромъ нашли его здѣсь два старика горца. Дудникъ сознался имъ, что онъ бѣжалъ изъ плѣна и что 9 дней онъ ничего не ѣлъ и питался одними грушами. Горцы повели его въ ближайшій черкесскій аулъ. Здѣсь они попали

на собраніе по случаю черкесскихъ поминокъ. Старики накормили Дудника и отпустили его въ Новороссійскъ, строго приказавши молодежи не трогать его. И, дѣйствительно, стоявшіе въ караулѣ горцы не только не задержали бѣглеца, но даже указывали ему дорогу на Новороссійскъ.

Въ рѣдкихъ также случаяхъ выкупъ изъ плѣна производился въ расчетѣ на чисто коммерческія выгоды. Въ 1824 г. русско-подданный армянинъ Акипъ Авгановъ выкупилъ изъ плѣна есаула Рубашевскаго, урядника Ладана и казака Барилка въ обмѣнъ за разнаго рода товары, стоившіе 5450 р. Взамѣнъ этихъ расходовъ онъ просилъ или выдать ему наличныя деньги, или же отдать четырехъ черкесскихъ дѣвушекъ, находившихся у русскихъ въ плѣну—Гушмафъ, Узасъ, Хаву, Ганифе, и женщину Негію. Исполнить послѣднее требованіе Авганова оказалось, однако, невозможнымъ, такъ какъ пришлось бы разлучить мать съ дочерью, и Авганову предложено было взять цѣлое семейство. Тогда Авгановъ потребовалъ другихъ женщинъ, но и въ этомъ случаѣ встрѣтилось то же препятствіе—невозможность разлучить женщинъ съ ихъ семействами. И лишь при третьей комбинаціи нашлись соотвѣтственныя лица, чтобы удовлетворить претензіи предпріимчиваго армянина, желавшаго выиграть на женскомъ товарѣ.

Такими же коммерческими расчетами руководился и черкесскій дворянинъ войсковой старшина Ханукъ, жившій въ Черноморіи и служившій въ рядахъ казачьяго войска. Онъ доставилъ изъ за Кубани 23 февраля 1820 г. сначала 5 плѣнныхъ и, взявши за нихъ по 100 пудовъ соли на каждаго въ видѣ задатка, вывелъ изъ плѣна еще 6 душъ и за всѣ 11 душъ потребовалъ 2485 р. выкупа, т. е. по 226 р. за каждаго, чего онъ далеко не издержалъ и что составляло значительно увеличенную стоимость рядоваго плѣннаго. Впрочемъ, въ этомъ году были вообще повышенныя цѣны на плѣнныхъ, и 21 іюня 1820 г. было уплачено за 4 плѣнниковъ 1000 р. деньгами и 1000 пудовъ соли.

Самъ по себѣ возвратъ плѣнныхъ на родину представлялъ событіе въ казачьей жизни. Плѣнныхъ шли встрѣчать всѣ—и родные, и знакомые, и совершенно посторонніе имъ люди. Часто въ рядахъ плѣнныхъ были такія лица, которыхъ никто не ожидалъ или которыя не знали, къ кому они поступятъ. Происходили трогательныя встрѣчи и неожиданныя сцены. Въ мартѣ 1823 г. отбывшіе карантинный срокъ плѣнные были размѣщены въ крѣпости г. Екатеринодара. Въ крѣпость всѣ побѣжали смотрѣть на плѣнниковъ и плѣнницъ, одни изъ любопытства, другіе съ тайною надеждою, не найдутся ли въ числѣ плѣнныхъ близкіе люди или не удастся ли узнать чего о плѣнныхъ, слѣды которыхъ утеряны. Въ этой толпѣ случайно оказалась вдова казачка Шпилевая, жившая въ Полтавскомъ куренѣ. Къ неописанной материнской радости она узнала въ пятилѣтней дѣвочкѣ родную дочь, взятую въ плѣнъ черке-

сами три года назадъ. Материнское сердце подсказала ей, что одинокая дѣвочка ея дочь, и обнаруженіе неопровержимыхъ примѣтъ на тѣлѣ дѣвочки вполнѣ подтвердило это предположеніе. У счастливой матери не оказалось, однако, писаннаго документа, которымъ подтверждалось бы, что у нея при набѣгѣ черкесовъ на Полтавскую станицу дѣйствительно была взята въ плѣнъ дѣвочка. Полицмейстеръ г. Екатеринодара догадался выдать обезкураженной матери маленькую плѣнницу подъ росписку, въ которой заключалось обязательство въ томъ, что казачка Шпилевая возвратитъ дѣвочку обратно, если бы впослѣдствіи при разслѣдованіи оказалось, что плѣнница не ея дочь.

Въ мартѣ 1824 г. казакъ Власенко просилъ начальство выкупить изъ плѣна у черкесовъ жену его Софію, находившуюся у черкесскаго владѣльца Супако. Въ 1820 г. черкесы ограбили хуторъ Власенко на Осичкахъ и захватили въ плѣнъ Софію съ двумя дѣвочками. Это былъ возмутительный набѣгъ горцевъ по своей обстановкѣ и послѣдствіямъ. Населеніе обвиняло властей, въ томъ, что они позволили разграбить хутора, получивши отъ черкесовъ подарки. Сложилась даже поговорка, что такой-то „промінявъ Осички на сребряні жучки“, т. е. пуговицы, которыми украшались пояса. Въ поговоркѣ ясенъ намекъ на подкупъ, но никакого подкупа въ дѣйствительности не было, конечно.

Власенко былъ въ это время на пограничной службѣ и потерялъ не только хуторъ, но и цѣлую семью. Долго онъ наводилъ справки о послѣдней и, узнавши, что жена его находилась у черкесскаго дворянина Супако, началъ хлопатать о выкупѣ ея. Когда генералъ Власовъ обратился съ предложеніемъ по этому поводу къ Супако, то оказалось, что послѣдній женилъ на Софіи какого-то россійскаго человѣка, отъ котораго Софія имѣла двухлѣтняго ребенка. Супако потребовалъ выкупъ за всю семью, за троихъ. Власовъ распорядился, чтобы опрошенъ былъ Власенко, желаетъ ли онъ взять жену съ ребенкомъ, прижитымъ съ другимъ мужемъ. Власенко далъ утвердительный отвѣтъ и, послѣ четырехъ лѣтъ плѣна, злосчастная казачка возвратилась къ мужу съ „незаконнымъ“ ребенкомъ, потерявши навсегда двухъ „законныхъ“ дѣвочекъ.

Въ то время, когда одна часть плѣннаго населенія возвращалась на родину путемъ выкупа и обмѣна, другая спасалась бѣгствомъ изъ неволи. Случаи бѣгства были не такъ многочисленны и часты, какъ выкупъ и обмѣнъ плѣнныхъ, но всегда характерны по замыслу, интересны по выполненію побѣга и часто поэтичны по окраскѣ. Фактически же эти побѣги считались столь обычными и естественными явленіями, что въ офиціальныхъ бумагахъ велись лишь краткія отмѣтки о нихъ. Такъ, 9 іюня 1815 г. бѣжалъ изъ плѣна отъ черкесовъ мальчикъ куреня Переяславскаго Никита Литвинъ, взятый горцами въ плѣнъ въ 1814 г. Шустрый мальчуганъ

умѣлъ усыпить бдительныхъ горцевъ, войдя въ довѣріе ихъ и совершилъ побѣгъ не хуже взрослаго. Въ 1820 г. 27 іюля ушелъ изъ горъ крестьянинъ Полтавской губерніи, захваченный въ плѣнъ черкесами еще въ 1803 г.

Вообще 1820 годъ былъ обиленъ побѣгами плѣнныхъ отъ черкесовъ. Такъ, 20 января бѣжалъ изъ плѣна крестьянинъ Воронежской губерніи, 5 февраля казакъ Батуринскаго куреня, 8 февраля казакъ Полтавскаго куреня, 28 февраля „черноморскій казакъ", 23 апрѣля черкесъ, желавшій принять русское подданство, 13 мая казачка Полтавскаго куреня, 20 мая казачка съ малолѣтнею дочерью также изъ Полтавскаго куреня, 28 мая казакъ Шкуринскаго куреня, 6 іюня казакъ Пластуновскаго куреня и т. д. Бѣгали изъ плѣна и казаки, и „россійскіе люди", и некрасовцы, и черкесы. Одни ухитрялись уйти изъ неволи въ первый же годъ плѣна, другіе ждали удобнаго для побѣга случая десятки лѣтъ. Въ 1815 г. 23 августа выбѣжали изъ горъ двое некрасовцевъ, переселившихся въ Анатолію, долго работавшихъ у турокъ и пробывшихъ въ плѣну у черкесовъ одинъ 10, а другой 15 лѣтъ. Первому было 46 лѣтъ, а второму 32 года. Оба пожелали поселиться на Дону, куда и были отправлены. Въ іюнѣ 1830 г. бѣжалъ изъ за Кубани отъ черкесовъ молдованинъ Испиръ Стояновъ, пробывшій въ плѣну у горцевъ 30 лѣтъ. Съ 1820 по 1833 г. включительно, т. е. въ теченіе 14 лѣтъ, горцами было взято въ плѣнъ 328 душъ об. пола, изъ которыхъ было выпущено изъ плѣна и бѣжало 58 человѣкъ, выкуплено и обмѣнено 208 д. или всего освободилось изъ плѣна 266 душъ и оставалось въ плѣну 62 души. Въ числѣ плѣнныхъ были мужчины, женщины и дѣти.

Многіе изъ русскихъ бѣглецовъ прошли трудную школу черкесской неволи, многіе долго считали черкесовъ своими единоплеменниками, многіе лишь смутно вспоминали мѣста своей прежней родины въ Черноморіи. Въ февралѣ 1830 г. выбѣжалъ изъ плѣна сынъ казака ст. Старотитаровской Сопильняка. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ еще пятилѣтнимъ ребенкомъ. По русски называли его Семенъ, а по черкесски Шабанъ. Вмѣстѣ съ Семеномъ были захвачены мать и двѣ сестры его. Мать и одна сестра были выкуплены изъ плѣна, самъ Шабанъ остался между черкесами, а другая его сестра была продана въ гаремъ въ Трапезундъ. Слѣпой случай помогъ Шабану бѣжать на родину. Шабанъ жилъ у горца Гарате Хажо, у котораго находился также родственникъ его Мустафа, человѣкъ грубый, издѣвавшійся надъ Семеномъ и неотступно преслѣдовавшій его. Однажды Семенъ, выведенный изъ себя назойливостью Мустафы, убилъ этого горца и, боясь суроваго наказанія, бѣжалъ въ Черноморію черезъ Кубань.

Интересное показаніе далъ 20 апрѣля 1836 г. бѣглецъ Андрей, родомъ изъ куреня Ивановскаго.

Андрея взяли въ плѣнъ черкесы еще мальчикомъ, когда онъ былъ въ полѣ на работахъ съ матерью. Гдѣ это было и когда, онъ

не зналъ и не помнилъ. Но бѣглые солдаты, скрывавшіеся у горцевъ, не разъ ему сообщали, что черкесы взяли его въ плѣнъ возлѣ куреня Ивановскаго, въ которомъ онъ помнилъ мать Пелагею, дядю Заболотченка и жену его Марью. Звали бѣглеца Федоромъ, по фамиліи Шевченко, а почему черкесы называли его Андреемъ, онъ не зналъ. Послѣ плѣненія черкесы повели Андрея сначала въ ближайшій отъ Ивановки аулъ, а отсюда продали въ Джубгу черкесу Ямчуку. У него онъ пробылъ всю свою жизнь. Пока Андрей былъ малолѣтнимъ, онъ пасъ мелкій скотъ; когда же онъ сталъ взрослымъ, то началъ выполнять всѣ работы, какія велись у черкесовъ. Отъ чрезмѣрнаго изнуренія на работахъ онъ постарѣлъ, потерялъ зрѣніе и былъ въ тягость своему хозяину. По предположенію Андрея, ему было не менѣе 40 лѣтъ. Какъ-то у Джубги показались русскіе на судахъ и Андрей пытался бѣжать къ нимъ, но Ямчукъ поймалъ его и такъ побилъ, что Андрей четыре недѣли пролежалъ больнымъ. Это еще болѣе ухудшило здоровье Андрея. Когда онъ нѣсколько выздоровѣлъ, сталъ ходить и понемногу работать, Ямчукъ пригласилъ 8 черкесовъ и держалъ съ ними совѣтъ о немъ. Ямчукъ и черкесы сѣли на турецкую лодку и, взявши съ собою Андрея, отправились въ Суджукскую бухту. Дорогою Ямчукъ показалъ Андрею мѣсто, гдѣ было разбито бурею русское судно („Ингулецъ"). Въ одномъ мѣстѣ черкесы вышли на берегъ, наварили каши и расположились на ночлегъ. Когда черкесы уснули, Ямчукъ сказалъ Андрею: „иди, куда хочешь". Андрей, однако, легъ съ черкесами и уснулъ. Когда же утромъ онъ пробудился, то никого уже не было на берегу. Черкесы съ турками уѣхали, оставивши его одного. Андрей пошелъ морскимъ берегомъ, переночевалъ въ одномъ мѣстѣ и, продолжая идти дальше, услышалъ утромъ барабанный бой. Идя по звуку на этотъ бой, онъ пришелъ въ Геленджикъ, гдѣ и объяснилъ властямъ, кто онъ и откуда пришелъ.

Въ числѣ убѣгавшихъ изъ плѣна было много солдатъ, дѣлавшихъ очень интересныя сообщенія о горцахъ и объ условіяхъ жизни у нихъ. На допросѣ 16 марта 1840 г., въ присутствіи контръ-адмирала Серебрякова, рядовой Петръ Гавриловъ показалъ, что на службу онъ опредѣленъ въ 1832 г., какъ польскій повстанецъ, а въ плѣну пробылъ съ 1833 по 1840 г. Сначала онъ жилъ въ аулѣ близъ Кубани и попробовалъ отсюда бѣжать, но былъ задержанъ бѣглымъ черноморскимъ казакомъ и отведенъ къ прежнему хозяину. Послѣдній продалъ его въ Туапсе. Послѣ взятія черкесами Вельяминовскаго укрѣпленія, Гавриловъ съ двумя товарищами бѣжалъ въ фортъ Головинскій. Черкесы, упоенные побѣдами, слабѣе стали смотрѣть за русскими плѣнниками.

По разсказамъ Гаврилова, на Черноморскомъ побережьѣ близъ р. Туапсе у черкесовъ было очень много русскихъ, почти у каждаго хозяина былъ одинъ, а не рѣдко и нѣсколько русскихъ. Были плѣнники и дезертиры. Нѣкоторые женились и обзавелись семьями.

Но всѣ вообще, какъ дезертиры, такъ тѣмъ болѣе плѣнные, тяготились своимъ положеніемъ. Сами черкесы жили бѣдно и имъ нечѣмъ было содержать плѣнныхъ. Кормили черкесы очень скудно и плохо, а работы взваливали на плѣнниковъ тяжелыя. Всѣ жаждали побѣга на родину и Гавриловъ не зналъ русскаго, который не мечталъ бы объ этомъ.

Болѣе плачевную исторію заключеній плѣнника повѣдалъ другой солдатъ Николай Ивановъ. Онъ ушелъ съ горъ въ іюнѣ того же 1840 г. и пробылъ въ плѣну 24 года. Надъ Ивановымъ точно издѣвалась судьба. Въ 1812 г. онъ поступилъ въ солдаты и когда въ томъ же году онъ слѣдовалъ вмѣстѣ съ 15 товарищами изъ Тифлиса въ полкъ, то по дорогѣ его захватили въ плѣнъ грузины. Такъ называлъ Ивановъ неизвѣстныхъ ему инородцевъ. Захватившіе Иванова въ плѣнъ иноземцы почему-то подвергли его истязаніямъ. Они раздѣли его до нага и поставили во фронтъ; затѣмъ мучители подходили къ нему и ударяли слегка кинжалами. Ивановъ не могъ вытерпѣть этихъ истязаній и отъ боли побѣжалъ въ кусты, но когда онъ убѣгалъ, то мучители выстрѣлили ему въ догонку и ранили его въ плечо. Скрываясь въ кустарникѣ, онъ набрелъ на татаръ, которые взяли его и отвели въ горы. У татаръ онъ былъ два раза перепроданъ и переходилъ отъ одного хозяина къ другому. Проданный въ третій разъ, онъ бѣжалъ изъ мѣстечка Конесы въ Хорозань и явился къ русскому коменданту, а оттуда препровожденъ былъ на Сѣверный Кавказъ.

У черкесовъ не было обычая издѣваться надъ плѣнными. Русскій плѣнникъ становился у нихъ рабомъ, ясыремъ, но и съ ясыремъ не обходились, какъ со скотомъ, и если плохо содержали его, то потому, что сами были бѣдны. Тяжесть положенія русскаго плѣнника у черкесовъ, поэтому, состояла въ плохой пищѣ, непосильной работѣ и отсутствіи свободы. Этого, конечно, было достаточно, чтобы превратить жизнь въ мучительную пытку.

Въ 1840 г. было нѣсколько случаевъ бѣгства плѣнниковъ, дѣтство которыхъ прошло и жизнь сложилась среди черкесской обстановки вдали отъ родины и русскаго быта. Случаи эти характерны для тѣхъ условій, которыми устанавливалось положеніе русскаго плѣнника у черкесовъ. Въ 1840 г. выбѣжалъ изъ горъ человѣкъ по имени Мустафа. Кто онъ былъ и кто были его родные, онъ не зналъ, но русскіе перебѣжчики, жившіе среди черкесовъ, говорили ему, что онъ также русскій, почему онъ и бѣжалъ къ русскимъ. Казачья администрація была въ затрудненіи, куда и къ кому направить Мустафу. Не было никакихъ слѣдовъ и указаній, откуда и какъ попалъ въ плѣнъ Мустафа. Но случай помогъ разрѣшить эту загадку. Бѣглецъ попалъ въ Екатеринодаръ, и здѣсь казачка станицы Екатеринодарской, Анна Шевченко, какъ только увидѣла Мустафу, такъ и признала сразу въ немъ своего сына Лаврентія. Узнала казачка своего сына по родственнымъ чертамъ,

по поразительному сходству лицомъ съ ея другими дѣтьми. Взятъ въ плѣнъ Лаврентій былъ ребенкомъ вмѣстѣ съ нею, ея мужемъ и тремя другими дѣтьми, но въ плѣну черкесы ихъ разлучили. Выкупленная изъ плѣна семья Шевченко потеряла слѣды своего младшаго сына. Ихъ поиски не привели ни къ чему и родители почти забыли о Лаврентіѣ. Анна, однако, помнила хорошо, что у Лаврентія были слѣды сильнаго ожога на бедрѣ лѣвой ноги. Тоже знали и ея сосѣди. И, дѣйствительно, слѣды такого ожога на лѣвой ногѣ прекрасно сохранились у Мустафы-Лаврентія. Ребенокъ превратился въ мужчину, но этотъ мужчина ни слова не зналъ по русски и явился на родину черкесомъ. Смутное чувство подсказывало ему все время, что горы не его родина и черкесы не близкіе ему люди. Его постоянно тянула къ себѣ русская даль и онъ, повинуясь этому влеченію, нашелъ родину и мать.

Подобный же случай, но съ болѣе опредѣленными воспоминаніями бѣглеца, былъ въ томъ же 1840 г. въ станицѣ Полтавской. Выбѣжавши изъ плѣна, человѣкъ назвалъ себя Моисеемъ Филемъ, но онъ выглядѣлъ черкесомъ и совершенно не говорилъ по русски. Между тѣмъ казаки подъ фамиліей Филь оказались въ станицѣ Полтавской. Одинъ изъ нихъ 28-лѣтній казакъ Филь, служившій на кордонной линіи, сообщилъ, что когда ему было около года, черкесы разграбили отцовскій хуторъ, находившійся близъ ст. Полтавской, и взяли въ плѣнъ его мать, сестру и малолѣтняго брата Моисея, а онъ съ отцомъ ночевалъ въ другомъ мѣстѣ, почему и не попалъ въ плѣнъ. Покойный отецъ разсказывалъ ему, что Моисею было 7 лѣтъ, когда черкесы взяли его въ плѣнъ, что на лѣвой рукѣ у Моисея былъ разрубленъ средній палецъ, а на обоихъ колѣнахъ ногъ было по шраму, образовавшемуся отъ ожога объ раскаленную сковороду. При осмотрѣ Моисея всѣ эти примѣты были обнаружены на его тѣлѣ. Самъ Моисей черезъ переводчика передалъ, что вмѣстѣ съ матерью и сестрою онъ попалъ сначала къ армянину Аслану Асланову. Черезъ 5 лѣтъ Аслановъ куда-то продалъ мать и сестру, а онъ прожилъ у него еще лѣтъ восемь и попробовалъ убѣжать въ Черноморію, но на пути былъ задержанъ туркомъ, у котораго прожилъ въ горахъ 11 лѣтъ. Затѣмъ Моисей снова бѣжалъ, но попалъ въ руки шапсуга, у котораго также жилъ три года. Послѣдній разъ онъ бѣжалъ отъ шапсуга и на этотъ разъ удачно, пробравшись въ Михайловское укрѣпленіе, а отсюда былъ препровожденъ къ брату Филю. Отецъ братьевъ Филей въ это время умеръ уже, а мать и сестра исчезли безслѣдно. Тяжелая драма въ жизни казачьей семьи такъ и осталась задернута темной завѣсой.

У Мустафы-Лаврентія и у Моисея Филя нашлись еще точки соприкосновенія съ родиной, оказалась живой еще и близкая имъ родня. Но въ числѣ бѣглецовъ попадались также лица въ буквальномъ смыслѣ слова Иваны непомнящіе родства. Въ нихъ не умерло лишь смутное чувство, подсказывавшее имъ, что они русскіе по

происхожденію. Въ 1847 г. пришелъ изъ горъ на Кубанскую линію человѣкъ пожилаго возраста, назвавшій себя Василіемъ непомнящимъ родства. Цѣлую жизнь прожилъ онъ среди горцевъ съ смутнымъ чувствомъ единокровности съ русскими. На склонѣ его жизни горецъ Ціокъ изъ жалости къ нему разсказалъ, что много лѣтъ тому назадъ, когда черноморскіе казаки только-что заняли Прикубанскій край, Василій взятъ былъ въ плѣнъ на р. Курки трехлѣтнимъ мальчикомъ. Узнавши объ этомъ, Василій оставилъ въ горахъ жену, трехъ сыновей и двухъ дочерей и бѣжалъ къ русскимъ въ укрѣпленіе Сочи. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что дѣйствительно болѣе 40 лѣтъ тому назадъ въ куренѣ Медвѣдовскомъ, когда онъ находился еще на р. Курки, взята была въ плѣнъ женщина съ трехлѣтнимъ мальчикомъ. Черезъ три мѣсяца казачка была выкуплена изъ плѣна, а ребенокъ остался у черкесовъ. По совпаденію этихъ обстоятельствъ пожилой бѣглецъ-черкесъ былъ признанъ плѣнникомъ Василіемъ изъ куреня Медвѣдовскаго.

Такими-то эпизодами характеризовалось возвращеніе изъ плѣна казачьяго населенія и русскихъ плѣнниковъ. Случаи глубоко трагическіе, но не исключительные, даже не единичные. Такъ связала казаковъ съ черкесами сосѣдская жизнь, осложненная тяжелой и долгой войной. Худшей участи подвергались тѣ изъ плѣнныхъ, кто совсѣмъ не попадалъ изъ горъ на родину. Въ горахъ Кавказа, въ Закавказьѣ, въ гаремахъ Константинополя, Трапезунда, Смирны, въ Персіи, въ отдаленной Аравіи и Египтѣ навсегда оставались нѣкоторые черноморцы, ихъ жены, братья, сестры и дѣти, влачившіе тяжелыя цѣпи русскаго ясыря, рабовъ и живого товара, и въ лучшихъ случаяхъ сливавшіеся съ чуждыми имъ народностями, забывши свое русское происхожденіе. Такихъ совсѣмъ отторгнутыхъ отъ русской родины дѣтей было немного, но они были.

Плѣнъ у черкесовъ считало казачье населеніе большимъ несчастьемъ и къ плѣннымъ всѣ вообще относились, какъ къ глубоко несчастнымъ людямъ. Казачьи власти и населеніе, поэтому, всячески старались вырвать изъ черкесскихъ рукъ русскихъ плѣнниковъ. Часто казаки жертвовали послѣднимъ своимъ состояніемъ, чтобы выкупить изъ плѣна близкихъ имъ людей.

Плѣнъ не избавлялъ отъ наказанія тѣхъ, кто въ моментъ его нарушалъ правила военной службы и не подчинялся требованіямъ дисциплины. Провинившихся казаковъ, возвратившихся потомъ изъ плѣна, казачья администрація наказывала плетьми и палками передъ фронтомъ ихъ сослуживцевъ. Случаи эти были часты и повторялись почти ежегодно въ поученіе небрежнымъ по службѣ казакамъ. Это было жестоко, но логично. Несъ кару тотъ, кто заслужилъ ее своею неисполнительстью и нарушеніемъ военныхъ порядковъ.

Но прямолинейный и самонадѣянный Ермоловъ шелъ дальше въ этомъ отношеніи. Онъ возвелъ плѣнъ въ преступленіе и каралъ за это преступленіе не только тѣхъ, кто попадалъ въ плѣнъ, а и

тѣ семьи, отъ которыхъ были отторгнуты плѣнники. Въ грозномъ предписанiи войсковому атаману Матвѣеву отъ 24 августа 1820 г. онъ приказалъ прекратить выкупъ плѣнныхъ у черкесовъ, чтобы отбить у горцевъ охоту брать въ плѣнъ русскихъ и поучить уму-разуму тѣхъ простаковъ, которые допустили взять себя въ плѣнъ. Но, давая это предписанiе, грозный генералъ забылъ о томъ, что такимъ путемъ чувствительно наказывались прежде всего неповинныя семьи, лишавшiяся, въ лицѣ плѣнныхъ, отцовъ, мужей и вообще опоры семьи, затѣмъ до извѣстной степени ослаблялся численный составъ войскъ, расположенныхъ на линiи, а главное давался открытый листъ на широкiй сбытъ русскихъ плѣнниковъ на Константинопольскомъ и малоазiатскихъ рынкахъ.

Придуманная генераломъ Ермоловымъ мѣра была настолько неудачной въ первоначальной своей формѣ, что самъ онъ нашелъ нужнымъ нѣсколько видоизмѣнить ее. Три мѣсяца спустя, 19 ноября 1820 г., Ермоловъ разъяснилъ, что строжайше воспрещалось выкупать на счетъ войсковыхъ суммъ казаковъ, взятыхъ въ плѣнъ съ оружiемъ въ рукахъ, и разрѣшилъ выкупать изъ плѣна тѣхъ казаковъ, которые были плѣнены черкесами на полевыхъ работахъ, а также и все мирное населенiе. Ударъ въ значительной степени былъ ослабленъ, хотя въ плѣнъ съ оружiемъ въ рукахъ могли попадать самые храбрые люди, ослабѣвшiе отъ ранъ и находившiеся въ невмѣняемомъ состоянiи во время плѣненiя.

Ермоловская мѣра впослѣдствiи, при выкупѣ плѣнныхъ у черкесовъ, ставила казачью администрацiю нерѣдко въ большое затрудненiе и, конечно, прибавила не мало лишнихъ слезъ и горя въ тѣ семьи, которыя являлись жертвами канцелярской опрометчивости. Дѣло дошло до того, что было Высочайше запрещено выкупать плѣнныхъ на казенныя и войсковыя средства. Такъ, 20 iюня 1840 г. извѣстный генералъ Зассъ доносилъ командующему войсками на Кавказской линiи и въ Черноморiи г.-а. Граббе, что онъ въ разное время вымѣнялъ и выкупилъ 424 души об. пола лицъ разнаго возраста. Въ виду Высочайшаго повелѣнiя о запрещенiи выкупа плѣнныхъ у черкесовъ, Зассъ спрашивалъ Граббе, какъ быть ему дальше: во первыхъ, онъ не заплатилъ еще выкупа за 64 человѣка, возвращенныхъ уже изъ плѣна, на полученiе денегъ за которыхъ онъ выдалъ черкесамъ квитанцiи, а во вторыхъ, у мирныхъ горцевъ, находящихся подъ властью русскаго правительства, есть выкупленные плѣнные, которыхъ, однако, онъ, Зассъ, у своихъ же подчиненныхъ не можетъ отобрать. Къ такимъ послѣдствiямъ вели хитро придуманныя мѣры, осуждавшiя если не всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, то извѣстное ихъ число, на вѣчный плѣнъ и рабство.

Въ свою очередь и черкесскiе плѣнники, попавшiе къ русскимъ, несли тяжелую ношу неволи. Попавши въ Черноморiю, плѣнные черкесы томились большею частью въ русскихъ крѣпостяхъ и Екатеринодарскомъ острогѣ, и если обмѣнъ ихъ на русскихъ плѣн-

ныхъ замедлялся, то они заболѣвали, хирѣли и быстро умирали. Но обыкновенно черкесы не засиживались долго у русскихъ въ плѣну. Послѣднимъ они были въ тягость. Русскій плѣнникъ былъ у черкесовъ рабомъ, рабочей силой и вообще продажнымъ товаромъ; черкесъ у русскихъ, наоборотъ, былъ обузой, которую требовалось кормить и за которою нужно было присматривать. Поэтому, при малѣйшей возможности казачьи власти охотно мѣняли черкесскихъ плѣнниковъ на русскихъ ясырей. Черкесы это знали и пользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы возвращать своихъ плѣнныхъ съ наибольшими выгодами.

Черкесы, попадавшіе въ русскія владѣнія, дѣлились на двѣ группы—на плѣнниковъ и перебѣжчиковъ. Первые, какъ военноплѣнные, невольно попадали къ русскимъ въ плѣнъ, вторые, какъ дезертиры, сами бѣжали изъ горъ отъ черкесскихъ непорядковъ. Тѣ и другіе были поставлены, однако, въ условія жизни рѣзко отличной отъ ихъ несложнаго и примитивнаго быта. Даже находясь въ тюрьмѣ или въ крѣпостяхъ, въ своемъ исключительномъ положеніи, они чувствовали вліяніе болѣе культурнаго строя. Ихъ прежде всего не обращали въ рабовъ, что было непремѣннымъ условіемъ плѣна у черкесовъ, а затѣмъ содержали на положеніи военноплѣнныхъ, снабжая ихъ достаточнымъ количествомъ пищи и хлѣба. Нужно замѣтить, что изъ всѣхъ благъ русской цивилизаціи больше всего прельщалъ рядовыхъ черкесовъ бѣлый русскій хлѣбъ. Многіе черкесы перебѣжчики, бѣжавшіе изъ горъ отъ тяжелой крѣпостной зависимости, сразу заявляли русскимъ властямъ, что они убѣжали съ тою цѣлью, чтобы заняться земледѣліемъ у русскихъ. Были любопытные случаи въ этомъ отношеніи. Въ іюлѣ 1816 г. убѣжали изъ черкесскаго плѣна крестьянинъ Ступакъ и крестьянка Демьянова, сманившіе съ собою черкеса Хаимака. Послѣдній заявилъ, что онъ не намѣревался бѣжать къ русскимъ, а отправился съ Ступакомъ и Демьяновой, чтобы „наѣсться русскихъ пироговъ“, что обѣщали ему Ступакъ и Демьянова, и затѣмъ отправиться обратно домой. Но такъ какъ Хаимака кормили только ржанымъ хлѣбомъ, то черкесъ требовалъ, чтобы его немедленно отпустили въ горы. Начальникъ карантинной заставы, въ которой содержался Хаимакъ, просилъ начальство дать ему указанія, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Крестьянка Демьянова съ своей стороны просила задержать въ плѣну Хаимака, чтобы получить въ обмѣнъ на него дѣтей ея, оставшихся у черкесовъ въ горахъ.

Черкесовъ-перебѣжчиковъ нельзя назвать дезертирами въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Они бѣжали не отъ военной службы, а отъ тяжелыхъ экономическихъ условій. Съ тѣхъ поръ, какъ на казачьихъ земляхъ, по правую сторону р. Кубани, возникло нѣсколько горскихъ ауловъ, поселенцы которыхъ ушли изъ за Кубани, чтобы воспользоваться выгодами мирной жизни, черкесы начали переходить группами и въ одиночку къ этимъ поселенцамъ. Особенно

часты были побѣги крѣпостныхъ черкесовъ. Изъ за этихъ бѣглецовъ нерѣдко возникала и велась цѣлые годы переписка между казачьими властями и анапскими пашами, считавшимися представителями черкесовъ со стороны Турціи. Въ 1817 г. анапскій паша Сеидъ-Ахмедъ два раза просилъ войсковаго атамана возвратить ему двухъ бѣжавшихъ въ Черноморію черкесовъ, какъ крѣпостныхъ крестьянъ. Русскія власти старались въ такихъ случаяхъ отписываться, такъ какъ все-же нельзя было отрицать фактовъ побѣга крѣпостныхъ черкесовъ въ Черноморію.

Что касается отношенія къ военно-плѣнному черкесскому населенію, то онѣ носили различный характеръ и зависѣли отъ разныхъ условій.

Однажды была попытка установить покупку черкешенокъ-плѣнницъ. Въ апрѣлѣ 1815 г. куплена была на счетъ черноморскихъ откупщиковъ за 250 р. „черкесской породы дѣвка Фатьма". По заведенному порядку Фатьма пробыла опредѣленное время въ карантинѣ, а затѣмъ передана была какому-то подрядчику, которому откупщикъ поручилъ „купить при случаѣ черкесскую дѣвку". Этотъ возмутительный случай былъ обычнымъ у черкесовъ явленіемъ продажи женщинъ въ неволю. Неизвѣстно, какъ отнеслась къ нему высшая казачья администрація, но на мѣновомъ дворѣ онъ сошелъ, какъ заурядное явленіе. Повторялись ли еще впослѣдствіи такіе случаи покупки черкешенокъ, неизвѣстно. Повидимому это былъ единичный случай откупщичьяго вожделѣнія. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи русское правительство не только не допускало подобнаго рода сдѣлокъ, но даже запретило продажу крѣпостныхъ своихъ подданныхъ инородцамъ—ногайцамъ и армавирскимъ армянамъ.

На положеніе плѣнныхъ горцевъ вліяли также тѣ условія, при которыхъ черкесы попадали въ плѣнъ. Одинъ видъ плѣнниковъ представляли тѣ черкесы, которые попадали въ плѣнъ при карательныхъ экспедиціяхъ русскихъ войскъ. Въ такихъ случаяхъ въ руки русскихъ попадало мало черкесовъ воиновъ и много остальнаго черкесскаго населенія. Но тѣ и другіе были военно-плѣнные въ прямомъ смыслѣ этого слова и, какъ къ таковымъ, относилось къ нимъ и русское правительство. Объ этихъ плѣнныхъ, особенно о женщинахъ и дѣтяхъ, русскія власти заботились, какъ о лицахъ, нуждавшихся въ помощи и защитѣ. Такъ 5 іюля 1833 г. правительство распорядилось, чтобы плѣнныя черкесскія дѣвочки отдавались на воспитаніе исключительно женщинамъ, въ приличныя семьи до 18 лѣтъ, а впослѣдствіи предоставить имъ свободу и лучше всего способствовать выдачѣ ихъ замужъ. Въ такомъ духѣ казачья администрація и дѣйствовала, когда шелъ вопросъ о выдачѣ плѣнныхъ черкешенокъ въ замужество въ аулахъ Гривенномъ и Адды.

Иначе русскіе относились къ черкесскимъ плѣнникамъ, пойманнымъ на воровствѣ и грабежахъ въ казачьихъ станицахъ и хуто-

рахъ. Это были уже воры и разбойники. Въ качествѣ таковыхъ ихъ судили, отдавали въ арестантскія роты или въ солдаты и ссылали въ Сибирь. Иногда ихъ высылали въ Сибирь или во внутреннія губерніи Россіи въ административномъ порядкѣ. Къ нимъ же причисляли и тѣхъ изъ мирныхъ черкесовъ, которые убѣгали въ горы изъ ауловъ, расположенныхъ на казачьихъ земляхъ. Въ 1835 г. предположено было пойманныхъ бѣглыхъ черкесовъ зачислять въ рекруты, если они годились къ военной службѣ, а негодныхъ къ ней ссылать въ Сибирь. Распоряженіе это, однако, не было проведено въ видѣ постоянной мѣры и примѣнялось лишь въ единичныхъ случаяхъ.

Но были также попытки уменьшить нѣсколько тѣ расходы, которые приходилось нести русскому правительству по содержанію черкесскихъ военноплѣнныхъ. Въ 1823 г. генералъ Власовъ распорядился, чтобы плѣнные черкесы, во избѣжаніе расходовъ на нихъ, розданы были частью казачьимъ офицерамъ, а частью черкесамъ Гривенночеркесскаго аула, съ условіемъ не обременять ихъ чрезмѣрно работами. Мѣра эта, однако, не привилась. Трудно было не только заставить черкеса работать, но и слѣдить за нимъ.

Глава XXI.

ЧЕРКЕССКІЕ ЭМИССАРЫ И АГИТАТОРЫ.

Какъ народъ свободолюбивый и независимый, черкесы всегда пользовались сочувствіемъ у людей, цѣнившихъ геройство, отвагу и беззавѣтную защиту военыхъ гнѣздъ. Особыя симпатіи кавказскіе горцы находили у поляковъ, французовъ и англичанъ. Тѣ, другіе и третьи пережили въ исторической жизни моменты, имѣвшіе въ основѣ общность идеи о свободѣ и независимости. Въ свое время въ періодъ распаденія Польскаго королевства, блестящей когда-то Рѣчи Посполитой, польскіе патріоты боролись за ту же свободу и независимость, что и горцы. Французы пережили сильнѣйшее массовое движеніе, подъ вліяніемъ идеи о свободѣ въ концѣ XVIII столѣтія, въ періодъ великой французской революціи. Англичане искони были народомъ свободолюбивымъ. Всѣ три народности не только дорожили свободой на родинѣ, но, въ лицѣ своихъ наиболѣе экспансивныхъ представителей, переносили свою дѣятельность и на далекій Кавказъ къ черкесамъ. Такіе добровольцы селились между горцами и вели среди нихъ дѣятельную агитацію въ освободительномъ духѣ, ратуя преимущественно противъ ясно опредѣлившихся завоеватель-

ныхъ стремленій Россіи. Въ архивныхъ документахъ эти добровольцы-союзники черкесовъ фигурируютъ подъ именемъ эмиссаровъ.

Исходя изъ такихъ, казалось бы, чисто идеальныхъ побужденій, эмиссары-европейцы находили поддержку у своихъ правительствъ, преслѣдовавшихъ совсѣмъ не идеалистическія цѣли. Въ тогдашней международной политикѣ съ Россіей всегда имѣли счеты то одно, то другое государство. То французы, то англичане старались поставить русскихъ въ затруднительное положеніе. Въ такихъ случаяхъ европейская дипломатія услужливо помогала обыкновенно туркамъ, главнымъ и постояннымъ противникамъ русскихъ, сводить счеты съ этими послѣдними. Европейскіе эмиссары всегда начинали свою дѣятельность съ Константинополя. Здѣсь они получали турецкіе чины и званія, превращались въ пашей и беевъ, а нѣкоторые даже становились ренегатами и затѣмъ въ качествѣ уже турецкихъ агентовъ отправлялись на Кавказъ къ горцамъ и вели между ними агитаторскую дѣятельность.

Постоянными же агитаторами и наиболѣе опасными были турки. Самая агитація турецкихъ эмиссаровъ, преслѣдовавшая политическія цѣли, велась, однако, на почвѣ религіознаго фанатизма. Главными турецкими эмиссарами были духовныя лица—муллы, эфендіи, имамы и пр. Турки черпали боевыя силы этого рода не только въ Турціи, но и на Кавказѣ, среди горцевъ. Послѣдніе были самыми энергичными представителями турецкой политики и происковъ.

Такимъ образомъ, въ агитаціонной дѣятельности среди кавказскихъ горцевъ принимали участіе эмиссары различныхъ національностей. Въ архивныхъ матеріалахъ Кубанскаго казачьяго войска находятся обильныя указанія на этотъ счетъ.

Въ секретномъ письмѣ отъ 1 іюня 1795 г. знаменитому Суворову, русскій министръ-резидентъ въ Константинополѣ кн. Кочубей сообщалъ, что турки ожидали перехода къ нимъ на службу 6000 польскихъ выходцевъ, что въ Польшѣ готовилось новое возстаніе и что польскіе эмиссары могутъ появляться среди Кавказскихъ горцевъ. За 1 апрѣля 1814 г. въ дѣлахъ войсковаго архива сохранилась въ переводѣ на русскій языкъ „Прокламація общаго совѣта сенскаго департамента и муниципальнаго совѣта парижскаго“ о низложеніи Наполеона. Прокламація въ обиліи была разослана черкесамъ и казакамъ. Въ 1827 г. земской администраціи предписано было высшею властью „всматриваться въ состояніе каждаго человѣка и всякаго могущаго оказаться непринадлежащимъ къ войску брать подъ караулъ“ и доставлять начальству для допроса.

Около этого времени среди черкесовъ начали появляться агитаторы съ опредѣленными порученіями. Въ устьѣ р. Джубги жилъ знатный горецъ Али-бей, человѣкъ богатый и вліятельный въ черкесскомъ населеніи. Въ 1829 г. у него находился нѣкоторое время турокъ, котораго черкесы называли Ахметъ-пашею. На самомъ дѣлѣ это былъ контрабандистъ, пойманный русскими и отпущенный

Сеферъ-бей, черкесскій князь-агитаторъ

изъ Крыма въ Анатолію. До заключенія Адріанопольскаго міра онъ посланъ былъ турецкимъ правительствомъ къ черкесамъ для возмущенія ихъ противъ русскихъ и присталъ на суднѣ къ берегу въ устьѣ р. Джубги. Съ нимъ было человѣкъ 30 команды и два малыя орудія. Спустя нѣкоторое время Ахметъ-паша отправился на турецкомъ суднѣ въ Суджукскую бухту, а оттуда съ толпою горцевъ и пушкою на Сѣверный Кавказъ и прошелъ черезъ земли натухайцевъ и шапсуговъ. На р. Бѣлой онъ получилъ извѣстіе объ Адріанопольскомъ мирѣ и приказъ о возвращеніи въ Турцію. Боясь сообщить это горцамъ, чтобы они не приняли его за обманщика и не убили, Ахметъ, подъ предлогомъ домашнихъ дѣлъ, перешелъ съ р. Бѣлой на р. Псекупсъ, а отсюда перевалилъ съ орудіемъ черезъ главный хребетъ въ Джубгу. Оружіе онъ оставилъ Алибею, а самъ пробрался въ Суджукъ и оттуда въ Константинополь. Съ тѣхъ поръ онъ не возвращался болѣе къ черкесамъ. По дорогѣ въ Суджукъ онъ женился на дочери Кири-оглы, дворянина изъ рода Супако.

Что касается Али-бея, то, благодаря похожденіямъ Ахмета, онъ пріобрѣлъ еще большее вліяніе на черкесовъ и сталъ именоваться княземъ. Въ февралѣ 1839 г. для пріобрѣтенія еще большаго значенія среди горцевъ, онъ, съ братомъ своимъ Магометомъ, отправился въ Константинополь и повезъ съ собою шесть черкешенокъ на продажу. Крупные политическіе дѣятели черкесовъ не брезгали этимъ постыднымъ промысломъ.

Но настоящая систематическая агитація среди горцевъ Западнаго Кавказа началась въ тридцатыхъ годахъ. Въ это время между черкесами появились два крупныхъ агитатора—родовитый черкесскій князь Сеферъ-бей Занъ и англичанинъ Белль.

Несмотря на недавнее заключеніе Адріанопольскаго мира съ русскими, турки не перестали волновать тайкомъ кавказскихъ горцевъ и возбуждать ихъ противъ русскихъ. Въ началѣ 1830 г. главный начальникъ Кавказа гр. Паскевичъ-Эриванскій освѣдомленъ былъ, что между абхазцами, по приказанію трапезундскаго паши, турецкіе агенты распространяли слухи о скоромъ прибытіи на Черноморское побережье турецкихъ войскъ и о возвращеніи завоеванныхъ русскими крѣпостей—Анапы, Сухумъ-кале и Поти; что изъ Трапезунда послано нѣсколько муллъ для религіозной пропаганды между горцами, устройства мечетей и школъ; и что съ весны 1830 г. къ черкесскимъ и абхазскимъ берегамъ пристало уже 20 турецкихъ судовъ съ красными товарами, солью, желѣзомъ, сталью, свинцомъ, сѣрою и порохомъ. Все это воспрещалось Адріанопольскимъ трактатомъ, но велось путемъ контрабанды.

Между тѣмъ Сеферъ-бей, опираясь на эти факты, старался поселить надежду у горцевъ на военную помощь имъ со стороны турокъ. Прошло три года въ ожиданіи этой помощи. Черкесы усумнились въ обѣщаніяхъ Сеферъ-бея и для выясненія отношеній къ нимъ Турціи послали депутацію въ Константинополь въ 1834 г.

Правители Турціи рѣшительно заявили депутатамъ, что черкесы не могутъ расчитывать на открытую помощь турокъ, и направили черкесскую депутацію въ англійское посольство. Въ послѣднемъ черкесскіе посланцы были встрѣчены самымъ любезнымъ образомъ. Секретарь посольства Урквортъ, котораго черкесы называли впослѣдствіи Даутъ-беемъ, заявилъ имъ, что англичане не оставятъ черкесовъ безъ средствъ для борьбы съ Россіей. То же сказали черкесамъ и другіе англичане. Вскорѣ послѣ этого Урквортъ отправился моремъ въ Самсунъ, а оттуда къ абхазцамъ и натухайцамъ. У натухайцевъ онъ прожилъ трое сутокъ, собралъ подробныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ у горцевъ и завязалъ съ ними постоянныя сношенія. Натухайцевъ Урквортъ увѣрилъ, что въ помощь имъ изъ Англіи скоро будетъ прислано судно съ грузомъ соли, пороха и четырьмя орудіями и что если русскіе задержатъ это судно, то можетъ послѣдовать разрывъ между Англіей и Россіей, а это дастъ возможность освободить и черкесовъ отъ власти русскихъ.

Но и эти обѣщанія остались безрезультатными. Чтобы выяснить дѣйствительное положеніе дѣлъ, черкесскіе депутаты рѣшили послать отъ себя довѣренное лицо въ самую Англію. Такимъ лицомъ былъ нѣкто Жебермесъ-Эджибъ, извѣстный также подъ именемъ Андрея Гай. Жебермесъ, послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ Лондонѣ, явился къ черкесскимъ депутатамъ и сообщилъ, что ни на какую помощь отъ Англіи черкесы не могутъ расчитывать и что Урквортъ просто обманулъ ихъ.

Въ февралѣ 1835 г. шапсуги и натухайцы созвали народное собраніе на р. Адагумѣ для выясненія вопроса о своихъ отношеніяхъ къ русскимъ. Въ это время, въ самомъ собраніи, получено было письмо отъ Сеферъ-бея, въ которомъ онъ сообщалъ, что весною или лѣтомъ къ черкесскимъ берегамъ непремѣнно прибудетъ турецкій флотъ съ вспомогательными войсками отъ султана. То же подтвердилъ собранію и одинъ изъ депутатовъ, прибывшій изъ Константинополя. Тогда собраніе рѣшило вести энергично войну съ русскими и пригласить къ участію въ войнѣ и абадзеховъ.

Такимъ образомъ, вершителемъ черкесскихъ дѣлъ неожиданно оказался Сеферъ-бей. Вслѣдствіе этого русское правительство потребовало у Турціи удаленія изъ Константинополя Сеферъ-бея, сѣявшаго распрю между черкесами и русскими. Турецкое правительство отвѣтило, что оно отправитъ Сеферъ-бея на жительство въ Базарджикъ близъ Филипополя. Но, какъ выяснилось впослѣдствіи, въ дѣйствительности Сеферъ-бей продолжалъ жить въ Константинополѣ и вести сношенія съ черкесами. Весною онъ обѣщалъ пріѣхать на Кавказъ вмѣстѣ съ англійской экспедиціей. Хотя, по настоянію русскаго правительства, Сеферъ-бей и былъ высланъ въ Базарджикъ, но, вмѣсто него, къ черкесамъ прибыли англичане—купецъ Белль и газетный корреспондентъ Лонгвортъ. Англичане посовѣтовали гор-

цамъ не прекращать войны съ русскими и распустили слухъ о томъ, что, въ случаѣ продолженія военныхъ дѣйствій со стороны русскихъ, къ черкесамъ на помощь будетъ посланъ флотъ европейскихъ державъ, Турціи и Египта, въ количествѣ 300 судовъ, и что Сеферъ-бей явится на двухъ судахъ, нагруженныхъ исключительно свинцомъ и порохомъ, а сами они, Белль и Лонгвортъ, остаются у черкесовъ въ видѣ залога сдѣланныхъ обѣщаній. Это произвело сильнѣйшее волненіе между горцами и они начали поголовно вооружаться, а русскимъ послали ультиматумъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій.

Интересны дальнѣйшія дѣйствія англичанъ-агитаторовъ. Белль и Лонгвортъ жили на р. Пшадѣ. Перваго черкесы именовали посланникомъ англійскаго короля, а второго секретаремъ посланника. Посланникъ Белль подарилъ шапсугамъ знамя, присланное будто бы англійскимъ королемъ, и назвалъ это знамя „Санджакъ независимости". Онъ привезъ также черкесамъ много пороха, а Лонгвортъ снабдилъ ихъ товарами на 30,000 піастровъ.

Нѣсколько лѣтъ проведенныхъ англичанами среди горцевъ остались не безрезультатными въ другомъ отношеніи—въ отношеніи свѣдѣній о горцахъ. Лонгвортъ писалъ корреспонденціи въ лондонскую газету „Morning Chronicl", а Белль составилъ цѣлую книгу о своемъ пребываніи у горцевъ въ 1837, 1838 и 1839 гг. и сообщилъ въ ней много интересныхъ свѣдѣній о бытѣ горцевъ и о достопримѣчательностяхъ посѣщенныхъ имъ мѣстностей. Изъ архивныхъ документовъ извѣстно, что военный министръ, по приказанію Государя, распорядился чтобы горцы были оповѣщены о преміи отъ 1 до 3 тысячъ рублей тѣмъ лицамъ, которыя доставятъ русскимъ властямъ живыми Белля и Лонгворта. Очевидно, русское правительство придавало немаловажное значеніе агитаціонной дѣятельности англійскихъ эмиссаровъ. Впрочемъ, 24 іюня 1838 г. генералъ Зассъ сообщилъ жандармскому полковнику Юрьеву въ г. Ставрополь, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, Белль и Лонгвортъ и еще два англичанина, жившіе у черкесовъ, не имѣли будто бы никакого вліянія на черкесовъ и сами находились какъ бы въ плѣну.

И на самомъ дѣлѣ, агитируя между горцами противъ Россіи, Белль попалъ въ довольно затруднительное и вмѣстѣ комическое положеніе. Обѣщая горцамъ помощь отъ Турціи и Англіи, онъ рисковалъ прослыть обманщикомъ и могъ жестоко поплатиться за это. Въ дѣйствительности ни англичане, ни турки не дѣлали ничего открытаго въ пользу черкесовъ, и Белль, по необходимости, становился лгуномъ и, въ силу необходимости, вынужденъ былъ измышлять новыя, часто довольно рискованныя обѣщанія черкесамъ. Такъ, когда русскій отрядъ, подъ командой г.-л. Раевскаго, громя черкесовъ, зашелъ въ устья рр. Субаши и Шахе, то Белль сталъ увѣрять горцевъ, что онъ получилъ письмо о слѣдованіи на Кавказъ турецкаго и англійскаго войскъ и флота. И горцы повѣрили ему. Въ 1839 г. Белль оставилъ черкесовъ и уже не возвращался къ нимъ.

Въ 1838 г. въ Сочи былъ убитъ, подъ именемъ англичанина, ренегатъ Полинскій. Полинскій былъ полякъ по происхожденію и первоначально служилъ въ пѣхотѣ Мегметъ-Али-паши, гдѣ онъ выучился по арабски. Съ турецкой военной службы его выгнали и онъ попалъ въ Константинополь, въ которомъ нанялся поваромъ къ богатому купцу. Съ послѣднимъ онъ отправился въ Персію и поступилъ тамъ на военную службу. Изъ Персіи, въ чинѣ капитана персидской арміи, онъ возвратился опять въ Константинополь, открылъ въ немъ трактиръ, черезъ годъ обанкротился и снова поступилъ поваромъ къ иностранцамъ, побывалъ вмѣстѣ съ ними въ Анатоліи и въ Малой Азіи. Возвратившись еще разъ въ Константинополь, онъ поступилъ на службу къ англичанину капитану Найтъ и въ 1837 г. отправился съ нимъ къ черкесамъ. Послѣ пятимѣсячнаго пребыванія между шапсугами и натухайцами Полинскій былъ посланъ Найтомъ, Беллемъ и Лонгвортомъ въ Константинополь къ англійскому генеральному консулу. Изъ Константинополя Полинскій вывезъ къ черкесамъ 30 бочекъ пороха, разные подарки для горцевъ и инструменты для Белля. Но лѣтомъ 1848 г., въ дѣлѣ при Сочи, онъ былъ убитъ картечью изъ русской пушки.

Эти свѣдѣнія о Полинскомъ даютъ характерныя указанія на то, изъ какихъ авантюристовъ состояли экспедиціи иностранныхъ эмиссаровъ, помогавшихъ черкесамъ отстаивать свою независимость. Самимъ черкесамъ казалась такая помощь, если и не особенно существенной, то много обѣщающей. Она повышала и безъ того приподнятое настроеніе фанатизированной массы. Черкесы ждали чего-то особеннаго, необычайнаго и набрасывались на всякаго проходимца, какъ не спасителя. Изъ журнала военныхъ дѣйствій за іюль 1842 г. видно, что у абадзеховъ въ это время появился какой-то фанатикъ, скрывавшій свое происхожденіе и называвшій самъ себя Хаджи Ибрагимомъ. Онъ открыто приписывалъ себѣ вдохновеніе, даръ прорицанія и сверхъестественную силу. Хаджи Ибрагимъ не говорилъ на мѣстныхъ нарѣчіяхъ и объяснялся съ горцами черезъ переводчика. На этомъ основаніи его считали черкесы посланникомъ Шамиля, избраннымъ изъ народности, говорившей чуждымъ мѣстнымъ горцамъ языкомъ. Послѣ нѣсколькихъ нелѣпыхъ предсказаній, неоправдавшихся на дѣлѣ, абадзехи разочаровались въ Хаджи Ибрагимѣ. Въ 1843 г. войсковая администрація была извѣщена о возможности появленія на Кавказѣ польскаго эмиссара Равскаго изъ партіи Чарторижскаго. Равскому поручено было отправиться въ Турцію къ некрасовцамъ и побудить ихъ дѣйствовать противъ русскихъ совмѣстно съ турками и черкесами.

Въ это же время на черкесскую политическую сцену снова выступаетъ кн. Сеферъ-бей. Съ 1837 по 1842 г. онъ находился въ Базарджикѣ и сталъ хлопотать въ этомъ году о дозволеніи или самому переселиться на родину, или же перевезти къ нему съ Кавказа семью. Но оказалось, что земли Сеферъ-бея были заняты

и Сеферъ-бею нельзя было ни возвратить этихъ земель, ни собрать его разсѣявшихся всюду крестьянъ. Даже жена агитатора съ двумя дочерьми не имѣла пристанища и скиталась въ крайней бѣдности между натухайцами. Изъ ходатайства Сеферъ-бея рѣшилъ извлечь пользу начальникъ 1-го отдѣленія Черноморской береговой линіи к.-адм. Серебряковъ, бывшій товарищемъ Сеферъ-бея по Ришельевскому лицею въ Одессѣ. Онъ полагалъ, что, поселивши Сеферъ-бея на родинѣ, можно будетъ дѣйствовать черезъ него на горцевъ, сдерживая ихъ воинственные и разбойничьи порывы. Мнѣніе его принято было г.-а. Будбергомъ и др., но переговоры съ Сеферъ-беемъ черезъ вице-консула въ Адріанополѣ Ващенка ни къ чему не привели. Ващенко не могъ добиться согласія Сеферъ-бея на тѣ условія, какія ему предлагались при переселеніи на Кавказъ въ роли сторонника Россіи.

Съ 1842 г. къ черкесамъ начинаютъ появляться эмиссары изъ Дагестана отъ Шамиля, успѣвшаго объединить подъ своею властью племена Дагестана и часть горцевъ Восточнаго Кавказа.

Первымъ посланцемъ Шамиля былъ Хаджи Магометъ. Это былъ энергичный и ревностный послѣдователь Шамиля, не умѣвшій, однако, считаться съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ. Принявъ въ основу своей пропаганды среди горцевъ шаріатъ, духовный судъ по писанному мусульманскому праву, съ помощью котораго мусульманское духовенство держало въ своихъ рукахъ массу, и идеи мюридизма, организованной защиты такого порядка дѣлъ съ помощью мюридовъ, постоянной военной стражи или ополченія,—Хаджи Магометъ имѣлъ на первыхъ порахъ успѣхъ среди черкесской молодежи за Кубанью. Ему удалось образовать партію хаджиретовъ, подвижниковъ за вѣру, которые, въ качествѣ таковыхъ, производили опустошительные набѣги и грабежи по линіи между казачьимъ и русскимъ населеніемъ. Это были мѣстные мюриды, получившіе впослѣдствіи названіе мутазиговъ. Слѣдовательно, первымъ агитаторомъ, вызвавшимъ у черкесовъ мюридизмъ или учрежденіе мутазиговъ, былъ Хаджи Магометъ.

Но агитаторъ этотъ не съумѣлъ понять сложившагося внутренняго быта разныхъ черкесскихъ племенъ и господствовавшихъ взаимоотношеній между сословными наслоеніями. По духовному мусульманскому праву, всѣ мусульмане равны, чѣмъ въ корнѣ подрывались понятіе о сословіяхъ. Для поддержанія порядковъ равноправія требовалась постоянная военная стража—мутазиги, а для содержанія послѣднихъ нужны были налоги, которые пытался установить между горцами Хаджи-Магометъ. Черкесы, поэтому, не пошли дальше наѣздническихъ подвиговъ хаджиретовъ и соединенныхъ съ ними набѣговъ и грабежей. Высшія черкесскія сословія отнеслись враждебно къ нововведеніямъ Хаджи-Магомета, такъ какъ они грозили имъ лишеніемъ правъ на зависимыя сословія и рабовъ, на которыхъ собственно и держалось благосостояніе многочисленныхъ черкесскихъ

князей и дворянъ. Низшія черкесскія сословія, не привыкшія къ ограниченіямъ своеволія, къ установленію новыхъ налоговъ, а, главное, къ упраздненію адата, народнаго обычнаго права, также не оказали должной поддержки эмиссару Шамиля. Самъ Хаджи Магометъ неожиданно умеръ въ 1843 г.

Слѣдующимъ эмиссаромъ Шамиля былъ Сулейманъ-Эффенди или, какъ называли его черкесы, Сельменъ-Эффенди. Онъ явился къ черкесамъ Западнаго Кавказа непосредственно за Хаджи-Магометомъ. Сельменъ-Эффенди былъ ученный мусульманинъ, превосходно знавшій Коранъ и мусульманское право, и вмѣстѣ съ тѣмъ прямолинейный человѣкъ, не останавливавшійся ни передъ чѣмъ въ дѣлѣ защиты исповѣдуемой имъ догмы. На долю Сельмена выпала болѣе сложная задача сравнительно съ той, какую пытался разрѣшить Хаджи-Магометъ. Одновременно съ насажденіемъ между черкесами шаріата и мюридизма, Сулейману-Эффенди поручено было собрать ополченіе изъ черкесовъ и отослать его въ помощь Шамилю для борьбы съ русскими на Восточномъ Кавказѣ. Это была рѣшительная мѣра расширенія власти Шамиля между Кавказскими горцами. Вмѣсто того, чтобы оказать помощь этимъ послѣднимъ въ мѣстахъ ихъ непрерывной борьбы съ русскими, Шамиль попробовалъ притянуть, съ помощью Сулеймана-Эффенди, часть черкесскихъ силъ къ себѣ въ отдаленный Дагестанъ. Въ осуществленіи этой задачи можно было заранѣе сомнѣваться.

Въ первое время Сулейманъ-Эффенди имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ организаціи военной помощи Шамилю. Ему обѣщали ее абадзехи. Въ 1845 г. на народномъ собраніи шапсуговъ и натухайцевъ на Адагумѣ, черкесы, послѣ продолжительныхъ споровъ, постановили, въ угоду популярному въ то время Сельмену, чтобы натухайцы, жившіе между р. Псебебсомъ, Анапою и Новороссійскомъ, выставили 30 всадниковъ въ ополченіе Шамиля, а остальные натухайцы и всѣ шапсуги по 10 всадниковъ съ каждаго большого ущелья и по 5 всадниковъ съ малаго. Натухайцы собрались 2 мая на частное совѣщаніе въ ущельѣ Ахогъ, гдѣ подробно распредѣлили, сколько всадниковъ въ ополченіе Шамиля долженъ послать каждый аулъ. Дѣло, повидимому, налаживалось, мѣстами были намѣчены уже лица для предполагаемаго ополченія.

Но отрицаніе сословій и адата, съ одной стороны, и вспыльчивый, несдержанный характеръ Сельмена, съ другой, не только затормозили дѣло посылки ополченія къ Шамилю, но и совсѣмъ разстроили его. Одни боялись, какъ раньше Хаджи-Магомета, демагогическихъ наклонностей Сельмена, пытавшагося насадить равенство и уничтожить сословныя дѣленія. Другіе очень резонно разсудили, что, посылая лучшихъ бойцовъ за независимость къ Шамилю, они тѣмъ самымъ обезсиливали себя и давали просторъ русскимъ войскамъ, учащавшимъ опустошительные походы къ нимъ въ горы. Сулейманъ-Эффенди скоро перессорился со многими изъ горцевъ, а затѣмъ и съ самимъ Шамилемъ.

Магометъ-Аминъ, наибъ Шамиля,
дѣйствовавшій среди закубанскихъ горцевъ
съ 1848 по 1859 годъ

Тогда Сулейманъ-Эффенди изъ яраго сторонника Шамиля превратился въ столь же яраго противника его. Въ 1846 г., по порученію кн. Воронцова, онъ составилъ и разослалъ всюду по горамъ ко всѣмъ мусульманамъ воззваніе, въ которомъ обвинилъ Шамиля въ дѣяніяхъ, противныхъ Корану, доказывая, что поэтому Шамилю не слѣдуетъ вѣрить и подчиняться. Шамиль, однако, былъ очень крупнымъ вождемъ и новаторомъ на Кавказѣ, чтобы его авторитетъ могъ поколебать маленькій Сельменъ. Воззванія Сулеймана-Эффенди не произвели никакого вліянія на умы горцевъ, видѣвшихъ въ Шамилѣ мощнаго противника русскихъ, умѣвшаго подчинить своему вліянію всѣ соприкасавшіяся съ нимъ племена, создать стройное управленіе и даже зачатки постоянной арміи. Сельменъ сошелъ съ черкесской политической сцены никѣмъ не замѣченный.

Но и дальновидный Шамиль не оставилъ своей попытки привлечь, если не къ совмѣстной, то къ одновременной планомѣрной борьбѣ всѣхъ кавказскихъ горцевъ противъ русскихъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ новаго, третьяго по счету эмиссара—Магометъ-Амина, явившагося у черкесовъ Западнаго Кавказа въ концѣ 1848 г. На этотъ разъ Шамиль съумѣлъ найти недюжиннаго человѣка, способнаго на самостоятельную широкую организаторскую дѣятельность.

Нужно сказать, что 1848 годъ былъ годомъ особеннаго агитаціоннаго движенія, направленнаго на Сѣверный Кавказъ вообще, не исключая и русскаго казачьяго населенія. Въ этомъ году извѣстнымъ политическимъ агитаторомъ Чайковскимъ были посланы эмиссарами на Кавказъ полякъ Молодецкій и итальянецъ Починини, а въ Персію итальянецъ Сальери. Эмиссары должны были возбуждать Кавказскія народности и ихъ сосѣдей мусульманъ противъ русскаго владычества. Русское правительство съ своей стороны приказало мѣстнымъ властямъ усиленно слѣдить за польскими выходцами. Въ томъ же году въ Константинополѣ появились польскія прокламаціи къ донскимъ казакамъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, а на языкѣ малороссійскомъ „До пановъ, атамановъ, полковниковъ, сотниковъ, старшинъ и пановъ молодцовъ Черноморскаго войска и всего Черноморскаго народа“. Казаки приглашались этою прокламаціею къ возстанію противъ русскихъ властей вмѣстѣ съ поляками. Русскій посланникъ въ Константинополѣ Титовъ, извѣщая объ этомъ главнаго начальника на Кавказѣ, просилъ принять въ Черноморіи мѣры противъ появленія прокламацій у казаковъ.

Съ другой стороны, и присутствіе среди черкесовъ двухъ предшественниковъ Магометъ-Амина не осталось безслѣднымъ. Абадзехи, какъ демократическое племя, успѣли уяснить себѣ и усвоить основныя идеи ученія Шамиля—объединеніе народа на началахъ равноправія и необходимость общенародной организаціи для защиты черкесскихъ народностей. Сторонниками второй идеи были даже высшія сословія—князья и дворяне. Такимъ образомъ, между черкесами появилась мысль о необходимости учрежденія народныхъ собраній, которыя вѣдали бы

общія дѣла разрозненныхъ черкесскихъ племенъ по управленію и охранѣ отъ внѣшняго врага. Еще въ тридцатыхъ годахъ подобное устройство предлагалъ извѣстный шапсугскій дворянинъ Аббатъ Бесленей, но оно не привилось тогда. Снова на ту же идею народныхъ собраній натолкнулъ черкесовъ Сулейманъ-Эффенди. Въ 1847 г. черкесскія племена въ Закубаньѣ признали необходимымъ учредить народныя собранія, какъ постоянный органъ управленія, для обезпеченія власти народныхъ собраній образовать постоянное ополченіе изъ мутазиговъ, раздѣлить всѣ племена на общины по 100 дворовъ въ каждой и поставить во главѣ ихъ выбранныхъ общинами же старшинъ, предоставивши въ распоряженіе послѣднихъ извѣстное число мутазиговъ. Когда же приступлено было къ осуществленію этой довольно простой, стройной и практичной системы управленія, то во многихъ мѣстахъ—на Черноморскомъ побережьѣ, у бжедуховъ и пр. явились противники предположенныхъ мѣръ и затормозили ихъ осуществленіе.

Въ этотъ именно переходный моментъ къ Закубанскимъ черкесамъ явился Магометъ-Аминъ, посланный Шамилемъ къ черкесамъ съ званіемъ наиба. Наибъ значительно видоизмѣнилъ начала управленія, принятыя на народномъ собраніи 1847 г. Въ основу управленія онъ положилъ общины въ сто дворовъ, съ правомъ выбора изъ своей среды старшины. Общины группировались въ округа съ мегкеме въ каждомъ. Мегкеме устроены были въ укрѣпленныхъ рвами, плетнями и старыми орудіями аулахъ, и въ каждомъ такомъ мегкеме находились мечеть, судилище, духовное училище, тюрьма или глубокая яма для заключенія, провіантскій магазинъ, конюшня и помѣщенія для правителей, судей и мутазиговъ. Во главѣ управленія округовъ были поставлены муфтій и совѣтъ изъ трехъ кадіевъ, съ правами административной и судебной власти, для поддержанія которой полагалась конная стража изъ мутазиговъ. Первоначально Магометъ-Аминъ образовалъ только четыре округа и во владѣніяхъ однихъ абадзеховъ на р.р. Бѣлой, Пшехѣ, Пчасѣ и Псекупсѣ, а впослѣдствіи къ нимъ прибавлены были еще три—на р. Антхыръ у шапсуговъ и на р.р. Кудако и Псебебсъ у натухайцевъ. При этомъ какъ бы разумѣлась верховная власть народныхъ собраній, но фактически осуществлялъ эту власть одинъ наибъ Магометъ-Аминъ, который къ тому же дѣйствовалъ самостоятельно и независимо отъ Шамиля. Наибъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и военнымъ начальникомъ. Для военныхъ нуждъ черкесы обязаны были содержать въ запасѣ по одному всаднику со двора, а въ случаѣ нужды выставлять и больше, или даже поголовное ополченіе. Устанавливая духовный судъ по шаріату, Магометъ-Аминъ ввелъ у черкесовъ наказанія и казни и приводилъ ихъ въ исполненіе съ неумолимою строгостью. Ослушниковъ воли наиба, сторонниковъ Россіи и противниковъ мюридизма, сажали въ ямы, ворамъ отрубали руки, лазутчиковъ казнили. И на первыхъ порахъ черкесы со всѣмъ этимъ мирились. Магометъ-

Аминъ, съ ловкостью опытнаго дипломата, умѣлъ не тронуть коренныя основы исконнаго быта черкесскихъ племенъ—сословныя дѣленія и выборное начало въ общинахъ, и въ тоже время поселить надежду въ низшихъ классахъ, у зависимыхъ сословій и рабовъ, на улучшеніе ихъ быта въ ближайшемъ будущемъ. Замѣчательно, что Магометъ-Аминъ успѣлъ провести всѣ свои преобразованія въ теченіе одной зимы конца 1848 и начала 1849 г. Съ весны послѣдняго года онъ приступилъ уже къ покоренію мирныхъ черкесовъ, принявшихъ подданство Россіи.

До 1853 г. Магометъ-Аминъ два раза заставлялъ мирныхъ черкесовъ измѣнять русскому правительству и присягать ему, Магометъ Амину, и два раза терялъ свое вліяніе на эти народности. Но наибольшее сопротивленіе при осуществленіи своихъ плановъ, однако, онъ встрѣчалъ со стороны не мирныхъ племенъ, а враждебныхъ русскимъ шапсуговъ и натухайцевъ. Дѣло въ томъ, что у послѣднихъ двухъ народностей былъ свой вожакъ-агитаторъ, кн. Сеферъ-бей, жившій въ Турціи и не перестававшій сноситься съ черкесами, каждый разъ обнадеживая ихъ помощью турокъ. Сеферъ-бей и Магометъ-Аминъ были представителями двухъ совершенно различныхъ направленій и лагерей. Сеферъ-бей были родовитый князь, представитель аристократическаго начала; Магометъ-Аминъ—чистокровный демагогъ, представитель черкесской демократіи; Сеферъ-бей былъ сторонникъ существующаго у черкесовъ строя и традиціонныхъ началъ племени адиге; Магометъ-Аминъ преслѣдовалъ переустройство народнаго управленія на демократическихъ началахъ и на главествѣ духовенства; Сеферъ-бей жилъ надеждами на Турцію и на возможность при помощи ея войскъ и флота объединить черкесскія народности; Магометъ также питалъ надежды на Турцію, но искалъ точки опоры въ непосредственномъ соприкосновеніи съ народомъ. Фактически высшія сословія—князья и дворяне, стояли на сторонѣ Сеферъ-бея, низшія сословія, народъ, держали руку Магометъ-Амина. Все это было причиной розни и раздора между двумя наиболѣе видными агитаторами черкесовъ.

Магометъ-Аминъ, живя между черкесскими племенами и успѣвши побывать всюду, благодаря своей необычайно напряженной и кипучей дѣятельности, стоялъ близко къ народу, хорошо ознакомился съ его жизнью и стремленіями и имѣлъ общую съ массой точку соприкосновенія въ дѣлахъ религіи и мусульманскаго подвижничества. Въ то время религіозный фанатизмъ служилъ тою подкладкою, на которой легче всего было дѣйствовать народному агитатору. Самъ великій Падишахъ, Султанъ Турціи, считался духовнымъ главою мусульманскаго народа. Черкесы льнули къ нему и чтили только съ этой стороны, совершенно не признавая политической зависимости отъ него. Въ воздухѣ уже носились признаки будущей восточной войны, подъ зеленымъ знаменемъ пророка, и народная черкесская масса, и безъ того фанатизированная, находилась въ возбужденномъ состояніи.

Юнкеръ изъ закубанскихъ армянъ Міассеровъ въ мартѣ 1853 г. передалъ начальству, что между абадзехами явился какой-то человѣкъ, около 50 лѣтъ отъ роду, высокаго роста съ черными волосами, одѣтый во все бѣлое. Онъ творитъ чудеса и дѣлаетъ предсказанія. Изъ избранныхъ имъ мальчиковъ онъ образовалъ секту, обязанную молиться Богу и наблюдать самую строгую умѣренность въ пищѣ. Сначала онъ жилъ на Кубани и обучалъ мальчиковъ, но русское правительство запретило ему это. Тогда пророкъ ушелъ въ горы. Когда онъ былъ у егерукаевцевъ, то предсказалъ нашествіе на нихъ отряда Евдокимова. Одинъ эфенди, собираясь идти въ ополченіе противъ Евдокимова, просилъ прорицателя сказать ему, что съ нимъ случится. Прорицатель велѣлъ ему проститься съ семействомъ, такъ какъ онъ не возвратится домой живымъ. Такъ и случилось. Прорицатель послалъ даже человѣка предупредить семью, что къ ней везли убитаго эфенди, несмотря на то, что никто не являлся еще съ поля сраженія. Это создало прорицателю репутацію, которой онъ воспользовался для дальнѣйшихъ плановъ.

Въ качествѣ извѣстнаго уже лица онъ отправился въ мегкеме Магометъ-Амина на р. Бѣлую. Здѣсь разрѣшено было ему открыть школу, въ которую онъ и помѣстилъ 40 избранныхъ имъ раньше мальчиковъ. Придя первый разъ въ школу, онъ досталъ какую-то книгу, благоговѣйно прочиталъ въ ней что-то, положивши ее на голову мальчика. Послѣ прочтенія книги, учитель дунулъ въ лѣвое ухо мальчику, и тотъ упалъ на землю безъ дыханія. Черезъ нѣкоторое время съ мальчикомъ начались истерическіе припадки, показалась пѣна на губахъ. Учитель сталъ читать надъ нимъ кнпгу и мальчикъ очнулся. Операція эта была продѣлана надъ всѣми 40 учениками. Мальчики были заперты въ училищѣ на 40 дней, послѣ чего они стали появляться въ бѣлой одеждѣ и чалмахъ.

На одну изъ молитвъ мальчиковъ-сектантовъ явился и самъ Магометъ-Аминъ. Молитва совершалась въ поразительной тишинѣ. Всѣ стояли въ молитвенныхъ позахъ, какъ статуи. Къ концу молитвы послышалось рыданіе, перешедшее въ общій вой. Плакалъ съ мальчиками и Магометъ-Аминъ. Присутствовавшіе при этой молитвѣ абадзехи спросили эффендія, что означалъ плачъ мальчиковъ? Эффендій отвѣтилъ, что невозможно не плакать, видя муки ада и наслажденія рая. При молитвѣ всѣ это видятъ, отъ чего и плачутъ. Чтобы попасть въ рай, надо быть защитникомъ вѣры. Въ данномъ случаѣ онъ видѣлъ, какъ турецкій султанъ благословлялъ мусульманъ поднять оружіе противъ русскихъ. Въ заключеніе Эффендій обратился къ присутствующимъ съ напутствіемъ слѣдовать указанію султана, чтобы попасть въ рай и насладиться его прелестями.

Такъ укрѣпляли въ сердцахъ правовѣрныхъ мусульманскіе фанатики идею газавата, священной войны черкесовъ противъ русскихъ.

Между тѣмъ Магометъ-Аминъ, поддерживая такое настроеніе въ массѣ и самъ участвуя въ подобныхъ религіозныхъ мистеріяхъ, зорко слѣдилъ за состояніемъ политическихъ дѣлъ въ Россіи и Турціи. Изъ послѣдней черезъ своихъ духовныхъ агентовъ онъ получалъ самыя вѣрныя свѣдѣнія о настроеніи турецкаго двора. Еще весною 1852 г. онъ зналъ о подготовленіяхъ турокъ къ войнѣ съ русскими и о неизбѣжности этой войны. На народномъ собраніи абадзеховъ онъ категорически заявилъ объ этомъ и произнесъ зажигательную рѣчь, призывая всѣ черкесскія племена объединиться во имя единой религіи и подчиниться его руководящей власти. Рѣчь эта произвела сильное впечатлѣніе на черкесовъ. Абадзехи признали власть Магометъ-Амина надъ собою, а за ними и нѣкоторыя другія племена—убыхи, джигеты, и пр. Магометъ-Аминъ отправился на Черноморское побережье, возобновилъ мегкиме на р. Антхыръ и казнилъ уничтожившаго прежнее мегкеме шапсугскаго старшину Хоротокора Хамырзу Кобле. Шапсуги и натухайцы выслали на встрѣчу наибу депутацію съ изъявленіемъ покорности. Мирные черкесы поколебались и перешли снова на сторону Магометъ-Амина.

Такъ наступилъ и прошелъ 1853 годъ. Въ началѣ этого года Турція послѣ того, какъ заключила союзъ съ Англіей и Франціей противъ Россіи, отправила за Кубань къ черкесамъ цѣлый штатъ агентовъ для возбужденія кавказскихъ горцевъ противъ русскихъ. Черкесы, узнавши теперь уже навѣрняка о готовности Турціи оказать имъ помощь противъ русскихъ, пришли всюду въ крайне враждебное настроеніе къ послѣднимъ. Когда наступилъ 1854 годъ и началась война союзныхъ державъ съ Россіей, Кавказъ, казалось, долженъ былъ вспыхнуть военнымъ огнемъ, какъ огромное зарево и залить имъ сосѣднія русскія владѣнія. Это было бы очень на руку Турціи и ея союзникамъ. Едва-ли былъ когда либо моментъ болѣе удобный и подходящій для черкесовъ, чтобы свести свои счеты съ русскими, и для черкесскихъ агитаторовъ, чтобы осуществить наконецъ давнишнія попытки поднять всѣхъ горцевъ противъ русскаго владычества.

И война дѣйствительно началась, но только не между горцами и русскими, а между главными вожаками и агитаторами черкесскихъ племенъ,

Когда передъ началомъ восточной войны русскія войска были выведены изъ Абхазіи, Турція послала Сеферъ-бея въ Сухумъ съ порученіемъ объединить противъ Россіи всѣ черкесскія племена и склонить на сторону Турціи Абхазію. Натухайцы, узнавши объ этомъ, стали приглашать Сеферъ-бея къ себѣ, но онъ остался въ Сухумѣ и посылалъ отсюда воззванія къ закубанскимъ народамъ, требуя отъ нихъ именемъ султана собрать народное ополченіе и прислать его въ Сухумъ, откуда оно должно было послѣдовать черезъ Кобулеты для соединенія съ Батумскимъ турецкимъ корпусомъ. Повидимому Сеферъ-бей стѣснялся явиться къ черкесамъ, такъ какъ раньше

обѣщалъ имъ помощь турецкихъ войскъ, а могъ явиться только единолично. Положеніе конечно комичное. Но Сеферъ-бей оказался вообще плохимъ политическимъ дѣятелемъ и уцѣпился за мѣру, которая меньше всего имѣла шансовъ на осуществленіе.

Нельзя было ожидать, чтобы черкесы-домосѣды, привыкшіе къ борьбѣ только въ предѣлахъ своихъ владѣній и рядомъ съ ними, рѣшились пойти вдаль отъ своихъ родныхъ гнѣздъ въ Сухумъ, Кобулеты и Батумъ. Даже при добромъ ихъ желаніи совершить небывалую въ ихъ исторіи военную экскурсію, нужно было кому-либо организовать ополченіе, снабжать его средствами и пр. Сеферъ-бей, не отличавшійся и раньше творческими способностями, обнаружилъ полную несостоятельность и убожество въ этомъ отношеніи. Онъ или не хотѣлъ считаться съ народомъ, или совершенно забылъ, благодаря долгому своему отсутствію съ Кавказа, черкесскій народный гоноръ и воззрѣнія черкесовъ на отношенія ихъ къ другимъ народностямъ и государствамъ. Какъ и слѣдовало ожидать, черкесы увидѣли въ ополченіи первый шагъ къ солдатской рекрутчинѣ, а въ посылкѣ ополченія въ отдаленный Батумъ—посягательство на ихъ самостоятельность и своего рода абсурдъ, такъ-какъ военнаго дѣла у нихъ было достаточно у себя на родинѣ. Къ тому же среднее сословіе, тфохотли, не довѣряло Сеферъ-бею, какъ представителю князей и дворянства, который могъ съ усиленіемъ своей власти, возстановить при помощи султана и его правителей, древнія права князей и дворянъ, совершенно подорванныя историческимъ ходомъ жизни и послѣдними событіями, вызванными организаторскою дѣятельностью Магометъ-Амина. Прошелъ цѣлый годъ, а закубанскіе черкесы и не думали отзываться на воззванія Сеферъ-бея. Получилось нѣчто несообразное. Черкесы, ждавшіе такъ долго помощи Турціи и единенія съ нею на почвѣ борьбы съ Россіей, оставались праздными зрителями великой восточной войны.

Болѣе осмысленно дѣйствовалъ Магометъ-Аминъ. Передъ объявленіемъ войны Турціей Россіи онъ находился на Черноморскомъ побережьѣ у убыховъ. Узнавши о началѣ войны, онъ, со свойственной ему энергіей, принялся за приготовленіе запасовъ для войскъ. Въ то время онъ надѣялся еще, что турецкое правительство поручитъ ему главное начальствованіе надъ черкесскими племенами, чѣмъ онъ давно уже въ извѣстной мѣрѣ фактически пользовался. Это было такъ естестоенно и логично. Но появленіе въ Сухумѣ Сеферъ-бея въ званіи турецкаго паши, съ полномочіями объединить всѣ черкесскія племена, побудило наиба сразу перемѣнить отношеніе къ дѣлу. У него оказался неожиданный соперникъ, который не имѣлъ никакихъ правъ на руководящую роль черкесскими массами, пріобрѣтенную уже Магометъ-Аминомъ на дѣлѣ, въ дѣйствительности.

Это было начало открытой вражды между первостепенными черкесскими агитаторами. Сеферъ-бей, не перестававшій, помимо

открытыхъ воззваній, сноситься съ своими черкесскими сторонниками секретно письмами, въ которыхъ онъ почему-то совѣтовалъ не довѣрять французамъ и англичанамъ, постарался обвинить Магометъ-Амина въ своемъ неудачномъ созывѣ ополченія. Магометъ-Аминъ, доносившій турецкому привительству о созданномъ имъ управленіи и благоустройствѣ черкесскихъ племенъ, ввелъ высокую, по мнѣнію Сеферъ-бея, Порту въ обманъ, такъ какъ не могъ или, вѣрнѣе всего, не захотѣлъ дать изъ организованныхъ имъ постоянныхъ войскъ ополченія для Турціи. Дѣло приняло такой оборотъ, что Магометъ-Аминъ вынужденъ былъ отправиться въ Сухумъ къ Сеферъ-бею, чтобы оправдаться передъ нимъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Ему, однако, не удалось ни убѣдить, ни расположить къ себѣ Сеферъ-бея. Тогда онъ отправился въ Константинополь для оправданія себя отъ возведенныхъ на него Сеферъ-беемъ обвиненій.

При турецкомъ дворѣ Могометъ-Аминъ принятъ былъ очень благосклонно и не только съумѣлъ оправдать свои дѣйствія между черкесскими племенами на Кавказѣ, но и былъ возведенъ въ званіе паши, т. е. поставленъ въ равное съ его противникомъ служебное положеніе. Но турецкое правительство не утвердило Магометъ-Амина въ званіи главнаго начальника черкесскихъ племенъ, оставивши эти преимущества за Сеферъ-беемъ. Тогда дипломатичный Магометъ-Аминъ рѣшилъ совсѣмъ удалиться отъ дѣлъ. Когда абадзехи съ недоумѣніемъ стали спрашивась его о причинѣ такого рѣшенія, то Магометъ-Аминъ объяснилъ, что его задачей было объединить черкесскія племена и подготовить ихъ къ совмѣстной дѣятельности съ турками, что, какъ они знаютъ, онъ и выполнилъ, но что для совмѣстнаго дѣйствія черкесовъ съ турками Порта назначила черкесамъ другихъ начальниковъ, которымъ онъ долженъ передать свою власть, а абадзехи должны подчиниться.

Абадзехи поняли положеніе своего вождя и любимца. Они не довѣряли Сеферъ-бею, какъ представителю князей и дворянъ, и стали открыто выражать желаніе, чтобы главою черкесскихъ племенъ былъ назначенъ Магометъ-Аминъ, а не Сеферъ-бей. Настроеніе абадзеховъ передалось и другимъ племенамъ. Въ черкесской массѣ начали рости неудовольствія и ропотъ. Сеферъ-бей сидѣлъ уже цѣлый годъ въ Сухумѣ въ полномъ бездѣйствіи, а горцы оставались безъ руководителя и ограничивались обычными хищническими набѣгами на русскія владѣнія, да и то въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Удобный моментъ для сведенія счетовъ съ русскими былъ уже почти упущенъ черкесами, благодаря такому порядку дѣлъ.

Тогда и Сеферъ-бей, до котораго дошли эти слухи, вынужденъ былъ проявить свою дѣятельность. Въ маѣ 1855 г. русскіе лазутчики дали знать, что къ натухайцамъ прибыли Сеферъ-бей и Мустафа-паша съ войсками и что они намѣрены двинуться на Екатеринодаръ и овладѣть имъ. Такъ-какъ при этомъ и союзный англо-

французскій флотъ могъ направить часть мелкихъ судовъ по Кубани, то кавказское начальство рѣшило вывести гарнизоны изъ Новороссійска и Анапы, чтобы усилить мѣстныя войска, расположенныя по Кубанской линіи. Это было на руку Сеферъ-бею, и лишь только гарнизоны удалились изъ Новороссійска и Анапы, какъ онъ занялъ послѣднюю небольшимъ турецкимъ отрядомъ.

Анапа обратилась въ турецкій военный центръ. Сюда стали наѣзжать французскіе, англійскіе и турецкіе офицеры, чтобы побудить горцевъ къ совмѣстному дѣйствію съ союзными войсками противъ русскихъ. Относясь къ Сеферъ-бею, какъ къ мѣстному главному начальнику, они тѣмъ самымъ повысили его престижъ въ глазахъ горцевъ, которые первоначально не придавали значенія бездѣятельному Сеферъ-бею. Притокъ горцевъ къ Анапѣ усилился. Европейскіе офицеры въ то же время отправились и къ Магометъ-Амину, но не успѣли склонить его къ совмѣстному дѣйствію съ ними и съ Сеферъ-беемъ. Это вызвало въ ихъ средѣ неудовольствіе къ Наибу-пашѣ, что было по душѣ Сеферъ-бею.

Но тутъ начиналась область личныхъ отношеній между обоими агитаторами. Одна часть горцевъ была на сторонѣ Магометъ-Амина, другая на сторонѣ Сеферъ-бея. Въ началѣ дѣятельности Магометъ-Амина, на него возлагали надежды князья и дворяне, такъ какъ Магометъ осторожно не касался сословныхъ отношеній. Когда наибъ женился на дочери темиргоевскаго князя Болотокова и, такъ сказать, завязалъ кровныя связи съ черкесскою аристократіей, то надежды на помощь Магометъ-Амина у высшихъ сословій въ спорѣ ихъ съ народомъ возросли. Когда же Магометъ-Аминъ прочно утвердилъ свою власть, опираясь на тфокотль, средній классъ или народъ, то на просьбу дворянъ разрѣшить ихъ старый споръ съ тфокотлемъ отвѣтилъ, что споръ этотъ можетъ быть рѣшенъ только по шаріату. А это значило, что Магометъ стоялъ на сторонѣ народа, а не дворянъ, такъ какъ шаріатомъ устанавливалось равенство между всѣми сословіями.

Тогда князья и дворяне отшатнулись отъ Магометъ-Амина. Прибытіе Сеферъ-бея въ Анапу оживило надежды дворянъ и они всецѣло стали на его сторону. Такъ какъ именно въ 1855 г. Магометъ-Аминъ съ особою настойчивостью началъ проводить мысль, что дворяне и народъ, какъ дѣти одного и того же пророка Магомета, должны быть уравнены въ правахъ, то шапсуги и натухайцы, не сочувствовавшіе также этой идеѣ, примкнули къ Сеферъ-бею. Но демократы абадзехи, у которыхъ дворяне не имѣли никакого значенія, не только не подчинились турецкому ставленнику Сеферъ-бею, а открыто, демонстративно избрали Магометъ-Амина своимъ вождемъ. Тогда Сеферъ-бей началъ обвинять Магометъ-Амина въ самозванствѣ и въ дѣйствіяхъ, противныхъ волѣ султана, назначившаго главнымъ начальникомъ черкесскихъ племенъ его, Сеферъ-бея. Но теперь уже и Магометъ-Аминъ былъ не просто безъизвѣстный

для чиновныхъ турокъ наибъ, а турецкій паша. Между противниками загорѣлась скрытая вражда и каждый изъ нихъ сталъ дѣйствовать въ военныхъ предпріятіяхъ по своему и обособленно.

Раздробленіе черкесскихъ военныхъ силъ повело къ ихъ ослабленію и къ военнымъ неудачамъ. Сеферъ-бей потерпѣлъ неудачу на Таманскомъ полуостровѣ, Магометъ-Аминъ—въ Карачаѣ. Тогда въ дѣло вмѣшался турецкій военачальникъ Омеръ-паша. Онъ потребовалъ къ себѣ въ Сухумъ Магометъ-Амина, утвердилъ его въ званіи начальника абадзеховъ и сосѣднихъ съ ними племенъ, надѣлъ на него эполеты паши, послалъ такіе же эполеты Сеферъ-бею черезъ сына его Карабатыра и приказалъ обоимъ пашамъ дѣйствовать совмѣстно и въ союзѣ съ его Омеръ-паши арміею.

Пока Магометъ-Аминъ находился въ отсутствіи, число недовольныхъ имъ дворянъ и представителей высшихъ сословій возросло. Это замѣтилъ наибъ и, въ видахъ упроченія своей власти, рѣшилъ произвести давно необходимый, по его мнѣнію, демократическій переворотъ въ краѣ. Онъ открыто возбудилъ народъ противъ дворянъ и потребовалъ, чтобы послѣдніе присягнули на Коранѣ передъ народомъ въ томъ, что они отказываются отъ своихъ старинныхъ правъ и признаютъ остальное населеніе равноправнымъ съ ними. Это былъ крупный переворотъ. У абадзеховъ онъ произведенъ былъ безъ затрудненій. Но у бжедуховъ князья и дворяне воспротивились требованію Магометъ-Амина. Начались насилія. Многіе князья и дворяне были убиты, другіе ранены, имущество ихъ уничтожено или разграблено. Натухайцевъ же и шапсуговъ переворотъ этотъ не коснулся. Въ то же время Магометъ-Аминъ занялся сборомъ ополченія, чтобы отправить его въ помощь къ Омеру-пашѣ. Но въ этомъ предпріятіи онъ потерпѣлъ такую же неудачу, какъ и Сеферъ-бей съ своими воззваніями изъ Сухума.

Магометъ-Аминъ не привыкъ къ неповиновенію и былъ страшно раздраженъ противъ тѣхъ, кто противился сбору ополченія. Чтобы снять съ себя отвѣтственность, онъ послалъ письмо къ Омеру-пашѣ. Въ своемъ посланіи Магометъ-Аминъ сообщалъ, что онъ могъ бы свободно явиться къ Омеру-пашѣ съ 10 тысячами всадниковъ, но для этого нужно повѣсить до 150 вліятельныхъ горцевъ, воспротивившихся его распоряженіямъ, вопреки пользамъ Падишаха. Посланецъ Магометъ-Амина не засталъ Омера-паши и возвратился назадъ. Распечатавши письмо наиба, онъ нашелъ въ немъ перечень именъ тѣхъ 150 человѣкъ, которыхъ слѣдовало повѣсить за сопротивленіе сбору ополченія. Въ числѣ этихъ приговоренныхъ къ повѣшенію, къ удивленію посланца, значился и онъ.

Тогда посланецъ рѣшилъ по своему отомстить наибу. Онъ поѣхалъ въ мегкеме, гдѣ жилъ Магометъ-Аминъ, собралъ старшинъ, передалъ имъ распечатанное письмо Магометъ-Амина и сказалъ, что будто бы Омеръ-паша приказалъ ему передать это письмо имъ, такъ какъ онъ отказался содѣйствовать кровавымъ замысламъ наи-

ба. Чтеніе письма произвело цѣлую бурю въ собраніи. Толпа бросилась къ дому наиба. Но Магометъ-Аминъ еще раньше отослалъ съ армяниномъ куда-то тяжелые мѣшки, набитые его цѣнностями, и самъ скрылся. Черкесы разграбили домъ Магометъ-Амина и разобрали по рукамъ его семейство.

Начались розыски, куда скрылся Магометъ-Аминъ. Когда было дознано, что онъ укрывается въ домѣ преданнаго ему горца на р. Пчасъ, то народъ окружилъ это убѣжище, но, согласно народнымъ обычаямъ, не рѣшился силою взять наиба изъ дома, гдѣ онъ пользовался правами гостепріимства. Магометъ-Аминъ очутился въ положеніи арестованнаго, которому грозила или явная смерть, или опозореніе, могущее навсегда лишить его прежняго положенія и вліянія на народъ.

Но въ этотъ критическій моментъ онъ получилъ помощь оттуда, откуда не ожидалъ. Ему помогъ выпутаться изъ бѣды Сеферъ-бей, его заклятый врагъ и противникъ. Узнавши о положеніи Магометъ-Амина, Сеферъ-бей отправился изъ Анапы на р. Богундыръ, въ сопровожденіи 150 турокъ и съ тремя пушками. Здѣсь онъ объявилъ, что намѣренъ идти къ абадзехамъ и бжедухамъ, чтобы привести ихъ къ присягѣ султану и низложить Магометъ-Амина. Князья и дворяне подняли голову и начали ходить по одиночкѣ на тайныя совѣщанія къ Сеферъ-бею, который именемъ Падишаха обѣщалъ дворянамъ возстановить ихъ права. Но объ этомъ узналъ народъ. Тогда народъ двинулся къ Магометъ-Амину, освободилъ его изъ заключенія, возстановилъ въ правахъ и присягнулъ ему въ повиновеніи при условіи, что Магометъ-Аминъ поведетъ народныя толпы противъ Сеферъ-бея и дворянъ.

Магометъ-Аминъ немедленно собралъ вооруженныхъ людей и назначилъ собраніе на р. Супъ, куда потребовалъ князей и дворянъ. Мѣсто сборища находилось на границѣ шапсугскихъ и бжедуховскихъ владѣній. Сюда же съ противоположной стороны явился Сеферъ-бей съ шапсугами и натухайцами. Начались переговоры между противниками, длившіеся нѣсколько дней и ни къ чему, кромѣ взаимныхъ угрозъ, не приведшіе. Дѣло происходило въ первыхъ числахъ мая 1856 г. и окончилось перестрѣлкой. Въ теченіе восьми часовъ этой перестрѣлки было убито по три человѣка съ обѣихъ сторонъ и нѣсколько человѣкъ ранено. Послѣ этого противники разошлись по домамъ. Магометъ-Аминъ ушелъ на р. Пшишъ въ земли абадзеховъ, а Сеферъ-бей на р. Иль въ земли бжедуховъ.

Съ этихъ поръ извѣстность обоихъ черкесскихъ агитаторовъ и вліяніе ихъ на народъ начали падать.

До тѣхъ поръ, пока русскія войска не занимали оставленной во время войны Анапы, Сеферъ-бей жилъ въ ней съ небольшимъ количествомъ черкесовъ и семьей, именуя себя „главнокомандующимъ всѣми горскими народами и начальникомъ турецкихъ силъ въ Анапѣ“. Когда русскія войска заняли Анапу, Сеферъ-бей пере-

брался въ Новороссійскъ. Здѣсь онъ, по словамъ русскихъ лазутчиковъ, рѣшилъ оказать отчаянное сопротивленіе русскимъ войскамъ, вызвалъ по одному всаднику съ дыма отъ шапсуговъ и натухайцевъ, раздалъ три пуда пороха. Но лишь только показались русскія войска, онъ первымъ бѣжалъ изъ Новороссійска и скрылся въ Неберджаевскомъ ущельѣ.

Въ это время случилось обстоятельство, усилившее вражду между Сеферъ-беемъ и Магометъ-Аминомъ. До кавказскихъ властей дошли слухи, что въ Константинополѣ появились новые черкесскіе эмиссары. Французы и англичане снаряжали цѣлую экспедицію на Кавказъ. Въ Константинополѣ былъ Магометъ-Аминъ и оттуда онъ прибылъ къ шапсугамъ съ фирманомъ, утверждавшимъ его въ званіи турецкаго паши. Его сопровождали адъютантъ и два турецкихъ чауша, одѣтые въ мундиры, и всѣ оказывали ему генеральскія почести. Это возбудило зависть Сеферъ-бея и онъ послалъ въ Турцію протестъ противъ фирмана и потребовалъ объясненій. Ходили слухи, что въ привезенной Магометъ-Аминомъ бумагѣ султанъ отказался отъ кавказскихъ горцевъ и совѣтовалъ имъ признать власть Франціи или Англіи. Черкесы заподозрили, что они проданы франкамъ, и обратились за совѣтомъ къ Сеферъ-бею.

Послѣдній воспользовался удобнымъ случаемъ, созвалъ собраніе, въ которомъ участвовало до 1000 старшинъ и на которомъ рѣшалось, не слѣдуетъ ли истребить Магометъ-Амина и пріѣхавшихъ съ нимъ франковъ и покориться Россіи. Хотя на собраніи и не было вынесено опредѣленнаго рѣшенія по этому вопросу, но Сеферъ-бей измѣнилъ свои отношенія къ русскимъ и сталъ искать расположенія къ нему русскихъ властей. Онъ запретилъ горцамъ дѣлать набѣги на русскія владѣнія, а Магометъ-Аминъ, котораго всюду сопровождали два иностранныхъ офицера, распускалъ слухи и ручался, что съ весны русскіе оставятъ Анапу и очистятъ Закубанскій край. Образовалось двѣ партіи между черкесами—сторонники Магометъ-Амина и Сеферъ-бея. Между этими партіями дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія, и въ январѣ 1857 г. близъ ущелья Туапсе произошелъ открытый бой, въ которомъ 15 человѣкъ было убито и 40 ранено. Партія Сеферъ-бея, болѣе многочисленная и предводимая его энергичнымъ сыномъ Карабатыромъ, одержала верхъ.

Около этого времени къ Туапсе пристали иностранные пароходы и произведена была высадка десанта. Носились слухи о столь многочисленномъ отрядѣ, что русское правительсво приняло серьезныя военныя мѣры съ своей стороны. Но послѣ выяснилось, что въ Туапсе высадилось всего 190 человѣкъ, принадлежавшихъ къ разнаго рода національностямъ, между которыми преобладали поляки и венгерцы. Къ полякамъ-дезертирамъ, жившимъ среди черкесовъ, была пущена за подписью полковника Лапинскаго прокламація, въ которой они приглашались присоединиться къ иностранному отряду, чтобы „снова поторговаться съ Москвой о польскихъ пра-

вахъ". Поляки, однако, не пошли къ Лапинскому, а намѣстникъ Кавказа кн. Барятинскій распорядился, чтобы съ плѣнными авантюристами военныя власти поступали, какъ съ шпіонами, возмутителями и разбойниками, предавали бы ихъ военному суду и вѣшали.

Оказалось, что въ организаціи и посылкѣ на Кавказъ польско-венгерскаго отряда принималъ главное участіе министръ почтъ въ Турціи Исламъ-паша, что ему помогали другіе турецкіе сановники и англичане. Во главѣ экспедиціи поставлены были два ренегата— Фергадъ-паша,—нѣмецъ баронъ Штейнъ, и Махмедъ-бей,—венгерецъ Банія, которыми и составленъ былъ нелѣпый планъ образовать изъ горцевъ одно владѣніе, съ туземнымъ княземъ во главѣ, и заставить эту возсоединенную Черкессію признать Русскаго Царя номинальнымъ протекторомъ ея, но не платить ему податей и не содержать его гарнизоновъ. Этимъ путемъ авантюристы надѣялись прекратить Кавказскую войну и умиротворить край. Во главѣ десантныхъ войскъ поставленъ былъ полякъ маіоръ турецкой службы Лапинскій и вмѣстѣ съ нимъ на Кавказъ отправился Махмедъ-бей или Банія, знавшій Кавказъ и находившійся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Сеферъ-беемъ.

Русское правительство указало турецкому на отправленіе враждебнаго Россіи отряда на Кавказъ при участіи турецкихъ чиновниковъ. Назначено было слѣдствіе, послѣ котораго Исмаилъ-паша и Фергадъ-паша, какъ главные виновники, были сосланы на жительство внутрь Анатоліи и изданъ былъ передъ тѣмъ фирманъ, которымъ воспрещались турецкимъ подданнымъ всякія сношенія съ кавказскими горцами.

Русскій консулъ въ Галацѣ донесъ азіатскому департаменту 11 марта 1857 г., что въ организаціи экспедиціи на Кавказъ принимали будто бы участіе англійскій посланникъ Лордъ Радклифъ, великій визирь Решидъ-паша и австрійскій интернунцій Прекошъ-Остенъ. Но вѣроятно они виновны были только въ томъ, что имъ извѣстно было затѣянное предпріятіе.

Между тѣмъ отрядъ авантюристовъ продолжалъ оставатьсъ на Черноморскомъ побережьѣ. Онъ пополнялся русскими дезертирами, преимущественно поляками. Во главѣ находился Магометъ-бей или Банія, носившій громкій титулъ главнокомандующаго европейскими войсками и ставшій именовать себя пашей. Начальникомъ легіона былъ Лапинскій и въ немъ состояли венгерецъ маіоръ Османъ-бей, капитанъ Станкевичъ, поручикъ Араковскій, подпоручики поляки Гришкевичъ, Высоцкій и Моравскій, аптекарь венгерецъ Браунъ и механики-англичане Истервельсъ и Гомеръ. Къ нимъ стали являться черкесскіе старшины и вліятельные горцы. Махмедъ-бей предложилъ имъ собрать въ теченіе мѣсяца въ ущельи Адербій близъ Геленджика, которое избрано было резиденціей легіона, всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ солдатъ. Въ числѣ этихъ плѣнныхъ оказался впослѣдствіи фельдфебель Королевъ, давшій интересныя свѣдѣнія о легіонѣ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ легіонъ передвинулся въ ущелье Адербій. Здѣсь, въ 8 верстахъ отъ Геленджика, былъ устроенъ главный складъ для боевыхъ запасовъ и помѣщенія для легіонеровъ. Легіонъ пополнялся плѣнными и бѣглыми солдатами, собранными въ окрестностяхъ Адербія, Геленджика, Новороссійска и Анапы. Къ Туапсе, Пшадѣ, Геленджику и Новороссійску стали приставать въ большомъ числѣ турецкія контрабандныя суда, привозившія соль и мануфактурные товары и увозившія хлѣбъ, кукурузу и кожи, преимущественно же женщинъ и дѣтей. Торговля людьми, прекращенная русскими военными судами окончательно въ 1846 г., вновь возникла и стала предметомъ самой соблазнительной приманки для контрабандистовъ. Само собою разумѣется, что при этомъ въ обиліи передавались черкесамъ порохъ и военные припасы.

Наказный атаманъ Черноморскаго войска генералъ Филипсонъ въ маѣ произвелъ на пароходѣ „Эльбрусъ" съ десантомъ движеніе изъ Анапы на Новороссійскъ и Геленджикъ и такъ напугалъ турецкихъ контрабандистовъ, что они отказались заходить въ Геленджикскую бухту. Тогда Лапинскій соорудилъ въ бухтѣ батарею, вооружилъ ее 6 пушками, вырылъ на берегу моря траншеи и далъ горцамъ торжественное обѣщаніе не пускать болѣе въ Геленджикскую бухту русскихъ судовъ.

Въ то же время Магометъ-бей съ большою свитою отправился въ земли натухайцевъ, шапсуговъ и бжедуховъ для привлеченія ихъ на свою сторону. Онъ побывалъ близъ Екатеринодара и съ возвышенности, на которой находится въ настоящее время Энемскій аулъ, долго разсматривалъ въ подзорную трубу городъ, пообѣщавъ черкесамъ завоевать его съ помощью иностранныхъ войскъ. Отсюда онъ отправился на р. Псекупсъ, гдѣ нынѣ находится Бакинская станица, а тогда расположенъ былъ лагерь Магометъ-Амина и присутствовало огромное количество черкесовъ, преимущественно абадзеховъ. Магометъ-бей пригласилъ къ себѣ на свиданіе Магометъ-Амина, расчитывая при посредствѣ его найти поддержку легіонерамъ у абадзеховъ; но Магометъ-Аминъ, превосходно понимавшій весь комизмъ предпріятія авантюристовъ, категорически заявилъ, что онъ не допуститъ Магометъ-бея говорить съ народомъ, и просилъ его честью уйти съ Псекупса и не появляться больше здѣсь, грозя въ противномъ случаѣ плѣномъ и репрессіями.

Батарея Лапинскаго произвела впечатлѣніе и въ Геленджикскую бухту снова стали заходить турецкія контрабандныя суда. Это дошло до свѣдѣнія генерала Филипсона. Тогда Филипсонъ вновь отправился изъ Анапы въ Геленджикъ пароходомъ, взявши на него двѣ роты солдатъ Крымскаго полка, 30 пѣшихъ всадниковъ Анапскаго горскаго полуэскадрона и три команды азовскихъ казаковъ на ихъ баркасахъ. Этимъ небольшимъ отрядомъ, подъ командою маіора Левашева, раннимъ утромъ была взята батарея Лапинскаго съ 6 пушками, а въ пороховомъ погребѣ найдено было

150 пудовъ пороха и значительное количество артиллерійскихъ зарядовъ. Несмотря на присутствіе самого Лапинскаго, его артиллеристовъ и достаточнаго количества горцевъ, движеніе русскаго отряда, встрѣченнаго пушечной картечью изъ батареи, было произведено такъ стремительно, что находившійся въ палаткѣ Лапинскій не успѣлъ опомниться и бѣжалъ, оставивъ всѣ вещи и въ томъ числѣ дѣловыя бумаги и патентъ на чинъ полковника, захваченные потомъ солдатами. Когда въ Геленджикѣ началась перестрѣлка, венгерецъ маіоръ Османъ-бей, находившійся въ Адербіи, вскорѣ послѣ того увидѣлъ всадника, мчавшагося на лошади со стороны Геленджика. Это былъ самъ Лапинскій, прискакавшій на артиллерійской лашади безъ сѣдла и костюма въ одной рубахѣ. Черкесы открыто обвинили его въ трусости и засвидѣтельствовали, что онъ при первыхъ же орудійныхъ выстрѣлахъ съ парохода скрылся и его никто не видѣлъ потомъ во все время сраженія съ русскими солдатами. Магометъ-бей, прибывши въ Адербій съ Сеферъ-беемъ, выразилъ порицаніе Лапинскому, но тѣмъ не менѣе оставилъ его на мѣстѣ въ Адербіи. Замѣнить его было некѣмъ.

Печальная вообще участь постигла послѣднихъ черкесскихъ эмиссаровъ, явившихся съ непрошенною помощью къ горцамъ. Когда Магометъ-бей попытался вступить въ дружескія отношенія съ русскими военными властями, предполагая сдѣлать Сеферъ-бея владѣтельнымъ княземъ Черкессіи, Лапинскій воспользовался этимъ обстоятельствомъ и обвинилъ его въ измѣнѣ. Въ первыхъ числахъ декабря 1857 г. „главнокомандующій европейскихъ войскъ“ былъ схваченъ сторонниками Лапинскаго и заключенъ въ тюрьму, т. е. просто посаженъ былъ въ яму въ Адербіи. Здѣсь 3 января 1858 г. изъ офицеровъ польскаго легіона былъ собранъ военный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ Лапинскаго. Совѣтъ рѣшилъ судить своего главнокомандующаго и въ составъ суда вошли капитанъ артиллеріи Петръ Станкевичъ, поручикъ артиллеріи Іосифъ Мареки, поручикъ пѣхоты Іосифъ Марановскій, подпоручикъ пѣхоты Францъ Чтохъ, сержантъ пѣхоты Оттонъ Линовскій, унтеръ-офицеръ артиллеріи Иванъ Зломдицкій, капралъ кавалеріи Семенъ Мутарскій и артиллеристъ Лейсеръ Завадскій. Рѣшеніе этого суда осталось неизвѣстнымъ, но вскорѣ послѣ этого Махмедъ-бей или венгерецъ Банія покинулъ Кавказъ и больше не появлялся у черкесовъ.

Лапинскій остался главою предпріятія и сталъ титуловаться „главнокомандующимъ европейскими войсками“. Послѣдующія неудачи артиллеріи Лапинскаго въ дѣлахъ горцевъ съ русскими возбудили сильнѣйшее негодованіе среди горцевъ противъ Лапинскаго и его легіона. Въ послѣднемъ было всего 86 человѣкъ и они находились въ ужасномъ положеніи, изнуренные, плохо одѣтые, со скудной пищей и отсутствіемъ жалованья. Легіонеры стали убѣгать. Шесть венгерцевъ ушло въ декабрѣ 1857 г. на кочермѣ въ Турцію. Въ январѣ 1858 г. скрылось еще десять человѣкъ. Черкесы розыскали бѣжав-

шихъ и предали народному суду. Два легіонера были разстрѣляны, а остальныхъ 8 человѣкъ, выбривши предварительно имъ головы, бороды, усы и брови, черкесы съ безчестіемъ прогнали отъ себя на сторону.

Скоро совсѣмъ сошли со сцены и главные черкесскіе агитаторы—Сеферъ-бей и Магометъ-Аминъ. Первый умеръ неожиданно въ декабрѣ 1854 г. въ долинѣ Вордобгачъ, близъ нынѣшней Шапсугской станицы. Второй, послѣ того какъ покоренъ былъ Дагестанъ и взятъ былъ въ плѣнъ въ 1859 г. Шамиль, нашелъ невозможною дальнѣйшую дѣятельность и 20 ноября 1859 г. присягнулъ вмѣстѣ съ абадзехами на вѣрноподданство Русскому Государю.

Странная судьба постигла этихъ двухъ дѣятелей черкесской независимости и стремленій къ самобытности. Одинъ изъ нихъ, Сеферъ-бей, родившійся черкесскимъ аристократомъ, котораго, казалось, сама судьба ставила въ положеніе властелина и давала ему средства быть душею и руководителемъ черкесскихъ народностей, большую часть жизни провелъ внѣ родины, въ поискахъ чужой помощи, и оставался бездѣятельнымъ въ важнѣйшіе моменты, пережитые черкесскимъ народомъ, ограничиваясь мелкимъ тщеславіемъ и мишурой личной карьеры. Другой, родомъ плебей, которому всю жизнь приходилось брать все съ бою, не только лично возвысился до высшаго положенія, о какомъ только могъ мечтать горецъ, но временами игралъ роль неограниченнаго властелина, организовалъ народное управленіе на демократическихъ началахъ и, стоя все время на торномъ пути объединенія черкесскихъ народностей, самъ прекратилъ свою дѣятельность, когда убѣдился, что идти дальше некуда.

Строго говоря, въ длинномъ ряду черкесскихъ эмиссаровъ и агитаторовъ Магометъ-Аминъ представляетъ собою единственную цѣльную личность политическаго дѣятеля, дѣйствовавшаго въ интересахъ горцевъ разумно и цѣлесообразно. Сеферъ-бей большую часть своей жизни провелъ въ Турціи, подъ предлогомъ заботъ о помощи черкесскому народу со стороны Турціи, и не умѣлъ воспользоваться подходящими моментами для объединенія въ одно политическое цѣлое горскихъ племенъ.

Что же касается остальныхъ эмиссаровъ и агитаторовъ, то легкомысліе и непониманіе ни собственныхъ своихъ задачъ, ни жизни того народа, которому они пытались служить, были наиболѣе характерными чертами ихъ дѣятельности. Сама Турція, выбрасывавшая изъ Константинополя на Кавказъ черкесскихъ эмиссаровъ и агитаторовъ, смотрѣла на единовѣрныхъ ей черкесовъ, какъ на боевой матеріалъ, которымъ можно было во всякое время пользоваться въ цѣляхъ чисто турецкой политики, не щадя ни силъ, ни интересовъ преданныхъ ей наивныхъ дѣтей черкесскаго народа.

Глава XXII.

МИРНЫЕ ЧЕРКЕСЫ.

Какъ извѣстно, при поселеніи черноморцевъ на прикубанскихъ степяхъ, ближайшіе сосѣди казаковъ—черкесы, отнеслись очень дружелюбно къ новоселамъ. Они снабжали ихъ хлѣбными сѣменами, плодовыми деревьямп и скотомъ. Но эти мирныя дружескія отношенія держались не долго. Нарушили ихъ первыми черкесы и самыя нарушенія выразились въ воровствѣ черкесами русскаго скота. Воровство скоро стало сопровождаться грабежами. Казаки, не желая оставаться въ долгу и обидѣ, стали сурово расправляться съ горцами, покушавшимися на ихъ скотъ и имущество. И вотъ завязался узелъ вражды и взаимнаго возмездія, перешедшій при дальнѣйшихъ осложненіяхъ, въ продолжительную войну двухъ сосѣднихъ народностей.

Но не всѣ черкесы и не всегда были поклонниками войны. Нѣкоторые изъ нихъ, по свойству своей натуры, предпочитали мирную и спокойную жизнь кровавой борьбѣ. Съ этими цѣлями перешли на казачьи земли ногайцы, жившіе у черкесовъ. Отчасти тѣми же побужденіями руководились и черкесы, основавшіе Гривенскій аулъ близъ ст. Новонижестебліевской. Но этими переходами мирныхъ элементовъ къ казакамъ какъ бы затормозились на нѣкоторое время мирныя связи остальныхъ черкесовъ съ русскими. Миролюбивые горцы совсѣмъ ушли изъ за Кубани. На мѣстѣ же остались одни заклятые враги русскихъ. До двадцатыхъ годовъ были очень рѣдки случаи сближенія черкесовъ съ казаками, даже въ формѣ такъ называемаго куначества, взаимной дружбы, которую очень высоко цѣнили черкесы.

Но съ теченіемъ времени жизнь начала брать свое. Между черкесами снова нашлись люди мирно настроенные и желавшіе держаться мирныхъ отношеній съ русскими. Наиболѣе рѣшительные изъ нихъ выразили эти наклонности къ миру, а не къ войнѣ не на словахъ, а на дѣлѣ. Такъ, 28 февраля 1828 г. закубанскій владѣлецъ Мурадинъ-бей доставилъ въ Черноморію 20 штукъ рогатаго скота и 12 лошадей, украденныхъ черкесами у казаковъ, и обѣщалъ и впредь не допускать ближайшихъ къ нему черкесовъ къ грабежамъ. Мирно настроенные черкесы дѣлали разныя одолженія русскимъ, позволяли рубить лѣсъ, допускали у себя охоты и пр. На этой почвѣ возникли даже недоразумѣнія между представителями Турціи и русскими властями. Въ декабрѣ 1826 г. анапскій комендантъ Гасанъ-паша писалъ генералу Емануелю, что русскіе нарушили трактатъ съ Турціей, пославши отрядъ въ горы для рубки лѣса, безъ вѣдома его, паши. Паша иронизировалъ, „что таковой просту-

покъ похожъ на указанія пути разбойничьимъ націямъ къ воровству", если бы такъ поступила „скотоподобная черкесская нація людей", а не русскіе.

Въ январѣ 1827 г. генералъ Емануель отвѣтилъ анапскому Гаджи-Гасанъ-пашѣ, что „судя по сильнымъ выраженіямъ его, (паши), письма, онъ, (генералъ Емануель), полагалъ что паша основательно узналъ и удостовѣрился въ порубкѣ русскими лѣса. Лѣсъ дѣйствительно рубился, но не въ 1826, а въ 1825 г., когда не былъ еще заключенъ трактатъ между Россіей и Турціей". Въ 1826 г. отрядъ въ 400 казаковъ, подъ начальствомъ генерала Васмунда, посланъ былъ для защиты темиргоевскихъ ауловъ князя Тау-Султана и узденей Джанхота и Усмана, построенныхъ при Кубани, отъ разграбленія ихъ абадзехами, кабардинцами, бжедухами и егирукаевцами, подъ предводительствомъ Джембулата. Когда русскіе расположились лагеремъ возлѣ Усманова аула, то, съ дозволенія Усмана, они нарубили немного хвороста для балагановъ. Это подтвердятъ Тау-Султанъ и уздень Усманъ. Въ заключеніе Емануель выразилъ увѣренность, что недоразумѣнія, вызванныя письмомъ Гасанъ-паши, не должны нарушить добрыхъ отношеній между турками и русскими и дружбы между пашей и генераломъ.

Въ это время существовало уже не мало случаевъ дружескихъ отношеній черкесовъ съ русскими. Часть натухайцевъ считалась мирными сосѣдями русскихъ. Когда генералъ Власовъ разорилъ нѣсколько ауловъ, принадлежавшихъ этимъ натухайцамъ, то, по жалобѣ натухайцевъ, этотъ генералъ былъ отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду. Въ своемъ отвѣтѣ атаману войска Донского Адріанову по этому вопросу войсковой атаманъ черноморцевъ Матвѣевъ далъ подробныя свѣдѣнія объ установившихся издавна мирныхъ связяхъ между натухайцами и русскими. На Черноморію, сообщалъ Матвѣевъ, чаще всего нападали шапсуги, абадзехи и другія черкесскія племена, проникавшія на Кубань черезъ земли натухайцевъ. Натухайцы же съ 1803 г. заявили себя самыми миролюбивыми сосѣдями Россіи. Такъ князь ихъ Калабатъ-оглу самъ изъявилъ покорность Россіи. Съ тѣхъ поръ натухайцы изъ рода Супако были приверженцами Россіи. Сынъ Калабата воспитывался въ Россіи—сначала въ Екатеринодарѣ, а потомъ въ Одессѣ. Асланъ-Гирей-бекъ Калабатовъ, изъ рода Супако, служилъ есауломъ въ Черноморскомъ казачьемъ войскѣ. Нурадинъ-Казакъ-оглы, также изъ рода Супако, два раза отыскивалъ скотъ, похищенный черкесами у казаковъ, и возвращалъ его имъ. Въ 1821 г. натухайцы самому Власову доставили свѣдѣнія о готовившемся нападеніи шапсуговъ на Черноморію. Если же въ черкесскихъ набѣгахъ участвовали натухайцы, то это были лишь отбросы натухайскаго народа".

И не одни натухайцы изъявляли покорность Россіи. Также миролюбиво относилась къ русскимъ и большая часть темиргоевцевъ. Въ сентябрѣ 1827 г. есаулъ Пшекуй Могукоровъ сообщилъ

начальнику Черноморской кордонной линіи г.-м. Сысоеву 1-му, что уполномоченные шапсуговъ Хопачъ и Лепсегачъ выразили желаніе своего народа прекратить торговлю съ турками, съ которыми ведутъ торговыя сношенія только богачи, могущіе отправлять въ Анапу коровье масло и медъ. Бѣдняки же вынуждены продавать туркамъ собственныхъ дѣтей. Чтобы избѣжать этой тяжелой для народа торговли, шапсугскій народъ изъявлялъ готовность завязать мирныя сношенія съ русскими и просилъ открыть на мѣновыхъ дворахъ мѣну русскихъ произведеній на черкесскіе лѣсъ, хлѣбъ, овощи, рогатый скотъ и пр.

Пока дѣло касалось торговли, обмѣна услугами отдѣльныхъ горцевъ съ русскими, народная масса относилась къ сторонникамъ мирныхъ отношеній спокойно и дружелюбно. Но если сторонники мирныхъ отношеній становились поддаными Россіи и тѣмъ болѣе перебѣжчиками и шпіонами, гнѣвъ народный выражался въ полной силѣ—отщепенцевъ черкесы разоряли, наказывали, штрафовали, предавали смертной казни и т. п., смотря по степени преступленія противъ народа. Особенно ненавистна была горцамъ мысль о подданствѣ. Они признавали лишь союзъ съ иноземцами и въ крайнемъ случаѣ протекторатъ въ видѣ матеріальной помощи. Но—и только. Покориться же окончательно русскимъ или туркамъ черкесы не желали. Въ 1827 г. въ жизни черкесовъ произошелъ рядъ характерныхъ случаевъ въ этомъ отношеніи. Въ этомъ году турки особенно усердно ухаживали за черкесами, подготовляясь къ войнѣ 1828 года съ Россіей. Было извѣстно, что турки вооружали Анапу, присылали войска, порохъ, ядра и пр., что гарнизонъ въ Анапѣ былъ доведенъ до 6000 состава и т. п. Чтобы заручиться содѣйствіемъ черкесовъ, турки стали приводить ихъ къ присягѣ. Анапскій паша Гассанъ сталъ приглашать представителей черкесскихъ племенъ въ Анапу для принятія присяги. И вотъ тутъ-то и воспротивились этому самые злѣйшіе враги русскихъ шапсуги. Генералъ Сысоевъ сообщилъ 14 іюня 1827 г. командующему войсками на Сѣверномъ Кавказѣ Емануелю о томъ, что 400 представителей изъ племени хамышеевцевъ и черченеевцевъ, считавшихся сторонниками русскихъ, отправились въ Анапу по вызову Гасанъ-паши. Но шапсуги не пропустили ихъ туда, и только благодаря Аббату Бесленею, они пробрались въ Анапу скрытными путями. Тотъ же генералъ Сысоевъ 8 іюля сообщилъ Емануелю, что враждебные Россіи черкесы, собравшіеся по приглашенію Гасанъ-паши на р. Убинѣ, категорически отказались присягнуть турецкому султану.

На этой почвѣ чаще всего происходили споры и неурядицы у самихъ черкесовъ. Подавляющее большинство горцевъ всегда стояло за свободу и противъ какихъ бы то ни было обязательствъ въ подчиненіи чужой власти. Отдѣльныя лица, преслѣдуя большею частью свои личныя цѣли, переходили въ подданство Россіи и являлись отщепенцами въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ сентябрѣ 1828 г.

подполковникъ Черноморскаго войска Кондруцкій сообщилъ Емануелю чудовищный случай черкесскаго предательства. Шапсугскій дворянинъ Каспулатъ Немиръ предложилъ Кондруцкому выдать шапсуговъ, изрубившихъ казака куреня Ивановскаго Топчія и плѣнившихъ казака куреня Марьинскаго, подъ условіемъ, что Каспулату будетъ разрѣшено переселиться на правый берегъ Кубани въ Черноморію. Предложеніе это было принято. Въ тотъ моментъ, когда шапсуги намѣревались сдѣлать набѣгъ на Черноморію, къ нимъ явился Каспулатъ Немиръ и просилъ отложить предпріятіе до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ 400 пудовъ соли подаренныхъ ему Кондруцкимъ на Ново-Екатерининскомъ мѣновомъ дворѣ. Каспулатъ пригласилъ шапсуговъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которыхъ онъ обѣщалъ выдать русскимъ, принять участіе въ перевозкѣ подаренной ему русскими соли съ Кубани.

Цѣлая партія шапсуговъ, съ шапсугскими убійцами и 4 собственными крестьянами Каспулата, 24 сентября отправились къ мѣновому двору. Каспулатъ переѣхалъ черезъ Кубань на мѣновой дворъ, а сопровождавшіе его шапсуги остались на правомъ берегу Кубани. Но здѣсь же, по предварительному уговору съ Каспулатомъ, было спрятано 150 казаковъ въ засадѣ. Въ то время, когда выслана была соль съ мѣноваго двора, казаки бросились на черкесовъ и часть ихъ погибла, а 25 человѣкъ было взято въ плѣнъ. Столь дорогою цѣною благороднымъ шапсугскимъ дворяниномъ куплено было право перехода на жительство въ Черноморію.

Въ 1828 и 1829 г.г. черкесы стали переходить въ подданство Россіи цѣлыми аулами и группами ихъ. По вѣдомости за 11 апрѣля 1829 г. значилось 17 ауловъ, въ 916 дворовъ и въ 4053 д. об. пола, принявшихъ присягу на подданство Россіи. Все это были хамышеевцы, приведенные къ присягѣ 14 іюля 1828 г. По списку 16 сентября 1829 г. значилось еще 10 ауловъ или 516 дворовъ съ 1724 д. об. пола населенія присягнувшаго Россіи. Въ числѣ присягнувшихъ ауловъ значились владѣнія князя Пшекуя, гатукаевскіе и жанеевскіе аулы. По апрѣльскому списку значилось 6 аманатовъ, жившихъ въ Екатеринодарѣ: племянникъ натухайскаго князя Ногай Утежебекъ 30 лѣтъ, темиргоевскій дворянинъ 35 л., другой темиргоевскій дворянинъ 40 л., сынъ дворянина Биберды 14 л. и дворянинъ Гусейнъ 30 л. Такимъ образомъ, судя по этимъ документамъ, въ 1828 и 1829 г. въ числѣ присягнувшихъ Россіи черкесовъ были бжедухи, хамышеевцы, жанеевцы, хатукаевцы, темиргоевцы и натухайцы. Натухайцы, кромѣ того, дали русскимъ еще 5 особыхъ аманатовъ—одного 60 лѣтъ, затѣмъ 19, 20, 22 и 24 лѣтъ. Между натухайцами и русскими существовали болѣе близкія отношенія, чѣмъ съ остальными мирными горцами. Въ 1829 г. они занесли жалобу Емануелю о невозвратѣ имъ плѣнныхъ и имущества, захваченныхъ русскими, и генералъ Емануель приказалъ возвратить имъ то и другое. Не возвращенъ былъ лишь нѣкто

Одахъ Гусейнъ, такъ какъ онъ пойманъ былъ на разбоѣ и сосланъ по приговору суда въ Сибирь. Но необходимо прибавить, что присягнувшіе на подданство Россіи натухайцы составляли очень незначительную долю натухайскаго народа. Въ полномъ своемъ составѣ натухайцы не давали присяги и аманатовъ Россіи. При осадѣ крѣпости Анапы въ 1828 г. они воевали противъ русскихъ въ рядахъ турокъ. Въ 1829 г. натухайскіе дворяне, которые, впрочемъ, не пользовались вліяніемъ на народъ, убили чиновника, посланнаго для переговоровъ съ ними г-номъ де-Скаси.

Самые переходы горцевъ въ подданство Россіи происходили подъ вліяніемъ различныхъ причинъ. Тутъ играли роль и племенныя отношенія между горцами, и личные счеты между нѣкоторыми изъ нихъ, и неудобства хозяйственнаго положенія за Кубанью, и просто желаніе имѣть сильную защиту въ лицѣ русскихъ, но главнымъ мотивомъ служили сословные расчеты черкесскаго дворянства. Искали подданства Россіи преимущественно дворяне, желавшіе сохранить за собою, при помощи русской власти, положеніе привиллегированнаго, правящаго сословія. Въ этомъ отношеніи особенно характерна исторія перехода въ подданство Россіи хамышеевцевъ. Въ 1830 г. поручикъ лейбъ-гвардіи Черноморскаго эскадрона князь Ханъ-Гирей представилъ черезъ генералъ адъютанта Перовскаго, въ отрядѣ котораго онъ состоялъ на Кавказѣ, ходатайство хамышеевцевъ о принятіи ими русскаго подданства подъ главенствомъ его, Ханъ-Гирея. Скоро, однако, выяснилось, что Ханъ-Гирей самъ поставилъ себя во главѣ хамышеевскаго народа и въ глазахъ хамышеевцевъ, особенно другихъ князей и дворянъ, были самозванцемъ.

Въ томъ же 1830 г., по распоряженію генерала Емануеля, русскими властями были собраны подробныя свѣдѣнія о хамышеевцахъ. Опрошены были хамышеевскіе князья и знатные дворяне при помощи авторитетныхъ переводчиковъ отставного майора Султана Селимъ-Гирея и войскового старшины Могукорова. Изъ этихъ разпросовъ выяснилось, что хамышеевцы въ 1830 г. жили по теченію р. Кубани, между впаденіемъ въ нее Псекупса у Павловскаго поста и Афипса у поста Елинскаго, на протяженіи 35 верстъ. По направленію къ горамъ ихъ владѣнія простирались до р. р. Дысъ и Догай на протяженіи 40 верстъ. Хамышеевцы жили въ 22 аулахъ и имѣли 3 княжескихъ двора—Алхаса, Мухамеда и Шумафа, 88 дворовъ дворянскихъ и 1800 дворовъ хамышеевскаго народа. Мужскаго пола у нихъ было свыше 2000 душъ и изъ нихъ до 1200 носившихъ оружіе. Около 40 дворянскихъ семей разошлось по разнымъ владѣніямъ, во избѣжаніе притѣсненій хамышеевцевъ шапсугами и абадзехами. Тѣ же шапсуги и абадзехи взяли въ плѣнъ у хамышеевцевъ до 900 душъ муж. и жен. пола. Въ борьбѣ съ ними было убито въ разное время 4 князя, 40 дворянъ и болѣе 1000 рядовыхъ хамышеевцевъ. Въ 1796 г. хамышеевцы, при помощи черноморскихъ казаковъ и черноморской артиллеріи, выдержали въ

урочищѣ Бзіюкъ кровопролитное сраженіе съ шапсугами, абадзехами и натухайцами. Хамышеевцы потеряли при этомъ въ бою князя Бат-Гирея, младшаго брата князя Алхаза, 60 дворянъ и до 2000 рядовыхъ хамышеевцевъ. Непріятелей было до 10,000 человѣкъ и потери ихъ были также не менѣе 2000 человѣкъ. Сраженіе происходило изъ за сословныхъ интересовъ. Хамышеевцы стояли за князей и дворянъ, противники ихъ за демократическій строй съ властью народа въ лицѣ его старѣйшинъ. Шапсуги, абадзехи и натухайцы, превосходившіе хамышеевцевъ въ нѣсколько разъ своею численностью, имѣли намѣреніе окончательно истребить хамышеевцевъ и съ тѣхъ поръ всячески тѣснили ихъ, преслѣдуя ихъ за дворянско-аристократическій укладъ жизни и порядки. Это и заставило хамышеевцевъ искать покровительства у русскихъ, а Бзіюкская битва, выигранная дворянами у демократическихъ племенъ, при помощи русскихъ, послужила, надо прибавить, одной изъ главныхъ причинъ враждебныхъ отношеній черкесовъ къ русскимъ, перешедшихъ въ длительную войну.

Въ 1830 г. главными родовитыми князьями у хамышеевцевъ были Алхаджи-оглу, Алхасъ-бекъ и Алхаджи-оглу Мухамедъ-бекъ. Они считались владѣтельными князьями. Что же касается князя Ханъ-Гирея, то онъ былъ не владѣтельной особой. „Такихъ хануковъ, презрительно отозвались знатные хамышеевцы, у насъ много“. Такимъ образомъ, князь Ханъ-Гирей хотѣлъ подъ шумокъ занять у хамышеевцевъ неподобающее мѣсто и потерпѣлъ фіаско. Исторія хамышеевцевъ служитъ прекрасною иллюстраціею къ тѣмъ мотивамъ, которыми руководились черкесы, искавшіе подданства Россіи. Подобнымъ характеромъ отличались и послѣдующіе случаи обращенія горцевъ въ русское подданство.

Въ этомъ отношеніи вообще много значило положеніе племенъ среди самихъ горцевъ. Ногайцы, тѣснимые черкесами, раньше другихъ выразили желаніе принять подданство Россіи. Натухайскіе ногайцы, жившіе близъ Чернаго моря, сразу же перешли къ казакамъ на Таманскій полуостровъ. Ногайцы, обитавшіе на пространствѣ между Кубанью и Лабой, также раньше другихъ народностей стали искать защиты у русскихъ и они какъ бы фактически были подданными Россіи. Такъ относились къ нимъ и русскія власти. Когда въ 1830 г. они не оказали помощи русскимъ войскамъ въ борьбѣ ихъ съ другими горцами, то графъ Паскевичъ-Эриванскій приказалъ генералу Емануелю наказать ихъ въ административномъ порядкѣ, посадивши на 6 мѣсяцевъ подъ арестъ ногайскихъ старшинъ и предводителей, въ число которыхъ попалъ и глава ногайцевъ Асланъ-Гирей.

Такія полузависимыя народности находились какъ бы между двухъ огней, принимая русское подданство или нарушая его. Съ одной стороны, они боялись силы русской власти и оружія, а съ другой, мести горцевъ. Самые переходы въ подданство Россіи они

обставляли поэтому разными предохранительными условіями. Въ 1831 г. Хатукаевскій владѣлецъ Бей Султанъ Гаттукъ изъявилъ согласіе принять подданство Россіи, но просилъ или отложить присягу на время, или же допустить къ присягѣ вмѣсто него брата, такъ какъ въ это время абадзехи были въ сборѣ и могли напасть на его владѣнія, узнавши о принятіи имъ открыто присяги Россіи. Войсковой старшина Могукоровъ, черезъ которого велись переговоры съ Гаттукомъ, сообщая о рискованномъ положеніи послѣдняго, считалъ возможнымъ отсрочить присягу до того времени, когда будетъ производиться переселеніе темиргоевскихъ владѣльцевъ ближе къ Кубани. Одновременно съ послѣдними могутъ быть переселены ближе къ Кубани и хатукаевцы, и тогда, при массовомъ переселеніи двухъ народностей, абадзехи не осмѣлятся напасть на хатукаевцевъ.

Но обыкновенно горцы, принимая русское подданство, кромѣ присяги, давали аманатовъ или заложниковъ въ обезпеченіе мирныхъ отношеній. Аманаты были у русскихъ подъ надзоромъ и могли быть подвергнуты карѣ за измѣну тѣхъ, кто ихъ далъ. Въ февралѣ 1831 г. ген. Емануель извѣстилъ Заводовскаго, что, по распоряженію главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ гр. Паскевича Эриванскаго, 17 аманатовъ тагаурской и проч. народностей за возстаніе съ оружіемъ въ рукахъ ихъ единоплеменниковъ противъ русскихъ войскъ, разсылаются въ разныя мѣста: недостигшіе 18-ти лѣтняго возраста отданы въ военно-сиротскія отдѣленія, съ 18 лѣтъ отданы въ солдаты въ Финляндскій корпусъ, а дряхлые и неспособные къ труду сосланы въ Сибирь на поселеніе. Заводовскій долженъ былъ извѣстить остальныя горскія племена, давшія аманатовъ, что, въ случаѣ измѣны, будетъ поступлено такъ и съ ихъ аманатами.

Чѣмъ ближе вообще жили принявшіе русское подданство черкесы къ казачьимъ владѣніямъ, тѣмъ, понятно, подъ болѣе сильною защитою русскихъ они находились, но вмѣстѣ съ тѣмъ они становились и въ большую зависимость отъ русской власти. Нерѣдко самое переселеніе принявшихъ русское подданство горцевъ было соединено съ условіемъ службы русскому правительству. Въ 1831 и 1832 г.г., по распоряженію русскаго правительства, были переселены съ Кубани на р. Куму абазинскіе князья Лоовы съ ихъ подданными. У этихъ князей были свои крѣпостные, которыми владѣли также и абазинскіе уздени, дворяне. Русское подданство и переходъ на русскія земли нужны были, очевидно, Лоовымъ и абазинскимъ узденямъ, какъ средство удержать крѣпостной строй. И въ зависимости отъ этого обстоятельства, абазинскіе родовичи приняли на себя обязанности по охранѣ русской границы отъ набѣговъ горцевъ, т. е. посылали разъѣзды для выслѣживанія непріятеля, ставили на ночь секреты, преслѣдовали горцевъ, пробиравшихся съ хищническими цѣлями на русскую границу.

Такихъ условій, понятно, нельзя было ставить тѣмъ изъ мирныхъ горцевъ, которые находились внѣ предѣловъ русскихъ владѣній. Обыкновенно эти горцы брали на себя, такъ сказать, только словесныя обязательства относительно борьбы съ враждебными Россіи племенами. Этому мѣшали близкія ихъ соприкосновенія съ этими послѣдними, что заставило даже русскія власти относиться къ нимъ съ большею предупредительностью, чѣмъ къ вполнѣ зависимымъ горцамъ. Когда въ 1833 голодномъ году сталъ ощущаться большой недостатокъ въ хлѣбѣ между русскимъ населеніемъ по правую сторону Кубани и когда рѣшено было не выпускать хлѣба за Кубань къ черкесамъ, то генералъ Малиновскій просилъ командующаго войсками на Кавказѣ разрѣшить продажу хлѣба однимъ мирнымъ черкесамъ, чтобы предотвратить ихъ переходъ на сторону абадзеховъ и шапсуговъ. Принявшіе русское подданство горцы стали называться въ официіальныхъ бумагахъ и въ разговорной рѣчи мирными черкесами. Кромѣ натухайцевъ, бжедуховъ, хамышеевцевъ, темиргоевцевъ и хатукаевцевъ, въ числѣ мирныхъ горцевъ считались въ 1834 г. нѣкоторые аулы бесленеевцевъ, башилбаевцевъ и махошевцевъ.

Постепенно увеличивавшійся переходъ отдѣльными аулами и даже племенами горцевъ въ разрядъ мирныхъ, принявшихъ русское подданство, обострилъ отношенія между ними и враждебными русскимъ горцами. Особенно нетерпимо къ мирнымъ черкесамъ стали относиться абадзехи, шапсуги и натухайцы. Среди этихъ трехъ народностей также были сторонники мира съ русскими и отщепенцы въ родѣ Каспулата Немира, но они боялись мести народа и носили личину особенно ревностныхъ противниковъ Россіи. Въ 1836 г., по запросу тайнаго совѣтника Бутенева, сообщены были свѣдѣнія о вліятельныхъ горцахъ, которыхъ можно было бы привлечь на сторону Россіи. Въ числѣ такихъ лицъ оказался Мулла Хаджи-оглу Мансуръ, родомъ турокъ, жившій между натухайцами на Озерейкахъ и занимавшійся продажею невольниковъ и невольницъ. У натухайцевъ онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ, благодаря умѣнью натравливанія ихъ на русскихъ. Но онъ былъ настолько корыстолюбивъ, что не прочь былъ служить за деньги и русскимъ. Удерживала его отъ этого боязнь натухайскаго народа, который вмѣстѣ съ шапсугами особенно ревностно сталъ преслѣдовать перебѣжчиковъ къ русскимъ. Какъ видно изъ рапорта Вельяминова командующему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ отъ 11 декабря 1836 г., онъ не могъ не выполнить распоряженія Государя Николая I-го, который приказалъ послать къ натухайцамъ требованіе о полной покорности ихъ Россіи прежде, чѣмъ начать противъ нихъ военныя дѣйствія. У Вельяминова было много лазутчиковъ между натухайцами и шапсугами, которые доставляли ему самыя подробныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и настроеніи натухайцевъ, за каждымъ шагомъ которыхъ они тщательно слѣдили. Но никто не согласился

взять у Вельяминова документъ для передачи его натухайцамъ, изъ боязни быть убитымъ. Шапсуги и натухайцы вь 1834 г. дали взаимную клятву убивать всякаго, кто выкажетъ хоть малѣйшую наклонность покориться русскимъ. Въ виду постепенно усиливавшейся грозы со стороны Россіи, въ это время черкесскія племена находились въ очень тревожномъ состояніи.

Это, въ свою очередь, обезпокоило и русскія власти. Въ 1839 г. генералъ Заводовскій просилъ полковника Пшекуя Могукорова, состоявшаго на казачьей службѣ, выяснить состояніе умовъ и положеніе дѣлъ у враждебныхъ русскимъ горцевъ и у мирныхъ черкесовъ. Въ декабрѣ Пшекуй отвѣтилъ, что, въ данный моментъ, замѣчалось усиленіе власти народа у всѣхъ черкесскихъ племенъ. У абадзеховъ, шапсуговъ и натухайцевъ не было ни одного человѣка, который имѣлъ вліяніе на народъ—не было ни князей управителей, ни какихъ-либо начальниковъ, ни даже временныхъ выдающихся вожаковъ. Всѣ три племени считали себя независимыми ни отъ кого, управлялись сами собою, судились по обычаю и усмотрѣнію, не признавали высшихъ властей и не давали никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Очевидно, демократическія теченія у этихъ трехъ племенъ были особенно сильны. У хамышеевцевъ же и черченеевцевъ, считавшихся мирными, хотя и были князья, но „князья сіи, по выраженію Пшекуя Могукорова, управляли только по поверхности.“ Особаго вліянія на состояніе умовъ и на настроеніе массы они не имѣли. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ преобладали у горцевъ тѣ же демократическія тенденціи, настраивавшія ихъ противъ русскихъ.

Въ февралѣ этого же года бѣжалъ къ русскимъ абадзехскій старшина Катагожъ Эдиковъ, оставившій на родинѣ своей аулъ и крестьянъ. Онъ вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ народной мести, такъ какъ его обвиняли въ томъ, что онъ „служилъ проводникомъ отряда русскихъ“ 18-го апрѣля 1838 г. за р. Бѣлой. Ему грозила также и родовая кровавая месть. По словамъ Эдикова, у абадзеховъ царила чуть ли не полная анархія. Враждовалъ народъ съ своими знатными старшинами. Юноши крестьянскаго происхожденія, богатые и красивые, стали выкрадывать у знатныхъ старшинъ дочерей и жениться на нихъ. Это возмутило абадзехскихъ дворянъ. Загорѣлась вражда между дворянами и народомъ. Народъ на своемъ собраніи потребовалъ, чтобы дворяне были равны съ рядовыми абадзехами въ правахъ и чтобы родниться съ ними простому народу не считалось униженіемъ и преступленіемъ. Если бы дворяне не согласились на такое уравненіе правъ, то абадзехи грозили совсѣмъ изгнать съ своихъ земель дворянскія фамиліи. Выкупленный въ это время изъ плѣна казакъ Хоперскаго полка, находившійся 30 лѣтъ въ плѣну у абадзеховъ, убыховъ и шапсуговъ, характеризовалъ такое же состояніе умовъ у всѣхъ этихъ племенъ. По его словамъ, старшины названныхъ трехъ племенъ стояли за подданство Россіи, а весь народъ противъ этого.

Тоже, но въ болѣе слабой степени, замѣчалось и у племенъ. считавшихся мирными. Въ 1838 г. извѣстный Зассъ поручилъ полковнику Васмунду и майору Венеровскому произвести перепись населенія въ мирныхъ черкесскихъ аулахъ. Но этому распоряженію подчинилась только часть населенія. Темиргоевцы, хатукаевцы и егерукаевцы отказались отъ переписи. Потребовалось послать въ помощь Васмунду и Венеровскому 500 казаковъ Кубанскаго полка. Туда же направился и самъ Зассъ, и уже при личномъ его участіи были собраны свѣдѣнія о народонаселеніи у темиргоевцевъ и егерукаевцевъ. Мирные ногайцы старались упорядочить народнымъ договоромъ свои внутреннія взаимоотношенія. Въ 1839 г. на общемъ собраніи всего ногайскаго народа, былъ установленъ такъ называемый „тевтеръ," обязательство, которымъ опредѣлялись внутренніе порядки и поведеніе населенія. Въ силу этого договора, доносчикъ за ложный доносъ подвергался смертной казни—„мы должны погубить его," сказано въ тевтерѣ. Продавшій вольного человѣка непремѣнно долженъ возвратить его, подъ угрозой смертной казни. Ногайцы обязывались выдавать головою русскому начальству всѣхъ тѣхъ, кто покушался на жизнь и имущество русскихъ, и т. п.

Такимъ образомъ, около 1840 г., когда у горцевъ, особенно по Черноморскому побережью, замѣчался сильнѣйшій подъемъ военнаго духа, мирнымъ отношеніямъ горцевъ къ русскимъ грозила серьезная опасность. Успѣхи русскаго оружія, расширенія сферы военныхъ дѣйствій, занятіе новой линіи по Лабѣ казачьимъ населеніемъ и т. п. всполошило горцевъ. Къ этому присоединились репрессіи по отношенію къ черкесамъ со стороны русскихъ и звѣрская расправа съ русскими черкесовъ. Когда былъ взятъ въ 1840 г. черкесами фортъ Лазаревъ, въ числѣ прочихъ былъ убитъ сынъ Джубгскаго князя. Не задолго предъ этимъ воинскій начальникъ форта Лазарева приказалъ высѣчь двухъ, пойманныхъ на мародерствѣ горцевъ. Это вызвало такое у черкесовъ негодованіе, что при погребеніи молодого джубгскаго князя, въ отместку за сѣченіе вольныхъ горцевъ, черкесы изрубили двухъ русскихъ плѣнныхъ офицеровъ и бросили ихъ въ одну могилу съ джубгскимъ княземъ.

Вообще воинственный пылъ и подъемъ духа у горскихъ народностей, выразившійся повсемѣстно, заразительно дѣйствовалъ даже на тѣхъ черкесовъ, которые, казалось, совсѣмъ ужъ порвали свои связи съ своими единоплеменниками. Начались побѣги мирныхъ черкесовъ въ горы. Въ 1841 г. бѣжали къ непокорнымъ горцамъ четыре черкеса-офицера русской службы—поручикъ Болотоковъ, подпрапорщикъ Коноковъ, прапорщикъ Богарсуковъ, князь Темиргой Керкановъ и неимѣющій чина Пчекокъ Тхапытаковъ. Бѣжавшіе ушли въ горы, чтобы сражаться съ горцами противъ русскихъ войскъ, въ рядахъ которыхъ до того они служили. Возбужденію горцевъ много способствовали и разнаго рода эмиссары. Въ первыхъ числахъ іюля 1840 г. къ абадзехамъ было прислано 5 чеченцевъ

съ воззваніемъ отъ Шамиля. Горцы собрались въ окрестностяхъ Абина на земляхъ шапсуговъ для прочтенія воззванія Шамиля. Имамъ увѣдомлялъ о блистательныхъ успѣхахъ своего оружія надъ русскимъ и давалъ обѣщаніе, что, по окончаніи дѣлъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ, онъ придетъ съ своими войсками на Кубань и уничтожитъ всѣ русскія крѣпости. Пока же Шамиль приглашалъ горцевъ къ поголовному возстанію противъ русскихъ.

Съ этого же времени начинаются нѣкоторыя измѣненія и въ общей системѣ отношенія русскихъ властей къ мирнымъ горцамъ. Высочайшимъ повелѣніемъ 17 февраля 1842 г. относительно подданства горцевъ установлены были слѣдующія правила.

Разрѣшалось принимать въ русское подданство только смежныхъ съ русскими по земельнымъ владѣніямъ горцевъ, и не принимать изъ изолированныхъ и удаленныхъ отъ русскихъ владѣній мѣстъ.

До общаго гражданскаго устройства всѣхъ горскихъ племенъ на Кавказѣ, въ своихъ частныхъ дѣлахъ горцамъ дозволялось разбираться по своимъ обычаямъ, подъ наблюденіемъ, однако, русскаго воинскаго начальника.

Принятые въ подданство горцы освобождались на первое время отъ всѣхъ повинностей, за исключеніемъ обороны ихъ владѣній вмѣстѣ съ русскими войсками.

Тамъ, гдѣ условія позволяютъ, горцы должны оказывать помощь рабочими руками и матеріалами при постройкѣ укрѣпленій.

Тогда же были укрѣплены русскими властями права абазинцевъ надъ зависимыми сословіями въ аулахъ князя Лоова. Дѣло въ томъ, что у абазинцевъ были холопы и вольноотпущенники. Послѣдніе пользовались правомъ перехода отъ одного князя къ другому, но въ случаѣ споровъ по этому поводу они должны были подчиняться адату, мусульманскому обычному праву. Еще въ 1838 г., по жалобѣ абазинскихъ князей, обвинявшихъ вольноотпущенниковъ въ ослушаніи, русское начальство сажало послѣднихъ подъ арестъ на извѣстное время. Въ іюнѣ 1842 г. возникъ общій вопросъ объ отношеніяхъ между князьями и вольноотпущенниками. Представителями управленія мирными горцами было произведено особое разслѣдованіе по этому предмету въ области обычнаго права. Князья Ногай и Саралыпъ Лоовы просили въ 1835 г. разрѣшить имъ переселиться съ Кумы на Кубань, въ мѣстность возлѣ Хумаровъ Усть-Джегутинской балки. Разрѣшеніе было дано командующимъ войсками на прежнихъ условіяхъ, т. е. съ обязательствомъ защиты отъ непокорныхъ горцевъ русской границы. Одинъ изъ узденей и нѣкто Юсупъ Хаупшевъ подговорили вольноотпущенниковъ не переселяться на томъ основаніи, что имъ предоставлено право вольнаго перехода отъ одного князя къ другому. Но Лоовы доказали, что, по адату, вольноотпущенники какъ внесшіе, такъ и не внесшіе плату за себя владѣльцамъ, одинаково должны оставаться въ числѣ

свободныхъ людей въ той общинѣ, въ которой они жили, какъ входившіе въ составъ защиты общины. На этомъ основаніи, русскія власти приказали абазинцамъ переселиться въ полномъ составѣ, т. е. вмѣстѣ съ князьями и узденями и вольноотпущенниками. Вновь абазинцы Лоовыхъ были поселены между укрѣпленіями Усть-Джегутинскимъ и Хумаринскимъ. Такимъ образомъ, русскія власти стали въ этомъ случаѣ на сторону дворянъ, и это имѣло свое значеніе для дворянскаго сословія и у другихъ племенъ.

Съ каждымъ годомъ русскія власти стали дѣйствовать въ этомъ направленіи опредѣленнѣе и рѣшительнѣе. Въ январѣ 1843 г. командующій отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ нашелъ ненормальнымъ установившійся порядокъ, въ силу котораго разные начальники давали различныя обѣщанія горцамъ, желавшимъ переселиться въ русскія владѣнія или принять русское подданство. Поэтому, сдѣлано было общее распоряженіе, чтобы такимъ горцамъ объявлено было лишь о томъ, что ихъ желанія будутъ доведены до высшаго начальства, которое и удовлетворитъ ихъ требованія. Когда въ томъ же 1843 г. карачаевцы начали держать себя двусмысленно по отношенію къ русскимъ и стали давать у себя убѣжище бѣглымъ кабардинцамъ и закубанскимъ абрекамъ, производившимъ набѣги на русскія владѣнія, то полковникъ Голицынъ, въ вѣдѣніи котораго находились карачаевцы, потребовалъ, чтобы они выдали ему аманатовъ. Въ отвѣтъ на это карачаевцы ушли со своими стадами въ горы. Тогда черезъ русскаго пристава, вѣдавшаго управленіемъ въ Карачаѣ, было объявлено имъ, чтобы они немедленно вернули атары овецъ съ горъ на плоскость, доставили требуемое количество аманатовъ и выдали русскимъ властямъ абрека Килеметова. Карачаевцы подчинились этимъ требованіямъ, но абрекъ не дался живымъ въ руки.

Тамъ же, гдѣ требовалось, русскія власти дѣятельно поддерживали мирныхъ горцевъ. Въ октябрѣ 1844 г. полковникъ Могукоровъ съ отрядомъ изъ казаковъ переселилъ аулъ жанеевцевъ, жившихъ между враждебными имъ шапсугами, съ р. Пшедзъ на Каракубанскій островъ, какъ пожелали они того сами. Переселеніе было произведено такъ быстро и тихо, что его не замѣтили шапсуги, жившіе въ 3 верстахъ отъ жанеевцевъ. Только когда русскій отрядъ съ жанеевцами сталъ двигаться отъ Абина къ Кубани, произошелъ рядъ стычекъ съ горцами, окончившихся пораженіемъ послѣднихъ русскими. У русскихъ при этомъ были убиты сотникъ Отрѣшко и донской казакъ, ранены хорунжій Отрѣшко и 10 нижнихъ чиновъ.

Въ 1846 г. черкесскіе дворяне особенно ярко и опредѣленно выразили тѣ цѣли, которыя они преслѣдовали, принимая русское подданство и становясь въ ряды мирныхъ черкесовъ. Пять дворянскихъ фамилій шапсугскаго племени и четыре натухайскаго обратились къ главнокомандующему князю Воронцову съ просьбою

возвратить имъ старинныя дворянскія права, отнятыя у нихъ народомъ. Шапсугскихъ дворянъ было 567 дворовъ и народа 3045 дворовъ, а у натухайцевъ числилось 375 дворянскихъ дворовъ и 1565 дворовъ крестьянскихъ. Такимъ образомъ 942 дворянскихъ семейства или 17% населенія желали подчинить себѣ 4610 семействъ крестьянскихъ или 83% всего населенія. Сами они своими силами не могли этого сдѣлать и обращались за помощью на сторону.

„Съ древнѣйшихъ временъ, писали дворяне Воронцову, мы имѣли надъ народомъ распорядительную власть. Всѣ порядки, всѣ повелѣнія отъ Государя, всѣ наряды для народа зависѣли отъ насъ. Всѣ наши мнѣнія и приговоры всегда были исполняемы народомъ, равно и съ нашей стороны также было исполняемо все, что къ благосостоянію народа клонилось“.

„Такой порядокъ вещей продолжался до настоящаго времени. Нынѣ же народъ вышелъ изъ повиновенія и во всемъ равняется съ нами; всѣ простые люди самоуправствуютъ и производятъ безпорядки, не слушаясь одинъ другого. Такимъ образомъ, простой народъ присваиваетъ себѣ такія права и имущества, какими пользовались только наши дѣды и отцы“.

„Мы требовали отъ народа развѣдаться съ нами судомъ шаріата, но народъ отъ этого уклоняется. Мы требовали, чтобы народъ возвратилъ намъ права нашихъ предковъ, но на всѣ наши требованія народъ отвѣтствуетъ своеволіемъ и самоуправствомъ“.

„Извѣщаемъ васъ о семъ и покорнѣйше просимъ какъ васъ, такъ и Милостивѣйшаго Государя Императора возвратить намъ права наши надъ народомъ по шаріату. Принимая русское подданство мы въ этихъ видахъ отдѣляемся отъ народа въ особое общество, съ тѣмъ чтобы сохранили мы свои дворянскія права, подобно прочему дворянству Россійской Имперіи“.

Горцы половины прошлаго столѣтія писали такимъ же характернымъ языкомъ, какъ писали потомъ русскіе дворяне, отстаивавшіе крѣпостной строй, если только притязанія благородныхъ шапсуговъ и натухайцевъ не переложила на бумагу русская рука. Въ отвѣтъ на просьбу шапсугскихъ и натухайскихъ дворянъ князь Воронцовъ въ свою очередь писалъ имъ 30 декабря 1846 г.

„Я не могу не одобрить такого вашего намѣренія и увѣренъ, что оно поведетъ къ несомнѣнной вашей пользѣ и благосостоянію, потому что могущественное покровительство Его Императорскаго Величества, охраняя отъ всякихъ враговъ и непріятелей, налагаетъ на васъ только обязанность жить мирно и согласно и не предпринимать противъ нашихъ войскъ враждебныхъ дѣйствій, не нарушая, впрочемъ, нисколько вашихъ правъ и обычаевъ“. Войти въ окончательное соглашеніе съ черкесскими дворянами, по поводу ихъ просьбы, князь Воронцовъ поручилъ генералу Рашпилю, предложивши черкесамъ откровенно разсказать ему о всѣхъ своихъ нуждахъ и желаніяхъ.

Получивши этотъ отвѣтъ черкесскіе дворяне заявили, что они поняли его. Они обращались къ Русскому Государю потому, что

знали, что въ Россіи дворяне имѣютъ крестьянъ. Но за эту симпатію къ Россіи ихъ и обижаетъ народъ. Поэтому, они рѣшили отдѣлиться отъ народа и поселиться особыми аулами ближе къ Кубани, подъ защиту русскихъ войскъ. Дворяне еще разъ просили сохранить имъ права и преимущества, которыхъ лишилъ ихъ народъ, и удержать народъ отъ своевольства. Этотъ своевольный шапсугскій и натухайскій народъ отнялъ у дворянъ подвластныхъ имъ 8766 дворовъ, которыхъ обязалъ присягою присоединиться къ народу. „По оставшимся отъ предковъ черкесскимъ обычаямъ, писали дворяне, они имѣли право на владѣніе крестьянами, но народъ для своей пользы выдумалъ другой какой-то шаріатъ, подъ предлогомъ, чтобы никакихъ властей не признавать“. Въ заключеніе дворяне просили за такія обиды, причиненныя имъ народомъ, раздѣлаться съ этимъ непокорливымъ народомъ силою оружія и дать имъ помощь русскими войсками.

Рашпиль, послѣ переговоровъ съ дворянами, сообщилъ генералу Заводовскому, что черкесскіе дворяне рѣшили сдѣлать общій дворянскій обѣдъ и тѣ, кто явится на обѣдъ, будутъ считаться единомышленниками. Тогда дворяне обсудятъ, оставаться ли имъ на прежнихъ мѣстахъ, или же переселиться ближе къ Кубани. Рашпиль полагалъ, что все это выяснится не раньше 40 дней. Тогда видно будетъ, какую помощь можно оказать дворянамъ.

Рашпиль нѣсколько разъ вступалъ въ переговоры съ черкесскими дворянами и въ концѣ концовъ выяснилъ, что дворяне просили русское правительство вознаградить ихъ за всѣ убытки, причиненные имъ народомъ, и въ томъ числѣ за отобранныхъ у нихъ крестьянъ, и что дворяне желали переселиться къ русскимъ подъ прикрытіемъ русскихъ войскъ. Заводовскій нашелъ оба эти условія непріемлемыми—первое по огромности затратъ, а второе какъ трудно осуществимое, такъ какъ черкесскіе дворяне всюду были разбросаны отдѣльными хуторами и чтобы защитить ихъ, пришлось бы имѣть массу войскъ.

Все это было сообщено графу Воронцову, и 1 мая 1847 г. онъ далъ слѣдующій отвѣтъ черкесскимъ дворянамъ:

Дворяне могутъ селиться, по своему усмотрѣнію, близъ русскихъ укрѣпленій на Черноморскомъ побережьѣ.

Права и преимущества ихъ будутъ неприкосновенны и во всемъ они будутъ имѣть законную защиту и покровительство.

Вознагражденія за убытки отъ переселеній русское правительство не приметъ на себя, но дворяне знаютъ, что Русскій Государь щедръ и достаточно вознаградитъ тѣхъ, кто отличитъ себя службою.

Русское войско будетъ защищать дворянъ при ихъ переселеніи, но для этого они должны соединиться большими партіями и въ такихъ мѣстахъ, откуда войскамъ удобно будетъ прикрывать ихъ переселеніе.

Мстить врагамъ, находящимся не въ русскомъ подданствѣ, дворянамъ не возбраняется, а когда окажется возможнымъ, то въ этомъ имъ помогутъ русскія войска.

Выдать дворянамъ бѣжавшихъ въ Россію ихъ крестьянъ нельзя, такъ какъ они уже свободны и правительство не можетъ измѣнить разъ даннаго имъ обѣщанія.

Когда переселеніе дворянъ будетъ окончено, Воронцовъ обѣщалъ испросить у Государя разрѣшеніе на посылку депутаціи отъ дворянъ въ столицу.

На этихъ условіяхъ переселились ближе къ русскимъ владѣніямъ шапсугскіе роды: 1) Пшехазъ Хатукъ, 2) Шеретлукъ, 3) Пшехадъ Анцокъ-Шеретлукъ, 4) Шеретлукъ Немировъ, 5) Тугузъ Шеретлукъ, 6) Джамбулатъ Джухаскъ Шеретлукъ, 7) Каспулатъ Джухаскъ Шеретлукъ, 8) Магометъ Кайцукъ, 9) Тугузъ Керзечь и 10) Карабатыръ Керзечь.

Предпріятіе черкесскихъ дворянъ привело въ неистовое негодованіе шапсуговъ и натухайцевъ. Повсюду собирались сборища и посылались мутазиги для подстрекательства черни. У нѣкоторыхъ дворянъ было разграблено имущество. Чернь напала на дома шапсугскихъ дворянъ Шагатъ Гирея, Цако Мукора Шеретлука на р. Иль и на Яубака Шеретлука. Предвидя эти нападенія, они заранѣе скрыли свои семьи и имущество. Цако Мукоръ Шеретлукъ встрѣтилъ нападавшихъ съ оружіемъ въ рукихъ и прогналъ ихъ, Яубакъ бѣжалъ и его домъ сожгли, а имущество разграбили. Произведенъ былъ цѣлый рядъ насилій въ этомъ родѣ. Посланный отъ дворянъ къ русскимъ Ачмезъ Супако, котораго также ограбила чернь, просилъ отъ лица всѣхъ дворянъ поскорѣе прислать имъ на помощь войска. Дворяне намѣрены были собраться на р. Афипсѣ и поселиться между крѣпостью Афипской и Мостовымъ укрѣпленіемъ.

Такъ закончилось предпріятіе шапсугскихъ и натухайскихъ дворянъ, бросающее яркій свѣтъ на исторію мирныхъ отношеній горцевъ къ русскимъ и на принятіе ими русскаго подданства. Черкесскимъ дворянамъ нужна была сильная власть русскихъ, твердый оплотъ, при помощи котораго они могли бы свести счеты съ народомъ.

Надо замѣтить, однако, что казачьи власти, покровительствуя черкесскимъ князьямъ и дворянамъ, не упускали случаевъ помочь и простому черкесскому народу. Въ іюнѣ 1846 г. генералъ Рашпиль писалъ начальнику 1-й части Черноморской кордонной линіи войсковому старшинѣ Бѣлому, что мирные черкесы, у которыхъ разливомъ Кубани уничтоженъ хлѣбъ, просили у него разрѣшенія наниматься на работы у казаковъ, чтобы заработать у нихъ хлѣбъ или средства на покупку его. Рашпиль далъ черкесамъ разрѣшеніе на это и предупреждалъ Бѣлаго, чтобы онъ осуществлялъ желаніе горцевъ съ крайнею осторожностью, придерживаясь слѣдующихъ правилъ:

Пускать горцевъ на работы къ русскимъ только безъ оружія.

Дозволить имъ это только въ трехъ пограничныхъ станицахъ— Васюринской, Корсунской и Пашковской.

Наниматели должны лично являться за черкесами на пограничные посты и забирать здѣсь черкесовъ партіями, а по окончаніи работъ партіями же сдавать черкесовъ начальнику поста.

Хотя отвѣтственными лицами являются въ этихъ случаяхъ наниматели, но и постовые начальники обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы не произошло какихъ-либо безпорядковъ.

Въ іюлѣ 1846 г. бжедухи послали Рашпилю слѣдующее прошеніе: „мы, князья и дворяне хамышейскіе и черченейскіе и весь народъ, составляли общее собраніе и общій совѣтъ о средствахъ къ облегченію нашего положенія, но не находя таковыхъ, единодушно рѣшили откровенно изложить о постигшихъ насъ бѣдствіяхъ и просить довести объ этомъ до свѣдѣнія высшаго начальства“. Препровождая это прошеніе Заводовскому, Рашпиль говоритъ, что единственная помощь, какую онъ могъ оказать бжедухамъ—дозволеніе имъ наниматься на работы къ казакамъ, оказалась малодѣйствительной. Казаки неохотно и въ маломъ количествѣ брали на работы черкесовъ, а нуждающихся горцевъ было до 10.000 душъ об. пола. Тогда же есаулъ Савицкій донесъ Рашпилю, что во 2-й части кордонной линіи черкесовъ, поступившихъ на заработки къ казакамъ, было 72, а съ 11 по 18 іюля 93. Представленія Рашпиля о помощи мирнымъ горцамъ высшему начальству остались безрезультатными. Высшее начальство не нашло чѣмъ пособить черкесамъ. Заводовскій предложилъ открыть мѣновые дворы, на которыхъ черкесы могли бы мѣнять свои произведенія на хлѣбъ; но разливомъ Кубани заболотило мѣстность, пути сообщенія съ мѣновыми дворами были недоступны, „а осеннее ненастье само собою представляло медленное наводненіе.“ Поступленіе черкесовъ на работы къ казакамъ окончились неудачей. Черкесы не могли выполнять работъ, какъ вели ихъ казаки. Работали горцы только по утрамъ и вечерами, „а полуденное время проводили въ кейфѣ подъ тѣнью кустовъ и шалашей, откуда никакая сила не могла извлечь ихъ на работу“. Между тѣмъ эти работники требовали такую плату, какую получали „русскіе работники, проливающіе потъ цѣлый день“. При работахъ со снопа черкесы производили дѣлежъ сноповъ прежде, чѣмъ исполняли работу: вязали два маленькихъ снопа и бросали ихъ въ сторону для хозяина, а третій, вдвое большій по объему хозяйскаго, снопъ сразу клали себѣ на арбу, при чемъ обсчитывали казаковъ и воровали снопы. И никакихъ резоновъ и уговоровъ они при этомъ не принимали. Но, главное, казаки довольствовались хлѣбомъ съ саломъ въ скоромные дни и таранью въ постные, а черкесы требовали „пасты“, черкесской каши или саламаты изъ пшена, и мяса. Требованія ихъ носили такой характеръ, что будь черкесы вооружены кинжалами, не одинъ рабочій волъ, принадлежащій казакамъ, попалъ бы подъ кинжалъ, а потомъ на шашлыкъ. Все это заставило казаковъ отказывать черкесамъ въ работѣ. Полудикаго черкеса, говоритъ Рашпиль въ своемъ рапортѣ Заводовскому, трудно передѣлать. „До нужды онъ безпеченъ, въ нуждѣ не предпріимчивъ, на заработкахъ лѣнится, обманываетъ и нахальствуетъ, на ярмаркахъ воруетъ“. Единственное стредство помочь черкесамъ

Рашпиль находилъ въ сплавѣ лѣса по Кубани къ мѣновымъ дворамъ и въ продажѣ ихъ произведеній на Покровской и Благовѣщенской ярмаркахъ, но при условіи самаго строгаго надзора за ними при покупкахъ. Въ августѣ Рашпиль предписалъ начальникамъ 1-й, 2-й и 3-й частей Черноморской кордонной линіи, чтобы они объявили черкесамъ, въ лѣсахъ которыхъ оказался обильный урожай грушъ и кислицъ, о дозволеніи имъ возить въ станицы эти плоды для мѣны на хлѣбъ.

Въ то время, какъ происходило все это у черкесовъ, считавшихся издавна мирными, злѣйшіе враги русскихъ—абадзехи, терпя нужду во всемъ, задумали помириться съ русскими. Иниціаторами въ этомъ дѣлѣ и единственно заинтересованными лицами были верхніе слои народа въ лицѣ старшинъ. Въ январѣ 1846 г. абадзехскіе старшины дали обѣщаніе покориться Россіи. Въ видѣ поощренія русскіе снабдили ихъ за это хлѣбомъ. Это было несомнѣнное благодѣяніе голодающему населенію, но противники мирныхъ отношеній къ русскимъ въ абадзехскомъ народѣ объяснили эту помощь боязнью русскихъ передъ грозными силами абадзеховъ. Поэтому, уже въ теченіе зимы 1846 и 1847 гг., абадзехи стали тревожить Лабинскую линію, собираясь сначала въ мелкія, а потомъ въ крупныя партіи до 300 человѣкъ. Когда военные начальники указали на это абадзехскимъ старшинамъ, то послѣдніе отвѣтили, что набѣги дѣло рукъ дурныхъ людей, а весь абадзехскій народъ искренне расположенъ къ миру. Когда затѣмъ шайки, нападавшія на русскія владѣнія, усилились и набѣги участились, то старшины объяснили, что абадзехи дѣлятся на двѣ партіи—на сторонниковъ мира съ русскими и противниковъ его, и что набѣги на линію производили противники. Но потомъ шайки обратились въ толпы и, напр., 14 іюля 1847 г., былъ произведенъ набѣгъ на линію толпой въ 700 человѣкъ. Въ этой партіи участвовали даже сыновья старшинъ. Тогда послѣдніе, заявили, что они ничего не въ состояніи сдѣлать для поддержанія мира и обѣщаютъ только сами остаться мирными. Генералъ Ковалевскій просилъ у Заводовскаго разрѣшенія наказать примѣрно абадзеховъ, такъ какъ, подъ вліяніемъ ихъ, начали обнаруживать враждебныя отношенія къ русскимъ другія мирныя племена—бесленеевцы, кабардинцы, даже ногайцы.

Въ это время между абадзехами и Лабинскою линіею жило нѣсколько племенъ мирныхъ горцевъ: бесленеевцы на р.р. Лабѣ и Ходзъ, на пути, который шелъ къ верхнимъ абадзехамъ; махошевцы и егерукаевцы—по дорогамъ къ среднимъ абадзехамъ, темиргоевцы и хатукаевцы—по дорогамъ частью къ среднимъ, а частью къ нижнимъ абадзехамъ. Къ востоку, сзади Лабинской линіи, кромѣ ногайцевъ, у самаго Прочноокопа находился аулъ горныхъ армянъ, нынѣшній Армавиръ. Армяне 14 сентября 1847 г. просили русское начальство отмѣнить распоряженіе правительства 1845 г., которымъ воспрещалось армянамъ продавать крѣпостныхъ кресть-

янъ на сторону. Такъ какъ въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ, по словамъ армянъ, у нихъ умерла отъ холеры треть населенія, то многіе крестьяне попали къ бѣднымъ родственникамъ умершихъ владѣльцевъ и многіе достались дѣтямъ, у которыхъ сразу стали лѣнивыми и безпечными. Чтобы облагодѣтельствовать бѣдныхъ родственниковъ, которые не могли содержать крѣпостныхъ крестьянъ, и не допустить до полнаго развращенія облѣнившихся у малолѣтнихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ холоповъ, армяне просили отмѣнить законъ 1845 г. и разрѣшить имъ продажу крѣпостныхъ на сторону. Въ ноябрѣ 1847 г. генералъ Заводовскій, оставляя законъ 1845 г. неприкосновеннымъ, разрѣшилъ армянамъ, въ видѣ временной мѣры, продать, въ теченіе шестимѣсячнаго срока, крестьянъ на слѣдующихъ условіяхъ: продажу производить цѣлыми семьями, не разъединяя ихъ, крестьянъ христіанскаго вѣроисповѣданія совсѣмъ не продавать; продавать крестьянъ только тѣмъ, кто имѣетъ на это право по русскимъ законамъ; продажу магометанъ за Кубань дозволяется производить съ ихъ согласія. Всѣ сдѣлки по продажѣ крестьянъ должны были совершаться съ вѣдома и разрѣшенія начальника праваго фланга г.-м. Ковалевскаго.

Между тѣмъ, часть абадзеховъ не считали поконченнымъ вопросъ о мирѣ съ русскими. Въ декабрѣ 1847 г. эти абадзехи обратились съ письмомъ къ гр. Воронцову, изъявляя полную готовность принять русское подданство. „Вмѣстѣ съ народомъ Анцокова, говорится въ этомъ письмѣ,собрался народъ Кушемезова и Адземирова, Бушукъ, Мерекъ, Нажикъ и весь народъ, живущій на р.р. Пшишъ, Суубъ и Ташави, которые согласились принести покорность и во всемъ васъ (Воронцова) слушаться“. Абадзехскіе дворяне просили, чтобы имъ, при русскомъ владычествѣ, были возвращены рабы, отнятые у нихъ народомъ. Народъ Кушемезова и Адземирова желалъ переселиться въ Пешибъ Шичау и просилъ построить ему двѣ крѣпости. Адземировы и Кушемезовы, надо прибавить, считались у абадзеховъ знатными фамиліями, но этихъ фамилій было всего 15 и они тонули въ массѣ абадзехскаго народа, настроеннаго демократически.

Въ то время, когда въ западной и центральной частяхъ Закубанья происходили эти проявленія внутренней розни у главнѣйшихъ черкесскихъ племенъ, на востокѣ Закубанья въ Карачаѣ слагались другого рода взаимоотношенія въ иномъ масштабѣ и съ инымъ характеромъ. Въ 1846 г. карачаевцы, съ разрѣшенія русскаго правительства, послали вмѣстѣ съ дигорцами въ Петербургъ ко двору депутацію, поручивши ей просить разрѣшенія на пользованіе землями между кабардинскими и казачьими владѣніями по р.р. Кубани и Малкѣ, а также права разбирать свои мелкія дѣла по древнимъ обычаямъ и шаріату. Стремленія карачаевскихъ дворянъ шли въ иномъ, болѣе прогрессивномъ и культурномъ направленіи, чѣмъ у черкесскихъ дворянъ. Карачаевцы толь-

ко что превратились изъ данниковъ представителямъ чуждой имъ народности въ свободныхъ горцевъ. До подчиненія Карачая русской власти, они платили дань кабардинскимъ князьямъ—Мисостовымъ, Джанхотовымъ и Атажукинымъ, которые попеременно управляли карачаевцами. Съ переходомъ подъ русскую власть, хотя карачаевцы и избавлены были отъ данничества кабардинцамъ, но послѣдніе силою вымогали и просьбами выпрашивали у карачаевцевъ барановъ. Кабардинскіе князья домогались даже у русскаго правительства права на управленіе карачаевцами. Но какъ только назначенъ былъ русскій приставъ для управленія Карачаемъ, сразу же былъ положенъ конецъ всякимъ домогательствамъ кабардинскихъ князей. Карачаевцы почувствовали себя въ болѣе свободномъ положеніи и позаботились о расширеніи своихъ естественныхъ правъ на земли и на судопроизводство. Въ это время они жили въ 7 отдѣльныхъ аулахъ—Картъ-юртѣ, Гунимѣ, Дуутѣ, Коля-газы, Ныхитѣ, Учкулапѣ и Хурзукѣ, и имѣли до 1200 дымовъ населенія.

Въ послѣдующіе годы вообще горцы часто стали обращаться къ содѣйствію русскихъ властей при осуществленіи чисто экономическихъ цѣлей. Въ ноябрѣ 1849 г. башилбаевскій владѣлецъ Сидовъ жаловался русскимъ властямъ, что у него ограбилъ 4000 головъ скота шахгиреевскій султанъ съ 60 абреками. Поэтому, онъ просилъ русское начальство переселить его съ вершины р. Кефара въ аулъ кабардинскаго князя Тембота Кайтукина на правый берегъ р. Большого Зеленчука, между Каменномостскимъ укрѣпленіемъ и Больперскимъ постомъ. Въ маѣ 1850 г. выяснилось, что переселить абазинскіе аулы Абукова, Трамова и Джантемирова, просившихъ обезпечить ихъ землею, некуда было, а пустить ихъ за Кубань опасно. Поэтому, мѣстныя власти находили возможнымъ оставить ихъ на мѣстѣ въ сосѣдствѣ съ казачьими землями, что могло объединить горцевъ съ казаками, какъ это произошло съ абазинцами Лоова. Въ томъ же 1850 г. темиргоевскій князь Болотоковъ переселился 18 ноября съ тремя аулами на правую сторону р. Лабы, принявши русское подданство. Въ 1851 г. князь Джангирей Кернануковъ нѣсколько разъ просилъ переселить подвластныхъ ему хатукаевцевъ, жившихъ при Кубани между станицами Ладожской и Тифлисской и увлеченныхъ за р. Бѣлую партіей Магометъ-Амина. Для этого переселенія мирныхъ черкесовъ былъ составленъ особый отрядъ. При содѣйствіи этого отряда, хатукаевцевъ поселили сначала на лѣвомъ берегу Лабы, между устьями р.р. Бѣлой и Лабы, а затѣмъ 4000 хатукаевцевъ со стадами и табунами водворены были на прежнемъ своимъ мѣстожительствѣ, т. е. на лѣвомъ берегу Кубани между Ладожской и Тифлисской станицами.

Въ 1852 г. возникли земельныя недоразумѣнія между ногайцами, ихъ князьями и народомъ. По изстари сложившемуся обычаю, ногайскіе князья давали землю для пользованія народу, если они владѣли ею, получая взамѣнъ того съ народа десятину. Ес-

ли же своей земли не было или не хватало, то князья брали землю на сторонѣ въ аренду и предоставляли ее въ пользованіе народа. Въ такомъ видѣ занесены были эти условія и въ тетеръ, заключенный между князьями и народомъ въ 1839 г. Между тѣмъ, народъ не всегда исполнялъ свои обязательства. Въ августѣ 1852 г. ногайскіе князья жаловались русскимъ властямъ, что они нанимали землю, а народъ пользовался ею, и что самъ народъ нанималъ землю, помимо ихъ, князей, желая тѣмъ избавиться отъ всякихъ повинностей въ пользу князей. Русскія власти опять таки поддержали сословные интересы ногайскихъ князей.

Постепенно расширяя площадь поселенія мирными аулами въ Закубаньѣ, русское правительство стало вліять и на аулы непокорныхъ горцевъ, примѣняя къ нимъ мѣры, практикуемыя по отношенію къ мирнымъ горцамъ. Въ началѣ 1851 г. въ ущельѣ р. Теберды въ нѣсколькихъ аулахъ жили горцы, причинявшіе постоянныя безпокойства русскимъ. Аулы эти служили притонами для хищническихъ партій и держали въ тревожномъ состояніи верхнюю Кубань, тохтамышевцевъ и Кисловодскую линію. Желая учредить за аулами строгій контроль и лишить ихъ возможности вредить русскимъ, командующій войсками на Кавказской линіи приказалъ въ 1854 г. переселить аулы въ другое мѣсто. Аулы были переселены изъ Тебердинскаго ущелья на лѣвый берегъ р. Кубани и водворены здѣсь въ четырехъ мѣстахъ между устьями р. Теберды и Каменномостской башней. Съ помощію образованія изъ нихъ особаго приставства, они были обращены въ мирные аулы.

Въ апрѣлѣ 1854 г. начальникъ праваго фланга Кавказской линіи г.-м. Евдокимовъ писалъ командующему войсками на Сѣверномъ Кавказѣ, что мирные горцы праваго фланга въ предѣлахъ верховьевъ Кубани состоятъ изъ двухъ рѣзко отличныхъ одна отъ другой группъ—изъ ногайцевъ и черкесовъ бѣглецовъ разныхъ племенъ. Тѣ и другіе хорошо понимаютъ выгоды мирной жизни подъ владычествомъ Россіи, но не расположены къ русскимъ и, въ случаѣ благопріятныхъ для нихъ обстоятельствъ, всегда будутъ на сторонѣ враговъ Россіи. Потому же поводу начальникъ Черноморской кордонной линіи г.-м. Кухаренко отвѣтилъ 10 мая 1854 г. на запросъ командующаго войсками г.-л. Козловскаго, что мирные черкесы, живущіе по лѣвую сторону р. Кубани, не надежны. Большая часть ихъ снова присягнула Магометъ-Амину и, въ случаѣ войны, окажется въ рядахъ нашихъ противниковъ. Это было тревожное время. Надъ Турціей и ея западноевропейскими союзниками надвигались мрачныя тучи, и въ ожиданіи предстоящей войны очень важно было выяснить, какое положеніе займутъ, съ наступленіемъ ея, мирные горцы по отношенію къ русскимъ.

Вопросомъ этимъ занялся и наказный атаманъ Донского войска Хомутовъ, которому поручена была общая команда войсками, долженствующими защищать берега Азовскаго моря, устья Дона и

Кубани и Черноморское побережье съ восточной стороны Чернаго моря. Въ Сентябрѣ 1854 г. г.-м. Кухаренко представилъ Хомутову четыре списка ауловъ, населенныхъ мирными горцами: списокъ мирныхъ горцевъ, недавно въ количествѣ 71 д. об. пола перешедшихъ на правый берегъ Кубани; списокъ 3 ауловъ, издавна жившихъ на правобережьѣ Кубани; списокъ 7 закубанскихъ ауловъ мирныхъ горцевъ, не измѣнившихъ Россіи и списокъ 47 ауловъ мирныхъ горцевъ, присягнувшихъ Россіи въ 1851 и 1852 г.г. и измѣнившихъ Россіи. Представляя эти данныя, Кухаренко далъ историческую справку къ нимъ и характеристику современныхъ мирныхъ черкесовъ.

До поселенія черноморцевъ на Кубани, горцы пользовались Прикубанскими степями, выпасывая на нихъ свои стада, которыя застали здѣсь черноморцы и часть которыхъ выпасывалась въ этихъ степяхъ и впослѣдствіи. „Старые хозяева горцы, говорится въ запискѣ Кухаренко, приняли новыхъ поселенцевъ довольно дружелюбно. Между ними и казаками завязалось знакомство, даже частная дружба. На первое время все шло хорошо, но хищническія побужденія горцевъ не согласовались съ правилами общежитія“. Начались воровство, грабежи и убійства. Возникли преслѣдованія, вражда и военныя дѣйствія. Но племя бжедуховъ, дѣлившееся на хамышеевцевъ и черченеевцевъ, несмотря на все это, не переставало находиться въ добрыхъ отношеніяхъ съ русскими. Многіе старшины обязались жить въ дружбѣ съ казаками. Это и были первые мирные черкесы, „Трудно опредѣлить съ точностью, говоритъ генералъ Кухаренко, что такое мирные горцы. Они отличаются отъ немирныхъ только тѣмъ, что пріѣзжаютъ къ намъ, говорятъ съ нами, имѣютъ дѣло съ русскими и считаютъ себя въ правѣ требовать отъ нихъ всякихъ услугъ. Мы же, напротивъ, ровно никакихъ правъ не имѣемъ на нихъ и не можемъ распоряжаться у нихъ; даже всѣ выгоды торговли, которыми они пользуются отъ насъ, нисколько не обязываютъ ихъ жить съ нами мирно. Они грабятъ, убиваютъ, и уводятъ въ плѣнъ нашихъ жителей, держатъ ихъ въ своихъ аулахъ, воруютъ у насъ скотъ и готовы причинить всякій вредъ, лишь бы представился случай къ тому“.

До 1845 г. мирные горцы жили по обоимъ берегамъ Кубани. Чтобы ослабить нѣсколько тѣ грабежи и воровство, которые были обычнымъ явленіемъ, благодаря близости добрыхъ сосѣдей, не перестававшихъ поддерживать связи съ непокорными горцами, генералъ Рашпиль переселилъ въ 1845 г. мирныхъ черкесовъ на лѣвую сторону Кубани. Не завися здѣсь отъ русскихъ и ведя съ послѣдними мирныя торговыя сношенія, мирные черкесы въ то-же время помогали враждебнымъ намъ черкесамъ всѣмъ—и совѣтами, и свѣдѣніями, и средствами, и собственнымъ участіемъ въ набѣгахъ на русскихъ, въ качествѣ проводниковъ, вожаковъ и рядовыхъ воиновъ. „Словомъ сказать, заключаетъ генералъ Кухаренко, пользо-

вались своимъ положеніемъ, какъ нельзя лучше". Но что особенно невыгодно было для русскихъ, такъ это то, что мирные горцы всегда натравляли на русскихъ горцевъ непокорныхъ, въ интересахъ конкурренціи, не желая допустить соперниковъ въ мирныхъ сношеніяхъ съ русскими.

Благодаря этому, мирные горцы всегда охотно шли въ ряды всякихъ мятежниковъ и принимали участіе въ волненіяхъ, направленныхъ противъ русскихъ. При войнахъ съ турками они всѣ поголовно были на сторонѣ ихъ, какъ магометанъ. Когда въ 1840 г. появился черкесскій агитаторъ Хаджи-Магометъ, мирные горцы примкнули къ нему, и вѣрными Россіи остались очень немногіе изъ нихъ, жившіе бокъ-о-бокъ съ казаками. Когда черезъ годъ не стало Хаджи-Магомета, мирные горцы снова возвратились къ русскимъ на свои мѣста. Въ 1849 г. явился за Кубанью Магометъ-Аминъ, и мирные горцы присягнули ему. Изъ массы ауловъ только семь остались на сторонѣ Россіи. Но едва поколебалось положеніе Магометъ-Амина, тѣ-же мирные горцы въ 1851 и 1852 г.г. стали поголовно принимать присягу Россіи и выдавать аманатовъ. До появленія Магометъ-Амина мирныхъ ауловъ было 48, во время же его агитаціи осталось 7, а затѣмъ это число снова стало увеличиваться.

Чтобы обезвредить окончательно мирныхъ горцевъ и заставить ихъ покориться Россіи, Кухаренко предложилъ прекратить съ ними торговыя сношенія и выдачу соли. Тѣхъ изъ нихъ, которые пожелали бы покориться Россіи, Кухаренко предлагалъ переселить внутрь страны. Такъ же слѣдовало поступить и съ живущими въ Черноморіи близъ Кубани черкесами, а лѣвый берегъ Кубани объявить на военномъ положеніи и поступать со всѣми обитающими тамъ горцами какъ съ непріятелемъ.

Въ 1855 г. Россіи измѣнила часть хатукаевцевъ, о разселеніи которыхъ незадолго предъ тѣмъ такъ заботились русскія войска. Въ этомъ году предполагалось переселить часть хатукаевцевъ на лѣвый берегъ р. Бѣлой, согласно предположенію командующаго войсками. Но пока шла подготовка къ этому переселенію, владѣльцы ауловъ съ подвластными имъ горцами снялись съ мѣста и передались на сторону Магометъ-Амина. Чаще и больше вѣроломства проявляли въ этомъ отношеніи бесленеевцы. При занятіи Новолабинской линіи съ 1839 г., бесленеевцы, очутившись въ тылу казачьихъ поселеній, въ силу необходимости стали подвластными Россіи. Ихъ оставили на старомъ мѣстожительствѣ по верховьямъ р. р. Тегеней и Окорта. Въ 1843 г., по наущенію Хаджи-Магомета, бесленеевцы измѣнили Россіи, бѣжали за Лабу и поселились по р. Ходзъ. Въ 1844 г. они снова покорились Россіи и перешли опять на Тегени и Окортъ. Но живя здѣсь, они все время вредили русскимъ, поддерживая хищническіе набѣги горцевъ на казачьи линіи. Въ 1848 г. вліятельный бесленеевскій князь Джемботъ Коноковъ присягнулъ Магометъ-Амину и началъ поддерживать непокор-

ныхъ черкесовъ. Въ ноябрѣ 1848 г. партія горцевъ напала, при содѣйствіи бесленеевцевъ, на ст. Сенгилѣевскую, а въ 1850 г. Магометъ-Аминъ уничтожилъ двѣ сотни Ставропольскаго казачьяго полка, въ чемъ принимали открытое участіе бесленеевцы. Послѣ этого бесленеевцы были переведены въ верховья р. Урупа. Здѣсь на пространствѣ 91.197 дес. земли, отведенной бесленеевцамъ отъ ст. Урупской и до устья Малаго Тегеня, было водворено 18 ауловъ. Въ 1855 г. бесленеевцы снова стали обнаруживать враждебныя отношенія къ русскимъ. Когда отъ нихъ потребовали аманатовъ и они не выдали ихъ, то бесленеевцы были прогнаны за р. Большую Лабу.

Въ 1859 г. бжедухи, въ лицѣ своихъ хаджи, посѣтившихъ Мекку, почетныхъ гражданъ и всего бжедуховскаго народа, обратились съ воззваніемъ къ русскому народу, въ лицѣ его начальниковъ и почетныхъ лицъ. Въ своемъ воззваніи они разоблачаютъ лицемѣріе черкесскихъ дворянъ, „преданныхъ лжи и вѣроломству.“

„Искренне желаемъ въ этомъ письмѣ къ вамъ,—писали бжедухи,— чтобы вы не довѣряли князьямъ и почетнымъ гражданамъ, потому что они есть ничто иное, какъ обманщики. То, что они вамъ говорятъ, тоже передаютъ и намъ. Измѣнщики—тоже, что они дѣлаютъ противъ насъ, то же самое дѣлаютъ и противъ васъ.“

Бжедухи рекомендовали русскимъ умертвить ихъ вѣроломныхъ дворянъ или изгнать изъ русскихъ владѣній, такъ какъ только тогда водворится миръ между черкесами и русскими, а русскіе найдутъ въ лицѣ бжедуховъ не дворянъ, а искреннихъ и приверженныхъ людей. Если же русскіе не сдѣлаютъ этого, то не бывать миру между ними и черкесами.

Въ этомъ своеобразномъ документѣ бжедухи ярко оттѣнили тѣ побужденія, подъ вліяніемъ которыхъ шли въ ряды мирныхъ вѣроломные черкесскіе дворяне. Послѣдніе, дѣйствительно, „служили и нашимъ и вашимъ,“ обманывали одновременно и русскихъ и горцевъ, днемъ были гостями, а ночью ворами и разбойниками, считались мирными и участвовали, подготовляли и руководили набѣгами немирныхъ горцевъ, однимъ словомъ, были людьми, по своимъ нравственнымъ побужденіямъ, низкими и нечистоплотными. Русскіе лазутчики и шпіоны состояли главнымъ образомъ изъ черкесскихъ дворянъ, и князья или уздени не брезгали предательствомъ и легко шли на подкупъ и измѣну.

Въ свою очередь и дворяне выступили одновременно съ обвиненіями и противъ своего же народа, и противъ русскаго пристава, въ вѣдѣніи котораго находились бжедухи. Въ іюнѣ 1860 г. хамышеевскіе и черченеевскіе князья и дворяне подали жалобу генералу Кусакову на пристава, обвиняя его въ томъ, что онъ медлилъ съ разрѣшеніемъ дѣлъ и въ спорахъ ихъ съ народомъ „сдавался больше на слова простого народа,“ чѣмъ на требованія ихъ, князей и дворянъ. Спорное дѣло состояло въ томъ, что, при одной изъ ссоръ дворянъ съ народомъ, былъ раненъ дворянами черкесъ.

бѣднякъ этотъ пришелъ къ князьямъ и просилъ дать ему 250 руб. за рану, послѣ чего онъ обѣщалъ прекратить тяжбу. Князья и дворяне отдали просимую сумму. Сначала это одобрилъ и приставъ, но потомъ,—жаловались генералу дворяне,—онъ потребовалъ, чтобы 250 рублей были взяты дворянами обратно и всячески сталъ притѣснять ихъ, князей и дворянъ.

Въ другомъ прошеніи, 6 іюня 1860 г., князья и дворяне указывали на то, что они издавна считались „владѣтельными особами простого народа“ и что имъ однимъ принадлежала земля, которую они отдавали въ пользованіе народа. Между тѣмъ, народъ не хочетъ подчиняться имъ, всячески поноситъ ихъ, открыто считаетъ защитниками воровъ и воровства и вообще утѣсняетъ ихъ, благородное сословіе. Поэтому, князья и дворяне просили назначить кого-либо изъ знающихъ обычаи черкесовъ чиновниковъ для разбора жалобъ и споровъ дворянъ съ народомъ.

Въ рапортѣ начальнику штаба Кусакову 2 августа 1860 г. приставъ бжедухскаго народа, войсковой старшина Рубашевскій подробно выяснилъ неосновательность претензій на него со стороны бжедухскихъ князей и дворянъ. По ихъ же собственной просьбѣ, онъ представилъ ихъ наказному атаману генералу Филипсону. Князья и дворяне изложили послѣднему свои жалобы, и генералъ Филипсонъ, послѣ присяги дворянъ и князей, велѣлъ имъ, въ присутствіи пристава, непремѣнно, въ теченіи 15 дней, покончить со всѣми своими жалобами и ссорами. Рубашевскій собралъ князей съ дворянами и весь бжедухскій народъ въ назначенное время и здѣсь стороны покончили тѣмъ, что народъ обязался возвратить князьямъ и дворянамъ 296 барановъ, 7 быковъ, 2 коровы, одно ружье, 3 пистолета, 1 кинжалъ, 1 поясъ къ шашкѣ и 10 ульевъ пчелъ. А князья и дворяне должны были заплатить за рану деньги. Когда производились окончательные разсчеты, князья и дворяне не явились въ собраніе. Раненаго же черкеса они заманили къ себѣ и не отдали ему всѣхъ денегъ.

Претензіи бжедухскихъ князей и дворянъ поступили на окончательное рѣшеніе генерала Кусакова. Послѣдній призналъ хамышеевскихъ и черченеевскихъ князей и дворянъ виновными во всѣхъ ихъ тяжбахъ и спорахъ съ народомъ. Съ согласія князей и дворянъ, онъ предложилъ выселить ихъ къ егерукаевцамъ послѣ того, какъ они покончатъ всѣ споры съ бжедухами.

Въ сентябрѣ 1860 г. приставъ Рубашевскій сообщилъ Кусакову, что князья и дворяне не хотятъ переселяться къ егерукаевцамъ и что они дали обѣщаніе прекратить всѣ споры съ народомъ и удовлетворить справедливыя требованія послѣдняго, но на это Рубашевскій мало надѣялся.

Съ такими спорами и претензіями противъ народа черкесскіе князья и дворяне вступили въ то роковое для черкесскихъ племенъ четырехлѣтіе, когда пала ихъ независимость и большая ихъ часть

вынуждена была оставить Кавказъ. Черкесы сложили оружіе, при спорахъ дворянъ съ народомъ, и едва ли будетъ натяжкой сказать, что черкесскіе князья и дворяне были главными въ рядахъ своихъ единоплеменниковъ виновниками войны съ русскими. Князья и дворяне задумывали, руководили и выполняли всѣ военныя дѣла, начиная съ крупныхъ сраженій съ русскими войсками и оканчивая грабежами и мелкими случаями воровства. За ними осталась эта честь въ исторіи черкесскаго народа.

Исторія же мирныхъ черкесовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что горцы въ своихъ стремленіяхъ къ миру съ русскими дѣйствовали подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ побужденій, въ числѣ которыхъ господствующими были своекорыстныя вожделѣнія черкесскихъ князей и дворянъ по закрѣпощенію ими черкесскаго народа, а у этого послѣдняго желаніе мирной и покойной жизни.

Глава XXIII.

МѢНОВАЯ ТОРГОВЛЯ и КАРАНТИНЫ.

Торговля, въ своихъ первичныхъ мѣновыхъ формахъ, является матерью мирныхъ отношеній между разноплеменными народностями. Таково ея значеніе въ первобытной культурѣ народовъ. Такова ея роль въ замѣнѣ военныхъ дѣйствій мирными занятіями. Такую же миссію выполняла она на Кавказѣ у горныхъ племенъ, въ періодъ войнъ между ними и русскими.

Торговыя сношенія черноморцевъ съ черкесами начались и все время продолжались на порубежной чертѣ. Занявши границу Черноморіи по Кубани укрѣпленіями, черноморскіе казаки здѣсь же устроили и свои торговыя учрежденія—мѣновые дворы и карантины. Такимъ образомъ, торговля казаковъ съ черкесами сразу же поставлена была въ особыя условія, тѣсно связанныя съ кордонной службой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ торговля въ Черноморіи носила чисто натуральный характеръ, при слабомъ развитіи денежныхъ сдѣлокъ. Черкесы мѣняли свои продукты главнымъ образомъ на соль, и эта послѣдняя сама по себѣ служила мѣриломъ цѣнности, аршиномъ, на который прикидывались цѣны дровъ, кожъ, масла, меду, плодовъ и т. п.

Такъ какъ торговля велась на границѣ, гдѣ обыкновенно соприкасаются взаимные интересы двухъ сосѣднихъ народностей, то она тѣсно связана была съ таможенными заставами. Въ таможнѣ одни товары совсѣмъ не пропускались, а другіе оплачивались пошлинами. Частичныя требованія русскаго таможеннаго устава соблюдались и пограничными торговыми учрежденіями казачества.

Далѣе, при внѣшней торговлѣ вмѣстѣ съ иностранными товарами заносились изъ однихъ странъ въ другія эпидемическія болѣзни—чума, холера, оспа и пр. Для огражденія края отъ заноса въ него заразы черезъ границу устраивались карантины. Благодаря этому, торговыя заведенія Черноморскаго войска по границѣ были въ тоже время и карантинными учрежденіями.

Наконецъ, на торговыхъ пунктахъ, куда отовсюду съѣзжались разные торговцы и разные покупатели, легче, чѣмъ гдѣ-либо, узнавались въ тѣ времена новости и положеніе дѣлъ у сосѣдей. Здѣсь именно русскія власти черпали свѣдѣнія о томъ, что происходило въ горахъ у черкесовъ. Значитъ, торговыя учрежденія казаковъ на границѣ были вмѣстѣ съ тѣмъ и обсерваціонными пунктами.

Такимъ образомъ, торговые пункты на Кубанской линіи служили одновременно и лавками, магазинами, въ которыхъ покупались и продавались товары, и таможней, гдѣ эти товары, или подлежали извѣстнымъ ограниченіямъ или облагались пошлиной, и карантинами, въ которыхъ принимались мѣры противъ заноса извнѣ заразы въ край, и наблюдательными постами, откуда черезъ кунаковъ и лазутчиковъ русскіе слѣдили за своими противниками. Все это тѣсно переплеталось при мѣновой торговлѣ черноморскихъ казаковъ съ кавказскими горцами.

Первый мѣновой дворъ для торговли съ горцами былъ учрежденъ въ г. Екатеринодарѣ въ 1794 г., когда возникъ и самый городъ. Въ то время изъ Россіи ѣздили уже въ горы къ черкесамъ нахичеванскіе армяне для торговли съ горцами, гдѣ они имѣли единоплеменниковъ и родственниковъ. Это облегчало имъ торговыя операціи. Услугами нахичеванскихъ армянъ въ извѣстной мѣрѣ воспользовались на первыхъ порахъ и черноморскіе казаки. Въ 1792 г., когда Черноморію заняли казаки, и въ ближайшіе затѣмъ годы по границѣ были лишь одни военные посты, и не было, по свидѣтельству одного историческаго документа, ни „бекетовъ, ни залогъ“. Не было также ни таможенъ, ни карантиновъ. Кромѣ Екатеринодарскаго, появились впослѣдствіи мѣновые дворы Редутскій, Чернолѣсскій, Бугазскій, Магометанскій и Вареникова пристань. На первыхъ порахъ черноморцы сами учреждали и распоряжались пограничными торговыми пунктами. Прежде, чѣмъ въ дѣло вмѣшалось центральное русское правительство, мѣновые дворы играли уже роль таможенъ и карантиновъ. Въ 1798 г. войсковому правительству было уже сообщено распоряженіе о возвратѣ половинной пошлины за полотна, полученныя русскими фабрикантами и купцами изъ за границы. Нѣсколькими мѣсяцами раньше тому же войсковому правительству предписано было не пропускать черезъ Таманскій карантинъ никакіе товары, какъ за границу, такъ и изъ заграницы. Наблюдать за этимъ поручено было полковнику Кулику съ командою казаковъ. Въ историческомъ документѣ упоминается также о присутствіи въ Таманскомъ карантинѣ и таможеннаго чиновника;

но самый карантинъ являлся случайнымъ учрежденіемъ. Только 5 августа 1799 г. Императоръ Павелъ утвердилъ существовавшіе уже мѣновые дворы Редутскій, Екатеринодарскій и у Гудовичевой переправы.

Въ 1800 г. были учреждены карантинныя заставы Бугазская, Екатеринодарская и Усть-Лабинская. Таманскій карантинъ, видимо, замѣненъ былъ Бугазскимъ и Керченскимъ. Судя по запискѣ Екатеринодарской карантинной конторы „о происхожденіи заведеній по линіи Екатеринодарскаго карантиннаго отдѣленія“, съ помѣткой 21 февраля 1829 г.,—съ 1800 г. и началось собственно регулярное отправленіе карантинной службы. Къ этому времени уже опредѣлились тѣ пункты, черезъ которые могла заноситься въ Черноморію зараза изъ Турціи и Закубанья, и тѣ условія, при которыхъ нужно было остерегаться занесенія заразы. Главнѣйшимъ изъ этихъ условій была мѣновая торговля казаковъ съ горцами. Да и карантинный уставъ былъ изданъ въ 1800 г. и вторично 1818 г. Въ декабрѣ 1801 г., въ виду появленія эпидеміи въ Анапѣ, воспрещена была мѣновая торговля съ горцами въ полномъ объемѣ. Казакамъ разрѣшено было брать у черкесовъ только хлѣбъ и лѣсъ.

Но самая торговля съ горцами получила уже такіе размѣры, что выгодами ея заинтересовались частные предприниматели. Появились предложенія войску о сдачѣ мѣновой торговли съ горцами на откупъ. Въ 1802 г. войсковая канцелярія заключила договоръ съ сотникомъ Донского Войска Николаевымъ, сдавши ему въ откупъ на 4 года мѣновые дворы Редутскій, Екатеринодарскій и у Гудовичевой переправы. Николаевъ обязался платить войску по 17000 рублей ассигнаціями въ годъ и обезпечивалъ этотъ платежъ залогомъ въ 15000 рублей или имуществомъ соотвѣтственной цѣнности. Это былъ первый опытъ сдачи войскомъ въ откупъ своихъ доходныхъ статей. Въ февралѣ 1807 г., при окончательномъ сведеніи счетовъ войска съ Николаевымъ за 4 года, Николаевъ просилъ въ виду неурожаевъ соли въ 1805 и 1806 годахъ и неурядицъ у черкесовъ, принять въ зачетъ слѣдуемыхъ съ него платежей войску 2000 четвертей ржи по 4 р. 50 к. за четверть и 3100 кулей овса за 868 рублей,—всего на сумму 9868 р., а остальные 9282 р. 58 к. разсрочить на годъ за проценты. Войсковая канцелярія уважила просьбу Николаева и съ февраля 1807 г. мѣновые дворы снова стали свободными отъ откупа.

Но окончательные счеты оставались потомъ несведенными на долгіе годы. Въ ноябрѣ 1825 г. войско взыскивало еще 507 р. 41 к. изъ недоплаченной Николаевымъ аренды. Николаевъ отвѣтилъ, что онъ ничего Черноморскому войску не долженъ и что расчеты съ нимъ были покончены еще 15 или 16 лѣтъ тому назадъ и все это время войсковая канцелярія молчала. Между тѣмъ въ дѣйствительности съ Николаева производились взысканія недоплаченныхъ денегъ черезъ Старочеркасскую градскую полицію въ 1809 г. черезъ таврическое губернское правительство въ 1814 г., и черезъ Кавказское

областное правленіе въ 1823 г. Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Сотникъ Николаевъ умеръ. Искъ въ размѣрѣ 2300 р., изъ которыхъ 507 р. было недоплаченной аренды и 1793 р. долга за соль, былъ предъявленъ Черноморскимъ войскомъ въ 1836 г. генералъ-майору Николаеву, сыну и наслѣднику сотника Николаева. Генералъ выставилъ при повальномъ обыскѣ 12 свидѣтелей, которые присягнули, что имущество, къ которому предъявлялся искъ, было личное сына Николаева, а не отца. На этомъ и покончены были счеты Черноморскаго войска съ первымъ откупщикомъ мѣновыхъ дворовъ.

Этотъ затяжной случай денежныхъ счетовъ характеренъ какъ для той волокиты, которая была достояніемъ добраго стараго времени, такъ и для самой мѣновой торговли казаковъ съ горцами. Торговля эта считалась лакомымъ кускомъ у предпринимателей и людей падкихъ до наживы. Соблазнялись ею и обыкновенные смертные и власти. Слишкомъ ужъ явны и ощутительны были выгоды натуральной мѣны. Въ 1804 г. находившіеся на посту хорунжіе Камянченко и Самарскій „самовольно, тайнымъ образомъ“ вымѣняли у черкесовъ три дубовыхъ бревна на 15 пудовъ соли. Въ апрѣлѣ того же 1804 г. черкесъ сообщилъ комиссару карантинной заставы, что Камянченко и Самарскій взяли у него три кафтана, 27 заячьихъ шкурокъ, 3 лодки и 4 дубовыхъ бревна и остались должны ему за это 6 мѣшковъ соли. Казачьи офицеры дѣйствовали вопреки установившимся порядкамъ мѣновой торговли, и войсковой атаманъ Бурсакъ велѣлъ разслѣдовать дѣло и строго наказать виновныхъ. Такіе случаи соблазна выгодами мѣновой торговли съ горцами были не рѣдки.

Между тѣмъ центральное правительство дѣятельно заботилось объ упорядоченіи карантинной службы на пограничныхъ мѣстахъ. По порученію правительства, генералъ-штабъ-докторомъ Крейтономъ были составлены и 18 августа 1808 г. утверждены карантинныя правила. Этими правилами предписывалось, чтобы въ чистой и выбѣленной комнатѣ, на подвѣшенной въ двухъ аршинахъ отъ пола сѣткѣ, были разложены вещи, подлежавшія окуриванію, и чтобы самое окуриваніе производилось въ плотно закупоренной комнатѣ или шкафу въ продолженіе 24 часовъ. Затѣмъ три дня окуренныя вещи провѣтривались, и только послѣ этого они считались очищенными и пускались въ обращеніе. Вещи окуривались газами соляной кислоты, но очистка вещей производилась и другими способами.

Существовало собственно четыре способа очищенія вещей въ карантинахъ. Одни товары и вещи, какъ ленъ, пенька, шелкъ, шерсть, сукна, полотна, кожи, цыновки и пр., очищались прикисленной соляной кислотой, другіе—матеріи, мѣха, позументы и т. п., простой соляной кислотой, третьи, какъ тонкія цвѣтныя матеріи, золототканныя издѣлія и пр., очищались „повышенной искуственной теплотой“, наконецъ, четвертые—бронза, серебро, золото, только обмывались водою съ мыломъ. Наиболѣе распространеннымъ способомъ очищенія вещей было окуриваніе ихъ парами соляной кис-

лоты въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Все это строго соблюдалось и на Черноморской кордонной линіи.

Такимъ образомъ, мѣновая торговля съ горцами сразу же была подчинена карантиннымъ правиламъ. Но карантины были не при всѣхъ мѣновыхъ дворахъ и совсѣмъ не существовало ихъ при мелкихъ мѣновыхъ пунктахъ. Таможенныхъ правилъ также во многихъ случаяхъ не требовалось примѣнять. Когда мѣновые дворы находились въ непосредственномъ завѣдываніи чиновъ войска, выгоды отъ торговыхъ операцій шли въ доходы войска; когда же мѣновая торговля съ горцами попадала въ откупъ, коммерческіе интересы откупщика соблюдались его уполномоченными и приказчиками. Да и товаровъ, подлежащихъ обложенію таможенной пошлиной, у черкесовъ не было, или во всякомъ случаѣ такіе предметы потребленія, какъ лѣсъ, хлѣбъ, масло, медъ, воскъ, кожи, арчаки, груши, кислицы и т. п., не считались таможенными товарами.

Къ тому же мѣновыя сдѣлки казаковъ съ горцами сразу получили характеръ свободной торговли. Собственно единственнымъ заинтересованнымъ въ обложеніи торговли учрежденіемъ было Черноморское войско, которому грамотою 1792 г. было Высочайше даровано право свободной торговли. Но войско или начисляло извѣстный процентъ на сдѣлки, если торговыя дѣла вели его чиновники, или же получало аренду съ откупщика, при наличности откупа. Въ послѣднемъ случаѣ оно иногда поступалось своими интересами, чтобы удовлетворить неотложныя нужды отдѣльныхъ лицъ и обезпечить наиболѣе жизненныя проявленія торговыхъ операцій. Въ февралѣ 1809 г. смотритель мѣноваго двора Линтваревъ, которому разрѣшено было вымѣнивать у горцевъ съѣстные продукты для семьи на собственную соль, просилъ у атамана Бурсака подобной же льготы и для другихъ чиновниковъ, служившихъ вмѣстѣ съ нимъ на заставѣ, и разрѣшеніе было дано. Въ видѣ исключеній допускались также подобныя торговыя сдѣлки для старшинъ и казаковъ, пріѣзжавшихъ на линію за предметами первой необходимости, поставляемыми изъ за Кубани. Одни откупщики, строго преслѣдовали отступленія отъ общихъ порядковъ мѣновой торговли съ горцами, но для нихъ не существовало ничего, кромѣ личныхъ ихъ интересовъ. Откупщикъ былъ всѣмъ въ тягость—и казаку, и черкесу, и войску, и государству.

Но видно опытъ съ сотникомъ Николаевымъ ничему не научилъ войсковую администрацію. Въ 1811 г. снова были отданы на откупъ два мѣновыхъ двора—Редутскій и Екатеринодарскій, срокомъ на 4 года по 15 іюня 1815 г. Промышленники—контрагенты Антимоновъ и Сыромятниковъ, выговорили себѣ довольно выгодныя условія. Дворы, строенія и имущество они принимали по описи. Соль, принятая ими отъ войска, оцѣнена была по 50 коп. за пудъ, а таманская по 20 коп.; кромѣ войсковой соли, имъ предоставлено было право покупать соль у казаковъ по вольнымъ цѣнамъ. За войскомъ

оставлено было право безпошлиннаго отпуска соли горцамъ за услуги до 1000 пудовъ, съ оплатою пошлиною въ пользу откупщиковъ по 2 р. съ пуда соли, отпущенной горцамъ сверхъ условленнаго количества. При закрытіи мѣновыхъ дворовъ на продолжительное время, въ случаѣ появленія эпидеміи, откупщики могли совсѣмъ отказаться отъ откупа. За провозимую соль изъ Астраханской губерніи въ Черноморію взималась пошлина по 1 р. съ пуда—50 коп. въ пользу войска и 50 коп. въ пользу откупщика. Служители и переводчики при мѣновыхъ дворахъ содержались за счетъ откупщиковъ. Устроенныя откупщиками заново помѣщенія принимались потомъ войскомъ по оцѣнкѣ. Для вымѣненнаго у черкесовъ скота, лошадей и овецъ откупщикамъ разрѣшалось пользоваться сѣнокосами и выпасами на войсковой землѣ, безъ стѣсненія жителей. Прямую обязанность откупщиковъ составляло строгое соблюденіе карантинныхъ правилъ. Бурки, свиты и оружіе, вымѣненные у черкесовъ откупщиками, продавались казакамъ по сходнымъ цѣнамъ. Войско вымѣнивало плѣнныхъ у черкесовъ за разные предметы и деньги, кромѣ соли. Хлѣбъ, вымѣненный у горцевъ, уступался откупщиками войску по заготовительнымъ цѣнамъ, но могъ быть проданъ и на сторону. За откупъ вносилось въ войско откупщиками ежегодно по 16000 рублей, съ залогомъ въ 8000 рублей.

Таковы были условія новаго откупа, распространявшагося, впрочемъ, только на два наиболѣе выгодные мѣновые двора. На остальныхъ мѣновыхъ дворахъ, въ предѣлахъ какъ Черноморіи, такъ и Кавказской линіи, мѣновая торговля велась представителями казачества и военными властями. Съ каждымъ годомъ мѣновые обороты съ горцами ширились и крѣпли. Правительство было заинтересовано въ такомъ поступательномъ ходѣ дѣлъ и ближайшимъ къ мѣновой торговлѣ лицамъ строго приказано было обходиться съ горцами и возможно ласковѣе и ограждать ихъ отъ всякихъ случайностей и нажимокъ при торговыхъ сдѣлкахъ.

Помимо мѣновыхъ дворовъ, правительство способствовало усиленію торговли съ горцами при помощи частныхъ торговцевъ. Въ 1812 г. командующій пограничной и карантинной частью на Кавказской линіи г.-м. Портнягинъ разрѣшилъ тремъ армянамъ изъ Нахичевани перейти черезъ Кубань къ темиргоевскому князу Мисосту Айтекову для торговли съ нимъ, какъ мирнымъ горцемъ, съ обязательствомъ ни въ какомъ случаѣ не вести торговли съ враждебными Россіи черкесами.

Около этого же времени правительствомъ былъ произведенъ опытъ развитія торговли при помощи особыхъ уполномоченныхъ, вступавшихъ въ непосредственныя сношенія съ горцами въ мѣстахъ ихъ жительства. Въ 1813 г. правительство поручило завязать торговыя сношенія съ черкесами Черноморскаго побережья генуэзскому уроженцу Скасси. Въ первую очередь Скасси предложилъ вывезти къ устью р. Пшады 700 дубовъ для нуждъ флота, по 40 коп. за

дерево. Черкесы охотно шли на эту сдѣлку и самъ Скасси отправился въ ихъ владѣнія. Впослѣдствіи Скасси, какъ полезный чиновникъ, былъ причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ и произведенъ въ надворные совѣтники. Скасси давались потомъ серьезныя порученія дипломатическаго характера, и онъ не разъ имѣлъ дѣло съ черкесами, дѣйствуя по порученію Государя, министра финансовъ Гурьева и др. Въ 1816 г. Скасси выступилъ съ критикою противъ сдачи мѣновыхъ дворовъ въ откупа, считая ее крайне убыточною для населенія и невыгодною для войска. Откупщики, по его наблюденіямъ, брали въ нѣсколько разъ дороже съ казаковъ за произведенія, вымѣненныя ими у горцевъ по баснословно низкимъ цѣнамъ. Такъ, 10 шелевокъ вымѣнивали они у черкесовъ за 27 или 30 фунтовъ соли, стоимостью въ 35 или 40 коп., а казакамъ продавали за 3 рубля, за сажень дровъ черкесамъ давали по 3 пуда соли или $1^1/_2$ и 2 рубля деньгами, а продавали въ Черноморіи по 20 рублей. Свободная торговля, безъ посредства откупщиковъ, кромѣ того, ближе связывала черкесовъ съ казаками.

Въ 1818 г. былъ утвержденъ новый карантинный уставъ. На основаніи этого устава, въ г. Екатеринодарѣ учреждена была контора Екатеринодарскаго карантиннаго отдѣленія, а застава переименована въ центральный карантинъ. Но всѣ эти преобразованія коснулись лишь однихъ наименованій. Строенія и приспособленія для новыхъ учрежденій остались тѣ же, которыя были сооружены еще въ 1800 г. и которыя съ того времени пришли въ ветхость. То же было и въ другихъ карантинахъ. Въ Усть-Лабѣ, какъ писалъ 22 мая 1818 года Ермоловъ, генералу-отъ-инфантеріи Вязмитинову, не было отдѣльныхъ помѣщеній для лицъ, поступавшихъ въ карантинъ и уходившихъ изъ него—и они были разъединены только двумя жердями, протянутыми вдоль помѣщенія. Карантинъ при крѣпости Св. Николая подмывала Кубань. Весь карантинъ въ Константиногорскѣ состоялъ изъ плетней.

Не было ни ассигнованной суммы на первоначальное обзаведеніе карантиновъ, ни карантиннаго, ни больничнаго платья и др. вещей. Жалованья карантиннымъ чиновникамъ было назначено меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, несмотря на каторжный трудъ и серьезную отвѣтственность служащихъ, при той обстановкѣ, въ которой они находились. Здѣсь, на границѣ съ горцами, при безпрерывной войнѣ и грабежахъ, карантинная дѣятельность должна была находиться въ постоянномъ напряженіи. Карантинную границу переходили и собственныя войска, и черкесы, и скотъ, и люди, и бѣглецы, и плѣнники, и торговцы, и продавцы, и покупатели, и съ ними цѣлая уйма привозимыхъ на рынки вещей и продуктовъ.

Но центръ тяжести все таки находился въ мѣновыхъ дворахъ и связанной съ ними мѣновой торговлѣ. Черкесы не только охотно шли сюда съ своими произведеніями, но и хлопотали объ учрежденіи новыхъ мѣновыхъ дворовъ или пунктовъ. Въ апрѣлѣ 1819 г.

войсковой старшина Головинскій донесъ атаману Матвѣеву изъ Александровскаго кордона, что къ нему явился приверженный къ Россіи закубанскій владѣлецъ Цахализъ и 15 стариковъ, съ просьбою довести до свѣдѣнія войскового атамана, что они желали бы мѣнять свои продукты на соль, подвозя ихъ на правую сторону Кубани. При этомъ условіи онъ обязывался защищать одну треть границы въ предѣлахъ его владѣній отъ набѣговъ враждебныхъ русскимъ горцевъ и отвѣчать за все украденное хищниками на русской сторонѣ по стоимости. Въ слѣдующемъ году 10 февраля Ермоловъ разрѣшилъ устроить здѣсь Александровскій или Малолагерный мѣновой дворъ. Черкесы были удовлетворены.

По Высочайше утвержденнымъ правиламъ 10 октября 1821 года, для торговли съ черкесами и абазинцами были учреждены въ Керчи полный портовый карантинъ и таможня, а на Бугазѣ мѣновой дворъ съ очистительными пакгаузами. Въ первомъ велась мѣна привозимыхъ моремъ изъ Абхазіи и черкесскихъ владѣній товаровъ, а во второмъ черкесскихъ товаровъ, доставленныхъ сухопутьемъ. По этимъ правиламъ, черкесамъ воспрещалось продавать оружіе, снаряды и матеріалы для нихъ и выдавать въ оплату золото, серебро и ассигнаціи. Допускалась лишь натуральная мѣна. Съ открытіемъ порта въ Керчи, управленіе мѣновыми и таможенными учрежденіями на Черномъ и Азовскомъ моряхъ поручено было коллежскому совѣтнику де-Скасси, а графу Ланжерону были подчинены въ этомъ отношеніи градоначальники черноморскихъ и одесскихъ портовъ. Въ этомъ же году, вслѣдствіе плохого урожая и недостатка хлѣба въ Черноморіи, Ермоловъ воспретилъ отпускать хлѣбъ черкесамъ за Кубань, а потребовалъ, наоборотъ, чтобы были открыты новые мѣновые дворы для полученія хлѣба отъ черкесовъ.

Въ маѣ 1822 г. войсковой атаманъ Матвѣевъ просилъ генерала Власова ходатайствовать объ оставленіи Бугазскаго мѣноваго двора въ вѣдѣніи войска. Подчиненіемъ этого двора управленію де-Скасси и Ланжерона существенно нарушались права войска, такъ какъ, въ силу грамоты Екатерины II-й, свободная торговля и извлеченіе изъ нея выгодъ принадлежали войску, а не казнѣ, какъ это оказалось при отдачѣ Бугазской заставы, въ чужое вѣдѣніе. Ходатайство это не было удовлетворено, да и вообще всѣ мѣновые дворы, по случаю чумы въ 1822 г., были временно закрыты. Только къ октябрю чума у горцевъ прекратилась, и Матвѣевъ просилъ Власова вновь открыть мѣновую торговлю съ горцами, которые, какъ и казаки, терпѣли существенныя неудобства отъ прекращенія торговли. Въ февралѣ 1823 г. министръ внутреннихъ дѣлъ кн. Кочубей командировалъ въ Черноморію штабъ-лѣкаря Мильгаузена для осмотра мѣновыхъ дворовъ и карантинныхъ заставъ. Мильгаузену поручено было произвести инспекцію медицинской части, выяснить торговыя связи казаковъ съ горцами и характеръ торговли, рѣшить, достаточны ли мѣры предосторожности отъ заноса чумы и не требуется

ли, согласно мѣстнымъ условіямъ, измѣнить соотвѣтствующія правила и законоположенія. Попутно на доктора возложено было также порученіе собрать коллекціи растеній и образцы минеральныхъ богатствъ и естественныхъ произведеній.

Въ 1826 г. въ предѣлахъ Черноморіи существовали слѣдующіе мѣновые дворы: Редутскій, Малолагерный, Екатеринодарскій, Великолагерный, Новоекатерининскій или Чернолѣсскій и Славянскій. Всѣ они были плохо устроены и обветшали. Въ такомъ же состояніи находились мѣновые дворы и на Кавказской линіи по р. Кубани. Всюду не было даже достаточно помѣщеній для окуриванія людей. Съ 1820 по 1826 г. во время походовъ генерала Власова съ отрядами за Кубань, войска очищались на открытомъ воздухѣ окуриваніемъ газами соляной кислоты. Въ сущности это была лишь одна комедія, дававшая хорошіе результаты потому лишь, что въ горахъ у черкесовъ совсѣмъ не было чумы. Въ 1826 г. инженеръ Бурачковъ осмотрѣлъ всѣ карантины и мѣновые дворы и нашелъ ихъ въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Длина карантинной линіи отъ Бугаза до Усть-Лабы равнялась 250 верстамъ по прямому направленію, 280 верстамъ по почтовой дорогѣ и 300 вер. по дорогамъ черезъ военные посты. Разстояніе между карантинами были также велики: 18 верстъ, 20 в., 25 в., 30 верстъ и даже между Славянскимъ и Бугазскимъ—100 верстъ. На разстояніи 300 верстъ кордонной линіи было до 300 постовъ и пикетовъ.

При такихъ условіяхъ защиты карантинной линіи, самыя учрежденія рѣзко отличались одни отъ другихъ какъ по устройству, такъ и по состоянію. Усть-Лабинскій карантинъ занималъ пространство въ 40 саж. длины и 30 саж. ширины, былъ не благоустроенъ и имѣлъ обветшалыя строенія. Подъ Редутскій дворъ было занято пространство 50 саж. на 50. Здѣсь карантиннымъ комиссаромъ, смотрителемъ мѣноваго двора и смотрителемъ почтовой станціи было одно и то же лицо. Екатеринодарскій карантинъ былъ очень малъ—въ 30 саж. длиною и 20 саж. шириною, но былъ обнесенъ частоколомъ и рвомъ вокругъ, чего нигдѣ не было. Въ Великолагерномъ карантинѣ не оказалось даже комнаты для окуриванія, и окуриванія производились на открытомъ воздухѣ. И только при одномъ Екатеринодарскомъ карантинѣ были особый комиссаръ, карантинная аптека и аптекарь.

Вообще же строенія всюду были плохи и не удовлетворяли, какъ слѣдуетъ, своему назначенію. Въ Екатеринодарѣ и Усть-Лабѣ они существовали 30 лѣтъ и были очень ветхи. Карантинныя заведенія, устроенныя близъ Кубани, часто страдали отъ разливовъ ея, и тогда внѣшнія сообщенія съ карантинами и мѣновыми дворами прекращались. Инженеромъ Бурачковымъ были составлены планы и смѣты на перестройку зданій Екатеринодарскаго карантиннаго отдѣленія, но, по случаю войны съ турками въ 1828 г., Государь приказалъ остановить исполненіе плановъ и смѣтъ, такъ какъ

по окончаніи войны могли измѣниться границы съ сосѣдними народностями. Сначала мѣновые дворы возводились на счетъ войска, но въ 1827 г. на постройку Славянскаго мѣнового двора министерствомъ финансовъ было ассигновано 3000 р.

Въ 1827 и въ послѣдующіе годы продолжалось упорядоченіе карантинной службы и торговыхъ отношеній. Такъ, распоряженіемъ генерала Емануеля отъ 24 сентября приказано было армянамъ продавать оптомъ товары однимъ только жителямъ Черноморіи. На мѣновыхъ дворахъ армянамъ дозволена была только розничная торговля; оптомъ они не могли ни покупать у горцевъ, ни продавать имъ товаровъ. Въ августѣ была утверждена такса для произведеній, поставляемыхъ на мѣновые дворы. Пудъ воска, покупаемаго отъ 30 до 35 р., оцѣненъ былъ въ 60 пудовъ соли, заячья шкура въ 1 пудъ соли, пудъ коровьяго масла въ 16 пуд. соли, лошадь въ 50 пуд., мѣра кислицъ въ 15 фунтовъ соли и т. п., а пудъ соли стоилъ на деньги 50 коп. Въ октябрѣ 1827 г. комиссаръ Бугазскаго мѣноваго двора жаловался Безкровному, что нижніе чины Таманскаго гарнизоннаго полка, офицеры и казаки разбирали карантинные плетни и заборы для топки, и Безкровный строжайше воспретилъ производить такія безобразія. Наконецъ, въ 1827 г. заявили свои претензіи и мирные горцы. Хамышеевскіе князья Алхасъ Аджимокъ и Магметъ Аджимокъ, ссылаясь на свою тридцатилѣтнюю приверженность къ Россіи, просили открыть мѣновые дворы для подвластныхъ имъ черкесовъ, но подъ прошеніемъ эти родовитые представители Бжедухскаго народа не подписались по неграмотности, а приложили печати. Въ мартѣ 1828 г. 14-ти дневный карантинный срокъ былъ замѣненъ трехдневнымъ, если въ карантинъ поступали прибывшіе изъ благополучныхъ мѣстъ, а не изъ Турціи. Тогда же на служащихъ въ карантинахъ возложена была спеціальная обязанность собиранія свѣдѣній о движеніи горцевъ за Кубанью, а въ Екатеринодарскую карантинную контору приказано было избрать 4 членовъ отъ купцовъ. Наконецъ, въ мартѣ 1828 г. были разосланы по мѣновымъ дворамъ турецкіе товары, закупленные въ Ѳеодосіи, по порученію войска, хорунжимъ Посполитаки.

Въ 1829 г. въ Екатеринодарскомъ карантинѣ числились вице-директоръ, главный военно-медицинскій чиновникъ, непремѣнный членъ, три представителя отъ Екатеринодарскаго купечества, директоръ по карантинному дому и пять писарей. Въ остальныхъ карантинахъ находилось 7 комиссаровъ, 2 врача, 1 аптекаръ, 3 фельдшера, 1 писарь, 11 служителей, а всего 37 служащихъ по карантинному вѣдомству. Врачи и фельдшера тамъ, гдѣ ихъ не было, прикомандировывались изъ ближайшихъ военныхъ частей только на время „окуриванія“ товаровъ. Комиссарами были офицеры, командированные на время изъ полковъ. Штатъ достаточный для того, чтобы выполнять формальности карантинной службы. Таможенныя обязанности служащихъ были сведены къ нулю. Главныя заботы

были направлены на мѣновыя операціи. Въ январѣ этого года генералъ Емануель въ особомъ объявленіи оповѣстилъ горцевъ, что Государь даровалъ имъ безпошлинную торговлю на русскихъ мѣновыхъ дворахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Емануель опубликовалъ подробный перечень тѣхъ предметовъ, которые могли ими продаваться на Екатеринодарскомъ и Екатериноградскомъ мѣновыхъ дворахъ безъ очищенія и съ очищеніемъ. Въ Анапѣ былъ открытъ мѣновой дворъ для торговли съ натухайцами, устроено карантинное укрѣпленіе и изданы правила для него. Въ апрѣлѣ того же года, въ виду неурожая хлѣба у мирныхъ черкесовъ, генералъ Безкровный приказалъ закупить хлѣбъ въ Черноморіи и отправить его на мѣновые дворы Редутскій, Малолагерный и Екатеринодарскій для снабженія имъ мирныхъ черкесовъ въ обмѣнъ на ихъ произведенія. Съ этою цѣлью былъ командированъ хорунжій Мовчанъ, въ распоряженіе котораго было отпущено 4000 рублей. Хлѣбъ долженъ былъ быть купленъ не свыше справочныхъ цѣнъ и всѣ сдѣлки по покупкамъ внесены въ выданную Мовчану шнуровую книгу. Горцамъ пришлась по душѣ эта мѣра и они еще охотнѣе шли на встрѣчу развитію мѣновой торговли.

Въ маѣ 1830 г. князья Алхасъ и Магметъ Аджимоки просили допустить ихъ и 12 другихъ черкесовъ для торговли на Троицкую ярмарку въ Екатеринодаръ. Безкровный далъ разрѣшеніе, и черкесы привезли для продажи орѣхи, медъ, воскъ, коровье масло, говяжье сало, кожи, бурки, свиты, чеканки, арбы, сѣдла, пояса и плети. По распоряженію Безкровнаго, былъ произведенъ тщательный учетъ, сколько и на какую сумму отпустили черкесы своихъ произведеній, и оказалось, что 12 хозяевъ продали на 3887 р. 36 коп. ассигнаціями довольно значительное количество продуктовъ и издѣлій. Два князя выручили за свои произведенія 532 р. 47 коп., но нѣкоторые простые черкесы получили за свои товары больше князей—одинъ 545 р., другой 543 р. и пр. Копѣйка въ копѣйку ту же сумму, т. е. 3887 р. 15 коп. черкесы затратили на покупки необходимыхъ для хозяйства и семьи вещей и на погашеніе долговъ.

Покупали на ярмаркѣ черкесы соль, саржу черную, нанку, ситецъ, миткаль, разнаго рода полотна, платки, замки, иголки, наперстки, ленты, зеркальца, шелкъ, юфту, вату, трубки, ртуть, синьку, синій камень, нашатырь, сундуки, мѣдные тазы, котелки, тарелки, чайныя чашки, кружки, деревянную и глиняную посуду. Всѣ эти предметы свидѣтельствуютъ до нѣкоторой степени о состояніи культуры у сосѣдей казаковъ. Ни матерій, за исключеніемъ сукна, ни посуды, ни предметовъ украшенія и комфорта изъ числа перечисленныхъ черкесы не производили, жили бѣдно и нуждались въ самомъ необходимомъ. Понятно, какое громадное значеніе для горцевъ имѣли торговыя связи съ русскими. Первый опытъ посѣщенія мирными черкесами ярмарки далъ блестящіе результаты. Горцы держали себя прекрасно и уѣхали съ самыми свѣтлыми впечатлѣ-

ніями о нѣсколькихъ дняхъ, проведенныхъ среди русскихъ, и о разнообразіи тѣхъ предметовъ промышленности, которыми могъ пользоваться каждый казакъ. Наглядный примѣръ болѣе высокой культуры убѣдилъ полудикихъ горцевъ въ несокрушимой силѣ и преимуществахъ сосѣдей доказательнѣе, чѣмъ военная рѣзня и оружіе, и горцы желали одного, чтобы всюду имъ открыта была возможно шире мѣновая торговля. Но условія тогдашней жизни и международныхъ отношеній были таковы, что эти желанія нашихъ мирныхъ сосѣдей не всегда могли быть удовлетворены.

Въ 1831 г., въ виду крайне враждебнаго настроенія и дѣйствій противъ русскихъ со стороны шапсуговъ, были закрыты Великомарьинскій, Новоекатерининскій и Славянскій мѣновые дворы, какъ ближайшіе къ шапсугскимъ владѣніямъ. Такія мѣры практиковались часто для воздѣйствія на горцевъ, сильно нуждавшихся въ соли и въ мѣнѣ своихъ произведеній на русскія. До 1828 г. мѣновые дворы находились въ единоличномъ распоряженіи войсковыхъ атамановъ. Съ этого же времени Заводовскій оставилъ въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи только дѣла пограничныя соединенныя съ карантинной службой, а наблюденіе за операціями на мѣновыхъ дворахъ передано было войсковой канцеляріи. До этого времени мѣновая торговля на нѣкоторыхъ мѣновыхъ дворахъ три раза находилась въ откупу, и тогда дѣятельность войсковой администраціи значительно съуживалась. Тоже было и при закрытіи мѣновыхъ дворовъ, когда, кромѣ воздѣйствія на черкесскій карманъ, всѣ усилія казачьихъ силъ и властей направлялись на борьбу съ непокорными горцами. Въ декабрѣ 1831 г. чиновникъ азіатскаго департамента Кодинецъ, выясняя причины упадка мѣновой торговли въ Анапѣ, посѣтилъ мѣновые дворы въ Черноморіи до Усть-Лабинскаго включительно. Торговля съ горцами всюду была сокращена, потому что и многіе мѣновые дворы въ это время были закрыты, отчего въ равной степени терпѣли и черкесы и казаки. Но корень зла крылся во враждебномъ настроеніи непокорныхъ горцевъ. Въ это время русскія войска начали занимать Черноморское побережье. Кромѣ Анапы, навсегда перешедшей во владѣніе Россіи, русскими войсками были заняты Гагры и Геленджикъ. Затронуты были завѣтные интересы шапсуговъ и натухайцевъ—и торговля не только въ недавно пріобрѣтенной Анапѣ, но и на мѣновыхъ дворахъ въ Черноморіи сократилась. Мирныя требованія были принесены въ жертву военному Молоху. Въ 1833 г. Бугазскій мѣновой дворъ былъ совсѣмъ уничтоженъ и его операціи переданы были въ Анапу. Со стороны Бугазскаго лимана русскіе по направленію къ Анапѣ заняли уже такую полосу натухайскихъ земель, что Бугазскій мѣновой дворъ, какъ болѣе удаленный отъ натухайцевъ, былъ замѣненъ ближайшимъ для нихъ анапскимъ.

Въ послѣдующіе годы сами кавказскія военныя власти обратили исключительное вниманіе на болѣе широкую постановку и раз-

рѣшеніе вопроса о мѣновой торговлѣ съ горцами. Въ мартѣ 1835 г. были выработаны и утверждены „Правила для таможеннаго надзора по Кавказской линіи“. Къ правиламъ, для облегченія горцевъ приложены были списки предметовъ, дозволенныхъ къ ввозу на мѣновые дворы. Все это были продукты и издѣлія наиболѣе цѣнные и распространенные въ хозяйствѣ горца. Но эта была лишь частичная мѣра. Вопросъ о торговлѣ ставился на болѣе широкихъ началахъ и главное вниманіе было сосредоточено на торговлѣ съ горцами по Черноморскому побережью, къ занятію котораго цѣлымъ рядомъ укрѣпленій приступили потомъ русскія войска.

Въ августѣ 1835 г. керченскій градоначальникъ князь Херхеулидзе, представляя по требованію графа Воронцова свѣдѣнія о торговлѣ съ горцами на Черноморскомъ побережьѣ, изложилъ и свой взглядъ по этому вопросу. По мнѣнію Херхеулидзе, торговля съ горцами побережья держалась главнымъ образомъ на посредничествѣ кунаковъ, которые съ обѣихъ сторонъ—со стороны черкесовъ и русскихъ, получали всѣ выгоды. Черкесамъ они передавали въ два и три раза дороже соль сравнительно съ тѣмъ, сколько она стоила имъ, а съ русскихъ брали громадные подарки, на которые правительство ежегодно тратило до 15 тысячъ рублей. Важнѣйшими же причинами, препятствовавшими развитію торговли съ горцами, служили необезпеченность личности и имущества участвовавшихъ въ торговлѣ, вліяніе широко допускаемой турками контрабанды и особенно война, до крайности ожесточавшая черкесовъ. Послѣдняя меньше всего приводила къ достиженію главной цѣли—культурнаго вліянія на черкесовъ.

Самымъ сильнымъ и дѣйствительнымъ противовѣсомъ въ этомъ отношеніи была торговля. Въ этихъ видахъ князь Херхеулидзе находилъ необходимымъ совершенно прекратить наступательныя дѣйствія противъ горцевъ со стороны Геленджика, Пшады, Суджука и др., ограничившись одною обороною этихъ пунктовъ. Чиновниковъ торговаго попечительства, состоявшихъ при Вельяминовѣ Ашика, Тауша и Люлье, слѣдовало отправить на мѣста торговли съ горцами, поручивши имъ дать дружескіе подарки наиболѣе вліятельнымъ горцамъ. Дѣятельно преслѣдуя турецкую контрабанду, разрѣшить въ то же время отпускъ безпошлинной соли горцамъ изъ керченскихъ озеръ. Эти мѣры могли бы послужить основаніемъ для дальнѣйшаго мирнаго покоренія племенъ, обитавшихъ на восточной части Черноморскаго побережья.

Князь Херхеулидзе только поставилъ на общую почву вопросъ о мѣновой торговлѣ съ горцами Черноморскаго побережья. Въ дальнѣйшемъ обсужденіи приняли участіе представители разныхъ управленій до Петербурга включительно. Въ разрѣшеніи его были заинтересованы, съ одной стороны, кавказская военная администрація—командующій отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ баронъ Розенъ, генералы Вельяминовъ, Раевскій, Анрепъ и пр., а съ другой,

новороссійскій генералъ-губернаторъ Воронцовъ, въ вѣдѣніи котораго находилась мѣновая торговля съ горцами по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, мѣстныя власти, какъ градоначальникъ Керчи Херхеулидзе, и чиновники по развитію торговли Ашикъ, Таушъ и Люлье. Въ томъ или другомъ разрѣшеніи вопроса, слѣдовательно, заинтересованы были представители разныхъ сторонъ, несомнѣнно конкурировавшихъ между собою.

Излагая въ 1835 г. общія соображенія по поводу торговыхъ отношеній къ горцамъ министру финансовъ гр. Канкрину, баронъ Розенъ находилъ, что цвѣтущая торговля горцевъ съ турками, державшаяся на перепродажѣ невольниковъ и невольницъ и пріобрѣтеніи пороха, оружія и снарядовъ, сошла съ исторической сцены, поэтому, требуется развитіе другихъ видовъ торговли, оживленіе въ которую могли бы внести нахичеванскіе армяне, имѣвшіе родныхъ и знакомыхъ въ горахъ. Въ своемъ представленіи военному министру гр. Чернышеву баронъ Розенъ настаивалъ на учрежденіи карантинной заставы въ Геленджикѣ съ мѣновымъ дворомъ, необходимой въ интересахъ гарнизона, флотскихъ экипажей и переселенцевъ. Въ то же время, по мнѣнію барона Розена, Бугазская и Таманская таможенныя заставы изъ вѣдѣнія Новороссійскаго генералъ-губернатора, жившаго въ Одессѣ, должны быть переданы въ распоряженіе наказнаго атамана Черноморскаго казачьяго войска, какъ лица, ближе стоящаго къ нимъ, скорѣе другихъ освѣдомленнаго о появленіи чумы между горцами и долженствующаго быть нестѣсняемымъ въ военныхъ дѣйствіяхъ съ горцами, неподчиненными ему таможенными чиновниками.

Съ своей стороны графъ Воронцовъ писалъ 18 мая 1836 г. гр. Канкрину, что развитію торговли на Черноморскомъ побережьѣ препятствовало воспрещеніе кавказскими военными властями приставать русскимъ судамъ ко всѣмъ укрѣпленіямъ на побережьѣ. Укрѣпленныхъ пунктовъ было на побережьѣ 25, а суда приставали только къ 5 пунктамъ, изъ которыхъ 4 не имѣли никакого торговаго значенія. Этимъ пользовались турки и успѣшно доставляли контрабанду въ удобныхъ для нихъ мѣстахъ. Въ 1835 г. такъ проскользнуло на Черноморское побережье 60 контрабандныхъ судовъ и 8 только въ началѣ навигаціи 1836 г. Между тѣмъ русскіе купцы настоятельно просили о томъ, чтобы суда заходили хотя бы въ одну Пшаду, гдѣ жилъ сторонникъ русскихъ, получавшій подарки и содержаніе, князь Идаръ-оглу и гдѣ русскіе купцы желали на собственный рискъ, безъ военной охраны, повести торговлю съ горцами. Какъ бы въ отвѣтъ на это ген.-л. Вельяминовъ находилъ, что для развитія торговли съ горцами на побережьѣ, недостаточно одного того, чтобы русскія суда приставали къ черноморскимъ берегамъ. Черкесы торговать на деньги не могутъ и охотно пойдутъ на это дѣло только натуральною мѣною товаровъ. Необходимо оборудованіе торговли на мѣстахъ, нужны въ укрѣпленіяхъ хо-

рошо обставленныя лавки, въ которыхъ не было бы недостатка въ предметахъ, необходимыхъ для мѣны съ горцами натурою.

Совершенно иной характеръ вопросу о торговлѣ съ горцами придалъ начальникъ Черноморской береговой линіи г.-л. Раевскій. Онъ предложилъ 25 мая 1840 г. гр. Воронцову организовать торговлю съ горцами при посредствѣ частнаго предпринимателя-капиталиста, который могъ бы затратить значительныя средства на это живое и выгодное дѣло. Такимъ предпринимателемъ могла бы быть извѣстная въ Одессѣ фирма барона Штиглица, съ которою Раевскій и просилъ Воронцова войти въ переговоры. Фирмѣ Штиглица можно было бы разрѣшить безпошлинную торговлю съ горцами, дать въ укрѣпленіяхъ небольшія помѣщенія для торговцевъ и товаровъ, перевозить ихъ товары на военныхъ судахъ и вообще оказывать всевозможное содѣйствіе. Въ письмѣ 18 декабря 1840 г. Воронцовъ сообщилъ Раевскому, что онъ говорилъ съ нѣкоторыми капиталистами объ организаціи торговли съ горцами и что д. с. с. Марини представилъ ему свой проэктъ по этому вопросу. Основанія проэкта сводились къ тому, чтобы правительство выдало предпринимателю въ ссуду на увеличеніе торговыхъ оборотовъ 100,000 рублей и отдало бы въ полное распоряженіе одному ему всю торговлю съ горцами. Самъ Воронцовъ считалъ эти условія полупріемлемыми. Въ январѣ слѣдующаго года военный министръ въ письмѣ къ гр. Воронцову сообщалъ, что Государь Императоръ обратилъ вниманіе на проэктъ о торговлѣ съ горцами Марини и Вальяно и что по тому же вопросу Чернышеву прислалъ свои соображенія г.-л. Раевскій, соединяющій вопросъ о торговлѣ съ горцами съ вопросомъ о заселеніи русскими Черноморскаго побережья. Государь приказалъ выработать проэктъ объ устройствѣ таможенъ и карантиновъ на Черноморскомъ побережьѣ министрамъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и военному.

Пока разсуждали такимъ образомъ генералы, графы и министры, жизнь шла своимъ обычнымъ путемъ, усиливая одни теченія и нагромождая препятствія на пути другихъ. Тѣ самые армяне, которые, по мнѣнію однихъ генераловъ, могли поднять и оживить торговлю русскихъ съ горцами, являлись тормазомъ для развитія ея, по мнѣнію другихъ генераловъ. Генералъ Заводовскій, прекрасно знавшій жизнь горцевъ и казачій бытъ, считалъ армянъ виновниками слабаго развитія торговли съ горцами. Эти торгаши-эксплоататоры, по мнѣнію казачьяго генерала, давили торговлю въ самомъ зародышѣ ея. Защищая армянъ отъ обвиненія въ томъ, что будто бы они перевозили къ горцамъ оружіе, порохъ и заряды, Заводовскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, считалъ безусловно вреднымъ участіе армянъ въ торговлѣ съ горцами, гдѣ они проявляли энергичную, но крайне эксплоататорскую дѣятельность, заслоняя обязательный характеръ отношеній горца къ русскимъ. Горецъ имѣлъ дѣло съ армяниномъ и не хотѣлъ знать русскихъ. Въ подробной запискѣ о мѣновой тор-

говлѣ съ горцами, составленной въ 1844 г. общимъ управленіемъ Кавказской области, высказано также мнѣніе, что армяне, по своему корыстолюбію, вездѣ подрывали правильное теченіе торговли съ горцами. Особенно настаивалъ на этомъ Зассъ. Фактически, однако, установлено было, что, при мѣновой торговлѣ, сильно эксплоатировали обѣ стороны—и черкесовъ и русскихъ, всякіе торговцы—и армяне и русскіе и даже смотрители мѣновыхъ дворовъ. Всѣ покупали баснословно дешево и продавали несоразмѣрно дорого. Таковъ ужъ былъ характеръ этой примитивной торговли.

Съ своей стороны и горцы совсѣмъ не идеализировали тѣхъ благодѣяній, которыя, по мнѣнію командующихъ генераловъ, оказывали русскіе горцамъ въ видѣ мѣны товаровъ. Шила въ мѣшкѣ нельзя было утаить. Горцы прекрасно понимали, что если они получали соль и русскіе товары, въ которыхъ они сильно нуждались, то взамѣнъ они давали русскимъ лѣсъ, хлѣбъ, свои издѣлія и пр., въ чемъ также нуждались русскіе. Поэтому, согласно своимъ обычаямъ и даннымъ обязательствамъ, они держали себя джентльменами при мѣновыхъ сдѣлкахъ. Но когда условій этихъ не было на лицо, они смотрѣли на торговлю и мѣновые дворы также, какъ и на все, что было за предѣлами ихъ владѣній подходящаго для набѣга и поживы. Случаи нападенія на карантины и мѣновые дворы съ мародерскими цѣлями повторялись неоднократно. Въ маѣ 1841 г. черкесъ Ланжусь Эсмель, жившій въ аулѣ мирнаго дворянина Боронуко Аладжукова, попросилъ у казаковъ лодку для перевоза 10 пудовъ купленной имъ соли на лѣвый берегъ Кубани, съ обязательствомъ немедленнаго возврата лодки. Послѣдняго обязательства онъ, однако, не исполнилъ и лодка, несмотря на настоянія казаковъ, осталась на лѣвомъ берегу Кубани въ аулѣ Боронуко. Ночью въ этой лодкѣ переправилась партія черкесовъ въ 20 человѣкъ и напала врасплохъ на Подмогильный мѣновой дворъ. Изранивши и убивши двухъ казаковъ, черкесы разбили сундукъ на мѣновомъ дворѣ, взяли все, что нашли здѣсь лучшаго и исчезли безслѣдно. Такъ относились горцы къ святилищамъ торговли. Война и сопутствовавшіе ей грабежи и насилія продолжали, вѣдь, служить главнымъ стимуломъ въ отношеніяхъ между русскими и горцами.

При обычной же мирной обстановкѣ горцы продолжали быть выгодными продавцами своего сырья и произведеній. Только съ января по іюль 1841 г. и только на одинъ Екатеринодарскій мѣновой дворъ поступило на 70902 р. 50 к. черкесскихъ товаровъ. Однихъ кожъ было продано ими на 16,476 руб., заячьихъ шкурокъ было привезено 162,959 штукъ на 5,314 р., бурокъ на 6,738 р. и т. д. Очевидно, тутъ участвовали не одни мирные горцы, съ которыми имѣли дѣло мѣновые дворы. Въ 1842 г. мирнымъ горцамъ дозволено было отпускать въ обмѣнъ на ихъ произведенія сталь и желѣзо, но отпускъ былъ обставленъ очень сложными условіями:

отъ каждаго покупщика требовалось свидѣтельство о благонадежности отъ русскаго пристава, провѣрка, кѣмъ, куда и для чего покупалось желѣзо, все ли оно поступало въ дѣло и т. п.

Все, очевидно, было разсчитано на недопущеніе злоупотребленій русскою сталью и желѣзомъ, а между тѣмъ злоупотребленія другого рода и въ болѣе возмутительной формѣ совершались на глазахъ русскихъ властей на тихихъ пристаняхъ торговли. Въ предписаніи 30 сентября 1844 г. г.-л. Заводовскій сообщилъ г.-м. Ковалевскому, что жившій въ одномъ изъ ауловъ, подчиненныхъ послѣднему, армянинъ „привозилъ въ г. Ставрополь на Троицкую для продажи 10 человѣкъ азіатцевъ, въ числѣ коихъ были мужчины и женщины и всѣхъ ихъ здѣсь продалъ другимъ азіатцамъ“. Одну женщину купилъ прапорщикъ князь Бей Карамурзинъ. Армянинъ этотъ издавна занимался „невозбранно“ торговлею людьми и разъѣзжалъ съ этою цѣлью по ауламъ и ярмаркамъ. Заводовскій приказалъ Ковалевскому строго присматривать за армянами Закубанскихъ ауловъ.

Съ 1845 г. начался новый періодъ въ исторіи торговыхъ отношеній русскихъ съ горцами. Мирнымъ горцамъ былъ открытъ доступъ на русскія ярмарки. Первый опытъ въ этомъ отношеніи былъ произведенъ по иниціативѣ хамышеевскихъ князей еще атаманомъ Безкровнымъ. На этотъ разъ за дѣло взялся умный и энергичный черноморскій генералъ Рашпиль, исполнявшій обязанности начальника Черноморской кордонной линіи. Чтобы ознакомить черкесовъ съ выгодами свободной торговли при мирныхъ условіяхъ, Рашпиль допустилъ всѣхъ мирныхъ горцевъ изъ за Кубани въ Екатеринодаръ на время ярмарки съ 20 по 26 марта. Мирные горцы, желавшіе посѣтить ярмарку, должны были собраться въ партіи, подъ главенствомъ кого либо изъ старшинъ или извѣстныхъ дворянъ. Подъ личною отвѣтственностью, они могли также приглашать съ собою и непокорныхъ горцевъ. Но всѣ горцы—мирные и немирные, могли присутствовать на ярмаркѣ только безъ оружія, за исключеніемъ немногихъ родовитыхъ князей и дворянъ, которымъ разрѣшено было пріѣхать верхомъ съ оружіемъ. Для переправы черезъ Кубань назначено было въ разныхъ мѣстахъ 13 пунктовъ. Каждая партія получала на пунктѣ ярлыкъ, который должна была предъявить на ярмаркѣ и доставить его обратно на пунктѣ при переправѣ черезъ Кубань. Для продажи на ярмаркѣ горцамъ предоставлено было везти все, за исключеніемъ скота и кожъ, подлежащихъ карантинному очищенію. На ярмаркѣ горцамъ было отведено особое мѣсто, гдѣ они располагались общимъ станомъ и поступали въ вѣдѣніе спеціально назначеннаго для нихъ воинскаго начальника.

Самимъ горцамъ дозволено было выбрать „свою управу“ изъ старшинъ—двухъ черченеевцевъ, одного хамышеевца, одного хатукаевца, одного адеміевца и одного муллы. Воинскимъ начальникомъ былъ назначенъ подполковникъ Шарапъ, а въ помощники ему есаулъ Албановичъ. Смотритель войсковыхъ вещей есаулъ Щербина

снабдилъ Шарапа для ставки 8-ю палатками. Въ распоряженіе Шарапа была дана команда въ 135 человѣкъ, а для наблюденія за внѣшнимъ порядкомъ у горцевъ было избрано 12 всадниковъ подъ начальствомъ штабъ-ротмистра гвардіи Сагатъ-Гирея. Къ Шарапу прикомандированы были есаулъ Гусаровъ, сотникъ Султанъ-Селимъ-Гирей и прапорщикъ Шагинъ-Гирей-Батоковъ. Три раза—21, 23 и 25 марта послѣ полудня, являлась въ черкесскій станъ войсковая музыка для увеселенія горцевъ. Вообще казаки и ихъ начальство всячески заботились о томъ, чтобы съ черкесами всѣ обходились дружелюбно и ласково и чтобы они были ограждены отъ обидъ и оскорбленій.

Свое распоряженіе Рашпиль сдѣлалъ подъ вліяніемъ гр. Воронцова. При представленіи послѣднему въ Керчи, какъ командующему особымъ Кавказскимъ корпусомъ, Рашпиль замѣтилъ, что Воронцовъ особенно интересовался положеніемъ дѣлъ на Черноморской кордонной линіи, совѣтовалъ принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы быть въ мирныхъ отношеніяхъ съ горцами, и особенно рекомендовалъ поддерживать торговлю съ горцами. Согласно желанію новаго главнокомандующаго, Рашпиль изложилъ въ особой запискѣ свои взгляды по этому вопросу, а опытъ мирнаго сближенія съ горцами онъ произвелъ во время первой же екатеринодарской ярмарки. Къ сожалѣнію, ярмарка оказалась малолюдной, благодаря дурной погодѣ. Все время шелъ снѣгъ и были морозы, почему на ярмарку пріѣхало мало казаковъ изъ станицъ и черкесовъ изъ за Кубани. Тѣмъ не менѣе ярмарка прошла чинно и спокойно, Не было ни одного случая ни буйства, ни воровства, столь обычныхъ на ярмарочныхъ сборищахъ. Черкесы разъѣхались по домамъ очень довольные какъ ярмаркой, такъ и тѣмъ внимательнымъ отношеніемъ къ нимъ, какое оказали имъ казаки и казачье начальство.

Но посѣщеніемъ черкесами ярмарки не былъ рѣшенъ злободневный вопросъ о хлѣбѣ насущномъ. Годъ былъ тяжелый и въ хлѣбѣ нуждались и казаки и черкесы, послѣдніе въ особенности. Хорошо извѣстный русскимъ властямъ князь Темиргой Черчановъ просилъ генерала Рашпиля оказать помощь подвластнымъ ему горцамъ, сильно нуждавшимся въ хлѣбѣ. Тогда Рашпиль рѣшилъ устроить черкесскую ярмарку, на которой горцы могли бы вымѣнять на свои произведенія хлѣбъ. Торжище это устроено было, подъ наблюденіемъ русскихъ властей и князя Черчанова, у Совинаго мѣнового двора, между Воронежскимъ и Подмогильнымъ постами. На ярмарку были допущены только ближайшіе къ Совиному мѣновому двору горцы, хорошо извѣстные Темиргою Черчанову. Абадзеховъ и шапсуговъ приказано было не допускать на ярмарку и, въ случаѣ появленія ихъ, подвергать аресту. Торгъ производился 7 и 8 апрѣля, и 9 апрѣля подполковникъ Быстрый-Лазаренко донесъ Рашпилю, что казаки вымѣняли 93 фуры мелкаго лѣса на хлѣбъ, а черкесы пріобрѣли взамѣнъ 211 мѣръ хлѣба. Горцы не могли, однако,

сбыть весь заготовленный ими для ярмарки лѣсъ, такъ какъ казаковъ, занятыхъ весенними полевыми работами, пріѣхало на ярмарку мало. Ярмарка, вслѣдствіе малаго оборота товаровъ, обратилась въ базаръ, да и условія были таковы. Помимо отвлеченія казаковъ полевыми работами, само казачье населеніе нуждалось въ хлѣбѣ и вывезти много хлѣба казаки не могли. Черезъ 12 дней, на 28 и 29 апрѣля, Рашпиль приказалъ подполковнику Быстрому-Лазаренкѣ повторить черкесскій базаръ у Совинаго пикета. На этотъ разъ съѣздъ былъ еще меньше, и черкесы вымѣняли за 31 фуру мелкаго лѣса 69 мѣръ хлѣба.

Въ маѣ мѣсяцѣ въ Екатеринодарѣ была Троицкая ярмарка. Погода стояла великолѣпная и съѣздъ ожидался громадный. Генералъ Рашпиль снова допустилъ горцевъ на ярмарку, и на этотъ разъ черкесы явились въ значительномъ количествѣ. Начальникъ черкесскаго стана на ярмаркѣ войсковой старшина Корсунъ въ своемъ донесеніи 12 іюня 1845 г. далъ подробное описаніе армарки. Къ утру 29 мая, къ дню открытія ярмарки, было уже 2590 арбъ, 250 вьючныхъ лошадей и 4085 черкесовъ, а на утро 30 мая до 4000 арбъ и 7000 черкесовъ. Затѣмъ съ каждымъ днемъ количество прибывающихъ черкесовъ увеличивалось. Все шло спокойно, въ порядкѣ. Русскія власти и сами черкесы находились въ повышенномъ настроеніи, точно совершали какое-то священнодѣйствіе. И, дѣйствительно, этотъ замѣчательный въ жизни двухъ сосѣднихъ народностей историческій случай мирнаго сближенія заклятыхъ враговъ носилъ торжественный характеръ. Въ первый же день появленія черкесовъ на ярмаркѣ войсковой старшина Корсунъ пригласилъ къ палаткамъ черкесскихъ старѣйшинъ, подъ наблюденіемъ которыхъ прибыли партіи горцевъ, и подробно объяснилъ имъ порядки, которыхъ должны были держаться черкесы на ярмаркѣ.

У огромной площади, загроможденной черкесскими арбами, вьюками и группами горцевъ стояли бѣлыя казачьи палатки, и у палатки воинскаго начальника возвышался огромный шестъ для поднятія флага. Когда утромъ 29 мая Корсунъ приказалъ барабанщику „ударить сборъ", всѣ черкесы огромною толпою хлынули къ палаткамъ. Корсунъ вызвалъ впередъ къ себѣ черкесскихъ старѣйшинъ и вмѣстѣ съ ними поднялъ флагъ. Крикъ: „Алла!" точно ударъ грома, прорѣзалъ черкесскую толпу. Горцы бросились къ своимъ арбамъ и стойбищамъ. Сюда же немедленно явились и покупатели, казаки. Начался торгъ. Торговались безъ переводчиковъ, съ помощью жестовъ и мимики. „Сату?" (мѣняешь?) спрашивалъ казакъ черкеса, указывая на возъ дровъ, на бурку или на тулукъ меда.—„Сату", утвердительно кивалъ головою черкесъ. На пальцахъ, поднятіемъ рукъ, отмѣриваніемъ шаговъ, коверканьемъ словъ устанавливались цѣны на предметы мѣны. Если этого было недостаточно, казакъ вынималъ деньги и показывалъ ихъ черкесу. Черкесъ отсчитывалъ такую сумму, во сколько цѣнилъ свой товаръ.

Если казакъ былъ согласенъ на цѣну горца, то этимъ торгъ и заключался; если же нѣтъ, то въ свою очередь отсчитывалъ столько денегъ, сколько онъ намѣренъ былъ дать и т. д. Въ концѣ концовъ казаки и черкесы сговаривались во всемъ до мельчайшихъ подробностей.

На ярмаркѣ были мирные и немирные черкесы. Съ послѣдними произошелъ интересный случай. Когда воинскій начальникъ Корсунъ спросилъ, сколько было на ярмаркѣ немирныхъ горцевъ, которыхъ могли приглашать съ собою мирные черкесы, то послѣдніе смущенно заявили ему, что непокорныхъ горцевъ было всего 65 человѣкъ. Корсунъ усомнился въ этомъ. И, дѣйствительно, показаніе мирныхъ черкесовъ было невѣроятно уменьшеннымъ. Торгующій въ Екатеринодарѣ армянинъ Никита Черкасовъ сообщилъ Корсуну, что къ нему пришли ночью два знакомыхъ шапсуга и просили спрятать ихъ, такъ какъ, по словамъ мирныхъ черкесовъ, русскіе хотѣли заманить непокорныхъ горцевъ безъ оружія къ себѣ и забрать всѣхъ ихъ въ плѣнъ. Корсунъ просилъ доставить ему этихъ шапсуговъ и постарался убѣдить ихъ въ нелѣпости пущеннаго мирными черкесами слуха. Онъ пригласилъ недовѣрчивыхъ шапсуговъ къ себѣ въ палатку, угощалъ ихъ и ухаживалъ за ними. Остальные непокорные горцы, видя такое обращеніе съ ихъ товарищами, сами стали являться къ Корсуну и когда собралась огромная толпа ихъ, то абадзехи и шапсуги спросили Корсуна: „въ плѣну ли они?“ Получивши въ отвѣтъ, что они гости русскихъ, горцы открыто тогда заявили, что немирныхъ шапсуговъ и абадзеховъ было на ярмаркѣ до 2500 человѣкъ.

Случай этотъ вызвалъ прекрасное настроеніе у горцевъ и казаковъ. Корсунъ старался всячески поддержать это настроеніе. Нѣсколько разъ къ ставкѣ являлся войсковой хоръ, приводившій своею игрою горцевъ въ восторгъ. Искренне, какъ дѣти, веселились эти суровые, закаленные въ бояхъ воины, устраивали свои національныя игрища и забавы и выказывали неподдѣльное удовольствіе. Все было продано горцами и они жалѣли только о томъ, что мало заготовили для ярмарки своихъ произведеній. На ярмарку явилось 7205 мирныхъ и 2595 немирныхъ горцевъ, т. е. почти 10 тысячъ человѣкъ. На 3341 арбѣ вывезенъ былъ на ярмарку крупный лѣсъ, и на 1650 арбахъ мелкій; для продажи было пригнано 120 головъ рогатаго скота и 80 лошадей; вывезены были на ярмарку разнаго рода продукты, черкесскія издѣлія и произведенія хозяйства. Всего черкесскаго добра продано было на 13550 рублей; купили же черкесы русскихъ товаровъ и вещей на 21504 рубля. Замѣчательно, что въ числѣ купленныхъ черкесами вещей, считавшихся у нихъ роскошью и рѣдкостью, оказались 4 бутылки водки, пріобрѣтенныхъ четырьмя шапсугами.

Но еще замѣчательнѣе та чисто архаическая добросовѣстность, съ какою выполнили черкесскіе старшины принятыя на себя обязательства. Начальникъ 3-й части кордонной линіи подполковникъ

Рашпиль донесъ 5 іюня 1845 г. генералу Рашпилю о слѣдующемъ поступкѣ старѣйшинъ шапсугскаго племени изъ рода Ачмезъ. Старѣйшины эти, по имени Слепсачь, Мусе и Эсланъ, были отвѣтственными лицами за партію шапсуговъ, бывшихъ на Екатеринодарской ярмаркѣ. Когда партія шапсуговъ перебралась черезъ Кубань и направилась обратно въ свои аулы, было обнаружено, что шапсугскій мальчикъ Нагой укралъ въ лавкѣ на ярмаркѣ одну штуку тяжины въ 18 аршинъ и топоръ. Старѣйшины немедленно отобрали у Нагоя эти вещи, явились на Великолагерный мѣновой дворъ и передали украденное смотрителю его войсковому старшинѣ Залѣзняку, съ извиненіями за допущенный неразумнымъ мальчикомъ проступокъ. Въ этомъ случаѣ несомнѣнно сказалась сила древнихъ черкесскихъ обычаевъ, адата. По черкесскому адату, обязательства выполнялись только тѣми лицами, которыя принимали присягу или давали обязательство. Когда это дѣлалъ весь народъ или племя и когда противная сторона была въ полномъ своемъ составѣ, тогда присяга и обязательства выполнялись свято и въ полномъ объемѣ. Въ данномъ случаѣ Слепсачь, Мусе и Эсманъ дали обязательство русскимъ властямъ объ охранѣ русскихъ вещей отъ покражи, и немедленно возвратили украденныя вещи, какъ только узнали о случаѣ покражи. Но если бы они этого не узнали, то остальные черкесы, какъ недавшіе непосредственно русскимъ обязательства, считали бы вправѣ Нагоя удержать у себя украденныя вещи.

Незнаніе этого обычая или игнорированіе его принесло не мало вреда русскимъ. Когда черкесы заключали миръ съ русскими и непосредственно затѣмъ начинали воровать у нихъ скотъ и производить грабежи, то свое право на воровство и грабежи у непріятеля они обосновывали на двухъ обстоятельствахъ—или на томъ, что производившіе воровство и грабежи не участвовали въ присягѣ, или же на томъ, что тѣ лица, у которыхъ производились воровство и грабежи, не участвовали въ данныхъ русскими властями черкесамъ обязательствахъ, а за нихъ сдѣлало это одно начальство. Такова была логика архаическихъ обычаевъ у черкесовъ, совершенно понятная при томъ строѣ жизни, какой у нихъ существовалъ, когда все вѣдалъ и рѣшалъ народъ, племя или даже часть его—родъ, и не было никакихъ племенныхъ или общественныхъ учрежденій.

Въ 1845 г. нужда въ хлѣбѣ у мирныхъ черкесовъ была такъ велика, что Рашпиль считалъ нужнымъ открыть имъ мѣновые дворы и пустить ихъ въ станицы для мѣны своихъ произведеній на казачій хлѣбъ. Такъ какъ неурожай и саранча лишили хлѣба и казаковъ, то Рашпиль предполагалъ купить хлѣбъ, преимущественно просо, на войсковыя средства и мѣнять на хлѣбъ и просо, какъ на соль, у черкесовъ лѣсъ. Но начальникъ Черноморской кордонной линіи Заводовскій разрѣшилъ производить эти операціи только при мѣновыхъ дворахъ, закрывши доступъ черкесамъ въ станицы. Тогда Рашпиль распорядился открыть въ четырехъ пунктахъ по Кубани

„вольные рынки“, назначивши на нихъ мѣну на 8, 15 и 22 іюля. Мѣста подъ рынки были избраны вдали отъ мѣновыхъ дворовъ и на вольные рынки воспрещено было являться смотрителямъ мѣновыхъ дворовъ или ихъ уполномоченнымъ, чтобы они не производили никакого давленія на мѣновыя операціи.

Вообще 1845 годъ наложилъ рѣзкій отпечатокъ на исторію мѣновыхъ отношеній казачества къ горцамъ. Въ интересахъ обѣихъ сторонъ генералъ Рашпиль испробовалъ всевозможные пріемы мѣновой торговли, чтобы крѣпче связались взаимные интересы обѣихъ сторонъ. Съ этого времени за черкесами какъ бы навсегда осталось право „на вольные базары“ и на доступъ къ русскимъ ярмаркамъ. Изъ года въ годъ черкесы стали посѣщать эти ярмарки въ Екатеринодарѣ, являясь на нихъ то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ, смотря по обстоятельствамъ—по погодѣ, урожаю, состоянію политическихъ дѣлъ и т. п. Такъ, въ октябрѣ 1846 г. на Покровскую ярмарку въ Екатеринодаръ явилось 2491 мирныхъ черкесовъ на 1387 арбахъ съ товаромъ на 4500 рублей, но ближайшіе къ Екатеринодару бжедухи не могли принять участія въ ярмаркѣ, такъ какъ были разорены наводненіемъ Кубани и везти на ярмарку имъ было нечего. Въ мартѣ 1847 г. на Благовѣщенскую ярмарку въ Екатеринодаръ прибыло 1664 хамышеевцевъ, 329 черченеевцевъ, 169 хатукаевцевъ и немного шапсуговъ. Почти столько же, 2125 горцевъ на 1332 арбахъ съ товаромъ на 4600 р. сер.,—было и въ весеннюю Троицкую ярмарку, и т. д. Казалось, что до поры до времени ярмарки вошли въ свою обычную колею, хотя и не носили характера торжищъ значительнаго размѣра.

Торговыя сдѣлки приняли вполнѣ опредѣленный характеръ, не смотря на натуральныя формы мѣны. Временами преобладали нѣкоторыя изъ нихъ. Такъ, на Покровской ярмаркѣ 1846 г. при незначительности вообще сдѣлокъ, рѣзко выдѣлялись случаи покупки черкесами лошадей и цѣннаго рогатаго скота для улучшенія своихъ породъ. Черкесы все также чинно, какъ и раньше, держали себя на ярмаркахъ и не покушались на чужое добро. Только на Троицкой ярмаркѣ 1846 г. 24 мая было обнаружено, что 28 черкесовъ украли 28 малоцѣнныхъ, но ярко раскрашенныхъ деревянныхъ чашекъ и 3 черкеса три мѣшка муки. Но это были случаи аналогичные съ кражей мальчика Нагоя. Ворами оказались черкесскіе парни, „байгуши“, буквально ничего не имѣвшіе и явившіеся пѣшими на ярмарку безъ всякихъ товаровъ, съ цѣлью поглазѣть. Краденныя вещи опять таки были возвращены хозяевамъ, а воры наказаны самими черкесами. На слѣдующія ярмарки, во избѣжаніе соблазна, совсѣмъ не были допущены „байгуши“ и пѣшеходы безъ товаровъ.

На Екатеринодарской ярмаркѣ допускались, главнымъ образомъ, мирные черкесы и, притомъ, ближайшіе къ Екатеринодару жители. На всей остальной линіи Черноморіи и Кавказской по Кубани дѣйствовали мѣновые дворы, и здѣсь мѣновая торговля велась зна-

чительно шире, чѣмъ въ одномъ Екатеринодарѣ. Предписаніемъ намѣстника на Кавказѣ на имя начальника Кавказской области 29 октября 1846 г. введены были новые порядки завѣдыванія мѣновыми дворами на всемъ Сѣверномъ Кавказѣ. Обязанности смотрителей возложены были на комиссаровъ, а тамъ, гдѣ не было комиссаровъ, оставлены были смотрители. Цѣна на соль для всѣхъ мѣновыхъ дворовъ назначена была 20 коп. за пудъ. Въ это время въ Черноморіи были мѣновые дворы Подмогильный, Константиновскій, Малолагерный, Екатеринодарскій, Алексѣевскій, Великолагерный и Екатерининскій, а на Старой и Новой Линіяхъ—Усть-Лабинскій, Прочноокопскій, Баталпашинскій, Темиргоевскій и Махошевскій. Кромѣ мѣновыхъ дворовъ существовало еще не мало мѣновыхъ пунктовъ. Нѣкоторые пункты возникали лишь на время и, когда оказывались ненужными, упразднялись. Послѣдніе два двора—Темиргоевскій и Махошевскій, просили открыть смежно съ землями махошевцевъ и темиргоевцевъ абадзехи. Открытіе ихъ, однако, встрѣтило на первыхъ порахъ нѣкоторыя препятствія.

Дѣло въ томъ, что бжедухскіе и хатукаевскіе князья, согласно установившимся мѣстнымъ порядкамъ, брали десятину съ тѣхъ, бывшихъ у нихъ въ подчиненіи, горцевъ, которые посѣщали мѣновые дворы въ предѣлахъ ихъ владѣній. Основываясь на этомъ, десятину, т. е. 1/10 долю стоимости привозимыхъ на мѣновые дворы товаровъ, могли потребовать съ абадзеховъ темиргоевцы и махошевцы. На это ни въ какомъ случаѣ не пошли бы гордые демократы—абадзехи. Чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія, начальникъ праваго фланга г.-м. Ковалевскій предложилъ командующему войсками платить небольшую пенсію двумъ старшимъ князьямъ Анчоку Богарсукову и Каербеку Болотокову, отъ которыхъ зависѣло допустить или не допустить свободную мѣновую торговлю для абадзеховъ на Темиргоевскомъ и Махошевскомъ мѣновыхъ дворахъ.

Съ открытіемъ Темиргоевскаго и Махошевскаго мѣновыхъ дворовъ торговля съ горцами пошла въ глубь горъ. Въ это время черкесы и особенно армяне начали примѣнять свои собственные пріемы мѣновой торговли, разъѣзжая по ауламъ мирныхъ горцевъ съ билетами русскихъ приставовъ и по ауламъ непокорныхъ горцевъ, съ разрѣшенія этихъ послѣднихъ. Ускользая въ обоихъ случаяхъ отъ надзора русскихъ властей, они стали торговать въ то-же время и людьми, покупая у однихъ горцевъ и продавая другимъ холоповъ, рабовъ, плѣнниковъ и плѣнницъ. Дерзость ярмянъ дошла до того, что торговлю людьми они перенесли даже на русскія ярмарки, напримѣръ въ г. Ставрополь. Генералъ Заводовскій воспретилъ эти сдѣлки, оставивши за черкесами лишь право перепродажи холоповъ въ своихъ аулахъ.

Съ 1849 г. произведены были новыя измѣненія мѣновой торговли казаковъ съ горцами. Мѣновые дворы снова отданы были въ откупъ войсковому старшинѣ Александру Посполитаки.

Посполитаки въ торговой и экономической области Черноморіи игралъ очень крупную роль. Онъ былъ откупщикомъ одновременно и винной монополіи, и рыболовныхъ войсковыхъ статей, и соляной промышленности, и почтовосодержательскаго дѣла, и монополистомъ мануфактурной торговли, и крупнымъ ростовщикомъ. Его вліяніе и связи въ торговой и административной сферахъ были такъ значительны, что онъ дѣлалъ буквально все, что хотѣлъ, и никто не осмѣливался съ нимъ тягаться. Бывали случаи, когда изъ за него теряли мѣста видные чиновники, а мелкихъ торговцевъ и предпринимателей онъ сплошь и рядомъ давилъ и разорялъ своимъ капиталомъ, благодаря административнымъ связямъ. По своему времени онъ считался однимъ изъ крупныхъ капиталистовъ на всемъ югѣ Россіи. И вотъ этотъ финансовый тузъ рѣшилъ прибрать къ своимъ рукамъ и мѣновую торговлю съ горцами.

Во главѣ Черноморскаго войска стоялъ въ это время генералъ Рашпиль, съ которымъ Посполитаки трудно было бороться, какъ съ человѣкомъ, энергично отстаивавшимъ интересы войска и казачества. Но съ свойственной Посполитаки хитростью онъ повелъ дѣло довольно политично. Сначала онъ обратился къ командующему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ графу Воронцову съ докладной запиской о неудовлетворительной постановкѣ дѣла мѣновой торговли съ горцами. Раскритиковавъ мѣновые дворы, какъ казенныя учрежденія, и дѣятельность смотрителей мѣновыхъ дворовъ, какъ чиновниковъ, онъ указалъ на преимущества въ комерческомъ дѣлѣ частной предпріимчивости и свободнаго капитала. Затѣмъ цифровыми данными о мѣновой торговлѣ за три года, допустивъ неточныя и натянутыя выкладки, онъ установилъ крайне ничтожный чистый доходъ отъ мѣновыхъ дворовъ. Послѣ этого онъ обратился къ графу Воронцову съ предложеніемъ своихъ услугъ. „Не чувство самохвальства, говоритъ онъ въ своей докладной запискѣ графу Воронцову, но безпредѣльное усердіе къ общественнымъ пользамъ, для чего я и посвятилъ остатокъ дней своихъ, заставляетъ меня увѣрить ваше сіятельство, что я употреблю всю силу своего ума, всю долговременную мою опытность, трудъ и капиталы для того, чтобы оправдать тѣ блестящія надежды, которыя подаетъ развитіе торговли съ горцами“. Безкорыстныя стремленія войскового паука сводились къ тому, чтобы за 7000 руб. въ годъ ему отданы были безъ торговъ, въ десятилѣтній откупъ всѣ мѣновые дворы въ Черноморіи.

Докладная записка передана была на заключеніе генералу Рашпилю, который, указавъ на невыгоды откупной системы торговаго дѣла для казаковъ и черкесовъ и на разрушеніе этимъ путемъ тѣхъ связей, какія исторически установились между русскими властями и пріѣзжавшими на мѣновые дворы горцами, рѣшительно высказался противъ отдачи мѣновой торговли въ откупъ. Посполитаки это, однако, не смутило. Онъ нашелъ ходы въ высшія сферы и получилъ въ откупъ мѣновую торговлю съ горцами, нѣсколько по-

ступившись своими первоначальными требованіями, согласился на 8 лѣтъ откупа, вмѣсто 10, и на 10000 р. арендной платы, вмѣсто 7000 р. На этихъ условіяхъ съ Посполитаки былъ заключенъ контрактъ, въ которомъ онъ въ достаточной мѣрѣ оградилъ свои интересы. Такъ, онъ выговорилъ себѣ разрѣшеніе открывать новые торговые пункты, право на кредитъ изъ войсковыхъ суммъ, обезпеченіе пастбищами и сѣнокосами лошадей и воловъ, на которыхъ привозились и отвозились товары на мѣновые дворы, охрану складовъ и операцій не только кордонной стражей, но и войсковымъ начальствомъ и т. п.

Послѣдствія скоро и ярко показали, какія цѣли въ дѣйствительности преслѣдовалъ Посполитаки. Въ 1850 г. ему приказали отдать цѣлый транспортъ нужныхъ товаровъ, неправильно заарестованныхъ имъ у нахичеванскаго мѣщанина Хонгурова. Въ 1851 г. къ графу Воронцову поступилъ отъ горцевъ цѣлый рядъ жалобъ на Посполитаки, обиравшаго и стѣснявшаго черкесовъ и казаковъ при мѣновой торговлѣ. Потребовалась посылка особаго чиновника для разслѣдованія дѣла и, несмотря на то, что посланный съ этой цѣлью надворный совѣтникъ Толстой всячески старался обѣлить Посполитаки, обнаружены были прямо невѣроятные пріемы эксплоатаціи откупщикомъ черкесовъ и казаковъ. Такъ, за арбу лѣса черкесы раньше получали отъ смотрителей мѣновыхъ дворовъ отъ 5 до 10 пудовъ соли, а откупщикъ отпускалъ имъ за это-же только 1 пудъ соли или 6 арш. рѣдкой ткани, негоднаго миткаля. Такъ расцѣнивались и другіе товары при мѣновыхъ сдѣлкахъ. Произволу Посполитаки скоро былъ положенъ, однако, предѣлъ. Въ январѣ 1852 г. торговля съ горцами на Кавказѣ Высочайшимъ повелѣніемъ признана была свободной и откупъ Посполитаки палъ самъ собою.

Впрочемъ, и до того непомѣрнымъ откупщичьимъ аппетитамъ Посполитаки мало благопріятствовали обстоятельства. Въ январѣ 1850 г. г.-л. Рашпиль разрѣшилъ открыть новый мѣновой дворъ при Елизаветинской батарейкѣ; а въ іюлѣ того же года гр. Воронцовъ приказалъ закрыть всѣ мѣновые дворы въ Черноморіи и по Лабинской линіи. Поводомъ къ такой мѣрѣ послужило поведеніе горцевъ, особенно мирныхъ. Подъ вліяніемъ агитаціи Магометъ-Амина, горцы всюду пришли въ крайнее возбужденіе. Противъ русскихъ готовились набѣги и назрѣвала вражда. Мирные горцы измѣняли Россіи и присягали Магометъ-Амину. Но когда вслѣдъ за прекращеніемъ мѣновой торговли русскихъ съ горцами, русскія войска стали готовиться къ наступательнымъ дѣйствіямъ, волновавшіеся горцы пришли въ смущеніе и живо почувствовали крайнее стѣсненіе отъ прекращенія мѣновыхъ операцій. Первыми забили тревогу бжедухи, отложившіеся въ числѣ другихъ племенъ отъ Россіи. Первенствующіе у хамышеевцевъ и черченеевцевъ бжедухскіе князья Пшемафъ Кончуковъ, Яндаръ Эльбуздокъ, Джанклышъ Гаджимуковъ, Аладжукъ Ахеджаковъ, Магамчерій Ахеджаковъ и болѣе

50 знатныхъ дворянъ пріѣхали 19 октября 1850 г. на Малолагерный постъ для объясненій къ генералу Рашпилю. Они откровенно заявили, что должны были признать власть Магометъ-Амина, вслѣдствіе своего безсилія, подъ давленіемъ преданнаго ему народа и что ждутъ только момента, когда поколеблется власть Магометъ-Амина, чтобы снова стать подданными Россіи. Но это были лишь добрыя пожеланія князей и дворянъ. Народъ, надѣявшійся на сверженіе ихъ власти и возстановленіе своихъ правъ, при помощи Магометъ-Амина, слѣпо повиновался ему. И только стѣсненія экономическія, отсутствіе самыхъ необходимыхъ предметовъ для жизни, особенно соли, происшедшее отъ закрытія русскими мѣновой торговли, могли поколебать это упорство массы въ поддержкѣ еще болѣе упорнаго агитатора. Въ ноябрѣ 1850 г., по ходатайству Рашпиля, бжедухамъ, оставшимся вѣрными Россіи, было разрѣшено отпустить по пуду соли на душу, но не изъ мѣновыхъ дворовъ, а изъ запаснаго магазина въ Екатеринодарѣ, и открыть мѣновую торговлю только въ Екатеринодарѣ.

Въ апрѣлѣ 1851 г. Рашпиль сообщилъ Заводовскому, что, въ теченіе всей зимы, бжедухскіе князья и дворяне не переставали вести самую энергичную агитацію противъ Магометъ-Амина. Нѣкоторые даже намѣревались идти войной и разорить аулы наиболѣе рьяныхъ приверженцевъ агитатора. Успѣхи русскихъ войскъ на р. Бѣлой поколебали авторитетъ Магометъ-Амина у абадзеховъ. Значительная часть бжедуховъ охладѣла къ Магометъ-Амину по тѣмъ же причинамъ и, главнымъ образомъ, подъ давленіемъ тяжелыхъ экономическихъ условій, созданныхъ закрытіемъ мѣновыхъ дворовъ и прекращеніемъ мѣновой торговли съ русскими. Предвидя близкое паденіе власти Магометъ-Амина, князья и дворяне заранѣе начали хлопотать о мирныхъ условіяхъ съ русскими. Въ отвѣтъ на это Рашпиль выработалъ проектъ условій, въ силу которыхъ бжедухи должны были отказаться отъ Магометъ-Амина, принять присягу Россіи, выселиться изъ ущелій на рѣчную долину Кубани и дѣйствовать оружіемъ съ русскими войсками противъ враждебныхъ Россіи горцевъ.

Въ августѣ 1851 г. князь Яндарь Эльбуздокъ просилъ Рашпиля принять его съ подданными подъ покровительство Россіи и предложилъ выдать русскимъ аманатовъ. На дѣлѣ, однако, оказалось, что подданные Эльбуздока почти поголовно были на сторонѣ Магометъ-Амина. Тѣмъ не менѣе, уступая просьбѣ Яндаря Эльбуздока, Рашпиль разрѣшилъ его подвластнымъ черкесамъ привозить въ Екатеринодаръ лѣсъ и брать въ обмѣнъ соль, чтобы привлечь на сторону Россіи бжедуховъ. Тогда же, 30 августа, посѣтилъ въ Екатеринодарѣ Рашпиля вліятельный шапсугскій старшина Гамирза Ротокъ, извѣстный своею приверженностью Россіи. По его словамъ, шапсуги хотя и прогнали съ своей земли Магометъ-Амина, но среди нихъ осталось еще много приверженцевъ посланника Шамиля.

Приверженцы эти стояли на томъ, что русскіе все таки враги шапсуговъ, лишающіе ихъ многихъ выгодъ и посягающіе на ихъ самостоятельность, а Магометъ-Аминъ былъ единовѣрецъ и другъ. Чтобы поколебать эту приверженность шапсуговъ къ Магометъ-Амину, Ротокъ совѣтовалъ открыть мѣновые дворы и начать отпускъ соли горцамъ, съ заявленіемъ въ особой прокламаціи о томъ, что сдѣлано это русскими властями для тѣхъ только горцевъ, которые прогнали Магометъ-Амина и отказались повиноваться ему.

Въ то же время бжедухскіе князья настоятельно стали требовать защиты у русскихъ и выразили желаніе переселиться ближе къ нимъ на Кубань. Въ сентябрѣ Заводовскій распорядился, чтобы бжедухскіе князья и дворяне собрались въ одно мѣсто, чтобы получить защиту отъ русскихъ. Возить лѣсъ на мѣновые дворы и въ Екатеринодаръ онъ запретилъ бжедухамъ до тѣхъ поръ, пока они на дѣлѣ не покажутъ своей приверженности Россіи, а продавать соль имъ разрѣшилъ только за деньги. Въ декабрѣ 1851 г. 16 ауловъ хамышеевцевъ и 27 ауловъ черченеевцевъ и адеміевцевъ присягнули Россіи и выдали 14 аманатовъ. Они просили Рашпиля объ отпускѣ соли и возстановленіи торговыхъ сношеній черкесовъ съ русскими; а Рашпиль послалъ представленіе въ этомъ духѣ Заводовскому. Въ январѣ 1852 г. графъ Воронцовъ запретилъ отпускать соль абадзехамъ, чтобы наказать ихъ за вѣроломное поведеніе. Одновременно покорившимся добровольно хамышеевцамъ, черченеевцамъ и адеміевцамъ онъ разрѣшилъ не только отпускать соль, но посѣщать мѣновые дворы.

Такимъ образомъ, въ 1852 г., когда палъ посполитакинскій откупъ мѣновой торговли, послѣдняя снова приняла то направленіе, въ какомъ она слагалась исторически. Съ этого времени мирные черкесы снова стали возить свои произведенія на мѣновые дворы, базары и пункты, получать въ обмѣнъ на свои товары соль и посѣщать екатеринодарскія ярмарки. Въ октябрѣ того же 1852 г. на Покровскую ярмарку мирными черкесами привезено было на 11630 руб. черкесскихъ товаровъ и произведеній и куплено на 5337 руб. предметовъ русской торговли. Съ этого времени и до шестидесятыхъ годовъ не произошло никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ въ мѣновой торговлѣ горцевъ съ черноморцами, при обычныхъ условіяхъ тогдашней неспокойной военной жизни.

Выгодами измѣнившихся обстоятельствъ пользовались, однако, одни мирные черкесы. Въ іюлѣ 1851 г. Рашпиль писалъ Заводовскому, что, послѣ ухода Магометъ-Амина отъ убыховъ, шапсуговъ и натухайцевъ, племена эти пришли въ крайнее волненіе. Въ концѣ іюня на р. Убынижъ былъ у нихъ общій съѣзъ для рѣшенія вопроса о томъ, нужно ли шапсугамъ и натухайцамъ приглашать къ себѣ Магометъ-Амина и дать ему, по примѣру прежнихъ лѣтъ, присягу и мутазиговъ. На съѣздѣ черкесы раздѣлились на двѣ партіи— за Магометъ-Амина и противъ него, и вопросъ объ отношеніяхъ

къ нему остался нерѣшеннымъ. Чтобы склонить на сторону Россіи колеблющихся горцевъ, Рашпиль предлагалъ дѣйствовать исключительно на ихъ экономическія потребности и личные интересы. Въ этихъ видахъ онъ считалъ возможнымъ дозволить извѣстнымъ уже своею приверженностью Россіи горцамъ посѣщать мѣновые дворы, извлекая черезъ нихъ выгоды отъ мѣновой торговли. Это несомнѣнно подѣйствуетъ заражающимъ образомъ и на другихъ шапсуговъ и натухайцевъ, особенно послѣднихъ, издавна привыкшихъ цѣнить выгоды торговли. Такимъ способомъ привлеченія горцевъ на сторону русскихъ можно совершенно разстроить партію Магометъ-Амина у шапсуговъ и натухайцевъ. На это командующій войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ Заводовскій отвѣтилъ Рашпилю: „до принятія покорности шапсугами, торговли дозволить нельзя, а, напротивъ, строго слѣдуетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы шапсугамъ фунта соли не доходило“.

Въ маѣ 1854 г. вице-адмиралъ Серебряковъ просилъ главнаго начальника по защитѣ береговъ Азовскаго и Чернаго по восточному его побережью морей наказнаго атамана Донского войска Хомутова открыть мѣновые дворы, такъ какъ нѣкоторыя укрѣпленія, напр. фортъ Раевскій и укрѣпленіе Гостагаевское, лишены были возможности пріобрѣтать съѣстные продукты, поставлявшіеся до того горцами, и, находясь въ изолированномъ положеніи, терпѣли крайнюю нужду въ этомъ отношеніи. Къ тому же закрытіе мѣновыхъ дворовъ лишило русскихъ возможности слѣдить за черкесами и имѣть среди нихъ преданныхъ лазутчиковъ. По приказанію Магометъ-Амина, были убиты два горца, какъ русскіе лазутчики, при чемъ уликой противъ нихъ послужило то обстоятельство, что они посѣщали укрѣпленія, мѣновые дворы которыхъ были закрыты для горцевъ. Ѣздить убитымъ туда было не за чѣмъ, если бы они не шпіонили. Но представленію вице-адмирала Серебрякова суждено было остаться безрезультатнымъ, въ виду надвинувшихся неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ. Скоро затѣмъ началась война Россіи съ Турціей и ея союзниками англичанами, французами и итальянцами. Пришлось не только закрыть мѣновые дворы, но оставить или даже срыть нѣкоторыя укрѣпленія, при которыхъ они находились.

Глава XXIV.

СВОИ ГОРЦЫ.

Съ самого занятія Прикубанскаго Края, высшая русская администрація, петербургскіе сановники и Государи Павелъ и Александръ I старались всячески „задобрить“ черкесовъ и сдѣлать ихъ мирными, безвредными сосѣдями или даже союзниками. Черкесскіе бѣглецы преспокойно укрывались на правой сторонѣ Кубани между казаками. При междоусобіяхъ черкесовъ русскіе оказывали помощь людьми и артиллеріей той сторонѣ, которая тянула къ Россіи. Разрѣшены были цѣлымъ auламъ поселенія на казачьихъ земляхъ. Наиболѣе вліятельные между черкесами князья и дворяне получали подарки и денежныя награды. За черкесами ухаживали и естественно, что часть ихъ льнула въ свою очередь къ Россіи, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ побужденій и главнымъ образомъ личной выгоды.

Первое сближеніе русскихъ съ черкесами произошло на шаткой почвѣ. Одновременно съ заселеніемъ Черноморіи, въ горахъ между черкесами шла ожесточенная борьба классоваго характера. Дворяне боролись съ чернью изъ за власти и независимости. Сильная по численности черкесская демократія одолѣла князей и дворянъ. Послѣдніе обращались за помощью къ русскимъ, неоднократно получали ее, и казаки такимъ образомъ сразу поставлены были въ ложное положеніе невольныхъ враговъ черкесскаго народа. Это дорого стоило намъ впослѣдствіи. Наши сторонники стали потомъ нашими же пенсіонерами, а противники самыми ожесточенными врагами. Однихъ пришлось защищать и ублаготворять, а съ другими вести борьбу не на животъ, а на смерть; но первые, стѣсняя впослѣдствіи въ землепользованіи казачьи станицы, неоднократно служили проводниками для горцевъ, дѣлавшихъ набѣги на Черноморію, а вторые злостно мстили казакамъ.

Еще въ концѣ XVIII столѣтіи послѣдовалъ цѣлый рядъ просьбъ отъ черкесскихъ князей и дворянъ о переселеніи ихъ на правую сторону Кубани на казачьи земли. Такъ, въ январѣ 1800 г., по Высочайшему повелѣнію, были поселены близъ Ангелинки, на разстояніи 60 верстъ отъ Кубани, Селимъ-Гирей съ 39 подданными и Али съ 75 подданными. Въ трехъ верстахъ отъ Кубани поселены были 1486 черкесовъ, подданныхъ Явбукъ-Бея, измѣнившаго впослѣдствіи русскимъ. Съ такими же просьбами обращались къ атаману и другіе князья и дворяне. Но съ февраля 1800 г., указомъ Императора Павла, воспрещено было переселять горцевъ на казачью территорію, въ виду непостоянства ихъ и частыхъ переходовъ съ казачьихъ земель на черкесскія. Позже черкесскихъ дворянъ не

принимали въ подданство Россіи изъ политическихъ соображеній, не желая нарушать добрыя отношенія съ Турціей. Въ 1801 году, по распоряженію генерала-отъ-кавалеріи Михельсона, разрѣшено было переселиться въ Черноморію брату султана Али-Шеретлукъ-оглы, жившему уже въ Черноморіи и служившему вмѣстѣ съ своими подданными и армянами въ войскѣ. Комитетъ министровъ постановилъ 10 апрѣля 1817 г., согласно указаніямъ Государя Императора, поселить въ Черноморіи двухъ черкесскихъ владѣльцевъ— Норча и Цогонизъ Немери, давши одному изъ нихъ землю подъ хуторъ на нашей сторонѣ и не подвергая ихъ никакимъ денежнымъ налогамъ и повинностямъ, въ видахъ привлеченія въ наши предѣлы другихъ горцевъ.

Другую группу горскаго населенія представляли татары или ногайцы. Когда-то властители черкесовъ, въ позднѣйшее время они сами попали въ зависимое положеніе и жили среди черкесскихъ племенъ, какъ народность чуждая имъ по національности и языку. Съ ногайцами не церемонились ни черкесы, ни турки. Въ ноябрѣ 1796 г. пять ногайскихъ всадниковъ явились къ казакамъ на Кубань и просили дать имъ лодокъ, чтобы переправить на русскую сторону 500 душъ ногайскаго населенія, бѣжавшаго подъ вліяніемъ паники, которая произведена была между ними анапскимъ пашею, приказавшимъ отрубить головы двумъ братьямъ ногайскаго султана. Въ октябрѣ 1800 г. генералъ Михельсонъ предписалъ Бурсаку поселить 46 душъ ногайцевъ и Калмыкъ-Мирзу съ нѣсколькими семействами на правой сторонѣ Кубани между казаками. Въ августѣ того же года, по донесенію поручика Леды, татары силою переправились на правую сторону Кубани и не захотѣли возвратиться обратно. Леда вынужденъ былъ направить ихъ въ карантинъ. Такіе случаи повторялись неоднократно. Въ мартѣ 1801 г. была принята въ Черноморіи часть бѣглецовъ, а 8 мая того же года генералъ Михельсонъ приказалъ Бурсаку не допускать переселеній въ Черноморію ногайцевъ изъ за Кубани, въ видахъ сохраненія дружественныхъ отношеній съ Турціей. Это была воля Императора Павла.

Прошло два года и ногайцы снова начали переселяться въ Черноморію. Въ іюлѣ 1803 г. войсковая канцелярія донесла Таврическому губернатору Милорадовичу, что, согласно его распоряженію, вышедшія изъ за Кубани 150 душъ ногайцевъ временно поселены между Темрюкомъ и Таманью по берегу Азовскаго моря. Черезъ пять дней, 10 іюля вышло еще 314 душъ татаръ изъ за Кубани въ Черноморію. Обѣ партіи бѣглецовъ предназначены были къ переселенію черезъ Крымъ въ Мелитопольскій уѣздъ, и распоряженіе объ этомъ было сдѣлано 16 сентября 1803 г.

Но сами татары отказались идти въ Крымъ съ осени, такъ какъ они запаслись уже здѣсь кормами для скота и рѣшили перезимовать у Ахтанизовскаго лимана, а весною переселиться въ Мелитопольскій уѣздъ. Настала весна 1804 г., но татары и не

думали двигаться съ мѣста. Они рѣшительно заявили, что пусть ихъ всѣхъ разберутъ по рукамъ или вырѣжутъ, а добровольно они не пойдутъ на Молочныя воды. Уходя изъ за Кубани черезъ Бугазъ, они имѣли въ виду Черноморію. Если же начальство опасается съ ихъ стороны вѣроломства, вслѣдствіе близости ихъ къ Кубани, то они охотно перейдутъ на новыя мѣста къ сѣверу по Азовскому побережью. Въ ноябрѣ этого года, по повелѣнію Александра I-го, имъ разрѣшено было занять Сѣверо-восточную косу по Азовскому берегу на разстояніи 100 верстъ отъ Кубани. Ассесоръ Гельдишъ сообщилъ 2 іюля 1805 г. войсковой канцеляріи, что, согласно распоряженію начальства, онъ отвелъ на Сѣверо-восточной косѣ Таманскаго полуострова площадь земли размѣромъ 30 верстъ длиной и 20 верстъ шириной для временнаго поселенія вышедшихъ изъ горъ на Таманскій полуостровъ ногайцевъ и татаръ.

Все это время ногайцы получали казенный провіантъ и имъ отпущено было по 23 марта 1806 г. 7247 гарнцевъ хлѣба. Расходъ этотъ казна должна была принять на свой счетъ, но войсковая канцелярія показала по 5 р. за четверть ржи и по 7 р. за четверть пшеницы, настолько высокія цѣны на провіантъ, что Ришелье, усомнившись въ ихъ дѣйствительности, приказалъ разслѣдовать причины столь высокихъ цѣнъ на хлѣбъ. Бурсакъ съумѣлъ понизить ихъ, дѣло было улажено и атаманъ получилъ за это благодарность отъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ апрѣлѣ 1806 г. ногайцамъ, по распоряженію Ришелье, предложено было избрать родъ жизни—или записаться въ казаки, или же заняться земледѣліемъ и хозяйствомъ, для чего и переселиться на Молочныя воды. Тогда же часть изъ нихъ изъявила желаніе перейти въ Мелитопольскій уѣздъ, а часть на свободныя степи къ Кизляру. Только Бекъ-Мурза и Селимъ-Гирей пожелали перейти въ казаки вмѣстѣ съ своими подданными и остаться на Таманскомъ полуостровѣ. Ришелье совѣтовалъ, однако, Бурсаку склонить и ихъ къ переселенію на Молочныя воды.

Этимъ дѣло не ограничилось. Ногайцы продолжали переходить въ Черноморію и въ послѣдующіе затѣмъ годы. Изъ донесенія ногайца Шамъ-оглу-Бекъ-Мурзы-бая Бурсаку видно, что въ 1809 г. на Таманскомъ полуостровѣ находились со скотомъ и имуществомъ ногайцы, вышедшіе изъ за Кубани, чтобы избавиться отъ черкесскихъ грабежей. Одни изъ нихъ желали переселиться въ Крымъ, другіе остаться на Тамани или въ Черноморіи и только незначительная часть ихъ изъявила готовность возвратиться за Кубань. Указомъ 22 марта 1810 г., за подписью Александра I, повелѣно было жившихъ на Таманскомъ полуостровѣ ногайцевъ освободить отъ казенныхъ повинностей, установленныхъ таврической казенной экспедиціей, и зачислить въ сословіе черноморскихъ казаковъ.

Въ это время въ Черноморіи черкесы и татары жили аулами въ трехъ мѣстахъ. На косѣ Чушкѣ существовалъ аулъ Татарскія

Адды, основанный въ 1803 г.; близъ куреня Новонижестебліевскаго, при Ангелинскомъ ерикѣ, жили особымъ ауломъ 359 душъ ногайцевъ, поселенныхъ здѣсь съ 1798 г. и особымъ ауломъ 177 черкесовъ. Къ этимъ кореннымъ селеніямъ примыкали впослѣдствіи и другіе выходцы изъ горъ. Въ апрѣлѣ 1815 г. княземъ Ханукомъ были выведены изъ горъ 207 черкесскихъ подданныхъ, желавшихъ заниматься у него на хуторѣ въ Черноморіи хлѣбопашествомъ. Затѣмъ 23 мая того же года къ Хануку перешла изъ горъ семья армянина Меликова съ двуми сыновьями и тещей; а 2 іюня Ханукъ доставилъ въ карантинъ подданную дѣвушку Ганифу съ матерью и братомъ. Къ Хануку бѣжало вообще много черкесовъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ 25 іюля 1814 г. ушли изъ горъ два черкеса съ матерью. Въ пути они потеряли кожаную подушку, набитую перьями. Явилось подозрѣніе, что она кѣмъ-то если не украдена, то присвоена. По этому поводу завязалась длинная переписка въ разныхъ учрежденіяхъ и произведенъ былъ розыскъ. Когда же выяснилось, что „сокрытіе подушки" совершилъ казакъ Кулешъ, то его приказано было властями наказать 25 ударами палокъ. Подушка была возвращена бѣжавшимъ черкесамъ и сами черкесы съ матерью поселились у Ханука. Въ такихъ случаяхъ казачьи власти заботились не только о розыскѣ подушекъ, но и о болѣе важныхъ и интимныхъ сторонахъ жизни черкесскихъ переселенцевъ. Такъ, 13 января 1811 г. Таманское земское начальство донесло войсковому атаману Бурсаку, что бывшія на воспитаніи у черкесовъ 5 абазинокъ и черкешенокъ вышли замужъ за черкесовъ же и одна за турка. Казачьи власти при этомъ заявили мужьямъ и женамъ ихъ, что послѣднія свободны и никто не имѣетъ права на порабощеніе ихъ, отъ чего русское начальство будетъ защищать ихъ.

Но переселившіеся на казачьи земли черкесы не оставили свойственнаго всѣмъ людямъ стремленія къ единенію съ соплеменниками. Живя на казачьихъ земляхъ и считаясь русскими подданными, они продолжали вести сношенія съ немирными горцами, враждовавшими съ казаками. Это, понятно, было недопустимо прежде всего въ военныхъ цѣляхъ. Въ письмѣ къ войсковому атаману Бурсаку Дюкъ-де-Ришелье писалъ 4 августа 1815 г. о необходимости переселенія черкесовъ, жившихъ въ Черноморіи, въ Крымъ, такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ мирныхъ сосѣдей казаковъ служили проводниками для хищническихъ шаекъ горцевъ, производившихъ набѣги на Черноморію. Такого же взгляда на мирныхъ черкесовъ, жившихъ на казачьихъ земляхъ, держалась и войсковая администрація, желавшая переселенія ихъ подальше отъ Кубани въ степи и хлопотавшая объ этомъ. Но и со стороны черкесовъ были проявлены случаи приверженности если не къ Россіи, то къ тѣмъ условіямъ, при которыхъ низшему классу черкесовъ жилось въ Россіи лучше, чѣмъ въ горахъ. Въ 1815 г. черкесскаго юношу Гусаима, жившаго въ селѣ Чушка на Таманскомъ полуостровѣ, подговорилъ Султанъ-

Али, жившій также у русскихъ, сопровождать послѣдняго въ Екатеринодаръ. Уѣзжая изъ Екатеринодара, Султанъ предложилъ Гусаиму бѣжать за Кубань, захватить тамъ людей Султана и снова возвратиться на Черноморію, соблазняя Гусаима тѣмъ, что онъ увидитъ тамъ у шапсуговъ свою мать. Гусаимъ послѣдовалъ совѣту Султана, но когда на мѣстѣ узналъ, что мать его уже умерла, то въ ту же ночь бѣжалъ къ русскимъ, съ рискомъ мщенія со стороны горцевъ.

Въ ноябрѣ 1820 г. Ермоловъ секретно извѣстилъ войскового атамана, что онъ не можетъ удовлетворить просьбы войсковой канцеляріи о переселеніи внутрь Россіи татаръ и мурзъ, перешедшихъ въ Черноморію въ 1803 и 1804 годахъ и перечисленныхъ въ войсковое сословіе въ 1810 г. Считая основательнымъ заключеніе канцеляріи о томъ, что горцы, пользуясь всѣми выгодами войска, не хотятъ нести военной службы и охранять границы и что при случаѣ они, какъ перебѣжчики, могутъ причинить казачьему населенію много бѣдъ или снова переселиться въ горы,—Ермоловъ тѣмъ не менѣе рекомендовалъ войсковому начальству дѣйствовать осторожно и удержать пока татаръ на мѣстѣ. И войсковая администрація, придерживаясь этого указанія, позволяла уходъ мирнаго черкесскаго населенія только для отдѣльныхъ лицъ и въ исключительныхъ случаяхъ. Такъ, въ августѣ 1822 г. жена умершаго полковника султана Али-Шеретлукъ-оглы Мамерханъ просила у войскового начальства разрѣшенія выдать дочь замужъ за закубанскаго князя Давлетъ-Гирея Авбеша, такъ какъ у черкесовъ на Черноморіи не было подходящей для нея партіи. Сама же Мамерханъ съ двумя сыновьями, изъ которыхъ одинъ служитъ въ войскѣ сотеннымъ есауломъ, и другою дочерью останется по прежнему въ имѣніи мужа, находящемся возлѣ Гривенскаго селенія, и будетъ заниматься здѣсь учительствомъ. Просьба эта была удовлетворена, такъ какъ потеря въ черкесскомъ населеніи Черноморіи была незначительная и, притомъ, дочь Мамерханъ, живя между не мирными черкесами, скорѣе будетъ союзницею черноморскихъ черкесовъ, а не врагомъ ихъ.

Скоро измѣнилъ свой взглядъ на мирныхъ черкесовъ Черноморіи и генералъ Ермоловъ. Такъ какъ и черкесы, и татары, жившіе недалеко отъ Кубани, явно поддерживали враждебныхъ Россіи горцевъ, при ихъ набѣгахъ на Черноморію, то въ 1823 г., по приказанію Ермолова, было сдѣлано распоряженіе о переселеніи мирныхъ черноморскихъ черкесовъ и татаръ въ Ейскій округъ, подальше отъ Кубанской границы. Распоряженіе это не ушло, однако, дальше той бумаги, на которую было занесено. Татары продолжали жить на прежнихъ мѣстахъ въ Черноморіи. Мало того. Они не только не хотѣли переходить съ занятыхъ ими мѣстъ, но, какъ видно изъ переписки за 1823 годъ, не несли рѣшительно никакихъ повинностей и отказывались вообще отъ всякой службы въ войскѣ и внѣ его. Въ это время и возникло предположеніе переселить татаръ на р. Ясени на Широкую Балку, туда, гдѣ находится

теперь Ясенская станица. Въ Черноморію вообще переселялись христіане-инородцы, жившіе въ горахъ среди черкесовъ. Въ 1823 г. грекъ Тимтимировъ и трое армянъ, изъявившихъ желаніе переселиться въ Черноморію, не могли выполнить этого намѣренія, потому что имѣли крѣпостныхъ крестьянъ, которыхъ не могли взять съ собою, безъ военной силы, такъ какъ тайно они не пошли бы съ своими хозяевами и выдали бы ихъ черкесамъ головою, а явно не пустили бы ихъ черкесы.

Съ другой стороны, какъ турки въ роли покровителей адигскаго народа, такъ и представители независимыхъ черкесскихъ племенъ выражали претензію русскимъ, принимавшимъ черкесскихъ выходцевъ на казачьи земли. Въ сентябрѣ 1826 г. Гассанъ-паша писалъ генералу Сысоеву изъ Анапы, что Исламъ-Гирей-оглу-Султанъ, живущій въ Черноморіи, или князь Ханукъ, какъ называли его черноморцы, ѣздилъ изъ Черноморіи въ горы къ темиргоевцамъ и сманилъ у дворянина Чамонъ-оглу-Чора 12 душъ ясыря. Паша просилъ русскаго генерала разслѣдовать обстоятельства этого дѣла и возвратить дворянину Чора его ясырей. Генералъ Емануель, какъ главный начальникъ въ краѣ, отвѣтилъ анапскому пашѣ, что 12 душъ ясыря были отданы дворяниномъ Чора въ видѣ вознагражденія войсковому старшинѣ Исламъ-Гирею-Хануку за убійство дворянина Чеветека, и отказалъ въ просьбѣ возвратить ясырь Чора. Въ томъ же году абадзехскіе князья и старшины писали командующему особымъ корпусомъ на Кавказѣ: „истинный нашъ благопріятель князь! турецкій дворъ твердо предписалъ намъ не предпринимать военныхъ дѣйствій противъ русскихъ, и мы соблюдаемъ миръ; но русскія войска переселяютъ съ горъ къ р. Кубани темиргоевцевъ. Когда узнали объ этомъ другіе черкесы, то всѣ рѣшили идти на выручку къ темиргоевцамъ противъ русскихъ; но потомъ передумали и поручили написать вамъ, князь, и просить васъ возвратить на прежнія мѣста темиргоевцевъ“. Эта просьба сопровождалась длинною сентенціей въ восточномъ духѣ о томъ, что они, черкесскія князья, служатъ своему государю—Султану, а главнокомандующій, русскій князь, служитъ своему Государю—Русскому Царю, и что въ интересахъ государей слѣдуетъ возвратить темиргоевцевъ въ горы для поддержанія мира между черкесами и русскими.

Главнокомандующій, въ вѣжливыхъ выраженіяхъ, отвѣтилъ, что русскіе искренне желаютъ мира и добраго согласія съ черкесами. Что же касается угрозы о нападеніи черкесовъ на русскія владѣнія, то русскія войска не боятся нападеній и всегда съумѣютъ отразить ихъ. Темиргоевцевъ никто изъ русскихъ не понуждалъ къ выселенію съ горъ. Это была ихъ добрая воля, и они просили русское начальство помочь имъ и обезпечить безпрепятственное переселеніе, на что получили согласіе отъ русскихъ властей, и русскія власти обязаны, поэтому, защищать ихъ. Въ заключеніе главнокомандующій выразилъ согласіе оставить разрѣшеніе этого вопроса до возвра-

щенія изъ Турціи Хаджи-Гасанъ-паши Чекенъ-оглу, анапскаго коменданта и уполномоченнаго Турціи по защитѣ интересовъ горцевъ.

Между тѣмъ мысль о выселеніи мирныхъ черкесовъ, жившихъ въ Черноморіи, съ прикубанскихъ земель въ степи подальше отъ Кубани назрѣвала все болѣе и болѣе въ правящихъ кругахъ Сѣвернаго Кавказа и Черноморіи. Въ 1830 г. князь Паскевичъ предложилъ черезъ генерала Вельяминова атаману Черноморскаго казачьяго войска переселить черкесовъ и татаръ изъ ауловъ, расположенныхъ около границъ, внутрь войска, если не встрѣтится какихъ либо серьезныхъ препятствій къ тому. Начальникъ Черноморской кордонной линіи генералъ Власовъ съ своей стороны полагалъ, что надежныхъ черкесовъ и татаръ слѣдовало бы назначать на службу по кордонной линіи, а ненадежныхъ посылать на службу въ Царство Польское. По мысли наказнаго атамана Безкровнаго, мирныхъ черкесовъ и татаръ надлежало поселить по р. Кугоеѣ, а по мнѣнію генерала Власова, на р. Ясеняхъ. Въ это время, по отзыву войсковой администраціи, черкесы и татары жили въ Гривенскомъ аулѣ и въ татарскомъ аулѣ Адды, совсѣмъ не несли обязательной военной службы, не платили податей и не отправляли никакихъ общественныхъ повинностей, но небезуспѣшно занимались на казачьихъ земляхъ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. И только незначительная часть горцевъ несла военную службу въ качествѣ охотниковъ-добровольцевъ.

Но относясь такимъ образомъ къ своимъ мѣстнымъ черкесамъ, войсковая администрація не переставала привлекать на казачьи земли выходцевъ изъ за Кубани, особенно людей вліятельныхъ въ средѣ черкесовъ. Однимъ изъ такихъ желательныхъ для войска переселенцевъ былъ шапсугскій дворянинъ Аббатъ Бесленей. Этотъ знатный дворянинъ пользовался въ свое время громаднѣйшимъ вліяніемъ среди горцевъ и былъ самымъ заклятымъ врагомъ русскихъ. Неоднократно, вмѣстѣ съ извѣстнымъ черкесскимъ вожакомъ-наѣздникомъ Казбичемъ, онъ водилъ черкесскія полчища на Черноморію и причинялъ не мало вреда ея жителямъ и войскамъ. Впослѣдствіи онъ перешелъ на почву политическаго служенія черкесской народности и дѣятельно хлопоталъ о помощи черкесамъ со стороны единовѣрной имъ Турціи. Въ этомъ отношеніи Аббатъ Бесленей былъ для шапсуговъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Сеферъ-бей Заноко для натухайцевъ; но оба они одинаково пользовались большой популярностью между всѣми черкесскими племенами. Убѣдившись въ невозможности обезпечить политическій бытъ черкесскихъ народностей при помощи Турціи, видѣвшей въ черкесахъ только подходящій матеріалъ для военныхъ цѣлей при борьбѣ съ русскими, Аббатъ Бесленей и Сеферъ-бей рѣшили перейти на сторону Россіи, которая, по ихъ мнѣнію, одна только могла водворить въ разрозненныхъ и неблагоустроенныхъ черкесскихъ племенахъ порядки, обезпечивающіе собственность и спокойную мирную жизнь. Съ начала тридцатыхъ

годовъ оба политическихъ дѣятеля адигскаго народа стали дѣйствовать въ этомъ направленіи. По ихъ мысли были устроены Геленджикское укрѣпленіе и рядъ укрѣпленій между Геленджикомъ и Черноморіей. Такимъ путемъ имѣлось въ виду подчинить русскому вліянію натухайское племя, къ составу котораго принадлежалъ и Сеферъ-бей.

Но шапсугъ Бесленей былъ послѣдовательнѣе Сеферъ-бея. Онъ сразу же рѣшилъ не только искать помощи у Россіи, но и перейти въ число ея подданныхъ и переселиться въ предѣлы русскихъ владѣній. Это избавляло его отъ того фальшиваго положенія, ктоторое онъ занималъ среди шапсуговъ, заклятыхъ враговъ всего русскаго, какъ вождь, когда-то производившій набѣги на казачьи земли. Интересную страничку въ исторіи адигскаго народа представляетъ это переселеніе къ русскимъ знатнаго и вліятельнаго шапсугскаго дворянина. Онъ шелъ къ русскимъ не одинъ, а съ своими подданными, хорошо понимая, что крѣпостной строй жизни легко могъ быть разрушенъ вольнолюбивыми черкесами и былъ крѣпокъ на Руси. Русскія власти могли обезпечить этотъ желательный для Аббата Бесленея экономическій укладъ жизни.

Переселеніе Аббата Бесленея въ русскія владѣнія было соединено съ серьезными препятствіями. Сначала генералъ Емануель предполагалъ поселить Бесленея на лѣвомъ берегу Кубани близъ русскихъ, взявши съ него присягу и аманатовъ. Распоряженіе это было сдѣлано въ 1830 г. Но самъ Аббатъ Бесленей желалъ совсѣмъ укрыться отъ горцевъ въ русскихъ владѣніяхъ. Шапсуги отнеслись къ нему враждебно и завладѣли даже его семьей. Въ октябрѣ 1831 г., по сообщенію капитана Новицкаго, Бесленей отправился въ горы для освобожденія изъ плѣна жены своей. Возвращаясь обратно съ женою, онъ былъ захваченъ шапсугами въ плѣнъ на р. Антхыръ и заключенъ въ оковы на р. Абинъ. Сначала горцы обвиняли его, какъ виновника экспедиціи русскихъ на р. Афипсъ. Бесленей резонно возразилъ, что экспедиція русскихъ была вызвана нарушеніемъ шапсугами присяги, данной русскимъ, и была карой за это, къ чему лично онъ ни въ коемъ случаѣ не могъ имѣть какое-либо отношеніе. Тогда шапсуги потребовали, чтобы Бесленей представилъ за себя 12 поручителей изъ знатныхъ соплеменниковъ. Бесленей сдѣлалъ это, и шапсуги оставили его на свободѣ. Когда же Бесленей сталъ укрѣпляться въ своемъ аулѣ и на вопросъ шапсуговъ о причинѣ этого поступка съ его стороны отвѣтилъ, что онъ укрѣпляется „для защиты отъ враговъ"; то шапсуги рѣшили овладѣть имъ силою въ его укрѣпленіи. На сторону Бесленея стали натухайцы, пріятели и преданные ему слуги. Началась осада аула. Цѣлыхъ 20 дней онъ защищался съ ними отъ шапсуговъ въ своемъ укрѣпленномъ аулѣ. Чтобы взять аулъ, шапсуги достали двѣ пушки и пустили ихъ въ дѣло. Аббатъ Бесленей не сдавался, однако, и только недостатокъ съѣстныхъ припасовъ заставилъ его сложить оружіе. Аббатъ Бесле-

ней снова надѣлъ самъ на себя кандалы и отданъ былъ на поручительство десяти знатнымъ шапсугамъ. Впослѣдствіи сторонникъ Бесленея Харата Ногай снялъ съ него кандалы и помогъ бѣжать сначала въ Суджукъ-кале, а отсюда въ Анапу.

За 1831 годъ сохранилась въ Кубанскомъ войсковомъ архивѣ переписка о переселеніи въ Черноморію прапорщика Аббата Бесленея съ 60 семействами черезъ Анапу и Суджукъ-кале. Въ рапортѣ министерскаго чиновника Тауша отъ 19 мая 1832 г. генералу Берхману изложенъ планъ перевоза семьи Аббата Бесленея или его братьевъ на судахъ моремъ въ Черноморію. Въ это время начальникомъ флотиліи, находившейся въ Геленджикѣ, былъ капитанъ-лейтенантъ Романовичъ. Въ его распоряженіи были катера „Жаворонокъ“ и „Ласточка“ и транспортъ „Ревнитель“. На этихъ судахъ моряки развозили обыкновенно людей, провіантъ, боевые припасы и пр. въ Геленджикъ, Новороссійскъ и въ др. мѣста; на одномъ изъ этихъ судовъ предположено было перевезти и фамилію Бесленеевъ. Въ тоже время Аббатъ Бесленей прислалъ въ Геленджикъ извѣстіе, что въ Суджукъ-кале было большое собраніе горцевъ, которые отправили народную депутацію—князя Сеферъ-бея съ четырьмя знатными дворянами къ султану черезъ Трапезундъ съ ходатайствомъ объ обезпеченіи вольной торговли турецкимъ купцамъ на черкесскихъ берегахъ.

Какъ показываетъ случай съ переселеніемъ въ Черноморію Аббата Бесленея, переходъ знатныхъ горцевъ къ русскимъ былъ соединенъ съ серьезными затрудненіями. Черкесы дѣлали большія препятствія даже при переселеніяхъ горцевъ изъ горныхъ мѣстностей ближе къ Кубани, на границу съ русскими владѣніями. Такъ, въ апрѣлѣ 1832 г. 215 семействъ бжедуховъ князя Маметъ-Гирея могли быть переселены на Кубань при содѣйствіи лишь русскаго оружія. Съ этою цѣлью былъ организованъ цѣлый отрядъ, подъ прикрытіемъ котораго и перешли на Кубань четыре аула бжедуховъ, обитавшихъ до того времени въ горахъ. Въ 1832 г. былъ пропущенъ въ Черноморію другой черкесскій владѣлецъ—Пшекуй съ подвластными ему горцами. Въ томъ же году, рапортомъ 9 мая, Заводовскій спрашивалъ у Вельяминова разрѣшенія поселить въ Гривенскомъ аулѣ, согласно прежнему распоряженію о заселеніи горцами Черноморіи, хамышеевскаго владѣльца Бея Тараханука Шумафа съ 5 душ. семьи, съ двумя уорками, 12 душъ подданныхъ и съ ауломъ горцевъ въ 140 д. муж. пола и 100 д. женскаго. Шумафъ хотѣлъ было снова уйти въ горы, такъ какъ ему не позволено было устроить хутора близъ станицы Васюринской. Когда войсковая администрація узнала о намѣреніи Шумафа, то предложила ему избрать гдѣ нибудь другое удобное мѣсто для поселенія. Если же онъ самовольно уйдетъ въ горы, то онъ будетъ считаться измѣнникомъ Россіи.

Но между тѣмъ какъ съ каждымъ годомъ увеличивался притокъ горцевъ въ Черноморію, вопросъ о нахожденіи ихъ у Кубани

оставался открытымъ. Высказанное еще генераломъ Безкровнымъ мнѣніе о выселеніи горцевъ изъ прикубанскихъ мѣстъ на рѣки Кугоею и Ясени, или же на Должанскую и Камышеватскую косы поддерживалъ затѣмъ и слѣдующій наказный атаманъ черноморцевъ генералъ Заводовскій. По его мнѣнію, въ указанныхъ мѣстахъ горцамъ удобно было бы вести хозяйство и они были бы разъединены съ своими закубанскими единомышленниками, которыхъ они неоднократно поддерживали, какъ это было установлено фактически. Поэтому уже въ 1832 г., по Высочайшему повелѣнію, приказано было селить горцевъ вообще въ Черноморіи и отказано въ поселеніи ихъ въ татарскихъ селеніяхъ близъ Анапы и Кубани.

Въ 1834 г. 207 семействъ крымскихъ татаръ просили переселить ихъ въ Черноморію на правахъ казаковъ, и генералъ Заводовскій далъ на это согласіе. Въ томъ же году изъявили желаніе переселиться на Каракубанскій островъ 60 черкесскихъ семействъ— 40 семействъ жанеевцевъ и 20 семействъ шапсуговъ, подвластныхъ жанеевскому владѣльцу Бей-Измаилу. Горцамъ въ этомъ году, однако, не удалось переселиться на Каракубанскій островъ, такъ какъ они не хотѣли оставить на старомъ мѣстожительствѣ хлѣбъ. Какъ свидѣтельствуютъ историческіе документы за 1835 г., среди черкесовъ на Таманскомъ полуостровѣ жили также турки, армяне и греки. Въ томъ же 1835 г. генералъ Вельяминовъ предписалъ Заводовскому отдать въ рекруты или сослать въ Тамбовскую губ. черкеса Шумафа, пытавшагося бѣжать изъ Черноморіи за Кубань и пойманнаго казаками.

Съ 1836 г. были сдѣланы первыя попытки урегулировать порядки внутренней жизни татарскаго населенія. Въ январѣ этого года атаманъ Заводовскій предложилъ начальнику аула Адды разбирать споры по дѣламъ брачнымъ, на основаніи обычаевъ, въ присутствіи духовенства и старѣйшинъ. Въ февралѣ назначенный войсковой администраціей начальникъ аула Адды подпоручикъ Капулетъ Немировъ отвѣтилъ, что татары не захотѣли принять предложенія наказнаго атамана и просилъ отрѣшить отъ должности куреннаго атамана Джаная, какъ главнаго ослушника. Узнавши объ этомъ, татары совершенно отказались отъ повиновенія Немирову. Въ февралѣ самъ Немировъ просилъ атамана назначить вмѣсто него другого начальника въ аулъ Адды, такъ какъ онъ ничего не могъ сдѣлать съ жителями, совершенно отказавшимися повиноваться ему. По его приказанію, къ нему не хотѣлъ являться куренный атаманъ Джанай, а когда онъ послалъ за нимъ сначала десятскаго татарина, а потомъ всадника черкеса, то перваго онъ побилъ палкой по головѣ, а второму приказалъ дать 25 плетей. Земскій начальникъ есаулъ Боровикъ пытался было вразумить татаръ, уговаривая ихъ повиноваться ихъ начальнику Немирову, но татары рѣшительно заявили, что они не желаютъ имѣть никакого особаго начальника и какъ жили раньше безъ него, такъ и впредь будутъ жить. Виновниками

такого упорнаго неповиновенія административной власти Немировъ считалъ атамана Джаная и нѣкоторыхъ дворянъ, привыкшихъ безконтрольно властвовать надъ населеніемъ. Началось разслѣдованіе недоразумѣній. Въ мартѣ 1836 г. есаулъ Боровикъ, по требованію наказнаго атамана, отправилъ 5 дворянъ и 4 простыхъ татаръ въ Екатеринодаръ, гдѣ находился уже ихъ куренной атаманъ Джанай. Въ маѣ татары, въ свою очередь, послали жалобу на Немирова, обвиняя его въ разныхъ злоупотребленіяхъ—въ наймѣ на общественный счетъ дорогой квартиры для себя, въ требованіи большого количества дровъ, въ содержаніи значительнаго числа лошадей, въ пользованіи двумя десятскими для личныхъ услугъ и т. п. Администрація всячески старалась умиротворить татаръ и привести ихъ къ соглашенію.

Въ 1837 г. баронъ Розенъ разрѣшилъ селиться въ Черноморіи вмѣстѣ съ горцами и туркамъ, жившимъ между черкесами, такъ какъ ихъ было немного. Въ 1838 году Зассъ въ началѣ весны вывелъ съ горъ армянъ и временно поселилъ ихъ противъ станицъ Казанской и Темишбекской, на лѣвомъ берегу Кубани, въ предположеніи перевести ихъ впослѣдствіи къ Прочноокопу.

Такъ какъ вопросъ о выселеніи горцевъ съ пограничной полосы Черноморіи внутрь ея оставался открытымъ, а горцы не переставали сноситься съ своими единоплеменниками, жившими въ горахъ, то выселеніе ихъ съ Кубани становилось настоятельнымъ и неотложнымъ. Поэтому Высочайшимъ повелѣніемъ 19 іюня и 7 іюля 1840 г. приказано было, какъ вышедшихъ свободно съ горъ черкесовъ, такъ и плѣненныхъ войсками горцевъ отсылать въ Новочеркасскъ, и первыхъ изъ нихъ водворять въ Донской области, а вторыхъ высылать въ арестантскія роты. Какъ видно изъ историческихъ документовъ за 1842 г. тѣ и другіе горцы находились въ Новочеркасскѣ, и мѣстныя власти освѣдомлялись, къ какимъ категоріямъ слѣдовало отнести ихъ. Въ 1841 г. начальникъ штаба Кавказскихъ войскъ извѣстилъ Заводовскаго, что къ поселенію 32 натухайскихъ семействъ въ Черноморіи не встрѣчается препятствій, но что отсылать ихъ, какъ добровольцевъ, въ Новочеркасскъ ни въ какомъ случаѣ нельзя.

Въ 1842 г. среди татаръ, поселенныхъ на Таманскомъ полуостровѣ, снова произошли безпорядки. Войсковой старшина Посполитаки донесъ наказному атаману Заводовскому, что когда онъ послалъ урядника Кочергу въ селеніе Адды, чтобы собрать тамъ 52 чел. черкесовъ и отправить ихъ на Новогригорьевскій постъ, то черкесы „единогласно“ отказались сдѣлать нарядъ. Придавая этому факту чисто политическій характеръ, Посполитаки прибавилъ, что произвели они это „даже съ шумомъ, свойственнымъ бунту и всѣ разошлись по домамъ“.

Въ виду повторенія такихъ случаевъ Государь Императоръ въ 1843 г. Высочайше повелѣлъ придерживаться при переселеніи чер-

кесовъ въ Черноморію слѣдующихъ общихъ правилъ: 1) селить горцевъ только въ Донской области, 2) допускать всякое переселеніе въ краѣ съ осмотрительностью и непремѣнно по докладу Государю и 3) при заселеніи мирныхъ ауловъ необходимо, чтобы выходцы не тѣснили мѣстныхъ жителей и чтобы аулы селились, во всякомъ случаѣ, съ разрѣшенія послѣднихъ.

Въ 1844 г., 13 ноября Рашпиль донесъ Заводовскому о желаніи 13 семействъ бжедуховъ переселиться съ р. Пшедзъ на Каракубанскій островъ. Для помощи бжедухамъ былъ посланъ цѣлый отрядъ русскаго войска, подъ командой полковника Могукорова. Отрядъ былъ встрѣченъ населеніемъ съ восторгомъ. Бжедухи быстро передали отряду свой скотъ и имущество, какое было поцѣннѣе, оставивши птицу, часть хлѣба и сѣна на разграбленіе шапсуговъ, жившихъ въ трехъ верстахъ отъ бжедухскаго аула и прозѣвавшихъ выселеніе своихъ сосѣдей.

Въ іюнѣ 1845 г., въ видѣ исключенія изъ общаго правила, разрѣшено было поселить въ аулѣ Адды три татарскихъ семейства, съ выдачей имъ пособія. Въ этомъ году въ станицѣ Пашковской жило 95 д. м. пола армянъ, выселившихся съ горъ. Армяне эти пасли скотъ совмѣстно съ жителями станицы, подъ запашками имѣли около $1^1/_2$ квадратной версты и подъ сѣнокосами до 2 кв. верстъ также на земляхъ станицы Пашковской.

Что касается черкесскихъ выходцевъ, то, кромѣ Гривенскаго аула и аула Адды, черкесы жили по Кубани хуторами. Въ первой части Черноморской кордонной линіи находилось четыре такихъ хутора четырехъ владѣльцевъ—Биберды Батокова, Берзеча, Мусы Батокова и Сагатъ Гирея, съ населеніемъ въ нихъ 185 д. муж. пола. Во второй части кордонной линіи были расположены хутора Шумана Тарханова, Чатогожа Инилюсова, Асагута Цухо и Дударука Бжегоко, съ 135 д. муж. пола. Наконецъ, въ третьей и четвертой частяхъ кордонной линіи были хутора Пане Аббатова и Инатъ Кирея съ 49 д. муж. населенія. А всего, слѣдовательно, въ 10 хуторахъ, которые представляли собой, собственно, группы хуторскихъ дворовъ, числилось 349 душъ мужскаго черкесскаго населенія.

Хутора Пане Аббатова и Инатъ Кирея превратились впослѣдствіи въ постоянныя селенія, какъ это видно изъ оффиціальныхъ документовъ послѣдующаго времени. Въ свидѣтельствѣ, выданномъ 2 ноября 1853 г., за подписью командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи г.-л. Заводовскаго, упоминается, что на Каракубанскомъ островѣ находилось селеніе мирныхъ горцевъ, подъ названіемъ Детляшъ. Въ немъ жилъ султанъ Инатъ Кирей, 10 семействъ жанеевцевъ и 7 сем. шапсуговъ. Всѣ они обязаны были: не стѣснятъ въ земельномъ отношеніи ни кордонной линіи, ни ближайшихъ казачьихъ станицъ; не производить порубокъ въ войсковыхъ лѣсахъ; не имѣть сношеній съ немирными горцами; не принимать въ свое селеніе новыхъ жителей и служить рускому правительству, какъ это позволитъ имъ ихъ положеніе.

Аулъ Гривенскій былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ Ангелинскаго ерика и растянутъ по его берегамъ версты на три. Въ немъ жили представители различныхъ племенъ—натухайцы, шапсуги, абадзехи, татары, армяне и греки. Среди нихъ, по свидѣтельству документовъ за 1847 г., было много дворянъ и князей; были также въ небольшомъ числѣ лица, пользовавшіяся за Кубанью правами свободнаго состоянія. Но главную массу населенія составляли бѣглые черкесскіе крестьяне, находившіеся на родинѣ въ крѣпостномъ или рабскомъ положеніи. Въ Черноморіи они были свободны, не несли никакихъ обязанностей и пользовались всѣми правами войсковыхъ жителей. Понятно, что стать въ такое завидное положеніе желали многіе изъ горцевъ, принадлежавшихъ къ сословію холоповъ и рабовъ. Поэтому Гривенскій аулъ въ 1847 г. имѣлъ до 462 д. муж. населенія. Присутствіе инородцевъ—черкесовъ и армянъ, на земляхъ казачьихъ станицъ стѣсняло эти послѣднія. Исполнявшій обязанности наказнаго атамана генералъ Рашпиль жаловался высшему военному начальству, что, вслѣдствіе усиливавшейся эмиграціи горцевъ изъ за Кубани, казаки стали ощущать замѣтный недостатокъ въ земельныхъ угодьяхъ, особенно жители станицъ Пашковской и Старокорсунской. Въ 1846 г. генералъ Рашпиль настоятельно просилъ Заводовскаго прекратить дальнѣйшее заселеніе мирными черкесами правобережной прикубанской полосы и указывалъ на неумѣстность хуторовъ десяти черкесскихъ дворянъ, стѣснявшихъ вмѣстѣ съ своими подданными жителей казачьихъ станицъ въ землепользованіи.

Въ томъ же 1846 г. было сдѣлано распоряженіе о предоставленіи мирнымъ черкесамъ права выселенія изъ ауловъ Адды и Гривенскаго на казачьи земли не ближе ста верстъ отъ Кубани, а хуторянъ черкесовъ, сидѣвшихъ на юртахъ станицъ Старокорсунской и Гривенной, приказано было совсѣмъ выселить. Въ то же время, приговоромъ 21 сентября 1847 г., общество станицы Новонижестебліевской или, какъ чаще называлась она въ просторѣчіи, Гривенной возбудило ходатайство о выселеніи изъ ближайшаго къ станицѣ аула Гривенскаго черкесовъ, армянъ и грековъ, захватившихъ земли станицы и стѣснившихъ въ этомъ отношеніи казаковъ. Въ силу того же соображенія, Рашпиль просилъ 18 ноября 1847 г. у генерала Заводовскаго разрѣшенія совершенно уничтожить Гривенскій аулъ и разселить черкесовъ, армянъ и грековъ по черноморскимъ станицамъ не ближе ста верстъ разстоянія отъ Кубани. Генералъ Заводовскій сдѣлалъ представленіе по этому поводу,—и главнокомандующій отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ разрѣшилъ 29 декабря 1847 г. переселить 43 семейства черкесскаго населенія изъ аула Гривенскаго въ станицу Новоджереліевскую, а грековъ и армянъ разселить по казачьимъ станицамъ, расположеннымъ не ближе ста верстъ отъ Кубани.

Предположенія эти осуществлялись постепенно. Часть черкесовъ была выселена изъ аула Гривенскаго въ станицу Новоджере-

ліевскую; разселены были греки и приступлено къ разселенію армянъ. Эти послѣдніе выказали, однако, явное стремленіе къ обособленію и самостоятельности. Еще въ 1840 г. армяне, жившіе въ горахъ между черкесами, выразили желаніе переселиться на казачьи земли въ районѣ Старой Линіи. Часть ихъ потомъ попала въ черкесскіе и татарскіе аулы Черноморіи и главнымъ образомъ въ станицу Пашковскую. Когда стало извѣстно распоряженіе о выселеніи инородцевъ съ прикубанской полосы, армяне просили войсковую администрацію не разселять ихъ частями по станицамъ, а поселить всѣхъ въ одномъ мѣстѣ, такъ какъ они единовѣрцы и близки между собою по экономическимъ, родственнымъ и бытовымъ связямъ. Въ мартѣ 1848 г. генералъ Рашпиль распорядился, чтобы 22 семейства армянъ были выселены въ станицу Уманскую, а желающимъ предоставлено было право селиться также въ станицахъ Брюховецкой, Каневской и Староджереліевской. Апрѣля 4 сотникъ Левченко донесъ Рашпилю о необходимости дать помощь армянамъ для перевозки ихъ имущества при переселеніи въ другія станицы, и сами армяне просили назначитъ на 14 апрѣля 256 обывательскихъ подводъ. Рашпилъ приказалъ удовлетворить всѣ эти требованія и общій надзоръ за переселеніемъ армянъ поручилъ есаулу Павлоградскому. Вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ армянъ и грековъ, просившихъ поселить всѣхъ ихъ совмѣстно въ станицѣ Переясловской, Рашпиль измѣнилъ первоначальное свое распоряженіе и предписалъ сотнику Левченкѣ поселить всѣхъ армянъ и грековъ въ станицѣ Переясловской, согласно ихъ желанію, а тѣхъ изъ нихъ, которые не пожелали бы этого, водворить въ станицѣ Стародеревянковской. Но армяне и греки предпочли совмѣстное поселеніе въ станицѣ Переясловской и сотникъ армянинъ Чантамировъ просилъ начальство дать въ его распоряженіе 25 обывательскихъ подводъ для перевозки имущества армянъ въ названную станицу изъ станицы Пашковской. Въ 1859 г. часть горныхъ армянъ жила еще въ ст. Переясловской и Пашковской. Это были переселенцы 1848 и 1849 г.г., которымъ разрѣшено было 22 мая 1859 г. перейти въ „Прочноокопское армянское селеніе", въ нынѣшній Армавиръ.

Не одни армяне стремились въ Россію подъ защиту ея, чтобы повести мирную и спокойную жизнь. О томъ же заботились и черкесы, даже черкесская женщина. Въ апрѣлѣ 1848 г. изъ аула Мезыбъ убѣжала черкешенка 16 лѣтъ, дѣвица Эзе Гуашъ къ русскимъ съ братомъ мальчикомъ. Причиною побѣга было намѣреніе старшаго ея брата продать въ Турцію Эзе. Это сообщилъ ей младшій, бѣжавшій съ ней братъ. Такъ какъ дѣвочка и мальчикъ слышали отъ другихъ черкесовъ, что у русскихъ такихъ продажъ женщинъ братьями не позволяется и что въ Россіи вообще жить лучше, чѣмъ въ горахъ, то они и бѣжали къ русскимъ.

Въ апрѣлѣ 1848 г. сотникъ Калери писалъ генералу Рашпилю, что черкесы не желали выселяться изъ Гривеннаго аула. Мед-

лили выселеніемъ и татары аула Адды, расположеннаго на Таманскомъ полуостровѣ.

Вопросъ о переселеніи татаръ съ Тамани возникъ еще въ 1824 г., нѣсколько разъ ставился на очередь, въ послѣдній разъ былъ поставленъ въ 1848 г. и окончательно былъ разрѣшенъ 12 августа 1849 г. Въ силу этого рѣшенія, аулу Адды предстояло или переселиться на Камышеватскую косу въ Ейскій округъ, или перейти въ Крымъ къ единовѣрцамъ, или же, наконецъ, выбрать другое какое-либо мѣсто въ Черноморіи для поселенія, по своему усмотрѣнію, но не ближе ста верстъ отъ Кубани. Такъ какъ татары медлили и затягивали переселеніе, не предпринимая ничего рѣшительнаго, то войсковая администрація переселила въ 1851 г. аулъ Адды въ Ейскій округъ на такъ называемую Горькую балку близъ Ясенскаго соляного озера. Переселеніе поручено было произвести сотнику Тырсѣ, который игралъ роль какъ бы попечителя аула Адды. Въ 1852 г. въ аулѣ числилось 367 д. муж. и 365 д. жен. пола или 732 души всего населенія.

Что касается черкесовъ, жившихъ въ Таманскомъ округѣ, то часть ихъ изъ аула Адды и Гривенскаго аула выселилась въ горы за Кубань въ качествѣ мирныхъ черкесовъ; имъ выдано было даже продовольствіе при переселеніи и оказано было вообще содѣйствіе къ безпрепятственному уходу изъ Черноморіи. Черноморцы не придавали никакой цѣны этимъ непрошеннымъ сосѣдямъ, о которыхъ какъ о людяхъ двуличныхъ, служившихъ одновременно и русскимъ и враждебнымъ русскимъ горцамъ, остались въ казачьемъ населеніи самыя дурныя воспоминанія. Гривенный аулъ выселился въ горы, впрочемъ, не весь. Часть жителей его осталась на мѣстѣ, но и они не пользовались довѣріемъ ни казачьихъ властей, ни казачьяго населенія. Такъ, въ 1855 г. во время войны Россіи съ союзною арміею англичанъ, французовъ, итальянцевъ и турокъ, жителямъ Гривеннаго аула запрещено было ѣздить въ закубанскій Жанеевскій аулъ, населенный мирными горцами, прямою дорогою черезъ степи. Самыя поѣздки разрѣшались только по увольнительнымъ свидѣтельствамъ отъ Новонижестебліевскаго станичнаго правленія. Эти мѣры предосторожности были вызваны тѣмъ обстоятельствомъ, что гривенскихъ черкесовъ подозрѣвали въ участіи въ разбояхъ и грабежахъ, произведенныхъ въ той мѣстности неизвѣстными горцами. Къ мирнымъ черкесамъ, жившимъ въ Черноморіи, примѣнялись въ это время строгія мѣры. Наказный атаманъ Донского войска Хомутовъ, которому подчинено было Черноморское войско въ военномъ отношеніи, приказалъ въ 1856 г. отдать въ Кіевскія арестантскія роты двухъ черкесовъ—Чене и Керзача. Вся вина этихъ горцевъ заключалась въ томъ, что они выразили желаніе переселиться въ горы. Суровый генералъ отослалъ ихъ въ арестантскія роты, какъ измѣнниковъ присягѣ на подданство Россіи.

Это былъ, впрочемъ, особый, исключительный случай. По мѣрѣ того, какъ русскія войска желѣзнымъ кольцомъ охватывали со всѣхъ

сторонъ—отъ Черноморіи, Старой и Новой Линій и съ Черноморскаго побережья, черкесскія владѣнія, черкесы становились смирнѣе и податливѣе, а русскія власти гуманнѣе и терпимѣе. Не было надобности притѣснять полупобѣжденнаго врага. Этимъ объясняется, почему черкесамъ, жившимъ въ Черноморіи, разрѣшено было переселиться за Кубань въ аулы мирныхъ горцевъ. Черкесы были уже не страшны. Подъ вліяніемъ тѣхъ же взглядовъ, нѣкоторые горцы, томившіеся въ изгнаніи въ Россіи, были возвращены на родину. Такъ, въ августѣ 1860 г. Государь Императоръ приказалъ возвратить на родину 81 натухайцевъ, поселенныхъ въ 1859 г. въ селѣ Лятошинкѣ, Самарской губерніи, въ качествѣ военноплѣнныхъ.

Горцы и вообще инородцы, жившіе на казачьихъ земляхъ Черноморіи, не могли пожаловаться на неблагопріятныя условія ихъ жизни. Все время они почти не несли повинностей и главную изъ нихъ—военную, выполняли, какъ охотники. Точно также казачьи власти не трогали не только внутренней, бытовой и религіозной ихъ жизни, но даже и общественныхъ порядковъ. Слабыя попытки въ этомъ отношеніи оканчивались неудачами, какъ это было при столкновеніи начальника аула Немирова съ татарскимъ атаманомъ Джанаемъ въ аулѣ Адды. Еще меньше вліянія было оказано на бытовыя особенности черкесскаго и татарскаго населенія. Семейныя отношенія, нравы, обычаи—все это считалось неприкосновеннымъ. Только въ двухъ-трехъ случаяхъ войсковая администрація вмѣшалась въ брачныя дѣла, но подъ тѣмъ лишь предлогомъ, что, при брачныхъ связяхъ черноморскихъ черкесовъ съ закубанскими, могли образоваться связи, недопустимыя въ военныхъ цѣляхъ. Выше уже было упомянуто о разрѣшеніи женѣ Султана Али-Шеретлука выдать въ 1822 г. дочь въ замужество за закубанскаго князя, за отсутствіемъ подходящей партіи въ Черноморіи. Въ этомъ случаѣ администрація не видѣла никакой опасности для войска. Вся семья Али-Шеретлука была тѣсно связана экономически съ Черноморіею. Но въ 1833 г. черкесскимъ дворянамъ и вообще горцамъ, жившимъ въ Черноморіи—въ Гривенномъ аулѣ, на хуторахъ и пр., было запрещено выдавать дочерей въ замужество за черкесовъ, жившихъ за Кубанью. При массѣ такихъ случаевъ, закубанскіе горцы могли воспользоваться этими родственными связями, чтобы обставить благопріятными условіями свои разбойничьи набѣги на Черноморію.

Бѣглый очеркъ того, какъ русское правительство, высшія военныя власти на Кавказѣ и отчасти войсковая администрація пытались завести въ Черноморіи своихъ горцевъ, свидѣтельствуетъ о полной неудачѣ этой мѣры. Такіе горцы, какъ напр. извѣстный Пшекуй-Могукоровъ, сначала отличный казачій офицеръ, а потомъ и генералъ русской службы, и небольшое число охотниковъ-всадниковъ, самоотверженно несшихъ военную службу, были единичными представителями инородцевъ. Подавляющее большинство остального черкесскаго населенія и въ томъ числѣ татары свои симпатіи и

тайные политическіе помыслы отдавали черкесамъ, гнѣздившимся въ горахъ, и мусульманамъ-туркамъ. Къ этимъ враждебнымъ Россіи народностямъ лежала у нихъ душа по очень понятнымъ причинамъ—съ одними—турками, они были единовѣрцами, а съ другими—черкесами, единовѣрцами и единокровниками. Горцы были послѣдовательнѣе русскихъ и лучше понимали свои выгоды, чѣмъ ихъ попечители.

Основнымъ мотивомъ, заставившимъ горцевъ искать убѣжища въ Черноморіи, были причины чисто соціальнаго характера. Горцамъ лучше, спокойнѣе, чѣмъ за Кубанью, жилось въ Черноморіи. Татары сюда бѣжали отъ тѣхъ насилій, которыя производили черкесы надъ ними, какъ надъ иноплеменниками. Черкесскіе дворяне шли въ Черноморію въ надеждѣ сохранить крѣпостное право и власть надъ своими подданными. Наконецъ, эти послѣдніе искали въ Черноморіи возможности вести, безъ риска и случайностей, хозяйство. Каждая группа преслѣдовала свои особыя цѣли и всѣ они достигли ихъ въ извѣстной мѣрѣ на казачьихъ земляхъ. Подданные все время оставались въ подчиненіи у дворянъ. Дворяне не тѣснили ихъ, благодаря защитѣ русскихъ властей. Внутренніе распорядки оставались все время почти неприкосновенными. Существовала лишь внѣшняя форма казачьяго управленія—выборъ куренного атамана и подобіе куренного схода. Но за этою внѣшнею оболочкою скрывалась чисто инородческая сущность. Татары открыто заявляли, что они не признаютъ никакихъ, кромѣ своихъ, властей и отказывались дѣлать наряды по службѣ. Черкесы были нѣсколько податливѣе, но за этою податливостью скрывали свои тайныя сношенія съ закубанцами. Религія оставалась неприкосновенною, муллы никѣмъ и ничѣмъ не были стѣсняемы, судъ былъ свой, семейный бытъ считался черкесскою святынею, прикрытою черкесскими обычаями, какъ лицо черкесской женщины чадрой, и, въ добавокъ ко всему этому, горцы, не неся никакихъ повинностей, свободно пользовались казачьими землями. При такихъ условіяхъ горцу можно было прекрасно жить въ Черноморіи, но горцы не только хорошо жили у казаковъ, но нѣкоторые изъ нихъ вредили имъ въ роли сторонниковъ закубанцевъ, помогая послѣднимъ производить набѣги на пріютившее ихъ казачье населеніе.

Глава XXV.

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНІЕ.

Съ наступленіемъ XIX вѣка не прекратились еще тѣ земельные захваты и завладѣнія, которые, вопреки жалованной грамотѣ Императрицы Екатерины Второй, начались, при заселеніи Черноморіи, выдѣленіемъ лучшихъ земель и угодій въ исключительное пользованіе немногихъ лицъ. Главный противникъ порядковъ, сложившихся въ этомъ направленіи въ войскѣ, генералъ Котляревскій умеръ, и, послѣ его смерти, опять стали производиться какъ отводы мѣстъ подъ хутора, мельницы и плотины, такъ и выдача войсковою канцеляріею актовъ на вѣчно-потомственное владѣніе отводомъ. Рядомъ съ мельницей возникалъ хуторъ или возлѣ хутора устраивалась мельница, но въ томъ и другомъ случаяхъ хуторъ обращался въ центръ, къ которому пріурочивалась извѣстная площадь земли. Земля необходима была хуторянину и для выпаса скота, и для сѣнокошенія, и для посѣвовъ зерна, и все это были столь насущныя нужды, что ими какъ бы прикрывались захватъ и завладѣнія, нарушавшія интересы другихъ. Но съ этимъ не считались. Брали силою и властью. Разъ хуторянинъ былъ человѣкомъ вліятельнымъ, то онъ далеко во всѣ стороны отъ хутора округлялъ фактически свои владѣнія. И затѣмъ, какъ и всякія другія завладѣнія, хутора и мельницы переходили отъ однихъ лицъ къ другимъ, продавались, сдавались въ аренду. Такъ подрывалась въ корнѣ идея войскового землевладѣнія, положенная въ основу жалованной грамоты Екатерины Второй.

Въ сентябрѣ 1801 г. поручикъ Волкорѣзъ просилъ войсковую канцелярію утвердить за нимъ хуторъ съ водяной мельницей, въ которой онъ сдѣлалъ заново три постава и которую онъ купилъ у вдовы прапорщика Орлова, имѣвшаго отъ войскового правительства актъ на личное и потомственное владѣніе хуторомъ. Журнальнымъ постановленіемъ 2 мая 1802 г., войсковая канцелярія разрѣшила прапорщику Демидовичу устроить на рѣчкѣ Ачикулакъ плотину и водяную мельницу при ней. Такой же документъ и въ томъ же 1802 г. выданъ былъ на устройство плотины и мельницы на р. Кочати капитану Кифѣ и есаулу Тарановскому. Въ 1803 г. послѣдовалъ цѣлый рядъ разрѣшеній на устройство плотинъ и мельницъ. Войсковой атаманъ Бурсакъ просилъ разрѣшить ему постройку плотины и мельницы „для общественной пользы“, и войсковая канцелярія, конечно, выдала ему „открытый листъ“ на „вѣчнопотомственное владѣніе“. Въ 1806 г. майоръ Котляревскій уступилъ свое право по „открытому указу“ на устройство плотины и мельницы есаулу Мудрому.

Войсковая канцелярія не только выдавала документы на владѣніе такими отводами, но и всячески ограждала эти владѣнія и ихъ владѣльцевъ. Уже самъ по себѣ актъ объ отводѣ земли подъ хуторъ или плотину служилъ гарантіей неприкосновенности владѣнія. Разъ возникали на этой почвѣ земельные споры, они судомъ и администраціей разрѣшались, на основаніи актовъ отвода, не подлежавшихъ оспариванію. Тѣми же документами ограждались владѣльцы хуторовъ и отъ стѣсненій ихъ куренями. Журнальнымъ постановленіемъ 26 іюня 1809 г. войсковая канцелярія приказала Джереліевскому обществу не стѣснять есаула Дудника, посадившаго на занятомъ имъ хуторѣ 700 садовыхъ деревьевъ и 300 вербъ, такъ какъ мѣсто, избранное Джереліевскимъ обществомъ подъ поселеніе, находилось въ двухъ верстахъ отъ хутора. Такими и очень часто фиктивными или малоцѣнными посадками закрѣплялись хутора за ихъ владѣльцами. А приказъ войсковой канцеляріи былъ равносиленъ закону.

Несмотря, однако, на документальное закрѣпленіе хуторовъ и мельницъ за владѣльцами, казачье населеніе косо глядѣло на обращеніе войсковыхъ земель въ „вѣчнопотомственныя“ и недружелюбно относилось къ владѣльцамъ ихъ. Каждый отводъ подъ хуторъ или мельницу ставилъ въ невыгодныя условія курень, сокращая земельную площадь общины, что прекрасно понимало населеніе, а отводъ лучшихъ земель и угодій въ исключительное пользованіе рѣзко бросался въ глаза всѣмъ и каждому. Въ этихъ обстоятельствахъ крылись уже отчасти причины той аграрной вражды, которая искони существовала между куренями и хуторами и которая становилась тѣмъ напряженнѣе, чѣмъ больше увеличивалось населеніе въ куреняхъ и значительнѣе расширялась въ нихъ хозяйственная дѣятельность.

Но уже въ это время многіе хутора были устроены въ такихъ мѣстахъ, что, хотя сами хутора оставались нетронутыми, но живущее въ хуторахъ населеніе администрація приказывала перевести въ курени. Такія распоряженія были сдѣланы войсковой канцеляріей въ 1800, 1801, 1802, 1803 и 1804 г.г. Поводомъ къ переселеніямъ хуторянъ въ курени служили нерѣдко неблагонадежность переселяемыхъ и почти всегда необходимость привлечь хуторянъ къ отбыванію повинностей въ куреняхъ. Такъ, въ маѣ 1801 г. Ейское сыскное начальство, сообщая въ войсковую канцелярію, что хуторяне не несутъ никакихъ повинностей, просило разрѣшенія переселить ихъ въ курени. Само собой разумѣется, что эти распоряженія не касались тѣхъ хуторовъ, на которые войсковая канцелярія выдавала владѣнные акты. Предположенные къ сносу хутора не принадлежали къ числу тѣхъ, которые были устроены фундаментально на удобныхъ мѣстахъ.

Но удобныхъ мѣстъ подъ хутора съ приречными левадами и подъ плотины съ водяными мельницами было мало въ краѣ. Казачья старшина очень скоро разобрала ихъ, какъ лакомые кусочки. Новыхъ

мѣстъ или совсѣмъ не было, или они расположены были близко къ куренямъ. Куренныя общества также энергичнѣе стали отстаивать свои интересы. А, главное, начались хуторскія заимки другого рода. Населеніе, нѣсколько окрѣпшее экономически, взялось за хозяйство, а веденіе хозяйства потребовало въ свою очередь извѣстныхъ отношеній къ землѣ.

Возникновеніе новыхъ хуторовъ пошло инымъ путемъ и на иныхъ основаніяхъ. Хуторъ въ своемъ первоначальномъ незатѣйливомъ видѣ былъ лишь переходною ступенью въ развитіи извѣстной формы хозяйства. Облюбовавши какое-либо мѣсто въ степи, казакъ ставилъ на немъ чаще всего „кошъ", временное пристанище для людей и скота, или, если занималъ заимку прямо съ хутора, то и хуторъ мало чѣмъ отличался отъ коша. Затѣмъ это временное пристанище обращалось въ постоянное жилище. Хуторянинъ начиналъ разводить скотъ, засаживалъ прилегавшую къ строеніямъ землю садикомъ, устраивалъ пчельникъ, производилъ посѣвы. Возникало хуторское пользованіе землей. Когда такіе хутора садились группою и находились при рѣкѣ или въ другомъ какомъ-либо удобномъ для крупнаго селенія мѣстѣ, то они превращались впослѣдствіи въ поселки и станицы. Одиночные же хутора, находясь въ изолированномъ положеніи, захватывали въ свое пользованіе прилегавшія къ нимъ земли и угодья, претендуя на особую хуторскую площадь.

Такимъ образомъ, и хутора второго типа зародились и росли на счетъ куренныхъ или общинныхъ земель. Пока этихъ хуторовъ было мало, а свободныхъ земель много, хутора легко уживались съ куренями. Но когда крошечные курени, усиленные переселенцами, превратились въ крупныя селенія, и когда спросъ на земли увеличился, хутора стали помѣхою для расширенія запашекъ общинниками, для пользованія сѣнокосными мѣстами и т. п. Случилось то же, что и съ хуторами перваго рода. Они попали въ положеніе враждующей съ общиной стороны на чисто аграрной почвѣ. И эти отношенія были тѣмъ острѣе, что хутора второго рода были разсѣяны по войсковой землѣ въ громаднѣйшемъ количествѣ.

Когда въ 1808 г. возникло предположеніе о переселеніи въ Черноморію 25 тысячъ малорусскихъ выходцевъ, тогда естественно возникъ и вопросъ объ обезпеченіи ихъ землей. Предположено было переселить въ Черноморію больше населенія, чѣмъ сколько было его уже на мѣстѣ. Но своихъ земель было еще такъ много, что не могло встрѣтиться никакихъ затрудненій при размѣщеніи переселенцевъ на войсковой землѣ. Владѣя землею на основаніи Высочайше жалованной грамоты, писала войсковая канцелярія въ своемъ представленіи по этому поводу герцогу де-Ришелье, войско заняло ее 40 куренями, предоставивши право старшинѣ и казакамъ заводить хутора, устраивать плотины и строить водяныя мельницы. При такомъ способѣ землепользованія, поясняла канцелярія, „какъ старшины, такъ и казаки пользовались землею безъ всякаго назначенія границъ

владѣніямъ". Въ такомъ духѣ писались и акты на занятые хутора и земли. Въ эти документы вносились только общіе неопредѣленные признаки владѣнія и пользованія землей. Такому-то и при такомъ-то урочищѣ—при рѣкѣ, балкѣ или селеніи, значилось въ актѣ, разрѣшено устроить хуторъ и пользоваться прилегающею къ нему землею на столько-то верстъ въ окружности. Часто даже совсѣмъ не упоминалось объ этомъ послѣднемъ. Канцелярія полагала, поэтому, что 25 тысячъ переселенцевъ легко можно было размѣстить „по заведеннымъ уже куреннымъ селеніямъ", нисколько не нарушая сложившихся формъ заселенія и землепользованія. При этомъ, витійствовала канцелярія, „будутъ сохранены цвѣтущія въ войскѣ какъ хлѣбопашество и скотоводство, такъ и то, что войско имѣетъ въ торговлѣ не малую выгоду и прибытокъ".

Вопросъ о землевладѣніи у черноморскихъ казаковъ и о размежеваніи ихъ земель поставленъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ княземъ Куракинымъ, въ связи съ массовымъ переселеніемъ малороссійскихъ казаковъ въ Черноморію. Ришелье, черезъ котораго шли распоряженія по этому поводу, предписалъ войсковой канцеляріи дать свои соображенія о землевладѣніи войска и размежеваніи его земель и собрать свѣдѣнія по этимъ вопросамъ въ войскахъ Донскомъ и Уральскомъ. Но оказалось, что и въ этихъ войскахъ земли не были размежеваны и порядки землепользованія носили крайне примитивный характеръ. Самое же межеваніе земель было дѣломъ сложнымъ и трудно выполнимымъ, при большихъ площадяхъ казачьихъ владѣній. Поэтому, 22 октября 1810 г. Ришелье сообщилъ, что, вслѣдствіе его соображеній о затрудненіяхъ по размежеванію земель въ Черноморскомъ войскѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ извѣстилъ его, что Высочайше повелѣно отложить размежеваніе земель въ войскѣ до водворенія новыхъ переселенцевъ, послѣ чего уже и слѣдуетъ представить соображенія о размежеваніи земель.

Такъ безъ размежеванія и осѣдали переселенцы въ войскѣ, сливаясь съ его населеніемъ и воспринимая сложившіеся уже земельные порядки. Заселяя курени, они заводили, какъ и коренное населеніе, хутора. Послѣдніе быстро росли, всюду покрывая казачьи степи. Скоро количество ихъ стало такъ велико, что явилась надобность въ урегулированіи хуторскихъ заимокъ. Двѣ причины требовали немедленнаго принятія мѣръ въ этомъ направленіи. Во первыхъ, выселяясь изъ куреней хуторами въ степи, казаки тѣмъ ослабляли общину, которой труднѣе было отъ того жить, оберегать населеніе и имущество и нести повинности. Во вторыхъ, безпорядочнымъ расположеніемъ хуторовъ нарушался основной принципъ казачьяго землепользованія по куренямъ: хутора возникали не только на своей куренной территоріи, но и внѣ ея.

Съ упорядоченія хуторскихъ заимокъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи и начались мѣропріятія войска. Одновременно съ водвореніемъ переселенцевъ установлено было разъ навсегда, чтобы хутора

заводились только на своихъ земляхъ и хуторяне не выходили за предѣлы куренныхъ территорій. Старыхъ хуторовъ, осѣвшихъ уже на чужихъ земляхъ, рѣшено было по возможности не ломать, а къ новымъ примѣнять отмѣченное правило. Въ 1811 г. окончилось переселеніе 25 тысячъ душъ изъ Малороссіи, а въ 1812 г. вышло общее распоряженіе о размѣщеніи хуторовъ по куреннымъ территоріямъ. Въ жунальномъ постановленіи 28 марта 1812 г. были установлены войсковой канцеляріей слѣдующія правила: часть хуторовъ, владѣльцы которыхъ считались неблагонадежными, подлежала окончательному уничтоженію, съ переводомъ населенія въ курени; часть хуторовъ оставлена была на мѣстахъ, какъ не нарушавшихъ интересы другихъ хозяевъ; тѣмъ хуторянамъ, которые находились въ чужихъ юртахъ, предоставлено было также право остаться на мѣстѣ, съ непремѣннымъ условіемъ перечисленія въ мѣстное куренное общество; вообще же хуторянамъ, которымъ не воспрещалось жить въ хуторахъ, позволено было или остаться на мѣстѣ, или переселиться въ указанные пункты, согласно ихъ желанію; куреннымъ-же атаманамъ поручено было составить по каждому куреню списки причисленныхъ къ обществу и исключенныхъ изъ него жителей. Въ частности ангелинскіе хутора приказано было переселить въ курень Полтавскій. Туда-же должны были переселиться хутора, находившіеся на Ангелинкѣ, но принадлежавшіе другимъ куренямъ, въ томъ случаѣ, если бы хуторяне эти не пожелали перейти въ свои курени.

Благодаря этому общему распоряженію, въ 1812 г. началось перемѣщеніе хуторовъ съ однихъ мѣстъ на другія. Въ апрѣлѣ 1812 г. ассесоръ Бѣлый донесъ войсковой канцеляріи, что расположенные по р. Кирпили хутора „тронулись къ переселенію въ разныя селенія“, но нашлись и ослушники. Сынъ есаула Толмача не захотѣлъ выселяться и такъ какъ „онъ былъ худого поведенія,“ то, „для приведенія его въ хорошее положеніе“, Бѣлый испрашивалъ разрѣшенія у канцеляріи на переселеніе его въ какое бы то ни было селеніе. Слѣдовало также выселить въ куренное селеніе и жену есаула Сторожевскую, которая имѣла два хутора—одинъ на правой сторонѣ р. Кирпилей, а другой на лѣвой, и въ этомъ послѣднемъ хуторѣ „имѣли прибѣжище сумнительные люди“. Нежелавшихъ выселяться изъ хуторовъ оказалось оченъ много, какъ изъ людей заподозрѣнныхъ въ неблагонадежности, такъ еще больше изъ числа тѣхъ, кто не желалъ ломать хозяйства и оставлять насиженное мѣсто. Войсковая канцелярія 15 марта 1813 г. распорядилась ускорить перенесеніе хуторовъ въ курени и съ весны этого-же года воспретить хуторянамъ дѣлать посѣвы при хуторахъ. Причинами такого распоряженія были, съ одной стороны, усилившіеся грабежи и разбои, которые производили скрывавшіеся у хуторянъ бѣглые помѣщичьи крестьяне и разный бродячій людъ, а съ другой, обремененіе куреннаго населенія, повинностями, которыхъ хуторяне

большею частью не выполняли. Въ іюнѣ 1814 г. сотникъ Кошманъ сообщилъ въ войсковую канцелярію, что жители селенія Щербиновскаго, переселившіеся изъ хуторовъ въ селенія, снова возвращаются на хутора. Когда-же Кошманъ, какъ смотритель селенія, потребовалъ совершеннаго уничтоженія хуторовъ, то хуторяне избили сопровождавшихъ его казаковъ, а самого Кошмана всячески ругали. Такое поведеніе щербиновскихъ хуторянъ Кошманъ объяснялъ тѣмъ, что сыскное начальство разрѣшало заводить имъ снова хутора, несмотря на положительное запрещеніе со стороны войсковой канцеляріи. Распоряженія послѣдней, пояснялъ Кошманъ, оставались на бумагѣ.

Бороться съ хуторами было вообще очень трудно, такъ какъ къ нимъ приноровленъ былъ весь хозяйственный строй. Сама войсковая канцелярія шла на уступки. Когда въ 1814 г. ассесоръ полковникъ Голубъ, объѣзжая Черноморію, замѣтилъ, что многіе переселившіеся въ курени владѣльцы хуторовъ имѣли такъ много скота, что не было возможности содержать его при куренныхъ селеніяхъ, не стѣсняя жителей, то канцелярія и ассесоръ, для облегченія такихъ богатыхъ скотоводовъ, придумала довольно неудачную мѣру, разрѣшивши устраивать хутора только для одного скотоводства, съ условіемъ пользованія ими не одиночками, а цѣлыми группами хозяевъ. Сами куренныя общества, подъ давленіемъ дѣйствительной жизни, выдавали приговоры на хуторскія заимки, съ оговоркой о разрѣшеніи со стороны начальства. Въ это-же время снова начали поступать въ войсковую канцелярію въ большомъ количествѣ прошенія казаковъ объ устройствѣ плотинъ и мельницъ. Въ сущности, здѣсь дѣло шло тоже о хуторахъ. Однимъ словомъ, съ одной стороны, чувствовалась настоятельная потребность въ устройствѣ хуторовъ, а съ другой, многіе хутора возникали въ такихъ мѣстахъ, пользованіе которыми нарушало интересы куренныхъ жителей. Этимъ собственно объяснялась непослѣдовательность въ распоряженіяхъ о хуторахъ какъ войсковой канцеляріи, такъ и другихъ административныхъ учрежденій.

Такъ, въ разногласіяхъ административныхъ распоряженій и въ борьбѣ куренныхъ жителей съ хуторянами, проходили многіе годы. Дѣло все болѣе и болѣе осложнялось, и въ населеніи постепенно росло неудовольствіе. Хуторской вопросъ настолько обострился, что само начальство вынуждено было принять болѣе суровыя мѣры. Въ 1823 г. войсковая канцелярія рѣшительно потребовала, чтобы хутора, назначенные къ уничтоженію, обязательно были переведены въ куренныя селенія по окончаніи полевыхъ работъ. Виновнымъ въ неисполненіи этого распоряженія чиновникамъ канцелярія грозила судомъ, а хуторянъ, отказавшихся отъ переселенія, приказано было внести въ особые списки и отправить не въ очередь на пограничную службу, не считаясь ни съ служебнымъ, ни съ общественнымъ положеніемъ ихъ.

Надо различать двоякаго рода хутора, мѣшавшіе правильнымъ хозяйственнымъ отправленіямъ куреней-общинъ—крупные, богатые и мелкіе, бѣдные. Первые располагали обширными стадами разныхъ видовъ скота. У отдѣльныхъ хозяевъ этой группы хуторовъ лошади водились тысячными табунами, овечьи атары имѣли по нѣсколько тысячъ головъ и стада рогатаго скота считались сотнями. Мелкіе хутора водили скотъ въ небольшихъ количествахъ, столько, сколько требовалось его для обезпеченія потребностей семьи. Такъ какъ и скотоводческое хозяйство въ то время было крайне примитивнымъ, расчитаннымъ главнымъ образомъ на подножные корма, то для содержанія тысячеголовыхъ стадъ требовались, понятно, обширныя площади земли, изобиловавшей всевозможными кормами—лѣтними и зимними. Подъ хуторскими заимками у такихъ хуторянъ скотоводовъ находились тысячи десятинъ земли. Богатый хуторянинъ считался силою, съ которой трудно было бороться казаку бѣдняку. Былъ-ли это панъ-офицеръ или рядовой казакъ, но разъ его живые капиталы исчислялись сотнями и тысячами головъ, онъ подавлялъ своимъ богатствомъ не только отдѣльныхъ хозяевъ, но часто цѣлую общину и мелкихъ хуторянъ. Послѣдніе стѣсняли общинниковъ въ землепользованіи въ тѣхъ только случаяхъ, когда сидѣли группами и когда, слѣдовательно, у нихъ составлялись многочисленныя стада изъ отдѣльныхъ мелкихъ партій скота.

Такимъ образомъ, аграрныя столкновенія у казаковъ держались на борьбѣ общинъ, главнымъ образомъ, съ богатыми хуторянами скотоводами. Они, эти представители капитала въ живомъ скотѣ, давили общину, лишая ее необходимыхъ ей земель и угодій.

Болѣе того. Въ этой борьбѣ всѣ выгоды были на сторонѣ сильнаго. Руку богачей держало начальство, за богачами всѣ ухаживали—и духовенство, и офицеры, и станичный атаманъ, и рядовые казаки. И богачъ скотоводъ не только пользовался въ личныхъ интересахъ чрезмѣрнымъ количествомъ земли, но и тѣснилъ людей слабыхъ, безотвѣтныхъ, пуская нерѣдко въ ходъ невѣроятныя насилія. Въ архивныхъ документахъ сохранились поразительные, въ этомъ отношеніи, случаи.

Въ 1828 г. жители куреня Батуринскаго жаловались атаману Безкровному, что ихъ притѣснялъ есаулъ Савицкій. Изъ подробной замѣтки по этому поводу видно, что въ 1827 г. Савицкій „заоралъ“, т. е. запахалъ, у одного изъ казаковъ „гречку и подметы“, стоишіе 15 руб., а у другого запахалъ также подметы, весь хлѣбъ и взялъ лошадь съ пастьбы возлѣ хутора—всего стоимостью на 165 р.; затѣмъ, у нѣсколькихъ казаковъ запаханы были нивы и посѣвы на 32 р.; у одного казака запахалъ „шматокъ конопель“ и подметы подъ капусту на 6 р., овса, ячменя и пр. на 186 р., у другого подстрѣлилъ у хутора быка, стоимостью въ 40 р., побилъ скотомъ хлѣба на 24 р.; у вдовы казачки побилъ скотомъ хлѣбъ, убилъ свинью и 10 гусей на 30 р., а у одного казака

убилъ свинью и снялъ съ мальчика свиту на 30 р. и еще у одного казака убилъ 10 свиней на 50 р. Такимъ образомъ, въ теченіе года отъ Савицкаго потерпѣло 12 хозяевъ, которымъ были причинены убытки на 578 руб. Въ слѣдующемъ 1829 г. тотъ-же Савицкій у нѣсколькихъ другихъ казаковъ убилъ 10 свиней на 84 р., трехъ кабановъ на 24 р., убилъ кабана и выкопалъ картофель на 14 р. и потравилъ разнаго рода хлѣба на 51 р., а всего на 173 р. Цифры по тому времени значительныя, особенно за 1828 г.

Въ настояще время прямо таки невѣроятными кажутся такія правонарушенія, какъ пристрѣлъ быка, истребленіе свиней, снятіе свита съ мальчика и пр., а между тѣмъ, происходило это самымъ обыкновеннымъ образомъ, на почвѣ нарушенія порядковъ землепользованія. Савицкій стрѣлялъ изъ ружья свиней каждый разъ, когда замѣчалъ, что животныя эти переходили на земли, которыя онъ считалъ своими. Ту-же мѣрку онъ прилагалъ, навѣрное, и къ запашкамъ казачьихъ посѣвовъ. И не было ничего невозможнаго въ томъ, что въ округѣ или въ Екатеринодарѣ на сторонѣ Савицкаго были и власти. Въ крайнемъ случаѣ, съ Савицкаго могли присудить вознагражденіе потерпѣвшимъ, въ силу обычая—„грѣхъ пополамъ“, но ничего уголовнаго въ его дѣяніяхъ—ни произвола, ни насилія не признавалось съ обычной точки зрѣнія властей и населенія. Это было лишь аграрное недоразумѣніе въ области землепользованія. Но массѣ, рядовому казачеству, жилось, во всякомъ случаѣ, очень тяжело.

Дѣло въ томъ, что за хуторомъ и практически, въ силу сложившихся порядковъ землепользованія, и юридически, благодаря канцелярской регламентаціи, признавались извѣстныя права. Многіе хутора существовали съ разрѣшенія начальства. Въ октябрѣ 1831 г. войсковая канцелярія установила слѣдующій сложный порядокъ по устройству хуторовъ. Желающій подавалъ прошеніе въ войсковую канцелярію, указывалъ мѣсто для хутора, разстояніе отъ этого мѣста до поселеній и приводилъ данныя объ отсутствіи стѣсненій кого-либо изъ сосѣдей. Тогда канцелярія посылала объ этомъ запросъ окружному начальству, послѣднее, въ свою очередь, наводило справки у куренныхъ обществъ. Куренныя общества дѣлали соотвѣтствующія постановленія, указывая на возможность или невозможность устройства хутора въ извѣстномъ мѣстѣ. Всѣ эти бумаги направлялись потомъ въ канцелярію, канцелярія давала разрѣшенія и сообщала объ этомъ окружному начальству. За самовольное занятіе земель подъ хутора, безъ вѣдома и разрѣшенія начальства, назначалось тѣлесное наказаніе и служба не въ очередь на кордонной линіи.

Несмотря на изложенныя выше правила о занятіи хуторовъ, существеннымъ препятствіемъ для правильнаго размѣщенія хуторовъ служило то обстоятельство, что войсковая земля не была размежевана по общинамъ. Послѣднія владѣли землями по живымъ приз-

накамъ, которые, въ свою очередь, устанавливались фактически, путемъ заимки. Благодаря этому, съ одной стороны, возникали споры изъ за земли между общинами, а съ другой, дѣлала ошибки и администрація въ своихъ канцелярскихъ распоряженіяхъ по урегулированію хуторского землепользованія. Такую ошибку допустилъ командующій войсками на Кавказѣ генералъ Ермоловъ. Проѣзжая въ 1822 г. изъ Старощербиновки на Екатеринодаръ, Ермоловъ обратилъ вниманіе на обиліе и разбросанность хуторовъ. Съ чисто военной прямолинейностью генералъ приказалъ перенести хутора въ опредѣленные пункты группами не менѣе 20 хозяевъ вмѣстѣ. Генералъ не обратилъ вниманія на то, что изолированность хуторовъ обусловливалась особенностями скотоводческаго хозяйства того времени, а войсковая администрація рѣшила немедленно привести въ исполненіе распоряженіе строгаго генерала. Въ этихъ видахъ войсковой канцеляріей было предписано перенести одиночные хутора малоимущихъ хозяевъ въ куренныя селенія, оставивъ нетронутыми хутора пановъ и фундаментально устроенныя имѣнія—съ цѣнными строеніями, садами и мельницами.

На дѣлѣ, однако-же, оказалось очень трудно привести въ исполненіе циркуляръ войсковой канцеляріи. Какъ видно изъ донесенія канцеляріи генералу Власову, въ 49 куреняхъ и урочищахъ было 389 хуторовъ, принадлежавшихъ панамъ, 118 хуторовъ—урядникамъ и 1256—казакамъ, а всего, слѣдовательно, 1763 хутора. Оставляя нетронутыми хутора, какъ пановъ, такъ и фундаментально устроенные, подъ которыми администрація разумѣла хутора, имѣвшіе не менѣе 50 штукъ рогатаго скота, войсковое начальство распорядилось перевести всѣ остальные хутора въ селенія, или же размѣстить ихъ группами до 20 дворовъ и на мѣстахъ, гдѣ хуторяне не стѣсняли бы куренныхъ жителей въ землепользованіи. При этомъ малоимущимъ офицерамъ и казакамъ воспрещено было обзаводиться хуторами, иначе „виновные, какъ нерадивые объ общемъ благѣ, безъ малѣйшаго послабленія переданы будутъ строгому законному сужденію“.

Но и въ такой формѣ канцелярское распоряженіе оказалось осуществимымъ только съ новыми отступленіями отъ установленныхъ циркуляромъ правилъ. Пришлось дать льготы вдовамъ и сиротамъ, офицерамъ и казакамъ, находившимся на кордонной службѣ лицамъ, купившимъ хутора, и добровольцамъ, пожелавшимъ переселиться изъ прикубанскихъ хуторовъ внутрь Черноморіи. На первыхъ же порахъ обнаружились всѣ невыгоды насильственнаго перенесенія хуторовъ, Офицеры начали покупать хутора, по свидѣтельству администраціи, „безразсудно“; распоряжавшіяся сломкой хуторовъ лица безъ нужды разоряли дома и строенія, безчинствовали и наносили побои населенію, особенно женщинамъ. Генералъ Власовъ, слѣпой исполнитель распоряженій Ермолова, и тотъ, однако, предписалъ „въ такихъ случаяхъ имѣть хорошее разсужденіе“.

Затрудненія, однако, оказались настолько значительными, что въ 1824 г. въ дѣло вмѣшался генералъ Вельяминовъ, указывая на то, что переводить и устраивать группами хутора можно лишь при наличности цифровыхъ данныхъ о количествѣ земли, принадлежащей каждой общинѣ въ отдѣльности. Только при этомъ условіи видно было бы, сколько и въ какомъ мѣстѣ можно размѣстить хуторовъ. Поэтому, Вельяминовъ вошелъ съ представленіемъ къ Ермолову отложить перемѣщеніе хуторовъ впредь до размежеванія земли между куренями. Ермоловъ согласился съ этимъ и затребовалъ мнѣніе по этому поводу войсковаго атамана.

Отзывъ войсковой администраціи отличался крайнею неопредѣленностью. На вопросъ Вельяминова о томъ, какъ произвести размежеваніе земель съ такимъ расчетомъ, чтобы не были стѣснены чиновники и не была обращена земля въ собственность,—войсковой атаманъ писалъ 30 апрѣля 1825 г., что, при размежеваніи земель, слѣдуетъ обратить вниманіе преимущественно на то, чтобы оставить возможно большее количество пустопорожнихъ земель подъ хутора чиновниковъ и казаковъ и чтобы пользованіе землями при этомъ было соединено съ условіемъ нестѣсненія хуторянъ другъ другомъ. Задача тогда уже невыполнимая, но за нею крылась мыслъ о томъ, что при размежеваніи земель пустопорожнія пространства слѣдовало бы предназначить исключительно для нуждъ хуторского хозяйства. Такими „пустыми степями" войсковой атаманъ считалъ земли, лежавшія между рѣчками Еею, Куго-Еею и Егорлыкомъ. Угодья здѣсь были превосходныя, но ими не пользовались казаки потому, что кочующіе въ Донской области калмыки дѣлали на нихъ набѣги и угоняли скотъ и лошадей. Войсковой атаманъ усилилъ охрану границы и полагалъ, что, при этомъ условіи, можно было бы отдавать эти пустопорожнія земли подъ хутора для разведенія лошадей, рогатаго скота и овецъ. Само собою разумѣется, что это проектировалось для обезпеченія главнымъ образомъ чиновниковъ, которыхъ не стѣсняли бы въ хуторскомъ землепользованіи казаки и которые сидѣли бы на войсковыхъ земляхъ, а не на собственныхъ.

Итакъ, слѣдовательно, сама войсковая администрація, правда, подъ давленіемъ генерала Вельяминова. не считала возможнымъ отдачу земель чиновникамъ въ собственность, но находила нужнымъ выдѣленіе этихъ земель изъ числа юртовыхъ или станичныхъ владѣній въ особыя площади пустопорожнихъ угодій.

Около того же времени предъявило свои требованія на обособленное землепользованіе и духовенство. Какъ видно изъ указа Астраханской духовной консисторіи, отъ 15 іюля 1825 г., священникъ станицы Ахтанизовской Иваницкій и дьячекъ Радченко просили общество отвести имъ особо сѣнокосныя мѣста, чтобы не участвовать „въ общемъ народномъ стремительномъ сѣнокошеніи, несоотвѣтственномъ духовному званію". Общество не уважило этой прось-

бы и священникъ съ дьячкомъ занесли жалобу въ консисторію. Консисторія съ своей стороны, сообщая объ этомъ войсковой канцеляріи и опираясь на межевую инструкцію, по которой духовенству полагались обособленные участки земли, грозила перевести священника и дьячка въ другой приходъ, оставя жителей станицы Ахтанизовской безъ духовенства.

Жалоба эта, однако, носила характеръ исключительнаго случая. Черноморское духовенство пользовалось земельными угодьями всюду наравнѣ съ казаками, и это было для него выгоднѣе, чѣмъ выдѣленіе по межевой инструкціи 33 дес. земли на причтъ. Какъ офицеры и казаки, духовныя лица имѣли свои хутора и заимки. Недоразумѣнія и стѣсненія могли быть, при этомъ условіи, лишь общаго характера, касающіяся всего казачьяго землепользованія. Духовенство въ этомъ отношеніи ничѣмъ не выдѣлялось изъ массы казаковъ и пользовалось такими же преимуществами, какъ и черноморскіе чиновники.

Въ 1830 г., по даннымъ записки войсковой канцеляріи, составленной для петербургскаго комитета по вопросу объ улучшеніяхъ въ войскѣ, числилось 2.973.880 дес. всей земли у войска, въ томъ числѣ подъ усадьбами, садами, огородами, выгономъ и пашнями 184941 дес. Цифры, конечно, приблизительныя, но характерныя. Если пашни вмѣстѣ съ усадьбами и выгономъ составляли 6,2% общей площади, то, очевидно, въ краѣ было слабо развито земледѣліе, господствующимъ промысломъ было скотоводство и пустующихъ земель было много. Чиновники и казаки, гласитъ записка, пользовались всѣми угодьями „наравнѣ“, „безъ ограниченія участками“, согласно грамотѣ 1792 г. Точно также офицеры и казаки, жившіе хуторами, пользовались войсковыми землями „наравнѣ съ прочими жителями безобидно одинъ другому“. Обиды, земельныя недоразумѣнія, разумѣется, были, но права на землю у всѣхъ были „наравнѣ“, одинаковыя. За устраненіемъ обидъ и земельныхъ недоразумѣній тщательно слѣдили какъ войсковое правительство, такъ и земскія сыскныя начальства и полиція города Екатеринодара. Въ отношеніи правъ собственности земля считалась неприкосновенною, но всѣ жители могли продавать, закладывать и продавать по наслѣдству постройки, сады, рощи и огороды; пахатныя же земли никто не имѣлъ права ни заложить, ни тѣмъ болѣе продать; можно было лишь передать въ другія руки для пользованія.

Но безпорядочное распредѣленіе хуторовъ не давало покоя ни войсковымъ властямъ, ни куреннымъ жителямъ. Стѣсненія въ землепользованіи были настолько велики, что войсковая администація рѣшила вновь въ 1831 г. покончить разъ навсегда съ вопросомъ о хуторахъ. Имѣя въ виду, что хутора служили притонами для пристанодержательства воровъ и разбойниковъ, она раздѣлила всѣ хутора на два разряда—на благонадежные, которые должны были остаться на мѣстахъ, и неблагонадежные, подлежащіе перенесенію

въ курени. По собраннымъ окружной администраціей свѣдѣніямъ, на 681 хуторъ благонадежныхъ хозяевъ приходилось 832 неблагонадежныхъ. Первые рѣшено было оставить на мѣстахъ, а вторые приказано было снести во что бы то ни стало. Судя по отдѣльнымъ распоряженіямъ о перенесеніи хуторовъ, циркуляръ войскового начальства оставался большею частью на бумагѣ и только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ приводился въ исполненіе. Канцелярскія предписанія шли своимъ путемъ, а жизнь—своимъ.

И снова цѣлые годы проходили въ перепискѣ, не дававшей серьезныхъ результатовъ. Хуторяне крѣпко держались за свои заимки и способы веденія хозяйства. Въ 1839 г. самъ наказный атаманъ генералъ Заводовскій писалъ, что онъ „не знаетъ, чтобы о чемъ-либо другомъ можно было вести переписку столь долго и неуспѣшно", какъ это дѣлалось о хуторахъ. Войсковая канцелярія, конечно, предписала немедленно перенести хутора. Разумѣется, и это распоряженіе осталось лишь бумажнымъ документомъ. Нашлась цѣлая масса хозяевъ, выразившихъ протестъ противъ этого распоряженія. Указывая на то, что они обзавелись на хуторахъ хозяйствомъ и представивъ удостовѣренія отъ своихъ куренныхъ обществъ о благонадежности, они требовали оставленія хуторовъ на мѣстахъ. Вслѣдствіе этого Заводовскій распорядился, чтобы произведенъ былъ новый осмотръ всѣхъ хуторовъ и чтобы оставлены были на мѣстахъ одни фундаментальные хутора, если только хозяева ихъ представятъ свидѣтельства о благонадежности.

Да и на самомъ дѣлѣ хуторское хозяйство представляло несомнѣнныя выгоды, какъ господствующая форма главнаго промысла въ Черноморіи—скотоводства. Объ этомъ свидѣтельствуетъ генералъ-адъютантъ баронъ Розенъ. Когда 1837 г., по иниціативѣ Императора Николая 1-го, возникъ вопросъ о поддержаніи въ Черноморскомъ войскѣ частныхъ конныхъ заводовъ, баронъ Розенъ въ своемъ сообщеніи военному министру 20 января 1838 г. такъ охарактеризовалъ землепользованіе въ Черноморскомъ войскѣ.

Станицы, именовавшіяся куренями, фактически уже владѣли обособленными землями или юртами, которыми обезпечивались нужды станичнаго населенія. Земли, лежавшія за предѣлами куренного владѣнія, находились подъ хуторами чиновниковъ и казаковъ. На хуторѣ, говорится въ сообщеніи барона Розена, устраивалось все домашнее обзаведеніе и главные виды хозяйства, т. е. хуторяне содержали свои стада, производили сѣнокошеніе на зимнее довольствіе рабочаго и нѣкоторой части гулевого скота, дѣлали посѣвы для собственнаго продовольствія. Все это находилось подъ руками хозяина, доставляло ему удобства присмотра, даже при отсутствіи его на службѣ, когда на дому оставалась одна жена съ дѣтьми. Такіе хутора устраивались на мѣстахъ съ удобными водопоями. Скотъ ходилъ на хуторахъ свободно и стада одного хуторянина выпасывались на земляхъ другого невозобранно, такъ какъ это

представляло несомнѣнныя удобства и выгоды для всѣхъ скотоводовъ. При передвиженіи скота съ мѣста на мѣсто, лошади, рогатый скотъ и овцы всегда имѣли свѣжій кормъ и водопои, а на мѣстахъ освобожденныхъ отъ скота поправлялись пастбища. Такъ выкармливался скотъ всеною, лѣтомъ и осенью. На зиму же стада отправлялись къ Азовскому и Черному морямъ, къ лиманамъ и морскимъ заливамъ, гдѣ лѣтнее время комары, оводы и др. насѣкомыя не позволяли находиться скоту, а зимою, подъ защитою камышей, скотъ находилъ достаточно подножнаго корма. Безъ этого подспорья нельзя было водить скота. Не хватило бы ни рабочихъ рукъ, ни полей для того, чтобы заготовить достаточное количество сухого корма на зиму.

На этомъ основаніи, баронъ Розенъ находилъ цѣлесообразнымъ придерживаться существующихъ формъ землепользованія и не выдѣлять особыхъ участковъ подъ конскіе заводы. Для этого не хватило бы земли, а на небольшихъ площадяхъ заводчики не могли бы водить лошадей съ такими удобствами, какъ при существующей системѣ выкармливанія скота хуторянами. Но даже и въ эти порядки землепользованія баронъ Розенъ предлагалъ ввести, въ видахъ общей войсковой пользы, нѣкоторыя ограниченія. Требовалось, по мнѣнію этого начальника, опредѣлить предѣльную норму скота для офицеровъ и казаковъ. Такими нормами слѣдовало признать для штабъ-офицера 150 лошадей, 150 головъ рогатаго скота и 400 овецъ, для оберъ-офицера по 100 головъ двухъ первыхъ видовъ скота и 300 штукъ овецъ, для урядника по 75 головъ первыхъ и 200 головъ вторыхъ и для казака по 50 головъ первыхъ и 100 штукъ вторыхъ. Затѣмъ за всякую голову скота сверхъ нормы въ войско слѣдовало вносить по 50 коп. съ лошади, по 30 коп. съ рогатаго скота и по 15 коп. съ овцы въ годъ. Предположенія барона Розена отличались замѣчательною практичностью, такъ какъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ были осуществлены въ жизни казачества впослѣдствіи. Надо полагать, что предположенія эти были подсказаны представителями войска.

Недостатокъ въ землѣ уже ощущался въ это время. Возникали споры изъ за земли не только внутри войска, между куренями и хуторами, но и на границѣ его. Въ 1837 г. велись такіе споры изъ за пограничныхъ земель между Черноморскими и Донскими казаками. Донское войско заявило претензіи относительно того, что будто бы черноморцы стѣсняли калмыковъ въ землепользованіи по правую сторону р. Кугоеи. Чтобы рѣшить споръ отъ каждаго войска выѣхало 12 депутатовъ. Когда тѣ и другіе установили дѣйствительную границу между землями обоихъ войскъ, то оказалось, что калмыки выпасывали свой скотъ на земляхъ Черноморскаго войска, косили здѣсь сѣно и перевозили его въ Донскую область, а также совершенно истребляли камышъ. Пользуясь такимъ образомъ кормами на чужихъ земляхъ, калмыки оставляли нетронутыми свои корма

для зимы. Вслѣдствіе этого черноморцы стали запрещать калмыкамъ переходить со скотомъ на земли Черноморскаго войска.

До сихъ поръ вся земля считалась войсковою собственностью, попытки хуторянъ обратить свои земли „въ вѣчно потомственныя" признавались населеніемъ незаконными и равноправность всѣхъ казаковъ въ землепользованіи неоспоримою. Но съ введеніемъ положенія о Черноморскомъ казачьемъ войскѣ 1842 года центральное правительство внесло новыя начала въ казачье землевладѣніе и землепользованіе. Признавая за жалованными грамотами юридическую силу, составители положенія тѣмъ не менѣе примѣнили къ этимъ грамотамъ положеніе о земельномъ довольствіи въ войскѣ Донскимъ, въ которомъ было дворянство помѣстное, чего въ Черноморіи не было. На этомъ основаніи, безъ вѣдома войска, установлены были нормы землепользованія—генералу 1500 дес. земли, штабъ-офицеру 400 дес., оберъ-офицеру 200 дес., а казаку 30 дес. Земля давалась какъ бы въ видѣ жалованья за службу, тогда какъ въ дѣйствительности она и безъ того принадлежала казакамъ, на основаніи жалованныхъ грамотъ. Этимъ путемъ конечно, казна освободилась отъ значительныхъ расходовъ на жалованье казакамъ и пенсіи. Но это осталось бы неизмѣннымъ и въ томъ случаѣ, если бы сами казаки, какъ собственники и хозяева земли, распорядились ею. Однимъ словомъ, положеніемъ 1842 года Черноморскому казачеству въ первый разъ были навязаны земельные порядки извнѣ, въ обязательной или, точнѣе, въ принудительной формѣ.

Прошло пять лѣтъ и Высочайше утвержденнымъ положеніемъ 12 апрѣля 1847 года принципъ временнаго пользованія войсковыми землями за службу обращенъ былъ въ принципъ частной земельной собственности, но не общій для всего казачества, а въ примѣненіи лишь къ чиновному его классу. Примѣняясь къ нормамъ, установленнымъ положеніемъ 1842 года, т. е. по разсчету 1500 дес. на генерала, 400 дес. на штабъ-офицера, 200 дес. на оберъ-офицера и 30 дес. на казака съ запасомъ въ 15 дес., оказалось, что для надѣленія землей Черноморскаго войска требовалось 4.001.255 дес.; въ дѣйствительности же было только 2842516 дес. Недоставало, слѣдовательно, 1.715.808 дес. и самыя нормы пропорціонально понизились для генерала до 839 дес., штабъ-офицера до 234 дес., оберъ-офицера до 112 дес. и казака до 17 дес., съ запасомъ въ 8 дес. Одно уже это обстоятельство указывало на явныя невыгоды обращенія части войсковыхъ земель въ частную собственность. Заранѣе можно было расчитать, что будетъ надѣлено землями только одно поколѣніе чиновниковъ и останутся безъ земли всѣ послѣдующія поколѣнія. Тѣмъ не менѣе мысль о выдѣленіи земли въ частную собственность чиновникамъ пришлась по душѣ этимъ послѣднимъ. Желающіе получить субственную землю были и желаніе это росло послѣдовательно и интенсивно.

Но вопросъ о хуторахъ и хуторскомъ скотоводствѣ по прежнему оставался нерѣшеннымъ. Какъ и раньше, писались распоряженія о

сносѣ извѣстнаго рода хуторовъ и объ упорядоченіи хуторскихъ заимокъ, а хуторяне оставались на мѣстахъ. Въ 1851 г. чуть ли не въ десятый разъ были выработаны и утверждены новыя правила о хуторахъ. Единственная особенность этихъ правилъ состояла въ томъ, что новые хутора разрѣшалось занимать не раньше того, какъ будутъ размежеваны станичныя юрты.

Но межевая коммиссія, открывая свои дѣйствія, только въ 1848 г. далеко не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ. Межеваніе шло туго и медленно и межевымъ работамъ не видно было конца. Въ 1849 г. возникъ вопросъ о необходимости тріангуляціонныхъ работъ. Несмотря на то, что безъ установленія тригонометрическихъ пунктовъ немыслимо было приступить къ размежеванію земель на юрты и отдѣльныя части, въ лицѣ генерала Рашпиля нашелся сильный противникъ этого рода работъ, какъ дорого стоившихъ. Само собою понятно, что впослѣдствіи, въ силу необходимости, межевымъ чинамъ пришлось заняться тріангуляціей.

А между тѣмъ желаніе поскорѣе получить земли въ собственность росло все болѣе и болѣе въ средѣ чиновниковъ Черноморскаго войска. Сторонникомъ скорѣйшаго надѣленія офицеровъ землей оказался самъ наказный атаманъ генералъ Кусаковъ. Несмотря на то, что въ Черноморскомъ войскѣ, по предварительному учету, земли не хватало для надѣленія офицеровъ и казаковъ землею по нормамъ, генералъ Кусаковъ рѣшилъ въ декабрѣ 1858 г. надѣлить землею офицеровъ и священнослужителей въ полномъ размѣрѣ, а казаковъ въ половинномъ, т. е. только по 15 дес. на душу. Въ такомъ смыслѣ Кусаковъ и затребовалъ предварительныя свѣдѣнія о надѣленіи всего населенія землей. Однако, оказалось, что для осуществленія кусаковскаго плана пришлось бы произвести измѣненія въ самыхъ станицахъ: изъ станицъ малоземельныхъ потребовалось бы выселить часть населенія въ станицы многоземельныя. Такая ломка, несомнѣнно, разорила бы очень многихъ и Кусаковъ благоразумно отложилъ исполненіе своего плана впредь до болѣе разносторонняго уясненія условій.

Такимъ образомъ, Черноморское казачье войско, наканунѣ своего преобразованія въ Кубанское войско, фактически было еще собственникомъ всей своей земли; землепользованіе было заимочное и захватное; казаки пользовались исключительно тѣмъ, что давала природа, и занимались въ обширныхъ размѣрахъ скотоводствомъ; земледѣліе было слабо развито и культура зерновыхъ хлѣбовъ носила крайне экстенсивный характеръ; казаку еще некогда было заниматься хозяйствомъ, какъ слѣдуетъ. Но подготовительнымъ законодательствомъ уже предрѣшено было выдѣленіе части войсковыхъ земель въ частную собственность. Институтъ войскового землевладѣнія, какъ сложился онъ у казаковъ обычнымъ путемъ и оформленъ былъ въ Высочайшихъ грамотахъ, оказался нарушеннымъ въ самомъ корнѣ казачьяго быта и особенностей.

Глава XXVI.

ВОЙСКОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Войсковое хозяйство возникло одновременно съ заселеніемъ края и съ хозяйствомъ частнымъ. Войску требовались средства на общественныя нужды, и оно сразу придало нѣкоторымъ выгоднымъ предпріятіямъ характеръ войсковыхъ. Такими были Ачуевскій рыболовный заводъ и солепромышленность. Позже возникли формы войскового хозяйства, предназначенныя не только для полученія войсковыхъ средствъ, но и для культурныхъ цѣлей, какъ образцовые разсадники. Такъ возникли конскій и овчарный заводы.

Первымъ по времени общественнымъ предпріятіемъ былъ войсковой кирпичный заводъ. Его устроилъ еще судья Головатый, „на что, по выраженію канцеляріи, совершенно пришло время и чего необходимо войсковая польза, честь и слава требуютъ". За этимъ витіеватымъ изрѣченіемъ крылось въ дѣйствительности довольно заурядное дѣло. По требованію войсковой канцеляріи, куренныя общества выставляли по очереди на работы опредѣленное число служащихъ казаковъ и снаряжали казачьи воловьи подводы для возки глины, песку и кирпича. Заводомъ вѣдали войсковые чиновники, а кирпичи приготовляли казаки, и это зачислялось имъ за службу.

Въ 1808 г. войсковой кирпичный заводъ переданъ былъ двумъ подрядчикамъ, съ которыми войсковая канцелярія заключила условіе на постройку изъ кирпичей 40 куреней въ г. Екатеринодарѣ, зданія канцеляріи и церкви на кладбищѣ. Подрядчики, конечно прибрали въ свои цѣпкія руки казаковъ кирпичнаго завода. Въ августѣ 1810 г. донской казакъ Матякинъ, довѣренный подрядчика сотника Гусельщикова, извѣстилъ канцелярію, что изъ 46 рабочихъ, числившихся на заводѣ, 6 человѣкъ бѣжало, а 23 было больныхъ. Матякинъ просилъ канцелярію замѣстить недостающее число рабочихъ казаками по наряду. Въ 1811 г. въ канцелярію поступило нѣсколько прошеній въ такомъ родѣ отъ подрядчика донского казака Ачинова, просившаго канцелярію розыскать 15 человѣкъ бѣжавшихъ и въ томъ числѣ двѣ женщины. Канцелярія послала на счетъ Ачинова особыхъ нарочныхъ съ открытыми листами и съ приказаніемъ представить бѣжавшихъ подъ строгимъ карауломъ на заводъ.

Въ мартѣ 1817 г. войсковая канцелярія распорядилась, чтобы къ веснѣ будущаго года куренныя общества или хорошо откормили куренныхъ воловъ, или же купили новыхъ, пригодныхъ для возки животныхъ, и чтобы въ Екатеринодаръ было выслано 80 здоровыхъ внутренно-служащихъ казаковъ для работъ на заводѣ. Волы предна-

значались для возки дровъ, глины, песку и кирпича. По окончаніи работъ они поступали въ куренныя общества, которымъ войско уплачивало извѣстное вознагражденіе за пользованіе волами.

Въ этомъ году кирпичный заводъ снова перешелъ въ непосредственное вѣдѣніе войсковой канцеляріи. Дѣла съ подрядчиками плохо ладились. По условію 1808 г. подрядчики Ачиновъ и Гусельщиковъ обязались выдѣлывать кирпичъ и построить изъ него 40 куреней-казармъ, зданіе правленія и церковь по 22 р. 50 к. за тысячу, положеннаго въ стѣны кирпича. Въ задатокъ войско выдало имъ 10,000 рублей. Но подрядчики не смогли выполнить взятыя на себя обязательства. Рабочіе болѣли и 4 умерло. Выдѣлка кирпича тормозилась, благодаря набѣгамъ черкесовъ, мѣшавшихъ работамъ. Подъ вліяніемъ этого рабочіе не шли на заводъ. Мука съ 3 р. 25 к. за четверть повысилась до 11 и 12 рублей. Приготовленіе кирпича при такихъ условіяхъ, обходилось до 30 руб. за тысячу и приносило предпринимателямъ одни убытки. Въ 1811 г. нанятые на работу 60 человѣкъ переселенцевъ, забравши впередъ деньги, частью заболѣли, а частью разбѣжались. Самъ Гусельщиковъ умеръ, а его компаньонъ Ачиновъ оказался несостоятельнымъ. Такъ какъ и войско потерпѣло при этомъ убытки, то войсковая канцелярія распорядилась описать имущество умершаго Гусельщикова и Ачинова, продать это имущество и вырученными отъ продажи деньгами погасить долги войску.

Такимъ образомъ, обстоятельства заставили войсковую администрацію взять въ свои руки кирпичный заводъ. Въ 1817 г. смотрителемъ завода назначенъ былъ сотникъ Кардашевскій, а приготовленіе кирпича поручено было казаку куреня Щербиновскаго Кривцову на слѣдующихъ условіяхъ.

Рабочіе назначались на кирпичный заводъ войсковой канцеляріей изъ разряда служащихъ казаковъ. Провіантъ и другіе продукты поставлялись также войсковой канцеляріей и находились въ вѣдѣніи смотрителя завода.

Подвозка матеріаловъ—глины, песку и воды, производилась „войсковыми волами“ или, правильнѣе, волами, купленными для этой цѣли куренями по наряду. Дрова и инструменты поставляла также канцелярія.

На Кривцовѣ лежали обязанности только знатока дѣла, спеціалиста. Онъ отвѣчалъ лишь за „недопаленный кирпичъ“ и невыдѣланный, какъ слѣдуетъ, сырецъ, въ размѣрѣ причитавшейся ему платы по 75 коп. съ тысячи. Въ августѣ того же 1817 г. смотритель Кардашевскій донесъ войсковой канцеляріи, что на заводѣ оставалось прошлогодняго кирпича 32252 штуки и сырца 77000 штукъ. Въ теченіе года вновь выжжено 92900 шт. и было приготовлено сырца 214070 шт., невыжженнаго за неимѣніемъ дровъ. Производить большее количество кирпича было невозможно, такъ какъ сараи были завалены сырцомъ. Смотритель отпустилъ, по

распоряженію войсковой канцеляріи, чиновникамъ 27323 шт. кирпича и на войсковыя нужды—острогъ, казармы, пороховой погребъ, 196100 шт. При заводѣ числилось 78 казаковъ и за выдѣланный кирпичъ, въ количествѣ 305570 шт., имъ уплачено изъ войсковыхъ суммъ по 4 р. за тысячу или всего 1222 р. Такъ какъ, за отсутствіемъ занятыхъ сырцемъ сараевъ, негдѣ было приготовлять кирпичъ, то рабочіе были распущены по домамъ.

Дальнѣйшая судьба войскового кирпичнаго завода неизвѣстна. Но въ 1847 и 1848 г.г. для постройки собора въ Екатеринодарѣ начато было приготовленіе кирпича на войсковомъ заводѣ и приглашенъ былъ для этого спеціалистъ. На этотъ разъ дѣло, однако, совсѣмъ не удалось, благодаря плохому знакомству съ нимъ самого спеціалиста. Урядникъ Брага, назначенный въ качествѣ помощника смотрителя для выдѣлки кирпича, оказался настолько поверхностнымъ знатокомъ дѣла, что изъ 77500 шт. выжженнаго кирпича оказалось болѣе половины—40000 шт., никуда негоднаго.

Болѣе сложнымъ и цѣннымъ войсковымъ предпріятіемъ былъ рыболовный заводъ. Рыболовство было исконнымъ занятіемъ казачества. У Черноморскаго же войска были превосходныя рыболовныя угодья. Лучшими изъ нихъ считались Ачуевскія рыболовныя мѣста, подаренныя войску еще княземъ Потемкинымъ Таврическимъ, а впослѣдствіи закрѣпленныя за войскомъ жалованною грамотою Екатерины II-й. Когда Черноморцы заняли край, Ачуевскія рыболовныя угодья были въ арендѣ у донского казака Селиверстова. Не желая имѣть дѣло съ этимъ арендаторомъ, войско купило у него за 8000 руб. Черноморскій рыболовный заводъ, дѣйствовавшій на Ачуевскихъ рыбныхъ ловляхъ, и стало сдавать его въ аренду другимъ предпринимателямъ.

Первоначально войско сдавало подрядчикамъ одну выловленную рыбу. Оно ставило отъ себя смотрителя завода, который распоряжался всѣмъ дѣломъ рыболовства, слѣдилъ за уловомъ рыбы, приготовленіемъ ея въ прокъ, сбытомъ и т. п. Въ 1801 г. смотритель Ачуевскаго завода капитанъ Лисовинъ просилъ войскового атамана Бурсака выслать ему обратно 10 бочекъ, въ которыхъ въ декабрѣ 1799 г. послана была имъ малопросоленная сула въ пищу войсковымъ старшинамъ. Ачуевскій заводъ не только давалъ доходъ войску, но очевидно, кормилъ, по старой памяти, рыбой и войсковую старшину.

На самомъ заводѣ царили непорядки и пьянство. Забродчики, т. е. рыболовы, считались отъявленными пьяницами. Это была большею частью бездомовая вольница, сирома, которая славилась искусствомъ въ рыболовствѣ, но которой было по колѣно море: сегодня, при богатомъ уловѣ рыбы, она была сыта и богата, а къ слѣдующему дню все было спущено на водку и кутежи. Въ 1801 г. войсковая канцелярія сдѣлала строгое предписаніе, чтобы забродчики не пьянствовали. Само собой разумѣется, что на это предпи-

саніе никто изъ забродчиковъ не обратилъ вниманія. Назначенная вскорѣ ревизія завода показала, что заводъ былъ очень запущенъ и полуразрушенъ. По описи онъ со всѣмъ обзаведеніемъ—домомъ, амбарами, ледниками, солилами, шаплыками, якорями и пр., оцѣненъ былъ всего въ 3005 р. ассигнаціями, т. е. на 5000 р. ниже той цѣны, за которую онъ былъ купленъ у Селиверстова.

Чтобы ослабить пьянство, на заводѣ воспрещена была продажа водки и др. крѣпкихъ напитковъ. Предположено было также сдавать рыбу по условленнымъ цѣнамъ рядчику только разъ въ году осенью. Но предположеніе это не было осуществленно, и въ мартѣ 1801 г. войсковая канцелярія заключила съ сотникомъ Донского войска Николаевымъ контрактъ, по которому Николаевъ обязался принимать въ Ачуевскомъ заводѣ сулу въ 10 и болѣе вершковъ мѣрою по 22 р. за тысячу. Въ послѣдующіе годы запродажа рыбы по цѣнамъ, заранѣе опредѣленнымъ контрактами, вошла въ практику. Контрагентъ оплачивалъ весь уловъ рыбы, а войско и забродчики дѣлились доходами пополамъ, на основаніи установившихся обычаевъ. Въ 1807 г. сотникъ Николаевъ закупилъ по контракту икру судака по 75 коп. за пудъ при условіи годности ея для ѣды. Соотвѣтственныя цѣны были установлены также на другіе виды рыбы и ея продукты. Въ такихъ формахъ извлекался войсковой доходъ отъ рыболовства нѣсколько лѣтъ.

Послѣдующею формою аренды была сдача всего войскового рыболовнаго предпріятія въ одни руки откупщику. Такимъ окупщикомъ долгое время былъ купеческій сынъ Антимоновъ. Пользуясь правами монопольнаго рыбовловства, Антимоновъ старался всячески обезпечить свои выгоды всевозможными распоряженіями войсковой администраціи. Такъ, въ 1818 г. онъ просилъ войсковую администрацію освободить отъ военной службы казаковъ, ловившихъ у него рыбу на Ачуевскомъ заводѣ. Очевидно, Антимоновъ добивался закрѣпленія за заводомъ такихъ порядковъ, которые давали бы ему постоянный и усиленный притокъ рабочихъ рукъ. Войско, понятно, не могло удовлетворять подобныя требованія частныхъ лицъ.

Фактически въ этомъ отношеніи существовали порядки, сложившіеся въ выгодахъ предпринимателя. Рыболовныя ватаги не могли существовать безъ предпринимателя, скупщика. Артельное начало, практиковавшееся въ этой области съ незапамятныхъ временъ, приняло на войсковыхъ промыслахъ слѣдующія формы. Контрагентами являлись, съ одной стороны, артель забродчиковъ, а съ другой, арендаторъ войсковыхъ промысловъ. На такихъ основаніяхъ на годъ былъ заключенъ контрактъ 12 октября 1820 г. между арендаторомъ Ачуевскаго завода Булгаковымъ и рабочими—казаками Заводчикомъ и Кушнаренкомъ съ товарищами. Въ числѣ товарищей значились Пугачъ, Волошинъ, Сенаторскій и еще 26 человѣкъ, имена которыхъ не отмѣчены въ контрактѣ, по всей вѣроятности, потому, что это были бѣглецы изъ разныхъ мѣстъ—изъ тю-

ремъ, отъ помѣщиковъ и пр. Забродчики ставили артель отъ 120 до 140 человѣкъ.

Булгаковъ обязался принимать: севрюгу соленую и всякую красную рыбу по 1 р. 65 к. за пудъ, икру паюсную по 7 р. 50 к. за пудъ, икру жидкую по 3 р. пудъ, вязигу 6 р. 50 к. за пудъ, севрюжій клей—6 р. 50 к. за пудъ, сулу мѣрную—65 р. за тысячу, сулиную боковню по 10 р. за тысячу, рыбій жиръ—1 р. 50 к. за пудъ, сомъ соленый—1 р. за пудъ, сомовый клей—6 р. 50 к. за пудъ, сазанъ мѣрный—120 р. за тысячу, чебакъ-головню—10 р. тысяча, икру судака по 1 р. за пудъ, сазана недомѣрка—60 р. за тысячу. Въ контрактъ поставлено было также условіе о томъ, что откупщикъ долженъ былъ отпустить войсковой канцеляріи 120 пуд. севрюжьей икры и 1 пудъ севрюжьяго клея „безденежно“.

Разсчеты между артелью и откупщикомъ должны были вестись по книгѣ, а на руки забродчикамъ, кромѣ того, выдавался особый листъ, который назывался „кагатъ“. Въ контрактѣ заранѣе было обусловлено, что долги 14-ти изъ числа договорившихся забродчиковъ, въ суммѣ 1170 руб., должны быть вычтены при дуванѣ, т. е. при дѣлежѣ добычи. Вычету при дѣлежѣ подлежали также расходы на хлѣбъ, соль, пшено и 15000 руб., слѣдуемой съ откупщика аренды войску. Остальной доходъ дѣлился на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна поступала ватагѣ, а другая откупщику.

По показанію атамана ватаги Кушнаренко, въ ватагѣ было всего 8 человѣкъ казаковъ, а остальные забродчики были иногородніе. По свидѣтельству того-же Кушнаренка, количество вылавливаемой у Ачуевскаго завода рыбы было меньше, чѣмъ слѣдовало, потому что у откупщика Булгакова не было достаточнаго набора снастей и онъ ставилъ кручья такимъ образомъ, что заграждалъ ходъ рыбѣ въ Протоку, гдѣ она метала икру.

Какъ видно изъ цифровыхъ данныхъ за 10 лѣтъ, количество полученнаго войскомъ дохода съ Ачуевскихъ рыболовныхъ водъ съ 1811 г. по 1815 г. равнялось 280275 р., съ 1815 по 1819 г.—301270 р., съ 1819 по 1821 г.—302200 р. и за годъ и два мѣсяца 1821 г. 42651 р. За послѣдній срокъ пользованіе заводомъ находилось въ хозяйственномъ завѣдываніи администраціи. Такимъ образомъ, годовой доходъ въ первый періодъ равнялся 70000 р., во второй—75000, въ третій—106,656 р. и въ четвертый—только 36570 р. Таковы были результаты административнаго хозяйничанья.

Въ октябрѣ 1822 г. петербургскій купецъ Кузинъ и курскій Антимоновъ взяли на откупъ Ачуевскій рыболовный заводъ, съ продажей въ немъ горячихъ напитковъ, красныхъ и мелочныхъ товаровъ за 70000 руб. на 4 года, т. е. по 1-ое октября 1826 г. Заводъ войско передало арендаторамъ съ строеніями, инвентаремъ для приготовленія рыба и снастями для рыболовства. До сихъ поръ войско имѣло дѣло съ откупщикомъ Булгаковымъ. Въ томъ же

1820 г. Булгаковъ, потерпѣвшій убытки на предпріятіи, просилъ генерала Ермолова о сложеніи съ него части арендной платы за Ачуевскій заводъ. Съ него слѣдовало 151.000 руб., а между тѣмъ, вслѣдствіе какой-то заразы на рыбѣ, въ огромномъ количествѣ погибшей въ водѣ, онъ мало поймалъ рыбы и разорился. Послѣ второй просьбы Булгакова, Ермоловъ предписалъ войсковой канцеляріи взять съ Булгакова только 27337 р. 50 к. аренды, а остальные 115662 р. 50 к. разсрочить до августа будущаго года.

Въ 1831 г. заводчикъ Дубина и 60 забродчиковъ заключили контрактъ съ комитетомъ по управленію Ачуевскимъ рыболовнымъ заводомъ. Такой-же контрактъ былъ заключенъ и въ 1833 г. съ тѣмъ-же Дубиною и 48 забродчиками. Повидимому, въ это время была измѣнена система завѣдыванія заводомъ и смотритель завода былъ замѣненъ комитетомъ. Въ этомъ же году послѣдовало запрещеніе иногороднимъ устраивать заводы и заниматься рыболовствомъ. Въ 1838 г. Ачуевскій заводъ былъ сданъ въ аренду на 4 года таганрогскому купцу Бехтеру за 137000 р. ассигнаціями въ годъ. Но и Бехтеръ разорился на этомъ предпріятіи, несмотря на обиліе выловленной въ ачуевскихъ водахъ рыбы. Наконецъ, въ 1844 г. Ачуевскій заводъ былъ переданъ въ аренду Посполитаки за 30000 руб. въ годъ, вслѣдствіе несостоятельности откупщика Бехтера.

Съ этого времени начинается монопольное господство въ рыбопромышленности откупщика, принадлежавшаго къ составу казачьей старшины. Съ 1846 г. за тѣ же 30000 руб. въ годъ Посполитаки заключаетъ съ войскомъ контрактъ на 4 года, и сразу же пытается поставить свое предпріятіе въ исключительныя условія. Въ 1847 г., по его настоянію, было разослано всюду по войску предписаніе о содѣйствіи откупщику Посполитаки въ преслѣдованіи постороннихъ въ войскѣ рыболововъ и безпошлиннаго вывоза рыбы за предѣлы войска. Тогда же Посполитаки предложилъ войску 2000 руб. аренды въ годъ на 8 лѣтъ за нѣкоторыя, не вошедшія въ откупъ рыболовныя мѣста—лиманы, гирла, ерики и пр., и получилъ на этихъ условіяхъ въ аренду довольно цѣнныя рыбныя угодья.

Съ 50-ыхъ годовъ противъ Посполитаки возбуждается рядъ претензій о нарушеніи имъ интересовъ остальныхъ рыболововъ. Въ 1851 г. казакъ Буравель подалъ Наслѣднику просьбу о взысканіи съ войскового старшины Посполитаки 2623 р. ассигнаціями, а общество станицы Новонижестебліевской просило взыскать съ Посполитаки 13000 р. неправильно взятаго съ жителей акциза за рыбу. Въ 1852 г. поступилъ рядъ жалобъ на откупщика за притѣсненія имъ жителей Новонижестебліевской, Темрюкской и др. станицъ. Комиссія, разбиравшая эти жалобы, нашла необходимымъ составить точный планъ на воды, но не только не приняла стороны жалобщиковъ, но и постановила наказать ихъ за противозаконныя дѣйствія, предоставивъ имъ право вѣдаться съ откупщикомъ установленнымъ судебнымъ порядкомъ. Въ томъ-же году жалобщики были

даже преданы военному суду по чисто формальнымъ поводамъ—за наименованіе себя уполномоченными общества и за подстрекательство, что, будто бы, обнаружилось въ подачѣ жалобы на откупщика Посполитаки. Дѣлу преданъ былъ какъ бы политическій характеръ. При этомъ хорунжій Поночевный посаженъ былъ до суда на гауптвахту, а урядникъ Калина въ острогъ.

Такимъ образомъ, Ачуевскій войсковой рыболовный заводъ, какъ общественное предпріятіе, послужилъ впослѣдствіи основою для монополіи откупщиками важнѣйшихъ рыболовныхъ промысловъ. Аппетиты откупщика Посполитаки были такъ велики и его произволъ настолько гнетущимъ, что казаки-рыболовы подняли открытый протестъ и просили войсковую администрацію оставить за ними рыболовные промыслы по той же арендной платѣ, какую давалъ войску Посполитаки. Протестъ казаковъ былъ доведенъ до Государя, приказавшаго предоставить въ общее пользованіе жителей Черноморіи всѣ рыболовныя воды, за исключеніемъ одного Ачуевскаго завода, доходы съ котораго по прежнему должны были поступать въ войско. Вслѣдствіе этого были выработаны Высочайше утвержденныя 2 февраля 1855 г. „Правила о свободномъ рыболовствѣ въ водахъ Черноморскому войску принадлежащихъ“.

Съ этого времени войсковымъ предпріятіемъ по прежнему остался одинъ Ачуевскій рыболовный заводъ, сдававшійся въ аренду, которая поступала въ доходъ войска.

Съ рыболовствомъ тѣсно связана была солепромышленность, считавшаяся войсковой доходной статьей. Но получая съ солепромышленности доходъ, войско для извлеченія его не устраивало никакихъ войсковыхъ предпріятій. Войсковая администрація заботилась лишь объ организаціи надзора за солепромышленностью и солепромышленниками. Съ этой цѣлью организовано было особое управленіе, состоявшее сначала изъ одного, а затѣмъ изъ нѣсколькихъ смотрителей—одного главнаго и нѣсколькихъ участковыхъ. Въ распоряженіе этихъ смотрителей давались казачьи команды. Въ первое время существованія войска команды эти состояли изъ служилыхъ казаковъ и служба на соляныхъ озерахъ зачитывалась имъ за службу на кордонной линіи. Впослѣдствіи на соляные промыслы, какъ и въ другія мѣста по управленію войскомъ, посылались такъ называемые внутреннослужащіе казаки.

При такомъ характерѣ управленія войско производило затраты на устройство помѣщеній для смотрителей и казармъ для командъ; самая же соль хранилась на открытомъ воздухѣ въ видѣ, такъ называемыхъ „кагатовъ“. Кагаты эти предоставляли громадныя конусообразныя кучи соли, закрытыя камышомъ и травой. Обязанности смотрителей и казаковъ состояли, какъ въ надсмотрѣ за этими кагатами, такъ и въ надзорѣ за солепромышленниками во время выволочки соли. Тѣ-же надзирающіе казаки взимали пошлину съ солепромышленниковъ натурою и укладывали собранную такимъ образомъ соль въ кагаты.

Соль всегда имѣла цѣнность въ Черноморіи и особенно въ первые годы существованія войска, когда она служила главнымъ предметомъ мѣновой торговли войска съ черкесами. Въ это время войско не только истрачивало все то количество соли, которое получало въ видѣ пошлины, но часто и покупало на войсковой счетъ этотъ продуктъ. Такъ, въ августѣ 1832 г. смотритель гривенскихъ соляныхъ озеръ, кромѣ обычной пятой доли со сбора соли, купилъ еще у казаковъ для мѣновыхъ дворовъ 16700 пудовъ соли по 3 к. за пудъ и деньги просилъ въ канцеляріи выдать продавцамъ. Такія пріобрѣтенія соли для нуждъ войска практиковались и впослѣдствіи.

Войско заботилось также о томъ, чтобы соль не ввозилась безпошлинно въ предѣлы Черноморіи. Въ 1831 г. была конфискована войскомъ соль, купленная внѣ Черноморіи и ввезенная въ нее армяниномъ Саркисомъ Хозезовымъ. Тогда-же у того же Хозезова конфискована была соль, предназначенная къ вывозу. Въ такихъ случаяхъ соль принималась войскомъ по установленной имъ цѣнѣ и поступала на мѣновые дворы или же отдавалась предпринимателю, съ обязательствомъ продать ее въ Черноморіи. Хозезовъ избралъ послѣдній путь.

Казаки вообще тщательно заботились о томъ, чтобы соблюсти въ такихъ случаяхъ свои интересы. Въ іюлѣ 1833 г. сидѣлецъ питейнаго дома далъ подписку Староминскому куренному управленію въ томъ, что соль, которую онъ принималъ отъ казаковъ за долги и за водку, онъ будетъ продавать только казакамъ, а не иногороднимъ. Исключенія въ этомъ отношеніи не дѣлалось и для казаковъ другихъ войскъ. Такъ, въ 1833 г. линейнымъ казакамъ было воспрещено покупать соль въ Черноморіи безъ установленныхъ свидѣтельствъ отъ куренныхъ и другихъ управленій. Въ томъ-же году 2 сентября была арестована соль, купленная на Ахтарскихъ соляныхъ промыслахъ двумя купцами, и назначенъ къ ней караулъ для охраны.

Наконецъ, войско охраняло и самыя соляныя озера отъ порчи ихъ скотомъ. Въ 1834 г. вслѣдствіе рапорта Ейскаго сыскного начальства, приказано было казаку Исаеву переселиться въ станицу Стародеревянковскую изъ хутора, расположеннаго возлѣ соляныхъ озеръ, гдѣ онъ мѣшалъ своимъ скотомъ своевременному осажденію соли, портилъ и уничтожалъ тѣмъ же скотомъ собранную соль и захватывалъ раньше другихъ казаковъ лучшія мѣста для выволочки соли.

И такъ, слѣдовательно, хозяйственныя заботы войска въ солепромышленности ограничивались охраною соляныхъ озеръ и извлеченіемъ пошлины за добычу соли. Конечные итоги войскового хозяйствованія сводились къ полученію акциза за соль. Акцизъ этотъ взимался натурою и шелъ на мѣновые дворы для торговли съ горцами. Поэтому при неурожаяхъ соли войско закупало ее на сторонѣ. Въ 1858 г., вслѣдствіе неурожая соли на войсковыхъ озерахъ, Черноморская администрація просила разрѣшенія у высшаго

правительства на безпошлинный ввозъ 400.000 пудовъ соли въ Черноморію изъ Крыма. Въ другой разъ изъ того же Крыма войску было разрѣшено вывезти 100.000 пудовъ соли безъ пошлины для рыболовныхъ заводовъ.

Нѣсколько позже другихъ предпріятій возникъ конскій войсковой заводъ. Мысль о немъ родилась среди самихъ черноморцевъ въ 1811 г. Черноморцы, въ особенности паны и богачи хуторяне, всегда придавали огромное значеніе коневодству и всѣ мѣры принимали къ развитію его. Одной изъ такихъ мѣръ считался и войсковой конскій заводъ.

Проектируя заводъ въ 80 тыс. рублей, черноморцы разсчитывали на денежную помощь правительства. Но въ январѣ 1812 г. Херсонскій военный губернаторъ де-Ришелье извѣстилъ войскового атамана Бурсака, что казенныхъ суммъ на устройство войскового завода не полагается и что войско можетъ позаимствовать средства изъ войсковыхъ капиталовъ. Ришелье совѣтовалъ устраивать заводъ „въ полъассигновки“, т. е. по смѣтѣ не въ 80 тыс., а въ 40 тыс. руб. Войсковая канцелярія конечно послѣдовала совѣту де-Ришелье и начала устройство завода съ 10 тыс. руб. Въ концѣ марта отпущено было еще 30 тыс. р. изъ войсковыхъ средствъ и назначенъ помощникомъ директора завода есаулъ Рашпиль.

Въ августѣ того-же года препровождены были въ войсковой заводъ 11 производителей и табунъ заводскихъ лошадей. Директоромъ завода былъ назначенъ, согласно желанію де Ришелье, иностранецъ фонъ-Франкенъ. Съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности этотъ директоръ показалъ, въ какомъ направленіи онъ будетъ вести заводское дѣло. Жителямъ пограничнаго селенія Катериновки онъ не только не заплатилъ 27 р. 14 к., слѣдуемыхъ съ него за фуражъ и продукты, но побилъ выборнаго отъ селенія за отказъ въ выдачѣ ему квитанціи на эти деньги.

Первоначально войсковой конскій заводъ не имѣлъ собственнаго помѣщенія, а находился въ арендуемомъ у наслѣдника Чепиги хуторѣ. Позже былъ выстроенъ свой собственный заводъ и на немъ безконтрольно распоряжался всѣмъ директоръ фонъ-Франкенъ. Въ 1814 г. была издана инструкція для помощника директора завода, представлявшая подробную регламентацію, какъ обязанностей помощника, такъ и ухода за производителями и заводскими лошадьми.

Въ октябрѣ 1817 г. графъ Ланжеронъ уволилъ директора завода фонъ-Франкена по его просьбѣ. И вотъ тутъ-то обнаружилось, какъ велъ дѣла на заводѣ этотъ директоръ. При пріемѣ отъ него завода оказалось, что многія кобылицы были „простого заведенія“ и не болѣе 25 штукъ, „способныхъ для заведенія“, но и тѣ были куплены по несоразмѣрно высокимъ цѣнамъ. Всѣ лошади были сильно изнурены. Еще въ 1815 г. помощникъ директора есаулъ Вербицкій сообщилъ, что въ числѣ войсковыхъ лошадей на заводѣ содержались 27 четырехлѣтнихъ лошаковъ,

принадлежавшихъ лично директору фонъ-Франкену. Лошадей этихъ директоръ такъ присвоилъ себѣ: лошаки были куплены вмѣстѣ съ другими войсковыми лошадьми еще жеребятами, но не были помѣщены директоромъ въ отчетѣ. Благодаря этому пропуску онъ и присвоилъ себѣ лошаковъ. Другой помощникъ директора есаулъ Подоляка, при вступленіи въ должность, обнаружилъ на заводѣ 71 шт. жеребцовъ и кобылицъ, принадлежавшихъ фонъ-Франкену и, кромѣ того, по записямъ нашелъ. что директоръ продалъ еще 26 принадлежавшихъ ему кобылицъ. При этомъ на фонъ-Франкена былъ сдѣланъ начетъ въ 1524 р. 76 к., въ израсходованіи которыхъ онъ не далъ отчета, а непремѣнному члену войсковой канцеляріи Голубу поручено было учесть, сколько слѣдовало получить съ фонъ-Франкена за содержаніе на войсковой счетъ принадлежавшихъ ему 70 лошадей.

Въ 1819 г. графъ Ланжеронъ одобрилъ предположеніе директора Черноморскаго войскового коннаго завода капитана Кистеня о продажѣ изъ завода до ста штукъ малорослыхъ и старыхъ лошадей свѣтлыхъ мастей и о покупкѣ на вырученную сумму 30 или 40 матокъ въ Малороссіи. Для ухода за лошадьми войскового завода назначались казаки. Графъ Ланжеронъ приказалъ, чтобы казаки эти подраздѣлялись на три смѣны и чтобы каждая смѣна занималась однимъ и тѣмъ же дѣломъ и смогла такимъ образомъ вполнѣ освоиться съ нимъ. Сообразно съ такимъ распредѣленіемъ казаковъ, для войскового конскаго завода требовалось 2 урядника, 1 писарь, 1 коновалъ, 1 бондарь, 1 кузнецъ, 1 плотникъ, 13 конюховъ каждый на два жеребца, 1 воловникъ, 4 табунщика къ лошадямъ и 2 табунщика къ жеребятамъ, а всего 27 человѣкъ.

Дѣла на войсковомъ заводѣ начали налаживаться и пошли нѣсколько лучше. Изъ рапорта войсковой канцеляріи атаману Матвѣеву отъ 8 марта 1820 г. видно, что при директорѣ Кистенѣ на заводѣ образовалась даже запасная сумма въ 9000 рублей отъ продажи ненужныхъ заводу лошадей. Но въ это время судьба послала Черноморскому войску Ермолова. Рѣшительный генералъ, любившій однимъ почеркомъ пера все передѣлывать по своему, а зачастую и просто уничтожать, Высочайше испрошеннымъ распоряженіемъ отъ 7 февраля 1822 г. приказалъ совсѣмъ уничтожить войсковой конскій заводъ.

Такъ и слѣдовало бы конечно сдѣлать, но далеко раньше, и Ермоловъ поступилъ совершенно правильно и разумно. Тѣмъ не менѣе приказъ Ермолова повидимому не достигъ сразу своей цѣли. По вѣдомости за декабрь 1825 г. на войсковомъ заводѣ значилось еще 5 жеребцовъ, 72 кобылицы, 28 лошаковъ, 39 жеребятъ или всего 144 головъ. Впослѣдствіи войсковой конскій заводъ все таки прекратилъ свое существованіе.

Въ 1842 г. снова возникъ вопросъ объ общественномъ коневодствѣ, но въ иной, измѣненной уже формѣ. Выясняя причины упадка коневодства въ Черноморіи, дежурный штабъ-офицеръ Кухаренко

считалъ крайне необходимымъ имѣть опытныхъ табунщиковъ. У донскихъ казаковъ ими были калмыки. Въ Черноморіи калмыковъ не было, и Кухаренко предлагалъ назначать табунщиками въ частныя хозяйства служилыхъ казаковъ по 75 р. въ годъ, малолѣтковъ по 50 р. и неслужащихъ гражданъ по 25 рублей въ годъ, зачитывая служилымъ казакамъ время, проведенное ими при табунахъ, какъ за службу кордонную или внутренную, а слѣдуемое имъ жалованье обращать въ станичныя суммы. Малолѣтки же и неслужилые граждане должны были получить жалованье въ свою пользу. Этотъ хитрый частновладѣльческій проектъ не получилъ, однако, движенія. Войсковая администрація его не поддержала, а несостоятельность его была такъ очевидна, что никто не предалъ ему серьезнаго значенія. Но завести общественные табуны лошадей рѣшено было на основаніи положенія 1842 г. Предполагалось, что у станичныхъ обществъ на глазахъ дѣло пойдетъ лучше, чѣмъ у войсковой администраціи за глазами. Въ этихъ видахъ приказано было привести въ извѣстность количество жеребцовъ и матокъ по станицамъ, могущихъ дать наглядное представленіе о существующемъ коневодствѣ и послужить основаніемъ для организаціи станичныхъ общественныхъ табуновъ.

Но и здѣсь дѣло двигалось слабо впередъ. Въ апрѣлѣ 1847 г., окружной штабъ-офицеръ Таманскаго военнаго округа полковникъ Могукоровъ сообщилъ исправляющему должность наказнаго атамана генералу Рашпилю, что общество станицы Старонижестебліевской испрашивало разрѣшенія купить двухъ заводскихъ жеребцовъ на общественныя суммы, Ивановское общество купило уже двухъ жеребцовъ и собрало къ нимъ 23 матки, а Елизаветинское общество просило выдать ему въ ссуду денегъ изъ приказа общественнаго призрѣнія на покупку заводскихъ лошадей. Такъ шло дѣло и въ другихъ мѣстахъ Черноморіи. Были у отдѣльныхъ станичныхъ обществъ попытки, появлялись добрыя намѣренія, но общественные табуны лошадей не привились въ войскѣ.

Почти одновременно съ коннымъ заводомъ возникла войсковая суконная фабрика. Мысль объ открытіи суконной фабрики принадлежала графу Ланжерону, предложившему Бурсаку подыскать спеціалиста для устройства фабрики. На фабрикѣ должны были вырабатываться темно-зеленыя и синія сукна, необходимыя для обмундированья полковъ и артиллеріи. Ланжеронъ писалъ объ этомъ Бурсаку 21 мая 1814 г., а въ іюлѣ войсковая канцелярія, посылая въ Петербургъ депутатовъ подполковниковъ Матвѣева и Животовскаго, поручила имъ подыскать тамъ фабриканта. На устройство фабрики депутатамъ было выдано изъ войсковыхъ суммъ 15 тыс. руб. Въ октябрѣ 1814 г. депутаты сообщили канцеляріи, что въ Петербургѣ фабрикантовъ не оказалось. Въ Харьковѣ они нашли нѣкоего Ивана Тика, изъявившаго желаніе занять мѣсто фабриканта въ войскѣ, но онъ не имѣлъ права выѣзда изъ Харькова. Депутаты возвратили, поэтому, обратно казначею 15 тыс. руб.

Однако, войсковой администраціи въ 1815 г. удалось заполучить Ивана Тика. Съ нимъ заключенъ былъ контрактъ. За жалованье въ 2880 руб. въ годъ съ квартирой, отопленіемъ и прислугой, онъ приступилъ къ устройству суконной фабрики въ каменныхъ флигеляхъ Екатеринодарской крѣпости. Для работъ, по распоряженію Тика, назначались мастеровыми безхозяйные казаки. Такъ какъ всего нужнаго для оборудованія фабрики нельзя было добыть и сдѣлать въ Екатеринодарѣ; то войсковая администрація командировала Тика съ чиновникомъ въ Екатеринославъ и Харьковъ для закупки необходимыхъ матерьяловъ.

Какъ видно изъ вѣдомости за 1816 г., въ этомъ году уже работало на фабрикѣ 41 мужчина и 50 женщинъ, и курени должны были еще поставить на фабрику 38 мужчинъ и 110 женщинъ. Такимъ образомъ, въ 1816 г. фабрика находилась уже въ дѣйствіи.

Съ первыхъ же шаговъ фабричной дѣятельности зародилось недовольство у рабочихъ порядками на фабрикѣ. Начались побѣги. Въ маѣ этого года администація вынуждена была назначить 6 казаковъ и одного урядника въ распоряженіе есаула Бойка, который удерживалъ бы отъ побѣговъ съ фабрики рабочихъ обоего пола.

Въ 1816 г. фабрика начала уже приготовлять сукна, но отдѣлывать и красить не могла. Недодѣланныя сукна посылались для окончательной отдѣлки и окраски на сосѣднія казенныя фабрики, „на что, по словамъ отчета, издержано было достаточное число войсковой суммы“. Въ томъ же 1816 г. посланы были 4 казака на Екатеринославскую казенную фабрику для обученія крашенію, стрижкѣ суконъ и приготовленію щетокъ, а въ 1817 г. былъ командированъ въ Москву самъ Тикъ съ войсковымъ чиновникомъ для покупки машинъ. Но изъ Москвы Тикъ не возвратился.

Начались поиски новаго фабриканта. Войсковая администрація заключила контрактъ съ фабрикантомъ Краузе, согласившимся поступить на фабрику за 1800 руб. въ годъ. Въ тоже время гр. Ланжеронъ подыскалъ фабриканта Христіана Шпильфогеля, нѣмца колониста съ Молочныхъ водъ, на 2000 руб. въ годъ жалованья съ квартирой, отопленіемъ и освѣщеніемъ,и помощника къ нему на 1000 руб. жалованья. Такимъ образомъ, получилось два фабриканта. Чтобы вывести изъ затрудненія войсковую администрацію, гр. Ланжеронъ предложилъ сдѣлать испытаніе обѣимъ фабрикантамъ и лучшаго сдѣлать фабрикантомъ, а худшаго его помощникомъ. Такъ какъ Шпильфогель, приглашенный Ланжерономъ на мѣсто завѣдующаго фабрикой, считалъ несправедливымъ такой конкурсъ, то войсковая администрація, устраняя его отъ дѣла, постановила выдать ему 2000 руб. Но гр. Ланжеронъ нашелъ такую подачку слишкомъ щедрой и назначилъ Шпильфогелю только 500 руб. въ возмѣщеніе расходовъ по поѣздкѣ въ Черноморію и обратно. Фабрикантомъ остался Краузе.

Въ это время, кромѣ суконной фабрики, устроена была сукновальня на рѣкѣ Кирпили. Годомъ позже въ 1819 г. выстроена была,

на счетъ войсковыхъ суммъ, новая сукновальня на рѣкѣ Карасунѣ, а въ 1820 г. тамъ-же устроена была и красильня; но вслѣдствіе маловодья оба заведенія оказались непригодными и были закрыты. Этимъ и ограничилось дальнѣйшее расширеніе фабрики. Въ 1820 г. на фабрику былъ приглашенъ машинистъ Ботъ, съ жалованьемъ въ 2200 руб. въ годъ, но, пробывши при фабрикѣ нѣкоторое время, онъ оставилъ ее.

Какъ велись дѣла на фабрикѣ, объ этомъ можно судить по отзыву чиновника VII класса Роха Бржезинскаго, осмотрѣвшаго фабрику по порученію правительства. „Хотя фабрика существуетъ 8 лѣтъ, сообщалъ онъ 29 іюня 1822 г. войсковому атаману Матвѣеву, но никто не только изъ членовъ канцеляріи, а даже смотритель фабрики и писарь, по собственному ихъ признанію, не имѣли ни малѣйшаго понятія о техникѣ производства суконъ". Не велось никакихъ записей по учету работъ и матерьяловъ. Никто ничего не зналъ и всѣ путались во взаимныхъ отношеніяхъ. Бржезинскій пробовалъ ввести другіе порядки и установить взаимоотношенія между фабрикантомъ и смотрителемъ фабрики, но ничего изъ этого не вышло.

Въ 1822 г. снова было командировано 4 человѣка на казенную фабрику для изученія дѣла. Фабрикантомъ оставался тотъ-же Краузе. Краузе обязался обучать рабочихъ мужчинъ и женщинъ, выполнять чуть-ли не всѣ работы—готовить сукна, чистить, прясть, ткать, валять, стричь, красить, чинить машины и инструменты. Самъ Краузе сознался потомъ, что все это было не по силамъ ему одному и просилъ дать въ помощь двухъ или трехъ хоть сколько нибудь знающихъ людей. Но въ контрактѣ ни слова не сказано было ни объ отчетности, ни объ учетѣ работъ и матерьяловъ, ни о контролѣ надъ всѣмъ фабричнымъ дѣломъ.

Все это происходило при Ермоловѣ, который, настаивая на закрытіи коннаго завода и сокращеніи хозяйственныхъ операцій на заводѣ овчарномъ, приказалъ суконную фабрику оставить, вырабатывая на ней однѣ простыя солдатскія сукна.

Въ 1824 г. возвратились изъ Екатеринослава 3 казака, обученные разнымъ работамъ по приготовленію суконъ. Въ августѣ того-же года Матвѣевъ просилъ Ермолова разрѣшить продажу суконъ, такъ какъ отъ долгаго лежанія онѣ портились. Въ это время сукно выдѣлывалось на 5 станахъ, рабочихъ было 103 чел., общій годичный расходъ на нихъ равнялся 4161 руб. Требовалось-же всего 120 рабочихъ, т. е. нужно было прибавить еще 17 чел. Въ 1825 г. Ермоловъ разрѣшилъ продажу сукна. Сукно шло на обмундированіе гвардейскаго эскадрона, части казаковъ, служившихъ въ Царствѣ Польскомъ, войскового хора, музыкантовъ и рабочихъ на фабрикѣ.

Неудовлетворительное веденіе дѣлъ на суконной фабрикѣ заставило высшее правительство ближе ознакомиться съ этимъ предпріятіемъ на мѣстѣ. Въ 1828 г. обслѣдовалъ суконную фабрику фли-

гель-адъютантъ Перовскій, признавшій войсковую фабрику не удовлетворяющей своему назначенію. „Сколько мнѣ извѣстно, писалъ Перовскій, со времени устроенія войсковой фабрики, заведенной единственно для обмундированья войска, ни одинъ казакъ не обмундировался сукномъ, на оной выдѣлываемымъ". Казаки не получали платы и служили на фабрикѣ, въ качествѣ рабочихъ, неопредѣленное время, почему плохо работали и бѣгали съ фабрики. Сноснаго присмотра со стороны администраціи также не было. Перовскій считалъ болѣе выгоднымъ для войска расширеніе овчарнаго завода и покупку суконъ на сторонѣ, какъ это фактически дѣлалось. Войсковая канцелярія сообщила Перовскому, что съ 1814 г. по 1828 г. на суконную фабрику было истрачено 224213 руб. За это же время продано было сукна на 57470 руб. и имѣлось налицо сукна на 28517 руб. Такимъ образомъ, убытокъ фабрики за 14 лѣтъ равняется 138226 руб.

Отзывъ Перовскаго заставилъ и войсковую администрацію отнестись энергичнѣе къ дѣлу. Ясно было, что нужно было или измѣнить порядки на фабрикѣ, или же совершенно закрыть ее. Непорядки же эти продолжались. Рабочіе бѣгали съ фабрики, несмотря на крутыя мѣры со стороны администраціи. Рапортомъ отъ 20 іюля 1832 г. войсковая канцелярія сообщила атаману Заводовскому, что казака Теслю, бѣжавшаго отъ работъ съ фабрики, она приказала, въ примѣръ другимъ, наказать 50 ударами розогъ, въ присутствіи всѣхъ служащихъ и предупредить, что такъ-же строго поступлено будетъ и съ другими бѣглецами. Но эта мѣра не оказала никакого дѣйствія на рабочихъ.

Чтобы привязать рабочихъ къ фабрикѣ, смотритель ея, войсковой старшина Порохня, просилъ у начальства разрѣшенія на постройку домовъ для рабочихъ при фабрикѣ на рѣкѣ Кирпиляхъ. Это дало бы рабочимъ кое-какія средства для поддержанія ихъ существованія, такъ какъ при домахъ они могли бы имѣть огороды и нѣкоторое хозяйство. Рабочіе терпѣли нужду во всемъ, и въ пищѣ, и въ одеждѣ. Казенную одежду получали одни мужчины, а женщины и дѣти должны были одѣваться на собственный счетъ. Строить дома рабочимъ было разрѣшено, но и только. Смотритель фабрики Порохня былъ крайне возмущенъ запрещеніемъ рабочимъ пахать землю и водить скотъ, такъ какъ этимъ путемъ онъ расчитывалъ привлечь рабочія силы къ фабрикѣ.

Замѣнившій Ермолова графъ Паскевичъ, считая войсковую суконную фабрику убыточной для войска и обременительной для населенія, потребовалъ отъ командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи генерала Емануеля собрать подробныя свѣдѣнія о фабрикѣ и дать свое заключеніе по этому поводу. Цифры показали Емануелю о несомнѣнной убыточности для войска фабрики, но генералъ объяснилъ это плохимъ знакомствомъ съ дѣломъ войсковой администраціи и недостатками управленія фабрикой. Тогда

Паскевичъ обратился къ министру финансовъ съ просьбой оказать денежную поддержку войсковой суконной фабрикѣ. Министръ отказалъ въ пособіи, но препроводилъ графу экземпляръ „Положенія Иркутской Тельминской казенной суконной фабрики“, какъ образецъ того, чего должна была придерживаться Черноморская войсковая фабрика. Чтобы двинуть впередъ дѣло, онъ предложилъ, во первыхъ, привить къ Черноморской фабрикѣ порядки фабрики Тельминской, во вторыхъ, въ видахъ обезпеченія фабрики рабочими силами „исходатайствовать Высочайшее соизволеніе, чтобы люди, впадающіе въ незначительное преступленіе, были приговариваемы, вмѣсто тѣлеснаго наказанія, къ ссылкѣ въ работу на Черноморскую фабрику“.

Мѣры эти показались войсковой администраціи настолько неподходящими и опасными, что она рѣшила уничтожить, во что бы то ни стало, войсковую фабрику. Въ этомъ направленіи и велись дѣла на фабрикѣ, которую войско терпѣло, какъ неизбѣжное зло. Упразднить фабрику удалось генералу Рашпилю.

Сообщая въ своемъ рапортѣ 19 апрѣля 1844 г., что за 27 лѣтъ, съ 1816 по 1843 г., на фабрикѣ приготовлено было 109 шт. сукна или 51743 арш., онъ затруднился опредѣлить стоимость его и вообще учесть какія бы то ни было расходы по фабрикѣ. Фабрика строилась хозяйственнымъ способомъ, даромъ, по наряду, обывателями. Лѣсъ и другіе матерьялы получались даровые и никакихъ счетовъ по этому поводу не велось. Шерсть, добываемая на овчарномъ заводѣ, также не оцѣнивалась и передавалась на суконную фабрику, какъ даровой матерьялъ. Расходы на краску для разнаго вида суконъ нельзя было учесть. Расходы на вновь поступавшіе матерьялы смѣшивались съ остатками другихъ расходовъ. Неизвѣстно было также, сколько стоили провіантъ и одежда рабочихъ фабрики. Трудно было учесть расходы по командировкѣ чиновниковъ для нуждъ фабрики. Только по нѣкоторымъ даннымъ фабрики видно было, что съ 1816 по 1843 г. на командировки было издержано 91501 руб. Сумма невѣроятная, такъ какъ командированные чиновники буквально ничего не сдѣлали для фабрики. Исчисляя на 28.784 казаковъ потребное имъ количество сукна въ 374217 арш., Рашпиль иронически добавляетъ, что для того, чтобы войсковая фабрика, при тогдашнемъ ея положеніи, могла произвести такое количество сукна, ей потребовалось бы 180 лѣтъ работы.

Фабрика была уничтожена въ сороковыхъ годахъ. Въ 1854 г. войсковое правленіе вело переписку о томъ, какъ лучше использовать лѣсъ, полученный съ разрушенной фабрики—„въ видѣ-ли дровъ или по сортиментамъ“.

Такъ рухнуло большое войсковое предпріятіе плохо задуманное и еще плоше выполненное.

Съ войсковою суконною фабрикою тѣсно связано было существованіе овчарнаго завода. Открыть этотъ заводъ, какъ подспорье къ фабрикѣ, предложилъ гр. Ланжеронъ въ 1816 г. на рѣкѣ Бей-

сужкѣ. Устроены были помѣщенія для овецъ, отведено необходимое количество десятинъ земли, организованъ надзоръ изъ служилыхъ казаковъ, а руководство всѣмъ дѣломъ возложено было на ветеринарнаго врача. По распоряженію послѣдняго, пріобрѣтались на войсковой счетъ породистыя овцы, возводились строенія и намѣчались вообще улучшенія по хозяйству. Такъ, 25 января 1819 г. гр. Ланжеронъ утвердилъ всѣ предположенія ветеринарнаго врача Булахова, какъ полезныя и необходимыя. Степную рѣчку, при которой находился овчарный заводъ, рѣшено было расчистить и обсадить вербами и тополями для того, чтобы дать тѣнь овцамъ; для купанья овецъ былъ устроенъ бассейнъ.

По донесенію ветеринарнаго врача Булахова, къ 1-му февраля 1819 г. на заводѣ состояло 32 барана, 10 шпанскихъ овецъ, 51 мериносъ, 334 цыгайскихъ овецъ, 192 ягницъ и 122 валашковъ приплода, а всего 741 шт. Къ 1-му января 1823 г. на заводѣ было уже 2339 овецъ, при чемъ лѣтомъ этого года было снято 236 пуд. шерсти. Въ 1834 г., т. е. черезъ 11 лѣтъ овецъ числилось на заводѣ 5559 шт. и завѣдующій заводомъ назывался уже директоромъ; а еще черезъ 10 лѣтъ, въ 1844 г., количество овецъ возросло до 7749 головъ.

Такимъ образомъ, съ каждымъ годомъ количество овецъ увеличивалось, благодаря, главнымъ образомъ, приплоду, увеличилось также количество добываемой съ овецъ шерсти. Тѣмъ не менѣе, въ маѣ 1846 г. войсковое правленіе Черноморскаго казачьяго войска уничтожило заводъ, назначивши въ продажу 8471 штукъ овецъ. Причиной закрытія овчарнаго завода послужило уничтоженіе войсковой суконной фабрики, съ которою тѣсно было связано существованіе завода. Сдѣлана была собственно ошибка. Фабрика была бездоходной, но овчарный заводъ самъ по себѣ, безъ фабрики, былъ неубыточнымъ предпріятіемъ для войска. Для войска, по мнѣнію войсковой канцеляріи, выгоднѣе было бы вмѣсто фабрики расширить овчарный заводъ, который, съ малыми расходами на него, давалъ очень много овечьей шерсти, сбываемой по хорошимъ цѣнамъ, и значительный приплодъ. Насколько прочно стоялъ овчарный заводъ, объ этомъ можно судить по количеству разведенныхъ въ немъ овецъ. Войсковое правленіе Черноморскаго войска, уничтожая, съ разрѣшенія высшаго начальства, овечій заводъ публиковало въ маѣ 1846 г. о распродажѣ 484 шпанскихъ матокъ, 629 матокъ мериносовыхъ, 2439 матокъ цыгайскихъ, 1356 молодняка, 334 барановъ и 3229 разнаго рода овецъ, а всего, слѣдовательно, 8471 штуку. На третій годъ существованія овчарнаго завода, въ 1819 г., было только 741 голова овецъ, а въ 1846 г. количество ихъ возросло до 8471 головы. При малыхъ затратахъ на заводъ и содержаніе овецъ, при полученіи значительнаго количества шерсти отъ овецъ и сбытѣ части приплода, результатъ значительный. Несомнѣнно, что овчарный заводъ былъ не въ убытокъ войску.

Нѣсколько отличное отъ предыдущихъ, но возникшее при одинаковыхъ съ ними условіяхъ учрежденіе представляла войсковая типографія. Инціатива открытія этого заведенія принадлежала войсковой администраціи. Представленіе по этому поводу войсковая канцелярія направила къ херсонскому военному губернатору графу Ланжерону 11 февраля 1811 г., прося открыть войсковую типографію въ видахъ сокращенія штата писцовъ и ускоренія бумажнаго дѣлопроизводства, а также въ интересахъ гимназіи и народныхъ училищъ. Открытіе типографіи Ланжеронъ разрѣшилъ 8 марта 1819 г., приказавши, „чтобы безъ позволенія атамана или присутствующихъ въ канцеляріи не была напечатана ни одна бумага и чтобы соблюдались установленныя по сему предмету правила“.

Опредѣленіемъ 23 марта 1819 г. войсковая канцелярія поручила организовать типографію есаулу Заславскому, но такъ какъ Заславскій ничего не сдѣлалъ, а сотенный есаулъ Антимоновъ отправлялся въ Курскую губ., то послѣднему поручено было 13 іюля 1820 г. отыскать опытнаго типографщика. Антимоновъ отвѣтилъ канцеляріи изъ Курска 6 августа того-же года, что въ Курскѣ типографщика онъ не нашелъ, что достать матерьялы и мастеровъ можно только въ Москвѣ и что оборудованіе всей типографія, съ жалованьемъ для двухъ мастеровъ—типографщика и наборщика обойдется до 5000 руб. Въ сентябрѣ найденъ былъ подходящій типографщикъ въ Харьковѣ—канцеляристъ университетской типографіи Шрамковъ, давшій обязательство Антимонову въ томъ, что за жалованье въ 420 руб. въ годъ, проѣздъ на счетъ войска, квартиру, отопленіе и освѣщеніе въ Екатеринодарѣ, онъ будетъ вести въ теченіе года дѣло и обучать отданныхъ въ его распоряженіе учениковъ. Въ то-же время Антимоновъ заказалъ въ октябрѣ 1820 г. въ Москвѣ въ типографіи Селивановскаго станокъ, шрифтъ и другія принадлежности на сумму 3520 р.

Изъ постановленій войсковой канцеляріи за 1821 г. видно, что канцеляристъ Шрамковъ состоялъ уже на службѣ у войска при типографіи. Въ этомъ гуду Шрамковъ подучилъ уже типографскому дѣлу четырехъ учениковъ, которымъ, по его представленію, канцелярія назначила жалованье—Луговому, Гребеннику и Великому по 60 руб. въ годъ и Василію Уманцову 40 руб. въ годъ. Этими первыми наборщиками были офицерскія и казачьи дѣти. Въ іюнѣ 1822 г. заключено было новое условіе съ Шрамковымъ на два года, по которому онъ обязался, за жалованье по 750 руб. въ годъ, продолжать веденіе типографіи, держать корректуру, въ случаѣ если не будетъ корректора, печатать безъ ошибокъ и совершенно выучить типографскому дѣлу трехъ учениковъ. Работу-же на сторону постановлено выполнять по 10 к. за строчку, при чемъ вырученныя суммы должны поступать въ доходъ войска. Съ тѣхъ поръ типографія продолжала существовать какъ войсковое учрежденіе, оказавшись предпріятіемъ необходимымъ и выгоднымъ.

Совершенно особнякомъ отъ всѣхъ этихъ предпріятій стояло нефтяное дѣло. Его вела войсковая администрація также, какъ войсковое хозяйственное предпріятіе.

Источники нефти были замѣчены черноморцами еще при осмотрѣ края и отмѣчены по вѣдомости Гулика.

Особенно интересоваться нефтью начали съ 1822 г. Въ мартѣ этого года есаулу Пуленцову предписано было отыскать на Тамани нефтяные источники. По слухамъ, здѣсь было „много разнаго рода нефтяныхъ родниковъ", изъ которыхъ добывали нефть татары. Уходя изъ этой мѣстности, татары закрыли и уничтожили наружные признаки источниковъ, чтобы ими не могли воспользоваться русскіе.

Начались поиски нефти. Полковой есаулъ Дьячевскій доносилъ 7 мая 1822 г. войсковому атаману Матвѣеву, что съ марта по 28 апрѣля онъ, съ порученною ему командою казаковъ, открылъ и привелъ въ надлежащій видъ пять нефтяныхъ колодцевъ. Количество послѣднихъ можно было бы увеличить, но работы были прекращены за недостаткомъ пищи для людей.

По свѣдѣніямъ войсковой канцеляріи отъ 15 іюля 1823 г., нефтяной колодезь находился на курганѣ близъ Широчанскаго поста. Тутъ именно, по словамъ таманскихъ старожиловъ, оказалось до 40 тѣхъ нефтяныхъ колодцевъ, которые были завалены татарами до прихода въ край русскихъ.

Къ открытымъ и возобновленнымъ колодцамъ былъ приставленъ казакъ Монька, считавшійся въ свое время знатокомъ нефтяного дѣла. Изъ колодца, находившагося на курганѣ близъ Широчанскаго поста онъ добылъ 70 ведеръ нефти, количество, по тому времени, довольно значительное, почему мѣстное начальство просило войскового атамана уволить Моньку изъ полка и приставить его къ нефтяному дѣлу, какъ человѣка знающаго это дѣло.

Этимъ, впрочемъ, и ограничились мѣропріятія казачьей администраціи по нефтяному дѣлу. На нѣкоторое время оно какъ бы замерло, хотя жители навѣрное добывали нефть для своихъ нуждъ.

Въ 1831 г. г.-м. Заводовскій снова возбудилъ вопросъ объ открытіи нефтяныхъ колодцевъ на Тамани. Для изслѣдованія нефтяныхъ богатствъ, казачья администрація нашла необходимымъ пригласить знатоковъ дѣла изъ города Баку, хорошо извѣстнаго черноморцамъ со времени персидскаго похода въ концѣ XVIII столѣтія. Въ 1832 г., по ходатайству войскового атамана, главнокомандующій на Кавказѣ баронъ Розенъ прислалъ для устройства нефтяныхъ колодцевъ въ Черноморіи двухъ бакинцевъ—Гаджи-Наби-Юсуфа-оглы и Юсюфа-Амиръ-Бекъ-оглы.

До прибытія въ Черноморію бакинцевъ, въ ней уже было 129 ямъ или колодцевъ съ нефтью и постоянные рабочіе. Въ іюлѣ 1833 года бакинцы, въ сопровожденіи непремѣннаго члена войсковой канцеляріи, начали осмотръ мѣстностей съ нефтяными выходами. Осмотрѣны были колодцы неподалеку отъ Сѣнной станціи, у хутора

Капусты, надъ Чернымъ ерикомъ, у куреня Старотитаровскаго и пр. Изъ существовавшихъ уже колодцевъ самыми благонадежными бакинцы признали старотитаровскіе.

Въ августѣ 1833 г. г.-м. Заводовскій доносилъ барону Розену, что бакинцы открыли еще 5 новыхъ колодцевъ и что общее количество колодцевъ возросло до 200. Но особенно обильные источники нефти бакинцы нашли въ высокомъ обрывѣ Азовскаго моря. Здѣсь, въ толстыхъ залежахъ песка, обнаружена была нефть двухъ видовъ—бѣлая, высшій сортъ, цѣнившаяся въ Баку по 12 рублей ассигнаціями за ведро, и черная, низшій сортъ, продававшаяся въ Баку по 2 рубля ассигнаціями за ведро. Бакинцы нашли таманскую нефть по качеству выше бакинской.

По предположенію бакинцевъ, въ засушливый годъ въ Тамани каждый колодезь могъ дать въ мѣсяцъ одно ведро черной нефти и полведра бѣлой, а въ дождливое время вдвое больше той и другой. Особенно обильны выходы нефти были въ пескахъ азовскихъ обрывовъ. Здѣсь, по расчетамъ бакинцевъ, одинъ человѣкъ могъ добывать нефти до 100 ведеръ.

Приглашеніе войскомъ бакинцевъ обошлось въ 2124 р. 68 к. на ассигнаціи, израсходованныхъ на прогоны въ оба конца отъ Баку до Тамани, на содержаніе двухъ персовъ и на вознагражденіе имъ въ 200 р. серебромъ. Войсковой атаманъ Заводовскій, кромѣ того, просилъ барона Розена наградить бакинцевъ серебряными медалями на анненской лентѣ. Въ сентябрѣ того же 1833 г., баронъ Розенъ извѣстилъ Заводовскаго, что просьбу его о награжденіи серебряными медалями бакинцевъ, онъ удовлетворилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Розенъ писалъ войсковому атаману, чтобы онъ надлежащимъ образомъ обставилъ добычу нефти изъ песковъ, открытыхъ бакинцами въ обрывахъ Азовскаго моря.

Въ это время управленіе промысломъ носило уже вполнѣ организованный характеръ. Рабочими были внутренне-служащіе казаки; допускались и вольнонаемные рабочіе. Во главѣ стоялъ смотритель нефтяныхъ колодцевъ. Имъ былъ въ то время есаулъ Вечерковскій.

Въ августѣ 1833 г. Таманское сыскное начальство рапортовало наказному атаману, что, въ виду наступленія осенняго ненастья и зимы, приступать къ дальнѣйшимъ работамъ по добыванію нефти неудобно и убыточно, тѣмъ болѣе что въ настоящемъ году былъ неурожай хлѣба и травъ. Можно было бы открыть очень много новыхъ колодцевъ, особенно на пескахъ, гдѣ легко добыть столько нефти, сколько поставлено будетъ людей. Обрывъ въ 30 саж. мощностью состоялъ изъ песчаныхъ отложеній, и чтобы добыть здѣсь нефть, требовалось снять верхнюю часть обрыва. Дойдя до нефтеноснаго песка, послѣдній рабочіе выносили въ особые деревянные желоба, въ которыхъ и отдѣляли нефть водою. При обиліи покрывавшей пески воды, нефть всплывала на поверхность ея, и отсюда

уже собиралась въ перерѣзы, въ которыхъ отстаивалась и, будучи очищенной этимъ способомъ, сливалась въ деревянныя бочки. Не расширяя, поэтому, работъ до весны, Таманское сыскное начальство просило наказнаго атамана командировать на нефтяные промыслы только 12 человѣкъ для присмотра за нефтяными промыслами до весны. Въ этомъ же рапортѣ упоминается, что въ то время у частныхъ лицъ были отобраны всѣ нефтяные колодцы въ войско. На мѣстѣ добычи нефти было всего 31 ведро ея и значительное количество деревяной посуды—бочекъ, боченковъ, клепки, инструментовъ. Для храненія нефти предположено было сдѣлать большую деревянную камягу изъ двухвершковыхъ досокъ въ 12 аршинъ длины.

Въ іюлѣ 1834 г. Заводовскій донесъ Розену, что главный источникъ нефти былъ въ большомъ песчаномъ курганѣ на берегу Азовскаго моря и что съ 1 мая по 1 іюля было добыто нефти черной 238 ведеръ и бѣлой 92 ведра 36-ю рабочими. Отъ прошлаго года осталось 337 вед. бѣлой нефти и 273 вед. черной. Войско послало объявленія въ „Сенатскія Вѣдомости“ и въ учрежденія смежныхъ губерній о продажѣ съ торговъ нефти, но на торги никто не явился. Съ 1 іюля по 1 сентября добыто было бѣлой нефти 165 ведеръ и черной 300 ведеръ. Въ августѣ войско разрѣшило открыть одинъ колодезь нефти для осмолки артиллерійскихъ снарядовъ. Въ сентябрѣ еще было добыто 30 ведеръ бѣлой нефти и 6 ведеръ черной. А всего съ прошлогоднею у войска было ее 1272 ведра. Работы на нефтяныхъ колодцахъ снова были прикрыты до весны слѣдующаго года.

Чтобы выяснить, насколько благонадежны и богаты мѣстонахожденія нефти на Таманскомъ полуостровѣ, Заводовскій просилъ прислать изъ Керчи горнаго чиновника—оберъ-шттенфервалтера 8 класса Фоллендорфа для обслѣдованія полуострова. Фоллендорфъ произвелъ эти изслѣдованія и составилъ „Минеральное описаніе острова Тамани“. Это довольно объемистый, но поверхностный и шаблонный трудъ. Въ немъ Фоллендорфъ упоминаетъ между прочимъ о присутствіи „бураго желѣзнаго камня“ въ 2 верстахъ отъ Тамани и сѣрнаго колчедана на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей и лимановъ, а также объ изверженіяхъ сопокъ, сопровождавшихся огнемъ, въ 1794, 1799, 1820 и 1821 годахъ.

До 1833 г. добываніемъ нефти занимались жители Ахтанизовскаго и Стебліевскаго куреней, но въ этомъ году войсковая канцелярія отобрала у нихъ колодцы въ войско. „Настоящихъ источниковъ нефти“ по словамъ Фоллендорфа, не было еще найдено. Ту нефть, которая добывалась уже, онъ дѣлилъ на три вида: „зеленоватую густую“, „зеленоватую жидкую“ и „зеленоватую жидкостью водѣ подобную“. Первый видъ нефти находился у Азовскаго и Чернаго морей (1 колодезь) и близъ куреня Стебліевскаго 7 колодцевъ. Второй въ 36 верстахъ отъ Тамани и въ $1^1/_2$ версты отъ Азов-

скаго моря на возвышенности называемой Чубова гора. Здѣсь было 160 колодцевъ. Близъ Сѣнной балки, въ 21 верстѣ отъ Тамани, находилось 242 колодца той же нефти. Наконецъ, нефть „зеленоватая жидкостью водѣ подобная" найдена Фоллендорфомъ въ 25 колодцахъ близъ куреня Титаровскаго съ южной его стороны.

Всѣ песчанныя залежи нефти покрыты были сверху супесчанымъ слоемъ земли толщиною въ $7^1/_2$ аршинъ, а самые нефтяные пески были всего въ полъ-аршина мощностью. Пески эти выносились на носилкахъ въ „станки", т. е. въ продольныя углубленія, вырытыя въ пескѣ и обложенныя глиною. Передняя часть станка дѣлалась полукруглою до 2 аршинъ въ діаметрѣ, а „конецъ" или „хвостъ" станка съуживался до $^3/_4$ аршина. Рядомъ съ этимъ концомъ вырыта была четырехугольная яма. На станокъ наваливалось до 150 носилокъ нефтеноснаго песка. Съ помощью промывки песка водой нефть собиралась на поверхности воды и особыми вѣниками отжималась въ ушаты, изъ которыхъ послѣ того, какъ песокъ осѣдалъ на дно и нефть очищалась, она поступала въ „камяги" или деревянные лари. Изъ двухъ носилокъ нефтеноснаго песку получалось ведро нефти. Полагая, что на носилки рабочіе брали около 5 пудовъ песку, нефть составляла слѣдовательно около $7^1/_2$% нефтеноснаго пласта, при вѣсѣ ведра ея въ 30 фунтовъ.

Колодцы нащупывались обыкновенно буромъ или щупомъ. Сначала буръ запускался въ землю, а затѣмъ въ образованное имъ углубленіе наливалась вода. Если къ опущенному въ то же углубленіе буру приставала нефть, то здѣсь и копали колодезь. Мѣстами, какъ напр. на Чубовой горѣ, по мѣрѣ углубленія колодца, нефть била „на подобіе ключа". Ямы или колодцы прикрывались досками, поверхъ которыхъ накладывалась глина на два вершка. Черезъ нѣкоторые промежутки времени съ колодцевъ снимались крышки и собиралась накопившаяся въ колодцѣ нефть.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при рытьѣ новыхъ колодцевъ, особенно на Чубовой горѣ, въ напластованіяхъ встрѣчались куски дерева, морская трава и разная глиняная посуда, свидѣтельствовшая о томъ, что раньше здѣсь добывали татары нефть.

Возлѣ Титаровскаго куреня въ колодцы были опущены деревянныя трубы съ очень узкими отверстіями на нижнемъ концѣ. Съ помощью этихъ трубъ нефть добывалась какъ бы насосомъ. „Въ нѣкоторыхъ колодцахъ по словамъ Фоллендорфа, замѣчалось столь сильное движеніе, что происходилъ шумъ, подобный клокотанію".

Добываніе нефти производилось только лѣтомъ, съ мая по сентябрь мѣсяцъ, а затѣмъ промыселъ закрывался на все остальное время. Продавалась нефть по 2 р. ассигнаціями за ведро.

Этимъ общимъ описаніемъ нефтяного промысла и оканчивались изысканія Фоллендорфа.

По вѣдомости съ 1835 по 1841 г. значилось, что за этотъ шестилѣтній періодъ было добыто 1565 пудовъ бѣлой нефти и

9849 пуд. черной на сумму 27008 рублей. За это же время было продано 969 пудовъ бѣлой и 1585 пудовъ черной нефти на 6013 руб. Такъ какъ нефть плохо покупалась, а деготь для смазки возовъ и повозокъ въ Черноморію шелъ извнѣ, то наказный атаманъ Заводовскій просилъ въ 1836 г. у барона Розена разрѣшенія обложить ввозимый деготь акцизомъ въ 25 коп. съ ведра. Когда былъ сдѣланъ запросъ по этому поводу войсковой канцеляріи, то, признавая налогъ на деготь по 25 коп. съ ведра цѣлесообразнымъ, она прибавила, что отъ нефти, какъ это дознано на опытѣ, портятся деревянныя оси и колеса и чтобы парализовать такое дѣйствіе нефти на дерево, слѣдуетъ мѣшать ее съ дегтемъ и только въ такомъ видѣ пускать для смазки осей и колесъ.

Въ это время нефть не имѣла еще того промышленнаго значенія, какое она пріобрѣла послѣ того, какъ за дѣло взялись энергичные американцы. Часть нефти, собственно бѣлая нефть, имѣла примѣненіе въ медицинѣ, какъ лекарство; тяжелую нефть казаки пробовали употреблять, какъ, смазочное вещество.

Но слухи о присутствіи нефти на Тамани дошли до Петербурга, и тамъ на нефть обратили вниманіе. Въ январѣ 1836 г. Государь Николай 1-й приказалъ, по докладу ему статсъ-секретаря Танѣева, принять мѣры къ болѣе успѣшному добыванію нефти на Тамани. Вслѣдствіе этого баронъ Розенъ, хлопотавшій и раньше о расширеніи нефтяныхъ промысловъ, издалъ рядъ указаній, направленныхъ къ упорядоченію и развитію нефтепромышленности въ войскѣ. Такъ, онъ приказалъ возобновитъ 4 колодца при урочищѣ Чужиковомъ, 1 при куренѣ Стебліевскомъ, 12 при куренѣ Титаровскомъ, 85 при Чубовой горѣ и 242 при сѣнной почтовой станціи. Онъ же приказалъ произвести пробную разработку песковъ, лежавшихъ на берегу Азовскаго моря у Горѣлой могилы близъ хуторовъ Рубановыхъ. Затѣмъ баронъ Розенъ предложилъ увеличить количество рабочихъ съ 40 до 100 человѣкъ, допустить вольнонаемныхъ рабочихъ на промыселъ, а тѣхъ рабочихъ, которые откроютъ новые источники нефти, поощрять наградами. Въ цѣляхъ лучшей утилизаціи и сбыта нефти, Розенъ рекомендовалъ способствовать замѣнѣ нефтью дегтя и употребленію ея для освѣщенія, предоставивши продажу нефти частнымъ продавцамъ и промышленникамъ. Все это баронъ Розенъ изложилъ въ формѣ правилъ, которыя и предложилъ примѣнить на нефтяныхъ промыслахъ въ Тамани.

Заводовскій, признавая правила барона Розена вполнѣ цѣлесообразными, просилъ у него разрѣшенія вводитъ ихъ постепенно. Надо, впрочемъ, полагать, что онъ не понималъ дѣйствительнаго значенія правилъ. Такъ, онъ призналъ совершенно безполезнымъ добываніе нефти изъ песковъ, между тѣмъ какъ пески главнымъ образомъ и давали нефть. Военное министерство съ своей стороны недоумѣвало, куда же можно дѣвать нефть, если накопится боль-

шое количество. Въ этихъ видахъ оно рѣшило въ 1837 г. превращать черную нефть въ асфальтъ и распорядилось, чтобы въ Севастополь было отправлено изъ Тамани 150 пудовъ нефти для испытанія.

По вѣдомости за январь 1842 г. значилось, что въ остаткѣ отъ прошлыхъ лѣтъ было нефти бѣлой 337 вед. и нефти черной 6151 ведро, а добыто въ 1841 г. нефти бѣлой 44 ведра и нефти черной 969 пудовъ. Несмотря на всѣ усилія администраціи поставить добываніе нефти возможно шире, дѣло повидимому не ладилось. Въ 1843 г., поэтому, возникла мысль объ отдачѣ нефтяныхъ промысловъ на откупъ, какъ отдавались винная монополія, Ачуевскій рыболовный заводъ и пр. Войско нуждалось также въ опытномъ спеціалистѣ по нефтяному дѣлу. Когда въ 1843 г. было доложено объ этомъ Государю и намѣченъ былъ для этого горный инженеръ Анисимовъ, Николай 1-й приказалъ, чтобы изъ Донского и Черноморскаго казачьихъ войскъ посылались по три воспитанника въ институтъ корпуса горныхъ инженеровъ для изученія горнаго дѣла. Въ 1844 г., по предложенію военнаго совѣта, для наблюденія за нефтепромышленностью на Таманскомъ полуостровѣ назначенъ былъ горный инженеръ Анисимовъ, а самую разработку источниковъ рѣшено было сдать съ откупа. По архивнымъ матеріаламъ за этотъ годъ значилось, что въ теченіе 8 лѣтъ, съ 1835 по 1843 г. добыто 1713 пудовъ бѣлой нефти и 10504 пуда нефти черной. По тому времени такое количество нефти считалось большимъ запасомъ.

Въ 1845 г. генералъ Рашпиль выработалъ кондиціи для сдачи въ откупъ нефтяныхъ промысловъ. Назначены были торги, но на нихъ явились только два брата Посполитаки—подполковникъ Иванъ и войсковой старшина Александръ. Первый предложилъ 100 рублей аренды за 4 года. Войсковое Правленіе нашло неподходящею столь незначительную арендную плату, и нефтяные промыслы не были сданы въ откупъ. Это въ свою очередь неблагопріятно подѣйствовало на дальнѣйшую судьбу нефтяныхъ промысловъ. Въ октябрѣ 1846 г. главнокомандующій отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, въ виду заключенія горнаго инженера капитана Анисимова о бездоходности таманскихъ нефтяныхъ промысловъ, распорядился объ откомандированіи Анисимова изъ Черноморіи на Черноморскую береговую линію, освободивши такимъ образомъ войско отъ обязательства платить жалованье Анисимову.

Въ 1851 г. нефтяные источники вторично были обслѣдованы сотникомъ Литевскимъ. На этотъ разъ горнымъ инженеромъ оказался свой казачій сотникъ, близко знакомый съ краемъ. Литевскій подробно изслѣдовалъ всѣ нефтяные источники и далъ слѣдующее распредѣленіе ихъ по мѣсту нахожденія:

Таманскіе или Чужиковы источники находились въ 12 верстахъ на ю.-в. отъ Тамани.

Бугазскіе колодцы были расположены на горныхъ возвышеніяхъ и грядахъ у южной части Цокурова лимана.

Вышестебліевскіе колодцы тянулись на в. отъ Вышестебліевки по возвышенности, покрытой волнообразными наносами.

Старотитаровскіе колодцы были разбросаны въ нѣсколькихъ мѣстахъ: 1) въ 7 верстахъ на Ю. З. отъ Старотитаровки, 2) въ 6 верстахъ къ Ю.-Ю.-В. отъ Старотитаровки на вершинѣ Нефтяной горы, 3) въ 5 верстахъ къ С.-С.-З. отъ станицы и 4) въ 4 верстахъ на С.-В. отъ нея.

Новогригорьевскіе колодцы вырыты были въ 5 верстахъ на З. отъ Новогригорьевскаго поста.

Ахтанизовскіе колодцы находились на Ю.-З. отъ станицы Ахтанизовской близъ Сѣнной почтовой станціи.

На полуостровѣ Чушка нефть встрѣчалась въ трехъ мѣстахъ: 1) въ 2 верстахъ на Ю. З. отъ поселка Фонтанъ, 2) въ 8 верстахъ на Ю.-З. отъ того же поселка и 3) въ 8 верстахъ на С.-С. З. отъ поселка.

Нефть обнаружена была также близъ Смолянаго поста, между Андреевскимъ и Смолянымъ кордонами.

Кромѣ нефти, инженеръ Литевскій нашелъ близъ Вышестебліевскихъ колодцевъ на берегу Цокуровскаго лимана присутствіе полевошпатовыхъ и эвритовыхъ порфировъ, базальтовъ, конгломератовъ, мергелистыхъ известняковъ и др. древнихъ породъ, возлѣ Васюринской горы обломки плотной и рыхлой желѣзной руды, желѣзистаго галыша и пр. Между Старотитаровскими колодцами оказался холодный клокочущій ключъ мутной желѣзистой воды, а на восточной покатости Нефтяной горы ключи кислыхъ желѣзистыхъ и щелочныхъ минеральныхъ водъ.

Во то время, когда производилъ свои изслѣдованія горный инженеръ Литевскій, нефтяные колодцы были на откупу. Съ 11 декабря 1843 г. по 10 декабря 1850 г. войсковое правленіе заключило контрактъ съ нахичеванскимъ мѣщаниномъ Егоромъ Минаевичемъ Черкесовымъ объ отдачѣ въ откупъ нефтяныхъ источниковъ, принадлежавшихъ Черноморскому войску, за 380 руб. въ годъ, съ залогомъ въ 126 р. 66 коп. Гора мышь родила. Столько было хлопотъ и заботъ о развитіи нефтепромышленности и такимъ малоцѣннымъ оказался этотъ промыселъ.

Въ 1861 г. нефть добывалась на землѣ абадзеховъ. Въ этомъ году поручикъ Великановъ снялъ, съ разрѣшенія князя Барятинскаго, добычу нефти въ землѣ абадзеховъ срокомъ на 5 лѣтъ по пяти рублей платы съ бочки нефти. Заарендованные источники находились на р. Пшехѣ, тоесть, надо полагать въ юртѣ нынѣшней станицы Ширванской.

По предписанію наказнаго атамана графа Сумарокова-Эльстонъ отъ 19 февраля 1864 г., войсковому правленію Кубанскаго казачьяго войска поручено было заключить контрактъ съ полковникомъ Новосильцевымъ на отдачу ему въ арендное пользованіе нефтяныхъ источниковъ Кубанской области. Въ іюнѣ 1867 г. министръ госу-

дарственныхъ имуществъ сообщилъ графу Сумарокову-Эльстону, что Государь Императоръ обратилъ особое вниманіе на предпріятіе полковника Новосильцева, и просилъ Сумарокова всячески содѣйствовать Новосильцеву въ его предпріятіи по добычѣ нефти.

Въ 1868 г. былъ командированъ генералъ-адъютантъ Кушелевъ для ознакомленія съ предпріятіемъ полковника Новосильцева и для содѣйствія ему. Въ то же время смотритель войсковыхъ нефтяныхъ заведеній есаулъ Семеняка сообщилъ войсковому правленію, что имъ открытъ въ сопкѣ, извѣстной подъ именемъ Блеваки, нефтяной песокъ, чрезвычайно изобилующій нефтью, каковой въ прежніе годы не было. На поверхности и бокахъ песчанаго слоя открывались частые родники чистой нефти, безпрерывно текущей, чего также въ прежнее время не было замѣчено.

Дѣлая общій обзоръ войскового хозяйства въ теченіе 60-лѣтняго его существованія, всѣ войсковыя предпріятія можно разбить на двѣ группы—на доходныя и бездоходныя. Къ первымъ относились Ачуевскій рыболовный заводъ, солепромышленность, типографія и, быть можетъ, овчарный заводъ, ко вторымъ—конскій заводъ, суконная фабрика и нефтепромышленное дѣло. Кирпичный заводъ также давалъ доходъ войску, но онъ соединенъ былъ съ несомнѣнными жертвами куренныхъ обществъ и населенія. Въ общемъ всѣмъ войсковымъ предпріятіямъ свойственны были одни и тѣ же отрицательныя черты—отсутствіе удовлетворительной организаціи и живого интереса къ дѣлу участвовавшихъ въ нихъ лицъ. На всемъ лежала печать формализма, казенщины и принудительнаго воздѣйствія. При такихъ условіяхъ трудно было развиться живому дѣлу. Аренда, т. е. отдача предпріятія въ чужія руки, служила лучшею формою полученія дохода для наиболѣе выгодныхъ предпріятій. Но аренда и пошлина имѣли значеніе отрицательныхъ условій для частныхъ учрежденій того же рода у казачьяго населенія.

Глава XXVII.

Экономическій бытъ и хозяйство казака.

Черноморцы, переселяясь на Кубань, шли сюда съ скудными матеріальными средствами и малоцѣннымъ хозяйствомъ. На новыхъ мѣстахъ средства предстояло еще добыть, а хозяйства наладить и поставить, какъ слѣдуетъ. Объ этомъ заботилось населеніе. Тѣми же заботами проникнуты были и правящія власти. Такимъ образомъ, въ краѣ почти одновременно начали возникать и развиваться два вида хозяйственныхъ формъ и дѣятельности: хозяйство войсковое, общественное, и хозяйство казачье, частное. Край былъ обиленъ естественными богатствами, условія для развитія хозяйствъ были превосходныя, но населеніе было слабо, малосильно и по своему количественному составу, и по недостаточности практики, опыта, и по малому накопленію матеріальныхъ средствъ.

Въ 1800 г. войсковою канцеляріею затребованы были отъ окружныхъ правленій очень интересныя свѣдѣнія о состояніи хозяйствъ у казачьяго населенія. Окружнымъ правленіямъ поручено было сообщить, въ сколькихъ казацкихъ и старшинскихъ хозяйствахъ было по двѣ и свыше двухъ паръ рабочихъ воловъ и сколько было хозяевъ, неимѣвшихъ воловъ и имѣвшихъ не болѣе одной пары. Въ архивныхъ матеріалахъ сохранились свѣдѣнія этого рода по 18-ти селеніямъ или куренямъ, по которымъ числилось 505 хозяйствъ, обезпеченныхъ двумя и свыше парами воловъ, и 278 хозяйствъ, совсѣмъ не имѣвшихъ воловъ и имѣвшихъ одну только пару ихъ. Очевидно, первую группу хозяйствъ администрація считала устойчивою и экономически сильною, а вторую относила къ слабосильнымъ и безхозяйнымъ представителямъ населенія. По цифровымъ даннымъ оказалось, что на 64,5% перваго рода хозяйствъ приходилось 35.5% хозяйствъ второго рода или на $^2/_3$ экономически сильныхъ хозяйствъ $^1/_3$ слабосильныхъ. Отношеніе крайне неблагопріятное.

По отдѣльнымъ куренямъ отношенія между сильными и слабосильными хозяйствами мѣнялись рѣзко и разнообразно. Въ куренѣ Щербиновскомъ на 132 экономически сильныхъ хозяйствъ приходилось 20 слабосильныхъ, въ куренѣ Кущевскомъ на 42 первыхъ 10 вторыхъ, въ куренѣ Конеловскомъ на 60 первыхъ только 5 вторыхъ, а въ куренѣ Батуринскомъ на 12 сильныхъ хозяйствъ числилось 27 слабосильныхъ, въ куренѣ Ирклієвскомъ на 12 первыхъ 24 вторыхъ, въ куренѣ Леушковскомъ на 14 первыхъ 31 вторыхъ. Были, слѣдовательно, слабосильными и очень бѣдными не только отдѣльные хозяева, но и цѣлые курени, селенія. Въ этомъ

отношеніи ярко бросалась въ глаза строгая зависимость между имущественнымъ состояніемъ куреня и его географическимъ положеніемъ въ краѣ. Преобладаніе слабосильныхъ хозяйствъ надъ сильными замѣчалось по всѣмъ тѣмъ куреніямъ, которые были расположены по кордонной линіи близъ р. Кубани, и наоборотъ, преобладаніе сильныхъ хозяйствъ надъ слабосильными было отличительнымъ признакомъ куреней, удаленныхъ на значительныя разстоянія отъ Кубани, находившихся въ глубинѣ степей и въ сѣверной части Черноморіи. Явленія совершенно понятныя и легко объяснимыя: У Кубани были черкесы, подрывавшіе благосостояніе населенія; вдали отъ Кубани ихъ не было.

Обстоятельство, наглядно указывающее, насколько сильна была нужда черноморцевъ въ перенесеніи куреней съ прикубанской полосы въ глубину края и какой жгучій характеръ носилъ для казака того времени этотъ хозяйственный вопросъ. Нормальныя хозяйственныя отправленія не уживались рядомъ съ случайностями военныхъ тревогъ и непрерывной борьбы съ горцами. Разселеніе куреней внутри края сразу же повело къ развитію опредѣленныхъ формъ хозяйства. Скотоводство, земледѣліе и рыболовство, легшія въ основу казачьяго хозяйственнаго быта, принимали то или другое направленіе въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, а не отъ вліянія военныхъ столкновеній съ черкесами, какъ это было въ куреняхъ на Кубани. Появились опредѣленные районы съ преобладаніемъ опредѣленныхъ видовъ хозяйства. Скотоводство всѣхъ видовъ—табуны лошадей, атары овецъ и стада рогатаго скота, стали принадлежностью ейскаго и ближайшаго къ нему районовъ; рыболовство, по очень понятной причинѣ, сдѣлалось достояніемъ населенія, размѣстившагося у азовскаго побережья; а земледѣліе шире и успѣшнѣе велось повидимому въ тѣхъ куреняхъ и тѣми хозяевами, гдѣ оказалось населеніе вышедшее изъ Малороссіи и привыкшее къ этой отрасли хозяйства на старомъ своемъ мѣстожительствѣ.

При такой обстановкѣ и условіяхъ зародились и развились основныя формы частнаго казачьяго хозяйства. Казаки начали съ рыболовства и скотоводства и скотоводческое хозяйство осталось потомъ надолго господствующею формою экономической жизни въ Черноморіи.

Прошло сорокъ лѣтъ со времени первой переписи казачьихъ хозяйствъ въ Черноморіи. Въ 1839 г. генеральный штабъ затребовалъ свѣдѣнія для составленія карты квартирной повинности въ имперіи. Изъ доставленныхъ по этому требованію войсковою канцеляріей статистическихъ данныхъ видно, что въ Черноморіи въ это время было 58 станицъ, 1954 хуторовъ, съ 18865 дворами и 115583 душами населенія обоего пола. Если отчислить по 6 душъ населенія на дворъ въ хуторахъ, то въ станицѣ въ среднемъ было 292 двора и 1787 д. об. п. населенія. Слѣдовательно, основныя

поселочныя формы въ 1839 г. отличались достаточной величиной и населенностью.

Главное занятіе въ войскѣ составляло скотоводство. По офиціальнымъ даннымъ, въ Черноморіи числилось 93890 головъ рогатаго скота, 264447 штукъ овецъ и 41067 лошадей. Иначе говоря, въ это время приходилось въ среднемъ на хозяйство по 5 головъ рогатаго скота, 2 лошади и 14 овецъ или въ общемъ, принимая 5 головъ овецъ за одну крупную голову скота, до 10 головъ крупнаго скота на дворъ. Соотношеніе также свидѣтельствующее о достаточной мощности казачьихъ хозяйствъ, хотя навѣрное офиціальныя данныя были далеко ниже дѣйствительныхъ.

Наконецъ, генеральному штабу было сообщено, что черноморскіе казаки располагали 183174 десятинами пашенъ и 2094740 десятинами сѣнокосныхъ угодій. А это значитъ, что каждый дворъ располагалъ 10 десятинами пашни, и 111 десятинами сѣнокосовъ. Цыфры довольно внушительныя. Площадь земельныхъ угодій была такъ велика, что съ нея легко могло прокормиться по крайней мѣрѣ въ 3 раза большее количество населенія и въ 5 разъ большее число скота, если считать обычнымъ сборомъ хлѣба по 60 пудовъ на десятину и степной растительности, въ видѣ сѣна и подножныхъ кормовъ, по 50 пудовъ на десятину съ тучныхъ черноморскихъ степей. Очевидно, что, во первыхъ, далеко не вся площадь пашенъ и сѣнокосовъ въ то время использовалась и что скота было даже при этомъ условіи значительно больше, чѣмъ сколько показано было его по офиціальнымъ даннымъ. Но и безъ этихъ поправокъ статистическія данныя за 1839 г. показываютъ, что въ это время казаки могли быть обезпечены такимъ количествомъ скота и угодій, которыхъ было совершенно достаточно для безубыточной постановки и веденія хозяйства.

Но не надо упускать изъ виду, что въ 1839 г. въ войскѣ числилось 11 конныхъ и 11 пѣшихъ полковъ, 1 конно-артиллерійская и 1 пѣшая артиллерійская роты. Строевой составъ войска, слѣдовательно, равнялся почти 12 тысячамъ и, значитъ, по крайней мѣрѣ, треть мужского населенія, въ самомъ цвѣтущемъ рабочемъ возрастѣ, была отвлекаема отъ хозяйства. Извѣстно, однако, что для борьбы съ горцами въ тѣ времена нерѣдко ставилось на ноги почти поголовно все мужское населеніе, могущее носить оружіе. Хозяйство некому было вести, какъ слѣдовало.

Тѣмъ не менѣе хозяйство было и по преимуществу скотоводческое, т. е. такое, для котораго требовалось меньше всего затратъ рабочаго труда. Въ это время въ Черноморіи уже выпасывались огромныя стада животныхъ на ея обширныхъ и плодородныхъ степяхъ — табуны лошадей, гурты рогатаго скота и атары овецъ. Большую часть года всѣ эти виды скота находились на подножномъ корму, а лошади „тебеневали“, т. е. доставали корма изъ подъ снѣга, даже зимою. Стало быть, содержаніе скота обходилось дешево

и затрата рабочихъ силъ требовалась главнымъ образомъ для надзора за скотомъ. Выходитъ, что и, безъ достаточнаго количества рабочихъ рукъ, скота на Черноморіи было все таки много. Такъ оно и было въ дѣйствительности. Къ сожалѣнію, распредѣленіе скота по хозяйствамъ было поразительно неравномѣрнымъ. Между тѣмъ какъ хуторяне исчисляли свой скотъ десятками и сотнями головъ, въ станицахъ громадный процентъ хозяйствъ былъ или безъ всякаго скота или съ такимъ ничтожнымъ количествомъ его, котораго не хватало для обезпеченія самыхъ насущныхъ потребностей казака. Отъ этого, на ряду съ богатыми и цвѣтущими хозяйствами, бѣдность казаковъ, по свидѣтельству историческихъ документовъ, была поразительной. Если не цѣлая треть, то во всякомъ случаѣ не менѣе четвертой доли казачьихъ хозяйствъ была безъ скота и хлѣба. А между тѣмъ требовалось снаряжаться на службу казаку на собственный счетъ и нести ее въ строю напряженно. Вотъ тутъ-то, въ этомъ бѣдственномъ положеніи значительной доли казачьихъ хозяйствъ, и крылись причины того, что нерѣдко приходилось снимать съ позицій отдѣльныя части войска, за неимѣніемъ у казаковъ одежды и обуви. Обносившіеся казаки не имѣли въ своемъ хозяйствѣ необходимыхъ средствъ для того, чтобы сколько-нибудь сносно одѣться и обуться. Съ недостачей пищи казакъ легче могъ справиться. Если у казака не было хлѣба, то его кормили ноги, твердая рука и зоркій глазъ. Убить дикаго кабана, козу или какую-нибудь птицу, наловить рыбы, утащить при случаѣ изъ аула у черкеса кукурузу или просо казакъ всегда могъ. Волка кормили ноги, а казака охотничья сноровка. Но сшить костюмъ на кордонной службѣ было не изъ чего, а въ хозяйствѣ не было необходимыхъ для этого средствъ.

Земледѣльческій промыселъ, по всѣмъ признакамъ, находился въ 1839 г. далеко въ худшемъ положеніи, чѣмъ скотоводство. Значительному количеству хозяйствъ было не на чемъ вести запашки за отсутствіемъ скота, а если прибавить къ этому еще недостатокъ рабочихъ рукъ, за отвлеченіемъ ихъ на кордонную линію, тогда относительно слабыя занятія земледѣліемъ, требующимъ большихъ затратъ труда и капитала сравнительно съ скотоводствомъ, станутъ совершенно понятными. По свѣдѣніямъ, представленнымъ войсковою канцеляріею генеральному штабу, въ запасныхъ магазинахъ казачьихъ станицъ было 10187 четвертей озимаго и 2047 четвертей яровыго хлѣба. Запасы крайне незначительные. При шести мѣрахъ посѣва на десятину, ихъ хватило бы на обсѣмененіе только половины той площади пашенъ, которая показана войсковымъ правленіемъ, и при $1^1/_2$ пуда продовольствія на душу магазиннымъ запасомъ нельзя было бы прокормить населеніе въ теченіе мѣсяца. Войсковая администрація всегда принимала строгія мѣры по засыпкѣ хлѣба въ общественные магазины и если въ нихъ было запасовъ мало, то потому, что, вѣроятно, мало было хлѣба и въ казачьихъ хозяйствахъ.

Въ 1842 г., т. е. ко времени, когда Черноморское войско было преобразовано по новому казачьему положенію и когда заведены

были новые порядки по управленію краемъ и по обезпеченію экономическаго быта населенія, общія хозяйственныя условія носили далеко неопредѣленный характеръ. Земли было много, но она была не размежевана; существовали еще громадныя площади совершенно непочатой распашками земли; сѣнокосныхъ и пастбищныхъ угодій было обиліе и они не использовались полностью; воды изобиловали рыбою; соляныя озера не переставали давать соль при незначительныхъ затратахъ на выволочку ея; короче, природа позволяла еще вести натуральныя формы хозяйства безъ интенсивныхъ затратъ на дѣло труда и капитала.

Но на постановку хозяйства въ сильнѣйшей степени вліяли, съ одной стороны, крайняя неопредѣленность земельныхъ отношеній, а съ другой, слишкомъ исключительная система извлеченія доходовъ войскомъ. Благодаря этому, земледѣлію и скотоводству мѣшали земельныя неурядицы, а рыболовству и солепромышленности откупщики и усердное, въ ущербъ интересамъ населенія, выжиманіе войсковыхъ доходовъ.

Историкъ того времени И. Д. Попка остроумно сравниваетъ скрещеніе интересовъ земледѣлія и скотоводства съ войною куреней съ хуторами. „Чтобы остановить и сократить земельные захваты хуторовъ, курени выдвигаютъ противъ нихъ свои плуги, подходятъ подъ нихъ траншеями, ископанными раломъ; а хутора, въ видѣ усиленныхъ вылазокъ, напускаютъ на куренныя пашни свои стада и табуны. Казаки оборали пана, а панъ порубилъ казачьи плуги и вытопталъ посѣвъ казачій. Урядникъ посѣялъ жито, а сотникъ, по его житу, взялъ да посѣялъ пшеницу, и тому подобное“. Борьба земледѣльца съ скотоводомъ завязалась въ сороковыхъ годахъ и велась въ продолженіе 25 лѣтъ, пока не были размежеваны земли и не опредѣлены точно земельныя владѣнія куреней или станицъ. Представителями земледѣлія были бѣдняки, жившіе въ станицахъ и влагавшіе въ дѣло личный трудъ. Защитниками скотоводства считались паны и богатые хуторяне. Въ это время и по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ десятилѣтій, оканчивая первой половиной шестидесятыхъ годовъ, продолжало еще господствовать скотоводческое хозяйство. Главное богатство въ краѣ составляли всѣ виды скота—коневодство, овцеводство и рогатый скотъ.

Лошади разводились главнымъ образомъ табунами, и хуторское табунное коневодство было довольно распространено въ краѣ. Существовали табуны превосходныхъ лошадей по нѣсколько сотъ и даже въ тысячу головъ у черноморскихъ пановъ и хуторянъ. Черноморскія лошади отличались не столько своею красотою, сколько необыкновенною выносливостью и силою. Съ большою, неуклюже сложенною головою, но крѣпко сшитымъ костякомъ и съ мощною мускулатурою, черноморская лошадь совершала чудеса при перевозкѣ тяжестей и передвиженіяхъ на дальнемъ разстояніи. Она, поэтому, одинаково была пригодна и для кавалеріи, и для артиллеріи, и это

высоко цѣнилось казаками и знатоками лошадей. Въ 1851 г. командиръ Оренбургскаго корпуса просилъ командующаго войсками на Кавказѣ оказать ему содѣйствіе по закупкѣ въ Черноморіи и Кавказскомъ краѣ 15 жеребцовъ, нужныхъ для улучшенія породы лошадей въ Уральскомъ, Оренбургскомъ и Башкирскомъ казачьихъ войскахъ. Это былъ лучшій аттестатъ черноморской лошади. У всѣхъ этихъ войскъ подъ рукою была чудная верховая лошадь киргизской породы, но она уступала черноморской въ силѣ и выносливости, а также въ пригодности не только подъ сѣдло, но и въ упряжь и экипажи. Коневодство, поэтому, давало хорошій доходъ владѣльцамъ табуновъ.

Черноморскій рогатый скотъ также славился на югѣ Россіи. Это была мясная порода крупнаго сѣраго скота, заимствованная черноморцами изъ Запорожья и Молороссіи. Рогатый скотъ разводился въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ лошади. Не было по крайней мѣрѣ такихъ крупныхъ стадъ, какъ лошадиные табуны. Но и разведеніе рогатаго скота считалось очень выгоднымъ и давало скотоводамъ значительные доходы.

Наконецъ, овцеводство, разведеніе этихъ животныхъ большими стадами—атарами, было принадлежностью хуторовъ по преимуществу. Черноморцы разводили простую овцу, съ грубою шерстью и непородистую, но очень выносливую и превосходно приспособившуюся къ мѣстнымъ условіямъ. Черноморская овца давала мясо и шерсть и, отличаясь болѣе высокимъ, чѣмъ у другихъ видовъ скота, приплодомъ, также составляла очень доходную статью въ хозяйствѣ скотовода.

Изъ другихъ отраслей промышленности рыболовство по прежнему было излюбленнымъ занятіемъ извѣстной части населенія. Постепенно расширявшіяся операціи откупщиковъ войсковыхъ рыболовныхъ промысловъ неблагопріятно вліяли какъ на состояніе промысловъ, такъ и на интересы населенія. Вслѣдствіе усиленныхъ и нераціональныхъ способовъ ловли рыбы, замѣтно стало уменьшаться количество ея. Въ февралѣ 1819 г. сенатскимъ указомъ воспрещенъ былъ ловъ рыбы крючьями въ устьяхъ Дона, Кубани и др. рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море. Тогда же запрещено было также ставить вентеря въ гирлахъ, черезъ которые проходила рыба въ лиманы. Но запрещенія эти остались на бумагѣ. На нихъ не обращали вниманія рыболовы, особенно откупщики войсковыхъ промысловъ.

Въ откупъ отдавался сначала одинъ Ачуевскій рыболовный заводъ, но откупщики стремились къ тому, чтобы взять въ свои руки всѣ важнѣйшіе рыболовные промыслы. Послѣ многихъ попытокъ, этого добился, наконецъ, въ 1847 г. самый вліятельный изъ откупщиковъ войсковой старшина Посполитаки. Это поставило въ тяжелыя условія остальныхъ рыболововъ и казачье населеніе рыболовныхъ станицъ и поселеній. Казаки обратились съ протестомъ къ высшему начальству и объ этомъ доложено было Государю. Только благодаря воли Государя, Посполитаки былъ побѣжденъ и въ результатѣ отъ

этой побѣды появились Высочайше утвержденныя правила 2 февраля 1853 г.

Параграфъ первый этихъ правилъ гласилъ, что „право свободнаго рыболовства на водахъ, принадлежащихъ Черноморскому войску, предоставляется исключительно лицамъ войскового сословія". Иногороднимъ жителямъ свободный ловъ рыбы былъ навсегда воспрещенъ. Къ январю 1855 г. приказано было продать или снести заводы въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня утвержденія правилъ. Пользованіе рыболовными водами также было строго разграничено для казачьяго населенія, сообразно съ чинами и военнымъ положеніемъ: генералу дозволялось имѣть 5 неводныхъ заводовъ, штабъ-офицеру—4, оберъ-офицеру—3, а урядникамъ и рядовымъ казакамъ по 2. Каждому войсковому жителю предоставлялось, сверхъ того, по одному вентерю. Торговля рыбой и продуктами ея дозволялась всѣмъ, какъ войсковымъ жителямъ, такъ и иногороднимъ. Такимъ образомъ, иногороднимъ былъ отведенъ тѣсный кругъ дѣятельности по приготовленію рыбы въ прокъ и сбыту ея. Въ правилахъ были подробно установлены порядокъ разрѣшенія рыболовныхъ заведеній, виды рыболовныхъ снастей, время рыболовства, мѣста, запрещенныя для рыбной ловли, обязанности рыболововъ, денежные сборы съ рыбопромышленности и надзоръ по рыболовству.

Съ этого времени казачье населеніе вздохнуло свободнѣе, имѣя возможность безпрепятственно заниматься своими излюбленными рыболовными промыслами. У части населенія рыболовство снова составило доходную статью и вообще у казаковъ рыба стала принадлежностью стола.

Меньшими стѣсненіями была обставлена солепромышленность. Добыча соли никогда не была ни въ арендѣ, ни въ откупу. Первоначально войско никому не воспрещало добывать соль, лишь бы только солепромышленникъ вносилъ въ войско опредѣленную часть добытой соли въ видѣ пошлины. И соль одинаково свободно добывали и иногородніе и казаки. Но въ іюлѣ 1841 г. войсковая канцелярія постановила запретить иногороднимъ выволочку соли на войсковыхъ соляныхъ озерахъ въ Ейскомъ, Бейсугскомъ и Екатеринодарскомъ округахъ, а казакамъ нанимать болѣе двухъ работниковъ на хозяйство при выволочкѣ соли. При сборѣ же соли на Бугазскомъ и Южномъ озерахъ разрѣшено было войсковымъ жителямъ, въ видахъ изолированнаго и отдаленнаго отъ жилищъ ихъ положенія, нанимать работниковъ въ неограниченномъ числѣ для работъ на озерахъ, а иногороднимъ добывать соль, съ условіемъ продажи ея въ Черноморіи не дороже 10 коп. за пудъ. Съ теченіемъ времени порядки эти осложнялись все болѣе и болѣе. Иногороднимъ жителямъ совсѣмъ была воспрещена добыча соли на войсковыхъ озерахъ, а добываніе соли казаками регулировалось каждый разъ установленіемъ извѣстной нормы рабочихъ рукъ.

Тѣмъ не менѣе, благодаря наличности своихъ соляныхъ озеръ и промысловъ, все населеніе Черноморіи пользовалось извѣстными

выгодами. Помимо непосредственныхъ выгодъ солепромышленниковъ, жители получали для своихъ нуждъ дешевую соль, не обложенную казенными пошлинами. Это въ то время было большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ, такъ какъ потребленіе соли въ Черноморіи для нуждъ семьи, для рыболовства и скота выражалось въ довольно крупныхъ цифрахъ.

Вотъ почему неурожаи соли и большой спросъ ея на мѣстѣ заставляли войсковую администрацію заботиться объ увеличеніи ея запасовъ. Войско то запрещало вывозить соль за предѣлы края, то обязывало поставлять мѣстную соль въ войско, если добыча ея производилась иногородними, то устанавливало цѣны на соль, ниже которыхъ не разрѣшало продажу ее частнымъ лицамъ. Войсковое начальство заарестовывало соль у иногороднихъ, если она была куплена ими по цѣнѣ ниже установленной войскомъ. Въ августѣ 1835 г. генералъ Заводовскій, арестовавшій 13000 пудовъ купленной въ голодный 1833 г. соли, просилъ у корпуснаго командира разрѣшенія оставить ее за войскомъ по $16^1/_2$ коп. за пудъ.

Къ числу хозяйственныхъ отраслей, развитіе которыхъ было дѣломъ будущаго, относилось садоводство.

Когда черноморцы занимали своими поселеніями Таманскій полуостровъ, то застали еще здѣсь сады и виноградники, оставшіеся послѣ турокъ и татаръ, которымъ они также достались въ наслѣдство отъ предшественниковъ—итальянцевъ и грековъ. Въ октябрѣ 1793 г. войсковое правительство предписало полковнику Кулику „принять въ свое вѣдѣніе состоящіе около Тамани войсковые и прочіе сады“, оставшіеся безъ присмотра и ухода и приставить къ нимъ надежнаго старшину, съ приличнымъ количествомъ казаковъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года Куликъ, исполняя предписаніе войскового правительства, просилъ прислать ему казенное продовольствіе для собранной имъ команды по надзору за турецкими и татарскими садами. Въ дѣлахъ архива не оказалось указаній, какъ дѣйствовала эта команда въ охраняемыхъ ею садахъ.

При личномъ посѣщеніи Черноморіи, Херсонскій губернаторъ Ришелье нашелъ на Таманскомъ полуостровѣ запустѣвшіе сады, оставшіеся отъ турокъ и татаръ, и совѣтовалъ войсковой администраціи раздать эти сады для поддержки ихъ рачительнымъ хозяевамъ. Въ числѣ такихъ рачительныхъ хозяевъ получилъ 9 іюня 1819 г. документъ отъ войсковой канцеляріи и ея атаманъ Матвѣевъ. Вѣроятно, садовая команда полковника Кулика плохо занималась садоводствомъ. Со времени раздачи турецкихъ и татарскихъ садовъ рачительнымъ хозяевамъ, садоводство было предоставлено собственному своему развитію и тѣмъ хозяевамъ-любителямъ, которые занимались имъ. Война съ горцами и тяжелыя условія, соединенныя съ кордонною службою черноморскихъ казаковъ, не могли способствовать насажденію и развитію такихъ высокихъ культуръ, какъ садоводство.

Въ 1848 г., 8 октября, въ городѣ Екатеринодарѣ былъ учрежденъ войсковой садъ съ питомникомъ, При помощи этого учрежденія предполагалось и мѣсто для прогулокъ городскимъ жителямъ

устроить и развитію садоводства въ краѣ способствовать. Въ апрѣлѣ 1849 г. генералъ Рашпиль сообщилъ представителямъ мѣстной окружной администраціи, что, въ видахъ распространенія въ войскѣ садоводства, въ г. Екатеринодарѣ разводится обширный разсадникъ виноградныхъ лозъ, плодовыхъ деревьевъ, кустарниковъ и растеній. Для веденія этого предпріятія Рашпиль пригласилъ опытнаго иностраннаго садовника и предлагалъ мѣстной администраціи „распространить познанія этого садовника въ садоводствѣ между жителями Черноморіи"

Въ 1850 г. намѣстникъ Кавказа графъ Воронцовъ распорядился, чтобы изъ принадлежащихъ ему садовъ въ Крыму было выслано въ Екатеринодаръ для раздачи жителямъ станицъ 40000 виноградныхъ лозъ—по 10,000 рислинга, бѣлаго муската и бордо, по 3000 траминера и бѣлаго опорто и 4000 пино-франъ, а въ 1851 г. 100,000 виноградныхъ лозъ и 2000 прививочныхъ фруктовыхъ черенковъ. Въ 1852 г. изъ Магарача въ Черноморію было доставлено 100.000 виноградныхъ чубуковъ и одна тысяча фруктовыхъ деревъ. Въ 1853 г. жители города Ейска просили войсковую администрацію, чтобы и имъ были удѣлены лозы и черенки. Съ тѣхъ поръ въ г. Ейскѣ зародилось и развилось впослѣдствіи садоводство. Ейскіе мѣщане не были обременены такъ казачьею военною службою на кордонной линіи, какъ казаки, и несомнѣнно, что у нихъ пошло садоводство успѣшнѣе, чѣмъ у обремененныхъ службою казаковъ.

Кромѣ садоводства, были попытки разведенія въ Черноморіи разнаго рода промышленныхъ растеній, въ цѣляхъ лучшей постановки казачьяго хозяйства. Въ 1841 г., по иниціативѣ министерства государственныхъ имуществъ, населенію Черноморскаго войска было сдѣлано предложеніе разводить красильныя растенія, клещивину и американскій табакъ. Въ декабрѣ того же года войсковая канцелярія съ своей стороны предложила даже освободить отъ службы казаковъ, которые пожелали бы заняться разведеніемъ рекомендованныхъ растеній. Въ 1846 г. такое же обращеніе правительства сдѣлано было относительно прядильныхъ растеній. Растенія эти слабо воздѣлывались въ Черноморіи и мѣстная администрація объясняла это тѣмъ, что черноморцамъ выгоднѣе было заниматься скотоводствомъ и рыболовствомъ, какъ наиболѣе прибыльными промыслами, чѣмъ земледѣліемъ. Послѣднимъ казаки занимались лишь въ такомъ размѣрѣ, чтобы земледѣліемъ обезпечивались одни продовольственныя средства населенія. По войску разосланы были даже правила и условія выгодной обработки прядильныхъ растеній. По поводу примѣненія этихъ правилъ Рашпиль писалъ Заводовскому, что черноморскіе казаки слабо занимаются воздѣлываніемъ прядильныхъ растеній да имъ и некогда заниматься этимъ дѣломъ. Поэтому, они предпочитаютъ покупать привозныя матеріи у иногородникъ лицъ, чѣмъ производить ихъ на дому.

Были, наконецъ, попытки улучшить казачье хозяйство и поднять его производительность съ помощью введенія въ него усовершен-

ствованныхъ земледѣльческихъ орудій. Въ 1838 г. на Луганскій заводъ войсковымъ начальствомъ командированы были офицеръ, урядникъ и казакъ для изученія пріемовъ обращенія съ усовершенствованными земледѣльческими орудіями и машинами. Командированнымъ поручено было привезти въ Черноморію недорогія, но хорошія усовершенствованныя земледѣльческія орудія, которыя можно было бы примѣнить въ казачьемъ хозяйствѣ. А тремя годами раньше на тотъ же Луганскій заводъ, по распоряженію Заводовскаго, были посланы два малолѣтка казака—Усъ и Бердинъ, для изученія кузнечнаго и слесарнаго ремесла.

Промышленность вообще слабо была развита у казачьяго населенія да и некогда было ею заниматься. Кузнецы, сапожники, кравцы, т. е. портные, даже каменьщики, плотники, столяры и пр. были большею частью пришлые. Казачьи же мастеровые работали на войско и для общей массы населенія представляли недостаточный контингентъ.

Болѣе распространена была въ населеніи обрабатывающая промышленность, но и она была направлена исключительно на удовлетвореніе нуждъ населенія. У казаковъ было много мельницъ водяныхъ и вѣтряковъ. Заведенія эти считались очень доходными и обслуживали всю Черноморію. При нѣкоторыхъ мельницахъ были устроены сукновальни. Въ каждомъ куренѣ или станицѣ были также „олійницы“, т. е. маслобойныя заведенія. Добываемое на нихъ постное масло шло въ хозяйство казака и размѣры производства на маслобойныхъ заведеніяхъ опредѣлялись мѣстнымъ потребленіемъ приготовляемаго ими продукта. Мука и масло не вывозились за предѣлы Черноморіи и на мѣстѣ имѣли очень ограниченный сбытъ. Каждый хозяинъ заготовлялъ ихъ только для своего хозяйства.

Казачье хозяйство носило вообще строго натуральный характеръ. Покупныхъ предметовъ въ немъ потреблялось оченъ мало. Богатство казака было все въ натурѣ—въ видѣ лошадиныхъ табуновъ, стадъ рогатаго скота и овечьихъ атаръ. Поэтому и торговля носила крайне примитивныя черты и заключена была въ тѣсныя рамки. Въ станицахъ было очень мало лавокъ и ихъ торговые обороты были незначительны. Лавочники торговали краснымъ, бакалейнымъ, колоніальнымъ и желѣзноскобянымъ товарами, но, на ряду съ ними, разнаго рода мелочи поставляли населенію главнымъ образомъ офени, „коробейники“. Болѣе цѣнные товары казакъ покупалъ на ярмаркѣ. На ярмаркѣ же сбывалъ онъ скотъ и продукты скотоводства. Такимъ образомъ, предметы отпуска изъ казачьяго хозяйства шли главнымъ образомъ черезъ ярмарки. Другую статью экспорта составляла рыба и ея продукты, сбывавшіеся также на ярмаркахъ, но главная масса рыбнаго товара шла черезъ чумаковъ. Чумаки были одновременно и возчиками и торговцами. Громаднѣйшими „валками“ они пріѣзжали въ Черноморію главнымъ образомъ за рыбой и брали ее на мѣстахъ—на рыболовныхъ заводахъ, а

затѣмъ развозили ее въ Южной Россіи. Черезъ чумаковъ направлялся вообще весь сбытъ товаровъ за предѣлы Черноморіи. Порты не дѣйствовали и морского торговаго транспорта еще не существовало въ краѣ.

Въ такихъ экономическихъ условіяхъ находился казакъ въ теченіе всего періода войны съ горцами. Экономическая жизнь мѣнялась въ это время очень мало. Все время господствующимъ видомъ хозяйства было скотоводство, а земледѣліе носило характеръ подспорья; все время въ хозяйствѣ казака служили, какъ подспорные промыслы, рыболовство и солепромышленность; все время остальныя отрасли хозяйства находились въ зачаточномъ состояніи, а торговля отличалась примитивнымъ складомъ; все время, наконецъ, натуральное хозяйство казака исключало какъ болѣе интенсивныя формы производства, такъ и развитіе мѣновыхъ процессовъ.

При такихъ условіяхъ, главный тормазъ въ развитіи казачьяго хозяйства или, правильнѣе, въ накопленіи въ немъ натуральнаго богатства составляли стихійныя бѣдствія. Въ Черноморіи не было ни торговыхъ, ни денежныхъ, ни промышленныхъ кризисовъ; но были моръ, эпизоотіи, саранча, бури, наводненія и т. п. При холерѣ семьи лишались рабочихъ рукъ, при падежахъ скота таяло богатство хуторянъ, въ суровыя зимы съ гололедками, когда лошади не могли добывать копытами изъ подъ снѣга кормовъ, сотнями падали эти благородныя животныя, саранча, въ обиліи водившаяся въ плавняхъ и налетавшая съ юга, пожирала небольшіе посѣвы казаковъ и естественную растительность, бури и наводненія причиняли разстройство въ хозяйствѣ на значительныхъ пространствахъ. Такъ, съ 8 на 9 марта 1843 г. наводненіемъ у Темрюка и по Азовскому побережью произведены были разрушенія хозяйственныхъ обзаведеній. Сначала дулъ юго-западный вѣтеръ, перешедшій потомъ въ сѣверо-западный штормъ въ теченіе двухъ сутокъ. Вода поднялась выше обыкновеннаго уровня на 4 аршина, нѣкоторые рыбаки погибли, но большинство спаслось на лодкахъ. Разрушены были всѣ рыболовные заводы и унесены водою строенія, припасы, заготовленная рыба, соль, имущество и пр. Только на однихъ заводахъ съ ихъ убогимъ имуществомъ, котораго рыболовы не могли захватить на лодки, исчислены были убытки въ 22489 рублей. И такія бѣдствія были и въ другихъ мѣстахъ Азовскаго побережья.

Но главнымъ тормазомъ въ развитіи казачьяго хозяйства служили черкесы. Помимо того, что они отвлекали рабочія руки отъ хозяйства, своими набѣгами горцы причиняли не мало бѣдъ казачьему населенію прикубанскихъ станицъ—жгли строенія, хлѣба и сѣно, угоняли скотъ, калѣчили населеніе и т. п. Пока велась война казаковъ съ черкесами, правильная постановка казачьяго хозяйства была немыслима.

Глава XXVIII.

Рабочія силы и артельныя формы.

На первыхъ порахъ въ Черноморіи не существовало рабочаго класса въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Не было необходимыхъ для этого силъ. Почти все рабочее населеніе у казаковъ поголовно отбывало военную службу, проводя большую часть своей жизни внѣ дома и хозяйства—на кордонной линіи и въ походахъ. Только временно, отбывши военную очередь, казаки расходились по домамъ. Но чуть только поднималась тревога на Кубани, начинались набѣги горцевъ на Черноморію, являлась нужда во временномъ усиленіи пограничной охраны, какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ не успѣвшій еще обжиться на дому казакъ снова спѣшилъ на линію. При такихъ условіяхъ, казакъ не могъ принимать регулярно участія ни въ веденіи хозяйства, ни въ какой-либо отрасли промышленности. Рабочаго не было, а былъ лишь двуликій Янусъ: сегодня мирный труженикъ, а завтра суровый воинъ.

Кто же замѣнялъ на дому и въ хозяйствѣ отсутствующаго казака? Дѣти, подростки, дряхлые старики и, главнымъ образомъ, женщина, казачка. Казачка держала въ своихъ рукахъ экономическую жизнь края, особенно въ первые годы его заселенія. Подъ непосредственнымъ ея наблюденіемъ совершались важнѣйшія хозяйственныя операціи. Ей обязаны были существованіемъ казачій домъ и казачья семья. Выражаясь образно, когда казакъ уходилъ на линію, казачка становилась казакомъ. Не одинъ женскій трудъ, но и женскій умъ и энергія необходимы были для того, чтобы поддерживать слагавшуюся экономическую жизнь и обстановку. Это сдѣлала женщина-казачка и въ этомъ заключается важнѣйшая ея историческая заслуга.

Трудно представить себѣ, что вынесла на своихъ многострадальныхъ плечахъ женщина въ Черноморіи. Всѣ невзгоды необезпеченной казачьей жизни ложились тяжелымъ бременемъ прежде всего на нее. Голодъ, холодъ, болѣзни, неурожаи, падежи скота, бездорожье, тяжелыя повинности и пр., прежде всего и больше всего испытывала казачка, какъ жена, какъ мать, какъ хозяйка. Даже дерзкій черкесъ, какъ воръ, украдкою пробиравшійся темною ночью въ казачью станицу на грабежъ, нерѣдко имѣлъ дѣло съ казачкой, и бывали случаи, когда высокая грудь казачки украшалась Георгіемъ за военный подвигъ. Анекдотъ о томъ, какъ казачка отправила на тотъ свѣтъ черкеса со словами: „якши съ воза“, имѣлъ дѣйствительную подкладку. Въ станицѣ Пашковской казачка застрѣлила изъ ружья горца, пытавшагося плѣнить ее вмѣстѣ съ во-

лами. Убитый черкесъ на томъ же возу, на которомъ ѣхала воинственная казачка, привезенъ былъ въ станичное правленіе, и по сообщенію правленіемъ высшему начальству, казачка получила за свой подвигъ военный орденъ. Въ шестидесятыхъ годахъ на базарѣ въ Екатеринодарѣ часто можно было видѣть этого военнаго кавалера въ юбкѣ. Историческимъ мракомъ покрыта масса случаевъ, когда казачки, вмѣсто казаковъ, отстаивали свое добро при набѣгахъ горцевъ. Такимъ образомъ, не было ни одной хозяйственной отрасли и ни одной важнѣйшей стороны въ жизни, въ которыхъ женщина-казачка не замѣняла бы мужчину казака. Это была и жена, и мать, и хозяйка, и работница, и даже въ военномъ дѣлѣ казачья помощница.

Таковы были требованія военной среды и условій.

Но главными носителями рабочаго труда въ разныхъ отрасляхъ хозяйства были, конечно, казаки, хотя они и не могли примѣнить къ дѣлу, какъ слѣдуетъ, свои рабочія силы. Важнѣйшія отрасли хозяйственной дѣятельности, съ начала существованія Черноморскаго казачьяго войска, сосредоточивались въ четырехъ видахъ промышленности—въ рыболовствѣ, солепромышленности, скотоводствѣ и земледѣліи. Каждая изъ этихъ отраслей требовала своихъ рабочихъ рукъ, но не всѣ они отличались такою спеціализацiей и обособленностью, какъ рыбопромышленность. Рыболовство или, какъ называли его казаки, „забродъ" и рыболовы или „забродчики" были наиболѣе организованными представителями промышленности въ Черноморіи.

Забродчики представляли собою исторически сложившійся классъ рабочихъ предпріимчивыхъ, отважныхъ и любившихъ водную стихію. Хорошо зная морское и гребное на судахъ дѣло, въ сущности они являлись умѣлыми моряками. „Забродъ" былъ, поэтому, имъ вдвойнѣ сроденъ; казаку—давалъ добычу и поддерживалъ связи съ водною стихіей. Въ „забродъ" всѣ охотно шли потому главнымъ образомъ, что тамъ царили свобода и излюбленные порядки казачьей вольницы. Указомъ Черноморской войсковой канцеляріи 31 января 1802 г. установлено было, что, съ переселеніемъ черноморцевъ на Кубань и съ водвореніемъ ихъ въ краѣ, отходъ рабочаго казачьяго населенія на рыболовные заводы не уменьшался, а увеличивался въ ущербъ земледѣлію и скотоводству. Начальство утверждало, что забродчики мало того, что отлынивали отъ хозяйства, но пьянствовали, обнашивались, нищали. Свободная жизнь забродческихъ ватагъ была соединена съ разгуломъ и кутежами. Чтобы привязать это бродячее и пьянствующее населеніе къ куренямъ, хозяйству и семейной жизни, войсковая канцелярія распорядилась обязать казаковъ, уходившихъ въ забродъ на заработки, брать письменныя свидѣтельства. Свидѣтельствамъ этимъ приданъ былъ характеръ аттестатовъ. Въ нихъ обязательно прописывалось „не принимать въ забродъ" тѣхъ изъ казаковъ, которые „не имѣли приличнаго казацкаго одѣянія", лишены были вооруженія и подвер-

жены пьянству. Хозяева, принимавшіе забродчиковъ съ такими худыми качествами, подвергались денежному штрафу. Принимать на рыбные промыслы дозволялось, поэтому, только лицъ, предъявлявшихъ свидѣтельства безъ указанныхъ выше помѣтокъ, т. е. казаковъ, имѣвшихъ приличную одежду, достаточное вооруженіе и отличавшихся хорошимъ поведеніемъ. Само собою понятно, что распоряженіе это осталось на бумагѣ. Забродчики представляли изъ себя вольницу, сборище широкихъ натуръ, никого не боявшихся и ничѣмъ не дорожившихъ. Рыболовные заводы, при строгомъ требованіи изложенныхъ выше условій, могли опустѣть, чего опасались и казачьи власти. Поэтому, для обезпеченія интересовъ рыбопромышленниковъ, разрѣшено было принимать въ забродческія ватаги иногороднихъ лицъ. Въ такомъ родѣ и разосланы были войсковою канцеляріей извѣщенія въ Кавказскія губерніи и въ другія мѣста.

Въ 1816 г. войсковою канцеляріею было сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ забродчики явились на мѣста постояннаго своего жительства для составленія ревизскихъ сказакъ. Но забродчики просили оставить ихъ на мѣстахъ промысла, такъ какъ многіе изъ нихъ уходя изъ дому за 200 и 300 верстъ на рыбные промыслы, потеряли бы на отправку и обратно домой удобное для лова рыбы время, сами остались бы безъ заработка, а хозяевъ разорили бы. Въ виду этого войсковая канцелярія постановила оставитъ забродчиковъ на мѣстахъ промысловъ, поручивши составленіе ревизскихъ сказокъ смотрителямъ рыболовныхъ заводовъ.

Съ забродчиками приходилось считаться казачьимъ властямъ. Это была отчаянная вольница, не знавшая удержу въ своихъ стремленіяхъ. Въ „забродѣ“ на заводахъ скрывались всѣ „безписьменно-видные“, подозрительные люди и часто даже бѣглецы, каторжники. Забродчики нерѣдко давали изъ своей среды тѣ элементы, изъ ко-которыхъ формировались разбойничьи шайки, неисправимые воры и жестокіе грабители. И если эти послѣдніе считались единицами, то въ общей своей массѣ забродчики представляли интереснѣйшую группу рабочей вольницы, давно уже сошедшей съ исторической сцены или, правильнѣе, превратившейся въ современную „босую команду“. Прежній Иванъ не помнящей родства, сталъ потомъ господиномъ босякомъ.

Особенно интересный эпизодъ исторической забродческой хроники представляла такъ называемая „посполитаковщина“.

Чѣмъ-то легендарнымъ кажутся тѣ необычайныя условія, среди которыхъ протекала жизнь забродчиковъ посполитакинскаго времени. Забродчики находились какъ бы въ особомъ Посполитакинскомъ царствѣ. Удаленные отъ главныхъ жизненныхъ центровъ, они жили на заводахъ, принадлежавшихъ Посполитаки, ловили рыбу посполитакинскими снастями, пускались въ море на посполитакинскихъ „дубахъ“, т. е. рыбачьихъ лодкахъ, ѣли пищу, которую отпускали

имъ въ счетъ выловленной рыбы посполитакинскіе приказчики изъ посполитакинскихъ складовъ, ходили въ одеждѣ и сапогахъ, покупаемыхъ на книжку въ посполитакинскихъ лавкахъ, продавали свою долю выловленной рыбы обязательно посполитакинскимъ приказчикамъ и пропивали потомъ свою годовую выручку въ посполитакинскихъ кабачкахъ. Такимъ образомъ, забродчики были въ полномъ смыслѣ слова живою посполитакинскою собственностью и такъ „посполитакинскими забродчиками“ они именовались даже въ офиціальныхъ бумагахъ. Эпитетъ „посполитакинскій“ былъ магическимъ съ свое время словомъ. Посполитакинскаго забродчика не смѣлъ никто трогать—ни куренныя власти, ни полиція, ни рыболовная администрація, ни даже представители высшей казачьей власти. Если у бродяги не было паспорта и онъ говорилъ: „я посполитакинскій забродчикъ“, то этого было совершенно достаточно, чтобы его никто не тронулъ, убѣдившись въ справедливости его показанія. Если пьяный забродчикъ буянилъ и безобразничалъ или валялся подъ заборомъ и, грозя кулакомъ, кричалъ: „не смѣй трогать—я посполитакинскій забродникъ!“ его благоразумно обходили люди осторожные и даже власти. Если совершалось какое-либо преступленіе и въ немъ были замѣшаны посполитакинскіе забродчики,—послѣднихъ власти выгораживали при малѣйшей возможности къ тому. Посполитаки былъ всесиленъ въ Черноморіи—и его или боялись, какъ грознаго денежнаго магната, или же безпрекословно подчинялись ему, будучи на посполитакинскомъ откупу. Отношенія съ забродчиками у Посполитаки были упрощены до нельзя, несмотря на сложную сѣть всевозможныхъ ухищреній: забродчики работали на него, а онъ до ниточки обиралъ ихъ, но за то никто не смѣлъ трогать „посполитакинскаго забродчика“.

Такъ сложились экономическія отношенія между представителями труда и капитала на рыболовныхъ промыслахъ. По типу посполитакинской эксплоатаціи труда забродчиковъ строились отношенія хозяевъ къ рабочимъ и на всѣхъ остальныхъ частныхъ рыболовныхъ заводахъ.

Изъ остальныхъ отраслей солепромышленность и земледѣліе не вызывали необходимости въ спеціализаціи труда и обособленій рабочихъ въ особый классъ. Обѣими отраслями занимались всѣ, кто имѣлъ возможность къ тому. Выволочка соли изъ соляныхъ озеръ производилась по захвату. Кто и гдѣ на озерѣ раньше занялъ мѣсто, тотъ и добывалъ здѣсь соль. Рабочими были и мужчины, и женщины, и старики, и подростки. Но чтобы хватило на всѣхъ желающихъ соли администрація, при маломъ урожаѣ ея или при значительномъ притокѣ на промыселъ солепромышленниковъ, устанавливала тѣ или другіе порядки, ограничивавшіе крупныхъ солепромышленниковъ. Съ этою цѣлью не допускались, напр., къ работамъ на озерахъ лица иногороднія и

наемные рабочіе, или же допускались въ ограниченномъ числѣ. Чѣмъ меньше было соли и больше претендентовъ на выволочку ея, тѣмъ строже были ограниченія въ этомъ отношеніи. Когда являлась особенно острая нужда въ соли, тогда допускалось ставить на выволочку соли по одному или по два рабочихъ даже изъ собственной семьи. Такимъ образомъ, солепромышленные рабочіе подчинялись извѣстной регламентаціи со стороны казачьихъ властей на самихъ работахъ, допускались въ большемъ или меньшемъ количествѣ на промыслы въ зависимости отъ урожая соли и спроса на нее. Тутъ ужъ сказывалось вліяніе общественныхъ порядковъ и нуждъ массы, большинства населенія.

Инымъ характеромъ отличались занятія скотоводствомъ или, точнѣе, приложеніе къ нему наемнаго труда. Занятія эти охватывали довольно малочисленный кругъ рабочихъ, но были строго спеціализированы. Всѣ пастухи были прежде всего знатоки своего дѣла, знали опредѣленный видъ животныхъ и умѣли ходить за ними. Были „табунщики", „чабаны" и „товарчіи" и каждая группа ихъ носила нѣкоторые свои особые оттѣнки. „Табунщики", т. е. пастухи лошадей, составляли очень сплоченную группу лицъ, рѣзко отличавшихся отъ представителей другихъ близкихъ имъ профессій. Это обусловливалось особыми бытовыми причинами. Табунщикъ былъ если не воръ, отъявленный конокрадъ, то союзникъ воровъ, пособникъ ихъ, безъ чего онъ не могъ уберечь отъ воровства свой табунъ. И эта прикосновенность къ конокрадству, глубоко коренившемуся въ условіяхъ примитивной пастушеской жизни, объединила въ одну тѣсно сплоченную группу табунщиковъ, часто выпасывавшихъ свои стада на значительныхъ разстояніяхъ одно отъ другого. Краденныя лошади быстро передавались изъ одного табуна въ другой, и табунщики были связаны въ этомъ отношеніи между собою чѣмъ-то въ родѣ круговой поруки, а хозяева смотрѣли на ихъ продѣлки большею частью сквозь пальцы: лишь бы въ своемъ табунѣ было все благополучно.

Далѣе. „Чабанами", т. е. пастухами „атаръ", овечьихъ стадъ, были лица близко знакомыя съ уходомъ за этимъ видомъ скота съ его болѣзнями, способами лѣченія и т. п. Пастушескія занятія въ этой области также носили свой особый отпечатокъ. Типичный степной „чабанъ", съ своею классическою „кгрырлыгою", палкою съ крючкомъ, рѣзко отличался отъ всѣхъ другихъ представителей пастушества.

Наконецъ, уходъ за рогатымъ скотомъ былъ болѣе доступнымъ для всѣхъ занятіемъ, чѣмъ уходъ за лошадями и овцами. Тутъ не требовалось ни ловкости и удали табунщика, умѣвшаго справиться съ самою дикою лошадью, ни тонкихъ знаній чабана, знавшихъ жизнь своихъ животныхъ лучше, чѣмъ жизнь людей. Пастухи рогатаго скота дѣлились на двѣ подгруппы. Представитель одной подгруппы носилъ названіе „чередника", т. е. пастуха „череды", об-

щественнаго стада. Чередники встрѣчались въ куреняхъ и поселкахъ, въ которыхъ только и могли образоваться общественныя стада. Представитель второй подгруппы носилъ характерное названіе „товарчія“ отъ слова „товаръ“, „товоряка“, т. е. скотъ. Товарчіи нанимались къ стадамъ отдѣльныхъ домохозяевъ, большею частью на хутора и заимки богатыхъ скотоводовъ. „Товарчіи“, какъ и „чабаны“, были истыми дѣтьми степей, типичными представителями примитивныхъ формъ скотоводческаго промысла.

Таковы въ общихъ чертахъ были дѣленія рабочаго класса у казаковъ въ началѣ ихъ самостоятельной жизни на Кубани. Дѣленіе это осталось въ Черноморіи потомъ надолго, пока было много земли и мало населенія и пока, слѣдовательно, не являлось потребности въ болѣе сложныхъ формахъ труда и промышленности.

Кромѣ собственныхъ рабочихъ силъ, казачество пользовалось и рабочими силами пришлаго люда. „Городовики“, т. е. иногородніе, люди пришедшіе въ Черноморію изъ городовъ, появились очень рано въ войскѣ, а нѣкоторые даже пришли вмѣстѣ съ черноморскими переселенцами. Въ первое время, когда не установились еще порядки отбыванія военной службы по кордонной границѣ, такихъ „городовиковъ“ состоятельные черноморцы посылали вмѣсто себя на линію по Кубани. Въ судебныхъ дѣлахъ остались указанія на этотъ счетъ. Проштрафившіеся казаки-наймиты или батраки попадали подъ военный судъ и рисковали разстрѣломъ, относясь небрежно, по-батрачьи къ военной службѣ. Иногородніе въ значительномъ количествѣ заполняли забродческія ватаги, были табунщиками, пастухами и чернорабочими, косили сѣно и выполняли сельскохозяйственныя работы, нѣкоторые занимались ремеслами и торговлей. Но и этихъ постороннихъ, пришлыхъ рабочихъ было мало и главную ихъ массу поглощали рыболовныя ватаги.

Очень рано также казачьи богачи и старшина пытались обзавестись крѣпостнымъ трудомъ, покупая въ Россіи крѣпостныхъ крестьянъ. Но это было доступно для весьма немногихъ и было обставлено довольно серьезными препятствіями, такъ какъ либеральные правители того времени были противъ введенія крѣпостного права въ Черноморскомъ казачьемъ войскѣ. Казачьи паны пріобрѣтали, однако, крестьянъ контрабандою и въ казачьей исторіи темнымъ пятномъ выступаетъ этотъ эпизодъ погони за крѣпостнымъ людомъ, чему посвященъ далѣе особый очеркъ. Архивные документы свидѣтельствуютъ объ ужасающей эксплоатаціи благороднымъ сословіемъ черноморцевъ безправнаго крѣпостного люда.

Въ немного лучшемъ положеніи были вольноотпущенники, т. е. крестьяне, выкупившіеся или освободившіеся отъ крѣпостной зависимости. Въ 1827 г. вольноотпущенникъ Михайловъ подалъ на Высочайшее имя жалобу о томъ, что именующій себя дворяниномъ, а въ дѣйствительности разстриженный священникъ Василій Говорускій за долгъ ему, Говорусскому, въ 1470 р. обязалъ Михайлова

прослужить 14 лѣтъ по 105 рублей въ годъ. Въ теченіе 7 лѣтъ Михайловъ отслужилъ ему 735 рублей. Затѣмъ Говорусскій опредѣлилъ Михайлова въ питейную контору на 264 р. жалованья, выдавалъ ему на содержаніе ежемѣсячно два рубля и съ 1823 по 1827 г. получилъ за него изъ конторы 960 рублей, а съ прежними, слѣдовательно, 1695 рублей, на 225 рублей больше, чѣмъ сколько слѣдовало съ него долга. Михайловъ потребовалъ у Говорусскаго окончательнаго разсчета и выдачу ему вольноотпущенной, но Говорусскій грозилъ ему розгами и наказаніями. Михайловъ, поэтому, просилъ Государя дать ему права, установленныя закономъ, и приказать Говорусскому выплатить ему излишне взятыя за его трудъ въ питейной конторѣ деньги. Такъ, поступали съ вольноотпущенниками. А между тѣмъ и всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ черноморцы не имѣли права держать на правахъ владѣльцевъ, такъ какъ не имѣли частной земельной собственности, какъ требовалъ того законъ. Само правительство не придумало ничего другого, чтобы соблюсти установленные законы, какъ обращеніе всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ въ „драбантовъ“, т. е. въ тѣхъ же крѣпостныхъ людей, съ владѣніемъ, ограниченнымъ извѣстнымъ срокомъ, по истеченіи котораго драбанты обращались въ вольноотпущенниковъ.

Но и институтъ драбантовъ введенъ былъ въ войскѣ помимо крѣпостныхъ. Въ силу Высочайше утвержденныхъ правилъ „о драбантахъ въ Линейномъ и Черноморскомъ войскахъ“ 18 сентября 1850 года, генералы имѣли право имѣть трехъ драбантовъ, штабъ-офицеры двухъ и оберъ-офицеры одного. Такъ какъ драбанты были избавлены отъ военной службы и не участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ, то въ числѣ мирно настроенныхъ молодыхъ казаковъ всегда были охотники „идти въ драбанты“. Въ драбанты, поэтому, поступали казаки на два года „по взаимному соглашенію“ сторонъ, т. е. казака-драбанта и хозяина-офицера. „Драбантъ, по правиламъ 1850 года, за свою службу получалъ отъ офицера жалованье по 10 р. въ мѣсяцъ, здоровую по времени года и достаточную пищу и удобное помѣщеніе“. Правительство заранѣе ограждало интересы закрѣпощеннаго на два года казака. „Драбантъ, гласили правила, долженъ быть въ полномъ распоряженіи офицера: въ домѣ, въ полѣ и на хуторѣ“. Во время походовъ офицеры могли оставлять на дому драбантовъ, замѣняя ихъ вѣстовыми. Кромѣ офицеровъ, позволялось имѣть драбантовъ станичнымъ атаманамъ и начальникамъ—по два драбанта, если станичный атаманъ или начальникъ былъ офицеръ, и одного драбанта атаману или начальнику изъ урядниковъ. Введеніе драбантовъ въ казачьихъ войскахъ вызвано было затяжною службою въ строю и недостаткомъ рабочихъ рукъ въ хозяйствѣ, на дому. Хотя хозяйство это было примитивно, не отличалось сложностью и высокой техникой операцій, но безъ него нельзя было служить ни казаку, ни пану. Въ хозяйствѣ рядового казака роль драбанта выполняла женщина, офицерамъ предоставлена

была привиллегія нанимать драбантовъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ жертву панскому хозяйству приносились интересы государственные, тѣсно связанные съ военною службою и защитою границъ, и интересы казака, когда-то вольнаго воина.

Низкому уровню экономической жизни и примитивнымъ формамъ хозяйства соотвѣтствовали опредѣленные виды ассоціаціоннаго труда и предпріятій. Черноморцы часто и охотно пользовались простѣйшими видами кооперацiи въ своей несложной жизни, не исключая примѣненія ихъ и къ военнымъ нуждамъ. Съ незапамятныхъ временъ у нихъ существовали „забродческія ватаги“ или рыболовныя артели, „чумацкія валки“ или извозные союзы, охотничьи партіи или товарищества, „супряга“ или земледѣльческія артели и т. п. Большинство этихъ ассоціаціонныхъ формъ не отличались ни широкою постановкою дѣла, ни сложностью организаціи, но всѣ они глубоко коренились въ жизни казака, цѣликомъ вытекали изъ его бытовыхъ условій. За этими формами кооперацiи стояла уже своя исторія. По своему строенію многія изъ нихъ были близки къ основной своей ячейкѣ—къ рабочей семьѣ, на большинствѣ же изъ нихъ лежала печать того военно-гражданскаго строя, изъ котораго слагался бытъ черноморскаго казака. Эти послѣднія, высшія формы кооперацiи, напоминали собою въ миніатюрѣ казачьи общины, и типичными изъ нихъ были забродческія ватаги. Во главѣ забродческихъ ватагъ, какъ въ запорожской Сѣчи былыхъ временъ, стоялъ выборный батько-атаманъ, въ нихъ были также свои выборные писарь и кухарь или кашеваръ, существовали равноправное товариство, строгая дисциплина и излюбленные куренные порядки. Къ тому же типу построенія, но въ болѣе упрощенной, несложной формѣ, относились чумацкіе валки и охотничьи товарищества. Во всѣхъ ихъ непремѣнно былъ свой выборный атаманъ, безъ котораго немыслима была чисто казачья кооперація.

Быть можетъ, склонность черноморцевъ къ простѣйшимъ видамъ кооперацiи навела войсковую администрацію на мысль о примѣненіи этого начала къ болѣе сложнымъ формамъ труда—къ ремесленнымъ занятіямъ. Интересный опытъ въ этомъ отношеніи былъ произведенъ учрежденіемъ въ войскѣ такъ называемой „рабочей команды“. Какъ видно изъ рапорта войсковой канцеляріи наказному атаману Заводовскому отъ 15 февраля 1843 г., всѣ работы по войсковому хозяйству производились до 1821 г. въ Черноморіи наймомъ. Съ этого года, благодаря расширенію войсковыхъ хозяйственныхъ операцій, потребовались ремесленники, мастеровые или, какъ названы они въ рапортѣ канцеляріи, „постоянные художники“. И вотъ изъ этихъ постоянныхъ художниковъ и была образована въ 1821 г., съ разрѣшенія генерала Вельяминова, рабочая команда. Въ составъ ея вошли мастеровые казаки, служившіе въ полкахъ и артиллерійскихъ ротахъ. На первое время въ команду было зачислено 60 плотниковъ, 21 портной, 21 сапожникъ, 16 каменьщиковъ, 6 столяровъ и по

три токарей, слесарей, серебряковъ и живописцевъ, а всего 132 человѣка. Рабочая команда дѣлилась на три части и одна часть несла службу въ Екатеринодарѣ, а двѣ другія находились по домамъ, мѣняясь по очередямъ. Какъ и всѣмъ служилымъ казакамъ, мастеровымъ рабочей команды отпускалось жалованье и провіантъ, во время „служенія“ въ Екатеринодарѣ. Это было именно служеніе, а не служба, такъ какъ казаки ремесленники не только выполняли работы по войсковому хозяйству, но „услуживали“ на домахъ властямъ, у которыхъ всегда находились работы для тѣхъ или другихъ художниковъ. Но неся службу въ Екатеринодарѣ, каждый мастеръ обязанъ былъ подыскать себѣ здѣсь или въ своемъ куренѣ учениковъ, преимущественно сиротъ или дѣтей бѣдняковъ, и обучить ихъ своему ремеслу. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, рабочая команда, пополняемая учениками, увеличилась и въ 1843 г. въ составѣ ея числилось 333 лица. Въ то время команда дѣлилась на двѣ части и каждая часть несла службу черезъ годъ. За это время замѣтно измѣнилось и соотношеніе между разными видами мастеровыхъ и ремесленниковъ. Наибольше—116 человѣкъ, было плотниковъ и байдачныхъ мастеровъ, которые составляли какъ бы одинъ цехъ, затѣмъ портныхъ считалось 47, каменьщиковъ 32, кузнецовъ 23, столько же сапожниковъ, столяровъ 21 и т. д. По одному были золотарь, лавочникъ и мельникъ. Какъ примѣняли свои познанія лавочникъ и мельникъ, въ дѣлахъ не указано, но остальныя группы ремесленниковъ работали на войско или на частныхъ лицъ, какъ знающіе свое дѣло мастера. Нужда въ нихъ была, но искусственное объединеніе ихъ въ одну команду не могло дать тѣхъ практически важныхъ результатовъ, которые можно было получить отъ правильно организованныхъ кооперативныхъ формъ. Работа по приказу не могла сравняться съ работою по собственному побужденію. У войска или недоставало или слишкомъ много было опредѣленнаго вида работъ и получалось несоотвѣтствіе между количествомъ работъ и работниковъ. Въ однихъ отрасляхъ даромъ терялось много времени и безъ толку толкались лишніе мастеровые, а въ другихъ стояло дѣло отъ недостатка рабочихъ рукъ. А, главное, казакъ-ремесленникъ не работалъ, а „служилъ“, отбывалъ повинность работою. Все это лишало устойчивости и жизненности рабочую команду, и впослѣдствіи она какъ бы растаяла сама собою, какъ растаяли и другія предпріятія этого рода, приноровленныя къ войсковымъ нуждамъ.

Другимъ войсковымъ предпріятіемъ былъ воловій транспортъ или попросту войсковыя фуры. Начало воловьему транспорту было положено далеко раньше, чѣмъ рабочей командѣ. Еще въ 1805 г., когда явилась нужда въ перевозкѣ для войсковыхъ потребностей кирпича, лѣса и другихъ строительныхъ матеріаловъ, войсковое правительство распорядилось пріобрѣсти отъ 40 до 50 паръ воловъ и приставить къ нимъ погонщиковъ изъ служилыхъ казаковъ. До 1818 г. воловій транспортъ содержался на счетъ войсковыхъ

средствъ, а съ этого года содержаніе его разложено было на куренныя селенія. Каждый курень обязанъ былъ содержать двѣ пары воловъ и въ исправности два воза, а всего, слѣдовательно, по числу 40 куреней, было 80 паръ воловъ и при нихъ почему-то состояло 123 погонщика. Въ 1843 г. было 99 паръ и столько же погонщиковъ. Войсковыми волами и фурами перевозились всѣ тяжести по войсковымъ надобностямъ. При простой и крайне несложной организаціи и отправленіяхъ, воловій транспортъ держался очень долго въ войскѣ. Въ первые годы существованія войска, когда негдѣ и не у кого было нанять фуру и достать вовремя воловъ, войсковой воловій транспортъ несомнѣнно былъ необходимымъ для войска и давалъ очень полезные результаты. Впослѣдствіи съ передачей войсковыхъ воловъ въ куренныя общества дѣло стояло еще прочнѣе. Оно было ближе и сручнѣе куренямъ, чѣмъ войсковой администраціи, да съ мелкими частями легче было справиться, чѣмъ съ громоздкой организаціей. По этимъ причинамъ войсковой воловій транспортъ и оказался такъ живучъ и долговѣченъ. Впослѣдствіи, по миновеніи нужды въ войсковомъ транспортѣ, войсковые или куренные волы перешли во многихъ куреняхъ въ „артельныя", т. е. пущены были въ воловьи фуры, которыя артелью содержали казаки, уходившіе на службу, и на которыхъ они возили свои вещи и провизію.

Казачьи артели при военныхъ частяхъ были самою живучею формою коопераціи въ Черноморіи. Они возникли одновременно съ занятіемъ черноморцами края и продолжаютъ существовать до нашихъ дней. Это несомнѣнно указываетъ на ихъ необходимость и практическую пригодность. Безъ нихъ казакъ, содержащій на собственный счетъ одежду, оружіе и пр., не могъ бы нести службу, отправляясь на кордонную линію или въ походъ за Кубань. Въ особенности необходимы были артели въ первые годы существованія войска, когда казакъ долженъ былъ тащить съ собою на линію все, даже хлѣбъ и пищу. Самая организація артели была проста и естественна. Группа казаковъ, отправлявшихся въ походъ или на кордонную службу, дѣлала складчину, покупала воловъ и возъ, выбирала артельщика или фурщика, который и возилъ казачій провіантъ, аммуницію, одежду и пр. за казаками. Гдѣ останавливались казаки, туда приходила и казачья артельная фура. Артельщикъ былъ почетнымъ лицомъ у казаковъ и всегда выбирался изъ людей безукоризненно честныхъ и безупречныхъ. Ему довѣряли казаки свое имущество и часто даже деньги. Выборъ артельщика обставленъ былъ нѣкоторою торжественностью, производился обыкновенно въ праздникъ или въ воскресенье и заканчивался магарычемъ. Въ старое время въ такихъ случаяхъ составлялся при этомъ актъ или свидѣтельства.

Такъ, въ свидѣтельствѣ, помѣченномъ 2 іюня 1803 г., говорится объ избраніи 20 казаками своего сотоварища Харитона Побѣгуцы артельщикомъ. Въ свидѣтельство было внесено обязательство,

по которому артельщикъ Побѣгуца долженъ былъ собрать со всѣхъ 20 товарищей причитающіяся на ихъ долю деньги, на которыя артель покупала воловъ и справляла фуру. „Что Побѣгуца, значилось въ свидѣтельствѣ, добраго поведенія и ни въ какихъ худыхъ качествахъ не бывалъ", объ этомъ письменно засвидѣтельствовали 5 казаковъ. Впослѣдствіи казачьи военныя артели превратились въ столь обычныя явленія, что стали какъ бы нераздѣльною принадлежностью военной организаціи. Какъ видно изъ открытаго предписанія окружнаго штаба отъ 10 августа 1850 г. казачьи полки и батальоны дѣлились на команды или артели, изъ которыхъ каждая имѣла свои инструменты—топоры, косы и пр., и спеціалистовъ-ремесленниковъ—портныхъ и сапожниковъ. Обычныя формы казачьей кооператіи пріурочены были къ служебнымъ цѣлямъ военныхъ нуждъ; но самыя формы остались строго обычными, слагались чисто стихійно, рѣдко прибѣгали къ бумагѣ, какъ въ приведенномъ выше случаѣ аттестаціи казака Побѣгуцы, а въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ обходились безъ нея. Дѣло велось на честное слово и взаимныя отношенія регулировались обычаемъ.

Очень интересны были два момента въ казачьей военной артели—снаряженіе артельной фуры и выступленіе артели въ походъ. Воловъ выбиралъ и „приторговывалъ" обыкновенно артельщикъ. Въ назначенное имъ время собирались всѣ участники артели въ правленіе. Сюда приводились „на смотръ" волы, которыхъ казаки долго и тщательно осматривали, перещупавши всѣ косточки. Казакамъ помогала присутствовавшая при этомъ публика, давая совѣты и указанія. Когда волы признаны были годными, казаки „сходились въ цѣнѣ" съ хозяиномъ ихъ. Затѣмъ слѣдовалъ неизбѣжный магарычъ, и долго потомъ въ станицѣ шли толки, какая артель, какихъ воловъ и у кого купила. Когда станицы разрослись и снаряженіе казаковъ на службу производилось не единицами, а сотнями, тогда въ одной и той же станицѣ возникало нѣсколько артелей, и всѣ они придерживались одной и той же процедуры при покупкѣ воловъ, служившей зрѣлищемъ для населенія.

Но особенно торжественны были проводы казаковъ, отправлявшихся въ походъ на службу. На площади у церкви были расположены одна или нѣсколько артельныхъ фуръ. Высоко нагруженные казачьими вещами возы, прикрытые войлоками и тщательно увязанные веревками, поставлены были передомъ туда, куда шелъ казакамъ путь. У яремъ стояли или лежали волы сытые и спокойные; рядомъ съ ними, съ „пугою" въ рукахъ, находился артельщикъ. Нѣсколько разъ обошелъ онъ свой возъ, все до мельчайшихъ подробностей осмотрѣлъ и неоднократно пробовалъ веревку, хорошо ли она натянута. Отъ времени до времени онъ посматриваетъ на церковь. Тамъ казаки, отправляющіеся на службу, слушаютъ молебенъ и молятся за себя и домашнихъ. Церковь, особенно въ праздничные дни, переполнена населеніемъ—казаками, казачками,

дѣтьми, родными и знакомыми. Но вотъ показалась процессія изъ духовенства и казаковъ. Въ полномъ облаченіи съ хоругвями духовенство, съ торжественнымъ пѣніемъ „Спаси Господи люди твоя“, обходитъ отдѣльныя фуры, окропляя водою ихъ, воловъ, артельщика и артельную икону, которую на этотъ разъ артельщикъ вмѣсто пуги держитъ въ рукахъ. За процессіей слѣдуетъ многочисленная, празднично одѣтая, съ непокрытыми головами толпа. Артельныя фуры обойдены духовенствомъ и окроплены святой водой. Въ церковь обратно относятся хоругви и кресты, духовенство разоблачается, снова выходитъ къ артельнымъ фурамъ—и начинаются проводы. Пьютъ на здоровье отходящимъ въ походъ казакамъ священники, дьяконъ, станичный атаманъ, сами казаки и многіе присутствующіе. Идетъ угощеніе—закусываютъ и „поливаютъ дорожку“ горячею водицею. Наступаетъ время отправленія. По командѣ артельщика запрягаютъ воловъ въ возы; казаки прощаются съ родными и знакомыми; слышатся тихій плачъ домашнихъ и горячія пожеланія. Но вотъ выстроились въ рядъ артельныя фуры и двинулись за станицу. За ними идутъ казаки и провожающая ихъ станица. За околицей станицы снова останавливаются казаки и артельныя фуры, снова „поливаютъ дорожку“ и прощаются. Когда же провожающая толпа совсѣмъ останется позади, а казаки двинутся одни съ своими артельными фурами, то каждый изъ нихъ, поглядывая на эти послѣднія, утѣшаетъ себя мыслью, что съ артельною фурою идетъ съ нимъ часть его дома, хозяйства, и вещей приготовленныхъ дорогими руками родной семьи.

Такова сила обычая и бытовыхъ особенностей. Въ несовершенной формѣ живутъ безконечно долго казачьи военныя артели и рушатся сложныя организаціи, задуманныя властями на широкой подкладкѣ.

Попытокъ въ этомъ отношеніи сдѣлано было Черноморскою войсковою администраціею немало, но всѣ они не привились къ казачьей жизни и исчезли безслѣдно. Съ легкой руки француза Ланжерона, въ войскѣ были заведены войсковой конный заводъ, суконная фабрика, сукновальни, заводъ овчарный, сорганизованы были при нихъ рабочія команды и управленія; но всѣ эти предпріятія, принеся войску очень значительные убытки, рухнули и не оставили никакихъ слѣдовъ въ жизни, кромѣ поучительной исторіи о томъ, какъ не слѣдовало бы поступать войску. Двоякаго рода обстоятельства вліяли на такой исходъ предпріятій. Отсутствіе иниціативы, пониманія и интереса къ возникавшимъ предпріятіямъ, съ одной стороны и несеніе принудительныхъ обязанностей, съ другой. Тѣ, кто вѣдалъ дѣло, представители войсковой администраціи, вели предпріятія по чужой указкѣ, не зная и не понимая дѣла. При такихъ условіяхъ немыслимы были ни правильные порядки, ни оздоровляющій всякое практическое дѣло контроль. Тѣ же, кто творилъ самое дѣло, работалъ, были привязаны къ дѣлу не соб-

ственными побужденіями и охотою, а приказомъ и силою. Само собою понятно, что они работали неохотно, неаккуратно и съ явнымъ недоброжелательствомъ, портили дѣло, бѣгали отъ обязательной службы и т. п. Привить искуственно къ такимъ предпріятіямъ ассоціаціонное начало нельзя было, и кажущіяся живыми коопераціи въ сущности были мертвы, не имѣли въ себѣ одухотворяющаго начала со дня своего возникновенія.

Глава XXIX.

ИНОГОРОДНІЕ И КРѢПОСТНЫЕ.

Въ предшествующей главѣ уже отмѣчено участіе въ экономической жизни казачества иногороднихъ и крѣпостныхъ, какъ рабочей силы. Въ настоящей главѣ будетъ охарактеризовано ихъ правовое положеніе въ краѣ.

Въ первые годы существованія Черноморскаго войска на Кубани не было иногороднихъ. Иногородніе считались у черноморцевъ желанными гостями, пополнявшими ряды казачества. Были ли это представители свободныхъ сословій, или торговцы, ремесленники и рабочіе, или бѣглые крѣпостные крестьяне, или даже скрывавшіеся отъ властей и суда преступники—всѣ они охотно принимались въ войско, если казаки находили ихъ подходящими товарищами для службы и совмѣстной жизни. Такіе пришельцы скоро становились приверженными къ войску казаками, а ненужныхъ войску или опасныхъ для него лицъ казачье начальство головою выдавало русскимъ властямъ, чтобы избѣжать нареканій въ пріемѣ бѣглецовъ. Этой мудрой политики черноморцы держались со времени занятія края и до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Но чѣмъ прочнѣе осѣдали въ Черноморіи казаки, чѣмъ многочисленнѣе становилось казачье населеніе, тѣмъ неохотнѣе принимались въ войско иногородніе элементы и тѣмъ рѣже были случаи такихъ пріемовъ. Какъ только прошла острая нужда въ заселеніи края и обнаружились стѣсненія въ землепользованіи,—иногородецъ потерялъ свою прежнюю колонизаціонную цѣну.

Особенно рѣзкій поворотъ въ этомъ отношеніи произошелъ послѣ двухъ массовыхъ переселеній изъ малороссійскихъ губерній по Высочайшимъ указамъ 17 марта 1808 г. и 19 апрѣля 1820 г. Въ это время принимались еще въ войско иногородцы, приходившіе въ Черноморію на заработки. Но въ 1823 г. былъ воспрещенъ пріемъ въ казаки пришлыхъ рабочихъ. Между тѣмъ большая часть коренного и пришлаго казачьяго населенія шла на убыль, благодаря,

съ одной стороны, войнамъ съ черкесами, а съ другой, большой смертности, особенно въ средѣ новоселовъ. Предположенія о переселеніи въ Черноморію еще 25 тысячъ душъ мужского населенія изъ украинскихъ губерній не могло быть скоро осуществлено; потребовалось не менѣе 6 лѣтъ для окончательнаго водворенія новоселовъ на мѣстахъ. Въ этихъ видахъ войсковая администрація просила высшее начальство разрѣшить пріемъ иногороднихъ, какъ это установлено было для Кавказскаго линейнаго войска, согласно правиламъ Высочайше утвержденнаго положенія 30 октября 1832 г., причисляя къ войску по возможности жителей ближайшихъ губерній—Екатеринославской, Слободско-Украинской, Воронежской, Херсонской и Таврической.

Поводомъ къ воспрещенію пріема иногороднихъ въ Черноморское войско послужило слѣдующее обстоятельство. По спискамъ иногороднихъ за 1822 годъ, въ войскѣ жило 22 постороннихъ войску лица: 3 чиновника, 4 военныхъ, 6 торговцевъ и 9 донскихъ казаковъ, занимавшихся мелкою торговлею. Чиновники и офицеры частей поженились на казачкахъ, а частью добровольно остались въ краѣ по выходѣ со службы. По времени поселенія въ Черноморіи иногородцы распредѣлялись такъ: одинъ жилъ съ 1794 г. или 28 лѣтъ, одинъ съ 1806 г. или 16 лѣтъ, два съ 1810 г. или 12 лѣтъ, 12 съ 1815 г., одинъ съ 1816 г., одинъ съ 1818 г., одинъ съ 1819 г. и 4 съ 1820 г. Когда возникъ вопросъ о томъ, какъ быть войску съ этими лицами, и когда объ этомъ было доложено Государю, то въ 1823 г. Государь изъявилъ согласіе на причисленіе въ войско пяти дворянъ, съ непремѣннымъ условіемъ, „чтобы впредь отнюдь никто изъ иногороднихъ лицъ въ Черноморскомъ войскѣ не жилъ“. Въ томъ же 1823 г. послѣдовало и другое аналогичное Высочайшее повелѣніе: приказано было принять въ число войсковыхъ жителей разночинцевъ азіатскаго происхожденія, служившихъ въ полкахъ Астраханскомъ, Черноморскомъ и на Кавказской линіи, и не принимать разночинцевъ русскихъ и иностранцевъ.

Прошло пять лѣтъ. Жизнь не мѣнялась, ея осложненія не укладывались въ рамкахъ указовъ и канцелярскихъ распоряженій. Иногородніе продолжали жить въ Черноморіи, вновь также попадали въ войско разнаго рода пришельцы. Потребовалось привести въ извѣстность количество иногороднихъ, проживавшихъ въ войскѣ, и г.-л. Емануель предложеніемъ войсковой канцеляріи отъ 11 октября 1827 г. приказалъ составить списки иногородняго населенія. По собраннымъ даннымъ, въ 1828 г. въ войскѣ находилось 62 человѣка иногороднихъ. Изъ этого числа распоряженіемъ 14 декабря 1838 года, въ силу Высочайшаго повелѣнія, приказано было чиновниковъ, живущихъ при сыновьяхъ-казакахъ, оставить въ войскѣ; чиновниковъ, женившихся на казачкахъ, причислить къ войску, а если они не пожелаютъ этого, то выселить ихъ въ теченіе шестимѣсячнаго срока изъ Черноморіи, продавши ихъ имущество. Жить

въ войскѣ дозволено было только торговцамъ, ремесленникамъ и донскимъ казакамъ торговаго сословія. Прочихъ иногороднихъ, не имѣющихъ долговъ, повелѣно было выслать изъ войска въ мѣсячный срокъ и никого больше не принимать. Распоряженіе это было исполнено въ 1829 г., при чемъ одни иногородніе выѣхали сами изъ Черноморіи, другіе, не дожидаясь казачьихъ репрессій, выбыли неизвѣстно куда, третьи умерли, а остальные приписались къ войску.

Въ слѣдующемъ 1829 г. въ первый разъ послѣдовало спеціальное распоряженіе о евреяхъ. Приказано было выслать евреевъ изъ Черноморіи, согласно положенію о субботникахъ. Дѣло происходило въ сентябрѣ и евреи просили отсрочить выселеніе до весны слѣдующаго года, въ виду наступившихъ еврейскихъ праздниковъ и холоднаго времени. Къ концу года послѣдовало еще два распоряженія о немедленномъ выселеніи евреевъ изъ Черноморіи и Екатеринодара. Но въ слѣдующемъ 1830 г. разрѣшено было жить въ Черноморіи евреямъ торговцамъ, ремесленникамъ и художникамъ. Наконецъ, въ 1833 г. исполнительной экспедиціей Верховнаго грузинскаго правительства сдѣлано было распоряженіе о томъ, чтобы евреямъ, въѣздъ которымъ на Сѣверный Кавказъ раньше былъ разрѣшенъ, совсѣмъ воспрещено было жить здѣсь, такъ какъ здѣсь же жили субботники. Дозволялось лишь выдавать евреямъ билеты на проѣздъ черезъ Кавказъ въ другія мѣста.

Въ 1832 г. приказано было подпоручику Недбаевскому продать имущество жены казачки и самому съ семьей выселиться изъ Черноморіи. Тогда же Щербиновскій земскій начальникъ просилъ войсковую администрацію, чтобы она воспретила священникамъ вѣнчать брачущихся казачекъ съ иногородними. Очевидно, послѣдняя мѣра въ частности вызывалась заботами начальства о привлеченіи и удержаніи въ войскѣ возможно большаго количества женщинъ, въ которыхъ чувствовался недостатокъ.

Въ маѣ 1833 г. командующимъ войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи Заводовскимъ было сдѣлано въ Петербургъ представленіе о томъ, чтобы солдаты, вышедшіе въ отставку и принадлежавшіе къ семьямъ переселенцевъ, водворившимся въ Черноморіи, были зачислены въ составъ войска. Въ отвѣтъ на это представленіе въ 1834 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о причисленіи въ войско тѣхъ отставныхъ солдатъ изъ молороссійскихъ полковъ, семьи которыхъ переселились изъ Малороссіи въ Черноморію. Сами солдаты освобождены были отъ всѣхъ повинностей, а дѣти ихъ, рожденныя до выхода солдатъ въ отставку, зачислялись въ кантонисты, рожденныя же позже, поступали въ казачье сословіе.

Высочайшимъ повелѣніемъ 14 апрѣля 1842 г. разрѣшено было принимать въ Черноморское войско вообще отставныхъ нижнихъ чиновъ регулярныхъ войскъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы сами они и ихъ потомство навсегда оставались въ войскѣ. Въ мартѣ 1844 г. наказный атаманъ Черноморскаго войска спра-

шивалъ командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, какъ быть съ отставными солдатами, женившимися на казачкахъ и оставшимися жить въ станицахъ? Въ силу существующихъ законоположеній записывать ихъ въ казачьи списки съ дѣтьми нельзя, такъ какъ дѣти должны быть записаны въ подушный окладъ, чего у казаковъ не существуетъ. Въ томъ же году 14 іюня командующій войсками отвѣтилъ, что отставныхъ нижнихъ чиновъ, кромѣ малороссовъ по происхожденію, зачислять въ войско нельзя. Они могутъ жить въ войскѣ, какъ сторонніе жители, и не имѣютъ никакого права на землю.

Вообще съ этого времени начинается рядъ противорѣчивыхъ мѣръ по отношенію къ иногороднимъ. Съ одной стороны неукоснительно проводилось прежнее, раньше установившееся распоряженіе о недопущеніи иногороднихъ не только въ войско, но и въ Черноморію; а съ другой, явно ощущалась нужда въ иногородцахъ, которые давали краю необходимую рабочую силу и способствовали поднятію его экономическаго благосостоянія. Въ 1843 г. генералъ Заводовскій ходатайствовалъ о разрѣшеніи пріобрѣтать иногороднимъ земельную собственность и возводить постройки въ Екатеринодарѣ, чтобы поднять этотъ городъ въ торговомъ и экономическомъ отношеніяхъ. И, на ряду съ этимъ, въ томъ же 1843 г. сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы казаки и урядники не жили въ чужихъ станицахъ на положеніи иногороднихъ, а жили только въ своихъ станицахъ, или же перечислялились въ станицы, въ которыхъ они имѣли постоянное мѣстожительство. Что же касается иногороднихъ не казаковъ, то, для поддержанія въ нихъ престижа общихъ правительственныхъ и административныхъ распоряженій, по всѣмъ станицамъ были разосланы двѣ формы для занесенія въ нихъ постановленій объ иногороднихъ. По одной изъ этихъ формъ каждое станичное общество должно дать подписку въ томъ, „чтобы никто изъ иногороднихъ лицъ, войсковому сословію не принадлежащихъ, не водворялся въ станицѣ или на юртѣ оной и не пользовался выгодами черноморцамъ на войсковой землѣ присвоенными“. По второй формѣ выходившія замужъ за иногороднихъ казачки должны были выдавать подписку въ томъ, что непремѣнно обязуются продать принадлежавшее имъ казачье имущество въ шестимѣсячный срокъ послѣ выхода замужъ.

Задержать притока иногороднихъ въ Черноморію, которая считалась въ Малороссіи и на югѣ Россіи благословенною страною, никакими мѣрами не удавалось. Въ маѣ 1843 г. Заводовскій возбудилъ вопросъ по этому поводу. По мнѣнію генерала, иногородніе появлялись въ войскѣ, благодаря потачкамъ станичныхъ атамановъ и судей. Окружными начальниками были даже произведены разслѣдованія на мѣстахъ, не давшія, однако, никакихъ практическихъ указаній. Да и не мудрено. Сама войсковая администрація сильно колебалась, въ какую сторону клонить свои симпатіи—къ иногороднимъ или противъ нихъ. Жизненныя условія требовали притока

иногороднихъ въ край, а циркуляры и узаконенныя распоряженія были направлены противъ этого естественнаго теченія. Такъ по прежнему и примѣнялись двойственнаго характера мѣры. Всесильный Заводовскій 31 мая 1846 г. разрѣшилъ иногороднимъ выпасывать на войсковыхъ земляхъ рогатый скотъ и лошадей по 8 коп. съ головы и овецъ по 2 копѣйки. За стогъ сѣна при 12 саженяхъ въ окружности и 8 черезъ верхъ полагалась плата въ войско по 2 р. серебромъ. На этихъ условіяхъ иногородніе пользовались казачьими землями на Кугоеѣ и Егорлыкѣ. Иногороднимъ, что называется, дали вздохнуть. Но уже постановленіемъ войскового правленія отъ 31 января 1846 г. предписано было станичнымъ правленіямъ „не дозволять иногороднимъ лицамъ имѣть домообзаведеніе и пользоваться войсковою землею“ (надо полагать безвозмездно). Назначенъ былъ шестимѣсячный срокъ, въ теченіе котораго иногородніе собственники должны были передать или продать свои дома и обзаведенія лицамъ казачьяго сословія. Такое же постановленіе повторено было и 4 февраля 1849 г.

Въ положеніи иногороднихъ находились и нижніе чины регулярныхъ войскъ, попавшіе въ Черноморію. Еще 5 февраля 1827 г. командующій черноморскою кордонною линіею генералъ Власовъ разрѣшилъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ Таманскаго гарнизоннаго полка и командъ Фанагорійской крѣпости держать на войсковыхъ земляхъ лошадей и рабочій скотъ безъ права заводить хутора и скотоводство. Но наказный атаманъ Рашпиль не разрѣшилъ 12 апрѣля 1849 г. нижнимъ чинамъ Фанагорійской инвалидной роты пользоваться даже за плату сѣнокосами на войсковой землѣ, такъ какъ съ передвиженіемъ въ Черноморію новыхъ переселенцевъ можетъ быть нужда въ кормахъ. Отдачу жителями сѣнокосовъ иногороднимъ атаманъ призналъ незаконною и рѣшительно запретилъ всякія сдѣлки въ этой области. Впрочемъ, нѣсколько позже Рашпиль замѣнилъ это распоряженіе другимъ. Онъ допустилъ аренду казачьихъ земель только по приговорамъ станичныхъ обществъ. Станичныя правленія должны были отводить участки земли подъ аренду и получать арендную плату. Корпусный командиръ одобрилъ этотъ порядокъ, но распорядился, чтобы доходы по арендѣ земли распредѣлялись на двѣ части—одна часть шла бы въ пользу войска, а другая поступала въ кассы станичныхъ обществъ. Впослѣдствіи въ 1850 г. войсковое правленіе сдѣлало представленіе объ отчисленіи всей аренды полностью въ одни войсковые капиталы; но наказный атаманъ Рашпиль нашелъ это представленіе неправильнымъ и отклонилъ его. Станичныя общества продолжали пользоваться своею частью арендныхъ доходовъ за земли съ иногороднихъ, и это служило лучшимъ средствомъ урегулированія отношеній казачьяго населенія къ иногороднимъ, не исключая и солдатъ. Въ 1852 г. генералъ Коцебу просилъ атамана Рашпиля разрѣшить семейнымъ солдатамъ Фанагорійской инвалидной команды пасти безплатно скотъ

на войсковой землѣ. Рашпиль приказалъ разслѣдовать положеніе дѣлъ на мѣстѣ и выяснить, не было ли бы такое пользованіе землей стѣснительно для станичныхъ обществъ. Оказалось, что, кромѣ шести семейныхъ солдатъ, желали пользоваться безвозмезднымъ выпасомъ скота еще 25 солцатъ-одиночекъ, водившихъ скотъ. Отдача въ безвозмездное пользованіе земли такому количеству стороннихъ войску лицъ была бы крайне обременительною для жителей станицы Таманской, и представленіе генерала Коцебу было отклонено.

Въ іюлѣ 1855 г. г.-м. Кухаренко на запросъ вице-адмирала Серебрякова о дозволеніи мѣщанамъ Новороссійска и Анапы заниматься торговлею въ Черноморіи, далъ объясненіе въ томъ смыслѣ, что мѣщане эти являются иногородними въ Черноморіи и что, какъ иногородніе, они могутъ пользоваться торговлею лишь на общихъ правахъ для иногороднихъ установленныхъ. Допустить же для нихъ тѣ торговыя льготы, какія имъ были предоставлены въ Новороссійскѣ и Анапѣ, нельзя, потому что этимъ были бы стѣснены мѣстные жители, казаки. Уравнять ихъ въ правахъ съ казаками также невозможно. Правильнѣе всего было бы, поэтому, обратить закубанскихъ поселянъ, а также новороссійскихъ и анапскихъ мѣщанъ, въ казачье сословіе Черноморскаго войска. Тогда поселяне и мѣщане Черноморскаго побережья сравнялись бы съ казаками во всѣхъ правахъ и привиллегіяхъ и въ томъ числѣ въ торговыхъ.

Въ нѣкоторыхъ станицахъ новороссійскимъ и анапскимъ мѣщанамъ запрещено было, какъ иногороднимъ, заниматься даже ремеслами. Новороссійскій мѣщанинъ Лозинскій жаловался по этому поводу своему начальнику вице-адмиралу Серебрякову, который въ свою очередь просилъ наказнаго атамана Черноморскаго войска сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы новороссійскихъ и анапскихъ мѣщанъ и вообще жителей Черноморскаго побережья, много потерявшихъ и почти лишившихся своего имущества, благодаря Севастопольской войнѣ, не стѣсняли въ промысловыхъ занятіяхъ по станицамъ. Въ силу этихъ соображеній, генералъ Кухаренко предписалъ таманскому окружному начальнику дать мѣщанамъ г.г. Анапы и Новороссійска полную свободу заниматься всякаго рода ремеслами и торговлею, на правахъ иногороднихъ обывателей, лишь бы они имѣли надлежащіе документы.

Сами иногородніе охотно шли къ казакамъ и, по старой памяти, искали случая для осѣдлаго поселенія въ краѣ.

При заселеніи г. Ейска въ 1848 г. произошло въ высшей степени характерное нашествіе на вновь учрежденный городъ бродягъ, настойчиво домогавшихся зачисленія въ число жителей г. Ейска. При посѣщеніи города гр. Воронцовымъ, его окружила, по выраженіи офиціальныхъ бумагъ, толпа „бродягъ и нагло требовала“ зачисленія ихъ въ мѣщане г. Ейска. По отъѣздѣ Воронцова толпа эта продолжала „требовать отъ мѣстнаго начальства какого бы то ни было о себѣ распоряженія“ и, въ виду упорства и стойкости довольно

значительнаго количества этихъ своеобразныхъ охотниковъ къ заселенію, генералъ Рашпиль распорядился послать въ г. Ейскъ особую команду изъ казаковъ для возстановленія порядка. Домогательства бродягъ сводились къ тому, чтобы ихъ зачислили въ число жителей г. Ейска на основаніи какого-то указа о зачисленіи бродягъ въ этотъ городъ. Напрасно мѣстныя власти убѣждали бродягъ, что такого указа не было. Бродяги не вѣрили, укрѣпились лагеремъ возлѣ города и заявили: „мы не пойдемъ отсюда никуда, помремъ съ голоду, приписывайте насъ здѣсь—такъ сказалъ князь". Когда мѣстныя власти схватили и связали одного вышедшаго изъ толпы протестанта, остальные бросились къ товарищу и освободили его. Около 50 человѣкъ, послѣ увѣщанія, отдѣлились отъ толпы и отдали себя въ руки властей. Тогда дѣло приняло такой оборотъ, что самъ Рашпиль отправился изъ Екатеринодара въ Ейскъ на мѣсто происшествія. По дорогѣ, въ станицѣ Старощербиновской, онъ встрѣтилъ, однако, взбунтовавшихся бродяхъ уже заарестованными. Въ числѣ ихъ оказался бывшій станціонный смотритель Гаврило Юдинъ, имѣвшій печатный указъ объ учрежденіи города Ейска и неправильно толковавшій этотъ документъ въ томъ смыслѣ, что будто бы указомъ этимъ предоставлена „свободная приписка къ Ейску всѣмъ безписьменновиднымъ людямъ и бродягамъ".

Упорствующіе бродяги были, по выраженію офиціальныхъ документовъ, „блокированы" въ теченіе 5 дней и взяты подъ арестъ хитростью. Занявши выгодную позицію на Ейской косѣ въ видѣ табора, забаррикадированнаго повозками, бродяги держались бы, быть можетъ, долго еще, требуя приписки, но хитрые казаки „привели ихъ въ безсиліе", т. е. „не дали пищи". Открыто атаковать таборъ казачьи власти не рѣшались, такъ какъ дѣло не обошлось бы безъ кровопролитія. Въ таборѣ у Ивановъ-непомнящихъ родства были косы, топоры, ножи и даже ружья. Поэтому, есаулъ Бабченко, командовавшій казаками, употребилъ военную хитрость. Подойдя къ табору, онъ повелъ съ бродягами разговоръ и завязалъ съ ними споръ, а самъ приказалъ казакамъ броситься въ удобный моментъ по его командѣ „ура!" на бродягъ и перевязать ихъ. Такъ все и было сдѣлано, и опростоволосившіеся бродяги „не успѣли руки въ карманы заложить, чтобы ножи достать", какъ были схвачены казаками. Въ таборѣ ихъ оказалось 186 мужчинъ, 12 женщинъ и 8 дѣтей. Съ Иванами непомнящими родства поступили мягко. Ихъ не стали ни судить, ни наказывать, а просто разослали по разнымъ мѣстамъ, куда указывали они,—лишь бы избавиться отъ назойливости ихъ.

Таково было положеніе иногороднихъ въ Черноморіи. Инымъ оно оказалось для крѣпостныхъ людей.

Крѣпостничество не привилось въ Черноморскомъ войскѣ, но заботъ о насажденіи крѣпостныхъ людей, рядомъ съ свободными казаками, было приложено очень много. И, какъ это ни странно, а

заботились объ этомъ люди передовые по своему времени, стоявшіе во главѣ войска.

У войскового судьи Головатаго, у батька атамана Чепиги и у многихъ изъ черноморскихъ старшинъ еще за Бугомъ было свое „подданство". Подданные, какъ именовались они въ юридическихъ актахъ, были „припущенниками" и представляли собою тѣ элементы, изъ которыхъ формировалось впослѣдствіи сословіе крѣпостныхъ крестьянъ. Подданные селились обыкновенно на землѣ какого-либо владѣльца, помѣщика, заводились, подъ защитою его, а иногда и при матеріальной его поддержкѣ, хозяйствомъ и несли за это извѣстныя повинности. Впослѣдствіи повинности эти увеличивались, зависимость крестьянъ отъ помѣщика становилась тѣснѣе и обязательнѣе—и подданные превращались въ крѣпостныхъ. Такъ были закрѣплены многіе крестьяне въ Новороссіи. Такая же тенденція у черноморской старшины, отмѣченная даже въ извѣстномъ актѣ „Порядокъ общей пользы", замѣчалась въ началѣ заселенія края, но не привилась къ жизни. Насажденіе подданства грозило и свободному казаку.

Характерный случай въ этомъ отношеніи имѣлъ мѣсто въ войскѣ въ 1806 г. Въ этомъ году подполковникъ Чепига, племянникъ и наслѣдникъ кошевого Чепиги, продалъ за 18000 р. „подданныхъ" въ имѣніи дяди его въ Херсонской губерніи и просилъ войсковую канцелярію выдать ему документы для совершенія купчей крѣпости—засвидѣтельствованное обязательство его продавцу и ввѣрительное письмо. Канцелярія не дала этихъ засвидѣтельствованій и поставила вопросъ объ отсутствіи правъ на это у наслѣдника. Она допросила нѣсколько чиновниковъ подъ присягою и выяснила, что кошевой Чепига никогда не думалъ обращать своихъ подданныхъ въ крѣпостныхъ. Кошевой только на время оставилъ ихъ въ своемъ Херсонскомъ хуторѣ. Въ дѣйствительности это были запорожцы, которыхъ онъ обѣщалъ перевести въ Черноморію, давши имъ клятву никогда не обращать ихъ въ крѣпостныхъ крестьянъ. Все это канцелярія сообщила таврическому губернатору въ интересахъ подданныхъ. Такимъ образомъ, добрыя побужденія дяди-кошевого чуть не превращены были въ худыя дѣла его племянника—казачьяго старшины.

Иначе поступилъ другой атаманъ Черноморцевъ. Въ дѣлахъ войсковой канцеляріи подъ 1808 годомъ 8 марта значится купчая крѣпость, заключенная наказнымъ атаманомъ Бурсакомъ съ помѣщикомъ Харьковской губерніи Шидловскимъ. По этой купчей первый купилъ у второго 26 душъ мужского пола и 24 души женскаго пола съ родившимися послѣ V ревизіи дѣтьми за 1950 рублей ассигнаціями. „И владѣть ему, Бурсаку, говорится въ купчей, и наслѣдникамъ его оными вѣчно, а мнѣ, Шидловскому и наслѣдникамъ моимъ въ оныя уже не вступаться".

Съ легкой руки батька-атамана начали покупать „въ вѣчное владѣніе" крѣпостныхъ крестьянъ и другія старшины въ войскѣ.

Кто былъ побагаче, тотъ покупалъ у помѣщиковъ въ Россіи крестьянъ и селилъ ихъ у себя на хуторѣ. Такимъ образомъ, въ Черноморіи, въ свободномъ казачьемъ краѣ, при однообразной массѣ равноправнаго въ экономическомъ отношеніи казачьяго населенія, начало свивать себѣ гнѣздо крѣпостничество. Крѣпостники вели свою линію въ опредѣленномъ направленіи: на сторонѣ, въ Россіи, они покупали крѣпостныхъ крестьянъ, а дома, въ войскѣ, прибирали къ рукамъ лучшія войсковыя земли и старались закрѣпить ихъ за собою. Получилось возмутительное нарушеніе Высочайше пожалованныхъ грамотъ и основныхъ законовъ. На это обратилъ вниманіе сторонній войску человѣкъ—извѣстный государственный дѣятель графъ Киселевъ. Благодаря ему, еще въ 1826 г. крѣпостной вопросъ въ Черноморіи былъ освѣщенъ надлежащимъ образомъ и разрѣшенъ отрицательно. Такъ по крайней мѣрѣ отнесся къ нему Государь Александръ 1-й.

Въ своемъ рескриптѣ на имя А. П. Ермолова отъ 7 іюля 1821 года Государь указалъ этому генералу на то, установленное г.-м. Киселевымъ и крайне ненормальное для казачества, обстоятельство, „что нѣкоторые изъ чиновниковъ войска Черноморскаго учредили изъ земель онаго частныя владѣнія и поселили на оныхъ крестьянъ“. Благодаря этому могли „произойти стѣсненія казаковъ въ земляхъ ихъ и другія злоупотребленія“. Императоръ Александръ, поэтому, считалъ невозможнымъ допустить этотъ порядокъ дѣлъ. „Сіе, несообразное, говорится далѣе въ рескриптѣ, съ существованіемъ войска Черноморскаго и по единому послабленію допущенное установленіе уничтожить, крестьянъ же на земляхъ войсковыхъ поселенныхъ, коихъ чиновники ими владѣющіе не пожелаютъ перевести на земли или имѣнія въ другихъ губерніяхъ имъ принадлежащія, обратить въ казаки, сдѣлавъ имъ надлежащее за нихъ удовлетвореніе“. Мѣру эту Государь считалъ неотложною, но предложилъ Ермолову, „вникнувъ со всею подробностію во всѣ обстоятельства, до положенія войска относящіяся, представить ему свое заключеніе“.

Самовластный генералъ поступилъ, однако, по своему. Онъ энергично занялся всѣми другими дѣлами и не далъ движенія личному распоряженію Государя. Болѣе того. Въ то время, когда Ермоловъ, каравшій въ своихъ грозныхъ циркулярахъ за малѣйшіе пустяки черноморскихъ казаковъ, обязанъ былъ остановить своею властною рукою дальнѣйшее развитіе крѣпостничества у казаковъ, согласно волѣ Государя,—онъ сквозь пальцы смотрѣлъ на покупку черноморцами крѣпостныхъ крестьянъ и на водвореніе ихъ на войсковыхъ земляхъ. Въ архивныхъ матеріалахъ за 1822 годъ сохранились очень поучительные случаи насажденія крѣпостничества въ Черноморіи. Въ этомъ году братъ-славянинъ, нашедшій убѣжище въ Россіи, г.-л. І. И. Хорватъ продалъ двухъ крѣпостныхъ крестьянъ изъ своего Курскаго имѣнія войсковому полковнику Порываю за

400 рублей ассигнаціями. „Оные крестьяне, говорится въ купчей крѣпости, отъ меня, Хорвата, никому другому не проданы, не заложены и ни въ какія крѣпости не укрѣплены; владѣть ему, Порываю, и наслѣдникамъ его тѣми крестьянами вѣчно“. Въ томъ же 1822 г. штабъ-лекарь Прохоровичъ прислалъ священнику Іоанну Петриченко „двухъ дѣвокъ Ксенію и Марію Андреевыхъ Стукайсиновыхъ“, изъ которыхъ Ксенію онъ поручилъ продать и вырученныя деньги зачесть въ его долгъ священнику.

Такъ невозбранно продолжали свое дѣло черноморскіе крѣпостники. Какъ видно изъ дѣлъ о хлѣбозапасныхъ магазинахъ въ Черноморіи, въ 1823 г. у чиновниковъ Черноморскаго войска было 452 души крѣпостныхъ крестьянъ. Передъ охватившимъ черноморскихъ богачей желаніемъ владѣть крѣпостными людьми оказалось безсильнымъ личное распоряженіе Государя.

Въ рапортѣ графа Паскевича отъ 5 февраля 1828 года военному министру барону Дибичу подробно изложены обстоятельства, при которыхъ осталось неисполненнымъ личное распоряженіе Императора Александра І-го. „При назначеніи меня главнокомандующимъ въ Грузіи“, пишетъ Паскевичъ, „сданы мнѣ предмѣстникомъ моимъ генераломъ Ермоловымъ рескрипты. Въ числѣ ихъ найденъ мною неисполненнымъ Высочайшій рескриптъ блаженной памяти Государя Императора Александра, состоявшійся на имя ген. Ермолова 7 іюля 1821 г. въ Царскомъ Селѣ, по предмету открытія г.-м. Киселевымъ, что нѣкоторые изъ чиновниковъ Черноморскаго войска учредили изъ земель онаго частныя владѣнія и поселили тамъ крестьянъ“. По этому поводу графъ Паскевичъ навелъ справки у ген.-л. Емануэля, командовавшаго войсками на Сѣверномъ Кавказѣ. Послѣдній отвѣтилъ Паскевичу, что по доставленнымъ ему свѣдѣніямъ командовавшаго Черноморскою кордонною линіею г.-м. Сысоева, „ни генералъ Ермоловъ, ни собственно по Черноморскому войску не было сдѣлано никакихъ распоряженій“ для осуществленія воли Государя. Крѣпостныхъ крестьянъ, въ то время числившихся по 7-й ревизіи было 453 души и генералъ Сысоевъ, родомъ изъ Донскихъ казаковъ, у которыхъ крѣпостное право свило уже прочное гнѣздо, далъ иную окраску крѣпостному дѣлу въ Черноморіи и указалъ на иной исходъ въ разрѣшеніи этого вопроса. Въ своемъ сообщеніи генералъ Сысоевъ удостовѣрялъ, что владѣльцы крестьянъ исправно платятъ за нихъ казнѣ подати, что на войсковыхъ земляхъ они не поселены поселками и иными обзаведеніями, а живутъ у владѣльцевъ въ качествѣ дворовыхъ людей и прислуги. Такъ какъ черноморскіе владѣльцы крестьянъ не имѣли земель и имѣній въ другихъ губерніяхъ, куда они могли бы выселить своихъ крестьянъ, то онъ, Сысоевъ, „признаетъ необходимымъ позволить черноморскимъ чиновникамъ имѣть при домахъ своихъ крестьянъ не въ значительномъ количествѣ, по уваженію, что вольныхъ работниковъ въ томъ краѣ найти весьма трудно“. Генералъ Емануель съ своей

стороны нашелъ мнѣніе генерала Сысоева уважительнымъ и просилъ ходатайствовать у Государя Императора о дозволеніи черноморскимъ чиновникамъ имѣть при своихъ домахъ такое количество крѣпостныхъ людей, какое полагается по положенію о деньщикахъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы крѣпостные не жили ни особыми поселками, ни деревнями на войсковой землѣ подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности. На этой подкладкѣ и начались потомъ домогательства на крѣпостныхъ крестьянъ со стороны черноморскихъ чиновниковъ. Крѣпостные продолжали находиться во владѣніи чиновниковъ и ими пользовались, какъ собственностью. Такъ, въ томъ же 1828 г. были взысканы съ подполковника Дубоноса въ пользу сотника Виташевскаго деньги за пользованіе крестьяниномъ, принадлежавшимъ этому послѣднему. Въ предыдущемъ 1827 г. велось судебное дѣло о томъ, кому изъ двухъ владѣльцевъ принадлежала крѣпостная дѣвка.

Къ тридцатымъ годамъ у черноморской старшины набралось уже столько крѣпостныхъ крестьянъ, что изъ среды ихъ правительство стало брать партіями рекрутовъ. Въ 1831 г. Бурсакъ (сынъ), старшина Лысенко и др. „изъ крѣпостныхъ ставили рекрутовъ натурою“ и вносили, взамѣнъ ихъ, деньги. Съ каждымъ годомъ крѣпостные въ Черноморіи увеличивались все болѣе и болѣе. Ихъ пріобрѣтали черноморцы всякими правдами и неправдами. Въ 1831 году урядникъ Коцюба купилъ крѣпостную дѣвку якобы для Вербицкаго, и былъ оштрафованъ въ 200 рублей, какъ неимѣвшій права покупать крѣпостныхъ крестьянъ.

Потребовалось вмѣшательство въ дѣло представителя законовъ. Въ декабрѣ 1833 г. войсковой прокуроръ донесъ атаману Заводовскому, что многіе черноморскіе дворяне владѣютъ крѣпостными по закладнымъ свидѣтельствамъ и другимъ документамъ, неимѣющимъ законной силы. Поэтому, онъ предложилъ составить именные списки всѣмъ крѣпостнымъ крестьянамъ, находившимся въ Черноморіи, и по нимъ заставить дворянъ добыть узаконенные на владѣніе крѣпостными акты. Въ іюлѣ слѣдующаго 1834 г. войсковой прокуроръ Коржевъ просилъ наказнаго атамана и войсковую канцелярію произвести „провѣрку крестьянъ, такъ какъ до прокурора и наказнаго атамана доходили отъ многихъ крѣпостныхъ крестьянъ жалобы о томъ, что они неправильно закрѣпощены владѣльцами. Наказный атаманъ, поэтому, распорядился въ іюнѣ 1834 г., чтобы была произведена провѣрка документовъ у всѣхъ владѣльцевъ и чтобы тѣ, кто не имѣлъ ихъ, совершили купчія крѣпости до 1 сентября, крайняго срока, послѣ котораго купчія крѣпости не будутъ утверждаться, въ виду назначенной на 1 мая 1833 г. ревизіи. Въ томъ же 1834 г. отъ владѣльцевъ затребованы были именные списки крѣпостныхъ. При этомъ было обнаружено большое количество бѣглыхъ крестьянъ, жившихъ въ Черноморіи по паспортамъ Анапскаго правленія. Большинство бѣглецовъ принадлежало Воронеж-

скому помѣщику Черткову. Въ слѣдующемъ 1835 г., вмѣстѣ съ крѣпостными крестьянами, снова были обнаружены безпаспортные крестьяне, принятые въ казаки и жившие по фальшивымъ уволнительнымъ свидѣтельствамъ.

Между тѣмъ количество обнаруженныхъ крѣпостныхъ крестьянъ оказалось довольно значительнымъ для демократическаго Черноморскаго войска. Въ 1835 г. здѣсь числилось по ревизскимъ сказкамъ 518 муж. и 740 жен. половъ, но въ дѣйствительности крѣпостного населенія было больше. Во многихъ случаяхъ въ ревизскія сказки совсѣмъ не внесенъ былъ женскій полъ. Цифры же мужского населенія были близки къ дѣйствительнымъ, такъ какъ были добиты путемъ ревизіи или народной переписи. Войсковая же канцелярія бездѣйствовала и видимо тормозила выясненіе дѣйствительнаго положенія крѣпостныхъ крестьянъ въ Черноморіи.

Въ іюлѣ 1838 г. войсковой прокуроръ снова потребовалъ у войсковой канцеляріи скорѣйшаго разрѣшенія дѣлъ о неправильномъ владѣніи нѣкоторыхъ черноморскихъ дворянъ крѣпостными людьми, которые давно уже должны были получить свободу. О томъ же писалъ, годъ спустя, 8 марта 1839 г., наказный атаманъ Заводовскій, которому главнокомандующій Грузіею, Кавказскою областью и Закавказскимъ краемъ генералъ Головинъ приказалъ „побудить войсковую канцелярію на лучшую дѣятельность". Заводовскій затребовалъ отъ канцеляріи свѣдѣнія о положеніи дѣла и, получивши отъ нея рапортъ, 12 апрѣля писалъ ей, что онъ „не находитъ ничего правдоподобнаго" въ ея объясненіяхъ и что свѣдѣнія о крѣпостныхъ уже нѣсколько разъ могли быть собраны.

Между тѣмъ крайне тяжелое положеніе крѣпостныхъ сопровождалось возмутительными случаями произвола, насилій и самодурства со стороны неузаконенныхъ помѣщиковъ. Какъ видно изъ объемистаго дѣла о полковникѣ Животовскомъ, 9 марта 1839 г. онъ жестоко избилъ одну изъ своихъ крѣпостныхъ крестьянокъ. Свернувши вдвое ямщичій кнутъ, онъ нанесъ въ сумерки этимъ оружіемъ пытки до 500 ударовъ дворовой крестьянкѣ Марусовой. Послѣ этого, по приказанію Животовскаго, Марусову привязали къ столбу у стѣны сарая и Животовскій билъ палкою длиною въ $1^1/_2$ аршина и толщиною до трехъ вершковъ въ окружности, билъ ее по головѣ, бокамъ, плечамъ и по др. мѣстамъ и нанесъ до 30 ударовъ. Въ такомъ положеніи истерзанную и облитую кровью страдалицу звѣрь помѣщикъ приказалъ оставить на всю ночь, въ которую она и умерла. Двумъ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ Животовскій приказалъ снять Марусову со стѣны сарая, къ которой покойница оказалась привязанной, и похоронить ее, но строго соблюдать тайну и молчать о причинѣ смерти Марусовой, за что исполнителей помѣщикъ обѣщалъ отпустить современемъ на волю.

Но случая этого не удалось Животовскому скрыть, тѣмъ болѣе что это былъ не единичный случай расправы дикаго пана съ крѣ-

постными людьми. На слѣдствіи цѣлая масса свидѣтелей подтвердила фактъ смерти Марусовой отъ истязанія и о томъ же свидѣтельствовала оставшаяся послѣ нея окровавленная одежда. Собственная жена Животовскаго показала, что мужъ ея билъ Марусову, билъ ее самое неоднократно и чѣмъ попало—„кулаками, ногами, столовою посудою, ножами и вилками, рвалъ за волосы, бросалъ въ нее стеклянную чайницу" и когда она лишалась чувствъ, то тогда утрачивала представленіе о томъ, чѣмъ онъ истязалъ ее; „но избивалъ ее до такой степени, что она была вся распухшей и не могла видѣтъ глазами". Въ другой разъ за то, что она увидѣла его съ дѣвкой, съ которою онъ былъ въ связи, Животовскій въ пьяномъ видѣ „рвалъ ее за волосы, билъ ногами, плетью и пистолетомъ по головѣ и гдѣ попало". Чтобы привести въ чувство Животовскую, ее вынесли на дворъ на свѣжій воздухъ. Здѣсь, очнувшись, она убѣжала и спряталась въ голландскую печь, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ побоевъ.

Затѣмъ крѣпостные показали, что отъ побоевъ Животовскаго умерли раньше крестьянинъ Кравченко и его жена. Одного изъ крѣпостныхъ Животовскій билъ разъ деревянною палкою, которую на немъ и сломалъ, въ другой разъ люшнею отъ воза, въ третій цѣпомъ, которымъ молотятъ хлѣбъ, въ четвертый кнутомъ и пр. Одного крестьянина онъ привязалъ веревкою за ноги къ сволоку и въ такомъ положеніи держалъ его три часа. Двѣ крѣпостныя показали, что одну Животовскій насиловалъ три раза, а другую, 15-ти лѣтъ, почти ежедневно въ теченіе года. Такія же показанія дали еще три крестьянки. И всѣ эти показанія были подтверждены свидѣтельствомъ другихъ лицъ. Но всѣ дѣянія Животовскаго трудно даже перечесть. Въ объемистомъ дѣлѣ о немъ слѣдуетъ длинная вереница на нѣсколькихъ листахъ показаній, изобличающихъ Животовскаго въ жестокости и разныхъ другихъ проступкахъ и порокахъ.

И что же въ концѣ концовъ отъ суда и слѣдствія получилось? Конфирмируя приговоръ суда, Заводовскій, какъ командующій войсками, призналъ Животовскаго свободнымъ отъ обвиненія, яко бы по недоказательности, въ убійствѣ трехъ крѣпостныхъ, въ насильственномъ прелюбодѣяніи, въ растлѣніи двухъ дѣвицъ и въ лиходательствѣ врачу. За остальныя же преступленія Животовскій прощенъ былъ по манифесту 12 апрѣля 1842 года и преданъ лишь церковному покаянію. Истязанія собственной жены, какъ свидѣтельницы, не были взяты въ расчетъ. Опредѣленіемъ 10 февраля 1842 г. Новочеркасская духовная консисторія постановила и архіепископъ новочеркасскій утвердилъ: предать полковника Животовскаго церковному покаянію по подозрѣнію его въ причиненіи смерти крестьянкѣ Марусовой.

Въ жестокомъ обращеніи съ своими крѣпостными людьми и въ изнасилованіи женщинъ обвинялся и есаулъ Дубоносъ. Съ него взята была подписка въ 1847 г. о гуманномъ обращеніи съ крѣпостными.

Прошло еще два года. Наказный атаманъ 16 іюля 1840 г. потребовалъ отъ канцеляріи, согласно распоряженію начальника

Кавказской области генералъ-адъютанта Граббе, доставить свѣдѣнія о крѣпостныхъ въ пятидневный срокъ. Войсковая канцелярія однако не торопилась. Только 16 іюля 1839 г. своимъ постановленіемъ она раздѣлила крѣпостныхъ на четыре разряда.

Къ первому разряду она отнесла крѣпостныхъ, на которыхъ владѣльцами представлены были купчія крѣпости, и постановила возвратить хозяевамъ эти документы.

По первому разряду оказалось, однако, 63 муж. и 67 жен. пола такихъ, которые не найдены были въ сказкахъ народной переписи, и 72 муж. и 89 жен. пола такихъ, ревизскія сказки о которыхъ владѣльцами поданы прямо въ казенную палату. О тѣхъ и другихъ рѣшено потребовать дополнительныя свѣдѣнія отъ подлежащихъ лицъ и учрежденій.

Во второй разрядъ были включены „спорныя“ крѣпостныя, дѣла о которыхъ постановлено передать гражданскому суду Черноморскаго войска.

Въ третій разрядъ вошли крѣпостные, о которыхъ не представлено надлежащихъ актовъ. Для представленія этихъ актовъ владѣльцамъ крестьянъ назначенъ былъ шестимѣсячный срокъ, по истеченіи котораго постановлено изъять у нихъ крестьянъ, въ случаѣ непредставленія документовъ.

Наконецъ, къ четвертому разряду были отнесены крѣпостные, владѣльцы которыхъ не доставили документовъ на права дворянства. Этимъ владѣльцамъ для доставленія документовъ назначенъ былъ также шестимѣсячный срокъ, по истеченіи котораго они теряли право на владѣніе крестьянами.

Тогда же сотнику Дончевскому, лишенному чина, предписано было продать немедленно своихъ крѣпостныхъ; иначе они должны быть отпущены на волю.

Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ Черноморіи, какъ и всюду, было въ высшей степени тяжелымъ. Ихъ обременяли непосильными работами, физически изнуряли и обращались жестоко, часто истязали. Въ 1840 г. возникло дѣло о жестокомъ обращеніи сотника Дончевскаго съ его крѣпостными людьми. За такое обращеніе сотникъ былъ посаженъ подъ арестъ. Чтобы выдти изъ неловкаго положенія, онъ самъ предложилъ отпустить на волю всѣхъ бывшихъ у него крестьянъ, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ достать на нихъ документовъ. Въ томъ же 1840 г. обвинялся въ жестокомъ обращеніи съ крѣпостною женщиной священникъ куреня Роговскаго Подопригора. Наконецъ, тогда же послѣдовало распоряженіе о припискѣ крѣпостныхъ людей къ тѣмъ куренямъ, гдѣ жили ихъ хозяева.

До 1841 г. черноморскіе дворяне владѣли крѣпостными „невозбранно“. Кто хотѣлъ, тотъ и покупалъ ихъ, и какъ желалъ, такъ и поступалъ съ ними. Но въ 1841 г. новый главнокомандующій войсками на Кавказѣ баронъ Розенъ воспретилъ черноморскимъ дворянамъ покупать крестьянъ, такъ какъ закономъ было

воспрещено покупать крѣпостныхъ лицамъ, не имѣвшимъ собственной земли для поселенія крестьянъ, а черноморскіе дворяне не имѣли такихъ земель. Особый комитетъ о крѣпостныхъ нашелъ также, что имѣвшіе уже крѣпостныхъ въ Черноморіи дворяне могли „владѣть“ ими только срочно и непремѣнно обязаны были, по истеченіи срока, отпустить ихъ на волю, но находилъ неудобнымъ обращать вольноотпущенниковъ въ то же казачье сословіе, въ которомъ числились и господа ихъ.

Между тѣмъ само по себѣ приведеніе въ извѣстность количества крѣпостныхъ въ Черноморіи повело къ обнаруженію цѣлаго ряда случаевъ „незаконнаго“ владѣнія крѣпостными крестьянами. Въ 1842 г. заведено было огромное дѣло о дворянахъ, владѣвшихъ крестьянами по неустановленнымъ документамъ и совсѣмъ безъ всякихъ документовъ. При случаѣ такіе крестьяне отпускались на волю. Такъ, въ томъ же 1842 г. были освобождены отъ крѣпостной зависимости мужъ и жена, принадлежавшіе умершему есаулу Сербину, который владѣлъ ими „безъ законныхъ документовъ“. Обращено было вниманіе и на положеніе крестьянъ. Надзоръ за надлежащимъ обращеніемъ черноморскихъ пановъ съ крѣпостными крестьянами возложенъ былъ на сыскныя начальства подъ непосредственнымъ наблюденіемъ наказнаго атамана. Въ случаяхъ жестокаго обращенія съ крѣпостными, сыскные начальники могли назначать опеку надъ владѣльцами съ разрѣшенія командующаго войсками на Кавказѣ.

Съ каждымъ новымъ распоряженіемъ, права черноморскихъ дворянъ на крѣпостныхъ крестьянъ съужались все болѣе и болѣе. Появился „надзоръ“. Грозили законныя кары за жестокость и изувѣрство, творимыя надъ людьми. Черноморскіе паны забили тревогу. Войсковое правленіе выступило съ цѣлымъ проектомъ о необходимости крѣпостныхъ крестьянъ для черноморскаго дворянства. Въ рапортѣ отъ 8 марта 1843 года наказному атаману Заводовскому оно подробно изложило мотивы этого проекта. Указывая на то, что, при постоянной службѣ черноморскихъ дворянъ и при отсутствіи пришлыхъ рабочихъ, дворяне пришли „въ разореніе и оскудѣніе“, войсковое правленіе находило нужнымъ насажденіе въ войскѣ, если не полнаго крѣпостного права, то въ крайнемъ случаѣ крѣпостничества условнаго. По проекту предполагалось разрѣшеніе черноморскимъ дворянамъ пріобрѣтать крѣпостныхъ крестьянъ „не въ собственность“, а „для услугъ“, и пользованіе этими „крѣпостными для услугъ“ оставить за черноморцами по крайней мѣрѣ до покоренія Кавказа. Правленіе представило и свои разсчеты о количествѣ необходимыхъ для черноморскаго дворянства крѣпостныхъ. Полагая на 15 десятинъ одного крѣпостного, генералу слѣдовало, при 1500 дес. земли, 100 ревизскихъ душъ, необходимыхъ „для услугъ“, штабъ-офицеру, по расчету на 400 десятинъ земли, 26 ревизскихъ душъ и оберъ-офицеру на 200 дес. зе-

мельнаго довольства 13 ревизскихъ душъ. Въ это время въ Черноморіи числилось только 632 ревизскихъ душъ крѣпостныхъ, а такъ какъ генераловъ было 2, штабъ-офицеровъ 66 и оберъ-офицеровъ 617, то общее количество крѣпостныхъ, необходимыхъ черноморскимъ панамъ, исчислено было почти въ 10,000 ревизскихъ душъ (9938). И вся эта армія, равная 20-ти казачьимъ полкамъ, требовалась „для услугъ!". Иначе, увѣряло войсковое правленіе „безъ крѣпостныхъ для услугъ" черноморское дворянство погибнетъ. Рѣшено было возбудить ходатайство объ этой нуждѣ черноморскихъ дворянъ передъ Государемъ Императоромъ.

Просьба черноморскихъ пановъ нашла поддержку въ высшей кавказской администраціи. Предположено было выработать особое положеніе о пріобрѣтеніи черноморскими дворянами крѣпостныхъ во временное пользованіе, и 22 декабря 1843 г. военное министерство даже затребовало необходимыя свѣдѣнія для составленія этого проекта. А въ слѣдующемъ 1844 г. въ Черноморіи образованъ былъ „Комитетъ, учрежденный для составленія проекта положенія объ образѣ владѣнія крѣпостными дворовыми людьми въ Черноморскомъ казачьемъ войскѣ". Военное министерство предполагало допустить покупку крѣпостныхъ на сроки отъ 15 до 20 лѣтъ, послѣ чего крѣпостные выходили бы на волю и причислялись въ казачье сословіе.

Черноморскіе дворяне ожили и подняли головы. Начались хлопоты по утвержденію проекта о крѣпостныхъ въ Черноморіи. Войсковое правительство возбудило 16 ноября 1846 года ходатайство о скорѣйшемъ утвержденіи этого проекта, но въ первой же высшей инстанціи, у намѣстника на Кавказѣ, потерпѣло полное пораженіе. Графъ Воронцовъ 13 декабря 1846 г. категорически отказалъ черноморскимъ дворянамъ въ ихъ ходатайствѣ, находя неудобнымъ вносить въ высшія государственныя учрежденія такой проектъ.

А между тѣмъ и крестьяне не переставали безпокоить начальство просьбами объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости. Многіе изъ нихъ отбыли уже тѣ сроки, на которые они были куплены. Многими паны владѣли „безъ законныхъ правъ". Въ 1845 г. двѣ крѣпостныя женщины, принадлежавшія умершему чиновнику Волкорѣзу, просили отпустить ихъ на волю, такъ какъ онѣ положительно не знали, по какому праву и по какимъ документамъ ими владѣлъ Волкорѣзъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они изъявили желаніе идти за мужьями, приговоренными на поселеніе въ Сибирь. И обѣ женщины были отпущены на волю. Такіе факты расшатывали все болѣе и болѣе и безъ того шаткій крѣпостной строй на Черноморіи, за который, однако, цѣпко держались черноморскіе дворяне.

Черноморскіе крѣпостники не теряли еще надежды закрѣпить этотъ строй за собою хоть временно. Кромѣ намѣстника Воронцова, существовалъ Петербургъ, гдѣ военное министерство тянуло руку черноморскихъ дворянъ. И дѣйствительно, 3 мая 1847 г. военное министерство дало слѣдующія заключенія по возбужденному черноморскими дворянами вопросу о крѣпостныхъ.

Дворовыхъ людей, пріобрѣтенныхъ дворянами Черноморскаго войска до распубликованія Высочайшаго манифеста по 8-й народной переписи 1833 года, слѣдовало, по мнѣнію министерства, оставить за черноморскими владѣльцами, на основаніи правилъ до того существовавшихъ.

Дворовыхъ же людей, пріобрѣтенныхъ послѣ манифеста 1833 года, надлежало отпустить на волю, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта отъ 16 декабря 1846 года.

Императоръ Николай I, хотя и призналъ эти заключенія согласными съ законами, но, принимая во вниманіе службу черноморскихъ офицеровъ, невозможность обходиться безъ прислуги и запрещеніе употреблять на работы для офицеровъ находящихся на льготахъ казаковъ, нашелъ необходимымъ представить намѣстнику Кавказа свои соображенія о помощи черноморскимъ дворянамъ. Съ своей стороны Государь считалъ возможнымъ дворовыхъ людей, пріобрѣтенныхъ черноморцами до 1833 г. и подлежащихъ освобожденію, отъ крѣпостной зависимости, оставить въ услуженіи ихъ прежнихъ владѣльцевъ „въ качествѣ драбантовъ“ срокомъ на 25 лѣтъ, начиная съ 1833 г. По истеченіи этого срока мужчины должны быть зачислены въ казачье сословіе, а женщины освобождены на волю. На тѣхъ же условіяхъ черноморскимъ офицерамъ дозволялось „договаривать драбантовъ“ и изъ малороссійскихъ казаковъ“.

И, дѣйствительно, на Черноморіи нѣкоторое время существовалъ особый институтъ „драбантовъ“, людей, занимавшихъ среднее положеніе между крѣпостными и прислугой. Драбанты были тѣ-же деньщики, но только закрѣпленные на долгіе сроки и болѣе безправные, зависимые.

Въ 1858 г. истекъ двадцатипятилѣтній срокъ (съ 1833 года), назначенный для закрѣпленія крѣпостныхъ крестьянъ за черноморскими дворянами въ качествѣ „драбантовъ.“ Крѣпостные крестьяне должны были быть отпущены на волю.

Такъ отстаивалось и укрѣплялось крѣпостное право на Кубани черноморскими дворянами.

Но не у однихъ черноморскихъ дворянъ были крѣпостные. Ими владѣли и черкесскіе дворяне.

Когда возникъ вопросъ о русскихъ крѣпостныхъ въ Черноморіи, вліяніе этого общественнаго теченія отразилось и на черкесахъ, жившихъ въ небольшомъ количествѣ въ Черноморіи. Черкесы стали также волноваться и доказывать свои права на свободу. Въ 1834 г. татары Ишеръ и Чакунъ-Ибрагимъ-оглы жаловались Заводовскому, что султанъ Селимъ-Гирей при переписи записалъ ихъ по селенію Адды крѣпостными; между тѣмъ они никогда ими не были и представили въ подтвержденіе этого 13 свидѣтелей все общество, въ которомъ они жили, прося выключить ихъ изъ крѣпостныхъ. Дѣло это передано было Таманскому окружному суду, и 19 февраля 1838 г. судъ удовлетворилъ просьбу татаръ, признавши ихъ не крѣпостными.

Горцамъ помогалъ въ такихъ случаяхъ обычай. Въ 1835 г. Заводовскій сообщилъ гражданскому суду Черноморскаго войска, что горцы владѣли крѣпостными по обычаю, безъ всякихъ письменныхъ документовъ, а потому къ черкесскимъ крѣпостнымъ были непримѣнимы русскіе законы. Такъ, они не имѣли правъ, предоставленныхъ русскимъ помѣщикамъ, на отдачу крѣпостныхъ въ рекруты и въ ссылку въ Сибирь.

Съ своей стороны, и черкесы-помѣщики всячески старались удержать за собою крѣпостныхъ. Въ мартѣ 1837 г. сотникъ Бегушъ Могукоровъ и урядники Яковъ и Авадема Чайтамировы представили въ войсковую канцелярію ревизскія сказки о дворовыхъ людяхъ, которые имъ достались по наслѣдству отъ отцовъ, имѣвшихъ дворовыхъ еще за Кубанью. Сказки эти не были приняты, за истеченіемъ срока для подачи ихъ. Временная ревизіонная коммиссія, учрежденная съ этою цѣлью, существовала съ 12 декабря 1834 г. по 2 мая 1835 г. Для опоздавшихъ подать сказки въ этотъ срокъ было назначено три мѣсяца отсрочки, послѣ чего сказки направлялись въ Кавказскую казенную палату. Черкесскіе владѣльцы теряли, такимъ образомъ, право на своихъ крѣпостныхъ. Войсковая канцелярія предложила тѣмъ не менѣе просителямъ отослать сказки въ Кавказскую казенную палату.

Чѣмъ кончились хлопоты Могукорова и Чайтамировыхъ, въ архивныхъ матеріалахъ не найдено указаній. Но сами закрѣпощенные горцы продолжали упорно отстаивать свои гражданскія права. Въ 1851 г. братья Шеретлу-оглы, войсковой старшина и есаулъ, просили войсковую администрацію привести въ повиновеніе семью крѣпостныхъ крестьянъ, принадлежавшихъ имъ. Семья эта считала своихъ членовъ свободными отъ крѣпостной зависимости, основываясь на обычаѣ горцевъ отпускать на волю, по смерти владѣльца, когопибо изъ его крѣпостныхъ. По объясненію братьевъ Шеретлу-оглы, они исполнили этотъ обычай, отпустивши, по смерти отца, одного горца на волю и обучили этого горца грамотѣ, чтобы онъ могъ поступить въ духовное званіе и замолить грѣхи ихъ отца. Всей же семьи, къ которой принадлежалъ вольноотпущенникъ, они не отпустили на волю. Въ подтвержденіе своей правоты и даннаго ими толкованія обычая они выставили цѣлый рядъ свидѣтелей.

Между тѣмъ вольноотпущенникъ ногаецъ Мату Дженценъ указалъ на то, что отпущенъ былъ на волю не онъ, а его отецъ,—слѣдовательно, онъ, какъ сынъ вольноотпущенника, былъ свободный человѣкъ и свободна должна быть и вся его семья. Мату просилъ начальство защитить его съ семьею и не допустить ихъ до закрѣпощенія. Мату оказался правъ и былъ признанъ не крѣпостнымъ, а свободнымъ горцемъ.

Этими немногими данными и исчерпывается исторія крѣпостничества у черкесовъ. Но и черкесовъ, жившихъ въ Черноморіи, было очень мало.

Глава XXX.

КАЗАЧЬИ ФИНАНСЫ и ВИННАЯ МОНОПОЛІЯ.

Финансовая система Черноморскаго войска, или полученіе войсковыхъ доходовъ и расходованіе ихъ на войсковыя нужды, унаслѣдована черноморцами отъ запорожцевъ. Еще въ Запорожьѣ въ сичевую кассу шли поступленія съ рыболовныхъ водъ; получался доходъ отъ торговли, взимался акцизъ съ водки и т. п. Тѣмъ же путемъ полученія доходовъ отъ эксплоатаціи естественныхъ богатствъ и торговыхъ оборотовъ пошло и Черноморское войско. Занятый казаками край долженъ былъ дать источники дохода какъ для частнаго казачьяго хозяйства, такъ и для хозяйства войскового. Важнѣйшими статьями бюджета въ войскѣ по приходу служили поступленія съ войсковыхъ рыболовныхъ предпріятій и отъ рыбопромышленности, доходы отъ солепромышленности, торговли и мѣновыхъ дворовъ, акцизные сборы съ горячихъ напитковъ, арендная плата за пастбища, обложеніе налогомъ скота и т. п. Всѣ эти доходы и способы извлеченія ихъ слагались постепенно и вырабатывались въ зависимости отъ развитія экономическихъ условій, съ одной стороны, и роста общественно-государственныхъ потребностей, съ другой. Послѣдними опредѣлялась и расходная смѣта. По мѣрѣ того, какъ назрѣвали и росли потребности, увеличивались и расходы на удовлетвореніе ихъ.

Такимъ образомъ, казачья финансовая система сразу же приняла форму самообложенія и въ этомъ направленіи развивалась впослѣдствіи. Государство, казна слабо участвовала въ денежномъ казачьемъ бюджетѣ. Разъ назначенная въ грамотѣ Екатерины II-й сумма, въ размѣрѣ 20.000 рублей въ годъ на жалованье войску, такъ и осталась потомъ навсегда безъ измѣненій. Съ самаго начала существованія войска она служила незначительнымъ денежнымъ подспорьемъ, а послѣ обратилась въ ничтожный рессурсъ въ ряду тѣхъ громадныхъ затратъ, какія казаки производили на удовлетвореніе войсковыхъ потребностей и чисто государственныхъ нуждъ. Черпая матеріальная средства у себя и на себя, войско двигало въ томъ же направленіи и свою экономическую жизнь. Расширялось хозяйство, увеличивалось производство, росли торговля и промысловыя занятія, повышая прямо или косвенно источники войсковыхъ доходовъ. Это естественный ходъ въ развитіи мѣстныхъ общественныхъ потребностей и способовъ удовлетворенія ихъ, и въ зависимости отъ него сложилась казачья финансовая система путемъ прямого и косвеннаго самообложенія.

Первыя по времени смѣты въ Черноморіи, какъ объ этомъ упомянуто въ I-мъ томѣ „Исторіи Кубанскаго казачьяго войска,“ состояли изъ трехъ только статей дохода—отъ солепромышленности, рыболовства и виноторговли, а расходы носили какой-то случайный и неопредѣленный характеръ, какъ напр. расходы на депутатовъ, ѣздившихъ въ Екатеринославъ по дѣламъ войска, или на отправку въ Петербургъ икры и балыковъ. Только приходъ и расходъ получаемыхъ съ казны на жалованье 20,000 рублей носилъ характеръ совершенно опредѣленнаго смѣтнаго назначенія. Позже, когда окрѣпла и вошла въ обычную колею экономическая жизнь населенія, такой же опредѣленный характеръ получили и другія смѣтныя статьи.

Изъ сохранившихся въ Кубанскомъ архивѣ смѣтъ приходы и расходы на 1807 годъ состояли изъ слѣдующихъ статей: весь приходъ опредѣленъ былъ въ 95,223 р. 12 к. и въ частности слагался изъ пособія отъ казны 20,000 р., акциза съ водки 42,267 р. 54 к., съ Ачуевскаго рыболовнаго завода 17,361 р. 37 к., съ частныхъ рыбныхъ заводовъ 4,392 р. 75 к., съ мѣновыхъ дворовъ 9,676 р. 6 к., съ торговцевъ по 1 коп. съ рубля 160 р. 50 к., и съ скотопромышленниковъ за пастьбу скота 1414 р. 90 к. Такимъ образомъ, главную статью дохода, около 45%, давала казакамъ винная монополія, и затѣмъ около 23% рыбные промыслы. Смѣтные расходы на тотъ же годъ были исчислены въ 103,430 р. 67 коп. или въ частности: 24,399 руб. на жалованье администраціи, 59,226 р. 45 к. на покупку провіанта до полученія его отъ казны, 2,300 р. на командировочные расходы чиновникамъ, 5,000 руб. на покупку 5 домовъ для войска, 3,690 руб. 79 коп. на работы по иконостасу въ соборѣ, 1,547 руб. 70 коп. на ремонтъ дома въ Еникале, 1,266 руб. 73 коп. на ремонтъ гребной флотиліи и 6,000 руб. на Екатеринодарское уѣздное училище. Слѣдовательно, главную статью расхода, около 23,5% всего бюджета или 55% бюджета дѣйствительнаго, составляли расходы по оплатѣ жалованья администраціи. Расходъ въ 59,226 руб. на покупку провіанта, который не полученъ былъ еще отъ казны, были не дѣйствительнымъ расходомъ, а временнымъ позаимствованіемъ средствъ, внесенныхъ въ смѣту. Наличностью этой цифры объясняется и дефицитъ въ 8,207 р. 55 к., котораго въ дѣйствительности не было. При необычайной экономіи въ расходахъ, доходившей нерѣдко до скопидомства, доходами войска почти всегда превышались расходы, и изъ этихъ излишковъ образовались войсковые капиталы или запасы.

Тѣмъ не менѣе войсковой атаманъ Бурсакъ, представляя смѣту на 1807 г. герцогу де-Ришелье, отвѣтилъ на вопросъ этого послѣдняго о помощи 25 тысячамъ переселенцевъ, что у войска средствъ на это не было. Для этого потребовалось бы увеличить доходы, и такое увеличеніе возможно получить лишь съ помощью повышенія акциза на ввозимое въ войско вино. Если повисить акцизъ съ 50 к.

до 1 руб. на ведро и обложить покупаемый скотъ по 20 к. съ лошади, быка и коровы и по 5 к. съ овцы и мелкаго скота, то только такимъ путемъ можно получить тѣ средства, которыя могли потребоваться для оказанія помощи нуждавшимся переселенцамъ. Безъ такой экстренной финансовой мѣры войску было не подъ силу справиться съ помощью переселенцамъ.

Это было не совсѣмъ такъ. У войска уже были войсковые капиталы или запасы, и изъ нихъ можно было бы взять, хотя бы въ видѣ займа, часть средствъ для оказанія помощи переселенцамъ. Но войсковая администрація ревниво относилась къ войсковымъ капиталамъ, и неохотно расходовала даже на самыя неотложныя нужды войска. Къ тому же и накопленіе войсковыхъ капиталовъ велось не безъ пользы для тѣхъ, кто стоялъ близко къ источникамъ извлеченія средствъ, поступавшихъ въ войсковую кассу. Начеты на смотрителей рыболовныхъ водъ и соляныхъ озеръ были не рѣдкостью. Не существовало ни контроля надъ поступленіями доходовъ, ни сколько-нибудь удовлетворительной регистраціи ихъ. Въ 1824 г. генералъ Власовъ обратилъ вниманіе войсковой администраціи на неудовлетворительное веденіе записей войсковыхъ доходовъ на мѣстахъ поступленія ихъ. Записи доходовъ на перевозѣ черезъ Протоку и съ частныхъ рыболовныхъ заводовъ велись небрежно, безъ правилъ и системы, просто по усмотрѣнію смотрителей. При такомъ порядкѣ дѣлъ легко могли быть злоупотребленія. Власовъ рекомендовалъ, поэтому, установить таксу на провозъ и завести шнуровыя книги, выработать правила для взиманія сборовъ съ частныхъ рыболовныхъ заводовъ и строгую отчетность по войсковымъ сборамъ. Такія мѣры, впрочемъ, предлагались неоднократно, но не шли дальше хорошихъ пожеланій, а кормленіе чиновниковъ на доходныхъ войсковыхъ мѣстахъ совершалось по прежнему.

Тѣмъ не менѣе войсковая администрація неуклонно слѣдовала по одному и тому же разъ намѣченному пути накопленія войсковыхъ капиталовъ, открывала новые источники доходовъ и заботилась о повышеніи старыхъ. Въ ноябрѣ 1833 г. войсковая канцелярія постановила обложить 10 коп. съ пуда топленое и 5 коп. съ пуда нетопленое сало при вывозѣ его изъ Черноморіи, какъ это практиковалось по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ вывознымъ товарамъ. Распоряженіе это было разослано смотрителямъ сборовъ пошлинъ при перевозахъ Кущевскомъ и Щербиновскомъ, а также и всей казачьей администраціи. Въ томъ же 1833 г. сгорѣли въ Екатеринодарѣ ярмарочныя лавки, дававшія доходъ войску. Екатеринодарская администрація просила высшее начальство разрѣшить построить 270 новыхъ лавокъ для извлеченія войсковыхъ доходовъ, съ расчетомъ на увеличеніе ихъ. Кромѣ Екатеринодара, лавки устраивались войскомъ и въ станицахъ, какъ напр., въ станицѣ Старощербиновской. И все это велось съ единственною цѣлью полученія доходовъ, долженствовавшихъ увеличить войсковые капиталы.

Войсковая администрація не упускала ни одного подходящаго случая для приращенія войсковыхъ капиталовъ. Въ 1839 г. она предъявила къ казнѣ претензію на 20,000 руб. за выданный войскомъ казнѣ и не полученный имъ обратно провіантъ или деньги за него. Корпусный командиръ Головинъ не нашелъ, однако, возможнымъ ходатайствовать о возвратѣ войску денегъ на томъ основаніи, что провіантъ отпускался отъ войска казнѣ въ 1814, 1815, 1816 и 1817 годахъ и что, слѣдовательно, съ тѣхъ поръ прошла уже двадцатилѣтняя давность. На этотъ разъ войско, не по своей винѣ, потеряло часть своихъ средствъ, такъ какъ оно своевременно хлопотало о возвратѣ ему денегъ за хлѣбную ссуду и не его вина была, что канцелярскою перепиской по этому поводу сами представители казны затянули на 20 лѣтъ разрѣшеніе такого простого и несложнаго дѣла, какъ возвратъ ссуды.

Обыкновенно по войску ежегодно устанавливалась смѣта приходовъ и расходовъ съ такимъ расчетомъ, чтобы операціонные обороты не выходили изъ рамокъ поступленій за данный годъ и тѣмъ не уменьшили бы раньше накопленныхъ капиталовъ. Пріемъ совершенно понятный, и онъ неуклонно проводился за все время существованія войска. Изъ сопоставленія 23 смѣтъ за 53 лѣтній періодъ съ 1807 по 1860 годъ видно, что только въ трехъ случаяхъ расходы были выше доходовъ—въ 1807 г., при приходѣ въ 95223 рублей и расходѣ въ 101970 рублей, получился дефицитъ въ 6747 р. 55 коп. или въ 6,6% смѣты, въ 1849 г., при 412202 р. доходовъ и 646.124 р. расходовъ, дефицитъ выразился въ огромной суммѣ—въ 233922 руб. или въ 36,2% смѣты, и въ 1865 г., при 656.724 р. доходовъ и 889671 руб. расходовъ, дефицитъ достигъ также довольно значительнаго размѣра—232947 р. или 26,1% смѣты. Но въ первомъ случаѣ, какъ объ этомъ упомянуто уже выше, дефицитъ былъ результатомъ внесенія въ смѣту значительнаго расхода изъ войсковыхъ средствъ, который должна была возвратить казна, а въ двухъ послѣднихъ громадная разница между приходами и расходами обусловливалась введеніемъ въ смѣту такихъ экстраординарныхъ расходовъ, которые слѣдовало разложить не на одинъ годъ, а на нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ во всѣхъ остальныхъ 20 смѣтахъ изъ года въ годъ получалось превышеніе доходовъ надъ расходами, и этотъ неизмѣнный плюсъ въ казачьемъ бюджетѣ колебался между 0,2 и 257,7% смѣты. Наименьшимъ отъ 0,2 до 1,9% онъ былъ въ 1820, 1821, 1822, 1853, 1858 и 1859 годахъ, а наибольшимъ—отъ 26,1 до 257,7% оказался по смѣтамъ за 1824 1825, 1826, 1843, 1844, 1847 и 1855 годы. Очень можетъ быть, что въ первые три года, когда превышеніе доходовъ надъ расходами равнялось 85, 170 и 257% смѣты, на столь громадную разницу между доходами и расходами вліяло внесеніе въ смѣту войсковыхъ капиталовъ, но съ 1843 по 1860 годъ войсковые капиталы не включались въ смѣту, какъ остатки отъ прежнихъ лѣтъ, и, однако, въ эти годы превы-

шеніе доходовъ надъ расходами доходило до 31,8, или 45,9 и даже до 54,4% смѣты. Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію та особенность казачьей финансовой системы, что войсковые бюджеты изъ года въ годъ строились съ расчетомъ на увеличеніе войсковыхъ капиталовъ. Особенность, свидѣтельствующая о соблюденіи экономіи со стороны тѣхъ, кто вѣдалъ казачьи финансы, но ни въ коемъ случаѣ неоправдываемая расчетомъ на подъемъ благосостоянія войска и культуры. Можно было затратить войсковые капиталы на такія потребности населенія и нужды края, удовлетвореніе которыхъ возвратило бы сторицею затрату войсковыхъ капиталовъ.

Правильный учетъ войсковыхъ капиталовъ почти за два десятилѣтія, съ 1843 по 1860 годъ, показываетъ, что въ конечномъ итогѣ количество ихъ поступательно увеличивалось, но были и годы колебаній, когда капиталы временно уменьшались. Въ 1843 г. размѣръ войсковыхъ капиталовъ равнялся 1.269.910 рублямъ, а въ 1860 г.—2.254.954 рублямъ, т. е. за 18 лѣтъ войсковые капиталы возросли на 985044 рубля или на 77,6%. Ниже 1.269.910 рублей войсковые капиталы не падали, но выше 2.254.954 р. они были въ теченіе 8 лѣтъ, начиная съ 1851 и по 1859 годъ включительно и въ 1854 г. они достигли 2.778.817 рублей, т. е. были выше капиталовъ 1843 г. на 1.508.907 р. или на 119%. Изъ года въ годъ увеличеніе войсковыхъ капиталовъ совершалось также поступательно, хотя и не однообразно, съ колебаніями увеличенія между 1,5% и 9,9%; но въ 1845 г. они понизились сравнительно съ предшествующимъ годомъ на 0,8%, въ 1858 г. на 0,2%, въ 1855 г. на 8,5% и въ такой же пропорціи въ 1860 г.

Войсковые капиталы хранились въ войскѣ въ трехъ видахъ—въ кредитныхъ учрежденіяхъ или въ процентныхъ бумагахъ, въ долгахъ у лицъ войскового сословія и въ наличности деньгами. Въ разное время отношеніе между этими частями было различное. Въ 1843 г. въ кредитныхъ учрежденіяхъ числилось 1.087.173 р. или 85,6%, въ частныхъ долгахъ 100,761 р. или 7,9% и въ наличности 82006 рублей или 6,5%; а въ 1860 г. 2030293 р. или 90% въ кредитныхъ учрежденіяхъ, 134615 р. или 6,1% въ долгу у разныхъ лицъ и учрежденій и 89343 р. или 3,9% въ наличности. Изъ наличныхъ войсковыхъ капиталовъ черпались и тѣ средства, которыя шли на пополненіе расходовъ, непокрытыхъ доходною частью смѣты.

Такова была въ общихъ чертахъ та финансовая система, которою держалось Черноморское казачье войско съ начала своего существованія и по 1860 годъ.

Съ финансовою системою были тѣсно связаны собственно три столба, на которыхъ она покоилась—винная монополія, рыбопромышленность и солепромышленность. Изъ нихъ черпались главныя статьи войскового дохода, но первый изъ этихъ столбовъ составлялъ лишь привиллегію войска, а послѣдніе два были и хозяйственныя предпріятія. О нихъ была уже рѣчь въ главѣ о войсковомъ хозяй-

ствѣ, а съ общимъ характеромъ винной монополіи умѣстно будетъ ознакомиться въ связи съ вопросомъ о войсковыхъ финансахъ.

Винная монополія составляла главную статью доходовъ Черноморскаго казачьяго войска, и такое значеніе она имѣла для войска въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, начиная съ заселенія черноморцами края. Собственно въ Черноморіи никогда не было ни водочныхъ заводовъ, ни винокуренія. Казаки получали горячіе напитки извнѣ, но право виноторговли всецѣло предоставлено было одному войску. Поэтому, войско облагало налогомъ, какъ ввозимые въ предѣлы края напитки, такъ и продажу ихъ въ краѣ. Въ этомъ и заключалась суть казачьей винной монополіи.

Но по вопросу о распредѣленіи выгодъ винной монополіи между войскомъ и населеніемъ у черноморцевъ существовали различные взгляды. Тѣ, кто считалъ дѣломъ первой необходимости обезпеченіе войска средствами, необходимыми для удовлетворенія войсковыхъ нуждъ и общественныхъ потребностей, стояли за войсковую монополію или сборы съ напитковъ въ пользу всего войска. Люди предпріимчивые и богатые требовали полной свободы для продажи водки одними казаками. При такой постановкѣ дѣла, каждый расчитывалъ получить въ свою пользу тѣ выгоды, которыя въ видѣ акциза съ водки и платы за откупъ винной монополіи шли въ войсковую кассу. Въ тѣ времена на виноторговлю смотрѣли, какъ на промыселъ, и самый промыселъ считался въ высшей степени выгоднымъ. Въ средѣ казачества было, поэтому, очень много противниковъ войсковой откупной системы.

Послѣдняя не сразу также приняла ту постоянную форму сдачи въ откупъ монополіи отъ одного войска, въ какой она существовала потомъ долгое время. Сначала сдача въ откупъ продажи водки велась какъ отъ войска въ пользу войсковыхъ доходовъ, такъ и отъ куреней въ пользу доходовъ куренныхъ. Войско брало съ откупщиковъ опредѣленную плату съ ведра проданной водки по заранѣе установленнымъ цѣнамъ. Такимъ же способомъ извлекали доходы и куренныя общества. Въ январѣ 1801 г. казакъ куреня Деревянковскаго Гусаченко заключилъ контрактъ съ жителями сел. Ангелинскаго на продажу горячаго и виноградныхъ винъ по Ангелинскому ерику и Протокѣ на 10 верстъ разстоянія, въ трехъ верстахъ отъ селенія на Красногольскихъ лиманахъ, на Ачуевской косѣ до казачьяго ерика и по солянымъ озерамъ до устья Кирпилей срокомъ на три года за 3800 р. Продавать напитки въ этихъ мѣстахъ предоставлено было одному Гусаченкѣ, а за проданное другими лицами вино послѣднія платили по 10 рублей съ ведра штрафа въ пользу откупщика Гусаченки. Позже были ограничены права на откупъ у отдѣльныхъ куреней и селеній, и войско предоставило монопольное пользованіе виноторговлей только нѣкоторымъ, наиболѣе населеннымъ куренямъ, а еще позже оно оставило за собою всю откупную систему.

На такой формѣ извлеченія доходовъ отъ виноторговли остановилось и правительство. Въ апѣрлѣ 1815 г. правительствующій сенатъ назначилъ въ Одессѣ торги на отдачу въ откупъ въ Черноморскомъ войскѣ трехъ статей—1) виноторговли, 2) Ачуевскаго рыболовнаго завода и 3) мѣновыхъ дворовъ. Взяли въ откупъ всѣ три статьи купцы Антимоновъ и Сыромятниковъ на 4 года съ 15 сентября 1815 г. по 15 сентября 1819 г. съ ежегодной платой войску 185000 р. за винный откупъ, 75000 р. за Ачуевскій рыболовный заводъ и 16350 рублей за мѣновые дворы. Въ предшествующее четырехлѣтіе (съ 1811 по 1815 годъ) плата въ войско за соотвѣтственныя статьи равнялась 163000 р., 65000 р. и 16000 р. Слѣдовательно, повышеніе при новомъ контрактѣ, заключенномъ откупщиками съ войскомъ въ 1815 г., выразилось всего въ 32550 руб. или въ 13,3%, но поступленія отъ водки въ обоихъ случаяхъ равнялись 66,7 и 66,8%. Въ контрактѣ представителей войска съ откупщиками установлены были цѣны на разные виды водки, а годичные платежи вносились откупщиками въ кассу войска въ три срока—16 января, 17 мая и 18 сентября. На такихъ условіяхъ заключались контракты войска съ откупщиками и впослѣдствіи.

Но винная монополія, какъ извѣстно, всюду была связана съ тайнымъ корчемствомъ. Тоже происходило и въ Черноморіи. Особенно опаснымъ корчемство считалось въ военныхъ пунктахъ, какъ напр. въ укрѣпленіяхъ по Черноморскому побережью. Въ 1843 г. было очень развито тайное корчемство по всей Черноморіи. Администрація выдала 10 открытыхъ листовъ для корчемной стражи и сдѣлала предписаніе объ оказаніи содѣйствія окружными и куренными властями при отысканіи корчемщиковъ. Впрочемъ, это чаще дѣлалось въ угоду откупщикамъ, чѣмъ для населенія и огражденія интересовъ войска.

Сами откупщики, въ особенности извѣстный въ свое время Посполитаки, нуждались не столько въ огражденіи ихъ интересовъ, сколько въ обузданіи ихъ посягательствъ на обывательскій карманъ. Куренныя общества то и дѣло жаловались на непомѣрныя и несогласныя съ контрактомъ цѣны на водку. Казакъ, уличенный въ корчемствѣ заявилъ, что онъ занялся тайною продажею водки и поддерживался жителями, вслѣдствіе невозможности покупать у откупщика обыкновенное пѣнное вино, такъ какъ откупщикъ требовалъ, чтобы покупающій бралъ на каждое ведро пѣннаго вина двойную порцію винъ высшаго сорта, сладкой водки и пр. Въ августѣ 1843 г. Динское станичное правленіе довело до свѣдѣнія войскового правленія о непомѣрно высокой, несогласной съ контрактомъ, цѣнѣ на вино, продаваемое откупщикомъ въ этой станицѣ. Агенты откупщиковъ по продажѣ винъ не стѣснялись ни съ условіями торговли, ни съ населеніемъ. Водка разбавлялась и фальсифицировалась, продажа ея велась за деньги и за предметы первой необходимости, продавцы сѣяли въ населеніи пьянство и развращали молодежъ, пропойцы, особенно забродчики, отдавали за водку всѣ

свои заработки и нерѣдко послѣднюю рубаху.

При такихъ условіяхъ велось извлеченіе войскомъ тѣхъ доходовъ, на которыхъ держался казачій бюджетъ черноморцевъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ не появилась другая болѣе доходная статья—сдача въ аренду войсковыхъ земель. Съ 1811 по 1819 годъ войсковые доходы отъ питейной торговли, какъ это отмѣчено выше, составляли 66,7% доходной части въ смѣтѣ или 2/3 ея. Въ двухъ третяхъ входили потомъ питейные доходы въ бюджеты и за многіе другіе годы. Въ періодъ съ 1843 по 1860 годъ они начали подвергаться довольно замѣтнымъ колебаніямъ. Такъ, въ 1846 г. они понизились до 49,7% бюджета, а въ 1854 и 1855 годахъ до 36,4 и 32,3%. Но затѣмъ въ 1856 г. они снова повысились до 62,3%, а въ 1859 г. поднялись до 68% бюджета. Въ этомъ году питейный доходъ съ 557 тыс. рублей сразу повысился до 779 тыс. Входя въ бюджетъ въ пропорціи 2/3 его, доходы отъ винной монополіи, если не съ каждымъ годомъ, то періодически по годамъ увеличивались. Въ 1807 г. они составляли 42267 р., въ 1819 г. 185000 р., въ 1843 г. 273.066 руб., а въ 1859 г. 779.929 рублей. Вообще же, слѣдовательно, въ теченіе шестидесяти лѣтъ слишкомъ, доходами отъ виноторговли не только покрывались главныя статьи войсковыхъ расходовъ, но и пополнялись войсковые капиталы.

Такимъ образомъ, финансовая система Черноморскаго казачьяго войска во все время его существованія держалась главнымъ образомъ на винной монополіи. Войсковые доходы и войсковые капиталы слагались изъ тѣхъ переплатъ, которыя населеніе несло въ пользу войска и откупщиковъ на потребленіи горячихъ напитковъ. Система финансоваго благополучія не хитрая, но она не связана была ни съ подушными окладами, ни съ кредитными операціями на счетъ полученія доходовъ въ будущемъ съ населенія. Это были, во всякомъ случаѣ, ея положительныя черты. Но въ то же время слабое расходованіе войсковыхъ средствъ на общественныя нужды нисколько не ограждало населенія отъ непосильнаго бремени натуральныхъ повинностей. Это были отрицательныя черты казачьей финансовой степени.

Глава XXXI.

НАТУРАЛЬНЫЯ ПОВИННОСТИ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что, при заселеніи Черноморіи, большую часть своей дѣятельности казаки отдавали службѣ внутренней и внѣшней, которая, въ свою очередь, состояла изъ ряда повинностей. Все держалось въ то время на повинности казака: и война съ черкесами, и охрана кордонныхъ границъ, и внутренняя по войску служба, и почтовая повинность, и дорожная, и постойная, и подвозная, и многія другія повинности. И вся тяжесть этихъ многочисленныхъ повинностей заключалась въ томъ, что они отбывались натурою. Казаку шагу нельзя было сдѣлать безъ того, чтобы не оказаться въ чемъ-либо повиннымъ. Не успѣли черноморцы еще обстроиться, какъ слѣдуетъ, и помѣстить въ жилыхъ помѣщеніяхъ собственныя семьи, а уже надъ ними висѣла натуральная постойная повинность—казаки должны были размѣщать регулярныя войска въ недостроенныхъ еще помѣщеніяхъ. Едва они сладили неуклюжіе „возы" для воловъ, завели повозки для лошадей и приспособили къ нимъ животныхъ, какъ начальство потребовало у нихъ эти подводы для перевозки казенныхъ тяжестей. Населенія было мало, средствъ у него точно также, а повинности, при этихъ условіяхъ, были такъ тяжелы и значительны, что на мѣстахъ, въ куреняхъ, не оказалось на лицо даже тѣхъ, кому слѣдовало бы нести повинности. Въ 1807 г. войсковая канцелярія донесла Бурсаку, что въ Таманскомъ округѣ, вслѣдствіе отвлеченія службою въ военное время казаковъ, не было ни мужчинъ, ни подводъ для перевозки провіанта, вещей, командъ и больныхъ. И это былъ не единичный случай.

Само начальство ставило казаковъ въ этомъ отношеніи въ безвыходное положеніе. Въ іюлѣ 1809 г. по распоряженію адмирала маркиза де-Траверсе, жители города Тамани отправили 18 фуръ для перевозки провіанта въ Анапу, въ распоряженіе генерала Панчулидзева. Послѣдній задержалъ фурщиковъ на весь іюль мѣсяцъ. Фурщики, ѣхавшіе въ Анапу съ расчетомъ на одинъ только проѣздъ, не предвидѣли столь долговременной отлучки изъ дому. Перевозя безпрерывно тяжести, они изломали свои возы и разбили повозки, обезсилили скотъ, окончательно отощавшій отъ неимѣнія кормовъ, и сами были изнурены, болѣли и „не имѣли пропитанія," такъ какъ за возку тяжестей имъ ничего не платили. Чтобы избавить этихъ несчастныхъ людей отъ окончательнаго разоренія, Таманское сыскное начальство просило 29 іюля 1809 г. войскового атамана Бурсака возвратить въ Тамань фурщиковъ. Въ томъ же мѣсяцѣ и

изъ того же округа было сообщено Бурсаку о невозможности доставить коменданту Фанагорійской крѣпости 25 подводъ, вслѣдствіе разоренія края черкесами, угнавшими скотъ у населенія. Некому и не на чемъ оказалось отбывать подводную повинность.

Совершенно аналогичныя явленія происходили и при отправленіи казаками постойной повинности. И въ этой области служенія государству они были обременены непомѣрными требованіями. Въ январѣ 1816 г. должны были проходить изъ Москвы, Кіева и Севастополя 8 батальоновъ войска въ количествѣ 1000 человѣкъ и до 7000 рекрутовъ въ г. Георгіевскъ. Такъ какъ путь ихъ намѣченъ былъ черезъ селенія Кущевское, Кисляковское, Екатерининское, Незамаевское и Калниболотское, а въ предшествующемъ 1815 г. былъ полный неурожай и цѣны на хлѣбъ дошли до 4 руб. за пудъ, то и безъ того голодающее населеніе не въ состояніи было дать продовольствіе для массы войска въ 8000 человѣкъ. Войсковая канцелярія просила разрѣшенія на покупку 408 четвертей муки и 38 четвертей крупы въ пособіе жителямъ во время прохода войскъ черезъ ихъ курени. Заботливость оказалась не излишнею. Въ томъ же 1816 г. ассесоръ войскового правленія полковникъ Барабашъ, проѣзжая по Черноморіи, узналъ, что населеніе куреней Калниболотскаго, Незамаевскаго, Екатериновскаго и другихъ, по которымъ проходили войска на Кавказскую линію и въ Грузію, было крайне стѣснено постоемъ и кормленіемъ войскъ. Жители голодали и имѣли на посѣвъ лишь одни ячменныя сѣмена, а рекруты, проходившіе черезъ курени и бывшіе на постоѣ у казачьяго населенія, отнимали у нихъ послѣднія крохи хлѣба. Поэтому, многіе казаки, бросивши на произволъ свои дома, сами бѣжали въ степь и скрывались въ ней съ семьями и скотомъ, чтобы избавиться отъ тяжелыхъ натуральныхъ повинностей и произвола войскъ при постояхъ. Въ виду такого бѣдственнаго положенія населенія въ Черноморіи, войсковая канцелярія просила Таврическаго губернатора Бороздина разрѣшить выдачу ссудъ хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ нуждающимся жителямъ.

Еще въ худшемъ положеніи находилось казачье населеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда отбывало постойную повинность не временно, при проходѣ войскъ, а постоянно, при расквартированіи ихъ на продолжительное время. Въ февралѣ 1831 г. Старокорсунское куренное управленіе донесло Заводовскому, что офицеры Севастопольскаго пѣхотнаго полка, квартирующіе въ этомъ куренѣ, стѣсняютъ жителей, которые вынуждены были выйти съ женами и дѣтьми изъ своихъ домовъ въ лагерь, что жалобы по этому поводу жителей не только не принимаются во вниманіе, но офицеры прогоняютъ съ глазъ жителей съ ругательствомъ, и что самъ командиръ полка полковникъ Плоткинъ произвелъ опустошеніе въ квартирѣ, давши тѣмъ поводъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ опустошать огороды и квартиры.

Сообщая объ этомъ полковнику Плоткину, Заводовскій требовалъ у него измѣненія отношеній офицеровъ и солдатъ къ жителямъ, подъ угрозой сообщить, въ противномъ случаѣ, высшему начальству о назначеніи слѣдствія.

Въ январѣ 1834 г. вдова казачка жаловалась начальству, что поставленный къ ней на квартиру офицеръ 20-й пѣхотной дивизіи крайне стѣснялъ ее. Онъ окружилъ себя посторонними женщинами, которыя вытѣсняли изъ дома казачку-хозяйку съ малолѣтними дѣтьми, и она вынуждена была оставить собственный домъ и уйти къ людямъ на житье. На этотъ разъ сдѣлано было распоряженіе перевести офицера на другую квартиру.

Съ теченіемъ времени, когда значительно увеличилось населеніе въ войскѣ и къ лучшему измѣнились условія его жизни, то и казакамъ стало легче справляться съ постойной и подводной повинностями. Больше стало силъ и средствъ. Къ тому же въ разныхъ мѣстахъ расширены были укрѣпленія и устроены казармы, въ которыхъ были размѣщены квартировавшія въ куреняхъ войска; фурщики также стали получать плату за перевозку казенныхъ тяжестей. Въ іюнѣ 1835 г. генералъ Заводовскій распорядился, по предложенію командующаго войсками Вельяминова, нарядить 50 воловьихъ фуръ отъ куреней въ укрѣпленіе Ольгинское для перевозки тяжестей въ Абинское укрѣпленіе, съ платою по 35 руб. ассигнаціями за фуру въ мѣсяцъ и выдачей фурщикамъ солдатскаго пайка. На случай заболѣванія воловъ казаки должны были содержать, сверхъ условленнаго количества, еще 10% запасныхъ воловъ, но Заводовскій просилъ назначить казакамъ плату и за этихъ добавочныхъ воловъ. Послѣ онъ продолжалъ ходатайствовать объ этомъ передъ Вельяминовымъ и получилъ удовлетворительный отвѣтъ. Такимъ образомъ, казаки не только сами стали экономически правоспособнѣе къ несенію повинностей, но и начальство начало ограждать ихъ насущные интересы въ этой области.

Но натуральныя повинности не прекратились окончательно у казаковъ. Уменьшилась лишь тяжесть ихъ по государственнымъ нуждамъ и остались нетронутыми повинности, отбывавшіяся натурою по нуждамъ войска, округовъ и куреней. Курени по прежнему продолжали чинить дороги, устраивать гати и мосты, выставлять подводы, сопровождать арестантовъ, отводить квартиры для проѣзжающаго начальства, отапливать общественныя куренныя и нѣкоторыя войсковыя зданія, преслѣдовать воровъ и грабителей и пр., и пр., и выполняли все это натурою. Этотъ второй рядъ повинностей не носилъ такого внушительно подавляющаго характера, какъ первый, относившійся къ области государственныхъ нуждъ, но, при своей мелочности, натуральныя повинности въ области мѣстныхъ нуждъ и потребностей были многочисленнѣе и назойливѣе первыхъ. Ихъ въ свою очередь, можно было бы раздѣлить на два разряда—на постоянныя, изъ года въ годъ повторяющіяся, и на временныя или

экстраординарныя. Подводную повинность или ночную охрану жилищъ приходилось отбывать натурою постоянно, почти непрерывно, а борьбу съ эпизоотiями или съ вредными животными и насѣкомыми только въ годы появленiя бѣдствiй этого рода.

Къ числу такихъ экстраординарныхъ, но въ высшей степени тяжелыхъ натуральныхъ повинностей относилось истребленiе саранчи. Саранча всегда ютилась въ безпредѣльныхъ плавняхъ Черноморiи, но годами она появлялась въ несмѣтномъ количествѣ и пожирала буквально все—и хлѣбъ, и травы, и бурьянъ, и камыши, и сады, и даже одежду на людяхъ, какъ это часто случалось съ пастухами, застигнутыми саранчею въ степи или въ полѣ, ломая своею тяжестью вѣтки и побѣги деревьевъ. Это былъ бичъ Божiй, противъ котораго войсковая администрацiя посылала цѣлыя армiи населенiя, съ подводами, граблями, лопатами, метлами, волокушами и т. п. Истребленiе саранчи такимъ способомъ обходилось очень дорого населенiю, а благопрiятныхъ результатовъ при этомъ не получалось никогда. Въ февралѣ 1827 г. Ейское земское сыскное начальство донесло войсковому атаману, что въ куреняхъ Незамаевскомъ, Кущевскомъ, Уманскомъ, Калниболотскомъ и Кисляковскомъ обнаружены были залежи саранчи по р. Сасыкѣ, возлѣ Кущевки, Уманской и въ др. мѣстахъ, которыхъ сыскное начальство отмѣтило въ своемъ рапортѣ 12 и площадь которыхъ равнялась приблизительно 148 кв. верстамъ. Ожидалось, слѣдовательно, одновременное появленiе саранчи на обширномъ пространствѣ. Администрацiя заранѣе распорядилась о нарядахъ жителей для борьбы съ саранчей, но съ саранчей не могли справиться толпы людей въ нѣсколько десятковъ или сотенъ душъ, когда она появлялась не миллiардами особей, а цѣлыми тучами, заслонявшими солнце и тянувшимися на протяженiи версты или двухъ. Въ 1842 г. саранча появилась въ шести мѣстахъ Таманскаго округа. Въ 1843 г. она распространилась по станицамъ Кущевской, Незамаевской и Кисляковской, захвативши цѣлый рядъ другихъ станицъ Ейскаго округа. На этотъ разъ саранча была не мѣстнаго происхожденiя, а перелетѣла въ Черноморiю изъ Ставропольской губернiи.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ населенiе употребляло невѣроятныя усилiя, чтобы истребить саранчу, но кромѣ безплодной затраты силъ, средствъ и времени, не получалось ничего, что указывало бы на успѣшность борьбы съ саранчей. Самая борьба съ саранчей велась такъ, какъ требовалъ того законъ и правила. „Желающiй спасти свои нивы, гласили эти правила, долженъ раскладывать возлѣ нивъ сухой навозъ, бурьянъ и др. тлѣющiя вещества, и когда саранча летитъ тучею, то тѣ кучи зажигать и высланнымъ людямъ производить крикъ, стукъ и бряцанье разными желѣзными вещами“. Это должны были дѣлать всѣ жители. Кромѣ того, наряжались команды „верховыхъ казаковъ“, которые должны было стрѣлять по саранчѣ изъ пистолетовъ „въ косвенномъ направленiи“, чтобы от-

гонять этихъ насѣкомыхъ отъ нивъ. Само собою разумѣется, что эта бутафорская борьба съ саранчей не вела ни къ чему, и саранча пожирала всю растительность въ Черноморіи, вопреки мудрымъ правиламъ. Въ 1845 г. саранча была въ Екатеринодарскомъ округѣ; въ 1848 г. она отродилась въ станицахъ Переясловской, Каневской и Тимошевской. Такъ она опустошала край въ теченіе 7 лѣтъ подрядъ, начиная съ 1842 г. И все время населеніе несло тяжелую натуральную повинность, не дававшую ничего, кромѣ обременительнаго отвлеченія отъ хозяйства. Въ 1853 и особенно въ 1854 г. саранча въ обиліи „отродилась" въ Екатеринодарскомъ округѣ. Городъ Екатеринодаръ и пять ближайшихъ къ нему станицъ выставили для борьбы съ саранчей 539 душъ. Саранчу, какъ гласятъ архивные документы, истребляли „огнемъ и орудіями"— желѣзными и деревянными лопатками, граблями, метлами, волокушами и пр., а пугали колотушками, трещетками и ударами въ желѣзныя вещи. Но орудіями саранча истреблялась въ самомъ ничтожномъ количествѣ, а съ шумомъ она легко мирилась, перелѣтая съ мѣста на мѣсто и истребляя растительность тамъ, куда, быть можетъ, она и не залетѣла бы.

Болѣе опредѣленную повинность представляли содержаніе почты и пути сообщенія.

Въ началѣ существованія Черноморскаго войска пути сообщенія и почта составляли одну и ту же повинность. Натурою пролагались дороги, устраивались мосты и гати; натурою производилась почтовая гоньба и передвиженія казенныхъ и войсковыхъ тяжестей. Почтовую повинность черноморскіе казаки несли какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. На сушѣ на ихъ обязанности лежало содержаніе почтовыхъ трактовъ, станцій и троекъ на нихъ; на морѣ, лиманахъ и рѣкахъ казаки держали перевозы.

Для почтовыхъ сообщеній Черноморіи съ Крымомъ въ маѣ 1800 г. войско содержало перевозъ, при которомъ находился есаулъ Безъуглый съ двумя казаками и который устроенъ былъ на сѣверо-восточной косѣ Таманскаго залива. Отсюда черезъ Босфорскій проливъ ходила казачья лодка въ Керчь и обратно. Въ іюлѣ того же года командующій Черноморскою гребною флотиліей подполковникъ Помело отправилъ на сѣверо-восточную косу два баркаса и команду изъ 10 казаковъ, подъ начальствомъ старшины Невпряги. Въ это время въ рядахъ войска было еще очень много казаковъ, испытанныхъ на морской службѣ, и почтовыя сообщенія черезъ проливъ велись исправно.

Въ худшемъ положеніи находились почтовыя сообщенія на сушѣ, по грунтовому почтовому тракту. Въ августѣ 1800 г. поручикъ Леда, которому поручено было конвоировать генерала-отъ-кавалеріи Михельсона, донесъ войсковому атаману Бурсаку, что почтовыя сообщенія по тракту отъ Тамани до Копыла находились въ полнѣйшей неисправности. Благодаря бездѣятельности смотрителя

почтъ прапорщика Кузьменка, вездѣ по тракту не было корма для лошадей, а мѣстами и самихъ лошадей. Въ прошлую зиму отъ безкормицы пало много лошадей, а въ Темрюкѣ почтовая станція совсѣмъ перестала существовать. Но и самъ Леда, давшій столь нелестный отзывъ о почтовомъ трактѣ изъ Екатеринодара на Тамань. оказался не на высотѣ своего призванія—строгаго контролера и безпристрастнаго судьи. Въ ноябрѣ того же 1800 г. сотникъ Павленко донесъ войсковой канцеляріи, что 11 ноября поручикъ Леда потребовалъ для себя въ Тамани тройку лошадей и когда атаманъ отказалъ въ дачѣ лошадей безъ подорожной, которой не было у Леды, то послѣдній явился на почтовую станцію съ двумя казаками, сначала выругалъ атамана, а потомъ велѣлъ положить его на землю и „бить до своего удовольствія,“ послѣ чего самовольно взялъ трехъ лошадей безъ прогоновъ. Павленко просилъ войсковую канцелярію взыскать прогоны съ Леды и вознаградить атамана за причиненные ему Ледою побои. Канцелярія сдѣлала выговоръ Ледѣ и предписала взыскать съ него деньги въ пользу войска за лошадей и потерпѣвшаго атамана за побои.

Такія неурядицы и столкновенія были обычнымъ явленіемъ въ тѣ времена и въ концѣ концовъ ложились тяжелымъ гнетомъ на населеніе, отбывавшее повинности. И недосмотръ за лошадьми, и злоупотребленія при пользованіи ими отражались на средствахъ населенія, не успѣвшаго еще, какъ слѣдуетъ, войти въ экономическую колею. Даже затраты на войсковой счетъ служили косвеннымъ уменьшеніемъ рессурсовъ населенія, лишавшагося части своихъ доходовъ, поступавшихъ въ войсковую казну. Въ началѣ XIX столѣтія почтовою повинностью поглощалась, такъ сказать, повинность по путямъ сообщенія. Некогда было заботиться о дорогахъ; всѣ усилія были направлены на то, чтобы дать возможность передвигаться съ мѣста на мѣсто людямъ чиновнымъ и ѣздившимъ по казенной надобности. Начальство неусыпно слѣдило за правильнымъ выполненіемъ повинностей въ этомъ отношеніи. Когда зимою 1801 г. были сняты баркасы съ переправы черезъ Керченскій проливъ, вслѣдствіе худой погоды и зимняго ненастья, то генералъ Михельсонъ, по сообщенію подполковника Жирковича о прекращеніи почтовыхъ движеній между Черноморіей и Керчью, приказалъ немедленно поставить на воду снятые баркасы.

Такимъ образомъ, въ первое время существованія войска переправы содержались на войсковой счетъ—лодки принадлежали войску, а лодочниками были казаки, исполнявшіе очередную службу. Тотъ же принципъ, но въ измѣненной формѣ, былъ положенъ и для сообщеній по почтовому тракту. Почтарями были казаки, исполнявшіе свои обязанности, какъ очередную службу, но лошадей выставляли курени по наряду и кормъ лошадямъ должны были поставлять тѣ же курени или лица, назначенныя ими. При смѣшеніи этихъ двухъ порядковъ—несенія повинности взамѣнъ очередной кордон-

ной службы и исполненія чисто натуральной повинности лошадьми, экипажами и кормами для лошадей, помимо неурядицъ, соединенныхъ съ такимъ веденіемъ дѣла, могли быть и злоупотребленія. Лошадей и людей требовалось много и тѣ, кто завѣдывалъ почтовымъ дѣломъ, могли однимъ потворствовать, а другихъ притѣснять. Такъ въ дѣйствительности и было. Въ февралѣ 1804 г. войсковой прокуроръ Тимофеевъ писалъ атаману Бурсаку, что войсковые чиновники злоупотребляли почтовыми лошадьми, разъѣзжая на нихъ часто и безъ нужды, что смотритель почтовыхъ станцій Кравченко посылалъ почтарей для приготовленія сѣна ему лично, что станціи разорены, а лошади захудали и пали. Такъ, на Екатеринодарской почтовой станціи полагалось 25 лошадей, 12 почтарей и 12 повозокъ, а въ дѣйствительности оказалось только 9 лошадей и 7 почтарей, изъ которыхъ двое были больными. На станціяхъ нѣтъ ни конюшенъ для лошадей, ни сараевъ для повозокъ и кормовъ. Въ мартѣ того же года ассесоръ полковникъ Кухаренко сообщилъ атаману Бурсаку, что почтмейстеръ Косовичъ 2-й, завѣдывавшій почтовымъ трактомъ, безъ нужды переводилъ со станціи на станцію казаковъ, содержавшихъ лошадей, ставя ихъ тѣмъ въ невозможность получать корма изъ своихъ куреней, чѣмъ казаковъ разорялъ, а лошадей изнурялъ безкормицей. Косовичъ бралъ взятки съ тѣхъ казаковъ, которые оставались на желательныхъ для нихъ станціяхъ. Злоупотребляли при проѣздахъ и офицеры. Вслѣдствіе этого рапорта ассесора, Коссовичъ 2-й былъ уволенъ отъ должности почтмейстера, а на его мѣсто 30 марта 1804 г. назначенъ есаулъ Кистень.

Такіе факты естественно наводили на мысль о неудовлетворительности постановки почтоваго дѣла. Съ этой точки зрѣнія взглянула на дѣло и войсковая канцелярія. Объясняя плохое состояніе почтовыхъ сообщеній тѣмъ, что для содержанія почты куренные атаманы назначали „самобѣднѣйшихъ казаковъ“, которые почтовою гоньбою въ концѣ концовъ сами разорялись и оставляли безъ пропитанія свои семейства, войсковая канцелярія представила 8 марта 1804 г. войсковому атаману слѣдующія предположенія.

Въ интересахъ радикальнаго измѣненія дѣла слѣдовало совсѣмъ отмѣнить назначеніе для почтовой гоньбы казаковъ взамѣнъ кордонной службы.

Для содержанія же почты учредить почтовые сборы возложивъ ихъ на куренныя общества, „не изъемля старшинъ и служащихъ казаковъ“.

Съ этою цѣлью необходимо обложить каждую штуку рогатаго скота и лошадей 5 копѣйками и овецъ 1 копѣйкой съ головы, а обложеніе безхозяйныхъ казаковъ и казаковъ-промышленниковъ предоставить усмотрѣнію куренныхъ сходовъ.

Въ видахъ равномѣрности обложенія, составить расписаніе почтовыхъ станцій, лошадей, повозокъ и пр. и распредѣлить расходы на нихъ пропорціонально населенію куреней.

Павшихъ лошадей пополнять на счетъ суммъ почтоваго сбора, собираемыхъ по куреннымъ обществами.

Почтарей назначить изъ числа пѣшихъ казаковъ.

Въ архивныхъ документахъ не сохранилось указаній, какъ привились эти порядки и насколько они оказались практичными. Но изъ дѣлъ за послѣдующіе годы видно, что войско сдавало впослѣдствіи съ торговъ перевозы. Такъ, въ 1812 г. казакъ куреня Дядьковскаго Перловичъ взялся содержать переправу черезъ Бугазъ на двухъ байдакахъ, при 15 человѣкахъ служащихъ за 3000 рублей въ годъ.

Въ 1828 г. почтовыя сообщенія были такъ плохи, что во время проѣзда въ Анапу генерала Емануеля не хватило лошадей, и командующій войсками на Кавказской линіи и Черноморіи вынужденъ былъ въ Таманскомъ округѣ часто оставлять свою свиту на станціяхъ въ ожиданіи лошадей. Въ то же время изъ лагеря при Кизилташскомъ лиманѣ атаманъ Безкровный 3 сентября 1828 г. писалъ генералу Емануелю, что, за неимѣніемъ въ Бугазѣ почтовыхъ лодокъ, почтовыя сообщенія съ Анапой и перевозка войскъ производятся на дубахъ и лодкахъ, взятыхъ у частныхъ лицъ; но хозяевамъ давно слѣдовало бы возвратить эти лодки, такъ какъ они лишены возможности ловить рыбу и, слѣдовательно, имѣть заработокъ. Поэтому, чтобы не стѣснять жителей столь тяжелою натуральною повинностью, Безкровный просилъ высшее начальство разрѣшить покупку двухъ или трехъ казенныхъ лодокъ для сообщеній черезъ Бугазъ съ Анапою. Просьба казачьяго атамана была удовлетворена, и въ мартѣ слѣдующаго 1829 г. были куплены на казенный счетъ два дуба—одинъ за 600 рублей и одинъ за 550 рублей. Но предложеніе Безкровнаго о взиманіи сбора съ проѣзжающихъ черезъ Бугазскую переправу было отклонено, такъ какъ это стѣснило бы солдатскихъ женъ, возившихъ продукты черезъ эту переправу въ Анапу, и удорожило бы продукты въ самой Анапѣ.

Казалось бы, что столь простой и дѣйствительный способъ разрѣшенія вопроса о сообщеніяхъ, предложенный казачьимъ атаманомъ, былъ прекраснымъ показателемъ того пути, по которому надлежало слѣдовать въ дѣлѣ улучшенія почтовыхъ сообщеній. Очевидно, что и населеніе, исполнявшее эту повинность натурою, было такъ бѣдно, что не могло съ нею справиться, и порядки отправленія почтовой повинности были крайне неудовлетворительны, если казачье начальство и населеніе, при всемъ своемъ желаніи, не могли, какъ слѣдуетъ, провезти почтовымъ трактомъ самого главнокомандующаго войсками съ его свитой. Но главнокомандующій думалъ по своему. Испытавши неудобства почтовыхъ сообщеній, генералъ Емануель предложилъ генералу Безкровному ни больше ни меньше, какъ построить всюду на большихъ почтовыхъ трактахъ гостиницы и постоялые дворы „въ виду удобствъ“. Въ томъ же 1828 г. были выработаны и изданы правила для постройки посто-

ялыхъ дворовъ, составлены были даже чертежи и планы. Какъ бы въ дополненіе къ этому тогда же было сдѣлано распоряженіе о постановкѣ черезъ каждые 100 сажень деревянныхъ столбиковъ вмѣсто земляныхъ знаковъ по почтовымъ дорогамъ и объ обмѣнѣ потребнаго на этотъ предметъ лѣса у черкесовъ на мѣновыхъ дворахъ.

Такимъ образомъ, въ то время, когда казачье населеніе разорялось и изнывало подъ тяжестью натуральной почтовой повинности, не имѣя возможности дать достаточное количество лошадей и повозокъ для безпрепятственнаго передвиженія по почтовому тракту, высшее начальство, руководившее судьбами всего Кавказскаго края, проектировало устройство на почтовыхъ дорогахъ гостиницъ и постоялыхъ дворовъ „въ виду удобствъ", а войсковые правители дѣятельно заботились о замѣнѣ земляныхъ туръ деревянными столбиками черезъ каждые 100 сажень.

Съ 1830 по 1840 г. пути сообщенія въ Черноморіи находились въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Мостовъ было мало, полотно дороги не приводилось въ удобный для ѣзды видъ. Намѣчались обыкновенно лишь линіи дорогъ—отъ такого-то до такого пункта, а самое устройство сообщеній выполнялось натуральными способами. И полотно дороги, и гати, и спуски, и др. приспособленія приводились въ сносный видъ по приказу, населеніемъ, какъ дорожная повинность, безъ всякаго вознагражденія и за работы, и за матеріалы на сооруженія. Администрація заботилась лишь о внѣшнихъ признакахъ дороги и сообщеній—о верстовыхъ столбахъ или турахъ, о флагахъ для лодокъ при переправахъ и т. п. Всѣ усилія были направлены на то, чтобы обставить получше проѣздъ высшаго начальства. При проѣздахъ главнокомандующаго и генераловъ составлялись спеціальные маршруты, въ которыхъ обозначались направленіе проѣзда, мѣста остановокъ, количество лошадей и подводъ, время передвиженія отъ одного пункта до другого и пр. Сообразно съ этимъ станичными атаманами выставлялись по наряду лошади, проводники, конвой, подводы, отводились дома подъ помѣщеніе проѣзжающихъ и вообще обставлялся извѣстною помпою весь проѣздъ. Въ этомъ и состояли главныя обязанности администраціи и населенія по отправленію почтово-подводной повинности. Дороги были грунтовыми, съ пылью въ сухую погоду и грязью при дождяхъ, и всѣ сооруженія на нихъ состояли изъ гатей, мостовъ, спусковъ и переправъ. Но переписка обо всемъ этомъ велась обширная и мелочная. Слѣдовали циркуляры, предписанія, распоряженія, скакали съ ними нарочные, летюки и пр. Бумага и чернила служили рычагомъ въ почтово-подводной повинности со стороны администраціи, а личный трудъ казаковъ и убогія средства способами осуществленія той же повинности, въ натуральномъ ея видѣ,—со стороны населенія.

Въ такомъ неудовлетворительномъ состояніи находилось дорожное дѣло многіе годы и впослѣдствіи. Оно, такъ сказать, какъ бы застыло на точкѣ замерзанія. Въ архивныхъ документахъ мало

указаній на какія либо измѣненія и улучшенія въ путяхъ сообщенія. Но по обыкновенію много исписано бумаги о дорожныхъ столбикахъ и турахъ. Многимъ изъ мѣстныхъ властей не давали покою эти сооруженія. Въ 1846 г. велась длинная переписка о постановкѣ туровъ или, какъ они назывались почему-то въ бумагахъ, каменныхъ и земляныхъ „пирамидъ“ въ степяхъ для предупрежденія несчастій въ случаѣ мятелей. Въ 1848 г. мѣстныя власти начали, какъ торжественно заявлено объ этомъ въ соотвѣтствующихъ актахъ, ставить по дорогамъ „пирамиды“ изъ земли, за неимѣніемъ камня. Въ 1852 г. продолжали циркулировать еще все тѣ же распоряженія „объ устройствѣ на почтовыхъ дорогахъ земляныхъ пирамидъ“. Въ 1858 г., когда содержаніе почтовыхъ трактовъ велось давно уже на средства казны, екатеринодарская почтовая контора просила наказнаго атамана генерала Филипсона о „постановкѣ деревянныхъ или каменныхъ верстовыхъ столбовъ по почтовому тракту для указанія направленія пути“.

Другою постоянною заботою у мѣстныхъ властей была паромная переправа черезъ Бугазъ для сообщеній между Таманскимъ полуостровомъ и Анапою. По этому предмету также немало было истрачено чернилъ и бумаги на переписку, циркуляры, предписанія, запросы, распоряженія и т. п. Съ 1830 по 1840 г. переправу черезъ Бугазъ на дубахъ или лодкахъ, содержали казаки на войсковой счетъ. Обширная переписка объ этой переправѣ касается главнымъ образомъ хозяйственной стороны дѣла. По мѣрѣ того, какъ заселялось побережье у Анапы и расширялась нужда въ сообщеніяхъ, переправа черезъ Бугазъ становилась крайне необходимой для населенія и войскъ. Перевозились люди, скотъ, строительные матеріалы, продукты и т. п. Но чѣмъ шире шли этимъ путемъ сношенія, тѣмъ возможнѣе были затрудненія и задержки. Возникали жалобы и претензіи. Генералъ Будбергъ, начальникъ Черноморской береговой линіи, послалъ цѣлый рядъ жалобъ на есаула Наливайко, завѣдывавшаго переправой, „за самовольство и неуважительное отношеніе“ къ нему, за что Наливайко и былъ смѣщенъ съ должности. Черкесы, недовольные задержками на переправѣ, просили разрѣшить имъ устройство своей собственной переправы. Администрація однако не дала имъ разрѣшенія на это. Въ это время на переправѣ взималась съ проѣзжающихъ плата, установленная начальникомъ корпуса на Кавказѣ барономъ Розеномъ и поступавшая въ войсковой доходъ.

Другая переправа морскимъ путемъ между Таманью и Керчью также составляла предметъ постоянныхъ заботъ войска и правительства. Съ 1849 г. отъ войска назначено было по 1700 р. въ годъ на содержаніе пароходнаго сообщенія по этой линіи.

Около этого же времени было расширено почтовое дѣло. Оно велось уже на счетъ казны. Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 13 декабря 1850 г., Екатеринодарская почтовая контора была возведена на степень 3 класса, въ станицахъ Уманской, Полтавской и Усть-

Лабинской были открыты почтовыя отдѣленія. Въ 1854 г. приказано было учредить между Новочеркасскомъ и Таманью „ходъ экстра почтъ“ для ускоренія сообщенія какъ по этой линіи, такъ и съ Петербургомъ. Въ 1855 г. учреждено экстренное почтовое сообщеніе между Екатеринодаромъ и Ставрополемъ, съ пріемомъ простой и страховой корреспонденціи. Въ 1856 г. закрыто почтовое сообщеніе между Ростовомъ и Таманью и открыто между Екатеринодаромъ и Ставрополемъ. Въ томъ же году продолжалась еще между разными учрежденіями безконечная переписка о переправѣ между Керчью и Таманью и переведено почтовое учрежденіе изъ Темрюка въ Тамань. Тогда же была установлена негодность тѣхъ войсковыхъ лодокъ и такелажа на нихъ, съ помощью которыхъ производилась переправа черезъ проливъ. Требовалось соорудить новыя лодки и завести исправный такелажъ.

Такимъ образомъ, постепенно разрослись почтовыя сообщенія, охватившія Черноморію по двумъ направленіямъ. Содержаніе почтъ производилось уже на счетъ казны, и казаки немного вздохнули свободнѣе, избавившись отъ тяжелой натуральной повинности. Но пути сообщенія были все тѣ же. Единственными улучшеніями дорожнаго полотна была пресловутая постановка росписанныхъ деревянныхъ столбовъ да устройство „пирамидъ“, но, при этихъ внѣшнихъ аттрибутахъ почтоваго тракта, на немъ по прежнему задерживали движеніе непролазная грязь, топи по балкамъ и плохіе мосты и гати по рѣкамъ. Самое содержаніе почтъ находилась въ рукахъ подрядчиковъ. Таковымъ былъ въ это время знаменитый въ Черноморіи Посполитаки, державшій въ своихъ рукахъ экономическія судьбы всего казачьяго края. Одновременно онъ былъ и содержателемъ почтовыхъ станцій, и арендаторомъ важнѣйшихъ рыболовныхъ угодій въ войскѣ, и откупщикомъ казачьей винной пonoполіи, и владѣльцемъ всевозможныхъ магазиновъ и лавокъ, и денежнымъ крезомъ, и всесильнымъ панскимъ магнатомъ, предъ которымъ преклонялось все и вся. Когда въ 1854 г. назначена была ревизія почтовыхъ станцій, то Посполитаки бозцеремонно остановилъ ее въ самомъ началѣ, не давши отъ себя довѣреннаго, какъ это требовалось по контракту. Потребовались особыя настоянія со стороны г.-м. Кухаренка, чтобы ревизія была продолжена. И всюду ревизія эта обнаружила одно и то же—полнѣйшую неисправность почтовыхъ станцій, содержимыхъ Посполитаки. Въ 1855 г. тотъ же генералъ Кухаренко, исполнявшій обязанности наказнаго атамана, распорядился, на основаніи личнаго знакомства съ содержаніемъ почтоваго тракта, о новой ревизіи почтовыхъ станцій и о покупкѣ недостающихъ экипажей, лошадей и пр. на счетъ почто-содержателя войскового старшины Посполитаки.

Произошло удивительное перемѣщеніе интересовъ. Пока почтовое дѣло лежало на натуральной повинности населенія и пока казачество несло эту общегосударственную повинность на своемъ

многострадальномъ хребтѣ, никому не было дѣла до этой тяготы, а наоборотъ, всѣ и во всѣхъ случаяхъ обрушивались на казака, заставляя его и почтовыя тройки содержать, и подводы выставлять, и гати съ мостами устраивать, и дороги исправлять. Но какъ только содержаніе почтовыхъ станцій поведено было на счетъ государства и запахло казенными деньгами, тѣ же казаки были оттѣснены на задній планъ и доходное дѣло прибралъ къ своимъ рукамъ панъ Посполитаки. И благо еще было бы, если бы этотъ панъ не только деньги наживалъ, но и дороги улучшалъ. Но именно этого и не доставало, и когда нужно было поправить дорогу передъ проѣздомъ какого-либо крупнаго чиновника и архіерея, на сцену снова появлялась натуральная повинность и за Посполитаки „отдувались казаки“.

При крайне неудовлетворительномъ состояніи путей сообщенія, въ свое время самъ собою возникъ вопросъ о водномъ пути. Такимъ путемъ намѣчена была Кубань. Еще въ ноябрѣ 1830 г. генералъ-интендантъ Жуковскій просилъ наказнаго атамана Заводовскаго сообщить ему, есть ли водныя сообщенія по Кубани отъ Екатеринодара до Анапы, и возможно ли здѣсь судоходство. Заводовскій отвѣтилъ, что судоходства по р. Кубани не было и не могло быть, вслѣдствіе частыхъ измѣненій русла, мѣняющейся глубины, быстроты теченія и размывки береговъ. Возможно было только тянуть суда волокомъ. Однако, несмотря на столь рѣшительный отвѣтъ Заводовскаго о непригодности Кубани для судоходства, мысль объ осуществленіи послѣдняго не умерла, а возродилась впослѣдствіи съ новою силою. Войско рѣшило завести собственный пароходъ для сообщеній по Кубани. Въ 1858 г. отпущено было изъ войсковыхъ суммъ 38660 р. сер. на пріобрѣтеніе англійскаго парохода и баржи. Въ Лондонѣ съ компаніей Ревенгель и Салькельдъ былъ заключенъ контрактъ о поставкѣ войску этихъ судовъ. Пароходное сообщеніе по Кубани было осуществлено, но дѣло оказалось столь сложнымъ и не по плечу войсковой администраціи, что избранъ былъ другой путь осуществленія его. Въ 1860 г. рѣшено было отдать предпріятіе въ частныя руки въ лицѣ предпринимателя по устройству почтово-пассажирскаго сообщенія по Кубани отъ Темрюка до ст. Тифлисской Н. А. Новосельскаго, иниціатора по организаціи Русскаго Общества пароходства и торговли. По проекту условій съ Новосельскимъ, предположено было учредить еженедѣльное пароходное сообщеніе по Кубани. Количество судовъ, долженствовавшихъ ходить по Кубани, предоставлено было опредѣлить Новосельскому по личному его усмотрѣнію. Совершавшіе же рейсы по Кубани пароходы и баржи Новосельскій принималъ по дѣйствительной ихъ стоимости. Перевозку почтъ и почтальоновъ Новосельскій обязывался производить безплатно. Устройство пароходнаго сообщенія предполагалось даже вести до Прочноокопа, а почту оттуда сухопутьемъ до Пятигорска. Но въ замѣнъ всего этого Новосельскій потребовалъ передачи ему безплатно въ потомственное владѣніе участка земли у

Темрюка для складовъ и почему-то 1200 дес. пустопорожней земли противъ станицы Тифлисской по дорогѣ въ станицу Тенгинскую. Для какихъ судоходныхъ цѣлей требовалась предпринимателю эта пустопорожняя земля—неизвѣстно, но передать ее Новосельскому оказалось невозможнымъ, такъ какъ тутъ находились не казенныя, а казачьи земли, жалованныя казакамъ по положенію 1845 года, какъ полковыя территоріи.

Заведенное уже по Кубани почтово-пассажирское пароходное сообщеніе затормозилось. Въ 1861 г. генералъ-адъютанту Тотлебену поручено было подробно заняться дѣломъ о пароходствѣ на Кубани. Наказный атаманъ существовавшаго уже въ то время Кубанскаго казачьяго войска г.-м. Ивановъ указалъ на затрудненія по устройству пароходнаго движенія на Кубани, на невозможность выхода въ море черезъ Протоку или Темрюкское гирло и на значительность предстоявшихъ денежныхъ затратъ. Дѣло, однако, не было остановлено. Велись работы по очисткѣ Кубани отъ карчей и улучшенію этого воднаго пути. Но окончательное разрѣшеніе получилъ вопросъ только впослѣдствіи, когда въ 1868 г. предпринимателемъ явилось Русское общество пароходства и торговли въ лицѣ его директора контръ-адмирала Чихачева.

Заботы о пароходствѣ по Кубани были первымъ и послѣднимъ большимъ предпріятіемъ въ дорожномъ дѣлѣ Черноморскаго войска.

Наконецъ, на началахъ натуральнаго отбыванія повинности велось въ Черноморіи и продовольственное дѣло.

Система продовольственнаго дѣла первоначально поставлена была въ Черноморіи на правильныхъ и разумныхъ основаніяхъ. Народное продовольствіе взяло въ свое вѣдѣніе войско, въ лицѣ высшей администраціи и учрежденій. Случилось это естественнымъ образомъ. Когда переселялось и устраивалось войско, все оно въ полномъ составѣ, продовольствовалось на счетъ казны, провіантъ получали и большіе, и малые, и мужчины, и женщины. Осѣвши на мѣстахъ и получивши въ свое распоряженіе соляныя озера, черноморцы сразу же оцѣнили, какой крупный источникъ дохода могла дать имъ соль. Дѣло въ томъ, что сосѣди черноморцевъ—черкесы, не имѣли у себя этого необходимаго для людей и скота продукта и охотно мѣняли на соль свои произведенія и въ томъ числѣ хлѣбъ. Такъ какъ доходъ съ соли сразу же монополизировало войско, какъ войсковую статью, то и мѣна соли на хлѣбъ у черкесовъ производилась войсковыми чиновниками и вымѣненный хлѣбъ поступалъ въ общіе войсковые доходы. Получились, такимъ образомъ, войсковые продовольственные запасы. До полученія соли отъ черкесовъ у войска были уже такіе запасы. Часть провіанта, выданнаго правительствомъ войску по числу его населенія, переселявшагося въ Черноморію, не была потреблена, такъ какъ одни изъ переселенцевъ не пошли вмѣстѣ съ организованными переселенческими партіями, а прибыли позже на Кубань и въ пути, поэтому, не полу-

чили начисленнаго на нихъ провіанта, другіе успѣли умереть по дорогѣ на Кубань, а третьи совсѣмъ не пошли въ Черноморію. Провіантъ, начисленный на всѣхъ этихъ лицъ и полученный войскомъ, и поступилъ въ продовольственный фондъ всего войска. Къ этому фонду прибавленъ былъ впослѣдствіи хлѣбъ, вымѣненный у горцевъ на соль, и у войска образовались такимъ образомъ свои войсковые продовольственные запасы,

Такая система продовольственнаго дѣла была безусловно практичной и вполнѣ соотвѣтствующей казачьимъ порядкамъ и укладу. Войско имѣло продовольственные запасы, а куренныя общества или даже отдѣльные представители ихъ могли брать при нуждѣ ссуды изъ этихъ запасовъ и затѣмъ пополнять ссуды уродившимся или добытымъ другими какими-нибудь способами зерномъ. Къ сожалѣнію, первыя ссуды хлѣбомъ выданы были казачьей старшинѣ и состоятельнымъ казакамъ. Бѣдняки, наиболѣе нуждавшіеся въ ссудахъ, совсѣмъ не получили ихъ. Были даже случаи перепродажи старшинами взятаго въ ссуды войскового хлѣба нуждавшимся казакамъ по повышеннымъ цѣнамъ и съ явными ростовщическими замашками. Въ свое время среди рядового казачества возникло довольно серьезное недовольство этимъ порядкомъ дѣлъ. Однимъ словомъ, войсковое продовольственное дѣло, прекрасно сложившееся, провалили сразу же своекорыстнные люди, стоявшіе у власти. Быть можетъ, по этой причинѣ оно и не привилось впослѣдствіи.

Переходъ отъ войсковой системы продовольствія къ куреннымъ общественнымъ хлѣбозапаснымъ магазинамъ имѣлъ свои хорошія стороны. Продовольственные запасы находились въ самыхъ куреняхъ, были у казаковъ у себя на дому. Это упрощало дѣло и облегчало населеніе при пользованіи продовольственными ссудами, и если бы, на ряду съ куренными хлѣбозапасными магазинами, остались и войсковые продовольственные запасы, то первые были бы прекраснымъ дополненіемъ ко вторымъ. Но съ появленіемъ продовольственныхъ магазиновъ въ куреняхъ, постепенно сокращалось и прекратило свое существованіе войсковое продовольственное дѣло. Съ теченіемъ времени, куренные хлѣбозапасные магазины стали единственными въ войскѣ хранилищами, въ которыхъ находились хлѣбные запасы на случай неурожая и острыхъ продовольственныхъ нуждъ населенія. Удовлетвореніе продовольственныхъ нуждъ было возложены на нуждающихся, а не на все войско. Большое продовольственное дѣло было раздѣлено на части, распредѣлено по мелочамъ и естественно, что оно должно было съузиться, измельчать. Такъ и случилось.

Въ историческихъ документахъ осталось мало слѣдовъ, какъ и гдѣ по куренямъ удовлетворялись продовольственныя нужды населенія. Сухія цифры о томъ, сколько было запасныхъ магазиновъ и сколько числилось въ нихъ хлѣба указываютъ лишь на то, что запасы эти были незначительны и что когда хлѣбные магазины были

пополнены, они все таки не могли дать въ достаточномъ количествѣ хлѣба ни на обсѣмененіе полей, ни тѣмъ болѣе на пищевое довольствіе населенія. Въ августѣ 1822 г. Ермоловъ предложилъ войсковому атаману завести по куренямъ хлѣбозапасные магазины для Черноморіи на случай неурожаевъ и обезпеченія населенія продовольственными средствами. Учрежденія эти давно уже были въ войскѣ и необходимость ихъ Ермоловъ мотивировалъ тѣмъ соображеніемъ, что провіантъ отъ казны получаютъ одни лишь служащіе на кордонной линіи казаки. Остальное населеніе должно заботиться само о себѣ. Въ мартѣ 1823 г. войсковой атаманъ сообщилъ Ермолову, что онъ сдѣлалъ распоряженіе по войску объ устройствѣ хлѣбозапасныхъ магазиновъ въ тѣхъ только куренныхъ селеніяхъ, гдѣ ихъ не было еще, и что жителямъ приказано засыпать въ магазины съ каждой мужской души по получетверику озимаго хлѣба по полугарцу ярового, пока не образуется запаса на каждую душу по двѣ четверти озимаго и по одной четверти ярового хлѣбовъ. Но, какъ свидѣтельствуютъ статистическія данныя, запасы въ магазинахъ никогда не достигали этой нормы. Недостатокъ въ продовольственномъ хлѣбѣ всегда чувствовался въ войскѣ и особенно въ годы неурожаевъ и голодовокъ.

Послѣ голоднаго 1833 г. и неурожая въ 1834 г. нужда въ продовольственныхъ средствахъ была такъ велика, что, при крайне ограниченной помощи изъ запасныхъ магазиновъ, пришлось обратиться къ частной благотворительности за помощью голодающему населенію. Наказный атаманъ разослалъ чиновникамъ и казакамъ приглашеніе жертвовать хлѣбъ, скотъ и деньги въ пользу бѣдныхъ жителей Черноморіи, терпящихъ крайнюю нужду въ продовольствіи. И казаки жертвовали хлѣбъ и скотъ „на пропитаніе“. Пожертвованія шли даже изъ другихъ губерній, и какой-то неизвѣстный жертвователь прислалъ черноморцамъ собранныя имъ суммы изъ г. Тулы. Тогда же у войскового старшины Завгородняго былъ конфискованъ хлѣбъ, который онъ продавалъ по повышеннымъ цѣнамъ, при дешевой закупкѣ. Заводовскій распорядился, чтобы Завгороднему была уплачена стоимость хлѣба по заготовительной цѣнѣ съ 10 копѣйками надбавки на каждую четверть. Нуждавшимся въ продовольствіи офицерамъ былъ выданъ провіантъ.

Такіе годы нужды и лишеній неоднократно повторялось въ Черноморіи. Въ 1850 г. былъ неурожай хлѣба и травъ, и продовольственная коммиссія раздѣлила казачьи станицы на группы по степени нужды въ продовольственныхъ средствахъ, и прикубанскимъ станицамъ—Пашковской, Васюринской, Динской и др., было отказано въ продовольствіи отъ правительства, такъ какъ цѣны на хлѣбъ стояли невысокія и жители этихъ станицахъ могли прокормиться собственными средствами. Въ 1856 г., когда, послѣ предшествующаго года войны съ Турціей и ея союзниками, постигъ край особенно сильный неурожай и населеніе терпѣло очень острую нужду

въ продовольственныхъ средствахъ, Императоръ Александръ II приказалъ немедленно оказать помощь казачьему населенію и, въ случаѣ крайней нужды, раздать провіантъ изъ оставшихся послѣ войны казенныхъ запасовъ. Особенно сильно пострадали въ 1856 и 1857 г.г. жители Тамани, разоренные къ тому же войною 1855 года. Въ 1857 г. было сдѣлано распоряженіе о заготовкѣ хлѣба для населенія Черноморіи въ г. Воронежѣ, вслѣдствіе высокихъ цѣнъ, вздутыхъ откупщикомъ и поставщикомъ хлѣба Посполитаки. Послѣднему поручено было поставить только часть хлѣба.

Вообще десятилѣтіе съ 1851 по 1860 г. было особенно тяжелымъ для населенія Черноморіи по части повторявшихся неурожаевъ. Три года подъ рядъ 1855, 1856 и 1857 были неурожайными, а первый и годомъ войны. За это десятилѣтіе по отчетнымъ вѣдомостямъ произошло даже сокращеніе въ числѣ хлѣбозапасныхъ магазиновъ. Такъ, съ 1851 по 1854 г. въ Черноморіи были 67 магазиновъ, въ 1855 г. ихъ оказалось уже 54, въ 1856 г.—57, въ 1858 г.—55, въ 1859 г.—54, и только въ 1860 г. число магазиновъ сразу выросло до 73. Очевидно, что въ предшествующіе 1860 годы въ нѣкоторыхъ магазинахъ совсѣмъ не было хлѣбныхъ запасовъ или они были такъ ничтожны, что не вошли въ отчетныя вѣдомости. Въ самомъ дѣлѣ, и количество засыпаннаго въ магазины хлѣба въ эти годы постепенно уменьшалось. Въ 1855 г. на одинъ магазинъ приходилось 833 четв. хлѣбнаго запаса, въ 1858 г.—708 четв., а въ 1860 г. только 502 четверти. Населеніе несомнѣнно не оправилось еще отъ неурожаевъ и причиненныхъ ими неблагопріятныхъ измѣненій въ хозяйствѣ.

Такимъ образомъ, продовольственное дѣло въ Черноморіи, начавшись съ войсковыхъ формъ продовольственныхъ запасовъ и помощи, сведено было потомъ на формы мѣстной сельской помощи населенію, въ видѣ общественныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ. Такимъ оно и оставалось все время. Но въ годы неурожаевъ и особенно сильной нужды въ продовольствіи приходило на помощь населенію и войско, давая средства на закупку хлѣба или закупая само хлѣбъ и ссужая имъ потомъ населеніе. Въ особенно трудные годы, какъ это было въ 1856 г., въ продовольственной помощи населенію, кромѣ войска, участвовала и казна, отпуская хлѣбъ изъ казенныхъ провіантскихъ магазиновъ.

Нѣсколько казенныхъ провіантскихъ магазиновъ было въ войскѣ съ первыхъ годовъ существованія его. Къ 1 октября 1826 г. провіантскіе магазины находились въ гор. Екатеринодарѣ, въ Тамани, Темрюкѣ и въ станицѣ Полтавской. Провіантъ для этихъ магазиновъ закупался провіантскими чиновниками на мѣстѣ въ Черноморіи. Въ 1860 г. г.-л. Филипсонъ приказалъ устроить четыре провіантскихъ магазина въ станицахъ Полтавской, Новокорсунской и Старолеушковской и при Великолагерномъ постѣ. Изъ этихъ магазиновъ и снабжались провіантомъ мѣстныя войска. Когда же въ казенныхъ

магазинахъ изсякали хлѣбные запасы и вблизи негдѣ было достать хлѣба для провіантскихъ магазиновъ, тогда обязанности этого рода казна возлагала на войско. Войско давало хлѣбъ казнѣ заимообразно и всегда съ явною неохотою, такъ какъ казна также всегда была самымъ неисправнымъ плательщикомъ. Тянулись годы и даже десятилѣтія, пока войску удавалось получить съ казны затраченныя, по ея распоряженію, средства на продовольствіе, а нѣкоторыя позаимствованія такъ и остались невыплаченными казной, при чемъ причиною тому сама казна считала „давность" ссуды. Въ декабрѣ 1821 г. войсковая канцелярія чуть ли не въ десятый разъ просила графа Ланжерона возвратить войску 21472 рубля за поставленный много лѣтъ тому назадъ двумъ донскимъ полкамъ провіантскій хлѣбъ. Графъ Ланжеронъ съ своей стороны дѣлалъ представленія, куда слѣдуетъ, а тамъ, гдѣ слѣдуетъ, бумаги поступали просто въ запасъ, въ канцелярскіе продовольственные магазины.

Глава XXXII.

МЕДИЦИНА и НАРОДНОЕ ЗДРАВІЕ.

Въ первое время существованія Черноморскаго войска у казаковъ совсѣмъ не было медицины. Казаки или сами себя лѣчили, или же обращались къ знахарямъ и знахаркамъ. Медицинское дѣло стало налаживаться лишь тогда, когда въ войско приглашенъ былъ врачъ. Но и врачи первоначально находились въ условіяхъ, не позволявшихъ имъ прилагать надлежащимъ образомъ свои знанія къ дѣлу. Въ январѣ 1802 г. лѣкарь Кирхнеръ донесъ войсковой канцеляріи, что бывшіе въ его распоряженіи 15 человѣкъ больныхъ „валяются въ маленькихъ хатенкахъ" всѣ вмѣстѣ—и сифилитики, и цынготные, и малярійные. Врачъ просилъ, поэтому, войсковую канцелярію построить больницу и послать для обученія фельдшерскому и аптекарскому дѣлу казачьихъ дѣтей въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ. Канцелярія обѣщала построить больницу, когда будетъ возможность къ тому, а отправленіе дѣтей для обученія предписала куреннымъ управленіямъ произвести по наряду. По вѣдомости того же лѣкаря Кирхнера за 1803 г. значится, что у него на излѣченіи состояло 4 больныхъ отъ ранъ, 8 венерическихъ больныхъ, 12 цынготныхъ, 1 больной ракомъ на губѣ, и 1 „съ смертною раною отъ самоубивства." Больные помѣщались все въ тѣхъ же жалкихъ лачужкахъ „всѣ вмѣстѣ", безъ всякой изоляціи отъ больныхъ заразными болѣзнями.

А между тѣмъ въ казачьемъ населеніи, особенно взросломъ, находилось немало больныхъ заразительными болѣзнями. Въ іюлѣ 1804 г. полковникъ Васюринцевъ донесъ Бурсаку, что у него въ полку оказалось 10 больныхъ французскою болѣзнью, которыхъ онъ и просилъ замѣнить другими здоровыми казаками. Такія же сообщенія о сифилитикахъ неоднократно дѣлались врачамъ полковыми командирами и начальниками другихъ частей. Иногда количество больныхъ сразу сильно повышалось, появлялись повальныя болѣзни, и нужда во врачебной помощи становилась особенно настоятельною. Въ ноябрѣ 1809 г. штабъ-лѣкарь Ольховскій писалъ войсковому атаману Бурсаку, изъ куреня Медвѣдовскаго, что изъ 72 больныхъ къ 15 ноября выздоровѣло 42 и вновь заболѣло 9. И всего печальнѣе, что въ такихъ случаяхъ казачьему населенію неоткуда было получить помощи. Когда въ декабрѣ 1813 г. Бурсакъ просилъ де-Ришелье выслать въ войско врачей, герцогъ отвѣтилъ, что онъ съ удовольствіемъ исполнилъ бы просьбу атамана, да врачей нѣтъ.

Тѣ же врачи, которые попадали въ войско, далеко не оправдывали своего назначенія. Въ іюлѣ 1809 г. войсковой прокуроръ Зотовъ писалъ въ войсковую канцелярію, что, въ виду скораго прибытія значительнаго количества переселенцевъ, навѣрное потребуется усиленная медицинская помощь. Между тѣмъ, во всемъ войскѣ имѣется одинъ только врачъ Витрихъ да и тотъ „обращается, по выраженію прокурора, въ частой напилости и часто содержится для вытрезвленія подъ карауломъ.“ Ожидать помощи переселенцамъ отъ него никакъ нельзя. Въ этихъ видахъ прокуроръ предлагалъ войску пригласить четырехъ врачей—двухъ для постоянныхъ разъѣздовъ и двухъ для пребыванія въ Екатеринодарѣ. Фактически помощь населенію была слаба. Врачи больше разъѣзжали, чѣмъ помогали. Въ лучшихъ случаяхъ врачебная дѣятельность лѣкаря сводилась къ осмотру больныхъ. Въ ноябрѣ 1809 г. штабъ-лѣкарь Ольховскій донесъ Бурсаку, что онъ побывалъ въ 19 селеніяхъ и нашелъ только 60 больныхъ обоего пола—30 больныхъ лихорадкой, 10 малолѣтнихъ поносомъ, 9 душъ ломотою и 11 малолѣтнихъ кашлемъ, и что онъ снабдилъ фельдшеровъ медикаментами и совѣтами относительно пользованія больныхъ. По другимъ указаніямъ, больныхъ въ 19 селеніяхъ было значительно больше и съ болѣе серьезными болѣзнями. Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія врачей часто совершенно расходились съ показаніями мѣстныхъ властей. Въ январѣ 1810 г. смотритель куреня Кисляковскаго Садило донесъ Бурсаку, что въ Кисляковкѣ переселенцы сильно болѣли лихорадкой, горячкою и поносами и что съ 16 декабря по 4 января умерло не менѣе 40 душъ, почему и просилъ прислать лѣкаря. Посланный туда лѣкарь Витрихъ сообщилъ 1 февраля Бурсаку, что онъ былъ въ Кисляковкѣ и, не найдя тамъ опасной болѣзни, а лишь незначительныя—ломоты и поносы, оставилъ для пользованія больныхъ двухъ фельд-

шеровъ. О невѣроятной же смертности и о причинахъ ея врачъ не упомянулъ ни словомъ.

Врачъ являлся вообще чиновникомъ, которому чаще приходилось отписываться, чѣмъ лѣчить, иногда и выполнять порученія чуждыя его спеціальности. Въ ноябрѣ 1810 г. штабъ-лѣкарь Ольховскій писалъ Бурсаку, что хотя онъ, вслѣдствіе распоряженія войсковой канцеляріи, и ѣздилъ въ селенія Минское и Кисляковское на скотскій падежъ, но вынужденъ былъ бросить больныхъ, при которыхъ находился неотлучно 4 мѣсяца. Герцогъ Ришелье послалъ его въ войско для лѣченія людей; бороться же съ падежами скота у него не было ни средствъ, ни возможности. Это было дѣло ветеринара. Во всякомъ случаѣ правильнѣе и практичнѣе было бы поручить ветеринарное дѣло уѣздному врачу Витриху, несшему обязанности по разъѣздамъ, не отрывая его, Ольховскаго, отъ больныхъ.

Повидимому, въ тѣ времена и у населенія, и у врачей были особые взгляды на врачей и на врачебную дѣятельность. Съ одной стороны, имъ дѣлались порученія, не относившіяся къ ихъ спеціальности, а съ другой, ихъ не всегда признавали компетентными при лѣченіи людей. Въ январѣ 1821 г. нѣкто Камянченко писалъ войсковому атаману Матвѣеву, что хотя лѣкарь Ефибовичъ и осматривалъ укушенныхъ бѣшеными собаками больныхъ, но онъ „не опытенъ въ лѣченіи" по этой части. Камянченко просилъ атамана прислать къ нимъ въ Копылъ казака куреня Корсунскаго „хорошо знавшаго отъ бѣшенной собаки." Такимъ образомъ знахари приравнивались къ врачамъ даже въ офиціальныхъ бумагахъ. Нужно ли говорить, какъ относилось къ нимъ темное населеніе? Въ февралѣ 1825 г. главный войсковой штабъ-лѣкарь Рейнталь, сообщая войсковому атаману Матвѣеву о результатахъ извлеченія пуль у раненыхъ казаковъ, просилъ послѣдняго не допускать есаула Рубашевскаго къ операціямъ этого рода, такъ какъ Рубашевскій былъ полковой есаулъ, а не лѣкарь. Но въ мартѣ того же года генералъ-майоръ Власовъ сообщилъ Матвѣеву, что его просилъ уволить отъ должности по болѣзни лѣкарь Бухаревъ и что онъ приказалъ Бухареву сдать всѣ медицинскіе препараты практикующему есаулу Рубашевскому. Кто былъ Рубашевскій, въ чемъ состояла его практика, гдѣ и какъ получилъ онъ медицинскую подготовку, въ дѣлахъ архива не оказалось указаній; но, три мѣсяца спустя, въ іюнѣ генералъ Власовъ назначилъ его „медицинскимъ чиновникомъ" въ случаѣ движенія отряда въ горы для военныхъ дѣйствій и приказалъ войсковому атаману „снабдить Рубашевскаго крѣпкою повозкою съ тремя надежными лошадьми и упряжью." Повидимому Рубашевскій пользовался репутаціей хирурга.

Нуждающихся въ медицинской помощи всегда было много. Болѣло населеніе по куренямъ и хуторамъ, и еще тяжелѣе было въ этомъ отношеніи положеніе казаковъ и солдатъ, служившихъ на постахъ кордонной линіи. Въ августѣ 1825 г. майоръ Вижицкій

донесъ генералу Власову, что на Павловскомъ посту было сплошное заболѣваніе лихорадкою. Вижицкій уже отправилъ въ Екатеринодарскій госпиталь 69 человѣкъ больныхъ и приготовилъ къ отправкѣ еще 92 человѣка. Въ этихъ видахъ Власовъ просилъ Матвѣева командировать на Павловскій постъ штабъ-лѣкаря Рейнталя, а батальонъ солдатъ перевести на квартиры въ курень Пашковскій. Рейнталь осмотрѣлъ больныхъ на Павловскомъ посту и нашелъ, что причинами повышенной заболѣваемости лихорадкой были отсутствіе теплой одежды, непривычка къ климату и къ лагерной жизни въ худыхъ шалашахъ. Явленія обычныя и на многихъ другихъ постахъ.

Нужда въ медицинской помощи съ каждымъ годомъ росла все больше и больше и, какъ это ни странно, но между тѣмъ какъ войсковая администрація заботилась о лучшей постановкѣ медицинскаго дѣла въ войскѣ, высшія военныя власти не шли на помощь казачьему населенію и ограничивались то формальными отписками, то палліативными средствами доморощенной народной медицины. Въ августѣ 1827 г. исполнявшій должность войскового атамана подполковникъ Ляшенко просилъ у начальства разрѣшенія на увеличеніе количества медицинскаго персонала въ Екатеринодарскомъ госпиталѣ и на прибавку двойной порціи медикаментовъ по разсчету на 8000 больныхъ, а также на устройство въ Черноморіи мѣстныхъ лазаретовъ. Но изъ управленія штаба командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи послѣдовалъ рѣшительный отказъ, мотивированный тѣмъ, что, по утвержденному отъ 26 апрѣля 1827 г. штату, показано меньше медицинскаго персонала, чѣмъ сколько требовалось по ходатайству войскового атамана.

Въ то же время свыше шли всякаго рода распоряженія мелочнаго характера и трудно выполнимыя инструкціи подъ громкимъ наименованіемъ „объ устройствѣ и благоустройствѣ войсковыхъ лазаретовъ.“ Изъ докладного регистра за августъ мѣсяцъ 1828 г. видно, что въ этомъ году послѣдовало распоряженіе отъ высшаго начальства объ устройствѣ въ войсковомъ госпиталѣ 20-ти вентиляторовъ. Въ томъ же году ревизіоннымъ докторомъ изданы были „Правила къ отклоненію непомѣрной смертности въ войскѣ Черноморскомъ.“ Въ силу этихъ правилъ, съ весны всѣмъ полкамъ приказано было „варить борщъ или щи съ лукомъ, и почаще съ говядиною,“ прибавляя „къ онымъ нѣкоторое количество часноку“, а вмѣсто воды „пить квасъ съ огородною мятою.“ Вообще же слѣдовало употреблять со щами всевозможныя растенія. На постахъ и въ мѣстахъ стоянки войскъ требовалось построить деревянныя на фундаментѣ казармы съ печами и „въ противоположность онымъ съ каминками, дабы караульные въ ненастное зимнее время могли обогрѣваться и высушивать свою одежду,“ а также устроить бани. Мѣра безусловно прекрасная, но войско съ трудомъ могло строить даже турлучныя зданія на постахъ и кордонахъ за неимѣніемъ

средствъ. Въ заключеніе параграфомъ четвертымъ правилъ строго воспрещалось отправлять больныхъ для лѣченія въ собственные ихъ дома, а параграфомъ пятымъ приказано было „не позволять нижнимъ чинамъ прибѣгать къ пользованію шарлатановъ и неопытныхъ фельдшеровъ.“ Этими пятью параграфами и исчерпывалась вся медицинская мудрость корпуснаго врача „по отклоненію непомѣрной смертности въ войскѣ Черноморскомъ.“ Самъ командующій войсками на Кавказѣ генералъ Еммануель предписывалъ войсковой канцеляріи имѣть при госпиталяхъ служителей „хотя изъ неспособныхъ, но постоянныхъ и въ единообразномъ одѣяніи.“

Какою-то пародіей на серьезныя медицинскія мѣропріятія были эти распоряженія властей. Смертность въ войскѣ была всетаки такъ велика и необходимость въ помощи населенію столь настоятельна, что корпусный командиръ графъ Паскевичъ приказалъ устроить, кромѣ Екатеринодарскаго, еще два лазарета—одинъ въ куренѣ Полтавскомъ на 50 человѣкъ, и одинъ въ мѣстечкѣ Темрюкѣ на 25 человѣкъ чтобы, какъ говорится въ распоряженіи корпуснаго командира, избѣжать перевозки больныхъ въ Екатеринодарскій госпиталь, по пути въ который „больные часто умирали.“ Только по одному этому поводу нужно было устроить два госпиталя, а сколько же ихъ требовалось по другимъ причинамъ во всемъ войскѣ? И на ряду съ столь серьезными мѣрами писались грозные циркуляры по части оздоровленія войсковыхъ обывателей домашними медицинскими средствами. Такъ, 2 апрѣля 1829 года послѣдовалъ по Черноморскому казачьему войску строгій приказъ о заготовленіи при полкахъ, артиллерійской ротѣ и госпиталяхъ „ягоды черемши, полезной при заболѣваніяхъ цынгой.“

Въ томъ же 1829 г. въ Одессѣ была обнаружена чума, надѣлавшая переполоха и въ Черноморскомъ войскѣ. Военнымъ начальствомъ, приказано было принять обычныя противъ этой болѣзни мѣры и въ числѣ ихъ важнѣйшую—„отыскать евреевъ, выѣхавшихъ изъ Одессы“. Въ это время въ войскѣ было уже четыре лазарета—въ Екатеринодарѣ, Темрюкѣ и вь куреняхъ Полтавскомъ и Брюховецкомъ, но во врачебномъ персоналѣ ощущался недостатокъ. Въ 1830 г. при главномъ госпиталѣ въ Екатеринодарѣ было три врача—главный и два помощника, былъ также врачъ при Полтавскомъ лазаретѣ, а при лазаретахъ Темрюкскомъ и Брюховецкомъ ихъ совсѣмъ не было. Затѣмъ на каждыя три селенія полагался одинъ благонадежный фельдшеръ, а на самомъ дѣлѣ они были далеко не вездѣ. Господствующею болѣзнью повсемѣстно была цынга и скорбутъ. Въ Анапѣ свыше 200 человѣкъ „имѣли совершенно черныя отъ колѣнъ ноги, съ окрѣплостью сухихъ жилъ и связокъ, либо съ совершеннымъ сведеніемъ оныхъ“. Второю распространенною болѣзнью была желчная лихорадка „отъ непомѣрныхъ солнечныхъ жаровъ.“

Кромѣ четырехъ отмѣченныхъ выше больницъ, устраивались лазареты въ укрѣпленіяхъ, тамъ, гдѣ было сосредоточено особенно

значительное количество войскъ. Такъ, 14 іюня 1830 г. послѣдовало изъ Ставрополя отъ командующаго войсками генерала Емануеля распоряженіе объ устройствѣ лазарета въ Шебскомъ укрѣпленіи, чтобы возить больныхъ въ Екатеринодаръ при постройкѣ этого укрѣпленія. Больныхъ въ томъ отрядѣ было такъ много, что кромѣ мѣстнаго лазарета, графъ Паскевичъ предписалъ устроить въ Екатеринодарѣ временный госпиталъ на 400 больныхъ и нанять для того частные дома. Причинами усиленнаго заболѣванія войскъ въ Шебскомъ отрядѣ генерала Безкровнаго лѣкарь Введенскій считалъ плохую воду, рѣзкіе переходы температуры отъ сильнаго дневного жара къ холоднымъ сырымъ ночамъ, дождь, вѣтры и прѣсную пищу, а какъ предупредительныя мѣры онъ рекомендовалъ устройство хорошихъ балагановъ съ нарами и канавками вокругъ помѣщенія, а также постройку особыхъ лазаретныхъ балагановъ для изоляціи больныхъ отъ здоровыхъ.

Слѣдующій 1831 г. былъ годомъ бѣдствій для населенія. Появилась холера. Началась она въ Россіи, а оттуда перебралась и въ Черноморію. Въ это время наказнымъ атаманомъ былъ генералъ Заводовскій, нелюбившій неисправности передъ высшимъ начальствомъ. Два раза—5 февраля и 11 апрѣля, доносилъ онъ графу Паскевичу о прекращеніи холеры, благодаря отличной распорядительности подчиненныхъ ему чиновниковъ. Съ холерою боролись циркулярами, приказами и наставленіями. Народныя массы всюду волновались и всюду по церквямъ читалось увѣщаніе архіепископа Петербургскаго и Новгородскаго Серафима о послушаніи при холерѣ властямъ и о воздержаніи отъ возмущеній противъ врачей, жертвовавшихъ жизнью въ борьбѣ съ эпидеміями. Казачье населеніе было послушно, но холера не хотѣла знать, ни увѣщаній, ни канцелярскихъ распоряженій. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, послѣ прекращенія холеры чиновниками генерала Заводовскаго, лѣкарь Шпрингеръ доносилъ послѣднему, что заболѣванія холерою шли непрерывно съ весны и нѣсколько уменьшились лишь въ іюлѣ. Все время многіе жители скрывали холерныхъ больныхъ изъ боязни карантиннаго оцѣпленія и разныхъ чиновничьихъ мѣропріятій.

Въ концѣ концовъ самому Заводовскому пришлось считаться съ этимъ фактомъ мнимаго прекращенія холеры. Въ своемъ донесеніи начальству отъ 24 декабря 1831 г., наказный атаманъ установилъ тотъ путь, которымъ шла и распространялась въ Черноморіи холера: 27 мая она появилась на сѣверѣ ея въ куренѣ Калниболотскомъ, 4 іюня она шагнула далѣе на югъ и избрала своимъ центромъ курень Платнировскій, а 5 іюня была уже въ Екатеринодарѣ. Въ теченіе этого мѣсяца она была обнаружена еще въ 9-ти куреняхъ, въ іюлѣ, вопреки сообщенію врача Шпрингера, она охватила 26 новыхъ куреней и въ августѣ появилась вновь только въ 4 куреняхъ, послѣ чего начала ослабѣвать. Изъ историческихъ документовъ видно, что самые отвѣтственные чиновники генерала

Заводовскаго—врачи не только сообщали неправильныя свѣдѣнія атаману о ходѣ холеры, но нерѣдко оказывались непригодными для борьбы съ нею. Въ декабрѣ 1831 г. приказано было перевести больныхъ солдатъ изъ Полтавскаго лазарета въ Екатеринодарскій, вслѣдствіе пьянства лѣкаря въ первомъ изъ нихъ.

Въ 1832 г. произошли существенныя измѣненія въ организаціи медицинскаго персонала въ войскѣ. До этого года врачи не имѣли своего мѣстнаго медицинскаго управленія. Высочайшимъ указомъ 16 ноября 1832 года, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, въ Черноморіи была учреждена врачебная управа съ ветеринаромъ при ней. Въ то же время начались объѣзды больницъ, открытыхъ въ Черноморіи, и составленіе инспекторскихъ журналовъ, представлявшихъ собою общій обзоръ медицинскаго дѣла въ Черноморіи. Судя по этимъ и нѣкоторымъ другимъ матеріаламъ, медицинское дѣло въ Черноморскомъ войскѣ заставляло желать многаго. Такъ, по сообщенію за 1833 г., полтавскій лазаретъ былъ очень ветхимъ, но содержался хорошо, въ порядкѣ. Лазаретъ въ Темрюкѣ былъ малъ и плохо содержался, почему въ этотъ лазаретъ спеціально командированъ былъ врачъ, обязанный посѣщать и лазаретъ полтавскій. Слѣдовательно, на два лазарета, отстоявшіе одинъ отъ другого ва разстояніи сотни верстъ, былъ одинъ только врачъ. Изъ инспекторскаго журнала за 1834 г. видно, что собственно въ Екатеринодарѣ не было больницы, а войсковой госпиталь на 150 больныхъ находился въ Екатеринодарской крѣпости въ пяти каменныхъ флигеляхъ и состоялъ изъ десяти палатъ. Госпиталь содержался въ порядкѣ, чистотѣ и опрятности. Въ куреняхъ Екатеринодарскаго округа не было ни одной больницы. Не было ихъ также въ Ейскомъ и Бейсугскомъ округахъ. Но въ каждомъ округѣ былъ свой окружный врачъ. Полтавская больница на 50 больныхъ находилась въ ветхомъ и тѣсномъ турлучномъ зданіи, имѣла врача и инспекція нашла въ ней 7 больныхъ. Темрюкская больница на 25 больныхъ помѣщалась также въ турлучномъ зданіи и имѣла врача. Въ Тамани больницы не было, а больные арестанты помѣщались при Фанагорійской гауптвахтѣ, окружные врачи вообще содержались главнымъ образомъ для больныхъ арестантовъ.

Съ весны—въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ, въ Черноморіи свирѣпствовали воспалительныя заболѣванія и цынга. Послѣдняя была результатомъ неурожая въ предшествующій голодный 1833 г., когда у населенія не было ни хлѣба, ни овощей. Лѣтомъ, по свидѣтельству инспекторскаго журнала, замѣчались желчныя горячки, перемежающаяся лихорадка, воспаленія брюшины, поносъ и водянка. Особенно же сильно свирѣпствовала, цынга, носившая повальный характеръ. Два раза въ теченіе года она охватывала всю Черноморію. Въ началѣ года она свирѣпствовала въ куреняхъ Платнировскомъ, Сергѣевскомъ, Медвѣдовскомъ, Брюховецкомъ, Переяславскомъ, Батуринскомъ, Новокорсунскомъ, Тимошевскомъ, Шку-

ринскомъ, Староминскомъ, Уманскомъ, Калниболотскомъ и вообще по всей остальной Черноморіи. Въ Бейсугскомъ и Ейскомъ округахъ были отведены особые дома для цынготныхъ больныхъ. Въ апрѣлѣ того же 1834 г. цынга вторично появилась въ четырехъ куреняхъ Ейскаго и Бейсугскаго округовъ, а затѣмъ повторилась и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Причина столь жестокой заболѣваемости цынгой крылась въ истощеніи организмовъ. Не было ни овощей, ни здоровой питательной пищи. Голодный годъ, причинившій массу страданій населенію, передалъ слѣдующему за нимъ году въ наслѣдство цынгу и многія другія болѣзни.

Въ 1835 г. войсковая врачебная управа назначила по округамъ повивальныхъ бабокъ. Три бабки приведены были къ присягѣ, какъ служащій войску персоналъ. Въ томъ же году открыты были оспопрививательные комитеты, состоявшіе изъ засѣдателя, священника и окружнаго врача. Но когда одинъ изъ врачей обратился во врачебную управу съ просьбою снабдить его шкафомъ для медицинскихъ инструментовъ, то управа отказала ему въ этомъ, ссылаясь на то, что во врачебномъ уставѣ не было никакихъ указаній на этотъ счетъ. Канцелярская медицина плохо мирилась съ живою медицинскою практикою.

Между тѣмъ, разъ открытые въ войскѣ госпиталя продолжали оставаться въ томъ же неудовлетворительномъ состояніи, въ какомъ были и въ первые годы своего существованія. При ревизіи Полтавскаго и Темрюкскаго лазаретовъ въ 1839 г., не только оказались плохими зданія, въ которыхъ помѣщались лазареты, но и обнаружены были безпорядки въ веденіи больничнаго дѣла: пища была плоха, хлѣбъ сырой и кислый, супъ съ тухлымъ мясомъ, квасъ подавался въ донельзя грязныхъ кружкахъ и т. п. Въ больницахъ находились неизлѣчимые больные—3 муж. и 4 жен. пола умалишенныхъ, 3 муж. и 5 жен. пола малоумныхъ отъ рожденія и 1 муж. и 3 жен. пола съ падучей болѣзней. Ревизія старшимъ войсковымъ докторомъ того же Полтавскаго лазарета въ 1840 г. дала еще болѣе неудовлетворительные результаты. Госпиталь помѣщался въ низкихъ и гнилыхъ турлучныхъ зданіяхъ, не было порядка и опрятности въ содержаніи госпиталя; кровати, столики, суконныя вещи и часть бѣлья были совсѣмъ негодны къ употребленію: постная пища требовала улучшеній, хлѣбъ оказался никуда негоднымъ, а квасъ плохимъ, жидкимъ.

Въ то же время и общія санитарныя условія въ населенныхъ мѣстахъ способствовали развитію заболѣваній населенія. Въ инспекторскомъ журналѣ за 1839 г. говорится, что отъ безпрерывныхъ семимѣсячныхъ дождей грязь въ Черноморіи, особенно въ Екатеринодарѣ, „достигла высочайшей неудобоизъяснимой степени, невидимой со дня заселенія края“. Благодаря этой грязи, невозможны были повседневныя сношенія людей, живущихъ смежно. „Въ семъ отношеніи Екатеринодаръ, говорится въ журналѣ, представлялъ какъ

бы видъ Венеціи, но Венеціи грязной, не морскими каналами раздѣляемой, а улицами наполненными лужами и необъятною грязью“. Тщетно жители пытались устроить изъ навоза плотины, новые дожди превращали ихъ въ грязную трясину. Благодаря такимъ условіямъ, населеніе заболѣвало повально каттаромъ, воспаленіемъ, нервными и гнилыми горячками съ сыпью, рожами, ломотами, лихорадками и цынгой. Натуральная оспа была на дѣтяхъ и взрослыхъ. Сильно была распространена и корь.

Само собою понятно, что, при такомъ порядкѣ дѣлъ, ни врачи, ни врачебная медицина не могли пользоваться довѣріемъ населенія. Темная, невѣжественная масса продолжала больше довѣрять своимъ знахарямъ, чѣмъ врачамъ. За массой слѣдовало господствующее сословіе—офицеры и чиновники. Въ 1842 г. Ейское земское сыскное начальство выдало свидѣтельство на право лѣченія людей и животныхъ нашептываніями отъ бѣшенства казаку-малолѣтку куреня Кисляковскаго Максиму Фоменко. Врачъ, слѣдившій за практикою этого доморощеннаго знахаря, далъ подробное описаніе практикуемыхъ имъ пріемовъ. Если въ гуртѣ скота оказывалось животное, зараженное водобоязнью, то Фоменко заранѣе обрекалъ его на смерть, приказывая держать его на привязи и не трогать: парализованное животное черезъ нѣкоторое время издыхало. Стадо, освобожденное отъ такихъ неизлѣчимыхъ особей, знахарь врачевалъ нашептываніемъ, проходя гуртъ крестообразно и что-то бормоча себѣ подъ носъ. Наблюдая за знахаремъ, врачъ замѣтилъ, что для лѣченія ранъ у животныхъ Фоменко употреблялъ синій камень въ видѣ присыпки, а истолченную сырую луковицу чеснока въ видѣ пластыря. Людямъ шептаніе Фоменко производилъ такъ: клалъ лѣвую руку подъ правое плечо больного, а правую на голову и началъ говорить про себя какія-то невнятныя слова, съ троекратною остановкою, и три раза при этомъ Фоменко дулъ въ разинутый больнымъ ротъ. По объясненію Фоменка, лѣвою рукою онъ извлекалъ изъ сердца, которое, по его объясненію, было подъ правымъ плечемъ, гнѣздившееся въ сердцѣ болѣзненное начало. То же значеніе имѣло и возложеніе правой руки на голову больного. А дуновеніемъ въ ротъ онъ поселялъ въ больномъ чистаго духа, имѣвшаго цѣлительную силу. Изъ какой-то травы, которую Фоменко тщательно скрывалъ отъ доктора, онъ приготовлялъ микстуру, подсыпая къ ней небольшое количество сѣры. Отъ частаго взбалтыванія микстура бродила и издавала несносный гнилостный запахъ, но это знахарь и считалъ особенно цѣлительнымъ. Пузырьки подъ языкомъ Фоменко прокалывалъ иголкою, увѣряя, что въ нихъ находились зародыши „щенковъ бѣшенства“. Пользуясь довѣріемъ Ейскаго земскаго начальства, Фоменко разъѣзжалъ на обывательскихъ лошадяхъ, пьянствовалъ, бражничалъ и даже отмѣнялъ употребленіе медицинскихъ средствъ, назначенныхъ врачемъ. Несомнѣнно, что Фоменко, по мнѣнію врача, сознательно шарлатанилъ, производя лѣченіе только

нетронутыхъ бѣшеными животными людей, такихъ, въ кровь которыхъ не попадалъ ядъ, т. е. тѣхъ, кто проходилъ мимо бѣшенныхъ животныхъ, или кто убилъ такое животное, или у кого животное коснулось только одежды, безъ пораненія, и пр. Врачъ просилъ врачебную управу вызвать Фоменко, выяснить его секреты и лишить его права лѣченія, предоставленнаго ему сыскнымъ начальствомъ.

Не одно ейское сыскное земское начальство было заражено вѣрою въ цѣлительную силу нашептыванья и знахарства. Тѣмъ же грѣхомъ легковѣрія страдало и высшее во войскѣ учрежденіе— войсковое правленіе. Въ ноябрѣ 1843 г. оно сообщило въ подлежащія учрежденія напечатанное въ № 12 „Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ средство излѣченія бѣшенства чеснокомъ, чѣмъ будто бы два раза излѣчены были больные—одинъ разъ въ Мадридѣ и другой разъ въ Аликантѣ. Войсковое правленіе было настолько убѣждено въ цѣлительныхъ свойствахъ чеснока, что приказало отпечатать съ точностью замѣтку „Симбирскихъ Вѣдомостей“, разослать ее сыскнымъ начальствамъ, полиціи, станичнымъ правленіямъ, смотрителямъ приморскихъ косъ, командирамъ конныхъ полковъ, пѣшихъ батальоновъ, артиллерійской бригадѣ и „сообщить во врачебную управу для надлежащаго въ потребномъ случаѣ исполненія“. Послѣднее распоряженіе было шедевромъ канцелярской мудрости и самомнѣнія.

И между тѣмъ, какъ такимъ невѣжествомъ и легковѣріемъ проникнуты были какъ низшіе, такъ и высшіе слои казачьяго населенія, въ краѣ гнѣздились самыя ужасныя болѣзни. Штабъ-офицеръ Таманскаго округа 21 іюля 1844 г. донесъ войсковой врачебной управѣ, что въ станицѣ Новонижестебліевской заражено 11 душъ болѣзнью, извѣстной подъ именемъ „крымской проказы“. Наказный атаманъ Рашпиль приказалъ врачебной управѣ немедленно изслѣдовать эту болѣзнь. Тотъ же штабъ-офицеръ Табанецъ, подъ секретомъ, сообщилъ атаману, что онъ былъ въ станицѣ Новонижестебліевской вмѣстѣ съ окружнымъ врачемъ Кошкадамовымъ и узналъ, что болѣзнь существуетъ въ станицѣ болѣе 30 лѣтъ. Еще въ 1810 г. изъ Крыма переселилась въ станицу родная бабка казаковъ Алексѣя и Николая Калиниченко, которая была больна „крымкою“, Отъ бабки Калиниченко заразились еще 11 душъ. Больной „крымкою“ есаулъ Ткаченко пользовался, съ разрѣшенія начальства, минеральными водами въ Пятигорскомъ военномъ госпиталѣ, но облегченія не получилъ. Для пользованія этого рода больныхъ, по мнѣнію Табанца, требовалась особая больница, въ которой можно было бы совершенно изолировать больныхъ отъ остального населенія. Эта мысль о лепрозоріи для прокаженныхъ была осуществлена войскомъ уже въ послѣднее время. Посланный въ Новонижестебліевку старшій врачъ Сварикъ-Сварицкій такъ описываетъ больныхъ проказой: у всѣхъ красноватая мѣднаго цвѣта сыпь, съ буграми на лицѣ, рукахъ и ногахъ и съ лоснящеюся, натянутою кожею; у нѣкоторыхъ бугры переходетъ въ язвы; у нѣкоторыхъ язвы во рту и въ носу, хриплый

голосъ, носовой выговоръ и язвы, разъѣдающія носовой хрящъ, отчего носъ сплющивается и загибается. Кости не страдаютъ ни у кого, но у одного слѣзаютъ ногти. Это—крымская, видоизмѣненная и ослабѣвшая западная проказа, опредѣлилъ болѣзнь врачъ Сварикъ-Сварицкій. Врачъ видѣлъ больныхъ этою болѣзнью въ Екатеринодарѣ и въ станицѣ Медвѣдовской. Насколько болѣзнь была заразительна, трудно сказать. Въ семьяхъ были заражены только нѣкоторыя лица, повидимому предрасположенныя къ тому. Но болѣзнь эта безусловно неизлѣчима. Врачебная управа съ своей стороны нашла проказу незаразительною и ненаслѣдственною. Причинами болѣзни, по ея мнѣнію, служили неопрятность, плохая пища, преимущественно соленая и будто бы даже климатъ Черноморіи. Послѣдній выводъ несомнѣнно ошибоченъ. Врачебная управа предложила устроить отдѣленіе для прокаженныхъ при городской богадѣльнѣ, безъ обязательнаго, однако, помѣщенія въ него больныхъ „крымкою".

Впослѣдствіи, при болѣе тщательномъ наблюденіи за больными проказою, было установлено, что съ января 1841 г. по январь 1860 г. въ отдѣленіе для прокаженныхъ было принято 6 больныхъ, изъ которыхъ выздоровѣло 3, умерло 2 и одинъ остался неизлѣчившимся.

Въ 1846 г. врачебная управа донесла войсковому дежурству о неуспѣшности оспопрививательнаго дѣла. Существовавшіе до этого оспенные комитеты она предложила упразднить, какъ учрежденія бездѣятельныя, а въ замѣнъ ихъ увеличить число учениковъ по оспопрививанію отъ 8 до 21, съ назначеніемъ имъ жалованья по 12 р. 50 коп., привлекая, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ дѣлу священниковъ и другихъ полезныхъ для дѣла лицъ. Въ 1847 г. въ войсковомъ правленіи возникла мысль о приготовленіи фельдшеровъ изъ дѣтей казачьяго званія, которыя обучались бы наукамъ при войсковомъ училищѣ, а спеціальныя знанія получали бы практически, работая съ ординаторами при госпиталяхъ. Генералъ Рашпиль предложилъ врачебной управѣ составить по этому предмету штаты или смѣту на содержаніе фельдшерскихъ учениковъ при госпиталяхъ. Въ связи съ этимъ, Рашпиль запросилъ также управу, не найдетъ ли она возможнымъ подготовлять и коноваловъ тѣмъ же путемъ, какъ фельдшеровъ. Управа съ своей стороны предложила открыть ветеринарную школу, поручивши преподаваніе въ ней одному изъ ветеринарныхъ врачей. Всѣ эти предположенія генералъ Рашпиль призналъ основательными и подлежавшими осуществленію. По вопросу о фельдшерскихъ ветеринарныхъ ученикахъ были составлены два проекта—одинъ о фельдшерской школѣ и другой о фельдшероветеринарной, и представлены на утвержденіе высшему медицинскому начальству. Но медицинскій совѣтъ нашелъ ихъ неудовлетворительными, приказалъ переработать и прислать новые проекты.

Въ числѣ патентованныхъ мѣръ по народному здравію войсковое начальство считало пользованіе пьявками. Въ прежнее время

пьявки считались универсальнымъ средствомъ отъ многихъ болѣзней, какъ кровопускальное средство, удалявшее излишнюю или худую кровь. Пьявками пользовались врачи, фельдшера, цирульники и вообще населеніе. Широкій спросъ на нихъ увеличивалъ, поэтому, ихъ цѣнность, и если войсковая администрація хлопотала, съ одной стороны, о приготовленіи фельдшеровъ въ интересахъ народнаго здравія и ветеринарныхъ фельдшеровъ для развитія коневодства, то, съ другой, она заботилась также объ охранѣ пьявокъ для лѣчебныхъ цѣлей. Пьявки считались войсковою собственностью. Каждый, конечно, могъ свободно ловить ихъ въ степныхъ рѣчкахъ Черноморіи и пользоваться ими съ врачебными цѣлями. Но вывозъ пьявокъ за предѣлы войска былъ запрещенъ и обложенъ пошлиною. Еще въ 1834 г. войсковое начальство установило эту пошлину въ видѣ десятой пьявки въ пользу войска, при вывозѣ пьявокъ „заграницу", за предѣлы Черноморіи, и такимъ образомъ взимало доходъ натурою въ пользу госпиталей. Такъ потомъ изъ года въ годъ и практиковался этотъ натуральный сборъ пьявками при вывозѣ ихъ изъ войска. Въ видахъ лучшаго контроля за сборомъ десятой доли пьявокъ, въ 1840 г. войсковое начальство воспретило вывозъ пьявокъ черезъ пограничные курени Екатериновскій, Незамаевскій и Калниболотскій, и оставило единственный пунктъ вывоза—курень Кущевскій. Мѣра эта осталась господствующею и на многіе послѣдующіе годы.

Въ 1847 г. на Черноморію вновь нагрянула холера. По распоряженію генерала Рашпиля, немедленно были открыты въ войскѣ комитеты для борьбы съ холерою. Но на этотъ разъ непрошенная гостья нѣсколько запоздала. Только 16 августа Рашпиль донесъ Государю о появленіи холеры въ Черноморскомъ войскѣ, какъ о безспорно установленномъ фактѣ. Мѣсяцемъ позже, 9 сентября, войсковое начальство сообщило медицинскому департаменту, что холера усиливалась и свирѣпствовала въ г. Екатеринодарѣ и 11 станицахъ. Особенно сильной она оказалась въ станицѣ Новоджереліевской. Наученные раньше горькимъ опытомъ жители и ихъ лучшіе представители повели болѣе дѣятельную борьбу съ холерою, принимая разныя предохранительныя мѣры, и атаманъ Рашпиль ходатайствовалъ передъ преосвященнымъ о награжденіи священниковъ Бардадымова и Ильинскаго за полезную ихъ дѣятельность во время холеры.

Въ 1848 г. холера возобновилась. Какъ и въ предшествующіе годы, она появилась вначалѣ на сѣверной границѣ Черноморіи—въ станицѣ Екатериновской, Ейскаго округа, почти одновременно была обнаружена еще въ четырехъ станицахъ и скоро охватила районъ въ 10 станицъ, Ейскаго округа. Затѣмъ она постепенно перешла въ другіе округа—въ Екатеринодарскій и въ самый отдаленный въ Таманскій округъ, охвативши 30 станицъ. До 15 іюля холера проявлялась въ относительно слабыхъ формахъ и до этого числа забо-

лѣло 219 чел., умерли 21 чел. и выздоровѣли 54 чел. Но съ 15 по 24 іюля заболѣло уже 1207 человѣкъ, изъ которыхъ умерло 709 и выздоровѣло только 277. За все же время въ войскѣ заболѣло холерой 2780 чел., умерло 1311 чел. и выздоровѣло 755 чел. Остальные 720 больныхъ оставались еще подъ сомнѣніемъ.

Въ 1849 г. Высочайше приказано было раздѣлить всю Черноморскую линію въ медицинскомъ отношеніи на 4 части. Въ этомъ году свирѣпствовала цынга. Особенно сильна она была на кирпичномъ заводѣ, гдѣ казакамъ, приготовлявшимъ и возившимъ кирпичъ, при изнурительной работѣ нечѣмъ было сносно питаться. Имѣло ли какія-либо основанія и практическое значеніе раздѣленіе кордонной линіи въ медицинскомъ отношеніи—указаній въ архивѣ не осталось. Но отдѣльныя учрежденія по медицинѣ вѣдались, переводились и приспособлялись независимо отъ отмѣченнаго выше дѣленія. Такъ, въ 1854 г. Абинскій полугоспиталь былъ переведенъ въ станицу Ивановскую, какъ ближайшую къ нему. Но за недостаткомъ медицинскаго персонала въ Черноморскомъ войскѣ, генералъ Кухаренко, исполнявшій обязанности наказнаго атамана, просилъ прикомандировать военныхъ фельдшеровъ Абинскаго полугоспиталя къ войсковымъ врачебнымъ заведеніямъ въ Екатеринодарѣ. Медицинскимъ же персоналомъ, находившимся въ непосредственномъ вѣдѣніи войсковой администраціи, послѣдняя свободно распоряжалась независимо отъ дѣленія Черноморской кордонной линіи на четыре медицинскихъ района. Казачьи власти не касались лишь медицинскаго персонала регулярныхъ войскъ, несшихъ службу въ предѣлахъ Черноморіи и по ея границамъ.

Въ началѣ іюня 1855 г. появилась холера въ станицѣ Ивановской. Занесли ее сюда два иногороднихъ семейства, бѣжавшія изъ Керчи, послѣ того какъ она занята была непріятельскими французскими и англійскими войсками. Одновременно холера обнаружилась и въ закубанскомъ отрядѣ. По примѣру прежнихъ холерныхъ годовъ, дли борьбы съ эпидеміей были учреждены войсковой и окружные комитеты. Скоро, въ половинѣ іюня, появилась холера въ станицѣ Полтавской, ближайшей къ Ивановской. Здѣсь были госпиталь и свой окружный врачъ, но окружное начальство просило атамана прислать въ станицу Полтавскую другого врача, такъ какъ мѣстный окружный врачъ, вслѣдствіе безпросыпнаго пьянства, не въ состояніи былъ оказывать помощь больнымъ. Въ іюлѣ холера усилилась въ Черноморіи. Въ помощь мѣстному медицинскому персоналу. въ половинѣ этого мѣсяца, былъ командированъ изъ Анапскаго госпиталя врачъ съ фельдшеромъ для борьбы съ холерой, появившейся сразу въ шести станицахъ. Тогда же, по распоряженію наказнаго атамана Черноморскаго войска генерала Филипсона, былъ переведенъ Новороссійскій госпиталь въ городъ Екатеринодаръ. Медицинскому персоналу строго было предписано немедленно явиться въ этотъ послѣдній, такъ какъ городъ былъ переполненъ холерными больными

и больными перемежающейся лихорадкой. Нужна была быстрая и широкая медицинская помощь населенію и служилымъ казакамъ.

Такъ слагалось медицинское дѣло въ Черноморіи. Развивались собственно однѣ медицинскія учрежденія количественно и въ извѣстной мѣрѣ качественно. Но дѣйствительная помощь населенію не выходила изъ рамокъ чрезвычайныхъ мѣропріятій. Только холера, цынга и другія повальныя болѣзни вызывали къ дѣятельности и повышали ее со стороны какъ администраціи края, такъ и медицинскаго персонала. Въ обычное время канцелярскій формализмъ предпочитался живому дѣлу, а кругомъ, во всѣхъ слояхъ населенія, царило безпросвѣтное невѣжество по вопросамъ медицины и народнаго здравія. Такое было тогда время и такъ, если не хуже, было во всей России.

Глава XXXIII.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Черноморцы, занимая край, знали уже цѣну школѣ и грамотѣ, какъ наслѣдники Запорожья. Въ Запорожской Сичи была своя школа, такое же по устройству учрежденіе, какъ и сама Сичь. Учились въ школѣ всѣ, кто хотѣлъ и о комъ заботились старшіе, но организація сичевой школы была чисто казачьей. Учащіеся имѣли своего выборнаго атамана и кухаря, жили и кормились артелью, были равноправными товарищами и составляли свою маленькую общину въ большой общинѣ—въ Запорожской Сичи. Кромѣ того, въ Запорожье, а впослѣдствіи и въ Черноморію, шла въ казаки молодежь изъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній того времени—изъ Кіевской духовной академіи, изъ духовныхъ семинарій, позже изъ Харьковскаго университета и пр. По преданію, войсковой судья Антонъ Головатый учился въ Кіевской духовной академіи, а войсковой атаманъ Бурсакъ—въ семинаріи.

Такимъ образомъ, черноморцы, занимая край, несли съ собою уже зачатки просвѣщенія. Грамотные люди цѣнились и обученіе грамотѣ было обычнымъ. До чего черноморцы цѣнили обученіе дѣтей, видно изъ того, что, вмѣстѣ съ устройствомъ селеній и постройкою себѣ жилищъ, они обзаводились и школой. Въ описи квартиръ, составленной поручикомъ Жеребцовымъ, значится, что въ январѣ 1794 г. въ куренѣ Пластуновскомъ была уже хата и „тутъ же школа“ у церковныхъ причетниковъ. Разумѣется, пластуновская школа была примитивной, доморощенной, но потому именно и дорогою для народа. Изъ за такихъ школъ, какъ увидимъ въ

своемъ мѣстѣ, у населенія былъ цѣлый рядъ недоразумѣній съ учебною администраціею, но черноморцамъ всего удобнѣе было учить дѣтей въ собственномъ селеніи.

Въ то время обученіе грамотѣ передавалось преемственно отъ однихъ лицъ къ другимъ и посредниками этой преемственности были лица духовнаго сословія, мѣстные грамотѣи и писаря. Были собственно два вида школы или, точнѣе, школьнаго обученія—чтенію дѣти обучались на мѣстѣ въ куренѣ, а письму въ канцеляріяхъ. Казачьи канцеляріи, особенно войсковая, долго играли роль учебныхъ заведеній въ Черноморскомъ войскѣ. Много потрудившійся по распространенію просвѣщенія въ войскѣ протоіерей Россинскій объяснялъ нежеланіе казаковъ отдавать дѣтей въ офиціальныя школы тѣмъ, что, по мнѣнію черноморцевъ, „не всѣ ученые ѣдятъ хлѣбъ и въ канцеляріи скорѣе научишься письму и будешь въ должности хоть на шестой годъ и скорѣе получишь чинопроизводство“. Россинскій былъ представитель офиціальной школы и фанатикъ просвѣщенія, но и его отзывъ звучитъ укоромъ не тому, что черноморцы не хотѣли учить дѣтей, а тому, что они предпочитали учебѣ „ученой“, въ офиціальной школѣ, учебу писарскую, въ канцеляріи.

Первая офиціальная школа возникла въ Екатеринодарѣ въ 1803 г. и основаніе ея приписываютъ Бурсаку, но годъ спустя, въ октябрѣ 1804 г., эта школа обращена была въ войсковое училище, т. е. появилась первая правительственная офиціальная школа, такъ какъ школа Бурсака была казачьей. Вотъ какимъ образомъ это произошло.

Весною 1804 г. посѣтилъ Черноморію Херсонскій военный губернаторъ генералъ Розенбергъ. Не найдя во вновь заселенномъ краѣ офиціальныхъ школъ и встрѣтивши сочувственное отношеніе къ нимъ среди казачества и особенно казачьей старшины, Розенбергъ доложилъ объ этомъ Государю. Результатомъ доклада было распоряженіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи въ г. Екатеринодарѣ войскового училища. Сообщая объ этомъ атаману Бурсаку, попечитель Харьковскаго учебнаго округа гр. Потоцкій, которому подчинена была Черноморія въ учебномъ отношеніи, предложилъ открыть вмѣсто одной двѣ школы—одну въ Екатеринодарѣ и другую въ Тамани. По его соображеніямъ, годичная смѣта на училище была исчислена въ 1250 рублей ассигнаціями, а именно: жалованья, двумъ учителямъ по 250 р. каждому, положено 500 рублей, законоучителю 75 рублей, учителю рисованія 75 р., смотрителю 300 р., служителямъ и на текущіе хозяйственные расходы 300 р., при чемъ зданіе для училища должно было дать войско. Попечитель спрашивалъ войсковую канцелярію, не найдетъ ли она необходимыхъ средствъ на открытіе въ войскѣ двухъ училищъ.

Но даже такія средства составляли значительную въ то время сумму для казачества. Войско не устроилось, какъ слѣдуетъ, и вой-

сковые доходы были ограничены. Самъ попечитель разсчитывалъ на частныя пожертвованія. Войсковая канцелярія нашла, однако, неудобнымъ открытіе училища въ Тамани, такъ какъ курень этотъ былъ расположенъ на окраинѣ войсковыхъ земель и часто былъ совершенно изолированъ, благодаря разливамъ р. Кубани. Войсковая канцелярія ограничилась лишь назначеніемъ, 1500 р. ассигнаціями на содержаніе училища и „на домъ для него о трехъ покояхъ".

Такимъ образомъ, въ открытіи перваго войскового училища въ Черноморскомъ войскѣ принимали участіе высшія власти, начиная съ войскового атамана, военнаго губернатора, попечителя учебнаго округа и оканчивая министромъ народнаго просвѣщенія и Государемъ. Такой починъ школьнаго дѣла былъ крупнымъ по тому времени актомъ въ жизни казачества, но черноморцы повели это дѣло на собственныя войсковыя средства, безъ всякаго участія казны, за исключеніемъ правительственной опеки.

Въ мартѣ 1805 г. хорунжій Иваненко просилъ у войсковой администраціи разрѣшенія на передачу въ Екатеринодарское училище библіотеки, находившейся при ризницѣ войсковаго собора и состоявшей изъ книгъ на русскомъ и славянскомъ языкахъ. Въ училище поступило 49 названій перваго рода и 116 второго. Въ числѣ разныхъ сочиненій значились десять томовъ „Древней исторіи" Роленя, „Слова и рѣчи" Феофана Прокоповича, „Разговоры о множествѣ міровъ" Фонтенеля и пр. Въ іюнѣ 1805 г. въ библіотеку пожертвовали атаманъ Бурсакъ, полковникъ Гелдышъ и др. „Зерцало православнаго исповѣданія", нравственное богословіе, карту бывшаго королевства Польскаго „войсковой работы" и др.

Въ іюлѣ того же 1805 г. Бурсакъ обратился къ жителямъ Черноморіи, „изъявившимъ желаніе содѣйствовать развитію образованія", съ предложеніемъ о денежныхъ пожертвованіяхъ на это дѣло. На призывъ атамана отозвалось 117 лицъ, давшихъ 4376 р. сбора. Самымъ крупнымъ пожертвованіемъ былъ тысячерублевый взносъ на просвѣщеніе по духовному завѣщанію полковника Мокія Гулика; войсковой атаманъ Бурсакъ пожертвовалъ 500 р., полковники Евтихій Чепига, Кордовскій и Бурносъ по 200 р. и т. д. Въ общемъ 22 штабъ-офицерами было пожертвовано 2930 р. 68 к., оберъ-офицерами 922 р., 15 урядниками и казаками 75 р. и 450 р. выручено было отъ продажи пожертвованнаго для школы дома. Въ числѣ жертвователей оказался и смотритель училища протоіерей Россинскій, назначенный на эту должность 24 декабря 1806 г. Смотритель отказался отъ 300 р. жалованья въ пользу бѣдныхъ учениковъ и внесъ въ подписной листъ изъ своихъ средствъ 100 р. Такъ какъ Россинскій былъ человѣкъ не богатый и не имѣлъ даже собственнаго дома, то его пожертвованіе несомнѣнно было самымъ щедрымъ.

Такимъ образомъ, первое училище въ войскѣ было чисто казачьимъ учрежденіемъ. Центральное правительство не дало ничего

войску. Матеріальныя средства на дѣло, оборудованіе помѣщенія подъ училище, подборъ учебнаго персонала и вообще организацію всего дѣла дали и произвели на свой счетъ казаки въ лицѣ, главнымъ образомъ, казачьей старшины. Фактъ этого живого отношенія къ дѣлу со стороны войска засвидѣтельствованъ Высочайшимъ рескриптомъ отъ 15 августа 1806 г. атаману Бурсаку, какъ главарю казачества, было выражено „благоволеніе за заботы о просвѣщеніи войска“.

Но самымъ дѣятельнымъ поборникомъ просвѣщенія въ Черноморіи былъ войсковой протоіерей Россинскій, первый смотритель училища. Этотъ замѣчательный дѣятель много поработалъ по народному образованію на Кубани, заботясь о возникновеніи какъ первыхъ училищъ, такъ и гимназіи.

Школьное дѣло ожило, но недалеко еще ушло отъ жизни суровой и примитивной. Система образованія и ея насадители отличались грубостью. Съ учителями ни самъ смотритель училища, ни войсковая администрація не церемонились, а учителя вели себя непозволительно. По смѣтѣ жалованья учителю полагалось 250 р. въ годъ, а журнальнымъ постановленіемъ 5 мая 1805 г. войсковая канцелярія назначила учителю Полякову, „питомцу Московскаго университета“, только 60 р. Въ іюлѣ 1808 г. смотритель училища Россинскій сообщилъ войсковой канцеляріи, что учитель полковой есаулъ Поляковъ нерадиво относился къ своимъ обязанностямъ, часто бывалъ пьянъ, отлучался изъ училища безъ спроса и уже третій день совсѣмъ не являлся на службу. Войсковая канцелярія предписала Россинскому посадить Полякова подъ караулъ на хлѣбъ и на воду.

Школьный режимъ въ тѣ времена былъ суровъ и строгъ. Если начальство не стѣснялось съ учителями, то еще менѣе церемонились учителя съ учащимися. Наука насаждалась съ помощью наказаній. Учениковъ стегали, ставили голыми колѣнами на соль, оставляли безъ обѣда, сажали въ карцеръ и т. п., какъ за неуспѣхъ въ ученьи, такъ и за шалости, предосудительное поведеніе. Корень ученія былъ очень горекъ.

Но и на плоды просвѣщенія казаки смотрѣли довольно прозаически. И учащіеся и родители не придавали, повидимому, серьезнаго значенія полному курсу обученія въ училищѣ. Лишь только школьникъ научался съ грѣхомъ пополамъ грамотѣ и письму, какъ немедленно стремился на службу. Грамотность и особенно хорошій почеркъ тогда очень цѣнились на службѣ. Грамотный получалъ на службѣ лучшее мѣсто и скорѣе, чѣмъ неграмотный, производился въ чинъ. Указывая на тотъ фактъ, что только за два года изъ Екатеринодарскаго училища ушло 20 слишкомъ недоучекъ—5 въ 1807 г. и 16 въ 1808 г., протоіерей Россинскій просилъ атамана Бурсака не допускать этихъ бѣглецовъ къ занятіямъ въ войсковой канцеляріи. Это была своего рода мѣра противъ возможности создать

служебную карьеру на умѣньи красиво переписывать бумаги. Въ числѣ оставившихъ училище было 9 казачьихъ дѣтей и 12 офицерскихъ, расчитывавшихъ скорѣе пройти черезъ канцелярію въ офицерскіе чины. Бурсакъ сдѣлалъ распоряженіе о недопущеніи бѣглецовъ къ занятіямъ въ канцеляріи.

Но въ этомъ, казалось бы, маловажномъ обстоятельствѣ скрестились въ первый разъ два теченія по образовательному дѣлу— одно верхнее, со стороны учебной администраціи, и другое нижнее, со стороны населенія. Протоіерей Россинскій, какъ человѣкъ просвѣщенный, стремился, по очень понятной причинѣ, проводить въ казачество надлежащій образовательный цензъ путемъ уменьшенія недоучекъ. Но первая репрессивная мѣра, подсказанная администраціи Россинскимъ, дала нежелательные для народнаго образованія результаты. Распоряженіемъ о недопущеніи на канцелярскую службу грамотныхъ лицъ, неимѣвшихъ аттестата объ окончаніи курса въ Екатеринодарскомъ училищѣ, какъ потребовалъ этого Россинскій, былъ закрытъ ходъ не только для недоучекъ этого училища, но и для всѣхъ, кто научился грамотѣ и письму внѣ этого училища. Это была мѣра, долженствовавшая обезцѣнить домашній и частные способы обученія грамотѣ и письму, мѣра тормозящая самообразованіе.

Высшая учебная администрація не только одобрила эту мѣру, но обратила ее въ своего рода противодѣйствіе противъ народнаго самообученія, какъ понималось оно населеніемъ и слагалось практически. Въ маѣ 1812 г. уже не войсковая администрація, а Херсонскій военный губернаторъ Ришелье распорядился, чтобы лица, не имѣвшія аттестата изъ Екатеринодарскаго училища, не допускались къ занятіямъ въ войсковую канцелярію и въ канцеляріи сыскныхъ начальствъ. Это была воля попечителя Харьковскаго учебнаго округа, усилившаго репрессію. Указывая на малочисленность обучавшихся въ Екатеринодарскомъ училищѣ дѣтей, попечитель объяснялъ это тѣмъ, что внѣ Екатеринодара по куренямъ обученіе дѣтей грамотѣ и письму велось „церковниками и писарями за добровольную плату“. Это было признано чуть ли не преступленіемъ и, во всякомъ случаѣ, нарушеніемъ порядковъ по образованію, установленныхъ высшей учебной администраціей. Попечитель потребовалъ, чтобы церковникамъ, писарямъ и грамотнымъ казакамъ совершенно было воспрещено какое бы то ни было обученіе дѣтей.

Такимъ образомъ, съ 1812 г., года изгнанія французовъ и двунадесяти языковъ изъ Россіи, началось изгнаніе самообученія и частнаго обученія грамотѣ дѣтей изъ Черноморіи. Но легче было выгнать многочисленныхъ враговъ изъ Россіи, чѣмъ заставить черноморскаго казака отказаться отъ вѣкового обычая учиться грамотѣ и письму по собственному разумѣнію и на собственныя средства, безъ взякой опеки со стороны. Черноморцы не отвыкли еще отъ исконнихъ казачьихъ порядковъ, покоившихся на самодѣятельности. Вполнѣ естественно, что они не могли помириться и съ запрещеніемъ самообученія.

Къ тому же и внѣшнія условія жизни были таковы, что традиціонные способы обученія дѣтей грамотѣ на дому и при помощи частныхъ учителей наиболѣе соотвѣтствовали имъ. Черноморія представляла собою край вновь заселенный, неокрѣпшій, лишенный самыхъ элементарныхъ удобствъ въ селеніяхъ, въ жилищахъ и въ сношеніяхъ населенія, разбросаннаго по обширной площади. Единственное училище было въ Екатеринодарѣ, а между тѣмъ большая часть куреней, селеній и хуторовъ находилась въ ста, двухъ стахъ и болѣе верстъ отъ него. Нужны были достаточныя матеріальныя средства, чтобы имѣть возможность обучать дѣтей въ отдаленномъ городѣ. Дома же, на мѣстахъ, казачьи дѣти, хоть и скромно, но легко могли обучаться грамотѣ и письму и у дьячка, и у діакона или священника, и у писаря, и у грамотнаго сичевика, и у пришлаго въ войско грамотѣя.

Можно было, поэтому, запрещать на бумагѣ это нижнее теченіе несомнѣнно слабѣйшей качественно формы народнаго образованія, но остановить его было немыслимо. Это былъ живой потокъ, который нельзя было сокрушить циркулярами, но который могъ быть ослабленъ и задержанъ до извѣстной степени этими мѣрами. Въ исторіи народнаго образованія красной нитью проходитъ эта борьба высшей учебной администраціи съ самодѣятельностью населенія въ области просвѣщенія.

Около этого времени у черноморскихъ казаковъ уже значительно измѣнилась постановка народнаго образованія. Возникли предположенія объ увеличеніи числа училищъ и объ учрежденіи средняго учебнаго заведенія. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа гр. Потоцкій, жаловавшійся на малочисленность учениковъ въ Екатеринодарскомъ училищѣ, рѣшилъ, въ силу какой то непонятной логики, помочь горю обращеніемъ училища въ гимназію. Чтобы поддержать, впрочемъ, будущую Екатеринодарскую гимназію, рѣшено было открыть еще три училища—въ Тамани, въ Брюховецкой и въ Щербиновкѣ. Представленіе объ этомъ войскового начальства было утверждено въ 1812 г. совѣтомъ Харьковскаго университета. Войско должно было построить училищныя зданія, содержать ихъ и платить жалованье учителямъ, на что полагалось по 160 р. на каждое. Министерство же народнаго просвѣщенія снабжало училища лишь одними учебными пособіями. Въ 1817 г. войсковая канцелярія постановила выдавать эти деньги изъ войсковыхъ суммъ, такъ какъ частныхъ пожертвованій было недостаточно.

Училища вообще нуждались въ матеріальныхъ средствахъ. Учителя получали нищенское жалованье, котораго не хватало на удовлетвореніе личныхъ потребностей учителя съ семьей. Въ средствахъ для содержанія училищныхъ зданій также былъ недостатокъ. Приходилось прибѣгать къ частной благотворительности и къ войсковымъ капиталамъ. Въ 1817 г. откупщикъ Антимоновъ, „желая споспѣшествовать распространенію народнаго образованія въ краѣ“,

внесъ въ войско 6500 руб., съ тѣмъ чтобы проценты съ этой суммы распредѣлялись между четырьмя приходскими училищами Таманскимъ, Гривенскимъ, Брюховецкимъ и Щербиновскимъ. Въ дѣйствительности это „споспѣшествованіе образованію“ сводилось къ желанію получить орденъ. Раньше откупщикъ получилъ уже орденъ и Высочайшее благоволеніе за пожертвованія на дѣла благотворительности.

Кромѣ школъ, возникла нужда и въ библіотекахъ. Въ 1818 г. Херсонскій военный губернаторъ гр. Ланжеронъ писалъ войсковому атаману Матвѣеву, что онъ находитъ полезнымъ завести въ г. Екатеринодарѣ библіотеку, въ которой желательно было бы имѣть военныя книги для офицеровъ. Для полученія средствъ на библіотеку графъ предложилъ открыть подписку по войску и „обратиться къ благородному сословію“.

Въ 1819 г. тотъ же гр. Ланжеронъ утвердилъ отпускъ изъ войсковыхъ суммъ по 150 р. на каждое училище срокомъ на два года, съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ это время войсковой администраціей были изысканы другіе источники денежныхъ поступленій на школы. Въ этихъ видахъ войсковой атаманъ предложилъ канцеляріи повысить налогъ на рыбу, и канцелярія обложила по двѣ копѣйки на тысячу тарань, боковню, чебакъ и недомѣрка сазана, по 5 коп. на тысячу сулы, по 10 коп. на тысячу сазана, съ пуда икры, клею и вязиги, а также по 1 коп. съ руна шерсти, по 2 коп. съ овчины и по 10 коп. съ кожи, вывезенной за предѣлы Черноморіи. Это былъ первый и чуть ли не единственный налогъ для школьнаго дѣла. Въ сущности это была прибавка къ поступленіямъ въ войсковые капиталы, изъ которыхъ тогда и позже только и черпались средства на училища.

Охотно жертвовало на народное образованіе и населеніе войска, но на этотъ источникъ извлеченія денегъ предъявлялъ требованія и Петербургъ отъ различныхъ учрежденій при посредствѣ войсковой администраціи. Въ 1816 г. войсковой атаманъ Матвѣевъ былъ избранъ директоромъ Россійскаго библейскаго общества по г. Екатеринодару, а 11 января 1817 г. казачій директоръ препроводилъ уже Херсонскому губернатору Жегулину 2099 р. пожертвованій, собранныхъ на библейское общество съ населенія Черноморскаго войска. Сумма, которою можно было бы поддержать не одно училище, нуждавшееся въ средствахъ.

Несмотря на все это, народное образованіе въ Черноморіи продолжало идти поступательно. Количество школъ, хотя и медленно, но увеличивалось. Въ январѣ 1818 г. смотритель Екатеринодарскаго училища протоіерей Россинскій побудилъ войсковую администрацію увеличить число школъ. Основываясь на Высочайше утвержденныхъ въ 1803 г. правилахъ народнаго просвѣщенія, онъ распредѣлилъ всѣ курени и поселенія въ войскѣ на группы съ центральнымъ селеніемъ для школы въ каждой группѣ. Такимъ образомъ, къ Тамани отнесено было 5 селеній, къ Темрюку 2 сел., хутора и рыбные

заводы, къ Гривенному 6 сел.. къ Роговскому 4, къ Брюховецкому 7 и къ Щербиновкѣ 3 сел., хутора и рыбные заводы. Въ этихъ шести центрахъ уже были училища. Вновь открыть училища протоіерей Россинскій предложилъ въ Кущевкѣ съ 7 окружными селеніями, въ Леушковкѣ съ 5 селеніями, въ Пластуновкѣ съ 10 селеніями и въ Медвѣдовскомъ куренѣ съ 3 селеніями и хуторами. Войсковой атаманъ и канцелярія утвердили это распредѣленіе училищныхъ группъ и, такимъ образомъ, въ войскѣ оказалось 10 училищъ, изъ которыхъ, кромѣ перваго, открытаго въ Екатеринодарѣ въ 1806 г., три были открыты въ 1812 г., два въ 1817 г. и пять въ 1819 г. Училища эти, согласно правиламъ 1803 г., были приравнены къ приходскимъ и расходы на нихъ обязаны были нести прихожане.

Въ дѣйствительности, впрочемъ, положеніе училищъ отъ этого не улучшилось. Школьныя зданія было малоудовлетворительны, учащіеся жили на большихъ разстояніяхъ отъ школъ, матеріальныхъ средствъ не хватало на первѣйшія нужды, учителя бѣдствовали. Даже Екатеринодарское училище, расположенное на окраинѣ города, было буквально таки недоступно во время распутицы и дождей, при классической екатеринодарской грязи. Учителя получали жалованья по 200 р. въ годъ, помощники ихъ по 75 р. и на обстановку школы полагалось 50 р. Чтобы улучшить положеніе нѣкоторыхъ учителей, протоіерей Россинскій предложилъ обратить два училища—Щербиновское и Таманское въ „малыя народныя училища“ съ жалованьемъ учителю 250 р. и квартирныхъ 50 р. По этому расчету войско должно было повысить расходы до 3550 р., на что и послѣдовало постановленіе войсковой канцеляріи 20 февраля 1820 г.

Въ этомъ случаѣ войсковая канцелярія или, вѣрнѣе, атаманъ Матвѣевъ превысилъ, по тогдашнимъ условіямъ, свои права. Исходя изъ того соображенія, что жители не могутъ содержать училищъ, такъ какъ „развлечены земскими повинностями, пограничною службою и отрядами“, канцелярія постановила выдавать ежегодно просимые Россинскимъ деньги на содержаніе 10 приходскихъ и 1 малаго народнаго училища; деньги эти отнести на счетъ войсковыхъ капиталовъ, донести объ этомъ Херсонскому военному губернатору гр. Ланжерону и просить его утвердить постановленіе канцеляріи.

Такимъ образомъ, къ концу двадцатыхъ годовъ, въ Черноморіи числилось 11 училищъ. По тому времени такое количество школъ считалось уже своего рода роскошью, особенно въ Черноморіи, въ краѣ молодомъ, мало населенномъ и недостаточно экономически окрѣпшемъ. Такого количества школъ не имѣли многія изъ внутреннихъ губерній России, поставленныя въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ Черноморія. Въ сосѣдней области войска Донского, болѣе многочисленнаго, богатаго и обжившагося, сравнительно съ Черноморскимъ казачествомъ, было въ то время только три приход-

скихъ училища, т. е. почти въ 4 раза меньше, чѣмъ въ маленькой Черноморіи.

Въ содержаніи училищъ принимали участіе войско, приходы, частныя лица и въ очень слабой мѣрѣ казна. Частныя лица производили пожертвованія на школы или деньгами или натурою. Откупщикъ Антимоновъ внесъ на школы капиталъ, а полковникъ Ляхъ построилъ въ куренѣ Щербиновскомъ приличный для училища домъ. Вообще народное образованіе того времени было дѣломъ исключительно мѣстнымъ, создано путемъ самодѣятельности и во всякомъ случаѣ при помощи мѣстныхъ силъ и средствъ. Центральные органы правительства имѣли мало касательства къ нему и учебная администрація не шла дальше письменныхъ сношеній чисто формальнаго характера съ мѣстными въ Черноморіи дѣятелями.

Въ сущности со стороны министерства народнаго просвѣщенія не замѣчалось ни опредѣленной системы веденія дѣла, ни даже близости къ нему. Хозяевъ надъ училищами было много. Первоначально, когда было учреждено первое по времени офиціальное училище въ Екатеринодарѣ, завѣдываніе учебною частью лежало на смотрителѣ училища, а хозяйственною—на войсковомъ атаманѣ и на войсковой канцеляріи. Такъ, въ 1818 г. протоіерей Россинскій жаловался совѣту Харьковскаго университета, что войсковая канцелярія не обратила никакого вниманія на его представленія и что при училищахъ совсѣмъ не было надзирателей. Канцелярія съ своей стороны отвѣтила университетскому начальству, что „протоіерей Россинскій затруднялъ напрасно начальство", такъ какъ всѣ его представленія исполнялись и надзиратели при училищахъ есть. Позже отношенія между смотрителемъ и войсковою канцеляріей обострились еще сильнѣе, когда Россинскій былъ назначенъ директоромъ гимназіи. Одинъ войсковой атаманъ, повидимому, всегда шелъ рука объ руку съ учебною администраціей. Въ маѣ 1819 г. войсковому атаману Матвѣеву была выражена благодарность министра народнаго просвѣщенія за полезную дѣятельность по народному просвѣщенію.

Но былъ пунктъ, на которомъ сходились и единодушно дѣйствовали представители какъ учебной администраціи, такъ и войскового начальства. Въ 1819 г., по настоянію протоіерея Россинскаго войсковой атаманъ Матвѣевъ распорядился, чтобы какъ канцелярскіе служителя, бравшіе дѣтей для обученія письму, такъ и „тѣ, кто позаводили сами по себѣ школу обученія", совершенно прекратили свою учительскую дѣятельность. Дѣтей, бывшихъ у нихъ въ обученіи, приказано помѣстить въ ближайшія школы, а наблюденіе за исполненіемъ этого распоряженія возложено было въ г. Екатеринодарѣ на экзекутора канцеляріи Долинскаго, а по округамъ на сыскныхъ начальниковъ.

Въ рапортѣ войсковому атаману канцелярія проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на это распоряженіе. Россинскій видѣлъ въ писаряхъ, обучавшихъ дѣтей письму, конкурентовъ, „внушавшихъ, по его

словамъ, другимъ недовѣрчивость къ методическому обученію", т. е. къ официальной школѣ. Протоіерей сообщилъ атаману о такомъ переполненіи канцеляріи учениками, что въ ней негдѣ сидѣть служащимъ. Писаря, по его словамъ, расточаютъ казенную бумагу и чернила на обучавшихся у нихъ дѣтей. Канцелярія въ свою очередь не безъ задора отвѣтила на это, что ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности. Писаря не сами набираютъ учащихся, а имъ даютъ дѣтей подъ присмотръ родители, недовольные школьными порядками, такъ какъ ежедневно наблюдаются шалости, драки и бѣганье по улицамъ учениковъ Екатеринодарскаго училища какъ разъ въ тѣ часы, когда надо учиться. Очевидно, обѣ стороны нѣсколько преувеличивали то, что происходило въ дѣйствительности. Истина же, повидимому, крылась въ томъ обстоятельствѣ, что у черноморцевъ искони выработался особый способъ подготовки дѣтей при канцеляріяхъ, гдѣ дѣти сразу обучались не только письму, но и канцелярскимъ порядкамъ. Такъ велись дѣла издавна.

Надо правду сказать, войсковая канцелярія дѣйствительно была очень опаснымъ конкуррентомъ официальной школы. Въ 1821 г. генералъ Ермоловъ нашелъ въ войсковой канцеляріи 127 писарей, содержаніе которыхъ обходилось войску въ 13.000 р. ассигн. въ годъ. Ермоловъ же распорядился, чтобы въ канцеляріи было оставлено только 18 человѣкъ. Очевидно, войсковая канцелярія въ подготовленіи писарей зашла слишкомъ далеко, и Россинскій не безъ основанія обвинялъ ее въ непомѣрной тратѣ бумаги и чернилъ. Въ канцеляріи ежегодно исписывалось болѣе 400.000 листовъ бумаги и сжигалось 7 пудовъ сургуча.

Конецъ двадцатыхъ годовъ завершился для народнаго образованія въ Черноморіи крупною по тому времени мѣрою—учрежденіемъ войсковой гимназіи. Замѣчено было, что дѣти съ охотою продолжали бы ученіе и дальше, но такъ какъ гимназіи были въ отдаленныхъ мѣстахъ по губерніямъ, то у многихъ родителей не хватало средствъ на отсылку дѣтей по чужимъ гимназіямъ. Войсковая канцелярія, поэтому, постановила въ 1819 г. учредить въ г. Екатеринодарѣ войсковую гимназію и построить приличный для нея домъ. Осуществленіе этого плана возложено было на протоіерея Россинскаго, который, собственно, и былъ иниціаторомъ и душею дѣла. Россинскому была выдана шнуровая книга для сбора пожертвованій на гимназію. Кромѣ того, въ февралѣ того же 1819 г. было разослано по округамъ приглашеніе офицерамъ и казакамъ о пожертвованіи денегъ на устройство въ г. Екатеринодарѣ гимназіи.

Какъ видно изъ книги на записку пожертвованій въ пользу гимназіи, въ одномъ февралѣ 1819 г. было собрано 14193 р. 80 к., въ томъ числѣ домомъ въ 4000 р., деньгами 9138 р. 80 к., росписками 465 р. и не внесено 590 р. Въ частности Россинскій собралъ 12981 р. 10 коп. пожертвованій и другія лица 1212 р. 70 к.

Въ особомъ рапортѣ атаману Матвѣеву протоіерей Россинскій сообщилъ, что есаулъ Бондаревскій пожертвовалъ въ пользу гим-

назіи домъ, стоющій 4000 р., и наличными деньгами 1555 р., съ тѣмъ, чтобы на % съ 5555 руб. воспитывался сынъ Бондаревскаго до окончанія курса, а потомъ сироты. Министръ народнаго просвѣщенія приказалъ утвердить стипендію имени Бондаревскаго. Послѣднему войсковая канцелярія выслала особый актъ, съ выраженіемъ въ немъ благодарности есаулу Бондаревскому за его пожертвованіе, распубликовавши этотъ актъ по войску. Домъ же былъ розыгранъ въ лотторею для полученія средствъ на гимназію.

Министръ финансовъ, по предложенію министра народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, ассигновалъ на Черноморскую гимназію штатную сумму въ 5800 р.

Гимназія была открыта 1 октября 1819 г. и временно помѣщена въ зданіи Екатеринодарскаго училища, а планъ и смѣта на постройку зданія для гимназіи были посланы на утвержденіе Херсонскому военному губернатору гр. Ланжерону.

Въ ноябрѣ 1819 г. Госсинскій предложилъ устроить при гимназіи нѣчто въ родѣ интерната на 15 учениковъ, назвавши его „Сиротопитательнымъ домомъ“. Въ декабрѣ того же года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи при гимназіи капитала на содержаніе казенныхъ воспитанниковъ изъ дѣтей бѣдныхъ родителей и сиротъ, обязанныхъ потомъ служить не менѣе 6 лѣтъ учителями въ мѣстныхъ училищахъ. Капиталъ этотъ былъ образованъ изъ суммъ, пожертвованныхъ на гимназію населеніемъ, а 3 іюля 1820 г., по распоряженію войсковой канцеляріи, ассигновано на содержаніе 15-ти воспитанниковъ отъ 100 до 200 р. изъ суммъ приказа общественнаго призрѣнія, съ пополненіемъ ихъ, въ случаѣ недостачи, „суммою гимназическою“.

Такимъ образомъ, Черноморскою войсковою гимназіей, какъ среднимъ учебнымъ заведеніемъ, пополнены были тѣ 11 низшихъ училищъ, которыя имѣло уже войско.

Во главѣ учебнаго дѣла стоялъ энергичный протоіерей Россинскій. Онъ же былъ назначенъ и директоромъ гимназіи, несмотря на явное нежеланіе этого со стороны войсковой канцеляріи, донесшей высшей учебной администраціи, что Россинскій и безъ того обремененъ „разными должностями и подверженъ болѣзненнымъ припадкамъ“. Позже войсковая канцелярія вступила въ открытую борьбу съ Россинскимъ, какъ директоромъ гимназіи. Россинскій жаловался министру народнаго просвѣщенія, что канцелярія требовала рапортовъ отъ Россинскаго, какъ своего подчиненнаго, и сама посылала ему, вмѣсто сообщеній, указы, а бумаги Россинскаго, безъ обозначенія „рапортъ“, не принимала и отсылала ему обратно. Вслѣдствіе этого, командующій войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ Вельяминовъ распоряженіемъ 21 марта 1821 г. предложилъ войсковой канцеляріи, „чтобы оная несовмѣстными своими требованіями отнюдь не стѣсняла гимназію“, зависѣвшую отъ министра народнаго просвѣщенія и неподчиненную войсковой администраціи.

Домогательства войсковой канцелярiи на роль хозяина въ народномъ образованiи имѣли въ сущности фактическую подкладку. Съ самаго возникновенiя школъ всѣ распорядки по учебному дѣлу велись такъ. Войско давало средства на дѣло, войско и вѣдало его хозяйственную часть. Но Россинскiй занималъ особое положенiе и высшiя власти стали на его сторону. Въ рапортѣ 8 марта 1820 г. самъ Россинскiй сообщилъ атаману Матвѣеву, что со времени вступленiя его, Россинскаго, въ должность смотрителя екатеринодарскаго училища въ 1806 г. и до 1820 г. включительно, за всѣми расходами, въ экономiи находилось 38736 р. 21 к., въ томъ числѣ 24542 р. 41 к. училищныхъ суммъ и 14193 р. 80 к. суммы гимназической. Деньги эти, по распоряженiю совѣта Харьковскаго университета, отдавались подъ проценты. Это были средства, собранныя пожертвованiями казачества и ассигнованныя изъ войсковыхъ суммъ. Въ нихъ не вошло ни копѣйки казенныхъ денегъ. Министерство народнаго просвѣщенiя снабжало заведенiя лишь учебными пособiями да и то, повидимому, не всегда, и только въ 1819 г. въ первый разъ казна ассигновала 5800 р. штатной на гимназiю суммы. Ясно, стало быть, что хозяиномъ дѣла было войско или войсковая канцелярiя, какъ высшiй его хозяйственный органъ.

Въ теченiе слѣдующаго третьяго десятилѣтiя народное образованiе въ Черноморiи какъ бы застыло на одной и той же точкѣ, а къ концу десятилѣтiя пришло въ явный упадокъ. Пока живъ былъ Россинскiй, онъ энергично поддерживалъ существовавшiя учебныя заведенiя и умѣлъ находить средства для этого. Къ 1 декабря 1827 г. общая сумма средствъ на содержанiе гимназiи, войскового училища и приходскихъ училищъ равнялась 33210 р. 8 к. Въ 1828 г. въ Черноморскомъ войскѣ существовали гимназiя, уѣздное училище, приготовительный классъ при немъ и 6 приходскихъ училищъ, при чемъ учебнаго персонала и учащихся числилось: 1 директоръ, 1 смотритель, 15 учителей и 231 учащихся. Часть приходскихъ училищъ, 4 изъ 10, была закрыта, но остальныя продолжали функцiонировать при энергичной поддержкѣ Россинскаго. Войско цѣнило дѣятельность протоiерея, и въ 1828 г. высшая войсковая администрацiя просила архiепископа Астраханскаго наградить протоiерея Россинскаго митрою за заслуги войску.

Но уже въ слѣдующемъ 1827 г., со смертью Россинскаго, точно буря, налетѣли на народное образованiе репрессiи со стороны министерства народнаго просвѣщенiя. Сначала въ относительно деликатной формѣ совѣтъ Харьковскаго университета предупредилъ войско, что, если оно не ассигнуетъ 7000 р. изъ войсковыхъ суммъ на низшiя училища, то 5 приходскихъ изъ 6-ти будутъ закрыты. Мѣра крайне несправедливая. Почему-то, по свѣдѣнiямъ университета, въ этомъ году въ приходскихъ училищахъ не оказалось ни учителей, ни учащихся. Въ дѣйствительности же администрацiей университета были наложены слишкомъ густыя краски на суще-

ствовавшія заведенія, но вѣрно было лишь одно, что у приходскихъ училищъ не было опредѣленныхъ средствъ и что ни войско, ни казна не давали ихъ.

Угроза университета войску была только началомъ очень крупныхъ репрессій по дѣлу народнаго просвѣщенія. Предписаніемъ министра народнаго просвѣщенія 26 ноября 1829 г., въ силу Высочайшаго повелѣнія 8 декабря 1828 г., приказано было:

Во первыхъ, „уничтожить“ Черноморскую войсковую гимназію.

Во вторыхъ, открыть въ г. Ставрополѣ одну только гимназію для всего Сѣвернаго Кавказа, т. е. для Кавказской губерніи и Черноморскаго казачьяго войска.

Въ третьихъ, въ Екатеринодарѣ оставить одно лишь уѣздное училище.

Этого мало. Главнокомандующій особымъ Кавказскимъ корпусомъ гр. Паскевичъ Эриванскій, согласно распоряженію министра народнаго просвѣщенія, провелъ мѣропріятія противъ народнаго образованія еще дальше, въ глубь народной жизни. По его приказанію, наказный атаманъ распорядился 20 марта 1830 г. закрыть немедленно всѣ частныя училища и строго запретить обученіе грамотѣ и письму лицамъ, не имѣвшимъ свидѣтельствъ на право обученія отъ мѣстнаго начальства. Частныя училища были признаны вредными, какъ конкуррирующія съ училищами официальными.

Такъ, нѣсколькими почерками пера высшей учебной и неучебной администраціи были уничтожены плоды долголѣтнихъ усилій Черноморскаго казачества въ области народнаго образованія. Пожертвованія, средства войска, народныя копѣйки, личныя хлопоты лучшихъ представителей населенія—все это пошло на смарку. Просвѣщеніе для казаковъ признано, очевидно, вреднымъ, а ихъ дѣятельность въ этомъ направленіи излишнею, ненужною.

Въ теченіе всего слѣдующаго десятилѣтія потребовалось немало усилій на то, чтобы возвратить утерянное по народному образованію въ Черноморіи. Около этого времени во главѣ войска сталъ генералъ Заводовскій, человѣкъ дѣловой и энергичный. Старыя училища постепенно были возобновлены, возбуждено было ходатайство объ открытіи вновь войсковой гимназіи, посланы стипендіаты отъ войска въ высшія учебныя заведенія, командированы учителя въ Харьковъ для ознакомленія съ методомъ преподаванія Ланкастера, возникла мысль о женскомъ учебномъ заведеніи. Но на первыхъ порахъ все это ограничилось только проектами и ходатайствами. Активнымъ распространителемъ народнаго образованія въ войскѣ былъ генералъ Рашпиль, исполнявшій обязанности наказнаго атамана, вмѣсто Заводовскаго, жившаго въ г. Ставрополѣ и командовавшаго войсками на Сѣверномъ Кавказѣ.

Почти одновременно съ закрытіемъ, по Высочайшему повелѣнію, въ 1830 г. войсковой гимназіи началась между войскомъ и Ставропольскою гимназіею переписка объ имуществѣ закрытой гим-

назіи. Смотритель Екатеринодарскаго уѣзднаго училища просилъ оставить при училищѣ библіотеку бывшей гимназіи и физическій кабинетъ, какъ пріобрѣтенные на средства мѣстныхъ жителей. Пять лѣтъ спустя, въ 1835 г. возникла обширная переписка по этому поводу. Смотритель Екатеринодарскаго училища сообщилъ наказному атаману Заводовскому, что директоръ училищъ Кавказской области Сорокинъ намѣревался взять изъ библіотеки 110 названій въ 600 томовъ и перевезти всю мебель бывшей гимназіи въ Ставропольскую гимназію. Заводовскій не позволилъ сдѣлать этого. Тогда Сорокинъ написалъ Заводовскому, что онъ претендуетъ только на книги, пріобрѣтенныя для войсковой гимназіи на казенныя средства. Была назначена особая коммиссія для рѣшенія спора. Мебель, какъ принадлежавшая войску, была оставлена въ Екатеринодарѣ, а также и книги, пріобрѣтенныя на средства войска или пожертвованныя. Но и остальныя книги не были отосланы въ Ставрополь. Въ 1837 г. вновь возникла переписка по этому поводу. Войсковая канцелярія постановила оставить всю библіотеку въ Екатеринодарѣ, такъ какъ наказный атаманъ Заводовскій возбудилъ ходатайство объ открытіи гимназіи въ Черноморіи.

Министерство народнаго просвѣщенія продолжало придерживаться прежней системы воздѣйствія на народное образованіе—ничего не давало, а только требовало и грозило.

Профессоръ Харьковскаго университета Черновъ писалъ 23 мая 1832 г. наказному атаману Заводовскому, что въ качествѣ „визитатора“ отъ университета онъ осмотрѣлъ Таманское училище и нашелъ его въ надлежащемъ порядкѣ. Но учитель урядникъ Федоренко, служившій съ 1826 г., получалъ всего 97 руб. 50 коп. жалованья. На эти средства, составлявшіяся изъ процентныхъ отчисленій съ капитала Антимонова, Федоренко не могъ не только содержать семью—жену и дѣтей, но и лично себя. Въ другихъ училищахъ, по свидѣтельству Чернова, недостатокъ въ жалованьи учителямъ пополнялся изъ другихъ источниковъ—для учителей отводились обществами рыболовныя ставки, взималась аренда съ помѣщеній подъ лавки, пожертвованныя на дѣло народнаго образованія и пр. Ничего подобнаго не было въ Тамани, почему Черновъ просилъ войсковую канцелярію добавить жалованье Федоренкѣ изъ войсковыхъ суммъ.

Въ октябрѣ 1833 г. совѣтъ Харьковскаго университета предложилъ войсковой канцеляріи изыскать средства для содержанія четырехъ приходскихъ училищъ, такъ какъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго на эти школы купцомъ Антимоновымъ, хватало на содержаніе только одного училища. Совѣтъ грозилъ закрыть три изъ четырехъ училища, если войсковая канцелярія не изыщетъ средствъ для содержанія ихъ.

Вообще отсутствіе постоянныхъ источниковъ для содержанія училищъ давало себя чувствовать съ каждымъ годомъ все сильнѣе

и сильнѣе. Нуждались въ средствахъ школы и учителя. Въ февралѣ 1837 г. министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ просилъ Заводовскаго ассигновать изъ войсковыхъ суммъ 1230 руб. на квартирные смотрителю и учителямъ, но только въ 1839 г. былъ Высочайше разрѣшенъ отпускъ квартирныхъ денегъ учителямъ.

Въ то время и количество учащихся въ официальныхъ училищахъ было незначительно. По статистической таблицѣ за 1835 г., въ Екатеринодарскомъ уѣздномъ и въ четырехъ приходскихъ училищахъ числилось всего 243 учащихся. Обученіе грамотѣ снова пошло въ глубь народной жизни, при помощи частныхъ школъ и учителей. Необходимые люди для этого были, и въ томъ числѣ даже бывшіе учителя официальныхъ школъ.

Очень интересный въ этомъ отношеніи случай представляетъ исторія Кущевской школы. Кущевское училище было открыто 20 апрѣля 1819 г., но учитель его Рымаревичъ-Альтманскій, не имѣя возможности существовать на учительское жалованье, оставилъ училище и оно было закрыто. Въ 1833 г. бывшій учитель гимназіи Толмачевъ, по собственному почину, отправился въ Кущевку и открылъ здѣсь школу. Послѣ 11 мѣсяцевъ дѣятельности Толмачева, Кущевская школа стала однимъ изъ лучшихъ заведеній въ краѣ. Нарочно посланный наказнымъ атаманомъ для осмотра училища есаулъ Кухаренко пораженъ былъ, по его выраженію „пріятною картиною—отличною чистотою училищнаго дома, опрятною одеждою учениковъ, ихъ вѣжливостью, твердымъ знаніемъ всего имъ преподаннаго и вообще тѣмъ порядкомъ, который на каждомъ шагу свидѣтельствовалъ о дѣятельности учителя Толмачева, какъ благороднѣйшаго наставника юношества и добраго хозяина.“ Въ училищѣ было 32 ученика и, сверхъ обычной для училищъ этого рода программы, Толмачевъ преподавалъ 2-ю часть арифметики и россійскую грамматику.

Но это былъ запрещенный учитель. Толмачевъ, по словамъ генерала Заводовскаго, 15 лѣтъ преподавалъ въ гимназіи россійскую словесность и латинскій языкъ, считался „украшеніемъ гимназіи,“ неоднократно исполнялъ должность директора гимназіи и исправлялъ обязанности эти послѣ смерти протоіерея Россинскаго, пока не прибылъ въ гимназію новый директоръ Носовъ. И вотъ этотъ Толмачевъ, „движимый усердіемъ на пользу общественную,“ устраиваетъ, безъ всякой поддержки со стороны казны и войска, училище, учитъ дѣтей безъ жалованья, будучи самъ „состоянія бѣднаго, обремененъ семействомъ и терпящимъ большія нужды во всемъ.“ Генералъ Заводовскій просилъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа утвердить Толмачева учителемъ въ открытой имъ школѣ и назначить ему жалованье.

Попечитель отвѣтилъ, однако, отказомъ, находя невозможнымъ утвердить Толмачева учителемъ до тѣхъ поръ, пока не окончится слѣдствіе о немъ. Въ чемъ состояла вина Толмачева, Заводовскій

не говоритъ опредѣленно, но онъ намекаетъ на то, что „собственное чувство достоинства,“ на которое другіе не обращали вниманія, отсутствіе поощренія наградами со стороны начальства, нѣкоторыя домашнія непріятности и т. п. заставили Толмачева „упасть духомъ, войти въ долги и лишиться мѣста.“ Была ли тутъ политическая подкладка или просто растрата, изъ документовъ не видно, но „украшеніе гимназіи“ было изъято изъ употребленія и Кущевскому училищу грозило прекращеніе его существованія.

Тогда войсковая администрація прибѣгнула къ своимъ домашнимъ средствамъ, минуя министерство народнаго просвѣщенія. Войсковая канцелярія предписала Кущевскому и другимъ куреннымъ обществамъ ближайшихъ къ Кущевкѣ станицъ содержать школу на совмѣстныя ихъ общественныя средства, а штатному смотрителю Екатеринодарскаго уѣзднаго училища поручила обревизовать школу въ Кущевкѣ и утвердить въ ней учителемъ Толмачева. Въ сущности, съ точки зрѣнія министерства народнаго просвѣщенія, это была контрабандная школа, которую слѣдовало закрыть, какъ частную, а войсковой администраціи дать нагоняй за превышеніе власти и вмѣшательство не въ свое дѣло. Но школа продолжала существовать, въ виду того, что высшая учебная администрація находилась въ Харьковѣ и ничего не знала о настоящемъ положеніи дѣла.

По иниціативѣ той же войсковой администраціи, были введены улучшенія и въ техническихъ пріемахъ по насажденію народнаго образованія. Въ декабрѣ 1836 г. войсковая канцелярія, по распоряженію Заводовскаго, предложила смотрителю Екатеринодарскаго уѣзднаго училища отправить кого-либо изъ учителей въ Харьковъ для ознакомленія съ методомъ взаимнаго обученія по способу Ланкастера. Такъ какъ средствъ для отправки учителя не нашлось въ училищѣ, то въ 1837 г. ассигновано было 400 р. изъ войсковыхъ суммъ на командировку въ Харьковъ учителя Малашевича для ознакомленія съ методомъ Ланкастера.

Точно также войско отправило нѣсколько человѣкъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія для изученія разныхъ спеціальностей. Еще въ 1824 г., по рапорту протоіерея Россинскаго, войсковая канцелярія постановила послать окончившаго курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ Кучера въ Петербургъ въ академію художествъ для изученія архитектуры и посылать вообще по одному ученику, окончившему гимназію, въ Харьковскій университетъ, но постановленіе это долго оставалось на бумагѣ. Въ февралѣ 1836 г. состоялось постановленіе войсковой канцеляріи объ опредѣленіи стипендіатами въ академію художествъ Черника и Шапаря. Въ 1838 г., по ходатайству командующаго отдѣльнымъ корпусомъ на Кавказѣ, Высочайше было разрѣшено послать въ подлежащія высшія учебныя заведенія двухъ воспитанниковъ отъ Черноморскаго войска для изученія нефтяного дѣла.

Впрочемъ, эти единичные случаи посылки войскомъ стипендіатовъ въ высшія учебныя заведенія не дали войску ничего, кромѣ

расходовъ. Съ 1835 по 1837 г. на средства войска обучался сначала въ Россіи въ академіи художествъ, а потомъ заграницей художникъ Черникъ. Это былъ дорого стоившій стипендіатъ, на содержаніе котораго заграницей посылалось до 5000 р. ассигнаціями въ годъ. Генералъ Заводовскій прочилъ Черника въ войсковые архитекторы, но ему отказали въ этомъ, такъ какъ, по положенію о Черноморскомъ войскѣ, архитектора для казаковъ не полагалось. Послѣ этого войсковая администрація просила прикомандировать есаула Черника къ 5-му округу корпуса военныхъ поселеній, гдѣ Черникъ могъ бы замѣнять члена отъ войска въ комитетѣ и заниматься составленіемъ проектовъ для войска. Но и въ этомъ было отказано войску, въ виду производства Черника въ маіоры, съ отчисленіемъ отъ войска. Тогда войсковая канцелярія нашла невозможнымъ содержать на войсковой счетъ лицъ, служебною дѣятельностью которыхъ войско не могло воспользоваться, и рѣшила отозвать Черника и Шапаря изъ академіи въ войско. Но въ академіи обратились къ посредничеству Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, и войсковые стипендіаты были оставлены въ академіи художествъ до окончанія курса.

Еще въ 1834 г. по мысли войскового атамана Заводовскаго, былъ составленъ проектъ объ учрежденіи вновь гимназіи въ войскѣ. По инціативѣ того же Заводовскаго, войсковая канцелярія предложила 26 сентября 1838 г. земскимъ начальникамъ и Екатеринодарскому полиціймейстеру ознакомить дворянъ, „въ особенности дамъ“, съ уставомъ Астраханскаго института для воспитанія дѣвицъ и объ учрежденіи такого же института въ Кавказской области, предлагая жертвовать на это деньги. Въ декабрѣ слѣдующаго 1839 г. войсковая канцелярія, по предложенію Заводовскаго, постановила открыть въ г. Екатеринодарѣ войсковую гимназію, а въ округахъ Черноморіи три окружныхъ или уѣздныхъ училища и девять приходскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Заводовскій предполагалъ посылать въ высшія учебныя заведенія окончившихъ гимназію учениковъ изъ бѣдныхъ дворянскихъ семей, содержать при гимназіи, на счетъ суммъ приказа общественнаго призрѣнія, сиротъ убитыхъ и умершихъ чиновниковъ, не оставившихъ средствъ на воспитаніе дѣтей, зачислять немедленно на службу окончившихъ курсъ гимназіи, построить зданія гимназіи и окружныхъ училищъ на счетъ войсковыхъ суммъ, а зданія приходскихъ училищъ на средства городскихъ и сельскихъ обществъ.

Всѣмъ этимъ проектамъ не суждено было, однако, осуществиться. Главнокомандующій отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ генералъ Головинъ не нашелъ нужнымъ учрежденіе гимназіи въ Черноморскомъ войскѣ, въ виду предстоявшаго преобразованія этого войска и потребности у казаковъ въ военно-учебномъ заведеніи. Тогда, по распоряженію Заводовскаго, войсковая канцелярія 18 іюля 1840 г. вошла съ представленіемъ объ учрежденіи въ Черноморіи

военно-учебнаго заведенія, оставивши, такимъ образомъ, открытымъ вопросъ о гимназіи. Но и это представленіе не было удовлетворено высшей администраціей.

Слѣдующее десятилѣтіе начато было ревизіей приходскихъ училищъ. Ревизію эту производилъ штатный смотритель Екатеринодарскаго уѣзднаго училища Бурдуновъ, давшій слѣдующій отзывъ объ этихъ заведеніяхъ въ отчетѣ 23 апрѣля 1841 г.

Въ наилучшемъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи Бурдуновъ нашелъ Кущевское училище, созданное Толмачевымъ. Толмачева въ Кущевкѣ не было уже, но было два новыхъ учителя. Хорошую постановку учебнаго дѣла въ Кущевкѣ ревизоръ не безъ натяжки объяснялъ особою заботливостью объ училищѣ земскаго начальника Ягича, но Ягичъ могъ лишь содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ Толмачеву.

Брюховецкое училище помѣщалось въ тѣсномъ зданіи, но содержалось опрятно.

Въ Новонижестебліевскомъ или Гривенскомъ куренѣ училище помѣщалось въ очень плохомъ зданіи и учитель былъ матеріально не обезпеченъ.

Хорошее помѣщеніе и средства для содержанія его оказались въ Щербиновскомъ училищѣ, но успѣхи учащихся въ немъ были слабы.

Въ Таманскомъ училищѣ было удобное и чистое помѣщеніе и обнаружены хорошіе успѣхи учениковъ.

Въ Темрюкскомъ училищѣ оказалось плохое зданіе и посредственные успѣхи учениковъ.

Одновременно съ ревизіей офиціальныхъ училищъ шелъ розыскъ о частныхъ школахъ. Въ 1841 г. земскій начальникъ Бейсугскаго округа донесъ войсковой канцеляріи, что слѣдовало бы воспретить обученіе дѣтей въ частныхъ школахъ діаконицѣ Троицкой въ стан. Брюховецкой и чиновнику Рымаревичу въ Старолеушковскомъ куренѣ. Распоряженія на этотъ счетъ были сдѣланы. Но Рымаревичъ отказался дать подписку въ томъ, что не будетъ обучать дѣтей. Отъ дьяконицы Троицкой была отобрана подписка о необученіи дѣтей. Были ли въ дѣйствительности закрыты обѣ школы, въ архивныхъ документахъ не оказалось свѣдѣній на этотъ счетъ. Надо, однако, полагать, что школы продолжали существовать, разъ онѣ поддерживались населеніемъ.

Въ 1843 г. Кавказская дирекція училищъ потребовала отъ станичныхъ правленій свѣдѣній о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ чьемъ домѣ они находились, кто обучалъ дѣтей, по какому свидѣтельству и по какимъ предметамъ. Въ 1844 г. штатный смотритель Екатеринодарскаго уѣзднаго училища Бурдуновъ предписалъ по станицамъ не допускать къ занятіямъ съ дѣтьми въ частныхъ домахъ лицъ, не имѣвшихъ установленныхъ свидѣтельствъ на право обученія чтенію и письму. По всему видно было, что населеніе въ Черноморіи, какъ и раньше придерживалось своихъ излюбленныхъ способовъ самообученія и самообразованія.

И въ то время какъ частная народная школа считалась контрабандой, офиціальныя училища продолжали то закрываться то открываться въ зависимости отъ отношенія къ нимъ населенія. Въ 1844 г. было закрыто одно изъ старѣйшихъ училищъ Новонижестебліевское, вслѣдствіе отказа общества содержать его. Въ 1845 г., наоборотъ, было открыто училище въ станицѣ Полтавской въ зданіи, построенномъ на добровольныя пожертвованія жителей Таманскаго округа. Существованіе училищъ не подвергалось никакимъ случайностямъ лишь въ тѣхъ станицахъ, въ которыхъ были постоянные источники дохода для содержанія училища. Такъ было, напр., въ станицѣ Старощербиновской, имѣвшей три „училищныхъ лавки,“ дававшихъ доходъ въ училищный фондъ.

Въ февралѣ 1847 г. изъ штаба войскъ Кавказской линіи, гдѣ главнокомандующимъ былъ генералъ Заводовскій, присланъ былъ Черноморскому войску „Проектъ преобразованія Екатеринодарскаго уѣзднаго училища въ гимназію.“ Проектъ былъ составленъ крайне слабо и поверхностно, съ болѣе чѣмъ скромной смѣтой, исчисленной въ суммѣ 4235 р. 76 к. сер. Предположено было открыть не гимназію, а что-то среднее между гимназіей и уѣзднымъ училищемъ, неполное, незаконченное. Генералъ Рашпиль считалъ болѣе цѣлесообразнымъ учредить въ Екатеринодарѣ полную гимназію, какъ среднее учебное заведеніе. Въ этомъ смыслѣ Рашпиль представилъ соображенія Заводовскому. Онъ проектировалъ также открыть при гимназіи пансіонъ на 105 учениковъ. Всѣ ходатайства и представленія войскового начальства по этому предмету, попавши въ министерство народнаго просвѣщенія, не двигались впередъ и преспокойно вылеживались въ запыленныхъ его шкафахъ.

Въ 1850 г. была открыта дирекція училищъ въ землѣ войска Черноморскаго и первымъ директоромъ назначенъ былъ нѣкто Николай Рындовскій. Въ области просвѣщенія творилось вообще нѣчто странное. Закрывались частныя школы, урѣзывался проектъ гимназіи и задерживалось ея открытіе, тормозилось вообще дѣло народнаго просвѣщенія, но, при крайне ограниченномъ числѣ школъ, назначенъ былъ чиновникъ, съ громкимъ названіемъ директора училищъ въ землѣ войска Черноморскаго.

Въ 1849 г. Черноморское казачье войско получило, наконецъ, надежду на открытіе въ Черноморіи своей гимназіи, но только въ Январѣ 1851 г. штатъ гимназіи и гимназическаго пансіона при ней былъ Высочайше одобренъ, и съ того же января 1851 г. предположено было открыть 5 классовъ гимназіи. Новая гимназія была дѣтищемъ Г. А. Рашпиля. По его мысли она была организована и открытъ при ней пансіонъ. Онъ же придалъ программѣ ея и занятіямъ характеръ учрежденія, приспособленнаго къ нуждамъ населенія. Сверхъ обычнаго министерскаго курса, въ старшихъ классахъ Черноморской гимназіи были введены военныя науки, фехтованье, маршировка, стрѣльба, верховая ѣзда и плаваніе. Такимъ расширеніемъ

програмы талантливому генералу-самоучкѣ удалось сохранить для войска общеобразовательное заведеніе вмѣсто узко-спеціальнаго, которое находило желательнымъ высшее начальство.

При Рашпилѣ были учреждены пансіоны для учащихся при двухъ окружныхъ училищахъ въ куреняхъ Уманскомъ и Полтавскомъ. Это позволяло отдавать въ училища дѣтей тѣмъ изъ родителей, которые жили въ мѣстахъ удаленныхъ отъ окружныхъ училищъ. Заботами же Рашпиля была открыта Маріинская женская пустыня, въ которой генералъ предполагалъ учредить женское училище для войсковыхъ старшинъ, дочери которыхъ могли получать образованіе и знакомиться съ веденіемъ хозяйства и рукодѣльями при обстановкѣ очень близкой къ ихъ домашней.

Историкъ того времени И. Д. Попка сообщаетъ, что въ пятидесятыхъ годахъ въ Черноморіи существовали одна мужская гимназія, три окружныхъ или уѣздныхъ училища и лишь 5 низшихъ станичныхъ школъ и что количество учащихся въ войскѣ было до 600 чел., причемъ одинъ учащійся приходился на 141 д. муж. населенія. Войско имѣло, кромѣ того, 10 стипендіатовъ въ отдѣленіи восточныхъ языковъ при Новочеркасской гимназіи, 5 въ Харьковской гимназіи и университетѣ, 2 въ Петербургской гимназіи, 14 въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, 1 въ инженерномъ училищѣ, 2 въ мѣстномъ институтѣ, 1 въ горномъ и 1 въ институтѣ корпуса путей сообщенія. Въ 1852 г., какъ видно изъ предложенія намѣстника Кавказа, генералу Заводовскому, попечитель Кавказскаго учебнаго округа нашелъ необходимымъ открыть въ г. Ейскѣ приходское двухклассное училище, штатъ котораго былъ утвержденъ намѣстникомъ.

Но этими цифрами опредѣлялась потребность войска только въ официальныхъ школахъ. Историкъ ничего не сказалъ о частной школѣ и самообученіи, прекрасную характеристику котораго онъ далъ въ своей книгѣ. „Простой грамотный человѣкъ, говоритъ Попка, зовется у казаковъ „письменнымъ", а пищущій съ крючками и безъ препинаній величается „бумажнымъ" человѣкомъ. Бумажныхъ людей въ войсковыхъ присутствіяхъ, канцеляріяхъ и коммиссіяхъ, и даже въ станичныхъ правленіяхъ — много, и перья ихъ скрыпятъ неутомимо, мало уступаютъ скрыпу арбъ, слышному на закубанской сторонѣ; но печальный опытъ показываетъ, что дѣло скрыпу ихъ не боится и совсѣмъ не торопится скрыться въ мракѣ архива, что несравненно лучше быть человѣкомъ свѣдущимъ, чѣмъ бумажно-скрыпящимъ. и несравненно полезнѣе было бы для общества, если бы молодые годы, посвященные скорописанью, мы отдали ученью".

Но за массою казачьихъ борзописцевъ шли люди съ болѣе широкимъ и разностороннимъ образованіемъ. Въ пятидесятыхъ годахъ въ войскѣ были уже представители казачьей интеллигенціи, которые не только сами научились многому, но стали уже изучать родину и родное казачество, образецъ чего въ своей книгѣ „Черноморскіе казаки" далъ и авторъ ея И. Д. Попка за періодъ съ 1792 по 1846 г.

Чтобы закончить общую характеристику народнаго образованія въ Черноморіи, остается упомянуть объ образованіи дѣтей у духовнаго сословія. Хотя большая часть черноморскаго духовенства была казачьяго происхожденія и самое образованіе часто было общимъ дѣломъ казаковъ и ихъ духовныхъ пастырей, но собственно духовныя учебныя заведенія были организованы иначе, чѣмъ свѣтскія, и находились въ вѣдѣніи духовнаго вѣдомства, а не министерства народнаго просвѣщенія.

Первое учебное, заведеніе, подъ именемъ Екатеринодарскаго приходскаго духовнаго училища, было открыто въ октябрѣ 1818 г. Разрѣшено оно было годомъ раньше, но разрѣшеніе это шло изъ коммиссіи духовныхъ училищъ, находившейся при Святѣйшемъ Синодѣ, черезъ правленіе Екатеринославской духовной семинаріи, учебный органъ Екатеринославскаго архіепископа, ровно годъ. Первымъ смотрителемъ училища былъ протоіерей Россинскій, по иниціативѣ котораго оно было открыто, а учителемъ дьячекъ Лещенко. Учитель этотъ не имѣлъ средняго образованія и вышелъ въ 1811 г. изъ синтаксическаго класса Екатеринославской семинаріи. Съ такимъ же ограниченнымъ цензомъ были и послѣдующіе учителя. Россинскій напрасно просилъ правленіе Екатеринославской семинаріи прислать въ Черноморію воспитанниковъ, окончившихъ семинарію—одного учителемъ въ духовное училище, другого законоучителемъ въ уѣздное войсковое училище и по одному учителю въ 4 приходскія школы,—никакихъ назначеній не послѣдовало. За исключеніемъ Россинскаго, не было лицъ съ среднимъ образованіемъ въ рядахъ черноморскаго духовенства.

Духовное училище на первое время было очень плохо обставлено. При открытіи его имѣлось только три книги: россійская грамматика, священная исторія и новый завѣтъ на славянскомъ языкѣ, и по этимъ тремъ учебникамъ должны были обучаться 15 учащихся. Россинскій, впрочемъ, досталъ учебники изъ войскового училища, въ которомъ онъ состоялъ смотрителемъ. Въ то же время правленіе Екатеринославской семинаріи, вообще почему-то не благоволившее къ Россинскому, распорядилось, по требованію Московской духовной академіи, чтобы передъ классными уроками прочитывалась одна глава изъ Евангелія, но послѣдняго не прислала Россинскому. Достать Евангеліе въ Екатеринодарѣ негдѣ было, и Россинскій частнымъ письмомъ просилъ архіепископа Іова вывести его изъ затрудненія. Это обращеніе прямо къ архіепископу было также преступленіемъ по службѣ, такъ какъ по училищнымъ дѣламъ смотритель имѣлъ право сноситься съ епархіальнымъ начальствомъ только черезъ правленіе семинаріи. Но Россинскій былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ владыкою.

Самая постановка обученія въ училищѣ была довольно своебразна. Учащихся числилось одно количество, а учившихся въ дѣйствительности была половина его или и того меньше. Въ 1820 г.

по спискамъ значились 31 учащійся, но изъ нихъ 13 было дома, гдѣ они и обучались у родителей, а въ 1818 г., отсутствующихъ было 19. Это, конечно, объяснялось дальностью разстоянія многихъ селеній отъ города и недостаткомъ матеріальныхъ средствъ. По уставу училища, отсутствующіе ученики являлись въ опредѣленное время для испытанія и тѣ изъ нихъ, которые оказали успѣхи, отпускались снова домой, а не успѣвшіе оставлялись при училищѣ.

Родители также довольно безучастно относились къ отдачѣ своихъ дѣтей въ духовное училище. Россинскій требовалъ присылки дѣтей духовенства, писалъ объ этомъ благочиннымъ, но не получалъ даже отвѣтовъ на свои требованія. Родители просили освободить отъ ученія въ училищѣ ихъ дѣтей по болѣзни, по малолѣтству, вслѣдствіе семейныхъ неурядицъ и т. п. Одинъ священникъ писалъ Россинскому, что онъ не можетъ привезти своего сына въ училище потому, что шапсуги, напавшіе на его станицу, „испортили его лошадь".

Екатеринодарское духовное училище, какъ числившееся въ Екатеринославской епархіи, отнесено было къ третьему разряду духовно-учебныхъ заведеній и получало отъ Святѣйшаго Синода на содержаніе 400 р. штатной суммы, изъ которой 100 рублей назначались на хозяйственные расходы—на содержаніе дома, прислуги и пр., и 300 р. жалованья служащимъ. Деньги эти получались не вовремя, что затрудняло веденіе дѣла. Ихъ было, во всякомъ случаѣ, недостаточно и Россинскій покрывалъ расходы средствами отъ пожертвованій и поступленій отъ кружечнаго сбора. Съ 1818 по 1820 г. общая сумма изъ этихъ трехъ источниковъ равнялась 3146 р. ас., а расходы 1397 р. ас.

Учитель велъ въ училищѣ журналъ, въ который ежедневно записывалъ, что и по какому предмету было пройдено. Ученикамъ велись ежегодныя вѣдомости, въ которыхъ отмѣчались, какъ способности, прилежаніе и успѣхи учениковъ—„надеженъ", „съ дарованіемъ", „успѣваетъ", „понятливъ", „слабъ", „остръ", „лѣнивъ" и пр., такъ и поведеніе—„забіячливъ", „благонравенъ", „скоръ", „кротокъ", „молчаливъ" и т. п. По этимъ свѣдѣніямъ составлялись ежегодные отчеты и отсылались въ правленіе Екатеринославской семинаріи, непосредственному вѣдѣнію которой подчинено было училище.

Въ 1820 г., когда Россинскій успѣлъ наладить дѣло въ училищѣ, оно было неожиданно закрыто, по распоряженію коммиссіи духовныхъ училищъ, вслѣдствіе представленія архіепископа Іова. Вмѣсто того было открыто въ Ростовѣ-на-Дону духовное уѣздное училище, куда и должны были перейти всѣ учащіеся екатеринодарскаго училища.

Есть основанія предполагать, что училище было закрыто изъ личной непріязни къ Россинскому, подъ вліяніемъ кого-либо изъ заправилъ въ Екатеринославѣ, нерасположенныхъ къ самостоятельному протоіерею. Закрытіемъ училища черноморское духовенство

было поставлено въ очень затруднительное положеніе. Къ счастью, вслѣдъ затѣмъ Черноморія была перечислена изъ Екатеринославской епархіи въ Астраханскую. Россинскій съ обычною ему энергіей принялся хлопотать объ открытіи въ Екатеринодарѣ вновь училища и оно было открыто въ 1823 г.

Ученіе въ возстановленномъ училищѣ начались въ томъ же 1823 г. Въ училищѣ было два отдѣленія—высшее и низшее; смотрителемъ былъ назначенъ снова Россинскій, а учителями въ высшемъ отдѣленіи священникъ Вишневскій съ семинарскимъ образованіемъ и въ низшемъ дьячекъ Митлашевскій, исключенный изъ низшаго отдѣленія Астраханской духовной семинаріи. Особенность возстановленнаго заведенія составляла открытая при немъ бурса, т. е. содержаніе бѣдныхъ учениковъ на счетъ училищныхъ средствъ. Средства эти составлялись изъ пожертвованій и суммъ кружечнаго сбора. За неимѣніемъ собственнаго училищнаго помѣщенія, бурсаки помѣщались за извѣстное вознагражденіе въ частныхъ квартирахъ.

На этихъ основаніяхъ училище существовало до 1842 г., когда, по положенію о Черноморскомъ казачьемъ войскѣ 1 іюля 1842 г., оно переименовано было въ „войсковое духовное училище". Вмѣстѣ съ этимъ въ распоряженіе училища было передано въ 1844 г. войскомъ около 40000 р. сер. церковныхъ суммъ, которыя, подъ названіемъ „черноморскаго духовнаго училищнаго капитала", положены были въ приказъ общественнаго призрѣнія для приращенія процентовъ.

Такимъ образомъ, духовное училище было обезпечено довольно значительными матеріальными средствами и могло быть поставлено въ болѣе благопріятныя условія для развитія въ немъ учебнаго дѣла. Но въ это время Россинскаго давно уже не было—онъ умеръ 12 декабря 1825 г., а замѣнить такого дѣятеля было некѣмъ.

Между тѣмъ внѣшнія условія и обычная жизненная обстановка не благопріятствовали дѣлу. Духовенство по прежнему относилось къ воспитанію своихъ дѣтей въ собственномъ училищѣ апатично и безучастно. Начальству по прежнему приходилось обращаться къ понужденіямъ, чтобы заставить невѣжественныхъ и безпечныхъ родителей отдавать въ училище дѣтей. Въ 1841 г. новочеркасскій архіепископъ Афанасій потребовалъ обязать все духовенство подпискою объ опредѣленіи дѣтей въ училище по достиженіи 8 лѣтъ. Благочинные должны были доносить архіепископу каждую треть о родителяхъ исполняющихъ и неисполняющихъ это распоряженіе. Послѣднихъ слѣдовало понуждать вразумленіями и побужденіями, а если это не подѣйствуетъ, то денежными штрафами, временнымъ лишеніемъ занимаемыхъ должностей, удержаніемъ части доходовъ, вызовомъ въ епархіальный городъ и пр. Такою косною была часть духовенства въ Черноморіи.

Наконецъ, въ 1858 г. Екатеринодарское духовное училище было преобразовано въ „Черноморское войсковое духовное училище"

съ тремя отдѣленіями—высшимъ, среднимъ и низшимъ, и съ двухлѣтнимъ курсомъ въ каждомъ. Курсы были приспособлены къ поступленію окончившихъ училище въ духовную семинарію, а само училище предназначено главнымъ образомъ для дѣтей черноморскаго духовенства.

Очень интересными оказываются тѣ результаты, которые дало училище въ теченіе 37 лѣтъ своего существованія. Къ матеріаламъ, которыми я пользовался, приложенъ списокъ учениковъ съ 1818 по 1858 г. Такъ какъ въ списокъ занесено 446 учащихся, что дастъ по 12 учащихся въ годъ, за выключеніемъ трехъ лѣтъ закрытія училища, то списокъ, очевидно, очень неполный. Но и приведенныя цифры характерны. О 131 ученикѣ не оказалось никакихъ свѣдѣній, а изъ остальныхъ 315 учениковъ 98 были причетниками, 85 священниками, 39 діаконами, 20 чиновниками, въ томъ числѣ одинъ Пензенскимъ губернаторомъ (Залѣсскій), 20 казаками, 20 умерло еще въ училищѣ, 16 офицерами, въ томъ числѣ были полковники и одинъ генералъ-лейтенантъ (Попка), 7 разночинцами, 6 учителями и 4 разстригами. Слѣдовательно, въ духовномъ сословіи осталось 222 человѣка или 70%, а вышло изъ духовнаго званія 93 человѣка или 30%. Процентъ оставившихъ духовное сословіе значительный, но это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что большинство духовенства было казачьяго происхожденія, которое перешло въ казаки, офицеры, учителя и въ чиновники, служа въ войскѣ. Собственно же разночинцевъ оказалось только 7 человѣкъ или 2,2%.

Совершенно иначе шло и слагалось дѣло народнаго просвѣщенія на Старой и Новой Линіяхъ.

Спустя два года послѣ прихода на Кубань черноморцевъ, рядомъ съ ними поселенъ былъ въ 1794 г. Кавказскій полкъ на такъ называемой Старой Линіи. Это были донцы старовѣры, переселенные на Кубань, какъ бунтовщики, за энергичное отстаиванье стариннаго казачьяго уряда отбыванія военной службы по очередямъ. Въ историческихъ документахъ нѣтъ указаній на то, съ какими зачатками образованія пришли донцы на новыя мѣста, но, судя по двумъ признакамъ—по неповиновенію властямъ и по приверженности къ старой вѣрѣ, населеніе это не склонно было обнаруживать существованіе у него способовъ обученія грамотѣ и письму. Это были, такъ сказать, секретные способы полученія образованія, какъ секретно совершались религіозныя собесѣдованія, церковныя службы, требы и пр. За все это старовѣры преслѣдовались и естественно, что оно скрывалось у нихъ въ тайникахъ запретной жизни. Въ то время у старолинейныхъ казаковъ не было ни школъ, ни открытыхъ, общедоступныхъ способовъ обученія грамотѣ и письму. Учились тому и другому у духовниковъ и начетчиковъ. Самое обученіе велось въ узкихъ рамкахъ религіозной обособленности. Только славянская печать и грамота считались необходимыми людямъ старой вѣры. Гражданская печать, все новое,

никоніанское не входили въ задачи образованія дѣтей, и если допускались, то какъ неизбѣжное зло, потому что нельзя же было обойтись на службѣ безъ гражданской грамоты и письма.

Такимъ образомъ, насколько можно судить по историческимъ условіямъ, складу жизни у раскольничьяго населенія и отчасти по воспоминаніямъ о старинѣ, народное образованіе на Старой Линіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій не представляло собою общественно-организованнаго дѣла, находившагося въ вѣдѣніи учебной администраціи. Навѣрняка можно сказать, что оно сводилось къ преемственной передачѣ грамотности и письма отъ однихъ лицъ къ другимъ и всецѣло обусловливалось религіозными воззрѣніями массы населенія, поставленнаго въ исключительныя условія отщепенцевъ. По словамъ А. Д. Ламонова, въ станицѣ Кавказской было нѣсколько человѣкъ грамотныхъ и ихъ всѣ знали по именамъ.

Въ 1802 г. рядомъ съ донцами на Старой Линіи были поселены казаки бывшаго Екатеринославскаго войска, составившіе на Кубани Кавказскій полкъ. Это были такъ называемые новодонскіе казаки, большая часть которыхъ входила въ составъ полка Платова, когда екатеринославцами командовали донскіе старшины. Новые поселенцы Старой Линіи представляли по составу очень разношерстную массу, въ которую входили и малороссійскіе казаки, и однодворцы, и бѣглые крестьяне, и старообрядцы, и мѣщане, и вообще разнаго рода выходцы изъ южной Россіи. При такомъ составѣ въ полку встрѣчались отдѣльныя грамотныя личности, но не было ни школъ, ни какихъ-либо зачатковъ школьнаго дѣла.

Когда былъ сформированъ строевой составъ этого полка, то оказалось, что самого заслуженнаго и достойнаго офицера старика Гречишкина, бывшаго уже фактически полковымъ командиромъ, нельзя было утвердить въ этой должности, такъ какъ онъ былъ неграмотенъ. Недоставало грамотныхъ офицеровъ и на другія должности. Изъ списка лицъ, избранныхъ казаками въ офицеры, видно, что изъ 15 офицеровъ было 6 неграмотныхъ. Грамотнаго командира полка пришлось взять изъ офицеровъ Волгскаго полка, а неграмотнаго квартирмейстера перевести на другую должность, избравши на его мѣсто въ офицеры грамотнаго казака.

Какъ и въ Черноморіи, кавказскіе казаки учились въ первое время у грамотѣевъ и доучивались письму въ полковой канцеляріи.

До 1832 г. на Старой Линіи совсѣмъ не было офиціальныхъ школъ. Грамотность по прежнему передавалась преемственно, домашними способами, а у населенія старой вѣры тѣсно была соединена съ религіозными нуждами. По словамъ А. Д. Ламонова, староверы въ это и послѣдующее время сильно нуждались въ духовномъ просвѣщеніи. У нихъ не было священниковъ, некому было ни крестить, ни вѣнчать, и бывали случаи, что послѣ крещенія сейчасъ же и вѣнчали крещенныхъ. При такихъ условіяхъ религіозныя нужды удовлетворяли уставщики. Они же были и учителями.

„Помимо божественной службы, говоритъ Ламоновъ, уставщики считали своего святою обязанностью учить дѣтей церковно-славянской грамотѣ и пѣнію. Дѣтей училось до 10 человѣкъ ежегодно. Хорошо выучившіеся читать часовникъ и псалтырь были помощниками уставщикамъ при богослуженіи, пѣли, читали по умершимъ и даже сорокоусты. Чтобы пріохотить дѣтей къ чтенію молитвы въ часовнѣ, прочитавшему давалась награда—грошъ или копѣйка, изъ скуднаго кармѣна уставщика. Этотъ обычай поддерживали Тимофей Коноваловъ, Николай Ермиловъ и Лукьянъ Шерстобитовъ, уже будучи священниками“. Само собою разумѣется, что все это совершалось въ тиши домашней жизни, подъ покровомъ тайны. Въ тѣ времена, люди старой вѣры были стѣснены въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ православное населеніе, которому въ Черноморіи запрещалось имѣть частныя школы и учителей.

Въ 1832 г., когда было образовано Кавказское казачье линейное войско, въ составъ котораго вошли Кубанскій, Кавказскій и Хоперскій полки, появились на Старой Линіи первыя офиціальныя школы. Самыми старыми школами были Новомарьевское и Сингелеевское училища, открытыя въ 1833 г.

Офиціальными училищами на обѣихъ линіяхъ—Старой и Новой, были первоначально такъ называемыя полковыя школы. Каждый полкъ имѣлъ свою школу, находившуюся при полковомъ управленіи. Въ станицахъ были также частные учителя и школы. Учили дѣтей грамотѣ и письму лица духовнаго званія, писаря и грамотѣи, и насколько можно судить по тому изолированному положенію, въ какомъ находились полки, здѣсь на частныя школы не воздвигались такія гоненія, какъ въ Черноморіи. Въ полковыхъ школахъ дѣти обучались грамотѣ и письму, а доучивались послѣднему, по казачьимъ обыкновеніямъ, въ полковыхъ канцеляріяхъ. На Линіи было вообще меньше грамотныхъ, чѣмъ въ Черноморіи; меньше было попытокъ и стремленія къ образованію, и потому, быть можетъ, меньше преслѣдовались здѣсь самообученіе и школьная инициатива.

Въ видахъ повышенія уровня военнаго образованія, въ 1846 г. открыты были для подготовки грамотныхъ урядниковъ полковыя школы, на 50 мальчиковъ каждая. Въ школахъ преподавались: фронтовое обученіе, Законъ Божій, русская грамматика, арифметика и чистописаніе. Для подготовки офицеровъ открыты 24 стипендіи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Наказный атаманъ жаловался, что „имѣя въ войскѣ много хорошихъ боевыхъ офицеровъ, онъ совсѣмъ бѣденъ офицерами, свѣдущими въ письмоводствѣ“.

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, когда было примѣнено къ Кавказскому Линейному войску положеніе 1845 г. и Кавказскіе казаки были распредѣлены по мѣсту жительства на бригады, на обѣихъ Линіяхъ—Старой и Новой появились бригадныя школы. Послѣднія мало чѣмъ отличались отъ школъ полковыхъ. Грамота и письмо въ нихъ стояли на первомъ мѣстѣ, а грамотные казачата

доучивались письму въ канцеляріи. Дальше этого школьное дѣло не пошло у линейцевъ. О среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и помина не было. Никто объ этомъ не думалъ и никто не заботился. Не было также и общей объединенной и приспособленной ко всему краю системы примѣненія образованія по всему войску. Каждый полкъ или бригада вели школьное дѣло обособленно. Несомнѣнно, что эта обособленность и соединенное съ нею отсутствіе общихъ войсковыхъ капиталовъ, которые могли бы пойти на развитіе общаго дѣла по образованію, мѣшали болѣе широкой постановкѣ этого послѣдняго.

Глава XXXIV.

ДУХОВЕНСТВО И МОНАСТЫРИ.

Къ концу XVIII столѣтія Черноморское духовенство не сформировалось еще окончательно и продолжало пополняться новыми членами. Открывались новые приходы, строились храмы, а самое пополненіе духовенства производилось сначала на счетъ ухода изъ служилаго состава войска грамотныхъ казаковъ, а впослѣдствіи и представителями изъ собственной духовной среды, дѣтьми духовенства. Тѣ и другіе новые члены духовенства продолжали жить одною общею съ казаками жизнью, ничѣмъ не выдѣляясь какъ изъ рядовъ чиновнаго, такъ и изъ массы сѣраго люда. Тотъ же семейный укладъ, что и у казаковъ, тѣ же обычаи, тѣ же нравы и взаимоотношенія, какіе были вообще у населенія, господствовали и въ средѣ духовенства. Духовенство продолжало быть плотью отъ плоти и костью отъ кости казачьей. Благодаря этому, оно всегда близко стояло къ сѣрой рядовой массѣ, знало ея жизнь и нужды, болѣло ея горемъ и лишеніями. Это было своего рода органическое сродство, но, какъ всякому сродству, ему не чужды были и тѣ отрицательныя свойства, которыми изобиловала среда того времени, пропитанная грубыми нравами, своекорыстными побужденіями и низкимъ уровнемъ духовнаго развитія.

Въ матеріалахъ церковнаго архива, хранящагося при Екатеринодарскомъ соборѣ, остались яркіе слѣды отъ этой прошлой жизни, въ которой Черноморское духовенство то играетъ выдающуюся роль духовныхъ руководителей, то въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ членовъ падаетъ нравственно до скамьи подсудимыхъ.

Въ началѣ XIX столѣтія, особенно въ первое его десятилѣтіе, казалось бы, грубая и невоздержанная казачья среда давала еще тѣмъ не менѣе, истыхъ носителей духовной идеи, какъ понимало ее казачество. Духовный пастырь ревностно несъ церковную службу, былъ строгимъ блюстителемъ благочинія и „трепетнаго порядка“ въ

храмѣ Божьемъ, но жилъ жизнью простого казака, работалъ, увеличивалъ свое благосостояніе и не лишалъ себя обычныхъ удовольствій массы. Это былъ старшій и почитаемый членъ громадной казачьей куренной семьи. Такихъ представителей духовнаго клира и выбирали куренныя общества. Обществами писались еще одобрительные приговоры кандидатамъ, посылались къ епархіальной власти ставленники куренныхъ общинъ. Въ 1810 г. казакъ станицы Кисляковской Яковъ Волынскій, представляя увольнительное свидѣтельство отъ Черноморской войсковой канцеляріи и одобрительный приговоръ о годности къ духовному званію и о добромъ поведеніи отъ своего Кисляковскаго общества, просилъ Екатеринодарское духовное правленіе представить, куда слѣдуетъ, ходатайство о принятіи его, Волынскаго, въ духовное званіе и о рукоположеніи вторымъ, на оставшееся вакантнымъ мѣсто, священникомъ къ Предтеченской церкви куреня Кисляковскаго. Такія ходатайства возбуждались раньше и впослѣдствіи, какъ искавшими духовныхъ мѣстъ лицами, такъ и куренными обществами.

Но въ это время замѣтно измѣнились и тѣ духовныя учрежденія, къ которымъ имѣло отношеніе черноморское духовенство. Вмѣсто единоличной власти екатеринодарскаго войскового протоіерея появилось Екатеринодарское духовное правленіе, въ которомъ войсковой протоіерей, хотя и продолжалъ быть главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, но уже не единственнымъ; съ нимъ въ томъ же правленіи были и другіе—секретарь правленія, слѣдователи и депутаты, существовала даже штатная должность сторожа при духовномъ правленіи. Духовное правленіе стало первой и фактически главной инстанціей, въ которой начинались и въ большинствѣ случаевъ вершились дѣла черноморскаго духовенства. Нерѣдко духовное правленіе становилось грозною силою, и даже сторожъ при немъ былъ особою и его мѣста искали многіе просители. Сама епархіальная власть придавала значеніе должностного лица сторожу при духовномъ правленіи. Указомъ Мефодія, архіепископа Кавказскаго и Екатеринославскаго, 2 октября 1825 г. предписано было Екатеринодарскому духовному правленію: „просителя, исключеннаго изъ училища по неблагонадежности въ ученьи и поведеніи, изъ единаго уваженія къ молодымъ его лѣтамъ, принять въ духовное званіе и опредѣлить до усмотрѣнія нравственности въ духовное правленіе сторожемъ“. Блудному сыну оказано было служебное гостепріимство.

Въ это время сложился уже чиновный міръ въ средѣ духовенства, но предварительныя измѣненія въ духовной средѣ намѣтились далеко раньше и вылились первоначально въ формѣ служебной субординаціи. Какъ извѣстно, по самому составу церковнаго клира, онъ дѣлился на двѣ инстанціи: на высшую—священнослужителей и низшую—церковно-служителей. Къ первой относились священники и діаконы, ко второй—дьячки и пономари. Послѣдняя группа, въ силу своей подначальности, скоро попала въ зависимое положеніе

отъ первой группы. Священники стали распоряжаться дьячками, какъ подчиненнымъ имъ служебнымъ персоналомъ. Въ августѣ 1800 г. въ особомъ циркулярѣ по епархіи „всѣмъ протопопамъ и священникамъ" предписано было, чтобы они, согласно указу консисторіи, ни въ коемъ случаѣ „не почитали церковно-служителей своими работниками" и отнюдь не отягощали ихъ работами. Это было, впрочемъ, общее по Россіи распоряженіе. Но церковные причты въ Черноморіи не составляли исключенія въ этомъ отношеніи.

Что касается высшей духовной власти, то она сосредоточивалась въ рукахъ владыки и его исполнительнаго органа—консисторіи. Архіереи имѣли мѣсто и пребываніе вдали отъ войска и нѣсколько разъ мѣнялись по губерніямъ. Черноморское духовенство было въ разное время въ вѣдѣніи и Таврической кафедры, и Екатеринославскаго архіепископа, и Астраханской епархіи, и Новочеркасскаго архіерея, и наконецъ, епископа Кавказскаго и Екатеринодарскаго. Благодаря обособленности Черноморіи, какъ самостоятельной провинціи, отъ другихъ губерній, въ ней лишь въ слабой степени ощущалась наличность высшей епархіальной власти. Потому-то и играло видную роль мѣстное Екатеринодарское духовное правленіе. Архіереи только посвящали духовныхъ лицъ, назначали или утверждали ихъ въ должностяхъ, вообще вершили самыя важныя духовныя дѣла, но всегда дѣйствовали на расчищенной и подготовленной Екатеринодарскимъ духовнымъ правленіемъ почвѣ. Рѣзкій отпечатокъ на ихъ дѣятельность налагали лишь личныя ихъ качества—мягкость или суровость, ихъ характеръ, темпераментъ. Были добрые, были и строгіе владыки. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ архіепископъ Новочеркасскій Меѳодій. Это былъ суровый владыка, каравшій черноморское духовенство за малѣйшіе проступки, какъ это видно изъ его резолюцій на консисторскихъ дѣлахъ. Въ октябрѣ 1826 г. пономарь селенія Новоивановскаго Даніилъ Дей просилъ архіепископа Меѳодія назначить его священникомъ во вновь образовавшееся селеніе на р. Понурѣ. На этомъ прошеніи архіепископъ положилъ слѣдующую резолюцію: „проситель недавно поступилъ, какъ видно изъ справки, изъ казачьяго званія въ духовное и, находясь въ ономъ только девять мѣсяцевъ, не могъ приготовить себя даже къ низшей пономарской должности, а уже взирается въ священство. За таковую дерзость, отказавъ ему навсегда въ производствѣ на высшія степени, обязать подпискою быть довольнымъ настоящимъ, причетническимъ мѣстомъ, а благочиннаго Красницкаго, забывшаго всю важность благочиннической должности и свидѣтельствовавшаго своимъ рукоприкладствомъ одобреніе во священника въ то селеніе, которое не состояло и не состоитъ въ здѣшнемъ епархіальномъ вѣдомствѣ, оштрафовать въ пользу вдовъ и сиротъ 25 рублями". Такимъ характеромъ отличались и другія резолюціи этого владыки.

Свѣтскія власти относились не всегда съ должнымъ уваженіемъ и предупредительностью къ своимъ духовнымъ отцамъ и наставни-

камъ. Почетному званію духовенства они противопоставляли свой чиновичій гоноръ. Представители войсковой администраціи ставили себя въ служебномъ отношеніи выше церковнаго клира и часто не только позволяли себѣ мѣшаться во внутренія дѣла духовенства, но допускали произволъ и насиліе. Въ обыденной жизни, поэтому, между духовенствомъ и людьми вліятельными всегда происходили на такой подкладкѣ распри и пререканія, оканчивавшіяся зачастую не въ пользу духовенства. Только въ случаяхъ явнаго нарушенія правъ духовенства, администрація становилась на сторону послѣдняго. Такъ, въ 1819 г., по распоряженію войскового атамана Матвѣева, войсковая канцелярія постановила „приказать есаулу Голобородько, чтобы онъ возвратилъ взятые изъ церковной кузницы матеріалы, не вмѣшивался въ церковныя дѣла, причетниковъ для копанія канавы не высылалъ, ругательствъ имъ и несправедливыхъ притязаній, равно и священнику Богдановскому угрозъ, дѣлать не осмѣливался“. Такимъ образомъ, судя по этому случаю, одинъ казачій офицеръ держалъ въ угнетенномъ положеніи цѣлый церковный причтъ. Казачьи власти, даже низшія, не церемонились съ своими духовными отцами.Въ 1830 г. атаманъ Старокорсунскаго куреня Чернявскій и и куренной судья Савенко схватили священника куреня Ивановскаго Григорія Петрова, провожавшаго въ полномъ облаченіи обвѣнчанную пару изъ церкви на домъ, и посадили его подъ арестъ въ куренномъ управленіи, гдѣ онъ, при нанесеніи ему разнаго рода обидъ, и просидѣлъ до утра слѣдующаго дня. Правда, и самъ священникъ, попавши подъ арестъ, велъ себя не съ надлежащимъ достоинствомъ, приличнымъ его сану, ссорился съ властами, ругался и послалъ за водкой, чтобы утопить въ винѣ свое горе. Тѣмъ не менѣе такіе чрезвычайные случаи, какъ арестъ священника да еще въ полномъ церковномъ облаченіи, свидѣтельствовали о крайнемъ произволѣ властей и отсутствіи уваженія къ духовному сану.

Въ этомъ отчасти виновато было, быть можетъ, то неопредѣленное положеніе, которое занимало черноморское духовенство, какъ сословіе. Архіерея, высшей власти, обязанной защищать интересы этого сословія, не было на мѣстѣ; онъ находился гдѣ-то далеко въ другой губерніи. Близость войскового протоіерея, въ первые годы войскового строительства, къ высшей войсковой администраціи также ослабѣла, утратилась. Большинство представителей черноморскаго духовенства было ставленниками куренныхъ обществъ, „громадъ“, а громада чувствовала свою силу и власть и порою давала чувствовать ее и своимъ ставленникамъ. Получалось, при наличности этихъ условій, какое-то недодѣланное, неопредѣленное положеніе цѣлаго народившагося сословія. Трудно было даже разобраться, куда и къ кому слѣдовало обращаться во многихъ случаяхъ правонарушеній со стороны духовенства или по отношенію къ духовенству.

Многія дѣла и претензіи на духовенство или духовенства на разныхъ лицъ и учрежденія не доходили до высшей епархіальной власти,

а разрѣшались Екатеринодарскимъ духовнымъ правленіемъ. Такъ 18 мая 1825 г., кисляковское куренное общество, указывая въ своемъ прошеніи Екатеринодарскому духовному правленію на то, что священникъ Дроботковскій, назначенный, по предложенію благочиннаго 3-го округа, печь просфоры, „былъ веселаго нрава, и склоненъ къ пьянству и непостоянности“,—просило духовное правленіе „удалить Дроботковскаго вовсе изъ прихода черезъ его непостоянство, дерзкій характеръ и неуживчивость“. Такъ какъ священникъ Дроботковскій отбывалъ наказаніе въ положеніи причетника, по опредѣленію епархіальной власти, то духовное правленіе нашло невозможнымъ удалить его изъ Кисляковки до окончанія эпитиміи, а просфоры поручило печь его женѣ, „чтобы имѣть съ дѣтьми пропитаніе“.

Такія нареканія на духовныхъ лицъ повторялись и въ другихъ случаяхъ. Матеріалы церковнаго архива свидѣтельствуютъ какъ о проступкахъ духовныхъ лицъ по отношенію къ мірянамъ, обществу и другъ къ другу, такъ и мірянъ по отношенію къ своимъ духовнымъ наставникамъ. Грубы были нравы и обычаи, низокъ уровень культурнаго развитія, слабо сознаніе нравственнаго начала въ дѣлахъ общественнаго служенія,—естественно, что, при такихъ условіяхъ, жизнь того времени была испещрена темными пятнами. Немудрено, что ссоры, сутяжничество, ожесточенная вражда, произволъ и насиліе одинаково встрѣчались въ жизни и духовенства и мірянъ. Враждовали духовныя особы между собою, причтъ съ причтомъ, враждовалъ нерѣдко и приходъ съ своими духовными отцами. Въ 1825 г. священникъ куреня Тимошевскаго Діомидъ Попка возбудилъ искъ противъ священника города Екатеринодара Артемія Тичинскаго, прося взыскать съ него 24 рубля, взятые послѣднимъ за вѣнчаніе прихожанъ Попки—казака Загинайла съ женщиной Феодосьей Попко. Послѣ долгаго разслѣдованія, въ 1832 г. съ священника Тучинскаго было взыскано въ пользу священника Попки 18 рублей. Такія столкновенія на почвѣ матеріальной между духовными особами разныхъ причтовъ были часты, особенно изъ за требъ по хуторамъ. Дѣло въ томъ, что хуторяне были большею частью богатые люди и хорошо одѣляли духовенство за требы, между тѣмъ хутора были такъ разбросаны и удалены отъ своихъ приходовъ, что населеніе въ необходимыхъ случаяхъ обращалось къ ближайшему причту, а не къ тому, по спискамъ котораго оно числилось. Отсюда возникала масса претензій со стороны однихъ приходовъ къ другимъ изъ за дохода отъ требъ.

Въ болѣе крупномъ масштабѣ обнаруживались отрицательныя явленія изъ жизни Черноморскаго духовенства въ личныхъ проступкахъ его представителей. Личный проступокъ всегда ярче бросается въ глаза, чѣмъ правонарушенія служебнаго характера. Въ 1825 г. въ комитетъ по водворенію переселенцевъ поступила отъ смотрителя куреня Старокорсунскаго хорунжаго Мовчана жалоба на священника Антона Скрынченко, повѣнчавшаго сироту 11 лѣтнюю дѣвочку съ

30 лѣтнимъ казакомъ Шмалькомъ. Сватъ послѣдняго казакъ Ложицкій стращалъ дѣвочку, понуждая ее дать согласіе на вѣнчаніе. „Ежели, говорилъ онъ, ты не пойдешь за Шмалька, то я стану куреннымъ атаманомъ и тотъ же часъ отдамъ тебя на войсковую суконную фабрику“. Дѣвочка силою была отведена въ церковь и обвѣнчана. Три дня потомъ подъ рядъ она плакала и не хотѣла ѣхать съ мужемъ. Назначенное по этому поводу слѣдствіе длилось такъ долго, что женихъ Шмалько и священникъ Скрынченко умерли, а дѣвочка черезъ шесть лѣтъ вышла замужъ за другого, и дѣло предано было забвенію. Самъ по себѣ этотъ возмутительный фактъ могъ быть, конечно, со стороны священника результатомъ введенія въ заблужденіе или чрезмѣрной слабости и угодливости прихожанамъ. Въ то время царили иные нравы и иныя воззрѣнія на жизнь, чѣмъ впослѣдствіи, и браки малолѣтковъ были не рѣдкостью. Но въ слѣдующемъ рядѣ фактовъ обнаруживаются иныя уже черты въ поведеніи духовенства и иныя побужденія.

Въ 1825 г. хорунжіе Василій Павлоградскій и Петръ Зикрачъ подали жалобу на священника сел. Сергіевскаго Павлевскаго и его жену Наталію о причиненіи Павлоградскому „немилосердныхъ побоевъ“. Слѣдствіемъ подтвердился фактъ избіенія священникомъ и его женою хорунжаго Павлоградскаго, а благочинный Стрѣшенко далъ отзывъ о священникѣ Павлевскомъ, что онъ пьяница, службъ церковныхъ не отправляетъ, характера буйнаго и дерзкій. Слѣдователя и депутатовъ при немъ Павлевскій выгналъ изъ дома и въ духовное правленіе, по требованію его, не явился. Впослѣдствіи Павлевскій былъ совершенно отрѣшенъ отъ священнической должности, какъ человѣкъ порочный. Такое поведеніе духовныхъ лицъ было не рѣдкостью въ ту пору вообще въ Россіи, и самъ Государь Александръ I-й обратилъ на это вниманіе въ томъ же 1825 г. Узнавши изъ дневника происшествій, что діаконъ Подольскаго уѣзда Петровъ съ дядей своимъ московскимъ священникомъ Совиновымъ напились у родственниковъ въ гостяхъ такъ, что Петровъ умеръ, Государь выразилъ желаніе Аракчееву, „чтобы духовныя лица были воздержны отъ пьянства“. Аракчеевъ сообщилъ объ этомъ митрополиту Петербургскому и Новгородскому Серафиму, который, въ свою очередь, доложилъ объ этомъ Святѣйшему Синоду, и Синодъ постановилъ обязать духовныхъ лицъ подпискою воздерживаться отъ пьянства.

Само собою разумѣется, что, несмотря на подписки духовенства, обычныя попойки и безобразія людей, привыкшихъ къ невоздержанности, продолжались. Священникъ куреня Новотитаровскаго Семенъ Федоренко 16 февраля 1828 г. былъ освобожденъ архіепископомъ астраханскимъ Павломъ отъ суда по обвиненію въ томъ, что будто бы онъ вѣшалъ казака Глиняного на вербѣ и грозилъ привязать атамана Горба къ хвосту лошади и таскать его по селу, въ виду того, что такое показаніе далъ одинъ только свидѣтель.

Но доказано было, что Федоренко „не воздержной жизни, сквернословъ, не радивъ по службѣ, дѣлалъ вымогательства“, за что переведенъ на причетническое мѣсто. По исправленіи онъ долженъ былъ пріискать мѣсто и представить одобрительный приговоръ общества. Съ Федоренка взята подписка, что если онъ не исправится, то будетъ лишенъ сана.

Еще характернѣе въ этомъ отношеніи слѣдующій случай, представляющій наглядную картину нравовъ духовенства тридцатыхъ годовъ. Въ 1831 г. пономарь куреня Пашковскаго Апполонъ Кандиловскій, придя 13 января въ домъ священника Калайтана по дѣламъ службы, былъ избитъ гостемъ Калайтана священникомъ Писковскимъ. Когда Кандиловскій пришелъ подъ благословеніе къ Писковскому, послѣдній, увидя на правой рукѣ пономаря перстень, просилъ Кандиловскаго показать ему его „для узнанія доброты“. Надѣвши перстень на свой палецъ, священникъ Писковскій сталъ говорить, что пономарю не слѣдуетъ носить украшеній, и просилъ продать или подарить ему перстень. Пономарь сослался на то, что перстень у него наслѣдственный и, поэтому, онъ продать его никому не можетъ. „Тогда священникъ Писковскій далъ ему, Кандиловскому, три пощечины“, называлъ его воромъ и перстень уворованнымъ. Видя, что Писковскій пьянъ, пономарь просилъ возвратить ему перстень. Но попъ кольца не отдалъ, а „нанесъ Кандиловскому вторично побои, разбилъ ему лицо и носъ до крови, разорвалъ манишку и вырвалъ съ головы волосы, съ причиненіемъ 30 ударовъ“. Все это подтверждено было многими свидѣтелями. Началось слѣдствіе. Но Кандиловскій умеръ въ 1832 г. За 1834 г. на дѣлѣ осталась помѣтка, что „дерзновенный и буйственный поступокъ священника Писковскаго приказано имѣть въ виду, при рѣшеніи другого дѣла по жалобѣ на него прихожанъ станицы Сергіевской о буйствѣ, ссорахъ и дракахъ“. Въ томъ же году Роговское куренное управленіе жаловалось благочиному Бовшику, что мѣстные священники Подопригора и Суима не отправляли церковныхъ службъ ни въ воскресенье, ни въ праздничные дни и просили благочиннаго побудить священниковъ къ исправному отправленію церковныхъ служеній. Возбуждено было слѣдствіе, подтвердившее жалобу Роговскаго общества. „Повальнымъ обыскомъ“, т. е. сплошнымъ опросомъ жителей, „не одобрены были оба священника“, особенно Подопригора, „склонный къ пьянству“. Въ наказаніе онъ отправленъ былъ на $^1/_2$ года въ Новочеркасскъ для исправленія причетническихъ обязанностей при соборѣ. Суима же, наказанный уже два раза за пьянство, нерадѣніе и незнаніе катехизиса, былъ отрѣшенъ отъ должности, и грамота у него была отобрана.

Такъ вели себя нѣкоторые представители черноморскаго духовнаго сословія. Но по этимъ единичнымъ случаямъ нельзя судить обо всемъ черноморскомъ духовенствѣ. Правда, они неоднократно встрѣчаются въ криминальной хроникѣ Екатеринодарскаго духовнаго

правленія, но въ семьѣ не безъ урода. Однѣ и тѣ же фамиліи священниковъ Павлевскаго, діакона Андріевскаго, попа Суимы, встрѣчающіяся въ дѣлахъ по нѣсколько разъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что это были неисправимые алкоголики, люди больные и вмѣстѣ съ тѣмъ темные, лишенные умственнаго развитія и знаній. Въ средѣ Черноморскаго духовенства было не мало людей, пользовавшихся широкою любовью массы и умѣвшихъ врачевать духовныя язвы ея добрымъ словомъ, сердечнымъ отношеніемъ къ страждущимъ и безкорыстною помощью. Внизу, въ глуши, въ куренныхъ управленіяхъ было много священниковъ, избранныхъ населеніемъ и пользовавшихся у этого населенія громаднымъ авторитетомъ. Вверху, въ рядахъ правящаго духовенства, встрѣчались носители высшихъ идей общественнаго служенія и просвѣщенія. Типичнымъ представителемъ этого второго рода духовныхъ дѣятелей былъ протоіерей Россинскій, жившій и служившій въ главномъ городѣ Черноморіи—Екатеринодарѣ.

Екатеринодарское духовенство представляло собою нѣсколько обособленную группу, во главѣ которой стоялъ войсковой протоіерей. Послѣдній былъ важною особою въ войскѣ, особенно въ первое время его существованія, когда не было еще учреждено Екатеринодарское духовное правленіе, цѣлое учрежденіе, во главѣ котораго также находился войсковой протоіерей. Войсковыми протоіереями назначались люди заслуженные и авторитетные въ войскѣ. Такимъ протоіереемъ былъ извѣстный Порохня; такимъ же, но болѣе образованнымъ, съ болѣе широкими планами и дѣятельностью, чѣмъ Порохня, оказался Россинскій. Войсковой протоіерей и другіе члены войскового причта, какъ извѣстно, были пожалованы особымъ жалованьемъ отъ казны, согласно волѣ Императрицы Екатерины Второй. Этимъ какъ бы подчеркивалось служебное положеніе духовенства, находившагося при войсковомъ соборѣ Екатеринодара. Когда войсковая канцелярія, ссылаясь на увеличеніе расходовъ и ограниченность войсковыхъ средствъ, попробовала было въ началѣ XIX вѣка лишить екатеринодарское войсковое духовенство казеннаго жалованья, обративши его въ войсковой капиталъ, то войсковой протоіерей энергично протестовалъ противъ этого и довелъ дѣло до Правительственнаго Сената. Сенатъ сталъ на сторону войскового духовенства. Указомъ его отъ 4 января 1804 года приказано было войсковой администраціи „производить неотъемлемо“ 500 рублей жалованья, Высочайше назначеннаго духовенству по росписи расходовъ войска на администрацію изъ общей казенной суммы въ 20.000 рублей.

Впослѣдствіи въ Екатеринодарѣ къ войсковому причту были прибавлены еще причты приходскіе, но войсковой причтъ продолжалъ существовать, какъ обособленное учрежденіе, и причитавшееся ему казенное жалованье не шло въ общую кассу доходовъ духовенства. Чтобы увеличить матеріальныя средства духовенства и полнѣе удовлетворять религіозныя нужды паствы, въ 1813 г. екатеринодарское духовенство ходатайствовало о разрѣшеніи построить въ

Войсковой Протоіерей Кириллъ Россинскій

Екатеринодарѣ, кромѣ войскового собора, еще двѣ церкви—одну въ городѣ и одну на кладбищѣ. Впослѣдствіи ходатайство это было удовлетворено, и матеріальная подкладка въ ходатайствѣ духовенства была принята въ расчетъ. Когда въ томъ же 1813 г. архимандритъ Екатеринолебяженской пустыни Іовъ просилъ архіерея разрѣшить ему постройку церкви въ Екатеринодарѣ при монастырскомъ подворьѣ, то городское духовенство, съ своей стороны, обратилось къ владыкѣ съ протестомъ, указывая ему на то, что монахи расчитывали на тѣ доходы, которыми живетъ городское духовенство отъ прихожанъ, и разъ монахамъ будетъ разрѣшено построить особый храмъ, городское духовенство будетъ испытывать недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ къ жизни. Консисторія и архіерей, до которыхъ были доведены эти соображенія, предписали монахамъ не строить при екатеринодарскомъ подворьѣ церкви, такъ какъ одинокіе монахи, живущіе внѣ монастыря, могутъ совершать молитвы и въ комнатѣ.

Такимъ образомъ, въ Екатеринодарѣ существовало двѣ группы духовенства—войсковой причтъ и городское духовенство. Первая группа духовенства была исторически связана съ организаціей войска въ Черноморіи и съ насажденіемъ въ краѣ гражданской жизни и порядковъ. Въ силу этого она занимала и особое положеніе въ войскѣ. Въ войсковые протоіереи и въ войсковой причтъ попадали люди наиболѣе выдающіеся. Они обязаны были поддерживать престижъ войсковыхъ пастырей и наставниковъ, быть образцами для остального духовенства и пользоваться авторитетомъ среди свѣтскихъ властей. Эту роль съ честью выполняли такіе протоіереи, какъ Порохня и особенно Россинскій, оставившій своею дѣятельностью, въ области просвѣщенія войска, неизгладимые слѣды.

Протоіерей Россинскій былъ рѣдкою для своего времени личностью. Онъ, можно сказать, цѣлой головой стоялъ выше той административно-служебной среды, въ которой ему пришлось вращаться всю свою жизнь. По образованію и по уму, ему не было равнаго въ войскѣ. По энергіи и безкорыстію онъ былъ также единственнымъ въ своемъ родѣ общественнымъ дѣятелемъ. Будучи духовнымъ пастыремъ, онъ всю свою жизнь и состояніе посвятилъ дѣлу народнаго просвѣщенія, и умеръ никѣмъ не оцѣненный, положительно бѣднякомъ. Такова судьба всѣхъ крупныхъ безкорыстныхъ дѣятелей.

Въ Кубанскомъ областномъ архивѣ сохранился историческій документъ, имѣющій форму денежнаго отчета, но служащій своего рода автобіографіей Россинскаго, какъ общественнаго дѣятеля. Вотъ что гласитъ этотъ документъ.

На службѣ у войска протоіерей Россинскій состоялъ съ 1803 года. Съ этого времени, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, онъ соорудилъ два иконостаса въ войсковомъ соборѣ и пріобрѣлъ церковныхъ вещей болѣе, чѣмъ на 20,000 рублей, построилъ Екатерининскую церковь въ 1813 г. въ г. Екатеринодарѣ, а въ краѣ содѣй-

ствовалъ постройкѣ болѣе 25 храмовъ; въ Екатеринодарѣ же онъ завелъ хоръ пѣвчихъ и перваго регента содержалъ въ собственномъ домѣ и на собственный счетъ болѣе двухъ лѣтъ.

Съ 1806 по 1820 г. Россинскій былъ смотрителемъ Екатеринодарскаго училища, которое въ этомъ году преобразовано было въ гимназію, а Россинскій назначенъ былъ директоромъ ея. До 1819 г., т. е. 14 лѣтъ, Россинскій служилъ смотрителемъ безъ жалованья и преподавалъ также безъ жалованья. Все время онъ содержалъ на свой счетъ 12 учащихся, помогалъ сиротамъ и бѣднякамъ, истративши на это около 4000 рублей. На свой счетъ онъ привозилъ учащихся изъ Харькова въ Екатеринодаръ и по году, а нѣкоторыхъ по два года содержалъ также на собственный счетъ. Заботами Россинскаго было открыто и устроено до 10 приходскихъ училищъ и построены для нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщенія, стоившія до 9000 р. На содержаніе тѣхъ же училищъ онъ собралъ путемъ благотворительности до 6500 рублей. На собственныя средства онъ ѣздилъ 18 лѣтъ по дѣламъ училищнымъ и войсковымъ и истратилъ при этомъ до 18000 рублей.

Какъ директоръ гимназіи, онъ завелъ при ней классъ военныхъ наукъ, пріобрѣлъ для гимназіи на 4 тысячи рублей физическихъ и математическихъ инструментовъ, составилъ училищную и гимназическую библіотеки, строилъ, сооружалъ зданія, созидалъ все дѣло просвѣщенія.... Съ помощью привлеченія всякихъ средствъ—казенныхъ, войсковыхъ, пожертвованныхъ и своихъ собственныхъ, Россинскій образовалъ училищный капиталъ въ 45.000 рублей. Ничего не жалѣлъ для пользы дѣла этотъ дѣятель—ни средствъ, ни силъ, ни здоровья.

Все это лишь голые и наиболѣе крупные факты изъ жизни и дѣятельности протоіерея Россинскаго. Но за ними скрывались мелочи житейской суеты, та темная и невѣжественная среда, съ которою приходилось бороться неутомимому борцу духовнаго просвѣщенія. Много труда и любви къ дѣлу нужно было положить для того, чтобы добиться тѣхъ результатовъ, которыхъ достигъ Россинскій. Исторія народнаго образованія въ Черноморскомъ войскѣ свидѣтельствуетъ, что Россинскому приходилось считаться и съ невѣжествомъ его современниковъ, часто чиновныхъ и вліятельныхъ, и съ индиферентизмомъ массы, задавленной нуждою и тяжестью военной службы, и съ казуистикою канцелярскихъ писакъ, и съ противорѣчивыми распоряженіями высшей учебной администраціи. Правда, были случаи, когда и самъ Россинскій дѣйствовалъ слишкомъ круто и прямолинейно при отстаиваніи преслѣдуемыхъ имъ цѣлей. Такъ, въ видахъ большаго притока учащихся въ гимназію и въ находившіяся въ вѣдѣніи Россинскаго училища, онъ требовалъ закрытія частныхъ школъ и запрещенія дѣятельности частныхъ учителей. Но это было результатомъ увлеченія излюбленнымъ дѣломъ, а не актами обскурантизма и ретроградной дѣятельности. Люди, жертвующіе всѣмъ во

имя излюбленныхъ ими идеаловъ общественнаго блага, неспособны на низкіе поступки, связанные съ разрушеніемъ тѣхъ же идеаловъ.

Тяжелая и печальная участь постигла подъ конецъ жизни этого передового борца за духовное просвѣщеніе. Благороднаго и безкорыстнаго дѣятеля оклеветали злостные и низкіе доносчики и ухитрились подвести его подъ слѣдствіе и судебную волокиту. Больного и дряхлаго старика лишили мѣста. Когда-то войсковой протоіерей, директоръ гимназіи и училищъ, почетный членъ университета, членъ просвѣтительныхъ обществъ, краснорѣчивый проповѣдникъ, ревнитель правды, безкорыстный труженникъ,—остался на старость безъ средствъ къ жизни. Болѣе того. Въ своихъ заботахъ объ учебныхъ заведеніяхъ онъ не только истратилъ всѣ свои наличныя средства, но и сдѣлалъ долги. Долги эти страшно тяготили честнаго старика. Старый протоіерей, напоминая войсковой администраціи о своей двадцатилѣтней дѣятельности и о тѣхъ значительныхъ лично принадлежащихъ ему средствахъ, которыя онъ затратилъ при этомъ на войсковыя учрежденія и общественное дѣло,—просилъ войсковую канцелярію о выдачѣ ему 5000 рублей для погашенія этихъ долговъ, сдѣланныхъ не на личныя свои нужды, а на святое дѣло просвѣщенія. Законная просьба виднаго общественнаго дѣятеля надолго осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Справедливость требуетъ прибавить къ этому, что Россинскій въ Черноморскомъ войскѣ былъ одинъ. Послѣ него, въ духовной средѣ не было подобныхъ дѣятелей. Самая среда потускнѣла, посѣрѣла и обмельчала. На смѣну творчества явился шаблонъ. Не нашлось человѣка, который замѣнилъ бы Россинскаго. Но то, что раньше дѣлалъ онъ одинъ, начали мелочами созидать другіе. Жизнь не остановилась въ своемъ теченіи. Производилось церковное строительство, продолжалось развитіе народнаго просвѣщенія. Въ 1831 г. въ войскѣ было 58 храмовъ. въ томъ числѣ одинъ соборъ и два молитвенныхъ дома. Въ 1834 г. главноуправляющій на Кавказѣ баронъ Розенъ предложилъ войску построить новый каменный соборъ взамѣнъ стараго, полуразрушившагося за 20 лѣтъ, деревяннаго зданія, на одинъ ремонтъ котораго требовалась солидная сумма въ 46.614 р. и 65 к. Въ рапортѣ 12 іюля 1837 г. изъ Берлина членъ академіи художествъ сотникъ Черникъ предложилъ войску построить каменную соборную церковь. Въ 1840 г. была разрѣшена постройка церкви въ Ачуевѣ по смѣтѣ въ 11791 р. с. Лѣтомъ въ Ачуевѣ скоплялось до 1000 душъ и близъ него находилось 58 рыбныхъ заводовъ, наполненныхъ забродчиками, почему и послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на постройку въ Ачуевѣ храма. Позже разрѣшена была постройка новаго каменнаго собора, но она велась безконечно долго, медлительно, точно никому не было до того дѣла. У черноморцевъ остылъ религіозный пылъ старыхъ запорожцевъ, а духовенство потеряло прежнюю энергію и отчасти утратило особенности представительства отъ народа и для народа.

Но кромѣ бѣлаго, въ Черноморіи существовало духовенство черное, монашество.

Монастырь и монастырское духовенство, съ самаго возникновенія Николаевской Екатеринолебяженской пустыни, составляли свой особый міръ. Монахи не имѣли ничего общаго съ бѣлымъ духовенствомъ. Но монастырь былъ войсковымъ учрежденіемъ, и монахамъ волей-неволей приходилось имѣть дѣло съ войсковою администраціею на почвѣ чисто экономической. Желаніе обособиться, быть совершенно свободными и независимыми проходитъ красною нитью во всѣхъ отношеніяхъ монастырской іерархіи къ казачьимъ властямъ. Чѣмъ дѣятельнѣе и энергичнѣе былъ глава монастыря, архимандритъ, тѣмъ острѣе были эти отношенія. Взаимныя недоразумѣнія сторонъ часто переходили въ открытую борьбу. Особенно упорную борьбу велъ съ казачьей администраціей архимандритъ Товія.

Товія по своему происхожденію самъ былъ казакъ изъ рода Курганскихъ. Онъ близко зналъ казачью жизнь, умѣлъ затрагивать религіозныя струны казака, пользовался у населенія широкою популярностью, но былъ строгъ и независимъ, не любилъ вмѣшательства въ свою дѣятельность со стороны войсковой администраціи. И вотъ на этой-то почвѣ между войсковой канцеляріей и архимандритомъ Товіей произошелъ цѣлый рядъ столкновеній изъ за власти и управленія дѣлами монастыря. Архимандритъ, указывая на то, что монастырское хозяйство передано было ему въ плохомъ состояніи, что съ 1802 по 1816 годъ, завѣдуя монастыремъ, онъ вложилъ въ дѣло массу труда и энергіи, много пріобрѣлъ для монастыря и увеличилъ его средства, жаловался на то, что во всемъ мѣшала и перечила ему войсковая канцелярія. За канцеляріей шли ея монастырскіе ставленники—казначеи, экономъ и письмоводитель. Эти ближайшія къ монахамъ войсковыя власти мѣшались во внутреннія дѣла монастыря и присваивали себѣ неподлежащія права. Товія обвинялъ есаула Стринскаго и квартирмейстера Голобородько въ томъ, что первый приказалъ „заковать въ желѣза“ іеромонаха Іеронима и бить палками діакона Говорова, а второй обрѣзалъ въ насмѣшку волосы на головѣ и бородѣ у послушника Малаго. Войсковая канцелярія, съ своей стороны, объяснила это тѣмъ, что іеромонахъ Іеронимъ пьянствовалъ и велъ развратную жизнь, почему и былъ арестованъ, а два другія дѣла находились еще у слѣдователя. Вмѣстѣ съ этою оговоркою, канцелярія голословно завѣряла, что Товія всегда пользовался своими правами и никто въ войскѣ его не стѣснялъ. Самъ Товія просилъ назначить казначея отъ войска, чтобы снять съ него, архимандрита, часть хозяйственнаго бремени.

Однимъ изъ главныхъ противниковъ Товіи былъ экономъ монастыря есаулъ Данило Забора. Въ 1815 г., 25 апрѣля, онъ писалъ въ Черноморскую войсковую канцелярію, что Товія требовалъ у него возврата 782 руб., уплаченныхъ за 46 четвертей ржаной муки, купленной у казака Шевченка братіею. По мнѣнію Заборы, затра-

ченныхъ на нужды самихъ монаховъ денегъ не слѣдовало возвращать въ кружечный сборъ, идущій съ лицъ посѣщающихъ монастырь или живущихъ въ немъ, пользующихся монастырскимъ хлѣбомъ и пр. Слѣдовало бы внести въ общій экономическій войсковой доходъ и кружечныя деньги, какъ это велось раньше. „Этимъ, писалъ Забора, можно было бы ускромнить распутныхъ отъ шалостей послушниковъ и монаховъ и устроить совершенный порядокъ иноческаго чинопочитанія“.

Мая 9-го Забора донесъ войсковой канцеляріи, что, во время храмового праздника въ день Николая, архимандритъ Товія отстранилъ отъ кружки монаха, говоря: „пусть экономъ съ помощникомъ собираютъ доброхотныя подаянія“. Сдѣлавъ же это архимандритъ, ехидно добавилъ Забора, потому, что, при раздачѣ винной порціи на братію, архимандриту не презентовали особо ведра вина. Явная натяжка, такъ какъ умный архимандритъ своимъ распоряженіемъ хотѣлъ дать простой и наглядный отвѣтъ на вопросъ объ обращеніи кружечнаго сбора въ войсковыя средства—разъ эти сборы составляютъ часть войсковой казны, то пусть сами войсковые представители и производятъ ихъ.

Въ своей распрѣ съ энергичнымъ архимандритомъ Забора не стѣснялся ничѣмъ, тѣмъ болѣе что войсковая канцелярія была всецѣло на его сторонѣ и всячески старалась опорочить дѣйствія архимандрита. Мая 29 Забора доносилъ канцеляріи, что, по сообщенію ему послушника Петра Леурды, архимандритъ Товія 15 мая оторвалъ у замка пробой и забралъ до трехъ рублей денегъ изъ кружки, привѣшенной при мельницѣ на Маломъ Бейсужкѣ. Позже, 2 іюня 1815 г., Забора сообщилъ войсковой канцеляріи, что 1 іюня, во время литургіи, іеромонахъ Іеремія явился въ церковь пьянымъ и, къ соблазну всѣхъ, непристойно пѣлъ на клиросѣ. Когда же хотѣли вывести его изъ церкви, то онъ бросился въ алтарь и повалился бы на престолъ, если бы пономарь-монахъ не поддержалъ его. Въ то время, когда іеромонаха уводили изъ алтаря, онъ ругался скверными словами и пытался даже драться. Въ заключеніе Забора намекалъ на то, что все это происходило, благодаря благоволенію архимандрита къ іеромонаху.

Товія, съ своей стороны, 7 іюля 1815 г. сообщилъ въ слѣдственную комиссію, что сочинители доносовъ на него и на непорядки въ пустынѣ „бродяга, лишенный священническаго сана, Семенъ Жижеленко и казакъ Фроловъ“. Обоимъ имъ архимандритъ воспретилъ жить въ монастырѣ, но экономъ Забора укрывалъ ихъ и покровительствовалъ имъ. Товія просилъ комиссію выслать этихъ лицъ изъ монастыря. Въ отвѣтъ на это, Забора, очевидно, руками Жижиленка и Фролова, 15 іюля писалъ слѣдователю консисторіи протоіерею Станиславскому, что казакъ Фроловъ опредѣленъ указомъ Черноморской войсковой канцеляріи на постоянное жительство въ пустынѣ, а отставной губернскій секретарь Жижиленко, имѣющій

паспортъ на проживательство всюду, опредѣленъ войсковою канцеляріею письмоводителемъ къ Заборѣ и что, поэтому, высылкѣ изъ монастыря эти лица не подлежатъ.

Вслѣдствіе доносовъ Заборы и его помощника Головка, была наряжена духовными властями слѣдственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ протоіерея Станиславскаго. Къ архимандриту Товіи предъявлено было 17 пунктовъ обвиненія, какъ напр. пропажа изъ двухъ митръ какихъ-то цѣнныхъ камешковъ, присвоеніе имъ денегъ и т. п. Изъ объясненій Товіи видно, что всѣ эти обвиненія были результатомъ доносовъ, съ недобросовѣстно или плохо обоснованными мотивами. Такъ, напр., по вопросу о неправильномъ будто бы расходованіи 21080 р., полученныхъ въ теченіе 13 лѣтъ изъ войсковыхъ суммъ Товіей, послѣдній представилъ расходныя книги, въ которыхъ подробно было обозначено, сколько, когда и на что расходовалось денегъ. Товія къ этому прибавилъ, что имъ было собрано доброхотныхъ подаяній на монастырь до 200.000 р. и что эти громадныя средства пошли полностью на улучшеніе монастыря. Нелѣпымъ онъ считалъ, поэтому, обвиненіе, его во взломѣ кружки и мельницы изъ за трехъ рублей, когда изъ 200000 рублей, бывшихъ въ его личномъ и исключительномъ распоряженіи, онъ могъ бы взять денегъ, сколько хотѣлъ. Кружка была дѣйствительно кѣмъ-то взломана, на что онъ и указалъ служащимъ на мельницѣ лицамъ.

Вообще въ доносахъ на архимандрита Товію ярко обнаруживались тѣ побужденія, которыми руководились представители войска въ своей борьбѣ съ архимандритомъ войскового монастыря. Стараясь всячески дискредитировать духовную особу, пользовавшуюся всеобщимъ уваженіемъ у населенія, противники Товіи не только желали свободно распоряжаться монастырскими деньгами, но пытались распространить свою власть и вліяніе и на внутренніе порядки монастыря, подвергая, напр., аресту монаховъ и послушниковъ. Чтобы вывести изъ себя вспыльчиваго и властнаго архимандрита, Забора приказалъ поставить особый столикъ, положить на него крестъ и Евангеліе и приставить къ столу монаха, чѣмъ нарушался престижъ архимандрита, какъ духовнаго главы монастыря.

Борьба съ Товіей войсковой администраціи прекратилась лишь тогда, когда 30 января 1817 г., послѣ 14 лѣтъ служенія въ родномъ монастырѣ, Товія получилъ повышеніе и былъ назначенъ настоятелемъ Троицкаго Александро-Свирскаго монастыря.

Съ уходомъ Товіи начались иные порядки въ монастырѣ. Казачья администрація продолжала вести свою линію, пытаясь съузить права монастыря въ экономическомъ отношеніи. Такъ 16 марта 1817 г., войсковая канцелярія опредѣлила прекратить выдачу жалованья архимандриту съ братіею изъ войсковыхъ суммъ, такъ какъ у войска нуждъ было много, а денегъ мало. Взамѣнъ того предоставлялось право архимандриту съ братіей пользоваться доходами отъ принадлежавшихъ монастырю мельницъ, рыбныхъ заводовъ, пчелъ,

рогатаго скота, лошадей и овецъ. Для этой цѣли предположено было выдать монастырю книги и поручить вести дѣло совмѣстно архимандриту и эконому отъ войска, такъ чтобы одинъ не могъ ничего сдѣлать безъ другого.

Для осуществленія этого плана у монастыря были достаточныя средства. Изъ черновой книги доходовъ за 1818 г., напр., видно, что, въ теченіе года, въ монастырь поступило, между прочимъ 8337 р. 40 коп. отъ продажи скота—лошадей, коровъ, овецъ и шерсти, 706 рублей отъ другихъ хозяйственныхъ статей—съ мельницъ „за валяніе суконъ", рыбнаго завода, кирпичнаго завода и пр., и 987 р. 70 коп. церковныхъ за свѣчи и поминовеніе, а всего, слѣдовательно, 10025 р. 10 коп. Средства, которыми вполнѣ обезпечивалось жалованье архимандриту съ братіей.

Въ то же время начались дѣйствительные непорядки въ монастырѣ. Замѣститель Товіи Іоасафъ, послѣ короткаго пребыванія въ Екатеринолебяженской пустыни, оставилъ монастырь и самъ уѣхалъ въ Молороссію. Журнальнымъ постановленіемъ 18 сентября 1818 г. войсковая канцелярія постановила истребовать отъ архимандрита Іоасафа, бывшаго настоятелемъ пустыни послѣ Товіи, деньги и вещи, увезенныя имъ съ собою въ Малороссію—митры и другія церковныя принадлежности, деньги въ количествѣ 2835 рублей, взятые въ разное время изъ монастырской кассы, экипажъ, пять цѣнныхъ лошадей и т. п. Сами монахи, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, были возмущены этими непорядками. Такъ 8 декабря 1817 г. уважаемый всѣми іеромонахъ Спиридонъ писалъ въ Черноморскую войсковую канцелярію, что „былъ въ нашей пустынѣ архимандритъ отецъ Товія, котораго ужъ, видно, не ожидать намъ; а потомъ былъ Іоасафъ, который прожилъ только 5 мѣсяцевъ съ нами и забралъ изъ монастыря 5 тысячъ рублей. А если пришлютъ еще и другого такого, то чтобы не хватило и послѣдковъ, для того я, богомолецъ, и доношу" войсковому начальству. Сами монахи, просили войсковыхъ правителей защитить интересы монастыря отъ чуждыхъ имъ непрошенныхъ настоятелей. Въ февралѣ слѣдующаго 1818 г. монашествующая братія просила войсковую канцелярію назначить строителемъ монастыря іеромонаха Спиридона, какъ человѣка опытнаго и много потрудившагося на благо пустыни, которая, благодаря частой смѣнѣ настоятелей, „пришла въ крайнее разореніе".

Положеніе дѣлъ было настолько неудовлетворительнымъ, что даже представители отъ войска избѣгали службы въ монастырѣ. Войсковая канцелярія назначила въ монастырь нѣсколько экономовъ подрядъ и всѣ они просили уволить ихъ отъ должностей. Въ монастырѣ не было хозяина и монастырскія дѣла были запутаны, а монастырская казна запущена. Въ февралѣ 1819 г. екатеринославскій архіепископъ Іовъ спрашивалъ письмомъ войскового атамана, не желаетъ ли войско, чтобы архимандритъ Іоасафъ, бывшій болѣе года въ отлучкѣ и рѣшившій раньше снять съ себя санъ, былъ

опредѣленъ снова настоятелемъ Екатеринолебяженскаго монастыря, такъ какъ онъ теперь раскаялся и обѣщалъ остаться въ своемъ санѣ до конца жизни. Ни войсковая канцелярія, ни монастырская братія не пожелали, повидимому, принять снова въ монастырь Іоасафа. Святѣйшій Синодъ, уволивши его отъ должности, на мѣсто настоятеля назначилъ 22 августа 1819 г. іеромонаха Спиридона, котораго желали имѣть на этомъ мѣстѣ войско и братія, хлопотавшіе о возведеніи его въ санъ архимандрита.

При настоятелѣ Спиридонѣ снова водворился порядокъ въ монастырѣ и жизнь потекла мирно въ опредѣленномъ направленіи. Въ 1829 г. былъ освященъ соборъ въ монастырѣ. Но прошло нѣсколько лѣтъ, измѣнились обстоятельства, появились новые дѣятели—и снова возгорѣлась борьба между монастырскою духовною властью и властью свѣтской, мірской. Въ 1836 г. архимандритъ Іоаникій донесъ епархіальной власти, что монахи въ монастырѣ пьянствуютъ, ведутъ развратную жизнь, не повинуются ему и угрожаютъ, почему и просилъ прислать для охраны его стражу. Назначено было слѣдствіе и депутаты отъ войска—казачьи старшины Курганскій и Стрѣшко, а также чиновникъ отъ правительства Тимофѣевъ. Архимандритъ Іоаникій считалъ этихъ лицъ своими противниками, и по его настоянію, архіепископъ Афанасій просилъ наказнаго атамана Заводовскаго объ удаленіи отъ слѣдствія въ Екатернолебяженскомъ монастырѣ депутатовъ отъ войска Курганскаго и Стрѣшка и о воспрещеніи въѣзда въ монастырь чиновнику Тимофѣеву, такъ какъ эти лица будто бы способствовали сокрытію дѣйствительнаго положенія дѣлъ и подъучали монаховъ давать показанія на допросахъ въ такомъ духѣ. Въ другой бумагѣ по этому поводу архіепископъ просилъ Заводовскаго назначить новую комиссію для разслѣдованія непорядочнаго поведенія монаховъ, какъ сообщилъ объ этомъ архимандритъ Іоаникій. Заводовскій отвѣтилъ владыкѣ, что сами Курганскій и Стрѣшко, узнавши о претензіи противъ нихъ архимандрита, просили уволить ихъ отъ несенія депутатскихъ обязанностей и на ихъ мѣста назначены были депутатами старшины Вилисаровъ и Ягличь. Что же касается Тимофѣева, то Заводовскій находилъ неудобнымъ удаленіе его, какъ правительственнаго чиновника.

Пока велось слѣдствіе надъ обвиняемыми архимандритомъ монахами, въ дѣло вмѣшалась войсковая канцелярія, выступившая съ претензіями противъ самаго архимандрита. Такъ, просматривая денежную отчетность монастыря, чины канцеляріи не приняли въ счетъ монастырскихъ суммъ расхода въ 742 р. по поѣздкѣ въ Новочеркасскъ, 79 р., истраченныхъ въ Екатеринодарѣ и 8 р. 5 к., израсходованныхъ на ружье. Точно также войсковая канцелярія требовала возврата въ монастырскія суммы 1005 р. 98 к., которыя архимандритъ Іоаникій выручилъ отъ продажи имущества, принадлежавшаго двумъ умершимъ монахамъ, и удержалъ у себя. Канцелярія, повидимому, была также на сторонѣ монаховъ, а не архимандрита.

Таковы были взаимныя отношенія между монастырскими властями и войскомъ или его представителями. Основной смыслъ этихъ отношеній ясенъ и понятенъ. Съ одной стороны, стояло войско, хозяинъ Екатеринолебяженской пустыни, а съ другой, духовный глава монастыря—архимандритъ съ монахами. Войско имѣло право и должно было вести монастырское хозяйство и заботиться о немъ, хотя представители его, участвовавшіе въ дѣлѣ, не всегда обладали необходимыми качествами для этого и не всегда умѣли держать себя съ должнымъ тактомъ по отношенію къ духовнымъ отцамъ. Архимандриты и сочувствовавшая имъ братія домогались не только участія въ этой дѣятельности, въ которую они—одни умѣло, а другіе неумѣло—вносили свою долю, но и права на главенство въ дѣлѣ и на исключительное пользованіе преимуществами его. Послѣдняя тенденція явно клонилась къ обособленію войскового монастыря отъ войска. Вся дальнѣйшая исторія отношеній между войскомъ и монастыремъ слагалась на этой подкладкѣ. Архимандритъ Спиридонъ, честный и безкорыстный труженикъ, правившій пустыней съ 1819 по 1833 г. и временно затѣмъ въ 1837 и 1838 годахъ, архимандритъ Іоанникій, ознаменовавшій свое трехлѣтнее пребываніе въ монастырѣ допущеніемъ безпорядковъ среди монашествующихъ лицъ, архимандритъ Діонисій, вступившій въ управленіе монастыремъ, послѣ кратковременнаго пребыванія въ немъ архимандрита Иннокентія, въ 1840 г. и сдавшій свои обязанности въ 1851 г. архимандриту Никону, при которомъ Черноморское войско преобразовано было въ Кубанское,—всѣ эти дѣятели духовнаго вертограда систематически и неуклонно стремились къ одной и той же цѣли—къ отдѣленію монастыря отъ войска. Собственно настоящими устроителями монастыря и энергичными дѣятелями въ области его нуждъ за описываемый нами періодъ были два настоятеля—архимандриты Товія и Спиридонъ, но они, пожалуй, меньше всего посягали на права войска.

Но значеніе для Черноморскаго войска Екатеринолебяженскаго Николаевскаго монастыря опредѣлялось не внѣшнимъ благолѣпіемъ обители и ея образцовымъ хозяйствомъ, даже не отмѣнною дѣятельностью такихъ лицъ, какъ Товія и Спиридонъ. Въ этомъ выражались лишь черты, характерныя для постановки дѣла и отдѣльныхъ личностей. Суть учрежденія крылась глубже и значеніе обители покоилось на той идеѣ, которая положена была въ основу учрежденія въ войскѣ монастыря. Монастырь служилъ пріютомъ для людей, искренне-религіозныхъ и недужныхъ. Этимъ назначеніемъ монастыря несомнѣнно воспользовались многіе изъ больныхъ и увѣчныхъ воиновъ, особенно въ первыя времена существованія пустыни, когда не угасли еще добрые обычаи Запорожской Сичи.

Подъ вліяніемъ этой же идеи и проявленія религіозныхъ стремленій, поддерживало связи съ монастыремъ и казачье населеніе. Въ монастырь ходили на богомолье, налагали здѣсь на себя искусъ,

жертвовали деньгами и имуществомъ отъ избытка сердца, горѣли желаніемъ угодить Богу и сдѣлать добро людямъ безхитростныя сердца казаковъ и казачекъ. Монастырь и его святыни давали имъ то, чего они искали здѣсь, дѣйствовали умиротворяющимъ образомъ на ихъ настроеніе. И этимъ опредѣлялось значеніе монастыря для войска и его населенія.

Наконецъ, Николаевскій Екатеринолебяженскій монастырь имѣлъ и образовательное значеніе для войска. Онъ былъ школой для подготовки лицъ, желавшихъ поступить въ духовное званіе. Здѣсь учились церковной службѣ, чтенію на клиросѣ и пѣнію тѣ казаки, которыхъ епархіальная власть ставила потомъ въ причетники, діаконы и священники. Монахи были учителями этихъ кандидатовъ, пріучали ихъ къ церковнымъ порядкамъ, къ отчетливому чтенію въ церкви, къ умѣнью владѣть „гортанью,“ т. е. голосомъ, къ усвоенію церковныхъ напѣвовъ и т. п. Учениками въ монастырѣ вмѣстѣ съ взрослыми были и мальчики. И не одинъ священникъ или чаще дьячекъ началъ служеніе церкви съ Лебяжьяго монастыря.

Все это было въ доброе старое время, и когда Лебяженскій монастырь отчасти выполнилъ свое назначеніе и сталъ постепенно „утекать“ изъ казачьихъ рукъ, тогда только серьезно подумали черноморцы объ устройствѣ въ войскѣ женскаго монастыря.

Впрочемъ, по свидѣтельству казачьяго историка, писавшаго какъ-разъ въ то время своихъ „Черноморскихъ казаковъ,“ починъ въ возникновеніи женскаго монастыря исходилъ не отъ черноморцевъ, а отъ черноморокъ. Женщина потребовала этого. Богобоязненныя черноморки, путешествовавшія въ Кіевъ и посѣщавшія разные монастыри, и инокини-казачки выразили по картинному выраженію историка, свой ропотъ начальству, не озаботившемуся объ устроеніи казачьей женской пустыни. Во главѣ войска стоялъ тогда Г. А. Рашпиль, внявшій этому ропоту и соединившій вмѣстѣ съ идеей женскаго монастыря излюбленную имъ идею жеческой школы при этомъ монастырѣ. И 11 декабря 1846 г. было Высочайше утверждено положеніе о Маріинской женской пустыни.

Женская казачья обитель была заложена на полуостровѣ р. Кирпилей, близъ Тимошевскаго куреня. Подъ нее войскомъ было отведено на глазъ 171 дес. земли, а въ дѣйствительности впослѣдствіи при обмежеваніи оказалось свыше 500 дес., опредѣлено скромное штатное содержаніе въ 470 руб. сер. изъ войсковыхъ средствъ, внесено въ кредитныя учрежденія 20 тыс. р. с. войскового капитала, проценты съ котораго въ теченіе 20 лѣтъ должны были поступать въ пособіе обители, и предначертаны внутренніе распорядки. На этихъ основаніяхъ, съ назначеніемъ пустыни для женщинъ войскового сословія, и начала она существовать. Казаки при этомъ связали названіе пустыни съ именемъ супруги Наслѣдника Цесаревича и своего Атамана, а первою игуменьею пожелали имѣть свою же казачку Митрофанію, бывшую въ мірѣ женою сотника Золотаревскаго.

Глава XXXV.

Судъ и нравы.

Ни одни органы общественныхъ учрежденій не претерпѣли у Черноморскаго войска такихъ измѣненій, какъ учрежденія судебныя. Зародившись вмѣстѣ съ общественною жизнью, начавшейся въ войскѣ со времени образованія его, онѣ принимали въ разное время различныя формы и особенности. Первоначально у войска, по примѣру Запорожской Сичи, былъ войсковой судья, своего рода министръ юстиціи и судья вмѣстѣ, въ куренныхъ обществахъ были свои судьи, помощники куренныхъ атамановъ, т. е. судьи и администраторы вмѣстѣ. Но судили тяжущихся и кошевой атаманъ, и начальники округовъ, и куренные сходы. Съ другой стороны, войсковой судья былъ и администраторомъ. Такимъ образомъ, судебное начало тѣсно связано было съ административнымъ съ того самаго момента, какъ возникло Черноморское казачье войско.

Въ такомъ же направленіи складывались судебные порядки и въ дальнѣйшемъ. Такъ, въ войско назначенъ былъ прокуроръ. Казалось бы, что этотъ спеціальный чинъ всецѣло долженъ былъ вѣдать однѣ судебныя дѣла, но и онъ, въ составѣ войскового правленія, участвовалъ первоначально во всѣхъ другихъ дѣлахъ—и въ военныхъ, и въ войсковыхъ хозяйственныхъ, и въ экономическихъ и т. п. Еще позже въ самую войсковую канцелярію введены были два судебныхъ органа—судебная или тяжебная экспедиція и криминальная экспедиція. Но судили также полицейскіе чины—сыскные начальники, судили сходы и даже офицеры. Такимъ образомъ, судебная мѣшанина, на первыхъ порахъ существованія войска, была отличительною чертою казачьей юриспруденціи. Судили и рядили, если не всѣ начальники, то очень многіе и чаще всего судьями были администраторы и даже полицейскіе чины.

Тѣмъ не менѣе, очень рано самою жизнью казачества было намѣчено нѣсколько формъ суда—суда гражданскаго, высшаго и низшаго, суда военнаго и суда духовнаго. Такая дифференціація судебныхъ учрежденій находила поддержку и въ изданныхъ для управленія войскомъ узаконеніяхъ. Грамотою Екатерины II Черноморскому войску вмѣнено было въ обязанность представлять таврическому губернатору на окончательное рѣшеніе только важнѣйшія дѣла, касавшіяся выдающихся случаевъ. Слѣдовательно, въ силу этой оговорки, власти Черноморскаго войска могли рѣшать всѣ остальныя судебныя дѣла совершенно самостоятельно, по собственному усмотрѣнію. Такъ они и поступали въ дѣйствительности. Бывали

50*

случаи, когда казачій судъ рѣшалъ собственною властью дѣла по преступленіямъ, караемымъ смертною казнью, такъ какъ дѣла эти казались казачьей администраціи маловажными и лишены были такихъ признаковъ, какъ разбой, убійство и пр. Учреждая въ 1801 г. войсковую канцелярію, Императоръ Павелъ въ первый разъ далъ казачеству новыя формы суда, установивши двѣ экспедиціи—криминальную и тяжебную, и назначивши ежегодные выборы судей. Учрежденія Павла существовали не долго и не оставили замѣтныхъ слѣдовъ въ исторіи войска. Въ началѣ слѣдующаго 1802 г. экспедиціи были отмѣнены и по новому закону войсковая канцелярія получила то самостоятельное значеніе, какое упрочилось за ней съ 1794 г. Поэтому, и большинство судебныхъ дѣлъ она стала вести независимо отъ какихъ-либо высшихъ судебныхъ учрежденій. Когда въ октябрѣ 1802 г. Екатеринославская губернія была разбита на двѣ губерніи—Таврическую и Херсонскую, съ подчиненіемъ Черноморскаго войска первой изъ нихъ, то въ Таврическомъ уѣздѣ не было учреждено для Черноморіи ни уѣзднаго, ни земскаго суда, и это мотивировалось тѣмъ, что казаки, въ силу жалованной имъ грамоты, пользовались особыми правами, позволявшими имъ судить преступниковъ самостоятельно и представлять только важнѣйшія дѣла, касавшіяся „смертоубійства и лихоимства,“ на окончательное рѣшеніе Таврической палаты уголовнаго и гражданскаго суда.

Такъ дѣло обстояло до 8 августа 1810 г., когда Таврическое губернское правленіе потребовало, чтобы всѣ судебныя дѣла войсковая канцелярія не рѣшала самостоятельно, а представляла на ревизію въ Таврическую палату гражданскаго и уголовнаго суда. Приравнявъ войсковое правленіе къ уѣздному суду, губернское правленіе оставило за нимъ на окончательное рѣшеніе одни маловажныя дѣла, иски по которымъ не превышали 25 рублей. Въ такомъ порядкѣ и велись войсковою канцеляріею гражданскія дѣла до 1827 г., когда было опубликовано первое положеніе о Черноморскомъ казачьемъ войскѣ.

Совмѣщая въ себѣ всѣ отрасли управленія и вѣдая судебныя дѣла, войсковая канцелярія не имѣла строго опредѣленнаго круга судебныхъ дѣлъ и часто должна была, конечно, выходить изъ своей компетенціи. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ ей приходилось вѣдать дѣла возникавшія на почвѣ тогдашнихъ грубыхъ нравовъ и повальнаго невѣжества. Очень характернымъ въ этомъ отношеніи было дѣло о распространеніи темныхъ слуховъ относительно ссылки такъ называемыхъ новоженовъ, заключившихъ браки по случаю восшествія на престолъ Александра I-го.

Сама по себѣ эта, придуманная генераломъ Кираевымъ, мѣра бракосочетаній была крайне нелѣпой, но еще нелѣпѣе оказались, тѣ толки, которые она вызвала въ населеніи. Въ апрѣлѣ 1801 г. куренной атаманъ Шмалько просилъ войсковую канцелярію наставить его, какъ быть ему къ казачкой Таранихой, которая „при-

вела въ разстройство“ казака и казачку, обвѣнчанныхъ по выбору начальства, наговоривъ имъ, что ихъ сошлютъ въ Сибирь или отдадутъ въ подданство, т. е. въ крѣпостное состояніе. Слухи о ссылкѣ на Китайскую границу новоженовъ, получившихъ по 100 р. пособія, по случаю восшествія на престолъ Александра I-го, были довольно распространены въ населеніи. Войсковая канцелярія велѣла внушить всѣмъ, что вѣнчаніе выборной пары по каждому куреню означало „монаршую милость, придуманную генераломъ Кираевымъ.“ Казачку же Тараниху приказано было представить въ канцелярію за карауломъ „для сужденія въ криминальной экспедиціи,“ какъ нарушительницу общественныхъ порядковъ.

Въ криминальной экспедиціи дѣло осложнилось. Къ суду были привлечены старикъ 70 лѣтъ Шатило, казаки Цаберябый и Таранъ и казачка Тараниха. Всѣ эти лица раньше ни въ чемъ не были замѣчены, а казаки даже отличились въ цѣломъ рядѣ сраженій и приступовъ на крѣпости во время войны съ турками; но Шатило первый сообщилъ Таранихѣ, что новоженовъ, получившихъ по 100 руб. на хозяйство, погонятъ на Китайскую границу, Цаберябый и Тараниха знали объ этомъ и не донесли начальству, а 25-лѣтній Таранъ утверждалъ, что „на Китайской границѣ хлѣба нѣтъ и люди заразъ, по приходѣ на оную, мрутъ.“ Вина же всѣхъ вмѣстѣ заключалась въ томъ, что они „привели въ плачъ и развратъ повѣнчаннаго по выбору казака Пѣуна и его молодую жену Матрену.“ Основываясь на цѣломъ рядѣ законовъ (устава благочинія, воинскаго артикула и пр.), криминальная экспедиція приговорила наказать публично, при сборахъ казаковъ, плетьми по 50 ударовъ Цаберябого 50 лѣтъ и Тарана 25 лѣтъ, отдавши ихъ на службу, а Шатило, какъ старика, только наказать плетьми, безъ отдачи на службу; казачку же Тараниху, въ уваженіе къ ея почтенному 43 лѣтнему возрасту и, въ особенности, къ тому, что она имѣла груднего ребенка, судъ постановилъ не наказывать. Въ маѣ 1801 г. атаманъ куреня Тимошевскаго Шмалько донесъ въ криминальную экспедицію войсковой канцеляріи, что приговоръ экспедиціи приведенъ имъ въ исполненіе при собраніи старшинъ и казаковъ.

А 2 іюля 1801 г. послѣдовало распоряженіе канцеляріи не выдавать въ пособіе 1600 руб. недоданныхъ 16 парамъ новоженовъ, такъ какъ дознано, что 8 паръ изъ нихъ, взявши сторублевыя пособія, прожили, не сдѣлавши ничего для хозяйства, „недоданныя же деньги употребить на другія богоугодныя дѣла“.

Такимъ образомъ, судебное рѣшеніе и административное распоряженіе по одному и тому же вопросу исходили изъ одного и того-же учрежденія.

Иногда войсковая канцелярія вела судебныя дѣла, возбужденныя другими органами управленія. Такъ, въ февралѣ 1808 г. медвѣдовское общество занесло жалобу на коллежскаго ассесора Тимофѣева, который просилъ общество отдать ему на откупъ продажу

вина. Когда же общество отказало ему въ этомъ, то онъ началъ мстить казакамъ. Цѣлый день вдвоемъ съ табунщикомъ онъ гонялся за общественнымъ скотомъ и, „билъ его плетьми до удовольствія своего“, одну корову изуродовалъ, быку поломалъ ногу, 4 коровы отъ побоевъ скинули телятъ, двухъ бузивковъ утопилъ въ рѣкѣ, 500 овецъ, по его приказанію, были загнаны на хлѣба и озимые потравлены. Канцелярія поручила екатеринодарскому земскому начальству разслѣдовать дѣло и опредѣлить убытки, причиненные обществу Тимофѣевымъ, управлявшимъ имѣніемъ Чепиги. Въ такихъ случаяхъ канцелярія играла чисто судебную роль, а сыскное начальство, полицейскій органъ, исполняло обязанности слѣдователя.

Но часто также дѣла, начатыя администраціей, разрѣшались по усмотрѣнію начальствующихъ лицъ и канцелярія получала только извѣщеніе объ этомъ, при чемъ или принимала къ свѣдѣнію такія распоряженія, или же производила разслѣдованіе и подвергала виновныхъ лицъ суду. Она пользовалось довольно широкими въ этомъ отношеніи правами.

Въ 1818 г. въ войсковую канцелярію поступила жалоба на есаула Борзенка, который причинилъ хорунжему Тараненкѣ и женѣ его „боемъ и ругательствомъ обиду“. Борзенко былъ въ это время на кордонной границѣ, откуда военное начальство не разрѣшало вызывать служащихъ офицеровъ; но войсковая канцелярія вытребовала Борзенка изъ команды въ судъ для разбора дѣла.

Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда канцелярія выходила изъ предѣловъ своей судебной компетенціи или неправильно примѣняла законъ, заявлялъ протестъ прокуроръ. Въ мартѣ 1819 г. войсковой прокуроръ опротестовалъ опредѣленіе канцеляріи, по которому жена есаула Сербина приговорена была къ уплатѣ штрафа, вдвое превышавшаго жалованье ея мужа, въ пользу побитыхъ ею казачки и ея сына. Статья, на основаніи которой канцеляріей было сдѣлано судебное постановленіе, относилась, по толкованію прокурора, къ проступкамъ объ оскорбленіи одними только словами, а не дѣйствіемъ. Такъ какъ жена есаула Сербина не только обругала казачку и ея сына, но и побила ихъ, то прокуроръ требовалъ оштрафовать ее за побои суммой, превышающей въ четыре раза жалованье ея мужа.

Отличительной чертой судебной дѣятельности войсковой канцеляріи служила крайняя медлительность и соединенное съ нею игнорированіе дѣйствительныхъ интересовъ обиженныхъ. Характерное въ этомъ отношеніи дѣло отмѣчено было херсонскимъ военнымъ губернаторомъ графомъ Ланжерономъ.

Дѣло это велось 20 лѣтъ и все таки не было закончено. Оно касалось имущества умершаго прапорщика Задираки. Въ 1801 г. всѣ сыскныя начальства донесли, что имъ ничего неизвѣстно ни объ имуществѣ Задираки, ни о родственникахъ его. Между тѣмъ, Задирака имѣлъ собственность въ нѣсколькихъ мѣстахъ Черноморіи и наслѣдниковъ—сына и дочь.

Когда смотритель селенія Гривеннаго донесъ войсковой канцеляріи, что Задирака жилъ въ куренѣ Полтавскомъ и имѣлъ тамъ домъ и имущество, то войсковая канцелярія не только не обратила вниманія на это обстоятельство, но распорядилась въ слѣдующемъ 1802 г. продать имущество, находившееся въ личномъ пользованіи Задираки. Проданы были вещи Задираки по очень низкимъ цѣнамъ. За коверъ, пять подушекъ, два свертка полотна, пару воловъ, корову и чугунный котелъ выручено было 32 руб., тогда какъ одни волы стоили по тогдашнимъ цѣнамъ 100 руб. Въ апрѣлѣ 1805 г. изъ этихъ 32 руб. два руб. было обращено на погашеніе долговъ и 30 руб. были выданы сыну Задираки, какъ наслѣднику.

Между тѣмъ, у Задираки былъ домъ, въ которомъ жилъ хорунжій Червоный, не имѣвшій никакихъ доказательствъ на принадлежность ему дома. Затѣмъ у есаула Миргородскаго было 30 шт. рогатаго скота, 300 овецъ и 2 лошади, принадлежавшіе Задиракѣ. Хотя Миргородскій и утверждалъ, что все это было имъ куплено у Задираки, но свидѣтели показали, что денежныхъ сдѣлокъ такого рода у Задираки съ Миргородскимъ не было и что скотъ Задираки только ходилъ вмѣстѣ со скотомъ Миргородскаго.

Ланжеронъ назначилъ строжайшее слѣдствіе по этому поводу, при участіи „старожилыхъ людей", казачки Вязивской, оставшейся въ живыхъ наслѣдницы Задираки, и войскового прокурора. „Я беру ее, писалъ Ланжеронъ, подъ свое покровительство, равно какъ и всѣхъ, угнетенныхъ несправедливостью людей". Ланжеронъ лично обѣщалъ войти въ разсмотрѣніе этого дѣла при посѣщеніи имъ Черноморіи. Нужны были особыя распоряженія въ такомъ родѣ, чтобы заставить войсковую канцелярію завершить дѣло.

Но войсковая канцелярія не только медленно вела дѣла, но и явно потворствовала извѣстному разряду лицъ, чаще всего имѣвшихъ къ ней служебное отношеніе, и вообще панамъ. Въ 1825 г. куренной атаманъ Новонижестебліевскаго куреня сотенный есаулъ Кумпанъ донесъ по начальству, что 4 мая 1824 г. членъ екатеринодарскаго земскаго начальства сотникъ Туренко и секретарь канцеляріи хорунжій Таранъ, производя слѣдствіе надъ женой есаула Шульги, выѣхали изъ Новонижестебліевскаго куреня „оба въ напиломъ видѣ", на двухъ тройкахъ, и безобразничали дорогой. Оба гнали лошадей безъ пощады и Туренко собственноручно билъ плетьми ямщиковъ. Одинъ изъ этихъ ямщиковъ былъ доведенъ побоями до такого состоянія, что пытался даже утопиться. Вообще ямщики такъ искалѣчены, что не могутъ нести дальше службу; лошади совсѣмъ загнаны и не годятся для ѣзды.

Туренко былъ преданъ суду. При слѣдствіи онъ объяснилъ, что дѣйствительно наказалъ ямщиковъ, но не плетьми, которыхъ у него не было, а приказалъ дать одному изъ ямщиковъ четыре пуги, и тому-же ямщику, за побѣгъ съ тройки, еще девять пугъ, а въ станицѣ Ивановской, по его приказанію, станичный атаманъ

отпустилъ еще 15 ударовъ пугою, т. е. кнутомъ, все тому же ямщику. Во всѣхъ случаяхъ онъ наказывалъ ямщика за неисправность и ослушаніе.

Наказанный ямщикъ показалъ, что никакихъ увѣчій ему причинено не было и, хотя онъ былъ наказанъ сотникомъ, но жаловаться на него не хотѣлъ и нынѣ не желаетъ. Лошадей сотникъ не загналъ, а были онѣ худы отъ частой ѣзды. Куренной атаманъ показалъ, что по малограмотности онъ не зналъ содержанія своего сообщенія, а просто подписалъ бумагу, которую составилъ и поднесъ ему нѣкто Маршусевичъ. Послѣдній, однако, утверждалъ, что писалъ онъ бумагу по приказанію атамана Кумпана и съ его словъ. Другихъ свидѣтелей судъ не могъ опросить—Тарана за смертью, а второго ямщика за нерозысканіемъ.

Въ концѣ концовъ, войсковая канцелярія, въ составѣ войскового атамана Матвѣева и пяти присутствующихъ членовъ, вынесла совершенно неожиданное рѣшеніе. Находя, что Туренко, въ качествѣ члена екатеринодарскаго земскаго начальства, былъ вправѣ взыскать не только съ ямщиковъ за неисправность и ослушаніе, но и съ начальствующихъ въ куренѣ лицъ,—судъ постановилъ оштрафовать куренного атамана Кумпана 10 рублями, „въ удержаніе его впредь отъ несправедливыхъ доносовъ и причиненіе начальству лишней переписки и затрудненія“.

Нужно прибавить, что Туренко принадлежалъ къ числу интеллигентныхъ офицеровъ въ войскѣ. Это былъ первый по времени историкъ войска, оставившій довольно цѣнный историческій трудъ о первыхъ годахъ существованія Черноморскаго казачьяго войска. Если Туренко велъ себя такъ грубо и самовластно, хотя быть можетъ, проступки его изображены не безъ преувеличенія, то можно представить себѣ, какъ держали себя съ населеніемъ другіе, менѣе интеллигентные представители нарождавшагося Черноморскаго дворянства. Многіе изъ нихъ были увѣрены въ полной безнаказанности за такіе поступки, какъ кулачная расправа.

И это понятно. Рѣзкой границы между судебными и административными рѣшеніями не существовало для мелкихъ правонарушеній. Судебная процедура часто замѣнялась административными рѣшеніями, а судъ и судебная компетенція усмотрѣніемъ и приказомъ. Провинившихся карали въ административномъ порядкѣ всѣ учрежденія и представители ихъ—и куренныя управленія или атаманы ихъ, и полиція, и командиры полковъ или частей, и высшая военная власть. Съ личностью и человѣческимъ достоинствомъ не церемонились, подвергали наказаніямъ нерѣдко совершенно неповинныхъ людей, безъ суда и слѣдствія, и придавали произволу и насилію характеръ административныхъ распоряженій.

Но были также случаи и суда личнаго въ административномъ порядкѣ, при чемъ судьями являлись начальники, представители власти. Въ февралѣ 1815 г. командиръ 5-го пѣхотнаго баталіона

полковникъ Кондруцкій донесъ атаману Бурсаку, что казаки Константиновскаго кордона украли вола у казака станицы Корсунской Одновола и зарѣзали его ночью въ казармѣ. Кондруцкій безъ всякаго суда приказалъ начальнику кордона есаулу Назаренкѣ заплатить Одноволу 60 рублей за зарѣзаннаго вола, отрѣшилъ отъ должности есаула за допущеніе воровства казаками, а провинившихся казаковъ подвергъ тѣлесному наказанію. И обо всемъ этомъ Кондруцкій донесъ войсковому атаману, какъ о законно сдѣланныхъ распоряженіяхъ. Такіе случаи считались въ порядкѣ вещей въ то время. Въ декабрѣ 1821 г., начальникъ Черноморской кордонной линіи генералъ Власовъ, проѣзжая въ Ачуевъ черезъ Новонижестебліевскій курень, засталъ въ пьяномъ видѣ смотрителя селенія есаула Лугового и куренного атамана Бойка. Послѣдняго, какъ казака, Власовъ приказалъ тутъ же наказать плетьми.

Часто сами судьи и люди съ высокимъ служебнымъ положеніемъ въ войскѣ давали дурные примѣры разнузданности и возмутительныхъ насилій. Въ 1826 г. подполковникъ Ляшенко, непремѣнный членъ войсковой канцеляріи, проѣзжая плотину при хуторѣ подполковника Кухаренка, жестоко избилъ служившаго у Кухаренка Винникова. Послѣдній возбудилъ дѣло о нанесеніи Ляшенкомъ побоевъ. При судебномъ слѣдствіи Ляшенко далъ объясненіе въ томъ смыслѣ, что, при проѣздѣ черезъ плотину Кухаренка, его бричка свалилась отъ неисправности плотины, и когда онъ позвалъ служившаго у Кухаренка Винникова, то послѣдній не явился сразу. Поэтому, за неисправность плотины и ослушаніе со стороны Винникова, онъ приказалъ дать ему нѣсколько легкихъ ударовъ по одеждѣ.

Слѣдствіемъ, однако, выяснено, что Ляшенко, возвращаясь въ Екатеринодаръ, заѣхалъ на хуторъ урядника Дули и „упражнялся съ нимъ и женой его въ пьяномъ видѣ цѣлую ночь“. Взявъ съ собой Дулю и его жену, Ляшенко поѣхалъ черезъ плотину Кухаренка, гдѣ у него соскочило въ экипажѣ колесо. По приказанію Ляшенка, Винниковъ и еще другой рабочій надѣли это колесо. Тогда Ляшенко потребовалъ плетей и жестоко наказалъ Винникова за медлительность, затѣмъ далъ ему водки и уѣхалъ дальше. Еще раньше онъ послалъ по дорогѣ на Екатеринодаръ пѣшаго казака Клеща съ какимъ-то порученіемъ и, догнавши его потомъ на экипажѣ, велѣлъ подгонять Клеща плетью и собственноручно далъ ему болѣе 20 ударовъ. Въ селеніи Великобейсугскомъ Ляшенко, войдя съ женой Дули въ отведенный ему домъ, приказалъ закрыть ставни снаружи и поставилъ караулъ для того, чтобы онъ не пускалъ въ домъ самого Дулю. Черезъ полчаса онъ уѣхалъ одинъ дальше, а мужа Дулю и его жену велѣлъ отправить на тройкѣ домой. Что касается избіенія Винникова, то уѣздный лекарь Кошкадамовъ подъ присягой подтвердилъ, что непремѣнный членъ Ляшеко нанесъ Винникову „тяжкіе побои по всему тѣлу“ и что слѣдователь, сотникъ Давыдовъ, также нашелъ Винникова „опасно больнымъ“.

Несмотря на все это, дѣло, тѣмъ не менѣе, окончилось для Ляшенка благопріятно. Графъ Паскевичъ приказалъ освободить Ляшенка отъ отвѣтственности въ силу манифеста 22 августа 1826 г., и, во вниманіе къ долговременной и безпорочной службѣ, наказать его за пьянство, какъ штабъ-офицера, лишь двухнедѣльнымъ арестомъ при войсковой канцеляріи.

Такой исходъ имѣли многія судебныя дѣла, гдѣ потерпѣвшими были люди маленькіе и рядовые, а правонарушителями—чиновники.

Положеніемъ 1827 года были въ достаточной степени разграничены разныя формы суда и судебныхъ учрежденій. Появились, какъ самостоятельные органы, судъ военный, судъ гражданскій, судъ полицейскій, судъ куренныхъ поселеній.

При войсковой канцеляріи, вмѣсто экспедиціи, учрежденъ былъ „особый военный судъ“ изъ предсѣдателя—войскового атамана и назначаемыхъ имъ презуса изъ штабъ-офицеровъ, и четырехъ ассесоровъ изъ оберъ-офицеровъ, а также изъ аудитора, назначаемаго аудиторіатскимъ департаментомъ. Презусъ непремѣнно долженъ быть чиномъ старше подсудимаго. Опредѣленія суда представлялись войсковому атаману, который посылалъ рѣшенія съ своимъ заключеніемъ командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. Военному суду подлежали дѣла офицеровъ и дворянъ и важнѣйшія правонарушенія нижнихъ чиновъ.

Для тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ, совершенныхъ женщинами и иногородними, учрежденъ былъ „Войска Черноморскаго гражданскій судъ“ изъ войскового судьи, двухъ засѣдателей, секретаря и канцеляріи. Войсковой судья и засѣдатели избирались дворянами изъ своей среды на три года и утверждались въ должностяхъ командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. Окончательному рѣшенію войскового суда подлежали иски не свыше трехсотъ рублей.

„Сообразно съ обычаями черноморцевъ и образомъ ихъ жизни“, судебныя дѣла поступали въ войсковой судъ лишь „послѣ словеснаго разбирательства постороннихъ людей, обѣими сторонами избираемыхъ“ въ количествѣ отъ 3 до 5 посредниковъ. Это былъ судъ третейскій.

Земскимъ сыскнымъ начальствамъ и Екатеринодарской городской полиціи поступали на окончательное рѣшеніе дѣла отъ 20 до 100 руб. ассигнаціями, съ денежными штрафами до 25 р. ас., съ арестомъ отъ 7 дней до одного мѣсяца и съ наказаніемъ розгами до 100 ударовъ.

Окончательному рѣшенію куренныхъ судей подлежали дѣла о мелкихъ кражахъ, обманахъ, легкихъ побояхъ, дракахъ и имущественные иски не свыше 25 руб. ас., а иски отъ 25 до 50 руб. ас. рѣшались съ передачей постановленій на утвержденіе высшей инстанціи—сыскного начальства. Куренные судьи могли налагать штрафы до 5 руб. ас., арестъ до 7 дней, общественныя работы до 3 дней и наказанія розгами до 50 ударовъ.

Для наблюденія за судебными порядками министръ юстиціи назначилъ войскового прокурора, который долженъ былъ слѣдить за ходомъ дѣлъ и выполненіемъ резолюцій.

Согласно параграфа 44 положенія, „прокуроры, а равно и члѣны войсковой канцеляріи въ военномъ судѣ никакого дѣйствія имѣть не могутъ".

Несмотря, однако, на такое разграниченіе судебныхъ учрежденій по видамъ дѣятельности, суть дѣла осталась мало измѣнившейся. Точныхъ указаній все таки не было для разнообразныхъ случаевъ судебной практики. Судъ полицейскій и административное воздѣйствіе оставлены были въ земскихъ сыскныхъ начальствахъ и въ гражданской полиціи г. Екатеринодара. А, главное, продолжали господствовать особенности канцелярскаго судопроизводства—убійственная волокита и явное мирволеніе опредѣленному классу лицъ. Судъ былъ не для всѣхъ одинаковъ. Въ большей степени это присуще было суду войсковому и сыскнымъ начальствамъ и въ значительно меньшей—судамъ куреннымъ.

Послѣдніе рѣзко отличались отъ двухъ предыдущихъ. Въ нихъ совсѣмъ не было канцелярской волокиты. Существовало собственно двѣ формы низшаго народнаго суда: куренные судьи и судъ куренного общества или рады. Первые были выборными агентами куренного общества, несли обязанности какъ судебныя, такъ и административныя и, слѣдовательно, совмѣщали двоякаго рода дѣятельность. Куренное же общество было высшей инстанціей, вѣдавшей также административныя и судебныя дѣла. Но кѣмъ бы не рѣшались судебные иски—куренными судьями или куренной радой, основою для судебныхъ рѣшнній служилъ народный обычай. Низшіе суды были обычными судами. Судопроизводство велось въ нихъ, по тогдашнему выраженію, „голословно", т. е. не канцелярскимъ способомъ—на бумагѣ, а устнымъ разбирательствомъ—на словахъ и при непремѣнномъ условіи состязательнаго начала. Это былъ излюбленный народный способъ судопроизводства, и тщетно пыталась войсковая администрація придать ему канцелярскій характеръ. Въ 1834 г. земскій начальникъ сотникъ Ягличъ, ревизуя куренныя управленія, нашелъ, что въ судебныя книги совсѣмъ не вносились ни судебныя дѣла, ни рѣшенія по нимъ—„книги вездѣ чисты", судопроизводство велось всюду „словесно", безъ письменныхъ записей. Въ приказѣ 9 апрѣля 1834 г. наказный атаманъ Заводовскій благодарилъ Яглича за ревизію куренныхъ управленій и предписывалъ послѣднимъ озаботиться непремѣнно о внесеніи въ судебныя книги судебныхъ дѣлъ и рѣшеній. Но и послѣ атаманскаго циркуляра книги оставались „чистыми". Благодаря этому обстоятельству, въ войсковомъ архивѣ почти не осталось никакихъ матеріаловъ о дѣятельности куренныхъ судовъ.

Но повидимому и народный судъ не свободенъ былъ отъ административнаго вмѣшательства въ кругъ его дѣятельности. Во время

изданія положенія 1842 года, одинъ изъ станичныхъ атамановъ наказалъ мѣщанку Чистюхину и казачку Куницеву, по просьбѣ священника Мучковскаго, лекаря Кошкадамова, есаульши Бѣлой, дьякона Олестратова и дьяконицы Троицкой. У всѣхъ этихъ лицъ ночью были обмазаны ворота и калитки дегтемъ, и станичная аристократія заподозрѣла въ этомъ Чистюхину и Куницеву. Обмазываніе воротъ и заборовъ дегтемъ тогда, какъ и теперь, считалось опозореніемъ чести и добраго имени и виновники этого карались судомъ. Но относительно преступности Чистюхиной и Куницевой не было никакихъ доказательствъ и они, въ свою очередь, принесли жалобу на станичнаго атамана за побои и безчестіе, нанесенные безъ всякаго основанія къ тому. Очевидно, станичный атаманъ, въ роли мѣстной власти, позволилъ себѣ явный произволъ и навѣрно не безъ давленія на него такихъ видныхъ по положенію въ станицѣ лицъ, какъ священникъ, врачъ, дьяконъ и жены есаула и дьякона.

Дальнѣйшее развитіе судебныя учрежденія Черноморскаго войска получили съ изданіемъ положенія 1842 года. По новому закону, военный судъ былъ совершенно обособленъ, подъ названіемъ комиссіи военнаго суда, состоявшей изъ презуса, четырехъ ассесоровъ и аудитора. Вмѣсто одного войскового суда, какъ это установлено было положеніемъ 1827 года, въ 1842 г. учреждены были три окружныхъ суда съ стряпчими въ трехъ округахъ Черноморіи, а высшей инстанціей было войсковое правленіе, вѣдавшее въ числѣ прочихъ и дѣла гражданскаго судопроизводства. Особаго, аналогичнаго губернскому, суда не было, и вліяніе администраціи въ этой инстанціи оставлено было въ полной силѣ. Но въ основу окружныхъ судовъ положено уже было отчасти выборное начало: суды же станичные не только состояли изъ выборныхъ лицъ, но и были самостоятельными народными учрежденіями. Въ составъ окружнаго суда входилъ судья по назначенію наказнаго атамана и два выборныхъ отъ дворянства и отъ станичныхъ обществъ засѣдателя. Станичному обществу присвоено было значеніе высшей судебной инстанціи по отношенію къ станичному суду и даже предоставлена была власть тѣлеснаго наказанія, а станичный судъ, какъ спеціальный органъ, вѣдалъ мелкія уголовныя дѣла и дѣла имущественныя по искамъ, не превышавшимъ 50 р. Независимо отъ этого былъ допущенъ въ станицахъ и обычный третейскій судъ. Въ сущности закономъ было лишь оформлено то, что существовало уже въ дѣйствительности. Очень важно было выдѣленіе народныхъ формъ суда въ особую инстанцію.

Судя по нѣкоторымъ даннымъ, станичныя общества шли въ этомъ отношеніи далѣе и видоизмѣняли формы суда въ предоставленныхъ имъ рамкахъ. Въ архивѣ станицы Новодеревянковской сохранился очень интересный въ этомъ отношеніи документъ. Это рѣшеніе станичнаго судьи и приглашенныхъ имъ одинадцати понятыхъ отъ населенія. Въ судебный актъ, названный „приговоромъ“,

было занесено, что урядники и казаки станицы Новодеревянковской, живущіе по правую сторону Албашскаго лимана, въ количествѣ 11 человѣкъ были собраны 4 ноября 1846 г. станичнымъ судьею Яковомъ Омельченкомъ для освидѣтельствованія „опаши", т. е. потравы сѣна, принадлежавшаго уряднику Заводовскому, скотомъ казака Писецкаго. Потрава была опредѣлена въ 6 копенъ, которыя Писецкій по приговору долженъ былъ отдать Заводовскому, а послѣдній возвратить взятыхъ имъ у Писецкаго воловъ. Всѣ эти лица нашли нужнымъ единогласно заявить, что Заводовскій косилъ сѣно всего въ верстѣ отъ хуторовъ и сложилъ его на спускѣ къ водопою, чѣмъ крайне стѣснилъ хуторянъ, и что сдѣлалъ это онъ съ умысломъ, чтобы захватывать чужой скотъ и требовать за него выкупъ. Заводовскій былъ вообще человѣкъ строптивый и дерзкаго характера. Едва ли кто либо изъ насъ, говорятъ въ приговорѣ казаки, не испыталъ отъ Заводовскаго притѣсненій и обиды и не имѣлъ съ нимъ тяжбы.

Въ виду этого судья и понятые просили станичное правленіе заставить Заводовскаго перевезти сѣно къ себѣ на дворъ въ теченіе двухъ недѣль. Но такъ какъ Заводовскій былъ человѣкъ кляузный и никому въ качествѣ дворянина не подчинявшійся, то казаки черезъ правленіе предупредили Заводовскаго, что, въ случаѣ неисполненія имъ предписанія правленія о перевозкѣ сѣна въ теченіе двухъ недѣль, онъ теряетъ право на вознагражденіе за потраву скотомъ этого сѣна. Судя, по этому приговору, правдой и жизнью вѣяло отъ станичныхъ судовъ того времени.

Особую форму суда представлялъ судъ церковный или консисторскій. Въ тѣсныхъ рамкахъ одного духовнаго вѣдомства, учрежденію этому подлежали очень немногія дѣла изъ области духовнаго управленія; но церковный судъ имѣлъ также отношеніе къ судамъ гражданскому и военному въ роли органа, опредѣлявшаго наказаніе по состоявшимся уже рѣшеніямъ военнаго или гражданскаго суда. Во всѣхъ случаяхъ, когда преступленіе касалось религіозныхъ основъ и проступковъ противъ нравственности, оберегаемой церковными законами, опредѣленіе наказанія или эпитеміи производилось консисторскимъ судомъ. Въ 1819 г. духовная консисторія опредѣлила подвергнуть семилѣтней эпитеміи казака за прелюбодѣяніе съ женой дьякона. Приговоръ этотъ былъ утвержденъ святѣйшимъ синодомъ. Указомъ Астраханской духовной консисторіи 22 августа 1825 г. казакъ куреня Кисляковскаго Петръ Бичъ за сожительство съ женой своего племянника Романа, находившагося къ гвардіи, подвегнутъ былъ духовному покаянію. Самъ онъ отосланъ былъ въ Екатеринолебяженскую Николаевскую пустынь, а на жену племянника Марину наложена была эпитемія—$5^1/_2$ лѣтъ покаянія, подъ наблюденіемъ духовнаго отца. Раньше дѣло разбиралось въ гражданскомъ судѣ. Осужденный Бичъ покушался на самоубійство, но нанесъ себѣ только незначительную рану въ животъ. До наложенія эпитеміи онъ нака-

занъ былъ передъ сходомъ 45 ударами плетей, а Марина—25 ударами. Эпитемія состояла въ томъ, что подверженныя ей лица должны были въ воскресные и праздничные дни ходить въ церковь и приносить раскаяніе, въ среду и пятницу класть на дому по 50 поклоновъ, во всѣ посты исповѣдываться, но не принимать Св. Тайнъ, кромѣ „смертнаго случая". О „плодахъ раскаянія" духовники обязаны были доносить ежегодно духовной консисторіи.

Въ 1842 г. былъ подвегнутъ церковному покаянію полковникъ Животовскій, судившійся за убійство крѣпостныхъ и жестокое съ ними обращеніе. Въ 1848 г. были изобличены два казачьихъ сына въ утайкѣ частицъ Св. Причастія, которыми они желали воспользоваться „для выстрѣла ими изъ ружья, чтобы оно сильно било". Подсудимые сосланы были въ Екатеринолебяженскую пустынь на эпитемію.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ роль консисторіи или духовнаго суда была строго опредѣленной и соподчиненной судамъ военному и гражданскому. Духовный судъ налагалъ эпитемію по заранѣе подготовленному шаблону.

Что касается суда духовнаго въ тѣсномъ смыслѣ, то онъ былъ вообще мягкимъ и гуманнымъ для членовъ своего сословія и носилъ примирительный характеръ при столкновеніяхъ духовныхъ лицъ съ мірянами. Тяжущіеся обращались обыкновенно въ консисторію съ мировой—и она мирила ихъ или утверждала составленныя уже мировыя записи. Мировыя эти очень любопытны и характерны для суда того времени, какъ отраженіе чисто бытовыхъ условій.

Въ февралѣ 1818 г. въ Екатеринодарское духовное правленіе, игравшее роль мѣстной консисторіи, поступило „мировое прошеніе" отъ прихожанъ селенія Екатериновскаго и священника того-же прихода Іосифа Стрижевскаго. Въ 1816 и 1817 г.г. прихожане жаловались начальству на священника Стрижевскаго, обвиняя его въ неисправности по церковнымъ порядкамъ, въ упущеніяхъ по отправленію требъ и „въ прочихъ противозаконныхъ поступкахъ и качествахъ." Но „мы нынѣ, говорится въ прошеніи, съ священникомъ Стрижевскимъ помирились и на приходъ нашъ по прежнему къ Екатерининской церкви, буде вышнему начальству заблагоразсудится, опредѣлить желаемъ съ тѣмъ, дабы онъ, Стрижевскій, прежде чинимыхъ качествъ не дѣлалъ." Изложивъ другія условія относительно оплаты требъ и взявши съ священника подписку, прихожане просили предать забвенію дѣло ихъ съ Стрижевскимъ.

Въ такомъ же духѣ мировая была заключена между священникомъ и дьячкомъ. Въ декабрѣ 1835 г. стихарный дьячокъ куреня Пашковскаго Иванъ Пономаренко принесъ жалобу на мѣстнаго священника Калайтана, прося удовлетворить его за побои. Дѣло было такъ. Причтъ служилъ молебенъ 4 декабря у поручика Гаевскаго, который по окончаніи молебна, выдалъ деньги всѣмъ на руки—священнику 4 руб., дьякону 2 руб., и тремъ дьячкамъ 2 руб. Та-

кія деньги поступали обыкновенно въ кружку. При сдачѣ денегъ въ кружку, священникъ Калайтанъ сдалъ только 2 руб. Это возмутило остальныхъ членовъ причта и когда дьячокъ Пономаренко отправился къ священнику „для дознанія истины,“ то послѣдній жестоко избилъ его. Священникъ Калайтанъ, по аттестаціи благочиннаго Екатеринодарскому духовному правленію, былъ склоненъ къ дракамъ и причинялъ побои прихожанамъ. Назначено было слѣдствіе. Но черезъ два года священникъ Калайтанъ и Пономаренко помирились, а еще черезъ годъ духовнымъ судомъ дѣло было предано „вѣчному забвенію“ и съ тужущихся взыскано 6 руб. гербоваго сбора.

Судя по этимъ примѣрамъ духовный судъ являлся судомъ примирительнымъ, мягкимъ и гуманнымъ. Такъ оно и было въ дѣйствительности, согласно съ условіями быта. По евангельской морали, покаявшійся искупалъ уже свой грѣхъ раскаяніемъ, и если, по обычаю, духовный судъ не налагалъ эпитеміи, то раскаявшійся могъ самъ себя подвергнуть ей. Слѣдовательно, суду тутъ дѣлать было нечего.

Но въ церковномъ архивѣ при Екатеринодарскомъ соборѣ сохранился въ высшей степени интересный документъ, свидѣтельствующій о существованіи въ судахъ Черноморскаго войска „очистительной присяги.“ Гражданскій судъ, разбирая имущественный искъ, установилъ, что вдова сотника Золотаренко отдала на храненіе сотнику Дендиберѣ вещи на сумму 415 р. и усумнился въ въ томъ, что Золотаренко отдала также на храненіе тому же Дендиберѣ 300 руб. денегъ, какъ утверждала она. Дендиберя же отрицалъ это и, въ подтвержденіе своей правоты, требовалъ очистительной присяги. Духовный судъ распорядился дать Дендиберѣ очистистительную присягу въ іюлѣ 1835 г. въ Екатеринодарскомъ войсковомъ соборѣ.

Во всѣхъ случаяхъ,—и какъ органъ, опредѣлявшій эпитемію провинившимся, и какъ мировая инстанція, и какъ учрежденіе, санкціонировавшее допущеніе очистительной присяги, церковный судъ былъ не только судомъ особымъ, спеціальнымъ, но и судомъ патріархальнымъ.

Наиболѣе распространенной формой казачьяго суда, былъ судъ военный. Онъ пользовался самой широкой юрисдикціей, и военнымъ судамъ, пожалуй, чаще приходилось имѣть дѣло съ гражданскими процессами, чѣмъ съ военными. Дѣла бытовыя, хозяйственныя, воровство, грабежи, бродяжничество и лихоимство и пр. какъ бы заслоняли собою дѣла чисто военнаго характера. Такое положеніе военныхъ судовъ объяснялось двоякаго рода обстоятельствами. Во первыхъ, и сама жизнь давала меньше правонарушеній въ области военной, чѣмъ гражданской, а во вторыхъ, благодаря непомѣрно суровымъ законамъ, черноморцы не склонны были обращаться къ военному суду и даже серьезные, съ точки зрѣнія военной дисциплины и субординаціи, случаи старались разрѣшать въ порядкѣ адми-

нистративно-дисциплинарномъ. Даже строгій Ермоловъ находилъ несоразмѣрно тяжелыми наказанія казаковъ военнымъ судомъ за мелкіе проступки, и въ 1826 г. черноморцы, по его представленію, были избавлены, „въ силу мѣстныхъ обстоятельствъ," отъ ссылки въ Сибирь за преступленія по кражамъ свыше 100 руб. черноморскіе казаки и ихъ начальство избѣгали, поэтому, военнаго суда и обращались къ нему или по нуждѣ, когда иначе нельзя было поступить, или въ крайнихъ случаяхъ, рѣзко бросавшихся въ глаза своей чрезвычайностью.

Въ первое время по заселеніи края, военный судъ вѣдалъ главнымъ образомъ дѣла по нарушенію военной дисциплины и по всякимъ вообще воинскимъ проступкамъ. Въ то время еще Черноморцы не успѣли отвыкнуть отъ своихъ запорожскихъ военныхъ порядковъ, которые тѣсно переплетались съ бытовыми условіями, и смотрѣли на многіе проступки съ иной точки зрѣнія, чѣмъ требовали того военные законы. За оплошность или небрежность на сторожевой линіи, какъ за нарушеніе правилъ караульной службы, полагалась, по военнымъ законамъ, смертная казнь, а запорожцы карали за это просто кіями или отечески журили. Это отражалось и на смягченіи приговоровъ военнаго суда. Въ 1811 г. хорунжій Гаркуша и казакъ Мащенко были изобличены въ продажѣ казеннаго пороха, а Гаркуша, кромѣ того, въ нанесеніи побоевъ казаку при пороховомъ складѣ. Изобличенныхъ предали суду и отправили въ Херсонъ, какъ важныхъ преступниковъ. Имъ грозила довольно суровая кара. Но благодаря манифесту 30 августа 1814 г., ихъ освободили отъ суда и ареста, сдѣлавши лишь строгое внушеніе, „чтобы впредь отъ таковыхъ поступковъ воздержались".

Въ такихъ случаяхъ всегда смягчались приговоры, если не по манифесту, то судьями, такъ какъ принимались въ разсчетъ бытовыя и экономическія условія. Въ дѣлѣ нѣтъ указаній, при какихъ условіяхъ Гаркуша и Мащенко продали порохъ; но весьма возможно, что въ преступленіи не было той черты, при наличности которой, какъ признака измѣны, строго наказывалась продажа пороха. Быть можетъ, порохъ просто мѣнялся на что нибудь, какъ цѣнный продуктъ мѣны—и только.

Съ теченіемъ времени военному суду все чаще и чаще приходилось имѣть дѣло съ преступленіями чисто бытового характера. Такъ, въ 1830 г. военный судъ присудилъ куреннаго атамана Чернявскаго, за арестъ въ полномъ облаченіи священника Петрова, сопровождавшаго повѣнчанную пару на домъ, къ 30 ударамъ розогъ. Изъ дѣла выяснилось, что священникъ былъ въ нетрезвомъ видѣ и вѣнчалъ поздно вечеромъ, что запрещалось Святѣйшимъ Синодомъ. Побудилъ-же атамана къ аресту дьяконъ Щебуткинъ, который вмѣстѣ съ хорунжимъ Градовскимъ издѣвался впослѣдствіи надъ священникомъ въ холодной—хорунжій трясъ священника за бороду, а дьяконъ ругалъ. Но и священникъ не оставался въ долгу

и ругалъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, а когда они ушли, то посылалъ за водкой, и когда ему не дали водки безъ денегъ, то онъ послалъ въ залогъ шелковый поясъ. Сидѣлецъ пояса не взялъ, а водку принесъ самъ. Въ 1836 году разжалованъ былъ по суду есаулъ Шульга, съ лишеніемъ дворянства, за пьянство, нарушеніе въ пьяномъ видѣ благочинія въ церкви и причиненія обиды священнику Матвѣеву. Въ томъ же году есаулъ Плохой былъ приговоренъ къ двумъ мѣсяцамъ на гауптвахту за нанесеніе удара по лицу священнику Мишину. Во всѣхъ случаяхъ дѣла возникали въ области тѣхъ взаимоотношеній, которыя обусловливались появленіемъ двухъ сословій въ войскѣ—дворянскаго и духовнаго, и борьбой за привиллегированное положеніе представителей того и другого сословія. Судебныя дѣла этого рода возникали очень часто.

Довольно часто также подлежали военному суду преступленія по службѣ, соединенныя съ нарушеніемъ денежныхъ интересовъ войска или частныхъ лицъ. Въ 1837 г. военнымъ судомъ при войсковой канцеляріи были присуждены къ „лишенію живота" два казака, какъ куренные судьи, давшіе земскому начальнику Камянченку въ подарокъ голову сахару и 12 аршинъ ситца, на что было истрачено 29 руб. общественныхъ денегъ. Но наказный атаманъ Заводовскій приказалъ, взамѣнъ „лишенія живота", наказать каждаго казака, при полномъ собраніи общества, 70 ударами плетей. Въ 1835 г. урядникъ Головко, за растрату 1034 руб. денегъ приказа общественнаго призрѣнія, былъ приговоренъ судомъ къ наказанію 500 ударами, съ прогономъ сквозь строй. Въ 1839 г. по суду былъ лишенъ чиновъ, орденовъ и отставленъ отъ службы полицеймейстеръ Долинскій за злоупотребленія по службѣ. Въ 1849 г. приговоренъ былъ военно-судной коммиссіей къ лишенію чиновъ и разжалованъ въ казаки, но безъ лишенія дворянскаго званія, есаулъ Долговъ за безпорядки по службѣ, злоупотребленія и лихоимство.

Взятки, лихоимство, вымогательство, присвоеніе войсковыхъ доходовъ и т. п. были довольно распространенными явленіями въ войскѣ, и если нѣкоторыя дѣла по этимъ преступленіямъ доводились до суда и оканчивались карою нарушителей закона, то это были или исключительные, по своей беззастѣнчивости, случаи или же преслѣдованія по нимъ возникали при исключительныхъ обстоятельствахъ.

Военный судъ, затѣмъ, вѣдалъ всѣ тѣ дѣла изъ области гражданской, съ которыми были соединены чрезвычайныя мѣры по охраненію края отъ грабежей, воровства, пристанодержательства и пр. Въ 1831 г. военный судъ приговорилъ къ 100 ударамъ розгами, въ присутствіи куренного общества, трехъ казаковъ за укрывательство безпаспортнаго бродяги. По указу правительствующаго сената 31 октября 1842 г., священникъ станицы Стародеревянковской Петръ Колесниковъ и его жена Соломонида, скрывавшіе грабителей, а также награбленныя ими деньги и вещи, были сосланы

въ Сибирь, съ лишеніемъ священника сана. Въ числѣ преступниковъ былъ братъ священника Колесникова, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется участіе въ дѣлѣ послѣдняго. Въ 1849 г. коммиссіей войскового суда при войсковомъ дежурствѣ было рѣшено дѣло „о намѣреніи бѣжать черезъ море, за Дунай, въ Турцію.“ Подсудимыми оказались два казака Полтавской губ., закубанскій поселенецъ, незаконнорожденный и три бродяги. Всѣ они находились на рыболовныхъ промыслахъ и, повидимому, больше болтали о побѣгѣ, чѣмъ намѣрены были это сдѣлать. Судъ однихъ оправдалъ, другихъ—бродягъ, оставилъ въ сильномъ подозрѣніи, и наказалъ только тѣхъ, кто оказался виновнымъ въ явныхъ проступкахъ—въ бродяжничествѣ, неимѣніи паспорта и пр.

Какъ видно изъ послѣдняго дѣла, самъ судъ придавалъ большое значеніе бродяжничеству. Съ бродяжничествомъ тѣсно были соединены воровство и грабежи, явленія, очень распространенныя и крайне тяжело ложившіяся на населеніе. Но явленія эти и другія аналогичныя съ ними, каковы побѣги, гайдамачество и пр., будутъ охарактеризованы особо. Относясь къ области судебныхъ преступленій, они составляли особую сторону казачьяго быта и ненормальныхъ жизненныхъ условій.

Но чтобы составить представленіе объ общемъ характерѣ судебной дѣятельности учрежденій и подлежавшихъ суду ихъ преступленій въ прошломъ Черноморскаго казачества,—въ заключеніе воспользуемся указаніями исторической статистики.

Съ 1818 по 1822 г. включительно, т. е. за пять лѣтъ, сохранились вѣдомости о количествѣ арестантовъ, подлежавшихъ суду за разныя преступленія. Изъ этихъ цифръ видно, что подъ арестомъ сидѣло за разныя преступленія среднимъ числомъ въ годъ 123 мужчины и 6 женщинъ, что на 100 преступленій приходилось 43 преступника, судившихся за кражу, 23 за „безписьменновидность,“ 10 за убійство, 10 за грабежи, 6 за побѣги со службы и 8 за разныя другія преступленія—за поджоги, упущенія по службѣ, прелюбодѣянія и пр. Цифры очень характерныя, показывающія, что наибольше преступленій относилось къ кражамъ, грабежамъ и соединенному съ ними бродяжничеству, составлявшихъ 78% или 3/4 всѣхъ преступленій.

Еще болѣе интересныя указанія даетъ статистика преступленій съ 1851 по 1859 г., за исключеніемъ 1852 и 1857 г.г. За эти семь лѣтъ общее число преступленій равнялось въ годъ среднимъ числомъ 670 случаямъ, причемъ 269 человѣкъ сидѣло подъ арестомъ и 203 преступника были на свободѣ. Въ этомъ второмъ случаѣ на 100 человѣкъ судилось 53 преступника за кражи, 12 за бродяжничество и „безписьменновидность“, 4 за грабежи, 9 за побѣги со службы и 22 за разныя другія преступленія. Слѣдовательно, кражи и грабежи съ бродяжничествомъ за этотъ періодъ составляли 69%; въ особую рубрику выдѣлены были преступники, бѣжавшіе со службы,

раньше значившіеся, вѣроятно, въ рубрикѣ бродягъ и составлявшіе 9%, и разныя другія преступленія выразились въ 22%. Получились совершенно аналогичныя приведеннымъ выше, доходящія почти до тождественности, указанія статистики преступленій. Интересно, что въ этомъ случаѣ на 88 человѣкъ неграмотныхъ воровъ, бродягъ и бѣглецовъ приходилось 12 грамотныхъ и что грамотные въ общей массѣ преступниковъ составляли лишь 6%. За 8 лѣтъ въ этотъ второй періодъ было лишено духовнаго званія 4 человѣка, офицерскаго 3 и урядничьяго 10 человѣкъ. Наконецъ въ этотъ же періодъ умерло среднимъ числомъ 4% въ годъ, оправдано было 4%, сослано въ арестантскія роты 8%, наказано шпицрутенами 6% и розгами 8%.

Но довольно высокія цифры смертности—40 человѣкъ на тысячу, все же, навѣрное, были ниже дѣйствительныхъ. Арестанты, по свидѣтельству историческихъ данныхъ, находились въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Тюрьмы были переполнены и помѣщать преступниковъ было некуда, помѣщенія были до того плохи, что въ нихъ нельзя было жить, обстановка невозможная. Въ 1836 г. генералъ Штейбенъ, производившій осмотръ Екатеринодарскаго острога, нашелъ „невозможными для человѣческаго существованія" острожныя помѣщенія. Онѣ были такъ тѣсны, что часть арестантовъ находилась подъ нарами; воздухъ былъ спертъ и удушливъ; печей совсѣмъ не было; окна были безъ стеколъ; арестанты ободраны и не имѣли одежды. Когда обо всемъ этомъ было доложено корпусному командиру барону Розену, то онъ приказалъ наказному атаману Черноморскаго войска Заводовскому выстроить новый острогъ. Положеніе арестантовъ въ округахъ было еще хуже. Ихъ нечѣмъ было кормить, негдѣ было помѣщать, не было даже кандаловъ. Въ 1838 г. бейсугскій сыскной начальникъ просилъ войсковую канцелярію снабдить его кандалами, такъ какъ за неимѣніемъ кандаловъ приходилось заковывать арестантовъ, какъ лошадей, въ конскія путы.

Тяжелое положеніе арестантовъ въ тюрьмахъ и жестокія кары за совершенныя ими преступленія ни мало не вліяли на уменьшеніе преступности. Условія для совершенія преступленій оставались въ теченіе продолжительнаго времени одинаковыми и главное зло—организованное воровство и грабежи, продолжало держать въ постоянной тревогѣ и населеніе и властей. Но это уже самостоятельная область историческихъ явленій, имѣвшихъ свои корни въ прошломъ, когда на югѣ Россіи господствовали иные нравы, обычаи и взаимоотношенія людей.

Такими общими чертами отличались судебныя учрежденія и подлежавшія ихъ юрисдикціи дѣла въ Черноморіи, съ начала XIX столѣтія и до образованія Кубанской области. Учрежденія эти видоизмѣнялись подъ вліяніемъ жизненныхъ осложненій и отношенія къ войску правительства. Правительство заботилось о пріуроченіи судебныхъ формъ къ требованіямъ жизни. Первоначально оно оставило въ вѣдѣніи войска судебныя отправленія, сдѣлавши исключеніе

лишь для немногихъ преступленій чрезвычайной важности. Семь лѣтъ казачество вершило судебныя дѣла самостоятельно, по собственному усмотрѣнію. Въ 1801 г., въ первый разъ по указаніямъ правительства возникли двѣ первоначальныхъ формы судебныхъ учрежденій—криминальная и тяжебная экспедиціи. Въ 1802 г. эти формы были замѣнены одной—войсковой канцеляріей, также самостоятельно вершившей подавляющее количество судебныхъ дѣлъ. Въ 1810 г. была съужена юрисдикція этого канцелярско-судебнаго органа подчиненіемъ его таврическому губернскому суду, и въ такомъ положеніи находилось дѣло въ теченіе 7 лѣтъ. Но всѣ эти учрежденія носили очень примитивный характеръ. Въ нихъ не разграничены были ни слѣдственная часть отъ судебной, ни административное начало отъ юридическаго.

Положеніемъ Черноморскаго казачьяго войска 1827 года сдѣлана была дальнѣйшая попытка болѣе систематичнаго оформленія судебныхъ учрежденій. Возникли суды военный, гражданскій, земско-полицейскій и куренной или народный. Послѣдній, точно также какъ и военный, существовалъ со дня возникновенія войска, но лишь въ 1827 г. онъ былъ облеченъ закономъ въ форму судебнаго учрежденія. Послѣ 15-лѣтней практики этихъ учрежденій, въ 1842 г. они снова были перестроены и видоизмѣнены. Судъ военный окончательно былъ обособленъ въ спеціально военный органъ; вмѣсто одного войскового гражданскаго суда учреждены были три окружныхъ или уѣздныхъ суда, подчиненныхъ войсковому правленію; за земскими сыскными начальствами были оставлены немногія дѣла и права высшей инстанціи по отношенію къ станичнымъ судамъ; наконецъ, судъ народный или станичный, при узкихъ рамкахъ компетенціи, до извѣстной степени одухотворенъ былъ выборнымъ началомъ и обычнымъ правомъ.

Такъ, въ теченіе 42 лѣтъ, эволюціонировали судебныя учрежденія въ Черноморскомъ войскѣ. Но отъ нихъ до настоящаго гуманнаго, самостоятельнаго и широко общественнаго суда, было еще далеко. Канцелярская кляуза, крючкотворство, произволъ, медлительность, потворство, суровыя наказанія, низкій уровень общественной нравственности и пр., и пр. легко уживались съ канцелярскими формами казачьяго суда. Слабый блескъ юридическихъ идеаловъ и правды отражался лишь въ выборномъ началѣ, примѣненномъ къ однимъ низшимъ формамъ суда. Да иначе не могло и быть. Тогда еще не было суда праваго и милостиваго. Тогда господствовали еще очень низменные нравы и обычаи въ населеніи.

Чтобы понять, почему судебныя учрежденія были несовершенны и судебныя дѣла не носили строго-юридическаго характера, нужно составить себѣ ясное представленіе о тѣхъ грубыхъ и жестокихъ нравахъ, которые господствовали у казачьяго населенія, и о той необезпеченности личности и собственности, какая зависѣла отъ исключительныхъ условій тревожнаго времени. Большинство правона-

рушеній и судебныхъ дѣлъ возникало въ зависимости отъ этихъ условій. Личная обида, произволъ, насиліе, воровство и грабежи были самыми распространенными случаями правонарушеній. Тяжущіеся чаще всего или сводили личные счеты, или же искали защиты отъ воровъ и грабителей. Личность или общечеловѣческія права и жилище или хозяйственное обзаведеніе были исходными пунктами для суда и для тяжущихся.

Таковы были условія и требованія тогдашней казачьей жизни. Край устраивался заново. Произошли существенныя измѣненія въ общественномъ строѣ и управленіи. Вмѣсто древняго казачьяго уряда, приноровленнаго къ казачьему равноправію и вольностямъ, народились и развивались порядки, обезпечивавшіе сословный строй и привиллегіи. Богатые и сильные обособлялись въ самостоятельный классъ въ ущербъ интересамъ бѣдняковъ и малосильныхъ. Отношенія между сторонами обострялись, и изъ столкновенія взаимныхъ интересовъ возникали правонарушенія и судебныя дѣла. Съ другой стороны, при слабой населенности и отсутствіи защиты, благодаря отвлеченію казаковъ военной службой отъ дома, хозяйство и такіе виды собственности, какъ скотъ, давали широкій просторъ воровству и грабежамъ. Полудикій край окруженъ былъ народностями, у которыхъ воровство и грабежи считались доблестью. Естественно, что, на почвѣ нарушенія правъ собственности, открывалось широкое поле для дѣйствій суда.

Въ историческихъ документахъ разброcана масса судебныхъ случаевъ, характерныхъ для сословно военныхъ отношеній. Рапортомъ 22 іюля 1815 г. хорунжій Перекрестъ доносилъ полковнику Кобиняку, что зайдя на мѣновой дворъ въ компанію, въ которой находился пьяный приказчикъ откупщика Политовъ, онъ спросилъ присутствующихъ, не объ этомъ-ли Политовѣ ведется дѣло по поджогу? Въ отвѣтъ на это Политовъ началъ его ругать. Тогда онъ, Перекрестъ, чтобы „поддержать свое достоинство“, подошелъ къ пьяному приказчику и ударилъ его книжечкой по носу. Послѣ этого ругавшійся Политовъ ушелъ домой. Перекрестъ, съ священникомъ и діакономъ, въ свою очередь почему-то направился въ домъ къ Политову. Когда Политовъ и на дому у себя сталъ ругать Перекреста, то послѣдній ударилъ хозяина по щекѣ, а Политовъ далъ въ отвѣтъ такую затрещину, что Перекрестъ едва устоялъ на ногахъ. Такъ какъ онъ, Перекрестъ, былъ въ мундирѣ и при оружіи, то и просилъ своего полкового командира „объ удовлетвореніи по родству благородства“.

Выходило такъ, что Перекрестъ, какъ бы нарочито, вывелъ изъ себя пьянаго Политова, чтобы получить потомъ „удовлетвореніе по родству благородства“. У нарождавшагося сословія было уже свое знамя и смутное представленіе о бѣлой и черной кости.

Но эти понятія о „родствѣ благородства“ и о бѣлой кости уживались съ жестокими нравами и разнузданнымъ поведеніемъ

тогдашнихъ верховъ казачества. Пьянство и взаимныя оскорбленія господствовали во всѣхъ слояхъ населенія—и у пановъ, и у духовенства, и у рядового казачества, но у послѣднихъ, пожалуй, въ меньшей степени, чѣмъ у первыхъ. По крайней мѣрѣ, историческіе документы переполнены цѣлой массой самыхъ некрасивыхъ, по обстановкѣ, и возмутительныхъ, по содержанію, случаевъ грубости, самодурства и безобразій, проявленныхъ лицами привиллегированныхъ сословій. Въ судебныя дѣла за 1819 г. занесены два проступка священниковъ. Священникъ села Екатериновскаго Іосифъ Стрижевскій причинилъ побои коломъ, которымъ запираютъ церковь, дьячку Бѣличенку и помощнику ктитора Малерину; а священникъ Колесниковъ ругалъ скверными словами въ церкви есаула Шульгу, просвирню и другихъ. Такіе случаи были нерѣдки и считались въ порядкѣ вещей. Въ 1822 г. засѣдатель Екатеринодарскаго земскаго начальства есаулъ Шпилевой принесъ жалобу наказному атаману на есаула Глинскаго, который, въ компаніи съ есауломъ Изюмскимъ, ругалъ Шпилевого и билъ его нагайкой, когда они встрѣтились въ степи и не могли разъѣхаться вслѣдствіе глубокаго снѣга. Глинскій и Изюмскій были пьяны. Въ 1835 г. священникъ Дуброва подалъ на Высочайшее имя прошеніе объ удовлетвореніи его за побои, которые причинилъ ему въ станичномъ правленіи, куда онъ зашелъ по порученію благочиннаго, станичный судья Ляшенко, „съ ознаменованіемъ синебагровыхъ знаковъ". При слѣдствіи, произведенномъ Ейскимъ окружнымъ судомъ, выяснилось, однако, что „Ляшенко и Дуброва, бывши въ сильномъ азартѣ, причиняли одинъ другому по вискамъ удары". Ейскій окружной судъ призналъ обиду взаимной и отказалъ въ искѣ священнику Дубровѣ. Во всѣхъ трехъ случаяхъ лица, которыя, по своему положенію, должны были подавать примѣръ приличія и благородства, обнаружили самыя низменныя побужденія, свидѣтельствовавшія о грубости нравовъ и низкомъ уровнѣ общественности.

Такова была въ ту пору та особая среда, въ которой вращались люди, занимавшіе общественные верхи и власть имущіе. Безконтрольная власть развращающе дѣйствовала на людей, не привыкшихъ уважать личности и требованій общественныхъ началъ. Допускались насиліе и произволъ всюду и всѣми—и въ куреняхъ куренными властями, и въ полкахъ полковыми командирами и офицерами, и въ разныхъ учрежденіяхъ чиновниками и просто задорными людьми, чувствовавшими за собой силу или власть. Въ августѣ 1818 г. находившійся въ Ольгинскомъ кордонѣ полковникъ Курочкинъ донесъ войсковому атаману, что хорунжій Бѣлый и виноторговецъ Орловскій съ компаніей учинили кощунство. Напившись до пьяна, компанія понесла съ церковнымъ пѣніемъ Орловскаго на рогожѣ въ село Полтавское. Здѣсь, у кабака, компанія объявила жителямъ, что они принесли мертвеца для отпѣванія. Найдя въ этомъ кощунство, присутствующіе выразили неодобреніе пьяной компаніи. Про-

изошелъ скандалъ. Раздраженный хорунжій Бѣлый началъ, вмѣстѣ съ казаками, избивать толпу. Нѣсколько человѣкъ, освидѣтельствованныхъ впослѣдствіи лѣкаремъ, были признаны тяжело избитыми. Въ мартѣ 1838 г. пономарь Бардадымовъ жаловался Бейсугскому сыскному начальству, что на Брюховецкой ярмаркѣ хорунжій Порохня съ казаками билъ его плетью, такъ что онъ вынужденъ былъ сѣсть на лошадь и ускакать въ степь отъ буяновъ. У оставшейся при другой лошади дѣвки его Анны Иванцовой казаки вышибли лѣвый глазъ и отняли осѣдланную лошадь. Такъ какъ въ торокахъ у сѣдла было завязано 400 руб. денегъ, принадлежавшихъ брату Бардадымова священнику Георгію, и 373 р. его собственныхъ денегъ, то Бардадымовъ пытался отнять лошадь, но Порохня бросился на него съ обнаженной шашкой и лошадь была уведена. Когда-же казаки ярмарочной гауптвахты отобрали лошадь у Порохни, то въ торокахъ не оказалось денегъ. Такими случаями изобиловала повседневная жизнь казаковъ.

Тѣ же отрицательныя явленія повторялись затѣмъ и въ служебной средѣ. Такъ, 1828 г. оставилъ въ исторіи войска два характерныхъ случая изъ отношеній начальствующихъ лицъ къ подчиненнымъ, въ областяхъ гражданской и военной. Судя по криминальной исторіи Черноморскаго войска, военныя и гражданскія власти одинаково сурово и безсердечно относились къ низшему персоналу служащихъ. Въ 1828 г. секретарь Таманскаго сыскного начальства прапорщикъ Сиромаха, разсердившись на писца Кирпу, сталъ всячески преслѣдовать его и подвергать суровымъ наказаніямъ, ругалъ безъ всякаго повода, издѣвался и грозилъ предать суду.

Когда доведенный до отчаянія писецъ сказалъ своему разгнѣванному начальнику: „Богъ, если не съ васъ, то съ дѣтей вашихъ взыщетъ за то, что вы обижаете меня напрасно“, то секретарь велѣлъ совсѣмъ никуда изъ канцеляріи не выпускать Кирпу и, для обезпеченія сдѣланнаго имъ распоряженія, приковалъ писца къ столу. Такой позорной карѣ Сиромаха подвергалъ Кирпу неоднократно и при этомъ, для вящаго позора, надѣвалъ на него кандалы.

Еще безчеловѣчнѣе поступилъ съ казакомъ командиръ регулярнаго полка графъ Юръ. Рапортомъ 5 іюля 1828 г.-л. Емануелю было сообщено, что казака, находившагося въ крѣпости Усть-Лабинской на караулѣ, нечаянно ударилъ пьяный солдатъ, расправлявшійся съ своей женой. Когда дежурный офицеръ сообщилъ объ этомъ командиру войскъ въ крѣпости графу Юру, то Юръ, вызвавши къ себѣ казака и солдата, приказалъ казаку нанести ударъ солдату, въ отместку за полученный имъ. Казакъ отказался это сдѣлать. „Богъ съ нимъ, пояснялъ онъ свой отказъ, я обиды отъ него не чувствую“. Разгнѣванный неисполненіемъ его приказанія графъ Юръ велѣлъ положить ослушника на землю и бить палками. Солдаты отпустили казаку 400 ударовъ и били, по настоятельному приказанію Юра, такъ усердно, что несчастный казакъ еле доплелся до

казармы; тамъ подана была ему медицинская помощь—„пустили кровь“. Почти замертво казакъ отправленъ былъ въ лазаретъ, гдѣ онъ находился въ крайне тяжеломъ состояніи въ то время, когда, узнавши о происшествіи, начальникъ казаковъ полковникъ Кондруцкій сообщилъ подробности происшествія генералу Емануелю, прося его обратить вниманіе на поступокъ графа Юра.

При такой распущенности и такомъ произволѣ людей властныхъ и занимавшихъ извѣстное служебное положеніе, терялась, собственно, та граница, гдѣ оканчивались ихъ административныя полномочія и начинались правонарушенія, влекущія за собой отвѣтственность передъ судомъ. Высокое значеніе суда отступало на задній планъ передъ престижемъ власти, и самыя судебныя учрежденія теряли присущій имъ авторитетъ и юридическую силу.

Глава XXXVI.

ГАЙДАМАКИ И ПЕРЕБѢЖЧИКИ.

Воровство, бродяжничество и организованные грабежи проходятъ красною нитью черезъ всю исторію черноморскаго казачества. Къ преступленіямъ этого рода прикосновенны были и сами казаки, и бѣглые каторжники, и извѣдавшіе горькую чашу рабства крѣпостные крестьяне, и черкесы, и другіе инородцы. Это былъ своего рода международный институтъ преступленій противъ собственности и собственниковъ, институтъ, оставленный въ наслѣдство предшествующими стадіями исторической жизни, когда основновной тонъ этой жизни давали скотоводы-кочевники и когда угонъ стадъ—баранта-чество, и плѣненіе людей—невольничество, считались военною доблестью.

На такой подкладкѣ, на традиціяхъ этой отдаленной примитивной старины сложились условія, способствовавшія появленію тѣхъ особенныхъ преступниковъ, которыхъ можно назвать однихъ гайдамаками, а другихъ перебѣжчиками. Они попали въ историческіе матеріалы, какъ рѣдкія, выдающіяся личности, о которыхъ въ свое время гремѣла слава въ народѣ. Нѣкоторые изъ нихъ попали въ народныя легенды, въ сказанія, какъ покровители бѣдняковъ и угнетенныхъ тружениковъ. Другіе отличались непомѣрною ловкостью и искусствомъ въ своихъ продѣлкахъ. А рядовые представители этого теченія вращались около тѣхъ и другихъ, какъ спутники ихъ.

Въ декабрѣ 1822 г. генералъ Власовъ предписалъ войсковой канцеляріи учредить команду для поимки разбойниковъ и воровъ.

Причиною этой экстраординарной мѣры послужило учащеніе грабежей. Въ то время дерзко ограбленъ былъ въ своемъ хуторѣ подполковникъ Герко. Войсковой атаманъ Донского войска генералъ Иловайскій извѣщалъ черноморцевъ, что въ Ростовскомъ уѣздѣ и въ Черноморіи существуютъ правильно организованныя разбойничьи шайки. Случайно командою казаковъ, слѣдившихъ за запрещеннымъ ловомъ рыбы, пойманы были 25 августа 1822 г. у селенія Маргаритовки два разбойника, которые отстрѣливались отъ казаковъ и ранили двухъ изъ нихъ. При этомъ столкновеніи третій разбойникъ Тимошенко, житель Ейскаго городка, бѣжалъ. Пойманные разбойники показали, что у нихъ былъ и четвертый товарищъ—таганрогскій житель Савченко. Вообще всѣ эти лица имѣли соучастниковъ и сторонниковъ въ своихъ преступныхъ дѣлахъ. Зиму 1821 г. сборище ихъ въ 17 человѣкъ провело на Кавказской линіи, а на лѣто разбойники разсыпались на мелкія партіи. По наведеннымъ донскими властями справкамъ, партіи эти скрывались въ Ростовскомъ уѣздѣ и въ Черноморіи. Несомнѣнно, что и черноморцы также причастны были къ этимъ партіямъ и во всякомъ случаѣ нѣкоторые передерживали и скрывали ихъ.

Между тѣмъ организованная для поимки разбойниковъ команда черноморскихъ казаковъ дѣятельно розыскивала грабителей и 4 марта 1823 г. начальникъ разъѣздной команды зауряд-есаулъ Гусаровъ донесъ изъ куреня Брюховецкаго войсковому атаману, что онъ не розыскалъ разбойниковъ „Герка, Рѣпы и третьяго", но нашелъ ихъ слѣды. Съ 25 на 26 февраля ночью они зарѣзали и ограбили виноторговца Петра Мѣшкова, жившаго на правомъ берегу р. Еи у куреня Кущевскаго. Розыскивая разбойниковъ, Гусаровъ узналъ отъ мальчика кочующаго армянина Чорикова, что къ нимъ на кошъ нѣсколько разъ пріѣзжали трое злодѣевъ и что они находились въ хуторѣ г.-л. Карпова, близъ коша армянина. Всего за $^{1}/_{4}$ часа передъ пріѣздомъ Гусарова съ командою на кошъ, разбойники неизвѣстно куда уѣхали, оставивши на хуторѣ лошадь, полушубокъ, три куска сукна и чехолъ съ пистолета, отнятаго у казака розыскной команды Конона Головка. На кошѣ армянина Абрамова допрошенные табунщики показали, что у нихъ насильно оставлены разбойниками три лошади, въ числѣ которыхъ оказалась лошадь сотеннаго есаула Миргородскаго, убитаго разбойниками, тульское ружье и два казачьихъ подсумка.

Такіе организованные грабежи повторялись неоднократно въ Черноморіи, но они періодически то усиливались, то ослабѣвали. Въ 1849 г., въ юртѣ станицы Ирклієвской появилась шайка грабителей изъ шести казаковъ, ограбившая 8 хуторовъ. Кто были эти грабители, осталось неизвѣстнымъ. Шайка внезапно образовалась, внезапно произвела свои грабежи и внезапно скрылась.

Въ 1855 г. произведенъ былъ цѣлый рядъ разбойничьихъ нападеній и воровскихъ продѣлокъ въ Екатеринодарскомъ и Таманскомъ

округахъ. Вся шайка разбойниковъ была въ черкесской одеждѣ, но это, по всѣмъ признакамъ, были не черкесы. Для поимки этихъ разбойниковъ была снаряжена цѣлая сотня казаковъ, но розыски были безрезультатны.

Въ былыя времена Черноморія вообще славилась своими разбойниками, стяжавшими извѣстность на Кавказѣ и югѣ Россіи. Это былъ особый разрядъ разбойниковъ, нѣчто среднее между украинскими гайдмаками и военными дезертирами, немирившимися съ тяжелой военной дисциплиной и несправедливостями военнаго начальства. Разбойниковъ этихъ можно назвать разбойниками-перебѣжчиками.

Бѣглецы всегда играли замѣтную роль въ рядахъ стариннаго казачества, особенно въ періодъ его образованія. Между черноморскими казаками было также не мало бѣглецовъ. Въ большинствѣ случаевъ это были люди, побывавшіе въ разныхъ мѣстахъ, испытавшіе превратности всевозможныхъ положеній и искавшіе воли, военнаго разгула и сильныхъ ощущеній. Но многіе изъ нихъ не уживались даже у казаковъ и они уходили изъ войска въ поискахъ за новою жизнью и приключеніями. Историческіе акты черноморскаго войска полны интересными данными о похожденіяхъ этихъ искателей воли и широкой, разгульной жизни. Въ сентябрѣ 1794 г. казакъ куреня Пластуновскаго Осипъ Клименко далъ слѣдующія показанія о своихъ похожденіяхъ членамъ Черноморскаго войскового правительства.

Отъ роду Клименкѣ было 30 лѣтъ и родился онъ въ с. Трофимовкѣ, Хатимской округи, Харьковскаго намѣстничества. При отцѣ и матери онъ жилъ до 15 лѣтъ, а затѣмъ, бросивши ихъ, отправился на Крымскій полуостровъ. Здѣсь онъ прожилъ три года и выучился говорить по татарски. Изъ Крыма онъ пробрался въ г. Валки, гдѣ взятъ былъ погонщикомъ въ казенный подвижной магазинъ и служилъ погонщикомъ до окончанія войны съ турками. Находясь въ мѣстечкѣ Каушаны, онъ бѣжалъ изъ магазина въ Оджидеры, назвалъ себя польскимъ выходцемъ и поступилъ на службу въ войско вѣрныхъ казаковъ черноморскихъ. Полковникъ Куликъ зачислилъ его въ Пластуновскій курень и назначилъ въ гребную флотилію въ Тамань.

Попавши въ Черноморію, Клименко служилъ въ гребной флотиліи въ Тамани. Здѣсь начальникъ хотѣлъ наказать его за ссору съ другимъ казакомъ. Тогда Клименко, подговоривши пять казаковъ изъ разныхъ куреней, намѣревался пробраться съ ними на Черную Протоку для занятія рыболовствомъ. Опасаясь попасть въ руки донскихъ казаковъ, стоявшихъ по Кубани, бѣглецы переправились на лѣвую сторону Кубани, расчитывая пробраться здѣсь незамѣтно камышами къ Черной Протокѣ. На другой день на нихъ случайно наткнулись конные абазинцы и четырехъ человѣкъ взяли въ плѣнъ, а Клименко съ однимъ изъ товарищей успѣлъ скрыться въ камышахъ. Вечеромъ, однако, на нихъ напали ногайцы и отвели

ихъ въ плѣнъ въ ближайшее ногайское поселеніе. Тамъ былъ турокъ, отправившій ихъ въ Анапу. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого товарищъ Клименка бѣжалъ неизвѣстно куда, а два мѣсяца спустя и самъ Клименко попробовалъ бѣжать изъ Анапы въ Черноморію черезъ Кизилташскій лиманъ, но былъ настигнутъ турками и снова возвращенъ въ Анапу. Скоро потомъ турки отправили его въ горы къ абазинцамъ верстъ за 30 отъ Анапы. Тамъ онъ встрѣтился съ казакомъ Харченко, который, по его словамъ, пойманъ былъ некрасовцами и проданъ въ горы къ черкесамъ. Черкесы препроводили ихъ обоихъ еще далѣе въ глубь горъ.

Пять мѣсяцевъ Клименко прожилъ у черкесовъ; но однажды, выбравши удобный моментъ, скрылся въ горахъ и бѣжалъ по направленію къ Кубани. Здѣсь онъ попалъ въ урочище Курки, гдѣ взяли его казаки и отправили въ Таманскій карантинъ. Когда онъ находился въ карантинѣ, бывшіе съ нимъ казаки и солдаты разбѣжались неизвѣстно куда. Опасаясь, что при допросѣ его будутъ пытать, такъ какъ онъ не могъ указать, куда бѣжали казаки и солдаты, Клименко, въ свою очередь, скрылся изъ карантина и попалъ въ то мѣсто, откуда онъ былъ взятъ въ карантинъ. Здѣсь на него наѣхали три черкеса и, взявши его въ плѣнъ, отправили снова въ горы. Снова Клименко прожилъ въ горахъ между черкесами два мѣсяца и, снова выбравши удобное для побѣга время, скрылся въ горахъ, откуда незамѣтно пробрался къ Кубани. На этотъ разъ онъ попалъ къ мѣсту противъ Елинскаго кордона, переплылъ Кубань и явился къ казакамъ, которые отправили его въ кордонъ, а оттуда въ Екатеринодаръ въ Войсковое Правительство.

Передавая изложенныя подробности въ Войсковомъ Правительствѣ, Клименко, на обычные вопросы о вѣрѣ и преступленіяхъ, показалъ, что онъ православной вѣры, въ воровствѣ, грабительствѣ и ни въ какихъ другихъ злодѣяніяхъ не участвовалъ, вѣры христіанской не мѣнялъ, на турецкую сторону попалъ безъ намѣренія тамъ жить, а былъ лишь въ плѣну, и просто переходилъ съ мѣста на мѣсто съ расчетомъ на то, что устроится гдѣ нибудь и станетъ лучше жить.

Таковъ краткій формуляръ одного изъ черноморскихъ перебѣжчиковъ. Клименко повидимому былъ человѣкъ тихаго нрава и мирныхъ наклонностей. Его не привлекали ни боевая жизнь, ни грабежи и разбои. Быстро привыкая къ извѣстной обстановкѣ и людямъ, онъ усыплялъ тѣмъ бдительность ихъ и, выбравши удобный моментъ, уходилъ на новыя мѣста. Это, въ моментъ заселенія Черноморіи, былъ рядовой типъ перебѣжчика, который переходилъ съ мѣста на мѣсто не съ преступными цѣлями, а просто, по поговоркѣ, „рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше", и искалъ для жизни наиболѣе подходящаго уголка. Такіе искатели удобныхъ для жизни мѣстъ, попавши въ Черноморію и не найдя въ ней того, чего они искали, оставляли войско и скрывались въ другія мѣста.

Клименко, бывшій въ бѣгахъ, добровольно возвратился въ Черноморію въ 1804 г. Но были и иного рода перебѣжчики. Въ слѣдующемъ, 1805 г. 30 черноморцевъ, укравши на рыболовномъ заводѣ Поливоды деньги и вещи, бѣжали въ Анапу къ туркамъ, намѣреваясь отправиться оттуда въ Анатолію. Сотникъ Гаджановъ, находившійся, по порученію войскового атамана, въ Анапѣ, сообщилъ, что здѣсь были бѣглые черноморцы. По предложенію Анапскаго паши, 26 человѣкъ изъ нихъ „потуречились", т. е. приняли магометанство. Послѣ къ нимъ присоединилось еще 6 черноморцевъ. Самъ анапскій паша писалъ въ 1795 г. войсковому судьѣ Головатому, что бѣглые казаки изъ Черноморіи не подлежали возврату, такъ какъ они приняли магометанскую вѣру. Надо полагать, что это были частью инородцы, принявшіе въ казачествѣ христіанскую вѣру, частью приверженцы некрасовцевъ, перебравшихся въ Анатолію, куда стремились и бѣглецы, а частью искатели казачьей воли, которую они полагали найти въ вольной общинѣ независимыхъ казаковъ некрасовцевъ.

Съ теченіемъ времени выработался другой типъ перебѣжчиковъ на Кубани, одни изъ нихъ искали въ тревожной жизни черкесовъ забвенія отъ неудачъ и горькой доли на родинѣ, другіе, оставаясь на родинѣ, образовали разбойничьи шайки или, по выраженію черноморцевъ, „гайдамачили". Въ іюлѣ 1818 г., полковникъ Герко сдѣлалъ въ войсковую канцелярію заявленіе о томъ, что два сына его, 21 года и 20 лѣтъ, „возстановили въ себѣ вольный духъ" и, подъ вліяніемъ этого вольнолюбія, захватили изъ табуна лучшихъ лошадей, а изъ дома дорогія одежды, и скрылись отъ отца. Только двѣ шинели, по заявленію Герко, стоили 600 рублей и женская одежда 800 р., но, кромѣ того, они увезли съ собою много другихъ цѣнностей. Преступныя сыновья бѣжали въ ночь съ 9 на 10 іюля, во время отсутствія отца. По словамъ послѣдняго, они и раньше якшались съ бродягами и участвовали въ воровскихъ продѣлкахъ. Ходили слухи, что сыновья Герко набрали шайку изъ пяти неизвѣстныхъ бродягъ и ушли за границу Черноморіи. Полковникъ Герко просилъ начальство розыскать его сыновей и лишить ихъ дворянства и фамиліи. Войсковая канцелярія издала приказъ о розыскѣ всей шайки.

Еще интереснѣе былъ побѣгъ къ черкесамъ образованнаго казака. Это былъ сынъ протоіерея Вакулинскаго Иванъ, обучавшійся въ Переяславской духовной семинаріи до класса риторики. Юноша пошелъ въ перебѣжчики подъ вліяніемъ личныхъ неудачъ. Въ 1819 г. 25 іюля онъ далъ въ войсковой канцеляріи слѣдующія показанія.

Въ 1809 г. Вакулинскій, вмѣстѣ съ другими семинаристами, поступилъ въ уланскій полкъ, безъ вѣдома духовной власти. Военное начальство, узнавши объ этомъ, отослало его снова въ семинарію. Въ это время пріѣхалъ его отецъ изъ с. Рѣшетиловки, Полтавской губерніи, и просилъ архіерея и консисторію уволить его сына изъ семинаріи и духовнаго званія. Консисторія уволила, однако,

и безъ того молодого Вакулинскаго и лишила его духовнаго званія, не давши ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, никакихъ документовъ. Семинаристъ отправился въ домъ отца, съ твердымъ желаніемъ загладить свои проступки. Черезъ годъ умеръ старикъ протоіерей. Тогда Вакулинскій поступилъ частнымъ учителемъ на домъ къ помѣщику Тимченко, у котораго и пробылъ два года. Далѣе онъ пошелъ въ учителя къ другому помѣщику, посовѣтовавшему ему отправиться въ Петербургъ для продолженія образованія. Перебравшись въ Петербургъ, Вакулинскій просилъ зачислить его въ медицинскую академію, но туда его не приняли, за неимѣніемъ документовъ объ образованіи. Узнавши, что полковой есаулъ Бѣлый, служившій въ Черноморскомъ гвардейскомъ эскадронѣ, отправлялся домой въ Черноморію, Вакулинскій просилъ Бѣлаго взять его съ собою. По пріѣздѣ въ Екатеринодаръ, онъ подалъ прошеніе о зачисленіи его казакомъ въ Черноморское войско, въ которомъ и находился „при письменныхъ дѣлахъ“ до 15 іюля 1819 г.

Но и здѣсь Вакулинскаго преслѣдовала неудача и горькое разочарованіе. Войсковое начальство затруднялось зачислить его въ составъ войска, за неимѣніемъ документовъ. Узнавши о препятствіяхъ по причисленію его въ войско, Вакулинскій „впалъ, по его словамъ, въ меланхолическое положеніе и отъ шума въ головѣ рѣшился переплыть на другую сторону Кубани съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы навсегда тамъ остаться“. Переправившись черезъ Кубань противъ крѣпости въ 3 часа дня, онъ сразу же былъ захваченъ черкесами, которые, завязавши ему глаза и связавши назади руки, переправили въ такомъ положеніи черезъ двѣ рѣки и привезли въ свой аулъ. Здѣсь онъ прожилъ одинъ только день. Вѣроломные черкесы привезли его на карантинную заставу и отдали казакамъ въ обмѣнъ за 50 пудовъ соли, стоившей 25 рублей. Повидимому, черкесы оцѣнили очень низко „меланхолическаго“ бѣглеца. Графъ Ланжеронъ приказалъ освободить Вакулинскаго отъ суда, такъ какъ „онъ учинилъ побѣгъ отъ меланхолическаго припадка“.

Такими представителями бродячей Руси пополнялось Черноморское войско на первыхъ порахъ своего существованія. Въ ряды его шли и искатели свободной, независимой жизни, и любители приключеній, и интеллигентные неудачники, и поклонники разгула и грабежей. Изъ представителей этого послѣдняго разряда выработались впослѣдствіи на Черноморіи отчаянные разбойники и цѣлыя шайки грабителей, не щадившихъ ни чужой жизни, ни чужого имущества.

Часто русскіе убѣгали къ черкесамъ по нуждѣ. Тяжелая солдатская служба заставляла иногда искать избавленія отъ нея у горцевъ. И у горцевъ жилось не важно русскимъ перебѣжчикамъ, но все таки они цѣнили эту относительную свободу и неохотно возвращались на родину по тому уже, что ихъ ожидала тамъ кара за побѣгъ къ непріятелю. Когда анапскій паша Сеидъ-Ахметъ пообѣщалъ 20 мая 1823 г. русскимъ властямъ выдать бѣглыхъ солдатъ,

то 7 солдатъ-дезертировъ сѣли въ Анапѣ въ лодку и бѣжали въ открытое море. Изъ рапорта отъ 29 января 1829 г. полковника Пономарева видно, что съ августа по ноябрь мѣсяцъ бѣжало къ черкесамъ изъ крѣпости Апапы 14 солдатъ. Это были уже дезертиры изъ русскаго города.

Въ январѣ 1835 г. казаками были пойманы двѣ разбойничьи шайки—одна подъ названіемъ „шайки Камянского" въ Ейской округѣ и другая подъ именемъ „шайки Крыжановскаго" въ округѣ Екатеринодарской. Это были организованныя разбойничьи банды, наподобіе гайдамацкихъ шаекъ, въ составъ которыхъ входило отъ 7 до 12 человѣкъ. Шайки дѣйствовали по опредѣленному плану и съ удивительнымъ искусствомъ и осторожностью. Иногда они являлись на хутора богатыхъ казаковъ и старшинъ въ видѣ разъѣздныхъ командъ, съ предводителями, одѣтыми въ офицерскую форму. Но чаще всего налетали на богачей въ роли карающей Немизиды. Вообще же они грабили, сопровождая грабежи истязаніями, чтобы вывѣдать, гдѣ хранились деньги и цѣнности.

Въ 1838 г., по подговору армянина Артема, въ горы къ черкесамъ бѣжалъ 18 іюля казакъ Басовъ. Когда онъ ѣхалъ съ Артемомъ отъ Зеленчука на Бѣлую, ихъ встрѣтили абадзехи, отняли у армянина казака Басова и отдали его въ ближайшій аулъ. Здѣсь 12 января слѣдующаго 1839 г. Басовъ сговорился съ сыномъ мирнаго черкеса, бѣжавшимъ за Кубань, Поливаномъ Султановымъ и бѣглымъ казакомъ Кавказскаго полка Барышниковымъ ѣхать на воровство въ русскіе предѣлы. Они перебрались 13 января по льду черезъ Кубань ниже Ладожской станицы, разграбили хутора на Бейсужкѣ, принадлежавшіе казакамъ станицы Ладожской, и возвращались съ добычею назадъ. Но во время обратной переправы черезъ Кубань ихъ настигли казаки и Басовъ попалъ въ ихъ руки.

Въ это время среди линейныхъ казаковъ были часты случаи побѣга за Кубань. Въ 1841 г. были убиты при одномъ изъ грабежей сразу два такихъ перебѣжчика—урядникъ Брагуновъ и сынъ сотника Крамаровъ, но казакъ Кавказскаго полка Сабельниковъ, подъ предводительствомъ котораго былъ совершенъ набѣгъ, успѣлъ уйти снова къ черкесамъ. Все это были перебѣжчики, жившіе между черкесами и грабившіе русскихъ.

Но особенно замѣчательный случай дезертирства произошелъ въ октябрѣ 1841 г. Командиръ Хоперскаго полка маіоръ Игельстромъ донесъ генералу Зассу, что 17 октября бѣжалъ къ горцамъ сотникъ Лабинскаго полка Атарщиковъ вмѣстѣ съ узденями Шереметомъ Лоовымъ и Лафишевымъ. Атарщиковъ сманилъ также абазинскаго князя Сералипа Лоова и двухъ строевыхъ казаковъ Хоперскаго полка—Василія Фенева и Ефима Петренка. Черезъ нѣсколько дней послѣ побѣга Атарщиковъ образовалъ уже партію изъ 40 горцевъ и 27 октября близъ поста Открытаго партія эта захватила двухъ казаковъ, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ, а другого горцы увлек-

ли съ собою въ плѣнъ. Когда же казаки, подъ командою сотника Краснова, настигли черкесовъ и нанесли имъ пораженіе, то горцы, убѣгая отъ преслѣдовавшихъ ихъ казаковъ, убили плѣнника, стѣснявшаго ихъ бѣгство, при чемъ Атарщиковъ ни однимъ словомъ не заикнулся въ пользу спасенія своего соотечественника.

Но, повидимому, Атарщикову не понравилось и у горцевъ. Одинъ изъ его товарищей казакъ Петренко 19 ноября того же года, устыдившись сдѣланнаго имъ проступка, ушелъ отъ него и явился къ властямъ на линію. Въ виду полнаго раскаянія, Петренко былъ прощенъ. Черезъ два мѣсяца послѣ того, на линію явился съ повинною и самъ Атарщиковъ вмѣстѣ съ Феневымъ. Еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Атарщикова и Фенева приказано было, по Высочайшему повелѣнію, отправить на службу въ Финляндію. Имъ выдали прогоны и оставили на свободѣ для приведенія въ порядокъ домашнихъ дѣлъ, но 18 сентября 1842 г. Атарщиковъ съ Феневымъ снова ушли къ горцамъ за Кубань. Феневъ скоро вернулся въ укрѣпленіе Зассовское на Новую Линію, а Атарщиковъ принялъ магометанство, въ апрѣлѣ 1844 г. женился на дочери ногайскаго узденя Мисоста Энарукова и поселился съ нею въ собственной саклѣ въ аулѣ на р. Курджипсъ. Здѣсь купилъ онъ у тестя бѣглаго казака хоперца Фому Головкина и держалъ его въ качествѣ прислуги. Съ Курджипса Атарщиковъ много разъ производилъ съ черкесскими шайками набѣги на родину. Въ 1845 г. онъ вмѣстѣ съ Головкинымъ отправился на разбой къ Ставрополю. Въ 10 верстахъ отъ Прочноокопа они остановились на р. Урупѣ въ лѣсу, чтобы выждать ночи. Когда Атарщиковъ прилегъ на бурку и задремалъ, Головкинъ выстрѣломъ изъ ружья въ спину тяжело ранилъ его, а самъ отправился въ Новогригорьевское укрѣпленіе и доложилъ объ этомъ маіору Тимофѣеву. Казаки застали Атарщикова живымъ. Въ полулежачемъ положеніи отъ пытался зубами взвести курокъ пистолета, чтобы дать отпоръ казачьей командѣ, но казаки закричали, чтобы онъ бросилъ пистолетъ, грозя въ противномъ случаѣ пристрѣлить его. Атарщиковъ сдался, но при перевозкѣ на подводѣ въ Прочноокопъ умеръ. Головкинъ получилъ прощеніе.

Въ Сѣверной части Черноморіи по границѣ съ Донскою областью, въ Ейскомъ округѣ, около того же времени неоднократно появлялись цѣлыя шайки грабителей, напоминавшія по своей организаціи и характеру дѣятельности гайдамацкія шайки. Въ октябрѣ 1844 г. сыскной начальникъ есаулъ Нордега, принимая во вниманіе цѣпый рядъ грабежей, совершенныхъ разбойничьими шайками, приказалъ содержать при станичныхъ правленіяхъ по пяти конныхъ казаковъ для разъѣздовъ, обязанныхъ наблюдать за появленіемъ подозрительныхъ людей и преслѣдовать разбойничьи шайки гайдамаковъ. Въ декабрѣ того же года засѣдатель Ейскаго сыскного начальства приказалъ Старощербиновскому станичному правленію командировать атамана или одного изъ судей для преслѣдованія

обнаруженной между Долгой и Камышеватской косами шайки разбойниковъ изъ шести человѣкъ. Въ томъ же 1844 г. шайка изъ 12 человѣкъ, изъ которыхъ „два человѣка были въ офицерскомъ одѣяніи“, скрылась „въ кутахъ и лѣсахъ по р. Кирпили, прилегающихъ къ хутору войскового старшины Бурноса“. Жившій въ Ейскомъ округѣ есаулъ Кривцовъ указалъ на двухъ неизвѣстныхъ людей, покушавшихся на кражу у него лошадей, какъ на членовъ шайки ватажка Андрея Квитченки.

Въ 1849 г. была поймана шайка знаменитаго Яблукова. Это уже была настоящая гайдамацкая шайка, пользовавшаяся громкою извѣстностью, впрочемъ, не столько сама по себѣ, сколько по личности ея предводителя.

О Яблуковѣ говорило въ ту пору все казачье населеніе; о немъ ходили невѣроятные слухи и таинственно передавались самые разнообразные разсказы о его необычайной силѣ, умѣ и изворотливости. Въ казачьемъ населеніи на Черноморіи до сихъ поръ еще обращаются легенды объ Яблуковѣ, какъ народномъ героѣ. Это былъ типъ гайдамака-мстителя, грабившаго богачей и одѣлявшаго награбленнымъ добромъ бѣдняковъ; онъ былъ феноменальный силачъ; неоднократно убѣгалъ изъ острога и отъ властей и т. п. Въ дѣйствительности же это былъ казакъ станицы Дядьковской, 29 лѣтъ, служившій въ войскѣ съ 1837 г., бывшій въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля, женатый, но неимѣвшій дѣтей. Въ 1845 г. Дядьковское станичное общество наказало Яблукова за воровство 30 ударами розогъ, а въ 1848 г. Яблуковъ, по приговору суда, наказанъ былъ 500 ударовъ шпицрутенами, съ сылкою на три года въ арестантскія роты города Риги. Но въ Ригу Яблуковъ не попалъ, бѣжавши изъ подъ стражи.

По народнымъ сказаніямъ, Яблуковъ дѣйствовалъ большею частью въ одиночку или во всякомъ случаѣ былъ настолько властнымъ лицомъ, что предъ нимъ его сотоварищи какъ-то отходили на задній планъ, стушевывались, какъ бы окончательно исчезали за его мощною фигурою. Онъ не любилъ пытокъ и жестокой расправы съ жертвами своихъ похожденій, но внушая паническій страхъ своею необычайною силою, добивался отъ жертвы всего, чего хотѣлъ. А сила у него была громадная. Бывали случаи, что съ нимъ въ шуточной борьбѣ не могли справиться не только десять, но даже двадцать человѣкъ. При малѣйшемъ движеніи этого богатыря, люди валились около него рядами, тряхнетъ плечами—и нападающіе „сыпались, какъ груши,“ согнетъ кулаки—и парою воловъ не сломишь его пальцевъ, а кого ударитъ этимъ кулакомъ, изъ того духъ вонъ.

Какъ и подобаетъ народнымъ героямъ, онъ никогда не обижалъ слабыхъ, а за народъ, за людей труда и нужды, стоялъ горою и при случаѣ жестоко мстилъ тѣмъ, кто угнеталъ несчастныхъ. Свои грабежи, всегда дерзкіе и безнаказанные, онъ производилъ у пановъ

и богатыхъ хуторянъ. Обирая богачей, онъ извѣстную часть добычи непремѣнно отдавалъ первому попавшемуся бѣдняку или заранѣе намѣченной вдовѣ съ сиротами. „Така вже у ёго була добра душа— свого не пожаліе, а голодного нагудуе и бідного одягне и обуе, одно слово, для бідныхъ людей бувъ, якъ батько“. На этой подкладкѣ и была идеализирована личность Яблукова, бывшаго все таки разбойникомъ.

По народнымъ сказаніямъ, на Яблуковѣ, благодаря ли его чрезмѣрной силѣ, или же потому, что онъ „щось таке знавъ“, не держались кандалы и желѣзо, а изъ острога онъ уходилъ какъ изъ собственной хаты. Изъ Екатеринодарскаго острога, самаго грознаго и наилучше охраняемаго, онъ уходилъ два раза. Въ первый разъ, уговорившись съ нѣсколькими товарищами, онъ сдѣлалъ длиннѣйшій подкопъ съ выходомъ съ обрыва р. Карасунъ, откуда и ушелъ въ Черноморскія степи. Надо замѣтить отличительную черту Яблукова, какъ народнаго героя, что онъ не якшался съ черкесами, какъ дѣлали это другіе мстители за утѣсненія слабыхъ, и считалъ ихъ своими врагами и врагами казаковъ. Въ другой разъ Яблуковъ ушелъ изъ острога во время пасхальной заутрени, когда весело звонили въ колокола и народъ валомъ валилъ въ старый Екатеринодарскій соборъ. Снявши съ ногъ кандалы, Яблуковъ перелѣзъ черезъ высокія заостренныя на верху пали или десятиаршинные брусья, изъ которыхъ былъ устроенъ вокругъ острога полисадъ. Со свойственнымъ ему остроуміемъ, бѣглецъ водрузилъ на двухъ паляхъ по истоптанному, безъ подметокъ, сапогу, спустился съ палей внизъ и, несмотря на присутствіе часовыхъ, ушелъ никѣмъ не замѣченный—„мабудь, одвівъ очі часовымъ“. Проходя черезъ площадь, Яблуковъ столкнулся съ однимъ именитымъ казачьимъ старшиной, направлявшимся въ соборъ. Не долго думая, онъ хватилъ пана по боку такъ, что „ажъ въ ушахъ въ ёго задзвеніло“. Свалившійся въ грязь панъ началъ было кричать, но бѣглецъ прикрикнулъ на него: „мовчи! я—Яблуковъ“ и панъ умолкъ. Яблуковъ быстро снялъ съ пана сапоги, напялилъ на себя офицерскій костюмъ—и былъ таковъ!

Когда Яблуковъ уходилъ изъ подъ ареста, трудно было потомъ поймать его. Объ одной его поимкѣ легенда гласитъ, какъ о коварной измѣнѣ чабановъ, у которыхъ онъ бывалъ. Чабаны имѣли обыкновеніе сгонять нѣсколько овечьихъ отаръ на ночь въ одно мѣсто и здѣсь сообща оберегали ихъ ночью отъ волковъ. Сюда же къ чабанамъ, какъ къ пріятелямъ, нерѣдко являлся и Яблуковъ. Чабаны радушно принимали разбойника-силача, угощали бараниной и хлѣбомъ. Въ такихъ случаяхъ Яблуковъ снималъ съ себя все оружіе, складывалъ его въ одну кучу и, прикрывши слегка краемъ бурки, самъ садился на буркѣ и грѣлся у костра. Ватага чабановъ до 20 человѣкъ нѣсколько разъ пробовала силу своего гостя. Между ними также были люди крѣпкіе и сильные, но всѣ они ничего не могли сдѣлать съ Яблуковымъ—ни побороть, ни даже свалить его на землю.

Чабаны озлились. Имъ пришла въ голову мысль связать Яблукова и передать властямъ. Яблуковъ позволилъ связать веревкою руки и ноги, но когда чабаны какъ бы въ шутку набросились на силача-казака, онъ „надулся“ и такъ рванулъ руками и ногами, что веревки затрещали и порвались, „якъ ниточки“. Тогда чабаны придумали другую уловку. Они заранѣе приготовили котелъ съ кипяткомъ. Шутя бросившись на силача со словами „мала куча!“ нѣсколько самыхъ дюжихъ чабановъ навалилось на Яблукова, а другіе чабаны быстро сняли съ огня котелъ съ кипѣвшей водою и „ошпарили“ ею Яблукову ноги. Силачъ не выдержалъ этой борьбы. Его связали чабаны крѣпко веревками и въ такомъ видѣ передали въ руки властей.

Гдѣ и когда это происходило, легенда не даетъ указаній, какъ и о другихъ случаяхъ изъ жизни Яблукова. Въ дѣйствительности же, по даннымъ суда, въ послѣдній разъ Яблуковъ былъ пойманъ командой казаковъ во главѣ съ войсковымъ старшиною Могукоровымъ. Команда эта была нарочито, по распоряженію наказнаго атамана, организована изъ 60 казаковъ и поручена храброму и расторопному офицеру изъ черкесовъ. Командѣ приказано было поймать Яблукова, во что бы то ни стало. Долго ѣздилъ Могукоровъ съ командой по степямъ, глухимъ мѣстамъ и обширнымъ плавнямъ; обслѣдованы были всѣ самыя укромныя и потаенныя мѣста; но Яблуковъ, какъ въ воду канулъ, хотя время отъ времени и производилъ грабежи на хуторахъ и даже въ станицахъ. Наконецъ, послѣ усиленныхъ поисковъ въ болотахъ и трущобахъ, поросшихъ густымъ камышемъ, осокою и кугою, 20 сентября Могукоровъ открылъ на плавучемъ островѣ р. Журавки мѣстопребываніе Яблукова съ его товарищемъ Плосконосомъ. Команда изъ 60 казаковъ окружила и аттаковала островъ. Цѣлыхъ три часа сопротивлялись разбойники, бросались на команду съ шашками и стрѣляли изъ пистолетовъ. Яблуковъ ранилъ двухъ казаковъ, а Плосконосъ одного. Только когда самъ Яблуковъ раненъ былъ пулею въ голову и упалъ на землю, а Плосконоса свалилъ съ ногъ казакъ ударомъ ружейнаго дула, разбойники были взяты и обезоружены.

Донося объ этомъ генералу Рашпилю, Могукоровъ описалъ поимку Яблукова, какъ рѣдкій подвигъ команды. Особенно онъ аттестовалъ есаула Любарцева, казака Гайтина и урядника Голуба, какъ лицъ наиболѣе способствовавшихъ поимкѣ разбойниковъ. Въ рапортѣ войскового старшины, видавшаго виды и много разъ участвовавшаго въ самыхъ ужасныхъ бояхъ съ черкесами, Яблуковъ съ товарищами рисовался крупною величиною, съ которою было трудно справиться даже хорошо организованной военной командѣ. Недаромъ народная молва надѣлила своего героя непомѣрною силою, умомъ, отчаянною храбростью и ловкостью.

Вмѣстѣ съ Яблуковымъ и Плосконосомъ взяты были потомъ и два другіе члена шайки—Касьяненко и Забуженко.

Плосконосъ, выдающійся послѣ Яблукова разбойникъ, былъ казакомъ станицы Платнировской. Отъ роду ему было 23 года и на военной службѣ онъ находился съ 1843 г., но въ походахъ не бывалъ, былъ холостъ и хорошаго поведенія, какъ значилось въ судебныхъ бумагахъ.

Казакъ Гордѣй Касьяненко, 30 лѣтъ отъ роду, служилъ на военной службѣ съ 1839 г., былъ два раза судимъ за воровство и бродяжничество, за что и наказанъ одинъ разъ 50 ударами розогъ, а въ другой 500 ударовъ шпицрутенами.

Наконецъ, бродяга Забуженко или Косяченко, 28 лѣтъ отъ роду, былъ помѣщичьимъ крестьяниномъ, убѣжавшимъ съ родины въ Черноморію отъ жестокаго обращенія съ нимъ помѣщика.

Всѣ эти лица, не исключая и Яблукова, не совершили ни одного убійства, но произвели длинный рядъ грабежей, насилій и воровства. Намѣтивши жертву, они дѣлали внезапный набѣгъ, вязали людей и брали деньги, вещи и лошадей, при чемъ деньги иногда вымогали побоями, большею частью плетью. Только въ двухъ случаяхъ они прибѣгли къ истязаніямъ—жгли людей одинъ разъ сѣрою, а другой разъ бумагою.

Такъ разъѣзжали они по степямъ Черноморіи и Кавказскаго Линейнаго войска, посѣщали станицы, хутора и прятались въ плавняхъ, камышахъ, а иногда и у своихъ многочисленныхъ сторонниковъ. Выдачу Яблукова населеніе считало преступленіемъ. До чего большое значеніе придавала войсковая администрація Яблукову и его товарищамъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ циркуляръ генерала Рашпиля о розыскѣ бѣжавшихъ изъ острога Федора Яблукова, Гордѣя Касьяненко, Лукьяна Плосконоса и Якова Куриловича. Каждый хозяинъ обязанъ былъ тщательно осмотрѣть свои дворы и укромныя мѣста, не окажется ли тамъ кто либо изъ этихъ лицъ, и если бы они были найдены во дворѣ хозяина безъ его участія, то послѣдній подлежалъ отдачѣ подъ судъ. „Вмѣстѣ съ тѣмъ, говорится въ атаманскомъ циркулярѣ, станичные правители обязываются поднять на ноги всѣхъ военно и внутренно-служащихъ жителей станицы и хуторянъ и, подъ личнымъ своимъ предводительствомъ, всѣмъ людомъ станичнымъ и хуторскимъ, съ оружіемъ произвести тщательнѣйшіе поиски на пространствѣ станичнаго юрта, по „хуторамъ“ и пр. бѣжавшихъ разбойниковъ.

По распоряженію Намѣстника Кавказа и главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, всѣ четыре разбойника были преданы военно-полевому суду и повѣшены. Народъ по своему объяснилъ эту жестокую расправу. По мнѣнію почитателей силача Яблукова, осудило и казнило его такъ быстро начальство изъ боязни, что Яблуковъ могъ убѣжать и мстить сильнымъ міра.

Черезъ нѣсколько лѣтъ на Черноморіи явился другой типъ мстителя за поруганныя права и жестокое обращеніе съ казаками пановъ. О немъ тоже ходили легендарные разсказы, но въ народ-

ные герои онъ не попалъ и не попалъ потому, что, во первыхъ, допускалъ жестокости, а во вторыхъ, бѣжалъ къ черкесамъ и дѣйствовалъ за одно съ ними, грабя казачье населеніе. Это былъ знаменитый въ свое время Титаренко.

Въ 1855 г. отставной полковникъ Прохоровичъ просилъ наказнаго атамана Кухаренка послать къ нему команду изъ 8-ми казаковъ на добрыхъ коняхъ для поимки трехъ дезертировъ разбойниковъ—казаковъ Титаренка, Степана Поддубнаго и Прокофія Сердюка. По свѣдѣніямъ Прохоровича, всѣ трое скрывались въ камышахъ, кормились то у чабановъ при овечьихъ отарахъ, то у калмыковъ, пасшихъ хуторскія стада, то у табунщиковъ и у нѣкоторыхъ хуторянъ. „Всѣ три казака, по характеристикѣ Прохоровича, были звѣрскаго нрава и буйнаго характера“. Они дерзко, чуть ли не среди бѣлаго дня, нападали на людей богатыхъ и обирали ихъ. Сердюкъ приходилъ вечерами даже въ станицу и разъ парубки пытались было схватить его, но онъ, обнаживши шашку, разогналъ молодежь и скрылся. Поскакавшіе вслѣдъ за нимъ на почтовой тройкѣ станичный атаманъ и судья не могли догнать разбойника. Кухаренко приказалъ нарядить команду казаковъ, согласно просьбѣ Прохоровича, но главный разбойникъ Титаренко въ это время уже оставилъ Черноморію и перебрался за Кубань. Здѣсь онъ собиралъ черкесовъ и, предводительствуя ими, производилъ набѣги на казачьи хутора, выбирая, впрочемъ, хутора пановъ и богачей. Въ іюлѣ 1857 г. Титаренко подговорилъ бѣжать съ нимъ за Кубань казака Яроша. Вмѣстѣ съ нимъ и черкесами онъ расчитывалъ ограбить нѣсколько хуторовъ.

Ярошъ былъ табунщикомъ у одностаничника Пяты. Пріѣхавшій къ нему изъ за Кубани Титаренко подговорилъ его обокрасть хозяина и бѣжать къ черкесамъ за Кубань. Титаренко привелъ Яроша въ аулъ Ажипсъ, выдалъ здѣсь его за брата, отчаяннаго джигита, могущаго съ успѣхомъ участвовать въ набѣгахъ на Черноморію. Два раза Титаренко и Ярошъ пробовали пробраться съ черкесами черезъ Кубань въ Черноморію, но оба раза замѣтили ихъ и не пустили казачьи „залоги“. Предпринимая эти набѣги, Ярошъ имѣлъ въ виду захватить при случаѣ изъ своей станицы съ собой за Кубань жену и сына. Но неудачи-ли набѣговъ, или другія какія либо обстоятельства, заставили Яроша неожиданно измѣнить свой планъ. Ночью 2 августа Ярошъ съ однимъ черкесомъ отправился стеречь просо. Сидя темною ночью на чужой сторонѣ, онъ предался воспоминаніямъ о родинѣ и семьѣ. Подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній онъ рѣшилъ бѣжать на родину. Чтобы избѣжать помѣхи онъ убилъ бывшаго съ нимъ черкеса, обобралъ его, перебрался на двухъ лошадяхъ черезъ Кубань и явился на Великолагерный постъ. Титаренко же остался въ аулѣ Ажипсъ и не зналъ о побѣгѣ товарища, который, бѣжавши на родину, рѣшилъ купить себѣ помилованіе цѣною выдачи или убійства Титаренка. Съ этой цѣлью онъ предпо-

лагалъ заманить его въ Черноморію. Но намѣреніямъ Яроша не суждено было осуществиться. Явившійся добровольно къ русскимъ властямъ онъ былъ арестованъ и посаженъ въ острогъ. Скоро потомъ судъ приговорилъ его къ смертной казни, черезъ повѣшеніе, но, во вниманіе къ молодости Яроша и къ тому, что онъ добровольно отдался въ руки властей, онъ былъ наказанъ 300 ударовъ шпицрутенами и сосланъ въ Сибирь на вѣчную каторгу.

Между тѣмъ Титаренко набиралъ черкесскихъ джигитовъ, чтобы напасть съ ними на батарейку, расположенную выше Елизаветинскаго поста. Съ этою цѣлью Титаренко придумалъ нарядить кого либо въ женское платье, привести къ Кубани и объявить, что это Палажченкова, бывшая въ то время въ плѣну у горцевъ. Если бы казаки явились за мнимою Палажченковой, то рѣшено было забрать ихъ въ плѣнъ или, въ случаѣ неудачи, перестрѣлять ихъ. Ни тотъ, ни другой замыселъ Титаренко не удалось однако, осуществить. Онъ прожилъ еще два года у черкесовъ, не переставая дѣлать набѣги съ ними на родину. У черкесовъ онъ былъ ватажкомъ, начальникомъ шаекъ. Интересную подробность передалъ о Титаренкѣ Ярошъ. По словамъ его, Титаренко былъ женатъ на крѣпостной черкеса Шалохо, у котораго онъ обыкновенно и жилъ. Повидимому, черкесы ни стѣсняли ни Титаренка, ни Яроша принятіемъ ислама. Яроша черкесы привели къ присягѣ черезъ муллу, но присяга эта состояла въ обѣщаніи быть имъ вѣрнымъ и послушнымъ. Это было честное слово, безъ всякой религіозной подкладки или обряда.

Въ ноябрѣ 1859 г. Титаренко былъ пойманъ русскими лазутчиками и переданъ въ руки казачьихъ властей. Его заключили въ Екатеринодарскую тюрьму и началось длинное слѣдственное дѣло о преступленіяхъ его, какъ дезертира и разбойника. Въ 1854 г., состоя на военной службѣ, Титаренко былъ наказанъ за воровство и др. преступленія 500 ударами шпицрутеновъ. Въ то же время, за воровство лошадей, скота и имущества, за нимъ числилось еще пять слѣдственныхъ дѣлъ. Во время слѣдствія по этимъ дѣламъ, Титаренко и бѣжалъ за Кубань къ черкесамъ. Но причины побѣга онъ объяснялъ тѣмъ, что ему не въ моготу было служить въ полку подъ командою полковника Гусарова, который донималъ его всякими притѣсненіями и чрезмѣрно жестокими наказаніями. У черкесовъ Титаренко жилъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ и вмѣстѣ съ ними дѣлалъ набѣги на Черноморію, занимаясь лишь грабежами имущества и воровствомъ лошадей и скота.

Въ 1861 г. судъ приговорилъ Титаренка къ смертной казни— къ разстрѣлу, какъ военнаго дезертира. Казнь была назначена на обширной въ ту пору площади Екатеринодара противъ острога, приблизительно на томъ мѣстѣ, которое застроено теперь домами противъ главнаго входа въ городской садъ. Выстроены были войска, установленъ столбъ съ ямою для разстрѣла, собралось масса народа на зрѣлище, были почему-то приведены учащіеся на мѣсто казни,

въ числѣ которыхъ находился маленькимъ мальчикомъ и пишущій эти строки. Но напрасно толпа, войска и учащіеся ждали казни, простоявши съ утра до полудня подъ жгучими лучами солнца. Казни не суждено было свершиться. Долго въ толпѣ ходили какіе-то смутные, неопредѣленные слухи. На виду у всѣхъ, пріѣзжали въ острогъ и уѣзжали полиціймейстеръ, прокуроръ и другія власти. Наконецъ, собравшимся было объявлено, что казни не будетъ. Оказалось, что еще утромъ Титаренко ухитрился удушиться полотенцемъ, прикрѣпивши его къ гвоздю, вколоченному въ стѣнку. Разсказывали, что Титаренко передъ смертью нацарапалъ на бумажкѣ: „лучше отдать душу чертямъ, чѣмъ панамъ".

Такимъ образомъ, до конца шестидесятыхъ годовъ, т. е. до послѣдняго, заключительнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самаго грандіознаго акта борьбы казаковъ съ черкесами—покоренія Западнаго Кавказа,—въ жизни Кубанскаго казачества продолжали періодически появляться разбойничьи шайки, напоминавшія собой гайдамацкія организаціи. Это былъ историческій пережитокъ, остатки былой военной жизни и отживавшихъ воззрѣній на экономическія взаимоотношенія. На ряду съ этимъ появился новый видъ разбоя и разбойниковъ, въ лицѣ казаковъ перебѣжчиковъ, уходившихъ къ черкесамъ за Кубань и производившихъ вмѣстѣ съ ними набѣги на родину. Это также было явленіемъ не только военной, но и бытовой жизни. Часть перебѣжчиковъ, уходя за Кубань, выражала этимъ уходомъ протестъ противъ насадителей суровой военной дисциплины и нерѣдко жестоко мстила имъ, но большинство перебѣжчиковъ искало за Кубанью возможности добывать матеріальныя средства, при помощи грабежей и набѣговъ вмѣстѣ съ черкесами на русскія владѣнія. Этимъ и объясняется, почему во главѣ воровскихъ черкесскихъ шаекъ часто стояли русскіе вожаки.

Такъ въ отрицательныхъ явленіяхъ прошлаго крылись указанія на непригодность отживавшихъ формъ военной и гражданской жизни и воззрѣній на взаимоотношенія людей и народностей.

Казáчій сторожевой пикетъ

Глава XXXVII.

ВЛІЯНІЕ ОБЩИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ УСЛОВІЙ НА КАЗАЧІЙ БЫТЪ.

Казачій бытъ исторически слагался подъ вліяніемъ троякаго рода условій—военной обстановки, хозяйственной дѣятельности и семейно-общественнаго уклада. Каждая изъ этихъ трехъ группъ явленій имѣла опредѣленное значеніе и свои особенности. Война требовала разрушенія и жертвъ, хозяйство—производительнаго труда и экономическаго роста, а семейно-общественныя формы жизни—духовнаго творчества и общественныхъ устоевъ. Казакъ попеременно былъ то воиномъ и жертвою, то рабочимъ и хозяиномъ, то семьяниномъ и общественнымъ дѣятелемъ. И это разнообразіе положеній естественно налагало особый отпечатокъ на весь казачій бытъ и среду.

Какъ воину, казаку исторія отвела особое мѣсто въ военномъ мірѣ. Казаки-колонизаторы были только у одного русскаго народа. Занимая край, они охраняли границу, ту естественную черту, за которою обитали чужія народности и военные противники. Это ставило ихъ въ положеніе передовыхъ бойцовъ; и они, поэтому, по необходимости являлись первыми жертвами случайностей войны и ея разрушительныхъ послѣдствій. Таково было и положеніе Кубанскаго казачества—черноморцевъ и линейцевъ, сторожившихъ Кубанскую пограничную линію и отчасти Черноморскую береговую.

Съ именемъ казака принято обыкновенно соединять представленіе о конномъ всадникѣ, о казакѣ-наѣздникѣ. Это не совсѣмъ такъ, и по отношенію къ Кубанскому казачьему войску положительно не вѣрно. Въ рядѣ предшествующихъ главъ отмѣчены тѣ разнообразныя роли, которыя выполняли казаки, находясь на военной службѣ. Черноморцы сражались и въ пѣшемъ и въ конномъ строѣ, прекрасно владѣли артиллерійскимъ искусствомъ и умѣло несли морскую службу. Линейцы, хотя и отправляли, по преимуществу, кавалерійскую службу, но имѣли также свою артиллерію и въ необходимыхъ случаяхъ выдѣляли пѣхоту—развѣдчиковъ и пластуновъ.

Разнообразіе и особенности военной дѣятельности казачества обусловливались частью исторіей, а частью мѣстными условіями. Черноморцы перешли на Кубань совершенно сложившейся военной общиной, имѣвшей въ своихъ рядахъ пѣхоту, кавалерію, артиллерію и гребную флотилію. Они заняли край одни, безъ участія другихъ войскъ; сами, безъ непосредственнаго участія центральнаго правительства, устроились въ немъ и, несмотря на свою малочислен-

ность, начали охранять границу безъ всякой помощи со стороны регулярной арміи. Впослѣдствіи регулярныя войска также мало помогали имъ въ ихъ тяжелой кордонной службѣ.

Такимъ образомъ, въ силу уже необходимости, черноморцы должны были имѣть представителей всѣхъ видовъ оружія и преимущественно тѣхъ, которые были наиболѣе подходящими для данной мѣстности и мѣстныхъ военныхъ условій. И черноморцы дѣйствительно создали своеобразный военный строй и организацію. Они дали замѣчательныхъ стрѣлковъ и развѣдчиковъ—пластуновъ, служившихъ грозою горцевъ, развили артиллерійскіе кадры, приспособивъ ихъ къ своимъ незатѣйливымъ укрѣпленіямъ и сторожевымъ пунктамъ, и совсѣмъ упразднили гребную флотилію, потому что когда-то грозные для высокой Порты запорожскія чайки превратились на Кубани, по мѣткому выраженію мѣстнаго историка, въ неуклюжихъ и ни на что непригодныхъ черепахъ. Всѣ эти измѣненія продиктовала казаку дѣйствительная жизнь—естественныя условія мѣстности, служившей ареной для военныхъ дѣйствій, и особенности военнаго дѣла у ихъ противниковъ черкесовъ.

Иначе колонизовалась Старая Линія. Для занятія ея посланы были прежде всего обособленные конные полки казаковъ—Кубанскій, Кавказскій и Хоперскій. Затѣмъ та часть Кавказской кордонной линіи, которую пришлось сторожить линейцамъ, давно уже занята была регулярными войсками и казачьими полками, отбывавшими здѣсь трехгодичную службу по очередямъ. Донцы, издавна служившіе на Кавказѣ, явились сюда, какъ старые знакомые колонизуемой ими мѣстности. На Кубани мѣстами были уже раньше построенныя укрѣпленія, какъ Усть-Лаба, Прочноокопъ и др. Въ укрѣпленіяхъ находились солдаты-пѣхотинцы и сосредоточены были артиллерійскія части. Линейцы, слѣдовательно, осѣли въ краѣ, какъ составная часть раньше расположенной здѣсь русской арміи, и получили сразу опредѣленное назначеніе казачьей подвижной кавалеріи.

Этого требовали и условія мѣстности. Среднія излучины Кубани, въ особенности ея верховья, не были такъ многоводны, какъ нижнія части бассейна рѣки; здѣсь не существовало такихъ обширныхъ болотъ и плавней, какъ въ истокахъ Кубани. Переправу черезъ Кубань горцы могли совершать легче и быстрѣе, чѣмъ въ предѣлахъ Черноморской кордонной линіи, а по обѣ стороны отъ этихъ переправъ открывались обширныя равнинныя пространства, благопріятствовавшія наѣздническимъ набѣгамъ черкесовъ. Сами горцы предпочитали въ этихъ мѣстахъ стремительный кавалерійскій набѣгъ медлительнымъ передвиженіямъ ополченій, состоявшихъ изъ конницы и пѣхоты; и, примѣнительно къ этимъ условіямъ, линейцы создали типъ казака-наѣздника.

Таково было относительное положеніе двухъ старѣйшихъ казачьихъ группъ Кубанскаго войска. Сверху, отъ истоковъ Кубани и до Усть-Лабы, гдѣ въ Кубань впадаютъ самые крупные притоки ея

Казачій разъѣздъ въ поискѣ непріятеля

Лаба и Бѣлая, заняла край казачья кавалерія, а ниже Усть-Лабы и до самого впаденія Кубани въ море осѣли казаки, опиравшіеся въ борьбѣ съ горцами, столько же на свою кавалерію, сколько, если не больше, на пѣхоту и грозную для горцевъ „гармату", артиллерію. Подъ вліяніемъ отмѣченныхъ условій, тѣ и другіе способы военной борьбы не утратили у казаковъ своихъ особенностей и впослѣдствіи, пока длилась война съ горцами.

Исторія военныхъ дѣйствій у черноморцевъ и линейцевъ показываетъ, что у тѣхъ и другихъ представителей казачества различны были какъ системы охраны границы, такъ и пріемы борьбы съ горцами. Черноморцы сторожили врага, „держали границю", какъ гласитъ ихъ историческая пѣсня, т. е. тщательно наблюдали за тѣмъ, чтобы не пустить черезъ границу черкеса въ свои владѣнія. Линейцы ловили и карали противника, стараясь жестокими расправами отбить у него охоту къ набѣгамъ. Въ важнѣйшихъ случаяхъ борьбы черноморцы всегда опирались на артиллерію, и пушка служила у нихъ тѣмъ пугаломъ для черкесовъ, которое часто удерживало послѣднихъ отъ набѣговъ или заставляло уходить въ горы съ крупными потерями и съ невыполненными планами. Линейцы любили сомкнутый строй кавалерійской атаки, и кавалерію линейныхъ казаковъ сами горцы считали опасною противницей въ ихъ наѣзднических предпріятіяхъ. Черноморцы всѣмъ видамъ оружія предпочитали хорошее ружье и считались лучшими стрѣлками на Кавказѣ. Линейцы чаще всего прибѣгали къ остро отточенной шашкѣ и умѣнье владѣть ею составляло у нихъ отличительный признакъ военнаго искусства. Какъ воинъ, по роду оружія и пріемамъ борьбы, линеецъ, поэтому, стоялъ къ черкесу ближе, чѣмъ черноморецъ. По этой же причинѣ, первый раньше и быстрѣе, чѣмъ второй, принялъ внѣшній обликъ горца, его костюмъ.

Различны были также и отношенія черноморскихъ и линейныхъ казаковъ къ горцамъ. Черноморецъ былъ миролюбивѣе по натурѣ и относился къ врагу легче и гуманнѣе, чѣмъ линеецъ. При заселеніи края черноморцы сразу же вступили въ дружественныя, мирныя отношенія съ черкесами. Часть горцевъ въ это время переселилась въ Черноморію, подъ защиту казачьяго оружія, и съ тѣхъ поръ горцы партіями и въ одиночку не переставали уходить на казачьи земли отъ тяжелой жизни и неурядицъ въ горахъ. Когда впослѣдствіи были нарушены мирныя отношенія между казаками и горцами и завязалась между ними война, черноморцы не переставали поддерживать со своими врагами мѣновыхъ отношеній, при посредствѣ мѣновыхъ дворовъ, базарныхъ пунктовъ и русскихъ ярмарокъ. Эта сторона жизни у черноморцевъ была значительно болѣе развита, чѣмъ у линейцевъ.

Въ тоже время черноморцамъ были чужды дикіе военные нравы, подъ вліяніемъ которыхъ подавлялись чувства человѣчности и пониманія чужого горя и несчастья. Ни въ приказахъ того времени, ни

въ журналахъ военныхъ происшествій, ни въ другихъ историческихъ документахъ нѣтъ никакихъ указаній на существованіе у черноморцевъ жестокихъ обычаевъ. Правда, черноморцы не щадили врага въ кровавыхъ битвахъ и отчаянныхъ схваткахъ съ ними, жгли аулы, истребляли поля, не щадили нерѣдко населенія, но никогда они не позволяли себѣ кощунства и надругательства надъ тѣлами убитыхъ противниковъ. И все это, конечно, находилось въ полномъ согласіи съ ихъ системой защиты кордонной линіи. Черноморцы держались въ войскѣ съ горцами предупредительнаго способа дѣйствій.

Иными были отношенія линейцевъ къ горцамъ. Они чаще и болѣе рѣзко, чѣмъ у черноморцевъ, переходили во взаимную вражду и ненависть. Черкесы звѣрски поступали не только съ живыми врагами, но даже съ ихъ трупами, уродуя мертвыхъ и производя надъ ними поруганія. Линейцы не уступали въ этомъ отношеніи своимъ противникамъ. При успѣхѣ, по свидѣтельству есаула Толстова, побѣдители, кто бы они ни были—линейные ли казаки или черкесы, „рѣдко щадили побѣжденныхъ и жестоко расплачивались за старые счета; даже мертвыхъ иногда не оставляли въ покоѣ. До половины тридцатыхъ годовъ у линейныхъ казаковъ водилось еще обыкновеніе отсѣкать у убитыхъ горцевъ головы и привозить ихъ въ станицы на показъ, какъ трофей“. Только въ 1834 г. наказный атаманъ Кавказскаго Линейнаго войска генералъ Верзилинъ приказомъ по войску воспретилъ казакамъ поддерживать этотъ дикій обычай и заставилъ ихъ „не возить въ станицы сіи бездушные трофеи и на будущее время убіеннымъ, чтобы насильствъ чинимо не было“.

Впрочемъ, приказъ генерала Верзилина былъ своего рода исключеніемъ изъ общаго правила. Жестокіе военные нравы были въ то время обычны не только для рядовой массы линейныхъ казаковъ, но и для высшихъ военныхъ властей на Кавказѣ. Извѣстный генералъ Вельяминовъ, командовавшій войсками Сѣвернаго Кавказа, изволилъ слѣдующимъ образомъ шутить въ письмѣ отъ 28 декабря 1825 г. къ своему пріятелю князю Бековичу Черкасскому: „ты пишешь, что тѣла убитыхъ закубанцевъ зарыты въ станицахъ и что ожидаешь за ними пословъ, а присланный отъ тебя казакъ сказывалъ, что они каждый день привѣшиваются передъ воротами станицы. Сей послѣдній способъ весьма недуренъ: пускай спѣютъ, какъ балыки, въ ожиданіи выкупа“. Такія кощунственныя шутки надъ мертвецами являются, въ устахъ командующаго арміей, болѣе яркимъ показателемъ жестокихъ нравовъ и дикихъ обычаевъ, господствовавшихъ въ войскахъ и населеніи Кавказской линіи, чѣмъ отсѣченіе головъ рядовыми воинами въ пылу кровавой битвы.

Самъ Ермоловъ считалъ жестокую расправу съ горцами и, въ томъ числѣ съ беззащитнымъ населеніемъ, военными подвигами. За такое именно дѣяніе онъ представилъ 4 апрѣля 1825 г. упомянутаго выше князя Бековича Черкасскаго къ почетной наградѣ орденомъ Георгія IV степени. Но въ отвѣтъ на это представленіе онъ

получилъ 29 сентября того же года указаніе Государя Императора, что „Бековичъ теряетъ право на награду тѣмъ, что благоразумно начатое дѣло окончено совершеннымъ истребленіемъ болѣе трехсотъ семействъ, изъ коихъ, конечно, большая часть была женщинъ и дѣтей, невинныхъ и не участвовавшихъ въ защитѣ“. Эти, высоко гуманныя слова Государя знаменательны. Нужно было напоминаніе о гуманности съ высоты престола, чтобы ввести въ должныя границы человѣческихъ отношеній самого главнокомандующаго.

Благодаря болѣе мирнымъ и гуманнымъ отношеніямъ черноморцевъ къ горцамъ, въ исторіи ихъ не встрѣчалось такихъ случаевъ жестокости и безчеловѣчности со стороны черкесовъ, какъ въ исторіи военныхъ столкновеній линейцевъ съ горцами. Въ черноморіи не было столь звѣрскихъ погромовъ, какіе происходили на Старой Линіи въ Каменнобродкѣ, Сенгилеевкѣ, Круглолѣсскомъ и другихъ пунктахъ. Черноморцы не испытывали такихъ возмутительныхъ проявленій черкесской дикости, какъ поголовное избіеніе и изуродованіе отряда сотника Гречишкина, звѣрская расправа съ хорунжимъ Бирюковымъ и 28 хоперцами, злобное истребленіе команды прапорщика Заусцинскаго и другіе случаи ненужной жестокости надъ живыми людьми и издѣвательства надъ мертвыми. Очевидно, горцы воздавали линейцамъ тою же мѣрою, какою сами получали, и безчеловѣчное отношеніе другъ къ другу порождало лишь взаимную злобу и ожесточеніе.

Самое худшее, чѣмъ сопровождалась война и что особенно неблагопріятно вліяло на казачій бытъ—это неуваженіе къ производительному труду и къ его результатамъ—имуществу и сельскохозяйственнымъ продуктамъ. Это также было наслѣдіемъ исторіи. Горцы вели войны въ духѣ монголовъ или татаръ, стараясь захватить возможно больше ясыря или плѣнниковъ, какъ живой товаръ, и скота, какъ предметъ военной поживы. Казаки, въ силу необходимости, должны были держаться той же системы воздѣйствія на врага. Только этимъ путемъ можно было получить въ обмѣнъ отъ черкесовъ плѣнныхъ и скотъ. Но въ воззрѣніяхъ казаковъ и горцевъ на эти явленія и въ отношеніяхъ ихъ къ предметамъ военной добычи существовали рѣзкія различія. Для горца плѣнникъ былъ рабъ, подлежавшій продажѣ и эксплоатаціи наравнѣ съ животнымъ; у казака онъ считался военноплѣннымъ, имѣвшимъ право на человѣческое обращеніе съ нимъ. Для горца захватъ скота и имущества противника былъ дѣломъ военнаго промысла. Казаку также не чужды были понятія о военной поживѣ, но его дѣйствія въ этомъ отношеніи подлежали ограниченіямъ: скотъ поступалъ въ общее распоряженіе отряда, и самый захватъ непріятельскаго скота и имущества не всегда разрѣшался военнымъ начальствомъ.

Но была одна общая точка соприкосновенія въ военныхъ дѣйствіяхъ казаковъ и черкесовъ, невыгодно оттѣнявшая обѣ стороны. Это—истребленіе имущества. Разрушали поселенія и жилища, жгли

ихъ, а также имущество, хлѣбъ и сѣно черкесы у казаковъ и казаки у черкесовъ, и послѣдніе несравненно въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ первые. Само собою разумѣется, что этимъ обѣ стороны только взаимно обезсиливали экономически другъ друга.

Наряду съ этимъ, на казачье населеніе очень тяжело ложилось отвлеченіе рабочихъ рукъ отъ хозяйства войной и военной службой. Для черкесовъ, у которыхъ воинъ не былъ работникомъ, война не имѣла такого значенія, но у казаковъ, представлявшихъ военную и рабочую силу вмѣстѣ, она подрывала хозяйство и правильное теченіе экономической жизни.

Въ этомъ отношеніи военная служба доводила казака до нищеты. Особенно тяжело было положеніе черноморцевъ. Бывали годы, какъ наприм. въ періодъ управленія войскомъ Власова и Ермолова, когда кордонной службой и службой внѣ войска занято было все мужское населеніе, не исключая не только очередныхъ казаковъ, но даже стариковъ, бывшихъ въ отставкѣ, и малолѣтковъ. Въ такихъ случаяхъ экономическая жизнь временно какъ бы замирала, населеніе бѣдствовало, голодало, болѣло и вымирало.

Очень неблагопріятно также вліяло на казачій бытъ плѣненіе горцами казачьяго населенія. Казачья исторія изобилуетъ случаями этого рода. Происходили часто потрясающія драмы, когда черкесы уводили въ плѣнъ лучшія силы и главенствующихъ членовъ семьи, или когда уведенныя въ плѣнъ дѣти, забывшія родной языкъ и сжившіяся съ чуждой средой, узнавали, придя въ возрастъ, о своей родинѣ и, съ рискомъ собственной жизни, уходили отъ черкесовъ къ казакамъ. Въ громадномъ же большинствѣ случаевъ возвратъ плѣнныхъ изъ за Кубани былъ соединенъ съ значительными затратами на выкупъ ихъ, что тяжело ложилось на матеріальное благосостояніе казака.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти невзгоды, казакъ все-же находился въ условіяхъ, благопріятствовавшихъ его экономическому быту. Этими условіями были достаточное обезпеченіе населенія плодородными землями и обиліе естественныхъ богатствъ. Земли принадлежали у черноморцевъ всему войску, а у линейцевъ каждому полку особо; но въ томъ и другомъ случаяхъ онѣ находились въ общинномъ пользованіи, дозволявшемъ широко производить вольныя заимки и вести самостоятельное хозяйство. Особенно важно это было для скотоводства, составлявшаго главную основу экономическаго быта казака. Только благодаря обилію пустующихъ земель, казакъ могъ одновременно и нести тяжелую военную службу, и поддерживать существованіе семьи и хозяйства.

Подъ вліяніемъ исключительно военныхъ условій, казачій хозяйственный бытъ какъ бы застылъ на очень продолжительное время въ первичныхъ своихъ формахъ. Господствующій видъ хозяйства—скотоводство, и его подспорье—земледѣліе, составляли основу этого быта; но съ самаго начала колонизаціи края казаками и до конца

пятидесятыхъ годовъ, скотоводство и земледѣліе находились въ одной и той же первоначальной стадіи развитія и велись не столько на счетъ предпріимчивости, труда и капитала, сколько въ зависимости отъ естественныхъ силъ природы и богатствъ края. Въ своей хозяйственной дѣятельности казакъ не ушелъ дальше пастушескихъ формъ скотоводства и переложной системы въ земледѣліи. На всемъ—на хозяйствѣ, на промыслахъ, на потребительныхъ процессахъ и на мѣновыхъ отношеніяхъ лежала печать натуральнаго строя. Все было зачаточно и слабо развито. Война не давала мѣста прогрессивному теченію экономической жизни. Некогда и некому было двигать хозяйственную жизнь въ этомъ направленіи. Казакъ былъ представителемъ военнаго, а не хозяйственнаго строя. И лишь одни переселенія, дававшія притокъ новыхъ рабочихъ рукъ, нѣсколько повышали уровень экономической жизни казака. Значеніе этой мѣры прекрасно понимало правительство и охотно пополняло войска массовыми переселеніями выходцевъ, преимущественно изъ Малороссійскихъ губерній. Цѣлый рядъ такихъ переселеній и упрочилъ, собственно, экономическій бытъ казака впослѣдствіи.

Что же касается инородцевъ и такъ называемаго иногородняго населенія, то вліяніе ихъ на экономическую жизнь казака было слабо. Черкесы, осѣвшіе на земляхъ черноморцевъ почти одновременно съ заселеніемъ края, пополнялись въ послѣдующее время мелкими группами и даже единицами. Позже изъ за Кубани перешли къ казакамъ армяне и греки, но ихъ было ограниченное количество. Мирные черкесы, жившіе бокъ о бокъ съ казаками, или въ ближайшихъ къ пограничной чертѣ мѣстностяхъ, плохо оправдывали наименованіе „мирныхъ“ и, то и дѣло, или измѣняли русскимъ, или вѣроломно помогали враждебнымъ Россіи горцамъ въ ихъ набѣгахъ на казачьи владѣнія и въ грабежахъ. Наконецъ иногородніе, т. е. стороннее войску русское населеніе, жили между казаками въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Это были или отставные военные, служившіе раньше въ регулярныхъ войскахъ на Кавказѣ, или же зашедшіе на Кубань рабочіе, преимущественно забродчики и пастухи, между которыми было всегда много Ивановъ, не помнящихъ родства. Однимъ словомъ, пока велась война казаковъ съ горцами, иногороднихъ было очень мало въ войскѣ и центральное правительство тщательно старалось не допускать ихъ въ казачью среду. Благодаря этому, казаки жили своей самостоятельной обособленной экономически жизнью.

Центръ тяжести этой жизни составляла собственно семья. Черноморцы, занимая новый край, шли сюда съ заранѣе намѣченною цѣлью переустройства казачества на началахъ „семейственнаго бытія“, долженствовавшаго внести полноту человѣческихъ отношеній въ ихъ бобыльскую и одностороннюю до тѣхъ поръ жизнь. Линейцы явились на Кубань съ готовыми формами этой жизни, съ сложившимся уже исторически семейнымъ бытомъ. На сторонѣ линейцевъ

были, поэтому, извѣстныя преимущества. Имъ не требовалось тратить силъ и энергіи на то, чего не доставало черноморцамъ. У нихъ уже была на лицо женщина, какъ хозяйка, какъ мать, жена и необходимый членъ въ общемъ строѣ казачьяго быта.

Такимъ образомъ, въ казачьемъ быту черноморца не доставало на первыхъ порахъ одного изъ самыхъ важныхъ двигателей нормальной человѣческой жизни—женщины. Съ тѣхъ поръ и до начала шестидесятыхъ годовъ женщина представляла въ Черноморіи предметъ особыхъ заботъ и цѣнности. Высшее начальство хлопотало о томъ, чтобы на переселеніе въ Черноморію были назначены тѣ семьи, въ которыхъ было много „дѣвокъ и бабъ". Сами черноморцы ревностно слѣдили за тѣмъ, чтобы у нихъ не уходилъ на сторону женскій полъ. Изъ за женщины возникали серьезныя осложненія и принимались даже исключительныя мѣры, какъ наприм. размѣщеніе казачьихъ командъ по границѣ Черноморіи съ Кавказской губ., съ цѣлью воспрепятствовать отдачѣ въ замужество черноморокъ за предѣлы войска. Въ тоже время черноморская женщина, благодаря постоянному отвлеченію мужчины отъ семьи военной службой, фактически была главою семьи.

Судя по историческимъ матеріаламъ, черноморка рѣдко попадала въ плѣнъ къ черкесамъ, и когда это случалось, она почти всегда скоро получала свободу путемъ выкупа или обмѣна плѣнныхъ черкесовъ. Объ этомъ заботились сами казаки и начальство, и это служитъ, конечно, новымъ подтвержденіемъ цѣнности женщины въ Черноморіи. Не было примѣра, чтобы черноморка, попавши въ плѣнъ, завязывала какія-либо связи съ чуждой ей народностью или давала какой-либо поводъ къ этому, какъ это обычно случается въ порубежныхъ мѣстахъ. На этотъ счетъ не встрѣчается ни малѣйшихъ намековъ въ фольклорѣ черноморскаго населенія—ни въ народныхъ пѣсняхъ, ни въ легендахъ или сказаніяхъ. Черноморка, по народнымъ понятіямъ, представляетъ собою властную защитницу семейнаго очага, умѣющую постоять за себя и за своихъ близкихъ и ставящую выше всего интересы собственной семьи. Выпавшая на ея долю исключительная роль въ строительствѣ семейной и бытовой обстановки дѣлала ее рѣшительной и самостоятельной. Однимъ словомъ, въ семьѣ и хозяйствѣ казачка вполнѣ замѣняла собой казака.

Столь же важное положеніе занимала женщина и у линейныхъ казаковъ; но здѣсь исторія не отвела ей той исключительной роли въ созиданіи казачьяго быта, какую выполняла черноморка. Тутъ не было недостатка въ женщинахъ, и съ самаго заселенія края отношенія между полами были количественно болѣе или менѣе уравновѣшенными: женскаго пола всегда было почти столько же, сколько мужского. Здѣсь, вмѣстѣ съ тѣмъ, казакъ несъ военную службу, находясь у дома или во всякомъ случаѣ ближе къ хозяйству и семьѣ, чѣмъ черноморецъ, благодаря присутствію на Кавказской Линіи регулярныхъ войскъ. Этимъ обусловливались не только боль-

шее матеріальное довольство на Старой Линіи сравнительно съ Черноморіей, но и характеръ семейной жизни и бытовой обстановки. Семейный бытъ у линейцевъ какъ бы застылъ въ сложившихся раньше, готовыхъ формахъ, и въ немъ не происходило тѣхъ процессовъ творчества и приспособленій къ жизни, какіе несомнѣнно совершались въ Черноморіи при осуществленіи историческаго идеала „семейственнаго бытія“.

Несмотря на вполнѣ сложившіяся формы семейнаго быта, въ фольклорѣ Старой Линіи встрѣчаются сказанія, свидѣтельствующія о нарушеніи основъ этого быта женщиной, чего не встрѣчается въ фольклорѣ черноморцевъ. Такъ, въ ряду другихъ сказаній, на Старой Линіи распространена легенда о красавицѣ казачкѣ, бывшей сначала женой казака, а потомъ его пріятеля горца, одинаково любившихъ ее.

Во время одного изъ черкесскихъ набѣговъ, какъ гласитъ эта легенда, горецъ, воспользовавшись отсутствіемъ своего кунака, увезъ его красавицу жену въ горы. Казакъ, выбравши удобный моментъ, когда горецъ отправился въ набѣгъ на русскія владѣнія, въ свою очередь, похитилъ ее у черкеса, но послѣдній нагналъ ихъ у Кубани и вступилъ въ борьбу съ казакомъ. Когда горецъ сталъ побѣждать казака, послѣдній просилъ жену помочь ему одолѣть противника, но красавица спокойно отвѣтила, что кто изъ нихъ побѣдитъ, тотъ и будетъ ея господиномъ. Казака выручила изъ бѣды бывшая съ нимъ его вѣрная собака, Сѣрко, вцѣпившаяся въ горло черкеса. Убивши противника, казакъ съ женой отправился въ станицу. Не обмолвившись никому ни словомъ о происшедшемъ, онъ созвалъ всю станицу на пиръ, по случаю возвращенія жены. Въ самый разгаръ пира казакъ въ иносказательной формѣ передалъ, какъ отказала жена мужу въ помощи, при борьбѣ послѣдняго съ черкесомъ, и спросилъ гостей, какъ слѣдуетъ поступить съ подобной женой. „Убить ее“! былъ общій отвѣтъ присутствующихъ гостей. Казакъ схватилъ пистолетъ и тутъ же застрѣлилъ свою красавицу жену.

Эта легенда прекрасно характеризуетъ патріархальную казачью семью, въ которой мужъ, согласно народнымъ воззрѣніямъ, является властелиномъ, имѣющимъ право карать смертью жену за измѣну.

Семья у линейцевъ была слѣдовательно, носительницей патріархальныхъ отношеній и былыхъ формъ казачьей жизни.

Благодаря, съ одной стороны, чрезмѣрнымъ требованіямъ военной службы, а съ другой преобладающему значенію семейнаго быта, въ гражданской жизни казаковъ слабо проявлялись общественныя начала. За военными обязанностями и массой всевозможныхъ повинностей, казакамъ некогда было заниматься общественными дѣлами. Въ этомъ отношеніи черноморцы и линейцы находились, однако, въ различныхъ условіяхъ. Хотя тѣ и другіе одинаково несли тяжелую военную службу, но у черноморцевъ сохранились остатки былыхъ формъ казачьяго самоуправленія, а у линейцевъ самодѣятельность была задавлена на первыхъ же порахъ колонизаціи.

Строго говоря, въ теченіе 60 лѣтъ XIX столѣтія казачье самоуправленіе постепенно ослабѣвало, уступая мѣсто административнымъ органамъ и ихъ воздѣйствію на казачье населеніе. На первыхъ же порахъ существованія Черноморіи у казаковъ уничтожена была войсковая рада. Замѣнившее ее войсковое правительство скоро превращено было изъ выборнаго въ административный органъ, въ видѣ войсковой канцеляріи сначала и войскового правленія впослѣдствіи. Самоуправленіе и выборное начало сохранены были въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ лишь въ куренныхъ или станичныхъ обществахъ. Въ рядѣ законодательныхъ актовъ—въ грамотѣ Императора Павла 1801 г., въ положеніи 1827 г. и въ положеніи 1842 г. сохранена была эта мелкая форма самоуправленія, а въ послѣднемъ законѣ ей приданъ былъ наиболѣе широкій и устойчивый характеръ. Такъ было въ Черноморіи.

На Старой Линіи не было общихъ объединительныхъ формъ самоуправленія. Каждый полкъ, заселявшій Линію, составлялъ чисто военную административную единицу, съ полковымъ управленіемъ во главѣ. Отдѣльныя части—станицы, были лишь по названію общинами, съ слабыми зачатками самоуправленія на первыхъ порахъ колонизаціи и съ совершеннымъ подавленіемъ его въ послѣдующее время. Здѣсь не было даже выборныхъ станичныхъ атамановъ. Они были замѣнены станичными начальниками, назначаемыми полковой администраціей, и не только не зависѣвшими отъ станичныхъ сходовъ или круговъ, но безконтрольно распоряжавшимися станицами, ихъ общественнымъ достояніемъ и даже семейными дѣлами населенія. Роль общества, станичныхъ сходовъ, сводилась почти къ нулю. Такъ обстояло дѣло на Старой Линіи; такъ или, пожалуй, даже въ болѣе рѣзкой формѣ было потомъ и на Новой Линіи. Войной и сторожевой службой поглощалась самобытность казачьей общины, вся жизнь которой—военная, хозяйственная, общественная и даже семейно-бытовая, регулировалась военными правилами и приказами.

По мѣрѣ развитія гражданской жизни въ Черноморіи и заселенія ея выходцами изъ Молороссіи мѣнялся здѣсь, какъ составъ населенія, такъ и формы управленія краемъ. Основныя формы диференцировались, подраздѣлились на самостоятельныя части. Войсковое правительство, замѣнившее собой войсковую раду, и вѣдавшее военныя, административныя, полицейскія и судебныя дѣла, при Императорѣ Павлѣ подраздѣлено было на соотвѣтствующія экспедиціи. Позже, съ введеніемъ положенія 1827 г., экспедиціи эти были замѣнены двумя—военною и экономическою, но на ряду съ ними были выдѣлены „особый военный судъ" и „войска Черноморскаго гражданскій судъ". Вся Черноморія, какъ и раньше, была раздѣлена на земскія начальства и куренныя общества, съ выборнымъ куреннымъ атаманомъ и его помощниками или куренными судьями. Еще рѣзче это видоизмѣненіе учрежденій было проведено въ положеніи 1842 г. Положеніемъ этимъ строго было отграничено военное управ-

леніе отъ гражданскаго. Во главѣ военнаго управленія стоялъ наказный атаманъ, а военныя дѣла были сосредоточены въ войсковомъ штабѣ или дежурствѣ, въ окружныхъ дежурствахъ, въ комиссіи военнаго суда, а также въ окружныхъ и станичныхъ начальствахъ по военнымъ отдѣламъ. Главными органами гражданскаго управленія были въ Екатеринодарѣ—войсковое управленіе, гражданская экспедиція котораго вѣдала тѣ-же дѣла, что и палата гражданскаго суда въ губерніяхъ, а въ округахъ—сыскныя начальства и уѣздные суды, соотвѣтствующіе уѣзднымъ судамъ въ губерніяхъ. На мѣстахъ, въ станицахъ, органами управленія и самоуправленія были станичное правленіе, станичное общество и станичный судъ. Вообще въ Черноморіи казачье управленіе и самоуправленіе находились въ вѣдѣніи цѣлаго ряда учрежденій.

Ничего подобнаго, до 1845 г., не существовало на Старой и Новой Линіяхъ. Съ самаго начало заселенія этихъ районовъ Кубанской области, военная, административная, полицейская, гражданская, хозяйственная и, въ извѣстной степени, судебная части находились въ исключительномъ вѣдѣніи одного полкового управленія, органа чисто административнаго, въ которомъ главную роль играло личное усмотрѣніе командира полка, сотенныхъ командировъ и начальниковъ станицъ. Независимымъ органомъ былъ лишь одинъ военный судъ; судъ же гражданскій или, правильнѣе, административная расправа, находился въ рукахъ все тѣхъ-же полковыхъ властей.

По положенію 1832 г. объ образованіи Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска, все войско дѣлилось на полки и каждый полкъ, какъ и раньше, находился въ вѣдѣніи полкового управленія. Нѣкоторое измѣненіе состояло въ томъ, что во главѣ всего войска поставленъ былъ наказный атаманъ, которому, какъ главному начальнику, непосредственно подчинены были полки и станицы.

Положеніемъ 1845 г., взамѣнъ единоличныхъ начальниковъ, въ войско были введены центральныя и мѣстныя учрежденія—войсковое правленіе, войсковое дежурство, а также судебные, бригадные, полковые и станичные органы, центръ тяжести, однако, по прежнему составляли полковое и станичное управленіе. Первое осталось неизмѣннымъ, хотя и подчинено было вновь образованнымъ учрежденіямъ; въ станицахъ же единоличная власть станичныхъ начальниковъ была замѣнена станичнымъ управленіемъ, состоявшимъ изъ назначаемаго администраціей станичнаго начальника и двухъ его помощниковъ или судей, избираемыхъ станичными сходами

Такимъ образомъ, на Старой и Новой Линіяхъ выборное начало примѣнялось лишь въ станичномъ управленіи и только въ отношеніи помощниковъ станичнаго начальника.

Все сказанное выше указываетъ на то, что общественная жизнь и взаимоотношенія въ Черноморскомъ войскѣ складывались и развивались шире и разнообразнѣе, чѣмъ на Старой и на Новой Линіяхъ.

Въ связи съ этимъ, въ Черноморіи полнѣе и разностороннѣе поставлены были и разныя отрасли общественнаго хозяйства. Здѣсь

были войсковой рыболовный заводъ, войсковая суконная фабрика, войсковой овчарный заводъ, типографія и пр. Ничего этого не было на Линіяхъ. Въ Черноморскомъ войскѣ была своя финансовая система, имѣлись войсковые капиталы и велись обширныя, по тому времени, денежныя операціи. На Линіяхъ все это проявлялось лишь въ зачаточныхъ формахъ. Главную статью бюджета въ Черноморскомъ войскѣ составляли доходы отъ винной монополіи, которой не было на Старой и Новой Линіяхъ. Заботы о народномъ здравіи, какъ у черноморцевъ, такъ и у линейцевъ не выходили изъ рамокъ формальныхъ требованій администраціи, но у первыхъ шире, чѣмъ у вторыхъ было поставлено медицинское дѣло—больше было больницъ и госпиталей и многочисленнѣе медицинскій персоналъ.

Та же черта различія лежала и на сословномъ строѣ въ Черноморскомъ и Линейномъ войскахъ. У черноморцевъ, съ начала заселенія края, выдѣлилась и обособилась старшина или сословіе пановъ-офицеровъ. У линейцевъ также были свои офицеры, но ихъ было мало и они были разъединены, благодаря обособленной, въ земельномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, организаціи полковъ. У черноморскихъ дворянъ-офицеровъ существовали сословные выборы на различныя должности; у линейцевъ же этого не было. Въ связи съ большимъ развитіемъ сословнаго начала въ Черноморіи, здѣсь значительно развилось крѣпостное право, которое не обратилось въ постоянный институтъ, благодаря лишь противодѣйствію высшаго правительства и передовыхъ дѣятелей Черноморскаго войска. На Старой и Новой Линіяхъ крѣпостного права совсѣмъ не существовало. Въ Черноморіи было свое духовное сословіе, образованное, главнымъ образомъ, путемъ выбора изъ среды самихъ казаковъ; у линейцевъ православное духовенство было очень малочисленно, благодаря значительному количеству старовѣровъ, и не было выборнаго причта. Въ Черноморіи были свои монастыри; у линейцевъ ихъ не было, хотя и существовали тайные раскольничьи скиты.

Такимъ образомъ, даже духовно-религіозныя потребности удовлетворялись различными путями въ томъ и другомъ войскѣ.

Еще рѣзче это отражалось на постановкѣ народнаго просвѣщенія. Черноморцы, за все время существованія войска, дѣятельно заботились объ открытіи школъ и о привлеченіи въ нихъ учащихся. У нихъ были различные виды низшихъ учебныхъ заведеній—церковныя школы, станичныя и уѣздныя училища, существовала своя гимназія. У линейцевъ были лишь однѣ низшія школы, но и тѣхъ было немного. Всѣ эти различія у казачества Черноморіи и Старой и Новой Линій крылись въ тѣхъ, уже готовыхъ, исторически сложившихся формахъ казачьей жизни, которыя принесли съ собою казаки въ новый край, а дальнѣйшее развитіе особенностей казачьяго быта было уже результатомъ мѣстныхъ условій. Но только послѣдующія историческія событія даютъ полное и законченное освѣщеніе отмѣченныхъ нами особенностей казачьяго быта въ Кубанскомъ войскѣ.

Больше сходства и однообразія было въ тѣхъ обычаяхъ и нравахъ, которыми опредѣлялся нравственный уровень казачьяго населенія обоихъ войскъ—Черноморскаго и Линейнаго. Патріархальные обычаи и грубые нравы господствовали всюду на Кубани, гдѣ осѣло казачье населеніе. Тѣлесное наказаніе было и наиболѣе распространенной карой за преступленія, и воспитательнымъ средствомъ въ домашнемъ быту казака.

Съ теченіемъ времени порядки эти не ослабѣли, а усилились. Запорожскіе кіи были замѣнены плетьми и шпицрутенами; позже къ нимъ присоединенъ былъ кнутъ палача. Жестокимъ наказаніямъ соотвѣтствовали жестокіе нравы. Это отражалось и на военныхъ, и на гражданскихъ судебныхъ учрежденіяхъ, и на куренныхъ или станичныхъ судахъ, и, особенно, на дѣятельности администраціи; къ этому одинаково причастны были всѣ сословія въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ и частной жизни. И все это усугублялось военными репрессіями и жестокостями. Звѣрская расправа воюющихъ сторонъ какъ бы освящала обыденныя проявленія безчеловѣчности, суровости, ненависти и вражды.

И въ Черноморіи, и на Линіяхъ существовали даже особаго рода преступленія, направленныя какъ бы на сведеніе счетовъ обиженныхъ съ представителями тѣхъ порядковъ, которыми поддерживались сильные на счетъ слабыхъ. Такова была, въ извѣстной мѣрѣ, роль полугайдамацкихъ шаекъ; тѣми же тенденціями пропитаны были разбойничьи дѣйствія русскихъ отщепенцевъ—перебѣжчиковъ къ черкесамъ. За звѣрскими пріемами грабежей и насилія, въ обоихъ случаяхъ нерѣдко сквозили признаки протеста противъ личнаго произвола и суроваго режима, созданнаго военными условіями и приспособленными къ нимъ гражданскими порядками.

Въ зависимости отъ такихъ-то историческихъ вліяній, въ теченіе шестидесятилѣтней борьбы съ горцами, слагался бытъ казачества на Кубани.

Чтобы закончить общую характеристику этихъ вліяній остается въ заключеніе отмѣтить еще одно историческое звено, имѣющее отношеніе къ исторіи Кубанскаго казачьяго войска по своимъ подготовительнымъ процессамъ казачьей колонизаціи—о завоеваніи Черноморскаго побережья. Въ этихъ видахъ, прежде чѣмъ заселить Черноморское побережье казаками, оно занято было русскими военными укрѣпленіями и войсками. Но здѣсь горцы оказали сильнѣйшее сопротивленіе русской колонизаціи. Поддерживаемые Турціей, европейскими эмиссарами и эмиссарами Шамиля, они дѣйствовали тѣсно сплоченными массами, первоначально отказались отъ всякихъ сношеній съ русскими, ни за какія деньги не продовали имъ скота и продуктовъ, безпрестанно тревожили гарнизоны и приступомъ взяли нѣсколько укрѣпленій.

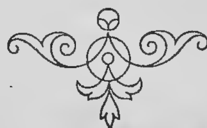
Тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ того, какъ регулярныя войска и черноморскіе казаки возводили все новыя и новыя укрѣпленія, отста-

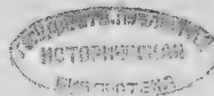
ивая разъ взятыя позиціи, а моряки и особенно гребная флотилія азовскихъ казаковъ дѣятельно поддерживали укрѣпленія и гарнизоны съ моря, карая турецкихъ контрабандистовъ и тѣмъ подрывая торговыя и военныя связи горцевъ съ турками, постепенно начали зарождаться на побережьи слабые ростки мирной жизни и отношеній. Въ укрѣпленіяхъ появились маркитанты и посредствующіе между горцами и русскими агенты. Впослѣдствіи и сами горцы стали вступать въ торговыя сношенія съ русскими гарнизонами. Въ то же время русское правительство преслѣдовало колонизаціонныя цѣли и прямымъ путемъ заселеній края. Еще до занятія побережья русскими войсками сдѣлана была попытка поселить здѣсь азовскихъ казаковъ. Вскорѣ затѣмъ выработанъ былъ планъ заселенія натухайской части побережья черноморцами. Но начала колонизаціи были заложены малороссійскими казаками въ Анапѣ и въ прианапскихъ станицахъ. Была занята опредѣленная территорія и возведены цѣлыя поселенія, въ сосѣдствѣ съ черноморскими станицами. Зародилась экономическая жизнь и хозяйственныя заботы, хотя населенію и приходилось дѣйствовать все время подъ защитою военныхъ отрядовъ. Въ 1855 г., во время русско-турецкой войны, анапскіе и прианапскіе переселенцы переведены были въ казачьи станицы Черноморіи и Старой Линіи и слились потомъ съ Кубанскимъ казачествомъ.

Такимъ образомъ, къ началу шестидесятыхъ годовъ колонизація казачьимъ населеніемъ сѣверной части Черноморскаго побережья была временно пріостановлена. Значеніе ея для Черноморіи ограничилось лишь тѣмъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Таманскій полуостровъ былъ защищенъ прианапскими станицами со стороны натухайцевъ и что сами анапскіе поселенцы нѣсколько усилили Черноморское войско, поселясь въ его станицахъ. Но то же войско несло значительныя потери въ хозяйствѣ и людяхъ, высылая свои части для занятія и завоеванія Черноморскаго побережья.

Слѣдовательно, попытки военной колонизаціи побережья оплачены были цѣною потерь Черноморскаго войска, а не укрѣпленіемъ экономическаго быта казаковъ. Но это было обычное явленіе завоеванія Западнаго Кавказа въ теченіе всего шестидесятилѣтняго періода. Война и ея невзгоды задержали правильный ростъ казачьей жизни и легли тяжелымъ бременемъ на казачье населеніе.

Но казаки съ честью выполнили свою историческую роль. Они не просто колонизовали, но завоевали и колонизовали Кавказскій край. Это была уже дань казака русскому государству.

ИСТОЧНИКИ И ОБОЗНАЧЕНІЕ СНОСОКЪ ИЗЪ НИХЪ КЪ ТЕКСТУ ИСТОРІИ.

Названія архивовъ	№ №				№ №				№ №			
	Книги	Дѣла или описи	Связки	Страница текста	Книги	Дѣла или описи	Связки	Страница текста	Книги	Дѣла или описи	Связки	Страница текста
Глава I.												
Цен. Владик. Архивъ .	—	12269	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—
Глава II.												
Куб. Арх. Дѣл. В. Пр.	—	174	20	39	—	312	37	39	—	186	21	39
	—	170	20	39	--	312	37	40	—	—	—	—
Куб. Войск. Архивъ	129	570	41	39	110	493	35	39	103	472	33	41
	103	468	33	41	138	607	43	41	138	607	43	42
	138	607	43	43	122	935	39	43	120	530	38	46
	120	530	38	47	125	—	40	47	125	549	40	47
	126	553	40	50	129	571	41	50	129	571	41	51
	129	571	41	52	142	625	45	52	96	442	32	54
К. А. Д. В. Арх. . . .	—	186	21	41	—	359	44	48	—	—	—	—
К. А. Д. В. К. . .	—	492	35	45	—	303	40	47	—	363	44	48
	—	301	37	51	—	381	47	52	—	384	47	53
	—	113	15	56	—	113	15	57	—	284	35	57
	—	284	35	58	—	2280	148	72	—	2437	154	73
	—	2405	152	73	—	—	—	—	—	—	—	—
Жур. В. К. за 1801 г.	—	15	—	56	—	—	—	—	--	—	—	—
Глава III.												
К. А. Д. В. Арх. .	—	945	115	76	—	151	18	78	—	166	2	80
	—	1144	86	93	—	—	—	--	—	—	—	—
К. В. Арх.	96	442	32	79	178	764	56	84	320	1283	94	96
	629	1041	80	96	—	—	—	—	—	—	—	—
К. А. Д. В. К. . .	--	260	32	80	—	50	--	83	—	898	106	88
	—	898	106	89	—	892	105	89	—	1010	125	92
	—	1125	153	96	—	—	—	—	--	—	—	—
Глава IV.												
Куб. Войск. Арх. .	74	377	23	110	88	414	28	111	147	654	47	122
	155	694	50	122	146	646	47	123	146	644	47	123
	167	740	55	128	164	781	53	128	159	714	52	129
	305	1199	90	130	203	840	63	136	203	838	63	137
	218	908	66	138	220	911	67	138	299	934	70	139
	248	966	75	139	258	981	76	139	249	970	75	139
	249	970	75	140	253	981	76	140	629	1044	8	141
	248	966	75	141	292	1050	86	141	282	1095	84	142
	294	1158	—	142	321	1290	94	147	—	—	—	--
Куб. А. Д. В. К. .	—	670	73	132	—	745	85	135	—	713	80	136
	—	758	86	137	—	1108	141	147	—	1290	94	147
	—	2369	274	149	--	647	54	149	—	687	56	150
	—	1746	119	150	—	987	86	150	—	--	—	—
К. А. Д. В, А, ...	—	782	58	133	—	782	58	134	—	1266	94	142
Арх. ген. Попко . . .	—	82, 85, 86	—	142	--	—	—	—	—	—	—	—
К. А. Д. Чер. К. Л. .	—	250	21	138	—	924	110	139	—	—	—	—
К. А. Д. Н. Атам. .	—	1347	97	177	—	1505	107	148	—	1212	107	148
	—	1357	97	148	—	1641	113	148	—	1640	113	149
	—	1641	113	149	—	1982	244	149	—	—	--	—
К. А. Прик. по Чер.	—											
войску за 1833 г. .	--	—	—	148	—	—	—	---	—	—	-	—

Названія архивовъ	№ № Книги	№ № Дѣла или описи	№ № Связки	Страница текста	№ № Книги	№ № Дѣла или описи	№ № Связки	Страница текста	№ № Книги	№ № Дѣла или описи	№ № Связки	Страница текста
к. А. Д. В. Пр. . .	·	1724	145	150	·	1723	145	150	·	1723	145	150
	·	2096	140	150	·	2096	140	151	·	3485	290	151
	·	522	35	151	·	·	·	·	·	·	·	·
Глава V.												
Куб. В. Арх. . . .	88	414	28	152	89	417	28	153	90	412	28	153
	90	914	28	153	90	419	28	154	89	417	28	154
	90	419	28	155	90	419	28	156	122	533	39	157
	97	443	31	157	97	443	31	158	98	446	32	159
	87	417	28	159	98	446	32	159	98	448	32	160
	101	459	32	160	101	458	32	160	89	417	28	160
	101	458	32	160	103	473	33	160	104	477	33	161
	105	484	34	161	105	487	37	162	105	485	37	162
	122	533	39	163	122	533	39	165	141	127	44	172
	141	624	44	173	144	635	·	179	153	688	50	179
	157	697	57	181	163	730	53	182	169	744	54	183
к. А. Д. В. Пр. . . .	·	199	22	159	·	·	·	·	·	·	·	·
Куб. А. Д. В. Арх. . .	·	2128	141	173	·	·	·	·	·	·	·	·
Куб. А. Д. В. к. . . .	·	65	43	175	·	·	·	·	·	·	·	·
Глава VI.												
Ставроп. Арх.	·	55	287	186	·	55	657	202	·	55	347	203
Д. Шт. отд. Кав. корп.	·	11	·	189	·	11	·	192	·	357	·	193
	·	405	·	194	·	300	·	195	·	315	·	195
	·	139	·	196	·	217	·	196	·	11	·	197
	·	2	·	198	·	240	·	199	·	·	·	·
Рап. Гос. Имп. Булгакова за 1809 г. . .	·	·	·	206	·	·	·	·	·	·	·	·
Коп. р. Мен. Гирея за 1809 г.	·	·	·	206	·	·	·	·	·	·	·	·
Коп. р. Булгакова за 1809 г.	·	·	·	206	·	·	·	·	·	·	·	·
Цен. Вл. Арх.	·	8302	·	210	·	·	·	·	·	·	·	·
Глава VII.												
Ставр. Архивъ	·	67	20	227	·	·	·	·	·	·	·	·
Д. Ш. Кавк. Воен. окр	·	1	·	228	·	·	·	·	·	·	·	·
Глава VIII.												
Куб. Войск. Арх. .	177	762	56	231	177	762	56	234	183	783	58	235
	183	783	58	236	183	783	58	238	205	854	63	239
	229	934	70	245	249	767	75	248	267	1032	80	248
	253	931	76	248	253	981	75	248	248	966	75	248
	253	981	76	248	253	1009	77	248	249	968	75	249
	253	981	76	249	261	1015	78	249	253	981	76	250
	149	969	75	250	248	964	75	250	249	970	75	250
	248	964	75	250	258	1009	77	251	248	964	75	251
	264	1029	78	251	629	1043	80	253	269	1044	80	254
	270	1048	80	255	270	1048	80	256	279	1080	83	259
	279	1079	83	259	279	1080	83	260	279	1079	83	260
	280	1118	84	260	279	1080	83	261	289	1113	85	261
	282	1097	84	262	·	·	·	·	·	·	·	·
Глава IX.												
к. А. Д. В. А.	·	342	27	263	·	1294	94	270	·	·	·	·
к. А. Д. Ч. к. Л. .	·	334	27	264	·	366	30	269	·	1315	96	269
	·	1306	108	269	·	1347	97	271	·	·	·	·
к. В. Арх.	301	1178	89	264	282	1097	84	264	301	1178	89	264
	303	1187	90	264	308	1216	91	265	312	1241	92	265
	304	1191	90	266	303	1188	90	266	·	·	·	·
к. А. Д. В. к. . . .	·	316	93	264	·	346	27	266	·	366	30	266
	·	1306	94	267	·	366	30	267		1306	94	268
	·	366	30	268	·	1347	97	272	·	1507	107	273
	·	1372	98	273	·	403	34	273	·	455	38	276

Названія архивовъ	№ №				№ №				№ №			
	Книги	Дѣлаили описи	Связки	Страница текста	Книги	Дѣлаили описи	Связки	Страница текста	Книги	Дѣлаили описи	Связки	Страница текста
К. А. Д. В канц. . .	.	476	40	277	.	475	40	277	.	455	38	277
	.	455	38	278	.	475	40	278	.	475	40	279
	.	492	42	279	.	492	42	280	.	455	38	281
	.	492	42	281	.	630	113	281	.	742	42	282
	.	455	38	282	.	533	45	283	.	533	45	284
	.	545	48	285	.	575	48	286	.	691	56	287
	.	687	56	288	.	691	56	288	.	630	53	289
	.	687	23	289	.	691	56	290	.	649	54	290
	.	1743	119	290	.	630	53	290	.	630	53	291
	.	691	56	291	.	.	.	.	.	.	.	.
Воен. Журн. . . .	.	3307	.	265	.	678	.	265	.	978	.	266
	.	742	.	266	.	.	.	.	.	.	.	.
Рап. г.-м. Заводовскаго	.	434	27	265	.	.	.	.	.	.	.	.
Рап. г. Малин. Вельям.	.	.	.	272	.	.	.	.	.	.	.	.
Д. Чер. Бер. Линіи. Рап.	.	508	.	275	.	1104	.	275	.	480	.	276
	.	494	.	276	.	533	.	277	.	.	.	.
Д. Шт. отд. Кавк. корп.	.	31	.	286	.	12	.	286	.	.	.	.
Глава X.												
Куб. Войск. Арх. . . .	258	1005	77	296	3	415	36	308	.	.	.	.
К. А. Д. В. А.	.	284	19	298	.	.	.	.	.	.	.	.
Ставр. Архивъ	.	335	27	298	.	.	.	.	.	.	.	.
Куб. А. Д. Чер. К. л.	.	334	27	299	.	998	.	302	.	1115	.	304
	.	370	30	304	.	357	29	304	.	357	29	305
	.	351	29	305	.	370	30	307	.	356	29	307
	.	382	33	308	.	5	1	310	.	6	1	310
	.	6	1	311	.	.	.	.	.	.	.	.
Глава XI.												
К. А. Д. Чер. Кор. л. .	.	379	32	313	.	370	30	321	.	859	34	324
Д. Упр. Чер. Бер. л.	.	28	1	325	.	831	65	326	.	859	34	327
	.	4	1	328	.	28	1	329	.	50	2	330
	.	169	6	330	.	169	6	331	.	.	.	.
Глава XII.												
Одесскій Архивъ . .	.	7	.	333	.	7	.	334	.	7	.	336
	.	7	.	337	.	7	.	338	.	6	.	338
	.	6	.	339	.	6	.	340	.	6	.	341
	.	6	.	342	.	5	.	342	.	5	.	343
	.	5	.	344	.	6	.	344	.	7	.	344
	.	5	.	346	.	5	.	347	.	7	.	348
	.	7	.	349	.	7	.	350	.	.	.	.
Куб. В. А.	255	985	76	333	.	.	.	.	.	.	.	.
К. А. Д. Нак. Атам. .	.	1073	.	355	.	1308	95	345	.	.	.	.
Куб. Арх. Д. В. К. . .	.	349	28	344	.	415	36	345	.	.	.	.
Куб. Арх. Д. В. Прав	.	1308	95	344	.	.	.	.	.	.	.	.
К. А. Д. Ч. Кор. л. . .	.	448	38	346	.	555	20	352	.	.	.	.
Глава XIII.												
К. А. Д. Чер. К. л. .	.	374	31	353	.	374	31	354	.	374	31	355
	.	382	33	355	.	417	36	355	.	499	38	355
	.	439	38	356	.	492	42	359	.	.	.	.
Д. Упр. Чер. Бер. л.	.	258	8	361	.	2	47	362	.	84	3	368
	.	258	8	369	.	258	8	371	.	719	45	372
	.	719	45	373	.	719	45	374	.	853	67	374
	.	493	21	377	.	493	21	378	.	859	34	378
	.	859	34	379	.	859	34	380	.	859	34	381
К. А. Д. К. В. А. . . .		84	3	363	.	84	3	365	.	.	.	.
Д. Шт. Отд Кавк. к.	.	31	.	363	.	12	.	365	.	13	.	365
	.	96	.	365	.	.	.	.	.	.	.	.
Цент. Вл. Арх.	.	10151	.	364	.	.	.	.	.	.	.	.

Названія архивовъ	№ № Книги	Дѣла или описи	Связки	Страница текста	№ № Книги	Дѣла или описи	Связки	Страница текста	№ № Книги	Дѣла или описи	Связки	Страница текста
Журн.[1]) В. Прав. за апр. 1829 г.	.	.	.	392	.	.	.	.	.	.	.	.
Журн. В. Дежур. за 1829 г.	.	.	.	393	.	.	.	.	.	.	.	.
К. А. Д. В. А.	.	379	32	405	.	.	.	.	.	.	.	.
Рап. Засса Вел. за 1834 г.	.	.	.	406	.	.	.	407	.	.	.	408
Рап. ат. с. Усть-Л Косякину за 1836 г. . .	.	.	.	410	.	.	.	.	.	.	.	.
Рап. г. Засса г. Емануелю за 1837 г. .	.	.	.	411	.	.	.	.	.	.	.	.
Рап. г. Засса г. Грабе за 1838 г.	.	.	.	411	.	.	.	.	.	.	.	.
Глава XV.												
Куб. Арх. Д. В. К. . .	.	1075	136	414	.	.	.	.	.	.	.	.
Куб. Арх. Д. В. А. .	.	1	1	420	.	1	1	421	.	4	1	422
	.	4	1	423	.	9	1	424	.	1	1	428
	.	3451	195	437	.	3350	279	438	.	.	.	.
Ст. Арх.	.	38	.	424	.	10	.	425	.	57	.	425
	.	107	.	434	.	105	.	434	.	35	.	435
Цент. Вл. Арх.	.	10175	2	427	.	.	.	.	.	.	.	.
Глава XVI.												
Куб. Арх. Д. В. К. .	.	666	54	409	.	709	57	439	.	708	57	439
	.	708	57	440	.	687	56	440	.	55	57	442
	.	709	57	442	.	709	57	443	.	2454	145	444
Куб. Арх. Д. В. П.	.	754	60	445	.	719	45	446	.	719	45	447
	.	973	73	453	.	576	23	455	.	.	.	.
Обз. воен. Пр. на К. л.	.	583	.	449	.	.	.	.	.	.	.	.
К. А. Жур. Воен. д. за 1848 г.	.	.	.	453	.	.	.	454	.	.	.	.
Жур. воен. д. за 1849 г.	.	.	.	456	.	.	.	.	.	.	.	.
Жур. воен. д. за 1856 г.	.	.	.	464	.	.	.	.	.	.	.	.
Пр. г. Рашп. 17 сент. за 1849 г.	.	.	.	456	.	.	.	.	.	.	.	.
Куб. А, Д. Ч. К. л. .	.	3260	91	457	.	1332	98	458	.	1349	99	458
	.	1349	99	459	.	1504	108	460	.	813	88	460
	.	850	91	462	.	1733	120	464	.	.	.	.
Цент. Вл. Арх. . . .		12269	.	461	.	.	.	.	.	.	.	.
Глава XVII.												
Куб. Арх. Д. В. Арх.	.	1	1	465	.	1	1	466	.	1	1	467
	.	1	1	469	.	2	1	469	.	194	50	469
	.	1	1	471	.	493	21	477	.	.	.	.
Жур. В. К. за 1843 г.	.	.	.	475	.	.	.	.	.	.	.	.
Жур. В. Д. за 1851 г.	.	.	.	482	.	.	.	.	.	.	.	.
Кр. Об. Чер. кар. лип.	.	719	45	476	.	.	.	.	.	.	.	.
Цент. Вл. Арх.	.	11660	.	480	.	.	.	.	.	.	.	.
Глава XVIII.												
Куб. Арх. Д, В. К. . .	.	1290	94	490	.	.	.	.	.	.	.	.
Куб. В. Арх.	321	1290	94	490	.	.	.	.	.	.	.	.
Куб. Арх. Д. В. Пр. .	.	1441	122	491	.	.	.	.	.	.	.	.
Глава XIX.												
Центр. Влад. Арх. . .	.	12381	.	508	.	.	.	.	.	.	.	.
К. А. Д. В. А. . . .	.	1747	121	509	.	1746	121	510	.	870	93	510
	.	2256	147	511	.	2256	147	512	.	2290	148	512
	.	1729	120	513	.	1733	120	513	.	1733	120	514
	.	1733	120	515	.	870	93	515	.	394	26	515

[1]) Весь предшествующій фактическій матеріалъ взятъ изъ этого журнала за разные годы.

Названія архивовъ	№№ Книги	№№ Дѣла или описи	№№ Связки	Страница текста	№№ Книги	№№ Дѣла или описи	№№ Связки	Страница текста	№№ Книги	№№ Дѣла или описи	№№ Связки	Страница текста
Глава XX.												
Куб. Войск. Арх.	271	1152	81	522	283	1103	88	525	283	1103	84	525
	177	762	56	533	.	.	.	.	.	.	.	.
Куб. Арх. Д. В. К.	.	1631	208	526	.	2126	256	528	.	1725	118	528
	.	2407	275	529	.	.	.	.	.	.	.	.
Глава XXI.												
Куб. Войск. Арх.	148	661	48	534	.	.	.	.	.	.	.	.
Куб. Арх. Д. В. Пр.	.	706	78	534	.	2020	134	541	.	.	.	.
Д. Чер. К. Л.	.	1353	97	525	.	1508	108	540	.	1508	108	544
Жур. в. д. на Чер. поб. за 1839 г.	.	.	.	535	.	.	.	537	.	.	.	.
Д. Чер. Бер. л.	.	208	8	538	.	.	.	.	.	.	.	.
Рап. 27 января 1837 г.	.	.	.	537	.	.	.	.	.	.	.	.
Глава XXII.												
Куб. Войск. Арх.	233	942	71	557	266	1031	79	559	309	1227	91	562
В. Ар. Д. В. Деж.	.	17	2	561	.	.	.	.	.	.	.	.
К. А. Д. Чер. Кор. л.	.	534	45	564	.	706	57	566	.	731	65	567
	.	996	75	568	.	996	75	569	.	996	75	570
	.	801	48	571	.	801	48	572	.	915	53	572
	.	2227	139	579	.	.	.	.	.	.	.	.
Цент. Влад. Арх.	.	9095	.	565	.	11334	.	572	.	10876	.	573
	.	11323	.	573	.	12210	.	575	.	.	.	.
Куб. Арх. Д. В. А.	.	1118	15	575	.	1118	15	577	.	.	.	.
Глава XXIII.												
Куб. Арх. Д. В. Арх.	.	83	10	582	.	71	4	587	.	99	9	587
	.	25	6	588	.	237	15	589	.	138	8	589
	.	5	1	590	.	274	18	590	.	2104	26	592
	.	406	28	595	.	1922	84	596	.	721	45	596
	.	726	45	597	.	726	45	598	.	721	45	599
	.	726	45	601	.	141	50	601	.	801	48	601
	.	2032	136	603	.	2032	136	604	.	188	10	605
	.	198	10	606	.	188	10	607	.	1248	80	607
	.	96	5	587	.	35	2	587	.	.	.	.
Ст. Арх.	.	307	1	582	.	307	1	588	.	307	1	589
Куб. В. Арх.	135	194	17	582	127	551	40	584	236	945	72	589
	256	993	77	589	252	977	76	589	199	829	.	589
	316	125	93	591	228	933	69	591	168	844	54	587
Цент. Вл. Арх.	.	8006	.	585	.	9020	.	587	.	10881	.	595
	.	10876	.	596	.	.	.	.	.	.	.	.
	.	11155	.	602	.	11204	.	602	.	10876	.	602
	.	11733	.	604	.	11708	.	604	.	11681	.	605
	.	11733	.	605	.	11804	.	606	.	11733	.	606
Куб. Арх. Д. Н. Атам.	.	11737	118	594	.	.	.	.	.	.	.	.
К. А. Д. Чер. К. л.	.	721	45	597	.	21	24	597	.	721	75	597
	.	726	45	600	.	21	24	600	.	801	48	601
Глава XXIV.												
Куб. Арх. Д. В. А.	.	109	15	608	.	583	42	610	.	179	22	610
	.	138	8	613	.	1533	108	618	.	.	.	.
К. А. Д. В. к.	.	197	22	610	.	706	57	619	.	1362	97	623
Куб. В. Арх.	281	1083	83	614	204	1154	86	614	320	1283	94	616
	281	1083	83	617	.	.	.	.	.	.	.	.
К. А. Д. Чер. Куб. л.	.	346	27	616	.	366	30	616	.	1437	101	617
	.	1507	107	617	.	1898	126	619	.	998	74	620
	.	1966	131	620	.	1966	131	621	.	2007	133	621
	.	2228	139	623	.	.	.	.	.	.	.	.
Куб. Арх. Д, В. Пр.	.	1372	98	618	.	1785	121	618	.	1772	120	618
	.	1790	121	618	.	.	.	.	.	.	.	.
Цент. Вл. Арх.	.	11294	.	620	.	.	.	.	.	.	.	.
К. А. Д. В. Деж.	.	3443	287	622	.	2663	147	622	.	.	.	.
К. А. Д. Н. Ат.	.	2234	148	622	.	.	.	.	.	.	.	.

Названія архивовъ	№ №			Страница текста	№ №			Страница текста	№ №			Страница текста
	Книги	Дѣла или описи	Связки		Книги	Дѣла или описи	Связки		Книги	Дѣла или описи	Связки	
Глава XXV.												
Куб. Арх. Д. В. Арх.	.	130	17	625	.	195	22	625	.	994	123	635
	.	1641	145	638	.	1778	221	638	.	.	.	.
Куб. В. Арх.	96	441	30	626	187	797	59	633	.	.	.	.
К. А. Д. В. К. . . .	.	335	40	628	.	332	40	628	.	311	37	629
	.	311	37	630	.	1124	142	632	.	1106	140	636
	.	1963	24	636	.	2704	152	638	.	2286	148	639
	.	1794	52	639	.	2404	152	639	.	.	.	.
Арх. г. Попко	.	176	.	634	.	1	.	637	.	.	.	.
Цент. Вл. Арх.	.	4815	.	635	.	4815	.	636	.	.	.	.
Куб. Арх. Д. Н. Ат. .	.	2404	152	639	.	.	.	.	.	.	.	.
Глава XXVI.												
Куб. Арх. Д. В. к. .	.	321	38	640	.	558	59	641	.	558	59	642
	.	1823	192	645	.	194	127	645	.	2098	140	645
	.	434	29	645	.	170	16	646	.	1387	98	647
	.	1106	140	647	.	516	57	650	.	516	57	651
	.	611	67	656	.	689	77	656	.	1600	25	661
Куб. В. Арх. . . .	165	114	8	647	144	636	.	648	160	724	.	649
	173	754	55	649	176	761	56	649	196	821	61	649
	148	663	48	650	158	708	51	651	167	739	53	651
	196	821	61	652	174	756	55	655	202	834	6	657
Арх. г. Попки	.	350	.	649	.	.	.	.	.	.	.	.
Куб. Арх. Д. В. Деж. .	.	474	49	650	.	.	.	.	.	.	.	.
К. А. Д. В. А.	.	950	115	653	.	1902	126	662	.	.	.	.
К. А. Д. Н. Ат. . .	.	1425	101	658	.	1425	101	659	.	1425	101	660
	.	283	174	663	.	.	.	.	.	.	.	.
К. А. Д. Вр. Упр. . .	.	807	33	663	.	.	.	.	.	.	.	.
Глава XXVII.												
Куб. Арх. Д. В. Пр.	.	116	15	665	.	.	.	.	.	.	.	.
Куб. Арх. Д. В. Деж. .	.	2104	140	630	.	.	.	.	.	.	.	.
Куб. Арх. Д. В. Кан. .	.	2470	275	671	.	1388	98	672	.	587	59	675
Куб. Арх. Д. В. Арх.	.	247	13	672	.	612	67	672	.	2473	210	673
	.	1944	129	673	.	1460	105	674		.	.	.
Ставр. Арх.	.	294 и 340	.	672	.	.	.	.	.	.	.	.
Глава XXVIII.												
К. А. Д. В. А.	.	23	20	678	.	.	.	.	.	.	.	.
Куб. В. Арх.	107	488	34	686	.	.	.	.	.	.	.	.
Арх. ст. Медв. за 1850 г.	.	.	.	686	.	.	.	.	.	.	.	.
Глава XXIX.												
Куб. Арх. Д. В. к. .	.	1432	191	689	.	986	122	690	.	1432	191	690
	.	2873	295	690	.	588	59	691	.	2002	133	692
	.	260	33	698	.	1344	178	701	.	1861	124	702
	.	1874	125	702	.	1861	124	703	.	1926	239	703
	.	1861	124	704	.	1470	194	705	.	1344	178	705
	.	787	85	705	.	.	.	.	.	.	.	.
К. А. Д. В. Деж. . . .	.	474	32	691	.	.	.	.	.	.	.	.
К. А. Д. В. Пр. . . .	.	2873	295	692	.	2002	133	692	.	150	32	695
К. А. Д. Н. Ат.	.	2201	144	693	.	.	.	.	.	.	.	.
Ставроп. Арх.	.	59	.	694	.	.	.	.	.	.	.	.
Куб. В. А.	204	844	63	697	.	.	.	.	.	.	.	.
К. А. Д. В. А.	.	1446	102	698	.	.	.	.	.	.	.	.
Глава XXX.												
Куб. В. Арх.	126	554	40	708	.	.	.	.	.	.	.	.
К. А. Д. В. К.	.	217	26	708	.	1492	197	708	.	553	59	709
К. А. Д. В. Пр.	.	1111	15	711	.	1583	202	712	.	.	.	.
Глава XXXI.												
Куб. В. Арх	129	568	41	714	90	414	28	718	88	414	28	718
	88	414	28	719	96	441	36	719	102	466	33	720
	10	493	35	721	145	638	46	721	264	1030	78	721
	254	183	96	721	204	849	63	728	.	.	.	.
К. Арх. Д. В. К. . . .	.	528	88	715	.	1450	102	715	.	2092	40	724

Названія архивовъ	№№				№№				№№			
	Книги	Дѣла или описи	Связки	Страница текста	Книги	Дѣла или описи	Связки	Страница текста	Книги	Дѣла или описи	Связки	Страница текста
Куб. Арх. Д. В. к.	.	2200	44	724	. .	2250	189	723	.	2939	145	724
	.	2475	75	726	.	.	.	.	.	.	.	.
Куб. А. Д. В. П. . . .	.	528	58	715	.	16048	123	717	.	.	.	.
Куб. Арх. Д. В. А. . .	.	316	93	716	.	2116	171	728	.	2445	155	729
Куб. А. Д. Н. Ат. . . .	.	1474	105	716	.	.	.	.	.	.	.	.
Глава XXXII.												
Куб. В. Арх. . . .	110	495	35	731	151	674	49	731	129	568	41	731
	135	594	43	731	135	594	43	732	29	571	41	732
	.	782	58	732	219	909	66	732	218	908	66	733
	71	941	72	733	299	1171	87	735	287	1121	33	735
	299	1170	86	735	300	1173	89	735	306	1203	90	735
	244	960	74	737	.	.	.	.	.	.	.	.
Куб. Арх. Д. В. к. .	.	932	111	734	.	1019	127	734	.	985	122	734
	.	1031	128	734	.	1045	129	734	.	782	55	736
	.	1196	153	736	.	960	74	736	.	2013	245	735
	.	2260	147	742	.	2287	148	742	.	.	.	.
Куб. Арх. Д. В. Упр.	.	15	1	736	.	284	10	739	.	310	11	739
	.	347	14	739	.	347	14	740	.	1119	51	740
	.	415	17	740	.	489	20	740	.	167	6	741
	.	512	21	741	.	558	23	742	.	1169	17	742
К. А. Инсп. Ж. за 1835 г.	.	.	.	738	.	.	.	.	.	.	.	.
Глава XXXIII.												
К. Арх. Д. В. Арх. .	.	20	2	744	.	842	99	754	.	1384	183	756
	.	1020	127	756	.	384	183	758	.	1664	209	758
	.	1664	209	759	.	1622	228	759	.	1020	127	759
	.	1393	184	759	.	1393	184	760	.	1384	183	760
	.	1870	125	761	.	382	16	761	.	1959	131	761
Куб. В. Арх.	112	501	36	744	167	741	53	749	157	703	51	749
	173	751	55	751	179	771	57	754	261	1017	78	754
	629	1040	80	755	.	.	.	.	.	.	.	.
К. А. Д. В. Пр . . .	.	587	63	747	.	587	63	748	.	598	66	753
	.	1020	127	754	.	.	.	.	.	.	.	.
Старощ. ст. а. за 1843 г.	.	.	.	760	.	.	.	.	.	.	.	.
Ставр. Арх.	.	101	9	762	.	138	142	768	.	.	.	.
Центр. Влад. Арх. . .	.	8	.	768	.	.	.	.	.	.	.	.
Куб. Арх. Д. В. к. .	.	1384	183	757	.	.	.	.	.	.	.	.
Глава XXXIV.												
Церков. Арх. Чер. в. .	.	1385	.	770	.	4898	.	770	.	4837	.	773
	.	4801	.	774	.	5954	.	775	.	5930	.	775
К. В. Арх.	201	832	62	772	.	.	.	.	.	.	.	.
Цент. Вл. Арх.	.	4837	.	774	.	.	.	.	.	.	.	.
Куб. Арх. Д. В. Кан.	.	502	56	781	.	562	60	783	.	562	50	783
	.	1545	109	784	.	1501	198	784	.	1767	221	784
Куб. Арх. Д. В. Пр. .	.	478	54	783	.	.	.	.	.	.	.	.
Глава XXXV.												
К. А. Д. В. А.	.	949	115	788	.	.	.	.	.	.	.	.
К. Арх. Д. В. Пр. . . .	.	151	18	789	.	2534	280	807	.	.	.	.
К. В. А.	156	694	50	790	64	721	53	790	231	940	71	794
	139	622	44	800	286	1117	84	801	155	649	50	805
	165	731	53	807	265	1031	79	807	265	1031	79	808
К. Арх. Д. В. к. . .	.	649	71	791	.	160	71	893	.	553	60	802
	.	138	13	802	.	1668	210	803	.	.	.	.
Новодер. ст. Арх. Пр.	.	.	.	797	.	.	.	.	.	.	.	.
Цент. Влад. Арх. . . .	.	4007	.	798	.	6599	.	799	.	6613	.	799
Глава XXXVI.												
Куб. В. Арх.	203	842	63	809	165	731	53	812	.	.	.	.
К. Арх. Д. В. К. . .	.	2576	215	809	.	149	106	814	.	5252	247	820
	.	5252	247	821	. .	.	.	.	.	.	.	.
К. А. Д. Н. А.	.	2234	148	810	.	.	.	.	.	.	.	.
К. Арх. Д. В. Пр. . .	.	7	2	811	.	.	.	.	.	.	.	.
Старощерб. ст. Арх. .	.	909	1и2	815	.	249	1	816	.	.	.	.

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Названія источниковъ	Страницы		Страницы		Страницы		Страницы	
	Источниковъ	Ист. Куб. каз. войска	Источниковъ	Ист. Куб. каз. войска	Источниковъ	Ист. Куб. каз. войска	Источниковъ	Ист. Куб. каз. войска
Глава I.								
И. Д. Попко Черн. казаки .	161	1	158	2	162	3	. .	.
П. К. Усларъ. Сб. св. о Кав. гор. вып. X.	330	4	275	4	. .	.	. .	.
Ш. Ногмовъ. Ист. адых. нар.	18	8	. .	.	. .	.	. .	.
Пр. Леонтовичъ. Адаты Кав. г. В. I.	115	8	160	9	161	15	119	22
	118—127	23	184—187	23	133	24	175	28
	169 и 170	34	171	34	201	35	. .	.
Е. Д. Фелицынъ. Чер. адиг.	5—19	13	. .	.	. .	.	. .	.
Живоп. Россія Т.. IX. Ст. А. Берже.	70 и 71	13	191	25	74	26	74	27
	74	29	75	31	78	33	71	15
Кав. Сб. Т., XXX. Изд. 1910 г.	. .	15	. .	.	. .	.	. .	.
Глава II.								
А. А. Скальковскій. Хр. об. Нов. края ч. I.	224 и 225	44	. .	.	. .	.	. .	.
I. Бентковскій. Зас. Черн. въ 1792—1825 г.	57—65	49	69	53	76 и 77	53	76 и 77	54
Пам. книж. Куб. обл. за 1881 г.	109—111	68	114—125	71	. .	.	. .	.
Записки Ермолова, изд. 1868 г.	126 и 127	63	. .	.	. .	.	. .	.
Глава V.								
П. П. Короленко. Черноморцы	120—124	154	121	155	123	157	124 и 125	157
	127 и 128	158	130	159	129 и 130	159	133 и 134	162
	139	163	141 и 142	165	143 и 144	167	149—151	170
	152—154	172	154	173	155—157	174	158	175
	159	176	161	177	160	178	163	180
Глава VI.								
Куб. Сборн. Т. III. Ст. Дм. Успенскаго	209—214	188	. .	.	. .	.	. .	.
Куб. Сб. т. III. Ст. Е. Д. Фелицына.	1 и 2	191	3, 7 и 10	191	11—14	192	15, 17, 23, 24	192
	28—21	194	14	200	21	203	. .	.
Куб. Сб. т. IV Ст. А. Ламанова	6	199	4 и 10	202	. .	.	. .	.
Куб. Сб, т. III Ст. Могилевцева	13	200	9	206	. .	.	. .	.
I. Дебу О Кав. линіи . . .	75 и 76	197	69 и 76	199	69 и 76	201	. .	.
В. Толстовъ. Ист. Хоп. полка т. I.	151 и 152	204	153	204	158	205	159 и 160	206
	159—163	208	. .	.	. .	.	. .	.
Глава VII.								
В. Толстовъ. Ист. Хоп. полка. Прил.	1	212	13—16	216	23	219	. .	.
В. Толсовъ. Ист. Хоп. полка т. I.	5—25	214	9 и 10	215	29 и 30	215	84 и 85	223
	79	224	80	226	. .	.	. .	.
И. С. равцовъ. Хоп. казаки	8 и 9	212	30	219	64—67	223	63, 67, 80	225
И. И. Дмитренко. Сб. ист. мат. т. I	323 326	216	332—334	216	. .	.	. .	—
Глава VIII.								
П. П. Короленко. Черноморцы	177 и 178	239	179—181	240	185 и 186	244	186	245
	188	247	193	251	201—203	258	205	262
Записки Ермолова. 1816—1827 г. Ч II.	. .	245	. .	.	. .	.	. .	.
Глава X.								
Лукьяновичъ. Оп. тур. в. 1828 и 1829 г. ч. I. . . .	. .	297	. .	.	. .	.	. .	.
Глава XIV.								
В. Толстовъ. Ист. Хоп. п. т. I.	200—204	387	192 и 193	389	219—224	396	242 и 225	398
	236—241	404	247	408	248—250	409	253	412

Названія источниковъ	Страницы		Страницы		Страницы		Страницы	
	Источниковъ	Ист. Куб. каз. войска	Источниковъ	Ист. Куб. каз. войска	Источниковъ	Ист. Куб. каз. войска	Источниковъ	Ист. Куб. каз. войска
Глава XV.								
В. Толстовъ. Ист. Хоп. казаковъ т. I	176—181	413	. .	.	. .	.	. .	.
Зап. Евдок. 13 нояб. 1855 г.	. .	425	. .	.	. .	.	. .	.
Глава XVII.								
В. Толстовъ. Ист. Хоп. полк. (	9 и 10	470	51—55	480	58 и 59	483	60—65	484
т. II. (	274 и 275	484	104—108	485	276—279	486	113—116	486
В. Толстовъ. Ист. Хоп. полк. т. I.	267 и 268	471	269—270	479	48—51	479	279—284	487
Глава XVIII.								
И. Д. Попко. Чер. козаки .	242—244	497	99—101	502	. .	.	. .	.
Ф. Щербина. Ист. оч. чер. каз. войска	115—118	499	. .	.	. .	.	. .	.
Глава XXI.								
Е. Д. Фелицынъ, Кн. Сеферъ-Бей	14—33	537	. .	.	. .	.	. .	.
Глава XXIII.								
Полн. Собр. закон. 1808 г, томъ XXX	533	585	. .	.	. .	.	. .	.
Акт. Кавк. Археогр. Ком., томъ VIII	638	592	554	593	96	593	556	593
Акт. Кавк. Арх. Ком., т. IV	557	594	. .	.	. .	.	. .	.
Ак. К. Ар. К. т. IX	489	594	496	594	507	594	. .	.
Глава XXVII.								
И. Д. Попко. Чер. козаки .	81 и 82	669	. .	.	. .	.	. .	.
Глава XXXIII.								
В. А. Щербина. М. для ист. об. на С. К.	19 и 20	751	. .	766	. .	.	. .	.
Акты К. Арх. Ком. т. VI . .	660	752	. .	.	. .	.	. .	.
Ив. Д. Попка. Черн. козаки	151 и 157	762	146	762	. .	.	. .	.
Куб. Сб. Ст. А. Д. Ламанова т. XV	389 и 390	768	. .	.	. .	.	. .	.
В. Толстовъ. Ист. Хоп. пол. томъ II.	41	768	. .	.	. .	.	. .	.
Глава XXXIV.								
Ив. Д. Попко. Чер. козаки .	173—177	786	. .	.	. .	.	. .	.
Глава XXXVI.								
В. Толстовъ. Ист. Хоп. пол. томъ I.	264—266	815	. .	.	. .	.	. .	.
Глава XXXVII.								
В. Толстовъ. Ист. Хоп. пол. томъ I.	141	826	. .	.	. .	.	. .	.
Куб. Сб. томъ XXX.	43 и 9	826	43 и 9	827	. .	.	. .	.

Кубанскія	Областныя	Вѣдомости	за	1866	годъ	№	43 и 44	Страница	книги	17
„	„	„	„	„	„	„	„ „ „	„	„	27
„	„	„	„	1867	„	„	27	„	„	9
„	„	„	„	„	„	„	15—17	„	„	11
„	„	„	„	„	„	„	17	„	„	16
„	„	„	„	„	„	„	5	„	„	18
„	„	„	„	„	„	„	14	„	„	19
„	„	„	„	„	„	„	49	„	„	20
„	„	„	„	„	„	„	15 и 17	„	„	25
„	„	„	„	1869	„	„	36 и 37	„	„	27 и 27
„	„	„	„	1868	„	„	18	„	„	429

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РИСУНКИ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

НАПЕЧАТАНО:	Слѣдовало напечатать:	Страница	Строка
ясверъ	ясырь	25	6, 9, 10 сверху
тмръ жѣ	тотъ же	47	6 сверху
1909	1809	52	22 ,,
415.349	41534 д.	53	23 снизу
судовыя	суровыя	75	2 ,,
въ курень	въ курьезы	98	9 сверху
штаба	штата	103	17 снизу
омрачить	отразить	151	15 ,,
какъ въ	какъ бы въ	151	12 ,,
кордонъ	курень	155	4 сверху
Александринскаго	Александровскаго	175	12 ,,
годы продолжали	годы горцы продолжали	206	21 снизу
вошли	вышли	233	17 ,,
Александрійскаго	Александровскаго	235	11 ,,
грознаго	грязнаго	238	3 сверху
горцами на	горцами. На	248	9 ,,
ихъ	изъ	296	4 снизу
Такъ	Такъ какъ	303	12 ,,
генералъ	гаремъ	322	15 ,,
условія	усилія	341	7 сверху
укрѣпленіемъ	прикрытіемъ	355	4 ,,
полковникъ	маіоръ	469	9 ,,
Ставропольской	Вознесенской	469	16 снизу
казака	князя	487	5 сверху
брата	на брата	496	2 ,,
1843	1848	541	21 ,,
нужныхъ	пушныхъ	604	13 ,,
1736	1836	618	4 ,,
соли	хлѣба	726	6 снизу
ревизіоннымъ	дивизіоннымъ	733	13 ,,
чтобы возить	чтобы не возить	735	4 сверху
мѣстномъ	лѣсномъ	762	22 ,,

ОБЛАСТЬ ВОЙСКА ДОНСКАГО
ВОЕННОИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТА
Кубанской области
за время съ 1800 по 1860 г.
МАСШТАБЪ
въ Англійскомъ дюймѣ 36 верстъ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Степь кочующихъ Ногайцевъ
Ейскъ
Екатеринодаръ
Ставрополь
Керчь
Таманская
Анапа
Новороссійскъ
Геленджикъ
Адлеръ
Гагры
Пицунда
Условные знаки:
Городъ
Станица
Крѣпость, укрѣпленіе и батарея
Постъ или кордонъ
Границы области
Границы казачьихъ и горскихъ земель
Черноморія
Старая Линія
Новая Линія и Ногайцы
Черкесы или Адиге:
I Натухайцы
II Большой Шапсугъ
III Малый Шапсугъ
IV Абадзехи
V Бжедухи Хамышеевцы
VI Бжедухи Черченеевцы
VII Хатукаевцы
VIII Темиргоевцы
IX Мамхятовцы
X Егерукаевцы
XI Махошевцы
XII Бесленеевцы
XIII Убыхи
XIV Хакучи
Абазинцы или Абаза:
1 Абазинцы
2 Башилбаевцы
3 Тамовцы
4 Кизильбековцы
5 Баракаевцы
6 Баговцы
7 Шагиреевцы
8 Ахчипсоу
9 Анбга
10 Джигеты
11 Псху
Карачаевцы

488

